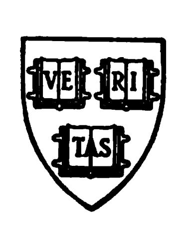
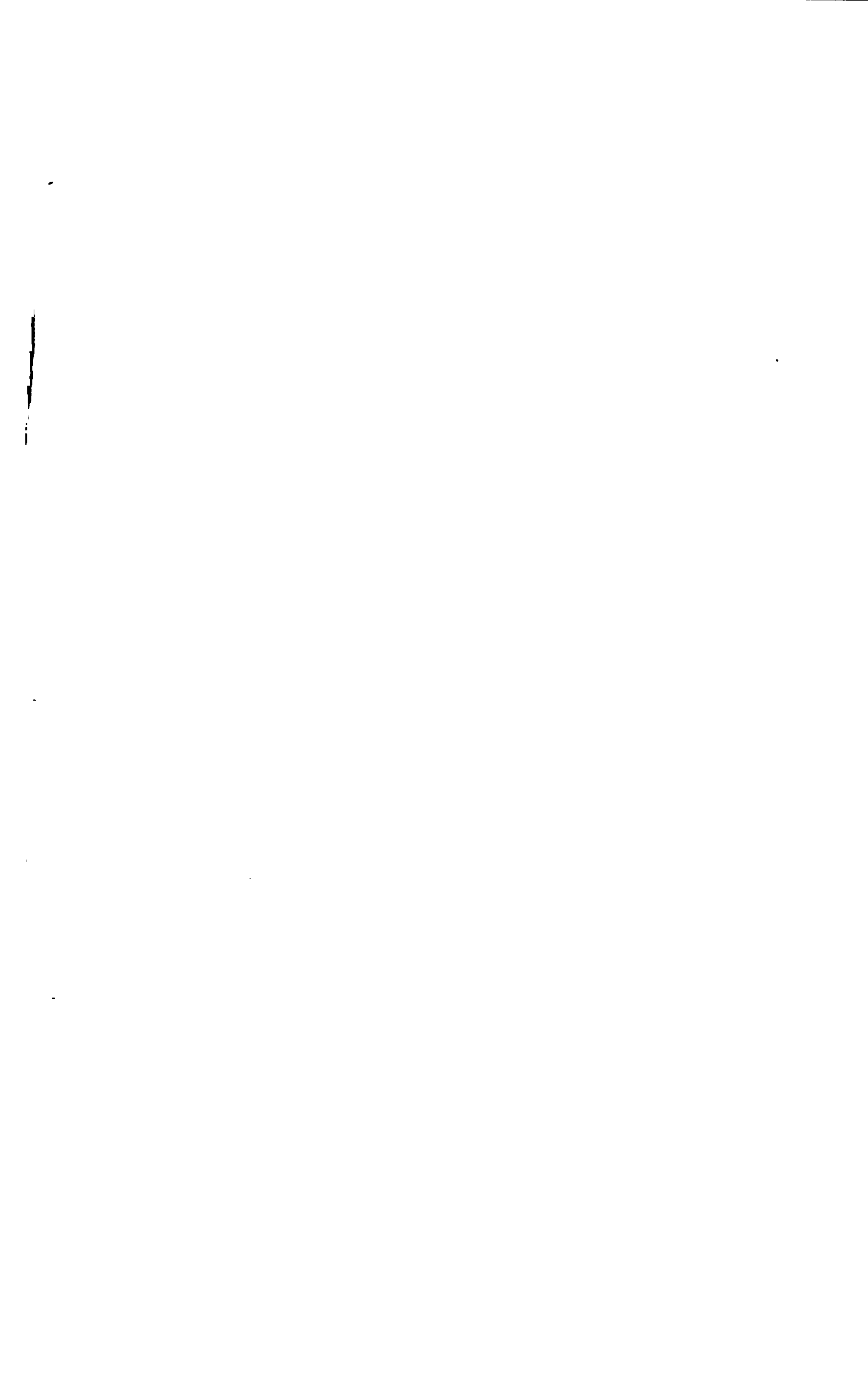
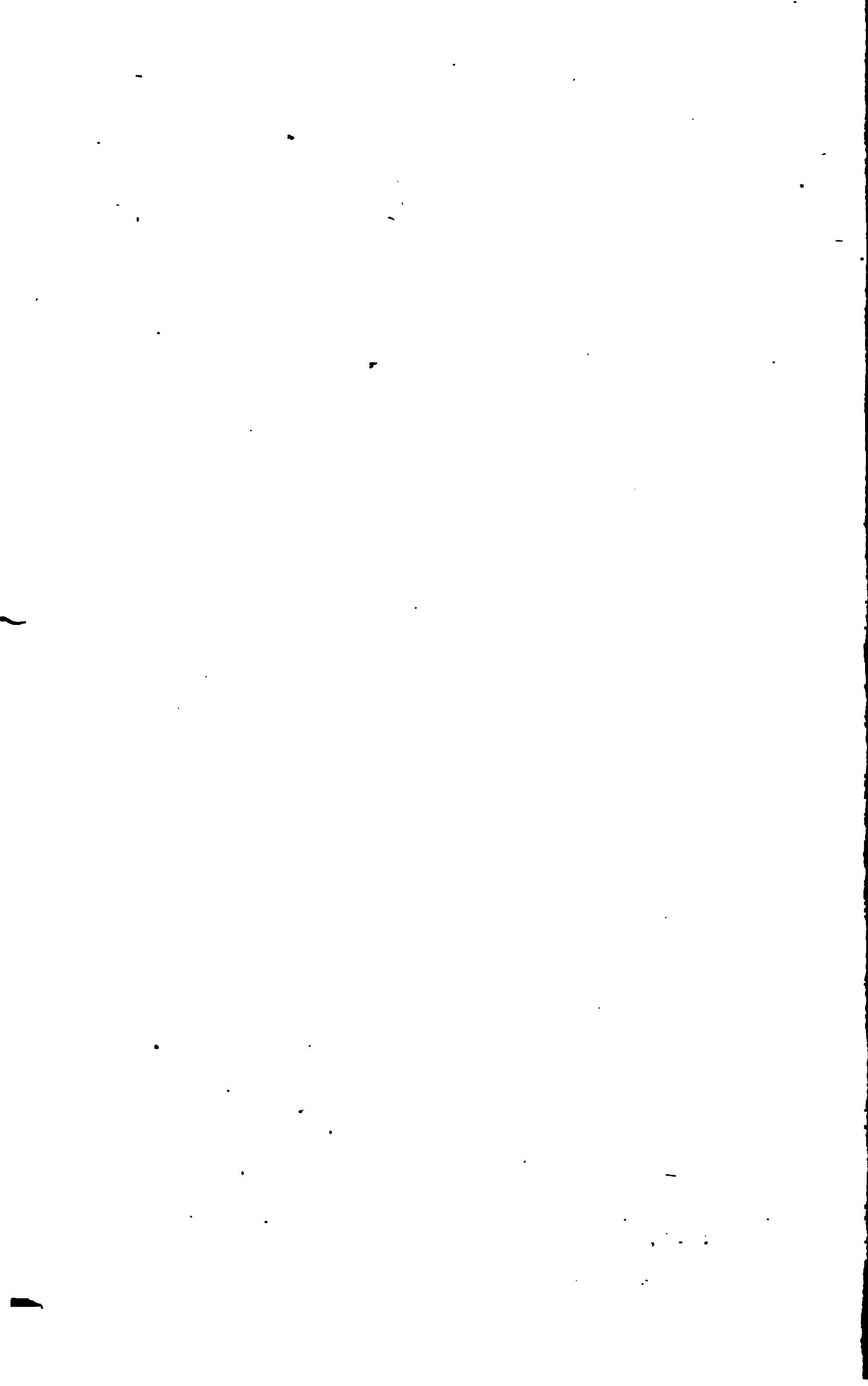

VE RI
TAS



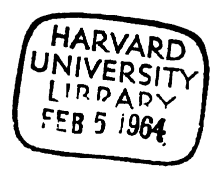
СОВРЕМЕННИКЪ



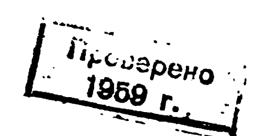
СОВРЕМЕННИКЪ

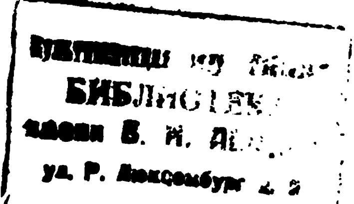
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ



ТОМЪ LXIV





САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ

1857

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Іюня 30 дня 1857 года.

Цензоръ *П. Новосильскій.*

РАЗСКАЗЫ БЫВАЛАГО.

VI.

БЕЗСМѢННЫЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ.

Въ одной изъ нашихъ среднихъ губерній былъ богатый помѣщикъ, губернскій секретарь Иванъ Николаичъ Бубликовъ.

Необходимую приставку къ имени и фамиліи, то есть чинъ, Иванъ Николаичъ получилъ за службу въ Дворянскомъ депутатскомъ собраніи, гдѣ о почеркѣ многихъ чиновниковъ можно было судить только по подписямъ на прошеніяхъ, подаваемыхъ при поступленіи. Конечно такъ было прежде, теперь совсѣмъ не то.

Иванъ Николаичъ былъ большой почитатель деревенской жизни, и всего одинъ разъ ѣздилъ въ Москву, и Москва ему не понравилась.

Въ деревнѣ у него были и псарня, и музыка, пѣсенники, скоморохи, сказочники, шуты, проживатели и прихлебатели. Долговъ онъ не дѣлалъ, проживая столько, сколько получалъ, даже немного меньше. Хозяйство шло по старинному, и шло довольно сносно. Суконныхъ фабрикъ, сахарныхъ заводовъ и прочихъ премудростей, къ которымъ наши помѣщики прибѣгаютъ большею частію только тогда, какъ порядкомъ замотаются, не было и въ поминѣ.

Иванъ Николаичъ былъ женатъ на своей сосѣдкѣ, за которою взялъ порядочное приданое. Но жена его скоро умерла,

исполнивъ свою главную обязанность, то есть произведя на свѣтъ подпору и поддержку фамиліи, однимъ словомъ, сына, и разумѣется Николая Иваныча. Бубликовъ, несмотря на то, что овдовѣлъ еще не старикомъ, въ другой разъ не женился. Въ женитьбѣ небыло особенной надобности: у ребенка были сперва прехорошенькія кормилицы и няньки, потомъ гувернантки, какъ внутренняго приготовленія, такъ и заграничнаго.

Послѣ необходимаго женскаго присмотра, продолжавшагося до десяти лѣтъ, явились гувернеры и наставники. Между этими господами, какъ водится у богатыхъ людей, желающихъ дать дѣтямъ своимъ отличное воспитаніе, были представители разныхъ европейскихъ народностей.

Дороже всѣхъ, какъ и слѣдуетъ, платили отставному жокею Фомѣ Фомичу Джонсону. Немного дешевле Джонсона получалъ M-r Пуле, бойкій, но безграмотный французъ.

Между англичаниномъ и французомъ была страшная вражда, и они сходились только въ одномъ томъ, что считали себя неизмѣримо выше магистра философіи Карла Карловича Либермана, который тоже числился въ штатѣ воспитателей Николеньки, и получалъ, несмотря на свой дипломъ, очень умѣренную плату.

При помощи этихъ наставниковъ, Николенька научился очень бѣгло и бойко болтать по французски, и кое-что по англійски. Всѣ же его свѣдѣнія въ нѣмецкомъ языкѣ ограничивались умѣньемъ склонять безошибочно знаменательный членъ *деръ*, *ди*, *дасъ*, и кромѣ того онъ зналъ, что есть два времени: одно *феллихъ фергангене цейтъ*, и другое *ганцъ фергангене*. За то въ пятнадцать лѣтъ для Николеньки, или, лучше сказать, Николая Иваныча, какъ его уже и называли, благодаря лакеямъ и горничнымъ, никакихъ тайнъ въ жизни не было.

Въ семнадцать лѣтъ, Николай Иванычъ захотѣлъ идти въ военную службу. Отецъ сперва отговаривалъ, наконецъ согласился. Молодой Бубликовъ вступилъ въ полкъ подъ начальство полковаго командира—мастера своего дѣла, съ которымъ Иванъ Николаичъ познакомился очень оригинально. Полковой командиръ купилъ у Бубликова что-то очень много овса, заключилъ контрактъ, далъ задатокъ, принялъ овесъ и не заплатилъ остальныхъ денегъ. Въ этой сдѣлкѣ самымъ замѣчательнымъ было то, что Иванъ Николаичъ не только не получилъ того, что ему слѣдовало, но еще оказался виновнымъ въ несоблюденіи какого-то условія, и не имѣлъ права требовать своей собственно-

сти. Эта штука очень долго тѣшила Ивана Николаича, который любилъ ее разсказывать, всегда оканчивая словами: «да, батюшка, вотъ бы кому быть министромъ финансовъ, ужь я вамъ скажу!»

Въ полкъ Николай Иванычъ явился очень парадно. У него были поваръ, кучеръ, камердинеръ, и казачокъ; коляска, четверка упряжныхъ и пара верховыхъ лошадей. Съ самого начала, тысячный молодой конь былъ промѣненъ полковому командиру на старое, престарое животное, бывшее съ молоду дѣйствительно очень нарядным. Впрочемъ, мѣна совершилась *ухо* на *ухо*, то есть безъ всякой придачи съ той или другой стороны. Въ этомъ случаѣ надобно отдать справедливость Петру Гаврилычу, который могъ бы взять придачу, но не взялъ.

Николай Иванычъ прибылъ въ полкъ незадолго до Рождества, на праздникъ поѣхалъ домой, — это было недалеко, всего верстъ двѣсти, — и пробылъ до Великаго Поста. Постомъ Николай Иванычъ началъ играть въ карты, и, какъ слѣдуетъ новичку, продулся въ пухъ. Кони и колесницы пошли въ чужія руки, и кромѣ того онъ задолжалъ, и выдалъ сохранную росписку, въ которой было написано, что вотъ я, такой-то, взялъ на сохраненіе у такого-то, государственною монетою серебрянными рублями и золотыми полуимперіалами, чекана такихъ-то годовъ, столько-то.

Кредиторъ Бубликова былъ долженъ портному, жиду Мошкѣ, около десятой доли цѣнности росписки, и отдалъ ее за маленькую придачу, твердо вѣруя въ непогрѣшительность пословицы о журавляхъ въ небѣ, и синицахъ въ рукахъ. Полковой командиръ, узнавши объ этомъ, жестоко пугнулъ жида несовершеннолѣтіемъ и нижнимъ чиномъ должника, и пріобрѣлъ росписку почти даромъ.

Николаю Иванычу было прочитано поученіе за недовѣрчивость, а росписка поѣхала къ папашѣ. Папаша пожурилъ сына и заплатилъ сполна, да еще съ благодарностью, прося отпустить его къ Святой Недѣлѣ домой, гдѣ и продержалъ его очень долго.

Въ продолженіе всей двухлѣтней юнкерской службы, Николай Иванычъ пробылъ въ полку около четырехъ мѣсяцевъ, и это потому, что пошли строгости и требованія. Прежде, говорятъ, было возможно за посильное приношеніе отслужить не выѣзжая изъ деревни.

Вмѣстѣ съ производствомъ въ офицеры, Николай Иванычъ былъ выбранъ единогласно въ ремонтерскіе помощники. Должность эта давала право жить круглый годъ гдѣ душа пожелаетъ, съ платою за это на каждую лошадь (это уже дѣло взаимнаго соглашенія). Лошадей для полка покупали около ста двадцати. Что же значило молодому человѣку бросить (техническій терминъ) какихъ нибудь шесть тысячъ?

По поводу ремонтерства, Николай Иванычъ завелъ у себя красныя шелковыя рубахи, плисовыя шаровары, дубленые полушубки съ іероглифами, и самую сверхъестественную тройку, съ непостижимыми бубенчиками и колокольчиками. На ярмаркахъ, куда онъ являлся съ цѣлью покутить, онъ распивалъ чаи съ барышниками, и бросалъ кучу денегъ тульскимъ цыганамъ (они же московскіе), и зналъ ихъ всѣхъ поименно.

Это веселое препровожденіе времени продолжалось около пяти лѣтъ. Начинали поговаривать, что Николая Иваныча, какъ человѣка богатаго, прикомандирують, для перевода, въ гвардію; но папашу хватилъ параличъ, и ремонтерскій помощникъ вышелъ въ отставку штабсъ-ротмистромъ.

Послѣ смерти отца, Николай Иванычъ не долго прожилъ въ деревнѣ. Собравши какъ можно больше денегъ, онъ отправился за границу. Да и какъ, молодому человѣку съ хорошимъ состояніемъ, не посмотрѣть Европы? Этотъ смотръ, какъ слѣдуетъ, ограничился рулеткою и «trente et quarante» въ Гомбургѣ; бульварами, трактирами и театрами въ Парижѣ. Изъ путешествія Николай Иванычъ вывезъ нѣсколько сюртуковъ, фраковъ и двойной лорнетъ (тогда еще не имѣли понятія о вставленіи въ глазъ стеклышка.) Со всѣми этими запасами можно бы еще жить по старому, но Николай Иванычъ, на свою бѣду, прослушалъ три лекціи политической экономіи, которая тогда была въ модѣ.

Потребители, производители, раздѣленіе труда, потребности естественныя и искусственныя, значеніе капитала въ трудѣ и труда въ капиталѣ, и прочія очень умныя вещи, набившись въ неприготовленную голову отставнаго штабсъ-ротмистра, произвели въ ней страшнѣйшую ахинею. На бѣду, новый политическій экономъ купилъ какую-то дѣйствительно превосходную книгу объ улучшеніи сельскаго хозяйства, съ чертежами и планами, и прочиталъ ее нѣсколько разъ отъ доски до доски. По возвращеніи въ деревню, Николай Иванычъ приступилъ къ *радикальной реформѣ*.

Средства у Николая Иваныча были. Явились машины изъ Бельгіи, машины изъ Франціи, машины изъ Англіи. Машины есть, а пустить ихъ въ ходъ некому. Нужно выписывать механиковъ. Пріѣхали механики, пустили и уѣхали. Начались поломки и поврежденія. Завести у себя фабрику для починокъ дорого, посылать для починки за границу еще дороже. Такъ и бросили. А чего тамъ не было! — и паровыя вѣялки, и паровыя сѣялки, о молотилкахъ я уже не говорю. Наконецъ явилось убѣжденіе, что машины никуда не годятся, и это была неправда; машины были превосходныя, но съ ними не умѣли обращаться, къ нимъ не привыкли, и пріучить было некому. Вотъ и все.

Послѣ неудачныхъ опытовъ съ земледѣльческими машинами и плодоперемѣнною системою, Николай Иванычъ взялся за сахарные заводы. Выстроилъ огромное зданіе, истратилъ кучу денегъ; и когда все было готово, открылось, что свекловица въ его имѣніи родится очень дурно, и требуетъ огромнаго числа рукъ. Къ тому же содержаніе выписныхъ сахароваровъ и прочихъ необходимыхъ людей стоило большихъ денегъ.

Заводъ все-таки могъ бы приносить пользу, но для этого заводчику, кромѣ завода, необходимы умѣнье и терпѣнье, иначе пойдетъ худо. Такъ и случилось.

Николай Иванычъ, какъ это обыкновенно бываетъ, всю вину своихъ неудачъ приписывалъ безобразію русскаго климата и неспособности русскихъ людей. О собственныхъ недостаткахъ, конечно, не могло быть и рѣчи.

Потомъ Николай Иванычъ сдѣлался снисходительнѣе и къ людямъ и къ климату; за то насѣлъ на западъ и его изобрѣтенія. Все стало оказываться вздоромъ, шарлатанствомъ, средствомъ обманывать самымъ безсовѣстнымъ образомъ русскій народъ; и наконецъ, какъ это тоже случается, Николай Иванычъ, изъ усерднаго поборника всякихъ нововведеній, сдѣлался заклятымъ гонителемъ-старовѣромъ.

Все новое было уничтожено; даже и то, что уже успѣло приняться, пустить корни, и начинало приносить плоды. Между тѣмъ имѣніе было уже заложено.

Чтобы дать читателямъ понятіе о затѣяхъ Николая Иваныча, я разскажу способъ, по которому производилось осушеніе болотъ.

Въ имѣніи протекала небольшая рѣчка, на которой были устроены мельницы, приносившія очень хорошій доходъ. Рѣчка

текла въ отлогихъ берегахъ, и потому запрудою было потоплено десятинъ сто, или около того. Николай Иванычъ вычиталъ о удивительной пользѣ *дренажа* (drainage), и захотѣлъ имъ воспользоваться. Задумано—сдѣлано. Выписали изъ Англіи трубы и мастера, и приступили къ дѣлу. Истратили пропасть денегъ, трудовъ и времени, а луга невысыхаютъ. Мѣшаютъ мельницы,—долой ихъ. «Батюшка, Миколай Иванычъ», говорилъ барину староста:—«на что ихъ ломать, мельницы-то стало быть, вы ихъ лучше продайте, а за эти деньги, тутъ же таки у сосѣдей, на рѣчкѣ, купите, да не сто, а глядишь триста десятинъ, и сушить ихъ будетъ не нужно.» На это баринъ сказалъ старостѣ, что онъ дуракъ, и мельницы были сломаны. Луга высохли, но это случилось бы и безъ трубъ. Каждая десятина обошлась помѣщику, считая трубы и мельницы, рублей въ пятьсотъ, а цѣны въ уѣздѣ были за десятину около пятидесяти;— и много было затѣй въ этомъ родѣ.

Крутой переходъ Николая Иваныча подъ знамена почитателей старины произвелъ впечатлѣніе въ цѣлой губерніи. Консерваторы, изъ которыхъ состояло большинство, говорили: «наконецъ образумился! Хорошо что во время.» Истинно благоразумные люди, для которыхъ обращеніе Николая Иваныча было дѣломъ совершенно ожиданнымъ, не сказали ни слова.

Николай Иванычъ началъ проповѣдывать во всеуслышаніе всю тщету и суетность нововведеній, подкрѣпляя слова поученія собственнымъ примѣромъ.

— Я самъ, господа, истратилъ на эти глупости полмильона! Да, спасибо, спохватился во время. Все вздоръ, пустяки, увѣряю васъ! Наши предки не глупѣе насъ были, а жили далеко лучше, это фактъ. А отъ чего? Отъ того, что не бросались, какъ мы, на чужое, а держались своего, дознаннаго опытомъ, и освященнаго употребленіемъ цѣлыхъ поколѣній. Согласитесь, если я, съ моими средствами, дошелъ до такихъ результатовъ, что же можетъ сдѣлать другой? Что онъ можетъ сдѣлать?

Господинъ, къ которому обращался этотъ вопросъ, обыкновенно отвѣчалъ:

— Да, да, что онъ можетъ сдѣлать? Ничего не сдѣлаетъ.

Слушатели, особенно старички, восклицали въ сердечномъ умиленіи, что разумныя рѣчи хорошо слушать, и репутація Николая Иваныча, сперва сильно заподозрѣнная, начала возвышаться.

— Вотъ голова, такъ голова! говорили сосѣди: — пошалилъ и баста, молодость. За то теперь за умъ взялся. Всю эту Европу къ чорту. По *своему*, видитъ, благонадежнѣе.

Одинъ изъ помѣщиковъ, страшный ханжа и скряга, услыхавъ объ обращеніи Николая Иваныча на путь истинный, нѣсколько дней сряду твердилъ о Савлѣ и Павлѣ, прибавляя со вздохомъ, что на небѣ не столько радуются десяти праведникамъ, какъ одному покаявшемуся грѣшнику.

Съ обращеніемъ Николая Иваныча къ старымъ порядкамъ, дѣла пошли, какъ по писанному. Способностей Николая Иваныча было какъ разъ достаточно для того, чтобы поддерживать заведенное прежде. На новое, за которое онъ такъ горячо и безъ толку принялся, его не хватило.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и Николай Иванычъ сдѣлался и по образу жизни и по мнѣніямъ совершенно такимъ же помѣщикомъ, какимъ были его сосѣди, не подозрѣвавшіе о существованіи раціональнаго хозяйства и политической экономіи. И, надобно сказать правду, Николай Иванычъ очень скоро примѣнился къ той средѣ, въ которой судьба назначила ему дѣйствовать.

Я сказалъ уже, что въ бубликовскомъ имѣніи было довольно много земли, но забылъ прибавить, что часть этой земли была въ черезполосномъ владѣніи.

Черезполосное владѣніе и тяжебныя дѣла, не взирая на всю грамматическую и логическую разницу этихъ словъ, въ дѣйствительности почти синонимы.

По поводу этой черезполосности, у Николая Иваныча, точно такъ же какъ у всякаго черезполоснаго владѣльца, было нѣсколько процессовъ, начатыхъ Богъ знаетъ еще когда. Во время агрономическихъ подвиговъ было не до процессовъ, а процессы, какъ извѣстно, такое растеніе, за которымъ надобно ухаживать постоянно и очень тщательно. Иначе — тамъ пропустилъ срокъ, тамъ не явился къ рукоприкладству, тутъ не подалъ во время дополнительнаго прошенія. Короче, накопилась куча разныхъ разностей. Правда, дѣла были удобоисправимыя, но требовали денегъ, и хорошихъ денегъ; а тутъ еще пронеслись слухи о полюбовномъ размежеваніи. Задумался Николай Иванычъ. Имѣніе заложено, денегъ нѣтъ — а нужны. (Вести процессы безъ денегъ, почти также невозможно, какъ стрѣлять изъ ружья безъ пороху.)

— Что тутъ дѣлать? говорилъ самъ себѣ Николай Иванычъ:— будь я теперь на службѣ, тогда дѣло другое! Что за вздоръ, тогдабъ было хуже. Какая служба! Развѣ въ Петербургъ махнуть?... Чинъ малъ... Говорятъ, и тамъ тоже... Надобно быть на мѣстѣ. Это важнѣй всего!.. (Николай Иванычъ зналъ по опыту, что Земскій судъ во многихъ случаяхъ предпочитаетъ присутствующаго секретаря отсутствующему совѣтнику, съ какимъ бы заглавіемъ этотъ совѣтникъ ни былъ.)

Посреди этого раздумья, Николай Иванычъ получилъ извѣстіе о смерти уѣзднаго предводителя. Это было за годъ до выборовъ.

— Брависсимо! воскликнулъ Николай Иванычъ: — балотируюсь въ предводители! тогда и процессы вздоръ, а размежеваніе.... При словѣ размежеваніе, Николай Иванычъ улыбнулся очень значительно.

Хотѣть балотироваться и быть выбраннымъ, конечно не одно и тоже. Званыхъ вездѣ больше, чѣмъ избранныхъ. Но на сторонѣ Николая Иваныча было много шансовъ попасть въ предводители. Онъ былъ человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ; за нимъ не водилось никакихъ особенныхъ художествъ; въ ложныхъ идеяхъ реформаторства онъ давно раскаялся, и раскаялся чистосердечно. Къ тому же покойникъ папаша былъ хлѣбосолъ, и цѣлый уѣздъ бывалъ у него въ гостяхъ. Сынокъ, правда, со многими раззнакомился, но это пустяки, стоитъ только побывать самому и пригласить къ себѣ, положимъ на храмовой праздникъ, и дѣло уладится.

Николай Иванычъ не ошибся: его выбрали огромнымъ большинствомъ. *Вороныхъ* почти не было.

Разъ попавъ въ предводители, Николай Иванычъ остался въ этой должности навсегда. Уѣздъ въ послѣдствіи до того привыкъ считать Бубликова своимъ предводителемъ, что даже не являлось на эту должность соискателей, и всѣ дворяне не могли имъ нахвалиться. Говорили даже, что если Николай Иванычъ, чего Боже сохрани, не захочетъ служить, то будетъ просто бѣда. «Намъ такого предводителя невидать какъ своихъ ушей. Подобнаго предводителя нѣтъ въ губерніи, говорили одни.—Какое въ губерніи! восклицали другіе: — такихъ въ цѣлой Россіи немного! —Какое немного! прибавляли третьи: — вовсе нѣтъ!»

Для того, чтобы узнать, какимъ образомъ можно заслужить подобную любовь и такіе лестные отзывы, я приведу двѣ сцены изъ предводительства Николая Ивановича.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТРЕХЛѢТІЯ.

Просторный кабинетъ. Столъ, накрытый зеленымъ сукномъ. На столѣ 9-й томъ Свода Гражданскихъ законовъ, въ сафьянномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ. Николай Иванычъ, въ длинномъ сюртукѣ шеколадно-табачнаго цвѣта, сидитъ у стола и пишетъ.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ.

Николай Иванычъ. А быть предводителемъ, право недурно.... почетъ, а главное, Земскому суду ни копѣйки.... А сколько бы я переплатилъ за это время.... А въ Палату все-таки придется.... тамъ на этотъ счетъ безпристрастіе; тамъ не только предводителю, отцу родному не спустятъ. — Оно не безъ хлопотъ.... Между нашими дворянами есть такіе гуси, что просто ужасъ; а надо любезничать со всѣми.... Сколько ѣдятъ.... Непонимаю, во что́ помѣщается.... Въ будущемъ году будетъ наборъ. Можно отдать стариковъ и уродовъ.... Нѣтъ, на первый разъ обойдусь.... Отдамъ какъ слѣдуетъ.... Наше, Богъ дастъ, не уйдетъ.

(Входитъ лакей).

Лакей. Господинъ Носаковскій изволили пожаловать.

Николай Иванычь (*тихо*). Гдѣ онъ?

Лакей. Въ залѣ-съ.

Николай Иванычъ (*громко*). Болванъ! сколько я разъ тебѣ приказывалъ, что если кому изъ господъ будетъ угодно ко мнѣ пожаловать, что бы ты вводилъ безъ доклада. Скотина! (*Подходитъ къ дверямъ*). Милости просимъ, Степанъ Степанычъ. Извините ради Бога, виноватъ кругомъ.... Какъ я радъ.... Какими судьбами.... Вы сегодня обѣдаете у меня.... Не такъ ли?...

Носаковскій (*плотный помѣщикъ лѣтъ сорока, въ старомодномъ фракѣ*). Чувствительнѣйше благодарю. А я къ вамъ, Николай Иванычъ, признаться сказать, съ покорнѣйшею просьбою....

Николай Иванычъ. Какая можетъ быть просьба? Приказывайте, это ваше право. Исполнить моя обязанность. Чѣмъ же я могу служить вамъ? Что же мы однако стоимъ, сдѣлайте милость (*усаживаетъ Носаковскаго въ кресло*). Однако, вы меня извините: я васъ принимаю слишкомъ по домашнему, только что не въ халатѣ. (*Садятся*).

Носаковскій. Помилуйте, Николай Иванычъ.... Вы вѣроятно изволите знать въ подробности дѣло о моемъ опекунствѣ?

Николай Иванычъ. Да, но только, знаете, не совсѣмъ подробно. Мой покойный предшественникъ былъ дѣйствительно рѣдкій человѣкъ и рѣдкій предводитель; но въ послѣднее время многое запущено. Конечно, онъ былъ боленъ. Это понятно....

Носаковскій. Я разскажу вамъ все. Вамъ, я думаю, извѣстно, что у покойнаго батюшки было насъ двое: я и братъ Василій. Я, могу сказать, все время находился въ полномъ послушаніи, и жилъ дома безвыѣздно. Считался, какъ у насъ это принято, на службѣ въ Коммисіи народнаго продовольствія, получилъ чинъ и вышелъ въ отставку. И все это по волѣ батюшки. Братъ же Василій самовольно вступилъ въ военную службу, и находясь въ оной, въ чинѣ поручика, женился на какой-то офицерской дочери, и все это тоже самовольно. Ибо хотя и испрашивалъ у батюшки позволенія, но благословенія не получилъ. За такое непослушаніе и можно сказать примѣрную непочтительность, покойный батюшка хотѣлъ лишить брата Василія наслѣдства, и даже составилъ духовное завѣщаніе, по которому все имѣніе предоставлялъ одному мнѣ нераздѣльно. Я могъ бы этимъ воспользоваться, но не воспользовался. Духовное завѣщаніе было уничтожено по моему ходатайству. Братъ Василій, служа тѣмъ временемъ на Кавказской линіи, былъ убитъ. Явное Божеское наказаніе за ослушаніе воли батюшки. Осталась вдова, которая съ двумя малолѣтними дѣтьми пріѣхала ко мнѣ. Пожила съ полгода и умерла. Дѣти, знаете, по поводу смерти брата, были приняты на казенный счетъ, сынъ въ корпусъ, а дочь въ институтъ, гдѣ они и находились долгое время. Надъ имѣніемъ учреждена опека, и натурально, опекуномъ назначенъ я. Произвели племянника въ офицеры, я ему послалъ собственныхъ, могу сказать кровныхъ, пять-сотъ рублей, племянницѣ двѣсти пятьдесятъ. Отчеты конечно были представляемы ежегодно. Я на этотъ счетъ, могу сказать, человѣкъ акуратный. Вдругъ племянникъ и племянница ко мнѣ пишутъ, что вотъ дескать любезный дядюшка, мы находились на казенномъ иждивеніи не малое время, а имѣніе наше находилось въ вашихъ рукахъ и доходы получали вы, а имѣніе, говорятъ, не малое; на нашу долю приходится слишкомъ двѣсти душъ, то неблагоугодно ли вамъ будетъ увѣдомить насъ, сколько этихъ доходовъ накопилось, и потрудитесь сіи деньги прислать мнѣ,, пишетъ племянникъ въ такой-то полкъ, а мнѣ, пишетъ племянница, въ домъ господина такого-то,

гдѣ я нахожусь въ должности гувернантки. Такъ прямо и пишетъ безъ всякаго стыда. Благородная дѣвица дворянка пошла въ гувернантки! Я имъ на это отвѣчалъ: что хотя имѣніе и приноситъ доходы, но что по управленію были такъ же и расходы, а какіе за тѣмъ получались остатки, то таковые хранятся въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія. При чемъ присовокупилъ, что посланные къ нимъ семьсотъ пятьдесятъ рублей далеко превосходятъ остаточную сумму. На это племянникъ написалъ ко мнѣ очень, могу сказать, невѣжливое письмо, на которое я и отвѣчать не сталъ. Теперь же меня извѣстили, что къ г. губернатору подана отъ племянника докладная записка, о неправильномъ яко бы моемъ опекунствѣ, при чемъ въ особенности упирается на то, что имѣніе въ двѣсти душъ принесло въ десять лѣтъ дохода менѣе семисотъ пятидесяти рублей. Конечно, человѣкъ военный, дѣла не понимаетъ....

Николай Иванычъ. Чѣмъ же я могу вамъ служить?

Носаковскій. Одно ваше слово, и господинъ губернаторъ будетъ видѣть, что я не изъ какихъ либо видовъ.... Да неугодно ли вамъ будетъ взглянуть на выписку изъ представленныхъ мною отчетовъ. Это будетъ лучше всего. (*Вынимаетъ бумагу и читаетъ*).

«Въ 184* году, всего доходу съ нераздѣленнаго имѣнія помѣщика Носаковскаго и дѣтей брата его Василія. 7,297 р. 50 к.
Изъ того числа на часть наслѣдниковъ. . . 3,648 — 75 —

РАСХОДЪ.

Указный процентъ опекуну по 5%, что составитъ	182 — 43¼ —
Казенныя подати и прочіе сборы за половинное число душъ всего имѣнія, по 8 р. 52¼ к. на 216 душъ.	1,845 — 4¼ —
Уплачено за не гербовую бумагу по имѣющимся тяжебнымъ дѣламъ.	73 — 50 —
На починку господскаго дома.	252 — 47 —
На построеніе пяти погорѣвшихъ крестьянскихъ дворовъ. . . . . , .	500 — » —
На починку мельницы.	210 — 42½ —
Священно и церковно-служителямъ за панихиду и поминъ души.	21 — » —
За натуральныя повинности.	216 — » —
На содержаніе неимущихъ и престарѣлыхъ. .	163 — 42 —
Для поддержанія скотоводства.	181 — 17 —
Итого.	3,645 р. 46 к.
За тѣмъ въ остаткѣ.	2 р. 29 к.

«Это, надобно вамъ сказать, взятъ годъ довольно хорошій, а то были такіе года, что ей Богу въ убытокъ. Увѣряю васъ. Ну, да вы сами помѣщикъ, слѣдовательно вамъ и говорить нечего. А съ-разу точно можетъ показаться странно, какъ слишкомъ двѣсти душъ, а дохода нѣтъ.

Николай Иванычъ. Да, это бываетъ....

Носаковскій. Такъ я, Николай Иванычъ, остаюсь въ надеждѣ, что вы напишете обо мнѣ г. губернатору.

Николай Иванычъ. Можете быть увѣрены.

Носаковскій. За тѣмъ, не смѣю больше васъ безпокоить, (*встаетъ*).

Николай Иванычъ. Куда же вы?

Носаковскій. Надобно кой кого видѣть (*раскланивается*).

Николай Иванычъ. Я обѣдаю въ три часа, и васъ буду ждать.

Носаковскій. Поставлю за особенную честь....

(Уходитъ)

Николай Иванычъ. (*Одинъ*). Какая каналья! Хлопоталъ объ уничтоженіи духовнаго завѣщанія, а самъ его состряпалъ, и даже такъ не искусно, что ужь кажется въ нашей Палатѣ герои, да и тѣ не рѣшились утвердить. Хорошъ тоже отчетъ; что ни слово, то ложь. Чинилъ домъ, мельницы, погорѣлыхъ обстроивалъ, а главное, вывелъ въ расходъ подати! ужасъ что такое... Но по дѣлу, на бумагѣ онъ правъ, а до остальнаго мнѣ какая надобность! Помочь же ему нужно: онъ человѣкъ полезный, распоряжается *двумя* шарами, а два изъ шестнадцати не бездѣлица....

(Слышны голоса:—Дома?—Дома! какъ прикажете доложить? — Помѣщикъ Звѣробоевъ! помѣщикъ Ласточкинъ!).

Николай Иванычъ (*отворяя двери*). Господа, какіе тутъ доклады, пожалуйте!

(Поклоны, шарканья, рукопожатія, вопросы и отвѣты о погодѣ, здоровьѣ, удивительныхъ зеленяхъ и яровыхъ не такъ-то хорошихъ).

Звѣробоевъ. А я къ вамъ, Николай Иванычъ, съ покорнѣйшею просьбою.

Николай Иванычъ. Сдѣлайте милость господа, приказывайте все, что вамъ угодно.

— Ласточкинъ. У меня тоже есть дѣльцо....

Николай Иванычъ. Все, что отъ меня зависитъ, можете быть увѣрены....

Звѣробоевъ. Не изволите ли, Николай Иванычъ, знать Тяпкина, Никанора?

Николай Иванычъ. Не имѣю удовольствія.

Звѣробоевъ. Это-съ братъ моей жены, нашего таки уѣзда. Малый молодой, состояньице порядочное: душъ этакъ полтораста. Конечно не Шереметьевъ, но жить можно. Вотъ-съ, этотъ-то мой своячокъ вздумалъ пойти въ военную службу. Отъ чего не служить, — это, можно сказать, нашъ общій долгъ, ну и иди въ гусары или въ уланы, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку. Послужи годъ, ну два, ну три, и выходи въ отставку. А то нѣтъ-съ, изволилъ опредѣлиться въ Грузію, я, говоритъ, воевать хочу. Этакимъ манеромъ воевалъ онъ года три. Насилу попалъ въ прапорщики. Теперь онъ и самъ спохватился, видитъ, что сглупилъ. Хотѣлось бы домой, да нельзя; то есть, очень трудно. Къ осени у нихъ затѣвается какая-то экспедиція, а молодецъ-то хочетъ въ деревню! Сдѣлайте милость, Николай Иванычъ,—для васъ это ровно ничего не значитъ,—прикажите написать полковому командиру, что вотъ дескать такъ и такъ, состоящій въ Высочайше ввѣренномъ вашему высокоблагородію полку, прапорщикъ Тяпкинъ, по случаю раздѣла имѣнія долженъ прибыть въ уѣздъ. Ну и такъ дальше, какъ слѣдуетъ. Я, а въ особенности жена, будемъ вамъ чрезвычайно благодарны. А какъ придетъ, можно подать рапортъ, что по случаю одержимой болѣзни въ полкъ явиться не можетъ. За свидѣтельствомъ остановки не будетъ, докторъ мой пріятель, а инвалидный капитанъ тоже спорить не станетъ. А тамъ можно будетъ и въ отставку. Что же, Николай Иванычъ, могу я на васъ разсчитывать?...

Николай Иванычъ. Съ удовольствіемъ. Я прикажу написать сегодня же.

Звѣробоевъ. А вотъ вамъ и адресъ, куда писать. За тѣмъ, имѣю честь кланяться.

Николай Иванычъ. Куда же это вы торопитесь? не хотите ли закусить?

Звѣробоевъ. Не спрашивайте куда, на почту, оброкъ въ Опекунскій Совѣтъ отправлять. Мы вѣдь на оброкѣ. (*Вздыхаетъ*) Да, тяжелыя времена настали. Закусить бы можно, да боюсь опоздаю. Прощайте, Николай Иванычъ, покорно васъ благодарю.

(*Уходитъ*).

Ласточкинъ. Да, это точно-съ, Николай Иванычъ, за молодыми людьми глаза надобны. Въ военной службѣ того и гляди мальчикъ избалуется. То ли дѣло на глазахъ.

Николай Иванычъ. Да, это правда. Я самъ служилъ въ военной службѣ и довольно долго, а потому знаю, что это такое!...

Ласточкинъ. Какъ же, какъ же. Я помню, какъ вы изволили ремонтировать. Вотъ у меня тоже сынокъ спитъ и видитъ: отпустите, папенька, въ полкъ! Я ему на это и говорю: куда тебѣ въ полкъ, за чѣмъ? Ты у меня одинъ. Ты пойдешь служить, со мною же кто останется? Куда! слушать не хочетъ. Мать взялась, наконецъ урезонили. Теперь, Николай Иванычъ, съ вашего дозволенія, я его хочу помѣстить подъ ваше начальство, въ Дворянскую опеку; а чинишко получитъ, и домой. Что ему служить, слава Богу, кусокъ хлѣба есть.... пусть себѣ служатъ тѣ, которымъ ѣсть нечего.

Николай Иванычъ. Я не знаю, есть ли въ Опекѣ вакансія. Ну да, во всякомъ случаѣ, я постараюсь....

Ласточкинъ. Истинно могу сказать, утѣшили. Богъ вамъ за это заплатитъ.

(Раскланивается и уходитъ).

Николай Иванычъ. Тоже хороши!—а нечего дѣлать, надо помочь.... Избиратели.... Свидѣтельство вздоръ, да и въ Опекѣ однимъ сверхъ штатнымъ чиновникомъ больше, тоже не важная вещь.... Однако, надоѣло. (*Потягивается*).

(Голоса: — Дома? — Дома, какъ прикажете доложить? —Скажи, братецъ ты мой, помѣщикъ Колотиловъ. Слышишь, Колотиловъ. Да смотри не переври. — Какъ можно-съ.

Лакей (*входя*). Помѣщикъ Колотиловъ.

Николай Иванычъ. Кто это Колотиловъ? Непомню. (*Помолчавъ*). Проси.

Колотиловъ. (*Очень развязный пожилой помѣщикъ, въ коричневомъ сюртукѣ*). Честь имѣю рекомендоваться, отставной поручикъ Колотиловъ.... Поручикомъ былъ на службѣ, только года не выслужилъ. Здѣшній помѣщикъ, то есть помѣщикъ мелко-травчатый; самъ-третей пахарь. Одиннадцать душъ по послѣдней ревизіи.

Николай Иванычъ. (*Кланяется не вставая, потомъ указывая стулъ*). Не угодно ли. (*Колотиловъ садится*). Чѣмъ могу служить вамъ?

Колотиловъ. Обстоятельство, изволите видѣть, вздорное. Назадъ тому десять лѣтъ, ну одиннадцать, точно одиннадцать, отпустилъ я по плакату на оброкъ крѣпостную мою дѣвку Марью. Ничего. Получилъ за одинъ годъ впередъ. Потомъ она со своими хозяевами съѣхала въ другой городъ. Потомъ восемь лѣтъ находилась въ неизвѣстности. Прекрасно. Вдругъ пріѣзжаетъ ко мнѣ становой. «Была у васъ такая-то дѣвка Марья?» Была! «Гдѣ она находится?» Не знаю. «Она, говоритъ, находится подъ стражею». Отлично. «Подайте, говоритъ, объявленіе заднимъ числомъ, это ничего». Подалъ. Этакъ черезъ полгода, опять становой. «Ваша, говоритъ, дѣвка слѣдуетъ по этапу». Безподобно. Слѣдуетъ она годъ, слѣдуетъ два, слѣдуетъ три. Ничего, пусть слѣдуетъ. Наконецъ меня увѣдомляютъ, что дѣвка Марья во время слѣдованія, какъ я имѣлъ честь докладывать, по этапу, неизвѣстно куда скрылась. Что же дѣлать, скрылась, такъ скрылась. Пріѣзжаетъ опять становой. «Съ васъ говоритъ взысканіе». Какое? «Взысканіе, говоритъ, за содержаніе дѣвки Марьи со дня арестованія по день скрытія. То есть, говоритъ, кормовыя деньги, за три года пять мѣсяцевъ и восемнадцать дней, всего триста пятнадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ за скрывшуюся дѣвку.» А у насъ за эти деньги, сами изволите знать, можно купить трехъ наличныхъ на выборъ. Какъ, я говорю, быть не можетъ? Уперся, не плачу. Думаю сложатъ,— не складываютъ. Жду манифеста.

Николай Иваныч. Какого манифеста?

Колотиловъ. Натурально, милостиваго манифеста. У насъ многіе, знаете, по этому случаю и податей не платятъ. Все это манифеста дожидаютъ. Дождутся, сложатъ съ нихъ недоимки, они и давай потѣшаться надъ нашимъ братомъ плательщикомъ. Вы, говорятъ, выходите въ дуракахъ: деньги платите, а мы нѣтъ, а теперь квитъ. Это точно обидно. Вотъ-съ, жду я манифеста — нѣтъ. Нечего дѣлать, надобно платить. Плачу. Конечно не съ разу, триста пятнадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ для нашего брата капиталъ. Плачу по частямъ, плачу годъ, два, три. Оставалось еще около сотни. Былъ я какъ-то при деньгахъ, пріѣзжаетъ отъ становаго письмоводитель. Что скажете? «По взысканію», говоритъ. Я, знаете, съ дуру бацъ ему всю сотню. Натурально съ роспискою. Это было назадъ тому съ мѣсяцъ. Вдругъ третьяго дня ко мнѣ становой. «Я, говоритъ, къ вамъ». Коли въ гости, милости просимъ. «Нѣтъ,

говоритъ, по дѣлу. Взысканіе съ васъ.» Какое? «А все тоже самое». Нѣтъ-съ, батюшка, говорю, это дѣло мы порѣшили,—и росписочку показываю. Посмотрѣлъ становой и засмѣялся. «Эта, говоритъ, росписочка все равно, что плюнуть.» Какъ, отчего? «Да отъ того, говоритъ, что этотъ письмоводитель у меня партикулярный. Зачѣмъ вы ему довѣрили?» А вы-то какъ же ему дѣла довѣряете? «Какія дѣла, говоритъ: — самыя пустыя, неинтересныя. А онъ, говоритъ, денежки ваши получилъ, да и запьянствовалъ. Я его прогналъ. А вамъ надобно будетъ опять уплатить.» Я туда, сюда, къ исправнику. Смѣется. Кажется, ничего смѣшнаго нѣтъ. Тогда я къ вамъ, думаю, предводитель дворянства, я самъ тоже дворянинъ. Вотъ-съ какое обстоятельство.

Николай Иванычъ. Да, это не совсѣмъ хорошо. Но я удивляюсь, какъ вы могли повѣрить этому письмоводителю.

Колотиловъ. Чтоже прикажете? Съума сошелъ. Опять, съ другой стороны, какъ не довѣрить. Человѣку даютъ дѣла, положимъ, не интересныя, а все же дѣла: слѣдственныя, уголовныя. Участь человѣчества довѣряютъ. Что же, Николай Иванычъ, могу я льстить себя надеждою?

Николай Иванычъ. Постараюсь, сколько отъ меня будетъ зависѣть.

Колотиловъ. За тѣмъ не смѣю васъ больше безпокоить.

(Раскланивается и уходитъ).

Николай Иванычъ. Какъ ему помочь? Пугнуть становаго? Жаль, становой хорошій малый, такой услужливый. Что-жь пугнуть?—деньги не воротишь. Съ пьянюшки письмоводителя, конечно, взятки гладки. А что, если я этому, какъ онъ, Колотилову, дамъ своихъ сто рублей? Онъ болтунъ, раструбитъ по цѣлому уѣзду. Это сдѣлаетъ впечатлѣніе. (*Звонитъ въ колокольчикъ, входитъ лакей*). Верни этого барина, что сейчасъ вышелъ. (*Колотиловъ входитъ*). Знаете.... Какъ ваше имя и отчество?

Колотиловъ. По имени Андрей, а по отчеству какъ большая часть людей.

Николай Иванычъ. То есть Иванычъ. (*Колотиловъ утвердительно киваетъ головой*). И такъ, Андрей Иванычъ, вы меня извините, я буду говорить вамъ прямо. Самое большое, что я могу сдѣлать, это настоять, чтобы взыскали ваши деньги съ письмоводителя. А какъ ихъ съ него взыщемъ? Когда? А вамъ надобно платить теперь же. Чтобы не вводить васъ въ новые расходы, я знаю только одно средство.

Колотиловъ. Какое же, сдѣлайте милость скажите?

Николай Иванычъ. Вы человѣкъ не богатый, я, благодаря Бога, имѣю средства; помочь своему брату дворянину,—это священный долгъ, это можно сказать обязанность.... Это....

(Занавѣсъ опускается).

НАЧАЛО ШЕСТАГО ТРЕХЛѢТІЯ.

Большая комната съ письменнымъ столомъ; на столѣ лежатъ два креста второй степени и одинъ четвертой. Николай Иванычъ, въ шелковомъ ваточномъ халатѣ и туфляхъ, сидитъ въ покойномъ креслѣ. На другомъ креслѣ сидитъ, только что выбранный въ предводители, Василій Васильичъ Пузыревскій. Они сослуживцы по полку и большіе пріятели. Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ, вскорѣ послѣ выборовъ.

Николай Иванычъ. Сдѣлай милость, братецъ, разскажи пожалуйста, какимъ образомъ ты, извѣстный лѣнтяй и домосѣдъ, попалъ въ предводители?

Василій Васильичъ. Ей Богу, незнаю. Пристали: Василій Васильичъ, балотируйтесь,—и выбрали. Ну, да я три года отваляю, да въ отставку. Въ деревню—и прямо на боковую.

Николай Иванычъ. Къ чему? Да ктожь тебѣ помѣшаетъ лежать на службѣ, точно такъ же, какъ ты лежишь всегда? жалованья получать не будешь, чтожь тебѣ? — ну и лежи.

Василій Васильичъ. Да, скажи, сдѣлай милость, только по правдѣ, хлопотъ много?

Николай Иванычъ. Да какъ тебѣ сказать... Это будетъ зависѣть отъ тебя. Захочешь прослыть безпокойнымъ человѣкомъ, ну занимайся, вмѣшивайся въ разныя дрязги, хлопотъ будетъ полонъ ротъ. Хочешь, чтобы тебя любили, махни на все рукой; корми дворянъ обѣдами, давай изрѣдка вечера, будь вѣжливъ, не скупись на обѣщанія, и къ этому умѣй поладить съ судами. Тогда все пойдетъ какъ по маслу.

Василій Васильичъ. Но вѣдь предводительство, я думаю, обходится въ порядочную копѣйку?

Николай Иванычъ. Не безъ этого. За то есть своего рода выгоды. Какъ хочешь, первое лицо въ уѣздѣ. Я, напримѣръ, что такое, отставной штабсъ-ротмистръ, а посмотри (*указываетъ на кресты*). Во время набора отдаешь кого вздумаешь, а это для нашего брата помѣщика, самъ знаешь, какая вещь. Тяжбы съ

тобою никто не заведетъ, а заведетъ, такъ пожалуй и самъ не радъ будетъ. Опять, отъ дорожной повинности можно избавиться,—и это не бездѣлица. Ну, и военный постой. Такъ оно если посчитать, въ большомъ убыткѣ отъ предводительства не будешь. Я, покрайней мѣрѣ, не жалуюсь на свое положенiе.

Лакей (*входя*). Останковская барыня пришли. Васъ спрашиваютъ.

Николай Иванычъ. Проси.

Василiй Васильичъ. Какъ же, ты въ халатѣ?

Николай Иванычъ. Ничего. Увидишь, что это за птица. Деревенька у нея порядочная, душъ, я думаю, восемьдесятъ. А какая дочка за пѣхотнымъ офицеромъ, прелесть! (*цалуетъ концы пальцевъ*). Съ мужемъ не живетъ.... (*лукаво улыбается*). Ну да вамъ, женатымъ людямъ, это все равно.

Василiй Васильичъ. Отчего же, развѣ мы не люди?... я, братецъ, самъ.

(Входитъ Останковская барыня въ шелковомъ перекрашенномъ платьѣ, въ чепцѣ страннаго вида, съ яркими лентами. Изъ ридикюля торчатъ бумаги).

Николай Иванычъ. Василиса Кузьминишна, какими судьбами? Здравствуйте. Извините меня (*показываетъ на халатъ*).

Василиса Кузьминишна. Что это вы батюшка, Николай Иванычъ. Сами изволите знать, хозяинъ въ дому, какъ Адамъ въ раю. Со мною вамъ церемониться! — Гдѣ же это видано?

Николай Иванычъ. Давно вы прiѣхали? вѣрно дѣла есть?

Василиса Кузьминишна. Ахъ, отецъ мой, не спрашивайте! Все-то мое сиротство. Долго ли обидѣть бѣдную женщину.

Николай Иванычъ. Что съ вами? Вы, кажется, себя въ обиду не дадите. Разскажите, пожалуйста. (*Василиса Петровна указываетъ глазами на Пузыревскаго*). Ничего, не безпокойтесь. Это мой прiятель, Василiй Васильичъ Пузыревскiй, можетъ быть слышали?

Василиса Кузьминишна. Какъ же, батюшка, слышала. Они братецъ, стало быть, Ольги Васильевны, что замужемъ за Осипомъ Михайлычемъ. Какъ же, знаю. Я и въ вотчинѣ у нихъ бывала, только съ самими-то Богъ не приводилъ встрѣтиться.

Николай Иванычъ. Слѣдовательно вамъ церемониться нечего. Садитесь; можетъ быть, съ дорожки рюмочку винца?

Василиса Кузьминишна. Ахъ, батюшка, Николай Иванычъ, не до того мнѣ теперь. Дѣло-то какое вышло: извольте

знать, лѣтъ тому съ восемь, у насъ линію прокладывали, шасейную дорогу тамъ что ли какую, строить хотѣли, и моей-таки землицы захватили. Я, не долго думавъ, дворъ на эту линію и поставь. Ничего, стоитъ мой дворъ года три. Стали, въ самомъ дѣлѣ, дорогу строить; дворъ-то, выходитъ, нужно ломать. Я говорю: заплати, и цѣну спрашиваю самую настоящую христіанскую. Нѣтъ, говорятъ, дорого. А я говорю, мое добро, что хочу, то и беру, а то совсѣмъ не дамъ. У насъ не безсудная земля. До самого Царя дойду, коли на то пойдетъ. Говорятъ, на это есть оцѣнка. Я прямо сюда къ губернатору. Чтожь губернаторъ? Вамъ, говоритъ, сударыня, стыдно. Вы, говоритъ, дворянка. Стыдитесь. Вы и дворъ-то нарочно построили, для того для самого, чтобы деньги взять. Просто острамилъ. А тутъ еще у него народу пропасть: хи, хи, ха, ха, хи, хи, и пошло. Вотъ, батюшка, Николай Иванычъ, что сиротство-то значитъ. Гдѣжь правды искать? Тяжкія времена! (*Вздыхаетъ*).

Николай Иванычъ. А съ крестьянами вашими чѣмъ кончилось? Кажется, какая-то непріятность была, жаловаться ходили?

Василиса Кузьминишна (*съ яростью*). Разбойники-то, какъ же, къ самому губернатору полѣзли, да дай Богъ здоровья дежурному чиновнику, не допустилъ; такъ не видавши и вернулись. Я жь съ ними распорядилась по своему. Первымъ дѣломъ, къ становому послала на трехъ телѣгахъ всячины, а сама пишу, что вотъ такъ и такъ, непослушаніе оказываютъ. Становой-то самъ не поѣхалъ, а прислалъ письмоводителя; я его сперва угостила, три цѣлковыхъ пожертвовала. Ну, да ужь онъ за это и распорядился. Да такъ, знаете, всѣхъ подъ рядъ, и стараго и малаго. Возовъ пять хворосту истрепалъ, будутъ помнить. Говорятъ, сами не пойдемъ, внукамъ и правнукамъ закажемъ. А все-то самое сиротство; такъ вотъ и бьюсь какъ рыба объ ледъ. Вѣдь и покойникъ мой, не тѣмъ будь помянутъ, сами изволили знать, рохля былъ. Все ему ни почемъ, сидитъ себѣ, да книжку читаетъ, а я всюду поспѣвай. А тутъ еще зятекъ навязался, чтобъ ему пусто было.

Николай Иванычъ. А что?

Василиса Кузьминишна. Какъ же, батюшка, дочку-то я замужъ выдала, а она теперь у меня; нечто я ее затѣмъ выдала.

Василій Васильичъ. Какъ же это случилось,—вѣроятно, какая нибудь ссора или недоразумѣніе?

Василиса Кузьминишна. Какъ случилось? Вотъ какъ было. Я передъ вами, какъ передъ Богомъ, все разскажу. Стоялъ у насъ по сосѣдству полкъ. Повадился ко мнѣ таскаться одинъ поручикъ, голь отпѣтая. А изъ себя, можно сказать, красавчикъ. Дѣвка-то моя и втюрилась, долго ли до грѣха. Я ему разъ и говорю: милостивый государь, вы какое намѣреніе содержите, если только такъ что либо, то покорно прошу, вотъ вамъ Богъ, а вотъ порогъ; а угодно въ супружескій союзъ вступить, такъ и дѣйствуйте. А онъ мнѣ говоритъ, какъ путный: я бы сударыня такъ и такъ, съ моимъ полнымъ удовольствіемъ, только я, говоритъ, одно жалованье получаю. Какое будетъ, примѣрно, за вашею дочерью вознагражденіе?—Я ему на это говорю, что послѣ моей смерти обижены не будете, а теперь десять тысячъ бумажками. Больше не могу. Вотъ онъ, сударь мой, и женился. Прожилъ съ женою этакъ съ годъ. А тутъ имъ выходить надобно, куда — неизвѣстно. Зять-атъ мнѣ и говоритъ: «любезная маменька, вы изволили обѣщать намъ съ женою десять тысячъ, теперь пожалуйте, намъ походъ.»—«Обѣщать-то я обѣщала, а дать не дамъ. Ты, батюшка, кто тебя знаетъ, дочку завезешь, да бросишь, а денежки-то и пропали. Нѣтъ, шутишь.»—«Какъ вамъ угодно, говоритъ, а я съ женою въ походъ итти безъ денегъ не могу. Я не хочу ее мучить, да чтобъ она черезъ меня бѣду терпѣла». Взяла я дочку къ себѣ. Какъ плакала, Боже сохрани. Ну да это что, извѣстно, слезы вода, думаю себѣ, по моему и вышло. Цѣлый годъ потомъ они переписывались, чуть не каждую недѣлю. А потомъ все рѣже, да рѣже. А теперь вотъ уже съ годъ ни слуху, ни духу. Глядишь, дочка-то и привыкла; да какая авантажная стала, такъ раздобрѣла, веселая такая! Удостойте старуху, Николай Иванычъ, заѣзжайте ко мнѣ когда нибудь, осчастливьте.

Николай Иванычъ. Извольте, съ удовольствіемъ, когда нибудь. А за дочерью вашею приволокнуться можно?

Василиса Кузьминишна. Грѣховодники! Вамъ ужь сейчасъ, что и въ голову прійдетъ.... А я вѣдь къ вамъ, Николай Иванычъ, съ просьбою. Заставьте вѣчно Бога молить. Вѣдь у меня еще дѣвчонки, одной десять, другой одиннадцать. Что имъ дома-то болтаться, какъ бы ихъ въ ститутъ опредѣлить. Я вамъ и бумаги привезла. Вамъ стоитъ слово сказать; а ужь я, можно сказать, по гробъ жизни.

Николай Иванычъ. Одну можно, а двухъ будетъ затруднительно.

Василиса Кузьминишна. И, батюшка, какое затруднительно. Гдѣ одна, тамъ и другая. Я такъ и надѣяться на васъ буду. Вы наши благодѣтели.

Николай Иванычъ. Развѣ вотъ что: нѣтъ ли у васъ чего нибудь въ его уѣздѣ? (*Показываетъ на Пузыревскаго*).

Василиса Кузьминишна. Есть пять десятинъ, правда, спорныхъ, а есть.

Николай Иванычъ. Ну и прекрасно, вы запишитесь къ его уѣзду, а ты, Василій Васильичъ, опредѣли. Это уже для меня. Можно? Сдѣлаешь?

Василій Васильичъ. Если могу, отъ чего же? Въ этихъ случаяхъ рука руку моетъ.

Василиса Кузьминишна. Отцы вы мои родные, благодѣтели! Дай вамъ Богъ и въ сей и въ будущей жизни. Вотъ, говорятъ, въ свѣтѣ добрыхъ людей нѣту... Есть. (*Плачетъ. Шепчетъ на ухо Николаю Иванычу, который улыбается*). Простите, батюшка, Николай Иванычъ, Василій Васильичъ, дай вамъ Господи.... (*Уходитъ*).

Николай Иванычъ. Бѣдовая барыня.... Должна имѣть порядочныя деньги. Деревня у ней ходитъ по стрункѣ, она ужъ даже слишкомъ, — впрочемъ, это ничего. Съ нашимъ народомъ нельзя иначе. Съ молоду, набравшись глупыхъ идей, я попробовалъ было этакъ съ филантропіей — куда! (*Выходитъ лакей*).

Лакей. Капитанъ Савеловъ пожаловали.

Николай Иванычъ. Кто это Савеловъ?... (*Пожимаетъ плечами*). Хоть убей не помню.... Проси.

(Входитъ Савеловъ, безъ руки, въ отставномъ военномъ сюртукѣ).

Савеловъ. Честь имѣю рекомендоваться, отставной капитанъ Савеловъ.

Николай Иванычъ. Что̀ прикажете?

Савеловъ. Я имѣю честь считаться въ числѣ дворянъ вашего уѣзда.

Николай Иванычъ. Очень можетъ быть.... (*Показываетъ рукою стулъ*). Не угодно ли.... только я что-то не помню.

Савеловъ. У меня собственный домикъ въ казенномъ селѣ Знаменскомъ. Я тамъ живу уже нѣсколько лѣтъ. Получая пенсіонъ, жить кое какъ можно....

Николай Иванычъ. Чѣмъ же я могу служить вамъ?...

Савеловъ. Извините меня, Николай Иванычъ. Не имѣвши чести быть съ вами знакомымъ, я рѣшаюсь обратиться съ покор-

нѣйшею просьбою. Дѣло вотъ въ чемъ: у меня три сына. Конечно, я бы могъ ихъ опредѣлить въ корпусъ, но этого не сдѣлалъ. Къ чему загодя назначать мальчиковъ въ военную службу, для которой, быть можетъ, они и не будутъ годными? Я рѣшился отдать ихъ въ гимназію. Старшій уже въ пятомъ классѣ, даетъ уроки и содержитъ себя самъ, ничего не требуя отъ меня, даже помогаетъ младшимъ. Ему это очень тяжело. Я тоже не могу сдѣлать многаго. Я просилъ директора, нельзя ли хотя одного изъ моихъ сыновей принять на казенный счетъ. Директоръ согласенъ, но для этого необходимо ваше согласіе. Сдѣлайте милость, не откажите инвалиду.... Я бы не сталъ васъ безпокоить, если бы не крайность....

Николай Иванычъ. Ваше имя и отчество?

Савеловъ. Иванъ Петровичъ.

Николай Иванычъ. Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, съ величайшимъ бы удовольствіемъ, но не могу. Нашъ уѣздъ имѣлъ точно вакансію, но она уже занята. Что бы вамъ сказать мнѣ прежде, тогда я, ручаюсь.... Ахъ, какъ мнѣ досадно.... Не подумайте, что я не хочу.... Боже избави, для васъ конечно я радъ бы сдѣлать все, что могу; но зачѣмъ вы мнѣ не сказали этого прежде.

Савеловъ. Извините меня, что я васъ побезпокоилъ.

Николай Иванычъ. Помилуйте, Иванъ Петровичъ, мнѣ самому совѣстно, увѣряю васъ. (*Савеловъ уходитъ, Николай Иванычъ провожаетъ его до двери*). Жаль старика, а дѣлать нечего, я ужь далъ слово помѣстить сына нашего стряпчаго.... Страшная скотина.... Денегъ пропасть... Скряга. Не стоило бы, но человѣкъ нужный.... вотъ что! Однако забавно, какъ всякая мелочь у насъ еще пускается въ резонерство. Прошу покорно, вѣдь могъ бы отдать въ кадетскій корпусъ,—не отдалъ, изволите видѣть не знаетъ, будутъ ли имѣть его мальчишки призваніе къ военной службѣ. Дуракъ!...

(Занавѣсъ опускается).

Въ 1855 году Николай Иванычъ участвовалъ въ формированіи Государственнаго Подвижнаго Ополченія.

С. Т—нъ.

НѢТЪ ХУДА БЕЗЪ ДОБРА.

НЕВЫМЫШЛЕННЫЙ РАЗГОВОРЪ.

— Лукьянъ, ваше сіятельство, пріѣхалъ изъ Барановки, докладывалъ камердинеръ князю Лукомирскому, у котораго я гостилъ въ это время.

— Спроси, что ему надо, отвѣчалъ князь, допивая свой кофе.

— Говоритъ, что желаетъ видѣть ваше сіятельство; у него есть письмо отъ старосты.

— Позови!

Лакей вышелъ.

— Представьте, что каждую недѣлю я долженъ толковать съ этимъ народомъ о хозяйствѣ, говорилъ князь, обращаясь ко мнѣ, съ искреннимъ чувствомъ досады: — и вѣдь какіе дикіе, странные и смѣшные иногда приходится выслушивать доводы! сколько возни съ этимъ народомъ, грязи, неудовольствій!.. Это ужасно!.

Въ это время въ дверяхъ кабинета, гдѣ мы сидѣли, показался Лукьянъ — здоровый мужикъ съ краснымъ лицомъ и густою окладистой бородой. Онъ былъ въ сѣромъ армякѣ, подпоясанномъ краснымъ кушакомъ, и въ смазныхъ сапогахъ. Сложа пальцы, рука въ руку, на животѣ, онъ остановился у дверей, и,

отвѣсивъ поясной поклонъ князю, произнесъ: здравствуйте, ваше сіятельство!

— Здравствуй! отрывисто отвѣчалъ князь: — что у тебя за письмо?

— Отъ старосты, ваше сіятельство, началъ Лукьянъ, вынимая изъ-за пазухи письмо, завернутое въ клѣтчатый бумажный платокъ.

— Что еще? о чемъ? продолжалъ князь.

— Да вотъ извольте прочесть, ваше сіятельство, говорилъ мужикъ, подавая князю измятое, на сѣрой бумагѣ, письмо.

Князь разломалъ сургучъ, припечатанный, какъ мнѣ показалось, копѣйкой и, взглянувъ на первыя строки, обратился ко мнѣ.

— Потрудитесь, пожалуйста, прочесть: я ужасно затрудняюсь всегда разбирать эту чепуху; несмотря на то, что по почерку, кажется, будто письма эти пишутся не совсѣмъ безграмотнымъ человѣкомъ. Кто у васъ тамъ пишетъ? спросилъ князь у Лукьяна.

— Дьячокъ Карпенко, ваше сіятельство, отвѣчалъ мужикъ, снова слагая руки въ любимую позу.

— Скажи ему, чтобы впередъ онъ писалъ потолковѣе, а то нѣтъ возможности иногда добиться смысла.. Потрудитесь, продолжалъ князь, поворачиваясь ко мнѣ.

Я сталъ читать.

«Ваше Высокое Сіятельство и благодѣтель нашъ.

Пути Господни неисповѣдимы, сказано въ Священномъ Писаніи; еще сказано: ни одинъ волосъ безъ воли господней не спадетъ съ главы нашей. Оттого значитъ надобно намъ смириться: Его святая воля во всемъ. Ваше высокое сіятельство и князь: а долженъ я ваше сіятельство увѣдомить, что на прошлой недѣли сорвало плотину, и разломало мельницу, да это еще и ничего бы, а то и сѣно въ копнахъ, что на лугу было, почитай что тысячъ пять пудовъ, такъ и сѣно это все унесло водой, да и поразметало, что и собрать нельзя...

— И мельницу и сѣно! воскликнулъ князь, обращаясь къ Лукьяну: — какъ же это? отчего? растолкуй, братецъ.

— Да такъ, ваше сіятельство, значитъ наказаніе Господне, али ужь Богъ знаетъ отчего энто, отвѣчалъ Лукьянъ, разводя руками.

— Да ты не болтай пустяковъ, любезный другъ, прервалъ князь: — развѣ дожди были? наводненіе? тогда еще ясно отчего... Такъ ли?... дожди, что-ли, были?...

— Нѣтъ, Богъ миловалъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ Лукьянъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ: — дождей въ эвто время не было; что говорить напрасно... не было дождей.... а попущеніе Господне, ваше сіятельство.... Такъ ужь видно.... время такое подошло, что плотинѣ надо было сорваться.

— Читайте, сдѣлайте милость, снова замѣтилъ мнѣ князь: — можетъ быть, тутъ объяснится, отчего это произошло.

Я продолжалъ:

«Изъ эвтого случая, приключиться можетъ, что и скотинушку свою мы порѣжемъ, отъ голоду т. е. пооколѣетъ, и порѣжимъ; такъ не дозволите ли намъ, то есть вотчинѣ, отпустить изъ конторы деньги, насчетъ прокормки животинушки; или чтобъ ваше сіятельство дали мнѣ распорядиться насчетъ эвтого случаю, изъ приходныхъ денегъ. Вы нашъ отецъ и благодѣтель, а мы ваши дѣти, ваше сіятельство, и впередъ всегда отслужимъ вамъ, только намъ теперече помогите; ваше высокое сіятельство!

Староста Степанъ Гречихинъ,
рабъ вашъ и впередъ, во всякое время».

— Прекрасно!.. воскликнулъ князь съ величайшимъ негодованіемъ: — понадѣлали мнѣ убытку Богъ знаетъ на сколько, да я же еще и денегъ дай имъ!.. Какъ же этотъ негодяй староста допустилъ, что мельницу сорвало, плотину снесло!... Чего же вы смотрите?.. А?.. Да еще какъ — безъ дождей, значитъ безъ наводненія... а такъ, просто.... попущеніе Господне... Экіе мошенники!... Вотъ тебѣ и хваленый староста!... Скажи ты ему Лукьянъ, что если онъ не соберетъ мнѣ сѣна, не поставитъ опять мельницы и плотины, — то ему будетъ худо.... Знаю я васъ, голубчики!.. Дѣлаютъ тамъ себѣ, что хотятъ, то есть ничего не дѣлаютъ.... Ты скажи Степану, старостѣ-то, что я не прощу ему этой бѣды, и сдержу свое слово! Такъ и въ прошедшемъ году выдумалъ мошенникъ, что мыши почти половину хлѣба истребили. Видимо, пишетъ, невидимо. Ну, погодишь ты, дружокъ, я покажу тебѣ и за то и за это, чтобы для тебя все было видимо. А много ли было тамъ мірскаго сѣна и много ли моего? спросилъ князь, нѣсколько успокоившись.

— Почитай на половину, или на треть было мужицкаго, отвѣчалъ Лукьянъ, со вздохомъ.

— Ну, хорошо; ступай; я позову, какъ будетъ надо.

Лукьянъ молча поклонился, и растопыривъ руки, чтобъ придержаться за двери, вышелъ изъ кабинета, гремя своими кованными каблучищами по паркету залы.

— Вотъ удовольствіе, сюрпризы! снова началъ князь, закуривая сигару: — каждый годъ поздравляютъ меня вотъ такого рода извѣстіями; каждый годъ являются, иногда по нѣскольку вдругъ, такіе непредвидѣнные случаи, и я ни за то ни за сё лишаюсь нѣсколькихъ тысячъ рублей. Что вы прикажете дѣлать? Не ѣхать же мнѣ самому въ деревню... я не могу!... Разумѣется, при мнѣ не могли бы случаться такія постоянныя несчастія: я бы съумѣлъ предупредить ихъ; но жизнь въ деревнѣ, это не въ моихъ привычкахъ, не въ моемъ характерѣ; надо нарочно, съ дѣтства приготовлять себя къ лишеніямъ всякаго рода... Что дѣлать!.. Я знаю, что старосты, головы, бурмистры, и тому подобныя власти, обкрадываютъ, грабятъ меня, сколько имъ угодно, или возможно, а между тѣмъ я не имѣю никакихъ средствъ остановить этого. Ну, вотъ, вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ поневолѣ долженъ впадать въ просакъ: разсчитываешь на извѣстный доходъ, кладешь даже меньше, а выходитъ, что случайныя несчастія обрѣзываютъ даже самое minimum еще въ два, въ три раза меньше. Поневолѣ надѣлаешь долговъ. Въ настоящее время всѣ мои имѣнія заложены и перезаложены, процентовъ не могу уплатить!.. Въ прошедшемъ году одно имѣніе уже лопнуло — пошло въ уплату; за прошлый годъ тоже.... Да, если такъ пойдетъ, такъ скоро будетъ и конецъ всякимъ хлопотамъ по хозяйству! Остается единственное средство поправиться, — это завести какую нибудь фабрику, заводъ или что нибудь въ родѣ этого.

— А почему вы, князь, не возьмете себѣ хорошаго управляющаго? Теперь же у насъ, кажется, есть много заведеній, именно съ цѣлью приготовлять управляющихъ; такъ я думаю, что между молодыми людьми, спеціалистами по этой части, можно встрѣтить теперь очень и очень порядочныхъ управителей. Конечно, такой управитель будетъ стоить гораздо дороже, чѣмъ стоитъ собственный человѣкъ, староста какой нибудь; но за то можно ужь надѣяться, что васъ, во-первыхъ, не станутъ обма-

вывать такъ, обкрадывать безсовѣстно; а во-вторыхъ, знающій человѣкъ легко можетъ отъискать средство улучшить самое имѣніе; скорѣе найдетъ источники новыхъ какихъ либо доходовъ, откроетъ новую промышленность, усилитъ земледѣліе, скотоводство и проч., и слѣдовательно избавитъ васъ отъ опасенія не только потерять все, какъ вы говорите, а напротивъ возвратитъ уже потерянное, разовьетъ, усовершенствуетъ все и, можетъ быть, въ короткое время обогатитъ васъ.

— Ахъ, не говорите мнѣ объ этихъ ученыхъ управляющихъ!... Развѣ я не знаю ихъ! Бралъ я, были у меня и агрономы, да кромѣ чепухи ничего не сдѣлали. Я самъ прежде думалъ, что человѣкъ, приготовленный теоріею къ своей обязанности, скорѣе справится съ практикой; и въ самомъ дѣлѣ когда то я позволялъ себѣ даже мечтать объ устройствѣ хозяйства своего на заграничный ладъ. Ну, и взялъ какого-то геръ-Юнга; изъ Курляндіи, кажется. Съ отличными аттестатами, похвальными листами, и прочими побрякушками бродячей рекомендаціи. Годъ послужилъ — и надо было отказать. Я ни слова противъ, что затѣи этого господина были очень дѣльныя, выгодныя, но вѣдь вотъ гдѣ бѣда — баринъ этотъ не умѣлъ распоряжаться силами такого имѣнія. Онъ прекрасно зналъ теорію, т. е. всѣ возможные сорты земель, свойство ихъ, химическій составъ, обработку полей, время каждаго занятія, зналъ и скотоводство во всѣхъ видахъ, зналъ цѣлую бездну различныхъ системъ полеводства, начиная отъ трехъ-клиноваго до двѣнадцатипольнаго включительно. И надо сказать—былъ усердный малый, даже честный, благородный, а это большая рѣдкость; но вотъ несчастіе—онъ былъ очень молодъ, и потому не зналъ человѣка практически, да и не имѣлъ случая изучить его. А при управленіи людьми развѣ это бездѣлица?.. Развѣ это не важное? Ему поручаютъ судьбу слишкомъ трехъ тысячъ душъ, а онъ до того времени не управлялъ еще ни одной душою, кромѣ своей собственной, да мальчика, который прислуживалъ ему. И вдругъ лицомъ къ лицу встрѣчаетъ такую громаду. Ну, скажите, ради Бога, какъ же ему не запутаться, не растеряться! Очень натурально — гдѣ же молодому человѣку, который теоретическія познанія свои повѣряетъ на какомъ либо образцовомъ хуторѣ, познанія, которыя вовсе не относятся до управленія людьми, со всѣми ихъ обычаями, страстями, пороками, привычками и добродѣтелями;

гдѣ же, говорю я, молодому человѣку справиться съ имѣніемъ, съ цѣлымъ народомъ, жизнь котораго для него неизвѣстна? Представьте себѣ, что каждый мужикъ знаетъ эту жизнь во сто кратъ больше, чѣмъ самый лучшій студентъ, изучавшій впродолженіе, можетъ быть, десятка лѣтъ не людей, а мертвыя науки, изъ которыхъ ни одна не можетъ стать рядомъ съ живымъ опытомъ. Не ясно ли, что въ приготовленіи ученыхъ управляющихъ недостаетъ самого главнаго, самого необходимаго — познанія практической жизни людей; а безъ того, какимъ образомъ молодой человѣкъ въ состояніи править и распоряжаться судьбою нѣсколькихъ тысячъ подобныхъ ему существъ? Мнѣ кажется, что каждый ученый агрономъ долженъ, по окончаніи теоретическаго курса, вступить сначала помощникомъ къ такому же ученому агроному, но уже завѣдующему большимъ имѣніемъ, и подъ руководствомъ его пріучаться къ практическому управленію людьми; прежде въ маломъ, потомъ въ бо́льшемъ, и наконецъ въ самомъ полномъ объемѣ всего хозяйства. Изъ такого только опыта онъ могъ бы пріобрѣсть себѣ умѣнье править хорошо какъ малымъ, такъ и большимъ имѣніемъ. Въ доказательство моихъ мнѣній, я могъ бы указать вамъ на нѣсколько подобнаго рода агрономическихъ заведеній, въ которыхъ не было сдѣлано примѣненія теоріи къ практикѣ въ обширномъ размѣрѣ, къ практикѣ вмѣстѣ съ управленіемъ людьми, и чтожъ?... заведенія эти лопнули, закрылись, не приготовивъ ни одного хорошаго или извѣстнаго управляющаго. Такъ молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ этихъ заведеніяхъ съ отличными успѣхами, на двадцатомъ году своей жизни дѣлался управляющимъ, и, по пріѣздѣ въ деревню на мѣсто, не знаетъ, какъ приступить къ дѣлу; обращается къ старостѣ, и принужденъ бываетъ съ различными увертками и хитростью, чтобъ не сконфузить себя, чтобъ не показаться полнымъ невѣждой предъ опытнымъ мужикомъ, различными тонкими вопросами и ухищреніями выпытывать у него, что̀ и какъ слѣдуетъ дѣлать? съ чего начать? куда употребить силы рабочаго народа? такъ однакожь, чтобы не перепутать назначеній, не сдѣлать безтолковаго порядка, не поставить на главную работу меньше, чѣмъ слѣдуетъ, а на дѣло, терпящее отсрочку, выдвинуть большую половину хозяйственныхъ средствъ. Но это еще не главное. А тамъ вдругъ непредвидѣнныя обстоятельства — дождь, напримѣръ, снѣгъ, морозъ силь-

ный и проч. требуютъ немедленнаго измѣненія порядка. Какъ быть? .. Ну, и выходитъ путаница. А тамъ, управляющій поналяжетъ на крестьянъ, засчитаетъ время, вотъ хоть напримѣръ дни, когда по случаю дождя нельзя бываетъ отправлять барскія работы , а такихъ дней бываетъ по нѣскольку въ каждомъ году, и что обыкновенно считается долговыми днями, которые будто бы отдаются крестьянамъ на отправленіе ихъ собственныхъ работъ. И случается, что годъ отъ году у этихъ бѣдняковъ все хуже да хуже, а тамъ и пошли по міру. Потомъ, какая еще бездна дѣлъ предстоитъ управляющему въ улучшеніи быта самихъ крестьянъ, въ направленіи ихъ къ одной общей пользѣ, потомъ разбирательство дѣлъ крестьянскихъ, судъ, расправа, и... вы сами знаете, что это за машина. Судите теперь сами, могу ли я послѣ этого взять въ свое имѣніе управляющаго, съ самыми отличными аттестатами, если до сихъ поръ не вижу еще на дѣлѣ , я не говорю уже о себѣ , а не вижу у другихъ тѣхъ благодѣтельныхъ успѣховъ, которыхъ слѣдовало бы ожидать отъ науки?

— Да, я совершенно согласенъ съ вами, князь; и предложеніе свое, на счетъ управляющаго, я сдѣлалъ вамъ въ значеніи вопроса: мнѣ хотѣлось знать ваше мнѣніе. Дѣйствительно, агрономическое образованіе наше далеко еще неполно, если студентъ, по окончаніи курса, не повторилъ всѣхъ своихъ познаній на опытѣ, съ примѣненіемъ управленія живыми силами какого-либо имѣнія. А что касается до иностранныхъ мастеровъ по этой части, то, дѣйствительно, также надо сознаться, что познанія ихъ не совсѣмъ могутъ быть примѣнимы къ русской жизни. У нѣмцевъ, и вообще за границей, вѣдь нѣтъ такихъ имѣній какъ у насъ; есть что-то похожее, однакожь далеко не русское; слѣдовательно и самый ученый нѣмецкій агрономъ никогда не пойметъ истинныхъ требованій или условій жизни русскаго мужика. Конечно, общія правила, опытность и сноровка много значатъ, но если жизнь познается жизнью же и притомъ не родовыми понятіями, а видовыми, то нѣмцу почти невозможно понять жизнь русскаго. Значитъ, для управленія имѣніемъ, пока мы не имѣемъ еще вполнѣ опытныхъ управляющихъ, надо будетъ назначать старостъ. Жаль только, что при выборѣ этихъ старостъ, когда мужики сами назначаютъ ихъ изъ среды своей, бываетъ, какъ и вездѣ, эгоистическій разсчетъ каждаго члена партіи с,

своекорыстными видами; точно такъ, какъ и въ самомъ образованномъ государствѣ. Кажется, чего бы лучше, какъ не избрать человѣка по достоинству, человѣка, который могъ бы, по уму своему, характеру и опытности, руководить всѣми, завѣдывать и распоряжаться лучше всѣхъ; а нѣтъ, на дѣлѣ выходитъ иное. Я самъ былъ свидѣтелемъ, когда въ одномъ большомъ имѣніи мужики выбирали себѣ голову. Чтожь!.. выбрали слабенькаго, добраго и пьянаго Антипа, вѣроятно съ разсчетомъ, что вотъ-де, если случится какая бѣда, попадусь въ чемъ либо, такъ можно будетъ отдѣлаться полуштофомъ водки, подпоить голову и дѣлу конецъ. Значитъ, что никто такъ хорошо, справедливо и во всѣхъ отношеніяхъ не могъ бы управлять мужиками, какъ тотъ, кому они принадлежатъ. Зная, что благосостояніе ихъ составляетъ главнѣйшую основу собственнаго его блага, помѣщикъ, вѣроятно, побережетъ своихъ мужичковъ. А что въ настоящее да и въ прошедшее время многіе помѣщики дѣйствовали обратно собственнымъ выгодамъ, такъ тутъ надо искать другой причины, и я думаю, что эта причина кроется въ собственномъ ихъ воспитаніи.

— Какъ въ воспитаніи? что вы этимъ хотите сказать? спросилъ князь, не подозрѣвавшій за собой никакихъ недостатковъ воспитанія.

— А вотъ какъ, князь, началъ я, вооружаясь въ своихъ доводахъ вопіющей правдой: — у васъ трое сыновей. Всѣ они воспитываются вами, т. е. живутъ у васъ въ тою обстановкою средствъ и понятій, которыя могутъ быть только при цѣлости всего вашего имѣнія, именно, при трехъ тысячахъ душъ. Домъ вашъ, прислуга, экипажи, жизнь самая, расходы, костюмы, удовольствія, столъ, гости и прочее, — все это идетъ соразмѣрно вашимъ матеріальнымъ средствамъ, т. е. вашему имѣнію. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, даже десятковъ лѣтъ, всѣ члены вашего семейства пріучаются къ жизни въ томъ объемѣ, какой возможенъ только при трехъ тысячахъ душъ, или соразмѣрномъ тому доходѣ. У васъ, другихъ, т. е. постороннихъ доходовъ, кромѣ, какъ съ имѣнія, нѣтъ еще; значитъ, все ограничивается извѣстной болѣе или менѣе опредѣленной цифрой. Теперь представьте себѣ, такъ только, для примѣра, что вы умираете. Имѣніе дѣлится на части; каждый членъ семейства беретъ свою законную долю и начинаютъ жить отдѣльно. Какъ

же вы думаете, князь, будутъ ли дѣти ваши соразмѣрять потомъ свои расходы, или жизнь свою съ новыми, измѣнившимися, можетъ быть, въ десятую долю средствами?... Въ состоянiи ли будутъ они переломить свои многолѣтнiя привычки, отказаться отъ любимыхъ блюдъ, любимыхъ удобствъ квартиры, прислуги, удовольствiй и прочее? Если вы скажете, что они по неволѣ или по благоразумiю должны уже будутъ это сдѣлать, я вамъ укажу на сто тысячахъ примѣровъ, что это не такъ, что теорiя говоритъ одно, а дѣло другое. Да и стóитъ ли доказывать, искать далекихъ примѣровъ?—оглянитесь кругомъ и увидите все, ярче, пожалуй, солнца, потому что на солнце какъ-то неловко смотрѣть. Чтожъ это такое, какъ не воспитанiе? Надо быть слѣпому, какое слѣпому! — надо быть нелѣпому или наконецъ ни чѣмъ, чтобы оправдать наше заблужденiе. Отчего теперь не осталось почти ни одного имѣнiя, которое не было бы заложено и даже перезаложено?... Цѣль залоговъ прекрасная, кто объ этомъ споритъ! да на дѣлѣ-то ничто не оправдываетъ насъ. Мы беремъ деньги для улучшенiя своихъ имѣнiй, а имѣнiя наоборотъ, вслѣдствiе этихъ долговъ, вслѣдствiе необходимости уплаты процентовъ, которые также плохо платятся, страдаютъ: съ мужиковъ тянутъ послѣднее, и вотъ, смотришь, ежегодно сотни имѣнiй лопаются, идутъ съ молотка въ руки какого нибудь господина, случайно, Богъ его знаетъ, какими путями разбогатѣвшаго; а тотъ, въ свою очередь, начинаетъ сперва аккуратно, воздержно, съ разсчетомъ; подъ конецъ дѣлается бариномъ, а сынъ его.... валяй по всѣмъ по тремъ. Вникните, князь, разберите хладнокровно причины, и я заранѣе увѣренъ, что вы вполнѣ согласитесь со мной. Мы толкуемъ, кричимъ о воспитанiи и совсѣмъ забываемъ о его значенiи; вмѣсто воспитанiя, у насъ заботятся только объ образованiи, и безпрестанно и непростительно смѣшиваютъ два этихъ понятiя между собою безразлично. Воспитывать — значитъ внушать человѣку правила. Судя по этимъ правиламъ, мы заранѣе знаемъ, какъ благородный человѣкъ покажетъ себя въ обстоятельствахъ всякаго рода, не принимая въ этомъ разсчетѣ ни малѣйшей доли его научныхъ познанiй. У насъ только образовываютъ умъ, который нисколько не можетъ характеризовать поступковъ человѣка, и при самомъ высочайшемъ своемъ развитiи, безъ воспитанiя, будетъ, можетъ быть, стремиться къ достиженiю только эго-

истическихъ цѣлей. Міръ развивается, ростетъ, множится и вмѣстѣ съ нимъ растутъ и множатся пороки. Стоитъ взглянуть на всеобщее законодательство цѣлаго свѣта. Законы не упрощаются, кодексы не дѣлаются короче, а напротивъ, все расширяется, томы толстѣютъ, множатся и имъ конца не видно. Не ясно ли, что въ воспитаніи человѣка есть что-то не ладное.

— Послушайте!... вы ужь черезъ-чуръ, кажется... прервалъ меня князь: — вы, въ самомъ дѣлѣ, увлекаетесь и смотрите на предметъ въ увеличительное стекло. Развѣ мало и теперь людей истинно благородныхъ, честныхъ, религіозныхъ?... Слава Богу, мы еще не такъ жалки, какъ это вамъ кажется. Зачѣмъ же преувеличивать!... погодите.... родъ человѣческій и особенно люди благомыслящіе, сами чувствуютъ и сознаютъ свои недостатки, значитъ не такъ еще испортились, чтобы ужь и не оставалось никакой надежды. Авось все измѣнится къ лучшему. Начало есть: религія. Это такое прочное основаніе, на которомъ, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ быть построена нравственность всего человѣчества. А что мы до сихъ поръ такъ неудачно строимся, такъ ужь, конечно, не религія тутъ причиной, а мы сами.

— Я не спорю, князь; вы правы; но сознайтесь, однакожъ, что причиной такого упадка нравственности — это наше воспитаніе. У васъ, напримѣръ, трое сыновей. Позвольте же узнать, куда и какъ вы ихъ готовите?

— На службу, какъ и каждый дворянинъ, отвѣчалъ князь съ достоинствомъ.

— Разумѣется, въ военную? продолжалъ я вопросительно.

— Куда же иначе? Впрочемъ, одинъ, младшій, записанъ въ пажи.

— Какая же цѣль ваша, князь?

— Цѣль — общественная, государственная польза: всякій, по мѣрѣ силъ своихъ, долженъ быть полезенъ своему государству.

— Да вотъ вы, напримѣръ, князь, вы въ свое время служили, были полезнымъ членомъ общества, жертвовали на службѣ своимъ здоровьемъ, временемъ и разными удобствами, чтобы только по чувству сознанія долга принести, такъ сказать, и свою лепту на алтарь всеобщихъ обязанностей. А теперь, въ чинѣ генерала, живете въ отставкѣ и, конечно, продолжаете

же также служить государству тѣмъ, что приготовляете на такову же службу его троихъ дѣтей, изъ которыхъ каждый, по степени своихъ способностей и назначенія, будетъ содѣйствовать общимъ усиліямъ государства къ достиженію высокой цѣли благоденствія. Но, позвольте, князь, согласны ли вы, что системы воспитанія въ настоящее время не достигли еще у насъ надлежащаго совершенства, что системы эти до сихъ поръ не представляютъ намъ такихъ образцовъ своего произведенія, которые бы вполнѣ могли пробудить въ душѣ нашей истинную любовь и удивленіе, однимъ словомъ, такія чувствованія, которыя мы питаемъ къ человѣку, у котораго развиты въ высшей степени его нравственныя достоинства. Кто, положа руку на сердце, въ состояніи сказать: я всегда былъ справедливъ, честенъ, благороденъ, дѣятеленъ, трудолюбивъ, великодушенъ и наконецъ истинный христіанинъ? Никто, я думаю.

— Конечно!... прервалъ князь: — вы хотите совершенства, зная вполнѣ, что совершенство невозможно на землѣ.

— Да.... невозможно.... но, извините, князь, мы такъ далеки отъ добродѣтелей, что по неволѣ должны были создать для себя подобный афоризмъ.

— Да какъ же вы хотите.... кто же можетъ совмѣстить въ себѣ столько достоинствъ? Какъ это можно!... Человѣкъ всегда человѣкъ, то есть съ слабостями.... Гдѣ жь вы наберете натуръ, способныхъ на такое очищеніе, такихъ характеровъ.... вѣдь это фантазія.... человѣкъ вашъ — это идеалъ только.... сознайтесь.

— Нѣтъ, князь, если только вы сознаете, что я говорю о человѣческихъ добродѣтеляхъ, о нашей нравственности, то значитъ, это дѣло возможное. А что дѣлать, когда въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, мы росли все подъ ложнымъ направленіемъ, нѣсколько вѣковъ съ молокомъ матери всасывали въ себя всѣ общественные предразсудки и нелѣпости, такъ очень естественно, что въ настоящее время высокое проявленіе добродѣтелей въ одной личности, намъ кажется невѣроятнымъ, чѣмъ-то въ родѣ фантазіи. Извините за скачокъ: я перейду къ вашей личности, князь. Въ настоящее время, вы пользуетесь всеобщимъ вниманіемъ, объ васъ повсюду говорятъ съ величайшимъ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ, пожертвовавшемъ полжизни своей на служеніе отечеству, далѣе, какъ о человѣкѣ, который лич-

ными своими достоинствами стоитъ несравненно выше другихъ; потомъ, какъ объ отцѣ семейства, въ которомъ по правиламъ своимъ вы сдѣлались образцомъ и проч. Довольно ли этого, князь?

— Больше.... я ничего не могу сдѣлать.

— А не забываете ли вы про судьбу слишкомъ трехъ тысячъ душъ, благосостояніе которыхъ, какъ вы сами знаете, зависитъ отъ вашей воли?

— Чтожъ я могу сдѣлать для нихъ? Неужели мнѣ пожертвовать для нихъ собою, убить въ себѣ все то, что еще хоть немного краситъ остатокъ моей жизни? Неужели мнѣ стать теперь передѣлывать свои семидесяти-лѣтнія привычки? и что же я могу успѣть?... много ли мнѣ жить приходится.... всего-то?... Нѣтъ, ужь пощадите!... Надо было начинать это дѣло раньше, когда во мнѣ кипѣла еще жизнь, дѣятельность, охота къ труду.... но, время упущено.... я даже не имѣлъ понятія объ этой обязанности, мнѣ никогда ни въ дѣтствѣ, ни послѣ никто не говорилъ объ этомъ.... значитъ, поздно....

— А въ дѣтяхъ вашихъ, князь, вы не хотите развѣ поправить этотъ пропускъ? вѣдь имъ тоже со временемъ придется видѣть страданія, нищету и, вслѣдствіе того, пороки и другія несчастія въ своихъ крестьянахъ. Я думаю, князь, что служба — службой, а долгъ самъ по себѣ.

— Помилуйте, да какже это сдѣлать? я, пожалуй, готовъ сознать, что вы говорите правду, да вѣдь нельзя же наконецъ! Какимъ образомъ я буду пріучать дѣтей своихъ къ управленію имѣніемъ, если это ни съ чѣмъ несообразно, никакъ не клеится, все идетъ врозь.

— Поѣзжайте лѣтомъ, вмѣсто столичной дачи, въ деревню; попробуйте пожить тамъ, можетъ быть, тамъ воздухъ гораздо цѣлебнѣе здѣшняго, и вы снова оживете бодростью тѣла, какъ вы бодры еще духомъ; попробуйте, князь, возьмите съ собой на каникулы старшаго сына вашего, кадета, и испытайте пріучать его къ хозяйству, заставьте его полюбить своихъ крестьянъ, научите его видѣть въ нихъ людей. Сначала одно ваше присутствіе оживитъ духъ вашихъ бѣдныхъ мужичковъ; а повѣрьте, князь, что въ деревенской жизни вы нашли бы несравненно больше привлекательности, чѣмъ въ здѣшней, въ столичной. И

сколько при томъ матеріальной пользы! Можно быть увѣрену, что въ присутствіи вашемъ ни одно озеро не посмѣетъ сорвать нетолько плотины, но даже непошатнетъ ни одной сваи, сквозь которыя, при слабомъ надзорѣ старосты, сначала сочится вода по каплѣ, далѣе струей, потомъ водопадомъ; но къ этому привыкаютъ; а наконецъ, гдѣ либо по сосѣдству съ вашимъ имѣніемъ, пройдетъ дождикъ, сольется по отлогостямъ въ ваше озеро, не замѣтно для безпечныхъ мужиковъ подыметъ его, напретъ воду и вотъ вамъ.... плотина рушится!... Кромѣ того, если бы дѣти ваши, вмѣсто обыкновенной прогулки, знакомились подъ руководствомъ хорошаго дядьки съ бытомъ, жизнію и занятіями этихъ бѣдныхъ мужиковъ, то мало по малу, изъ года въ годъ, они привыкли бы понимать нужды ихъ, сочувствовать имъ, узнали бы потребности самого имѣнія и наконецъ способъ управленія сельскимъ хозяйствомъ. А со временемъ, куда какъ пригодилось бы имъ это знаніе! Извините, князь, я можетъ быть черезъ-чуръ уже надоѣлъ вамъ своей болтовнею; а только мнѣ кажется, что спеціальное приготовленіе дѣтей къ службѣ извѣстнаго рода, для помѣщиковъ, не совсѣмъ выгодно. Судите сами, не вѣчно же служба: придетъ время, вотъ какъ и для васъ теперь, князь, когда долгъ помѣщика, въ рукахъ котораго находятся нѣсколько сотъ семействъ, потребуетъ у васъ жертвы, потребуетъ обязанностей и, увы! — окажется, что вы и не знакомы съ ними!

— Правда ваша, правда!.. громко восклицалъ князь, вставая съ мѣста:—сознаю, что это правда. Я въ самомъ дѣлѣ могъ бы еще попробовать силы свои на этомъ поприщѣ; притомъ, вы пробудили у меня мысль, что дѣйствительно, для дѣтей нашихъ недостаточно тѣхъ свѣдѣній, которыя они получаютъ въ школахъ и которыя, въ свою очередь, забываются на службѣ, потому что въ нихъ не предстоитъ потомъ почти никакой надобности. Онѣ, конечно, составляютъ нѣкоторое богатство ума, роскошь его и даже, если хотите, потребность; но отчего же, напримѣръ, въ жизни своей я никогда не чувствовалъ необходимости знанія рѣшать уравненія, не только съ тремя, но даже съ однимъ неизвѣстнымъ? Ну, хоть убей меня, увѣрялъ князь, хлопая себя ладонью по лбу: — рѣшительно припомнить не могу, что это такое? Иксы какіе-то, да игреки, плюсы, минусы, еще что-то.... (князь махнулъ рукой). — А вотъ дѣло, напримѣръ,

знать свое имѣніе, знать способы улучшать свое хозяйство, знать жизнь и потребности своихъ крестьянъ, я понимаю, что это было бы для меня очень и очень полезно.

— Въ настоящее время, князь, у насъ, слава Богу, начинаютъ на это обращать вниманіе, и если это счастливое направленіе пойдетъ своей дорогой, то въ короткое время мы на сто лѣтъ шагнемъ впередъ отъ нашихъ непосредственныхъ предковъ. Не правда ли, князь, что до сихъ поръ вопросъ о воспитаніи лежалъ у насъ, какъ мертвая глыба камня, безпрестанно наростающая только снаружи мхомъ и лишаями? А между тѣмъ воспитаніе это проходитъ чрезъ всѣ слои нашего общества: мужикъ и баринъ, купецъ и чиновникъ, ремесленникъ, солдатъ,— всѣ получаютъ воспитаніе, разумѣется, домашнее; но воспитаніе это до сихъ поръ не составляетъ у насъ никакой науки, никакой системы или методы, а такъ себѣ, идетъ подъ руководствомъ природы, въ видѣ мамки, отца, матери, дядьки, какъ кому придется; но въ этомъ руководствѣ нѣтъ еще никакого человѣческаго, разумнаго руководства, кромѣ забавнаго присмотра, и то только у богатыхъ людей; все же остальное воспитывается какъ Богъ пошлетъ, то есть никакъ, или почти никакъ.

— Да, да!. . говорилъ князь, расхаживая по кабинету своему изъ угла въ уголъ:—вы правы. Дай Богъ! чтобы новые дѣятели съумѣли сдѣлать что нибудь хорошее на пользу человѣчества; но мнѣ кажется, что важнѣйшимъ препятствіемъ къ этимъ успѣхамъ всегда будетъ наше физическое устройство, наша природа.

— Какъ это, князь?

— Такъ, что природа обнаруживается у человѣка сначала желаніемъ, потомъ волею и наконецъ уже разсудкомъ. Видите ли, еслибъ дѣло было наоборотъ, такъ и толковать нечего, намъ бы и не пришлось говорить о воспитаніи, а то, пока человѣкъ дождется разсудка, желанія и воля опережаютъ его на каждомъ шагу. Подъ вліяніемъ ихъ человѣкъ начинаетъ жить съ колыбели, ростетъ нѣсколько лѣтъ, дѣйствуетъ въ своемъ дѣтскомъ кружку, подъ непосредственнымъ руководствомъ своихъ чувственныхъ пружинъ; онъ только чувствуетъ, желаетъ и требуетъ, но не въ состояніи судить ни о чемъ. Въ извѣстное время пробуждается наконецъ разсудокъ, но чтожь!... онъ слишкомъ

юнъ, сравнительно съ сердцемъ, желанія и воля немедленно захватываютъ его подъ свое протекторство, и неопытный, едва открывшій глаза, разумъ подчиняется имъ, слушается приказаній сердца, и такъ всю жизнь свою остается въ какой-то должности, на побѣгушкахъ, въ родѣ довольно усерднаго и исправнаго лакея. Такъ вотъ гдѣ, я думаю, встрѣтятъ господа пишущіе о воспитаніи порогъ или цѣлую стѣну, черезъ которую трудно перебросить какую либо методу нравственнаго развитія человѣка; надо сначала сломать ее, а какъ сломать?... вѣдь это натура!... Я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ можно будетъ достигнуть благодѣтельной цѣли?

— Натурой же, отвѣчалъ я князю.—Если вы не отвергаете поговорки, что привычка есть вторая натура, можно достигнуть чрезвычайно благодѣтельныхъ успѣховъ. Пріучите, напримѣръ, вашихъ дѣтей всегда говорить правду, внушите имъ любовь къ человѣку, хотя бы этотъ человѣкъ былъ крестьянинъ, и уваженіе къ человѣческому достоинству—и вы сдѣлаете этимъ огромнѣйшій шагъ къ дальнѣйшему ихъ усовершенствованію; а соединеніе нѣсколькихъ хорошихъ привычекъ вмѣстѣ въ одномъ человѣкѣ, можетъ образовать ту высокую нравственность, о которой мы всѣ толкуемъ съ незапамятныхъ временъ.

— Согласенъ, отвѣчалъ князь: — но кто же будетъ заниматься этимъ? кому поручить составленіе этихъ привычекъ?...

— Разумѣется, родителямъ; кому же больше? Тѣмъ болѣе, что привычки эти надо вкоренять въ дѣтей съ младенчества.

— Да, вы говорите съ младенчества; но у меня у всѣхъ дѣтей, кажется, сколько я замѣчаю, нѣтъ никакихъ особенныхъ недостатковъ, и надѣюсь, что и нравственная сторона ихъ также не запятнана. Это-то дѣло я, слава Богу, кое-какъ сладилъ; а вотъ, что касается до имѣнія, такъ тутъ, я вамъ скажу.... голова пойдетъ кругомъ. Вѣдь я чувствую, вижу самъ, а какъ вы хотите.... развѣ есть возможность поправить въ нѣсколько лѣтъ вѣковое упущеніе?...

— Попробуйте, князь, уговаривалъ я, все еще надѣясь склонить его на поѣздку въ деревню: — не все ли равно для васъ прожить лѣто на дачѣ близъ Петербурга, или подальше отъ него? Или вы чрезъ это лишаетесь какихъ нибудь удобствъ? или...

— Для меня, пожалуй, все равно; я готовъ.... я даже думаю...

Въ это время шелестъ шелковаго платья прервалъ слова князя: передъ нимъ стояла Аглаида Павловна, — супруга князя, надутая криволиномъ.

— Жоржъ! я на минутку: Катерина Петровна прислала человѣка узнать, будемъ ли мы въ концертѣ? сегодня играетъ Серве. Я велѣла сказать, что мы... возьмемъ ложу.

— Это... въ которомъ часу? спросилъ князь, желая казаться господиномъ.

— Я думаю въ два, отвѣчала княгиня, слегка наклонивъ мнѣ свою голову, какъ будто случайно замѣтивъ мое присутствіе.

— Въ два... въ два... повторялъ князь, соображая, по видимому, время, которое онъ не въ шутку называлъ деньгами: — пожалуй, я можетъ быть и справлюсь: мнѣ нужно еще заѣхать къ князю Василію Андреичу.... впрочемъ я успѣю.... хорошо, мой другъ!.. Такъ пошли взять билеты.

— Жоржъ!... сказала княгиня, уходя изъ кабинета въ залъ, и вызывая къ себѣ мужа. Князь вышелъ.

Разговоръ межь ними въ залѣ былъ въ полголоса, такъ что я не могъ слышать его содержанія. По временамъ ко мнѣ долетали только отрывистыя слова князя. Князь возвратился въ кабинетъ съ сердитымъ лицомъ. Онъ отперъ свое бюро, что-то досталъ оттуда и снова вышелъ въ залъ; но мнѣ ужь какъ-то неловко было оставаться у него долѣе: я сталъ надѣвать перчатки.

— Куда же вы?.. посидите!.. развѣ вы торопитесь?.. потолкуемъ еще... мнѣ очень пріятно..., говорилъ князь, снова появляясь въ кабинетѣ: — такъ вотъ... про хозяйство... вы говорите, что... о чемъ это мы съ вами говорили?.. Жена совершенно сбила мою идею..

— О поѣздкѣ въ деревню, князь, напомнилъ я, желая узнать, на много ли заинтересовало его это предложеніе.

— Да, да, точно... Вы дѣйствительно правы, что собственный глазъ много значитъ, и конечно присмотръ.... это очень важно... даже необходимо...

Князь, по видимому, окончательно потерялъ тактъ, и подъ вліяніемъ еще не остывшихъ впечатлѣній отъ сцены домашнихъ разсчетовъ съ женою, казалось, былъ занятъ совсѣмъ не управ-

леніемъ своихъ крестьянъ, а скорѣе управленіемъ собственной особы, затиснутой въ клещахъ свѣтскихъ приличій, условій, требованій, уставовъ, и тому подобныхъ ста тысячъ китайскихъ церемоній. Онъ позвонилъ.

— Съѣзди, братецъ, къ генералу Крахоткину, и кланяйся отъ меня, говорилъ князь ливрейному лакею, который стоялъ уже въ дверяхъ: — да скажи ему, что я, дескать, согласенъ, взять его карету и лошадей; такъ... скажи... проситъ молъ, князь, чтобы къ часу или къ половинѣ этакъ втораго онъ потрудился бы прислать мнѣ ихъ... и скажи, что баринъ хотѣлъ писать къ вамъ, да ему некогда; занятъ очень; а что часовъ въ семь я заѣду къ нему и поблагодарю... Ступай!.. Да вернись поскорѣй съ отвѣтомъ, — слышишь?

— Слушаю-съ.

— Да, сказалъ князь, обращаясь разсѣянно ко мнѣ: — воспитаніе важное дѣло.. Посмотрите, напримѣръ, на нашу молодежь. — Что ихъ занимаетъ? Вино, лошади и женщины! Впрочемъ и то — чѣмъ раньше молодой человѣкъ испытаетъ жизнь, тѣмъ онъ скорѣе отрезвится и, со временемъ, то есть въ самую пору, въ лучшій возрастъ свой, сдѣлается положительнымъ, практическимъ человѣкомъ.

— А кромѣ того, князь, прибавилъ я: — такой образъ жизни богатыхъ молодыхъ людей дастъ пищу нашей промышленности, фабрикаціи и торговлѣ: одинъ раззоряется — сотни богатѣютъ; и вслѣдствіе того, въ отношеніи политической экономіи, уравновѣшиваются капиталы, возрастаетъ конкуренція, возникаетъ общая дѣятельность и государственное благосостояніе развивается съ быстротою.

— Да, такъ-то, такъ... Князь вздохнулъ, погладилъ свою лысину, окаймленную бѣлой бахрамой волосъ, и прибавилъ, какъ бы въ утѣшеніе себя: — значитъ, нѣтъ худа безъ добра.

— То есть, частное должно идти жертвой въ пользу общаго, замѣтилъ я: — и потому то, можетъ быть, упадокъ нравственности возбудилъ въ настоящее время такую отрадную реакцію, зашевелилъ у насъ вопросы о воспитаніи, и не о томъ воспитаніи, которое до сихъ поръ шло повсюду фальшивой дорогой, проселочными путями, оставляя въ сторонѣ истинное достоинство человѣка, а о томъ, о которомъ еще слишкомъ за 1800 лѣтъ въ пер-

вый разъ заговорилъ божественный наставникъ нашъ. Что пользы изъ всѣхъ нашихъ научныхъ познаній, если только онѣ не дѣлаютъ насъ истинно справедливыми и къ себѣ и къ другимъ? Воспитаніе должно идти вмѣстѣ съ образованіемъ, только при сліяніи того и другаго—являются люди, готовые за истину идти на крестъ... Мы вѣдь вотъ безпрестанно толкуемъ объ ней, говоримъ о своей любви къ ней, повсюду отъискиваемъ, требуемъ ее отъ другихъ, и тяжело намъ это искательство, насъ безпрестанно давитъ грузъ.. а грузъ этотъ внутри насъ; онъ приросъ уже къ сердцу нашему, съ нимъ больно растаться; это эгоизмъ нашъ... Эгоизмъ въ безчисленныхъ формахъ: въ золотѣ, честолюбіи, тщеславіи, лѣни, сладострастіи, и проч. и проч. Извините, князь, мнѣ эту восторженность!... не смѣйтесь надъ тѣмъ, что стóитъ кровавыхъ слезъ!!

— Прекрасно... прекрасно!.. отвѣчалъ князь, подавая мнѣ руку: — но не забудьте однакожь, что вѣдь мы люди, и живемъ на землѣ, а истина... при этомъ князь указалъ на потолокъ, вѣроятно, подразумѣвая небо.

— Позвольте вамъ замѣтить, возразилъ я: — эту фразу мы давно уже сказали для оправданія своихъ слабостей, и съ незапамятныхъ временъ повторяемъ ее. Истина не тамъ, князь, гдѣ вы показываете, а вотъ здѣсь,—въ головѣ и въ сердцѣ нашемъ: чистый разумъ есть истина, правосудіе есть истина, $2 \times 2 = 4$ есть истина, и такъ далѣе.

— Да виноваты ль люди, что они такъ созданы? спросилъ князь, безпрестанно стараясь оправдать свои понятія.

— Кто же виноватъ?.

— Вѣроятно — природа наша.

— Но человѣкъ подчиняетъ себѣ природу.

— Ну, такъ воспитаніе.....

— А, значитъ, — виноваты люди.

— Ну, люди, такъ люди!.. Какъ же намъ быть? скажите?..

— Надо воспитываться и воспитывать въ тоже время другихъ.

Князь покачалъ головой, желая, кажется, выразить сомнѣніе; но какъ онъ раньше сознавалъ уже недостатки нашего воспитанія, то, на этотъ разъ, не могъ говорить противъ себя.

— Его превосходительство, произнесъ лакей, прерывая нашу бѣседу: — приказали сказать, что на счетъ кареты они сами заѣдутъ къ вамъ вечеромъ.

— Хорошо; поди доложи объ этомъ княгинѣ, отвѣчалъ князь съ нѣкоторой досадою: — да вели закладывать! прибавилъ онъ: — а какъ вы думаете, началъ онъ, снова обращаясь ко мнѣ: — къ чему послужатъ наши толки съ вами о добродѣтеляхъ и недостаткахъ современнаго человѣка?

— Ни къ чему, князь; песчинкой нельзя остановить, или задержать теченіе, напримѣръ, Невы; и цѣлые мильоны такихъ песчинокъ, бросаемыхъ по одиночкѣ, также безполезный трудъ: ихъ унесетъ громадой теченія. Надо гигантскія усилія, надо пробудить общее стремленіе къ истинѣ, и тогда только можно будетъ надѣяться на успѣхъ.

— Я самъ тоже думаю, и потому, знаете что?.. Мы съ вами съѣздимъ, когда нибудь, лѣтомъ, въ мое имѣніе, и вмѣстѣ, общимъ усиліемъ, постараемся, посмотримъ, можно ли будетъ сдѣлать тамъ что нибудь порядочное. Въ нынѣшнемъ году мнѣ нельзя, рѣшительно нельзя... Видите ли, еслибъ я былъ одинъ, о!. тогда совсѣмъ другое дѣло· а то семейство... понимаете, какъ это связываетъ.

— Мнѣ очень пріятно, князь, содѣйствовать вашему намѣренію, отвѣчалъ я съ совершенной увѣренностью, что онъ никогда не поѣдетъ въ деревню, что все будетъ идти по старому, и, признаюсь, сообразивъ наконецъ настоящее съ будущимъ, я невольно повторилъ пословицу, которую произнесъ князь: «нѣтъ худа безъ добра.»

— Княгиня ожидаетъ ваше сіятельство, громко произнесъ накрахмаленный лакей въ ливрейной формѣ.

— А карета?. спросилъ князь, вставая.

— Готова-съ, подана...

— Скажи, что сейчасъ..

— Слушаю-съ!..

Я сталъ прощаться.

— Такъ заходите, пожалуйста, просилъ князь, подавая мнѣ руку: — потолкуемъ еще, поговоримъ, поспоримъ, продолжалъ онъ съ легкимъ смѣхомъ: — я люблю этакъ, знаете, иногда...

— Съ удовольствіемъ! отвѣчалъ я, также улыбаясь, что, какъ извѣстно, превратилось уже въ какую-то естественную судорогу лица при всѣхъ здравствованіяхъ и прощаніяхъ образованнаго человѣка.

Мы разстались, и если ничего не успѣли сдѣлать хорошаго, то, по крайней мѣрѣ, впродолженіе нѣсколькихъ часовъ были настроены ко всему хорошему; а и это недурно.

«Худое можетъ привести къ лучшему, подумалъ я, спускаясь съ лѣстницы: и авось, можетъ быть, скоро оправдается изрѣченіе князя: «Нѣтъ худа безъ добра.» — Давай Богъ!...

К. МИКЕШИНЪ.

ЧЕРВЯЧКИ.

I.

УѢЗДНЫЙ ГОРОДЪ ОРДЫНСКЪ.

Была осень, глубокая, поздняя осень, когда я пріѣхалъ въ Ордынскъ, небольшой уѣздный городъ одной изъ дальнихъ губерній. Пріѣхавъ по своимъ дѣламъ, не болѣе какъ на одну недѣлю, я, разумѣется, тотчасъ же хотѣлъ приступить къ разспросамъ о лицахъ, которыя мнѣ были необходимы; и потому, неимѣя никого знакомыхъ, я послалъ за хозяиномъ гостинницы, неотличающейся, впрочемъ, нисколько отъ постоялаго двора; а самъ между тѣмъ расположился около самовара чудовищной величины, который неистово шипѣлъ, и въ пять минутъ наполнилъ комнату воздухомъ такой температуры, которою русскій человѣкъ пользуется исключительно по субботамъ. Хозяинъ не долго заставилъ ожидать себя: едва я налилъ свой стаканъ, какъ дверь отворилась и раздалось громкое: «чай да сахаръ, вашей милости!» Передо мной стоялъ высокій бѣлокурый мужикъ, съ лицомъ открытымъ и довольно пріятнымъ. Ему было лѣтъ тридцать-пять. Плисовые шаровары, запрятанные въ сапоги съ напускомъ, и красная александрійская рубашка, подпоясанная узенькимъ пояскомъ, къ которому привязанъ былъ ключъ, составляли его одежду.

Поблагодаривъ за привѣтствіе, я пригласилъ его выпить со мною чашку чаю, на что̀ онъ охотно согласился.

— Какъ твое имя, любезный? спросилъ я.

— Максимъ, по отцѣ Трифоновъ-съ.

— Садись, Максимъ, поближе—вотъ такъ. Вотъ что, любезный, началъ я:—у меня есть дѣло къ здѣшнему исправнику,—скажи пожалуйста, кто у васъ исправникъ?

— Терентій Васильичъ Куркинъ; да вы ихъ сейчасъ изволили видѣть, онъ вамъ встрѣтился у крыльца, такой изъ себя толстый, одутловый. Баринъ обходительный, славный, изъ суда всякій день изволитъ заходить къ намъ на счетъ мозжевеловой, а живетъ-то напротивъ, вотъ изволите видѣть, дикенькій домикъ, изъ окошка въ окошко съ нами. Временемъ маленько зашибаетъ; ну, да нельзя безъ того, служба-то ихняя, сударь, этого требуетъ: погода ли, непогода — всё поѣзжай, мертвое тѣло не будетъ дожидаться, или какое начальство проѣзжаетъ, долженъ и встрѣтить и проводить; такъ поневолѣ выпьешь. Да онъ и самъ мнѣ признавался: «я, говоритъ, Максимъ, право, пристрастія-то настоящаго къ вину не имѣю, да и имѣть-то не хочу. Что въ немъ? одинъ грѣхъ, — ну, а такъ иной разъ переложишь, что называется, по слабости человѣческой» — такъ вѣдь это и Богъ проститъ.

— А по дѣламъ-то какъ онъ, не задерживаетъ?. спросилъ я.

— Что вы, задерживать! какъ можно. Господа зачастую не застанутъ его въ судѣ, ну ужь такъ и знаютъ, прямо къ намъ;—онъ тутъ же вотъ на этомъ столѣ и рѣшеніе положитъ, пошлетъ въ Судъ, тамъ напишутъ, принесутъ подписать и дѣло сдѣлано. А между тѣмъ проситель прикажетъ раскупорить бутылочку-другую винца. И они-то довольны, да и намъ хорошо. Помѣщики души въ немъ не слышатъ: поѣдетъ на слѣдствіе въ одну сторону, глядимъ, недѣли черезъ двѣ, катитъ верстъ за сто совсѣмъ съ другой стороны. Это всё господа возятъ его къ себѣ погостить. А къ праздникамъ-то, чего-чего не нашлютъ: кто овса, кто сѣна, кто муки, кто масла, кто живности какой; — кажется, и деревни бы своей не надо. Правда, за то ужь и онъ ихъ не тревожитъ: дороги ли починить, мосты ли справить, за все-про все въ отвѣтѣ экономическіе. Съ окружнымъ то у нихъ дружба непомѣрная, такъ, знаете, оно и можно. Извѣстное дѣло, экономическіе не то, что господскіе, жаловаться не пойдутъ.

а если и пойдутъ, такъ къ тому же окружному—а онъ имъ что? Сегодня, говоритъ, я, а завтра другой.... Впрочемъ, когда случается сгонять на дорогу въ рабочую пору, исправникъ ужъ безпремѣнно по чаркѣ вина отъ себя поднесетъ, да еще скажетъ: «я васъ, ребятушки, люблю, вы люди царскіе и окружнаго-то вашего люблю;» а если кто заартачится, да проговорится, «что это не нашъ участокъ», такъ онъ такого задастъ трезвону, что только держись: это, говоритъ, значитъ неповиновеніе властямъ, и меня-то съ вами засудятъ.... да и пойдетъ, и пойдетъ... а послѣ, глядишь, того, который, участки-то разбиралъ, окружной и отмѣтитъ на рекрутскую очередь. Такъ въ другой разъ и будутъ умнѣй.

— Но вѣдь это, Максимъ, злоупотребленіе, какъ ты думаешь? замѣтилъ я.

— Да оно разумѣется, сударь, дѣло не совсѣмъ чистое, да вѣдь на то и мужикъ, чтобы работалъ, да начальству пользу давалъ. Это не то, что наше дѣло, купеческое: и капиталъ заплати и акцизъ отдай и начальство ублажи; а у нихъ что? подушные сдалъ, и шабашъ. Живутъ-то въ деревнѣ: ни городничаго не знаютъ, ни квартальнаго; а объ хожаломъ иной и не слыхивалъ, что такой есть за человѣкъ хожалый.—Можно сказать, никого не знаютъ. Въ настоящее время, нечего сказать, а намъ грѣхъ пожаловаться. Городничій у насъ новый, человѣкъ молодой, подъ Севастополемъ былъ, да такой серьёзный; сохрани Богъ, если кто вздумаетъ сдѣлать какое приношеніе — житья не дастъ. Купечество наше было-хотѣло поздравить его съ пріѣздомъ, и пришли съ кулечками; такъ онъ имъ такую рацею прочелъ, что тѣ насилу двери нашли; а градскому головѣ сказалъ: «я, говоритъ, тебя въ губернію представлю, за то, что потакаешь мошенникамъ.» А гдѣ тутъ мошенничество? Какое? Больше ничего какъ уваженіе. Человѣкъ онъ, надо полагать, не очень богатый, въ трескучіе морозы въ ватной шинелькѣ гуляетъ, а фанаберія-то много: «Какъ, говоритъ, я возьму!...» По насъ, такъ такой начальникъ хуже: иной разъ дѣльце-то и можно бы было обдѣлать, да какъ ты къ нему подъѣдешь? ну, и пропадай. Письмоводитель у него такая выжига!... Мы прозвали его Прокопкой. Намедни пришелъ къ головѣ, да и говоритъ «какъ бы намъ городничаго-то женить»? а тотъ ему: — «что ты

съ ума сошелъ, Прокопка, за чѣмъ же это?»—«А за тѣмъ, говоритъ, что другіе порядки пойдутъ, и всѣмъ будетъ хорошо. Какъ обабится, такъ и все понадобится.» Такой чудной этотъ Прокопка; до всего своимъ умомъ дошелъ.

Я засмѣялся.

— Да вы, сударь, не смѣйтесь, продолжалъ Максимъ; — оно съ одной стороны и справедливо, у насъ такое дѣло было: пріѣхалъ къ намъ судья, собой красавецъ, ученый, одѣвался по модѣ и всегда въ перчаткахъ ходилъ; ну и никакихъ, знаете, притѣсненій по дѣламъ — никому. Стараго секретаря смѣнилъ, а новому почти и дѣлать было нечего: во все самъ входилъ, просителей пріучилъ во всякое время прямо къ себѣ, приметъ, обласкаетъ и дѣло сдѣлаетъ только за спасибо. Жалованье свое отдавалъ неимущимъ чиновникамъ изъ своей канцеляріи. Этакой былъ благородный, что и сказать нельзя. Долго думали чиновники, какъ бы имъ избавиться отъ такой напасти; видите ли, благородство-то судейское, ужь больно ихъ одолѣло; а просители, которыхъ, по обходительности судьи, стало вдвое больше, только умъ помрачили. Вотъ они и къ ворожеямъ-то ходили, и молебны собча служили, и за упокой-то подавали, чтобы тоску на него навести по такой жизни — ничего не беретъ, да такъ они съ нимъ года два и маялись, да еще и Богъ знаетъ, сколько бы промаялись, если бы онъ не вздумалъ жениться на дочери нашего стряпчаго; она въ ту пору только что изъ пансіона вышла, и по малолѣтству, казалось бы, ничего такого дѣльнаго отъ нея и ожидать-то нельзя было; а на повѣрку вышло другое: мѣсяца не прошло, какъ столоначальникъ Уѣзднаго Суда взялъ съ моего пріятеля красненькую, а судья пересталъ отдавать свое жалованье неимущимъ чиновникамъ, да никакъ рублей двѣсти задолжалъ нашему пивовару, который судится у него за разные неблагонамѣренные поступки. Такъ вотъ онъ, что значитъ, сударь, умная-то жена: всякаго человѣка можетъ на настоящій путь наставить.

— А кто у васъ судья? спросилъ я, потому что имѣлъ дѣло въ Уѣздномъ Судѣ.

— Теперь другой-съ. Я, право, и фамилія-то его не припомню. Никогда не видывалъ, да едва ли кто у насъ и видалъ его.

— Какже, развѣ онъ не бываетъ въ Судѣ?

— Какъ можно ему быть въ Судѣ, замѣтилъ полунасмѣшливо Максимъ:—сохрани Богъ, что нибудь сдѣлаетъ просителю, а вѣдь просители и генералы бываютъ. Онъ не то, чтобы совсѣмъ не имѣлъ разсудка, а подъ часъ на него находитъ такое изступленіе, что трое не удержатъ. Вотъ ужь пятый годъ, какъ онъ никуда не показывается; а говорятъ, когда въ своемъ умѣ бываетъ — человѣкъ рѣдкой доброты.

— Но какъ дворянство могло выбрать въ такую должность больнаго человѣка? перебилъ я.

— Единственно по своему доброжелательству къ ближнему. Извольте видѣть, сударь, какъ это случилось: лѣтъ пять тому назадъ, въ ночь на зимняго Николу, у него, говорятъ, загорѣлся домъ, жена съ испуга и бросься въ окно изъ втораго этажа, да такъ хватилась объ мостовую, что тутъ же и душу Богу отдала, оставивъ шесть человѣкъ дѣтей малъ-мала меньше. Въ домѣ все до-чиста сгорѣло; ну, знаете, лишившись жены, имущества, съ малыми ребятами, онъ думалъ, думалъ — да и рехнулся. Провѣдали объ этомъ помѣщики,—какъ бы то ни было, свой братъ, дворянинъ, пособить надо. Подошли выборы, они его и выбрали въ судьи. Можно сказать, изъ одного сердоболія, ради сиротъ. Хотя судейское жалованье и не Богъ вѣсть какое, однако, бѣдному человѣку все подмога. Тутъ, было, нѣкоторые стали говорить: какъ можно сумасшедшаго человѣка сдѣлать судьею,—ну, да ихъ и вразумили тѣмъ, что исправлять должность судьи можетъ любой засѣдатель и отъ этого никому хуже не будетъ, потому что этого же самого засѣдателя могли бы выбрать и самого въ судьи, стало быть, все равно; — его же избираютъ собственно по убожеству. Такъ и порѣшили. Теперь только и дѣла за нимъ, что первое число каждаго мѣсяца принесутъ ему книгу, да жалованье нà-домъ; онъ распишется, получитъ деньги и опять до перваго числа пера въ руки не беретъ, а засѣдатель за него въ Судѣ сидитъ и всякія дѣла рѣшаетъ.

— Надо правду сказать, прибавилъ Максимъ, допивая восьмую чашку и обтирая лобъ пестрымъ бумажнымъ платкомъ: — въ нашемъ уѣздѣ дворянство примѣрное, бѣдному человѣку всякую помощь оказываетъ. Да что я говорю, бѣдному — у насъ здѣсь всякому хорошо, только другой не умѣетъ чувствовать.

Благодарности-то въ немъ нѣтъ. Вотъ хоть бы теперь взять нашего предводителя, Валерьяна Александрыча: только что вышелъ изъ университета, женился въ нашемъ уѣздѣ на одной богатѣйшей барышни; прежде числился на службѣ какимъ-то попечителемъ, а потомъ задумалъ быть предводителемъ и всего-то ему было лѣтъ двадцать съ небольшимъ; сами изволите знать, въ такіе годы сдѣлаться предводителемъ дворянства — всякому лестно. Вотъ онъ и поѣхалъ знакомиться съ помѣщиками, у себя назначилъ всякую недѣлю обѣдъ и балъ съ музыкою, шампанское рѣкой лилось, фрукты всякіе и поваровъ изъ Москвы выписывалъ; дворяне, видя такое радушіе, полюбили его и выбрали предводителемъ. А онъ, какъ должность-то принялъ, совсѣмъ другой сталъ. Дворяне пріѣдутъ къ нему посовѣтоваться объ дѣлахъ, а онъ ихъ поведетъ въ конюшню показывать своихъ рысаковъ, или самъ отправится объѣзжать ихъ, а дѣло жди; потомъ укатитъ мѣсяца на два въ столицу, да и знать никого не хочетъ: «я, говоритъ, не привыкъ жить въ какомъ нибудь уѣздномъ городишкѣ — мнѣ нужна столица!» — точно, прости Господи, его къ намъ въ предводители-то толкали. А иной разъ соберетъ къ себѣ дворянъ поиграть въ карточки, да часу до третьяго ночи и моритъ ихъ безъ пищи — колбасы, даже и той не подастъ. Поиграютъ, поиграютъ, да такъ и разъѣдутся. Оно и выходитъ: и васъ угощалъ, когда вы мнѣ были нужны, а теперь я и безъ васъ обойдусь, господа. Такая благодарность кому полюбится, ужь и помѣщики видятъ, что оплошали, да взять-то нечего. Протоколисту, разумѣется, такой предводитель по вкусу, вонъ онъ и лошадокъ завелъ и жена одѣта не хуже совѣтницы какой.

Въ это время въ самоварѣ нашемъ оказалось совершенное отсутствіе воды, почему я приказалъ человѣку его снять; но, не желая разстаться съ словоохотливымъ хозяиномъ, вынулъ изъ дорожнаго погребца графинъ съ водкою, настоенною наборомъ подъ названіемъ вице-губернаторскаго, котораго все достоинство заключается въ томъ, что онъ придаетъ вину вкусъ полыни, да еще чего-то горькаго и, по мнѣнію людей свѣдущихъ, весьма способствуетъ пищеваренію. Когда я налилъ водки въ стаканъ, и предложилъ хозяину выпить, то онъ сначала съ видомъ знатока посмотрѣлъ жидкость на свѣтъ, потомъ понюхалъ, и, оставшись, повидимому, доволенъ и цвѣтомъ и запахомъ, пере-

крестился, пожелалъ мнѣ добраго здоровья, и однимъ глоткомъ доказалъ, что вино—его заклятый врагъ, и потому, уничтожая его, онъ даже не морщится.

— А у васъ, баринъ, добрая водка, сказалъ Максимъ: — не здѣшней чета. Здѣсь верстъ на семьдесятъ въ округѣ и вина-то такого не найдешь, все пополамъ съ водицей. Я налилъ ему другой стаканъ, который отправленъ былъ тѣмъ же порядкомъ.

— Вотъ еще, сударь, продолжалъ онъ:—за что это мы награждаемъ откупъ? а онъ-то надъ нами издѣвается, почитай всякій годъ полтинку на ведро накидываетъ. А нашъ-то братъ трактирщикъ какъ отъ него страдаетъ — не приведи Господи. Теперь примѣрно хоть бы я, хочешь—не хочешь, а бери двадцать ведеръ каждый мѣсяцъ; тогда какъ ихъ круглымъ-то числомъ выходитъ только семьнадцать, остальные хоть на полъ лей; а не возьми препорціи, ну и закрывай заведеніе: ревизоры житья не дадутъ, прахъ ихъ возьми. А теперь бѣдному человѣку, свадьбу съиграть или праздникъ Господенъ встрѣтить, нужно купить винца,—великое ли дѣло ведро?—а за него отдай пять рублей, а за два такъ десять, вѣдь это по старинному курсу почти полсотни; да и то настоящаго удовольствія не получишь: вино-то нынче больно слабо — крѣпость-то вся остается у откупщиковъ въ карманахъ. Да хоть бы полтинки-то наши шли на какое нибудь Богоугодное дѣло, — такъ по крайней мѣрѣ сердце бы не болѣло — знаешь, что выпилъ, себя потѣшилъ и бѣдному человѣку добро сдѣлалъ, а то Богъ знаетъ кого и за что мы награждаемъ. На чужія-то деньги всякій тароватъ. Разсудите сами:—въ казну-то, положимъ, откупщику надо заплатить мильонъ; ну онъ его и отдастъ, а послѣ понадобится питейную контору перестроить или какое ни наесть благотворительное заведеніе поставить, ради спасенія души своей, да и всякія пожертвованія съ него спросятся ни какъ съ другаго: «ты—де откупщикъ, у тебя денегъ много.» Вотъ ужь и лишній расходъ, а чѣмъ его дополнить? ну, извѣстное дѣло, или москворѣцкой или волжской, по штофику на ведро, такъ и себѣ на домишко останется. При томъ откупщикъ въ городѣ лицо почетное, его знаетъ и городничій и исправникъ и засѣдатели и становые пристава, слѣдовательно и онъ ихъ долженъ помнить и знать, кто какую употребляетъ и въ какомъ размѣрѣ—опять

расходы, которые требуютъ покрышки. Потомъ бываютъ случаи непредвидимые, такъ сказать темные. Вотъ я вамъ разскажу про одинъ такой. Дѣло-то мнѣ это коротко знакомо. Года три тому назадъ сидѣлъ я въ кабакѣ, въ нашемъ губернскомъ городѣ, то-есть по просту сказать былъ цаловальникомъ. На ту пору пріѣхалъ къ намъ новый губернаторъ; ну, извѣстное дѣло, новый начальникъ — новые порядки; до всего сталъ доходить. Человѣкъ былъ высокаго ума, не взиралъ ни на какія лица, выговоры дѣлалъ самые строжайшіе:—кого подъ судъ отдалъ, кого изъ службы исключилъ. Говорятъ, случай большой въ Питерѣ имѣлъ, такъ ему всё ни по чемъ было, всѣхъ перетасовалъ. Кто-то шепнулъ ему и про нашу торговлю: такъ и такъ, говорятъ, замѣчается недомѣръ и вино не такого достоинства какъ бы слѣдовало; знаете, всякіе люди бываютъ, передъ новымъ начальникомъ какъ не показать своего благонравія? — и напѣли ему съ три короба. Вотъ однажды утромъ, за стойкой занимаюсь я своимъ дѣломъ, гдѣ подливаю, гдѣ отливаю, гостей на ту пору никого не случилось, такъ оно и свободно было. Вдругъ вижу, входитъ генералъ, а за нимъ два жандарма—такъ у меня ноги и подкосились.—«Дай, говоритъ, мнѣ два штофа вина»; я подалъ — у самого руки трясутся. — «Завяжи, говоритъ, горлышки бумагой, да клади свои печати.» Я повиновался, потомъ онъ взялъ свою печать и также приложилъ къ обоимъ, при чемъ сердито проговорилъ: «вотъ я васъ выучу плутовать.» Ну, думаю, пропали! Когда штофы были запечатаны, то одинъ изъ нихъ онъ отдалъ жандарму, приказавъ отнести къ себѣ и поставить въ спальню, а другой отослалъ къ совѣтнику питейнаго отдѣленія, съ тѣмъ, чтобы тотъ завтрашній день привезъ его въ присутствіе; потомъ оглядѣлъ полки, повернулъ раза два крантъ въ бочкѣ и вышелъ. Что дѣлать, думаю, надо дать знать откупщику, — вотъ я накинулъ чуйку, да къ нему. А откупщикъ у насъ былъ Дормидонтъ Карпычъ, такая голова, что днемъ съ огнемъ поискать,—три раза въ острогѣ сидѣлъ: разъ за корчемство, въ другой за казенные подряды, а въ третій по подозрѣнію въ отравѣ своей жены. Другой на его мѣстѣ давно бы трехвостки попробовалъ, да прогулялся по Владимірkѣ; а онъ все чистъ, да правъ выходилъ; да еще знатныя лица съ нимъ хлѣбъ-соль водили, пріятелями назывались, а подъ часъ и деньженокъ займутъ безъ отдачи; надо правду сказать, добрый былъ чело-

вѣкъ, да ужь и дѣло свое зналъ тонко. Прибѣжалъ къ нему, разсказываю все какъ было, а на самомъ лица нѣтъ. Онъ сердечный поглядѣлъ на меня и давай хохотать. — «Чегожь ты, говоритъ, дуракъ струсилъ? посмотри на себя, на что ты похожъ?»—Какъ же, говорю, Дормидонтъ Карпычъ, помилуйте, губернаторъ такой строгій.... а у насъ, сами изволите знать.... всѣ мы пострадаемъ, ей Богу пострадаемъ.—«Полно, говоритъ, Максимъ, не тужи, безвинно пострадать Богъ не попуститъ, вѣдь мы съ тобой никому худаго не сдѣлали, и къ обѣднѣ ходимъ и милостыни подаемъ, да и сироты за насъ Бога молятъ, такъ за что же намъ пострадать. Ступай домой и тотчасъ же на недѣльку приведи всё въ порядокъ, понимаешь, да смотри, небольше какъ на недѣльку, а послѣ обойдется, пускай идетъ по старому. Это возьми себѣ за усердіе» и онъ сунулъ мнѣ въ руку пяти-рублевую бумажку. Я взялъ, поблагодарилъ его и вышелъ, а самъ думаю: экая безстрашная душа, гдѣ-то такіе родятся? Признаться сказать, онъ и меня-то окуражилъ: совсѣмъ другой человѣкъ сталъ, иду да посвистываю; а пришелъ домой, сталъ продолжать свое дѣло, за которымъ засталъ меня губернаторъ и какъ ни въ чемъ небывало; а то вѣдь какъ струсилъ, какъ онъ взошелъ-то, въ торопяхъ полуштофъ съ французской водкой дòлилъ перцовкой — стало быть ужь всякое чувствіе было потеряно. Дня черезъ два заѣзжаетъ ко мнѣ повѣренный, мой пріятель и кумъ — сынишку у меня крестилъ.— Ну что, говорю, какъ дѣла?

— А что дѣла? ничего, слава тебѣ Господи, идутъ хорошо. Сегодня губернаторъ кушаетъ у нашего откупщика, такъ онъ послалъ меня во чтò бы ни стало, аршинныхъ стерлядей достать.

— Какъ, губернаторъ кушаетъ? спросилъ я:—а вино-то, что у меня взяли, стало быть еще не смотрѣли, или такъ поладили?

— Да какъ же, съ нимъ поладишь такъ, этотъ не прежнему чета. На другой же день пріѣхалъ въ присутствіе и ужь чего-то не насулилъ Дормидонту Карпычу, пока не удостовѣрился, что у насъ нѣтъ никакого подлога.

— Чѣмъ же онъ удостовѣрился?

— Разумѣется чѣмъ,—вино прикинули на мѣру, потомъ на градусникъ, на отжигъ — всё какъ быть должно, даже выше положенія.

— Чудное дѣло! а вѣдь я знаю, оно было градусомъ ниже, да и въ мѣру-то съ рюмку въ штофѣ недоставало.

— Ничего нѣтъ чуднаго, отвѣчалъ кумъ:—какъ только ты отъ Дормидонта Карпыча ушелъ, онъ приказалъ заложить коляску, да къ совѣтнику, и меня взялъ съ собою.—Вамъ, говоритъ, губернаторъ прислалъ запечатанный штофъ?—Прислалъ.—Одолжите, говоритъ, мнѣ его на полчасика, вотъ вамъ тысяча цѣлковыхъ; а совѣтникъ:—что ты, говоритъ, Карпычъ, помилуй, погубить меня хочешь, что ли? Развѣ не знаешь нашего губернатора? а у меня семейство, дѣти.... Тысяча рублей велики ли деньги.... Пожалуй отъ службы отрѣшатъ, самъ видишь, какія нынче времена-то, чего бы начальнику-то и въ умъ не пришло, а тутъ эти писатели укажутъ. Нечего сказать, добрые люди.... Нѣтъ, Карпычъ, чтò можно я всегда готовъ.... а теперь не могу.... Начальникъ не такой, ей Богу не могу.... Лучше и не проси. — «Ну, послушайте, перебилъ его откупщикъ. — Вотъ вамъ двѣ тысячи, больше гроша не дамъ, и обдѣлаю дѣло безъ васъ. Прощайте», и сдѣлалъ видъ, будто хочетъ идти. На такой кушъ совѣтникъ соблазнился и, должно быть, подумалъ, не прибавитъ ли откупщикъ, и тутъ же объявилъ, что тысячки за три, пожалуй, отдастъ, по крайней мѣрѣ, прибавилъ онъ, за такія деньги и осужденіе претерпѣть не такъ прискорбно. Но Дормидонтъ Карпычъ себѣ на умѣ, рѣшительно отказалъ. «Я и двѣ-то, говоритъ, даю такъ, собственно изъ своего каприза: передъ новымъ начальникомъ хотѣлось бы показать себя, на первый случай, съ настоящей точки; а впрочемъ, повторяю, я и безъ васъ обойдусь. Совѣтникъ видитъ, что разговаривать тутъ много нечего, пожалуй и ничего не дадутъ, набожно перекрестился и выдалъ штофъ; при чемъ убѣдительно просилъ, на случай какого съ нимъ несчастія, похлопотать за него передъ начальствомъ, какъ за человѣка, который въ штрафахъ и подъ судомъ никогда не былъ и имѣетъ знакъ отличія безпорочной службы и начальство всегда отличало его за усердіе; но откупщикъ успокоилъ его, сказалъ, что дѣло обойдется безъ всякаго для него несчастія и черезъ полчаса онъ получитъ обратно этотъ самый штофъ, и ни одной печати на немъ не будетъ тронуто. «Да что же ты съ нимъ сдѣлаешь?» спросилъ ободренный совѣтникъ, пересчитывая двадцать радужныхъ, которые Дормидонтъ Карпычъ положилъ передъ нимъ.

«Что сдѣлаю? отвѣчалъ откупщикъ: — это ужь не ваше дѣло; покорно васъ благодарю за одолженіе. Прощайте. Я взялъ штофъ подъ-мышку и мы отправились. Дома я приступилъ къ работѣ: провернулъ донышко; правда, работа была не легкая; ну, да я къ этому дѣлу съизмалѣтства привыченъ и инструментикъ такой имѣю, тую-то водку вылилъ, а своей налилъ; потомъ замазалъ дырочку замазкой своего приготовленія и дѣло съ концомъ. Привожу совѣтнику, тотъ осмотрѣлъ, и найдя все сохраннымъ, даже припрыгнулъ. Ну, вотъ, думаю себѣ, какъ угодилъ, тутъ и мнѣ пожива будетъ; а онъ, собака, за такое дѣло только рублевую бумажку выслалъ и та безъ праваго нумера. «Пожалуйста, говоритъ, Максимъ, возьми ее, кому нибудь подъ пьяную руку сбудешь.» Я взялъ бумажку и бросилъ въ выручку. а кумъ продолжалъ: «на другой день, часу въ девятомъ, мы съ откупщикомъ отправились въ Казенную Палату, черезъ полчаса пріѣхалъ губернаторъ, сердитый такой — бѣда; нашему-то даже и не поклонился, прямо къ совѣтнику: «Пожалуйте штофъ, который я вамъ прислалъ.» Тотъ подалъ. Губернаторъ почти вырвалъ его, осмотрѣлъ печати и давай кричать на Дормидонта Карпыча, какъ онъ смѣетъ продавать такое вино. Дормидонтъ Карпычъ потупился и ни слова. Это, знаешь, губернатору-то еще больше придало форсу. Молчитъ, да и потупился, такъ, извѣстное дѣло, значитъ — кругомъ виноватъ.

«— Я тебя спрашиваю, закричалъ онъ еще громче: — какъ ты смѣешь обманывать: восколько градусовъ должно быть вино по положенію? а въ твоемъ сколько? Да я тебя туда упеку, откуда ты у меня и свѣту Божьяго не увидишь.

«Тутъ откупщикъ поднялъ голову и почтительно началъ:

«— Виноватъ, ваше превосходительство, мое вино дѣйствительно, можетъ быть, градусомъ или двумя будетъ выше, противъ другихъ откуповъ; но вѣдь вы сами изволите знать, ваше превосходительство, здѣсь мѣсто какое? пристань, рабочему человѣку, пріятнѣе выпить одинъ стаканчикъ, да покрѣпче, оно и времяни-то у него меньше отыметъ и не такъ убыточно; потому что цѣны я прибавить не смѣю, улучшить же вино, есть моя добрая воля, и если я дѣлаю это, то единственно изъ сострадація къ рабочему классу.

«Послѣ такой рѣчи губернаторъ нашъ сталъ потише.

«— А вотъ мы посмотримъ! сказалъ онъ, и потребовалъ все нужное къ испытанію. Вино вылили въ мѣру—оно сплеснулось съ краевъ, прикинули на градусникъ—двумя выше противъ положенія, пустили на отжигъ — тоже. Тогда лицо его превосходительства совсѣмъ измѣнилось, и онъ уже съ улыбкою подошелъ къ Дормидонту Карпычу, взялъ его за руку и извинился за свою вспыльчивость. — Вы, говоритъ меня извините. Я здѣсь человѣкъ новый и вижу столько дурнаго, что тотчасъ повѣришь. Согласитесь, моя обязанность предупреждать всякое злоупотребленіе. Теперь, конечно, убѣдясь на дѣлѣ въ участіи вашемъ къ классу людей небогатыхъ, мнѣ остается желать, чтобы вы нашли себѣ послѣдователей. Повѣрьте, что каждый изъ насъ имѣетъ посильную возможность сдѣлать добро ближнему. Еще прошу васъ, не сердитесь на старика.

«На что Дормидонтъ Карпычъ отвѣчалъ:—послушайте, ваше превосходительство, много чести для меня, смѣю ли я сердиться, когда дѣло идетъ о долгѣ вашей присяги, требующей искорененія всего противозаконнаго? Я самъ имѣю людей, за поведеніе которыхъ обязанъ отвѣчать, и строго слѣжу за каждымъ ихъ шагомъ—по моему, совѣсть наша тогда только и можетъ быть спокойна, когда мы поступаемъ по закону и позаботимся объ интересѣ ближняго, какъ о собственномъ своемъ. И тутъ же въ знакъ примиренія попросилъ его превосходительство и всѣхъ присутствующихъ сегодня къ себѣ откушать, на что они и объявили свое согласіе. — А другой-то, сударь, штофъ, продолжалъ Максимъ, губернаторскій камердинеръ понечаянности разбилъ, за что получилъ отъ кума серію, а отъ барина потасовку, ну да ихъ дѣло холопское, обижаться не приходится.

«— Такъ вотъ, изволите видѣть, продѣлка-то эта и обошлась откупщику, за одни сутки, въ двѣ тысячи-пятьдесятъ цѣлковыхъ. Эти расходы называются темными, потому что показать-то ихъ нельзя ни въ какой отчетности; а между-тѣмъ, полагать на нихъ суммы откупу изъ своего кармана не приходится; вотъ на насъ, да на водицѣ святой и выгадываетъ.—Потомъ немного погодя, Максимъ прибавилъ:—во всемъ-то людямъ бываетъ свое счастье, хоть бы этотъ совѣтникъ, какой капиталъ взялъ, можно сказать, ни зàчто. Правда, говорятъ, родители-то у него были

люди набожные: своимъ иждивеніемъ на соборную колокольню пудовъ въ пятьсотъ колоколъ отлили. Кто знаетъ, можетъ статься, по ихъ молитвамъ и сыну Богъ посылаетъ.

Я задумался, а хозяинъ, извинясь, что долго заболтался, и предложивъ послѣ дороги отдохнуть, увѣряя, что въ его заведеніи никакихъ насѣкомыхъ и въ заводѣ нѣтъ, слѣдовательно, почивать мнѣ будетъ спокойно — вышелъ.

Не смотря на то, что въ заведеніи, дѣйствительно, никакихъ насѣкомыхъ не оказалось и, повидимому, ничто не могло бы помѣшать мнѣ уснуть сномъ праведника, особенно, если взять въ соображеніе сто верстъ, которыя я проѣхалъ по самой скверной проселочной дорогѣ, — повторяю, несмотря, на все это, я долго ворочался съ боку на бокъ, между тѣмъ, какъ мой Терентій преисправно храпѣлъ на лежанкѣ и что-то бормоталъ во снѣ. Какая-то неизъяснимая тоска наполнила мою душу, и давила меня всею своею тяжестью. Передо мной, какъ привидѣнія, одинъ за другимъ вставали: и обходительный исправникъ, и больной судья, и молодой предводитель, и откупщикъ, знающій свое дѣло, и совѣтникъ съ знакомъ отличія безпорочной службы, и высокаго ума губернаторъ; наконецъ, открытое лицо моего хозяина, и его кумъ съ рублевой бумажкой, полученной «за такое дѣло.» Даже губернаторскій камердинеръ, съ подбитымъ глазомъ, и тотъ, казалось, изъ земли выросъ, такъ жалобно смотрѣлъ на меня, что будто бы хотѣлъ сказать: «вотъ, сударь, наше житье-то, за штофъ простаго вина увѣчье терпимъ. Добро бы пьяница какой былъ, выпилъ бы, ну такъ и быть, а то одна неосторожность.» — Долго призраки носились передо мною съ своими безпокойно-озабоченными лицами, потомъ, мало по малу, исчезли, и на мѣсто ихъ начали появляться новые: умное лицо молодаго городничаго, бывшаго подъ Севастополемъ, пріятно улыбалось мнѣ, между тѣмъ, какъ градской голова объ чемъ-то шептался съ Прокопкой, который былъ въ старомъ истасканномъ вицъ-мундирѣ, и лукаво кивалъ на городничаго; а изъ-за нихъ выглядывали молодая жена ученаго судьи подъ ручку съ протоколистомъ и дразнили городничаго языкомъ.

Я никого изъ нихъ никогда не зналъ; но лица ихъ мнѣ были коротко знакомы, какъ будто бы я каждый день встрѣчался съ ними. Только городничаго я помню какъ-то смутно, и если ви-

далъ его, то это было давно, очень давно—чуть ли не во время моей юности. Тогда я вѣрилъ еще во все прекрасное, и охотно сближался съ людьми. То было чудное время... жаль только одного, что оно неуловимо, точно также, какъ многое неуловимо между нами.

Проведя ночь не совсѣмъ спокойно, я проснулся на другой день съ головною болью, напился чаю и отправился, сначала къ исправнику, а потомъ къ засѣдателю, исправляющему должность судьи. И дѣла мои начались, и потекли по неизмѣнному порядку всѣхъ дѣлъ, которыя начинаются и текутъ подъ луною.

СОМОВСКІЙ.

КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА.

XVI (*).

ОТЦОВСКІЙ СУДЪ.

Въ Новгородскомъ мятежѣ поселенныхъ войскъ, племянникъ стоялъ въ строю съ ружьемъ противу толпы, которую волновалъ родной дядя его, рыжій, огромный мужичина; онъ метался звѣремъ во всѣ стороны, кричалъ и вызывалъ всѣхъ за собой. Племянникъ былъ молодой солдатъ, изъ кантонистовъ; дядя увидѣлъ его и сталъ бранить, поносить и проклинать, перезывая къ бунтовщикамъ. Племянникъ отвѣчалъ ему:— я Царю служу, по вѣрѣ и присягѣ; переходите вы къ намъ, а не то, не подходи, не мечись на меня, убью!—«Что? сказалъ дядя, который столько разъ диралъ племянника за уши и не слыхивалъ отъ него такихъ рѣчей: — что? ты еще посмѣлъ мнѣ это сказать?... Ахъ ты щенокъ!... Подико сюда!» — и пошелъ прямо на него съ дубиной.—Дядя, не ходи, убью! закричалъ племянникъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ приложился; а когда разсвирѣпѣвшій дядя разбойникъ кинулся на него, то онъ положилъ его на мѣстѣ.

У насъ было такое дѣло, сказалъ олонецкій каменотесецъ:— не далече отъ нашей деревни, и было между отцомъ и сыномъ; что-жь, и Богъ и Царь простили старика и міръ оправдался.

(*) См. «Совр.» 1856 г. № XI.

Мужика этого звали Сидоромъ Ивановымъ, а у него было четверо сыновей. Второй сынъ его, Иванъ, съ малыхъ лѣтъ отъ рукъ отбился. Бывало, какая бѣда ни случится на деревнѣ, то ужъ и знали, что это Сидоровъ Ванька. Парню всего годовъ восемь было, когда ни собакѣ, ни поросенку, ни овцѣ, ни птицѣ отъ него проходу не стало: камнемъ—такъ камнемъ, дубиной—такъ дубиной, по чемъ ни попало, такъ и душитъ! Раза два было его собака загрызла, на силу люди отняли; сѣкли его за это, что Божій день; отецъ бѣдный не наплачется, бывало, и не наплатится; нѣтъ, всё неймется. Послѣ выдумалъ онъ еще иное: настрогалъ мелкихъ деревянныхъ булавокъ, да гдѣ ни поймаетъ птицу, либо скотину мелкую, хоть свою, хоть чужую, то въ нее и воткнетъ; та хилѣетъ день, другой, и сгинетъ. Люди горюютъ, что какая де чума напала на всякую живность—да ужъ насилу догадались и подстерегли Сидорова Ваньку. Не сходило ему все это съ рукъ: что объ него вицъ обломали, такъ счету нѣтъ; и запиралъ его отецъ, держалъ въ подклѣти одного, по цѣлымъ недѣлямъ, а какъ выпустили, такъ опять пошелъ проказить.

Когда Ванька поумнѣть не поумнѣлъ, а вошелъ во всѣ года, выросъ, такъ не стало житья отъ него никому; всѣ его боялись. Не пройдетъ онъ бывало мимо, кого по силамъ встрѣтитъ, чтобъ не затронуть; а мужъ, либо братъ, либо кто другой вступится, такъ онъ и на драку готовъ и пожалуй на ножъ полѣзетъ. Не было на деревнѣ ни парня, ни мужика, ни бабы, чтобъ Ванька имъ не далъ какого прозвища: тотъ у него сапатый, тотъ костыль, тотъ мокруха; одного дядю своего сверчкомъ прозвалъ, другаго моржемъ; на кого за что осерчаетъ, такъ ужъ ночи спать не будетъ, а гдѣ нибудь подстережетъ его, да изъ за угла голову раскроитъ; а какъ разъ мужикъ поймалъ его у себя на воровствѣ съ поличнымъ, да свелъ къ отцу, да послѣ міромъ высѣкли его порядкомъ,—такъ онъ ночью перескочилъ во дворъ къ этому крестьянину, да скотину у него хуже волка перепортилъ: пересѣкъ у двухъ коровъ топоромъ поджилки; такъ и пропали, скорѣй зарѣзали.

Терпѣлъ міръ долго, жалѣючи отца иванова, старика Сидора, да ужъ не стало мочи, ни терпѣнья; стали говорить, что такъ-ли, сякъ ли, а сбыть его надо. Посадили въ колодку, поклонились начальству, да мірскимъ приговоромъ и сдали его въ солдаты: тогда только и отдохнули.

Прошло года съ полтора, какъ вдругъ у одного мужика, который въ тѣ поры больше всѣхъ стоялъ на томъ передъ міромъ, чтобъ сдать Ваньку въ солдаты, ночью загорѣлось на задахъ. Погорѣлъ мужикъ, да съ нимъ еще и сосѣдъ одинъ, и никто не могъ придумать, отчего могло загорѣться въ нежилой клѣти; всю ночь народъ остался на ногахъ, никто не спитъ— тутъ и прошла молва, что кто-то видѣлъ на пожарѣ Ваньку. Кто видѣлъ, гдѣ видѣлъ? допытываться—нашли человѣка, что говоритъ: видѣлъ. Испугались мужики на смерть; благодарять старика Сидора за такого сына — а старикъ чѣмъ виноватъ?... и самъ бывало иму пору чуть отъ него не удавится. Прошло дня два, пастухъ приходитъ вечеромъ, да и говоритъ, что выходилъ къ нему изъ лѣсу Ванька, взялъ у него хлѣба, да наказывалъ принести еще. «Коли принесешь, не трону тебя, небось; а не принесешь, такъ убью! А на деревнѣ, говоритъ, скажи, чтобъ не трогали меня и не искали, сожгу всѣхъ! Пусть всякъ себя знаетъ; пусть высылаютъ мнѣ только хлѣба съ тобой, да незанаютъ меня, и я ихъ не трону.»

Комужъ не страшна такая угроза? Перекрестились мужики, чтобъ Господь ихъ помиловалъ, поплакались на эго наказаніе, и стали высылать Ванькѣ хлѣба съ пастухомъ. Такъ Ванька себѣ и жилъ, и не трогалъ на деревнѣ никого; да прослышалъ объ немъ исправникъ, разспроспль обо всемъ, какъ и что было, собралъ народу, да и посадилъ засаду около того мѣста, гдѣ указалъ пастухъ. Ванька вышелъ за хлѣбомъ, оглянулся, осмотрѣлся, никого не видать; подошелъ, да сталъ говорить съ пастухомъ— а тутъ съ двухъ сторонъ выскочили на него и окружили. Чтожь, кабы не самъ исправникъ,.такъ не знаю, какъ бы и сладили: у Ваньки ножъ въ рукахъ и дрягалка; «первый, кто подойдетъ, говоритъ, того и уложу на покой, а тамъ берите!» На силу одинъ молодецъ справился, ошеломилъ его дубиной по затылку.

Сдали Ваньку, и перевели духъ; все стало опять смирно, спокойно — да только не надолго. Прошелъ Ванька по зеленой улицѣ и опять отданъ на свое мѣсто, въ солдаты, и опять бѣжалъ. Какъ прошла эта молва — и Богъ вѣсть откуда она взялась—что Ванька-де опять тутъ, то вся деревня такъ вотъ волкомъ и взвыла. Не прошло трехъ дней, какъ сгорѣлъ тотъ мужикъ, который переловилъ Ваньку, когда его ловили; а пастухъ отказался выгонять стадо; послали съ нимъ еще двоихъ,

съ добрыми дрягалками, да и то со страхомъ Божіимъ пасли стадо и не смѣли уснуть, чтобъ не набѣжалъ окаянный, на сонныхъ. Такъ ходили они цѣлую недѣлю, самъ третей, да отдыхали на открытомъ мѣстѣ, и то поемѣнно.

Немного походя, еще поджогъ Ванька старосту, да спасибо скоро захватили, погасили. Такой страхъ нагналъ на всю деревню, рады бы вотъ просто взмолиться ему, всѣ, только-бъ знать, гдѣ его найти. Распустивъ стадо въ лѣсу, пастухи разошлись врознь, искать корову: глядь, одинъ изъ нихъ и сталъ носомъ къ носу съ Ванькой. Пастухъ такъ и опѣшилъ — снялъ шляпу и стоитъ. «Небось, сказалъ ему Ванька, я тебя не трону. Дай хлѣба!» Тотъ отдалъ весь, что было. — Послушай, сказалъ Ванька, чай вамъ надоѣло это, да и мнѣ признаться надокучило; несподручно вамъ со мной воевать. Скажи-жь ты своимъ старикамъ и скажи всѣмъ, коли хотятъ мириться со мной, такъ мириться, да чуръ безъ обману: пусть ловятъ, я прятаться не стану, да ужъ за то, какъ ворочусь въ третій разъ, такъ узнаютъ они Сидорова Ивана. Не троньте вы меня — и я васъ не трону; а только затронь кто нибудь — выжгу всѣхъ до единаго и перерѣжу, вотъ-те крестъ!

Съ этой поры Иванъ жилъ подъ своей деревней, какъ у Христа за-пазухой; не то чтобы ловить его, и подумать никто не смѣлъ, а еще бывало даютъ ему знать, коли выѣдетъ исправникъ. Этотъ бился, бился, ничего не сдѣлаетъ; соберется народъ, пройдетъ по лѣсу—найдутъ, не найдутъ, все одно; а Иванъ тутъ же, равно заговоренный, между понятыми пройдетъ себѣ, будто по улицѣ прохаживается, только поздороваются съ нимъ, и никто ни слова больше. Хлѣба ему надо — вынесутъ; по ночамъ смѣло приходилъ и въ деревню, подойдетъ къ любой избѣ, стукнетъ въ окно, ему и подадутъ всего, накормятъ и напоятъ, только поди съ Богомъ,—никого не обижай. Между тѣмъ сталъ онъ грабить по дорогамъ; всѣ знаютъ, что это Иванъ, а никого нѣтъ такого, чтобъ къ нему приступить.

Между тѣмъ бѣдному Сидору, отцу Ивана, не было житья отъ проклятій. «Ты де породилъ, тебѣ бы и держать его въ рукахъ; а не училъ, пока поперегъ лавочки лежалъ, такъ ужь когда во всю вытянулся, не научишь!» Наѣхалъ опять исправникъ, потому что Иванъ купца проѣзжаго зарѣзалъ, да отъ начальства

пошли строгія приказанія, чтобъ хоть живаго, хоть мертваго добыть его; созвалъ стариковъ, толковалъ, толковалъ, ничего не сдѣлалъ.—«Власть ваша, говорятъ, коли вы насъ карать станете, такъ вѣстимо, ваше дѣло правое; да и наше такоежь. Намъ послѣ отъ него не въ лѣсъ уйти, съ домами да съ дѣтьми, а мы у него въ рукахъ завсегда. Два раза мы вамъ сдавали его на руки; два раза его опять на насъ выпускали; теперь боимся. Коли Государь прикажетъ порѣшить его тутъ же, подвѣсить его на осинѣ, такъ мы его найдемъ; а нѣтъ, такъ дѣлайте что угодно.»

Тогда исправникъ позвалъ отца Ивана и сталъ говорить съ нимъ глазъ на глазъ. «Какъ хочешь, говоритъ, а некому за это дѣло взяться, кромѣ тебя. На роднаго отца онъ руки не подниметъ; ты впередъ, другіе пойдутъ за тобой; долго ли еще этому грѣху быть?»

Старикъ Сидоръ подумалъ, покачалъ головой и прошибла его слеза. —Не пожалѣетъ онъ, сударь, отца, сказалъ старикъ, коли дѣло на то пойдетъ—не таковъ человѣкъ, я его знаю. Ну, да ужь что будетъ, то будетъ; молчите, не сказывайте никому ничего.

На лѣтняго Ивана, рано утромъ Ванька подкрался къ деревнѣ, отмотрѣлся и подошелъ прямо къ отцовской избѣ. Стукнувъ въ оконце, онъ опять отошелъ и оглядывается во всѣ четыре стороны. Отецъ взглянулъ, такъ у него ровно сердце чѣмъ поворотило.

— Что скажешь?

— Да когда то я въ этотъ день былъ имянинникъ, молвилъ Иванъ, а самъ тяжело вздохнулъ:—такъ я и пришелъ, что-то больно взгрустнулось мнѣ, я и подумалъ: пойду къ отцу, не накормитъ ли для праздника...

— Поди, сказалъ отецъ, садись, да поѣшь.

— Я въ избу не пойду, сказалъ Иванъ:—волку тамъ не мѣсто. Коли будетъ твоя милость, такъ вынеси на зады, я тамъ прилягу на лужайкѣ, подъ заборомъ.

Отецъ вынесъ ему на лужокъ вина и пирогъ; а Иванъ, невѣря и родному отцу, стоялъ поодаль, поблагодарилъ, да и говоритъ: поставь тутъ, батюшка, а самъ ступай съ Богомъ въ избу: да гляди, чтобъ никто ко мнѣ не выходилъ.—Какъ отецъ ушелъ, такъ тотъ сѣлъ и принялся ѣсть.

Сидоръ пришелъ въ избу, сталъ противъ ружья своего, которое висѣло на стѣнѣ — а старикъ Сидоръ былъ охотникъ — и долго на него глядѣлъ; потомъ перекрестился, снялъ ружье, взялъ его подъ полу, вышелъ въ заднія ворота на лужайку, и прямо пошелъ на сына. Увидѣлъ ли, нѣтъ ли этотъ ружье у отца, только что ѣсть пересталъ, сидитъ смирно и глядитъ прямо на него; отецъ подошелъ, выстрѣлилъ въ упоръ, положилъ его на мѣстѣ.

Сдѣлавъ это, старикъ закинулъ ружье свое въ озеро, пошелъ объявилъ обо всемъ начальству и приказалъ старостѣ посадить себя подъ караулъ. Судъ оправдалъ Сидора, а міръ въ голосъ сказалъ, что принимаетъ и грѣхъ и отвѣтъ на себя.

XVIII.

СТО МИЛЬОНОВЪ.

Θедоръ Степанычъ всталъ въ одно утро немножко по позже обычнаго, потому что ему какъ-то не спалось съ вечера, и пошелъ въ истасканномъ халатѣ своемъ, потащивъ красный, клѣтчатый платокъ волокомъ за собою, пройтись немного по хозяйству. Не успѣлъ онъ обойти маленькую овчарню свою и бѣдный скотный дворъ, какъ услышалъ по дорогѣ, за домомъ, стукъ колесъ не крестьянской повозки. По приказанію барина, одинъ изъ провожатыхъ его проворно вскочилъ на заборъ скотнаго двора и донесъ съ этого наблюдательнаго поста, что пріѣхалъ Иванъ Дмитричъ.

«Чтобы это значило, подумалъ Θедоръ Степанычъ: — такъ рано? Да ты не врешь ли?» спросилъ онъ еще разъ своего сторожеваго, и на повторительное увѣреніе его собралъ въ руки полы халата и поспѣшилъ домой.

— Здравствуйте, любезный сосѣдъ! Какъ васъ Господь Богъ милуетъ? — какими судьбами? — или вы куда дальше ѣдете?

— Нѣтъ, любезнѣйшій сосѣдъ, отвѣчалъ тотъ: — прямо къ вамъ, съ вѣсточкой, да съ дѣльцемъ! Дѣло-то не шуточное, благодать Божія; пойдемте-ка, да присядемъ, вотъ я вамъ поразскажу.

Пошли и усѣлись; и Ѳедоръ Степанычъ глядѣлъ на сосѣда своего, разинувъ ротъ и выпучивъ глаза, не зная, что и подумать.

— Ну, сказалъ тотъ: — давайте-ка напередъ торговаться, что дадите мнѣ, коли я вамъ доставлю наслѣдство, эдакъ — мильончиковъ-во сто? Что дадите, коли вотъ вамъ придется просто плюнуть на свою Закоуловку, со всѣми требухами, какъ она есть, прости Господи, съ должишками, съ дрянными мужичонками, съ этой грошевой овчарней, съ безхлѣбицей и безкормицей, съ недородами, съ недоимками, съ запечатаннымъ винокуреннымъ заводомъ, словомъ, со всѣми бѣдственными принадлежностями помѣстій нашего брата, — и вмѣсто этого закупить полъ-уѣзда, чего, батюшка! — пожалуй половину губерніи, да зажить царькомъ, то есть что называется вельможей, не только бариномъ, губернскимъ предводителемъ, въ званіи превосходительства, со звѣздой, камергеромъ, — ну, какъ живали, блаженныя памяти, дѣды наши, когда *Породныхъ* было и всего-то на свѣтѣ два человѣка, какъ вамъ извѣстно, а не такъ, какъ теперь, двадцать, не считая женскаго колѣна.... Ну, говорите смѣло, батюшка Ѳедоръ Степанычъ, что пожалуете, а?

Ѳедоръ Степанычъ смотрѣлъ на сосѣда, внучатнаго родственника своего по женскому колѣну отъ Породныхъ, къ которымъ самъ онъ принадлежалъ по мужскому, смотрѣлъ, не зная, какъ принять безтолковую шутку эту и что отвѣчать. А между тѣмъ, Богъ знаетъ отчего, онъ притаилъ дыханіе и сердце у него билось такъ, что рубашка на груди и самый край халата сильно дрожали при каждомъ ударѣ.

Извѣстіе, съ которымъ пріѣхалъ спозаранку Иванъ Дмитричъ къ сосѣду и внучатному родственнику своему, принадлежало къ числу тѣхъ новостей, которыя носятся надъ нами какимъ-то привидѣніемъ, въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, то исчезая и замолкая, то опять возвѣщая трубнымъ гласомъ о появленіи своемъ. Такая молва, замирая временно, на нѣсколько лѣтъ, просыпается снова, собравшись со свѣжими силами, запасшись новыми, очевидными доказательствами, переносится съ мѣста на мѣсто, являясь то въ одной столицѣ нашей, то въ другой, то гдѣ нибудь въ глуши, разносится, незримо и невидимо какъ и откуда, по цѣлымъ губерніямъ, и сводитъ съ ума людей,

у которыхъ, безъ этой несчастной случайности, можетъ быть достало бы на свой домашній обиходъ силъ и средствъ прожить вѣкъ при своемъ умѣ. Также точно, какъ въ Петербургѣ каждые три-четыре года ходитъ молва о грѣшникѣ въ козлиной шкурѣ, котораго будутъ разоблачать всенародно, въ примѣръ и назиданіе другимъ; о графинѣ съ птичьимъ клювомъ, вмѣсто носа, или даже съ мертвой головой, вмѣсто живой, и прочее, также точно у насъ возобновляется черезъ небольшой промежутокъ времени сильная молва, объ извѣстной суммѣ денегъ, положенной кѣмъ-то изъ предковъ нашихъ въ лондонскій банкъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ достались, со всѣми процентами, черезъ сто лѣтъ, ближайшимъ его наслѣдникамъ. Дѣло, по видимому, сбыточное: почему же не положить кому нибудь съ такимъ условіемъ денегъ?—и вотъ несчастные потомки, которыхъ поражаетъ въ расплохъ неожиданное извѣстіе объ огромномъ наслѣдствѣ, сходятъ съ ума. Такъ какъ въ подобномъ случаѣ нулей жалѣть не къ чему, то молва обыкновенно бываетъ довольно торовата и приняла именно *сто мильоновъ* за капиталъ, образовавшійся въ теченіе ста лѣтъ изъ вклада въ лондонскомъ банкѣ.

Иванъ Дмитричъ, помучивъ еще порядкомъ любезнаго сосѣда своего и поставивъ его въ крайнее недоумѣніе, наконецъ вдругъ открылъ передъ нимъ несомнѣнную блестящую будущность его, представивъ этому, какъ само собою разумѣется, неоспоримыя и очевидныя доказательства. Породные, къ которымъ принадлежалъ Ѳедоръ Степанычъ, нисходя отъ нихъ по прямой линіи и стоя во главѣ обильнаго ихъ потомства, происходили отъ богатѣйшаго въ свое время королевскаго старосты Породнаго,—и этотъ-то богачъ внесъ въ 1735 году въ лондонскій банкъ сумму, образовавшую въ наши времена, на русскія деньги, сто мильоновъ; деньги эти, по внесенный вкладчикомъ въ тотъ же банкъ записи, доставались черезъ столѣтіе его наслѣдникамъ. Записи этой въ виду не было и потому мнѣнія о правахъ потомковъ были различны: нѣкоторые утверждали, что наслѣдство достается всѣмъ потомкамъ Породнаго, и прямымъ и боковымъ, по мужскому и женскому колѣну; другіе, что однимъ только прямымъ потомкамъ обоего пола; третьи, что одному только мужскому колѣну,—а наконецъ четвертые, что наслѣдство это, по англійскимъ законамъ, составляетъ старѣйшинство или майоратъ, и достается, слѣдовательно, одному Ѳедору Степанычу.

У наслѣдника съ первыхъ словъ пошла кругомъ голова. Разстроенное имѣньишко въ полтораста душъ, заложенное, перезаложенное, съ частными долгами, казенными недоимками и запечатанною винокурнею — вотъ было положеніе его, до извѣстія о наслѣдствѣ; теперь — мильоны, все равно, сто ли ихъ, или поменьше, довольно того, что мильоны — о, это подыметъ на четверть отъ земли хоть кого! Не довѣряя, изъ скромности, своему благополучію, Ѳедоръ Степанычъ потребовалъ доказательствъ; и Иванъ Дмитричъ представилъ ихъ на лицо: онъ вынулъ изъ кармана бумагу, развернулъ ее и прочиталъ: «Милостивый государь, Иванъ Дмитричъ! Обстоятельство, на счетъ извѣстнаго вамъ дѣла, по вкладу старосты Яна Породнаго, мною удовлетворительно разъяснено и доказано. Я подослалъ вѣрныхъ людей къ Павлютѣ; онъ долго не показывалъ виду, но наконецъ проговорился, что есть увѣдомленіе въ разныхъ иностранныхъ вѣдомостяхъ, и есть даже вызовы наслѣдниковъ; слово за словомъ, и онъ вынулъ изъ подъ спуду вырѣзки газетъ этихъ, присланные ему доброжелателями изъ столицъ, но лазутчикъ мой, по неразумѣнію иностранныхъ языковъ, хотя и не могъ удостовѣриться во всѣхъ важныхъ подробностяхъ этого богатѣйшаго дѣла, подтвердилъ, однако же, что все это должно быть несомнѣнно справедливо. Плутъ Павлюта, сами знаете, даромъ не дастъ вамъ и табаку понюхать, и потому сказалъ наконецъ напрямикъ, что Подаришь уѣхалъ въ Парижъ, а остался-де одинъ Купишь, — это значитъ, надо съ нимъ сдѣлаться. Сто мильоновъ готовы къ полученію; удѣлить можно; я радѣть для васъ готовъ, и потому приношу искреннее мое поздравленіе, какъ равно и Анна Марковна моя, радуясь вашему счастью. Совѣтую вамъ, не теряя времени, ѣхать къ Ѳедору Степанычу, котораго, стало быть, Господь взыскалъ нынѣ милостями своими по заслугамъ; дай Богъ ему получить всего по желанію. Онъ, какъ извѣстно, есть прямой и ближайшій потомокъ старосты Яна Породнаго и ему-то надо передъ всѣми браться за дѣло. Поѣзжайте съ Богомъ къ нему, засвидѣтельствуйте этому почтенному, всѣми любимому человѣку и мое нижайшее поздравленіе, а также просите по мѣрѣ силъ своихъ, чтобы онъ, по благости своей, простилъ меня великодушно, если я, паче чаянія, въ чемъ передъ нимъ виноватъ; а я, ей-Богу, худа не умышлялъ, хотя и наклеветали на меня злые люди.»

Не успѣлъ бѣдный Ѳедоръ Степанычъ сколько нибудь опомниться отъ этого слишкомъ радостнаго удара, какъ подали ему письмо, которое привезъ нарочный изъ Соколовки, отъ двоюроднаго брата, также Породнаго. Ѳедоръ Степанычъ поспѣшно распечаталъ и прочиталъ: «Милостивый государь и любезнѣйшій братецъ! Со всерадостнѣйшимъ привѣтомъ за особенное счастіе поставляемъ васъ, любезнѣйшій братецъ, поздравить, наслышаны будучи о нашемъ общемъ благоденствіи. Слава тебѣ, Создателю, слава подобаетъ во вѣки, а вамъ, любезнѣйшій братецъ нашъ, всякое благополучіе. На счетъ же недобрыхъ людей, которые посѣвали между братскими сердцами нашими сѣмена раздора, смѣю вамъ доложить, что у меня сердце всегда скорбѣло, и что, хотя мы изъ-за этого пустаго дѣла не видались съ вами три года, но я съ своей стороны всегда оставался вамъ вѣренъ и преданъ, какъ доброму брату въ душѣ надлежитъ. Относительно жь того, что будто общій предокъ нашъ, царство ему небесное, староста Янъ Породный, могъ отказать по одному только старшему колѣну, то вы, любезнѣйшій братецъ, сему никакой вѣры не давайте, чтобы Богъ сохранилъ насъ въ такое рѣшительное время отъ всякихъ несогласій, потому что самая необходимая крайность предстоитъ дѣйствовать единодушно, въ противномъ случаѣ, англійскій банкъ, основываясь на своихъ утвержденныхъ многими королями правилахъ, ничего намъ не выдастъ, удерживая всю сумму сполна, для вѣрности и своего обезпеченія, до общаго согласія. Это вѣрно, какъ Богъ святъ; почему и прошу васъ, любезнѣйшій братецъ, не объясняя, впрочемъ, ничего братьямъ Карпу и Григорію, а равно сестрицамъ и прочимъ боковымъ и болѣе отдаленнымъ родственникамъ, назначить мнѣ, по своему усмотрѣнію, тайное совѣщаніе, на которомъ и можемъ мы, какъ слѣдуетъ истиннымъ братьямъ, покончить дѣло это между собою, по обоюдному удовольствію, на гербовой бумагѣ.»

Опомнившись нѣсколько, Ѳедоръ Степанычъ принялъ довольно спокойный и степенный видъ, какъ человѣкъ, желающій чувствовать собственное свое достоинство; но на лбу точно было написано, что онъ не въ состояніи перенести спокойно этого переворота судьбы своей и готовъ хоть пожалуй сойти съ ума. Изъ ничтожнаго, ни кѣмъ незамѣченнаго человѣка, по состоянію своему и по положенію въ обществѣ, сдѣлаться вдругъ, ни

съ того, ни съ сего, обладателемъ мильоновъ, десятковъ, даже сотни мильоновъ,—этого разсудокъ Өедора Степаныча не вмѣщалъ въ себя и желудокъ не могъ переварить. Когда мильонщикъ нашъ всталъ и пошелъ съ радостнымъ извѣстіемъ къ своей мильонщицѣ, которая еще ничего объ этомъ событіи не знала, то въ немъ мгновенно пробудилась и оказалась вельможная кровь; вся осанка его, поступь и пріемы не походили болѣе на пріемы бѣднаго русскаго помѣщика, котораго дѣдъ былъ польскій выходецъ, а походили именно на пріемы прадѣда, наияснѣйшаго старосты Яна Породнаго.

— Аксинья Гавриловна, сказалъ онъ, уставивъ глаза въ открытое письмо любезнѣйшаго братца и заставъ супругу свою при раздачѣ талекъ, съ безменомъ въ рукахъ, среди толпы бабъ и кучи льну и пряжи:—какъ бы того.... оставить притчи-то эти на время, а тутъ у меня есть до васъ дѣло по важнѣе.

Не только слово *васъ*, вмѣсто обычнаго *тебя*, но и вся наружность Өедора Степаныча показали Аксиньѣ Гавриловнѣ, что тутъ дѣйствительно случилось что нибудь необыкновенное; она оставила старшую дочь при занятіи, которое, въ первый разъ со времени замужства ея, Өедоръ Степанычъ почтилъ названьемъ пустяковъ, и спѣшно пошла за нимъ.

— Такъ и такъ, сказалъ Өедоръ Степанычъ, щелкнувъ по письму: — вотъ съ какою вѣстію пріѣхалъ сосѣдъ Иванъ Дмитричъ, и напрашивается намъ въ родню; вотъ что пишетъ Иванъ Кирилычъ, и также вишь вспомнилъ, что онъ мнѣ внучатный братъ; а вотъ что пишетъ и братъ — Богъ его прости — братъ Мартиніанъ.... что же, я думаю, надо ѣхать къ этому плуту Павлютѣ, сдѣлаться съ нимъ, чтобъ онъ то есть, чего добраго, не истребилъ документовъ — а у него вишь все въ рукахъ, у него эдакіе люди есть въ столицахъ; — да получивъ отъ него что слѣдуетъ, подавать просьбу въ судъ, да требовать, чтобъ взыскали немедленно что слѣдуетъ съ лондонскаго банка, а въ случаѣ чего, наложили бы запрещеніе — и деньги на припечатаніе въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ», я полагаю, на всякій случай, лучше приложить; ужь тутъ куда ни шли пять-то рублей, не о пяти рубляхъ рѣчь идетъ: сто мильоновъ, матушка моя, понимаешь ли ты, что значитъ это русскимъ счетомъ: сто мильоновъ!

Аксинья Гавриловна прослезилась отъ радости и благословила супруга своего на путь къ проказнику плуту Павлютѣ, а сама, въ отсутствіи мужа, ходила съ большимъ безпокойствомъ по всѣмъ угламъ дома, безъ особеннаго дѣла или надобности, а такъ, не зная, куда дѣваться. Она разсказала пріятную новость о сотнѣ мильоновъ дочерямъ, давъ имъ почувствовать, что онѣ теперь не безприданницы и что должны пріучаться держать себя совсѣмъ иначе, чѣмъ доселѣ. Далѣе разсудила она, не безъ основанія, что если сосѣдъ Иванъ Дмитричъ пріѣхалъ спозаранку по морозцу съ этою вѣстію, а братья такой-то и такой-то, доселѣ заклятые враги ихъ, писали объ этомъ дѣлѣ, то должно быть вѣсть разнесется въ нѣсколько часовъ по уѣзду, не только по сосѣдству, и надобно ожидать съ часу на часъ любопытныхъ, завистниковъ, подлипалъ, поклонниковъ, поздравителей — словомъ, посѣтителей разнаго рода. По этому Аксинья Гавриловна поспѣшила облачиться самымъ виднымъ и приличнымъ образомъ, приказавъ дочерямъ сдѣлать тоже, и именно надѣть прошлогодніи бальныя платья свои на розовыхъ чехлахъ и съ цвѣточными оборками. Едва успѣла она затѣмъ еще распорядиться на счетъ кофе, закуски, обѣда и прочаго, да обдумать, какъ обстоятельная барыня, какого рода пріемъ кому изъ сосѣдей сдѣлать, какъ и въ самомъ дѣлѣ коляска прикатила на дворъ и привезла какую-то сватьюшку, сестрицу изъ рода Породныхъ. Тутъ дѣло чуть было не дошло до слезъ, со стороны сестрицы этой, такъ она радовалась счастію своихъ милыхъ родственниковъ и случаю, который принесъ ее нынѣ въ Закоулловку, и не могла надивиться, отчего бы это онѣ прежде такъ рѣдко видались? — Со стороны же Аксиньи Гавриловны все это было принято очень чинно и спокойно, съ должнымъ чувствомъ собственнаго достоинства, такъ, что сестрица подумала про себя: «ухъ! да какъ же мы носомъ-то въ гору полѣзли.... до насъ теперь и съ шестомъ не дотянешься.»

Вскорѣ прибыли также братъ Карпъ и братъ Григорій, оба вмѣстѣ, не смотря на мѣры предосторожности братца Мартиніана, владѣльца Соколовки, который совѣтовалъ, какъ мы видѣли, не разглашать объ этомъ случаѣ, и въ особенности не объявлять объ немъ этимъ двумъ братьямъ. Они также, какъ истинные родственники, какъ добрые и кровные друзья, радовались счастію братца и сестрицы, и даже цаловали ручки, не толь-

ко у обѣихъ барышень, но и у маменьки, и притомъ въ нѣсколько пріемовъ. Аксинья Гавриловна была довольно снисходительна, но не забывала, ни прежнихъ отношеній своихъ къ посѣтителямъ, ни причины ихъ посѣщенія; изъ чего и послѣдовало, что господа эти послали подъ рукой справиться, что дѣлается съ лошадьми ихъ, то есть, въ какой мѣрѣ и степени онѣ продовольствуются, чтобы изъ этого вывести безошибочное заключеніе о своей особѣ, слѣдуетъ ли, по родственному расположенію, оставаться и погостить до другаго дня, или за добра́-ума убираться? Обстоятельства, на счетъ корму, оказались видно въ сомнительномъ положеніи, потому что къ вечеру всѣ распростились и уѣхали по домамъ. «И ништо имъ, подумала Аксинья Гавриловна:—этихъ дружковъ-толоконниковъ надо учить; теперь небось и они насъ узнали и вспомнили родство! Такъ теперь, погодите, мы вамъ скажемъ: будь знако̀мъ, да ходи мимо; поцѣлуй пробой, да ступой домой. Вотъ, дастъ Богъ доживемъ, что бросимъ гнѣздо это, да заживемъ по людски, тогда милости просимъ; не ударимъ лицомъ въ грязь, отъ русскаго хлѣбосольства не откинемся.... Господи Боже мой! мильоны! Дай Богъ Царство Небесное нашему польскому дѣдушкѣ; хорошій видно былъ человѣкъ покойникъ; честно подумалъ объ насъ, не забылъ»....

Между тѣмъ Ѳедоръ Степанычъ съ Иваномъ Дмитричемъ, который не безъ особеннаго удовольствія взялся проводить его, проскакали верстъ пятьдесятъ и внезапно явились у знаменитаго Павлюты. Павлюта этотъ былъ человѣкъ крещеный въ чернилахъ, повитый гербовымъ листомъ, вскормленный очинкою пера, какъ воины Игоря концемъ копья. Лѣтъ двадцать былъ онъ уже не у дѣлъ; несмотря на это, однако же, постоянно занимался ими, жилъ среди бумагъ, выписокъ, замѣтокъ изъ разныхъ указовъ, на случай надобности, и записокъ по тяжебнымъ дѣламъ. Павлюта по этой части былъ архивъ и оракулъ уѣзда: если кому нужна была справка изъ записи, данной, купчей—если нужно было свѣдѣніе по генеральному межеванію, по планамъ, межевымъ книгамъ, забытымъ тяжбамъ и рѣшеніямъ, —то не обращались ни куда болѣе, какъ къ Павлютѣ:—потерши слегка двумя пальцами лобъ, или поскобливъ однимъ указательнымъ, согнутымъ дугой, за́-ухомъ, въ жесткихъ и черныхъ, какъ смоль, волосахъ, несмотря на то, что имъ было уже за шестьдесятъ лѣтъ,

—Павлюта вставалъ медленно, отправлялся къ запыленнымъ полкамъ своимъ, и, поглядѣвъ пристально на одно мѣсто, опять спокойно возвращался. Тогда начиналась торговля: онъ просилъ пятьдесятъ рублей, ему сулили десять, наконецъ соглашались, и онъ либо тутъ же доставалъ требуемое съ полки, либо объявлялъ, что надобно еще добыть его изъ уѣзднаго или губернскаго города, и назначалъ на это срокъ. Само собой разумѣется, что Павлюта также охотно брался за всѣ тяжебныя дѣла, и даже нерѣдко, какъ ходила молва, бралъ на себя обязанность стряпчаго и ходака по обѣимъ противнымъ сторонамъ тяжущихся, отвѣчая, въ такомъ случаѣ, очень простодушно на вопросъ: чью же онъ сторону въ такомъ случаѣ держитъ?—«а ту сторону, которая лучше платитъ.» Изъ всего этого слѣдуетъ несомнѣнно, что Павлюта, этотъ высокій, плечистый, худощавый и смуглый плутъ, черноволосый, сильный и здоровый, въ шестьдесятъ лѣтъ, съ черными, острыми, какъ стрѣла, глазами,—этотъ добрый человѣкъ и всесвѣтскій стряпчій, не отказывавшій никому, за хорошую плату, ни въ какихъ актахъ и документахъ, нерѣдко сочинялъ ихъ самъ; но онъ дѣлалъ это такъ искусно и осторожно, выдавая всегда только по секрету ни кѣмъ не завѣренный списокъ, а не подлинникъ, что охотники до тяжбъ и исковъ ему вѣрили, и заводили на этомъ основаніи самыя разорительныя для самихъ себя дѣла. У Павлюты не было ни жалованья, ни пенсіи, ни какого либо имущества или доходовъ, а между тѣмъ онъ жилъ себѣ, не хуже другихъ, и рѣдко въ чемъ нуждался. Если же уѣздъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца былъ спокоенъ и никѣмъ ничего не затѣвалось, то Павлютѣ стоило только почесать крючковатымъ пальцемъ за ухомъ, взглянуть на свои полки, и написать пару записочекъ — одну, напримѣръ, въ которой онъ угрожалъ помѣщику доставить врагу его очень важные, имѣющіеся у него, Павлюты, документы; другую, въ которой онъ объявлялъ безпокойному барину, что есть подъ спудомъ данныя, по которымъ оказывается, что луга такого-то сосѣда принадлежатъ, по праву, къ вотчинѣ этого барина — и хлѣбъ тотчасъ являлся; деньги, правда, были довольно рѣдки въ этомъ уѣздѣ; но какъ Павлюта также охотно бралъ за труды свои хлѣбомъ, скотомъ, птицей, саломъ, масломъ, и даже свиной щетиной и пузырями, то дѣло и слаживалось вскорѣ по обоюдному добровольному соглашенію.

Итакъ, къ этому-то Павлютѣ пріѣхали въ городъ Ѳедоръ Степанычъ съ Иваномъ Дмитричемъ. Хозяинъ сидѣлъ за письмомъ, въ длинномъ сюртукѣ толстаго сукна, въ довольно толсто намотанномъ на шею черномъ и грязномъ галстухѣ. Медленно далъ онъ, сидя, полуоборота всѣмъ тѣломъ къ дверямъ, какъ старый волкъ, у котораго хрящи окрѣпли и шея не ворочается, снялъ съ переносья очки желтой мѣди, сидѣвшія лещедкой, всталъ, и по всегдашней привычкѣ своей молча принялъ гостей, молча ихъ выслушалъ, почесалъ крючкомъ за ухомъ и сказалъ со вздохомъ: «Богъ знаетъ, можетъ быть, оно и такъ; мы люди маленькіе, въ такія большія дѣла не вяжемся — гдѣ намъ! мы по крохѣ собираемъ.» Долго еще Павлюта хитро улыбался, поминался, пожималъ плечами и отмалчивался, между тѣмъ какъ посѣтители его упрашивали помочь въ этомъ дѣлѣ Ѳедору Степанычу и показать, какіе у него есть документы, обѣщая быть благодарными. Павлюта потеръ лобъ, поглядѣлъ на гостей и сказалъ: «Дѣло это давно бы можно былъ поднять — да я молчалъ; что мнѣ до этого? Вѣдь со старикомъ Павлютой у насъ ужь такъ привыкли вѣдаться, что красненькую сунутъ, — да и дѣло съ концомъ; а это, прошу извинить, господа, это не тѣмъ пахнетъ; а не то — пусть лучше все пропадаетъ, пусть хлопочутъ другіе... а посмотрю я, какъ они будутъ хлопотать и что они сдѣлаютъ», прибавилъ онъ, лукаво улыбаясь, и поглядѣлъ въ уголъ верхней полки.

Съ этого повода пошли откровенныя объясненія, торгъ, и условіе было заключено: мильономъ, обѣщаннымъ Павлютѣ въ случаѣ благополучнаго окончанія дѣла, Павлюта, повидимому, не совсѣмъ соблазнился, а потребовалъ сумму гораздо меньшую, и всего-то одну тысячку, только наличными; тогда обѣщалъ онъ доставить важные документы и ясныя доказательства. Посѣтители перешепнулись, чтобы узнать, сколько у кого изъ нихъ есть съ собой наличными; оказалось и тутъ и тамъ очень немного; бросились въ городъ, къ купцамъ — и процентиковъ по пяти на мѣсяцъ, казалось, очень немного на такое дѣло, лишь бы не упустить времени и захватить поскорѣе въ свои руки драгоцѣнные документы.... получить сто мильоновъ, — а по малословному, но положительному увѣренію Павлюты, получить ихъ должно непремѣнно — не хлопотать стать о сотняхъ или даже тысячахъ, это плевое дѣло!

Сосчитавъ спокойно деньги, и притомъ не торопясь, а послюнивая осторожно палецъ каждый разъ, когда сальныя бумажки слипались, Павлюта положилъ ихъ въ карманъ, полѣзъ въ уголъ на верхнюю полку, досталъ оттуда кипу бумагъ и показалъ посѣтителямъ напередъ всего, молча, на заголовокъ: «По дѣлу о внесеніи бывшимъ старостой польскаго королевства Яномъ Породнымъ, мильона злотыхъ, на польскія деньги, въ лондонскій банкъ.» Обдумавъ нѣсколько бумаги эти и развязавъ ихъ, Павлюта вынулъ бережно одинъ листокъ, посадилъ очки верхомъ на-носъ, сказалъ: «слушайте!» и началъ читать: «Року 1725 семтембрія въ пятый день, коронны староста Жегулинскій, воевода Моховецкій, владца ключа Горали, панъ Янъ Казимиръ Непомукъ Породный, на вѣчную славу и память свою и родительскую, на благословеніе памяти своей и на поминъ души, съ доброй воли своей и власти завѣщаемъ: одинъ мильонъ грошей золотыми польскими, что есмы внесли и положили въ банкъ лондонскій, въ ангельскихъ земляхъ, нерушимо и свято хранить тамо отъ сегодни до шестаго дня семтемврія 1825, сирѣчь, отъ дня до дни сто лѣтъ и одинъ день, а по истоку сихъ лѣтъ, какъ написались мы есмы въ кладовыхъ записѣхъ при оному банку, выдать немѣшкатно и безъущербно, съ ростами и ростами на росты, старшему въ родѣ Породныхъ, кто таковымъ окажется.»

Завѣщаніе не было еще кончено, но Павлюта остановился, улыбнулся и посмотрѣлъ черезъ очки на гостей своихъ, изъ коихъ одинъ, особенно, стоялъ раскрывъ ротъ и сильно работая легкими, потому что дыханіе у него въ груди сперлось. Прочія бумаги содержали поясненія и указанія по сему же дѣлу, родословную Породныхъ, даже двѣ грамоты на ихъ имя отъ польскихъ королей, и наконецъ важныя для наслѣдника дополнительныя статьи завѣщанія, по которымъ онъ могъ, если хотѣлъ, подѣлиться съ прочими потомками Породныхъ, но могъ и промолчать объ этомъ, имѣя все въ своихъ рукахъ, и воспользоваться, какъ доброму наслѣднику надлежитъ, одинъ всѣмъ. Ѳедоръ Степанычъ былъ просто внѣ себя, не понималъ и не слышалъ ничего, кромѣ того только, что онъ есть владѣтель ста мильоновъ, которымъ подробный разсчетъ съ процентами также приложенъ былъ при купленныхъ у Павлюты документахъ и неоспоримо, математически доказывалъ баснословное богатство Ѳедора Степаныча Породнаго.

Мильонщикъ нашъ тотчасъ, съ помощію Павлюты, пустилъ дѣло свое въ ходъ, потомъ опять занялъ за несообразные проценты денегъ и поскакалъ въ губернскій городъ, потомъ и тамъ опять занялъ — и, конечно, также не по пяти на-сто, потому что люди, поспѣшившіе прислужиться наслѣднику ста мильоновъ, въ такомъ случаѣ себя не забываютъ....

Возвратившись наконецъ въ гнѣздо свое, въ мизерную Закоуловку, на которую ему совѣстно и гадко было теперь смотрѣть, Ѳедоръ Степанычъ привезъ добрыя вѣсти, за что Аксинья Гавриловна разсказала ему и о своихъ благоразумныхъ распоряженіяхъ въ отсутствіи мужа: получивъ отъ него изъ уѣзднаго города письмецо, подтверждающее надежду на сто мильоновъ, она разсудила, что имъ теперь будетъ необходимо сдѣлать кой-какіе хозяйственные расходы, не говоря уже о предстоявшихъ издержкахъ по самому дѣлу, запродала весь хлѣбъ на гумнѣ, поспѣшила также продать шерсть и сверхъ того рѣшилась послать на базаръ нѣсколько свиней, убѣждая мужа также отправить въ продажу три-четыре лошади изъ числа доморощеныхъ. Всѣ распоряженія эти были одобрены и утверждены хозяиномъ, а равно также признана необходимость съѣздить всей семьей въ губернскій городъ и одѣться приличнымъ образомъ, особенно закупить разныхъ тряпокъ для дочерей.

Между тѣмъ просьбы и заявленія подавались своимъ чередомъ, и Ѳедоръ Степанычъ крѣпко почесывалъ въ затылкѣ. Ни шагу безъ денегъ, — а оныхъ-то и нѣтъ; но неужели останoвиться въ такомъ великолѣпномъ дѣлѣ на полпути, по недостатку средствъ? Неужели пожалѣть нѣсколькихъ сотенъ или даже тысячъ за несчетные мильоны? Не только въ уѣздѣ, въ губерніи почти не осталось человѣка, у котораго бы Ѳедоръ Степанычъ не занялъ столько, сколько тотъ соглашался дать, и на такихъ условіяхъ, на какихъ кому было угодно; за этимъ Ѳедоръ Степанычъ не стоялъ, да и смѣшно было бы стоять при такихъ обстоятельствахъ.... Кромѣ того, никакъ нельзя было будущему мильонщику жить, какъ жилъ бѣдный, почти мелкопомѣстный дворянинъ: расходы волей и неволей удвоились; искателей, поклонниковъ, поздравителей явилось столько, что отъ нихъ не было отбою — надобно было принять иногда людей по людски, жить какъ люди живутъ; двѣ дочери невѣсты, у которыхъ теперь стали наклевываться не дюжин-

ные женишки, обходились, при такихъ обстоятельствахъ, не дешево, потому что надо же было поддержать достоинство мильонщика; наконецъ явились цѣлыя толпы соискателей и сонаслѣдниковъ, которые, истощивъ просьбы, ласки и всѣ доводы свои предъ неумолимыми на этотъ счетъ Ѳедоромъ Степанычемъ и Аксиньей Гавриловной, объявили имъ открытую войну и завязали съ ними тяжбы о медвѣжьей шкурѣ, которая не только не была еще снята, но которой настоящій хозяинъ или владѣлецъ, то есть медвѣдь, либо бродилъ въ лѣсу, либо еще и вовсе на свѣтъ не родился.

Проходитъ годъ среди суетъ, нескончаемыхъ заботъ, среди долговъ, возрастающихъ съ ужасною быстротою, и Ѳедоръ Степанычъ видитъ, что ему не подъ-силу вести правое дѣло свое этимъ путемъ, и что ненасытность мѣстныхъ ходатаевъ и помощниковъ, или тайныхъ и явныхъ противниковъ разнаго рода, скоро поглотятъ все его достояніе. Онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ, къ самому источнику, въ надеждѣ подвинуть тамъ дѣло скорѣе, и объявилъ объ этомъ женѣ. Аксинья Гавриловна тотчасъ же согласилась на это, но съ однимъ только условіемъ: чтобы ѣхать въ Питеръ всѣмъ семействомъ. Причины и доводы, представленные для этого Аксиньей Гавриловной, были такъ дѣльны и основательны, что Ѳедоръ Степанычъ долженъ былъ согласиться, хотя и признался со всею откровенностью, что не знаетъ, гдѣ достать на это денегъ. Но догадливая и изворотливая Аксинья Гавриловна предложила средство, отъ котораго и самъ Ѳедоръ Степанычъ пришелъ въ восторгъ: пригласить всѣхъ Породныхъ, сколько ихъ есть, обоего полу, на великолѣпный обѣдъ въ Закоуловку, заключить общую мировую, уступивъ имъ—кому мильонъ, кому два, и взявъ съ нихъ за это складчиной взаймы, за какіе-бы то ни было проценты, сколько кто въ состояніи дать.

Послѣднія усилія употреблены были на приличное снаряженіе этого пира, для котораго ничего не щадили, такъ что даже въ губернскомъ городѣ, откуда привезена была цѣлая подвода вина, прошла молва, будто Ѳедоръ Степанычъ уже выигралъ дѣло, и сорвалъ лондонскій банкъ. Съѣхалось Породныхъ до двадцати человѣкъ, и притомъ многіе съ семействами; покуда дѣло шло о томъ только, чтобы пить и ѣсть, оно подвигалось своимъ порядкомъ; но когда дошло до общаго совѣщанія, то пошла нескончаемая разноголосица. Ѳедоръ Степанычъ формаль-

но заперъ ворота, по праву хлѣбосольства, расположивъ напередъ кучеровъ и лошадей на квартиры у крестьянъ, въ родѣ воинскаго постоя, и объявилъ, что не пуститъ никого изъ гостей со двора, покуда не будетъ кончено миролюбивое совѣщаніе. Мѣра эта помогла; не съ большимъ черезъ сутки все было рѣшено на гербовой бумагѣ: мильоны посыпались мановеніемъ руки хозяина — разумѣется также на бумагѣ — какъ мѣдные гроши, и за это, въ семидневный срокъ, сонаслѣдники обязались доставить каждый извѣстную сумму, отправляя Өедора Степаныча съ законными довѣренностями въ Петербургъ, для полученія извѣстныхъ ста мильоновъ.

И Өедоръ Степанычъ прибылъ, со всѣмъ семействомъ, благополучно въ Петербургъ, и пустился хлопотать. Но каково было его изумленіе и недоумѣніе, когда онъ, въ теченіе двухъ недѣль, не могъ добиться никакого толка по своему дѣлу, и въ цѣломъ Петербургѣ не могъ найти ни одного человѣка, который бы зналъ и слышалъ что нибудь объ этомъ замѣчательномъ дѣлѣ, и указалъ бы ему, гдѣ хлопотать и какъ дѣйствовать. Между тѣмъ Аксинья Гавриловна привезла дочерей своихъ конечно не для того, чтобы сидѣть съ ними запершись у Серапина или Балабина; моды, карета, театры — словомъ, столичная жизнь требовала неотступно своей дани.... Наконецъ Өедоръ Степанычъ нашелъ сострадательныхъ людей, которые указали ему пути, и напередъ всего обратили въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Оттуда онъ получилъ рѣшительное объявленіе, что подобнаго дѣла никогда не бывало, что лондонскій банкъ никакихъ наслѣдниковъ ПороДныхъ не вызывалъ, и что правительству ничего о мильонахъ этихъ неизвѣстно.... По усильной просьбѣ несчастнаго, было написано объ этомъ дѣлѣ въ Лондонъ, въ посольство наше, и въ какомъ положеніи отрицательный отвѣтъ на отрѣзъ, что все это выдумано, засталъ бѣднаго Породнаго въ Петербургѣ — можно себѣ представить: онъ прожился, сидѣлъ въ долгахъ по уши и выбрался уже отъ Серапина, съ Аксиньей Гавриловной и дочерьми, въ какой-то грязный и тѣсный чуланчикъ, на Выборгской сторонѣ.. .. Бальныя платья и токи перенеслись на Апраксинъ Дворъ, и самая страшная нищета поселилась въ чуланѣ этомъ, вмѣстѣ съ несчастнымъ семействомъ Породнаго.... Ни жить, ни выѣхать не съ чѣмъ, въ буквальномъ смыслѣ слова!

Закоуловку продали съ молотка, и едва только уплатили этимъ казенные долги и недоимки; частныхъ долговъ было столько же, если не болѣе, но ихъ поневолѣ пришлось разсрочить до втораго пришествія. Слухъ о Ѳедорѣ Степанычѣ и семействѣ его мало по малу заглохъ, и никто не знаетъ, куда они всѣ дѣвались: помню, что кто-то говорилъ, будто одна изъ дочерей вышла за мужъ за унтеръ-офицера, а на вдовьей половинѣ Смольнаго монастыря была какая-то старушка Породная, впрочемъ, уже полупомѣшанная.

В. ДАЛЬ.

О ТУРЦІИ И ПЕРСІИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКА (*).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

ПЛАВАНІЕ ПО ПЕРСИДСКОМУ ЗАЛИВУ. БЕНДЕРЪ-БУШИРЪ.

Отъ пресловутаго арабскаго города Мухàммеры (**), — подъ стѣнами котораго, неприступными отъ гніющихъ лужъ, и грозными потому, что грозятъ разрушеніемъ, мы мѣсяца уже три стояли лагеремъ, — отходилъ въ апрѣлѣ 1850 года въ Бендеръ-Буширъ бригъ Остъ-Индской компаніи Клайвъ (the Clive). Мы воспользовались

(*) Мы надѣемся, что въ настоящую минуту, когда вниманіе Европы обращено съ особеннымъ любопытствомъ на Востокъ, по случаю послѣдняго столкновенія Англіи съ Персіею, предлагаемыя записки имѣютъ живой современный интересъ. Въ нихъ описываются именно тѣ мѣста, которыя были театромъ военныхъ дѣйствій: Мухàммера, Буширъ и проч., и читатели «Современника», вѣроятно, будутъ намъ благодарны за помѣщеніе этихъ любопытныхъ записокъ. Мы считаемъ нужнымъ прибавить къ этому, что авторъ ихъ, проведшій бóльшую часть своей жизни въ Персіи и Турціи, хорошо знакомъ съ описываемыми имъ странами. Записки эти ведены имъ во время путешествія Посреднической Коммиссіи по Турецко-Персидской границѣ съ января 1849 по октябрь 1852 г. Небольшое извлеченіе изъ нихъ было помѣщено въ «Современникѣ» 1850 года, № XI, въ Смѣси, стр. 21. *Ред. Совр.*

(**) Буква х произносится какъ латинское h.

этимъ случаемъ и свободнымъ временемъ, чтобы взглянуть на диковины Персеполиса и на поэзію Шираза. Передъ отъѣздомъ я присѣлъ снова за Морье и за другихъ путешественниковъ, желая ознакомиться повнимательнѣе съ дорогою, намъ предстоявшею, съ климатомъ страны и съ предметами въ нѣй замѣчательными; и о странѣ и о дорогѣ набрался я такихъ ужасовъ, что Ширазъ казался мнѣ мухаммедовымъ раемъ, котораго нельзя иначе достигнуть, какъ перейдя черезъ мостъ Сыратъ, заостренный сверху, какъ лезвіе ятагана, или еще того хуже. По словамъ чудака Морье (*), можно подумать, что во всей Персіи одно только порядочное дерево: противъ Каравансерая, гдѣ протекаетъ ручеекъ Рукнабадъ, воспѣтый Хафизомъ, и всѣ путешественники съ нимъ заодно описываютъ гористую дорогу между Буширомъ и Ширазомъ, какъ одну изъ труднѣйшихъ, опаснѣйшихъ и скучнѣйшихъ въ свѣтѣ. Я нашелъ даже рисунокъ ужаснѣйшаго изъ этихъ подъемовъ (**): волосы дыбомъ становятся, глядя на это изображеніе. Отъ разговоровъ же съ персіянами за-глаза влюбляешься въ этотъ край. Правда, говорили они мнѣ, дорога трудна, но зато *въ трехъ-четырехъ часахъ за Буширомъ* безплодная степь исчезаетъ и уступаетъ мѣсто лугамъ, покрытымъ роскошною зеленью и мильонами разнородныхъ цвѣтовъ; чудная растительность, холодные ключи! Кому вѣрить? Но въ разсказахъ своихъ, путешественники и персіяне одного поля ягода. Поживемъ, увидимъ; а между тѣмъ по кожѣ подираетъ. Не менѣе сухопутной дороги страшило меня плаваніе по Персидскому заливу; но жребій брошенъ, вещи снесены на берегъ; красный сигнальный флагъ развѣвается на бугшпритѣ и зоветъ въ путь. Прощай, очаровательная Мухаммера!

Мы были не одни случайными пассажирами на бригѣ: три англійскихъ путешественника, которые лѣтъ семь, восемь тому назадъ показывали себя и на петербургскихъ улицахъ, двое изъ нихъ — одному двадцать три, а другому двадцать лѣтъ — братья одной изъ богатѣйшихъ ирландскихъ фамилій; третій — духовная особа, лѣтъ тридцати семи; младшій изъ братьевъ безъ рукъ и безъ ногъ отъ рожденія. Я уже сходился съ ними года три тому назадъ на пароходахъ, во время плаванія изъ Аѳинъ въ Константинополь; они тогда разъѣзжали съ матерью и сестрою, миловидною miss. Въ этотъ разъ они предприняли поѣздку въ Индію, а если можно будетъ, и въ Китай. Въ этомъ-то обществѣ очутились мы перваго апрѣля, часа въ три пополудни, на палубѣ Клайва, шевелившаго не на шутку парусами и шпилемъ, и я благословлялъ судьбу за это

(*) См. его описаніе втораго путешествія по Персіи.
(**) См. «Persia by J. Fraser.»

обстоятельство, потому что всѣ трое славные товарищи; а въ путешествіяхъ этого рода лишній хорошій товарищъ — вещь вовсе не лишняя.

Комодоръ, — человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, — добрый, веселый и обходительный, оказался и большимъ хлѣбосоломъ. Онъ принялъ насъ радушно и тутъ же извинился, что оставляетъ насъ на время однихъ, отправляясь командовать. Морякъ бы удивился, прочитавъ послѣднія строки: комодоръ слишкомъ важный чинъ, чтобы командовать, въ особенности такимъ простымъ маневромъ, когда ни одинъ командиръ судна, какъ бы оно мелко ни было, не дѣлаетъ этого, предоставляя, по морскимъ законамъ, команду старшему по себѣ офицеру. Но надо замѣтить, что Остъ-Индская компанія, повидимому, небогата хорошими и опытными офицерами, какъ ни сыплетъ деньгами. На четырехъ судахъ флотиліи Персидскаго залива, съ которыми мы ознакомились, мы различили только трехъ-четырехъ офицеровъ, показавшихся намъ добрыми моряками; прочіе всѣ молодежь, отъ шестнадцати до двадцати двухъ лѣтъ, повидимому, едва знающая свое дѣло. А знаете ли, сколько имъ платятъ? Комодоръ, а ихъ трое у Компаніи, получаетъ въ Персидскомъ заливѣ, куда они командируются на три года, 25,000 рублей въ годъ; старшій офицеръ 10,000, мичмана по 2,000, матросы отъ 500 до 600 рублей ассигнаціями въ годъ. Но и то сказать: разрушительный климатъ тѣхъ странъ слишкомъ незаманчивъ для охотниковъ, и одна крайняя нужда или неспособность загоняетъ бѣлокурую молодежь Англіи подъ это раскаленное небо, на службу тяжкую, скучную и опасную. Я видѣлъ между ними дѣтей лучшихъ фамилій Англіи. Къ несчастію, ни одинъ изъ нихъ и не думаетъ бороться съ пагубнымъ вліяніемъ климата воздержаніемъ въ пищѣ и перемѣною привычекъ; напротивъ—скука ли, или вообще лишенія, развиваютъ въ нихъ аппетитъ; аппетитъ распаляетъ жажду, а обжорство разстроиваетъ непремѣнно желудокъ, порождаетъ болѣзнь печени, и такъ далѣе. Все, что природа ни производитъ жгучаго и пряиаго, занимаетъ первое мѣсто на кухнѣ англійскаго офицера; нѣтъ блюда, которое бы не было имъ засыпано, пересыпано; а блюдъ этихъ бездна, не считая тысячи соленій, маринадовъ—и все на перцѣ. Есть у нихъ, между прочимъ, одно любимое блюдо, безъ котораго имъ обѣдъ не въ обѣдъ. Утромъ и вечеромъ, въ концѣ стола, подается отваренный рисъ и къ нему соусъ изъ какого бы то ни было мяса, или даже раковъ, рыбы, или просто, твердыхъ яицъ, облитый жгучимъ составомъ, называемымъ кери (curry), и къ этой-то смѣси съ рисомъ прибавляютъ еще раскаленныхъ пикльсовъ и пламеннаго состава четни. Надо отдать справедливость

этому блюду: оно превосходно.... когда къ нему привыкнешь. Столъ накрывается два раза въ день: въ девять часовъ утра и въ восемь вечера, и послѣ полудня рѣдкій не ѣстъ лонча, полуденной закуски, и тиффина, закуски въ три часа пополудни. Хересъ, портвейнъ и крѣпкое пиво заливаютъ обильною струею эту кашу; многіе доходятъ до двѣнадцати и до пятнадцати бутылокъ въ день одного пива! Черезъ три года по пріѣздѣ въ Индію, у юнаго Джонъ-Буля начинаетъ рости брюхо, краснѣть носъ, страдать печень, не варить желудокъ; нѣкоторые изъ нихъ не могутъ подняться утромъ съ кровати, не могутъ ни ѣсть, ни ходить, не проглотивъ предварительно пилюли каломели; я самъ зналъ такихъ. Кстати, скажу нѣсколько словъ о родѣ ихъ службы на станціи Персидскаго залива.

Южнѣйшія точки этой станціи, на западномъ берегу—Маскатъ, на восточномъ — Басадоръ, на островѣ Хишмѣ, что противъ Бендеръ-Абаси; сѣверныя же, на западномъ — Бахрейновы острова, и немного выше, на восточномъ — Бендеръ-Буширъ. Должность эскадры состоитъ въ томъ, чтобы уничтожать пиратство, въ чемъ она почти совершенно успѣли; искоренять торгъ невольниками, въ чемъ она не успѣли вовсе; мирить безпрерывно враждующихъ между собой шейховъ прибрежныхъ племенъ, наказывать буйныхъ и награждать покорныхъ. Три судна: бригъ, шлюпъ и шхуна, изъ которыхъ состоитъ эта эскадра, постоянно по очереди крейсируютъ вдоль береговъ, присутствуютъ въ септябрѣ при ловлѣ жемчуга въ Бахрейновыхъ островахъ, куда для этого слетаются иногда до пятисотъ арабскихъ лодокъ и гдѣ не обходится безъ сильныхъ схватокъ между водолазами. Резидентъ компаніи, живущій въ Буширѣ, разъ въ годъ объѣзжаетъ на бригѣ дистанцію, слушаетъ жалобы, разбираетъ тяжбы, приуждаетъ наказанія, раздаетъ подарки, состоящіе изъ телескоповъ, оружія, часовъ и прочаго. Прежде резиденція была въ Басадорѣ, но страшныя лихорадки выгнали ее оттуда; и, оставивъ тамъ постъ изъ нѣсколькихъ индѣйцевъ, регулярныхъ солдатъ компаніи и одного фельдшера, она переселилась въ Буширъ, гдѣ хоть климатъ и здоровъ, но жаръ также невыносимъ, какъ и въ Басадорѣ. Впродолженіе семи мѣсяцовъ, паритъ такъ на Персидскомъ заливѣ, какъ въ банѣ на полкѣ; а что можетъ быть ужаснѣе плаванія въ морѣ при жарѣ, иногда доходящемъ до 140° Фаренгейта подъ палубой! Берега всей этой дистанціи — голый песокъ, безъ всякой растительности, и только гдѣ—гдѣ увидишь вдоль ихъ одну пальму; населеніе состоитъ изъ бѣдныхъ, жалкихъ, грязныхъ арабскихъ выродковъ, изъ которыхъ если не всѣ разбойники, то ужь навѣрное всѣ до одного плуты.

Вытянувшись изъ канала Хаффаръ, на берегу котораго развалилась красавица Мухаммера, посреди пальмовыхъ рощъ, песку, грязи и тысячи каналовъ, пошли мы внизъ по Шатъ-эль-арабу съ легкимъ напоромъ вѣтра. При этомъ удалось намъ сѣсть на мель; но послѣ небольшихъ усилій бригъ былъ стащенъ съ илистаго дна, и мы продолжали шествіе до солнечнаго заката. Съ сумерками брошенъ былъ якорь, потому что большому судну ночью неловко изворачиваться между отмелей рѣки.

Столъ уставленъ по края всевозможными блюдами, по обычаю англичанъ. За столомъ прислуживаютъ босые и нечесаные ласкари, индѣйскіе португальцы, на тоненькихъ ножкахъ и каштановаго цвѣта. Сейчасъ послѣ супа подаютъ тарелки съ двойнымъ дномъ, полнымъ кипятку: —это непремѣнное условіе индѣйскихъ обѣдовъ;— и начинаютъ дуэты приглашеній выпить вмѣстѣ рюмку вина.

«— Угодно вамъ сдѣлать мнѣ честь (или удовольствіе) выпить со мной рюмку вина или стаканъ пива?»

И всякій разъ оба джентльмена, то есть приглашающій и приглашаемый, должны подлить въ рюмку свѣжаго, посмотрѣть другъ на друга, взявши ее въ руки, кивнуть головою, съ сопровожденіемъ улыбки, или, просто, не моргая глазомъ, смотря по степени знакомства, и потомъ отпить или выпить до дна, смотря по потребности: — шутовской обычай, почти вовсе оставленный въ Англіи, но процвѣтающій во всей силѣ въ индѣйскомъ обществѣ. Сначала выходятъ на сцену хересъ и клеретъ, какъ англичане неизвѣстно почему величаютъ бордо; къ половинѣ стола является пиво; а въ концѣ, *тѣ же* и порто; и вся эта баттарея распускается не ранѣе какъ чрезъ часъ, по крайней мѣрѣ, послѣ фруктовъ, и разумѣется стоитъ не праздною. Комодоръ очень любезный человѣкъ и охотникъ говорить вообще и разсказывать анекдоты въ особенности; три путешественника тоже не молчаливый народъ, и потому бесѣда наша была шумная и нескучная. Но надо видѣть, какъ безрукій джентльменъ управляетъ вилкой, ножемъ, ложкой и особенно рюмкой! Для меня уже это было не новое; но въ первый разъ на эти маневры нельзя смотрѣть безъ удивленія.

На другой день мы подошли къ фарватеру и опять бросили якорь. На слѣдующее утро намъ приходилось выйти въ открытое море; это мы могли сдѣлать только въ такомъ случаѣ, если при утреннемъ приливѣ подуетъ попутный и довольно свѣжій вѣтеръ: причина этому высокія отмели, идущія отъ береговъ далеко въ море (милей на сорокъ), и мелководья фарватера; кромѣ того, въ трехъ мѣстахъ есть гряды, на которыхъ при полноводьѣ только—только достаточно воды, чтобы проскользнуть въ море, при свѣ-

жемъ вѣтрѣ; а этого условія, несуществующаго для арабскихъ лодокъ, большія суда ожидаютъ иногда по нѣскольку дней, что, къ горю, случилось и съ нами. Подвинувшись, на третій день, отъ вечерней стоянки милей на двадцать къ морю, когда уже оба берега почти ушли изъ глазъ, вѣтеръ упалъ, и мы, съ сокрушеннымъ сердцемъ, должны были бросить якорь и надежду къ движенію на цѣлые сутки. Три дня стояли мы неподвижно на этомъ мѣстѣ, какъ прикованные, три дня убійственнаго томленія, подъ сильнымъ, противнымъ вѣтромъ. Только четыре якоря могли удержать бригъ въ равновѣсіи, неподвижно; на третій день выдержали мы въ этомъ положеніи жестокій шквалъ; онъ продолжался нѣсколько часовъ и смущалъ по временамъ самого комодора. Наконецъ онъ снялъ съ брига верхнія снасти и увѣрялъ насъ, что арабское суденышко, котораго парусъ барахтался вдали въ кипѣвшихъ волнахъ, рисуясь на темно-буромъ полѣ громовыхъ тучъ, непремѣнно будетъ разбито. Но оно, черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, пронеслось вихремъ саженяхъ въ пяти отъ брига, накренясь молодецки, и скрылось въ черной дали. Корчій какъ истуканъ сидѣлъ у руля на корточкахъ, устремивъ въ даль глаза свои; два черныхъ атлета, въ пестрыхъ чалмахъ, съ распущенными по вѣтру концами ихъ, съ открытою грудью, стояли неподвижно, держась за снасти, и глядѣли на насъ оскаливъ бѣлые зубы. Свистъ вѣтра заглушилъ нѣсколько словъ, размѣненныхъ ими съ нашими шкиперами.... Нѣтъ, несмотря на всю эту поэзію, я рѣшительно не рожденъ быть морякомъ и возглашаю вмѣстѣ съ персидскимъ поэтомъ: «коли ищешь безопасности, ищи ее на берегу». Но что̀ было всего мучительнѣе — это попытки шкипера — араба сниматься каждый день во время полноводья, въ надеждѣ, что вѣтеръ вдругъ подуетъ намъ въ спину и мы прошмыгнемъ. Напрасно по нѣскольку часовъ сряду бородатые моряки, налегая широкою грудью на рычаги шпиля, съ ужасными усиліями подымали тяжелые якоря. Напрасно старались помогать имъ своими звуками двѣ скрипки, на которыхъ наяривали упомянутые мною, два босые, растрепанные ласкари, нарочно для этого нанятые комодоромъ. Напрасно юлили и кувыркались люди въ такелажѣ и качались на реяхъ, лежа на нихъ животомъ и растопыривъ босыя ноги на воздухѣ; напрасно басилъ изо всей силы комодоръ, тянули лейтенанты, пищали мичмана, раздавались свистки.... Только что якорь показывался изъ воды, бррръ!—цѣпь съ громомъ катилась назадъ и якорь снова на днѣ, и мы снова со вздохомъ располагались въ каютѣ, посматривая другъ на друга весьма значительно. Время тянулось. Развлекалъ насъ одинъ залетный воробей, ловившій очень ловко нашихъ мухъ въ полубортикѣ....

Наконецъ на четвертые сутки двинулись мы въ путь и уже болѣе не останавливались до самого Бушира; но шквалъ развелъ такую зыбь по морю, что во все остальное время качка не унималась ни на минуту; въ ночь никто изъ насъ не могъ заснуть, скользя то и дѣло съ одного борта къ другому, вмѣстѣ съ мебелью, при стукѣ бившейся посуды, шумѣ моря и воѣ борзыхъ комодора. Къ тому же, пререгатый козелъ, за которымъ некому было смотрѣть посреди этой суматицы, безпрестанно толкалъ рогами лежавшихъ на полу. Когда мы вышли утромъ на палубу, островъ Харгъ уже оставался за нами. Этотъ островъ, гдѣ спасалась резиденція во время ужасной чумы 1832 года, и гдѣ нѣкогда процвѣтала резиденція португальцевъ, слыветъ, благодаря произношенію компанейцевъ, Каракомъ; онъ снабжаетъ шкиперами безъ исключенія всѣ суда, пробѣгающія Персидскій заливъ, и даже до Индѣйскаго океана.

Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я на пароходѣ, въ первый разъ, подходилъ къ Александріи, плоскій берегъ ея навелъ на меня тоску; но чѣмъ ближе мы подвигались къ этой лѣтней столицѣ Египта, тѣмъ болѣе исчезало однообразіе картины, тѣмъ веселѣе, тѣмъ привѣтнѣе она на насъ глядѣла: дворецъ паши подымался все выше и выше; въ строеніяхъ проявлялись жизнь и игра, и надъ ними, тамъ, какъ пукъ стрѣлъ, подымались мачты консульскихъ пребываній; тутъ зеленѣли купы пальмъ, увы! тогда имѣвшихъ для меня всю прелесть, все очарованіе новизны. Къ тому же оживленіе порта: сотни мелкихъ арабскихъ лодокъ, на своихъ изорванныхъ парусишкахъ, весело покачиваясь и гомозясь посреди волнъ и при гортанномъ крикѣ полунагихъ лодочниковъ, летѣли къ намъ со всѣхъ сторонъ, какъ старые друзья бѣгутъ обнять возвратившагося друга. Видъ мачтъ и пароходныхъ трубъ, далекій гулъ движенія на карантинной пристани и сверхъ всего особенно прелестный лазоревый цвѣтъ фарватера,—все это вмѣстѣ мигомъ разогнало тоску, щемившую мнѣ сердце. Видъ Бушира, открывшійся намъ издали, мнѣ напомнилъ немного первое впечатлѣніе, сдѣланное на меня Александріей: тотъ же плоскій берегъ, тотъ же желтый цвѣтъ; но я не поддавался ему, надѣясь, что по мѣрѣ приближенія къ порту картина озарится новымъ свѣтомъ. Напрасно; въ этотъ разъ, чѣмъ ближе мы подвигались къ берегу, тѣмъ картина казалась угрюмѣе. Одно, что мирило съ нею, это довольно близкая цѣпь горъ, выглядывавшая на насъ изъ-за города. Утомленнымъ плоскою степью, по которой катились мы болѣе года отъ самой подошвы Тавра до Персидскаго залива, намъ отраденъ былъ видъ этихъ горъ, сулившихъ и прохладу, и разнообразіе, и цвѣтущую, живую природу. Жалкій, жалкій Буширъ, чахлый, со впалою грудью, со смертью на

лицѣ! Ни малѣйшій звукъ не доходилъ до насъ, никакого движенія, ни одной мачты, ни одного суденышка; но мы еще далеко; остается пять миль, быть можетъ, ближе.... но цѣпь гремитъ; мы на якорѣ.... что же это? По причинѣ мелководья, большія суда не могутъ идти далѣе. Очень весело! Вотъ, вдали показался парусъ. Тяжело подвигался къ намъ косолапый буширскій барказъ, какъ бы нехотя бороздя воду, и наконецъ привалилъ; двадцать-пять минутъ шли мы на немъ отъ брига до берега. Человѣкъ тридцать какого-то безхарактернаго сброда и въ томъ числѣ половина полунагихъ ребятишекъ безмолвно торчали на пристани въ ожиданіи насъ. Никакого оживленія, никакой мысли на лицахъ! Однимъ словомъ, со стороны моря, первый портовой городъ Персіи производитъ грустное впечатлѣніе. Про него Фонтанье сказалъ все, что только можно сказать о немъ. Тотъ же шейхъ Насръ, котораго онъ засталъ тамъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, владѣетъ Буширомъ; резиденція Ость-Индской компаніи играетъ тамъ ту же роль, какъ и въ его время; портъ также спитъ; на улицахъ также много гадкихъ собакъ и также мало женщинъ; у жителей также болятъ глаза отъ песку и солнечнаго отраженія; тотъ же домъ резиденціи и тѣ же забавные сипахи въ красныхъ мундирахъ стоятъ на часахъ у воротъ и у всѣхъ дверей его. Городъ не имѣетъ ни одного замѣчательнаго строенія; нѣсколько четыре-угольныхъ башенокъ, называемыхъ бадгирами, надъ домами богатѣйшихъ жителей, армянъ и персіянъ, съ продольными прорѣзами для водворенія въ домѣ воздуха, составляютъ всю особенность городской картины. Растительность страны самая жалкая, по недостатку воды, которую привозятъ изъ колодцевъ, отстоящихъ отъ города на три и на пять часовъ; кое-гдѣ тоскливо выглядываютъ изъ-за желтыхъ стѣнъ тощія, приземистыя растенія, да шевелятся зеленыя опахалы пальмъ — недоростковъ. Частые ряды криво—косо слѣпленныхъ каменныхъ строеній пересѣкаются шалашами, сплоченными изъ пальмовыхъ вѣтвей, подъ которыми гнѣздится бѣдная часть народонаселенія, въ лохмотьяхъ, три-четверти нагая, посреди грязи, пыли, домашняго скота. Нѣтъ ни одной порядочной мечети; ни одинъ куполъ, ни одинъ минаретъ, къ которымъ такъ пріучили меня мусульманскіе города, и которые такъ ихъ красятъ, не возвышаются надъ этою безсмысленною грудою строеній. Базары тощи и печальны на видъ; но хорошаго товара въ нихъ много, потому что Буширъ складочное мѣсто торговли Персіи съ Индіей. Жители—полу арабы, полу персіяне. Съ восточной стороны городъ обнесенъ хорошо поддержанною цѣльною стѣною, чего я до сихъ поръ не видѣлъ ни въ одномъ мусульманскомъ городѣ; и это потому, что городъ постоянно въ

осадномъ положеніи: шейхъ Насръ-ханъ, владѣтель всей равнины, окружающей Буширъ съ трехъ сторонъ и называемой потому Дештистаномъ, живетъ въ давнишней враждѣ съ тенгистанцами, жителями тѣснинъ сосѣднихъ горъ. Багыръ-ханъ, владѣтель Тенгистана, дѣлаетъ частыя попытки противъ самого Бушира; но, благодаря принятымъ мѣрамъ, съ помощью вѣроятно своихъ покровителей, шейхъ хорошо отстаиваетъ городъ, и война бо́льшею частью ограничивается стычками небольшихъ партій тенгистанцевъ съ дештистанцами, иногда подъ самыми стѣнами Бушира, такъ что англичане съ крѣпостныхъ парапетовъ, какъ съ амфитеатра, присутствуютъ по временамъ при этихъ кровавыхъ турнирахъ, впрочемъ неимѣющихъ никогда важныхъ послѣдствій: нѣсколько раненыхъ, два-три убитыхъ, и актеры расходятся, оставляя поприще болѣе мирнымъ картинамъ. Съ восточной стороны, благодаря этой стѣнѣ съ красивыми воротами, видъ города сносенъ; зато за стѣною тянется до самыхъ горъ равнина, не пересѣченная никакимъ строеніемъ, никакимъ пятнышкомъ, если не считать нѣсколько пальмовыхъ рощицъ, названныхъ садами.

II.

КУТѢЛИ, ШАПУРОВЫ ИЗОБРАЖЕНІЯ.

Мы простились съ Буширомъ на четвертый день нашего тамъ пребыванія и отправились далѣе. Ничто не радовало глазъ нашихъ во время этого пятичасоваго пути, кромѣ тѣхъ же горъ, привѣтно намъ улыбавшихся и выроставшихъ по мѣрѣ нашего приближенія. Мы остановились на ночь въ мѣстѣ, называемомъ *Чогоде́къ*. Все та же степь кругомъ: пять шесть колодцевъ прѣсной воды, двѣ — три пальмы, подъ сѣнью которыхъ торчатъ три жалкихъ домика, служащихъ лѣтними дачами резиденту, комодору и доктору резиденціи. Жарко было въ тотъ день, стремена жгли ноги, а я еще былъ нездоровъ; и потому можно себѣ представить, съ какимъ наслажденіемъ нырнулъ я въ свою палатку.

На другой день, перейдя четыре часа, мы сдѣлали привалъ подъ приземистыми пальмами *Исабе́нда*, жалкой деревушки, почти утонувшей въ зыбучемъ пескѣ, и оттуда, по пяти-часовомъ переѣздѣ, вошли въ городокъ *Буруздж у́нъ*. Утомленные девяти-часовымъ переходомъ, мы съ большимъ удовольствіемъ расположились на крышѣ высокаго гостинаго дома, куда привелъ насъ молодой ханъ, правитель города, выѣхавшій къ намъ на встрѣчу.

И такъ, вотъ уже мы въ разстояніи четырнадцати часовъ отъ Бушира, но я напрасно искалъ по всей дорогѣ той *роскошной муравы, усѣянной мильонами цвѣтовъ*, о которыхъ съ такимъ одушевленіемъ и такъ утвердительно говорили намъ въ Мухаммерѣ персіяне. Мы ничего не видали кромѣ голой, желтой степи; тамъ и сямъ нѣсколько пальмъ; справа, уже очень близко подступившія къ дорогѣ, голыя каменныя скалы первыхъ возвышенностей....

Ханъ присѣлъ къ намъ на коверъ безъ церемоніи и съ нимъ, какъ водится, три-четыре человѣка его домашнихъ; поодадь стояли его люди, съ разинутыми ртами. Когда мы напились чаю, ханъ попросилъ вина: подали хересу. Вино ему такъ понравилось, что онъ не проведя съ нами и получасу, принялся намъ выражать свои чувства, по обычаю персіянъ. «Какъ я васъ люблю! Какіе вы прекрасные, умные люди! Русскіе храбры, великодушны, скромны; не то, что другіе». «Право»—говорилъ онъ, какъ бы смѣясь, своимъ домашнимъ и осушая вторую рюмку вина: — «право, я готовъ принять ихъ вѣру». Наговоривъ намъ съ три короба любезностей и распросовъ: сколько въ Россія войска, и какъ далеко до нея, — два вопроса, безъ которыхъ бесѣды наши съ персіянами никогда не обходятся, и наконецъ.... выпросивъ у насъ двѣ бутылки вина, на *лекарство больной матери*, онъ ушелъ, къ общему нашему удовольствію и въ ту самую минуту, когда уже мы собрались безъ церемоніи попросить его дать намъ съ дороги покой.

Семь часовъ шли мы на другой день до деревни *Далекй*, расположенной при входѣ въ горы, тогда какъ на западъ отъ нея обширный пальмовый лѣсъ, а за нимъ—безграничная степь. Это самая жаркая станція въ этой полосѣ: у насъ въ палаткахъ было тридцать-пять градусовъ, а замѣтьте, что это было въ первыхъ числахъ апрѣля. Жаркій вѣтеръ дулъ на насъ съ юга и заметалъ насъ пескомъ; всѣ предметы, въ томъ числѣ и бѣлье постелей, были какъ раскаленные. Сверхъ того, вѣтеръ обдавалъ насъ вонью окружающихъ нефтяныхъ колодцевъ. Сама деревня не что иное, какъ развалина.

Но завтра горы. На утро предстоитъ намъ переходъ черезъ первый изъ шести кутелей и самый трудный, по описанію, кутель (крутая гора), называемый *Малу*. На него, говорятъ, во избѣжаніе жару, вскарабкиваются ночью; но каравану нельзя было пускаться до свѣту по чрезмѣрно трудной дорогѣ, и я, чтобы не подвергнуть больной головы моей вліянію солнца, рѣшился опередить моихъ спутниковъ. Вечеромъ подъѣхали къ намъ нашихъ три англійскіе товарища, перемѣнившіе планъ путешествія, чтобы не попасть въ Бомбей въ самое несносное время года: проливные дожди затопля-

ютъ страну въ продолженіе трехъ самыхъ жаркихъ мѣсяцевъ. Младшій братъ присоединился ко мнѣ, и мы, вставъ въ часъ по полудни, ударились въ сопровожденіи нѣсколькихъ провожатыхъ въ эти страшныя тѣснины. Я больше половины дороги шелъ пѣшкомъ и съ ужасомъ и удивленіемъ смотрѣлъ на хладнокровіе молодаго ирландца. Прикрученный къ сѣдлу своему, устроенному на подобіе креселъ, онъ карабкался по крутямъ посреди огромныхъ камней, какъ бы нарочно наваленныхъ другъ на друга. Во многихъ самыхъ опасныхъ мѣстахъ надъ краями пропастей построена стѣнка, такъ что опасности пѣшеходу нѣтъ никакой. Природа грозная, величественная. Скалы то расходятся, то сходятся надъ глубокими обрывами и какъ бы со всѣхъ сторонъ заслоняютъ дорогу, и путнику то и дѣло кажется, что онъ потерялъ ее въ этомъ лабиринтѣ. Самый кутель начинается за половиною дороги, за небольшой рѣкой соленистой воды, переходимой въ бродъ. Круть необычайная, но я взошелъ на нее не остановившись ни разу, потому что самые камни помогаютъ ногѣ упираться. Для этого обуваются въ персидскіе башмаки, вязаные изъ бѣлой бумаги, на толстой подошвѣ. Черезъ пять часовъ, по выходѣ изъ Далеки, я былъ на станціи *Кунāръ-Тахтā*. Это богатый караванъ-серай, окруженный веселенькими деревушками, посреди пальмъ; но уже тутъ стали показываться и другія деревья. Вскорѣ послѣ моего прихода подошли и мои спутники съ караваномъ. Напрасно же Фрезеръ такъ напугалъ меня своимъ описаніемъ и своею картинкою. Дорога трудная, особенно для вьючнаго скота: вотъ все, чтò про нее можно сказать.... О, путешественники!

Я всходилъ нѣкогда къ Дарьелю, по крутизнѣ, на которой стоитъ развалина этого укрѣпленнаго зàмка; я карабкался на пирамиду Джизы и скажу, что Кутèль-Малý и десятой доли не представляетъ тѣхъ трудностей и тѣхъ опасностей, какъ эти два всхода. Даже на семи-стахъ, съ чѣмъ-то, ступеняхъ Паламидова утеса въ Навпліи-ди-Романи у меня болѣе замирало сердце и кружилась голова.

Караванъ-серай Кунāръ-Тахтā — одинъ изъ лучшихъ, какіе только я видѣлъ. Это—обширное четыре-угольное строеніе со внутреннимъ дворомъ, посреди котораго возвышается терраса для складки товаровъ или для сна. Въ строеніи продѣланы тѣнистые уголки и вдоль его конюшни. Стѣны чрезвычайно толсты и поддерживаютъ весь день прохладу. Надъ фасадомъ возвышается верхній этажъ, въ родѣ бельведера, сквозной со всѣхъ сторонъ, съ тремя просторными помѣщеніями. Какъ въ азіатской Турціи всѣ такого рода зданія приписываются султану Мураду, такъ въ Персіи ихъ построеніе относятъ къ Шахъ-Аббасу,—быть можетъ, также, какъ

въ Турціи вообще каждая груда развалинъ непремѣнно постройки генуэзцевъ, а въ Грузіи каждая обвалившаяся стѣна или башня на высотѣ воздвигнута была царицею Тамарою, и т. д.

Мы могли идти на г. *Хыштъ*, отстоящій на одинъ часъ отъ Кунàръ-Тàхта; но дорога тамъ труднѣе и дальше. Караваны ходятъ на Хыштъ, потому что тамъ есть хорошіе базары.

На другой день мы сдѣлали десять часовъ, перейдя два кутеля: *Комарйджъ*, такой же трудный, какъ и Малỳ, и потомъ сдѣлавъ сперва привалъ въ деревнѣ того же имени, *Кутéли-Туркàнъ*, немного легче первыхъ. Тутъ начали показываться полевые цвѣты и уже въ Шахпурской долинѣ, куда мы спустились съ Кутéли-Туркàнъ, мы нашли хорошую растительность. Мы должны были остановиться на самомъ спускѣ въ Рахдарѣ (это родъ караульной, обыкновенно устроиваемой на половинѣ перехода въ горахъ, гдѣ живутъ нѣсколько человѣкъ для охраненія и сопровожденія каравановъ); но около рахдара караванъ нашъ не нашелъ мѣста разбить палатки и прошелъ далѣе до деревни *Дрисъ* въ самой долинѣ. Мы подошли къ нашему лагерю, утомленные и измученные десяти-часовымъ переходомъ. На другой день намъ предстояла прогулка къ шахпуровымъ изображеніямъ на скалахъ. Дорога въ это ущелье идетъ прямо отъ Рахдара; теперь намъ приходилось изъ Дриса возвращаться вспять и сдѣлать такимъ образомъ два часа лишнихъ. Поѣздка эта къ Нàкши Шапуръ была пріятною прогулкою. Съ самого начала нашихъ странствованій, начиная отъ береговъ Чернаго моря, оставленныхъ нами полтора года тому назадъ, ни разу не имѣли мы такого пріятнаго перехода во всѣхъ отношеніяхъ. Постоянно или въ снѣгахъ, или въ грязи, или потомъ въ голыхъ равнинахъ безъ малѣйшей растительности, на жару, въ пыли. Въ этотъ же день мы помирились съ солнцемъ и со всею природою: жаръ былъ умѣренный; дорога вилась посреди кустовъ пышной зелени олеандра, миртовъ, винограда; бездна нарядныхъ цвѣтовъ выглядывали на насъ изъ зелени. На право тянется гора, которую завтра мы должны перейти, по одному изъ самыхъ труднѣйшихъ кутелей, и которую теперь надо намъ было обогнуть, чтобы войти въ ущелье. На лѣво, версты на три ширины — равнина Шахпура, одѣтая зеленью. По ней разбросаны во всѣхъ направленіяхъ камни давно развалившихся зданій, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда возвышалась столица Персіи, возобновленная Шàхпуромъ послѣ александрова раззоренія, и противъ самого поворота — красивая крѣпостца Калéи-Шахпуръ, съ нѣсколькими хижинами вокругъ нея. На горѣ, не доѣзжая до поворота, развалины башни Калеи-Духтèръ (крѣпость дѣвушки), а на противоположныхъ высотахъ, по ту сторону

дороги, другая развалина — Калéи-Песéръ (крѣпость юности). Никакой легенды не осталось у жителей объ этой семьѣ горъ и укрѣплeній. Отъ Калéи-Духтéръ сбѣгаетъ источникъ и около дороги образуетъ прудъ прозрачной воды, осѣненный густою зеленью камыша и виноградника: это Чешмéи-Духтéръ (источникъ дѣвицы).

Вскорѣ за нимъ мы обогнули гору и вступили въ хорошенькое ущелье, вдоль котораго бѣгутъ прозразныя воды небольшой Шахпуровой рѣки. Черезъ два часа по выѣздѣ изъ Дриса, мы сошли съ лошадей у первыхъ изображеній въ скалѣ, на право, около самой дороги. Это колоссальное изображеніе двухъ всадниковъ, высѣченное въ скалѣ горельефомъ и полуискаженное временемъ. У обоихъ всадниковъ орлиные носы, сжатыя губы, съ длинными усами, борода вся въ завиткахъ и по плечамъ курчавые волосы. Подъ ногами лошади одного изъ всадниковъ растянулся во всю длину воинъ въ римской одеждѣ; а другой стоитъ на колѣняхъ передъ тою же лошадью въ просительномъ положеніи.

Слѣдующее за тѣмъ изображеніе на той же скалѣ превосходно сохранилось почти во всѣхъ частяхъ своихъ. Оно состоитъ изъ трехъ отдѣленій. Въ среднемъ видѣнъ царственный всадникъ въ коронѣ съ башенками, надъ которой укрѣплено яицеобразное украшеніе короны Сассанидской (это самъ Шахпуръ); тотъ же орлиный носъ и тѣже пышныя кудри по обѣимъ плечамъ, а отъ затылка вьются ленты царственной повязки; широкая тюника его волнуется въ многочисленныхъ складкахъ. У бедра его огромный лукъ. Правою рукою онъ держитъ за спиною у себя римскаго воина. Передъ конемъ на колѣнахъ такой же воинъ, съ простертыми къ царю руками. Третій воинъ лежитъ ничкомъ подъ копытами его шагающей лошади. Съ правой стороны этой группы видны еще двѣ фигуры; одна полузакрыта воиномъ, склонившимъ колѣна, другая цѣлая, со сложенными просительно руками. Оба послѣдніе воина въ высокихъ шапкахъ; на первомъ родъ клобука, на второмъ родъ фригійскаго колпака, загнутаго впередъ. Надъ царемъ паритъ крылатый феруаръ, съ развившимся свертком въ рукѣ. Это отдѣленіе имѣетъ до двѣнадцати футовъ длины. Правое отдѣленіе имѣетъ два яруса; въ каждомъ по шести всадниковъ, лицомъ къ царю, съ какими-то инструментами въ рукахъ. Лѣвое отдѣленіе въ три яруса, въ каждомъ по три воина, тоже лицомъ къ среднему отдѣлу, изъ которыхъ переднiе со сложенными руками, а задніе съ копьями.

На другой сторонѣ рѣки изображенія въ большемъ числѣ; но фигуры въ меньшемъ размѣрѣ. Одно отдѣленіе, пять съ половиной сажень въ длину, содержитъ въ себѣ множество фигуръ, тщательно отдѣланныхъ, изображающихъ какъ бы торжество царя надъ рим-

скими легіонами; извѣстно, что Шахпуръ побилъ и взялъ въ плѣнъ Римскаго императора Валеріана. Подъ этимъ отдѣломъ другой, съ двумя колоссальными всадниками, въ царскихъ украшеніяхъ, протягивающими другъ къ другу правую руку, съ кольцомъ и вьющимися отъ него лентами. Дальній отдѣлъ заключаетъ въ себѣ множество фигуръ. Здѣсь видны однѣ только головы воиновъ, лошадей, верблюдовъ, всадниковъ съ луками и стрѣлами въ рукахъ, потому что нижняя часть обломана и какъ бы ушла въ землю. Послѣдній отдѣлъ семь сажень; онъ сохранился какъ нельзя лучше, и заключаетъ въ себѣ нѣсколько четыреугольныхъ отдѣленій со множествомъ превосходно отдѣланныхъ фигуръ, въ родѣ вышеописанныхъ, съ изображеніемъ царя посрединѣ и по видимому высѣченныхъ тоже въ воспоминаніе торжества Шахпура-побѣдителя. Саси полагалъ, что это можетъ быть Ардеширъ Бабеганъ (Артаксерксъ), побѣдившій Артабана, послѣдняго изъ Аршакидовъ.

Статуи Шахпура, высѣченной изъ скалы, сажени въ три вышины, обломанной и повергнутой ничкомъ въ едва приступной пещерѣ, я не видѣлъ, потому что лазить по скаламъ не люблю. Спутники мои употребили шесть часовъ, что бы посѣтить эти пещеры, говорятъ, замѣчательныя по обширности и капельникамъ. Статуя изображаетъ того же самого царственнаго всадника, который высѣченъ на скалахъ; таже одежда, тѣ же украшенія, тѣже черты лица. Это единственная статуя во всей Персіи. Пока спутники мои карабкались, съ опасностью нѣсколько разъ оборваться въ пропасть, по каменистымъ крутямъ, я возлегалъ у главнаго барельефа, въ отрадной тѣни, и наслаждался видомъ рѣки, катившей серебряныя воды свои по каменнику посреди богатой зелени.

Возвращеніе наше въ Дрисъ вечеромъ, едва ли было не еще пріятнѣе утренней поѣздки. Прохлада, водворявшаяся въ долинѣ, игра вечерняго освѣщенія на горахъ и на зелени удесятерили наше наслажденіе. Человѣкъ двадцать проводниковъ, съ ружьями за спиной, бойко шли впереди насъ. Славный, живой народъ! Мы прибыли къ Дрису послѣ заката солнца, и продолжали путь до города *Казерýна*, отстоявшаго отъ Дриса на два съ половиной часа.

Мы пришли туда почти ощупью. Темь была страшная. Лагерь нашъ ожидалъ насъ. Мы застали ирландцевъ спящими, и напившись чаю, также легли спать. На завтра дневка. Жаркая была дневка! Казерýнъ славится по всей Персіи своею духотою и своими землетрясеніями. Мы убѣдились и въ томъ и другомъ; въ послѣднемъ потому, что городъ, занимающій значительное пространство, бóльшею частью состоитъ изъ обвалившихся каменныхъ зданій, очень красиво и прочно построенныхъ. Куда ни посмотришь, вездѣ

арки и своды и минареты, до половины обрушившіеся; вездѣ продольныя трещины въ скалахъ. Садъ начальника весьма намъ приглянулся. Лимонныя и померанцовыя деревья въ цвѣту; розы, бѣлыя, желтыя, красныя, всѣхъ оттѣнковъ, наполняли воздухъ благоуханіемъ. Это было предвкусіе ширазскихъ садовъ. Въ саду стоитъ караулъ регулярныхъ солдатъ и стережетъ нѣсколькихъ колодниковъ. Къ этому же, отвратительная обезьяна пришла показывать намъ свои штуки и хорошенькій садъ казерунскій едва не потерялъ отъ этихъ сценъ всю свою прелесть въ глазахъ моихъ. Но мы вышли оттуда во время, унося каждый по громадному букету розовыхъ почекъ и померанцоваго цвѣта.

Только въ Казерунѣ я немножко помирился съ пальмами; онѣ были очень живописны посреди развалинъ, тѣнистыхъ деревьевъ и высокихъ горъ. Сколько игры и прелести придавали они общему виду! На другой день намъ предстояли три кутеля: *Кутѐли Духтеръ* (дѣвушки), *Синѐи-Сефйдъ* (бѣлой груди) и *Кутѐли Пире-зенъ* (старой бабы); первые два стоютъ кутеля *Малу̀* и по моему еще непріятнѣе.

Синѐи-Сефйдъ непріятна особенно при дневномъ переходѣ, отъ отраженія солнца на ея бѣломъ грунтѣ.

За Казеруномъ въ двухъ часахъ мы переночевали у источника *Тимура*, передъ самымъ всходомъ на *Духтеръ*, что бы сократить какъ можно болѣе этотъ трудный переходъ. Здѣсь дѣлать переходы нельзя по желанію и останавливаются на ночь добрые люди обыкновенно тамъ, гдѣ есть вода. Это-то и составляетъ большую часть трудностей пути въ странахъ, худо снабженныхъ водою. Проводники, на послѣднемъ ночлегѣ, заговорили намъ о какихъ-то *Пакши-Тимуръ*, высѣченныхъ въ скалѣ по ту сторону источника. Хотя ни одинъ путешественникъ не говоритъ ни о какихъ изображеніяхъ такого рода, но мы, полные еще воспоминаній о Пакши-Шахпуръ, сгоряча вообразили, что эти Накши-Тимуръ, высѣченные быть можетъ въ воспоминаніе какихъ нибудь побѣдъ Тимуръ-Ленга, были пропущены путешественниками, менѣе насъ счастливыми и догадливыми, и бросились за проводниками. Передъ нами открылся небольшой, полуразрушенный караванъ-серай, прилѣпленный къ скалѣ, которая составляла такимъ образомъ четвертую сторону двора караванъ-серая. На этой-то части скалы высѣчены въ ростъ человѣка нѣсколько фигуръ, на которыхъ замѣтны тамъ и здѣсь остатки краски и позолоты. Главная фигура, молодая и красивая, въ царскихъ персидскихъ украшеніяхъ, съ короною на головѣ, сидитъ на тронѣ. Одна рука покоится на львѣ, стоящемъ у ногъ ея, другая протянута къ кальяну, который подаетъ ему, вытаращивъ огромные глаза, не

совсѣмъ дурной собою *безбородый* юноша! По сторонамъ грудные барельефы какихъ-то усачей, размазанные красками и нѣсколько высѣченныхъ солдатъ съ ружьями и тоже раскрашенные. Ружья, кальяны, и эти одежды и эта надпись свѣжая и въ новомъ вкусѣ или, вѣрнѣе, безвкусіи.... Хорошъ же Тамерланъ! Мы отправились къ проводникамъ, что бы они растолковали намъ исторію этихъ изображеній. Оказалось, что это нѣкій персидскій принцъ Теймуръ Мирза, котораго мы видѣли въ прошломъ году въ Багдадѣ, сынъ Аббасъ-Мирзы, правившій нѣкогда Казеруномъ. У него былъ ручной левъ и съ нимъ-то онъ повелѣлъ изобразить себя на скалѣ, въ кругу чиновъ Двора своего. Мы съ длинными носами разошлись по палаткамъ.

На другой день мы употребили девять часовъ, чтобы перелѣзть три кутеля, сдѣлавъ маленькій привалъ на третьемъ часѣ, въ караван-сераѣ, называемомъ *Міяни-кутѐль* (середина кутели), гдѣ напились изъ отличнаго холоднаго источника. Въ перевалѣ около часу шли мы по ровной зеленой долинѣ *Дѐшти-Бернъ*, заросшей дубовою рощей. Мильоны мухъ осаждали насъ во все время. Но самыя горы повсюду голы, каменисты и только изрѣдка пестрѣютъ хорошенькими цвѣтками. Отвѣсивъ поклонъ *могилѣ старой бабы* (такъ называютъ огромную груду камней, на которую всякій проходящій бросаетъ по камешку въ благодарность за счастливый переходъ), мы по крутому и длинному спуску пришли въ красивую долину *Дѐшти-Арджу̀нъ*. Тутъ кончились эти горные переходы, которыхъ я такъ боялся. На повѣрку вышло, что я даже съ удовольствіемъ прошелъ ихъ, и въ груди ни разу не ёкнуло.

На всѣхъ шести кутеляхъ, въ опасныхъ мѣстахъ, какъ я уже сказалъ о Малу̀ подѣланы стѣнки, какъ на Симплонѣ; это *Хейра̀тъ*, богоугодныя сооруженія принца Мемеда-Али-Мирзы, бывшаго въ Фарсѣ правителемъ, и его матери.

Когда подумаешь о несмѣтномъ количествѣ купеческихъ и богомольческихъ кара̀вановъ, проходящихъ по этой дорогѣ ежегодно, нельзя не принесть мысленно дани уваженія памяти благородныхъ соорудителей. Всѣ индѣйскіе и европейскіе товары идутъ изъ Бушира по этому пути и мусульмане Южной Персіи, идущіе на поклоненіе въ Кербелу и Неджефъ, не могутъ миновать его. Мы встрѣтили дорогой хорасанскихъ поклонниковъ съ ихъ гробами.

Долину Арджу̀нъ застали мы въ зелени и покрытую мелкими топями; этимъ обязана она разливу сильнаго ручья, запруженнаго около самой дороги, съ нѣсколькими мельницами въ тѣни веселенькой рощи. Деревня въ полуверстѣ отъ мельницъ; мы пришли туда

въ сумерки и расположились на ночлегъ на зыбкой крышѣ отведеннаго намъ дома.

На другой день мы сдѣлали пять часовъ до *Хàни-Зеньýнъ*. Это хорошій караван-серай на берегу рѣчки; вокругъ него иногда кочуютъ туркменскія племена Ильхани, но осѣдлаго жилья нѣтъ поблизости. Такъ какъ оттуда остается восемь часовъ до Шираза, то чтобы на другой день притти поранѣе въ городъ, и узнавъ, что часахъ въ двухъ впереди есть ключь, мы отдохнули въ караван-сераѣ, прошли это пространство и стали лагеремъ въ пустынной ложбинѣ у тощаго ключа. На утро мы перешли остальные шесть часовъ посреди безлюдной, безмолвной, голой пустыни. Первое строеніе въ часѣ отъ города, развалившійся и покинутый караван-серай; отъ него начинается широкая долина Ширазская, со всѣхъ сторонъ загороженная высокими горами.

III.

ШИРАЗЪ.

Издали Ширазъ не имѣетъ никакого вида; но въ близкомъ разстояніи онъ очень нравится глазу; отъ самого города влѣво, т. е. на сѣверо-западъ, тянется верстъ на пять рядъ кудрявыхъ садовъ, теряющійся въ раструбѣ горъ; и самый городъ щеголяетъ пышною зеленью всѣхъ тоновъ и размѣровъ. Во всю длину его надъ городскими стѣнами возвышаются зеленые завитки стройныхъ кипарисовъ, тополей, фруктовыхъ деревьевъ, вокругъ красивыхъ башенокъ, плоскихъ крышъ домовъ, небольшихъ изразцовыхъ куполовъ и минаретовъ.

Съ сѣвера, горы подходятъ на полчаса разстоянія къ городу; онѣ отдѣлены отъ него садами, принадлежащими правительству. Прекрасные сады эти и дворцы и кýшки (*), въ нихъ находящіеся, построены или возобновлены, или украшены пристройками разными правителями Фарса. Между ними проходитъ отъ главныхъ городскихъ воротъ и сквозь ущелье дорога въ Исфаханъ. Остальная часть долины, на югъ, стелется широкою и ничѣмъ незамѣчательною плоскостью, сливаясь въ туманъ съ далекими возвышенностями, за которыми лежитъ керманская пустыня.

Насъ провели выѣхавшіе къ намъ навстрѣчу лица боковыми улицами почти въ самую средину города, гдѣ отведенъ былъ намъ

(*) Кіоски.

домъ одного индѣйскаго наваба, бывшаго тогда въ отсутствіи. Высокія стѣны окружаютъ домъ и садъ, отдѣленные одинъ отъ другаго большимъ бассейномъ, полнымъ воды; вдоль средней аллеи, обсаженной высокими тополями, идетъ камнемъ выложенная канавка со столбиками для водометовъ. Но все это попорчено; столбики праздно торчатъ въ сухихъ канавкахъ. Остальная часть сада наполнена высокими кустами розъ. Нѣсколько маленькихъ комнатъ расположены вокругъ средняго покоя, высокаго и открытаго въ садъ. И все это изукрашено арабесками, цвѣтами, налѣпленными изъ гипса; окна комнатъ сверкаютъ узорчатыми рамами и разноцвѣтными стеклами.

Ничто не можетъ быть красивѣе и веселѣе этихъ оконъ, имѣющихъ почти совсѣмъ другое назначеніе противу нашихъ. Европейскій міръ живетъ на распашку; онъ бѣжитъ келейной таинственности какъ проказы; мы хотимъ людей посмотрѣть и себя показать. Окны наши обращены на улицы; въ окнахъ большія бѣлыя стекла, а сквозь нихъ и солнце и луна и прохожій глядятъ во внутрь дома; все живетъ общею жизнью, составляетъ какъ бы одно цѣльное семейство. Не то, какъ извѣстно всѣмъ, на Востокѣ. Мусульманинъ прячется отъ людей, какъ сурокъ. Огородясь со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами, онъ даже нехотя подымаетъ свои тяжелыя, узорчатыя рамы, обращенныя на дворъ и утыканныя мелкими разноцвѣтными стеклышками. Прелестныя арабески, посреди которыхъ часто презатѣйливо выведены на стеклѣ стихъ изъ курана, воззваніе, или просто имя хозяина дома и число и годъ построенія, освѣщенные солнцемъ, имѣютъ чудесный видъ изнутри комнаты. При свѣчахъ, на нихъ не налюбуешься, глядя снаружи. Зато самый пытливый глазъ ничего не увидитъ сквозь нихъ въ этомъ завѣтномъ мірѣ.

Про харемъ или женскую половину нечего и говорить; онъ еще недоступнѣе, еще неуловимѣе для всякаго посторонняго глаза. Но пусть европеецъ не останавливаетъ долго задумчивости своей на этой наглухо заколоченной двери. За нею ожидало бы его полное разочарованіе. Тѣлесная красота, которою иногда надѣлены мусульманки, и ихъ одѣянія, живописныя и раздражающія кровь, могутъ ли однѣ выкупить отсутствіе во всемъ и вездѣ эстетическаго вкуса, опрятности въ обширномъ ея смыслѣ, обработанности ума, духовнаго развитія, того обаянія образованности, той привлекательности и мягкаго обхожденія, которыя составляютъ лучшія украшенія нашей женщины? Не вѣрьте радушной болтовнѣ о турчанкахъ старушки Монтегю, или, по крайней мѣрѣ, не увлекайтесь ею, и поло-

ляюсь лучше на свидѣтельство нашей блистательной современницы принцессы Бельжйойозо (*).

Я провелъ на Востокѣ около двадцати лѣтъ, жилъ на Кавказѣ, въ Цареградѣ, въ Александріи, Каирѣ, Багдадѣ и въ разныхъ городахъ Персіи, и, хотя не проникалъ за эту таинственную завѣсу, но она утратила уже для меня большую часть своей непрозрачности и изъ-за нея сквозится мнѣ истина почти во всей наготѣ своей. Такъ человѣческій глазъ привыкаетъ постепенно къ темнотѣ и различаетъ въ ней предметы, которые сначала были ему недоступны. Такъ слѣпецъ пріобрѣтаетъ съ теченіемъ времени нѣкотораго рода ясновидѣніе и угадываетъ въ кругѣ, постоянно имъ обитаемомъ, предметы, ускользающіе отъ вниманія зрячаго.

Женскій міръ на Востокѣ есть ничто иное, какъ постоянная ярмарка тщеславія, сплетенъ, интригъ и избалованной чувственности. Женственности въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ розъ, съ нерастлѣнными помыслами, съ непорочнымъ, прозрачнымъ взглядомъ, со стыдливостью и кротостью въ рѣчахъ, напрасно бы вы искали на харемныхъ диванахъ! Я далекъ отъ того, чтобы настаивать на отсутствіи въ мусульманкахъ многихъ добрыхъ побужденій и чувствъ; но все это затерто, скомкано, разбросано въ безпорядкѣ, посреди самой отвратительной обстановки пріемовъ и ничего не имѣетъ общаго съ женственнымъ обаяніемъ, которое пышнымъ цвѣткомъ распукается только на одной благородной почвѣ общежительности.

Въ Персіи, впрочемъ, все покрыто личиною: взглядъ, слова, дѣйствія и самая наружность человѣка. Постоянно льстивое выраженіе лица, заученый разговоръ, состоящій изъ намековъ, большею частью, темныхъ и пересыпанный двустишіями изъ ихъ любимыхъ поэтовъ, крашеная борода, сбиваютъ съ толку при бесѣдѣ съ персіянами. Настоящая мысль, настоящее намѣреніе, смыслъ рѣчи, возрастъ собесѣдника, часто остаются для васъ загадкою; замазка на всемъ и всегда.

Средній, открытый покой наввабова дома чрезвычайно высокъ; вмѣсто наружной стѣны, со стороны сада виситъ холщевый пологъ, подымаемый на шнурахъ, по желанію; на самомъ краю двѣ колонны поддерживаютъ потолокъ, раздѣляя такимъ образомъ это пустое пространство на три части, двѣ узкія съ боковъ и широкая посрединѣ. Три стѣны изрѣзаны причудливыми нишами, изукрашены арабесками, испещрены надписями. Глубокая круглая выемка потолка вся состоитъ изъ пріятнаго для глазъ сочетанія при-

---

(*) См. «Le Prince Kurde» — «Revue des deux Mondes» 1856.

чудливыхъ впадинъ и выступовъ, покрытыхъ позолотой хитросплетенныхъ линій, яркораскрашенныхъ цвѣтовъ. Эти потолки и окна самая лучшая часть персидскихъ домовъ. Остальное голо, скуно, жалко. Никакой мебели. На полу ковры, правда, порою драгоцѣнные, но вотъ и все. Они стелятся слѣдующимъ образомъ: во всю величину пола бросаютъ большой тканый узорчатый коверъ. Около трехъ стѣнъ кладутъ длинные и узкіе войлоки, съ выбитымъ на нихъ плотнымъ узоромъ изъ маленькихъ цвѣтовъ, красные съ синими; края остаются голыми. На эти войлоки, служащіе вмѣсто дивановъ, набрасывается бумажная пестрядь. Четвертая стѣна съ дверью, завѣшенною узорчатымъ пологомъ, не удостоивается войлочнаго сидѣнья. На эти настилги нога вступаетъ неиначе, какъ босая или обутая въ носки; башмаки оставляются за порогомъ. Мусульманина волнуетъ, даже бѣситъ видъ сапога, которымъ европейцы безцеремонно топчутъ ковры, такъ же точно, какъ, если они на нихъ плюнутъ, потому что на нихъ онъ и сидитъ, и спитъ и совершаетъ трапезу, но что всего важнѣе, на нихъ же онъ творитъ свою молитву, кладя земные поклоны. Обыкновенно деликатность заставляетъ европейца щадить въ мусульманинѣ это чувство; идя къ нему въ домъ, онъ надѣваетъ калоши и оставляетъ ихъ у порога посреди стоптанныхъ башмаковъ персидскихъ посѣтителей. Надо видѣть выраженіе лицъ хозяина дома и его персидскихъ гостей и даже холопьевъ, торчащихъ у дверей, когда френги, по незнанію ли этого условія или пренебрегая имъ, прямо съ улицы вломится въ покои пыльными или грязными сапогами. Или когда онъ плюнетъ на полъ, чего мусульмане никогда не дѣлаютъ къ чести ихъ... лицо ихъ блѣднѣетъ, улыбка окисаетъ, взглядъ черствѣетъ, привѣтствія дышатъ холодомъ и едва разслушиваются. Весьма нерѣдко это забвеніе мусульманскихъ приличій обходится европейцу дорого; хорошо, если онъ только отдѣлается непріятностью отъ грубаго обращенія хозяина или отъ наглости холопьевъ; а то бываетъ, что забвеніе это вредитъ и даже навсегда портитъ дѣло, за которымъ онъ пришелъ къ мусульманину. Персидскій Дворъ трактатомъ съ дружественными державами выговорилъ условія, чтобы посольства ихъ, пребывающія въ Тегеранѣ, не иначе являлись на аудіэнцію къ шаху, какъ въ калошахъ, которыя онѣ должны оставлять при второмъ поклонѣ шаху, посреди двора, на плитахъ, которыми онъ вымощенъ.

Первое мое дѣло было спросить дорогу на крышу дома, чтобы дать глазу необходимое для него раздолье, разсмотрѣть городъ и его окрестности.... Но управляющій домомъ, отъявленный плутъ,

наврал какой-то чепухи, чтобы отклонить насъ отъ этого намѣренія. Отъ этой крашеной бороды такъ и несло изувѣрствомъ и коржавиной. Нигдѣ такой нетерпимости, такого затворничества женщинъ и такой наглости въ народѣ мы не видали, какъ въ Ширазѣ, ни прежде, ни послѣ. Нигдѣ по улицамъ не толпилось за нами столько ротозѣевъ, несмотря на усердіе Феррашей (слугъ), щелкавшихъ безъ милосердія по народу длинными лозами, и бросавшихъ въ него каменьями. Правда и то, мы попали въ Ширазъ въ самое буйное время. Отсутствіе настоящаго губернатора и празднованіе взятія Мешхеда и погашенія Саларова мятежа кипятили городъ. На три дня дана была воля черни, роившейся по улицамъ и базарамъ. Всѣ лавки были завѣшены дорогими шалями. Промежутки залѣплены множествомъ большихъ холстовъ, испещренныхъ масляными красками. Надиръ-Шахи, Абассы I и II, даже Тамерланы, Афрасіабы, Рустамы, и весь хоръ героевъ Шахъ-Намé; далѣе Каджарскіе принцы, Ага-Мемедъ-Ханы, Фетали-Шахи и Аббасъ-Мирзы и все ихъ потомство съ длинными черными бородами, съ вытянутымъ въ сторону безконечнымъ усомъ, съ черными томными глазами, величиною въ поллица и во всемъ блескѣ пестраго одѣянія и вооруженія. Красавицы, во всѣхъ положеніяхъ, посреди лѣса черныхъ, распущенныхъ волосъ, съ руками и ногами, затертыми хиной, плясуньи, съ перегнутою поясницею, такъ что голова ихъ касалась ихъ пятокъ. Френги, въ какой-то мудреной одеждѣ, составленной персидскимъ воображеніемъ, вѣроятно, по европейскимъ подносамъ восьми-сотыхъ годовъ и всегда одинакимъ образомъ, маленькая круглая шляпа на бокъ съ перомъ, рыжія кудри, водяные глаза, гусарская красная куртка, штаны, чулки и башмаки, въ рукѣ розанъ или тросточка. И вѣнецъ всего, безобразная, дряхлая голова съ папахою на бекрень знаменитаго Хаджи-Мирзы-Агасьі, (*) оставившаго по себѣ нелестную память въ Персіи. «Какъ досадно, право, говорятъ, издѣваясь, персіяне, что Хаджи-Мирза-Агасьі умеръ!» И на удивленно-вопросительный взглядъ слушателя, знакомаго съ дѣяніями знаменитаго муллы, отвѣчаютъ. «Да; потому что онъ раззорилъ этотъ свѣтъ: а теперь и тотъ поставитъ вверхъ дномъ!» Бездна фонарей, узорчатыхъ, разноцвѣтныхъ, развѣшаны на снуркахъ подъ сводами базара. Мы въ день нашего прихода приглашены были однимъ изъ двухъ представителей власти въ Ширазѣ полюбоваться этимъ зрѣлищемъ.

Базары на Востокѣ построены крестомъ. Четыре вѣтви ихъ наполнены рядами лавокъ; въ срединѣ круглая площадка, подъ об-

---

(*) Первый министръ Мемедъ-Шаха.

ширнымъ куполомъ, составляетъ ключъ базара. На площадкѣ прелестнаго базара, построеннаго Керимъ-ханомъ Зендскимъ, и поэтому называемаго базаромъ Векиля, сдѣлано было изъ досокъ возвышеніе съ перилами и устлано коврами. Около перилъ кресла; на коврѣ огромные подносы со сластями. Съ трудомъ и съ помощію всесокрушающихъ феррашей, пробрались мы сквозь плотную толпу народа къ этому возвышенію; оттуда открылся намъ видъ на всѣ четыре вѣтви базара, сверкавшія безчисленными огнями и кипѣвшія гуляками, большею частію дикими лути. Подъ самымъ возвышеніемъ, сдавленные толпою, коверкались пестрые и косматые мальчишки въ женскихъ юбкахъ, подъ оглушительные звуки отчаянной персидской музыки. Оборванный міръ лути гудѣлъ, какъ волны морскія, и еслибъ не ферраши, хлеставшіе ихъ по головамъ и по чему попало, они бы сплюснули насъ, какъ орѣхъ, вмѣстѣ съ нашимъ животрепещущимъ досчатымъ возвышеніемъ.

Лути, буквально лотово отродье, составляетъ классъ — особенность Персіи, къ которому принадлежитъ весь городской простой народъ и всѣ гуляки прочихъ классовъ; многія лица изъ высшаго класса, тяготящіяся своею личиною, бросаютъ ее и подымаютъ знамя Лота.

Посмотрите на эти неистовыя физіономіи, на эти круглые войлочные шапочки на бритой головѣ, брошенныя на бекрень, на закрученныя косьмы, торчащія изъ-за уха, на эти отрепья, какъ бы нехотя прикрывающія наготу тѣла. А эти движенія! эти заносчивые взгляды! дикія рѣчи! хриплые, жесткіе голоса! Что бы, кажется, могло остановить громадный натискъ этой, повидимому, необузданной толпы? Неужели удары хлыстовъ феррашей? Нравственная какая нибудь сила должна служить ему оплотомъ!.. Намъ сказали, что саповникъ, угощавшій насъ этимъ праздникомъ, маленькій рябой и желтый старичокъ, съ кошачьими глазами, одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ Персіи, принадлежитъ къ почтенной кастѣ лути, и пользуется между ними особенною народностью. По временамъ льстя и задабривая этотъ народъ, онъ успѣлъ внушить въ нихъ страхъ и вертитъ ими по своему; вѣроятно, потому и считается нужнымъ человѣкомъ. Помѣнявшись съ ханомъ нѣсколькими фразами, полуразслушанными за шумомъ, накурившись кальяна и проглотивъ по кусочку леденца изъ рукъ хозяина, мы убрались тѣмъ же порядкомъ или, скорѣе, безпорядкомъ, оглушенные, ослѣпленные, но чрезвычайно благодарные хану за его учтивость. Зрѣлище было для насъ несказанно ново и любопытно.

Замѣчательности Шираза — этотъ самый новый базаръ *Векиля*, гдѣ мы были на праздникѣ, превосходно построенный и отлично

содержанницей, *Агрь*, гаремской дворецъ съ садомъ. Садъ прелестъ, строеніе же нѣсколько запущено; съ крыши его открывается панорама города со всею его окрестностью, со всѣхъ сторонъ заставленною горами.

Но украшеніе и слава Шираза — это его загородные сады. Кромѣ частныхъ, тянущихся непрерывною зеленою цѣпью на огромное пространство къ сѣверу отъ города, на востокѣ, у самого подножія горъ, за которыя заходитъ Исфаханская дорога, пробѣгая мимо развалинъ Персеполиса, красуются восемь садовъ, принадлежащихъ правительству: *Тахти-Каджаръ*, *Бàги-Нòу*, *Хяфтъ-Тенъ*, *Хяштъ-Тенъ*, *Джеханъ-Нума*, *Дильгуша*, *Саадійе*, *Хафизійе*.

Каждый изъ губернаторовъ Шираза и нѣкоторые изъ правителей Персіи оставили въ садахъ этихъ о себѣ память возстановленіями, поправками, улучшеніями и новыми постройками. Мѣстные слуги, васъ сопровождающіе, одинъ передъ другимъ и часто всѣ въ одинъ голосъ закидываютъ васъ, при посѣщеніи этихъ увеселительныхъ мѣстъ, именами принцевъ и хановъ, правителей Шираза, исправившихъ или построившихъ тамъ аллею, здѣсь стѣну, тутъ кушкъ и т. п.

Садъ Тàхти-Каджàръ состоитъ весь изъ уступовъ; на каждомъ уступѣ водоемы и водометы, премилые ряды кипарисовъ и тополей. На верхнемъ, дворецъ въ нѣсколько ярусовъ красивой и затѣйливой постройки. Баги-Нòу обширнѣе всѣхъ и весь состоитъ изъ кусковъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ каждый особому правителю; каждый кусокъ имѣетъ особаго садовника, и потому Баги-Нòу лучше всѣхъ другихъ поддержанъ.

Хяфтъ-Тенъ (7 тѣлъ) и Хяштъ-Тенъ (8 тѣлъ) маленькіе садики, первый съ семью, а второй съ восемью могилами сантоновъ. Могилы выстроены въ рядъ и состоятъ всѣ изъ одной изъ плоскаго камня. Садики ничѣмъ одинъ отъ другаго не отличаются. Первый замѣчателенъ огромнымъ кедромъ, осѣняющимъ почти полсада: изъ кругу множества пачканій красками, углемъ и остріемъ кинжала, пестрящихъ стѣны, изображены направо Хафизъ, а налѣво Саади. Первый — удалой молодецъ, съ длиннѣйшими усами, протянувшимися горизонтально. Второй, — сгорбленный старикъ, сѣдой какъ лунь, съ клюкой въ рукахъ. Персіяне утверждаютъ, что эти изображенія чрезвычайно сходны съ ихъ давно отжившими подлинниками! Что прикажете дѣлать съ персіянами! Гробница Ходжа Хафиза изъ желтаго мрамора, съ превосходно вырѣзанными на ней стихами изъ собраній его поэмъ, новинькая, щегольская; къ ней жмутся множество могилъ и могилокъ. Гробница Саади мраморная съ прекрасною

рѣзьбою и надписью, но ветхая, поломавшаяся, такъ что надписи не прочтешь. Самый кушкъ, надъ нимъ построенный, еле живъ, и садъ въ большомъ упадкѣ и запустѣньи.

У входа въ Хафизійе опрятная и богато снабженная лавка сухихъ фруктовъ. Хранитель гробницы подчуетъ васъ кофеемъ и развертываетъ передъ вами in-folio Хафизовыхъ газелей.

Въ Саадійе дряхлый садовникъ подаетъ вамъ съ сладенькою улыбкою кислаго молока и сильно затертый Гюлистанъ.

Память блестящаго Хафиза кипитъ, сверкаетъ мыслію о молодости даже надъ его могилою, и соловей свищетъ въ сумрачной чащѣ кипариса.

Отъ памяти мудраго Саади вѣетъ глубокою старостью; въ заглохшемъ углу его могильнаго сада уныло квакаетъ лягушка.

Дильгуша́ былъ, говорятъ, лучшій изъ садовъ. Теперь можно видѣть одинъ его остовъ. Ограда развалилась, отъ всего сада осталось два-три дерева, отъ нарядваго кушка двѣ-три стѣны съ оконными скважинами и съ частью крыши.

Больше всѣхъ садовъ мнѣ нравится Джеха̀н-нума̀. На небольшомъ пространствѣ, имъ занимаемомъ, соединено столько красотъ! Кушкъ, довольно хорошо поддержанный, огромныя прелестныя рамы, его занимающія во всю ширину и три четверти высоты стѣнъ, обращены на четыре главныя аллеи сада. Посреди его мраморомъ выложенный прудокъ, со всѣхъ сторонъ его окружаютъ мраморные водоемы, посреди которыхъ плещутся поющія струйки водоемовъ. Четыре тѣнистыя аллеи могущественно разросшихся кипарисовъ, и все пространство между нихъ заросло розами. Но главное — это уединеніе.... Мужскіе у женскіе кружки идутъ охотнѣе кейфовать въ большіе сады. Въ Джехан-нума̀ показываютъ нынѣ упраздненную могилу Рича, резидента Остъ-Индской Компаніи въ Багдадѣ; тѣло его впослѣдствіи перенесено было на кладбище Исфаханской Джульфы, гдѣ мы нѣсколько мѣсяцевъ спустя видѣли надгробный камень съ его именемъ.

Мы были въ Ширазѣ въ самый цвѣтъ розъ. Нельзя себѣ представить множества ихъ въ окрестностяхъ и даже въ самомъ городѣ. Воздухъ, въ полномъ смыслѣ слова, пропитанъ благоуханіемъ. Нигдѣ я также не слыхалъ и не видалъ такой тьмы соловьевъ. Впрочемъ, ширазскіе соловьи далеко отстали отъ нашихъ въ искусствѣ свиста. Еслибъ Хафизъ услышалъ русскаго соловья, оды его еще бы были звонче.

Если Ширазъ представился намъ во всемъ блескѣ своей розо-соловьиной славы, то съ другой стороны на него было грустно смо-

прейдъ самоеъ тучи саранчи, прядавшей но полямъ, и какъ снѣгъ крутившейся въ воздухѣ. Ничто не можетъ быть грустнѣе картины жатвы, осажденной хищнымъ ополченіемъ этихъ крылатыхъ вандаловъ.

Сверхъ того, въ Ширазѣ достопримѣчательны мечети, новая *Векйля*, то есть Керимъ-Хана Зенда и старая: *Шахъ-Черáгъ*; огромный верхъ этой мечети, наподобіе груши, подымается надъ всѣмъ городомъ и видѣнъ издали. Третья: *Сеидъ Ала-эддинъ* треснула отъ землетрясенія лѣтъ тридцать тому назадъ.

Хафизъ съ восторгомъ воспѣваетъ *Муселлá* и *Рукнабáдъ*; что же они?

Муселлà, буквально молельня, теперь ни что иное, какъ желтый остовъ четыреугольнаго крошечнаго зданія, заброшенный посреди нѣ щебня, около стѣнъ Тахтикаджàръ.

Рукнабàдъ же, виляющій по всѣмъ направленіямъ около города и поящій сады его, является повсюду узенькою канавкою.

Колодезь съ священными рыбами, къ которому спускаются по каменной лѣстницѣ, замѣчателенъ своею холодною и прозрачною водою; но въ ней грѣшные глаза наши не различили ни карася, не только рыбы съ золотымъ кольцемъ въ носу, о которой гласитъ повѣрье.

Есть еще на вершинѣ небольшой скалы глубокая пробоина *Чахѝ Калéи Бендéръ*, въ которую, говорятъ, бросали невѣрныхъ жонъ.

Ширазъ пользуется чуднымъ климатомъ. Времена года рѣзко обозначены. Во все время нашего пребыванія въ оба раза, то есть прежде и послѣ поѣздки въ Мердештъ и Мургабъ, впродолженіе четырнадцати дней, Реомюръ показывалъ постоянно восемьнадцать градусовъ тепла днемъ и четырнадцать ночью.

Женщины, говорятъ, очень красивы и особенно замѣчательны изяществомъ языка и пріемовъ. Ширазское нарѣчіе вообще признается лучшимъ — и не напрасно. Ширазъ, какъ и всѣ города Персіи, имѣетъ свое прозваніе, которымъ сопровождаютъ имя его въ письмѣ и на монетахъ. Онъ называется градомъ науки (*Даръ уль-Ильмъ*). Бѣлая чалма, вывѣска мусульманской премудрости, въ самомъ дѣлѣ, встрѣчается тамъ чаще, нежели въ другихъ городахъ Персіи.

На базарѣ много хорошихъ товаровъ и искусныхъ производителей азіятскихъ издѣлій.

Жители, какъ и во всѣхъ городахъ Персіи, раздѣлены на двѣ враждебныя стороны, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *хайдерй*

[illegible]

[illegible] древней Визан- [illegible]

[illegible] и [illegible].

[illegible]

[illegible] воротъ, стоя- [illegible] между двухъ ска- [illegible] мѣстахъ, — если [illegible] — и [illegible] коро- [illegible] и [illegible] простиралсь [illegible]. Она всту- [illegible]

[illegible] же самое [illegible] на ней [illegible] такъ [illegible] начально [illegible] зданій. [illegible] под- [illegible] Черезъ [illegible] столпы [illegible] нашъ [illegible] нибудь [illegible]

[illegible]

[illegible] потому [illegible] и потому [illegible] [illegible] про [illegible] со- [illegible] что ни- [illegible] [illegible] современниковъ.

[illegible] слѣдующій годъ послѣ на- [illegible]

Энциклопедическій лексиконъ давно уже познакомилъ съ ними читающій міръ своею компиляціей о Персеполисѣ, сверхъ того, многіе знаютъ статью г. Фландена (Flandin) въ «Revue des deux Mondes». Несмотря на смѣсь самохвальства и самодовольствія, съ которыми набросалъ этотъ французъ описаніе своихъ археологическихъ подвиговъ въ Персеполисѣ, статья его какъ нельзя лучше знакомитъ съ этими изумительными остатками отдаленной древности. Догадки въ смыслѣ и назначеніи каждаго камня, догадки, которыя, впрочемъ, напрасно онъ себѣ приписываетъ, ощутительно правдоподобны. Тождественность лицъ Аписмана и Джемшида кажется несомнѣнна. Не лишено замысловатости то же предположеніе насчетъ смысла изображенія льва, повисшаго на спинѣ быка, изображенія, въ которомъ Лейардъ видитъ побѣду солнца надъ водою, или жара надъ сыростью въ весеннее равноденствіе, и потомъ заключеніе о сходствѣ изображеній персеполисскихъ съ весенними празднованіями Ноуруза, сохранившимися донынѣ въ Персіи, очень похоже на дѣло.

Но, кстати объ этихъ догадкахъ, я выпишу нѣсколько строкъ изъ статьи г. Фландена, которыя какъ бы служили программою зрѣлища, видѣннаго нами на дняхъ, хотя съ нѣкоторымъ измѣненіемъ.

«Въ треугольникѣ, составленномъ линіями основанія и склона «лѣстницъ, видѣнъ очень замѣчательный барельефъ; онъ изобра-«жаетъ быка, ставшаго на дыбы и тщетно защищающагося про-«тивъ ярости льва, который схватилъ его могучими когтями свои-«ми и терзаетъ его надхвостіе. Эта картина можетъ имѣть развѣ «символическое значеніе; частое воспроизведеніе того же предмета, «кажется, это доказываетъ.

«Но какой бы ни былъ скрытый смыслъ этой загадочной эмбле-«мы, замѣчательно, что двоеборство этихъ звѣрей сохранилось до-«нынѣ, и что, перейдя съ ваянія въ дѣйствительность, оно сдѣла-«лось любимѣйшимъ зрѣлищемъ персіянъ. Такъ, на праздникахъ, «въ народныхъ увеселеніяхъ, гдѣ являются скоморохи и борцы, «приводятъ въ кругъ молодаго быка, пугаютъ его и раздражаютъ, «и потомъ, когда онъ разсвирѣпѣетъ, пускаютъ на него льва. Левъ «есть одна изъ эмблемъ Персидской монархіи и является въ цар-«ственныхъ принадлежностяхъ выраженіемъ силы и благородства. «Персіяне, вѣрующіе въ предзнаменованія, не допускаютъ, какъ «это можно легко себѣ представить, чтобы символическій предста-«витель ихъ царства былъ побѣжденъ быкомъ. Если бы левъ не «совершенно оразилъ быка, обреченнаго ему въ добычу, они бы «вывели изъ этого чрезвычайно печальное предзнаменованіе для

и камней или *на изразцахъ*. Это синіе и зеленые древней Византіи, оспоривающіе другъ у друга власть и вліяніе (*).

Однако, пора къ развалинамъ *Тахти-Джемшида*.

Дорога выходитъ изъ Исфаханскихъ красивыхъ воротъ, стоящихъ въ десяти минутахъ отъ городской стѣны между двухъ скалистыхъ возвышеній и, пробѣжавъ по скучнымъ мѣстамъ, — если не принимать въ разсчетъ гористаго горизонта, — и мимо хорошенькаго мѣстечка *Зергуне*, гдѣ мы переночевали и распростились съ тучами саранчи, во все время насъ сопутствовавшей, она вступаетъ на прославленную долину *Мердешта*.

Эта долина въ первый разъ представилась Морье въ то же самое время года, какъ и намъ. Но мы, сверхъ ожиданія, не нашли на ней той сочной зелени и тѣхъ безчисленныхъ цвѣтовъ, которые такъ плѣнили остроумнаго автора Хаджи Бабы. Вялая травка печально торчала тамъ и самъ, свидѣтельствуя о скудости весеннихъ дождей.

Но вотъ вдали, слѣва отъ дороги, какъ башня великановъ, поднялась круглая, скалистая гора *Истахра*. А тутъ, прямо противъ насъ, указываютъ намъ провожатые на Тахти Джемшидъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы ясно различаемъ у подошвы горы столпы знаменитыхъ развалинъ; а чрезъ часъ послѣ того, лагерь нашъ былъ разбитъ въ самомъ близкомъ ихъ сосѣдствѣ, какихъ нибудь во сто шагахъ.

Наконецъ мы у цѣли нашего путешествія.

IV.

ПЕРСЕПОЛИСЪ. ГРОБНИЦА КИРА.

Я описалъ подробно памятники Шахпурской долины, потому что они не такъ замѣчательны, какъ эти; не такъ громки, и потому менѣе извѣстны. Много было подробныхъ описаній Персеполиса: Шарденъ, Керъ-Портеръ, Нибуръ, Кемпферъ, Ричъ, Тевено, Лёбрёнъ, Джонсонъ, Морьё и др. посѣтили ихъ и разсказывали про эти чудеса читающему міру, излагая, при этомъ, и собственныя соображенія объ эпохѣ, цѣли постройки и назначеніи каждой эмблемы въ изображеніяхъ. Не менѣе, конечно, суждено прибавить что нибудь отъ себя къ отчету этихъ знаменитыхъ путешественниковъ.

(*) Шираз перенесъ страшное землетрясеніе на слѣдующій годъ послѣ нашего посѣщенія. Видъ города и садовъ, говорятъ, измѣнился.

Энциклопедическій Лексиконъ давно уже познакомилъ съ ними читающій міръ своею компиляціей о Персеполисѣ, сверхъ того, многіе знаютъ статью г. Фландена (Flandin) въ «Revue des deux Mondes». Несмотря на смѣсь самохвальства и самодовольствія, съ которыми набросалъ этотъ французъ описаніе своихъ археологическихъ подвиговъ въ Персеполисѣ, статья его какъ нельзя лучше знакомитъ съ этими изумительными остатками отдаленной древности. Догадки въ смыслѣ и назначеніи каждаго камня, догадки, которыя, впрочемъ, напрасно онъ себѣ приписываетъ, ощутительно правдоподобны. Тождественность лицъ Ашемана и Джемшида кажется несомнѣнна. Не лишено замысловатости то же предположеніе насчетъ смысла изображенія льва, повисшаго на спинѣ быка, изображенія, въ которомъ Лейярдъ видитъ побѣду солнца надъ водою, или жара надъ сыростью въ весеннее равноденствіе, и потомъ заключеніе о сходствѣ изображеній персеполисскихъ съ весенними празднованіями Ноуруза, сохранившимися донынѣ въ Персіи, очень похоже на дѣло.

Но, кстати объ этихъ догадкахъ, я выпишу нѣсколько строкъ изъ статьи г. Фландена, которыя какъ бы служили программою зрѣлища, видѣннаго нами на дняхъ, хотя съ нѣкоторымъ измѣненіемъ.

«Въ треугольникѣ, составленномъ линіями основанія и склона
«лѣстницъ, виденъ очень замѣчательный барельефъ; онъ изобра-
«жаетъ быка, ставшаго на дыбы и тщетно защищающагося про-
«тивъ ярости льва, который схватилъ его могучими когтями свои-
«ми и гложетъ его надхвостіе. Эта картина можетъ имѣть развѣ
«символическое значеніе; частое воспроизведеніе того же предмета,
«кажется, это доказываетъ.

«Но какой бы ни былъ скрытый смыслъ этой загадочной эмбле-
«мы, замѣчательно, что двоеборство этихъ звѣрей сохранилось до-
«нынѣ, и что, перейдя съ ваянія въ дѣйствительность, оно сдѣла-
«лось любимѣйшимъ зрѣлищемъ персіянъ. Такъ, на праздникахъ,
«въ народныхъ увеселеніяхъ, гдѣ являются скоморохи и борцы,
«приводятъ въ кругъ молодаго быка, пугаютъ его и раздражаютъ,
«и потомъ, когда онъ разсвирѣпѣетъ, пускаютъ на него льва. Левъ
«есть одна изъ эмблемъ Персидской монархіи и является въ цар-
«ственныхъ принадлежностяхъ выраженіемъ силы и благородства.
«Персіяне, вѣрующіе въ предзнаменованія, не допускаютъ, какъ
«это можно легко себѣ представить, чтобы символическій предста-
«витель ихъ царства былъ побѣжденъ быкомъ. Если бы левъ не
«совершенно оразилъ быка, обреченнаго ему въ добычу, они бы
«вывели изъ этого чрезвычайно печальное предзнаменованіе для

«своей земли. И потому, для избѣжанія на этотъ счетъ всякаго опа-
«сенія, для того, чтобы предзнаменованіе сдѣлать для себя благо-
«пріятнымъ, они всегда прибѣгаютъ къ хитрости; и пользуются,
«чтобы спустить льва, минутою, когда жертва его стоитъ къ нему
«спиною и неподвижно. Въ нѣсколько прыжковъ левъ вспрыги-
«ваетъ на шею или на надхвостіе быка и низвергаетъ его. Если, на-
«противъ и по несчастію, ему неудастся эта попытка, или же онъ
«отказывается или не довольно голоденъ, чтобы пренебречь страш-
«ными рогами противника, тогда этого задерживаютъ до тѣхъ поръ,
«пока жалкая жертва, принесенная суевѣрію, не падетъ подъ льви-
«ными когтями или подъ кинжаломъ хозяина».

Всѣмъ этимъ продѣлкамъ мы были свидѣтелями въ Кириндѣ, съ тою только разницею, что въ усиліяхъ скомороховъ для доставленія побѣды льву было менѣе поэзіи.

Огромный четыреугольный дворъ прекраснаго каравансерая кириндскаго очищенъ. Черный быкъ стоитъ неподвижно посрединѣ. Лути-Баши въ красномъ зипунѣ и шесть человѣкъ его учениковъ стоятъ съ хлыстами въ рукахъ не много поодаль, во ожиданіи приказанія. Мы расположились на крышѣ, унизанной во всю длину ся густою толпою деревенскихъ жителей. Знакъ поданъ. Является левъ; левъ этотъ питомецъ лути, они водятъ его изъ города въ городъ на показъ, какъ медвѣдя. Но царь звѣрей, хотя и въ неволѣ, держитъ себя гордо, не пускается въ плясъ и не показываетъ штукъ, потобно косолапому Мишкѣ или неуклюжему слону. Выйдя на сцену, онъ обыкновенно ложится, не обращая ни на что вниманія. Лути подходитъ къ нему, ласкаетъ, и потомъ, грозя палкой, кричитъ ему въ ухо тѣмъ же самымъ тономъ и голосомъ, какъ у насъ кричатъ: «птицы пѣвчія! *я Али!*» (о Али!) Левъ долго заставляетъ себѣ повторять это воззваніе, наконецъ кривитъ свою пасть рычитъ сиплымъ голосомъ. Лути хотятъ увѣрить народъ, что левъ повторяетъ воззваніе, и народъ, пожалуй, вѣритъ.

Потомъ одинъ изъ лути, помоложе, чаще всего мальчишка, ложится на спину, снявъ съ себя верхнія платья. На голую грудь его кладутъ кусокъ сыраго мяса и левъ бросается и гложетъ съ рычаніемъ свою подачку на этомъ особеннаго рода блюдѣ. Ничто не можетъ быть отвратительнѣе этого зрѣлища. Какъ не привыченъ актеръ, исполняющій должность блюда въ своей ролѣ, но, давимый жаднымъ львомъ, судорожно охватившимъ добычу, онъ дѣлаетъ страшныя гримасы.

Выйдя на сцену, левъ посмотрѣлъ на быка, устремившаго къ нему рога, помоталъ головою, помахалъ хвостомъ и растянулся, какъ будто за этимъ его и привели.

Прошло нѣсколько секундъ въ ожиданіи. Но вотъ лути стали заводить быка ко льву задомъ, левъ шелохнулся, поднялъ голову, припалъ къ землѣ, подобравъ подъ себя все четыре лапы, и вонзая когти въ землю. Наконецъ быкъ сталъ задомъ, левъ прицѣлился, лути отскочили, но бычокъ уже опять пугаетъ льва рогами, и на него; левъ, какъ кошка, разинувъ пасть и, шикая, отпрянулъ въ сторону и бросился за дрова. Много разъ повторялись эти попытки и левъ то ложился и притворялся спящимъ, когда рога обращены были въ его сторону, то кидался на быка, улучивъ минуту, и убѣгалъ со стыдомъ при малѣйшемъ наступательномъ движеніи противника. Онъ намъ опротивѣлъ своимъ подлымъ поведеніемъ и любовь всѣхъ зрителей обратилась къ неустрашимому быку. Наконецъ–таки скоморохи такъ хитро припаровили быка, что левъ однимъ прыжкомъ очутился у злощастнаго на спинѣ, вцѣпился въ нее всѣми когтями четырехъ лапъ, запустилъ въ нее зубы; но быкъ не палъ, онъ съ ношею сталъ метаться по двору; разомъ ринулся въ неосторожно растворенныя ворота каравансерая и, сопровождаемый всѣмъ народомъ, пустился межъ садовъ, гдѣ удалось ему сбросить свою роковую ношу. Льва приволокли назадъ на тяжелыхъ цѣпяхъ. Черезъ нѣсколько минутъ затѣмъ притащили бѣднаго, измученнаго, окровавленнаго быка, который, кромѣ львиныхъ когтей и зубовъ, отвѣдалъ еще дорогою кинжаловъ лути, старавшихся его ослабить. Но разъяренный гладіаторъ не чувствуетъ ранъ и метаетъ рогами на коварнаго противника; и левъ снова ищетъ убѣжища за дровами. Мы стали выговаривать лути за ихъ лукавство и требовали, чтобы они не подходили къ быку, а старались бы расшевелить льва. Лути-баши, съ жалкою миною, принялся намъ доказывать, что левъ щенокъ, что онъ не справится съ быкомъ, что если быкъ ранитъ льва, то онъ (лути, а не левъ) лишится большихъ доходовъ; что онъ за льва не возьметъ и ста тумановъ, и что потому быка непремѣнно надо подставлять ему. Такъ вотъ какого рода побужденіе къ этимъ хитростямъ и увёрткамъ скомороховъ! Въ немъ хоть не столько поэзіи, но гораздо болѣе естественности.

Намъ больно было смотрѣть на быка и левъ намъ опротивѣлъ совершенно. Мы сошли внизъ, чтобы сѣсть на лошадей, и разговорились у воротъ каравансерая, окруженные толпою. Вдругъ крикъ: «посторонись!» и мы только что успѣли отшатнуться, какъ мимо насъ пронесся быкъ съ дикимъ мычаньемъ и со львомъ на спинѣ. Долго храбрый ратоборецъ несъ на окровавленной спинѣ своего врага вдоль садовъ, преслѣдуемый шумною толпою крестьянъ; наконецъ-таки сбросилъ его опять и, не останавливаясь, добѣжалъ до

нашего каравана, гдѣ еще нѣсколько дней кормилъ, и палъ со славою на [illegible]. Миръ праху твоему, герой! Какъ сравнить этого льва съ сузіанскимъ, котораго убили арабы въ глазахъ нашихъ у гробницы пророка Даніила въ слѣдующемъ году! Эта и зрѣлище, которымъ тотъ угостилъ насъ, живо и навсегда останется у меня въ памяти (*).

Пока возлѣ Тахти Джемшида ставили наши палатки, по широкимъ и необыкновенно мелкимъ ступенямъ каменной лѣстницы бросились мы осмотрѣть и погладить эти почтенныя каменныя глыбы *Чехель Минара* (сорока столповъ). Пятнадцать легкихъ колоннъ еще стоятъ бодро, несмотря на свою дряхлость, посреди разбросанныхъ обломковъ. Много стѣнъ съ изображеніемъ кудрявобородыхъ царей, длиннополыхъ царедворцевъ, цѣлыхъ вереницъ воиновъ въ вооруженіи, невольниковъ и народа съ дарами всѣхъ возможныхъ родовъ, и наконецъ часть громадной двери съ крылатыми полубыками, полу-людьми, раскрашенными и великанскихъ размѣровъ, устояли подъ напоромъ двадцати-двухъ вѣковъ и несмотря на частыя въ тѣхъ мѣстахъ землетрясенія. Больше всего уцѣлѣло отъ отъ дворца, который, полагаютъ, сожженъ былъ Александромъ Великимъ послѣ попойки.

Легкость, мягкость, искусство рѣзца необыкновенны; удивительна также свѣжесть многихъ частей, какъ бы только что вышедшихъ изъ подъ рѣзца художника. Тутъ же въ скалѣ, совершенно сохранившіеся есть два великолѣпныхъ входа въ царскія гробницы; самая дверь маленькая и завалена землею. Персіяне, не затрудняющіеся никогда и ни въ чемъ, называютъ одну мечетью, другую банею, а третью, подалѣе, харемомъ Джемшида.

Въ получасѣ оттуда, на западъ, высѣчено въ скалѣ изображеніе царственнаго всадника и нѣсколько другихъ лицъ въ ростъ человѣка. Оно принадлежитъ временамъ сассанидовъ и извѣстно подъ названіемъ *Накши Реджебъ* (изображеніе Реджеба). Еще въ получасѣ отъ этого изображенія, опять-таки на западъ, на отдѣльной отвѣсной скалѣ, высѣчены шесть огромныхъ входовъ въ гробницы царей. Это *Накши Рустемъ*. Охотниковъ до изслѣдованій подымаютъ туда на веревкахъ, потому что отверстіе на 12 саженей отъ

(*) Кстати о сузіанскомъ львѣ. Знаменитый львиный охотникъ Жераръ утверждаетъ, что львы никогда не отъискиваютъ себѣ пищи днемъ. Не буду спорить съ нимъ о львахъ африканскихъ; но азіятскій, о которомъ идетъ рѣчь, зарѣзалъ арабскаго верблюда часовъ въ 9 утра, а былъ убитъ въ глазахъ моихъ около полудня. Пріемы арабовъ Сузіаны для одолѣнія лютаго врага своего были совершенно тѣ же, какія въ описаніи Жерара употребляются африканцами.

основанія скалы. Для этого жители окрестныхъ селеній вскарабки-ваются до верху безъ всякой помощи, по едва замѣтнымъ выступамъ, такъ что голова кружится и духъ замираетъ на нихъ глядя и, вступивъ на узкую площадку, у самого входа, спускаютъ веревки. Человѣкъ, котораго такимъ образомъ подымаютъ, видомъ и движеніемъ очень напоминаетъ плавающую лягушку. Сколько различныхъ ощущеній возникаетъ въ душѣ при созерцаніи этой сцены, особенно когда фуражка съ козырькомъ, коротенькое пальто, ноги въ узкихъ панталонахъ зашевелятся на неподвижныхъ длиннополыхъ фигурахъ изваяній съ тіарами и крыльями! Воображеніе то и дѣло перебѣгаетъ отъ величественнаго къ забавному, отъ изумленія къ страху, отъ баснословныхъ, героическихъ временъ къ мелочамъ настоящаго, отъ Даріевъ и Семирамидъ къ Пѣтухамъ, Тентетниковымъ, Коробочкамъ и Комп. Эти выбоины, въ которыхъ, по догадкамъ путешественниковъ, также покоился прахъ древнихъ царей Персіи, почти такія же, какъ и гробницы у развалинъ дворцовъ Персеполиса. Кромѣ того, подъ ними, въ трехъ мѣстахъ высѣчены сассанидскія изображенія и по эту сторону дороги, проходящей подъ самою скалою, четыреугольная каменная будка могучей и вычурной кладки, пустая внутри. Ее считаютъ однимъ изъ капищъ Зороастра.

Я показалъ, гдѣ и что находится; но можно ли выразить изящество, смѣлость, вѣковѣчную прочность этихъ великанскихъ работъ! Подробности же историческихъ выводовъ и заключеній о значеніи каждой изъ нихъ можно найти въ книгахъ, упомянутыхъ мною.

Послѣднее землетрясеніе, говорятъ, не поколебало и не повредило ни одной изъ стоящихъ колоннъ. Но, къ сожалѣнію, разрушительному вліянію времени и электрическихъ потрясеній самъ человѣкъ помогаетъ въ уничтоженіи прочнѣйшихъ остатковъ древности; къ этой разрушительной страсти человѣческой примѣшивается и другая его наклонность — къ пріобрѣтеніямъ, способствовавшая распаденію колоннъ Персеполиса. Такъ какъ свинецъ, составляющій сердцевину колонны, переходя на базары, можетъ обращаться въ серебро и золото, многіе охотники изъ туземцевъ принимали это заманчивое обстоятельство къ свѣдѣнію, и колонны стали распадаться, какъ бы разрушаемыя невидимою силою. Но съ нѣкотораго времени распаденія колоннъ какъ будто остановились; и вотъ причина этого: въ Ширазѣ укоренилось повѣрье, что человѣкъ, поживившійся отъ колоннъ свинцомъ, не проживаетъ послѣ того болѣе году. Европейскіе ли путешественники, въ видахъ сохраненія памятника, распустили мысль эту, или въ самомъ дѣлѣ какое нибудь случайное событіе породило это суевѣрное сказаніе, только

оно въ настоящую эпоху служитъ пугаломъ для хищниковъ, и ширазцы повторяютъ его съ полнымъ убѣжденіемъ въ его непреложности.

Впродолженіе двухъ сутокъ, проведенныхъ нами у *тахти* (престолъ) *Джемшида*, мы досыта насмотрѣлись на эти чудесныя развалины и даже по нѣскольку разъ успѣли перечитать всѣ имена европейскихъ путешественниковъ во всевозможныхъ размѣрахъ и на всевозможныхъ языкахъ, высѣченныя на стѣнахъ дворцовъ, начиная отъ Шарденовъ, Нибуровъ, до Фландена и мосьё Феррье, *генералъ адъютанта персидской службы и кавалера ордена Льва и Солнца 1-й степени* включительно. Несмотря на то, что въ статьѣ своей Фланденъ строго осуждаетъ англичанъ за страсть ихъ увѣковѣчивать память о себѣ царапаньемъ именъ своихъ на всѣхъ остаткахъ древности, имя его крупными буквами и глубоко вырѣзано на самой видной и самой прочной части тахта.

Что касается меня, я ничего не вижу предосудительнаго въ желаніи нацарапать имя свое гдѣ нибудь на стѣнѣ развалинъ, разумѣется, на пустой, въ странахъ отдаленныхъ отъ отечества. Я по себѣ сужу, какъ пріятно встрѣтить гдѣ нибудь въ далекомъ захолустьѣ, на обломкахъ камня, иногда начертанное знакомою рукою имя знакомаго человѣка! Невольно останавливаешься передъ этими пятью-шестью буквами гораздо долѣе, нежели сколько нужно, чтобы прочесть ихъ двадцать разъ сряду, какъ бы изучая всѣ ихъ повороты и извилины; но въ самомъ-то дѣлѣ тебя задержали на томъ мѣстѣ воспоминанія, которыя, цѣпляясь одно за другое, перенесли мысли твои отъ того, чье имя ты прочиталъ, къ другимъ, сперва близкимъ, потомъ уже далекимъ, и наконецъ совершенно чуждымъ первому. Разлука и разстояніе, и потомъ одиночество и тишина, эти два обыкновенные товарища развалинъ, и самыя развалины настраиваютъ душу къ размышленію и задумчивости.

Безъ причудливой громады Истахра, подымающей свою плоскую неприступную вершину на сѣверо-западѣ, видъ Мердештской равнины не имѣлъ бы въ глазахъ моихъ ничего особенно прекраснаго. Я не раздѣляю въ этомъ отношеніи восторга путешественниковъ. Рѣчка Сивендъ мелка и незамѣтно пробирается черезъ равнину на югъ къ великолѣпному водопроводу *Бенд-Эмиръ*; а посреди ея печально торчатъ двѣ незавидныя ивы. Отсутствіе воды и деревьевъ, особенно при скудной зелени того года, не отвѣчали моимъ ожиданіямъ. Обстановка Мердешта чрезвычайно красива, но въ Персіи мы много видали долинъ, далеко превосходящихъ Мердештъ красотою.

На третій день мы снялись и, посѣтивъ дорогой *Накши Реджебъ* и *Накши Рустемъ*, и, пройдя чрезъ опасное, узкое ущелье, извѣстное разбоями, разбили лагерь у деревни *Кеминъ*. Оттуда на другой день съѣздили въ долину Мургабскую, посѣтить такъ называемый гробъ Кира. Эта долина не хуже Мердештской.

Тамъ мы объѣхали три-четыре памятника древности, на далекомъ разстояніи другъ отъ друга разсыпанные по долинѣ.

Во-первыхъ, взошли мы на такъ называемый *Тахти Сулейманъ*. Это четыреугольное возвышеніе, построенное изъ огромныхъ каменныхъ плитъ, съ трехъ сторонъ совершенно, а съ одной частью вросшее въ землю. Видъ оттуда очень хорошъ. Посреди долины, два столба, составлявшіе, вѣроятно, входъ въ храмъ или дворецъ, имѣютъ гвоздеобразныя надписи, а нѣсколько далѣе стоитъ огромный камень съ изображеніемъ какого-то четырех-крылаго созданія, въ ростъ человѣка.

Гробъ Кира, называемый персами, Богъ знаетъ по какой причинѣ, *Мешхеди-Модери-Сулейманъ* (мѣсто мученической смерти матери Саломона), стоитъ въ четвероугольной оградѣ, состоящей изъ ряда обломанныхъ ниже половины мраморныхъ колоннъ промежутками, закладенными каменьями. Посрединѣ двора четыреугольное возвышеніе съ четырьмя высокими ступенями изъ дикаго камня, идущими кругомъ его. На возвышеніи большая мраморная гробница съ островерхою крышею. Съ сѣверной стороны ея продѣлана небольшая дверь, ключъ отъ которой хранится въ рукахъ жителей жалкой деревушки, облѣпившейся около ограды.

Жители, какъ водится, стали толпиться около насъ, отказывать просьбѣ нашей открыть дверь гробницы; но мы не замедлили навести на разумъ этихъ олуховъ. Дверь была открыта. Внутренность пуста и ничѣмъ не замѣчательна; въ ней валяются обычныя мусульманскія приношенія всѣмъ вообще гробницамъ ихъ святыхъ, состоящія изъ бусъ, черепковъ, круглыхъ камешковъ и прочей дряни. Жители объяснили намъ, что тѣло матери Саломона было положено въ крышу гробницы! Напрасно бы на саркофагѣ искали мы знаменитой надписи, надъ которой нѣкогда, по свидѣтельству Иродота, задумался Александръ Македонскій: «О, смертный! кто бы ты ни былъ, и изъ какой бы страны ни пришелъ (потому что я увѣренъ, что ты придешь): знай, я Киръ, который завоевалъ у персовъ имперію, и прошу тебя, не завидуй мнѣ въ пригоршнѣ земли, прикрывающей мои останки!» Надписи этой небыло. Зато мы прочли другую, которая была гораздо разборчивѣе гвоздеобразныхъ начертаній, — на лицахъ оборванныхъ крестьянъ, о которыхъ

я говорилъ, и которые въ своемъ безсиліи зѣвали на насъ изъ-за колоннъ, читалось явственно: «Эхъ, вы, гяуры, гяуры! не сидится вамъ дома! Вѣдь нужно же было приходить невѣсть откуда, черезъ горы, моря и пустыни, для того единственно, чтобы осквернить гробъ матери Саломоновой! Ну, счастливы же вы, что посильнѣе насъ! А между тѣмъ, не забывайте-ка отсыпать намъ пригоршню монетъ за позволеніе, которое мы вамъ даемъ.... поневолѣ!»

Надъ этою надписью задумываться было нечего. Исполнить требованіе ея было не трудно. Походивъ съ четверть часа около этой почтенной древности, мы совершили на ступеняхъ ея тризну: холодной курицей, чешеръ-чизомъ, хересомъ помянули мы основателя Персидской монархіи и въ заключеніе я закурилъ сигару, дымокъ которой скользнулъ по мрамору и разсѣялся.

Вздохнувъ о суетѣ міра сего, — нельзя же безъ этого,—мы вскочили на коней и отправились обратно къ Ширазу.

V.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ БУШИРЪ.

На третій день послѣ того, мы опять были въ Ширазѣ, и остановились въ моемъ любимомъ садѣ *Джехáнъ-Нумá.* Пять, шесть дней, проведенные нами въ этомъ саду, были пріятнѣйшими изо всей нашей персеполисской поѣздки. Въ наввабовомъ домѣ надоѣли намъ до безконечности персіяне, совавшіеся въ домъ, и еще болѣе управитель, люди его и молодой сынъ хозяина, ужасный пьяница и неголяй. Онъ жилъ въ другомъ домѣ, но то и дѣло таскался, въ надеждѣ чѣмъ нибудь поживиться и глотнуть винца. За стуломъ его безотходно стоялъ гнусный его нукеришка, къ которому онъ безпрестанно обращался съ восторженными фразами о нашихъ удивительныхъ качествахъ, за совѣтами и прочимъ.

Избавленные отъ нахаловъ, пьяницъ и торгашей, осаждавшихъ насъ всякимъ продажнымъ хламомъ, за который они обыкновенно запрашивали баснословныя цѣны, мы въ Джехáнъ-Нумá наслаждались совершенною свободою и тишиною. Я по цѣлымъ часамъ ходилъ межъ кипарисовъ, наслаждаясь видомъ и благоуханіемъ розъ и пѣніемъ цѣлаго стада соловьевъ, порхавшихъ въ кипарисовой сѣни. Даже звонкій хоръ лягушекъ, раздававшійся подъ вечеръ, былъ мнѣ пріятенъ и убаюкивалъ меня въ моей вышкѣ.

Мы возвратились въ Буширъ по знакомой уже намъ дорогѣ; но въ этотъ разъ еще болѣе натерпѣлись отъ жару. Начиная отъ злополучнаго Далеки, къ которому спустились съ Кутели-Малу, мы шли по ночамъ, и хотя избавились солнечнаго припека, но измучились отъ ночныхъ походовъ, удушливаго воздуха, безсонницы днемъ отъ горячаго вѣтра, заметавшаго насъ въ палаткахъ пескомъ. Реомюръ доходилъ до сорока-четырехъ градусовъ въ тѣни.

Но тутъ я не могу пройдти мимо, не воздавъ дани удивленія нѣкоему мужу, бывшему при Е. И. Ч. въ должности главнаго распорядителя хозяйствомъ. Е. И. нанялъ его въ Константинополѣ. Салоникскій грекъ Ставри Байко, такъ звали мужа сего, принадлежалъ къ кастѣ извѣстныхъ въ Левантѣ людей, подъ названіемъ drogmans de place. Обладая съ большимъ или меньшимъ несовершенствомъ, идіомами Европы и Азіи, но болѣе всего предпріимчивостью, неутомимостью и страстью къ перемѣнѣ мѣстъ, они предлагаютъ свои услуги для сопровожденія европейскихъ путешественниковъ по Европейской, Азіятской и Африканской Турціи, и оказываются чрезвычайно полезными такъ называемымъ въ тѣхъ мѣстахъ *милордамъ*, какой бы эти послѣдніе націи не принадлежали. Плата таковымъ драгоманамъ производится, смотря по аттестатамъ, которыми они обыкновенно вооружены богато — это ихъ капиталъ. Лучшіе получаютъ до 500 руб. сер. въ годъ. Во время поѣздокъ своихъ по далекимъ странамъ, они на деньги эти дѣлаютъ разные обороты по мѣрѣ своихъ передвиженій, запасаются произведеніями разныхъ странъ и сбываютъ ихъ, по возвращеніи въ Цареградъ, за неслыханныя цѣны, получая иногда сто и двѣсти процентовъ барыша. Антики, состоящіе въ монетахъ, цилиндрахъ Вавилона и разныхъ камешкахъ, съ надписями и изображеніями временъ глубокой древности, кусковъ окаменѣлаго дерева изъ окаменѣлаго каирскаго лѣса, раковинъ Краснаго моря, fossiles,— всѣ эти рѣдкости, украшающія кабинеты европейцевъ, проходятъ обыкновенно черезъ ихъ руки.

Ставри можетъ считаться однимъ изъ самыхъ ловкихъ de son espèce. Онъ изъясняется, кромѣ своего природнаго, на языкахъ турецкомъ, арабскомъ, французскомъ, итальянскомъ, англійскомъ, русскомъ. На всѣхъ этихъ языкахъ, онъ говоритъ, правда, по гречески, какъ англичане, которые ни какомъ бы иностранномъ языкѣ ни говорили, со стороны кажется, какъ будто все говорятъ по англійски; но это не мѣшаетъ Ставри быть понятымъ окончательно и сверхъ того онъ тарантитъ съ головокружительною бѣглостью и безстыдствомъ, не заботясь ни о выговорѣ, ни о правилахъ грам-

матики. Онъ дуренъ собою, косъ и на видъ мозглявъ и тщедушенъ; но сколько перцу въ этомъ невидномъ человѣчкѣ! Во все продолженіе четырехлѣтняго нашего кочеванья, онъ кипѣлъ сугубою жизнію. Ничто не могло ослабить его энергіи, ни снѣга Тавра, ни раскаленный воздухъ Южной Персіи и Аравистана. Все болѣло вокругъ него, болѣлъ онъ, но больнымъ не сказывался. Бывало, лихорадка трясетъ его, а онъ трясетъ какого нибудь лѣниваго араба или курда за бороду, чтобъ дѣло спорилось; и дѣло горѣло въ рукахъ его и не задумывалось ни на минуту. Онъ былъ и управляющій, и казначей, и счетчикъ, и отыскиватель фондовъ, и кузнецъ, и цирюльникъ, и даже поваръ, и очень хорошій. Надобно замѣтить, что, во время нашего знакомства, Ставри имѣлъ замѣчательный запасъ опытности въ путешествіяхъ по Востоку. Онъ сопровождалъ путешественниковъ въ Іерусалимъ семнадцать разъ и въ Египетъ не менѣе десяти.

Надобно было видѣть его дѣятельность, напримѣръ, въ Далеки: подъ этимъ раскаленнымъ солнцемъ, онъ бѣгалъ въ деревню за провизіею, стряпалъ обѣдъ, весело ухаживалъ за нами, смѣша насъ шуточками, и распоряжался кормомъ животныхъ, раздавалъ пинки ротозѣямъ, натыкавшимся на лагерь. Для меня непонятно, какъ могъ выносить все это драгоцѣнный Ставри!

Отъ послѣдней станціи мы пустили впередъ нашъ караванъ, а сами остановились въ *Чогодѣкъ*, часа на два, и соснули у колодцевъ на пескѣ караванной дороги.

Подойдя къ Буширу на зарѣ, мы узнаемъ, что на караванъ нашъ нападала шайка тенгистанцевъ, успѣла схватить трехъ, четырехъ муловъ и принялась было дѣлить добычу, но увидя, что это не товары и что караванъ былъ не купеческій, возвратила людямъ нашимъ большую часть вещей, удержавъ остальное, къ счастію, не составлявшее значительной суммы.

Не вода зашумѣла на лотокахъ, завертѣлся неутомимый и шипящій языкъ почтеннаго Ставри, встрѣтившаго насъ у воротъ Бушира. Обширное поле представлялось его словолюбію въ разсказѣ о случившемся, и онъ, конечно, не упустилъ благопріятнаго случая, чтобы позабавить насъ потѣшными огнями своего французскаго краснорѣчія. Оказалось, что языкъ его дѣйствовалъ не хуже меча, при встрѣчѣ съ разбойниками. Ставри чуть не на смерть заговорилъ тенгистанцевъ, которые бросались отъ него со всѣхъ ногъ и скрылись изъ виду, оставивъ его полнымъ хозяиномъ своей растрепанной команды. Мулъ, на которомъ была навьючена казна, какъ нарочно убѣжалъ всѣхъ далѣе, и когда уже хищники были обращены

въ бѣгство, далъ себя поймать нашимъ людямъ вмѣстѣ съ другими животными.

Въ Буширѣ опять встрѣтили насъ красные мундиры черныхъ сипаевъ резидентства, гостепріимство резидента, любезность резидентши, роскошный столъ, серебряные сервизы съ гербомъ компаніи, французскія, испанскія вина, пѣнистый эль, чай, цвѣтомъ и вкусомъ похожій на черное пиво, органъ, на которомъ набожный хозяинъ наигрывалъ псалмы, а въ улицахъ зловоніе, раскаленный воздухъ и всякое отвращеніе. Но на этотъ разъ намъ не было суждено тамъ и ночи провести, и слава Богу!

Прійдя въ Буширъ, мы нашли тамъ на якорѣ купеческое судно «Centaurus», случайно проходившее изъ Бомбея въ Басру. — Резидентъ Остъ-Индской Компаніи уже успѣлъ условиться за насъ съ капитаномъ. Обстоятельство это было для насъ самою счастливою неожиданностью, потому что иначе пришлось бы намъ плыть на багла, арабскомъ мелкомъ суденышкѣ, и Богъ знаетъ, что бы перенесли мы на заливѣ! Надобно же было, чтобы именно къ самому дню нашего прихода, явился въ Буширѣ этотъ превосходный бригъ, въ два, три года разъ дѣлающій рейсъ этотъ, и одинъ только изъ большихъ купеческихъ судовъ посѣщающій Басру! «Кентавръ» долженъ былъ плыть далѣе въ самый день нашего прихода. Послѣ полудня вещи наши были уже на кораблѣ. Мы должны были сѣсть на него около того же времени; но сильный вѣтеръ задержалъ насъ.

Въ пять часовъ вечера мы были на пристани, гдѣ насъ ждалъ капитанъ, отправлявшій на судно товары. Вѣтеръ еще не стихнулъ.

Мы ожидали найдти въ капитанѣ, что называется морскаго медвѣдя, грубаго, сальнаго, воняющаго пивомъ, съ мохнатыми руками въ веснушкахъ, съ огромными рыжими бакенбардами, съ толстою морщинистою шеею коричневаго цвѣта... и нашли молодаго, небольшаго роста человѣка, съ пріятнымъ, привѣтливымъ лицомъ, людскимъ обращеніемъ, прилично одѣтаго. Черезъ минуту вышла къ намъ красивая молодая дама, бѣлая какъ снѣгъ, съ большими прекрасными глазами, и премило одѣтая въ бѣлую блузу; а при ней двѣ прелестныя дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ. То были жена и дѣти капитана, не оставлявшія его ни на минуту во всѣхъ его плаваніяхъ. Весело было смотрѣть на эту милую чету: оба молодые, пріятные, веселые, смотрѣвшіе, какъ говорятъ, другъ другу въ глаза; и эти бѣлыя дѣвочки, изъ которыхъ старшая, лѣтъ пяти, родилась на «Кентаврѣ», а младшая, еще не державшаяся на ногахъ, на гичкѣ, посреди маскатской гавани. Мы не могли довольно надивиться нашей удачѣ.

Капитанъ справился съ дѣломъ передъ самымъ закатомъ солнца, и, объявивъ намъ, что вѣтеръ стихъ, приглашалъ на восьмёрку.

Насъ было трое, кромѣ капитана и семейства его. Восемь человѣкъ черныхъ гребцовъ ударили веслами, и мы простились съ Буширомъ, въ которомъ въ этотъ день чуть было не испеклись какъ раки.

Прощай чахлый, постылый городишко, и *Иншаллахъ* (если Богу угодно) навсегда!

VI.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ПО ПЕРСИДСКОМУ ЗАЛИВУ ВЪ МУХАММЕРУ.

Уже восьмерка порядочно отодвинулась отъ берега, и волна становилась все крупнѣе и безпокойнѣе. Хотя вѣтеръ уже потерялъ всю силу, но чѣмъ дальше мы подавались впередъ, тѣмъ зыбь оказывалась ощутительнѣе... Гдѣ же «Кентавръ»? Мы напрасно искали мачтъ его на горизонтѣ, меркнувшемъ съ каждою минутою болѣе и болѣе.... Уже раскаленное зарево закатившагося солнца замѣтно блѣднѣло, и ночь сильно надвигала на насъ свои тѣни. Капитанъ, правившій рулемъ, сталъ приподыматься, безпрестанно допрашивая даль глазами. Зажглися звѣзды, западъ погасъ совершенно. Буширъ и весь горизонтъ скрылись за мракомъ. Надъ нами звѣздное небо; подъ нами зыбкая пучина; кругомъ ночь и неизвѣстность; скорлупка наша неслась въ открытую даль моря, безпрестанно и все сильнѣе и сильнѣе шлепаясь о набѣгавшіе валы. Капитанъ вытянулся, и попросилъ одного изъ насъ сѣсть на носъ для облегченія кормы; я продрался сквозь черный народъ гребцовъ и умостился на самомъ краешкѣ носа. Теплая волна моря шипя разбивалась о мою спину, осыпая меня брызгами. Мы всѣ были одѣты въ бѣлыя платья, подбитыя воздухомъ, но не простуды боялись мы, мы просто-на-просто трепетали за жизнь.

Капитанъ Херингъ (Herring) стоитъ безъ шляпы, подавшись впередъ; одна рука его на рулѣ, а другая сжата въ кулакъ и грозитъ гребцамъ. «*Тэнъ, тэнъ!*» кричитъ онъ, «*тэнъ!.. тэнъ! ю, сэръ!*» Что значитъ: навались! Вы, изъ!

Ночь все чернѣе. Волна шумнѣе и нахальнѣе. Голосъ капитана свирѣпѣе и нетерпѣливѣе, — онъ почти хрипитъ, но не умолкаетъ ни на минуту, хотя слова, имъ повторяемыя, все однѣ и тѣже. Я уже едва его различаю, — а жены и дѣтей его, съ моими спутниками, не вижу вовсе; на горизонтѣ ни блестки.

Проходитъ часъ, все тоже; проходитъ другой, никакой перемѣны!

Въ головѣ моей мысли смѣшались мыслями, и волновались какъ заливъ. Грустныя воспоминанія тасовались съ радостными, опасеніе ужасной смерти съ улыбающимися образами въ будущемъ, сердечное съ шутовскимъ. Между прочимъ мелькнула въ умѣ моемъ вотъ какая картина: на щепкѣ, длиною какихъ нибудь въ шесть, семь шаговъ, собрано было насъ случаемъ пятнадцать человѣкъ изо всѣхъ странъ вселенной: тутъ были люди съ береговъ финскаго залива, а въ томъ числѣ и я; изъ Сибири, изъ Англіи, изъ Индіи и съ островов̂ъ Индѣйскаго океана! Прихотливая судьба ужь не сдѣлала ли изъ насъ нѣчто въ родѣ винегрета для какой нибудь страшной акулы, которыми обилуютъ эти воды!

— Капитанъ! а что, видѣнъ фонарь?» спрашиваю я его съ безпокойствомъ...

— Нѣтъ еще... Но скоро надѣ... тэнъ, тэнъ, іо сöръ! — хрипитъ онъ...

Вотъ голова моя ниже ногъ капитана, вотъ и онъ торчитъ у меня подъ ногами, и набѣжавшій валъ, пѣнясь и клокоча, окатилъ насъ какъ изъ бочки. Двое принялись черпать воду изъ шлюпки.

«Тэнъ! тэнъ!» Гребцы все сильнѣе и сильнѣе.

Дѣти начали плакать; ихъ закачало. Восьмерка несется, колыхаясь какъ люлька между волнъ.

Проходитъ третій часъ.

Со страхомъ поворачиваюсь я иногда назадъ; ни блесточки!

Голосъ капитана хрипитъ все болѣе и болѣе. Давно ужь на мнѣ и на гребцахъ, да кажется и на всѣхъ пассажирахъ, ни живой нитки... При этомъ вспомнилъ я одну поѣздку мою изъ Золотаго Рога въ Буюкдере, тоже на восьмеркѣ, только съ русскаго военнаго судна... Съ нами тоже были молодыя дамы и дѣти, двѣ прелестныя дѣвочки... Такая же зыбь была на Босфорѣ, особенно когда мы подходили къ Буюкдере. Черное море гудѣло направо, и напоръ его валовъ кренилъ шлюпку и зарывалъ ее поминутно. Ночь была также темна... Я также былъ мокръ совершенно, и почти столько же времени какъ и въ этотъ разъ мы употребили на переѣздъ. Но на душѣ и на умѣ у меня было тогда совсѣмъ другое...

Тутъ, я сгоралъ отъ нетерпѣнія добраться до цѣли плаванья. Тамъ, я готовъ былъ и вѣкъ не выходить изъ лодки. Давно ли это было! и гдѣ все это теперь? я не сойдусь болѣе съ моими спутниками незабвенной босфорской ночи! трое изъ нихъ въ могилѣ! Это воспоминаніе было невольное, это отрадное воспоминаніе наброси-

ло еще болѣе мглы на мои мысли. Мнѣ не сидѣлось на мѣстѣ. Меня толкало въ соленый кипятокъ моря.

Не суждено мнѣ было въ немъ выкупаться! Но что же это?

Проходитъ наконецъ и четвертый часъ, и все ничего нѣтъ! Становилось страшно не въ шутку. Однако «тэнъ» вдругъ замолкло. Всматриваюсь: капитанъ болѣе не виситъ надъ гребцами, тогда какъ между этимъ чернымъ народомъ пошло какое-то необыкновенное движеніе: — головы каждаго по очереди закидываются назадъ, и надъ носомъ у нихъ подымается какъ будто другая черная голова.. Не прощальные ли братскіе поцѣлуи передъ гибелью?.. А! Фляжка съ бранди! Добрый знакъ! Но увы, она мнѣ была не по силамъ, и я только въ душѣ радовался счастію гребцовъ, не принимая въ немъ участія.

«Видно, капитанъ?» крикнулъ я довольно бодро.

И несмотря на его утвердительный отвѣтъ, я напрасно вертѣлся во всѣ стороны, чтобы убѣдиться глазами въ этой радости; ночь и море, и больше ничего.

Но вотъ что-то сверкнуло.... нѣтъ, опять ничего! Вотъ, вотъ; нѣтъ! или это звѣзда? Фонарь! Фонарь! Мы спасены. Къ концу пятаго часа безостановочной гребли, мы были на палубѣ «Кентавра»; и только на третьи сутки плаванья капитанъ сказалъ намъ, что мы необыкновеннымъ счастіемъ спаслись если не отъ совершенной гибели, то отъ большихъ бѣдствій. «Во все время, пока я стоялъ, въ «продолженіе болѣе четырехъ часовъ, говорилъ онъ, я правилъ по «звѣздѣ, по догадкамъ только зная положеніе судна, и каждую ми«нуту трепеталъ, чтобъ не сѣсть на мель, или не опрокинуться. «Одинъ разъ мы уже ткнулись о землю, помните, когда насъ такъ «хорошо облало.... Я обомлѣлъ, но не потерявъ присутствія духа, «успѣлъ дать шлюпкѣ удачное направленіе. Чтобы я сдѣлалъ, съ «бѣдною женою и дѣтьми, еслибъ мы нарѣзались на мель! Нѣсколь«ко аршинъ вправо или влѣво отъ того направленія, которому я «слѣдовалъ, и бѣды бы не миновать! Но мнѣ удалось не сбиться съ «него; спасибо звѣздѣ!» Не лучше ли бы онъ сдѣлалъ, еслибъ подумалъ объ этомъ еще на берегу!

Разумѣется, только что мы увидѣли себя на палубѣ «Кентавра», все было забыто; но теперь я съ ужасомъ вспоминаю объ этой ночи, и никогда ее незабуду.

Превосходныя, чистыя каюты, отлично вкусный столъ, хотя ужасно пряный, чистое бѣлье, заботливость прекрасной хозяйки, привѣтливость, веселость капитана, игры дѣтей, хорошенькихъ и чистенькихъ, забавныя слезы старшей дочери, когда отецъ или мать, чтобы помучить ее, увѣряли въ шутку, что она родилась на

гичкѣ, а что на кораблѣ-то родилась маленькая ея сестра; игры и смѣхъ милыхъ дѣтей, прочность могучаго судна, и наконецъ попутный вѣтеръ, помирили меня немножко съ персидскимъ заливомъ.

Капитанъ Херингъ уроженецъ великобританскій; жена же его родомъ изъ сѣверныхъ областей Остъ-индской имперіи, и никогда не видала Европы. Но кто бы изъ невидавшихъ Индіи этому повѣрилъ? Ни что въ ней не обличало азіятской природы и воспитанія. Правда, она знала только два языка, индустанскій и англійскій, также какъ и мужъ ея; но общежительность ея была самая пріятная. Она говорила съ одушевленіемъ о своей родинѣ, превознося умѣренность ея климата, разнообразіе плодовъ, изъ которыхъ многіе, говорила она, сродны сѣверу Европы, красоту страны и пр. При ней не было на кораблѣ ни одной женщины. Дѣтей нянчили индѣйцы, а съ хозяйствомъ она возилась сама и управлялась ловко, хотя голоса ея не было слышно.

Матросы «Кентавра» были всѣ черные, бенгальцы, малайцы, даже одинъ китаецъ, плотникъ, и преуморительный. Ихъ было шестьдесятъ человѣкъ. Капитанъ говорилъ намъ, что для его судна достаточно двадцати пяти человѣкъ хорошихъ европейскихъ матросовъ, но что черные очень дурные и вялые работники.

Цѣлые сутки шли мы отъ Бушира по семи и восьми узловъ въ часъ, такъ что самъ капитанъ восхищался ходкостью своего судна; но потомъ вѣтеръ зарапортовался и мы пошли бѣдствовать. Тутъ только я узналъ всю тяжесть шкиперской должности. Бѣдный Херингъ не сходилъ съ палубы ни днемъ ни ночью; подъ припекомъ пятнадцати часовъ, онъ напрягалъ всѣ свои мускулы, командуя безтолковой командѣ, и браня ее за неловкость или неповоротливость. Хотя и не замѣтно было, чтобы онъ, по обыкновенію своихъ товарищей по ремеслу, въ особенности одноплеменныхъ ему, часто совѣтовался съ бутылкою, но лицо его было постоянно багровое, и потъ катился съ него градомъ. Помощникъ его былъ боленъ при смерти; и потому вся забота лежала на одномъ капитанѣ. Дня три опять стояли мы у входа въ Шат-эль-арабъ. На ходу кормчему то и дѣло подавали со дна земли, которую онъ жевалъ, чтобы узнать настоящее гирло; эти господа по вкусу узнаютъ землю шат-эль-арабскаго ложа!

Страшно было жарко во все время пути, но на шестой день, когда ужь мы почти не замѣтно ползли вдоль береговъ арабистанскихъ, едва можно было дышать.

Я сильно страдалъ приливами къ головѣ; капитанша то и дѣло прикладывала мнѣ къ вискамъ лепешки изъ опіума; но если эти по-

слѣдствія не облегчали моихъ страданій, за то удовольствіе имѣть такого врача поддерживало духъ мой.

Скоро вышелъ къ намъ изъ Мухаммеры навстрѣчу знакомецъ нашъ знаменитый «Nitocris», и схвативъ насъ, можно сказать, на лету, черезъ три часа высадилъ у знакомыхъ пальмъ. «Кентавръ» только на третій день послѣ нашего прибытія въ Мухаммеру дотащился до Хаффара.

Мы съ чувствомъ простились съ добрымъ капитаномъ и его милымъ семействомъ, не зная тогда, какая судьба ожидаетъ ихъ въ скоромъ времени.

Полгода спустя, когда мы изъ Исфахана пришли опять въ Хузистанъ, мы узнали, что капитанъ Херингъ схватилъ въ Басрѣ лихорадку, и умеръ въ Буширѣ. «Кентавръ» перешелъ къ другому капитану. Бѣдная жена его съ дѣтьми отправилась на чужомъ судиѣ въ Индію, и въ Маскатѣ умерла также. Чтò сталось съ бѣдными дѣтьми ихъ, не знаю!

М. ГАМАЗОВЪ.

ФИЛИППЪ ВТОРОЙ,

КОРОЛЬ ИСПАНСКІЙ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

XI.

ВОДВОРЕНІЕ ПОРЯДКА.

Возмущеніе иконоборцевъ имѣло послѣдствія, весьма неблагопріятныя для нихъ самихъ и для партіи недовольныхъ. Католики, до сихъ поръ дружественно смотрѣвшіе на начало революціи, стали бояться за свою религію и перешли на сторону правительства; лютеране, никогда не сочувствовавшіе кальвинистамъ, опасались, чтобы обвиненіе въ послѣднихъ безпорядкахъ не пало и на нихъ, и начали удаляться отъ своихъ собратій; такимъ образомъ партія протестантовъ раздѣлилась. Наконецъ, люди, которые, подобно Эгмонту, колебались принять участіе въ народномъ движеніи, поспѣшили примириться съ регентшей. Маргарета не замедлила воспользоваться этими обстоятельствами. Не довѣряя болѣе той партіи, на которую до сихъ поръ полагалась, она сама стала заботиться объ усиленіи своего авторитета. Она была неутомима въ этомъ дѣлѣ. «Не могу понять», писалъ ея секретарь, Арментеросъ, «какъ герцогиня въ состояніи переносить столько трудовъ. Втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ она встаетъ до разсвѣта; каждый день, утромъ

и вечеромъ, созываетъ совѣтъ, иногда и чаще; въ остальное время назначаетъ аудіенціи, принимаетъ письма и депеши и тотчасъ же отвѣчаетъ».

Маргарета всѣми силами старалась выйти изъ того положенія, въ которое поставили ее послѣднія событія, и возстановить авторитетъ короны. Она до такой степени ограничила уступки, сдѣланныя, какъ она сама говорила, по принужденію, что онѣ утратили всякое значеніе. Она объявила правителямъ провинцій, что ея разрѣшеніе публично отправлять богослуженіе, должно быть принято въ самомъ тѣсномъ смыслѣ; то есть, что протестанты не имѣютъ права исполнять никакихъ обрядовъ, по правиламъ своего ученія, ни крестинъ, ни похоронъ, ни бракосочетаній; наконецъ издала эдиктъ, которымъ подтверждала всѣ законы противъ протестантовъ, и требовала точнаго ихъ исполненія. Протестанты громко роптали на «измѣнническую» политику Маргареты. Дозволеніе отправлять богослуженіе, утверждали они, заключаетъ въ себѣ дозволеніе исполнять и всѣ обряды; они оскорблялись сдѣланнымъ ограниченіемъ, какъ жестокой насмѣшкой.

За этими мѣрами послѣдовали другія, болѣе рѣшительныя. Маргарета призвала на помощь войско, состоявшее изъ германскихъ наемниковъ, усилила его нѣсколькими полками, бывшими въ ея распоряженіи и, поручивъ команду надъ ними Арембергу, Мегену и другимъ аристократамъ, которые еще были вѣрны правительству, приказала имъ слѣдить за исполненіемъ законовъ о протестантахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, правители провинцій должны были усилить свои войска новымъ наборомъ и размѣстить ихъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ собирались протестанты.

Геннегау была одна изъ тѣхъ провинцій, которыя причиняли регентшѣ наиболѣе безпокойства. Духъ независимости жителей этой провинціи, поддерживаемый французскими гугенотами, находившими здѣсь многочисленныхъ послѣдователей, обратился въ поговорку; богатый торговый городъ Валансьенъ былъ населенъ преимущественно протестантами. Маргарета приказала Нуаркарму, правителю Геннегау, для предотвращенія могущихъ возникнуть безпорядковъ, усилить гарнизонъ этого города значительнымъ отрядомъ пѣхоты и кавалеріи. Распоряженіе регентши не произвело сначала никакого дѣйствія на народъ. Но одинъ французскій проповѣдникъ, по имени Ла-Гранжъ, смѣлый энтузіастъ, одаренный увлекательнымъ краснорѣчіемъ, пользовавшійся уваженіемъ своихъ единовѣрцевъ, убѣдилъ народъ, что правительство, усиливая гарнизонъ, имѣетъ въ виду ограниченіе религіозной свободы; народъ потребовалъ, чтобъ гарнизонъ былъ выведенъ. Нуаркармъ, удив-

ленный внезапной перемѣной общественнаго мнѣнія, предложилъ гражданамъ Валансьена обдумать дѣло прежде, чѣмъ станутъ открыто противодѣйствовать распоряженіямъ правительства. Члены магистрата просили Ла-Гранжа успокоить народъ; но онъ отвѣчалъ, что «прежде языкъ его присохнетъ къ гортани, чѣмъ уста произнесутъ хотя одно слово въ защиту этихъ жестокихъ мѣръ». Жители между тѣмъ не оставляли своихъ требованій, и такъ какъ волненіе съ каждымъ днемъ возрастало, то Маргарета приказала Нуаркарму объявить гражданъ измѣнниками и конфисковать имѣніе главнѣйшихъ зачинщиковъ; въ то же время начаты были дѣятельныя приготовленія къ осадѣ Валансьена и обнародована была отъ имени регентши прокламація, которой она подъ опасеніемъ казни запрещала нидерландцамъ помогать взбунтовавшимся гражданамъ не только оружіемъ или деньгами, но даже совѣтомъ. Но ни эта мѣра, ни многочисленные отряды войска, появившіеся подъ стѣнами города, не устрашили жителей Валансьена, ободряемыхъ смѣлымъ проповѣдникомъ; крѣпкія стѣны, значительные запасы провіанта и обѣщанія сосѣднихъ консисторій подать помощь въ случаѣ надобности, поддерживали въ нихъ храбрость и неуступчивость.

Послѣднія мѣры, принятыя регентшей, взволновали протестантовъ. Между консисторіями и лигой завязалась дѣятельная переписка; купцы жертвовали огромныя суммы для найма войскъ въ Германіи. Лига рѣшила представить Маргаретѣ прошеніе, которое Бредероде съ четырьмя стами членами конфедераціи долженъ былъ отвезти въ Брюссель. Узнавъ объ этомъ намѣреніи лиги, Маргарета объявила, что не впуститъ въ городъ Бредероде, если онъ вздумаетъ пріѣхать съ такой огромной свитой. Это однакожь не остановило Бредероде; онъ представилъ регентшѣ прошеніе черезъ своихъ агентовъ. Конфедераты упрекали герцогиню въ томъ, что она дѣйствуетъ противно даннымъ обѣщаніямъ, указывали, какъ на доказательство, на ограниченіе свободы богослуженія, и въ заключеніе требовали, чтобъ изданный ею эдиктъ былъ отмѣненъ, войска были распущены и осада Валансьена снята.

Маргарета предложила своему совѣту разсмотрѣть это прошеніе, и 17 февраля 1567 года, составленъ былъ отвѣтъ, относившійся болѣе ко всему государству, чѣмъ къ лигѣ. Герцогиня удивлялась, что о лигѣ упоминаютъ еще, тогда какъ многіе изъ ея членовъ примирились съ правительствомъ. Относительно втораго пункта прошенія было сказано, что, дозволяя отправлять богослуженіе, герцогиня не давала протестантамъ права собирать войска, учреждать магистраты и консисторіи и исполнять религіозные обряды, по правиламъ реформатскаго ученія; что съ ея стороны было бы въ

высшей степени неблагоразумно предоставить имъ эти права. Потомъ она увѣщевала членовъ лиги и протестантовъ не злоупотреблять долготерпѣніемъ короля, меньше заботиться о дѣлахъ общественныхъ и болѣе о своихъ собственныхъ; въ заключеніе объявляла, что употребитъ всѣ средства, чтобъ отвратить бѣдствія, которыми они грозятъ государству.

Высокомѣрный тонъ отвѣта показывалъ слишкомъ ясно, что времена перемѣнились, что Маргарета сознала свои силы и намѣрена употребить ихъ въ дѣло. Конфедераты увидѣли, что пришло время дѣйствовать рѣшительно. Идти назадъ было невозможно, а настоящее положеніе не предвѣщало имъ ничего добраго. Къ тому же распространился слухъ, будто Филиппъ скоро явится въ Нидерланды съ сильнымъ войскомъ и отмститъ своимъ врагамъ. Не предпринимать ничего для своей защиты, значило бы подставить шею петлѣ, которую не замедлили бы накинуть инквизиторы. Оставалось одно — взяться за оружіе. Такъ и сдѣлали конфедераты. Раздались бранные клики, и всюду, въ городахъ и селахъ, толпами собирались охотники, готовые стать подъ знамя, поднятое конфедератами. Графу Нассаускому поручено было собрать ополченіе для усиленія германскихъ наемниковъ. Сборнымъ мѣстомъ назначенъ былъ городъ, принадлежавшій Бредероде, Віана. Теперь Бредероде былъ въ своей сферѣ; онъ заботился объ укрѣпленіи Віаны, собиралъ туда артиллерію, потомъ тайно отправился въ Амстердамъ, гдѣ приверженцы новаго ученія объявили полную готовность содѣйствовать конфедератамъ.

Военныя дѣйствія открылись въ Брабантѣ. Графъ Мегенъ, попытавшійся ввести гарнизонъ въ Буа-ле-Дюкъ (Bois-le-Duc), потерпѣлъ совершенное пораженіе. Такая же встрѣча готовилась ему и въ Утрехтѣ, но внезапное появленіе его войска и медлительность утрехтскихъ гражданъ, разрушили ихъ намѣренія. Въ другихъ мѣстахъ инсургенты также оставались не безъ дѣла. Отрядъ въ двѣ тысячи человѣкъ, подъ предводительствомъ Марникса Тулузскаго, отправился на островъ Вальхеренъ, гдѣ, какъ полагали, намѣренъ былъ высадиться Филиппъ; но, встрѣтивъ противодѣйствіе со стороны жителей, отправился вверхъ по Шельдѣ и, высадившись въ деревнѣ Аиструвелѣ, лежащей недалеко отъ Антверпена, расположилъ свой отрядъ по квартирамъ. Втеченіе самого короткаго времени онъ сжегъ нѣсколько церквей, разорилъ окрестные монастыри и привелъ въ ужасъ Антверпенскій магистратъ, поощривъ своими дѣйствіями тамошнихъ протестантовъ къ возстанію.

Маргарета, увидѣвъ необходимость выбить враговъ изъ занятой позиціи, послала отрядъ войска, подъ командою опытнаго офицера Лонуа, съ приказаніемъ всѣхъ ихъ истребить. Лонуа, въ надеждѣ застать Марникса въ расплохъ, быстро двинулся къ Аструвелю; но встрѣтилъ сильное сопротивленіе, и подъ стѣнами Антверпена разъигралась одна изъ самыхъ кровавыхъ сценъ нидерландской революціи. Шумъ боевой схватки вызвалъ жителей на городскую стѣну, и здѣсь они съ ужасомъ увидѣли, что войско Марникса окружено врагами. Раздался зовъ, и толпа кальвинистовъ, вооруженныхъ топорами, вилами, ножами, бросилась къ городскимъ воротамъ, съ намѣреніемъ идти на помощь своимъ погибающимъ братьямъ. Но ворота были заперты. Это было сдѣлано по распоряженію принца Оранскаго, который приказалъ сломать мостъ черезъ Шельду, чтобы пресѣчь сообщеніе между городомъ и лагеремъ Марникса. Они стали требовать ключей. Между тѣмъ на стѣнѣ появилась жена Марникса, которая предъ этимъ съ распущенными волосами бѣгала по улицамъ, сзывала кальвинистовъ и умоляла ихъ спасти ея мужа и своихъ собратій. Но было уже поздно. Послѣ короткаго, хотя мужественнаго сопротивленія, инсургенты принуждены были положить оружіе. Черезъ нѣсколько часовъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ происходила битва, появились костры, и Марниксъ со многими товарищами погибъ въ пламени. Другіе, чтобъ избѣгнуть постыдной казни, бросались въ Шельду, которая омывала возвышенный берегъ, занятый деревней; но непріятельскіе выстрѣлы достигали ихъ на серединѣ рѣки; иные, выбившись изъ силъ, тонули. Такимъ образомъ, погибло пятьсотъ человѣкъ; остальные триста сдались плѣнными. Лонуа, боясь помощи со стороны антверпенскихъ гражданъ, точно исполнилъ повелѣніе регентши — приказалъ убить ихъ всѣхъ.

Между тѣмъ, какъ за стѣнами Антверпена совершались эти убійства, въ стѣнахъ разъяренная толпа ревѣла, какъ морскія волны, ударяющіяся о неподвижныя скалы. Протестанты окружили зданіе магистрата и грозными криками требовали ключей. Никто изъ магистратскихъ чиновниковъ не осмѣлился явиться предъ толпою. Наконецъ вышелъ Вильгельмъ, спокойный, какъ всегда, и объявилъ, что ворота заперты по его приказанію, и что сдѣлано это съ тою цѣлью, чтобы Лонуа не могъ обратить своихъ войскъ противъ гражданъ, которые, какъ извѣстно правительству, почти всѣ принадлежатъ къ протестантской церкви. Рѣчь принца, однакожь, не удовлетворила народъ; раздались оглушительные крики; одинъ изъ протестантовъ поднялъ ружье и съ восклицаніемъ: «измѣнникъ!» хотѣлъ было выстрѣлить въ Вильгельма; но товарищи остановили его.

Между тѣмъ на площади собралось почти десять тысячъ человѣкъ, овладѣли нѣсколькими орудіями, хранившимися въ арсеналѣ, и укрѣпили площадь. Католики и домовладѣльцы дрожали за свою жизнь и имущество. Всѣ глаза были теперь обращены на принца, который одинъ былъ въ состояніи укротить мятежъ. Вокругъ него собрались всѣ, кто по какимъ бы то ни было причинамъ не могъ сочувствовать протестантамъ. Такимъ образомъ, въ городѣ составились двѣ партіи, готовыя по первому знаку вступить въ бой. Такъ прошла цѣлая ночь. Утромъ Вильгельмъ съ нѣсколькими членами магистрата отправился на площадь. Пройдя чрезъ ряды бунтовщиковъ, онъ вызвалъ ихъ предводителей и, представивъ имъ безполезность мятежа, объявилъ, что, если будетъ пролита хоть одна капля крови, онъ станетъ дѣйствовать противъ нихъ, какъ противъ враговъ. Вильгельму въ этотъ разъ удалось смирить протестантовъ; они рѣшились оставить оружіе, съ условіемъ, чтобы гарнизонъ былъ выведенъ изъ города.

Въ это самое время Нуаркармъ началъ осаду Валансьена, и съ первыхъ дней убѣдился, что она не скоро кончится. Жители, увѣренные въ своей силѣ, сдѣлали нѣсколько весьма удачныхъ вылазокъ, сожгли нѣсколько домовъ, гдѣ были расположены непріятельскія войска, и съ богатой добычей возвращались въ городъ. Было ясно, что въ короткое время невозможно усмирить Валансьенъ. Маргарета просила короля о дозволеніи начать бомбардированіе; но Филиппъ положительно отказалъ. Ему было жалко предать на разграбленіе одинъ изъ лучшихъ нидерландскихъ городовъ, однакожь онъ приказывалъ держать его въ строгой блокадѣ.

Между тѣмъ три или четыре тысячи конфедератовъ явились въ окрестностяхъ Торнея съ намѣреніемъ отчасти подать помощь этому городу, отказавшемуся впустить гарнизонъ, отчасти отвлечь силы Нуаркарма. Лишь только Нуаркармъ получилъ извѣстіе о прибытіи конфедератовъ, какъ раздѣлилъ свою армію и, оставивъ одну часть у стѣнъ Валансьена, съ другой направился противъ новаго непріятеля. Конфедераты не выдержали его быстраго, внезапнаго натиска; ихъ разстроенные легіоны бѣжали въ городъ, гдѣ жители, неприготовленные къ сопротивленію, принуждены были открыть ворота и принять условія побѣдителя, который на другой день возвратился къ Валансьену.

Упорство валансьенскихъ гражданъ еще не поколебалось. Увлекаемые обольстительными обѣщаніями своего проповѣдника, они со смѣхомъ отвергли предложенія Нуаркарма о сдачѣ. Маргарета опять написала къ королю, представляя необходимость принять рѣшительныя мѣры, потому что городъ, лежащій почти на границѣ

Францiи, легко можетъ найти содѣйствiе въ гугенотахъ или лигерахъ, которые разсѣяны по всей странѣ. Послѣднее обстоятельство принудило Филиппа согласиться на предложенiя регентши; но въ письмѣ, отъ тринадцатаго марта, онъ приказывалъ, чтобы прежде были испробованы всѣ другiя средства, угрозы, увѣщанiя, и если они окажутся недѣйствительны, то взять городъ приступомъ; при этомъ главнокомандующiй долженъ былъ заботиться, чтобы старикамъ, женщинамъ, дѣтямъ и всѣмъ, не принимавшимъ участiя въ возстанiи, не было причинено никакого вреда.

Маргарета не замедлила воспользоваться разрѣшенiемъ Филиппа. Повинуясь однакожь его приказанiямъ, она послала въ Валансьенъ графа Эгмонта и Аршата, уговорить жителей положить оружiе. Они старались убѣдить народъ въ безполезности дальнѣйшаго сопротивленiя; говорили, что было бы крайне неблагоразумно, еслибъ они отвергли милость герцогини, которая объявитъ имъ прощенiе; что, наконецъ, борьба съ правительствомъ, послѣ торнейскаго дѣла, не можетъ быть успѣшна. Но валансьенцы, поддерживаемые своими предводителями, еще увѣренные въ своей силѣ, и слышать не хотѣли о сдачѣ. Посланные Маргареты возвратились въ лагерь Нуаркарма съ печальнымъ извѣстiемъ о безуспѣшности переговоровъ. Нуаркармъ теперь не видѣлъ причины медлить, и на другой же день началъ правильную осаду.

2-го апрѣля 1567 года, ровно четыре мѣсяца спустя, послѣ того, какъ Валансьенъ объявленъ былъ въ блокадномъ положенiи, армiя Нуаркарма вступила въ городъ. Въ узкихъ улицахъ, усѣянныхъ мертвыми тѣлами, среди развалинъ, войска были встрѣчены женщинами и дѣвицами, которыя, неся въ рукахъ зеленыя вѣтви, умоляли побѣдителей о пощадѣ. Нуаркармъ собралъ членовъ магистрата и освободилъ ихъ отъ отвѣтственности за непокорность, уволивъ отъ службы. Въ слѣдъ за тѣмъ отдалъ приказанiе заключить въ темницы предводителей и проповѣдниковъ, изъ которыхъ многiе успѣли бѣжать; остальные, въ ихъ числѣ и Ла-Гранжъ, были схвачены и казнены. Съ крѣпостныхъ стѣнъ были сняты артиллерiйскiя орудiя, жители были обезоружены и лишены всѣхъ льготъ и привиллегiй; кромѣ того, они должны были заплатить правительству военныя издержки. Протестантамъ было запрещено отправлять богослуженiе; церкви, которыми они владѣли, возвратились къ католикамъ, и для сохраненiя порядка въ городѣ былъ расположенъ гарнизонъ, состоявшiй изъ восьми ротъ пѣхоты.

Ключи Валансьена, какъ выражается одинъ современный лѣтописецъ, отперли регентшѣ ворота всѣхъ непокорныхъ городовъ. Маастрихтъ, Торнгутъ, Гентъ и другiе города, не хотѣвшiе впу-

стить гарнизоны, одинъ за другимъ покорились ея волѣ. Втеченіе нѣсколькихъ недѣль, во всей странѣ, за исключеніемъ Антверпена и немногихъ городовъ Голландіи, водворенъ былъ порядокъ, и уничтожена возможность противодѣйствія правительству. Такимъ образомъ конфедераты убѣдились, что движеніе ихъ было преждевременно.

Послѣднія событія внушили регентшѣ мысль, нѣсколько похожую на предложеніе Вигліуса, о которомъ мы упоминали въ предшествующей главѣ. Она предложила высшему дворянству, кавалерамъ ордена Золотаго Руна, и всѣмъ лицамъ, участвовавшимъ въ управленіи, принять присягу, что они будутъ повиноваться всѣмъ приказаніямъ короля, какого бы рода они ни были. Маргарета имѣла въ виду не упроченіе порядка, съ трудомъ возстановленнаго; ею руководило желаніе узнать приверженцевъ и враговъ правительства. Но чтобы скрыть свои дѣйствительныя намѣренія, она объявила, что удалитъ отъ службы всѣхъ, кто не захочетъ принять присяги. Эта мѣра была одобрена совѣтомъ, и Мансфельдъ, Аршатъ, Мегенъ, Барлеймонтъ тотчасъ же присягнули. Эгмонтъ не увлекся однакожь ихъ примѣромъ; онъ сказалъ регентшѣ, что послѣ присяги, однажды уже произнесенной, онъ не видитъ надобности повторять ее. Но сомнѣнія Эгмонта были устранены убѣдительными увѣщаніями Маргареты. Бредероде, еще принадлежавшій къ числу военачальниковъ, съ негодованіемъ воскликнулъ, что «это іезуитская хитрость, придуманная Маргаретой», сложилъ съ себя служебныя обязанности, и вмѣстѣ съ графами Горномъ и Гогстратеномъ, которые тоже не хотѣли присягать, отправился въ свои имѣнія.

Всего важнѣе въ этомъ случаѣ было мнѣніе принца Оранскаго; Маргарета чувствовала, что съ нимъ необходимо поступить какъ можно осторожнѣе. Она уже съ давнихъ поръ не довѣряла ему, но въ тоже время дорожила дружественными отношеніями къ нему, какъ къ человѣку, пользовавшемуся неограниченнымъ уваженіемъ народа и вліяніемъ на всѣ партіи, враждебныя правительству. Она написала къ нему письмо. Въ самыхъ мягкихъ и лестныхъ выраженіяхъ она высказала убѣжденіе, что принцъ не откажется подать хорошій примѣръ, когда отъ того зависитъ благосостояніе государства. Носились слухи, писала регентша, будто его приверженность къ правительству сомнительна; но она никогда имъ не вѣрила. Она ни на минуту не могла допустить мысли, что онъ можетъ унизить свое великое имя и знатный родъ, заслуживъ подобный упрекъ. Поэтому она не сомнѣвается, что принцъ не замедлитъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы уничтожить всѣ сомнѣнія. Въ письмѣ находилась форма присяги, въ которой были употреблены слѣдую-

щія выраженія: «обязываюсь повиноваться волѣ короля безъ всякихъ условій и ограниченій»; «неисполненіе этого обязательства влечетъ удаленіе отъ службы.»

Вильгельмъ недолго размышлялъ надъ предложеніемъ герцогини. 28-го апрѣля, въ тотъ же день, когда было получено ея письмо, онъ отвѣчалъ ей, что подобное требованіе могло бы имѣть мѣсто въ такомъ случаѣ, еслибъ онъ нарушилъ первую присягу, и что притомъ онъ вовсе не намѣренъ связывать себя обязательствомъ дѣйствовать противъ совѣсти и противъ интересовъ отечества. Поэтому предложеніе герцогини для него имѣетъ значеніе приказанія оставить службу. Онъ просилъ Маргарету назначить на его мѣсто человѣка, способнаго исполнять всѣ лежавшія на немъ обязанности, и въ заключеніе извѣщалъ, что удалится изъ Нидерландовъ; «но могу васъ увѣрить, писалъ онъ, гдѣ бы я ни былъ, жизнь моя и все имущество будутъ принадлежать государству.»

Вильгельмъ, какъ было уже замѣчено, принадлежалъ къ партіи, требовавшей политической реформы; но онъ хотѣлъ оставаться въ предѣлахъ конституціи и возставалъ противъ насильственныхъ мѣръ. Возмущеніе иконоборцевъ разрушило всѣ его планы, сблизивъ католиковъ съ умѣренной партіей протестантовъ и раздѣливъ послѣднихъ; а побѣды, одержанныя войсками Маргареты, доказали, что время этой реформы еще не наступило. Между тѣмъ распространились слухи, будто Филиппъ намѣренъ послать въ Нидерланды герцога Альбу съ сильной арміей, которая могла бы остановить всякое народное движеніе. «Берегитесь Альбы», писалъ Вильгельму родственникъ его жены, ландграфъ Гессенскій. «Я знаю его хорошо.» Вильгельмъ также зналъ его хорошо, и понималъ, что нельзя довѣряться этому жестокому, неумолимому человѣку, который явится въ Нидерланды съ правомъ судить и казнить. Ожидать его прибытія, значило вызывать свою судьбу. Принцъ видѣлъ всю ненадежность своего положенія. «Я теперь одинъ», писалъ онъ къ ландграфу Гессенскому; «со всѣхъ сторонъ мнѣ грозятъ опасности, и возлѣ меня нѣтъ ни одного человѣка, на котораго я могъ бы положиться.»

Маргарета, казалось, вовсе не ожидала такого рѣшительнаго отвѣта. Она послала въ Антверпенъ своего секретаря Берти просить принца точнѣе объяснить причины, побуждавшія его оставить отечество. Вильгельмъ исполнилъ желаніе герцогини. «Если я присягну, исполнять волю короля, какова бы она ни была», сказалъ онъ, «я принужденъ буду дѣйствовать противъ убѣжденія; меня могутъ заставить преслѣдовать протестантовъ, и я долженъ буду донести на своихъ родственниковъ, на жену, и предать ихъ въ руки

палачей. Наконецъ, король можетъ назначить правителемъ государства такого человѣка, которому я не могу подчиняться.» Имя Альбы какъ бы невольно сорвалось съ его устъ, и онъ замолчалъ. Берти попытался было успокоить Вильгельма; но онъ прервалъ его, сказавъ, что король не будетъ удовлетворенъ до тѣхъ поръ, пока въ Нидерландахъ останется хотя одинъ протестантъ; поэтому онъ намѣренъ уѣхать въ Германію. Этими словами принцъ окончилъ разговоръ съ секретаремъ регентши, который уже не могъ сомнѣваться въ неудачѣ своего посольства, и просилъ принца отъ имени Эгмонта назначить ему свиданіе предъ отъѣздомъ. Вильгельмъ охотно согласился, и въ деревнѣ Виллеброкѣ, между Антверпеномъ и Брюсселемъ, въ послѣдній разъ встрѣтились друзья-соперники. При этой встрѣчѣ присутствовали секретарь и Мансфельдъ.

Послѣ разговора, въ которомъ они старались объяснить другъ другу свой образъ мыслей, Вильгельмъ выразилъ надежду, что Эгмонтъ переживетъ кровавую грозу, которая въ скоромъ времени разразится надъ головами фламандскихъ аристократовъ. «Я вѣрю въ милосердіе короля», отвѣчалъ Эгмонтъ; «онъ не можетъ поступить жестоко съ людьми, которые возстановили спокойствіе въ государствѣ». «Это милосердіе будетъ вашей погибелью», сказалъ Вильгельмъ. «Я боюсь, что вы послужите мостомъ, черезъ который испанцы пройдутъ въ Нидерланды.» Сказавъ это, принцъ нѣжно обнялъ Эгмонта, и со слезами на глазахъ разстался съ нимъ.

Характеръ и обстоятельства опредѣлили этимъ людямъ разные пути, по которымъ они шли до послѣдней минуты жизни. Пылкій, довѣрчивый Эгмонтъ былъ всегда полонъ надежды, легко подчинялся призракамъ, созданнымъ его собственной фантазіей, и спокойно смотрѣлъ впередъ, какъ будто событія могли покориться его желаніямъ. Онъ лишенъ былъ той проницательности, которая открывала Вильгельму смыслъ событій и мельчайшія особенности характеровъ. Подобно Вильгельму, онъ былъ искренно привязанъ къ отечеству и ненавидѣлъ систему преслѣдованій, поддерживаемую правительствомъ. Но эти преслѣдованія были направлены противъ партіи, которой Эгмонтъ не могъ сочувствовать. Вильгельмъ, напротивъ, былъ членъ этой партіи. Ударъ, направленный противъ нея, поразилъ бы и его. Оба они находились въ совершенно различныхъ условіяхъ, и отсюда вытекало различіе ихъ стремленій. Эгмонтъ былъ фламандскій уроженецъ; во Фландріи были его имѣнія; здѣсь были его надежды и счастіе. Удаленіе изъ Нидерландовъ грозило Эгмонту нищетой. Между тѣмъ обширная, если только не бо́льшая часть владѣній Вильгельма лежала за предѣлами Нидерландовъ; Германія была его родина; тамъ были его родственники, съ

которыми онъ велъ постоянную переписку; тамъ ожидали его друзья. Въ Германіи Вильгельмъ былъ дома, а не въ ссылкѣ.

Вскорѣ послѣ этого свиданія, Вильгельмъ отправился въ свое имѣніе Бреда, и оттуда написалъ къ Эгмонту письмо, въ которомъ возлагалъ всѣ упованія на Верховный Промыслъ, и къ королю, извѣщая его о томъ, что оставляетъ Нидерланды, и объясняя причины, побудившія его къ этому; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ повторялъ обѣщаніе, что гдѣ бы онъ ни былъ, жизнь его принадлежитъ отечеству. Передъ отъѣздомъ изъ Бреда, Вильгельмъ получилъ письмо регентши, написанное въ дружескомъ тонѣ. Она выражала готовность сдѣлать для принца все, что было въ ея власти; говорила, что всегда была расположена къ нему какъ къ сыну, и обѣщала навсегда сохранить это расположеніе.

Въ концѣ апрѣля, Вильгельмъ уѣхалъ въ Германію, оставивъ въ Нидерландахъ старшаго сына, воспитывавшагося въ лейденскомъ университетѣ. Трудно рѣшить, какими соображеніями руководствовался Вильгельмъ; во всякомъ случаѣ онъ ошибся въ разсчетѣ, потому что вскорѣ сынъ его былъ перевезенъ въ Мадридъ, гдѣ его воспитывали въ духѣ католической религіи.

Всѣ, принимавшіе участіе въ послѣднихъ потрясеніяхъ, видѣли въ удаленіи принца Оранскаго вѣрный признакъ скораго наступленія грозы, и хотѣли, подобно ему, избѣгнуть приближающихся опасностей. Графы Колемборгъ, Бергъ, Гогстратенъ, Людовикъ Нассаускій, и еще нѣсколько лицъ, принадлежавшихъ къ высшей аристократіи, удалились въ Германію и, окруживъ принца Вильгельма, стали ожидать лучшаго времени. Другіе аристократы приняли сторону Маргареты и изъявили готовность исполнять ея распоряженія. «Графъ Горнъ,» писала она къ Филиппу, «предложилъ мнѣ свои услуги и принялъ присягу. Если иногда онъ говоритъ слишкомъ свободно, то я объясняю это минутнымъ увлеченіемъ, неудовольствіемъ, разстройствомъ; онъ совершенно преданъ вашимъ интересамъ. Я опять предложу ему мѣсто въ совѣтѣ, и надѣюсь—онъ не будетъ имѣть причинъ жаловаться.» Въ тоже время Эгмонтъ, чтобы выразить свою привязанность къ интересамъ правительства, рѣшился на такой необыкновенный поступокъ, который долженъ былъ уничтожить все прошлое. Собравъ сильный отрядъ войска, онъ прошелъ съ нимъ по всей странѣ, уничтожилъ протестантскія консисторіи, разогналъ остававшіяся общества иконоборцевъ и возстановилъ католицизмъ въ прежней силѣ. Онъ торжественно объявилъ, что тотъ, кто хочетъ остаться его другомъ, долженъ доказать на дѣлѣ свою преданность коронѣ и Католической церкви. Нѣкоторые изъ близкихъ друзей Эгмонта, быв-

шіе съ нимъ въ переписке, узнавъ объ его поведеніи, возвратили ему письма и потребовали свои. Возвратившись въ Брюссель, Эгмонтъ сталъ по прежнему вести веселую, разгульную жизнь, давать пиры, которые нерѣдко посѣщала герцогиня. Въ письмахъ къ Филиппу она ставила Эгмонта въ числѣ людей, наиболѣе преданныхъ правительству; «трудно быть недовольнымъ его поведеніемъ,» пишетъ она въ одномъ изъ своихъ длинныхъ посланій.

Теперь всѣ значительнѣйшіе города покорились волѣ регентши; но Антверпенъ еще продолжалъ упорствовать. Наконецъ и онъ уступилъ общему движенію, и послалъ въ Брюссель депутацію просить регентшу о прощеніи и объявить ей, что начальники послѣднихъ возмущеній будутъ высланы изъ города. Герцогиня холодно приняла депутацію и потребовала, чтобы въ Антверпенъ былъ введенъ гарнизонъ; антверпенцы повиновались. Вскорѣ послѣ того, какъ Мансфельдъ прибылъ туда съ шестнадцатью ротами пѣхоты, герцогиня сама посѣтила городъ, гдѣ казнила главныхъ виновниковъ возмущенія, приказала срыть протестантскія церкви, возобновила католическія, разоренныя иконоборцами, и утвердила католицизмъ. Такимъ образомъ королевская партія восторжествовала; но Маргарета не удовлетворилась этимъ торжествомъ. 24 мая 1567 года она издала эдиктъ, неуступавшій кровавымъ эдиктамъ Карла V и Филиппа. Она объявила подлежащими смертной казни всѣхъ, публично проповѣдующихъ въ духѣ новаго ученія, исполняющихъ религіозные обряды по правиламъ Протестантской церкви, всѣхъ, кто будетъ давать мѣста для сходбищъ, укрывать и помогать протестантскимъ проповѣдникамъ, всѣхъ печатающихъ еретическіе трактаты, живописцевъ, которые будутъ представлять въ карикатурномъ видѣ католическое духовенство и т. п. Филиппъ былъ крайне недоволенъ, узнавъ объ этомъ эдиктѣ; онъ нашелъ его «незаконнымъ, противнымъ духу христіанства.» Читатель не долженъ думать, что этотъ приговоръ внушенъ былъ Филиппу духомъ кротости и терпимости; напротивъ, — король былъ недоволенъ снисходительностью регентши. Въ эдиктѣ не было сказано о частныхъ богослуженіяхъ, и потому тотъ, кто не высказалъ публично своихъ религіозныхъ убѣжденій, былъ правъ предъ закономъ. Это было противно духу инквизиціи, которая обязана проникнуть не только въ домъ, но въ сердце человѣка, вывѣдать его тайныя помышленія, и казнить ихъ, какъ открытое преступленіе. Въ этомъ случаѣ Маргарета оказалась недостойной довѣрія Филиппа, страшнѣйшаго и искуснѣйшаго изъ инквизиторовъ. Филиппъ тотчасъ же послалъ приказаніе отмѣнить эдиктъ, и двадцать третьяго іюля онъ былъ уничтоженъ.

Во время пребыванія въ Антверпенѣ, Маргарета принимала посольство отъ курфирста Саксонскаго, ландграфа Гессенскаго и другихъ протестантскихъ государей Германіи, которые рѣшились ходатайствовать за нидерландскихъ лютеранъ. Она холодно отвѣчала, что, вѣроятно, поведеніе ихъ внушило германскимъ государямъ такую симпатію, совѣтовала имъ заботиться о своихъ подданныхъ и предоставить испанскому королю дѣйствовать, какъ ему угодно.

Въ Нидерландахъ оставалась еще одна провинція, непокорившаяся регентшѣ; то была — Голландія, гдѣ лежалъ городъ Віана, назначенный сборнымъ мѣстомъ конфедератовъ и укрѣпленный Бредероде. Но эта армія была оставлена своимъ начальникомъ, который отправился въ Амстердамъ съ намѣреніемъ организовать тамъ отрядъ, способный противиться распоряженіямъ правительства. Пока Бредероде былъ занятъ этимъ дѣломъ, партія его потерпѣла нѣсколько пораженій; каждый день приносилъ новыя извѣстія о торжествѣ регентши. Бредероде упалъ духомъ и рѣшился оставить предпріятіе до другаго, болѣе удобнаго случая. Уѣхавъ изъ Амстердама, онъ, съ помощью друзей, бѣжалъ въ Германію и тамъ хотѣлъ было собрать войско и вести его въ Нидерланды; но опасная болѣзнь разрушила всѣ его замыслы.

Покинутая своимъ начальникомъ, армія конфедератовъ разсѣялась. Небольшіе отряды бродили по государству, грабили монастыри и церкви и наконецъ погибали въ стычкахъ съ арміями Мегена и Аремберга; тѣ, которые успѣвали спастись отъ руки непріятеля, бѣжали въ Германію или уплывали за море. Одинъ корабль, на которомъ было значительное число эмигрантовъ, разбился у береговъ Голландіи, и всѣ пассажиры были заключены въ тюрьмы. Въ числѣ ихъ были два брата Баттенбергъ, члены лиги, дѣятельные участники послѣднихъ волненій; они первые испытали на себѣ жестокость Альбы. Такимъ образомъ Амстердамъ былъ лишенъ всякой возможности дальнѣйшаго сопротивленія, и, подобно Антверпену, открылъ ворота, принявъ всѣ условія, предложенныя регентшей. Примѣру Амстердама послѣдовали Гарлемъ, Роттердамъ, Лейденъ и другіе города Голландіи. Теперь торжество регентши было полное; ея враги и сомнительные друзья должны были покориться. Не смотря на то, герцогиня не могла забыть о прошломъ униженіи, и за торжествомъ послѣдовала месть. Во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ воздвигнуты были крѣпости на счетъ жителей, которые должны были также содержать и гарнизоны, поставленные въ этихъ крѣпостяхъ. По всему государству разъѣзжали отряды войскъ, нападали на протестантовъ, собиравшихся для богослуженій, однихъ убивали, другихъ брали въ плѣнъ и представляли

въ мѣстные суды. Имущество убитыхъ и заключенныхъ въ тюрьмы конфисковалось. По дорогамъ были разсѣяны мертвыя тѣла и толпы несчастныхъ, бѣгущихъ изъ отечества. Эмиграція была такъ велика, что регентша готова была объявить амнистію; но Филиппъ, давъ право казнить, не далъ ей права миловать.

Въ такомъ состояніи находились Нидерланды, когда прибылъ туда Альба.

XII.

ПРИБЫТІЕ АЛЬБЫ ВЪ НИДЕРЛАНДЫ И ЕГО ПОЛИТИКА.

Хотя Маргарета возстановила совершенное спокойствіе въ Нидерландахъ, однакожь Филиппъ не былъ тѣмъ удовлетворенъ; онъ помышлялъ о передачѣ управленія этой страной въ другія руки и о существенномъ измѣненіи политики.

Мы уже видѣли, какъ много было говорено о предполагаемомъ путешествіи короля; онъ самъ подтвердилъ общую молву письмами къ регентшѣ и къ своимъ посланникамъ, находившимся при европейскихъ Дворахъ. Мало того,—онъ испросилъ у французскаго правительства дозволеніе провести свою армію чрезъ французскія владѣнія, приказалъ обозрѣть ту часть Савойи, чрезъ которую пришлось бы проходить его войскамъ; составлены были карты и подробный маршрутъ, наемнымъ войскамъ отдано было приказаніе идти на встрѣчу испанской арміи къ Нидерландской границѣ; поговаривали даже, будто король намѣренъ учредить въ Испаніи временное правительство на время своего отсутствія. Эти хлопотливыя приготовленія не ослѣпляли однакожь Пія V, который никогда не вѣрилъ искренности Филиппа. Пій съ крайнимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на быстрое распространеніе ереси въ Нидерландахъ и, какъ вѣрный сынъ инквизиціи, негодовалъ на апатію Филиппа. Наконецъ, онъ рѣшился послать въ Испанію особое посольство принудить короля къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Епископъ Аскольскій, посолъ папы, такъ рѣзко высказалъ его неудовольствіе, что привелъ въ смущеніе Мадридскій кабинетъ. Въ письмѣ къ своему посланнику въ Римѣ, Филиппъ жаловался, что его святѣйшество думаетъ, будто онъ не довольно ревностно исполняетъ свои обязанности въ отношеніи къ Католической церкви; «его посолъ», прибавляетъ Филиппъ, «въ первой аудіенціи употребилъ такія странныя выраженія, что, еслибъ я менѣе любилъ и уважалъ его святѣйшество, они заставили бы меня отказаться отъ того, на что я уже рѣшился». Несмотря на то, король совершенно былъ расположенъ

послѣдовать своему правилу, неоднократно высказанному имъ при разныхъ случаяхъ, «*que lui et le temps en valaient deux autres*». Но возмущеніе иконоборцевъ привело его въ неописанное негодованіе; оно было слишкомъ тяжкимъ оскорбленіемъ и его величію и святости церкви. Противъ обыкновенія, король выразилъ свой гнѣвъ такъ рѣзко, что самые скептическіе люди стали вѣрить молвѣ о его путешествіи. Но какъ явиться въ Нидерланды—во главѣ арміи, или ограничиться свитой, приличной королевскому величеству?

Этотъ вопросъ возбудилъ въ совѣтѣ горячій споръ. Рюи Гомесъ, любимецъ Филиппа, выбралъ послѣднее. Междоусобіе, утверждалъ онъ, влечетъ разореніе; кротость лучшее украшеніе государей, а фламандцы — народъ благородный; ихъ легче побѣдить великодушіемъ, нежели силою. На сторонѣ принца Эболи былъ Антоніо Пересъ, герцогъ Феріа, бывшій нѣкогда министромъ при Лондонскомъ Дворѣ, соединявшій съ вкрадчивымъ обращеніемъ увлекательное краснорѣчіе.

Совсѣмъ другаго мнѣнія былъ герцогъ Альба. Эта система, говорилъ онъ, уже была употреблена герцогиней, и мы видѣли ея послѣдствія. Сѣмя ереси не можетъ быть вырвано кроткой рукою, и его величеству необходимо поступить съ этими бунтовщиками, какъ нѣкогда императоръ Карлъ поступилъ съ ихъ предками. Мнѣніе Альбы нашло сильныхъ защитниковъ въ лицѣ Кардинала Эспинозы и верховнаго инквизитора.

И Рюи Гомесъ и герцогъ Альба были убѣждены, что тому изъ нихъ, чье мнѣніе будетъ одобрено, Филиппъ поручитъ и привести его въ исполненіе. Если бы миролюбивое предложеніе Рюи Гомеса взяло верхъ, король не замедлилъ бы послать его въ Нидерланды; Бергенъ и Монтиньи, находившіеся въ Мадридѣ, часто указывали ему на принца Эболи, какъ на человѣка благоразумнаго и осторожнаго, и слѣдовательно, способнаго примирять враждебныя партіи, потрясающія государство. Съ другой стороны, еслибъ восторжествовало мнѣніе Альбы, то на кого было Филиппу возложить исполненіе его, какъ не на самого герцога, опытнѣйшаго и славнѣйшаго полководца своей эпохи?

Король, какъ говорятъ современники, противъ обыкновенія, присутствовалъ въ совѣтѣ, внимательно слушалъ горячій споръ своихъ министровъ, и ни однимъ намекомъ не обнаружилъ своего мнѣнія. Но кто понималъ характеръ Филиппа, тотъ легко могъ рѣшить, чью сторону онъ готовъ былъ принять. Черезъ нѣсколько дней онъ призвалъ Альбу и объявилъ, что намѣренъ отправить его съ войскомъ въ Нидерланды. На это распоряженіе Филиппъ смотрѣлъ, какъ на предварительную мѣру, и поручалъ Альбѣ приготовить провинціи къ его пріѣзду.

Лишь только воля Филиппа стала извѣстна, какъ начались самыя дѣятельныя приготовленія къ походу. Испанцы въ этомъ случаѣ выразили необыкновенное сочувствіе къ предполагаемой экспедиціи; инквизиторы, монахи, приходскія церкви жертвовали значительныя суммы денегъ на покрытіе расходовъ. Походъ Альбы, какъ и всѣ войны испанцевъ, уже съ самого начала принялъ характеръ крестоваго похода. Между тѣмъ король отдалъ приказаніе, чтобы по всему пути, по которому должно было пройти испанское войско, были учреждены провіантскіе магазины. Ломбардскимъ, Сицилійскимъ и Сардинскимъ гарнизонамъ приказано было собраться въ Піемонтѣ и ожидать главнокомандующаго, который долженъ былъ прибыть туда со свѣжими, только что набранными войсками.

Филиппъ между тѣмъ постоянно повторялъ, что герцогъ Альба будетъ его герольдомъ. Онъ писалъ къ Маргаретѣ, чтобъ приготовлено было восемь кораблей, которые должны будутъ провожать его въ Зеландію, гдѣ онъ намѣревался высадиться. Корабли были готовы; въ монастыряхъ и церквахъ читались молитвы о благополучномъ плаваніи его величества. Были однакожь въ Нидерландахъ люди, которые замѣтили, что едва ли молитвы объ отвращеніи морскихъ опасностей нужны королю, сидящему въ своемъ мадридскомъ дворцѣ. Проходили недѣли, мѣсяцы, а къ королевскому путешествію не было сдѣлано никакихъ приготовленій. Ходили объ этомъ предметѣ самые разнообразные толки, такъ что папскій нунцій въ одномъ письмѣ замѣтилъ, что «рѣшительно нѣтъ возможности узнать истинныя намѣренія короля. Опредѣлить его политику вообще — легко; но проникнуть частные планы невозможно». Дѣйствительно, трудно рѣшить, имѣлъ ли когда нибудь Филиппъ положительное намѣреніе посѣтить Нидерланды; если это намѣреніе и было, то ни какъ не послѣ отправленія Альбы. Филиппъ рѣзко отличался отъ своего отца неподвижностью, отталкивавшею его отъ всякаго предпріятія, требующаго физическихъ усилій. Онъ готовъ былъ, подобно скромнѣйшему изъ своихъ секретарей, просидѣть за работой отъ ранняго утра до поздней ночи; но путешествіе было для него слишкомъ большимъ предпріятіемъ. Посѣтивъ еще при жизни Карла V Англію и Нидерланды, Филиппъ только и ѣздилъ изъ Мадрида въ Аранхуесъ или въ Эскурьялъ, какъ замѣтилъ его непочтительный сынъ. Путешествіе въ Нидерланды, переѣздъ черезъ враждебную страну, плаваніе по морю, еще быть можетъ, въ бурное время, — объ этомъ королю никогда и не снилось. Сверхъ того, настоящее положеніе дѣлъ не представляло ничего заманчиваго для государя съ характеромъ Филиппа. Едва ли въ исторіи найдемъ еще одного государя, такъ страстно привязан-

наро къ своей власти, какъ Филиппъ; оскорбленія ему саму, которыхъ онъ справедливо могъ ожидать, при тегдашнемъ состояніи Нидерландовъ, и природная апатія достаточно объясняютъ его поведеніе. Если же онъ и старался убѣдить окружающихъ, что непремѣнно поѣдетъ въ Нидерланды, то это можетъ быть объяснено желаніемъ поддерживать довѣріе къ себѣ въ тѣхъ, кто находилъ его присутствіе въ непокорной странѣ необходимымъ, и заставить народъ думать, что самъ король явится карать виновныхъ. Всѣ эти обстоятельства открываютъ въ характерѣ Филиппа черты, напоминающія Тиверія.

Пятнадцатаго апрѣля 1567 года Альбѣ была назначена послѣдняя аудіенція, а восьмаго августа испанская армія перешла границы Нидерландовъ. Дисциплина, господствовавшая въ войскахъ, достойна замѣчанія. Во время всего похода не была разорена ни одна крестьянская изба, не опустошено ни одно засѣянное поле; — это фактъ необыкновенный въ то время, когда понятіе о солдатѣ соединялось съ понятіемъ о грабежѣ и разбояхъ. Иначе, конечно, и быть не могло въ арміи, въ которой ничтожное нарушеніе дисциплины наказывалось смертію.

Въ Тіонвиллѣ Альба былъ встрѣченъ Барлеймонтомъ и Нуаркармомъ, которые отъ имени герцогини поздравили его съ прибытіемъ. На пути въ Брюссель онъ принималъ подобныя же поздравленія отъ фламандскихъ дворянъ. Современники разсказываютъ о весьма оригинальной встрѣчѣ герцога съ Эгмонтомъ. Когда Эгмонтъ вошелъ въ комнату, Альба обратился къ одному изъ своихъ офицеровъ и сказалъ, такъ, что Эгмонтъ могъ слышать: «Вотъ найзлѣйшій еретикъ». Эта фраза смутила Эгмонта; но Альба вдругъ перемѣнилъ тонъ и принялъ его такъ ласково, что уничтожилъ непріятное впечатлѣніе.

Вступивъ въ Нидерланды, Альба раздѣлилъ свои войска и, усиливъ ими гарнизоны важнѣйшихъ городовъ, съ одной бригадой отправился въ Брюссель. Въ столицѣ царствовала необыкновенная тишина, когда входили туда испанскія войска; никто не выходилъ на улицу, никто не привѣтствовалъ полководца, какъ будто онъ вступалъ въ городъ, опустошенный заразой. Герцогъ поѣхалъ прямо во дворецъ регентши, которая приняла его, по обыкновенію, въ своей спальнѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ членовъ государственнаго совѣта. Пріемъ былъ самый холодный; во время аудіенціи, длившейся около получаса, Маргарета стояла и не пригласила Альбу сѣсть. Послѣ аудіенціи Альба отправился въ домъ графа Колемборга, гдѣ за годъ передъ тѣмъ впервые раздался кличъ—«*Vivent les Gueux.*»

На другой день Альба представилъ въ совѣтъ копію королев-

скаго приказа, которымъ ему, какъ главнокомандующему, поручалось управленіе военными дѣлами. Другой приказъ, полученный изъ Мадрида спустя два мѣсяца, значительно расширилъ предѣлы его власти. Въ этомъ приказѣ король объявлялъ, что нидерландцы — мятежники, и такъ какъ кроткими мѣрами нельзя было привести ихъ въ повиновеніе, то онъ вынужденъ взяться за оружіе. По этому онъ предписывалъ Альбѣ собрать войско и усмирить мятежъ. Сверхъ того, поручалъ герцогу изслѣдовать причины возмущенія, подвергнуть суду людей, на которыхъ падетъ подозрѣніе, казнить или помиловать виновныхъ, словомъ, поступить съ ними, какъ онъ найдетъ полезнѣе для общаго блага. Наконецъ, спустя еще три мѣсяца, Альба получилъ третій приказъ. До сихъ поръ онъ обязанъ былъ дѣйствовать, подчиняясь волѣ регентши, власть которой оставалась въ прежней силѣ. Третьимъ приказомъ Филиппъ вручилъ Альбѣ верховный контроль и въ дѣлахъ гражданскихъ и повелѣвалъ всѣмъ, не исключая регентши, повиноваться его волѣ, какъ волѣ самого короля. Такимъ образомъ управленіе Нидерландами передано было въ руки герцога Альбы и Маргарета устранена. Былъ ли извѣстенъ совѣту третій приказъ Филиппа, рѣшить трудно. Но уже и первыхъ двухъ было достаточно, чтобы оскорбить Маргарету, которая открыто выражала неудовольствіе на прибытіе Альбы и хотѣла сложить съ себя правленіе. Она мало занималась дѣлами, по нѣсколько дней проводила на охотѣ, и какъ Филиппъ не увольнялъ ея отъ должности, то она объявила рѣшительное намѣреніе ѣздить изъ города въ городъ, потому что ей болѣе нечего дѣлать въ Нидерландахъ. Секретарь ея Арментеросъ, видимо начинавшій клониться въ ту сторону, куда повѣялъ вѣтеръ, старался умѣрить вспышки ея гнѣва. Были впрочемъ люди, которые иначе смотрѣли на вещи. Многіе изъ приближенныхъ Маргареты съ негодованіемъ говорили о прибытіи испанцевъ, которые ничего, кромѣ бѣдствій, не могутъ предвѣщать государству; духовникъ ея въ придворной церкви произнесъ рѣчь, въ которой называлъ испанцевъ «негодяями, грабителями, измѣнниками». Альба, какъ можно себѣ представить, мало заботился объ общественномъ мнѣніи, и самъ Филиппъ, которому эти факты, безъ сомнѣнія, были извѣстны, не могъ ожидать ничего иного. Еще въ декабрѣ 1566 г., рѣшившись послать Альбу въ Нидерланды, въ качествѣ главнокомандующаго, король извѣстилъ о томъ Маргарету. Онъ писалъ, что выбралъ полководца, которому поручаетъ смирить провинціи и водворить порядокъ. Онъ умолчалъ о правахъ этого полководца и такимъ образомъ далъ понять Маргаретѣ, что онъ будетъ въ зависимости отъ нея. Но Маргарета знала, что Альба не принадлежитъ къ числу людей, спо-

собныхъ повиноваться, и отвѣчала королю, что «не можетъ себѣ представить, чтобы его величество сдѣлалъ такую несправедливость, ибо перемѣна правленія грозитъ бѣдами государству». «При томъ», писала она въ другомъ письмѣ, «имя Альбы съ давнихъ поръ ненавистно нидерландцамъ. Я никакъ не думала, что вы сдѣлаете этотъ выборъ безъ моего совѣта». Читатель уже знаетъ, чѣмъ Филиппъ руководился при этомъ выборѣ и почему протестъ Маргареты оставленъ былъ безъ вниманія.

Прибытіе Альбы навело на фламандцевъ паническій страхъ. Тысячами и десятками тысячъ эмигрировали они, унося съ собою капиталы и искусство въ промыслахъ, главный источникъ благосостоянія Нидерландовъ. Тѣ, которые остались, упали духомъ, предчувствуя грозную бурю. Въ Брюсселѣ, гдѣ поселился Альба, господствовало глубокое уныніе. Всѣ дѣла были оставлены; улицы опустѣли. Дворяне и богатые граждане переѣхали въ свои имѣнія. Не многіе изъ придворныхъ, оставшіеся въ Брюсселѣ, подобно насѣкомымъ, летающимъ только въ лучахъ солнца, пошли на поклонъ въ домъ Колемборга, гдѣ Альба давалъ веселые пиры, чтобы разсѣять уныніе столицы. Онъ дѣлалъ это по приказанію Филиппа, который надѣялся такимъ образомъ привлечь аристократовъ, участвовавшихъ въ послѣднихъ возмущеніяхъ. Изъ нихъ только Эгмонтъ оставался въ Брюсселѣ; Горнъ жилъ въ своемъ имѣніи; Гогстратенъ уѣхалъ въ Германію вскорѣ послѣ принца Оранскаго. Что касается до послѣдняго, то Альба писалъ къ королю, что едва ли онъ возвратится.

Герцогъ и его сынъ Фердинандъ самыми дружескими письмами приглашали Горна въ столицу; но недовѣрчивый графъ не являлся. Встрѣтившись однажды съ его секретаремъ, Альба выразилъ самое искреннее участіе къ нему. Онъ увѣрялъ, что былъ всегда другомъ графа, что ему было крайне непріятно видѣть, что не умѣютъ цѣнить его службы; но Филиппъ вознаградитъ его, въ этомъ нельзя сомнѣваться, потому что король всегда былъ къ нему расположенъ; въ заключеніе Альба сказалъ: «при личномъ свиданіи я докажу графу, что друзья его не забыли.» Это было страшное предвѣщаніе. Льстивыя фразы Альбы были вѣрно разсчитаны — Горнъ пріѣхалъ въ Брюссель. Но судьба, или вѣрнѣе, совѣты принца Оранскаго спасли Гогстратена отъ коварства Альбы.

9 сентября Альба назначилъ засѣданіе совѣта въ домѣ Колемборга. Эгмонтъ, Горнъ и два-три инженера были приглашены въ совѣтъ для разсмотрѣнія плановъ укрѣпленій, которыя Альба намѣревался воздвигнуть въ главнѣйшихъ городахъ. У входовъ въ домъ были разставлены караулы, и отряды кавалеріи, остававшіеся

въ окрестностяхъ Брюсселя, стали появляться въ его предмѣстьяхъ. Засѣданіе совѣта продолжалось до тѣхъ поръ, пока Альба не получилъ извѣстія объ арестѣ Бакерзеле, секретаря Эгмонта, и Ванъ-Стралена, антверпенскаго бургомистра. Первый былъ человѣкъ замѣчательнаго ума и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Эгмонта; второй былъ другомъ Вильгельма и велъ съ нимъ постоянную переписку. Бакерзеле жилъ въ Брюсселѣ, потому арестовать его и овладѣть находившимися у него бумагами, было нетрудно. Ванъ-Стралена, который былъ схваченъ въ Антверпенѣ, конвоировалъ значительный отрядъ кавалеріи. Оба они были заключены въ домѣ Колемборга. Окончивъ засѣданіе совѣта, Альба обратился къ Эгмонту съ какимъ-то вопросомъ и, начавъ такимъ образомъ разговоръ, вошелъ съ нимъ въ смежную комнату, гдѣ находились десятка два солдатъ. Лишь только Эгмонтъ вошелъ, капитанъ герцогской гвардіи, Санчо Давила, именемъ короля, потребовалъ у него шпагу. Графъ былъ удивленъ и, увидѣвъ вокругъ себя солдатъ, спокойно отдалъ шпагу, сказавъ, что «дѣлаетъ это, повинуясь его величеству.» Въ то же самое время въ другой части дворца такую же сцену разыгралъ сынъ Альбы съ графомъ Горномъ, который, подобно Эгмонту, не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія.

Альба видѣлъ, что въ домѣ Колемборга не удобно было содержать арестованныхъ, а потому приказалъ осмотрѣть всѣ замки въ окрестностяхъ Брюсселя, но ни одинъ изъ нихъ не удовлетворялъ его требованіямъ. Онъ рѣшился отослать ихъ въ Гентъ, гдѣ начальникомъ гарнизона былъ одинъ изъ приверженцевъ Эгмонта; но Альба приказалъ передать ключи Уллоа, который отправился въ Гентъ съ отрядомъ лучшаго испанскаго войска. Когда всѣ эти распоряженія кончились, Эгмонтъ и Горнъ были перевезены въ Гентъ, подъ конвоемъ, состоявшимъ изъ отряда пѣхоты и кавалеріи.

Въ нѣсколько часовъ извѣстіе объ арестѣ Эгмонта и Горна разнеслось по всей столицѣ. «Заключеніе ихъ,» писалъ Альба къ королю, «не произвело никакого дѣйствія на жителей. Эта тишина такого рода, что ваше величество можете на нее полагаться.» Дѣйствительно, въ Нидерландахъ никто не думалъ объ освобожденіи заключенныхъ; но это событіе показало фламандцамъ, какъ ненадежно ихъ положеніе, и усилило эмиграцію до того, что втеченіе трехъ или четырехъ недѣль двадцать тысячъ человѣкъ бѣжали изъ отечества. Арестовавъ двухъ высшихъ сановниковъ государства, членовъ государственнаго совѣта, безъ вѣдома регентши, Альба нанесъ тяжелый ударъ ея самолюбію. Напрасно онъ увѣрялъ ее, что сдѣлалъ это по приказанію короля, который не хотѣлъ ли-

шить свою сестру популярности, возлагая на нее эту обязанность,— Маргарета ничего не отвѣчала герцогу и написала брату письмо, въ которомъ спрашивала «съ какою цѣлью онъ оставляетъ ее — свою сестру — тамъ, гдѣ власть ея ничего не значитъ?» Это письмо она отправила съ своимъ секретаремъ, Макіавелли, поручивъ ему ожидать отвѣта и объявить Филиппу, что если онъ будетъ медлить, то она оставитъ Нидерланды безъ его разрѣшенія.

Альба нисколько не стѣснялся ея присутствіемъ. Арестовавъ Эгмонта и Горна, онъ немедленно приступилъ къ дальнѣйшимъ распоряженіямъ, и учредилъ достопамятный трибуналъ, обязанностью котораго было изслѣдовать причины возстанія.

Мадридскій Дворъ смотрѣлъ съ удовольствіемъ на дѣйствія Альбы, а при римскомъ Дворѣ всѣ были убѣждены, что скоро Нидерланды будутъ возвращены на лоно Католической церкви. Былъ, однакожь, здѣсь одинъ человѣкъ, нераздѣлявшій общаго мнѣнія,— это Гранвелла. Узнавъ о судьбѣ, постигшей Эгмонта и Горна, онъ спросилъ: «а *молчаливый* съ ними?» — и когда ему отвѣчали отрицательно, замѣтилъ: «такъ герцогъ еще ничего не сдѣлалъ.»

Но герцогъ Альба иначе смотрѣлъ на вещи. Въ октябрѣ 1567 года, онъ извѣщалъ Филиппа, что «въ Нидерландахъ, благодаря Бога, все спокойно.» Дѣйствительно, въ Нидерландахъ царствовала глубокая тишина; но эта тишина была многозначительнѣе, чѣмъ ропотъ неудовольствія и шумъ возмущеній. «Говорятъ», писалъ онъ въ другомъ письмѣ, «многіе уѣзжаютъ изъ Нидерландовъ; едва ли стоитъ ихъ останавливать. Спокойствіе государства не будетъ возстановлено казнями тѣхъ, кто былъ введенъ въ заблужденіе другими.» На это замѣчаніе Филиппъ черезъ недѣлю отвѣчалъ приказаніемъ, которое въ обнародованномъ переводѣ Альбы получило слѣдующій смыслъ: «такъ какъ его величество намѣренъ поступить кротко и милостиво со всѣми участниками въ послѣднихъ возмущеніяхъ, то воспрещается уѣзжать изъ Нидерландовъ или высылать имущество безъ разрѣшенія правительства; кто нарушитъ этотъ приказъ, съ тѣмъ будетъ поступлено, какъ съ возмутителемъ. Люди, укрывающіе бѣглецовъ, или помогающіе имъ, будутъ подвергнуты такому же наказанію.» Наказаніе, опредѣленное, разумѣется, въ духѣ «кротости и милосердія» — была смертная казнь и конфискованіе имущества. Нечего и говорить, что этотъ законъ со дня обнародованія соблюдался съ такой строгостью, къ какой только былъ способенъ «железный» герцогъ Альба. Все это Альба дѣлалъ, какъ онъ самъ выражается въ своихъ письмахъ, единственно изъ человѣколюбивыхъ побужденій. Но теперь, когда высшіе сановники, которые могли быть опасны, были лишены

свободы, Альба снялъ маску кротости и взялъ въ руки орудія справедливости, или, вѣрнѣе, мести. Онъ приступилъ къ изслѣдованію причинъ послѣдняго возстанія, къ суду и казнямъ виновныхъ. Существовавшія судилища оказались неудобными для этой цѣли; обыкновенный порядокъ дѣлопроизводства ему казался слишкомъ медленнымъ, судьи недостаточно надежными, да и едва ли они были бы готовы исполнять его приказанія. Поэтому онъ учредилъ новое судилище, которое съ властью опредѣлять наказаніе соединяло власть и исполненія. Первоначальное его названіе. — «Совѣтъ герцога»—замѣнилось названіемъ — «Совѣтъ мятежей», а народъ называлъ его «Кровавымъ Совѣтомъ» и подъ этимъ именемъ онъ извѣстенъ въ исторіи. Онъ состоялъ изъ двѣнадцати судей, «ученѣйшихъ и честнѣйшихъ людей въ государствѣ», по выраженію Альбы. Между ними были Нуаркормъ и Барлеймонтъ, члены государственнаго совѣта и нѣсколько юристовъ, пользовавшихся извѣстностью. Наиболѣе достойны замѣчанія два члена, прибывшіе изъ Испаніи вмѣстѣ съ герцогомъ: докторъ Дель-Ріо, уроженецъ города Брюге, жившій всегда въ Испаніи, безгранично преданный Альбѣ, и Хуанъ де-Варгасъ, игравшій самую страшную роль во всей слѣдующей драмѣ. Современники говорятъ о немъ, какъ о человѣкѣ безнравственномъ и жестокомъ; онъ ограбилъ сироту, отданную подъ его опеку; преслѣдуемый закономъ, бѣжалъ изъ Испаніи, и только покровительство Альбы спасло его отъ висѣлицы. Онъ былъ необыкновенно энергическаго характера, неутомимъ въ исполненіи обязанностей, безсовѣстно точенъ въ исполненіи приказаній своего начальника; онъ готовъ былъ пожертвовать своимъ интересамъ всякимъ, не только добрымъ побужденіемъ, но даже обыкновеннымъ человѣческимъ чувствомъ. Такимъ, по крайней мѣрѣ, представляютъ его современные писатели. Однакожь, пороки Варгаса не отталкивали отъ него герцога Альбы; напротивъ, Альба довѣрялъ ему болѣе, чѣмъ кому либо изъ его товарищей, и въ письмахъ къ Филиппу часто упоминалъ о немъ, противопоставляя его «совершенно юношескую дѣятельность» апатіи другихъ членовъ совѣта.

Такъ какъ этому Совѣту подчинены были всѣ дѣла, относившіяся до послѣднихъ возмущеній, то Альба увидѣлъ необходимость раздѣлить ихъ между членами, для того, чтобъ ускорить производство. Два члена были назначены для разсмотрѣнія дѣлъ о принцѣ Оранскомъ, Людовикѣ Нассаускомъ, Гогстратенѣ, Колембергѣ и другихъ товарищахъ Вильгельма; Варгасу и Дель-Ріо порученъ былъ судъ надъ Эгмонтомъ и Горномъ; другимъ двумъ сложное дѣло о мятежахъ, происшедшихъ въ провинціяхъ. Учредивъ Совѣтъ мятежей, Альба разослалъ въ провинціи ком-

миссаровъ отыскивать людей, заподозрѣнныхъ въ участіи въ возмущеніяхъ. Всѣ проповѣдывавшіе реформатское ученіе, засѣдавшіе въ консисторіяхъ, разрушавшіе католическія церкви и строившія церкви протестантскія, подписавшіе Актъ Соглашенія, короче, всѣ, принимавшіе участіе въ послѣднихъ возмущеніяхъ, прямо или посредственно были арестованы и объявлены измѣнниками. Для открытія такого рода преступниковъ пользовались всѣми возможными средствами. Нерѣдко обольстительными обѣщаніями или угрозами принуждали женъ доносить на своихъ мужей, дѣтей — на родителей. Черезъ нѣсколько дней всѣ тюрьмы наполнились преступниками. Городскіе сановники обязаны были продолжать слѣдствія и о важныхъ открытіяхъ немедленно доносить въ Брюссель, откуда посылалась коммиссія для дальнѣйшаго изслѣдованія и суда; приговоры коммиссій представлялись на разсмотрѣніе Альбы. Пересмотръ донесеній частныхъ коммиссій порученъ былъ Варгасу и Дель-Ріо: эти опытные юристы, какъ называлъ ихъ Альба, говорили обыкновенно, если коммиссія присудила подсудимому смертную казнь, что «все совершенно справедливо и вовсе нѣтъ надобности пересматривать дѣло;» въ противныхъ же случаяхъ дѣло останавливалось и давалось приказаніе «пересмотрѣть его возможно внимательнѣе.»

Чтобы удобнѣе слѣдить за дѣйствіями Совѣта, Альба помѣстилъ его въ своемъ дворцѣ и первое время проводилъ тамъ по шести или семи часовъ въ день; но впослѣдствіи назначилъ на свое мѣсто Варгаса. Барлеймонтъ и Нуаркармъ, какъ ни велика была ихъ преданность интересамъ Филиппа, не въ состояніи были видѣть постоянныя несправедливости и безчеловѣчность судей; они оставили совѣтъ; другія послѣдовали ихъ примѣру, такъ что наконецъ въ Совѣтѣ осталось только три члена — Варгасъ, Дель-Ріо и Гессель; по крайней мѣрѣ, большинство дѣлъ было ими подписано.

Вскорѣ стало замѣтно, что богатство составляетъ одну изъ цѣлей, противъ которыхъ направлялись жестокія гоненія. Если оно не было достаточнымъ основаніемъ къ обвиненію, то значительно измѣняло приговоръ. Коммиссары, посылаемые въ провинціи, получали писанныя инструкціи, въ которыхъ важнѣйшимъ пунктомъ было доставленіе самого точнаго описанія имуществъ, принадлежавшихъ лицамъ, возбудившимъ подозрѣніе. Расходы, необходимые для содержанія множества чиновниковъ и огромной арміи, тяготили правительство, и Альба вскорѣ принужденъ былъ просить Мадридскій кабинетъ о денежномъ пособіи; онъ пытался даже сдѣлать внутренній заемъ; но «ни одинъ купецъ не далъ ему ни реала подъ залогъ конфискованныхъ имуществъ.» Такъ допо-

силъ Альба Филиппу 24 апрѣля, выражая при томъ сожалѣніе, что принужденъ просить денегъ. Герцогиня Пармская и Финансовый Совѣтъ нерѣдко протестовали противъ обыкновенія Альбы пользоваться кофискованнымъ имуществомъ. Но король вполнѣ одобрилъ распоряженія Альбы, предложилъ ему еще новыя средства для увеличенія дохода, такъ что Альба обѣщалъ испанскому правительству пятьсотъ тысячъ дукатовъ годоваго дохода съ конфискованныхъ имѣній. Маргарета была возмущена извѣстіемъ, что Альба такъ беззаконно пользуется даннымъ ему полномочіемъ, и старалась брата склонить къ дарованію амнистіи. Но герцогъ противился тому. «Пусть каждый изъ нихъ чувствуетъ», писалъ онъ къ Филиппу, «что домы ихъ могутъ обрушиться на ихъ головы; тогда они будутъ платить еще больше.»

Между герцогомъ и Филиппомъ господствовало примѣрное согласіе. Онъ доносилъ королю съ необыкновенными подробностями обо всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, и тотъ одобрялъ ихъ такъ, какъ будто Альба предугадывалъ его мысли; иногда онъ улучшалъ планы, предлагаемые Альбой, но никогда ихъ не отвергалъ; съ другой стороны, Альба ничего не предпринималъ безъ согласія короля, такъ что, если исторія должна обвинить кого нибудь за раззореніе нидерландскихъ провинцій, то, конечно, это обвиненіе падетъ на голову Филиппа.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ Кроваваго Совѣта было потребовать къ суду принца Оранскаго и всѣхъ аристократовъ, вмѣстѣ съ нимъ эмигрировавшихъ въ Германію; каждому изъ нихъ былъ посланъ особый вызовъ. Въ письмѣ, адресованномъ на имя Вильгельма, его обвиняли въ томъ, что онъ поддерживалъ въ народѣ духъ противорѣчія правительству, содѣйствовалъ къ обезсиленію инквизиціи, покровительствовалъ конфедератамъ, которые собирались для совѣщаній въ его домѣ въ Бредѣ, дозволилъ антверпенскимъ протестантамъ отправлять богослуженіе, наконецъ въ томъ, что въ душѣ онъ протестантъ и мятежникъ. Въ заключеніе было объявлено, что если втеченіе шести недѣль онъ не явится въ Брюссель, то имущество его будетъ конфисковано, и самъ онъ будетъ приговоренъ къ вѣчной ссылкѣ. Содержаніе этого письма было объявлено на улицахъ Брюсселя, и извлеченіе изъ него было прибито къ церковнымъ дверямъ. Вслѣдъ за тѣмъ Альба отдалъ приказаніе отослать въ Испанію старшаго сына принца Оранскаго, учившагося въ Лейденскомъ университетѣ. Наставникъ несчастнаго юноши и нѣсколько слугъ отправились съ нимъ въ Мадридъ; но Альба совѣтовалъ королю возможно скорѣе замѣнить ихъ испанцами. Все это было сдѣлано по совѣту Гранвеллы, который,

находясь въ Римѣ, не переставалъ слѣдить за ходомъ событій въ Нидерландахъ. Планъ, предложенный хитрымъ кардиналомъ, имѣлъ результаты, самые выгодные для испанскаго правительства. Воспитанный въ духѣ католицизма и монархіи, сынъ отказался отъ участія въ дѣлѣ, для котораго отецъ жертвовалъ жизнью и имуществомъ. Принцъ Оранскій протестовалъ противъ распоряженій Альбы, а лейденскій университетъ прислалъ въ Брюссель депутацію, которая требовала не нарушать привилегій университета. Варгасъ слушалъ депутатовъ съ презрительной улыбкой, и наконецъ воскликнулъ на своемъ ломанномъ латинскомъ языкѣ: «*Non curamus vestros privilegios*»; это восклицаніе долго было памятно фламандцамъ, какъ ошибками противъ грамматики, такъ и наглостью.

Само собою разумѣется, что ни Вильгельмъ, ни его друзья, не явились на зовъ Кроваваго Совѣта. Принцъ, въ отвѣтъ на требованіе, напечаталъ циркуляръ, въ которомъ объявлялъ, что Альба не имѣетъ права судить его: какъ кавалеръ ордена Золотаго Руна, онъ можетъ быть судимъ только собраніемъ кавалеровъ этого ордена, а какъ гражданинъ Брабанта — своими согражданами. На этомъ основаніи Вильгельмъ считалъ себя въ правѣ не являться къ суду, тѣмъ болѣе, что главою этого суда былъ его личный врагъ.

Во время пребыванія въ Германіи, Вильгельмъ не переставалъ слѣдить за всѣмъ, что происходило въ Нидерландахъ, и скоро успѣлъ возбудить участіе къ угнетенному народу въ двухъ сильныхъ германскихъ государяхъ — Вильгельмѣ Мудромъ, наслѣдникѣ славнаго ландграфа Гессенскаго, защищавшаго германскихъ протестантовъ отъ оружія Карла V, и курфирстѣ Саксонскомъ. Между тѣмъ бѣглецы, преслѣдуемые правительствомъ, постоянно приносили Вильгельму новыя извѣстія о дѣйствіяхъ Альбы, и призывали его къ спасенію отечества. Но Вильгельмъ видѣлъ, что еще не наступило время дѣйствовать рѣшительно и, выжидая удобнаго случая, въ тишинѣ собиралъ средства, и готовился къ великой борьбѣ за свободу отчизны.

Во время разсказанныхъ событій, во Франціи гугеноты усилились до такой степени, что объявили католической партіи открытую войну, осадили столицу, гдѣ король и его мать, Катерина Медичи, содержались какъ плѣнные. Въ такой крайности Катерина обратилась къ регентшѣ Нидерландской съ просьбой о помощи. Маргарета долго колебалась, и предложила дѣло на рѣшеніе Альбы. Альбѣ, которому было извѣстно, какой политики Филиппъ намѣренъ былъ держаться въ отношеніи къ Франціи, нечего было колебаться. Онъ тотчасъ же отправилъ во Францію три тысячи кавалеріи, и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ къ Катеринѣ, что самъ явится во Фран-

цію съ лучшимъ своимъ войскомъ, и однимъ ударомъ окончить дѣло съ врагами Бога и короля. Герцогъ понималъ, какъ важно было бы для нидерландскаго правительства пораженіе французскихъ гугенотовъ. Онъ умолялъ Катерину не входить ни въ какіе переговоры съ мятежниками, не дѣлать никакихъ уступокъ. «Каковы бы ни были ваши уступки, онѣ будутъ или духовныя или гражданскія; духовныя — противны Богу, гражданскія — противны правамъ короля. Лучше царствовать въ странѣ раззоренной, но вѣрной Богу и королю, нежели въ цвѣтущей странѣ, населенной слугами дьявола— еретиками.» Въ этихъ словахъ заключается объясненіе политики Альбы и его повелителя.

Филиппъ съ радостью согласился на предложеніе своего полководца. Онъ внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями партіи гугенотовъ, успѣхи которой могли бы имѣть весьма невыгодное для него вліяніе на протестантскую партію въ Нидерландахъ. Онъ убѣждалъ Катерину не вступать въ переговоры съ еретиками, и обѣщалъ ей «принести все въ жертву французской коронѣ». Участіе Филиппа въ судьбѣ Франціи было радостно принято католиками, такъ что многіе изъ нихъ стали называть его своимъ главою.

Въ то время, какъ Арембергъ велъ испанскія войска къ Парижу, гугеноты проиграли сраженіе при Сенъ-Дени; Катерина заключила миръ съ гугенотами на выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Альба, недовольный исходомъ этого дѣла, тотчасъ послалъ Арембергу приказаніе возвратиться возможно скорѣе. Его присутствіе было необходимо на другомъ театрѣ войны, гдѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ, болѣе важный для Испаніи, чѣмъ преобладаніе гугенотовъ во Франціи.

Со времени прибытія Альбы, Маргарета утратила всякое значеніе въ Нидерландахъ, и лишилась даже права протестовать. Не въ состояніи будучи сносить этого униженія, герцогиня отправила своего секретаря съ письмомъ, въ которомъ просила освободить ее отъ обязанности регентши. Макіавелли возвратился съ письмомъ отъ Рюи-Гомеса, который извѣщалъ герцогиню, что король, хотя неохотно, однакожъ согласился уволить ее отъ управленія провинціями. Въ вознагражденіе за восьмилѣтніе труды, его величество жаловалъ Маргаретѣ вмѣсто восьми — четырнадцать тысячъ флориновъ пожизненнаго пенсіона. Спустя нѣсколько дней, герцогиня получила письмо отъ самого короля, написанное въ томъ же духѣ. Филиппъ сожалѣлъ, что долженъ согласиться на ея просьбу, и увѣрялъ, что былъ всегда совершенно доволенъ ея распоряженіями. Съ этимъ письмомъ получено было другое, адресованное на имя Альбы, которому Филиппъ передавалъ регенство въ Нидерландахъ, со всѣми правами его предшественницы.

Приготовляясь къ отъѣзду, Маргарета, подобно Карлу V, хотѣла собрать Генеральные Штаты. Ее плѣняло величіе этого зрѣлища, притомъ она хотѣла выразить благодарность вѣрному народу. Но Филиппъ иначе думалъ объ этихъ собраніяхъ, и Маргарета должна была ограничиться письмами, которыя она отослала въ провинціи и важнѣйшіе города. Въ этихъ письмахъ она упоминала о трудностяхъ, встрѣчавшихся ей во время восьмилѣтняго правленія, и выражала удовольствіе, что была такъ счастлива, что успѣла возстановить спокойствіе и порядокъ; потомъ просила нидерландцевъ хранить въ чистотѣ вѣру отцовъ и оставаться вѣрными подданными короля, который искренно желаетъ имъ блага. Въ заключеніе призывала на народъ благословеніе Неба, и обѣщала, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать его пользамъ.

Вѣсть объ отреченіи Маргареты привела всѣхъ въ уныніе. Теперь было забыто все, чѣмъ она возбуждала негодованіе народа; со всѣхъ сторонъ присылали ей адресы, съ выраженіемъ сожалѣнія объ ея отреченіи; вездѣ призывали благословеніе Божіе на остатокъ ея дней. Нѣкоторыя провинціи предложили ей болѣе существенные знаки своей привязанности: жители Брабанта поднесли ей двадцать пять тысячъ флориновъ, жители Фландріи—тридцать тысячъ. Сосѣдніе государи, между ними и Елизавета англійская, выразили свое уваженіе къ герцогинѣ, и сожалѣли, что она оставляетъ правленіе.

Въ концѣ декабря 1567 года герцогиня Пармская, сопровождаемая герцогомъ Альбой, графомъ Мансфельдомъ и многочисленной свитой фламандскаго дворянства, выѣхала изъ Брюсселя. Проведя весьма короткое время въ Пармѣ, Маргарета удалилась въ Неаполь, гдѣ избрала своей постоянной резиденціей небольшое имѣніе, подаренное ей Филиппомъ.

VIII.

ЦАРСТВО УЖАСА.

Посланный, привезшій Маргаретѣ увольненіе отъ обязанностей регентши, привезъ герцогу Альбѣ приказъ, которымъ Филиппъ поручалъ ему управленіе Нидерландами. Король объявилъ, что герцогъ имѣетъ право рѣшать всѣ дѣла относительно конфискацій, не подчиняясь Финансовому Совѣту. Собственно говоря, Альба поставленъ былъ выше всѣхъ Совѣтовъ, существовавшихъ въ государствѣ, и пользовался правами неограниченнаго властителя. Теперь онъ видѣлъ, что настало время привести въ дѣйствіе устро-

енную имъ машину, отъ чего удерживало его присутствіе Маргареты, которая, если не была въ состояніи обуздывать его, то по крайней мѣрѣ могла осуждать его распоряженія. Тюрьмы были полны; процессы — кончены; оставалось только подписывать приговоры и казнить.

4 января 1568 года, въ Валансьенѣ казнено было восемьдесятъ четыре человѣка, обвиненные въ участіи въ послѣднихъ религіозныхъ и политическихъ возмущеніяхъ. 20 февраля, девяносто пять человѣкъ было потребовано въ Кровавый Совѣтъ и тридцать семь окончательно приговорено къ смерти; 20 марта — опять до сорока человѣкъ. «Я узналъ», писалъ Альба къ Филиппу, «что въ Антверпенѣ еще продолжаютъ проповѣдывать, и послалъ туда своего агента. Онъ собралъ уже порядочное число еретиковъ. Они, я думаю, никогда не видали такихъ многолюдныхъ сборищъ. Магистратъ жалуется, что вмѣшательство моего коммиссара нарушаетъ ихъ привиллегіи; но я заставлю ихъ быть терпѣливѣе».

Чтобъ дать понятіе о томъ, въ какомъ состояніи находились Нидерланды, мы познакомимъ читателя съ распоряженіями правительства въ Гентѣ. Здѣсь были разсѣяны герцогскіе коммиссары, отъискивавшіе случая къ обвиненію людей почти невинныхъ, и въ самое короткое время сто сорокъ семь человѣкъ было потребовано въ Брюссель; имена ихъ были прочитаны на городской площади и къ дверямъ общественныхъ зданій прибиты списки. Въ числѣ ихъ было много дворянъ и богатыхъ гражданъ. Альба послалъ офицеровъ разузнать достовѣрно, въ чемъ состояло ихъ богатство, и составить подробную опись ихъ имущества. Многіе изъ обвиненныхъ пытались было бѣжать; но всѣ были тотчасъ же арестованы и приговорены къ смерти. Пять или шесть изъ нихъ были казнены на эшафотѣ, остальные повѣшены.

Вскорѣ Альба нашелъ, что одиночные аресты замедляютъ дѣло, и придумалъ планъ загнать въ свои сѣти вдругъ нѣсколько сотъ жертвъ. Онъ приказалъ своимъ чиновникамъ напасть на людей, заподозрѣнныхъ въ разныхъ преступленіяхъ, въ одинъ день и избралъ для этого среду на первой недѣлѣ поста. Въ этотъ день пятьсотъ гражданъ были заключены въ тюрьмы и всѣ безъ исключенія приговорены къ смерти.

«Мы привыкли слышать, что арестовано вдругъ тридцать или сорокъ человѣкъ», пишетъ одинъ современникъ. «Не рѣдко случалось видѣть богатѣйшихъ гражданъ, пользовавшихся общимъ почетомъ, со связанными руками, въ толпѣ несчастныхъ, идущихъ на мѣсто казни. Людей бѣдныхъ даже не призывали въ Брюссель; судъ надъ ними производился на мѣстѣ, и всѣхъ тутъ же казнили.»

Брандтъ въ своей «Исторіи Реформаціи» собралъ множество замѣчательныхъ фактовъ, относящихся ко времени террора. Лица низшаго сословія, говоритъ онъ, послѣ заключенія въ тюрьмѣ часто подвергались пыткѣ; такимъ способомъ заставляли ихъ говорить не только о себѣ, но о своихъ друзьяхъ, даже родственникахъ. Роды казни были различны; однимъ рубили головы (то былъ почетный родъ казни), другихъ вѣшали; важнѣйшихъ преступниковъ, обвиненныхъ въ ереси, жгли на кострахъ. Впрочемъ, родъ казни зависѣлъ, кажется, отъ прихоти судей, не рѣдко даже отъ солдатъ, которые были постоянными исполнителями судебныхъ приговоровъ; такъ, одинъ протестантскій проповѣдникъ, приговоренный къ висѣлицѣ, былъ брошенъ солдатами на костеръ.

Въ испанскихъ солдатахъ Альба нашелъ самыхъ точныхъ исполнителей своей воли. То были ветераны, сражавшіеся съ протестантами еще подъ знаменами Карла V, товарищи тѣхъ людей, которые охотились за жителями Новаго Свѣта и убивали ихъ цѣлыми тысячами во имя религіи. Для этихъ людей всѣ религіозныя обязанности соединялись въ ненависти къ еретикамъ. Если съ одной стороны звѣрство и фанатизмъ палачей достойно удивленія, то съ другой, нельзя не удивляться необыкновенной силѣ воли и мужеству ихъ жертвъ. Большая часть погибшихъ въ это время были обвинены въ преступленіяхъ противъ религіи — то были проповедники, члены консисторій, домовладѣльцы, укрывавшіе протестантовъ, преслѣдуемыхъ правительствомъ, или открывшіе свои дома для общихъ сходокъ. Они могли быть увѣрены, что пострадаютъ за свои убѣжденія, и однакожь умирали защищая ихъ. Гоненіе воздвигнутое Филиппомъ, палало на всѣхъ равно—на мужчинъ, на женщинъ, на юношей и стариковъ, на сильныхъ и слабыхъ; но слабѣйшій изъ нихъ не упалъ духомъ среди самыхъ жестокихъ мученій. Исторія сохранила имена многихъ героевъ, смѣло защищавшихъ свои убѣжденія предъ судьями и неизмѣнившихъ имъ въ предсмертныхъ мукахъ, такъ, что палачи находили необходимымъ заставить ихъ молчать. Они припекали языкъ до-красна раскаленнымъ желѣзомъ и сжимали въ металическихъ тискахъ. «Стоны, раздиравшіе душу, возбуждали смѣхъ безчеловѣчныхъ мучителей», пишетъ Брандтъ, бывшій самъ свидѣтелемъ подобныхъ сценъ.

Трудно рѣшить, сколько людей погибло отъ рукъ палачей въ это страшное время; современники говорятъ объ этомъ весьма неопредѣленно, употребляя преимущественно выраженіе — «несмѣтное число.» Альба въ письмѣ къ Филиппу сказалъ, что хочетъ заставить нидерландцевъ думать, что «во всякое время дня и ночи каждый изъ нихъ можетъ быть задавленъ развалинами собственнаго

дома.» И онъ достигъ своей цѣли; едвали былъ во всемъ государствѣ одинъ человѣкъ, который не чувствовалъ бы надъ собою Демоклесова меча; кто избѣгнулъ смерти, тотъ постоянно могъ опасаться за свое имущество. Если гоненіе, возбужденное фанатизмомъ, оскорбляетъ достоинство человѣка, то что сказать о преслѣдованіи изъ-за денегъ? — Къ стыду человѣчества должно сказать, что это было такъ. «Богатство, въ глазахъ нидерландскаго правительства, было такимъ же преступленіемъ, какъ вѣроотступничество», говоритъ Мотлей, и факты вполнѣ подтверждаютъ его слова. Альба осудилъ къ вѣчной ссылкѣ и лишенію имущества всѣхъ бѣжавшихъ изъ отечества; даже смерть не избавляла отъ послѣдней части этого приговора; — имущество маркиза Бергена, посланнаго въ Мадридъ еще во времена Маргареты и тамъ умершаго, было обращено въ пользу казны, а самъ Бергенъ былъ объявленъ измѣнникомъ. Такимъ же точно образомъ было поступлено съ имуществомъ Монтиньи, задушеннаго по приказанію Филиппа въ подземельи Химанской тюрьмы. Герцогскіе коммиссары, разосланные во всѣ города, составляли подробныя описи имущества, принадлежавшаго лицамъ, потребованнымъ къ суду. «Я арестовалъ нѣсколько богатыхъ еретиковъ», писалъ Альба къ Филиппу, «и предложилъ имъ денежную сдѣлку. Думаю также поступить съ главнѣйшими городами.» Такимъ образомъ народъ погибалъ среди нищеты, грабежа и разбоевъ. Наибольшая часть казненныхъ, судя по дошедшимъ до насъ спискамъ, принадлежала къ купеческому классу; въ Амстердамѣ сто тридцать пять гражданъ приговорено было къ вѣчной ссылкѣ и лишенію имущества.

Скоро правительство увидѣло слѣдствія своихъ дѣйствій. Торговля, до того сосредоточенная въ Нидерландахъ, нашла безопасное убѣжище въ другихъ государствахъ: богатые, цвѣтущіе города стали замѣтно пустѣть. Не смотря на жестокіе законы, изданные противъ эмигрантовъ, жители приморскихъ городовъ и провинцій находили возможность бѣжать изъ отечества; изъ провинцій, пограничныхъ съ Германіею, уходили сотнями и тысячами. Въ Гентѣ, по словамъ современниковъ, половина домовъ стояла пустырями.

«Не было ни одной семьи», говоритъ Вандервинктъ, «которая не утратила бы одного или нѣсколькихъ изъ своихъ членовъ». «Звѣрское преслѣдованіе», пишетъ принцъ Оранскій, «привело народъ въ такой ужасъ, что даже католики бѣгутъ изъ Нидерландовъ, гдѣ тиранія, кажется, не находитъ предѣловъ и давитъ всѣхъ, безъ различія исповѣданій и политическихъ мнѣній».

Съ финансовой точки зрѣнія, мѣры, принятыя Альбой, не принесли желаннаго результата. Несмотря на безпрестанныя

конфискацiи, онъ нерѣдко жаловался королю, что расходы превышаютъ доходъ, и приписывалъ это недобросовѣстности своихъ чиновниковъ. Онъ также былъ недоволенъ и коммиссарами, которые, по его словамъ, не только не употребляли усилій для открытія виновныхъ, но даже готовы скрывать ихъ. Онъ даже жаловался на членовъ «Совѣта Мятежей», которыхъ апатія составляла рѣзкій контрастъ съ его собственной дѣятельностью. Разсказываютъ, будто Гессель, сохранившій мѣсто въ этомъ совѣтѣ долѣе другихъ, нерѣдко засыпалъ въ своихъ креслахъ и, когда спрашивали его мнѣніе, онъ просыпался на минуту, кричалъ—«Ad patibulum!»—на висѣлицу! — и опять погружался въ сонъ. Одинъ только Варгасъ не обманулъ надеждъ герцога; за то и милости къ нему короля не знали предѣловъ.

Мы видѣли уже, что въ провинціяхъ, лежащихъ по морскому берегу и по германской границѣ, эмиграція продолжалась несмотря на жестокіе законы. Жители внутреннихъ провинцій, лишенные возможности спасаться бѣгствомъ, предчувствуя бѣду, предавались неистовству. Толпами бѣжали они изъ городовъ и деревень и, подъ именемъ «дикихъ гёзовъ» — Gueux sauvages, — скрывались въ лѣсахъ Западной Фландріи, грабили и убивали путешественниковъ, особенно монаховъ и священниковъ. Случалось иногда, они нападали на монастыри и церкви, сдирали украшенія, похищали драгоцѣнную утварь и съ добычей возвращались въ лѣса. Слухъ о нихъ вскорѣ достигъ герцога Альбы, который немедленно послалъ противъ нихъ сильный отрядъ войска и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что отвѣтственность за грабежи будетъ падать на мѣстныхъ жителей.

Люди благоразумные и умѣренные, подобные Вигліусу, находили политику Альбы столько же безполезной, какъ жестокой. Этотъ ветеранъ-дипломатъ нерѣдко высказывалъ такое мнѣніе, хотя впрочемъ со свойственной ему осторожностью. Но были люди, которые не стѣснялись никакими разсчетами и открыто осуждали распоряженія Альбы; къ числу ихъ принадлежало большинство германскихъ государей. 2 марта 1568 года императоръ Максимиліанъ, отъ имени всѣхъ курфирстовъ, прислалъ Филиппу ноту, въ которой напоминалъ, что уже не разъ онъ убѣждалъ Филиппа измѣнить свою политику въ отношеніи къ Нидерландамъ; доказывалъ, что онъ, какъ человѣкъ и христіанинъ, долженъ возстановить спокойствіе не пытками и казнями, а кроткими мѣрами и снисходительностью. Въ заключеніе императоръ напоминалъ Филиппу, что какъ глава германскаго союза, къ которому принадлежатъ Нидерланды, онъ имѣетъ право требовать такихъ мѣръ. Но не легко было отклонить Филиппа отъ исполненія однажды за-

думаннаго плана. Онъ отвѣчалъ Максимиліану, что все, сдѣланное имъ, клонится только къ благу нидерландцевъ и утвержденію католической религіи. «Если бы я», писалъ Филиппъ, «менѣе любилъ правосудіе, я окончилъ бы все въ одинъ день. Всякій, кому извѣстно состояніе провинцій, долженъ согласиться, что я иначе не могъ и не долженъ былъ поступать. Я не измѣню своей политики, хотя бы мнѣ угрожала потеря Нидерландовъ, хотя бы оттого весь міръ превратился въ груду развалинъ». Это энергическое письмо прекратило корреспонденцію двухъ монарховъ.

Между тѣмъ нидерландцы, доведенные до отчаянія, смотрѣли на принца Оранскаго, какъ единственнаго человѣка, могущаго подать имъ руку помощи. Всѣ бѣжавшіе въ Германію и особенно люди, принадлежавшіе къ высшему сословію, собирались вокругъ него въ Дилембургѣ, гдѣ былъ задуманъ планъ освобожденія Нидерландовъ. Каждый фламандецъ, которому удавалось перейти границу, приносилъ ему извѣстіе о новыхъ страданіяхъ, испытываемыхъ его соотечественниками, и умолялъ его защитить страну отъ неистоваго звѣрства испанцевъ. Антверпенскіе протестанты писали Вильгельму, что если онъ принужденъ будетъ обратить въ деньги свою золотую и серебряную посуду, то они заплатятъ ему вдвое больше. Принцъ отвѣчалъ антверпенцамъ, что не только посуду, но и жизнь и все имущество онъ готовъ принести въ жертву свободѣ отечества. Однакожь онъ не могъ отвергнуть ихъ предложеніе, потому что содержаніе арміи требовало огромныхъ издержекъ, и просилъ нѣсколькихъ купцовъ помогать ему.

Въ то же время онъ велъ обширную переписку съ германскими государями, съ предводителями французскихъ гугенотовъ и даже съ англійскимъ правительствомъ, стараясь склонить его къ защитѣ нидерландскихъ протестантовъ. Курфирстъ Саксонскій и ландграфъ Гессенскій обѣщали ему содѣйствіе; въ важнѣйшихъ Нидерландскихъ городахъ тайнымъ образомъ были собраны значительныя суммы; Колемборгъ, Гогстратенъ, Людовикъ Нассаускій и другіе аристократы, дѣлившіе съ Вильгельмомъ изгнаніе, пожертвовали столько, сколько позволяло ихъ разстроенное имущество; самъ Вильгельмъ заложилъ драгоцѣннѣйшія вещи, брильянты и отослалъ на монетный дворъ всю свою серебряную и золотую посуду.

Всѣ эти пожертвованія дали Вильгельму возможность собрать въ концѣ апрѣля 1568 года довольно сильную, но весьма разнохарактерную армію; въ ней были германскіе наемники, искавшіе только денегъ, французскіе гугеноты, одушевляемые ненавистью къ католикамъ, и наконецъ нидерландцы, въ которыхъ мужество поддерживалось высокимъ чувствомъ патріотизма. Но большая часть изъ

нади были горожане, не привыкшіе къ военному дѣлу, едва ли способные бороться съ испанскими ветеранами.

Прежде, чѣмъ Вильгельмъ приступилъ къ устройству арміи, онъ по совѣту ландграфа Гессенскаго издалъ достопамятный документъ, извѣстный подъ именемъ «оправданіе», въ которомъ опровергалъ обвиненія, взведенныя на него Альбой. Онъ доказывалъ, что ни волненія, заставившія Филиппа удалить изъ Фландріи Гранвеллу, ни союзъ конфедератовъ, ни послѣднія религіозныя возмущенія не были его дѣломъ, и убѣждалъ Филиппа прекратить гоненіе людей невинныхъ, забыть злобу, внушенную ему злонамѣренными совѣтниками и фанатизмомъ.

Планъ компаніи состоялъ въ томъ, чтобы въ трехъ разныхъ мѣстахъ перейти нидерландскую границу и произвести возстаніе. Гугеноты должны были дѣйствовать въ Артуа; Гогстратенъ—въ Брабантѣ; братья Вильгельма, Людовикъ и Адольфъ — въ Гренингенѣ. Самъ Вильгельмъ назначилъ главной квартирой окрестности Клеве, собиралъ здѣсь армію и слѣдилъ за дѣйствіями отдѣльныхъ частей, чтобы въ случаѣ надобности подать помощь. Медлительность гугенотовъ и затрудненія, встрѣченныя принцемъ при составленіи арміи, нѣсколько измѣнили этотъ планъ. Гогстратенъ и Людовикъ Нассаускій въ послѣднихъ числахъ апрѣля были уже на опредѣленныхъ имъ мѣстахъ. Перейдя границу, Гогстратенъ былъ встрѣченъ уже извѣстнымъ читателю испанскимъ отрядомъ и потерпѣлъ пораженіе. Съ остаткомъ своего войска онъ успѣлъ бѣжать и присоединился къ арміи Вильгельма. Коквиль, храбрый начальникъ гугенотовъ, испыталъ худшую участь. Отрядъ французскихъ войскъ, посланныхъ противъ него Карломъ IX, настигъ его почти у границы; гугеноты, увидѣвъ предъ собою своихъ соотечественниковъ, положили оружіе; Коквилль и его офицеры были взяты въ плѣнъ и казнены.

Предпріятіе Людовика Нассаускаго было успѣшнѣе, несмотря на то, что мятежный духъ германскихъ наемниковъ затруднялъ его дѣйствія. Провинція Гренингенъ была защищаема графомъ Арембергомъ, опытнымъ военачальникомъ, главныя силы котораго состояли изъ испанской пѣхоты; но онъ ожидалъ къ себѣ кавалеріи, которая, подъ командою Мегена, находилась въ нѣсколькихъ переходахъ. Графъ Нассаускій, недовѣряя своимъ войскамъ, рѣшился возможно скорѣе дать сраженіе, хотя непріятель былъ несравненно сильнѣе его. Онъ избралъ весьма сильную позицію у монастыря Гейлигерле. Съ тылу онъ былъ защищенъ дремучимъ лѣсомъ, — откуда мѣстность, незамѣтно склоняясь, сливалась съ обширными болотами; пѣхота, составлявшая лѣвое крыло, неболь-

шимъ косогоромъ была защищена отъ непріятельскаго огня; правое крыло составляла кавалерія, подъ командою графа Адольфа, который долженъ былъ аттаковать непріятеля съ флангу. Арембергъ, хорошо знакомый съ мѣстностью, не рѣшался вступать въ бой до прибытія Мегена; но испанская пѣхота, привыкшая побѣждать и смотрѣвшая съ презрѣніемъ на германскихъ наемниковъ, требовала сраженія. Напрасно Арембергъ старался успокоить солдатъ; они отказывались повиноваться ему и открыто обвиняли его въ измѣнѣ. Уязвленный этимъ упрекомъ, Арембергъ отдалъ приказаніе готовиться къ бою и съ восклицаніемъ: «вы увидите, измѣнникъ ли я!» —повелъ аттаку. Сраженіе длилось не долго. Искусный маневръ графа Адольфа рѣшилъ его въ пользу патріотовъ. Самъ Арембергъ и 1,600 испанцевъ легли на мѣстѣ. Девять орудій и значительная сумма денегъ, полученная Арембергомъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ для уплаты солдатамъ жалованья, были трофеями побѣдителей, радость которыхъ смущалась смертью виновника побѣды, графа Адольфа Нассаускаго. На другой день послѣ битвы, 23 мая, прибылъ Мегенъ съ подкрѣпленіемъ и, овладѣвъ городомъ Гренингеномъ, лишилъ графа Нассаускаго возможности воспользоваться плодами одержанной побѣды.

Извѣстіе о гейлигерлейской побѣдѣ воскресило на время надежды фламандцевъ, и привело Альбу въ страшное негодованіе. Узнавъ о намѣреніи Вильгельма соединить свои наемныя войска съ побѣдоносной арміей брата, и боясь, чтобы успѣхи ихъ не ободрили упадшихъ духомъ фламандцевъ, Альба со свойственной ему энергіей началъ военныя приготовленія.

Предъ открытіемъ компаніи, Альба, желая подѣйствовать на общественное мнѣніе, обнародовалъ приговоръ Кроваваго Совѣта надъ принцемъ Оранскимъ, графомъ Нассаускимъ и другими аристократами, находившимися при Вильгельмѣ. Они были обвинены въ оскорбленіи королевскаго величества, и какъ бунтовщики приговорены къ вѣчной ссылкѣ и лишенію имущества. Альба приказалъ срыть домъ Колемборга, въ которомъ самъ жилъ до выѣзда Маргареты и гдѣ собирались гёзы во время перваго пребыванія въ Брюсселѣ, и поставить мраморный столъ съ надписью: «Здѣсь былъ домъ Флоранса Палланта» (имя графа Колемборга); «теперь онъ стертъ съ лица земли, ибо въ немъ составлялся про«клятый заговоръ противъ религіи, католической церкви, его вели«чества и противъ государства.» Этимъ распоряженіемъ Альба хотѣлъ показать рѣшительное намѣреніе безпощадно преслѣдовать всѣхъ принадлежавшихъ къ лигѣ. Въ письмахъ своихъ онъ нерѣдко упоминаетъ о лицахъ, подписавшихъ Актъ Соглашенія, какъ о преступникахъ, для которыхъ не существуетъ приличной казни.

Но все это было только прелюдіей къ потрясающей драмѣ, окончившейся въ іюнѣ. Уже девять мѣсяцевъ Эгмонтъ и Горнъ томились въ заключеніи. Надъ ними производили слѣдствія, собирали разныя свѣдѣнія о нихъ; но все это дѣлалось такимъ образомъ, что друзья ихъ не теряли надежды на счастливый исходъ дѣла. Теперь Альба рѣшился окончить судъ и приговорить ихъ обоихъ къ смертной казни. Напрасно совѣтники герцога старались доказать, что подобное рѣшеніе при настоящемъ положеніи Нидерландовъ было бы неблагоразумно; напрасно они увѣряли герцога, что казнь людей, любимыхъ народомъ, можетъ грозить опасностью могуществу Испаніи, — Альбѣ нужно было выместить на комъ нибудь свою злобу, внушенную гейлигерлейскимъ пораженіемъ. Но ему мало было двухъ жертвъ. Въ Вильвордской крѣпости, лежащей въ двухъ миляхъ отъ Брюсселя, были заключены девятнадцать членовъ лиги, надъ которыми судъ уже былъ конченъ; 28-го мая Альба приговорилъ ихъ всѣхъ къ смерти и конфискованію имущества, а 1-го іюня этотъ приговоръ былъ исполненъ на городской площади въ Брюсселѣ. Головы одиннадцати изъ нихъ были выставлены на длинныхъ жердяхъ, а тѣла оставлены на висѣлицахъ. На другой день, на томъ же мѣстѣ погибло еще десять или двѣнадцать человѣкъ, и между ними Вильерсъ, товарищъ Гогстратена въ несчастной брабантской экспедиціи. 3-го іюня въ Вильвордѣ было казнено еще пять человѣкъ, содержавшихся долгое время въ подвалахъ этой крѣпости. Одинъ изъ нихъ былъ Баккерзеле, секретарь Эгмонта, перенесшій страшныя мученія. Нѣсколько разъ его подвергали пыткѣ, желая такимъ образомъ вывѣдать отъ него тайны Эгмонта; но твердость этого страдальца превзошла жестокость палачей. Такими страшными сценами Альба приготовлялъ фламандцевъ къ событіямъ, которыя должны были вскорѣ совершиться.

Эгмонтъ и Горнъ провели девять мѣсяцевъ въ самомъ строгомъ заключеніи; имъ не только не позволялось видѣться съ родными и друзьями, но даже выходить на открытый воздухъ. Они нуждались въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни — въ одеждѣ и въ пищѣ.

Въ это время враги ихъ оставались не безъ дѣла. Альба отправилъ своихъ чиновниковъ въ провинціи, находившіяся нѣкогда подъ ихъ управленіемъ, собрать о нихъ свѣдѣнія; для этой цѣли допытывали бургомистровъ разныхъ городовъ, которые подъ страхомъ пытки должны были отвѣчать на вопросы слѣдователей. «Баккерзелле», писалъ Альба къ королю, «каждый день доставляетъ намъ свѣдѣнія объ Эгмонтѣ; но, чтобы добиться отъ него чего нибудь, необходимо подвергать пыткѣ.» Однакожь Альба сказалъ слишкомъ

много. Всѣ показанія, вынученныя у Баккерзеле, заключались въ томъ, что онъ указалъ мѣсто, гдѣ были спрятаны драгоцѣнности Эгмонта. Изрывъ землю въ разныхъ направленіяхъ вокругъ гентской крѣпости, испанцы нашли одиннадцать ящиковъ, наполненныхъ разными цѣнными вещами, составлявшими послѣднее достояніе графа.

Но Альба приписывалъ наибольшую важность признаніямъ самихъ заключенныхъ. 12-го ноября 1567 года коммиссія, состоявшая изъ Варгаса и Дель-Ріо, явилась въ темницу Эгмонта, и предложила ему допросные пункты, относившіеся преимущественно къ причинамъ послѣдняго возстанія и отношеніямъ Эгмонта къ протестантской партіи и къ конфедератамъ. Допросъ продолжался пять дней. Отвѣты, тутъ же записанные, впослѣдствіи послужили основаніемъ къ смертному приговору. Такимъ же образомъ было поступлено съ Горномъ.

Между тѣмъ друзья подсудимыхъ употребляли всѣ усилія, чтобъ отвратить опасность, которую предчувствовали всѣ, знавшіе Филиппа и Альбу. Эгмонтъ былъ женатъ на сестрѣ курфирста Баварскаго, которая своими личными достоинствами пріобрѣла первое мѣсто при брюссельскомъ дворѣ. Съ помощію Николая де-Ландаса, одного изъ ученѣйшихъ юристовъ своего времени, она извѣстила германскихъ государей о судьбѣ, постигшей ея мужа, и просила у нихъ заступничества. Кромѣ того де-Ландасъ написалъ письма къ Альбѣ и къ королю, въ которыхъ просилъ, — не объ освобожденіи графа, — это было бы напрасно, — но о перенесеніи его дѣла изъ Кроваваго Совѣта въ судъ, составленный изъ кавалеровъ ордена Золотаго Руна, на что и Горнъ и Эгмонтъ имѣли право. Жена Горна и его мачиха убѣждали кавалеровъ защищать свои права, и не дозволять иностранцамъ судить своихъ собратовъ. Нѣсколько германскихъ государей писали къ Филиппу, убѣждая его не нарушать законовъ, имъ самимъ утвержденныхъ; императоръ Максимиліанъ сверхъ того напоминалъ ему о усердной службѣ и подвигахъ Эгмонта и Горна въ войнѣ съ Франціей. Все было напрасно. Не только иностранцы просили Филиппа о снисхожденіи, — Мансфельдъ и Барлеймонтъ, которые всегда оказывали самую искреннюю преданность интересамъ короны, умоляли его о дозволеніи кавалерамъ судить обвиненныхъ аристократовъ. Гранвелла нѣсколько разъ писалъ къ королю. Но все было напрасно. Наскучивъ просьбами, Филиппъ приказалъ Альбѣ ускорить судъ, и «сдѣлать все такъ ясно, чтобы свѣтъ не могъ обвинить его въ несправедливости.»

Въ концѣ декабря государственный прокуроръ Дю-Буа приготовилъ обвинительный актъ противъ Эгмонта, состоявшій изъ девя-

дцата пунктовъ. Въ первомъ и главнѣйшемъ пунктѣ Эгмонта обвиняли въ заговорѣ съ Вильгельмомъ Оранскимъ и другими изгнанными аристократами, будто бы имѣвшими намѣреніе свергнуть испанское владычество, и раздѣлить между собою нидерландскія провинціи. Съ этою цѣлью (продолжало обвиненіе) графъ Эгмонтъ, вмѣстѣ съ другими заговорщиками, старался удалить Гранвеллу, просилъ о расширеніи власти государственнаго совѣта, на счетъ другихъ частныхъ совѣтовъ, противодѣйствовалъ инквизиціи, требовалъ собранія Генеральныхъ Штатовъ, и, сколько было возможно, противился волѣ короля. Другое обвиненіе состояло въ томъ, что Эгмонтъ поощрялъ протестантовъ къ возстанію, позволялъ имъ собираться и отправлять свое богослуженіе. Наконецъ его обвиняли въ содѣйствіи конфедератамъ и участіи въ ихъ преступныхъ замыслахъ. Изъ всего этого было выведено заключеніе, что Эгмонтъ виновенъ въ измѣнѣ. 29-го декабря Эгмонту прочитали обвинительный актъ, и предложили оправдаться, при чемъ онъ не могъ пользоваться ни чьимъ совѣтомъ. Читатель помнитъ, что личныя убѣжденія и поведеніе Эгмонта давали ему полную возможность опровергнуть всѣ важнѣйшіе обвинительные пункты. Демонстрацію противъ Гранвеллы онъ оправдывалъ какъ необходимость, говорилъ, что она была вызвана самимъ кардиналомъ, и что того требовали интересы государства; на томъ же основаніи онъ оправдывалъ свое поведеніе въ отношеніи къ протестантамъ Что касается до участія въ дѣлѣ конфедератовъ, то Эгмонтъ приводилъ множество фактовъ въ доказательство, что онъ никогда не сочувствовалъ лигѣ и ея намѣреніямъ. Въ заключеніе онъ говорилъ, что никто, кромѣ кавалеровъ ордена Золотаго Руна, не имѣетъ права судить его.

Вскорѣ послѣ того приготовленъ былъ обвинительный актъ и противъ Горна, котораго обвиняли въ такихъ же преступленіяхъ, какъ Эгмонта. Храбрый адмиралъ вступился за свои права рѣшительнѣе своего друга, и требовалъ, что бы его судили такіе же кавалеры, какъ онъ; однакожь написалъ оправданіе, прямота и чистосердечье котораго не допускаютъ и тѣни сомнѣнія въ его словахъ.

Представленія заключенныхъ и усильныя просьбы ихъ друзей принудили Альбу назначить имъ адвокатовъ. То были пять ученѣйшихъ юристовъ, при содѣйствіи которыхъ дѣло приняло такой оборотъ, что многіе легковѣрные стали ожидать счастливаго конца. Это обстоятельство подало поводъ нѣкоторымъ германскимъ государямъ возобновить свои просьбы. Филиппъ, наскучивъ неоднократно повторявшимися убѣжденіями, приказалъ Альбѣ окончить судъ.

Между тѣмъ, въ концѣ апрѣля 1568 года, на восточной границѣ

Нидерландовъ. Вильгельмъ Оранскій сталъ собирать войска. Э[illegible]
нудило Альбу дѣйствовать возможно скорѣе, а побѣда, одерж[illegible]
Лудовикомъ Нассаускимъ, рѣшила судьбу Эгмонта и Горна.

2-го іюня 1568 года трехъ-тысячный отрядъ войска конв[illegible]
валъ приговоренныхъ къ смерти вельможъ изъ Гента въ Брюс[illegible]
По всей дорогѣ жители не предприняли ничего къ ихъ освоб[illegible]
нію, не смотря на то, что предшествовавшія событія сильно [illegible]
новали умы и ободряли надежды. Четвертаго іюня они были [illegible]
везены въ Брюссель и помѣщены въ зданіи, извѣстномъ подъ [illegible]
немъ *Maison du Roi*. Вечеромъ того же дня Альба пригласил[illegible]
себѣ Мартина Ритовіуса, епископа Ипрскаго, и предложилъ [illegible]
сообщить Эгмонту приговоръ и приготовить его къ смерти. Е[illegible]
копъ былъ пораженъ, услышавъ эту неожиданную вѣсть; онъ у[illegible]
къ ногамъ герцога и просилъ о помилованіи невинныхъ. Но А[illegible]
сурово сказалъ епископу, что призвалъ его за тѣмъ, чтобъ онъ при-
готовилъ преступника къ христіанской смерти. Съ стѣсненнымъ
сердцемъ епископъ, бывшій другомъ Эгмонта, долженъ былъ ис-
полнить свою тяжкую обязанность.

Эгмонтъ вовсе не ожидалъ такой скорой развязки. «Неужели
нѣтъ болѣе надежды?» воскликнулъ онъ, и когда епископъ отвѣ-
чалъ отрицательно, спросилъ, не можетъ ли онъ съ эшафота сказать
народу нѣсколько словъ. Но епископъ отклонилъ его отъ этого на-
мѣренія. Изнеможенный отъ долгаго заключенія и истерзанный
мрачными мыслями о судьбѣ жены и дѣтей, Эгмонтъ спокойно по-
корился своей участи и просилъ духовника напутствовать его.

Когда священный обрядъ былъ конченъ, онъ отдалъ епископу
два письма; одно изъ нихъ было адресовано къ женѣ, съ которой
онъ не видался во все время заключенія, другое — къ королю; оно
заключалось слѣдующими словами: «Простите, ваше величество, мои
вольныя или невольныя преступленія и, ради моей службы, будьте
милостивы къ моей бѣдной женѣ и дѣтямъ. Въ надеждѣ на милость
вашу къ нимъ, предаю себя въ руки Всевышняго.» Окончивъ всѣ
приготовленія, Эгмонтъ началъ опасаться, чтобъ не вздумали отло-
жить казни; онъ не зналъ, что Альбѣ некогда было медлить. Въ де-
сять часовъ утра явились къ нему солдаты, которые должны были
отвести его на мѣсто казни. Они хотѣли было связать ему руки, но
Эгмонтъ не позволилъ этого, и объявилъ, что онъ самъ пойдетъ на
эшафотъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того по улицамъ Брюс-
селя потянулась процессія. Эгмонта сопровождали два испанскіе
офицера и епископъ Ипрскій, который съ нимъ вмѣстѣ читалъ
псалмъ: «Помилуй мя, Боже!»

На срединѣ площади, на которой уже было пролито много не-

...нной крови, возвышался эшафотъ и возлѣ на небольшой платформѣ поставлено было распятіе. Войска, всю ночь остававшіяся подъ ружьемъ, окружили эшафотъ и защищали входы на площадь; процессія двигалась медленно, и Эгмонтъ, проходя мимо войскъ, кланялся знакомымъ офицерамъ, прежнимъ своимъ товарищамъ, вмѣстѣ съ нимъ сражавшимися у Гравелингена и С.-Кентена; не только они, но даже испанцы, знавшіе его, плакали. Унылый звонъ колоколовъ оглашалъ воздухъ, на улицахъ въ страхѣ толпился народъ. «Страшенъ былъ этотъ день въ Брюсселѣ», пишетъ одинъ современникъ, «какъ будто наступалъ день Страшнаго Суда.» Медленными шагами вступилъ Эгмонтъ на эшафотъ и, преклонивъ колѣна, вмѣстѣ съ епископомъ началъ вслухъ молиться; спокойный, мужественный голосъ наконецъ умолкъ; епископъ подалъ ему распятіе и, напутствовавъ его, удалился. Эгмонтъ сбросилъ съ себя плащъ, опять сталъ на колѣна и громко произнесъ: «въ руки Твои, Господи, предаю душу мою.» Тогда на эшафотѣ явился палачъ, въ воздухѣ сверкнуло лезвіе сѣкиры, и глухой стукъ упавшей головы потрясъ мертвую тишину. Въ это мгновеніе въ толпѣ раздался крикъ ужаса и нѣсколько человѣкъ, прорвавшись сквозь ряды солдатъ, бросились къ эшафоту и начали мочить платки въ потокахъ еще теплой крови, между тѣмъ какъ палачъ поднималъ на шестѣ голову.

Горнъ выслушалъ приговоръ не такъ твердо, какъ его другъ. Онъ горько жаловался на жестокость и несправедливость короля, которому служилъ честно. Но въ послѣднія минуты онъ укрѣпился духомъ. Вступивъ на эшафотъ, онъ еще разъ сказалъ, что не знаетъ за собою никакого преступленія, достойнаго смерти, и, увидѣвъ трупъ, лежавшій въ крови, спросилъ, точно ли это трупъ Эгмонта. Когда ему отвѣчали утвердительно, онъ сталъ на колѣни и нѣсколько минутъ тихо молился; потомъ просилъ присутствующихъ простить его, если онъ кого нибудь обидѣлъ, и со словами: «In manus tuas, Domine» — умеръ.

Смерть Эгмонта и Горна, такъ быстро слѣдовавшая за предшествовавшими казнями, потрясла всю страну. Въ народѣ исчезло всякое довѣріе — мужъ не вѣрилъ женѣ, братъ — сестрѣ. Иностранные купцы, боясь лишиться своего имущества, объѣзжали нидерландскіе порты. Однакожь, не только одинъ страхъ овладѣлъ нидерландцами, — виновники смерти людей, такъ долго пользовавшихся неограниченною любовью народа, дрожали за свою жизнь. Но Альба ничего этого не замѣчалъ и увѣрялъ Филиппа, что пытки и казни упрочили его могущество въ Нидерландахъ.

Почти въ тоже самое время, въ самомъ семействѣ короля разыгралась таинственная драма, еще до сихъ поръ не совсѣмъ разгаданная исторіей. Мы говоримъ о смерти принца Астурійскаго, Донъ Карлоса, наслѣдника монархіи Филиппа. Строптивый характеръ, необдуманное поведеніе принца, оскорблявшее отца, были причиною немилости къ нему Филиппа, который, недовѣряя ему, удалялъ его отъ участія въ правленіи. Бездѣйствіе дало просторъ дурнымъ наклонностямъ принца, которыя все болѣе и болѣе вооружали Филиппа противъ сына.

Въ 1567 году, во время пребыванія въ Мадридѣ Бергена и Монтиньи, принцъ, заподозрѣнный въ намѣреніи овладѣть нидерландскимъ престоломъ и въ покушеніи на жизнь отца, преданъ былъ строжайшему заключенію. Между тѣмъ какъ особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ короля, производила слѣдствіе, Донъ-Карлосъ, доведенный до отчаянія строгостью заключенія, нашелъ средство медленнымъ образомъ лишить себя жизни, систематически разслабляя и безъ того болѣзненный организмъ неправильной жизнью.

Наканунѣ смерти Карлоса составленъ былъ судебный приговоръ. Коммиссія опредѣлила ему смертную казнь; но хотя Филиппъ былъ совершенно склоненъ къ исполненію этого приговора, однакожь Прескоттъ по недостатку явныхъ доказательствъ, не рѣшается обвинить его въ смерти сына.

Спустя два мѣсяца послѣ смерти Карлоса, умерла Изабелла, вторая супруга Филиппа. Расположеніе ея къ несчастному принцу и время смерти подало поводъ позднѣйшимъ историкамъ предполагать зависимость между этими событіями. Вновь открытыя свѣдѣнія слишкомъ очевидно доказываютъ несправедливость этого предположенія. Королева Изабелла не подавала никакого повода Филиппу подозрѣвать ее въ незаконныхъ отношеніяхъ къ пасынку и умерла естественной смертью отъ болѣзни, которой не умѣли излечить тогдашніе врачи.

1568 годомъ, однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ въ жизни Филиппа, Прескоттъ оканчиваетъ второй томъ своего сочиненія. Послѣдующіе томы еще не явились въ печати.

STUDIEN über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Von August Freiherrn von HAXTHAUSEN.

(Изслѣдованія о внутреннихъ отношеніяхъ народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденіяхъ Россіи. Барона Августа Гакстгаузена).

Два мѣсяца тому назадъ, мы вздумали предложить «Экономическому Указателю», служащему теперь спеціальнымъ органомъ распространенія экономическихъ понятій въ нашей публикѣ, чтобы онъ положительнымъ образомъ высказалъ свое мнѣніе о томъ, долженъ ли остаться неприкосновеннымъ среди перемѣнъ въ нашемъ экономическомъ бытѣ тотъ принципъ, по которому владѣетъ участками земли огромное большинство русскаго населенія. Намъ казалось необходимо возбудить людей, руководящихъ образованіемъ общественнаго мнѣнія о вопросахъ экономическаго быта, къ основательному обсужденію этого важнаго дѣла, и наше мнѣніе о необходимости такого обсужденія основывалось на соображеніи двухъ обстоятельствъ.

Съ одной стороны, каждому очевидно, что съ окончаніемъ нашей послѣдней войны, начинается для Россіи болѣе дѣятельное, нежели когда либо, участіе въ общемъ европейскомъ экономическомъ движеніи. Каждый видитъ, что наша промышленная дѣятельность начинаетъ очень быстро усиливаться. Наши собственные капиталы нравственные и матеріальные выходятъ изъ своего летаргическаго бездѣйствія; иноземные капиталы начинаютъ находить у насъ выгодное и безопасное помѣщеніе, и отчасти уже переселились въ нашу страну очень значительной массой, отчасти готовятся въ скоромъ времени перенестись къ намъ въ массахъ еще гораздо болѣе значительныхъ. Послѣдствія такого движенія не могутъ подлежать сомнѣнію. До сихъ поръ большая часть нашего

экономическаго производства совершалась средствами и методами, почти патріархальными. Не говоримъ уже о земледѣліи, относительно котораго напрасно и доказывать эту истину; наибольшая часть нашей внутренней торговли и даже значительнѣйшая часть производства по обработкѣ сырыхъ продуктовъ совершалась порядкомъ, болѣе свойственнымъ XVII, нежели XIX вѣку. Это немного уже лѣтъ будетъ продолжаться. Приложеніемъ капиталовъ къ производству не только увеличиваются массы продуктовъ, но измѣняется и самый порядокъ производства. Различіе между хворостомъ или кизякомъ и каменнымъ углемъ, между проселочною и желѣзною дорогою не болѣе значительно, нежели различіе между порядкомъ патріархальной экономической дѣятельности и дѣятельности, совершающейся силою машинъ, капиталовъ и другихъ экономическихъ отношеній и двигателей, свойственныхъ новѣйшему времени. Различіе между черемисомъ и англичаниномъ не болѣе значительно, нежели различіе между земледѣльческими методами, по которымъ обработываются поля того и другаго.

Россія вступаетъ въ тотъ періодъ экономическаго развитія, когда къ экономическому производству прилагаются капиталы. Характеръ дѣятельности производящихъ классовъ и самый бытъ ихъ необходимо долженъ подвергнуться отъ того великимъ измѣненіямъ. Мы уже видимъ, какъ огромны будутъ эти измѣненія въ характерѣ передвиженія людей и продуктовъ. Вмѣсто обозовъ и патріархальныхъ судовъ различнаго рода, мы имѣемъ нѣсколько, и скоро будемъ имѣть очень много, локомотивовъ и пароходовъ, такъ что вскорѣ почти совершенно исчезнутъ привычные нашему глазу обозы, мокшаны, тихвинки, барки и такъ далѣе. Въ характерѣ торговли отчасти уже происходитъ, и скоро совершенно исполнится, измѣненіе не менѣе значительное. Съ устраненіемъ тѣхъ страшныхъ неудобствъ и невѣрностей, которыми до нашего времени стѣснялась она, у насъ явится честность и предпріимчивость, свойственныя нашему народу не менѣе, нежели другимъ европейцамъ. Но всего значительнѣе будутъ измѣненія той экономической дѣятельности, которая составляетъ основную силу нашей страны и служитъ средствомъ существованія для значительнѣйшей части нашего народа, — именно въ земледѣліи. До сихъ поръ оно оставалось въ положеніи еще болѣе патріархальномъ, нежели какая-либо другая экономическая наша дѣятельность. Одинаково признавая неизбѣжность и благотворность великихъ измѣненій, ожидаемыхъ этою отраслью нашего производства, не всѣ образованные люди согласны въ томъ, должны ли эти измѣненія оставить неприкосновеннымъ тотъ принципъ, по которому раздѣляется нынѣ

пользованіе землею между нашими земледѣльцами; а вопросъ этотъ очень важенъ, потому что относится къ такому обычаю, который служитъ основаніемъ всего нашего общественнаго быта.

Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію та истина, что формы патріархальнаго быта не совмѣстимы съ высокою степенью цивилизаціи; потому у огромнаго большинства образованныхъ людей развивается стремленіе отвергать все то, что существуетъ въ патріархальномъ бытѣ, и отъ отрицанія формъ переходитъ къ отрицанію всѣхъ принциповъ, имѣющихъ корень въ этомъ бытѣ. Такой участи подвергается со стороны очень многихъ людей, руководящихъ общественнымъ мнѣніемъ, и тотъ принципъ, на которомъ основано разпредѣленіе пользованія землею между огромнымъ большинствомъ нашего народа. О другой причинѣ, утверждающей многихъ въ этомъ чувствѣ, — объ излишнемъ довѣріи къ нѣкоторымъ устарѣлымъ системамъ политической экономіи, — системамъ, односторонность которыхъ уже доказана послѣдующимъ развитіемъ науки, мы уже говорили. Такимъ образомъ, многіе изъ людей, имѣющихъ вліяніе на общественное мнѣніе, жестоко возстаютъ противъ доселѣ существующаго у насъ принципа общинной поземельной собственности.

Намъ казалось, что такое предубѣжденіе происходитъ болѣе отъ недостатка серьёзныхъ обсужденій этого вопроса, и что многіе изъ людей, нынѣ возстающихъ противъ принципа общиннаго поземельнаго владѣнія, примирятся съ нимъ или даже сдѣлаются его жаркими защитниками, когда имъ представится случай глубже вникнуть въ сущность дѣла, о которомъ до сихъ поръ говорили у насъ безъ серьёзнаго изслѣдованія, или руководясь единственно смутными симпатіями и антипатіями, или слѣпо вѣря устарѣвшимъ одностороннимъ системамъ, или просто на-обумъ.

Потому-то мы и вызвали «Экономическій Указатель» положительнымъ образомъ выразить свое обдуманное и зрѣлое мнѣніе объ этомъ вопросѣ. Рѣшительнымъ образомъ выражая твердое свое убѣжденіе, что интересъ національнаго благосостоянія требуетъ, при всѣхъ великихъ и благотворныхъ перемѣнахъ, предстоящихъ нашимъ экономическимъ отношеніямъ, сохранить принципъ общиннаго поземельнаго владѣнія, мы прибавляли, что если «Экономическій Указатель» несогласенъ съ такимъ мнѣніемъ, то долженъ опровергнуть его.

«Экономическій Указатель» принялъ этотъ вызовъ, и началъ печатать подробное опроверженіе нашей статейки, защищавшей принципъ общиннаго поземельнаго владѣнія. Возраженія эти еще не кончены, и потому было бы несправедливо съ нашей стороны подвер-

гать ихъ разбору въ настоящее время: быть можетъ, «Экономическій Указатель» въ слѣдующихъ статьяхъ своего отвѣта представитъ какія нибудь доказательства тѣмъ изъ своихъ положеній, которыя пока представляются бездоказательными, ограничитъ какими нибудь оговорками и условіями тѣ, которыя на первый разъ представились ему безусловными и т. д., — словомъ сказать, очень можетъ быть, что окончаніе статей, вызванныхъ нашимъ запросомъ въ «Экономическомъ Указателѣ» будетъ написано основательнѣе, нежели тѣ статьи, которыя мы съ удовольствіемъ прочли въ №№ 21, 22, 24 и 25-мъ. — «Какъ съ удовольствіемъ? Въ этихъ статьяхъ авторъ замѣчаній, сдѣланныхъ «Современникомъ» о необходимости сохранить принципъ общиннаго владѣнія, многократно называется невѣждою; если его невѣжество доказано «Экономическимъ Указателемъ», то онъ долженъ чувствовать себя огорченнымъ, если же такое поносное имя дается ему несправедливо, то онъ долженъ чувствовать себя оскорбленнымъ, — въ томъ и другомъ случаѣ, онъ при чтеніи этихъ статей долженъ чувствовать нѣчто, ни мало не похожее на удовольствіе.» — Такъ; еслибъ авторъ замѣчаній о необходимости сохранить общинное владѣніе землею писалъ эту статейку съ цѣлью блеснуть ученостью, онъ былъ бы чувствителенъ къ неблагопріятному отзыву о степени своей учености. Но такъ какъ замѣчанія эти писаны имъ единственно съ цѣлью защитить учрежденіе, очень выгодное для національнаго благосостоянія, то конечно, онъ долженъ желать только того, чтобы противники общиннаго владѣнія остались побѣжденными въ глазахъ большинства публики, а какое мнѣніе будутъ они имѣть о его учености, для него конечно все-равно; онъ долженъ даже находить прямую выгоду для защищаемаго имъ дѣла въ томъ, когда противники называютъ его невѣждою, а себя провозглашаютъ людьми великой учености: чѣмъ слабѣе адвокатъ оправдываемой стороны и чѣмъ сильнѣе адвокатъ проигрывающей стороны, тѣмъ менѣе у свидѣтелей победы слабаго адвоката надъ сильнымъ остается сомнѣній въ правотѣ торжествующаго дѣла. «Вотъ, человѣкъ, котораго называютъ невѣждою, опровергъ людей, которые считаютъ себя гораздо болѣе учеными нежели онъ. Значитъ, очень сильно дѣло имъ защищаемое.» Такимъ образомъ, мы съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ увидѣли, что «Экономическій Указатель» вздумалъ присвоивать намъ такое положеніе, при которомъ наиболѣе сильно должно быть впечатлѣніе результата нашихъ споровъ съ нимъ. Мы совершенно принимаемъ увѣренія «Экономическаго Указателя», что его знанія въ экономической наукѣ гораздо обширнѣе нашихъ и просимъ читателей предполагать согласно желанію «Экономическаго Указателя»,

что авторъ статей этого журнала, служащихъ отвѣтомъ на нашъ вызовъ, есть великій ученый, а статьи «Современника» въ защиту общиннаго владѣнія написаны человѣкомъ, который далеко не равняется ученостію своему сопернику. Чѣмъ слабѣе мы лично, тѣмъ очевиднѣе и несомнѣннѣе будетъ, что побѣдою надъ нашимъ противникомъ мы будемъ обязаны не личному своему превосходству, а единственно непреоборимой справедливости мнѣнія, нами защищаемаго.

«Но (можетъ подумать иной читатель) съ какою увѣренностію говоритъ авторъ настоящей статьи о томъ, что побѣда въ спорѣ остается непремѣнно за нимъ! Не надобно ли эту увѣренность считать излишнею, или, по крайней мѣрѣ, неловкою самоувѣренностію?» — Ни мало. Въ каждой наукѣ есть такія истины, защищая которыя невозможно не быть увѣреннымъ въ своемъ торжествѣ, какъ бы ни былъ ученъ и силенъ противникъ. Неужели каждый изъ насъ, какъ бы ни было скромно его мнѣніе о своихъ силахъ и познаніяхъ, не увѣренъ въ томъ, что можетъ совершенно побѣдоносно опровергнуть величайшаго астронома въ мірѣ, если этотъ астрономъ вздумаетъ сомнѣваться въ обращеніи земли около солнца? Гротъ въ настоящее время есть величайшій знатокъ греческой исторіи; этому Гроту вздумалось доказывать, что Александръ Македонскій былъ чуждъ греческой цивилизаціи и не имѣлъ въ своихъ жилахъ ни капли греческой крови. Кто изъ насъ не въ состояніи доказать, что Гротъ ошибается? Для этого вовсе не надобно быть особеннымъ знатокомъ Греческой Исторіи: каждому извѣстно, что учителемъ Александра Македонскаго былъ Аристотель, что роднымъ языкомъ Александра Македонскаго былъ греческій языкъ, а не какой нибудь другой, что изъ числа предковъ Александра Македонскаго по женской линіи многіе были греки. Этихъ фактовъ, извѣстныхъ даже человѣку мало образованному, не въ состояніи опровергнуть никакая ученость, никакая тонкость ума. Намъ скажутъ, что общественныя науки до сихъ поръ еще очень мало образованному не въ состояніи опровергнуть никакая ученость, никакая тонкость ума. Намъ скажутъ, что общественныя науки до сихъ поръ еще очень мало обработаны и что потому едва ли могутъ быть въ нихъ столь несомнѣнныя аксіомы, какъ въ астрономіи. Нѣтъ, при всемъ несовершенствѣ нынѣшней обработки общественныхъ наукъ, въ нихъ есть уже аксіомы, справедливость которыхъ достигла математической несомнѣнности. Напримѣръ, никакою ученостію не можетъ быть опровергнута аксіома: «производство усиливается приложеніемъ капитала.» Такихъ несомнѣнныхъ истинъ въ экономической наукѣ уже довольно много. Къ числу ихъ принадле-

житъ и положеніе о томъ, что при настоящемъ состояніи общества только общинное владѣніе можетъ предохранить массу земледѣльцевъ отъ пролетаріатства; къ числу ихъ принадлежитъ также и та истина, что земледѣліе въ Западной Европѣ уже вступаетъ, и у насъ со временемъ вступитъ на ту степень развитія, когда производство усиливается введеніемъ машинъ и приложеніемъ другихъ способовъ, требующихъ значительнаго размѣра въ хозяйствѣ, къ которому они прилагаются. Кто захочетъ спорить противъ этихъ истинъ, тотъ неминуемо подвергаетъ себя пораженію, какъ бы ни были велики его знанія. А кто защищаетъ ихъ, тотъ можетъ быть увѣренъ, что результатомъ споровъ будетъ обнаруженіе справедливости мнѣнія, имъ защищаемаго, какъ бы ни было скромно мнѣніе этого человѣка о своихъ знаніяхъ.

И такъ, будучи совершенно увѣрены, что мнѣніе, нами защищаемое, восторжествуетъ, какъ бы ни были малы наши знанія въ сравненіи съ ученостію «Экономическаго Указателя,» мы не имѣемъ никакого основанія огорчаться тѣмъ презрѣніемъ къ нашимъ свѣдѣніямъ, какое угодно высказывать «Экономическому Указателю.» Напротивъ, мы находимъ очень благопріятнымъ для дѣйствія несомнѣнной побѣды нашего мнѣнія то неравенство въ силахъ, которымъ угодно хвалиться «Экономическому Указателю»; и мы желали бы, чтобы читатели наши предполагали въ насъ какъ можно менѣе, а въ «Экономическомъ Указателѣ» какъ можно болѣе учености. Словомъ сказать, мы съ совершенною радостью принимаемъ всѣ тѣ презрительные эпитеты, которыми хочетъ унизить насъ «Экономическій Указатель.» Мы просимъ читателя предполагать, что настоящая статья и тѣ статьи, въ которыхъ (по окончаніи возраженія въ «Экономическомъ Указателѣ») мы будемъ опровергать возраженія «Экономическаго Указателя», написаны человѣкомъ, у котораго очень мало учености, или даже совершеннымъ невѣждою.

«Невѣжда»—это слово означаетъ человѣка, который имѣетъ мало свѣдѣній, но оно не значитъ, что бы этотъ человѣкъ не желалъ пріобрѣтать свѣденій. Это желаніе свойственно каждому человѣку, какъ бы ни было велико его невѣжество. И такъ: если мы ничего не знаемъ, то въ насъ есть нѣкоторое желаніе учиться. Руководителемъ своимъ въ занятіяхъ мы избираемъ прекрасный и ученый журналъ,—«Экономическій Указатель». Мы начинаемъ изучать этотъ журналъ. Мысли наши постоянно заняты вопросомъ объ общинномъ владѣніи землею. Перечитывая одинъ за другимъ нумера «Экономическаго Указателя», мы ищемъ свѣдѣній о томъ, въ какомъ бы сочиненіи могли мы найти основательный трактатъ объ общинномъ владѣніи. «Экономическій Указатель» говоритъ намъ, что основа-

тельнѣйшее и превосходнѣйшее сочиненіе объ экономическихъ отношеніяхъ русскаго государства написано графомъ Тенгоборскимъ. и называется «Etudes sur les forces productives de la Russie.» Съ жадностію беремся мы за это сочиненіе и съ трепетомъ сердца читаемъ его, желая узнать мнѣніе этого великаго (по словамъ «Экономическаго Указателя») ученаго относительно вопроса, который насъ занимаетъ. На страницѣ 320 и слѣдующихъ 1-го тома мы находимъ разсужденіе «О причинахъ, которымъ надобно приписывать неудовлетворительное состояніе земледѣлія въ Россіи,» а на 339 и слѣдующихъ страницахъ того же тома разсужденіе «О раздѣлѣ земли между поселянами по тягламъ и о вліяніи этой системы раздѣла на успѣхи земледѣлія.» Посмотримъ, какъ думаетъ объ этихъ предметахъ писатель, рекомендованный намъ «Экономическимъ Указателемъ.»

«Часто (говоритъ графъ Тенгоборгскій) слышатся жалобы, что земледѣліе находится у насъ въ жалкомъ состояніи и что оно держится чрезвычайно отсталыхъ агрономическихъ методовъ. Жалобы эти слышатся также во многихъ другихъ странахъ и особенно во Франціи, въ Австріи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи. Что касается нашего отечества, эти жалобы, конечно, не лишены основанія, но должно также сказать, что очень часто онѣ доводятся до нѣкотораго преувеличенія. Чаще всего до сихъ поръ слышатся болѣе или менѣе ошибочныя сужденія о причинахъ неудовлетворительнаго состоянія нашего земледѣлія. Многія изъ этихъ причинъ такъ очевидны, что не могутъ подлежать сомнѣнію, но очень легко ошибиться относительно степени ихъ истинной важности, если мы не сообразимъ вообще всего положенія нашего сельскаго хозяйства и всѣхъ физическихъ и правственныхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ оно зависитъ.

«Трехпольному хозяйству нѣкоторые отечественные и заграничные агрономы приписываютъ большую неравномѣрность, оказывающуюся въ сборѣ нашихъ жатвъ, и частые неурожаи. Это сужденіе намъ кажется сомнительно, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени. Главными причинами неравенства въ нашихъ жатвахъ и частыхъ неурожаевъ должны прежде всего считаться географическое положеніе страны и образованіе ея почвы и, въ нѣкоторыхъ областяхъ, мѣстныя атмосферическія вліянія. Россія — одна изъ обширнѣйшихъ равнинъ Европы, часто подвергающаяся сильному дѣйствію восточныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ; какъ слѣдствія засухи, такъ и слѣдствія излишнихъ дождей, въ одно и тоже время одинаково чувствуются въ ней на гораздо большемъ пространствѣ и гораздо равномѣрнѣйшимъ образомъ, нежели въ странѣ, природа которой

разнообразна, гдѣ атмосферическія вліянія бываютъ различны въ разныхъ областяхъ, гдѣ долины, защищенныя горами отъ дѣйствія сухихъ вѣтровъ, менѣе боятся недостатка дождей и гдѣ, наоборотъ, горныя мѣстности менѣе подвержены вреду отъ излишнихъ дождей, легче освобождаясь отъ избытка воды быстрымъ ея стокомъ. Именно отъ частыхъ засухъ и страдаетъ наиболѣе наше земледѣліе (*). Земледѣльческія улучшенія не могутъ совершенно отвратить вліяніе этого географическаго положенія. Конечно, надобно желать этихъ улучшеній, но тѣмъ не менѣе не должно скрывать отъ себя, что трехпольное хозяйство при всѣхъ своихъ неоспоримыхъ несовершенствахъ наиболѣе соотвѣтствуетъ настоящему земледѣльческому положенію и остается, по крайней мѣрѣ, еще на долго господствующимъ въ Россіи, преимущественно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ много земли и мало рукъ. Эта система, требующая менѣе труда и менѣе капиталовъ, нежели системы, болѣе раціональныя, слишкомъ еще свойственна не только привычкамъ нашего народа, но также и условіямъ, въ которыхъ находится наше сельское хозяйство, такъ что не можетъ скоро подвергнуться общему измѣненію. Есть даже области, какъ, напримѣръ, бо́льшая часть южныхъ степей, въ которыхъ, по мнѣнію очень опытныхъ агрономовъ, изучавшихъ втеченіе очень долгихъ лѣтъ особенности почвы и климата этихъ областей, раціональное хозяйство невозможно по той причинѣ, что почва не допускаетъ тамъ разнообразія воздѣлываемыхъ растеній. Кромѣ того, издавна замѣченъ тотъ фактъ, что всѣ славянскія племена имѣютъ особенное расположеніе къ системѣ трехпольнаго хозяйства. Такъ, напримѣръ, въ Австріи, въ нѣмецкихъ провинціяхъ эта система съ года на годъ исчезаетъ, между тѣмъ, какъ во всѣхъ славянскихъ провинціяхъ она еще господствуетъ, точно какже, какъ и въ Венгріи, гдѣ славянская система земледѣлія послужила образцемъ для мадьяровъ.» («Etudes»; 2-е изд., томъ 1-й, стр. 320 и слѣд.).

Исчисливъ различныя другія препятствія успѣхамъ земледѣлія въ Россіи, графъ Тенгоборскій продолжаетъ:

«Вся та земля, пользованіе которой уступается поселянамъ какой нибудь деревни, раздѣляется на столько участковъ, сколько находится въ селѣ тяголъ или семей. Такъ какъ вся община отвѣчаетъ за исполненіе налоговъ и повинностей, лежащихъ на каждомъ изъ ея членомъ, то она и производитъ этотъ дѣлежъ. Объемъ

(*) По метеорологическимъ наблюденіямъ открывается, что въ Россіи падаетъ гораздо менѣе воды въ видѣ дождя и снѣга, нежели въ большей части другихъ странъ, именно вдвое менѣе, нежели въ Германіи и Франціи и слишкомъ вдвое менѣе, нежели въ Англіи.

участковъ пропорціоналенъ числу членовъ каждой семьи, по соображенію съ ея нуждами и количествомъ рукъ, которыми она располагаетъ для обработки достающагося ей участка. Когда сынъ женится при жизни отца, онъ получаетъ право на особенный участокъ. Тамъ, гдѣ есть чувствительное неравенство въ плодородіи разныхъ полосъ дачи, уравниваютъ дѣлежъ, давая каждому часть земли каждаго достоинства. Когда пространство земли превосходитъ нужду ея населенія, то есть нормальную пропорцію, какая считается необходимой для прокормленія каждой семьи, излишняя земля отдается зажиточнѣйшимъ изъ поселянъ, которые располагаютъ наибольшимъ числомъ рабочихъ рукъ, имѣютъ болѣе скота и вообще болѣе средствъ для обработки, и часто эти земли отдаются имъ даже противъ воли и они пропорціонально своимъ участкамъ несутъ налоги и повинности общины. Этотъ дѣлежъ производится обыкновенно съ большою справедливостію и осмотрительностью. Земли, остающіяся въ излишкѣ послѣ такого дѣлежа, образуютъ съ тѣмъ вмѣстѣ резервъ для будущихъ дѣлежей, которые могутъ сдѣлаться необходимыми при увеличеніи населенія. Когда, напротивъ того, недостаетъ земли для выдѣла каждому семейству участка, соразмѣрнаго его потребностямъ, излишекъ населенія уходитъ въ сосѣднія волости или губерніи, а иногда даже въ чрезвычайно отдаленныя провинціи, чтобы заработывать тамъ себѣ хлѣбъ.

«Какъ ни законна и гуманна такая система дѣлежа, но легко видѣть, какое раздробленіе земли и какія частыя перемѣны въ пользованіи участками, должны происходить при ней по мѣрѣ того, какъ увеличивается, или уменьшается населеніе и число тяголъ деревни, что, конечно, не можетъ быть выгодно въ агрономическомъ отношеніи; потому что 1) неувѣренность сохранить надолго и передать по наслѣдству своимъ дѣтямъ обработанную землю, дѣлаетъ поселянина равнодушнымъ ко всякому улучшенію, выгоды отъ котораго могутъ быть получены имъ только въ болѣе или менѣе отдаленномъ времени; 2) раздробленіе участка поселянина на нѣсколько мелкихъ частичекъ, разбросанныхъ по нѣсколькимъ полямъ для уравненія производительной цѣнности участковъ, также чрезвычайно невыгодно для обрабокки. Но должно сказать, что чрезвычайно трудно устранить эти неудобства, потому что такая система дѣлежа связана съ патріархальнымъ устройствомъ нашихъ общинъ, касаться котораго было бы опасно. Эта система дѣлежа основана на коренной идеѣ о единствѣ общины и равномъ правѣ каждаго изъ ея членовъ на пропорціональный участокъ земли, принадлежащей общинѣ. Такимъ образомъ, она утверждаетъ и укрѣпляетъ общинный духъ, который надобно считать однимъ изъ самыхъ консер-

вативныхъ элементовъ общественной организаціи. Съ тѣмъ вмѣстѣ это одно изъ лучшихъ предохранительныхъ средствъ противъ вторженія пролетаріатства и коммунистическихъ идей, которыя должны имѣть мало привлекательности для земледѣльцевъ, уже пользующихся сообща, посредствомъ справедливаго распредѣленія, плодами земель, ими обработываемыхъ. Нельзя не замѣтить того здраваго смысла и практическаго духа, съ которымъ наши поселяне часто сами, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, видоизмѣняютъ тѣ подробности системы, которыя могутъ имѣть неудобныя слѣдствія; нельзя не замѣтить той легкости, съ которой они слаживаются между собою для соразмѣренія неравностей, возникающихъ отъ различія почвы и ея плодородія; нельзя наконецъ не замѣтить того довѣрія, съ которымъ каждый изъ нихъ подчиняется рѣшеніямъ общины, хотя бы они противорѣчили его личнымъ видамъ или удобствамъ. Казалось, надобно бы было ожидать, что эти часто возобновляемыя дѣлежи земель должны служить источникомъ многочисленныхъ споровъ, но напротивъ, поселяне очень рѣдко обращаются ко вмѣшательству начальства для исправленія этихъ раздѣловъ. Такой фактъ, чрезвычайно удивительный самъ по себѣ, объясняется одною причиною. Именно, эта система, какъ бы ни была она дурна по другимъ отношеніямъ, до такой степени отожествилась съ нравами и понятіями нашихъ поселянъ, что они безъ недовольства переносятъ всѣ ея неудобства. Въ этомъ случаѣ намъ лучше всего сослаться на г-на Гакстгаузена. Изъ его интереснаго сочиненія о Россіи, мы приведемъ только два примѣра, чрезвычайно замѣчательные и доказывающіе, что эта система дѣлежа, до сихъ поръ, несмотря на всѣ свои несовершенства, есть именно такая система, которая, при настоящемъ положеніи дѣлъ, наилучшимъ образомъ соотвѣтствуетъ не только нравамъ нашего сельскаго населенія, но также и его дѣйствительнымъ потребностямъ.

«Пріѣхавъ въ деревню Гору Пятницкую (*), въ Ярославской губерніи, г. Гакстгаузенъ собралъ на мѣстѣ слѣдующія свѣдѣнія объ экономическихъ отношеніяхъ этой общины. Эта деревня, состоящая изъ 23 семей съ 82 душами мужескаго пола, принадлежала прежде князю Козловскому. Крестьяне выкупились на волю, заплативъ помѣщику 14,280 рублей серебромъ. Три пятыхъ части этой

(*) Тутъ у Тенгоборскаго вкралась небольшая ошибка отъ недосмотра. Гакстгаузенъ разсказываетъ это не о селѣ Гора Пятницкая (принадлежавшемъ тогда г. Карновичу), — о Горѣ Пятницкой будетъ еще впереди у Гакстгаузена, — а объ одной изъ деревень, черезъ которыя проѣзжалъ Гакстгаузенъ по дорогѣ изъ Ярославля въ Гору Пятницкую.

суммы были выплачены наличными деньгами, а уплата остальныхъ денегъ была разложена на семь лѣтъ. Земля была раздѣлена между поселянами не по общему обычаю, то-есть, не по числу работниковъ и семей, но по пропорціи суммы, внесенной каждымъ домохозяиномъ при выкупѣ. Такой порядокъ казался и справедливъ, и натураленъ, однако же, крестьяне нашли его столь неудобнымъ, и столь несообразнымъ съ своими привычками, что рѣшились потомъ раздѣлить между собою сумму выкупной платы, какъ простой общинный (*) долгъ и произвесть дѣлежъ земель по обыкновенной системѣ. Второй примѣръ еще болѣе поразителенъ.

«Нѣмецкіе колонисты, поселившіеся въ Саратовской губерніи, принесли съ собою принципъ передачи поземельной собственности по праву наслѣдства, сообразно обычаямъ и законамъ, принятымъ на ихъ прежней родинѣ. Правительство не только дозволило соблюденіе этого принципа, но даже приняло его, какъ обязательный для колонистовъ, въ статутъ о ихъ общинномъ устройствѣ. Что же? черезъ нѣсколько лѣтъ они стали просить и долго просили перемѣны этого пункта въ статутѣ и позволенія принять систему дѣлежа, употребительную у русскихъ поселянъ, — до такой степени показался имъ выгоденъ русской способъ для сохраненія ихъ благосостоянія, и это позволеніе было наконецъ имъ дано.

«Все это доказываетъ, что было бы неблагоразумно рѣзко преобразовывать порядокъ вещей, столь тѣсно слившійся и съ мѣстными преданіями, и съ правами и потребностями нашего сельскаго населенія, какъ бы неоспоримы, впрочемъ, ни казались неудобства, могущія возникать изъ него относительно успѣховъ земледѣлія.

«Есть, однако же, измѣненіе, которое, намъ кажется, можно было бы, мало по малу, ввести въ эту систему, оставляя неприкосновеннымъ принципъ равнаго дѣлежа по тягламъ; именно, можно было бы соразмѣрять величину каждаго участка съ степенью плодородія его почвы, вмѣсто того, чтобы назначать каждой семьѣ частичку каждаго клочка дачи, раздробленной по качествамъ почвы. Тѣ, которые оказались бы невыгодно надѣленными по этому способу, могли бы получать соразмѣрное облегченіе въ общинныхъ податяхъ и повинностяхъ, а всѣ имѣли бы ту выгоду, что каждый владѣлъ бы въ одномъ кускѣ ему доставшимся участкомъ,—это принесло бы значительное удобство при обработкѣ. Само собою разумѣется, этого не слѣдовало бы производить принудительнымъ об-

(*) У Гакстгаузена сказано точнѣе: какъ личный долгъ;—но смыслъ одинъ и тотъ же: каждый поселянинъ остался долженъ общинѣ, или община осталась ему, смотря по тому, болѣе или менѣе онъ заплатилъ, нежели причиталось на его долю по разсчету душъ.

разомъ, и въ видѣ общей мѣры, но способомъ ободренія и вліяніемъ отдѣльныхъ примѣровъ. Тутъ правительство могло бы даже, вѣроятно, оказывать нѣкоторое вліяніе, уступая пустопорожнія государственныя земли съ нѣкоторыми условіями, которыми ограничивалось бы раздробленіе воздѣлываемыхъ земель на мелкія частички.» (Etudes, томъ 1, стр. 339).

Невѣжество наше такъ глубоко, что мы не знали даже о существованіи русскаго перевода книги графа Тенгоборскаго и потому должны были переводить мѣста, представляемыя читателю. Уже потомъ изъ «Экономическаго Указателя» мы узнали, что первый томъ графа Тенгоборскаго давно переведенъ г. Вернадскимъ—вотъ вредъ невѣжества: оно заставило насъ трудиться надъ тѣмъ, что уже сдѣлано другими (*)! То же самое невѣжество было причиною и другой ошибки, отнявшей у насъ гораздо болѣе времени. Еслибъ мы были люди ученые, еслибъ мы знали предшествовавшія сочиненія графа Тенгоборскаго, быть можетъ, мы не потратили бы нѣсколькихъ дней на чтеніе его книги о производительныхъ силахъ Россіи. Мы съ самого начала догадались бы, что она драгоцѣнна, какъ сборникъ фактовъ, какъ справочная книга, но что авторъ ея не принадлежитъ къ числу людей, мнѣнія которыхъ должны быть считаемы законами науки, что часто онъ въ своихъ умозаключеніяхъ дѣлаетъ ошибки, очевидныя и для насъ при всемъ нашемъ невѣжествѣ (въ примѣръ мы укажемъ на страницу 333 и слѣдующія 1 тома,—интересно было бы знать, какъ думаетъ объ этихъ страницахъ «Экономическій Указатель», приверженецъ системы laissez-faire, laissez-passer?). Словомъ сказать, мнѣнія Тенгоборскаго мы ни мало не намѣрены выставлять имѣющими особенный авторитетъ для насъ. И въ настоящемъ случаѣ намъ кажется, что онъ преувеличиваетъ неудобства общиннаго владѣнія, до странности уменьшая вредныя слѣдствія другихъ обстоятельствъ, затрудняющихъ успѣхи нашего земледѣлія. Намъ кажется даже, что онъ не совершенно отчетливо знаетъ различные порядки, по которымъ дѣлится у насъ земля. Онъ воображаетъ, что раздѣлъ по тягламъ совпадаетъ съ раздѣломъ по ревизскимъ душамъ. Это ошибка. Въ однихъ селахъ земля дѣлится по тягламъ, въ другихъ по ревизскимъ душамъ. Ниже мы увидимъ причины такого различія, ихъ объяснитъ намъ Гакстгаузенъ. Далѣе Тенгоборскій воображаетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда излишняя земля навязывается зажиточнымъ семьямъ противъ ихъ воли, община находится въ нормальномъ положеніи. Онъ не замѣчаетъ, что странно говорить, будто бы человѣкъ можетъ счи-

(*) Впрочемъ, мы не раскаяваемся въ томъ, что представили читателю переводъ, не во всемъ согласно съ переводомъ г. Вернадскаго.

тать невыгодою обширность своей земли, и по его разсказу выходитъ, будто наши поселяне обремеияются излишествомъ своихъ земель и сами не знаютъ, что дѣлать съ такимъ бременемъ. Ниже, Гакстгаузенъ объяснитъ намъ, въ какихъ случаяхъ и на какомъ основаніи происходятъ эти ненормальныя явленія, ненормальность которыхъ не замѣчается Тенгоборскимъ. Еще далѣе, Тенгоборскій, забывъ, что нѣсколькими страницами выше, онъ доказывалъ невозможность покинуть трехпольное хозяйство, воображаетъ, будто бы наше земледѣліе находится въ такомъ положеніи, что безъ общиннаго владѣнія было бы выгодно примѣнять къ улучшенію земли такія средства, дѣйствіе которыхъ обнаруживается только черезъ нѣсколько лѣтъ, — еслибъ онъ не воображалъ этого, онъ не поставилъ бы общинное владѣніе препятствіемъ къ такимъ улучшеніямъ, которыя и безъ общиннаго владѣнія были бы невозможны. Ниже, Гакстгаузенъ объяснитъ намъ, что затрата капиталовъ на улучшеніе земли (препятствіемъ къ которой Тенгоборскій считаетъ общинное владѣніе) невозможна ни при какомъ способѣ владѣнія землею въ настоящее время и останется невозможною, пока не измѣнятся условія нашего земледѣльческаго быта, а когда они измѣнятся (именно, когда возвысится цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ и т. д. и т. д.), то капиталы будутъ затрачиваться на улучшеніе земли и при сохраненіи общиннаго владѣнія. Ко всѣмъ этимъ недоразумѣніямъ надобно прибавить неточность, замѣченную нами въ выпискахъ, сдѣланныхъ Тенгоборскимъ изъ Гакстгаузена, и «Экономическому Указателю» будетъ понятно, почему Тенгоборскій не кажется намъ великимъ авторитетомъ въ своихъ разсужденіяхъ. Но по мнѣнію «Экономическаго Указателя» г. Тенгоборскій есть великій авторитетъ и мы, по своему невѣжеству, должны предпочесть мнѣніе столь ученаго журнала нашимъ собственнымъ соображеніямъ. И такъ, мы послушно признаемъ Тенгоборскаго великимъ экономическимъ мыслителемъ. Каково же мнѣніе этого мыслителя объ общинномъ владѣніи? Онъ признаетъ такой порядокъ вещей очень неудобнымъ, но полагаетъ, что его отмѣненіе повлекло бы за собою бѣдствія, гораздо болѣе значительныя, нежели тѣ неудобства, какія представляются его сохраненіемъ, и что потому общинный порядокъ владѣнія долженъ быть сохраненъ. Опять, мы не можемъ совершенно согласиться съ Тенгоборскимъ во взглядѣ на выгоды, представляемыя по его мнѣнію сохраненіемъ общиннаго владѣнія. Нѣкоторыя изъ обстоятельствъ, кажущихся ему выгодными, для насъ казались бы невыгодными; но, къ счастію, мы полагаемъ, что Тенгоборскій преувеличиваетъ послѣдствія, которыхъ ждетъ отъ сохраненія общиннаго порядка, какъ преувеличиваетъ его не-

удобства. Этотъ порядокъ обезпечиваетъ огромному большинству поселянъ пользованіе землею. Онъ предотвращаетъ излишнее неравенство состояній между членами общины:—этихъ выгодъ на нашъ взглядъ совершенно достаточно для предпочтенія общиннаго владѣнія всякому другому. Мнѣніе Тенгоборскаго о другихъ выгодахъ, будто бы приносимыхъ этимъ порядкомъ, намъ кажется слѣдствіемъ малаго знакомства автора съ русскою исторіею. Земледѣльческій классъ, хотя и всегда пользовался у насъ землею по общинному порядку, не всегда являлся въ русской исторіи съ тѣмъ неподвижнымъ характеромъ, какой воображаетъ видѣть въ немъ Тенгоборскій, слишкомъ довѣрившись общей обычной фразѣ о неподвижности, свойственной земледѣльцу въ Западной Европѣ, и примѣнивъ эту бездоказательную фразу къ русскому поселянину. Намъ здѣсь нѣтъ нужды толковать о томъ, каковъ характеръ западнаго европейскаго поселянина. Напомнимъ только о томъ, что козаки были большею частію изъ поселянъ, и что съ начала XVII вѣка почти всѣ драматическіе эпизоды въ исторіи русскаго народа были совершены энергіею земледѣльческаго населенія.

Мы далеко не во всемъ соглашаемся съ Тенгоборскимъ въ мнѣніи какъ о неудобствахъ, такъ и о выгодахъ общиннаго владѣнія; за чѣмъ же мы привели его сужденіе объ этомъ предметѣ? Единственно за тѣмъ, чтобы показать тотъ путь, которымъ начинаютъ развиваться наши свѣдѣнія объ экономической наукѣ. Вотъ мы уже знакомы съ Тенгоборскимъ и воображаемъ даже, что можемъ замѣчать его ошибки, чувствуемъ даже (о, какъ велика бываетъ самоувѣренность невѣжды!) что предметъ, о которомъ идетъ дѣло въ настоящемъ случаѣ, именно: выгоды и невыгоды общиннаго владѣнія, понимается нами лучше, нежели Тенгоборскимъ. Словомъ, Тенгоборскій неудовлетворяетъ насъ и мы хотимъ искать сочиненія, въ которомъ вопросъ, занимающій насъ, разсматривался бы съ большею основательностію. Хлопоты объ этомъ не отнимаютъ у насъ много времени: самъ Тенгоборскій указываетъ намъ на какого-то Гакстгаузена, написавшаго будто бы интересное сочиненіе о сельско-хозяйственныхъ вопросахъ Россіи. Что это за Гакстгаузенъ? посмотримъ, что такое онъ говоритъ. Начинаемъ читать Гакстгаузена и видимъ, что мнѣнія Тенгоборскаго объ общинномъ владѣніи,—и не только мнѣнія, но и рѣшительно всѣ свѣдѣнія объ общинномъ владѣніи, заимствованы Тенгоборскимъ изъ Гакстгаузена, впрочемъ заимствованы, по обычаю всѣхъ компиляторовъ, не безъ нѣкоторыхъ промаховъ и недоразумѣній. Это замѣчаніе служитъ для насъ поводомъ къ такому умозаключенію: если Тенгоборскій, великій ученый по мнѣнію «Экономическаго Указателя», находилъ

совершенно достаточными для поддержанія своей ученой славы свѣдѣнія, почерпнутыя изъ Гакстгаузена, то и насъ теперь, когда мы познакомились съ Гакстгаузеномъ, никто не можетъ не признать людьми замѣчательной учености. Мы имѣемъ у себя на столѣ книгу Гакстгаузена, слѣдовательно, по вопросу объ общинномъ владѣніи, обладаемъ всѣми тѣми средствами учености, какими владѣлъ Тенгоборскій. И такъ, въ этомъ дѣлѣ мы перестаемъ быть невѣждами, напротивъ становимся, подобно Тенгоборскому, великими учеными. Читатель! что вы найдете прочнаго въ наше время? Нѣкогда очень прочною вещью было невѣжество; бывало, человѣкъ воображавшій себя ученымъ, воображалъ себя раздѣленнымъ непроходимой пропастью отъ людей, которыхъ не угодно было ему считать учеными. Увы! теперь и эта монополія шатается. Нынѣ, лишь была бы охота, каждому доступны средства пріобрѣсти обширныя знанія въ предметѣ, который его интересуетъ. Вотъ, хотя бы и нашъ примѣръ. Давно ли «Экономическій Указатель» находилъ въ нашихъ замѣчаніяхъ объ общинномъ владѣніи доказательства невѣжества, а вотъ теперь мы уже знаемъ объ этомъ предметѣ ни на волосъ не меньше, нежели зналъ самъ Тенгоборскій, котораго даже «Экономическій Указатель» признаетъ великимъ ученымъ. Въ грустное время живемъ мы съ вами, читатель! Нынѣ нельзя гордиться передъ своими сотоварищами не только какимъ нибудь другимъ, менѣе достойнымъ уваженія преимуществомъ, но нельзя гордиться даже ученостью: къ великому сожалѣнію нашему, знаніе сдѣлалось нынѣ доступно не однимъ цеховымъ ученымъ, но рѣшительно каждому, имѣющему охоту, или чувствующему потребность пріобрѣсть знаніе. Грустное время, когда мы повсюду вокругъ себя видимъ исполненіе могущественныхъ словъ, произносимыхъ духомъ нашего вѣка: «Возстань, спящій, и воскресни изъ мертвыхъ!»

Но довольно объ этомъ грустномъ предметѣ. Пора намъ заняться Гакстгаузеномъ. Книга его, къ сожалѣнію, слишкомъ мало еще извѣстна у насъ, хотя первые два тома ея вышли уже десять лѣтъ тому назадъ. Въ свое время «Современникъ» указывалъ русской публикѣ на это замѣчательное сочиненіе и представлялъ нѣкоторыя извлеченія изъ него («Современникъ», томы V и VI, Смѣсь). Мы прежде всего воспользуемся общими замѣчаніями, которыя были тогда сдѣланы нашимъ журналомъ о происхожденіи и характерѣ книги Гакстгаузена.

«Г. Гакстгаузенъ говоритъ въ своемъ предисловіи, что «онъ уже давно посвятилъ себя изученію сельскихъ учрежденій во всемъ ихъ объемѣ, во всемъ, что касается до устройства общинъ, до состоянія земледѣльцевъ, до отношенія ихъ къ семейству, владѣльцу земли

(тамъ, гдѣ крестьяне находятся въ зависимости), къ общинѣ и къ государству, — что онъ старался изучать и наблюдать непосредственно собственными глазами жизнь такъ называемыхъ низшихъ сословій» и проч. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ прусское правительство дало г. Гакстгаузену средства для его ученыхъ розысканій, поручивъ ему изслѣдованія сельскаго устройства въ прусской монархіи. Съ 1830 года по 1838 годъ, онъ объѣздилъ съ этою цѣлію всѣ прусскія провинціи. Разбирая историческое развитіе нѣкоторыхъ сельскихъ учрежденій въ Пруссіи, г. Гакстгаузенъ нашелъ въ нихъ различныя отношенія, нисколько необъяснимыя чисто германскимъ народнымъ бытомъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, съ XI до XII вѣка, обитали славянскія племена, впослѣдствіи истребленныя или огерманизированныя; этотъ исчезнувшій славянскій народный бытъ могъ служить источникомъ тѣхъ сохранившихся загадочныхъ и особенныхъ сельскихъ отношеній. Авторъ, желая объяснить себѣ этотъ предметъ, счелъ необходимымъ ближе познакомиться съ славянскими народами, особенно съ тѣми, которые живутъ на своихъ первобытныхъ мѣстахъ и самобытно, безпримѣсно развиваютъ свою народную жизнь. Въ прусскихъ провинціяхъ, до сихъ поръ обитаемыхъ славянскими племенами: кашубами, мазурами, верхними силезцами, поляками, сельскія учрежденія не могли сохраниться въ своей первобытной чистотѣ: они развивались подъ вліяніемъ сосѣдственныхъ германскихъ племенъ; что осталось въ нихъ своего славянскаго, что пріобрѣли они отъ германскаго племени, отличить очень затруднительно. Для этого г. Гакстгаузенъ предпринялъ путешествія въ славянскія земли; въ южныя провинціи Австріи, Сербію, Болгарію и преимущественно въ Россію. Въ Россіи онъ нашелъ полное пособіе для своихъ ученыхъ изслѣдованій: онъ не только былъ порученъ правительствомъ вниманію и покровительству мѣстныхъ начальствъ, но ему еще были сообщены документы изъ архивовъ и правительственныхъ мѣстъ.

«Г. Гакстгаузенъ началъ свое *аграрное* путешествіе по Россіи весной 1843 года. Сперва онъ отправился на сѣверъ, осмотрѣлъ часть обширнаго лѣснаго пояса Россіи, потомъ объѣхалъ губерніи Казанскую, Саратовскую, Пензенскую, Тамбовскую, Воронежскую, Харьковскую, Екатеринославскую и изъ Керчи предпринялъ небольшое путешествіе въ южно-кавказскія земли, объѣхалъ Крымъ и берегомъ достигъ до Одессы. Изъ Одессы онъ отправился въ Подолію и Волынію, доѣхалъ до Кіева и черезъ Черниговъ, Орелъ и Тулу возвратился въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Москву. Изданные имъ теперь два тома заключаютъ въ себѣ часть наблюденій и обильныхъ

матеріаловъ, собранныхъ имъ въ Россіи.» («Современникъ», томъ V, Смѣсь, стр. 247).

«Обиліе документовъ (замѣчаетъ «Современникъ» въ другомъ мѣстѣ) о нашемъ общественномъ бытѣ и особенно обо всемъ, что касается до сельскихъ учрежденій, собранныхъ авторомъ изъ оффиціальныхъ источниковъ, придаетъ особенную важность книгѣ барона Гакстгаузена. Самъ баронъ Гакстгаузенъ, по понятіямъ, убѣжденіямъ, образу мыслей и занятіямъ — нѣмецкій дворянинъ, католикъ и агрономъ. («Современникъ», томъ VI, Смѣсь, стр. 38.)

Прежде нежели начнемъ мы дѣлать извлеченія изъ Гакстгаузена, мы считаемъ неизлишнимъ нѣсколько подробнѣе развить замѣчаніе, представленное нами выше изъ VI тома «Современника» относительно убѣжденій, которыми руководился нѣмецкій агрономъ въ своихъ сужденіяхъ объ общественныхъ дѣлахъ.

Во первыхъ надобно сказать, что Гакстгаузенъ по своимъ политическимъ мнѣніямъ не только не республиканецъ или хотя бы либералъ, но даже не просто консерваторъ, а такой реакціонеръ, какіе въ Германіи могутъ быть встрѣчаемы только между помѣщиками нѣкоторыхъ прусскихъ провинцій. Онъ видитъ единственное спасеніе для Пруссіи въ возстановленіи прежней неограниченной власти короля и считаетъ совершенной погибелью для этого королевства не только констатуціонное устройство, введенное въ Пруссіи событіями 1848 года, но и предшествовавшее тому учрежденіе Общаго Собранія Сословій королевства въ 1847 году. Онъ считается врагомъ Бога и родины каждаго нѣмца или француза, непризнающаго самодержавной власти необходимостію для Германіи или Франціи. Онъ не только желаетъ возстановленія самодержавной власти въ тѣхъ странахъ западной Европы, гдѣ идетъ борьба между самодержавіемъ и конституціоннымъ устройствомъ, но желалъ бы ввести самодержавную монархію даже въ Сѣверной Америкѣ, которую ставитъ, относительно политическаго устройства, гораздо ниже Россіи.

Такой человѣкъ, конечно, не можетъ быть заподозрѣнъ въ особенномъ сочувствіи къ соціализму или коммунизму; и дѣйствительно, Гакстгаузенъ гнушается этими системами и прямо называетъ ихъ порожденіемъ дьявола.

Объ этихъ мнѣніяхъ Гакстгаузена каждый изъ его западно-европейскихъ читателей, конечно, судитъ сообразно своему взгляду на политическіе вопросы: одному можетъ нравиться, другому не нравиться политическій образъ мыслей Гакстгаузена. Но всѣ отдаютъ ему полную справедливость въ томъ отношеніи, что онъ хо-

рошій агрономъ и основательно знаетъ сельско-хозяйственныя учрежденія всѣхъ странъ Западной Европы, а въ особенности Германіи, которую изучилъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи превосходно; и не только хорошо знаетъ онъ эти учрежденія, но и судитъ о нихъ вообще справедливо. Онъ человѣкъ въ высокой степени практическій, относительно тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ можетъ имѣть самостоятельное мнѣніе по близкому знакомству съ ними. Политикою онъ не занимался; разсуждая о политическихъ вопросахъ, онъ по преданію принимаетъ понятія, господствующія въ сословіи, среди котораго онъ воспитался и живетъ. Но какъ скоро рѣчь пойдетъ о какомъ нибудь сельско-хозяйственномъ вопросѣ, Гакстгаузенъ является уже не прусскимъ помѣщикомъ, а просвѣщеннымъ, опытнымъ и проницательнымъ сельскимъ хозяиномъ. Тутъ ему нѣтъ уже никакого дѣла до того, какъ думаетъ объ этомъ вопросѣ та или другая политическая партія. Онъ смотритъ только на то, каковы сельско-хозяйственныя и вообще экономическія послѣдствія этого учрежденія. Онъ отвергнетъ учрежденіе нравящееся его политической партіи, если это учрежденіе найдетъ невыгоднымъ или неудобнымъ для народнаго хозяйства. Онъ будетъ защищать сельско-хозяйственное учрежденіе не нравящееся его политическимъ друзьямъ, если найдетъ, что это учрежденіе полезно для національнаго хозяйства. Онъ прямо скажетъ: «экономическая область должна быть чужда политическихъ предубѣжденій или пристрастій; вопросы о національномъ благосостояніи выше споровъ о формахъ политическаго устройства. При томъ же, экономическіе вопросы не имѣютъ необходимой связи съ политическими.»

Въ этомъ состоитъ сильная сторона книги Гакстгаузена. Онъ разсматриваетъ сельско-хозяйственныя учрежденія съ точки зрѣнія чисто экономической, не увлекаясь ни какими политическими пристрастіями, и за то заслуживаетъ полнаго одобренія. Въ самомъ дѣлѣ: какая нужда намъ до того, какъ называются люди благопріятствующіе или неблагопріятствующіе какому нибудь практическому учрежденію? Намъ нужно обращать вниманіе только на то, полезно ли это учрежденіе. До прозваній и системъ практическому человѣку нѣтъ никакого дѣла; мы должны держаться въ практическихъ вопросахъ исключительно того критеріума, который выставленъ прекрасными словами: «по плодамъ дерева судите о деревѣ.» Это правило мы пояснимъ слѣдующимъ примѣромъ, взятымъ изъ Гакстгаузена.

«22 іюня (говоритъ онъ), мы пріѣхали въ Татарское село Епанашино (Казанской губерніи). Въ этомъ селѣ нѣтъ школы, но во-

еще по татарскимъ деревнямъ много школъ. Эти училища устроены по системѣ взаимнаго обученія, какъ во многихъ восточныхъ странахъ. Іезуиты нашли эту методу у индусовъ и ввели ее во многихъ изъ своихъ школъ. Белль-ланкастерская метода вовсе не новое изобрѣтеніе!» (Гакстгаузенъ, томъ I, страница 492).

Какое намъ дѣло до того, что система взаимнаго обученія принята іезуитами, которыхъ мы ненавидимъ? Какое намъ дѣло до того, что она издавна существуетъ у татаръ, грубыхъ и невѣжественныхъ? Какое намъ дѣло до того, что она принята у индусовъ, гнусное суевѣріе и пагубные національные обычаи которыхъ могутъ намъ казаться отвратительными? Сама по себѣ система взаимнаго обученія хороша, и мы не будемъ останавливаться на томъ, что она явилась на свѣтъ съ дурными рекомендаціями. Мы смотримъ на достоинство самой вещи, а не на ярлычокъ къ ней прицѣпленный.

Но довольно, слишкомъ довольно всѣхъ этихъ объясненій и предисловій. Мы хотимъ въ настоящей статьѣ познакомить читателя съ тѣми свѣдѣніями о русскомъ обычаѣ общиннаго владѣнія землею, которыя собраны у Гакстгаузена полнѣе и основательнѣе, нежели у какого либо другаго писателя, изучавшаго этотъ чрезвычайно-важный предметъ. Пора намъ начать наши извлеченія изъ этого изслѣдователя, дѣйствительно замѣчательнаго и основательнаго, съ мнѣніями котораго не всегда можно соглашаться, но неутомимое трудолюбіе и обширность знаній котораго нельзя не уважать. Мы начнемъ наши извлеченія тѣми страницами его книги, которыя заключаютъ общій сводъ сообщенныхъ ему свѣдѣній о порядкѣ общиннаго владѣнія въ Россіи.

«О раздѣлѣ земли въ русскихъ сельскихъ общинахъ были сообщены намъ (говоритъ Гакстгаузенъ) слѣдующія извѣстія: по принципу, все населеніе сельской общины разсматривается, какъ единица, которой принадлежитъ вся дача деревни: поля, луга, пастбища, лѣса, ручьи, пруды и проч. Каждый мужчина, находящійся въ живыхъ, имѣетъ право на совершенно равное участіе во всякомъ пользованіи землею. Потому участокъ каждаго поселянина по принципу постоянно подлежитъ измѣненію, такъ какъ каждый новый мужчина, рождающійся въ общинѣ, является съ новымъ правомъ и требуетъ своего участка; въ замѣнъ того, и участокъ каждаго умершаго возвращается въ общину. Лѣса и пастбища, права на охоту и на рыболовство остаются нераздѣльными и каждый съ равнымъ правомъ участвуетъ въ пользованіи ими. Поля и луга, напротивъ, раздѣляются между всѣми мужчинами равномѣрно, по своей внутренней цѣнности. Это равномѣрное раздѣленіе, ко-

нечно, очень трудно. Дача деревни состоитъ изъ хорошихъ, изъ посредственныхъ, изъ дурныхъ полосъ; однѣ полосы лежатъ близко, другія далеко, и оттого пользованіе различными полосами неодинаково удобно. Какъ тутъ ввести уравненіе? Трудность велика, но русскіе легко одолѣваютъ ее: въ каждой общинѣ есть искусные землемѣры, научившіеся своему дѣлу по преданіямъ и исполняющіе его съ ловкостью, и ко всеобщему удовольствію. Министръ государственныхъ имуществъ г. Киселевъ приказалъ въ различныхъ мѣстностяхъ Воронежской губерніи произвесть оцѣнку общинныхъ участковъ учеными землемѣрамъ и таксаторамъ, и сравненіе показало, что размежеваніе и оцѣнка, произведенная деревенскими межевщиками, отступаетъ отъ оцѣнки, совершенной научнымъ образомъ, только на три и четыре процента, — и кто знаетъ еще, на чьей сторонѣ точность! Сначала дача раздѣляется на полосы, смотря по отдаленности или близости, по качеству земли и по степени ея свѣжести или удобренности, такъ что каждая полоса бываетъ кускомъ совершенно однороднымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Потомъ каждая изъ этихъ полосъ раздѣляется на столько участковъ, сколько находится въ общинѣ людей, имѣющихъ участіе въ дѣлежѣ и участки разбираются ими по жеребью. При этомъ дѣлежѣ и метаніи жеребья обыкновенно присутствуетъ цѣлая община, въ томъ числѣ даже женщины и дѣти. Но при томъ господствуетъ величайшій порядокъ и тишина; господствуетъ также величайшая справедливость, и никогда не бываетъ раздора. Когда думаютъ, что кому нибудь достался участокъ менѣе цѣнный, то вознаграждаютъ его изъ запасныхъ земель. Таковъ общій порядокъ; но въ каждой области, въ иныхъ мѣстахъ въ каждой общинѣ, установились мѣстные обычаи, которыми онъ видоизмѣняется. Очень интересно было было бы изслѣдовать всѣ эти особенности. Напримѣръ, въ Ярославской губерніи существуютъ во многихъ общинахъ особенные, чрезвычайно чтимые, землемѣрные жезлы. Длина ихъ соотвѣтствуетъ доброкачественности различныхъ почвъ, такъ что, напримѣръ, жезлъ для самой лучшей земли — самый короткій; для земли нѣсколько похуже — жезлъ нѣсколько подлиннѣе; и наконецъ, для самой худшей земли — жезлъ самый длинный. И такъ въ этихъ общинахъ различные участки неравны величиной, но именно тѣмъ самымъ уравнены въ своей цѣнности (*).

(*) Изъ словъ Гакстгаузена очевидно, что въ этихъ общинахъ дача не дробится предварительно на полосы одной доброкачественности, и что каждый участокъ состоитъ изъ одного куска, а не изъ мелкихъ разбросанныхъ частицъ.

«Мы имѣли здѣсь въ виду свободную русскую общину, которой дача принадлежитъ въ собственность. Такихъ свободныхъ общинъ, дѣйствительно, много существуетъ въ Россіи. Сюда относятся, напримѣръ, всѣ козацкія общины. Но въ принципѣ не производитъ никакой разницы то обстоятельство, принадлежитъ ли дача въ собственность общинѣ, или она отдана общинѣ только во владѣніе, какъ у государственныхъ крестьянъ, или даже только въ пользованіе, какъ у крѣпостныхъ крестьянъ.

«Принципъ равнаго дѣленія по душамъ—первобытный славянскій принципъ: онъ происходитъ изъ древнѣйшаго принципа славянскаго права, принципа о нераздѣльномъ общемъ владѣніи всѣмъ родомъ. Такой дѣлежъ земель находился, быть можетъ, у всѣхъ славянскихъ народовъ, и теперь можетъ быть находится въ Сербіи, Кроаціи, Славоніи, и проч., гдѣ не повсюду происходитъ даже годичное раздѣленіе земель, а въ иныхъ мѣстахъ обработка земли производится вообще всею общиною подъ управленіемъ старшинъ, и только уже жатва поровну раздѣляется членами общины.

«Принципъ раздѣла земли по душамъ въ Россіи сохранился даже у крѣпостныхъ крестьянъ, находящихся на оброчномъ положеніи, которое прежде было единственнымъ употребительнымъ. Но у тѣхъ, которые отправляютъ барщину, мы находимъ слѣдующее видоизмѣненіе принципа. При оброчномъ положеніи, какъ мы сказали, каждая мужская душа получаетъ равный участокъ земли, но зато каждая мужская душа беретъ на себя и равную часть въ оброкѣ. Когда же введена въ деревнѣ барщина, то, конечно, малолѣтки и старики немогущіе работать, не несутъ барщинной повинности; потому не могутъ имѣть они и притязанія на участки земли, раздаваемой крестьянамъ въ замѣнъ барщинной работы. Потому въ селахъ, имѣющихъ барщину, появилось другое основаніе дѣлежа земель, именно: земля дѣлится не по душамъ, а по тягламъ.

«Указанныя здѣсь отношенія составляютъ основаніе русскаго общиннаго устройства, одного изъ замѣчательнѣйшихъ и интереснѣйшихъ государственныхъ учрежденій, какія только существуютъ въ мірѣ. Оно несомнѣнно представляетъ неизмѣримыя выгоды для внутренняго общественнаго состоянія. Въ русской общинѣ есть органическая связь, въ ней лежитъ столь крѣпкая общественная сила и порядокъ, какъ нигдѣ въ другихъ странахъ. Описанный порядокъ доставляетъ Россіи ту неизмѣримую выгоду, что въ этой странѣ до сихъ поръ нѣтъ, и не можетъ образоваться пролетаріата, пока существуетъ такое общинное устройство. Человѣкъ можетъ обѣднѣть, можетъ лично промотать все свое имущество,—это не вредитъ его дѣтямъ: они, все-таки, удерживаютъ, или вновь получа-

ютъ свой участокъ по общинному праву, потому что на участокъ этотъ имѣютъ они право, не какъ наслѣдники своего отца, а какъ члены своей общины; дѣти не наслѣдуютъ въ русской общинѣ нищеты отца.

«Но съ другой стороны, надобно сознаться, что въ основаніи этого общиннаго устройства (въ ежегодномъ дѣлежѣ земли) не лежитъ условій успѣховъ сельскаго хозяйства, или, по крайней мѣрѣ, эти успѣхи очень затрудняются такимъ порядкомъ дѣлъ. Хлѣбопашество и всѣ отрасли сельскаго хозяйства, быть можетъ, подвергнутся когда нибудь опасности быть удержаны этимъ принципомъ на низкой ступени. Останется ли такое устройство, когда умственное образованіе сдѣлаетъ значительные успѣхи между русскими поселянами? Кто можетъ рѣшить это! Опытные и образованные сельскіе хозяева, какъ напримѣръ, г. Карновичъ, отзываются объ этомъ порядкѣ невыгодно и думаютъ, что земледѣліе не можетъ идти впередъ, когда такой принципъ примѣняется во всей своей строгости. Но въ томъ и дѣло, что уже давно этотъ принципъ не примѣняется во всей своей строгой послѣдовательности. Онъ нигдѣ не покинутъ, но онъ подлежитъ естественнымъ, удобнымъ и выгоднымъ видоизмѣненіемъ. Русскіе поселяне въ своей массѣ не имѣютъ ни малѣйшаго недостатка въ здравомъ, практическомъ пониманіи того, что относится къ дѣйствительнымъ интересамъ. Въ нихъ этого качества, можетъ быть, больше, нежели въ другихъ народахъ. Они давно увидѣли, какія невыгоды и неудобства приноситъ строгое доведеніе системы равнаго дѣлежа до крайнихъ послѣдствій. Когда я предлагалъ г. Карновичу вопросы, дѣйствительно ли гдѣ нибудь земля ежегодно вновь передѣляется между членами общины, то онъ рѣшительнѣйшимъ образомъ отвѣчалъ на это отрицательно, и его отвѣтъ подтверждаемъ былъ мнѣ многими другими людьми и во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ я предлагалъ этотъ вопросъ. Въ различныхъ частяхъ Россіи встрѣчаются многоразличныя видоизмѣненія общаго обычая. Въ здѣшнихъ мѣстностяхъ (около Ярославля) и, вѣроятно, въ цѣлой Ярославской губерніи поступаютъ слѣдующимъ образомъ.

«Какъ извѣстно, въ опредѣленные сроки производятся въ Россіи народныя переписи для распредѣленія подушной подати и рекрутской повинности. Эти переписи называются ревизіями и со временъ Петра I, стало быть, въ теченіи 130 лѣтъ, было ихъ восемь (*). Относительно этихъ сроковъ принято за правило, что въ годъ ревизіи *долженъ* быть производимъ въ общинахъ новый передѣлъ земли.

(*) Первыя двѣ части сочиненія Гакстгаузена вышли въ 1847 году.

Еслибъ это не было предписано, то поселяне, по крайней мѣрѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ (*), даже и въ ревизіонный годъ не стали бы предпринимать новаго передѣла, потому что, какъ неудобенъ для нихъ этотъ передѣлъ, сколь невыгоднымъ онъ для нихъ кажется, обнаруживается уже изъ прозванія, которое они даютъ ему—именно, они называютъ его *черный передѣлъ*, то есть, die schwarze, böse Theilung (черный, злой дѣлежъ) (**).

«При послѣдней ревизіи въ здѣшней мѣстности поступали слѣдующимъ образомъ и, конечно, подобнымъ же образомъ поступали въ значительной части Россіи:

«Прежде всего общинная дача размѣривается и оцѣняется по качествамъ почвы деревенскими межевщиками и каждая полоса дѣлится на извѣстное число участковъ. Въ государственныхъ имѣніяхъ количество этихъ участковъ разсчитывается приблизительно по числу ревизскихъ душъ, а въ удѣльныхъ и крѣпостныхъ имѣніяхъ по числу тяголъ; но на случай приращенія въ населеніи, нарѣзывается нѣсколько лишнихъ участковъ, которые и составляютъ резервъ для общины. Слишкомъ неправильныя фигуры, образуемыя дорогами, рвами, берегами и проч., трудно измѣримыя, обрѣзываются такъ, чтобы выдѣлялись изъ нихъ участки правильной формы, и остающіяся такимъ образомъ за границами участковъ полосы, концы и углы также причисляются къ резервнымъ землямъ и служатъ для уравненій между участками, если который нибудь окажется малоцѣннѣе другихъ. Эти углы и концы называются заполоски. Послѣ того каждому выдается участокъ, доставшійся ему по

(*) Гакстгаузенъ очевидно говоритъ о той мѣстности Ярославской губерніи въ которой лежитъ помѣстье г. Карповича, на свидѣтельствѣ котораго главнымъ образомъ основываются свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ на этихъ страницахъ; то есть, дѣло идетъ о той части Ярославской губерніи, которая сопредѣльна съ губернскимъ городомъ.

(**) Гакстгаузенъ введенъ въ ошибку относительно смысла слова *черный* въ этомъ выраженіи; оно очевидно имѣетъ тоже значеніе, какъ въ выраженіяхъ: *черная земля, черные люди, черная сотня*, то есть тягловая, или податная, въ противуположность бѣлой, то есть, освобожденной отъ тягла или оброка, податей и барщины. Итакъ *черный передѣлъ* значитъ просто передѣлъ податныхъ земель, или передѣлъ земли между людьми податнаго сословія. Ошибка, въ которую введенъ былъ Гакстгаузенъ, произошла отъ того, что люди, на словахъ которыхъ онъ основывался, съ одной стороны не знали кореннаго смысла слова черный, несомнѣннаго для каждаго знакомаго съ старинными грамотами, а съ другой стороны, эти люди, сами представляя себѣ передѣлъ земли невыгоднымъ для хозяйства, внесли въ непонятное для нихъ народное выраженіе тотъ смыслъ, какой для нихъ самихъ могъ казаться натуральнымъ при ихъ взглядѣ на этотъ предметъ. На этомъ ошибочномъ толкованіи построенное предположеніе о чувствахъ поселянъ вовсе не убѣдительно.

жребію, а резервныя земли община или отдаетъ въ наемъ, или какъ нибудь иначе пользуется ими. Когда теперь въ послѣдствіи времени родится мальчикъ, или образуется новое тягло, то изъ резервныхъ земель выдѣляется и дается ему новый участокъ. Когда кто умираетъ, то его участокъ присоединяется къ резервнымъ землямъ. Но вообще сколько возможно соблюдается то, чтобы, напримѣръ, участокъ, принадлежавшій умершему отцу, вновь былъ отданъ его сыну, такъ, чтобы существующія земледѣльческія хозяйства сколь возможно менѣе нарушались въ своемъ существованіи. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается причина и того, почему семьи охотно остаются безъ раздѣла въ хозяйствѣ (*). Когда умираетъ отецъ, то часто старшій братъ заступаетъ его мѣсто какъ глава семьи, пользуясь совершенно всей его властью, и хозяйство остается нераздѣльнымъ.

«Изъ этого видно, что дѣлежъ земель на практикѣ вовсе не такъ пагубенъ, какъ можно бы полагать судя по его принципу. На это могутъ сказать, что когда человѣкъ не есть собственникъ земли, или по крайней мѣрѣ не имѣетъ твердой обезпеченности, что будетъ пользоваться ею въ продолженіи многихъ лѣтъ до опредѣленнаго срока, то не будетъ онъ предпринимать никакихъ улучшеній, не будетъ влагать въ землю капиталовъ, чтобы сообщить ей высшую обработку — но мы уже показали, что каждый членъ общины достаточно обезпеченъ въ томъ, что сохранитъ владѣніе своимъ участкомъ, по крайней мѣрѣ, отъ одной ревизіи до другой, то есть, на періодъ отъ 10 до 15 лѣтъ. Кромѣ того надобно сказать, что до сихъ поръ, вообще къ Россіи очень мало могутъ примѣняться западно-европейскія средства и потребности относительно приложенія капиталовъ къ землѣ и улучшеній сельскаго хозяйства. Напримѣръ, въ Западной Европѣ и въ Германіи сама по себѣ земля составляетъ не болѣе какъ двѣ трети цѣнности всего хозяйства, а остальная треть цѣнности состоитъ въ скотѣ, орудіяхъ, произведенныхъ работахъ для улучшенія почвы. Потому въ Западной Европѣ если я не увѣренъ, что удержу землю, по крайней мѣрѣ, на извѣстное число лѣтъ, и по окончаніи ихъ не получу вознагражденія за работы улучшившія почву, то я могу потерять одну треть моего состоянія; именно, при перемѣнѣ я совершенно потерялъ бы удобреніе и засѣвъ, мой скотъ подвергся бы неудобствамъ отъ перемѣны,

(*) Гакстгаузенъ опять введенъ въ ошибку. Нелюбовь поселянъ къ раздѣлу семьи на отдѣльныя хозяйства происходитъ отъ другой причины, именно отъ того, что чѣмъ больше работниковъ въ одномъ хозяйствѣ, тѣмъ богаче оно; одинокій мужикъ не можетъ хорошенько управиться съ полевыми работами.

а мои орудія могли бы стать отчасти не нужными для меня. Если напримѣръ въ Германіи, я покупаю 1 іюня помѣстье въ 500 моргеновъ пахотной земли при ста моргенахъ луговъ и десяти моргенахъ сада, то покупная цѣна распредѣлится по статьямъ цѣнности помѣстья слѣдующимъ образомъ:

1) Пахотная земля.	20,000	талер
2) Луга	9,000	—
3) Садъ	1,000	—
4) Удобреніе и посѣвъ	3,000	—
5) Работы для улучшенія луговъ. .	500	—
6) Работы и орудія для сада. . . .	500	—
7) Скотъ и земледѣльческія орудія.	6,000	—
8) Усадьба	6,000	—
	46,000	талер.

Теперь, если статьи 1, 2 и 3, имѣющія вмѣстѣ цѣнность 30,000 талеровъ, даются мнѣ только на время и могутъ быть ежеминутно переданы другому, то при этой передачѣ я рискую совершенно потерять статьи 4, 5 и 6, имѣющія цѣнность 4,000 талеровъ; а по статьямъ 7 и 8, имѣющимъ цѣнность 12,000 талеровъ, понести убытокъ, размѣръ котораго не могу впередъ опредѣлить.

«Такія соображенія не прилагаются къ Россіи. Въ средней полосѣ Имперіи, въ области чернозема, плодородіе такъ велико, что земля не удобряется, пашется только одинъ разъ, да и то слегка, потому удобреніе и работа запашки вовсе не входятъ въ разсчетъ; да и цѣна сѣмянъ окажется незначительна, когда мы вспомнимъ, что шеффель ржи въ дешевые годы продается по 12 зильберъ-грошей (четверикъ 20 коп. сер.). Искусственныхъ луговъ и садовъ почти нигдѣ нѣтъ. Овчарни существуютъ у крестьянъ чрезвычайно рѣдко. Обзаведеніе рогатымъ скотомъ у нихъ незначительно; лошади дешевы. Если мы подумаемъ, что въ Ярославской губерніи обыкновенная цѣна хорошей крестьянской лошади — 50—60 рублей ассигнаціями, то легко намъ сообразить, какъ ничтоженъ капиталъ, затрачиваемый на обработку земли. Изба русскому поселянину почти ничего не стоитъ. Бревна на постройку получаетъ онъ даромъ изъ общественнаго лѣса и самъ строитъ себѣ жилище изъ этихъ бревенъ, такъ что расходы его наличными деньгами на постройку дома не доходятъ и до пяти талеровъ. И такъ, если въ Германіи при оцѣнкѣ поземельнаго участка принимается въ разсчетъ, кромѣ самой земли, значительный капиталъ, образуемый хозяйственнымъ инвентаріемъ и искусственными улучшеніями почвы, то въ большей части Россіи такой разсчетъ почти совершенно непримѣнимъ.

къ дѣлу, оттого для Россіи постоянство въ пользованіи землею далеко не имѣетъ того значенія, какъ для остальной Европы.

«Вообще въ наибольшей части Россіи земля имѣетъ незначительную цѣнность; она только почва для человѣческаго труда; потому еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ всѣ купчія крѣпости, дарственныя записи и завѣщанія говорили только о душахъ. Продавали, дѣлили и т. п., въ селѣ N столько-то и столько-то душъ крестьянъ. Земля была только прибавкою къ людямъ!

«Будетъ ли увеличиваться цѣнность земли, иначе сказать, будетъ ли итти впередъ земледѣліе, достигнетъ ли оно цвѣтущаго состоянія — это вопросъ будущаго для Россіи; но я боюсь, что въ ближайшемъ будущемъ вопросъ этотъ поставится невыгоднымъ образомъ (*). Я уже указывалъ, что въ Россіи земледѣліе и фабричная промышленность находятся въ ненормальномъ отношеніи. Земледѣліе не будетъ никогда процвѣтать, пока чистый доходъ отъ него будетъ такъ незначителенъ какъ въ настоящее время. А чистый доходъ отъ земледѣлія будетъ незначителенъ до той поры, пока не будетъ возвращена въ естественныя границы искусственно порожденная фабричная промышленность, или пока народонаселеніе не возрастетъ на столько, что окажется излишекъ рабочихъ рукъ. Въ остальной Европѣ фабриками заняты только тѣ рабочія силы, которыя уже не могутъ быть обращены на земледѣліе по излишеству рукъ для этого занятія. Въ Россіи напротивъ обращаются на земледѣліе только тѣ рабочія силы, которыя излишни для фабричной и ремесленной промышленности, или отвергнуты ею, какъ негодныя.

«Потому русское равномѣрное раздѣленіе земли между членами общины, по нашему мнѣнію, совершенно соотвѣтствуютъ настоящему общему соціальному положенію страны, а также и настоящей степени развитія хлѣбопашества въ Россіи. И надобно прибавить, что оно не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго успѣхамъ сельскаго хозяйства. Пусть только не вводятъ никакихъ насильственныхъ мѣръ въ примѣненіи къ дѣлу этого принципа: поселяне сами лучше всѣхъ знаютъ, что для нихъ полезно; они сами собою ввели уже въ этотъ принципъ понадобившіяся видоизмѣненія и впослѣдствіи сами введутъ другія видоизмѣненія, какія понадобятся. Если въ чемъ, то именно въ этомъ дѣлѣ надобно остерегаться принудительнаго вмѣшательства.

(*) Къ счастію, опасенія Гакстгаузена опровергнуты мудростью нашего правительства: тарифы 1850 и 1857 года постепенно приводятъ фабричную промышленность въ тѣ нормальныя отношенія къ земледѣлію, которыя нужны для процвѣтанія сельскаго хозяйства.

«Относительно владѣнія землею видимъ мы въ Европѣ владычествующими одновременно въ разныхъ странахъ три принципа. Они рѣзко развились въ трехъ державахъ, а въ другихъ государствахъ существуютъ въ различныхъ степеняхъ взаимнаго ограниченія и смѣшенія.

«Въ Англіи владычествуетъ такой принципъ: земля должна быть дѣлима какъ можно менѣе и земледѣлію должно быть посвящено только то количество рукъ, какое совершенно необходимо. Только тогда можно сильно двигать впередъ и сохранять въ цвѣтущемъ состояніи земледѣліе; потому вся эта страна воздѣлывается большими, хотя не чрезмѣрно большими, хозяйствами. Въ нихъ та выгода, что всѣмъ занятымъ при нихъ рукамъ они даютъ работу впродолженіе круглаго года, и оттого нѣтъ потери въ рабочемъ капиталѣ человѣческихъ силъ. Только въ большихъ хозяйствахъ могутъ съ удобствомъ и съ выгодою вводиться и поддерживаться улучшенія.

«Результатъ этой системы таковъ, что, говоря пропорціонально, нигдѣ не доведено земледѣліе до такой высокой степени совершенства, какъ въ Англіи; нигдѣ нѣтъ пропорціонально такого обширнаго скотоводства; нигдѣ слѣдовательно не производится столько навоза и не могутъ быть возводимы поля до такой высокой обработки, какъ въ Англіи. Зато не составляютъ между англійскимъ населеніемъ и десятой части тѣ люди, которые имѣли бы, не говоримъ уже, свою землю, хотя бы свое жилище. И такъ, девять десятыхъ частей населенія въ Англіи стали пролетаріями. Кто станетъ отрицать опасности, которыми грозитъ такое отношеніе общественному положенію Англіи?

«Представительницею втораго принципа служитъ Франція. Онъ развился и установился въ ней только вслѣдствіе громаднаго переворота. Основное правило здѣсь таково: земледѣліе, подобно другимъ занятіямъ, отдается на личную волю отдѣльныхъ людей, потому всѣ земли должны быть доступны раздробленію; каждый можетъ свободно покидать и продавать землю; другими словами: земля должна быть товаромъ; она должна, какъ размѣнная монета, переходить изъ рукъ въ руки. Вслѣдствіе того, земля разбилась на безчисленныя мелкія хозяйства. Считая въ Англіи около 400,000 земледѣльческихъ хозяйствъ, во Франціи, пропорціонально географической величинѣ, должно бы быть около 1,400,000 такихъ хозяйствъ. Но въ 1831 году ихъ было не менѣе 10,404,121. Относительно результатовъ такой системы приведу я анекдотъ, разсказываемый англійскимъ путешественникомъ Артуромъ Юнгомъ. Встрѣтился ему во Франціи на дорогѣ поселянинъ, который несъ четы-

рехъ куръ, и на вопросъ, куда онъ идетъ, отвѣчалъ, что идетъ въ городъ, лежащій за четыре льё (16 верстъ), чтобы продать своихъ куръ. Юнгъ спрашиваетъ далѣе, сколько онъ надѣется получить за нихъ; отвѣтъ: хорошо, если бы 24 су (30 коп. сер.); вопросъ: а сколько платы получаешь ты въ день, если наймешься работать? отвѣтъ: тоже 24 су. Вопросъ: зачѣмъ же не остался ты лучше въ своей деревнѣ, гдѣ получилъ бы ты 24 су и сохранилъ бы у себя своихъ куръ, стоющихъ 24 су, и могъ бы самъ съѣсть этихъ куръ? Отвѣтъ: конечно, я получаю 24 су въ день, когда найду работу, но я не нахожу работы; въ нашемъ селѣ у каждаго свой домъ, свой садъ, свой кусокъ земли; работы эти занимаютъ у насъ едва три мѣсяца въ году; другія дѣла у насъ незначительны, и потому нанимать работниковъ никому не нужно.—Этотъ анекдотъ даетъ намъ понятіе о состояніи Франціи. Земледѣліе, раздробленное на слишкомъ мелкія хозяйства, не представляетъ достаточныхъ занятій на цѣлый годъ, и потому значительная часть рабочихъ силъ остается безъ употребленія. Слишкомъ мелочное раздробленіе не даетъ также средствъ для значительныхъ и прочныхъ улучшеній; скота мало, слѣдовательно мало и удобренія, служащаго основаніемъ всѣхъ успѣховъ земледѣлія; потому Артуръ Юнгъ очень справедливо замѣчаетъ: во Франціи хорошая почва воздѣлывается превосходно, посредственная мало, а дурная вовсе не воздѣлывается; потому, хотя Франція вообще имѣетъ лучшую почву, чѣмъ Англія, но никакъ не можетъ равняться съ ней по развитію земледѣлія.

«По совершенству земледѣлія, Англія стоитъ гораздо выше Франціи, но Франція имѣетъ гораздо меньше пролетаріевъ.

«Германія занимаетъ средину между Англіей и Франціей. Въ ней нѣтъ ни системы совершенной неподвижности и недѣлимости поземельной собственности, какъ въ Англіи, ни совершенной свободы въ переходѣ изъ рукъ въ руки и неограниченной дѣлимости всего количества земель, какъ во Франціи. Большія помѣстья въ Германіи почти всѣ нераздробимы, отчасти по закону, отчасти по обычаю. Состояніе мелкой поземельной собственности въ различныхъ областяхъ—различно. Въ нѣкоторыхъ областяхъ мелкія владѣнія также безгранично продаются и дробятся, какъ во Франціи; въ иныхъ они дробятся только между членами общины; въ другихъ часть земель можетъ быть дробима, а часть, при такъ называемыхъ нераздѣльныхъ крестьянскихъ дворахъ, не подлежитъ раздѣлу; а наконецъ въ нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ областяхъ, вся поземельная собственность состоитъ изъ нераздробимыхъ владѣній. Древніе обычаи, различіе законовъ въ различныхъ германскихъ государствахъ, различіе почвы, различіе въ характерѣ воздѣлыванія, естествен-

ные и постепенно развивающіеся интересы породили это разнообразіе, и въ цѣломъ оно должно быть названо состояніемъ благопріятнымъ для страны. Сельское хозяйство не стоитъ во всей Германіи на столь равномѣрно высокой степени, какъ въ Англіи, но все-таки гораздо выше, нежели во Франціи. Пролетаріи находятся только въ городахъ, а въ селахъ ихъ не много.

«Представительницею третьяго принципа служитъ Россія. Франція провозгласила тотъ принципъ, что земля можетъ дѣлиться; Россія идетъ гораздо далѣе: она постоянно дѣлитъ землю. Франція провозгласила принципъ неограниченной конкуренціи; она хочетъ считать землю товаромъ, который можетъ быть каждымъ лицомъ пріобрѣтаемъ за деньги. Россія каждому изъ своихъ дѣтей даетъ право пользованія, даетъ участіе въ пользованіи землею и, притомъ, въ каждой общинѣ всѣмъ дѣтямъ ся совершенно равное. Во Франціи земля просто частная собственность отдѣльнаго лица. Въ Россіи земля—собственность націи и общины, служащей повтореніемъ націи въ маломъ размѣрѣ; отдѣльное лицо имѣетъ только право на пользованіе подобно всѣмъ другимъ лицамъ. Что при такой системѣ недостижима столь высокая степень обработки почвы, какъ въ Англіи или даже въ Германіи, съ тѣмъ надобно согласиться. Но напротивъ та степень, которой достигла Франція, можетъ быть, по нашему мнѣнію, достижима для Россіи, если будутъ устранены нѣкоторыя изъ (чуждыхъ русскому общинному принципу) препятствій успѣхамъ земледѣлія; препятствія эти указаны нами въ другомъ мѣстѣ. (Гакстгаузенъ, томъ I, стр. 124 и слѣд.).

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній о содержаніи представленнаго нами отрывка. Прежде всего очевидно, что Гакстгаузенъ ни мало не скрываетъ отъ себя неудобствъ, существующихъ при общинномъ владѣніи землею; очевидно, что разумнѣйшею системою издавна привыкъ онъ считать систему наслѣдственной поземельной собственности, среди которой онъ родился и воспитывался, которая срослась со всѣми его понятіями; очевидно, что если отдаетъ онъ преимущество русской системѣ общиннаго владѣнія передъ западно-европейскими, то дѣлаетъ это вслѣдствіе того, что факты, найденные имъ въ Россіи, слишкомъ ясно доказали ему, что общинное владѣніе землею имѣетъ свои выгоды, которыхъ лишена система наслѣдственной поземельной собственности, и что эти выгоды чрезвычайно важны. Онъ судья честный, но взявшійся за дѣло съ предубѣжденіемъ противъ общиннаго владѣнія. Если его предубѣжденіе побѣждено ближайшимъ изученіемъ дѣла, это конечно приноситъ большую честь его добросовѣстности, но съ тѣмъ вмѣстѣ доказываетъ и чрезвычайную силу тѣхъ фактовъ, которые представились ему

при изученіи нашего поземельнаго порядка. Видно, что преимущества этого порядка слишкомъ велики, если ими разсѣяны всѣ соображенія и сомнѣнія, которыя долженъ имѣть противъ нихъ человѣкъ, подобно Гакстгаузену, привыкшій считать наслѣдственную поземельную собственность необходимостію. Послѣ этого общаго, сдѣлаемъ нѣсколько частныхъ замѣчаній.

Прежде всего обратимъ вниманіе на слова Гакстгаузена, что порядокъ раздѣла земли въ разныхъ областяхъ и разныхъ общинахъ различенъ. Иначе и не должно быть при чрезвычайномъ разнообразіи въ положеніи различныхъ нашихъ областей. Никто изъ образованныхъ людей въ настоящее время не требуетъ монотоннаго регламентированія: пусть въ каждомъ мѣстѣ люди живутъ и ведутъ свои дѣла такъ, какъ удобнѣе для того мѣста. Важно только то, чтобы общій духъ учрежденій былъ одинаковъ во всѣхъ мѣстахъ единоплеменнаго народа; да и это важно только потому, что самому народу такая общность духа сродна и мила.

Единственнымъ полезнымъ измѣненіемъ въ порядкѣ общиннаго владѣнія, Тенгоборскій, какъ мы видѣли, признаетъ постепенное уничтоженіе привычки составлять каждый участокъ изъ нѣсколькихъ разбросанныхъ клочковъ земли. Гакстгаузенъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самъ народъ уже ввелъ это улучшеніе и уравниваетъ неодинаковость почвы въ разныхъ полосахъ дачи тѣмъ, что объемъ участка увеличивается, или уменьшается, смотря по качеству почвы.

Какъ мнѣніе о томъ, что общиннымъ владѣніемъ предупреждается пролетаріатство, такъ и приговоръ о томъ, что этимъ порядкомъ затрудняются успѣхи сельскаго хозяйства, Тенгоборскій занялъ у Гакстгаузена. Но онъ не замѣтилъ того важнаго обстоятельства, что выраженіе «такимъ порядкомъ дѣлъ очень затрудняются успѣхи сельскаго хозяйства» относится у Гакстгаузена только къ одному изъ многихъ способовъ раздѣла общинной земли, именно къ ежегодному передѣлу, или по крайнѣй мѣрѣ къ передѣлу всей общины каждый разъ, какъ только является новый домохозяинъ. «Очень затрудняется» — эти слова Гакстгаузена вовсе не относятся къ другимъ усовершенствованнымъ способамъ передѣла земель; именно, Гакстгаузенъ прямо противополагаетъ ежегодному передѣлу, который считаетъ очень затруднительнымъ, передѣлъ на продолжительные сроки, передѣлъ по ревизіямъ, къ которому у Гакстгаузена вовсе не относится эпитетъ «затруднительный» или «невыгодный», а напротивъ того, такой способъ признается у Гакстгаузена удобнымъ и выгоднымъ. Вообще Гакстгаузенъ убѣдился, что «здравый, практическій смыслъ» русскаго народа

давно придумалъ мѣры къ отстраненію тѣхъ неудобствъ, какія могутъ представляться передѣлами земли при настоящемъ положеніи земледѣлія въ Россіи. Къ этому можно прибавить, что если во многихъ мѣстахъ порядокъ раздѣла не соотвѣтствуетъ еще требованіямъ раціональнаго хозяйства, то конечно этотъ нераціональный порядокъ держится не по невозможности улучшить приложеніе принципа, а потому только, что на практикѣ нѣ сопровождается еще слишкомъ чувствительными неудобствами; когда же эти неудобства сдѣлаются чувствительными для поселянъ, то конечно у поселянъ достанетъ здраваго смысла, чтобы ввести въ свой обычай нужныя видоизмѣненія по примѣру того, какъ они введены уже поселянами тѣхъ мѣстъ, гдѣ оказались нужными.

Какъ человѣкъ практическій, Гакстгаузенъ справедливо замѣчаетъ, что еслибы общинное владѣніе и дѣйствительно было по теоріи препятствіемъ къ приложенію капиталовъ для возвышенія земледѣльческаго производства по примѣру Западной Европы, то и безъ общиннаго владѣнія такое приложеніе капиталовъ въ дѣйствительности еще не возможно въ Россіи. Потому, говоритъ онъ, въ Россіи пока еще не существуетъ тѣхъ выгодъ на сторонѣ наслѣдственной поземельной собственности, какія существуютъ въ Западной Европѣ; онъ доказываетъ это сравнительнымъ разсчетомъ, обнаруживающимъ ничтожность дѣйствительной потери для русскаго хозяйства отъ перенесенія этого хозяйства съ одного участка на другой. Если бы кто нибудь вздумалъ оспаривать разсчетъ, сдѣланный Гакстгаузеномъ, какъ слишкомъ низкій, то мы легко могли бы доказать такому недовольному, что пропорція потери, принимаемая Гакстгаузеномъ, не только не ниже, а напротивъ выше дѣйствительныхъ потерь при подобныхъ перемѣнахъ, какъ въ разсчетѣ для западно-европейскаго хозяйства, такъ и въ разсчетѣ для русскаго хозяйства. Если это можетъ принести удовольствіе «Экономическому Указателю», мы готовы подробною смѣтою доказать, что Гакстгаузенъ преувеличиваетъ потерю нѣмецкаго хозяина при перенесеніи хозяйства съ одного участка на другой и готовы представить подобное же доказательство и относительно русскаго хозяйства.

Далѣе встрѣчаемъ мы у Гакстгаузена мудрую и благотворную мысль, съ которой совершенно согласенъ и Тенгоборскій: кто хочетъ успѣховъ нашему сельскому хозяйству, тотъ не долженъ желать никакихъ принудительныхъ измѣненій въ порядкѣ общиннаго владѣнія. Довѣримся здравому смыслу нашихъ поселянъ; они сами съумѣютъ ввести въ обычай раздѣла всѣ тѣ улучшенія, какія окажутся нужными при дальнѣйшихъ успѣхахъ нашего земледѣлія.

Менѣе, нежели кто нибудь, расположены мы считать непогрѣшительнымъ кого нибудь изъ живущихъ на землѣ вообще, или русскаго поселянина въ особенности, но неприлично и несправедливо кажется намъ доходить до другой крайности, въ которую увлекаются очень многіе между нами, такъ называемыми образованными людьми, и воображать будто поселянинъ (русскій или иностранный, все равно) надѣленъ здравымъ смысломъ въ меньшей степени, нежели мы. Почему знать, — быть можетъ, онъ способенъ такъ же, какъ и мы, понимать свои выгоды и довольно благоразумно вести свои житейскія дѣла? Быть можетъ даже, излишнее наше вмѣшательство въ его дѣла приноситъ иногда ему больше вреда, нежели выгоды. Если уже мы такъ заботливы о его выгодахъ, то можемъ мы ограничиться только совѣтами, какъ ограничиваемся этимъ средствомъ въ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Захочетъ онъ послушать нашего совѣта—хорошо; не послушаетъ — подумаемъ о томъ, хорошъ ли былъ нашъ совѣтъ. Для тѣхъ изъ читателей, которые слѣдили постоянно за «Современникомъ», нѣтъ надобности въ этой оговоркѣ, чтобы увѣриться въ нашемъ образѣ мыслей о подобныхъ предметахъ. Они знаютъ очень хорошо, что доброе согласіе со стороны человѣка, судьбу котораго надобно улучшить, мы считаемъ необходимымъ условіемъ для того, чтобы судьба его дѣйствительно улучшалась. Безъ доброй воли и добровольнаго согласія человѣка, невозможно сдѣлать ничего истинно полезнаго для него. Мы почли нужнымъ упомянуть здѣсь объ этомъ нашемъ убѣжденіи, только потому, что имѣли случай слышать отъ одного изъ наиболѣе уважаемыхъ нами ученыхъ сомнѣніе относительно того, какими средствами считаемъ мы полезнымъ поддерживать общинное владѣніе, защитниками котораго являемся. Если когда нибудь было употреблено нами объ этомъ предметѣ выраженіе, подававшее поводъ къ какому нибудь сомнѣнію, мы ни мало не постыдимся сказать, что это выраженіе не точно или ошибочно передавало нашу мысль, и если нужно, готовы взять его назадъ. Менѣе, нежели кто нибудь, мы расположены сочувствовать такимъ теоріямъ, которыя не ставятъ всей надежды своей на успѣхъ единственно въ разумномъ и совершенно добровольномъ предварительномъ убѣжденіи тѣхъ людей, польза которыхъ имѣется въ виду.

Но возвращаемся къ разсмотрѣнію отрывка, приведеннаго нами изъ книги Гакстгаузена. Сравнивая Германію, въ различныхъ областяхъ которой существуютъ разнообразные порядки относительно владѣнія землею, съ Англіею, въ которой господствуетъ исключительный принципъ неприкосновенности наслѣдственнаго нераз-

дробимаго владѣнія, и Франціею, въ которой господствуетъ также исключительный принципъ неограниченной перепродажи и раздробленія земли, Гакстгаузенъ находитъ, что разнообразіе, существующее въ Германіи, выгоднѣе для національнаго благосостоянія, нежели исключительность французской и англійской системъ. Мы прибавимъ, что когда безъ нарушенія различныхъ порядковъ владѣнія землею устранятся препятствія, мѣшающія нынѣ успѣхамъ нашего земледѣлія и не имѣющія ни малѣйшей связи съ принципами общиннаго владѣнія землею или частной поземельной собственности, то положеніе Россіи будетъ еще разнообразнѣе, нежели положеніе Германіи.

Гакстгаузенъ, при своемъ обозрѣніи результатовъ, производимыхъ англійскимъ, французскимъ и русскимъ принципами поземельнаго владѣнія, упускаетъ изъ виду это огромное количество земель, состоящихъ у насъ не въ государственной собственности и не въ общинномъ владѣніи, а въ полной собственности отдѣльныхъ лицъ. Еслибъ онъ не забылъ о нихъ, то, конечно, онъ сказалъ бы, что для Россіи при сохраненіи общиннаго владѣнія въ настоящихъ его предѣлахъ возможно достигнуть (на сколько то позволяется климатомъ) совершеннѣйшей обработки земли, какая только допускается принципомъ частной собственности. Примѣръ частныхъ собственниковъ, когда они будутъ въ состояніи выгоднымъ образомъ затрачивать капиталы на улучшеніе своихъ земель, конечно, выведетъ на дорогу искусственнаго улучшенія земли и сельскія общины, лишь только эта дорога сдѣлается выгодною.

Далѣе Гакстгаузенъ начинаетъ разсуждать о сенсимонизмѣ и такъ называемыхъ коммунистическихъ системахъ. Собственно говоря, намъ не было бы никакого дѣла до этихъ системъ и до мнѣній Гакстгаузена о ихъ значеніи для Западной Европы, если бы чувство самолюбія (конечно, ни мало не похвальное) не побуждало насъ замѣтить «Экономическому Указателю», что Гакстгаузенъ при этихъ разсужденіяхъ дѣлаетъ *ту же самую ошибку*, къ которой обнаруживается наклонность и въ «Экономическомъ Указателѣ». Именно: Гакстгаузенъ воображаетъ, будто бы въ 1847 году, когда была издана его книга, вопросъ о сенсимонизмѣ и тому подобныхъ мечтахъ все еще оставался современнымъ вопросомъ и будто бы еще находились тогда въ Западной Европѣ серьёзные люди, державшіеся системы Сенъ-Симона. Добрякъ не замѣчалъ, что времена этой системы, дѣйствительно мечтательной и неосуществимой, прошли за долго до 1847 года, и что въ этомъ году развѣ какая нибудь невинная старая дѣвушка держалась во Франціи системы Сенъ-Симона. Эта ошибка со стороны Гакстгаузена довольно груба;

но еще страннѣе, что въ 1857 году, то есть десятью годами позднѣе Гакстгаузена, «Экономическій Указатель» все еще воображаетъ видѣть передъ собою какихъ-то утопистовъ. Смѣемъ увѣрить его, что такія опасенія столь же приличны нашему вѣку, какъ, напримѣръ, споры противъ какого нибудь Вольтера: люди, подобные Вольтеру и Сенъ-Симону, давнымъ давно сошли съ историческаго поприща и безпокоиться о нихъ совершенно напрасно. Если память насъ не обманываетъ, знаменитый Бастіа, служащій авторитетомъ для «Экономическаго Указателя», спорилъ противъ людей, которые гораздо удачнѣе его смѣялись надъ сенсимонистскими мечтаніями и которые, каковы бы ни были ихъ недостатки, уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы мечтателями. Положительный и холодный разсчетъ не имѣетъ ничего общаго съ поэтическими грёзами.

Мы не привели изъ Гакстгаузена эпизода, относящагося къ сенсимонистамъ: Гакстгаузенъ, по сердечной простотѣ, перепутываетъ вопросъ о пролетаріатѣ съ сенсимонистскою системою; но мы предупреждаемъ читателей, что въ наше время говорить о сенсимонизмѣ тоже самое, что говорить о какой нибудь системѣ физіократовъ или меркантилистовъ: все это дѣла давно минувшихъ дней, дѣла «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма».

Какъ человѣкъ, не слишкомъ-то близко знакомый съ характеромъ современныхъ ему стремленій, Гакстгаузенъ воображалъ, что люди, въ 1847 году грозившіе переворотомъ Западной Европѣ, держались мнѣній Сенъ-Симона. Это заблужденіе доказываетъ завидную невинность его души. Но какъ человѣкъ практическій, онъ очень вѣрно предугадывалъ въ 1847 году близость страшнаго взрыва со стороны пролетаріевъ Западной Европы; и нельзя не согласиться съ нимъ, что благодѣтеленъ принципъ общиннаго владѣнія, который ограждаетъ насъ отъ страшной язвы пролетаріатства въ сельскомъ населеніи.

Кончивъ наши замѣчанія относительно общаго свода свѣдѣній, представляемыхъ Гакстгаузеномъ о нашемъ общинномъ владѣніи, мы перейдемъ къ другимъ мѣстамъ его книги, поясняющимъ ту или другую подробность въ этомъ общемъ обзорѣ.

Въ каждомъ селѣ, черезъ которое проѣзжалъ Гакстгаузенъ, распрашивалъ онъ о порядкѣ, по какому крестьяне этого села дѣлятъ между собою участки, и все его сочиненіе наполнено этого рода свѣдѣніями. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы ближе познакомиться съ тѣмъ, какіе порядки должны назваться господствующими въ великорусскихъ областяхъ и какія отступленія встрѣчаются въ различныхъ мѣстностяхъ. Прежде всего приведемъ

мы отрывокъ, объясняющій при какихъ обстоятельствахъ встрѣчается то надѣленіе излишнею землею зажиточныхъ поселянъ, которое упоминается у Тенгоборгскаго, будто бы нормальный фактъ.

«Вечеромъ 17 мая пріѣхали мы въ мѣстечко Великое Село, имѣющее полторы тысячи ревизскихъ душъ или три тысячи жителей обоего пола. Село принадлежитъ семи помѣщицамъ сестрамъ, которыя сами не живутъ въ немъ и берутъ съ своихъ крестьянъ оброкъ; но наложенъ ими этотъ оброкъ не на отдѣльныя тягла, а общею суммою на цѣлое село. Объ общественномъ устройствѣ и раздѣлѣ земли узнали мы слѣдующее: часть жителей пріобрѣла посредствомъ хлопчато-бумажной фабрикаціи значительное состояніе и ведетъ значительные торговые обороты, другая часть занимается земледѣліемъ, а нѣкоторые ремеслами. При назначеніи оброка было обращено вниманіе на эти торговыя и фабричныя дѣла и потому наложенъ былъ оброкъ болѣе высокій, нежели какой могло бы платить чисто земледѣльческое село. Если бы по обыкновенному способу требовалась равная плата съ каждаго работника, то бѣднымъ было бы чрезвычайно тяжело, между тѣмъ какъ богатые пропорціонально платили бы мало. Сами помѣщицы не жили въ селѣ и потому имъ было трудно наложить на каждаго оброкъ по его состоянію; потому онѣ предпочли наложить круглую сумму на цѣлую общину, и предоставили самой общинѣ разложеніе оброка по семействамъ. Община поступаетъ вслѣдствіе того очень оригинальнымъ образомъ. Она разложила всю сумму оброка на землю, раздаетъ членамъ своимъ эту землю по не равнымъ участкамъ и заставляетъ болѣе зажиточныхъ людей брать болѣе земли, нежели имъ нужно и нежели пришлось бы имъ при равномъ дѣлежѣ. Дѣло въ томъ, что на каждый участокъ приходится болѣе оброка, нежели приноситъ выгоды обработываніе этого участка. Тѣ жители, которые не занимаются хлѣбопашествомъ, конечно, ничего не могутъ сами дѣлать съ своей землей и отдаютъ ее настоящимъ земледѣльцамъ за незначительную плату, которая далеко не равняется взносимому за землю оброку. Мы повсюду видимъ власть русской общины и повиновеніе, встрѣчаемое ею у своихъ членовъ, и будемъ имѣть еще много случаевъ познакомиться съ этою особенностію русскихъ селъ.» (Томъ I, стр. 112 и слѣд.)

Въ другомъ мѣстѣ (именно, около города Вологды), Гакстгаузенъ замѣтилъ совершенное нарушеніе общиннаго принципа по какимъ-то мѣстнымъ обстоятельствамъ, оставшимся для него неизвѣстными:

«Проѣзжая мимо полей нѣсколькихъ маленькихъ деревушекъ, замѣтилъ я, чего никогда не видалъ на поляхъ большихъ деревень,

именно: что послѣ каждыхъ пяти или восьми полосъ идетъ невспаханная полоса шириною четверти въ три, служащая раздѣломъ между маленькими загонами. Когда я спросилъ о томъ, то услышалъ, что въ этихъ очень маленькихъ деревняхъ не существуетъ ежегодный или временный раздѣлъ полей по общему обычаю, но что поле разъ навсегда раздѣлено и предоставлено каждому дому; и вотъ между этими-то вѣчными участками и проходятъ раздѣльныя полосы. Это почти единственное встрѣченное мною исключеніе изъ обычнаго въ русскомъ народѣ дѣлежа полей и вѣроятно оно основано на какихъ нибудь непреоборимыхъ причинахъ.» (I, 240.)

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лѣсныхъ сѣверныхъ губерній Гакстгаузенъ встрѣтилъ другой примѣръ образованія частной поземельной собственности между поселянами:

«Въ Никольскомъ уѣздѣ, который проѣхали мы во всю длину, господствуетъ обычай, о которомъ я не слыхалъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ, и на которомъ основывается родъ поземельной собственности, или по крайней мѣрѣ наслѣдственное пользованіе землею. Общинамъ государственныхъ крестьянъ уступлены въ пользованіе большіе лѣса, которые по своей обширности далеко превышаютъ ихъ надобность въ строевомъ матеріалѣ и въ топливѣ. Теперь, если какой нибудь поселянинъ вздумаетъ поселиться въ этихъ пустынныхъ лѣсахъ, онъ проситъ на то позволенія у общины. Она никогда не отказываетъ ему въ такомъ разрѣшеніи. Но конечно, заселеніе производится не тамъ, гдѣ надобно бы сжечь для того строевой, или вообще хорошій лѣсъ, а на такихъ мѣстахъ, гдѣ лѣсъ, или уже вырубленъ, или мелокъ. Выжегши себѣ участокъ для поселенія, поселянинъ получаетъ наслѣдственное право пользоваться этимъ участкомъ, и община всегда уважаетъ это право.» (I, 262.)

Но вообще такіе случаи отступленія отъ кореннаго принципа, порождаемые исключительными мѣстными обстоятельствами, очень рѣдки по замѣчанію Гакстгаузена, такъ что могутъ назваться совершенно ничтожными въ общей массѣ селеній, слѣдующихъ общинному принципу. Каждый разъ, какъ случается ученому наблюдателю упоминать о порядкѣ дѣлежа общинной земли, онъ замѣчаетъ, что раздѣлъ этотъ всегда производится совершенно удовлетворительнымъ для всѣхъ образомъ и никогда не подаетъ причинъ къ раздорамъ; въ примѣръ представимъ слѣдующій отрывокъ, подобныхъ которому можно набрать десятки въ его книгѣ.

«Удѣльное сельцо Дьяконское состоитъ изъ девяти дворовъ или семей съ 24 душами мужескаго пола. Оно имѣетъ 59 десятинъ пахотныхъ полей, 11 десятинъ сѣнокоса и 2 десятины выгона. При каждомъ домѣ есть садъ, не входящій въ передѣлы, а передѣлъ

земли производится при каждой ревизіи, въ случаяхъ же большой прибыли или убыли числа душъ, и раньше. Они это дѣло улаживаютъ промежду собою; а если бы случилось несогласіе, чего впрочемъ еще не бывало на людской памяти, то споръ перешелъ бы на рѣшеніе головы.» (I, 303.)

Наклонность жителей одного села оставлять въ одномъ общинномъ владѣніи всѣ земли, принадлежащія этому селу, такъ сильна, что даже тогда, когда сами они уже раздѣлены по различнымъ вѣдомствамъ, они оставляютъ, если только то позволяется имъ, свои земли въ одной общей дачѣ, не размежевывая ихъ по различію своихъ вѣдомствъ и своихъ податей, — и пользуются равными участками даже при неравенствѣ въ податяхъ:

«Вторая станція отъ Николаева было Березово, большое село, состоящее изъ удѣльныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ государственными. Первыхъ было въ селѣ 423 души, послѣднихъ 640 душъ. Такое соединеніе часто находится въ здѣшнихъ мѣстахъ и мы встрѣчали его въ большей части деревень до самого Саратова. Тутъ государственные и удѣльные крестьяне имѣютъ не двѣ различныя дачи, а образуютъ одну общину и дѣлятъ землю по русскому обычаю по душамъ или, какъ выразился въ этомъ селѣ старикъ, котораго мы распрашивали, по жеребьямъ изъ одной шапки. А надобно замѣтить, что ихъ подати не одинаковы. Удѣльные крестьяне платятъ 29 руб. 20 коп. ассигн., а государственные только 18 руб. 48 коп.

«Кучумъ, куда мы пріѣхали 29 іюня, также село, состоящее вмѣстѣ изъ удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ. Удѣльныхъ считается 235, а государственныхъ 121 душа. Тѣ и другіе не имѣютъ двухъ различныхъ дачъ, но образуютъ одну общину. (II, 30).

У Тенгоборгскаго мы уже видѣли заимствованный изъ Гакстгаузена примѣръ того, какъ любовь къ равнымъ участкамъ для всѣхъ членовъ общины беретъ верхъ даже надъ совершенною неравномѣрностью взносовъ, сдѣланныхъ различными семьями для общиннаго дѣла. Вотъ другой примѣръ въ томъ же родѣ:

«Въ слѣдующемъ селѣ (въ Заволжскомъ Краѣ) нашли мы снова поразительное свидѣтельство силы русскаго общиннаго устройства. Сельцо это, по имени Маянье, принадлежало прежде князю Вяземскому, который переселилъ сюда крестьянъ своихъ изъ Рязанской губерніи въ началѣ нынѣшняго вѣка. За неуплату долга въ Заемный Банкъ, сельцо это назначено было въ продажу, и на аукціонѣ крестьяне откупились за 129,000 рублей ассигн. Но вмѣсто того, чтобы навсегда раздѣлить между собою землю въ частную собственность по пропорціи частей, внесенныхъ на выкупъ, поселяне остались при русскомъ общинномъ дѣлежѣ земли по душамъ, и отчасти внесли,

отчасти продолжаютъ взносить, причитающіяся на каждаго выкупныя деньги по душамъ. Я нашелъ здѣсь еще одну особенность, до сихъ поръ не встрѣчавшуюся мнѣ. Поселяне эти дѣлятъ ежегодно между собою паровое поле, такъ что у каждаго остается одинъ и тотъ же участокъ только въ теченіе двухъ лѣтъ. Отъ такого порядка не далекъ былъ бы уже переходъ и къ первобытному славянскому дѣлежу, когда каждый годъ дѣлится на полѣ жатва — обычай еще существующій въ нѣкоторыхъ общинахъ Сербіи и Босніи. Когда въ 1827 году откупилось это сельцо, въ немъ было 287 душъ, теперь число ихъ увеличилось до 350 душъ. Какъ запутались бы чрезъ то права на собственность и степень участія въ платежѣ выкупныхъ денегъ, если бы приложить сюда наши юридическія понятія!» (II, 33).

Это село лежитъ въ черноземной полосѣ, гдѣ нѣтъ удобренія, потому и трехлѣтній срокъ передѣла не представляетъ неудобствъ. Такъ рязанцы бросили свои рязанскіе продолжительные сроки передѣла, когда переселились на такую землю, гдѣ возможны болѣе частные передѣлы,—любовь къ болѣе точному выполненію общиннаго принципа, при первой возможности, взяла верхъ надъ старою привычкой, нѣсколько ограничивавшей быстроту въ возстановленіи уравнительности. Такова натура русскаго поселянина.

Впрочемъ, мы совершенно ошиблись бы, если бы вздумали считать наклонность къ общинному уравнительному владѣнію въ нашихъ поселянахъ какою нибудь таинственною чертою исключительной національной организаціи славянскаго вообще, или въ частности великорусскаго племени. Дѣло просто въ томъ, что сохраненіе уравнительнаго права на общинный участокъ чрезвычайно выгодно для общаго благосостоянія крестьянъ. Поселяне, чуждые русскому племени, когда видятъ вокругъ себя русскихъ поселянъ, мало по малу убѣждаются въ преимуществахъ общиннаго владѣнія и принимаютъ его. Въ отрывкѣ, представленномъ нами изъ Тенгоборскаго, читатель видѣлъ, что нѣмецкіе колонисты въ Саратовской губерніи ввели у себя общинное владѣніе, убѣдившись въ томъ, что оно для благосостоянія цѣлой общины выгоднѣе, нежели принесенный этими колонистами изъ Германіи законъ частной поземельной собственности. Къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ у Тенгоборскаго, мы прибавимъ, что Гакстгаузенъ прямо указываетъ причину, заставившую нѣмецкихъ колонистовъ предпочесть нашъ порядокъ своему: при наслѣдственной собственности и при правѣ продавать землю, очень многіе изъ нихъ скоро увидѣли себя обѣднѣвшими и тогда всѣ колонисты, опасаясь каждый для себя или для своихъ дѣтей подобной же участи, приняли русскій обычай, и этотъ обычай воз-

становилъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ цвѣтущее благосостояніе. Далѣе мы увидимъ, что тотъ же обычай, съ тѣми же счастливыми результатами, былъ принятъ меннонистами въ Новороссійскомъ Краѣ. Въ нѣсколькихъ татарскихъ селахъ, Гакстгаузенъ слышалъ тоже самое. Татары, подобно нѣмцамъ, усвоиваютъ себѣ русскій порядокъ, какъ выгоднѣйшій для сохраненія общаго благосостоянія. Въ нѣкоторыхъ селахъ они пользуются нѣкоторою частью своей земли въ видѣ участка общинной собственности по вновь принятому ими русскому обычаю, а другою частью какъ полною частною собственностію по своему прежнему обычаю. Вотъ примѣръ:

«8 іюля прибыли мы въ большое татарское село Муссалинъ, имѣющее 728 душъ. При Петрѣ Великомъ, ихъ предкамъ, въ числѣ 55 взрослыхъ мужчинъ, была отведена земля въ наслѣдственную собственность и наслѣдственно передавалась отъ отца къ сыновьямъ. Потому и неравенство между владѣніями отдѣльныхъ поселянъ чрезвычайно велико. Но кромѣ этихъ наслѣдствъ владѣетъ деревня еще 1500 десятинъ, которыя дѣлятся по русскому правилу по душамъ, такъ что приходится около 2 десятинъ на душу. Эта земля досталась имъ слѣдующимъ образомъ: рядомъ съ ихъ наслѣдственными землями лежали помѣстья нѣсколькихъ татарскихъ мурзъ, населенныя русскими крѣпостными крестьянами. Когда изданъ былъ Указъ о томъ, что нехристіане не могутъ владѣть крѣпостными людьми христіанской вѣры, то эти мурзы, не захотѣвъ принять христіанство, должны были лишиться своихъ крѣпостныхъ людей. По западно-европейскимъ понятіямъ можно было бы подумать, что мурзы, отпустивъ своихъ крестьянъ, будутъ сами обработывать свои земли, нанимая работниковъ, или поселивъ татаръ. Но тутъ оказалось сила идеи, общей всѣмъ крѣпостнымъ крестьянамъ въ Россіи: я принадлежу барину, а земля принадлежитъ мнѣ. Крестьяне остались на землѣ, а мурзы должны были вмѣстѣ съ крестьянами оставить и землю. Чрезъ семь лѣтъ эти крестьяне были пожалованы Екатериною II генералу Шепелеву, который переселилъ ихъ на другія мѣста, а самъ захватывалъ пастбища, принадлежавшія сосѣднимъ татарамъ. Татары начали съ нимъ процессъ, успѣли оттягать у него 1500 десятинъ и рѣшили владѣть этою землею по русскому общинному праву, то есть, дѣлить ее по душамъ.» (II, 68).

Кому угодно знать, каковы бываютъ для поселянъ послѣдствія, когда земля поступаетъ къ нимъ въ полную частную собственность, тотъ можетъ видѣть это между прочимъ изъ слѣдующаго примѣра:

«Рано утромъ 17 іюля прибыли мы въ село Черемушное, которое нынѣ населено большею частью однодворцами. Однодворцевъ

этихъ считается 211 душъ въ 40 дворахъ. Сохранилось у нихъ преданіе, что предки ихъ, лѣтъ сто или двѣсти тому назадъ, переселились сюда изъ Рязанской губерніи въ совершенно пустую страну, и отведенную имъ землю получили въ полную собственность. Тогда было ихъ 27 семей и землю раздѣлили они между собою на вѣчно такъ, что каждой семьѣ пришлось по 60 десятинъ. И такъ, они не приняли русскаго общиннаго принципа; натурально, очень скоро появилось неравенство во владѣніи, значительная часть земли перешла въ чужія руки отчасти продажею, отчасти за долги, такъ что нынѣ изъ первоначальныхъ 1,620 десятинъ владѣютъ они только 540 десятинами. Остальная земля перешла въ руки сосѣднихъ помѣщиковъ.» (II, 115).

Нѣкоторые воображаютъ, будто бы введеніе многопольнаго хозяйства задерживается въ Россіи не тѣмъ, что многопольное хозяйство у насъ до сихъ поръ убыточно по обстоятельствамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ общинному или частному владѣнію, а именно будто бы тѣмъ, что у насъ существуетъ обычай общиннаго владѣнія. Изъ слѣдующаго примѣра могутъ эти люди убѣдиться, что при общинномъ владѣніи можно завести хозяйство на сколько угодно полей, лишь бы только по мѣстнымъ обстоятельствамъ какая нибудь многопольная система оказалась выгоднѣе, нежели трехпольная. «Экономическій Указатель» изъ этого примѣра убѣдится, какъ напрасны тѣ сомнѣнія, по которымъ онъ воображаетъ отъ простоты души, будто бы при общинномъ владѣніи невозможно ввести такихъ усовершенствованій, какъ при частной поземельной собственности; онъ увидитъ, что при общинномъ владѣніи возможно не только сохраненіе, но даже разведеніе лѣсовъ; возможно также и искусственное луговодство.

«Земледѣліе у Меннонистскихъ колонистовъ устроено слѣдующимъ образомъ: земля, купленная отдѣльными колонистами частнымъ образомъ, остается въ совершенно полномъ распоряженіи у этихъ отдѣльныхъ лицъ. Общее количество этой частной собственности составляетъ 48,446 десятинъ. Напротивъ того, отведенная правительствомъ земля въ количествѣ 65 десятинъ на дворъ, всего 68,052 десятины, находится въ общинномъ распоряженіи и подлежитъ общинному порядку. Съ 1838 года правильно устроилось и установилось у колонистовъ, существовавшее уже и прежде, четырехпольное хозяйство. Изъ 65 десятинъ 25 обращены на хлѣбопашество, и эта часть раздѣляется такъ: три поля засѣваются хлѣбомъ, одно поле остается подъ паромъ и только шестая часть этого пароваго поля засѣвается картофелемъ. Луга или покосы въ различныхъ деревняхъ различны по величинѣ, и потому на каждый

дворъ приходится ихъ отъ 6 до 10 десятинъ. Относительно покосовъ на волю каждаго хозяина предоставлено: пользоваться ли ими, какъ лугами, или какъ своими частными пастбищами, или пахать ихъ. Остальная часть территоріи служитъ общимъ пастбищемъ для каждой деревни, при чемъ опредѣлено число скота, которое каждый хозяинъ можетъ выгонять на это общинное пастбище.

«Въ пользованіи землею господствуетъ у этихъ меннонистовъ большое благоразуміе и обдуманность. Они не придерживаются устарѣлой рутины, но по внимательномъ испытаніи вводятъ всевозможныя улучшенія. Когда они прибыли сюда, назадъ тому 40 лѣтъ, во всей странѣ не нашли они ни одного дерева и вмѣсто топлива должны были употреблять солому, камышъ, бурьянъ и кизякъ; въ настоящее время посѣянный и выращенный ими лѣсъ доставляетъ имъ уже часть топлива.

«Они начали даже заводить искусственные луга посредствомъ орошенія, — единственные искусственные луга, какіе видѣлъ я въ Россіи, — въ Россіи, которая, по моему твердому убѣжденію, можетъ сдѣлать искусственнымъ луговодствомъ единственный важный шагъ впередъ, къ какому способно ея настоящее сельское хозяйство. Я называю искусственное луговодство единственнымъ важнымъ для Россіи улучшеніемъ потому, что только одно оно принесетъ не убытокъ русскому хозяйству, а выгоду.» (II, 190).

И такъ, Гакстгаузенъ, обозрѣвшій сотни помѣщичьихъ хозяйствъ, заведенныхъ по праву полной частной собственности, единственный случай серьёзнаго улучшенія хозяйства въ Россіи встрѣтилъ въ поселеніяхъ, пользующихся землями по принципу общиннаго владѣнія.

У насъ многіе воображаютъ, что хозяйство на западно-европейскій манеръ будетъ возможно въ Россіи тотчасъ, лишь бы только уничтожилось общинное владѣніе. Гакстгаузенъ положительнымъ разсчетомъ разрушаетъ эту мечту. Разсчетъ сдѣланъ для Ярославской губерніи, но его легко примѣнить и ко всякой другой губерніи, сообразивъ періодъ отъ запашки яроваго до запашки озимаго хлѣба, — онъ примѣняется совершенно къ цѣлой половинѣ великорусской земли, и съ небольшимъ измѣненіемъ къ большей части изъ остальной половины: едва ли шестая часть земли, населенной русскимъ племенемъ, пользуется семью мѣсяцами полевыхъ работъ.

«Почва этой губерніи (Ярославской) недостаточно плодородна, урожай считаютъ вообще самъ — 3. Конечно, естественное неплодородіе могло бы быть совершенно исправлено увеличеніемъ удобренія и обращеніемъ усиленнѣйшаго труда на обработку земли, но

ничего такого здѣсь не дѣлается. Примѣръ нѣсколькихъ помѣщиковъ, подобныхъ г. Карновичу, находитъ мало подражателей между помѣщиками, а между поселянами почти вовсе не находитъ. Причина тому, какъ мы уже говорили, очевидна. Промышленность и торговля даютъ здѣсь достаточное вознагражденіе, а земледѣліе не приноситъ достаточныхъ процентовъ на затраченные для него капиталы. Впрочемъ вообще нельзя судить о здѣшнихъ отношеніяхъ по тому масштабу, къ которому мы привыкли въ земляхъ, лежащихъ далѣе на югъ и на западъ, во Франціи, Англіи и средней Германіи.

«Въ здѣшнихъ сѣверныхъ мѣстахъ, земледѣліе требуетъ гораздо большей траты человѣческихъ и животныхъ рабочихъ силъ, и потому приноситъ менѣе чистаго дохода, нежели въ странахъ Западной Европы. Важнѣйшая часть земледѣлія—запашка и уборка хлѣбнаго поля, въ Западной Европѣ распредѣляется на періодъ времени, гораздо болѣе значительный, слѣдовательно обходится значительно дешевле, нежели здѣсь. Эти работы, напримѣръ, около Орлеана, около Майнца, при Дунаѣ, раздѣляются на семь мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ здѣсь, по причинѣ короткости лѣта, должны быть исполнены только въ четыре мѣсяца. И такъ то, что я могу тамъ сдѣлать на полѣ равной величины и равнаго плодородія работою четырехъ человѣкъ и четырехъ лошадей, на то мнѣ нужно здѣсь семь человѣкъ и семь лошадей. Если бы я имѣлъ около Майнца помѣстье въ 1000 моргеновъ запашки и луговъ, то для обработки его мнѣ понадобилось бы четыре пары лошадей, восемь работниковъ и шесть работницъ, кромѣ того понадобилось бы еще принанять временныхъ рабочихъ на полторы тысячи дней. Наемъ и содержаніе всѣхъ этихъ людей и рабочаго скота стоили бы мнѣ около 3,500 талеровъ. Помѣстье приносило бы мнѣ валоваго дохода около 8,500 талеровъ, и за вычетомъ расходовъ оставалось бы мнѣ чистаго дохода около 5000 талеровъ. Но еслибы помѣстье такой же величины и съ землею такого же качества, лежало на сѣверъ отъ Волги, то, предполагая даже равенство въ цѣнности сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и во всѣхъ другихъ условіяхъ, уже только по причинѣ климата понадобилось бы мнѣ для обработки этого помѣстья семь паръ лошадей, четырнадцать работниковъ, десять работницъ и 2,100 дней работы временныхъ наемщиковъ, и потому чистый доходъ простирался бы вмѣсто 5000 талеровъ только до 2,600 талеровъ. Конечно, еслибы на ту пору, когда нѣтъ полевыхъ работъ, мнѣ удавалось бы освобождаться отъ рабочаго скота и содержанія работниковъ, то издержки уравнялись бы, оттого что все равно, содержать ли четыре пары лошадей втеченіе семи мѣсяцевъ или семь паръ лоша-

дей втеченіе четырехъ мѣсяцевъ. Потому, еслибы можно было продавать рабочій скотъ и отпускать работниковъ близъ Майнца на пять мѣсяцевъ, а близъ Ярославля на восемь мѣсяцевъ, то доходъ въ обѣихъ мѣстностяхъ былъ бы одинаковъ. Но это очень трудно и для одного какого-нибудь хозяйства, а для сельско-хозяйственныхъ отношеній цѣлой страны рѣшительно невозможно. А при этой невозможности, условія Майнцскаго помѣстья оказываются несравненно выгоднѣйшими, нежели Ярославскаго помѣстья. На одномъ и томъ же пространствѣ земли, Майнцское помѣстье втеченіе зимы должно прокормить только 4/7 того числа работниковъ и скота, какое должно прокормить Ярославское помѣстье; Майнцское помѣстье должно кормить ихъ только пять мѣсяцевъ, а Ярославское восемь. Но кромѣ того: Майнцское помѣстье можетъ во время зимы занять ихъ несравненно большимъ количествомъ разныхъ полезныхъ для хозяйства и слѣдовательно въ результатѣ доходныхъ работъ, нежели Ярославское. Зима около Майнца не такъ сурова, не такъ постоянна, чтобы покрывать землю непроницаемымъ замерзлымъ слоемъ и снѣгомъ. Прокармливаемыхъ работниковъ и скотъ можно употреблять на всяческія работы: они будутъ возить навозъ, мергель, известь на поля для удобренія, не считая того, что привозятъ дрова и лѣсъ на цѣлый годъ и отвозятъ на рынокъ продукты; въ тѣ дни, когда земля не мерзнетъ, они будутъ заниматься различными полевыми работами: проводить канавы, орошать луга. Словомъ сказать, всѣ пять зимнихъ мѣсяцевъ, люди и скотъ будутъ заняты сельско-хозяйственными работами, и окажется, что развѣ, развѣ только двѣ лошади и одинъ работникъ могли бы быть отпущены изъ хозяйства. Но и того не окажется нужнымъ. Въ странѣ очень населенной они всегда найдутъ себѣ работу, такъ что, строго говоря, хозяйство помѣстья, находящагося около Майнца, зимою не терпитъ никакой потери отъ недостатка занятія; — совершенно иначе оказывается это отношеніе для Ярославскаго помѣстья: тутъ на цѣлую зиму не находится никакого сельско-хозяйственнаго занятія, кромѣ ѣзды за дровами и отвоза продуктовъ на рынокъ, а эти работы можно бы исполнить всѣ одною парою лошадей и однимъ работникомъ. И такъ, зима продолжается цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ и я даромъ кормлю почти вдвое большее число рабочихъ и скота. Если мы примемъ еще въ разсчетъ сравнительно низкія цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, отдаленность рынковъ, малую населенность страны, и потому высокость наемной платы, наконецъ то, что французскія и нѣмецкія лошади гораздо сильнѣе и переносливѣе въ работѣ, также, что русскихъ работниковъ нельзя сравнить съ нѣмецкими, то очевидно будетъ, что всѣми этими невыгодными

условіями будетъ поглощена наибольшая часть даже и того чистаго дохода, который вычисленъ выше. А притомъ мы еще принимали, что Ярославское помѣстье имѣетъ столь же плодоносную землю, какъ майнцскія равнины; но майнцскія равнины родятъ хлѣбъ самъ — 6 и самъ — 7, а ярославская земля даетъ едва самъ — 3.

«Изъ этого воображаемаго разсчета очень ясно можно видѣть, что еслибы кому нибудь предлагали въ Ярославлѣ помѣстье подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ завелъ тамъ хозяйство въ такомъ же видѣ и по такому же порядку, какъ въ Западной Европѣ, то онъ долженъ былъ бы, поблагодаривъ за такое предложеніе, рѣшительно отказаться отъ него: онъ не получилъ бы отъ такого хозяйства не только никакой выгоды, никакого чистаго дохода, но и оставался бы каждый годъ въ значительномъ убыткѣ.» (I, 173).

И такъ, вовсе не общинное владѣніе служитъ препятствіемъ къ заведенію въ Россіи такихъ хозяйствъ, какія существуютъ въ Западной Европѣ; причина тутъ совершенно другая. Сельское хозяйство доставляетъ въ Россіи слишкомъ мало чистаго дохода. Впрочемъ, мы вовсе не думаемъ, чтобы Гакстгаузенъ имѣлъ основаніе дѣлать изъ приведеннаго нами разсчета тотъ выводъ, какой онъ дѣлаетъ на слѣдующихъ страницахъ, — будто бы въ Ярославской губерніи невозможно хозяйство съ наемными работниками. Намъ кажется, что Тенгоборскій совершенно напрасно принимаетъ это мнѣніе Гакстгаузена, который самъ опровергаетъ себя въ одной изъ слѣдующихъ главъ, представляя примѣры успѣшнаго хозяйства, основаннаго на наймѣ работниковъ, въ климатѣ гораздо болѣе суровомъ, нежели въ Ярославской губерніи, именно въ Вологодской губерніи:

«Въ деревнѣ Ворониной (говоритъ Гакстгаузенъ) должны мы были остановиться на нѣсколько часовъ для починки экипажа. Насъ попросилъ къ себѣ богачъ изъ тамошнихъ жителей, Григорій Квашнинъ; онъ былъ человѣкъ умный, и охотно давалъ намъ подробные отвѣты на наши вопросы. Въ дачѣ этой деревни часть земли принадлежитъ общинѣ, или, вѣрнѣе сказать, государству, и по русскому обычаю она дѣлится по числу душъ въ семьѣ между членами общины. Другая, гораздо большая часть земли, лежащая, впрочемъ, разбросанными участками между общинною землею, была издавна въ наслѣдственной собственности, то-есть, принадлежала первоначально дворянамъ и горожанамъ сосѣднихъ городовъ, и хозяева раздавали ее жителямъ деревни на правахъ половниковъ. Дѣдъ нашего хозяина обработывалъ большую часть этой земли, какъ половникъ, и разбогатѣлъ тѣмъ. Онъ переѣхалъ въ Устюгъ, вписался тамъ въ купцы и пріобрѣлъ тѣмъ право владѣть наслѣдственною землею. Воспользовавшись этимъ правомъ, онъ въ 1811

году купилъ ту землю, которую обработывалъ какъ половникъ, и послѣ него перешла она по наслѣдству къ его дѣтямъ, а отъ нихъ ко внучатамъ. Нашъ хозяинъ имѣлъ въ своей собственности восьмую часть всей этой земли и, кромѣ того, бралъ въ наймы еще нѣкоторые участки. Теперь онъ могъ бы выйти изъ своей общины и былъ бы тогда, какъ говорится у насъ въ Западной Европѣ, независимымъ, самостоятельнымъ владѣльцемъ. Но въ Россіи, каждый, кто не дворянинъ, или, лучше сказать, кто не чиновникъ, и не духовный, долженъ принадлежать къ какой нибудь общинѣ, иначе онъ не имѣетъ прочнаго положенія въ обществѣ. Потому нашъ хозяинъ остался членомъ своей общины, дѣлая для того даже немаловажныя пожертвованія. Почему такъ, мы не могли понять, онъ не хотѣлъ объясниться; но довольно того, что онъ взялъ на себя платежъ оброка за восемь душъ и, стало быть, имѣлъ бы право требовать отъ общины восемь подушныхъ участковъ; но отъ нихъ онъ отказался и обработывалъ только свою наслѣдственную землю. У него большое хозяйство. Обработываемая имъ земля равняется третьей части всей общинной земли. У него восемь наемныхъ работниковъ, изъ которыхъ четыре остаются на цѣлый годъ, а другіе четыре только на лѣто, получая, кромѣ пищи, пятьдесятъ рублей ассигнаціями и одежду. А годовые работники получаютъ, кромѣ пищи, семьдесятъ-пять рублей ассигнаціями. Эти цѣны немногимъ выше, нежели у насъ въ Вестфаліи. Такое хозяйство было мнѣ очень интересно, потому что въ немъ встрѣтился мнѣ первый примѣръ хлѣбопашества, производимаго наемными работниками. Притомъ хозяинъ не былъ какой нибудь агрономъ, а просто, умный мужикъ. Надобно еще сказать, что съ такимъ порядкомъ въ хозяйствѣ былъ онъ не одинокимъ исключеніемъ, а напротивъ, существовало въ тѣхъ мѣстахъ много хозяйствъ, устроенныхъ на томъ же основаніи, какъ у него, и вообще они, какъ меня увѣряли, находились въ такомъ же цвѣтущемъ положеніи, какъ и хозяйство, нами осмотрѣнное.» (I, стр. 260).

Если можетъ приносить выгоду въ Вологодской губерніи воздѣлываніе земли посредствомъ наемныхъ работниковъ, то еще гораздо возможнѣе должно быть оно въ провинціяхъ, лежащихъ на югъ отъ Вологды, какъ напримѣръ, въ Ярославлѣ. Гакстгаузенъ очевидно увлекся своею темою и преувеличилъ затруднительность хозяйства наемными силами въ нашемъ климатѣ. Впрочемъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что наша продолжительная зима оставляетъ слишкомъ много празднаго времени въ году поселянина, который занимался бы исключительно только земледѣльческими работами; но выводъ изъ этого долженъ быть вовсе не таковъ, какъ дѣлаетъ

Гакстгаузенъ, вовсе не признаніе неизбѣжности того отношенія, въ какомъ нынѣ находятся работники къ землевладѣльцу, — этимъ отношеніемъ только безплодно уменьшается рабочая сила. Напротивъ, есть очень легкій выходъ изъ климатическаго неудобства, которое кажется столь ужаснымъ Гакстгаузену; наши поселяне давно нашли этотъ выходъ, употребляя зиму на какія нибудь другія занятія и промыслы, кромѣ земледѣльческихъ работъ. Краткость лѣта и продолжительность зимы служитъ причиною, что въ нашемъ климатѣ одно и тоже семейство должно быть и земледѣльцемъ, и промышленнымъ. Лѣтомъ, когда земледѣльческія работы требуютъ какъ можно больше рукъ, каждый членъ общины становится земледѣльцемъ; зимою, когда сельское хозяйство не доставляетъ никакой работы, каждый поселянинъ можетъ имѣть домашнее занятіе въ какомъ нибудь ремеслѣ или вообще промышленномъ производствѣ. Такимъ образомъ постоянно всѣ руки будутъ заняты, и зима будетъ временемъ, столь же производительнымъ, какъ и лѣто. Несмотря на всѣ несовершенства нашего экономическаго быта, въ немъ уже замѣтенъ этотъ порядокъ соединенія работъ, свойственный нашему климату и отвращающій невыгоды, наносимыя намъ продолжительностью нашей зимы. Вещь извѣстная, что у насъ очень сильна въ народѣ наклонность соединять въ селѣ земледѣльческія занятія съ какимъ нибудь ремесломъ или промысломъ. Мы не будемъ останавливаться на этомъ фактѣ, слишкомъ хорошо знакомомъ каждому читателю, — вѣроятно, даже и «Экономическому Указателю.» Замѣтимъ только, что въ сельскихъ промыслахъ обнаруживается чрезвычайно сильная наклонность нашего народа къ общинному производству: у насъ есть цѣлыя деревни ткачей, колесниковъ, гончаровъ, швецовъ, кузнецовъ, и т. д. Этотъ предметъ чуждъ цѣли нашей статьи, потому, не останавливаясь на немъ, изъ множества мѣстъ, относящихся къ нему у Гакстгаузена, мы приведемъ только одно.

«Въ Западной Европѣ (говоритъ Гакстгаузенъ) есть обычай у поселянъ оставлять на время родину и уходить въ другія области большею частію для какого нибудь извѣстнаго опредѣленнаго ремесла; такъ, напримѣръ, андалузцы приходятъ быть водоносами въ Мадритѣ, такъ оверицы и савояры приходятъ въ Парижъ. Но всѣ они занимаются въ такихъ случаяхъ какими нибудь исключительными ремеслами, не свойственными другимъ областямъ. При томъ же и число такихъ людей не велико. Но чтобы люди, занимающіеся самыми обыкновенными, повсюду обычными промыслами, какъ напримѣръ плотники, каменьщики, портные, толпами отправлялись странствовать, этого не случается въ Западной Европѣ.

«Странствующій русскій промышленникъ даже вовсе не ограничивается въ своихъ средствахъ снискивать хлѣбъ однимъ какимъ нибудь промысломъ: онъ знаетъ всѣ промыслы, по крайней мѣрѣ много промысловъ, пробуетъ тотъ, другой, третій и останавливается наконецъ на томъ, который обѣщаетъ ему больше удачи. Въ Западной Европѣ встрѣчаются отдѣльные люди, которые, какъ говорится, пускаются бродить по свѣту, отъискивая своего счастія. Но въ Западной Европѣ такіе люди составляютъ рѣдкое исключеніе, а въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи такой образъ жизни составляетъ какъ бы общее правило. Болѣе нежели восьмая часть населенія Ярославской губерніи странствуетъ подобнымъ образомъ по всѣмъ дорогамъ государства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такихъ людей считалось въ Ярославской губерніи отъ 120 до 130,000. Многіе изъ нихъ, конечно, возвращаются черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, или черезъ годъ, побывать на родинѣ; но многіе остаются на чужой сторонѣ по нѣскольку лѣтъ и даже на всю жизнь, хотя и продолжаютъ числиться въ своихъ общинахъ. Къ послѣднему классу принадлежатъ навѣрное болѣе 50,000 человѣкъ въ Ярославской губерніи.

«Эти странствующіе люди, когда занимаются извѣстнымъ ремесломъ, напримѣръ, плотничествомъ, или каменной работой, собираясь въ большихъ городахъ, образуютъ ремесленныя артели. Способнѣйшіе изъ нихъ принимаются за подряды по своему дѣлу. Если, напримѣръ, въ Петербургѣ нужно мнѣ построить домъ, хотя бы очень большой, то я ищу себѣ подрядчика, показываю ему свои планы, торгуюсь съ нимъ, наконецъ онъ беретъ на себя постройку за извѣстную сумму. Потомъ онъ идетъ къ своимъ товарищамъ, объясняетъ имъ дѣло и уговаривается съ ними объ участіи въ выгодахъ. Потомъ онъ отправляется одинъ, если подрядъ не слишкомъ великъ, или съ нѣсколькими товарищами, на родину и ищетъ тамъ нужныхъ ему денегъ, потому что часть договорной платы получаетъ онъ отъ строителя дома только по исполненіи части работъ. Его земляки на родинѣ, также участвующіе въ выгодахъ его предпріятій, удивительно скоро собираютъ для него деньги. Все это дѣлается на слово и не слышно, или по крайней мѣрѣ очень рѣдко слышно объ обманахъ въ подобныхъ случаяхъ.—Русскихъ упрекаютъ за недобросовѣстность въ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ; но надобно сказать, что есть извѣстныя дѣла и случаи, въ которыхъ они никогда не обманываютъ и соблюдаютъ честность самымъ строжайшимъ образомъ. — Подрядчики есть и въ Западной Европѣ, но тамъ подрядчики — люди изъ высшаго или по крайней мѣрѣ изъ богатаго сословія и, nota bene, въ Западной Европѣ под-

рядчикъ исключительно самъ пользуется выгодою отъ предпріятія, а работникамъ своимъ даетъ только поденную или поштучную плату. А въ Россіи, напротивъ того, подрядчики необразованные простолюдины, едва умѣющіе читать и писать, но одаренные техническимъ талантомъ, и отъ предпріятія выгодами пользуется не одинъ подрядчикъ, а честно дѣлится съ работниками своей артели.» (I. 204).

Мы, какъ сказали, не будемъ останавливаться на этихъ фактахъ. Впрочемъ, если кому нибудь непонятенъ смыслъ ихъ, напримѣръ, если «Экономическій Указатель» пожелаетъ узнать его, то мы съ удовольствіемъ готовы будемъ объяснить, почему правъ Гакстгаузенъ, называя русскій народъ чрезвычайно расположеннымъ къ общинному порядку экономическаго производства. Теперь же мы возвратимся опять таки къ главному предмету нашихъ извлеченій, къ сельско-хозяйственнымъ работамъ, и замѣтимъ, что въ совершеніи ихъ Гакстгаузенъ находитъ у насъ болѣе сильный общинный духъ, нежели у западныхъ поселянъ.

«При полевыхъ работахъ (говоритъ онъ) соблюдается почти военный порядокъ. Въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ часъ всѣ вмѣстѣ отправляются пахать, боронить и т. д., въ одинъ и тотъ же часъ возвращаются всѣ съ поля. Это дѣлается не по какому нибудь распоряженію, не по приказанію старостъ или старшинъ — нѣтъ, это дѣлается само собою. Русское стремленіе къ общинной дѣятельности, могущество общиннаго порядка на всемъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе.» (I, 157).

Этотъ общинный духъ мы вовсе не расположены считать какимъ нибудь таинственнымъ качествомъ, исключительно свойственнымъ славянской или великорусской натурѣ. Мы просто полагаемъ, что въ слѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, на долго задержавшихъ Россію въ состояніи, близкомъ къ патріархальному быту, онъ сохранился у насъ довольно неприкосновеннымъ, между тѣмъ какъ давно исчезъ изъ обычаевъ тѣхъ племенъ Западной Европы, которыя болѣе нашего участвовали въ историческомъ движеніи. Итакъ сохраненіе его у насъ есть слѣдствіе невыгодныхъ обстоятельствъ нашего историческаго развитія. Но какъ самыя хорошія вещи имѣютъ свою дурную сторону, такъ и самыя дурныя вещи свою хорошую. Наша историческая неподвижность послужила источникомъ многихъ бѣдствій и въ нашемъ прошедшемъ и отчасти въ настоящемъ; она причина нашей малой образованности, нашей бѣдности, нашей лѣни и т. д. Но среди всѣхъ этихъ пагубныхъ слѣдствій нашей неподвижности, есть также нѣчто иное, и прежде бывшее не безполезнымъ, но при настоящемъ развитіи экономическаго движе-

нія въ Западной Европѣ, — движенія, въ которомъ начинаемъ принимать участіе и мы, становящееся чрезвычайно важнымъ и полезнымъ. Экономическое движеніе въ Западной Европѣ породило страданія пролетаріата. Мы ни мало не сомнѣваемся въ томъ, что эти страданія будутъ исцѣлены, что эта болѣзнь «не къ смерти, а къ здоровью», но переносить настоящія свои страданія для Западной Европы все-таки тяжело, и врачеваніе этихъ страданій требуетъ долгаго времени и великихъ усилій. У насъ, принимающихъ нынѣ участіе въ экономическомъ движеніи Европы, сохранилось противоядіе отъ болѣзни, соединенной съ этимъ движеніемъ на Западѣ, и мы поступили бы очень не разсчетливо, если бы по нелюбви къ патріархальности вздумали отступиться отъ него въ такое время, когда оно оказывается чрезвычайно пригоднымъ для предохраненія насъ отъ страданій, видимыхъ нами на Западѣ.

До сихъ поръ мы говорили только о томъ способѣ общиннаго владѣнія поземельною собственностью, при которомъ земля раздѣляется на участки, обработываемые каждымъ хозяйствомъ совершенно независимо отъ другихъ хозяйствъ. Есть другой способъ пользованія землею, свойственный временамъ еще болѣе первобытнымъ, — именно самое воздѣлываніе земли можетъ производиться общиннымъ порядкомъ безъ раздробленія на отдѣльные участки. Древность сельско-хозяйственныхъ формъ нашего быта такова, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ глубинѣ лѣсовъ сѣверныхъ губерній, существуютъ общины, воздѣлывающія землю по этому способу; онъ такъ противоположенъ всему нынѣшнему западно-европейскому порядку дѣлъ, что уже изъ одного любопытства стоитъ ознакомиться съ нимъ по ближе, чтобы убѣдиться, какъ далеко дѣйствительность превосходитъ самыя, повидимому, невозможныя выдумки воображенія чрезвычайной странностію своихъ явленій. Вѣроятно не всѣмъ нашимъ читателямъ коротко извѣстно сельско-хозяйственное устройство Уральскихъ козаковъ, и мы думаемъ, что тѣ, которымъ оно не было близко знакомо, не безъ любопытства прочтутъ слѣдующее извлеченіе изъ книги Гакстгаузена.

«Я уже замѣчалъ (говоритъ Гакстгаузенъ), что въ сѣверныхъ лѣсахъ Россіи есть еще земледѣльческія общины съ общиннымъ полемъ, безъ раздѣла на участки. Но есть даже цѣлыя огромныя области, въ которыхъ наибольшая часть земли не раздѣлена даже между отдѣльными сельскими общинами, а остается въ общинномъ владѣніи, въ нераздѣльномъ пользованіи цѣлаго населенія всей области, составляющаго одну общину. Мы хотимъ здѣсь поближе разсмотрѣть одну изъ такихъ огромныхъ областныхъ общинъ и выбираемъ для этого изображенія устройство Уральскихъ

козаковъ, такого племени, у котораго, по всей вѣроятности, старый русскій характеръ и старые русскіе обычаи сохранились въ наибольшей свѣжести и здравости.

«*Община Уральскихъ Козаковъ.*

«Уральскіе козаки, происходящіе, конечно, отъ великорусскаго племени, живутъ вдоль по рѣкѣ Уралу, по границѣ Киргизской степи. Они поселены по правому берегу Урала въ защиту отъ Киргизскихъ ордъ. Только въ двухъ мѣстахъ имѣютъ они нѣсколько селеній и на лѣвомъ берегу. Линія, населенная ими, начинается верстахъ въ 50 отъ Оренбурга, и идетъ болѣе чѣмъ на 700 верстъ до устья Урала. Они живутъ въ станицахъ, то есть въ селахъ, имѣющихъ отъ 100 до 200 домовъ, и лежащихъ верстахъ въ 15 или 20 одно отъ другаго. Рѣка течетъ по необозримой степи, почва которой совершенно безплодный солончакъ. Только низменности по берегамъ рѣчекъ, впадающихъ въ Уралъ, и въ особенности самого Урала имѣютъ почву плодородную, большею частію луговую. Земледѣліемъ козаки занимаются мало, выше Уральска не занимаются вовсе, а ниже Уральска только мѣстами. Живутъ они преимущественно скотоводствомъ и рыболовствомъ. Первоначально поселились они на этихъ мѣстахъ совершенно добровольно. Первыми изъ нихъ были пришельцы съ Дона, къ которымъ потомъ присоединилось много бѣглыхъ стрѣльцовъ. Сначала, вполнѣ организовались они сами собою и только впослѣдствіи правительство придало имъ большее единство нѣкоторыми постановленіями. Народъ они здоровый, красивый, живой, дѣльный, послушливый, храбрый, добродушный, гостепріимный, неутомимый и умный. По своему общественному порядку, нравамъ и образу жизни, представляются они намъ истинной старинной Русью. Отправлять службу должны они были бы всѣ поочередно, но зажиточные между ними нанимаютъ вмѣсто себя другихъ на службу и правительство мудро рѣшило вовсе не вмѣшиваться въ эти дѣла, такъ что отношенія эти развиваются сами собою натурально и безъ обремененія. Потому всѣ приказанія идутъ къ цѣлой общинѣ, а не къ отдѣльнымъ лицамъ, и оттого никакая милиція не выступаетъ въ походъ съ такою быстротою и въ такомъ полномъ составѣ, какъ эти козаки. Мужскаго населенія у нихъ 24 или 25 тысячъ душъ, изъ того числа, служащихъ козаковъ, отъ 18 до 55 лѣтъ, насчитывается 10 или 12 тысячъ. Въ 1837 году изъ этихъ послѣднихъ оставалось дома всего около 3,300 человѣкъ, остальные были на службѣ. Внезапно потребовалось снарядить четыре полка, каждый изъ 550 человѣкъ, стало быть должны были выступить въ походъ двѣ-трети изъ оставав-

шихся въ той области взрослыхъ мужчинъ. Черезъ три недѣли они были уже всѣ совершенно снаряжены къ походу, на сборномъ мѣстѣ въ Уральскѣ. Изъ общины въ общину приходило приказаніе собираться въ Уральскъ. Выѣзжалъ войсковой старшина къ толпѣ народа и кричалъ, держа надъ шапкой царскій указъ: «Атаманы, велѣно вамъ идти въ походъ и выставить четыре полка»; потомъ онъ снималъ шапку, читалъ имъ указъ и говорилъ, куда имъ идти и гдѣ собраться. Тѣмъ и кончалось все дѣло со стороны начальства. Тутъ же на площади собирается въ такихъ случаяхъ большая часть людей, годныхъ къ службѣ. Обыкновенно, сходятся они по семьямъ. Если сказано: отъ семи или отъ пяти человѣкъ надобно идти одному, ближайшіе родные совѣщаются, кому изъ нихъ удобнѣе или кому больше охоты идти въ походъ; остальные даютъ ему плату, снаряжаютъ его, содержатъ его семейство; если онъ пьяница, то деньги даютъ не ему, а его семьѣ; наемная цѣна повышается и понижается, смотря по обстоятельствамъ. Если снаряжается небольшая партія, то каждый, идущій въ походъ за другимъ, получаетъ много, потому что онъ снаряжается въ походъ многими. Иной разъ, восемь или десять человѣкъ снаряжаютъ одного и тогда каждому легко дать сто, двѣсти рублей ассигнаціями. Дѣло происходитъ такимъ порядкомъ: одинъ говоритъ: «я даю двѣсти рублей, чтобы не идти», другой говоритъ: «я даю триста», третій: «я триста-пятьдесятъ»; такъ они торгуются, пока одинъ скажетъ: «ну, столько я не могу дать, я пойду»; тогда онъ получаетъ отъ остальныхъ плату, которую согласились они внести, чтобы остаться дома..

«Въ тотъ разъ, о которомъ я говорю, въ 1837 году, изъ трехъ человѣкъ должны были идти въ походъ двое. Плата была отъ 900 до 2,000 рублей, и она дѣлилась между обоими, идущими въ походъ. На четвертый день послѣ прочтенія указа, всѣ козаки сошлись опять на площади Уральска. Для каждаго изъ четырехъ полковъ было отведено особое мѣсто, на немъ стояли офицеры этого полка. Туда подходили договаривающіяся партіи. Тотъ, который оставался дома, подводилъ двухъ идущихъ, говорилъ, по какой цѣнѣ они поладили; они хлопали по рукамъ, офицеръ разнималъ руки и договоръ былъ заключенъ и имѣлъ законную силу. За тѣмъ всѣ шли по домамъ, и черезъ четырнадцать дней полки собрались совершенно готовые къ бою. И что это за дивное войско! Каждый пошелъ съ охотой, съ радостью, потому что онъ пошелъ по своей волѣ и получилъ выгоду. Семья его обезпечена, онъ хорошо вооруженъ и экипированъ, а правительству все вооруженіе не стоитъ ни гроша. Лучше такого порядка ничего быть не можетъ. И отъ души захохоталъ я, когда, воротившись въ Пруссію, услышалъ отъ на-

нихъ плацъ-парадныхъ педантовъ мнѣніе, что лучше было бы ввести больше порядка въ эти сборы. Скоро дождались бы вы тогда полковъ и хорошо были бы они вооружены!

«Вся область уральскихъ козаковъ составляетъ одну общину и въ хозяйственномъ, и въ военномъ, и въ гражданскомъ отношеніи; центръ этой общины — Уральскъ; глава ея — атаманъ. Отдѣльныя села — станицы — вовсе не имѣютъ отдѣльнаго общиннаго хозяйства, но вся козацкая община имѣетъ одно общее хозяйство.

«Хозяйственныя отношенія этихъ козаковъ чрезвычайно замѣчательны. Основаніемъ всякаго права на владѣніе служитъ та же самая русская семья, о которой мы столько разъ говорили, ея развитіе—община и общее владѣніе, ей принадлежащее. Потому здѣсь нѣтъ никакого частнаго поземельнаго владѣнія, а на пространствѣ 700 и 800 верстъ, все составляетъ общее достояніе 50,000 человѣкъ. Интересенъ въ этомъ отношеніи преимущественно сѣнокосъ. Не только отдѣльные козаки не имѣютъ отдѣльныхъ владѣній, но и села ихъ не имѣютъ отдѣльныхъ луговъ; а всѣ луга остаются искони въ общемъ владѣніи цѣлой великой козацкой общины. Покосъ состоитъ подъ надзоромъ атамана, его помощниковъ и станичныхъ офицеровъ.

«Атаманъ назначаетъ день, когда долженъ начаться покосъ, большею частію 1 іюня. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть значительные луга, присутствуетъ офицеръ какъ надзиратель. Каждый служащій козакъ идетъ куда хочетъ и выбираетъ себѣ мѣсто, которое хочетъ скосить, и траву котораго онъ хочетъ себѣ присвоить. Въ ночь наканунѣ этого дня они всѣ уже на своихъ мѣстахъ. Съ восходомъ солнца офицеръ даетъ знакъ и каждый начинаетъ косить свое мѣсто. Но въ тотъ день онъ коситъ только кругъ около этого мѣста, *обкашиваетъ*, какъ это у нихъ называется. Что лежитъ внутри круга, становится черезъ это обкашиваніе его собственностію. Онъ можетъ потомъ на слѣдующіе дни спокойно выкашивать все въ этомъ кругѣ при помощи своей семьи. Много разсчета и сноровки нужно, чтобы взять кругъ въ настоящую мѣру. Если козакъ разойдется слишкомъ широко, то сосѣдніе косцы вкосятся въ ту сторону круга, которую онъ не успѣлъ еще обкосить. И такъ задача въ томъ, чтобы обкосить возможно большій кругъ и въ концѣ придти прямо къ началу его. Онъ работаетъ съ неимовѣрнымъ напряженіемъ силъ; едва отрывается отъ работы, чтобы выпить глотокъ воды, потому что къ закату солнца дѣло уже кончается и каждый долженъ взять во владѣніе свой участокъ обкоскою его. До 1 іюня никто не можетъ выкосить ни малѣйшаго мѣстечка въ

лугахъ, ни у кого даже не должна быть навязана на ручку коса: иначе, онъ лишается своего участка въ покосѣ.

«И рыболовство дѣлается по такимъ же правиламъ. Оно распредѣлено по извѣстнымъ временамъ: на зиму, на весну, на осень. Кто осмѣлится прежде поймать хоть одну рыбу, тотъ также лишается на годъ своей части. Зимою назначается атаманомъ день рыболовства, и начало ему дѣлается въ 8 верстахъ отъ Уральска. Тамъ собираются за-ночь наканунѣ всѣ служащіе козаки, каждый съ длиннымъ багромъ и пешнею; у каждаго есть лошадь и сани подъ присмотромъ кого нибудь изъ семьи, но этотъ погонщикъ не смѣетъ участвовать въ самой ловлѣ. Козаки стоятъ у берега, каждый уже выбралъ себѣ мѣсто и ждетъ знака. Раньше, чѣмъ данъ знакъ, никто не смѣетъ ступить на ледъ, иначе теряетъ на день право ловли. Дается сигналъ выстрѣломъ изъ пушки, и въ тотъ мигъ все бросается стремглавъ на рѣку, каждый отъискиваетъ свое мѣсто, пробиваетъ пешнею прорубь и бьетъ багромъ рыбу. Она лежитъ въ рѣкѣ такъ плотно, что въ хорошемъ мѣстѣ каждый ударъ бываетъ удаченъ. Семья козака, оставаясь на берегу, перетаскиваетъ пойманную рыбу на сани, помогаетъ ему сколько можетъ, но на ледъ ходитъ только служащій козакъ. Послѣ того каждый день впродолженіе трехъ недѣль спускаются все ниже и ниже по рѣкѣ, на 400 и 500 верстъ, продолжая ловлю въ такомъ же порядкѣ. Лѣтняя и осенняя ловля продолжается каждая по шести недѣль на лодкахъ, и начинается также по сигналу.

«На замѣчанія, какія слышалъ я въ Пруссіи, относительно этихъ оригинальныхъ обычаевъ, столь рѣзко противорѣчащихъ нашимъ западнымъ европейскимъ, я долженъ сказать, что правительство русское справедливо соблюдаетъ величайшую осторожность, неизмѣняя всего этого устройства. Если бы въ угодность прусскимъ педантамъ начать вводить у Уральскихъ козаковъ порядокъ службы, свойственный регулярнымъ войскамъ, напримѣръ: отмѣнить добровольное соглашеніе о томъ, кому идти въ походъ и тому подобное, этимъ было бы начато жесточайшее притѣсненіе и совершенное разрушеніе естественныхъ отношеній ихъ быта. Если бы въ угодность прусскимъ педантамъ начать вводить другіе гражданскіе обычаи, напримѣръ: раздѣлить навсегда поля по отдѣльнымъ общинамъ, или по отдѣльнымъ людямъ, педантически организовать рыбную ловлю и тому подобное, то этимъ совершенно былъ бы убитъ превосходный общій духъ и все несравненное на своемъ мѣстѣ устройство цѣлой области. Тогда пришлось бы имѣть состоящихъ на жалованьѣ чиновниковъ, открылось бы широкое поле злоупотребленіямъ, притѣсненіямъ, взяточничеству, между тѣмъ,

какъ теперь управленіе легко, чрезвычайно дешево и не вовлекаетъ ни въ какія запутанности, и при этомъ никакое племя не приноситъ правительству такъ много пользы и услугъ, какъ племя и область уральскихъ козаковъ; потому-то и примѣню къ нимъ я въ заключеніе извѣстный афоризмъ: «Sint ut sunt aut non sunt»—пусть будетъ, какъ есть, или ничего не будетъ.» (III, 152.)

Тутъ опять необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній, отчасти для предупрежденія недоразумѣній относительно нашего взгляда на вещи, отчасти для объясненія истиннаго смысла подробностей, представляемыхъ разсказами Гакстгаузена.

Прежде всего скажемъ, что мы не считаемъ устройства Уральской области идеаломъ человѣческихъ обществъ и нимало не намѣрены обращать французовъ или нѣмцевъ въ уральскихъ козаковъ—пусть себѣ живутъ, какъ хотятъ—они сами лучше насъ могутъ знать, какъ имъ лучше жить. Мы даже не огорчаемся и тѣмъ, что жители Орловской или Курской губерніи, предки которыхъ вѣроятно хозяйничали на манеръ Уральскихъ козаковъ, бросили этотъ способъ хозяйства, — показалось имъ, что лучше бросить его,—ну, и прекрасно: вѣроятно, они сами знали, что для нихъ лучше. Мы только хотимъ показать, что при различныхъ обстоятельствахъ условія экономическія бываютъ очень различны, и что не годится никому изъ насъ говорить съ высоты своего величія: «это невозможно; это мечта!» — Мы хотимъ также показать, что обычаи, безполезные или даже вредные при однихъ обстоятельствахъ, могутъ быть выгодными при другихъ.•

Вотъ, напримѣръ, если уральцы доживутъ въ нынѣшнемъ своемъ устройствѣ до того времени, когда введены будутъ въ хлѣбопашество машины, подобныя по силѣ своего дѣйствія ткацкимъ машинамъ (какъ введены уже машины подобнаго рода для молотьбы хлѣба и для обращенія зерна въ муку, — «Экономическій Указатель» вѣроятно не будетъ отрицать ни молотилокъ, ни водяныхъ мельницъ),—когда будутъ введены подобныя очень сильныя машины для хлѣбопашества, то уральцы будутъ тогда очень рады, что сохранилось у нихъ устройство, допускающее употребленіе такихъ машинъ, требующихъ хозяйства въ огромныхъ размѣрахъ, на сотняхъ десятинъ. Въ настоящее время, приноситъ имъ, быть можетъ, не очень много положительной пользы то, что они не дѣлятъ землю на участки, а тогда окажется очень выгоднымъ для нихъ то обстоятельство, что они не пріобрѣли обычая, препятствующаго во Франціи соединенію мелкихъ земледѣльцевъ для общинной обработки земли, которая во Франціи уже оказывается очень выгодною, но не вводится потому, что французы пріобрѣли очень сильную привычку къ другому спо-

собу пользованія землею, — способу, въ свое время бывшему очень выгоднымъ, а въ настоящее время оказывающемуся менѣе выгоднымъ, нежели заведеніе большихъ хозяйствъ. Но тутъ мы все разсуждаемъ, только для примѣра, о томъ, какъ будутъ думать Уральскіе козаки въ будущее время, которое еще неизвѣстно, когда прійдетъ (хотя успѣхи механики и технологіи несомнѣнно доказываютъ, что такое время прійдетъ)—до слишкомъ отдаленнаго будущаго времени намъ нѣтъ дѣла: наши пра-пра-пра-внуки вѣроятно съумѣютъ прожить на свѣтѣ и своимъ умомъ, безъ нашихъ заботъ — довольно будетъ того, если мы станемъ заботиться о себѣ и своихъ дѣтяхъ, — обратимся же отъ этого предположенія о будущемъ Уральскихъ козаковъ, имѣющаго цѣлью только пояснить, какъ съ измѣненіемъ обстоятельствъ могутъ мѣняться потребности, полезное можетъ дѣлаться вреднымъ, безполезное полезнымъ,—обратимся отъ этого предположенія о будущемъ къ настоящему, и настоящему не однихъ Уральскихъ козаковъ, а всего русскаго населенія.

Было время, когда общинное владѣніе могло казаться не представляющимъ особенныхъ выгодъ, какъ теперь представляется не имѣющимъ особенныхъ выгодъ обычай уральскихъ козаковъ не дѣлить землю на участки. Но какъ могутъ прійти обстоятельства, когда этотъ обычай уральскихъ козаковъ сдѣлается выгоднымъ для ихъ благосостоянія, такъ уже пришли обстоятельства, въ которыхъ общинное владѣніе оказывается очень выгоднымъ для благосостоянія русскаго народа. Эти обстоятельства, какъ мы уже много разъ говорили, заключаются въ характерѣ, принимаемомъ экономическимъ развитіемъ. Въ Западной Европѣ уже оказалось, что если при новѣйшемъ развитіи силы капитала вся земля, принадлежащая націи, обращена въ частную собственность, переходящую изъ рукъ въ руки по закону безграничной конкурренціи капиталовъ, то большинство земледѣльцевъ превращается въ пролетаріевъ, то есть, переставая имѣть собственное хозяйство, дѣлается сословіемъ батраковъ, выходъ изъ котораго чрезвычайно труденъ даже для отдѣльныхъ лицъ, не только для цѣлаго сословія.

Но возвратимся къ Уральскимъ козакамъ. Не для этой параллели ихъ обычая не дѣлить землю съ общимъ обычаемъ другихъ областей дѣлить землю, привели мы эпизодъ о нихъ—нѣтъ, главная цѣль наша была выставить на видъ другое обстоятельство. Не сельскохозяйственными обычаями уральцевъ мы восхищаемся — эти обычаи сами по себѣ не кажутся намъ ни вредными, ни особенно благотворными въ настоящее время, благотворность ихъ еще въ отдаленномъ будущемъ, о которомъ не намъ заботиться, а нашимъ по-

томкамъ,—нѣтъ, есть другая сторона въ томъ порядкѣ жизни, изъ котораго возникли ихъ сельско-хозяйственные обычаи, и эта сторона справедливо очаровываетъ Гакстгаузена. Мы говоримъ о мудрой системѣ, которой держится наше правительство относительно ихъ, предоставляя домашнія дѣла ихъ собственной заботѣ: «пусть себѣ сами улаживаются, какъ имъ удобнѣе», говоритъ наше правительство, и мы просимъ читателя обратить вниманіе на блистательные, поразительные результаты, производимые этою мудрою системою нашего правительства: какъ дешево обходится правительству управленіе уральскими козаками по такой системѣ! Какъ быстро и исправно исполняютъ они при этой системѣ обязанности, которыхъ невозможно было бы исполнить ни при какой другой системѣ!

Мудрость правительства есть великое счастіе и для народа и для самого правительства.

Выше мы говорили только о благотворности общиннаго владѣнія землею, котораго потребность ощущается въ настоящее время повсюду въ Россіи чрезвычайно сильнымъ образомъ; ни вчерашнимъ, ни завтрашнимъ нынѣ сытъ не будешь: мы заботимся о настоящихъ потребностяхъ, а не о томъ, что было нужно триста лѣтъ тому назадъ или будетъ нужно черезъ триста лѣтъ впередъ. Потому мы ничего не говорили о общинномъ союзѣ для производства работъ, потребность котораго, конечно, со временемъ будетъ чрезвычайно сильна въ Россіи, какъ теперь уже чрезвычайно сильна въ Западной Европѣ. Теперь эта потребность чувствуется въ Россіи еще не повсюду; но общинный духъ, сохранившійся у насъ благодаря общинному владѣнію землею, такъ свѣжъ и силенъ, что общинное производство работы, это дѣло столь трудно исполнимое на Западѣ, у насъ безъ всякихъ хлопотъ дѣлается тамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда становится нужно. Вотъ примѣръ изъ Гакстгаузена:

«Пашутъ здѣсь (въ селѣ Падовкѣ, въ заволжской части Саратовской, нынѣ въ Самарской губерніи) тяжелымъ плугомъ, въ который запрягаются большею частію волы, двѣ или три пары, а когда поднимается новь, то пять паръ. Натурально, не въ каждомъ хозяйствѣ есть десять воловъ, потому крестьяне пашутъ сообща, и плужные волы считаются, такъ сказать, общинной собственностью цѣлой деревни, такъ что равно должны пахать на всѣхъ. Прежде деревня имѣла 24 плуга съ полной упряжью и 240 воловъ. Неурожаи уменьшили число скота, и нынѣ остается только 100 воловъ.» (II, 23.)

Неистощимую, вѣчно живую и свѣжую почву всѣхъ возможныхъ улучшеній представляетъ наше общинное владѣніе землею;

неистощимый запасъ національнаго благосостоянія и государственнаго процвѣтанія находится въ немъ. Одно только нужно, чтобы началось для нашего царства время невиданнаго на землѣ въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, въ такомъ стройномъ порядкѣ общаго благоденствія великой Державы и всѣхъ дѣтей ея: нужно только одно то, чего желалъ нѣкогда Шторхъ, о чемъ говорилъ онъ нѣкогда своимъ Державнымъ Воспитанникамъ: да идетъ наша держава по пути экономическихъ улучшеній, (*) и да совершитъ Александръ II дѣло, начатое Александромъ I и Николаемъ I.

Заключимъ наши извлеченія изъ Гакстгаузена, тѣми размышленіями, которыми заключаетъ онъ свой трактатъ о сельско-хозяйственныхъ учрежденіяхъ Россіи.

«Русское общинное устройство, описанное нами выше, безконечно важно для Россіи, особенно въ настоящее время, въ государственномъ отношеніи. Всѣ западно-европейскія государства страдаютъ одною болѣзнью, исцѣленіе которой доселѣ остается неразрѣшимою задачею — они страдаютъ пауперизмомъ-пролетаріатствомъ. Россія не знаетъ этого бѣдствія; она предохраняется отъ него своимъ общиннымъ устройствомъ. Каждый русскій имѣетъ и родную землю и право на участокъ ея. И если самъ онъ лично откажется отъ этого участка, или потеряетъ его, то за дѣтьми его остается право въ качествѣ членовъ общины самостоятельно требовать себѣ участка. Принципъ такого устройства одинаковъ по всей Россіи, потому что онъ самъ собою, безъ всякихъ внѣшнихъ мѣръ развился изъ основнаго характера русской націи. Я выражу слабо свою мысль, если скажу, что считаю не болѣе, какъ опаснымъ дѣломъ всякую попытку разрушить или хотя бы измѣнить въ чемъ нибудь существенномъ этотъ принципъ. Государственное достоинство русскаго поземельнаго принципа до такой степени превосходитъ своею важностію всѣ его невыгоды, что никакимъ образомъ невозможно и сравнивать съ ними этого преимущества. При томъ я думаю, что невыгодныя слѣдствія этого принципа могутъ быть устранены многими способами, не касаясь самого принципа. Напримѣръ, они могли бы быть, вѣроятно, устранены тѣмъ, еслибы употреблено было вниманіе на то, чтобы возстановить, особенно въ маленькихъ общинахъ, или посредствомъ раздѣленія большихъ общинъ на маленькіе союзы, первобытный способъ, чрезъ уничтоженіе дѣлежа земли и возстановленіе общаго труда при хлѣбопашествѣ. Я считаю это возможнымъ у народа столь привыкшаго слѣдовать духу общинной власти. Что при такомъ общемъ воздѣлываніи земли хлѣбопашество можетъ быть

(*) Storch, Russland unter Alexander I. Томъ 5-й, XIV книжка, стр. 90.

производимо гораздо лучше и раціональнѣе, и что никто не потерпитъ обиды отъ того, когда раздѣлъ земли замѣнился бы раздѣломъ жатвы нà-полѣ, кажется мнѣ несомнѣнно.» (*) (III, 151.)

Но это послѣднее улучшеніе — дѣло будущаго. Нынѣ лежатъ на насъ другія дѣла, и при совершеніи ихъ надобно помнить одно: тѣ измѣненія, которыя необходимо должны произойти вслѣдствіе начинающагося участія нашей страны въ экономическомъ движеніи Западной Европы, должны произойти такъ, чтобы наши поселяне, сохраняя свое общинное владѣніе, были предоставлены собственному разсудку въ устройствѣ своихъ домашнихъ дѣлъ.

(*) Это мнѣніе Гакстгаузена, человѣка совершенно далекаго отъ всякой мечтательности и всѣми силами души ненавидящаго то, что называетъ онъ коммунистическими бреднями, такъ важно, что мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь подлинныя слова его, чтобы никто не могъ предположить, что мы, хотя сколько нибудь измѣнили ихъ точный и опредѣлительный смыслъ: «Auch glaube ich, dass man die nachtheiligen Folgen noch auf mehrere andere Weisen aufheben oder modificieren könnte, ohne jenes Princip zu zerstören, z. B. vielleich eben dadurch, dass man den ursprünglichen Zustand namentlich bei kleinen Gemeinden, oder Abtheilungen grosserer wieder herzustellen suchte, nämlich durch Aufhebung der Landtheilungen und Wiederherstellung des gemeinsamen Ackerbaues. Ich halte dies bei einem Wolke für möglich, das so gewöhnt ist der Auctorität zu folgen. Dass bei einem solchen gemeinsamen Ackerbau derselbe viel besser und rationeller betrieben werden könnte und dass Niemand dabei lädert würde, wenn statt der Theilung des Landes eine Theilung der Erndte auf dem Felde einträte, scheint mir nicht zweifelhaft.

СОЧИНЕНІЯ ГРАФА В. А. СОЛЛОГУБА. *Спб. 1855—1856. Пять томовъ.*

Тѣ, которые слѣдятъ за русской литературой только по петербургскимъ журналамъ, могли думать до прошедшаго года, что графъ Соллогубъ въ послѣднія восемь—десять лѣтъ почти совсѣмъ оставилъ литературное поприще: такъ рѣдко слышались въ литературѣ хоть какія нибудь напоминанія объ этомъ писателѣ, нѣкогда столь извѣстномъ и любимомъ. Общее молчаніе о немъ въ послѣднее время было тѣмъ болѣе странно, что никакъ не соотвѣтствовало тѣмъ восторгамъ, какіе возбуждало начало его литературной дѣятельности. Дебютъ графа Соллогуба былъ въ счастливое, свѣтлое время русской литературы. Живая еще тогда утрата Пушкина возбуждала въ публикѣ, даже еще болѣе, чѣмъ при его жизни, горячее участіе къ чтенію и изученію его произведеній; а между тѣмъ въ то же время новыя надежды возбуждала другая яркая звѣзда русской поэзіи, — такъ мгновенно блеснувшая и закатившаяся, — Лермонтовъ. Въ то время, какъ онъ писалъ своего «Героя», — Гоголь, въ полной силѣ своего таланта и славы, готовилъ уже «Мертвыя души», и въ то же время критика гоголевскаго періода, окрѣпши въ своихъ силахъ, смѣло пошла впередъ и сдѣлалась выразительницею мнѣній лучшей части русской публики. При такомъ положеніи дѣлъ трудно было обратить на себя вниманіе писателю безъ замѣчательной силы таланта, безъ особенныхъ литературныхъ достоинствъ. Графъ Соллогубъ несомнѣнно обладалъ этой силою таланта и этими достоинствами, потому что съ перваго своего шага на литературномъ поприщѣ онъ возбудилъ живѣйшій восторгъ тогдашней публики и критики. Кто знаетъ нашу журналистику соро-

ковыхъ годовъ, тотъ вспомнитъ, сколько шумныхъ, восторженныхъ похвалъ расточала графу Соллогубу, сколько высокихъ, блестящихъ достоинствъ находила въ его произведеніяхъ критика того времени. Имя графа Соллогуба упоминалось рядомъ съ именами Гоголя и Лермонтова, въ повѣстяхъ его находили высокую художественность, глубокія идеи, удивительное знаніе человѣческаго сердца, необыкновенно умное и живое изученіе быта всѣхъ слоевъ нашего общества, безукоризненное изящество, соединенное съ полной естественностью въ представленіи всѣхъ лицъ и положеній въ разсказѣ, вдохновенное, согрѣтое сердечнымъ чувствомъ краснорѣчіе, живое, веселое остроуміе, и проч. и проч. Публика соглашалась со всѣмъ этимъ и жадно перечитывала повѣсти Соллогуба, оставляя для него и фразёра Марлинскаго, и приторнаго Полеваго, и веселаго Загоскина и фантастическаго Вельтмана. Съ каждымъ годомъ слава графа Соллогуба росла, — и — нужно признаться, — онъ умѣлъ ее поддерживать: за «Исторіей двухъ галошъ» слѣдовалъ «Большой свѣтъ», за нимъ — «Аптекарша», потомъ «Медвѣдь», далѣе «Тененевская ярмарка».... Всѣ эти произведенія, явившіяся втеченіе пяти лѣтъ, одно за другимъ, стоили другъ друга, и критика имѣла полное право говорить, что «графъ Соллогубъ не перестаетъ обогащать русскую литературу новыми созданіями изящнаго пера своего.» Но такой постоянный успѣхъ не увлекъ блестящаго автора «Большаго свѣта.» Онъ занимался литературой какъ дилеттантъ, онъ хорошо понималъ, что дѣлаетъ ей нѣкоторое одолженіе, становясь въ ряды ея дѣятелей, и неоднократно, — мимоходомъ, намекомъ, но тѣмъ не менѣе ясно и твердо, — выражалъ, что смотритъ на нее нѣсколько свысока.... 1845 годъ былъ самымъ блестящимъ и — увы! послѣднимъ годомъ его славной литературной дѣятельности. Намѣреваясь разстаться съ своими почитателями, графъ Соллогубъ усилилъ, предъ концомъ, свою дѣятельность, чтобы оставить добрую память по себѣ въ своихъ поклонникахъ. Въ это время издалъ онъ двѣ книжки: «Вчера и сегодня», и «Тарантасъ.» То и другое было встрѣчено съ обычнымъ восторгомъ. Вскорѣ авторъ «Тарантаса» появился съ новыми повѣстями: «Балъ», «Двѣ минуты» и «Княгиня» (соединенными въ нынѣшнемъ изданіи подъ однимъ заглавіемъ: Жизнь свѣтской женщины), — и за тѣмъ замолкъ надолго, — по крайней мѣрѣ для обычнаго литературнаго круга. Имя его продолжало, правда, появляться на афишахъ Александринскаго Театра при заглавіяхъ новыхъ водевилей, оно украшало нѣсколько времени фельетонъ Иллюстраціи; мелкія статьи, стихотворенія, шутки, историческія и статистическія замѣтки графа

Соллогуба печатались въ «Запискахъ Кавказскаго Отдѣла Географическаго Общества», въ газетѣ «Кавказъ», въ «Зурнѣ» въ Нижегородскихъ и Симбирскихъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», и т. п. Эти статьи заняли цѣлыхъ три тома въ изданномъ нынѣ собраніи сочиненій графа Соллогуба, состоящемъ изъ пяти томовъ.... Но, къ сожалѣнію, все это было чуждо любознательности большинства русскихъ читателей, и потому никакъ не могло быть названо новымъ обогащеніемъ русской литературы. Публика слѣдила за литературой по журналамъ, а журналисты совсѣмъ не заботились о томъ, чтобы извлекать перлы созданій изящнаго бельлетриста изъ мало извѣстныхъ изданій. Только драма «Мѣстничество», да повѣсть «Старушка» порадовали многочисленныхъ почитателей графа Соллогуба; да и въ этихъ созданіяхъ нѣкоторые заносчивые критики примѣтили будто бы упадокъ таланта, нѣкогда столь прекраснаго. Ихъ мнѣніе не встрѣтило сильнаго противорѣчія, не возбудило ожесточенной полемики; повидимому, читателямъ и критикѣ было рѣшительно все равно, какъ бы кто ни думалъ о талантѣ графа Соллогуба. Имя его потеряло прежнюю привлекательность и далеко отодвинулось отъ именъ Пушкина, Гоголя и Лермонтова, къ которымъ, бывало, прибавлялось непосредственно. Новыя имена, новыя произведенія заняли собою вниманіе публики, и никто не высказывалъ сожалѣній, что столь даровитый бельлетристъ пересталъ дарить нашу бѣдную литературу высоко художественными произведеніями изящнаго пера своего».... О немъ не вспоминали, о немъ перестали говорить, имъ перестали интересоваться,—

....и скоро позабытый,
Надъ міромъ онъ прошелъ безъ всякаго слѣда, и проч....

Положеніе писателя, пережившаго свою литературную славу, не должно быть слишкомъ пріятно. Для автора «Тарантаса» это обстоятельство, конечно, менѣе имѣло значенія, чѣмъ для всякаго другаго: онъ былъ вѣдь только дилеттантомъ литературы.... Но все же послѣ шумныхъ похвалъ, громкихъ рукоплесканій, пламенныхъ восторговъ и т. п. —вдругъ безвѣстно заглохнуть въ тихомъ забвеніи, не прерывая еще притомъ своей дѣятельности,—какъ хотите,—а это незавидное положеніе. И мы не можемъ обвинить графа Соллогуба, чтобы онъ былъ нечувствителенъ къ охлажденію публики и не хотѣлъ возвратить ея благосклонности. Онъ дѣлалъ множество самыхъ разнообразныхъ попытокъ, чтобы привлечь на себя вниманіе публики. Онъ пробовалъ себя во всѣхъ родахъ литературы, такъ, что едва ли кто изъ русскихъ писателей можетъ посо-

рить съ нимъ въ этомъ отношеніи, — развѣ Александръ Петровичъ Сумароковъ, своей всеобъемлемостью равнявшійся господину Вольтеру. Въ самомъ дѣлѣ, не довольствуясь славою превосходнаго разсказчика, графъ Соллогубъ пробовалъ себя и въ лирическомъ родѣ, — писалъ альбомныя стихотворенія, описанія весны, серенады, козацкія пѣсни, и даже оды — симфоніи; — подвизался и на драматическомъ поприщѣ, сочиняя драмы, комедіи, водевили, пословицы и оперы; вступалъ и въ ряды фельетонистовъ, описывая петербургскую жизнь, симбирскіе спектакли и тифлисскія иллюминаціи. Онъ рѣшился даже изъ свѣтлой сферы поэзіи спуститься въ область смиренной прозы и сдѣлался статистикомъ, этнографомъ, историкомъ, біографомъ, туристомъ, даже критикомъ и историкомъ литературы.... Онъ составлялъ точныя свѣдѣнія «объ измѣненіяхъ на Лезгинской линіи», описывалъ весьма тщательно «Алагирскій серебро-свинцовый заводъ», изображалъ грузинскіе нравы въ окрестностяхъ Тифлиса, составилъ біографію генерала Котляревскаго, написалъ «Нѣсколько словъ о началѣ кавказской словесности.»

Все это было неизвѣстно доселѣ любителямъ литературы; но въ прошломъ году все это издано авторомъ въ пятомъ томѣ его сочиненій, подъ общимъ названіемъ: «Салалакскіе досуги», — названіе, пріятно напоминающее «Чаталагайскія оды», «Славянскіе вечера» и т. п. Вмѣстѣ съ разнообразіемъ позднѣйшихъ произведеній графа Соллогуба, замѣчательна еще ихъ животрепещущая современность, также свидѣтельствующая въ пользу его благосклоннаго вниманія къ нашей публикѣ. Были въ модѣ благотворительные спектакли, — онъ писалъ пьесы для благотворительныхъ спектаклей (какъ говоритъ въ примѣчаніи къ пьесѣ — «Сотрудники»). Поднялось въ Петербургѣ цвѣтобѣсіе, — онъ написалъ водевиль — «Букеты.» Обратилъ на себя вниманіе въ 1848 г. славянскій вопросъ, и вмѣстѣ съ нимъ громче прежняго сталъ выражаться вопросъ о старинномъ русскомъ бытѣ, — у графа Соллогуба явилась драма изъ старинной русской жизни — «Мѣстничество.» «Острякъ Вивьé ввелъ въ моду въ Петербургѣ пускать мыльные пузыри», — авторомъ «Салалакскихъ досуговъ» написана была шутка — «Мыльные пузыри».

Событія послѣдней войны вызвали у него біографію Котляревскаго и оду — симфонію: «Россія предъ врагами» — оканчивающуюся русскимъ народнымъ, гимномъ «Боже, Царя храни.» Словомъ, графъ Соллогубъ никогда не пренебрегалъ современностью, никогда не прикидывался непонятнымъ, непризнаннымъ, презирающимъ толпу, а, напротивъ, всегда старался угождать ея вкусу,

старался идти на ряду съ вѣкомъ, не отставать отъ современныхъ вопросовъ и не выходить изъ ряда современныхъ литературныхъ дѣятелей. Постоянство его усилій было наконецъ, въ прошломъ году, увѣнчано полнымъ успѣхомъ. Онъ взялся за одинъ изъ самыхъ живыхъ общественныхъ вопросовъ и основалъ на немъ комедію, которая снова обратила вниманіе публики и критики на талантъ графа Соллогуба. Читатели помнятъ безъ сомнѣнія, какіе шумные толки возбуждены были въ прошломъ году комедіею «Чиновникъ», благодаря блестящей критикѣ г. Павлова. Къ сожалѣнію, въ этихъ толкахъ болѣе обращали вниманія на возбужденный вопросъ и на критическій талантъ г. Павлова, нежели на достоинства таланта графа Соллогуба. Результатомъ всѣхъ толковъ было опять полное равнодушіе къ автору «Чиновника». — не измѣнившееся ни при полномъ изданіи его сочиненій, ни при новой пьесѣ, написанной имъ для столѣтняго юбилея русскаго театра. Это явленіе — замѣчательный фактъ въ исторіи нашей литературы, и оно требуетъ разбора болѣе подробнаго.

Кого винить въ этой перемѣнѣ общаго мнѣнія? Автора или публику? Авторъ, какъ легко предположить и какъ мы уже видѣли отчасти, никогда не хотѣлъ этого. Напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе желалъ онъ одобренія, тѣмъ болѣе онъ придавалъ значенія литературной извѣстности. Вотъ что говоритъ онъ въ предисловіи къ изданію своихъ мелкихъ стихотвореній, въ 1855 г.

..Кто единожды молвы
Отраву горькую извѣдалъ,
Кто бредъ тревожной головы
Хоть разъ читателю повѣдалъ,
Тотъ отуманится ужь такъ,
И столько хмѣля наберется,
Что онъ, какъ пьяница въ кабакъ,
Такъ въ типографію и рвется.
Во всемъ лиха бѣда — начать,
И вотъ, читатель благосклонный,
Зачѣмъ отважно я въ печать
Пустилъ свой стихъ неугомонный.
Но ты, принявъ сей тощій томъ,
Уваживъ скромное признанье,
Не будешь гнѣвенъ въ дѣлѣ томъ,
Гдѣ ты и судъ и оправданье..

Какъ видите, со стороны автора небыло недостатка въ охотѣ и доброй волѣ для пріобрѣтенія новыхъ успѣховъ. Онъ не игралъ роли

Расина или Россини, упорно хранившихъ, втеченіи многихъ лѣтъ, строгое молчаніе, не смотря на мольбы своихъ поклонниковъ. Отчего же новыя произведенія графа Соллогуба не встрѣчали такого восторженнаго пріема, какъ первыя его повѣсти? Мы уже упомянули, что нѣкоторые находили причину этого въ упадкѣ таланта блестящаго беллетриста. Это мнѣніе заслуживаетъ вниманія, и оно легко можетъ быть повѣрено теперь, когда всѣ произведенія графа Соллогуба собраны и изданы вмѣстѣ. Мы рѣшаемся взяться за эту повѣрку тѣмъ съ большею охотою, что она даетъ намъ удобный случай высказать нѣсколько замѣчаній объ особенныхъ чертахъ таланта графа Соллогуба вообще.

Оставляя въ сторонѣ разные общественные вопросы, направленія и обстоятельства, обращая вниманіе только на субъективную сторону произведеній графа Соллогуба и прослѣдивши ихъ всѣ въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ, отъ «Исторіи двухъ галошъ» до «Года военныхъ дѣйствій за Кавказомъ», мы можемъ сказать прямо и положительно, что въ сущности талантъ графа Соллогуба нисколько не измѣнился. Онъ и теперь отличается тѣмъ же характеромъ, направленіемъ, пользуется тѣми же внѣшними пособіями, выражаетъ тѣже внутреннія убѣжденія, даже употребляетъ тотъ же способъ выраженія, какъ и прежде. Только иногда дѣлаетъ онъ уступки современнымъ требованіямъ, сдерживая свои собственныя чувства и стремленія; но эта сдержанность, по нашему мнѣнію, придаетъ еще болѣе цѣны тѣмъ чертамъ, которыя хотятъ, но не могутъ укрыться за нею. При томъ сдержанность эта,—какъ признается самъ авторъ,—явилась у него вслѣдствіе жизненной опытности и яснѣйшаго сознанія требованій искусства. Онъ говоритъ о своемъ «Тарантасѣ»:—тогда не разсчетливая, сухая опытность водила перомъ, а *неразборчивое чувство* само-собою бросалось на бумагу, *не сдерживаясь разсудкомъ*, не признавая рѣзкихъ *предѣловъ, поставляемыхъ искусствомъ и жизнью.*» (Т. V, стр. 455). Такимъ образомъ, по собственному сознанію автора, разница между первыми и послѣдними его произведеніями состоитъ въ томъ, что онъ сталъ теперь опытнѣе, болѣе сталъ сдерживаться разсудкомъ и яснѣе созналъ предѣлы, полагаемые искусствомъ и жизнью. Согласитесь, что все это можетъ способствовать скорѣе возвышенію, нежели упадку таланта. И въ самомъ дѣлѣ, мы должны сознаться, что во многихъ мѣстахъ позднѣйшихъ произведеній графа Соллогуба талантъ его кажется намъ созрѣвшимъ и укрѣпившимся, а совсѣмъ не упавшимъ. Начнемъ хоть съ самого ничтожнаго и внѣшняго признака,—способа выраженія. До сихъ поръ весьма мало

обращали вниманія на одну особенность графа Соллогуба, въ этомъ отношеніи равняющую его чуть-ли не съ самимъ Марлинскимъ,— на его блистательное краснорѣчіе въ описаніяхъ и въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ. Г. Павловъ обратилъ, правда, вниманіе на краснорѣчіе Надимова, но разсматривалъ его совсѣмъ съ другой стороны, почти не касаясь изящной выработки слога. Мы же хотимъ сказать именно объ этомъ достоинствѣ графа Соллогуба, которое совершенно несправедливо было пренебрегаемо нашей критикой, такъ много толковавшей о краснорѣчіи Марлинскаго. Приведемъ для подтвержденія нашего отзыва два описанія: одно изъ нихъ написано Марлинскимъ, другое графомъ Соллогубомъ.

Вотъ описаніе метели:

«Вдругъ вся природа содрогается. Летитъ мятель на крыльяхъ вихря. Начинается что-то непонятное, чудное, невыразимое. Земля ли въ судорогахъ рвется къ небу, небо ли рушится на землю? — но все вдругъ смѣшивается, вертится, сливается въ адскій хаосъ. Глыбы снѣга, какъ исполинскіе саваны, поднимаются, шатаясь, къ верху, и, клубясь съ страшнымъ гуломъ, борятся между собой, падаютъ, кувыркаются, разсыпаются, и снова поднимаются еще больше, еще страшнѣе Кругомъ ни дороги, ни слѣда... Метель со всѣхъ сторонъ. Тутъ ея царство, тутъ ея разгулъ, тутъ ея дикое веселье....»

А вотъ описаніе грозы:

«Меркло. Тучи плескались, какъ волны по небу, — грозили залить ледяной островъ Шахъ-дага. Только одно его темя блистало еще снѣгомъ, пылало огнемъ солнца, какъ душа поэта, какъ жерло волкана. Другіе хребты—слѣва, справа, отвсюду вздымались великанскими головами одинъ надъ другимъ, одинъ за другимъ, все выше, и синѣе, и мрачнѣе, подобно чудовищнымъ валамъ, вздутымъ Божіимъ гнѣвомъ въ страшный день потопа... Подъ кипучею пѣной облаковъ, казалось, они идутъ, идутъ грозные, крутятся, падаютъ горами, разступаются безднами; прыщутъ и воютъ! Ливень бичуетъ, хлещетъ, гонитъ ихъ, догоняетъ насъ... Дорога шумитъ и несется водопадомъ.. проливается небо, земля тонетъ...»

Не правда ли, что эти отрывки очень схожи? Фигуры нарушенія, повторенія, единоначатія и т. п. украшенія реторики щедро разсыпаны въ томъ и другомъ. Пріемъ и манера рѣшительно тѣже. Весь секретъ состоитъ, главное, въ подборѣ эпитетовъ почти синонимическихъ, въ умѣстномъ повтореніи нѣкоторыхъ глаголовъ и въ искусномъ избѣжаніи союза *и*, который, какъ извѣстно, *связываетъ* рѣчь. Краснорѣчивыя описанія, чтобы не лишиться своей свободы, большею частію вовсе не употребляютъ его, а если и упо-

требляютъ, то не иначе, какъ съ повтореніемъ — попарно. Необходимо также при этомъ обращать вниманіе и на звучность фразы.

Разсматривая съ этой стороны краснорѣчіе графа Соллогуба, находимъ, что онъ не пренебрегъ рѣшительно ни одной мелочью, какая только могла служить для украшенія его слога. Его описаніе метели, по нашему мнѣнію, рѣшительно не уступаетъ описанію грозы у Марлинскаго.

Мы не хотимъ дѣлать длинныхъ выписокъ, да онѣ и не нужны. Каждый изъ читателей самъ весьма легко можетъ найдти краснорѣчивыя страницы въ сочиненіяхъ графа Соллогуба: ихъ такъ много вышло изъ подъ изящнаго пера его! Мы здѣсь замѣтимъ только, какъ онъ, съ теченіемъ времени, подчинялся требованіямъ современности въ самомъ слогѣ своихъ произведеній, и для этого приведемъ описаніе метели изъ другаго его произведенія, писаннаго нѣсколько позже, чѣмъ то, изъ котораго отрывокъ приведенъ нами выше.

Вотъ это описаніе:

«Вдругъ рванулъ вѣтеръ, — снѣгъ повалилъ хлопьями, бѣлое небо слилось съ бѣлой землей; снѣжные столбы начали вздыматься, качаться и кружиться по воздуху. Дорогу мигомъ занесло... Лошади дрожали и едва могли идти противъ бури...»

И только. Ранѣе разсказывается уже о томъ, какъ кучеръ принялся отъискивать дорогу. А между тѣмъ какъ бы хорошо опять могла разъиграться фантазія автора, — какую чудную картину могло нарисовать здѣсь краснорѣчивое перо его! Но разсказъ, изъ котораго мы взяли эти строки («Иванъ Васильевичъ на Кавказѣ») писанъ уже въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ, когда авторъ сталъ «сдерживаться разсудкомъ и созналъ *предѣлы, полагаемые искусствомъ и жизнью*». По этому описаніе его вышло короче, сообразнѣе съ требованіями современныхъ читателей. Неужели и въ этомъ не видно совершенствованіе, а не упадокъ таланта?

А какъ говорятъ герои и героини разсказовъ графа Соллогуба, — свѣтскіе люди большаго свѣта! Боже мой, какъ они говорятъ! хоть сейчасъ отправьте ихъ на состязаніе съ любымъ членомъ парламента! И, что всего замѣчательнѣе, — каждый изъ героевъ, принимаясь говорить, дѣлается самъ не свой. Онъ уже не помнитъ, что онъ, гдѣ онъ, съ кѣмъ онъ, забываетъ и свой характеръ и степень своего образованія, и свои убѣжденія. Входя въ паѳосъ краснорѣчія, онъ уже какъ будто не самъ говоритъ, — просто

«Какимъ-то демономъ внушаемъ...»

И какъ краснорѣчиво и длинно!... Въ продолженіе каждаго изъ спичей этихъ героевъ можно порядочно выспаться... Право... Василій Иванычъ такъ и дѣлалъ обыкновенно, слушая Ивана Васильича, и еще всегда поспѣвалъ отвѣтить что-нибудь на его заключительную фразу. А тотъ и радъ, и опять понесется.

Мы останавливаемся на этой особенности повѣстей графа Соллогуба, потому что доселѣ критики наши съумѣли отмѣтить ее только у двухъ замѣчательныхъ писателей — Марлинскаго и Полеваго. Мы рѣшительно утверждаемъ, что авторъ «Исторіи двухъ галошъ» и «Чиновника» не только не уступитъ имъ въ этомъ отношеніи, а даже, можетъ быть, и превзойдетъ ихъ. Судите сами.

Вотъ объясняется Левъ (по имени):

— «Да, милая, любовь вездѣ и повсюду; она и въ пылинкахъ, сплывающихся въ кристаллы; она на вѣткѣ дерева и въ дикой берлогѣ; она въ чашечкѣ цвѣтка, равно какъ въ сердцѣ человѣка; она въ стихіяхъ земли и въ мірахъ небесныхъ!...» и пр.

Вотъ объясненіе медвѣдя (по званію):

— «Нѣтъ, я вѣрую, что у каждаго человѣка должна быть своя прекрасная минута; вѣрую, что вы ниспосланы Небомъ осѣнить свѣтлымъ лучемъ мое теперешнее одиночество. Кроткая душа ваша сжалилась надъ сиротскою моею жизнью, и теперь, благодаря вамъ, я счастливъ, я силенъ, я гордъ судьбой своей...

«Глаза молодаго человѣка засверкали...

«— Вотъ видите ли, здѣсь, подъ этимъ чистымъ Небомъ, подъ этими деревьями—душа расширяется, сердце наполняется радостью.. О, какое было бы блаженство, еслибъ....

«Онъ не посмѣлъ кончить...»

А вотъ еще объясненіе льва (по званію), о томъ же предметѣ:

«Повѣрьте, источники истинныхъ наслажденій должны быть непорочны и чисты. Любовь, неосвященная супружествомъ, чѣмъ бы она ни извинялась, всегда будетъ преступна, и голосъ совѣсти всегда восторжествуетъ. Теперь хоть и говоритъ романтическая школа, что бракъ — одно только пустое условіе; но это — коварный обманъ; не вѣрьте ему. Люди, которые излагаютъ свѣтскимъ женщинамъ подобныя правила, обнаруживаютъ не любовь свою, а холодное презрѣніе ...»

Не смотря на разницу тона, въ этихъ трехъ рѣчахъ удивительно - много общаго. Возвышенныя фразы, пышная книжность выраженій ярко обнаруживаютъ сильное чувство говорящаго. Разница же зависитъ единственно отъ разности положеній. Левъ Марлинскаго, человѣкъ съ пылкими страстями, высказываетъ свою любовь мечтательной Ольгѣ по тому поводу, что она испугалась грозы;

медвѣдь Соллогуба, человѣкъ застѣнчивый, неловкій, нелюдимый, — хотя очень умный, — говоритъ съ княжной, свѣтской, избалованной, вѣтреной дѣвушкой; левъ Соллогуба разсуждаетъ въ маскарадѣ съ маской, которую онъ считаетъ невинной провинціалкой, своей невѣстой, недавно пріѣхавшей изъ деревни. При такихъ обстоятельствахъ — отъ медвѣдя и отъ льва даже трудно бы ожидать такого блестящаго краснорѣчія; но авторъ самъ потрудился за нихъ и вложилъ имъ въ уста такую изящную, краснорѣчивую рѣчь, какой и не слыхано доселѣ между русскими людьми. Графъ Соллогубъ помнилъ, вѣроятно, правило Карамзина, что у насъ должно не писать такъ, какъ говорятъ, а говорить такъ, какъ напишетъ человѣкъ со вкусомъ, и хотѣлъ дать образецъ для подражанія нашимъ салоннымъ героямъ. Доселѣ попытка его еще мало, кажется, имѣла успѣха, но мы надѣемся, что современемъ она принесетъ полезные плоды и найдетъ достойныхъ подражателей въ нашихъ гостиныхъ. Эту надежду, кажется, раздѣляетъ съ нами и самъ графъ Соллогубъ. Не смотря на всѣ измѣненія современнаго вкуса, онъ неуклонно продолжаетъ свою методу — заставлять создаваемыя имъ лица говорить такъ, какъ они *не говорятъ*, но *какъ должны говорить*. Въ этомъ отношеніи мы не находимъ ни малѣйшей разницы между первымъ и послѣднимъ произведеніемъ графа Соллогуба. Въ «Исторіи двухъ галошъ» молодой человѣкъ толкуетъ съ своимъ товарищамъ о славѣ слѣдующимъ образомъ:

«Слава, товарищъ, слава! Видишь отсюда? Толпа, покорная предъ именемъ твоимъ, волнуется передъ тобой; всюду гремитъ молва о твоей славѣ. Слава, слава тебѣ!.. Женщины кидаютъ тебѣ вѣнки; мужчины съ завистью рукоплещутъ тебѣ; бѣдный артистъ сдѣлается владыкой толпы; геній возьметъ свое мѣсто; музыка восторжествуетъ!.. А я смиренно пойду за тобой, и буду кидать цвѣты на славный путь твой...» и пр.

Это было писано въ 1839 году. А въ 1856 г. — кто же не помнитъ, какъ объяснялся г. Надимовъ, крича, что надо крикнуть на всю Россію, и пр. Способъ выраженія тотъ же самый. Мало этого: въ пьесѣ «Ночь передъ свадьбой или Грузія черезъ 1000 лѣтъ», авторъ увѣряетъ, что въ 2853 г. будутъ выражаться слѣдующимъ образомъ:

«Благодарю васъ, друзья мои, что вы такъ радушно приняли мое приглашеніе. Согласіе между артистами, отсутствіе мелочнаго самолюбія для пользы искусства, — вотъ что отличаетъ ваше полезное сословіе. Садись сюда, прекрасный иностранецъ... они тебя разсѣятъ»...

Все это рѣшительно убѣждаетъ насъ, что талантъ графа Соллогуба нисколько не измѣнился и блеститъ по прежнему, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ искусству выраженія. Рѣчь его и его героевъ всегда изящна и выработана, ее такъ и хочется слушать; къ ней никакъ уже нельзя приложить послѣднихъ двухъ стиховъ извѣстнаго четверостишія:

«Съ кого они портреты пишутъ,
Гдѣ разговоры эти слышатъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ».

Намъ замѣтятъ, можетъ быть, что все краснорѣчіе да краснорѣчіе — утомительно; слишкомъ обточенныя и звучно-пышныя фразы не могутъ нравиться постоянно. Мы совершенно согласны, тѣмъ болѣе, что это даетъ намъ случай выставить предъ взоромъ взыскательнаго читателя новое достоинство слога графа Соллогуба: у него не вездѣ краснорѣчіе, а есть еще блестящее, поразительное остроуміе. Здѣсь опять авторъ «Мыльныхъ пузырей» совершенно несправедливо обиженъ судомъ критики и публики. О его остроуміи говорили всегда только мимоходомъ, какъ о достоинствѣ очень и очень второстепенномъ, между тѣмъ какъ авторъ нашъ, очевидно, съ чрезвычайной любовью и усердіемъ занимается подборомъ остроумныхъ фразъ, любитъ пощеголять ими и съ нѣкоторымъ самодовольствомъ выставляетъ ихъ на потѣху читателей, даже повторяя удачныя остроты въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ. И при всемъ томъ — кричатъ объ остроуміи Барона Брамбеуса, восхищаются остротами Петербургскаго туриста, рукоплещутъ въ театрѣ каламбурамъ Каратыгина 2-го, и никто не признаетъ остроумія, какъ особеннаго достоинства, за графомъ Соллогубомъ. А это одно изъ самыхъ постоянныхъ, *неувядаемыхъ* его свойствъ. Съ нимъ онъ началъ свое поприще, съ нимъ и продолжалъ его постоянно и неизмѣнно. На первой страницѣ первой его повѣсти говорится: «Бѣдныя галоши! люди, которые исключительно имъ обязаны тѣмъ, что они находятся *на приличной ногѣ* въ большомъ свѣтѣ, прячутъ ихъ со стыдомъ и неблагодарностью въ уголкахъ передней. И какъ, скажите, не позавидовать имъ *блестящей* участи своихъ однослуживокъ, счастіемъ избалованныхъ лайковыхъ перчатокъ? Ихъ то-и-дѣло, что *на рукахъ носятъ*», и пр. Черезъ 8 лѣтъ авторъ «Исторіи галошъ» говорилъ въ своихъ замѣткахъ объ одномъ литераторѣ, Максимѣ Ивановичѣ: «одѣтъ онъ всегда въ черное, вѣроятно, въ ознаменованіе того, что привыкли держать лите-

ратуру *въ черномъ тѣлѣ*....» Не правда ли, какое милое остроуміе?... А въ другомъ, еще позднѣйшемъ произведеніи графа Соллогуба, развѣ не остроуменъ слѣдующій разговоръ:

Семенъ.. Помилуйте, должокъ такой бездѣльный....

Гоня. Отъ того-то и не отдаютъ, что онъ бездѣльный; будь онъ дѣльный, такъ и говорить бы не стали.

Семенъ. Да какъ же, батюшка, неужели, по вашему, пятнадцать рублей за три мѣсяца не дѣльный долгъ? —

Гоня. И говорить не смѣй, что онъ недѣльный: онъ мѣсячный...

Или вотъ это — развѣ не остроумно?

Олеговичъ. Вотъ, въ особенности, не уронилъ ли ты моей диссертаціи о землѣ тмутараканской?

Сидоръ. Помилуйте-съ: она тяжелая...

Прохоръ (*не разслыхавъ*): Какъ-съ?.. въ господскомъ домѣ нѣтъ-съ; — а вотъ у насъ, такъ много, — не знаемъ, какъ сладить.

Олеговичъ. Я это привезъ въ подарокъ хозяину.

Прохоръ (*въ сторону*). Вишь, чудакъ, съ какими подарками ѣздитъ!»

Не правда ли, что эти созвучія такъ и напоминаютъ пріятные и знаменитые каламбуры: «Сколько зла-то отъ злата!... Моего гнѣва не залить Невой. — Не вой, дружище, не вой», и т. п.... А вѣдь не пріобрѣли они такой знаменитости! Всему, подумаешь, своя судьба.... И каламбуры sua fata habent.

А каково простодушіе Прохора? Не правда ли, что оно совершенно, какъ нельзя болѣе въ русскомъ духѣ, и даже приводитъ на мысль ту прибаутку о глухомъ, въ которой разсказывается, какъ кумъ разспрашивалъ, куда онъ ходилъ, и какъ кумъ потерялъ наконецъ терпѣніе въ разспросахъ, и что изъ того вышло?...

Но пора намъ оставить восхищеніе внѣшними достоинствами графа Соллогуба. Ихъ трудно передать въ разборѣ и пересказѣ; надобно читать самому сочиненія автора «Метели» и «Сотрудниковъ», чтобы вполнѣ понять и оцѣнить ихъ краснорѣчіе и остроуміе. Поэтому мы переходимъ теперь къ другой сторонѣ таланта графа Соллогуба, болѣе серьёзной и внутренней: это его наблюдательность, его необыкновенное умѣнье изображать бытъ всѣхъ сословій.

Дѣятельность графа Соллогуба поражаетъ насъ въ этомъ отношеніи прежде всего необыкновеннымъ разнообразіемъ. Главное его вниманіе устремлено, разумѣется, на большой свѣтъ, на львовъ и львицъ; но онъ ими не ограничивается. Въ произведеніяхъ его встрѣчаются вамъ и медвѣди, и студенты, и чиновники, и аптекари, и помѣщики-степняки, и помѣщики-вельможи, и художники, и купцы, и нѣмцы-ремесленники, и русскіе солдаты, ямщи-

ки, старосты, церковные, и простые поселяне, и старинные русскіе бояре, и новѣйшіе литераторы различныхъ кружковъ, и пр. и пр., всего не перечтешь. У него описываются и великосвѣтскіе балы и маскарадныя интриги, и студентскія пирушки, и семейное счастіе, и несчастіе, и ночлеги на постояломъ дворѣ, и провинціальное гостепріимство, словомъ, все, что хотите.... Передъ вами рисуется здѣсь и шумная жизнь Петербурга, и мирное спокойствіе нѣмецкаго городка, и сердитое спокойствіе нашей губернской жизни, и наша уѣздная безжизненность. Всюду, отъ великолѣпнѣйшихъ палатъ до бѣднѣйшихъ хижинъ, проникъ графъ Соллогубъ своимъ зоркимъ взглядомъ, и всюду умѣлъ отмѣтить болѣе характеристическія особенности. Въ послѣднее время это умѣнье, какъ и другія достоинства графа Соллогуба, нисколько не уменьшилось; напротивъ, кругъ его наблюдательности еще расширился: онъ присоединилъ къ прежнимъ своимъ опытамъ и изученіямъ цѣлую обширную страну — Грузію съ Кавказомъ. Такимъ образомъ, позднѣйшія его произведенія получаютъ новый, особенный колоритъ оригинальности, свѣжести и величія, благодаря вліянію края, столь благодѣтельно дѣйствующаго всегда на нашихъ лучшихъ поэтовъ. Оригинальность графа Соллогуба выразилась особенно въ пьесѣ: «Грузія черезъ тысячу лѣтъ.» Здѣсь, вдохновенный прекрасной страной, авторъ отважно предается своимъ мечтамъ объ усовершенствованіи наукъ, искусствъ и жизни человѣчества и рисуетъ намъ картину грузинскаго быта въ 2853 году. Тогда, по его понятіямъ, женщины и дѣти будутъ исправлять должности чиновниковъ и полицейскихъ, потому, что это дѣло самое легкое.... Тогда человѣкъ, спасающій другаго, будетъ благодарить спасеннаго, извиняться передъ нимъ.... Но — мы не можемъ удержаться, чтобы не привести вполнѣ этой сцены, свидѣтельствующей о будущемъ превращеніи всѣхъ нынѣшнихъ понятій.

Дѣло въ томъ, что Кайхосро, женихъ Кетеваны, привязанъ къ трубѣ одного тифлисскаго дома Шамилемъ, съ которымъ Кетевана вздумала бѣжать на воздушномъ шарѣ.... Кайхосро стоитъ привязанный, и мычитъ. Вдругъ — въ трубѣ слышна баркоролла, изъ трубы вылѣзаетъ трубочистъ и говоритъ:

«— Что это за человѣкъ, привязанный къ трубѣ? Не помочь ли ему? Можетъ быть, онъ не разсердится. Помогу, въ самомъ дѣлѣ! Трубочисты люди отважные (развязываетъ). Милостивый государь, вы свободны теперь. Позвольте мнѣ всеуниженно благодарить васъ.

Кайхосро. За что же? (Надо замѣтить, что Кайхосро вдругъ просыпается, проспавши 1000 лѣтъ, и потому остается еще съ нынѣш-

ними понятіями: это дѣлаетъ прекрасный контрастъ, отлично оттѣняющій всю картину).

Трубочистъ. За то, что вы доставили мнѣ неоцѣненный случай оказать вамъ одолженіе.

Кайхосро. Да, кажется, мнѣ бы должно...

Трубочистъ. Вы не будете сердиться на меня, что я имѣлъ счастіе прислужиться вамъ?

Кайхосро. Что вы?...

Трубочистъ. Не обижайтесь, пожалуйста. Позабудьте это. Я не хотѣлъ сдѣлать вамъ ничего непріятнаго, не хотѣлъ внушить вамъ гнуснаго чувства благодарности. Виноватъ, простите меня.

Кайхосро. Не понимаю.

Трубочистъ. Не мстите мнѣ только. Я бѣдный человѣкъ. Вамъ легко будетъ меня уничтожить. Трубочисты и безъ того всегда въ черномъ тѣлѣ...

Разговоръ еще продолжается въ этомъ родѣ; трубочистъ становится на колѣни передъ Кайхосро и проситъ у него поцаловать ручку, называя его своимъ благодѣтелемъ и истинно-великодушнымъ человѣкомъ. Но мы останавливаемся на этомъ, чтобы замѣтить здѣсь, какъ просвѣщеніе распространится черезъ тысячу лѣтъ въ Россіи: каламбуръ о черномъ тѣлѣ, сказанный недавно графомъ Соллогубомъ въ примѣненіи къ русской литературѣ, будетъ черезъ тысячу лѣтъ повторяться трубочистомъ, уже въ приложеніи къ нему, трубочисту.... Мы даже думаемъ, что именно желаніе вложить этотъ каламбуръ въ уста трубочиста заставило автора написать всю эту сцену. По понятіямъ его, черезъ тысячу лѣтъ все будетъ дѣлаться машинами, и даже вотъ до какой степени. Карапетъ, отецъ Кетеваны, выходитъ на кровлю своего дома, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на улицѣ. Вдругъ ему захотѣлось спать. Онъ заводитъ ключемъ отверстіе *въ трубѣ*, и изъ окна выѣзжаетъ кровать, которую подталкиваетъ машина съ колесами и пружинами. Карапетъ говоритъ: «машина, положи меня; машина, накрой меня; машина, погаси свѣчу и отвези въ комнату.» Машина все это исполняетъ, и Карапетъ уѣзжаетъ, говоря: «Ну, а теперь я самъ засну....» Когда только стоитъ завести ключемъ отверстіе въ трубѣ, чтобы произвести такія чудеса, то — скажите—многаго ли стоитъ завести машину для чистки трубъ? Къ чему же здѣсь трубочистъ? Очевидно, не для чего иного, какъ для каламбура....

Свѣжесть и величіе выразились особенно въ послѣднихъ стихотвореніяхъ графа Соллогуба. Подъ живительнымъ вліяніемъ Кавказа, онъ воспѣвалъ весну такими стихами:

«Отъ чего, подобье рая,
Изумрудная весна,
Ожиданьямъ измѣняя,
Въ дни живительнаго мая
Ты сурова и грозна?
Что тебя такъ взволновало?
Все тобой оживлено,
Ты всѣхъ радостей начало,
И тебѣ еще ли мало
Богомъ счастія дано?» и пр.

Въ виду величественнаго Кавказа вылились изъ души его слѣдующіе стихи торжественной оды — симфоніи:

«Законъ любви живетъ у насъ издавна:
«Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного!.»
Вотъ чѣмъ силенъ народъ нашъ православный,
И почему орелъ самодержавный
Не убоится никого!..»

Изъ всего этого очевидно, что въ изображеніяхъ быта, природы и чувствъ талантъ графа Соллогуба не только не утратилъ своей силы въ послѣднее время, но еще пріобрѣлъ новыя блестящія достоинства. При всемъ томъ, новѣйшая критика взвела на него обвиненіе, какое прежде и въ голову никому не приходило. Она вздумала упрекать графа Соллогуба въ томъ, что у него есть только даръ внѣшней наблюдательности, которой, по мнѣнію новой критики, очень недостаточно. По понятіямъ графа Соллогуба, говоритъ критика, — нарядить графиню по модѣ, поставить передъ ней вазу съ цвѣтами, убрать ея столъ разными бездѣлками, посадить ее въ кресла, обитыя бархатомъ, заставить непремѣнно ѣздить верхомъ, постлать коверъ, вынуть у нея изъ головы всякую мысль, а изъ сердца всякое путное чувство—это значитъ изобразить свѣтскую женщину, графиню... Но—продолжаетъ критика, — этого мало: вѣдь въ свѣтской женщинѣ, въ графинѣ, несмотря на то, что она графиня, можетъ также быть воображенье, тонкость ума, живость чувства, какое нибудь пониманіе того, что дышитъ, движется, мыслитъ и чувствуетъ около нея... Въ произведеніяхъ графа Соллогуба критика не находитъ ничего этого, и потому не признаетъ ихъ достоинствъ. Но, по нашему мнѣнію, критика совсѣмъ неправа: каждый писател имѣетъ полное право изображать предметъ съ той стороны, съ которой его видитъ. Что же дѣлать, если ему не представлялось свѣтскихъ женщинъ, чувствующихъ, понимающихъ, и пр.? Графъ Сол-

логубъ еще въ «Большомъ свѣтѣ», заранѣе отвѣтилъ всѣмъ подобнымъ критикамъ, замѣтивши, что въ петербургскихъ обществахъ царствуетъ какая-то вялость, которая отдаляетъ на почтительную дистанцію всякій поэтическій вымыселъ, и что «въ большомъ свѣтѣ только и есть внѣшность и внѣшность. — Рѣзкія драмы внутренней жизни, прибавляетъ онъ: — скрываются въ глубинѣ души, въ тайнѣ кабинета, подальше отъ насмѣшливыхъ взоровъ, тогда какъ внѣшняя жизнь тянется однообразно и прилично, безъ измѣненій и страстей.» Эту-то однообразную и приличную жизнь большаго свѣта и взялся изобразить графъ Соллогубъ, и—нужно сознаться—изобразилъ ее превосходно. Наблюдательности внутренней, анализа душевныхъ ощущеній, умѣнья проникнуть въ духъ и смыслъ жизни— авторъ «Чиновника» и «Большаго свѣта» никогда себѣ и не приписывалъ. Онъ открыто говорилъ, что только описываетъ то, что вседневно и обыкновенно встрѣчается въ жизни, что у каждаго предъ глазами,—но что онъ совсѣмъ не хочетъ заглядывать въ душу своихъ героевъ... Слѣдовательно, критика съ этой стороны не можетъ предъявлять слишкомъ строгихъ требованій. Но за то жизнь внѣшнюю авторъ «Тарантаса» умѣетъ описывать съ рѣдкимъ искусствомъ. Раскройте одну изъ страницъ, на которыхъ помѣщаются его удивительныя описанія, и вы изумитесь подробности и точности, съ какою здѣсь перечислены и перемѣчены всѣ предметы. И гдѣ какая скляночка стоитъ въ аптекѣ, и какія бездѣлки разбросаны на столѣ франта, и сколько сальныхъ огарковъ и пустыхъ баночекъ валяется на окнахъ у станціоннаго смотрителя, и на сколько полиняла матерія, которой обиты стулья у бѣднаго чиновника, и сколько складокъ на платьѣ у княгини, и какая сбруя у ея лошадей,—все до послѣдней мелочи описано съ необыкновенной подробностью... И такое перечисленіе всѣхъ предметовъ составляетъ полную и живую картину быта, дополняемую разговорами дѣйствующихъ лицъ, большею частію очень краснорѣчивыми и остроумными... Въ особенности описанія великосвѣтскаго общества хороши у графа Соллогуба. Онъ изображаетъ его съ любовью, съ нѣжностью, вникаетъ въ малѣйшіе, едва уловимые оттѣнки различныхъ его явленій, разбираетъ его съ увѣренностью знатока и близкаго человѣка. Это, впрочемъ, совершенно натурально: авторъ «Большаго свѣта» самъ живетъ среди этого общества; онъ кровно связанъ съ нимъ, онъ ежедневно видитъ передъ глазами «эту бѣдную картину этого бѣднаго свѣта», какъ онъ самъ выражается... Не мудрено, что онъ такъ хорошо ее описываетъ: онъ полагаетъ здѣсь часть души своей, выражаетъ самого себя, разсказываетъ часть собственной исторіи. И

вотъ почему мы болѣе вѣримъ графу Соллогубу въ изображеніи великосвѣтской жизни, нежели всѣмъ его критикамъ. Ему бы, можетъ быть, и хотѣлось представить близкую ему среду въ розовомъ свѣтѣ; но, какъ талантъ истинный, онъ преклонился предъ строгой истиной, и нарисовалъ намъ, въ разныхъ своихъ произведеніяхъ, картину большаго свѣта мрачную, но истинную. Попробуемъ собрать разсѣянныя черты и составить изъ нихъ общее понятіе о большомъ свѣтѣ, какимъ онъ рисуется въ произведеніяхъ графа Соллогуба. Постараемся говорить его собственными словами.

«Здѣсь все раболѣпствуетъ предъ значеніемъ, счастьемъ, богатствомъ, модой.... Въ свѣтѣ первая добродѣтель — наружность, и человѣкъ цѣнится здѣсь не за то, что онъ есть, а за то, чѣмъ онъ кажется.... Здѣсь странный угаръ людей, вѣчно танцующихъ, вѣчно разряженныхъ, вѣчно ищущихъ чего-то; изъ тайной надежды показаться чѣмъ нибудь повыше, позначительнѣе сосѣда, мужчины жертвуютъ своимъ благородствомъ, женщины своимъ достоинствомъ.. . Смѣшно и страшно видѣть большой свѣтъ наизнанку. Сколько происковъ, сколько невѣдомыхъ подарковъ, сколько родныхъ и племянниковъ, сколько нищеты щегольской, сколько веселой зависти!.. Одно слово все живитъ и двигаетъ.... и какое слово!.. самое безсмысленное — тщеславіе!..

«Какъ проходитъ жизнь свѣтской женщины? О чемъ она думаетъ? Она думаетъ, что Лядовъ хорошо играетъ на скрипкѣ, что розовый цвѣтъ ей къ лицу, что въ такой-то лавкѣ получены такіе-то наряды, что у такой-то дамы прекрасные брильянты, что тотъ волочился, другой волочится, а третій будетъ за нею волочиться. Иногда смущаютъ ее скучныя домашнія заботы. Но о нихъ она не думаетъ, думать не хочетъ. Домъ ея ей чужой.. У нея нѣтъ дома. Ея домъ, ея жизнь — это свѣтъ, неугомонный, разряженный, болтливый, танцующій, играющій, тщеславный, взволнованный и ничтожный. Вотъ ея сфера, вотъ ея доля, вотъ для чего она родилась!

А вотъ свѣтскій человѣкъ: «Вы его видали вездѣ. Кресла у него въ театрѣ всегда въ первомъ ряду, вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ знакомствъ. Лорнетъ у него складной, бумажный. Въ театрѣ онъ свой человѣкъ.... Онъ не то, чтобы хорошъ, не то, чтобы дуренъ,—не то, чтобъ уменъ, не то, чтобы глупъ, не богатъ и не бѣденъ. Въ большомъ свѣтѣ онъ занимаетъ какое-то почетное мѣсто отъ особаго искусства танцовать постоянно мазурку съ модной красавицей, и заводить дружбу съ первостатейными любезниками и франтами... Онъ кое чѣмъ и занимался. Онъ читалъ всего Бальзака и слышалъ о Шекспирѣ. Что же касается до наукъ, то онъ имѣетъ понятіе объ англійскомъ Парламентѣ, о крѣпости Бильбао, о свекловичномъ сахарѣ, о паровыхъ каретахъ и о лордѣ Лондондери.»

Такова яркая картина пустоты большаго свѣта, начертанная графомъ Соллогубомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она согласна съ истиной. И какъ же въ такой средѣ искать мысли, чувства, убѣжденій? Не понятно ли, почему авторъ «Большаго свѣта» обратилъ исключительное вниманіе на внѣшность въ своихъ изображеніяхъ? Пріемъ этотъ былъ естественъ, и до того сдѣлался привыченъ ему, что былъ перенесенъ имъ и на изображенія другой среды, другаго быта. Въ этомъ можно бы упрекнуть графа Соллогуба; но оправданіемъ ему служитъ все-таки та среда, въ которой онъ самъ жилъ и воспитался, изъ которой смотрѣлъ онъ и на другіе классы общества. Онъ, разумѣется, не могъ проникнуться ихъ духомъ, потому, что былъ уже проникнутъ духомъ большаго свѣта; не могъ вполнѣ понять ихъ нуждъ, жить ихъ жизнью, потому, что преданъ былъ свѣтской жизни. Оттого-то и купцы, и художники, и крестьяне выходятъ у него на одну стать, съ той же пустотой и безжизненностью, съ какой изображаются имъ свѣтскіе люди... За это обвинять нельзя, какъ нельзя обвинять человѣка за то, что онъ не всемогущъ и не всеобъемлющъ. При этомъ намъ вспомнилось одно остроумное замѣчаніе изъ пьесы графа Соллогуба: «Мастерская русскаго живописца». Иванъ Кузьмичъ разсказываетъ о своемъ художникѣ изъ дворовыхъ: «Отличный мастеръ!.. Русскій, а не хуже иностранца... Одинъ только у него недостатокъ, разумѣется, не важный,—людей писать не умѣетъ. За то, я вамъ доложу—на звѣряхъ собаку съѣлъ.. А какъ человѣка начнетъ писать, все какъ-то на звѣря смахиваетъ..» Мы согласны съ Иваномъ Кузьмичемъ: недостатокъ, дѣйствительно, не важный... Художникъ можетъ и не умѣть изображать людей; мы его не обвинимъ за это, если только онъ умѣетъ хорошо представить — хоть свѣтскихъ львовъ и медвѣдей... А мы видѣли, что у графа Соллогуба всѣ они обрисовываются превосходно, неудаются они ему только тогда, когда вздумаютъ разсуждать и походить на людей... Тогда ихъ краснорѣчіе и остроуміе явно обнаруживаетъ, что говорятъ не они, а самъ авторъ за нихъ сочиняетъ крылатыя рѣчи.

Во всѣхъ произведеніяхъ графа Соллогуба, дѣйствительно, повторяется типъ одного звѣря, выразившійся особенно ярко въ Иванѣ Васильичѣ. Прежняя критика не хотѣла видѣть въ Иванѣ Васильичѣ ни малѣйшей частички субъективности автора, и всѣ разсужденія этого промотавшагося дворянчика относила прямо и исключительно къ его шутовской личности... Но мы имѣемъ основаніе думать иначе. Иванъ Васильичъ, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ общему разряду типовъ, постоянно воспроизводимыхъ авторомъ

«Тарантаса». Это типъ вотъ какого рода. Онъ не богатъ, и не слишкомъ бѣденъ; характеръ имѣетъ добрый и мягкій отъ природы; образованіе получилъ поверхностное (нерѣдко въ Дерптскомъ университетѣ). По окончаніи курса втянулся онъ въ большой свѣтъ; лѣзетъ изъ кожи, чтобы поддержать на себѣ приличную внѣшность, дѣлаетъ долги, кланяется важнымъ лицамъ, унижается, подличаетъ, волочится за модными красавицами, къ которымъ ничего не чувствуетъ. При столкновеніи съ другимъ кругомъ людей, онъ увлекается непремѣнно какимъ нибудь чувствомъ (отъ непривычки въ чужой сферѣ), а потомъ опять легкомысленно жертвуетъ этимъ чувствомъ для своихъ обязанностей въ отношеніи къ свѣту... Если онъ не промотается, то будетъ свѣтскимъ человѣкомъ до конца, т. е. до выгодной женитьбы; если же поддерживать себя нечѣмъ, кредитъ потерянъ, — то онъ спокойно исчезаетъ въ безвѣстности. Ни правилъ, ни взглядовъ у него нѣтъ; онъ по легкомыслію готовъ совершить доблестный подвигъ, также какъ и покуситься на гнуснѣйшее преступленіе... Онъ почти никогда не думаетъ, а только кричитъ, повторяя то, что̀ слышалъ отъ другихъ; и слова его никогда не сходятся съ поступками...

Авторъ самъ, какъ видно, не сознаетъ иногда полнаго согласія своихъ типовъ, и къ однимъ изъ нихъ относится иначе, чѣмъ къ другимъ. Но въ сущности всѣ они одинаковы. Напримѣръ, Карлъ Шульцъ въ «Исторіи двухъ галошъ», — по замыслу автора, очевидно, долженъ былъ принадлежать къ другому разряду людей: изъ него долженъ бы выдти благородный труженикъ искусства, съ пламенно-любящей душой, съ возвышенными стремленіями, — непонятый міромъ и гордо погибшій невинною жертвою судьбы... Но изображеніе такой личности было не по средствамъ таланта нашего автора, и изъ Шульца вышло тоже что-то въ родѣ Ивана Васильича: существо слабое, безхарактерное, противорѣчащее себѣ на каждомъ шагу, ничего не дѣлающее само, и во всемъ обвиняющее другихъ. Онъ сходитъ съ своего чердака въ великолѣпную гостиную княгини и дебютируетъ здѣсь тѣмъ, что ругаетъ концертную музыку... Потомъ онъ играетъ, его хвалятъ, хотятъ съ нимъ знакомиться: онъ этимъ не пользуется, воображая, что всѣ сами должны искать его. Онъ влюбился въ Генріетту; она согласна быть его женой; но онъ говоритъ: «нѣтъ, погодите, дайте мнѣ прославить себя»... И затѣмъ начинаетъ съ того, что пишетъ большую симфонію на цѣлый оркестръ... Пріѣзжаетъ онъ съ ней въ Петербургъ, встрѣчаетъ холодный пріемъ, о концертѣ и хлопотать не хочетъ, а рѣшается давать уроки музыки... Но потомъ соглашается играть на именин-

номъ вечерѣ у сапожника,— за пару галошъ,— и даже рѣшается на униженіе дать концертъ... На концертѣ вдругъ видитъ свою Генріетту, смущается и играетъ плохо. На другой день получаетъ отъ Генріетты письмо: она замужемъ, но любитъ его по прежнему... Онъ отправляется къ ней, и нѣсколько мѣсяцевъ наслаждается платоническою любовью... Наконецъ ихъ застаетъ мужъ, увозитъ Генріетту въ деревню, а Шульцъ сходитъ съ ума и умираетъ... Что же это за человѣкъ, что за характеръ? Видно, что авторъ хотѣлъ изобразить человѣка, а вышло какое-то слабодушное, пассивное существо, очень похожее на великосвѣтскаго звѣря...

Таковы же точно и Леонинъ, доброе сердце безъ всякаго характера; и Сережа, способный къ увлеченіямъ, исчезающимъ при первой насмѣшкѣ; и баронъ Фиренгеймъ, готовый жертвовать жизнію за своего профессора и столь же легко готовый играть спокойствіемъ семьи, которая должна быть дорога ему; и офицеръ, влюбляющійся и возбуждающій нѣжную, вѣчную взаимность — мимоѣздомъ на станціи; и Чесминъ, искренно увлекающійся любовью до перваго выгоднаго назначенія; и князь Андрей, такъ легко уступающій убѣжденіямъ старушки-бабушки; и генералъ Северинъ, отдѣлывающійся отъ увлеченій молодости тѣмъ, что покупаетъ хорошихъ лошадей для своего сына-ямщика; и господинъ Надимовъ, поступающій на службу, которой онъ не понимаетъ, за тѣмъ только, чтобы оттереть другаго, который можетъ быть взяточникомъ. Даже Медвѣдь, котораго авторъ опять-таки хотѣлъ выставить въ хорошемъ свѣтѣ, тоже слабое, пустое существо, рѣшительно не понимающее себя, до того непонимающее, что рѣшается, Богъ вѣсть зачѣмъ, танцовать французскую кадриль на балѣ у князя Щетитина, да еще vis-à-vis съ одной блистательной парой. Самъ даже мужикъ Тарасъ, убившій мать вмѣсто богатаго купца, котораго хотѣлъ обокрасть,— и онъ рѣшается на преступленіе, просто, по легкомыслію и безумной слабости характера. Словомъ, каждый изъ героевъ — пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ. Видно, что автору очень близокъ этотъ типъ, что онъ имѣлъ много случаевъ изучить его, свыкнуться съ нимъ, проникнуться образомъ его мыслей и перенести его въ свои созданія, иногда даже безъ своего вѣдома и противъ воли своей. Говорятъ, что каждый авторъ выражаетъ часть своего собственнаго характера въ каждомъ изъ представленныхъ имъ типовъ: если согласиться съ этимъ, то тѣмъ болѣе нужно согласиться, что на воспроизведеніе тѣхъ или другихъ характеровъ сильно дѣйствуетъ образъ мыслей и сфера дѣйствій самого автора, и въ такомъ случаѣ для насъ становится совершенно понятнымъ,

почему графъ Соллогубъ, привыкшій къ понятіямъ и воззрѣніямъ большаго свѣта, такъ постоянно выводилъ намъ пустыхъ и ничтожныхъ людей, безъ правилъ и убѣжденій, — даже поставляя ту среду, въ которой они всего менѣе встрѣчаются. Не лишнимъ считаемъ замѣтить и здѣсь, что пристрастіе къ подобнымъ типамъ совсѣмъ не составляетъ особенности, появившейся въ авторѣ «Чиновника» только въ послѣднее время. Совсѣмъ нѣтъ — оно столь же сильно и въ «Исторіи двухъ галошъ», и въ «Большомъ свѣтѣ» и во всѣхъ другихъ разсказахъ Соллогуба, и слѣдовательно здѣсь опять нельзя видѣть какого-то паденія таланта.

Странная судьба постигла творенія графа Сологуба. Прежняя критика восхищалась его героями, разсматривая ихъ чисто съ объективной стороны, и хотя замѣчала, что понятія автора какъ будто сходятся иногда съ понятіями его героевъ, — но приписывала это сходство особенному художественному умѣнью автора представить предметъ живо и полно. Она разсматривала Ивана Васильича, какъ что-то совершенно чуждое по своимъ воззрѣніямъ самому автору, все произведеніе принимала за жестокую насмѣшку надъ людьми, подобными Ивану Васильичу. Такимъ образомъ, когда Иванъ Васильичъ говорилъ, что за границей научился онъ любить Россію, — критика смѣялась надъ его шутовствомъ; и когда авторъ говорилъ, что только за границей понялъ Иванъ Васильичъ, какъ много хорошаго въ Россіи, — критика опять принимала слова эти за насмѣшку надъ пустотой Ивана Васильича. Новая критика поступила не такъ. Подвернулся ей подъ руку Надимовъ, тотъ же Иванъ Васильичъ: отчего бы не разобрать его съ такой же точки зрѣнія и не сказать спасибо графу Соллогубу за искусное изображеніе такого безтолковаго крикуна? Нѣтъ, его вздумали разбирать, какъ идеальнаго чиновника, за его блестящія фразы, и его пустоту сдѣлали обвиненіемъ для автора. А посмотрите-ка, сколько прекрасныхъ фразъ говорятъ у графа Соллогуба — Иванъ Васильичъ, левъ, баронъ Фиренгеймъ, старушка и проч., и проч. Такія рѣчи — одна изъ особенностей графа Соллогуба. Можетъ быть, это и недостатокъ, но, конечно, не важный: и у Грибоѣдова Фамусовъ отпускаетъ подъ часъ такія эпиграммы, что хоть бы Чацкому впору. Герои графа Соллогуба говорятъ много хорошаго, только дѣла ихъ не сходятся съ словами: въ этомъ и состоитъ ихъ недостатокъ, по мнѣніямъ автора. Прежняя критика думала, что авторъ и самыя понятія ихъ осмѣиваетъ, и потому она увѣряла, что въ его произведеніяхъ положены всегда въ основаніе глубокія идеи и крѣпкія убѣжденія, то есть тѣ, которыя она сама приписывала автору, по-

нимая наоборотъ его отношеніе къ понятіямъ его же героевъ. Теперь это отношеніе обозначилось яснѣе, и мы видимъ что многія изъ разсужденій Ивана Васильича и подобныхъ ему людей, вполнѣ одобряются графомъ Соллогубомъ. Это видно отчасти и въ самомъ способѣ изображенія этихъ личностей, при которомъ авторъ изъ спокойнаго эпическаго разсказчика безпрестанно дѣлается вдохновеннымъ лирикомъ и горячимъ ораторомъ, невольно выражая свое субъективное настроеніе. Но особенно доказываетъ это сличеніе словъ самого графа Соллогуба съ словами его героевъ. Мы боимся представлять выписки, чтобы не обременить вниманіе читателей; укажемъ только нѣсколько примѣровъ. Иванъ Васильичъ жалѣетъ о гибели фамильныхъ преданій, о томъ, что генеалогія не уважается, — и графъ Соллогубъ въ своихъ замѣткахъ жалѣетъ о томъ же. Иванъ Васильичъ увѣряетъ, что все зло взяточничества происходитъ оттого, что чиновники происходятъ изъ простаго класса, изъ дворовыхъ, а не изъ дворянъ: графъ Соллогубъ доказалъ «Чиновникомъ», что раздѣляетъ это убѣжденіе. Иванъ Васильичъ хлопочетъ о народности русской, находя, что лучшій залогъ настоящаго и будущаго величія Россіи — это могучее ея смиреніе; то же самое, почти слово въ слово, высказано графомъ Соллогубомъ отъ собственнаго лица, въ статьѣ «6-е декабря 1853 г., въ Тифлисѣ». Здѣсь онъ уже не могъ шутить: предметъ его описанія былъ слишкомъ серьёзенъ для этого. Иванъ Васильичъ не находитъ во Франціи ничего, кромѣ вѣтренности и грязи, въ Германіи ничего, кромѣ педантизма, — и графъ Соллогубъ (умѣреннѣе, конечно, чѣмъ Иванъ Васильичъ) бранитъ ихъ за то же самое, — не только въ прозѣ, но даже и въ стихахъ. Иванъ Васильичъ раздѣляетъ русскую литературу на двѣ половины: смиренную, и потому умную, хорошую, — и крикливую, но бездарную, и увѣряетъ, что истинныя дарованія рѣдко появляются съ своими произведеніями, боясь быть смѣшанными съ этими крикунами. Въ свое время критика посмѣялась надъ такими выходками, какъ обличающими шутовское верхоглядство Ивана Васильича, но посмѣялась напрасно. Черезъ годъ въ своихъ замѣткахъ самъ графъ Соллогубъ написалъ, уже отъ себя, что отъ журнальныхъ крикуновъ «литература падаетъ въ грязь и внушаетъ отвращеніе къ себѣ въ тѣхъ юныхъ дарованіяхъ, которыя могли бы развиться и окрѣпнуть для чести и пользы русскаго слова». Мнѣній въ такомъ родѣ мы могли бы привести очень много, но надѣемся, что изъ представленныхъ примѣровъ можно видѣть, по крайней мѣрѣ, то, что авторъ «Тарантаса» совсѣмъ не хотѣлъ смѣяться надъ убѣжденіями своего героя, а старался выставить только

противорѣчіе его словъ съ поступками. Это видно и въ той главѣ, гдѣ авторъ разсказываетъ воспитаніе Ивана Васильича, и съ теплымъ участіемъ говоритъ о его умѣ, смѣтливости, пылкой натурѣ, сердечной любви къ Россіи и проч.

Таковы же и прочіе герои. Левъ разсуждаетъ о свѣтской жизни ни чуть не хуже самого автора повѣсти; княгиня задумывается о пустотѣ своей жизни точно такъ, какъ авторъ за нее задумывается. Северинъ разсуждаетъ съ церковнымъ старостой о томъ, что каждому нужно оставаться въ томъ состояніи, въ какомъ онъ родился: «бариномъ быть, бариномъ надо и родиться; сдѣлай мужика бариномъ, барина мужикомъ, — обоимъ не сладить.» Эта мысль весьма сильно и ярко изображается во всѣхъ произведеніяхъ графа Соллогуба. По его мнѣнію, и въ большой свѣтъ надо пускаться только тѣмъ, кто уже родился въ немъ, потому, что тутъ нужны своего рода привиллегіи; и чиновникомъ долженъ быть только дворянинъ, а ужь никакъ не человѣкъ изъ простаго званія.... Для сохраненія чести своего званія нужно жертвовать всѣмъ, говоритъ старушка своему внуку, который хочетъ жениться на бѣдной дѣвушкѣ. Читая ея разсужденія, вы можете подумать, что авторъ хочетъ выставить ихъ въ смѣшномъ видѣ. Да и какъ иначе подумать, читая, напримѣръ, слѣдующія строки: «Не легко въ наше время быть аристократомъ; вотъ для чего и надо оставаться аристократомъ. Теперь, когда всѣ убѣжденія въ Европѣ исчезаютъ, кому поддержать и спасти ихъ, какъ не дворянскому сословію? Теперь, когда владычествуютъ слова, а не начала, кому указать толпѣ на путь истинный, какъ не тѣмъ, которые выше толпы? Но этого достигнуть можно не умомъ, а характеромъ. Съ тѣхъ поръ, какъ булочники пишутъ стихи, а сапожники занимаются политикой, умъ ничего не значитъ. Другое дѣло — характеръ; но характеръ крѣпнетъ только послѣдовательностью и вѣрою въ законы, принятые при рожденіи....» и т. д. Далѣе, между прочимъ, говорится, что вся исторія человѣчества даетъ намъ слѣдующій урокъ: «счастливы тѣ государства, гдѣ каждое сословіе остается въ своихъ предѣлахъ, идетъ по собственному пути....» И тѣ же самыя мысли найдете у графа Соллогуба въ статьяхъ: «Община сестеръ милосердія», «6 декабря въ Тифлисѣ», «Симбирскій театръ» и другихъ. По соображеніи многихъ мѣстъ въ сочиненіяхъ графа Соллогуба, можемъ думать, что и будущность Россіи представляется ему именно въ томъ видѣ, какъ изобразилъ онъ ее въ снѣ Ивана Васильича. Иначе самый этотъ сонъ какъ-то неестественъ: какъ могутъ такому человѣку, какъ Иванъ Васильичъ, сниться такія отвлеченныя вещи?

Только наяву могъ онъ придумать — хоть напримѣръ слѣдующую картину: «Сельскій пастырь, сидя подъ ракитой, съ любовью глядѣлъ на дѣтскія игры. Кое-гдѣ надъ деревнями возвышались домы помѣщиковъ, строенные въ томъ же вкусѣ, какъ и простыя избы, только въ бо̀льшемъ размѣрѣ. Эти домы, казалось, стояли блюстителями порядка, залогомъ того, что счастіе края не измѣнится, а, благодаря мудрой заботливости просвѣщенныхъ путеводителей, все будетъ еще стремиться впередъ, все будетъ еще болѣе развиваться, прославляя дѣла человѣка и милосердіе Создателя....»

Все, сказанное нами, доказываетъ, что и убѣжденія графа Соллогуба постоянно были одни и тѣ же. Только сначала они высказывались не совсѣмъ опредѣленно, такъ, что критика не умѣла отдѣлить личности автора отъ личности его героевъ, и насмѣшки отъ истины. Теперь же они обозначились яснѣе, и въ этомъ опять мы видимъ доказательство того, что авторъ «Большаго свѣта» постоянно шелъ впередъ, постоянно крѣпнулъ въ своихъ силахъ и вырабатывалъ свои понятія....

Мы разобрали теперь всѣ достоинства графа Соллогуба, за которыя восхищалась имъ прежняя критика и которыя перечислены нами въ началѣ статьи. Разборъ ихъ показалъ, что и теперь блестящій бельлетристъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде, и прежде былъ тѣмъ же, что и теперь.... Только теперь онъ сильнѣе и ярче выразился.... При разборѣ нашемъ не брали мы въ разсчетъ біографіи Котляревскаго, почти не касались водевилей и драмъ графа Соллогуба, равно какъ и «Салалакскихъ досуговъ», и альбомныхъ стихотвореній. Не на нихъ основана слава графа Соллогуба: онъ извѣстенъ русской публикѣ, какъ юмористъ и повѣствователь, и мы старались разсматривать его съ этой стороны, чтобы объяснить фактъ охлажденія къ нему публики. Другія его произведенія были намъ нужны только для того, чтобы прослѣдить ходъ развитія его убѣжденій и стремленій — съ самого начала до послѣдняго времени.... Впрочемъ считаемъ нужнымъ прибавить здѣсь, что даже и мелкія произведенія графа Соллогуба нисколько не противорѣчатъ общему нашему понятію о немъ и не могутъ уронить его славы. Въ нихъ онъ является тѣмъ же блестящимъ, остроумнымъ писателемъ, съ тѣмъ же истинно свѣтскимъ тономъ и взглядомъ на вещи, съ тѣми же чувствами и убѣжденіями.... Напримѣръ, стихотворенія его такъ милы и изящны, что нельзя не любоваться ими. Они такъ и переносятъ въ благоуханную атмосферу гостиныхъ, такъ изящно очерченныхъ графомъ Соллогубомъ, — они такъ и заставляютъ вспомнить барона, декламировавшаго:

«Всегда, везде, и въ залѣ шумной,
Въ каретѣ, въ ложѣ, на конѣ,
И на яву, и въ сладкомъ снѣ,
Любовью страстной и безумной
Тебя любилъ, тебя любилъ!..»

Правда, иногда попадается у графа Соллогуба шероховатость въ стихѣ: въ риѳму — *Руаньеми* — стоитъ напр. *съ поэзіями весьми*... Встрѣчается такое четверостишіе:

«Не въ сущей *добротѣ я ли*
Вамъ вѣрилъ, какъ дуракъ;
А вы вотъ и *затѣяли*
Меня цыганить такъ...»

Но стоитъ ли обращать вниманіе на такіе пустяки!..

Чѣмъ же, однако, объяснить охлажденіе публики къ графу Соллогубу? Талантъ его такъ же блестящъ и цвѣтущъ теперь, какъ прежде; дѣятельность не прерывалась, убѣжденія тверды по прежнему, словомъ, со стороны автора всѣ условія для успѣха тѣже, что и прежде. Явно, что вся вина на сторонѣ публики и критики. Главное обстоятельство, неблагопріятное для автора «Тарантаса», было, по нашему мнѣнію, то, что критика долго не умѣла ясно и правильно понять его направленія. Пока графъ Соллогубъ высказывался неопредѣленно, полу-намеками, она хотѣла видѣть въ немъ убѣжденія, какими она сама была проникнута, и въ лицахъ его разсказовъ находила сознательное, художественное воспроизведеніе жизненной пошлости и пустоты. Впослѣдствіи оказалось, что взглядъ автора на своихъ героевъ не совсѣмъ сходился со взглядомъ критики, что многія изъ его лицъ смѣшны и пусты ненамѣренно, такъ какъ смѣшны и пусты кажутся намъ сильныя и идеальныя натуры въ повѣстяхъ Марлинскаго и Полеваго. Критика перестала выражать свое восхищеніе повѣстями Соллогуба и ставить его рядомъ съ Гоголемъ и Лермонтовымъ; публика тоже увидала въ чемъ дѣло и не хотѣла восхищаться въ графѣ Соллогубѣ тѣмъ, чѣмъ восхищалась въ изображеніяхъ барона Фиренгейма и Ивана Васильича. Послѣдовало невниманіе и забвеніе.... Другою причиною того же факта могла быть самая вѣрность графа Соллогуба принятому однажды воззрѣнію. Рѣшивши, что «Большой свѣтъ» живетъ только внѣшностью и полонъ пустоты, взглянувши и на все остальное сквозь лорнетъ «Большаго свѣта»,—авторъ «Тарантаса» постоянно повторялъ одну и ту же тэму, одинъ и тотъ же типъ, и это наконецъ пріучило публику думать, что ничего новаго отъ автора

«Старушки» ожидать уже нельзя. Охлажденіе сдѣлалось еще полнѣе, когда многіе стали замѣчать, что не все же пустота въ большомъ свѣтѣ, что можно и тамъ отъискать какіе нибудь серьёзные интересы, если только самъ ими проникнутъ серьёзно.... И вотъ— забыла наша публика свои прежніе восторги, забыла, сколько наслажденія доставляли ей прежде прекрасныя картины графа Соллогуба, его художественныя описанія, краснорѣчивыя разсужденія, остроумные разговоры, мѣткія наблюденія надъ внѣшней стороной нашихъ нравовъ и изящный юморъ.... Явился «Чиновникъ»,— публика вспомнила своего любимаго автора, но скоро опять отвернулась отъ него.... Явилось полное собраніе его сочиненій, и до сихъ поръ никто не занялся серьёзнымъ разборомъ ихъ.... Это очень грустное явленіе.... Мы старались, какъ умѣли, разсмотрѣть и объяснить его, чтобы съ одной стороны отдать справедливость талантливому бельлетристу, — а съ другой — напомнить публикѣ о томъ, о комъ не должна забыть будущая исторія нашей литературы.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРІИ АНГЛІИ

ПРИ КОРОЛЯХЪ ІАКОВѢ II И ВИЛЬГЕЛЬМѢ III И КОРОЛЕВѢ АННѢ.

ИЗЪ МАКОЛЕЯ.

Вильгельмъ и Марія провозглашены въ Лондонѣ королемъ и королевою. — Радость въ Англіи. — Радость въ Голландіи. — Недовольство въ духовенствѣ и арміи. — Реакція въ расположеніи умовъ. — Тори и виги. — Устройство правительства. — Вильгельмъ не имѣетъ министра иностранныхъ дѣлъ. — Дэнби. — Галифаксъ. — Ноттингэмъ. — Шрьюсбери. — Комитетъ Адмиралтейства. — Комитетъ Казначейства. — Министерство Юстиціи — Судьи. — Придворный штатъ. — Второстепенныя назначенія. — Конвентъ обращается въ Парламентъ. — Члены Палаты обязаны дать присягу. — Вопросы о бюджетѣ. — Отмѣненіе налога съ печей. — Уплата издержекъ Голландіи. — Мятежъ въ Ипсвичѣ. — Билль о нарушеніи военной дисциплины. — Временное отмѣненіе силы акта Habeas Corpus. — Непопулярность Вильгельма. — Популярность Маріи. — Дворъ переселяется изъ Вайтголля въ Гэмптонъ-Куртъ. — Дворъ въ Кенсингтонѣ. — Иноземные любимцы Вильгельма. — Дурное управленіе. — Несогласія между сановниками. — Министерство иностранныхъ дѣлъ. — Религіозныя несогласія. — Партія нетерпимости. — Партія примиренія. — Желанія Вильгельма относительно церковныхъ дѣлъ. — Борнетъ епископъ Салисберійскій. — Желанія Ноттингэма относительно церковныхъ дѣлъ. — Билль о терпимости. — Билль о примиреніи. — Билль о присягѣ. — Билль о королевской клятвѣ. — Коронація. — Награды. — Коалиція противъ Франціи. — Опустошеніе Палатината. — Объявленіе войны противъ Франціи.

Переворотъ совершился. Декреты Конвента были повсюду приняты съ покорностію. Лондонъ, впродолженіе пятидесяти лѣтъ, исполненныхъ важными событіями, не измѣнявшій дѣлу законовъ и протестантской религіи, поспѣшилъ выразить чувства преданности новымъ королю и королевѣ. Герольдъ, по окончаніи церемоніи провозглашенія подъ окнами Вайтголля, продолжалъ торжественный по-

ѣздъ по Странду до Темпль-Бара. За нимъ несли булавы обѣихъ Палатъ, потомъ слѣдовали президенты Палатъ, Галифаксъ и Поль, и длинный рядъ экипажей съ нобльменами и джентльменами. Члены городскаго управленія отворили ворота Сити и присоединились къ процессіи. Четыре полка милиціи выстроились по дорогѣ къ Людгетъ-Гиллю вокругъ собора св. Павла и по протяженію Чипсайда. На улицахъ, балконахъ, даже на крышахъ, тѣснился народъ. Всѣ колокольни, отъ Товера до Вестминстера, огласились веселымъ звономъ. Церемонія провозглашенія, при трубномъ звукѣ, была повторена предъ биржею, среди радостныхъ кликовъ.

Вечеромъ, всѣ окна, отъ Вайткапелли до Пиккадилли, были иллюминованы. Залы дворца наполнились блестящею толпою придворныхъ, желавшихъ представиться коронованной четѣ. Виги собрались тамъ, гордые своимъ торжествомъ. Можно было простить, если чувство удовлетвореннаго мщенія примѣшивалось къ радости многихъ изъ числа ихъ. Болѣе всѣхъ пострадавшая изъ числа переживішихъ бѣдственную эпоху, леди Россель не была тогда среди нихъ. Въ то время, какъ ея друзья толпились въ галлереяхъ Вайтголля, она оставалась въ уединеніи своемъ, вспоминая о своемъ супругѣ, который, еслибъ былъ живъ, конечно имѣлъ бы почетное мѣсто въ торжествахъ этого великаго дня. Но дочь ея, незадолго передъ тѣмъ вышедшая за лорда Кавендиша, была представлена царственной четѣ матерью мужа, графинею Девоншейръ. Донынѣ сохранилось письмо, въ которомъ молодая женщина съ живостію описываетъ своей матери шумное ликованіе народа, освѣщеніе на улицахъ, огромное собраніе въ тронной залѣ, красоту Маріи и благородное выраженіе, смягчавшее строгія черты Вильгельма; но самое интересное мѣсто письма есть то, въ которомъ осиротѣвшая дочь признается въ грустномъ наслажденіи, которое чувствовала при видѣ поздней кары, совершившейся надъ губителемъ ея отца.

Примѣру Лондона подражали провинціальные города. Въ газетахъ, цѣлыя три недѣли, только и говорилось о празднествахъ, служившихъ изъявленіемъ общей радости, о кавалькадахъ джентльменовъ и йоменовъ, о процессіяхъ шерифовъ и судей въ красныхъ мантіяхъ, о сходкахъ ревностныхъ протестантовъ съ оранжевыми знаменами и лентами, о салютаціонныхъ залпахъ, фейерверкахъ, иллюминаціяхъ, музыкѣ, балахъ, обѣдахъ и фонтанахъ, метавшихъ эль и вино.

Еще живѣе былъ восторгъ, съ которымъ голландцы приняли извѣстіе о возшествіи перваго ихъ сановника на англійскій престолъ. Въ самый день своего воцаренія, онъ написалъ письмо Гене-

ральнымъ Штатамъ, удостовѣряя ихъ, что перемѣна его положенія не произведетъ никакой перемѣны въ чувствахъ той любви, которую онъ питалъ къ своему отечеству, и что его новое достоинство, надѣется онъ, дастъ ему возможность исполнять прежнія свои обязанности съ бóльшею пользою для Голландіи, чѣмъ когда либо. Олигархическая партія, издавна враждовавшая противъ кальвинизма и Оранскаго Дома, слабо намекала, что англійскому королю слѣдовало бы отречься отъ штатгальтерства; но всѣ подобные намеки были заглушены восторженными кликами народа, гордившагося геніемъ и счастіемъ своего великаго соотечественника. Назначенъ былъ день для принесенія торжественнаго благодаренія Богу. Во всѣхъ городахъ Батавскихъ провинцій радость жителей ознаменовалась пиршествами, устроенными, бóльшею частію, на счетъ добровольныхъ приношеній. Всѣ сословія участвовали въ нихъ. Бѣднѣйшій поденьщикъ могъ пособить въ поставкѣ тріумфальныхъ воротъ или принести вязанку хвороста для потѣшныхъ огней. Даже раззоренные французскіе гугеноты оказались, своею изобрѣтательностью, полезны для общихъ приготовленій. Одно изъ искусствъ, которыя они перенесли съ собою въ изгнаніе, было искусство дѣлать фейерверки, и теперь, въ честь побѣдоноснаго поборника ихъ религіи, они озарили каналы Амстердама дождями разноцвѣтныхъ ракетъ.

Судьба Вильгельма поверхностному наблюдателю могла казаться въ это время самою завидною; но на самомъ дѣлѣ, онъ былъ теперь озабоченъ тяжелыми опасностями. Онъ понималъ, что трудности его дѣла только начинаются. Заря, недавно столь свѣтлая, уже покрылась облаками, и многіе признаки предвѣщали грозу.

Всѣми было замѣчено, что два весьма важныя сословія уклонялись отъ участія въ празднествахъ, дававшихся по всей Англіи при учрежденіи новаго правительства. Очень рѣдко встрѣчался священникъ или солдатъ въ толпахъ, собиравшихся на площадяхъ, гдѣ было провозглашаемо воцареніе Вильгельма и Маріи. Гордость духовенства и войска была глубоко оскорблена. Ученіе о безграничномъ повиновеніи было дорого англиканскому духовенству. Оно составляло отличительную черту и любимый тезисъ богослововъ этого исповѣданія. Дошедшіе до насъ памятники ихъ краснорѣчія показываютъ, что они проповѣдывали о безграничномъ повиновеніи покрайней мѣрѣ столь же часто и усердно, какъ о важнѣйшихъ догматахъ христіанства. Правда, ихъ привязанность къ своему политическому вѣрованію подвергалась въ послѣднее время жестокому испытанію и начинала ослабѣвать; но съ прекращеніемъ самовластія Іакова прошло и горькое чувство, возбужденное его дѣй-

ствіями. Приходскій священникъ естественно былъ нерасположенъ сочувствовать тому, что въ сущности было торжествомъ надъ его собственными принципами, которые, втеченіе двадцати-восьми лѣтъ, онъ внушалъ своей паствѣ каждый разъ въ день воспоминанія мученической смерти Карла I и въ день возвращенія Стюартовъ.

Солдаты были также недовольны. Правда, они ненавидѣли папство и не любили Іакова. Но имъ тяжко казалось видѣть, что въ непродолжительномъ походѣ, рѣшившемъ судьбу отечества, ихъ доля была безславна. Сорокъ прекрасныхъ полковъ регулярнаго войска, армія сильнѣйшая всѣхъ, какія когда либо выступали на битву подъ знаменами Англіи, быстро отступили предъ нападеніемъ и потомъ покорились безъ боя. Эта великая армія не имѣла ни малѣйшаго значенія въ послѣднемъ государственномъ переворотѣ, ничего не сдѣлала ни для сопротивленія Вильгельму, ни для торжества его. Мужики, которые, съ вилами въ рукахъ, сидя на клячахъ, тащились за Ловласомъ или Деламеромъ, болѣе участвовали въ событіяхъ, нежели эти блестящіе лейб-гвардейскіе эскадроны, которыхъ пышному плюмажу, золотому шитью и рѣзвымъ скакунамъ лондонская публика такъ часто дивилась въ Гайдъ-Паркѣ. Досада войска еще болѣе усиливалась отъ насмѣшекъ чужеземныхъ войскъ Вильгельма, насмѣшекъ, которыхъ ни воспрещенія, ни наказанія не могли вполнѣ предотвратить. Во многихъ мѣстахъ неудовольствіе, котораго надлежало ожидать при подобныхъ обстоятельствахъ отъ храбраго сословія, выказалось опаснымъ образомъ. Солдаты батальона, стоявшаго въ Сиренсестерѣ, потушили фейерверкъ, кричали «да здравствуетъ король Іаковъ!» и пили за погибель его дочери и зятя. Плимутскій гарнизонъ смутилъ праздники въ Корнвалійскомъ графствѣ: произошла драка, въ которой былъ убитъ человѣкъ.

Нетребовалось много проницательности, чтобы замѣтить негодованіе духовенства и войска, потому что оба эти класса отличались отъ прочихъ гражданъ особенною одеждою. «Черные кафтаны и красные кафтаны,» говорилъ одинъ горячій вигъ въ Палатѣ Общинъ, «гибельны для нашей націи.» Но дурное расположеніе простиралось далѣе людей, носившихъ черные и красные кафтаны. Энтузіазмъ, съ которымъ на Рождествѣ всѣ сословія приняли Вильгельма въ Лондонѣ, весьма охладѣлъ до исхода февраля. Новый король, въ ту самую эпоху, когда его слава и счастіе достигли высшей степени, предсказывалъ наступающую реакцію. Эту реакцію легко было предвидѣть и менѣе зоркому наблюдателю. Главная причина ея заключается въ дѣйствіи закона, столь же неизмѣннаго,

какъ законъ, по которому распредѣлены времена года и направленія пассатныхъ вѣтровъ. Природѣ человѣческой свойственно слишкомъ преувеличивать настоящее зло и мало цѣнить настоящее добро, стремиться къ тому, чего нѣтъ и не довольствоваться тѣмъ, что есть. Наклонность эту, въ той мѣрѣ, какъ она проявляется въ отдѣльныхъ личностяхъ, философы неоднократно и осмѣивали и оплакивали. Она была любимою темою Горація и Паскаля, Вольтера и Джонсона. Сто поколѣній смѣнилось со времени перваго народнаго освобожденія, о которомъ повѣствованіе дошло до насъ. У Моисея мы читаемъ, что цѣлый народъ склонялся во прахъ подъ жестокимъ игомъ; суровые приставники бичами выгоняли его на работу; тогда жизнь стала этому народу невыносима и онъ поднялъ такой жалобный вопль, что голосъ его коснулся небесъ. Рабы спасены были чудомъ. Въ минуту освобожденія, они воспѣли гимнъ благодарности и торжества, но чрезъ нѣсколько часовъ начали сожалѣть о своей неволѣ и роптать на вождя, увлекшаго ихъ отъ сладкихъ яствъ страны рабства въ дикую пустыню, которая еще отдѣляла ихъ отъ обѣтованной земли, гдѣ текли рѣки млека и меда. Съ того времени исторія каждаго великаго избавителя была повтореніемъ исторіи Моисея. До настоящаго часа, торжества, подобныя бывшимъ на берегу Чермнаго моря, всегда скоро смѣнялись такими же роптаніями, какъ въ пустынѣ Аравійской. Благодѣтельнѣйшее преобразованіе неминуемо сопряжено со многими страданіями. Реформа, самая полезная, не можетъ осуществить всего добраго, что ожидали отъ нея люди съ незрѣлымъ умомъ и пламеннымъ воображеніемъ. Даже разсудительному человѣку трудно, при самомъ началѣ новой эпохи, взвѣсить совершенно правильно вредъ, который произведенъ переворотомъ и вредъ, который устраненъ имъ, потому что вредъ отъ современной реформы чувствуется, а вредъ, устраненный ею, не ощущается болѣе.

Такъ было теперь и въ Англіи. Общество было, какъ всегда бываетъ при пароксизмахъ холодности, слѣдующихъ за пароксизмами пылкости, угрюмо, пасмурно, недовольно собою, недовольно тѣми, которые недавно были его любимцами. Перемиріе между двумя великими партіями кончилось. Раздѣленныя воспоминаніемъ о постоянныхъ взаимныхъ гоненіяхъ втеченіе полувѣковой борьбы, онѣ, на нѣсколько мѣсяцевъ, соединились общей опасностью. Но опасность миновала; союзъ расторгся и старинная непріязнь вспыхнула съ прежнею силою.

Іаковъ, въ послѣдній годъ своего царствованія, былъ еще болѣе ненавистенъ для тори, нежели для виговъ, и не безъ основанія, потому, что вигамъ онъ былъ просто врагомъ, а тори коварр-

нымъ и неблагодарнымъ другомъ. Но старое чувство роялизма, угасшее, казалось, во время его владычества, отчасти ожило при постигшихъ его бѣдствіяхъ. Многіе лорды и дворяне, которые, въ декабрѣ, подняли оружіе за принца Оранскаго и за свободный Парламентъ, жаловались про себя, два мѣсяца спустя, что ихъ завлекли дальше, нежели они хотѣли итти, что они слишкомъ искренно повѣрили декларацій принца, что они думали найти въ немъ безкорыстіе, котораго, какъ теперь обнаружилось, не было въ его натурѣ. Они говорили, что хотѣли только слегка понудить Іакова, для его же блага, къ соблюденію благоразумія, хотѣли наказать іезуитовъ и отступниковъ, которые вводили его въ ошибки, и получить отъ него нѣкоторыя гарантіи для безопасности гражданскихъ и церковныхъ учрежденій; но что они не хотѣли свергать его съ престола и изгонять. Для его злоупотребленій, какъ ни были они грубы, отъисканы были извиненія. Удивительно ли, говорили тори, что онъ, еще въ дѣтствѣ изгнанный изъ отечества мятежниками и принужденный провести молодость въ странахъ, гдѣ господствовала римско-католическая религія, былъ обольщенъ хитрыми католиками? Удивительно ли было, что преслѣдованія и клеветы непримиримыхъ враговъ сдѣлали его нравъ мрачнымъ и суровымъ, и что увидѣвъ наконецъ въ своей власти тѣхъ, которые пытались очернить его имя, отнять у него наслѣдственныя права, онъ недостаточно смягчалъ правосудіе милосердіемъ? Относительно тягчайшаго изъ обвиненій, взведенныхъ противъ него, именно, покушенія коварно лишить дочерей наслѣдства чрезъ усыновленіе подложнаго ребенка, спрашивалось: на чемъ это обвиненіе основано? Только на ничтожныхъ обстоятельствахъ, которыя могли быть приписаны случаю или неосторожности, слишкомъ согласной съ его характеромъ. Самый тупоумный сельскій судья не рѣшился бы признать виновнымъ какого нибудь простолюдина безъ уликъ, болѣе сильныхъ, нежели тѣ, по которымъ англійскій народъ объявилъ Іакова виновнымъ въ этомъ ужаснѣйшемъ подлогѣ. Неоспоримо, продолжали тори, онъ дѣлалъ иногда большія ошибки: ничто не было бы справедливѣе и сообразнѣе съ законами, какъ призвать его совѣтниковъ и исполнителей его воли къ строгому отвѣту за эти ошибки. Основной законъ государства говоритъ, что король не можетъ творить зла, и что если зло совершится его властію, то отвѣчать должны его совѣтники и агенты. Это правило, составляющее основаніе политическаго устройства Англіи, теперь было извращено въ противномъ смыслѣ. Интриганты, по закону подлежавшіе наказанію, пользуются безнаказанностію, а Іаковъ, изъятый по закону отъ наказанія, жестоко наказанъ. Могли ли англійскіе роялисты, сыновья

витязей, сражавшихся подъ командою Руперта, не чувствовать горести и негодованія при мысли о судьбѣ своего владыки, который недавно еще, окруженный блескомъ, возсѣдалъ на тронѣ въ Вайтголлѣ, а теперь сталъ скитальцемъ, лишеннымъ средствъ къ жизни, живущимъ милостью иноземцевъ? Онъ былъ несчастнѣе даже своего отца. Карлъ I былъ умерщвленъ явными и заклятыми врагами: паденіе Іакова было дѣломъ его собственныхъ дѣтей. Если онъ и заслуживалъ наказанія, то не дѣтямъ наказывать отца. И точно ли онъ вполнѣ заслуживалъ наказанія? Не былъ ли несчастный скорѣе слабъ и опрометчивъ, нежели злонамѣренъ? Не имѣлъ ли онъ нѣкоторыхъ качествъ хорошаго государя? Его способности были, правда, не высокаго разряда, но онъ былъ трудолюбивъ, бережливъ, доказалъ храбрость на полѣ битвы, онъ былъ своимъ собственнымъ морскимъ министромъ, и этой частью занимался хорошо. До тѣхъ поръ, пока іезуиты не пріобрѣли пагубнаго господства надъ его умомъ, онъ былъ извѣстенъ за человѣка строго справедливаго, и до послѣдняго времени, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не совращали его съ пути, онъ вообще говорилъ правдиво и поступалъ по совѣсти. При столькихъ добродѣтеляхъ, еслибъ онъ былъ протестантомъ или хотя бы даже умѣреннымъ католикомъ, то могъ бы царствовать счастливо и славно. Можетъ быть еще не ушло для него время исправить свои ошибки. Трудно думать, что онъ до такой степени близорукъ и упрямъ, чтобъ не образумиться послѣ полученнаго имъ теперь страшнаго урока; и если этотъ урокъ произвелъ послѣдствія, которыхъ надобно ожидать, то Англія, подъ властью своего законнаго государя, могла бы имѣть гораздо болѣе благоденствія и покоя, нежели подъ управленіемъ наилучшаго и способнѣйшаго узурпатора.

Мы очень ошибемся на счетъ тѣхъ, которые держали такія рѣчи, если предположимъ, что они, въ общей массѣ, перестали смотрѣть на папство и на произвольную власть съ отвращеніемъ. Находились конечно такіе ревнители, которые не могли вынести мысли о наложеніи условій на своего короля и готовы были возвратить его безъ малѣйшаго обезпеченія въ томъ, что не будетъ тотчасъ же возстановлена имъ Верховная Коммиссія, что Петеръ не будетъ снова засѣдать въ Совѣтѣ и что члены Коллегіума Магдалины не будутъ вторично изгнаны. Но число этихъ людей было незначительно. Напротивъ, число тѣхъ роялистовъ, которые, еслибъ Іаковъ сознался въ своихъ ошибкахъ и обѣщалъ соблюдать законы, съ готовностію собрались бы вокругъ него, было весьма велико. Нельзя не обратить вниманія на примѣчательный фактъ, что двое опытныхъ и даровитыхъ государственныхъ людей, играв-

шихъ въ переворотѣ главную роль, откровенно признавались, чрезъ нѣсколько дней послѣ совершенія переворота, что опасаются скораго наступленія реставраціи. «Еслибъ Іаковъ былъ протестантъ», говорилъ Галифаксъ, «мы не могли бы удержать его въ изгнаніи и четырехъ мѣсяцевъ.»—«Еслибъ король Іаковъ,» говорилъ Дэнби около того же времени, «захотѣлъ только дать государству нѣкоторое обезпеченіе касательно религіи, — а это онъ легко можетъ сдѣлать,—то было бы очень трудно противиться ему.» Но Іаковъ былъ, какъ всегда, свой собственный злѣйшій врагъ. Ни одного слова, означающаго раскаяніе въ прошедшемъ, или намѣреніе управлять по законамъ въ будущемъ, невозможно было выпросить отъ него его приверженцамъ. Каждое письмо, каждый слухъ, доходившій изъ Сенъ-Жермена до Англіи, заставлялъ благоразумныхъ людей страшиться, что если бы ему возвратилась власть при настоящемъ его расположеніи, то второе самовластіе было бы хуже перваго. Такимъ образомъ тори, въ общей массѣ, принуждены были, хотя и неохотно, соглашаться, что въ настоящее время не предстояло выбора инаго, какъ между Вильгельмомъ и всенародною гибелью. Потому, не теряя надежды, что Іаковъ современемъ будетъ расположенъ слушаться голоса разсудка, и не имѣя ничего похожаго на преданность къ тому, кто владѣлъ престоломъ de facto, они съ неудовольствіемъ терпѣли новое правительство, ожидая лучшихъ временъ.

Привязанность виговъ угрожала быть можетъ этому правительству, въ первые мѣсяцы его существованія, еще бóльшею опасностію, нежели непріязнь торіевъ. Вражда едва ли можетъ столько вредить, какъ придирчивая, ревнивая, притязательная любовь; а такова была любовь виговъ къ избранному ими государю. Они громко восхваляли его. Они были готовы поддерживать его своимъ достояніемъ и мечомъ противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Но ихъ привязанность къ нему не была похожа на ту вѣрноподданную преданность, которая одушевляла отважныхъ джентльменовъ, сражавшихся за Карла Перваго, потомъ освобождала Карла Втораго отъ страшныхъ опасностей и затрудненій, вызываемыхъ двадцатью годами дурнаго управленія: такому чувству не благопріятствовало ученіе Мильтона и Сиднея. Да и не могъ внушать такого чувства король, незадолго передъ тѣмъ возведенный на тронъ мятежнымъ возстаніемъ. Виги отвергали торійское ученіе о безграничномъ повиновеніи; они, по своему основному принципу, считали нужнымъ повиновеніе только тогда, когда повиновеніемъ исполнялись, а не нарушались основные законы королевства. Отъ этихъ понятій зависѣло право Вильгельма на престолъ. Очевидно, что отно-

шеніе между подданными, которые держались такой теоріи, и правителемъ, возведеніе котораго въ его санъ было торжествомъ этихъ идей, совершенно различалось отъ тѣхъ отношеній, которыя существовали между Стюартами и роялистами. Виги любили Вильгельма, но они его любили не какъ короля, а какъ предводителя партіи, и не трудно было предусмотрѣть, что энтузіазмъ ихъ скоро остынетъ, если Вильгельмъ откажется быть просто предводителемъ ихъ партіи и захочетъ быть королемъ всей націи. За преданность къ его дѣлу они ожидали, чтобъ онъ былъ ихъ партизаномъ, твердымъ и пламеннымъ вигомъ, чтобъ онъ не показывалъ благосклонности ни къ кому, кромѣ виговъ, чтобъ онъ всѣ старыя ихъ антипатіи усвоилъ себѣ; и надобно было бояться, что если онъ не оправдаетъ этой надежды, то единственная усердная къ его дѣлу часть общества отдалится отъ него.

Таковы были затрудненія, мучившія Вильгельма въ эпоху его возшествія на престолъ. Онъ рѣдко не отгадывалъ хорошей дороги тамъ, гдѣ можно было найти хорошую дорогу; но теперь ему оставался выборъ только между путями, изъ которыхъ каждый велъ, казалось, къ погибели. Отъ одной изъ двухъ великихъ партій онъ не могъ ожидать искренней опоры, а сохранить себѣ опору въ другой партіи могъ онъ только тѣмъ, чтобъ самому сдѣлаться вторымъ Шефтсбэри на тронѣ, имѣть въ виду не общую пользу, а исключительно желанія одной партіи. Еслибъ онъ сталъ преслѣдовать тори, то ихъ недовольство непремѣнно обратилось бы въ бѣшеную ненависть. Оказывая имъ благосклонность, онъ вовсе не могъ быть увѣренъ, что пріобрѣтетъ ихъ доброе расположеніе, а между тѣмъ слишкомъ вѣроятно было, что онъ этимъ оттолкнетъ отъ себя виговъ. Чтожь ему было дѣлать? А рѣшеніе не терпѣло промедленія: надобно было назначить членовъ Тайнаго Совѣта и замѣстить важнѣйшія государственныя должности. Невозможно было устроить это дѣло такъ, чтобы оно нравилось всѣмъ, и трудно было сдѣлать такъ, чтобы угодить хотя кому-либо; но все-таки устройство правительственнаго механизма не терпѣло отсрочки.

Онъ не думалъ о необходимости того, что нынѣ въ Англіи называется министерствомъ, то есть, о порученіи всѣхъ важнѣйшихъ должностей людямъ одного образа мыслей о государственныхъ дѣлахъ, дѣйствующимъ во всѣхъ случаяхъ какъ одинъ человѣкъ. Вообще то, что называется нынѣ въ Англіи министерствомъ, стало извѣстно въ Англіи уже только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ Вильгельмъ былъ на престолѣ. При Плантагенетахъ, Тюдорахъ и Стюартахъ были отдѣльные министры, какъ были они тогда во всѣхъ другихъ государствахъ, но не было министерства,—эти

отдѣльные министры не соединялись взаимнымъ согласіемъ въ политической дѣятельности своей, какъ нынѣ. Отъ нихъ и не ожидали, чтобъ они соглашались въ мнѣніяхъ между собою, даже по вопросамъ первой важности. Часто они были, политически и лично, враждебны другъ другу, и не скрывали своей вражды. Тогда не считалось еще неудобнымъ или непристойнымъ, если они взводили другъ на друга тяжкія обвиненія или требовали головы одинъ другаго. При Карлѣ II, никто не принималъ въ обвиненіи лорда канцлера Кларендона такого дѣятельнаго участія, какъ Ковентри, который былъ коммиссаромъ казначейства. Никто не принималъ такого дѣятельнаго участія въ обвиненіи государственнаго казначея Дэнби, какъ генералъ прокуроръ Уиннингтонъ. Между членами правительства существовала одна лишь связь,—она заключалась въ ихъ общемъ главѣ, государѣ. Нація смотрѣла на вѣнценосца какъ на главу администраціи и сильно осуждала его, если онъ передавалъ высокія свои обязанности кому-либо изъ подданныхъ. По словамъ Кларендона, ничто не было такъ ненавистно современнымъ ему англичанамъ, какъ первый министръ. Они охотнѣе подчинились бы, говоритъ онъ, — такому узурпатору, какъ Кромвелль, который былъ не только по имени, но и на дѣлѣ правителемъ государства, нежели законному государю, который отдалъ бы ихъ во власть великому визирю. Одною изъ главнѣйшихъ жалобъ сельской партіи на Карла Втораго, было то, что онъ по излишнему пристрастію къ удовольствіямъ не разсматривалъ самъ отчетовъ о государственномъ балансѣ и инвентарія о военныхъ припасахъ. Іаковъ, по вступленіи на престолъ, положилъ не имѣть ни лорда верховнаго адмирала, ни Адмиралтейскаго Комитета, оставляя лично за собою все завѣдываніе морскою частью; и это распоряженіе, которое нынѣ, для всѣхъ англійскихъ партій, показалось бы несогласнымъ съ законами королевства и въ высшей степени вреднымъ, тогда встрѣчено было всеобщимъ одобреніемъ даже отъ тѣхъ, которые не были наклонны смотрѣть на дѣйствія Іакова съ благопріятной точки. Самые проницательные политики не поняли сначала, какую рѣшительную перемѣну произвели событія 1688 года въ отношеніяхъ короля къ Парламенту и къ министрамъ. Всѣ предполагали, что дѣла государственныя будутъ, по прежнему, поручены правительственнымъ лицамъ, независимымъ одинъ отъ другаго, и что Вильгельмъ будетъ имѣть общій надзоръ надъ каждымъ изъ нихъ. Сверхъ того всѣ были вполнѣ убѣждены, что государь, такой способный и опытный какъ Вильгельмъ, будетъ самъ вести многія важныя дѣла не обращаясь ни къ кому за совѣтомъ.

По этому не возникло никакого ропота, когда услышали, что онъ предоставилъ управленіе иностранными дѣлами себѣ; иначе ему и нельзя было поступить, потому что сэръ Вильямъ Темпль не рѣшался промѣнять свое уединеніе на жизнь государственнаго человѣка, а кромѣ его ни одинъ англичанинъ не обнаружилъ способности успѣшно вести значительные переговоры съ иностранными державами. Много лѣтъ прошло съ того времени, когда Англія имѣла вѣсъ въ дѣлахъ Европы. Вниманіе способнѣйшихъ политиковъ ея было давно уже занято, почти исключительно, спорами о гражданскомъ и духовномъ устройствѣ ихъ собственнаго отечества. Пренія о Папскомъ заговорѣ и биллѣ отрѣшенія, о грамотѣ Habeas Corpus и актѣ о присягѣ вызвали на свѣтъ обиліе, можно почти сказать, излишество тѣхъ талантовъ, которые ведутъ людей къ высокимъ степенямъ въ обществахъ, терзаемыхъ внутренними раздорами. Во всей Европѣ не было такихъ искусныхъ предводителей партій, такихъ краснорѣчивыхъ ораторовъ, такихъ ловкихъ парламентскихъ тактиковъ, какъ тѣ, которые собраны были въ Вестминстерѣ. Но совершенно иная школа нужна, чтобы образовать хорошаго министра иностранныхъ дѣлъ; а переворотъ 1688 года внезапно поставилъ Англію въ такое положеніе, при которомъ услуги искуснаго министра иностранныхъ дѣлъ стали для нея необходимы.

Вильгельмъ обладалъ всѣми качествами, нужными для того, чтобы вознаградить недостатокъ, встрѣчавшійся у самыхъ лучшихъ государственныхъ людей его королевства. Онъ давно снискалъ себѣ славу отличнаго дипломата. Онъ былъ учредителемъ и душою европейской коалиціи противъ могущества Франціи. Ключъ, безъ котораго опасно было вступать въ обширный и запутанный лабиринтъ континентальной политики, находился въ его рукахъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, англійскіе совѣтники его, какъ бы ни были они способны и дѣятельны, рѣдко, впродолженіе его царствованія, покушались вмѣшиваться въ эту часть государственныхъ дѣлъ, которую онъ взялъ подъ свое особенное завѣдываніе.

Напротивъ внутреннее управленіе могло быть ведено въ Англіи только при посредствѣ и содѣйствіи англійскихъ министровъ. Выборъ этихъ министровъ, сдѣланный Вильгельмомъ, показывалъ намѣреніе его не исключать изъ участія въ управленіи ни одной партіи и никакихъ лицъ, расположенныхъ поддерживать его престолъ. На другой день послѣ поднесенія ему короны, онъ объявилъ составъ своего Тайнаго Совѣта. Большинство членовъ состояло изъ виговъ, но имена многихъ знаменитыхъ тори также явились въ спискѣ. Четыре высшія должности въ государствѣ были отданы

четыремъ нобльменамъ, бывшимъ представителями четырехъ партій.

Въ практическихъ талантахъ и служебной опытности Дэнби не уступалъ никому изъ лицъ тогдашняго времени. На признательность новаго короля и королевы онъ имѣлъ большое право, потому что его искусствомъ было устроено ихъ бракосочетаніе, не взирая на преграды, казавшіяся неодолимыми. Всегдашняя ненависть его къ Франціи была едва ли менѣе сильною рекомендаціею. Онъ подписалъ приглашеніе, посланное къ Вильгельму тридцатаго іюня, поднялъ сѣверное возстаніе и предводительствовалъ имъ, а въ Конвентѣ истощилъ все свое вліяніе и краснорѣчіе на оппозицію противъ регентства. Но виги смотрѣли на него съ непобѣдимымъ недовѣріемъ и ненавистью. Они не могли забыть, что онъ, въ злые годы, былъ первымъ министромъ государства, главою роялистовъ, гонителемъ диссидентовъ. Даже сдѣлавшись возмутителемъ, онъ не переставалъ быть торіемъ. Если онъ поднялъ мечь противъ Іакова, то сдѣлалъ это единственно въ защиту Англиканской церкви. Если онъ въ Конвентѣ вмѣстѣ съ вигами противился плану регентства, то противъ виговъ боролся онъ не менѣе упорно, доказывая, что престолъ нельзя было считать незанятымъ и что государственныя сословія не имѣли права располагать имъ. Потому виги были того мнѣнія, что Дэнби надлежало, за свои недавнія заслуги, считать себѣ достаточнымъ вознагражденіемъ уже то, что его избавляютъ отъ наказанія за преступленія, въ которыхъ обвиняли его десять лѣтъ тому назадъ. Напротивъ онъ высоко цѣнилъ свои способности и заслуги, безъ сомнѣнія значительныя, и думалъ, что вправѣ получить важное мѣсто государственнаго казначея, которое занималъ прежде. Однако его надежда не сбылась. Вильгельмъ признавалъ полезнымъ распредѣлить власть этого высокаго и могущественнаго сана между членами коммиссіи, замѣнявшей лорда казначея. Онъ былъ первый англійскій король, не отдававшій никогда, отъ начала до конца своего царствованія, бѣлый жезлъ, символъ власти лорда верховнаго казначея, въ руки одного лица. Онъ предложилъ Дэнби выборъ между предсѣдательствомъ въ совѣтѣ и статсъ-секретарствомъ. Дэнби съ неудовольствіемъ принялъ предсѣдательство, и въ то время, какъ виги роптали за данное ему высокое назначеніе, онъ едва скрывалъ свой гнѣвъ за то, что не былъ поставленъ выше.

Галифаксу, замѣчательнѣйшему члену той небольшой партіи, которая гордилась тѣмъ, что, находясь между вигами и тори, даетъ перевѣсъ той сторонѣ, къ которой присоединяется, ввѣрена была собственная печать короля, съ оставленіемъ его президентомъ Па-

латы Лордовъ. При предъидущемъ правительствѣ онъ былъ во главѣ строго законной оппозиціи, и съ большимъ успѣхомъ говорилъ и писалъ противъ разрѣшительной власти; но не хотѣлъ имѣть ничего общаго съ замысломъ тѣхъ, которые призывали Вильгельма. Даже когда голландцы шли полнымъ маршемъ къ Лондону, онъ старался произвести примиреніе и не покидалъ Іакова до тѣхъ поръ, пока Іаковъ не покинулъ престола. Но съ минуты его постыднаго бѣгства, проницательный Галифаксъ, убѣжденный, что примиреніе сдѣлалось невозможнымъ, принялъ образъ дѣйствія рѣшительный. Онъ былъ душою Конвента, и избраніе его для исполненія почетной обязанности поднесенія короны принцу и принцессѣ Оранскимъ, отъ имени всѣхъ сословій Англіи, было совершенно заслуженною честью, потому что этотъ переворотъ,—если только можно сказать, что въ немъ отразился характеръ какого либо отдѣльнаго лица,—безъ сомнѣнія носилъ на себѣ черты великаго, но осторожнаго ума Галифакса. Виги, однако же, не были расположены считать его недавнія заслуги полнымъ искупленіемъ за старыя вины, а за Галифаксомъ они считали важныя вины. Онъ нѣкогда предводительствовалъ оппозиціею впродолженіе тяжелой борьбы противъ произвольной власти. Когда виги одержали наконецъ побѣду въ этой борьбѣ, когда казалось, что Вайтголль побѣжденъ ими, во времена папистскаго заговора, когда предъ ними открывалась близкая перспектива господства и мщенія, онъ покинулъ виговъ и съ тѣмъ вмѣстѣ счастіе покинуло ихъ. Въ великихъ преніяхъ объ исключеніи Іакова отъ престолонаслѣдія, его краснорѣчіе заградило имъ уста и вдохнуло новую жизнь въ унылую партію Двора. Правда, Галифаксъ, покинувшій виговъ въ дни гордаго ихъ торжества, возвратился къ нимъ въ бѣдственные для нихъ дни. Но теперь, когда бѣдствія ихъ миновались, они забыли, что онъ къ нимъ возвратился, и помнили только, что онъ покидалъ ихъ.

Досада, съ которою они видѣли Дэнби лордомъ президентомъ Совѣта, а Галифакса Хранителемъ Собственной Королевской Печати, не уменьшалась назначеніемъ Ноттингэма государственнымъ секретаремъ. Нѣкоторые изъ ревностныхъ приверженцевъ Англиканскаго ученія, никогда не перестававшіе проповѣдывать безграничное повиновеніе, осуждавшіе переворотъ 1688 года, подававшіе голосъ за регентство и до конца утверждавшіе, что англійскій престолъ не можетъ быть ни на одно мгновеніе незанятымъ, считали себя однако обязанными подчиниться рѣшенію Конвента. «Мы—(таковы были ихъ слова)—не возмущались противъ Іакова. Мы не избирали Вильгельма. Но теперь, когда мы видимъ на престолѣ государя, котораго сами никогда бы не возвели, то думаемъ, что ни

Божескій, ни человѣческій законъ, не предписываетъ намъ продолжать сопротивленіе. Въ Библіи и въ Книгѣ Англійскихъ Законовъ мы находимъ ясныя указанія, какъ поступать намъ. Библія велитъ повиноваться властямъ предержащимъ. Въ Статутахъ Англіи содержится актъ, постановляющій, что подданному не слѣдуетъ вмѣнять въ преступленіе покорность королю, имѣющему власть de facto.» На этихъ основаніяхъ многіе, не соглашавшіеся на установленіе новаго правительства, думали, что могутъ, когда оно уже установлено, поддерживать его безъ грѣха предъ Богомъ и людьми. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей этой школы былъ Ноттингэмъ. По его предложенію, Конвентъ, до возведенія Вильгельма на престолъ, сдѣлалъ въ присягѣ на подданство такія измѣнія, которыя позволяли ему и людямъ, думавшимъ одинаково съ нимъ, дать эту присягу безъ насилія совѣсти. «Мои правила», говорилъ онъ, «не позволяютъ мнѣ участвовать въ избраніи короля, но когда король уже избранъ, то тѣ же правила заставляютъ меня служить ему неуклоннѣе, нежели будутъ служить тѣ, которые избрали его.» И, къ удивленію многихъ, наиболѣе его уважавшихъ, онъ согласился теперь быть членомъ Совѣта и принять санъ государственнаго секретаря. Вильгельмъ, безъ сомнѣнія, надѣялся, что это назначеніе послужитъ духовенству и сельскимъ джентльменамъ изъ партіи тори достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что новое правительство не имѣетъ никакихъ замысловъ противъ Англиканской Церкви. Даже Борнетъ, который позднѣе чувствовалъ сильную антипатію къ Ноттингэму, въ запискахъ, составленныхъ вскорѣ послѣ переворота 1688 года, признавался, что король поступилъ въ этомъ случаѣ благоразумно и что вліяніе Ноттингэма, чистосердечно направленное на поддержаніе новаго государя, спасло Англію отъ большихъ бѣдствій.

Другой государственный секретарь былъ Шрьюсбери. Ни одинъ человѣкъ, съ незапамятныхъ временъ, не занималъ столь высокой должности въ такихъ молодыхъ лѣтахъ. Онъ едва достигъ двадцати восьми лѣтъ. Никто, впрочемъ, кромѣ церемонныхъ формалистовъ испанскаго посольства, не считалъ молодости препятствіемъ къ его назначенію государственнымъ секретаремъ. Онъ уже упрочилъ себѣ мѣсто въ исторіи блистательнымъ участіемъ, которое принималъ въ освобожденіи своего отечества. Таланты его, познанія, любезность въ обращеніи, ласковый характеръ дѣлали его чрезвычайно популярнымъ. Особенно виги почти обожали его. Никто не подозрѣвалъ, что со многими великими и любезными качествами, въ немъ скрывались такіе недостатки, которые сдѣлаютъ жизнь

его, начавшуюся при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, тяжелой ему и почти безполезной его отечеству.

Управленіе морскими дѣлами и финансами было ввѣрено не отдѣльнымъ лицамъ, а комитетамъ. Гербертъ былъ сдѣланъ первымъ коммиссаромъ Адмиралтейства. Онъ въ прошлое царствованіе отказался отъ богатствъ и достоинствъ, когда нашелъ, что не можетъ сохранить ихъ съ честью и спокойною совѣстью. Онъ отвезъ приглашеніе отъ англійскихъ вельможъ къ Вильгельму въ Гагу. Онъ командовалъ голландскимъ флотомъ въ переѣздѣ изъ Гельвутслёйса до Торбэ. Его мужество и искусство въ морскомъ дѣлѣ были всѣми уважаемы. Знали и то, что у него были свои слабости и пороки, но поведеніе во времена тяжелаго испытанія загладило все и обнадеживало, повидимому, что его будущее поприще заслужитъ славу. Изъ числа коммиссаровъ, засѣдавшихъ съ нимъ въ Адмиралтействѣ, были два знаменитые члена Палаты Общинъ: — Вильямъ Сечверель, старый вигъ, имѣвшій большой вѣсъ въ своей партіи, и сэръ Джонъ Лотеръ, честный и весьма умѣренный тори, занимавшій, по богатству и парламентскому вліянію, одно изъ первыхъ мѣстъ между англійскими джентльменами.

Мордаунтъ, одинъ изъ самыхъ пылкихъ виговъ, былъ назначенъ первымъ коммиссаромъ въ комитетѣ Казначейства. Почему такъ? — Трудно объяснить. Его романическая отважность, его живое остроуміе, его эксцентрическое воображеніе, его страсть къ отчаянному риску и поразительнымъ эффектамъ, не обѣщали много пользы въ финансовыхъ расчисленіяхъ и операціяхъ. Деламеръ, еще болѣе пламенный вигъ, если возможно, нежели Мордаунтъ, засѣдалъ въ качествѣ втораго члена и былъ канцлеромъ Казначейства. Кромѣ того, въ Комитетѣ Казначейства засѣдали два члена Палаты Общинъ изъ партіи виговъ: сэръ Генри Кэпель, братъ того графа Эссекса, который умеръ отъ своей собственной руки въ Тоуерѣ, и Ричардъ Гампденъ, сынъ великаго предводителя Долгаго Парламента. Но главное бремя дѣлъ лежало на Годольфинѣ. Этотъ человѣкъ, молчаливый, одаренный свѣтлымъ умомъ, трудолюбивый, безвредный, не привязанный горячо ни къ какому правительству и полезный для каждаго правительства, мало по малу сдѣлался почти необходимою частью государственнаго механизма. Хотя онъ былъ приверженцемъ Англиканской церкви, но возвысился при Дворѣ, которымъ управляли іезуиты. Хотя онъ подавалъ голосъ за регентство, но сталъ дѣйствительнымъ правителемъ Казначейства, наполненнаго вигами.

Кого назначить канцлеромъ, казалось дѣломъ затруднительнымъ. Король сначала хотѣлъ ввѣрить Большую Государственную Печать

Ноттингэму, котораго отецъ, впродолженіе многихъ лѣтъ, занималъ съ большою славою должность Канцлера. Однако, Ноттингэмъ отклонилъ отъ себя этотъ санъ, который былъ предложенъ Галифаксу,— Галифаксъ также отказался. Оба эти лорда, безъ сомнѣнія, чувствовали, что съ этимъ званіемъ соединены такія обязанности, которыхъ они не въ силахъ исполнить съ честью себѣ и съ пользою для общества. Правда, въ прежнія времена, Большая Печать предоставлялась обыкновенно лицамъ, которыя не были юристами. Даже въ семнадцатомъ столѣтіи она была ввѣрена двумъ сановникамъ, которые никогда не были адвокатами. Деканъ Вильямсъ былъ Хранителемъ Печати при Іаковѣ Первомъ. Шефтсбёри былъ лордомъ канцлеромъ при Карлѣ Второмъ. Но подобныя назначенія не могли продолжаться безъ важнаго неудобства. Отправленіе юстиціи постепенно превратилось въ утонченную науку, которой никакія человѣческія способности не могли одолѣть безъ предварительнаго навыка и долгаго занятія. Даже Шефтсбёри, какъ могучъ ни былъ его умъ, съ тягостнымъ чувствомъ сознавалъ въ себѣ недостатокъ техническаго знанія; а въ пятнадцать лѣтъ, которые протекли съ тѣхъ поръ, какъ Шефтсбёри сдалъ Печать, техническое знаніе дѣлалось все болѣе и болѣе необходимо для его преемниковъ. Потому, ни Ноттингэмъ, хотя онъ обладалъ въ законовѣдѣніи такимъ запасомъ учености, какой рѣдко встрѣчается у людей, не посвятившихъ себя этому предмету исключительно, ни Галифаксъ, хотя въ судебныхъ засѣданіяхъ Палаты Лордовъ быстрота его соображенія и точность разсужденій часто изумляли спеціалистовъ, не рѣшились принять высшей изъ свѣтскихъ должностей въ Англіи. Послѣ нѣкотораго колебанія, Печать была ввѣрена Комитету, составленному изъ знаменитыхъ юристовъ, подъ предсѣдательствомъ Мэнэрда.

Выборъ судей дѣлалъ честь новому правительству. Каждый членъ Тайнаго Совѣта долженъ былъ представить списокъ кандидатовъ. Эти списки были сличены и выборъ остался за двѣнадцатью достойнѣйшими лицами. Поллексфенъ, по своей юридической славѣ и вигистскому образу мыслей, считалъ себя вправѣ быть лордомъ верховнымъ судьею. Но нѣкогда онъ былъ прокуроромъ отъ короны въ Уголовномъ Судѣ, который свирѣпствовалъ въ западныхъ провинціяхъ послѣ Седжмурской битвы. Изъ документовъ тогдашнихъ уголовныхъ дѣлъ можно, кажется, заключить, что онъ старался по возможности уклоняться отъ участія въ этихъ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе, его имя нераздѣльно связано было, во мнѣніи общества, съ Кровавымъ Судомъ, и потому неловко было теперь поставить его главою перваго уголовнаго судилища въ государствѣ. Пробывъ нѣсколько недѣль генералъ-адвокатомъ, онъ

былъ назначенъ председателемъ Гражданскаго Суда (Common Pleas). Сэръ Джонъ Гольтъ, человѣкъ еще молодой, но уже прославившійся ученостью, неподкупною честностью и неустрашимостью, опредѣленъ былъ верховнымъ судьею Королевской Палаты. Сэръ Робертъ Эткинсъ, превосходный юристъ, проведшій нѣсколько лѣтъ въ сельскомъ уединеніи, но сохранившій еще громкую славу между юристами, сдѣлался президентомъ Баронскаго Суда. Повелль, который подвергся немилости Іакова за справедливое мнѣніе, высказанное имъ по дѣлу епископовъ, снова занялъ мѣсто свое между судьями Королевской Палаты. Треби былъ преемникомъ Поллексфена въ званіи генералъ-адвоката, а Сомерсъ назначенъ генералъ-прокуроромъ.

Двѣ изъ главныхъ должностей придворнаго штата отданы были двумъ нобльменамъ, составлявшимъ украшеніе Двора. Благородный и высокообразованный Девонширъ возведенъ въ санъ лорда оберъ-гофмейстера. Никто болѣе его не оказалъ услугъ и не рисковалъ для блага Англіи, во время тяжелаго періода испытаній. Съ возстановленіемъ законовъ возстановилось и могущество его дома. Взятое съ него обязательство уплатить тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ незаконно наложеннаго на него штрафа, было найдено между бумагами, которыя Іаковъ оставилъ въ Вайтголлѣ, и уничтожено Вильгельмомъ.

Дорсетъ сталъ лордомъ оберъ-камергеромъ. Вліяніе и доходы, соединенные съ этою должностью, онъ обратилъ на поощреніе таланта и на облегченіе страждущихъ, какъ давно уже обращалъ на эти благородныя цѣли свое частное имущество. Въ числѣ первыхъ дѣйствій по оберъ-камергерскому званію пришлось ему исполнить обязанность, безъ сомнѣнія, горькую для человѣка съ такими великодушными свойствами сердца, и съ такимъ сочувствіемъ къ литературѣ. Драйденъ не могъ оставаться поэтомъ лауреатомъ. Нація не хотѣла видѣть папистовъ въ кругу служителей ихъ величествъ; а Драйденъ былъ не только папистъ, но и вѣроотступникъ. Онъ усугубилъ еще вину свою клеветами и насмѣшками надъ Англиканской церковью, отъ которой отрекся. Онъ былъ лишенъ званія лауреата и соединенной съ нимъ пенсіи, но получилъ отъ щедраго Дорсета, изъ собственной кассы лорда, пенсію, равную съ жалованьемъ, котораго лишился. При всемъ томъ, отставный придворный поэтъ, столько же бѣдный духомъ, сколько богатый дарами ума, продолжалъ ежегодно жалобно оплакивать утраты, которыхъ онъ не переносилъ, такъ что наконецъ стоны его вызвали знаки вполнѣ заслуженнаго презрѣнія со стороны прямыхъ и твердыхъ якобитовъ,

которые принесли въ жертву своимъ убѣжденіямъ все, и не хотѣли унижаться до просьбъ или сожалѣній.

Въ число придворныхъ сановниковъ были назначены и нѣкоторые изъ голландскихъ вельможъ, наиболѣе любимыхъ королемъ. Бентинкъ получилъ должность оберъ-гардеробмейстера, соединенную съ доходомъ въ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Мѣсто вице-оберъ-камергера при королевѣ было предоставлено человѣку, который только что вступилъ въ общественную дѣятельность, и котораго имя часто будетъ встрѣчаться въ исторіи этого царствованія. Джонъ Гоу былъ въ Конвентѣ депутатомъ отъ мѣстечка Сиренсестеръ. Наружность его обличала тѣлесное изнуреніе отъ всегдашней напряженной работы неутомимаго духа. Онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ, блѣденъ, съ дикимъ блуждающимъ взглядомъ, въ которомъ выражались и эксцентричность и хитрость. Онъ уже былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ, пишущій стихи и нѣкоторые изъ злѣйшихъ пасквилей на Іакова приписывались ему. Но только въ Палатѣ Общинъ вполнѣ выказались его дурныя и хорошія качества. Не прошло трехъ недѣль съ начала засѣданій Палаты, какъ сила его краснорѣчія, рѣзкость и упорство мнѣній, обратили уже на него всеобщее вниманіе. Живостію, энергіею и смѣлостью онъ скоро пріобрѣлъ исключительныя преимущества. Его враги — а у него было много враговъ — говорили, что онъ не терялъ изъ виду своей личной безопасности въ самыхъ дерзкихъ своихъ выходкахъ, и что онъ оказывалъ военнымъ людямъ вѣжливость, какой никогда не имѣлъ съ дамами или епископами. Но никто болѣе его не былъ одаренъ тою злою отважностью, которая находитъ удовольствіе въ возбужденіи ненависти и отвращенія. Его не удерживали никакія приличія; злоба его была неумолима; онъ владѣлъ въ совершенствѣ искусствомъ находить слабыя стороны въ сильныхъ характерахъ. Всѣ замѣчательные его современники поочередно испытывали на себѣ его жало. Однажды оно сдѣлало рану, которая нарушила даже угрюмое спокойствіе Вильгельма, сказавшаго, что желалъ бы быть частнымъ человѣкомъ для того, чтобъ пригласить мистера Гоу къ короткому объясненію съ шпагами въ рукахъ. Но теперь Гоу считался еще однимъ изъ ревностнѣйшихъ приверженцевъ новаго правительства и устремлялъ всѣ свои сарказмы противъ недовольныхъ Вильгельмомъ.

Второстепенныя мѣста въ каждомъ вѣдомствѣ были раздѣлены между обѣими партіями; виги получили наибольшую долю въ раздѣлѣ. Даже нѣкоторыя лица, приносившія мало чести имени виговъ, были щедро награждены за услуги, которыхъ не взялъ бы на себя ни одинъ порядочный человѣкъ. Вильдманъ былъ назна-

ненъ генералъ-почтъ-директоромъ, и богатая синекура при акцизномъ сборѣ предоставлена была Фергюсону. Обязанности адвоката при Казначействѣ были весьма важны и весьма непріятны. Занятія этого чиновника состояли въ томъ, чтобы вести политическіе иски, собирать доказательства и документы, снабжать инструкціями повѣренныхъ отъ казны, наблюдать за неувольненіемъ арестантовъ на недостаточныя поруки и за несоставленіемъ присяжнаго суда изъ лицъ, враждебныхъ правительству. Во времена Карла II и Іакова II общій голосъ очень основательно обвинялъ адвокатовъ при Казначействѣ, что они прибѣгали къ самымъ неблаговиднымъ способамъ для преслѣдованія людей, непріятныхъ Двору. Новому правительству надлежало сдѣлать выборъ, который бы устранялъ всякое подозрѣніе. Къ несчастію, Мордаунтъ и Деламеръ указали Аарона Смита, человѣка, бывшаго адвокатомъ Тита Отса во времена Папскаго заговора и сильно прикосновеннаго къ Рей-Гаузскому заговору, человѣка злой души и шаткихъ правилъ. Ричардъ Гампденъ, человѣкъ съ рѣшительными мнѣніями, но съ умѣреннымъ характеромъ, противился этому назначенію. Его возраженія были побѣждены. Якобиты, ненавидѣвшіе и имѣвшіе причины ненавидѣть Смита, утверждали, что онъ добился мѣста, грозя лордамъ Казначейства и особенно Гампдену смертельнымъ мщеніемъ, если не получитъ мѣста.

Пока совершались всѣ эти назначенія, прошло нѣсколько недѣль, а между тѣмъ, произошли многія значительныя событія. Тотчасъ по вступленіи въ должность членовъ Тайнаго Совѣта, представился ихъ сужденію важный, настоятельный вопросъ. Могъ ли Конвентъ, провозгласившій Вильгельма и Марію, быть обращенъ въ Парламентъ? (*) Виги, имѣвшіе рѣшительное большинство въ Па-

(*) Парламентъ — обыкновенное собраніе Законодательныхъ Палатъ, созываемое королемъ или верховнымъ правителемъ Англіи, уже имѣющимъ законный титулъ правителя. Конвентъ — чрезвычайное собраніе Законодательныхъ Палатъ, собирающееся во времена междуцарствія, когда нѣтъ правителя, имѣющаго законный титулъ, и мѣсто его занято лицомъ, временно принявшимъ на себя управленіе дѣлами. Обязанность Парламента — дѣйствовать сообразно основнымъ законамъ королевства и охранять государственное устройство; обязанность Конвента — опредѣлять, въ какомъ смыслѣ должны быть измѣнены основные законы, и каковы должны быть формы государственнаго устройства. Это было кончено; устройство государства было рѣшено; съ этимъ вмѣстѣ кончалась и обязанность Конвента. Онъ или долженъ былъ разойтись или обратиться въ обыкновенный Парламентъ, причемъ члены должны были дать присягу въ вѣрности установленному государственному устройству, — этой присяги члены Конвента не давали, потому что именно ихъ обязанностью было подвергнуть пересмотру основные законы Англіи. Словомъ, между Конвентомъ и Парламентомъ въ исторіи Англіи такое же различіе, какъ въ исторіи Франціи между Assemblée Constituante и Assemblée Législative.

латѣ Общинъ, стояли всѣ за утвердительный отвѣтъ. Тори, зная, что въ послѣдній мѣсяцъ произошла въ общественномъ мнѣніи большая перемѣна, и надѣясь, что общіе выборы увеличатъ ихъ силу, хотѣли, чтобы Конвентъ былъ распущенъ и были назначены парламентскіе выборы. Они утверждали, что для законности Парламента необходимо, чтобы выборы совершались по королевскому новелѣнію. Грамоты, которыми былъ созванъ Конвентъ, былъ изданы не королемъ, а временнымъ правителемъ; это обстоятельство не могло уже быть измѣнено, и Конвентъ, говорили тори, не можетъ сдѣлаться Парламентомъ, и теперь, кончивъ свои дѣла, долженъ немедленно разойтись.

Имъ отвѣчали, что королевская грамота только формальность и что крайне было бы неразумно подвергать коренные законы и права Англіи случайностямъ, ради формы. Какъ скоро есть король, духовные и свѣтскіе перы, и представители, свободно избранные сословіями королевства, то ужь есть и Парламентъ. Такой Парламентъ есть теперь налицо; величайшею нелѣпостью было бы распускать его при такихъ обстоятельствахъ, когда каждый часъ дорогъ, когда многіе важные предметы требуютъ немедленнаго законодательнаго разрѣшенія и когда опасности, которыя могутъ быть отвращены только соединенными усиліями короля, лордовъ и Палаты Общинъ, угрожаютъ государству. Якобитъ (продолжали виги) могъ основательно утверждать, что не признаетъ Конвентъ Парламентомъ, потому что Конвентъ, по его мнѣнію, былъ съ самого начала незаконнымъ собраніемъ, всѣ его постановленія, по мнѣнію якобита, недѣйствительны и возведенные Конвентомъ король и королева, по мнѣнію якобита, должны считаться похитителями престола. Но тѣ, которые утверждаютъ, что новый Парламентъ долженъ быть созванъ грамотами за Большой Печатью Вильгельма и Маріи, и слѣдовательно признаютъ законность власти Вильгельма и Маріи, могутъ ли, при здравой логикѣ, сомнѣваться въ законности той власти, которая возвела Вильгельма и Марію на тронъ? Кто признаетъ Вильгельма законнымъ королемъ, долженъ непремѣнно признавать, что собраніе, отъ котораго онъ получилъ свое право, было также законнымъ собраніемъ сословій государства. Кто не считаетъ Вильгельма законнымъ королемъ, но думаетъ, что можетъ поддерживать его, какъ государя de facto, на томъ же основаніи можетъ признать Конвентъ Парламентомъ de facto. Ясно, что Конвентъ источникъ, изъ котораго власть всѣхъ будущихъ Парламентовъ должна проистекать, и что отъ законности постановленій Конвента зависитъ законность всѣхъ будущихъ уставовъ, какіе будутъ составляться слѣдующими Парламентами. Не нелѣпо ли говорить, что

Конвентъ верховное, и при всемъ томъ, ничтожное учрежденіе въ государствѣ, что онъ составляетъ законодательную власть для высшаго изъ всѣхъ государственныхъ вопросовъ, а не составляетъ законодательной власти для предметовъ самыхъ мелочныхъ, что онъ уполномоченъ былъ на измѣненіе порядка престолонаслѣдія, на установленіе основныхъ законовъ королевства, а не уполномоченъ теперь на изданіе какого нибудь акта о починкѣ мостовыхъ или плотинъ?

Эти доводы имѣли бы сами по себѣ значительный вѣсъ, даже еслибъ всѣ прежніе примѣры клонились къ подтвержденію противнаго. Но англійская исторія представляла только одинъ примѣръ, который прямо примѣнялся къ настоящему случаю, и этотъ примѣръ вполнѣ подкрѣплялъ ту теорію, что королевская грамота не существенно нужна для созванія Парламента. Конвентъ, возвратившій Стюартовъ, не былъ созванъ королевскою грамотою; однако, онъ продолжалъ и послѣ воцаренія Карла II свои засѣданія и законодательныя дѣйствія: установилъ бюджетъ, объявилъ амнистію, уничтожилъ феодальныя права. Законность этихъ постановленій признавалась всѣми партіями. Кларендонъ, одинъ изъ самыхъ строгихъ тори, говорилъ при возвращеніи Стюартовъ, что такъ какъ Богъ, въ самое трудное время, даровалъ народу хорошій Парламентъ, то было бы безуміемъ искать техническихъ недостатковъ въ формѣ документа, которымъ этотъ Парламентъ былъ созванъ. Какой тори рѣшится сказать, что Конвентъ 1688 года имѣетъ менѣе законное происхожденіе, нежели Конвентъ 1660 года? Грамота, написанная первымъ принцемъ крови, вслѣдствіе ходатайства всѣхъ лордовъ и нѣсколькихъ сотъ джентльменовъ, бывшихъ представителями графствъ и городовъ Англіи, конечно, должна считаться актомъ, имѣющимъ больше юридической важности, нежели актъ, составленный тѣми людьми, которые созвали Конвентъ 1660 года.

Достаточно было и не такихъ сильныхъ основаній для убѣжденія виговъ, которые составляли большинство въ Тайномъ Совѣтѣ. Потому король, на пятый день воцаренія своего, торжественно отправился въ Палату Лордовъ и занялъ тамъ свое мѣсто на престолѣ. Палата Общинъ была призвана (*) и Вильгельмъ, послѣ ино-

(*) Когда король долженъ объявить что нибудь Парламенту, онъ является въ Палату Лордовъ и Палата Общинъ призывается присутствовать при рѣчи, которую скажетъ король. Въ такихъ собраніяхъ лорды остаются на своихъ мѣстахъ, а члены Палаты Общинъ стоятъ за рѣшеткою, отдѣляющею скамьи лордовъ отъ остальнаго пространства залы. Въ настоящее время, когда все совершается въ Англіи не прямо королемъ, а чрезъ посредство министровъ, король является лично въ Парламентъ только для открытія и закрытія его за-

гихъ милостивыхъ словъ, напомнилъ своимъ слушателямъ объ опасномъ положенiи отечества и увѣщевалъ ихъ принять мѣры, которыя могли бы отвратить излишнее замедленiе въ государственныхъ дѣлахъ. Члены Палаты Общинъ, тѣснившiеся у перилъ, отвѣчали на его рѣчь одобрительнымъ шопотомъ. По выходѣ короля, билль о томъ, что Конвентъ долженъ обратиться въ Парламентъ, былъ представленъ Палатѣ Лордовъ и немедленно принятъ ею. Въ Палатѣ Общинъ возникли жаркiя пренiя. Палата преобразовалась въ Комитетъ; во время пренiй члены до того разгорячились, что едва можно было поддержать порядокъ въ совѣщанiяхъ. Съ обѣихъ сторонъ дошло до рѣзкихъ личностей. Выраженiе: «слушайте», которое первоначально употреблялось только для прекращенiя неприличнаго шума и для напоминанiя членамъ объ обязанности слѣдить за ходомъ разсужденiй, постепенно, втеченiе нѣсколькихъ лѣтъ, сдѣлалось тѣмъ, что оно теперь въ англiйскомъ Парламентѣ, то есть безпрестанно раздающимся восклицанiемъ, означающимъ, сообразно звуку, съ которымъ произносится, удивленiе, согласiе, негодованiе или насмѣшку. При этомъ случаѣ виги кричали: «слушайте, слушайте!» такъ бурно, что тори жаловались, будто имъ не даютъ говорить. Сеймуръ, предводитель ихъ, объявилъ, что не можетъ быть никакой свободы совѣщанiй, если допускается такой шумъ. Нѣкоторые старые виги съ гнѣвомъ привели ему на память, что подобный крикъ и шумъ бывалъ въ прежнихъ Парламентахъ, когда тори составляли большинство, и онъ былъ президентомъ, — тогда онъ допускалъ тори прерывать рѣчи виговъ. Однако же, какъ ни были взволнованы члены, рѣчи обѣихъ партiй доказывали то благоговѣнiе къ законамъ и обычаямъ, которое издавна характеризовало англичанъ и которое, хотя переходитъ иногда въ педантизмъ, а иногда въ предразсудокъ, но не лишено своей пользы. Даже въ этотъ важный кризисъ, когда умы были еще въ броженiи послѣ недавняго переворота, англiйскiе государственные люди разсуждали долго и серьёзно о всѣхъ обстоятельствахъ низложенiя Эдуарда II и низложенiя Ричарда II и заботливо доискивались, что было съ собранiемъ, которое, подъ предводительствомъ архiепископа Ланфранка, устранило Роберта Нормандскаго и возвело на престолъ Вильгельма Рыжаго. Продолжало ли оно потомъ свои засѣданiя въ качествѣ Парламента, или оставалось Конвентомъ? Мно-

---

сѣданiй. Выслушавъ рѣчь короля (на которую, въ его присутствiи, не позволяется отвѣчать ни утвердительно, ни отрицательно), Палата Общинъ немедленно возвращается въ свою залу, безъ всякихъ объясненiй съ Палатою Лордовъ, и каждая Палата продолжаетъ свои отдѣльныя совѣщанiя, если рѣчь короля не объявила, что Парламентъ распущенъ.

го было говорено объ исторіи королевскихъ грамотъ, созывавшихъ Парламенты и объ этимологіи слова: Парламентъ. Любопытно то, что ораторъ, среди этихъ юридическихъ преній, смотрѣвшій на предметъ съ точки зрѣнія, наиболѣе приличной государственному человѣку, былъ старикъ юристъ Мэнэрдъ. Изъ междоусобныхъ распрей пятидесяти бурныхъ лѣтъ, онъ вынесъ то убѣжденіе, что вопросы, касающіеся высшихъ интересовъ государства, не могутъ быть разрѣшаемы спорами о словахъ и юридическими фразами, и такъ какъ онъ былъ всѣми признаваемъ за опытнѣйшаго и ученѣйшаго изъ юристовъ Англіи, то могъ высказать это убѣжденіе не подвергаясь опасности быть обвиненнымъ въ незнаніи или самонадѣянности. Онъ съ презрѣніемъ отвергалъ, какъ безполезную и неумѣстную археологію, всю эту книжную ученость, внесенную въ парламентскія разсужденія нѣкоторыми членами, менѣе его опытными въ государственныхъ дѣлахъ. «Мы находимся, сказалъ онъ; —въ эту минуту не на пробитой стезѣ. Потому, если мы намѣрены итти только по пробитымъ стезямъ, то не подвинемся ни на шагъ. Тотъ, кто при коренномъ переворотѣ хочетъ не дѣлать ничего строго несогласнаго съ установленными формами, походитъ на человѣка, заблудившагося въ пустынѣ, который остановился бы и сталъ кричать: «гдѣ большая дорога? Я не хочу итти иначе, какъ только по большой дорогѣ.» Въ пустынѣ человѣкъ долженъ избирать тотъ путь, который выведетъ его домой. При переворотѣ, мы должны прибѣгать къ высшему закону — къ закону государственнаго благоденствія.» Другой ветеранъ временъ Долгаго Парламента, полковникъ Бирчъ, присоединился къ этому мнѣнію. Сеймуръ и его приверженцы были побѣждены. Билль быстро прошелъ черезъ Парламентъ и получилъ королевское соизволеніе на десятый день послѣ возшествія Вильгельма и Маріи.

Законъ, по которому Конвентъ обращался въ Парламентъ, содержалъ статью, говорившую, что послѣ перваго марта не можетъ засѣдать въ той и другой Палатѣ никто, иначе, какъ давъ присягу новымъ королю и королевѣ. Это обязательство производило сильное безпокойство. Приверженцы Іакова надѣялись, что число членовъ, несогласныхъ дать присягу, будетъ велико; что за исключеніемъ нѣсколькихъ измѣнниковъ всѣ, подавшіе голосъ за регентство, останутся тверды; что развѣ только два изъ числа епископовъ признаютъ Вильгельма; что Сеймуръ скорѣе удалится отъ общественной жизни, нежели отречется отъ своихъ принциповъ, что Графтонъ хочетъ бѣжать во Францію и упасть къ ногамъ своего дяди. Такими слухами была наполнена столица въ послѣдней половинѣ февраля. Общественное безпокойство было такъ сильно, что если

какого нибудь знатнаго человѣка дня два не видѣли въ обществѣ, тотчасъ же шептались, что онъ уѣхалъ въ Сенъ-Жерменъ.

Миновалось первое марта, и страхъ одной партіи оказался напраснымъ, надежда другой разрушилась. Правда, Примасъ Санкрофтъ и нѣкоторые изъ епископовъ, ему подчиненныхъ, были непреклонны; но три епископа и тридцать три свѣтскіе пера приняли присягу. Въ слѣдующее засѣданіе Палаты Лордовъ явилось еще нѣсколько епископовъ. Черезъ недѣлю около ста лордовъ имѣли уже право засѣдать въ своей Палатѣ. Другіе, которымъ болѣзнь мѣшала являться въ засѣданія, присылали извиненія, съ увѣреніемъ въ преданности ихъ величествамъ. Грефтонъ далъ присягу въ первый же день. Два изъ бывшихъ членовъ Церковной Коммиссіи, Мульгревъ и Спретъ, поспѣшили загладить прежніе проступки присягою Вильгельму. Бофортъ, до того времени считавшійся образцомъ роялиста старой школы, покорился послѣ очень недолгаго колебанія. Эльсбэри и Дэртмоутъ также легко дали теперь присягу, какъ потомъ нарушили ее. Гейды поступили различно: Рочестеръ далъ присягу, Кларендонъ недалъ. Многимъ казалось странно, что тотъ братъ, который былъ вѣрнѣе Іакову, оказался менѣе твердъ, нежели тотъ, который явился въ лагерь Вильгельма; но дѣло объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что Кларендонъ ничего не терялъ, отказываясь отъ присяги, а Рочестеръ получилъ пенсію въ четыре тысячи фунтовъ, которая могла быть уничтожена по волѣ правительства.

Въ Палатѣ Общинъ четыреста членовъ дали присягу перваго марта, и въ томъ числѣ Сеймуръ. Твердость якобитовъ сокрушилась его измѣною, и за немногими исключеніями члены, не рѣшившіеся дать присягу перваго марта, послѣдовали его примѣру черезъ день или черезъ два.

Еще въ концѣ февраля Палата Общинъ начала пренія о вопросѣ, недопускавшемъ отсрочки. До сихъ поръ Вильгельмъ собиралъ налоги и подати, какъ временный правитель государства; но теперь переходное положеніе кончилось, онъ былъ объявленъ королемъ, обыкновенные законы должны были снова принять полную силу и Парламенту необходимо было немедленно рѣшить, на какіе доходы имѣетъ право новое правительство.

Всѣ были согласны, что наслѣдственныя земли и доходы короны перешли вмѣстѣ съ короною къ Вильгельму и Маріи; всѣ были согласны, что налоги, данные Парламентомъ на извѣстное число лѣтъ, могутъ быть собираемы до истеченія назначеннаго срока. Но многіе налоги были назначены Іакову пожизненно, и было раз-

порѣчіе между партіями о томъ, могутъ ли эти налоги быть собираемы Вильгельмомъ и Маріею, пока живъ Іаковъ.

Всѣ вигистскіе юристы, кромѣ Сомерса, думали, что эти доходы должны быть считаемы назначенными Іакову до его физической смерти, и потому, пока онъ будетъ живъ, должны быть собираемы Вильгельмомъ и Маріею. Сомерсъ былъ другаго мнѣнія. Онъ говорилъ, что законъ объ этихъ налогахъ долженъ быть понимаемъ по его духу, а не по буквѣ, что «жизнь» въ этомъ актѣ Парламента означала «царствованіе» и что потому срокъ, на который опредѣлены были эти доходы, кончился. Въ самомъ дѣлѣ, говорить иначе, значило бы впадать въ противорѣчіе съ логикою. Странно было бы продолжать собирать налоги на томъ основаніи, что они даны были въ пользу Іакова, и однако же предоставлять ихъ не ему, а его врагамъ. Большинство Палаты Общинъ склонилось рѣшительно на сторону Сомерса и полагало необходимостью совершить реформу, безъ которой, по общему мнѣнію, Декларація права не была бы достаточнымъ огражденіемъ законовъ. Главнымъ основаніемъ могущества Палаты Общинъ и всего Парламента было право располагать бюджетомъ, и каждый разъ, какъ только Парламентъ связывалъ себя въ этомъ отношеніи на долгій срокъ, обнаруживались злоупотребленія въ правительствѣ. При возвращеніи Стюартовъ, роялисты назначили Карлу II большой пожизненный доходъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ каждый роялистъ уже чувствовалъ, что они поступили бы благоразумнѣе, если бы сохранили въ своихъ рукахъ средство обуздывать злоупотребленія. Іаковъ II при самомъ началѣ правленія получилъ пожизненный доходъ, достаточный для покрытія обыкновенныхъ государственныхъ издержекъ, и менѣе, нежели черезъ полгода, огромное большинство тѣхъ ревностныхъ роялистовъ, которые дали ему эти средства, стало уже горько жалѣть о томъ, что поступило такимъ образомъ. Продолжительный и тяжелый опытъ доказывалъ, что единственное средство Парламенту отстранять злоупотребленія состоитъ въ томъ, чтобы ставить правительство въ необходимости часто прибѣгать къ его помощи по государственному бюджету. Потому почти всѣ проницательные люди считали нужнымъ, чтобы по крайней мѣрѣ часть государственнаго дохода была назначаема Парламентомъ только на краткіе сроки, и можно ли было выбрать для произведенія такой перемѣны въ обычаѣ время удобнѣе, нежели тотъ годъ, когда начиналось правленіе новой династіи, новая историческая эпоха? Убѣжденіе въ томъ было такъ сильно и всеобще, что не многіе не согласные съ нимъ почли безполезнымъ и начинать споръ. Въ Палатѣ Общинъ не было постановлено никакого формальнаго рѣшенія, но дальнѣй-

шія дѣйствія Палаты были основаны на предположеніи, что пожизненные доходы, назначенные Іакову, кончаются съ его отреченіемъ.

Невозможно было составить новый бюджетъ безъ новыхъ изслѣдованій и совѣщаній. Государственному Казначейству дано было приказаніе доставить Палатѣ свѣдѣнія, нужныя для смѣты государственныхъ расходовъ и доходовъ. А до окончанія этого дѣла, Палата щедро назначила средства для покрытія текущихъ издержекъ государства. Былъ назначенъ особенный налогъ, который слѣдовало собирать по мѣсячнымъ срокамъ, и существующія пошлины были продолжены на нѣсколько мѣсяцевъ.

На всемъ пути Вильгельма отъ Торбэ до Лондона простолюдины упрашивали его избавить ихъ отъ несносной тягости такъ называемаго налога съ печей (hearth money). Въ самомъ дѣлѣ, эта такса соединяла въ себѣ всевозможныя неудобства. Она была чрезвычайно непропорціональна, и непропорціональна самымъ пагубнымъ образомъ, потому что тяжело лежала на бѣднякѣ и почти не касалась доходовъ богача. Поселянинъ, все имущество котораго не стоило двадцати фунтовъ, платилъ десять шиллинговъ. Герцогъ Ормондъ или герцогъ Ньюкестль, помѣстья котораго стоили полмильона фунтовъ, платилъ только четыре или пять фунтовъ. Сборщики этой подати имѣли право осматривать внутренность каждаго дома, осматривать всѣ комнаты и, если налогъ не былъ уплаченъ въ срокъ, продавать столъ, на которомъ обѣдало бѣдное семейство, подушку изъ-подъ головы родильницы. Правительство не могло даже отстранить излишнюю суровость въ сборщикахъ этого налога, потому что онъ былъ отдаваемъ на откупъ и, слѣдовательно, надобно было смотрѣть сквозь пальцы на всѣ насилія при его сборѣ.

Вильгельмъ былъ такъ тронутъ просьбами народа, что въ одно изъ самыхъ первыхъ засѣданій Совѣта министровъ предложилъ обсудить этотъ предметъ. Онъ послалъ адресъ въ Палату Общинъ, предлагая ей разсмотрѣть, возможно ли лучшимъ порядкомъ въ сборѣ этого налога устранить неудобства, возбуждающія столь много неудовольствія, и прибавлялъ, что охотно согласится на совершенное отмѣненіе налога, если окажется, что налогъ этотъ неразлученъ съ неудобствами. Это сообщеніе было принято съ одобрительными криками. Правда, нѣкоторые финансеры старой школы ворчали про себя, что сострадательность къ бѣдняку прекрасная вещь, но что ни одна отрасль государственныхъ доходовъ не поступаетъ въ казну съ такою регулярностью, какъ налогъ съ печей. Въ Палатѣ Общинъ люди, думавшіе такимъ образомъ, неотважились возвысить голоса въ противность общему чувству; но въ Палатѣ Лордовъ начались

пренія, результатъ которыхъ нѣкоторое время казался сомнительнымъ; наконецъ, благодаря увѣщаніямъ со стороны Вильгельма, и Палатою Лордовъ былъ принятъ законъ, отмѣняющій на вѣки подать съ печей.

Палата Общинъ почти безъ преній и почти единогласно назначила шесть-сотъ тысячъ фунтовъ на уплату Голландіи издержекъ, которыхъ стоило ей снаряженіе экспедиціи, освободившей Англію. Щедрость, съ которою была дана эта огромная сумма народу, бывшему, правда, союзникомъ Англіи въ политикѣ, но самымъ опаснымъ соперникомъ ея въ торговлѣ, служила въ продолженіе многихъ лѣтъ любимымъ предметомъ насмѣшекъ въ якобитскихъ памфлетахъ. Но щедрость Палаты Общинъ очень легко объясняется: въ тотъ самый день, когда разсматривался этотъ вопросъ, получено было въ Лондонѣ извѣстіе, встревожившее столицу и убѣдившее многихъ, которые въ другое время охотно поддались бы чувству соперничества противъ голландцевъ, что Англія еще не можетъ обойтись безъ помощи иноземныхъ войскъ.

Франція объявила войну Голландіи, и Генеральные Штаты потребовали отъ англійскаго короля помощи, которую онъ обязанъ былъ, по Нимвегенскому трактату, подать имъ. Онъ приказалъ нѣсколькимъ батальонамъ идти въ Гэрвичь (*) и готовиться къ отплытію на континентъ. Старые солдаты Іакова вообще были недовольны, а это приказаніе было особенно имъ непріятно. Сильнѣе всего было неудовольствіе въ томъ полку, который теперь называется первымъ линейнымъ. Съ той поры, какъ сражался онъ подъ знаменами Густава Адольфа, хотя и принадлежалъ къ англійской арміи, онъ состоялъ почти исключительно изъ шотландцевъ, а шотландцы всегда и вездѣ живо чувствовали каждое оскорбленіе, наносимое, по ихъ мнѣнію, Шотландіи. Офицеры и солдаты съ ропотомъ говорили, что не обязаны повиноваться приказаніямъ чужеземной власти и что если они должны признавать своимъ королемъ не Іакова, то приказывать имъ это можетъ только эдинбургскій, а не лондонскій Парламентъ. Ихъ неудовольствіе возрасло, когда они услышали, что командиромъ ихъ назначенъ Шомбергъ: со временъ Густава Адольфа, впродолженіе пятидесяти-шести лѣтъ, ими всегда командовали ихъ соотечественники. Съ самого начала похода они сильно роптали, однако же мирно дошли до Ипсвича. Тутъ знакъ къ мятежу былъ поданъ двумя капитанами, преданными Іакову. Площадь скоро наполнилась взволновавшимися солдатами; офицеры, пытавшіеся удержать мятежниковъ, были обезоружены, и инсургенты вы-

(*) Гэрвичь лежитъ къ югу отъ Ипсвича, на восточномъ берегу Англіи, на сѣверъ отъ Лондона.

ступили изъ Ипсвича въ числѣ восьми-сотъ человѣкъ. Они захватили съ собою четыре пушки и полковую кассу, въ которой находилась значительная сумма. Въ полу-мили отъ города они остановились для совѣщанія, рѣшили идти на родину, чтобы жить и умереть тамъ на службѣ законнаго своего короля, какъ они называли Іакова, и тотчасъ же пошли форсированными маршами на сѣверъ.

Это извѣстіе очень смутило Лондонъ. Носился слухъ, что мятежники имѣютъ сообщниковъ въ другихъ полкахъ, и, между прочимъ, что отрядъ фузелеровъ, стоявшій въ Гэрвичѣ, намѣренъ послѣдовать ихъ примѣру. Когда извѣстіе о мятежѣ въ Ипсвичѣ было сообщено Палатѣ Общинъ, энергія Палаты высказалась достойнымъ образомъ. Гоу всталъ первый и заговорилъ о рѣшительныхъ мѣрахъ. «Будемъ просить короля, сказалъ онъ, чтобы въ погоню за этими людьми были посланы голландскія войска. Кромѣ голландцевъ, я не знаю, на кого можно положиться въ арміи». — «Это нешуточное дѣло, сказалъ старый Бирчь, бывшій полковникомъ Долгаго Парламента, который два раза былъ на половину и два раза вполнѣ разгоняемъ собственною арміею:—если вы дадите разлиться этому дурному духу, черезъ нѣсколько дней противъ васъ пойдетъ вся армія. Будемъ просить короля, чтобы онъ немедленно послалъ и конницу и пѣхоту изъ своихъ собственныхъ войскъ, — изъ войскъ, на которыя можетъ онъ положиться, чтобы съ перваго раза управиться съ этими людьми». Юристы, бывшіе въ числѣ депутатовъ, заговорили не менѣе энергически: «Не наше ремесло нужно тутъ, сказалъ Трэби,—теперь надобно выставить силу противъ силы и поддержать въ полѣ то, что мы установили въ сенатѣ».— «Напишемъ къ шерифамъ, сказалъ полковникъ Мильдмэ, соберемъ милицію; милиціонеровъ полтораста тысячъ человѣкъ; они надежные англичане, они не измѣнятъ намъ». Рѣшено было, что всѣ тѣ депутаты, которые служатъ въ арміи, получатъ отпускъ изъ Парламента и немедленно поспѣшатъ къ своимъ воинскимъ постамъ. Единогласно былъ принятъ адресъ къ королю, содержавшій просьбу, чтобы король принялъ дѣятельныя мѣры для подавленія мятежа и издалъ прокламацію, призывающую національное мщеніе на мятежниковъ. Одинъ изъ депутатовъ предложилъ, что хорошо было бы посовѣтовать его величеству предложить прощеніе тѣмъ, которые покорятся; но Палата благоразумно отвергла это мнѣніе. «Не время теперь, говорили депутаты, ничему, похожему на боязнь.» Адресъ былъ немедленно переданъ въ Палату Лордовъ, которая приняла его. Вильгельмъ любезно принялъ депутацію Палатъ, представившую ему адресъ, и сказалъ, что онъ уже отдалъ нужныя приказанія. Дѣйствительно, нѣсколько полковъ конницы были уже отправ-

лены на сѣверъ подъ командою Гинкелля, одного изъ храбрѣйшихъ и способнѣйшихъ генераловъ голландской арміи.

Между тѣмъ мятежники шли по Кембриджской дорогѣ. Путь ихъ лежалъ черезъ болотистую страну, движеніе по которой было затруднительно даже въ сухое время года; въ цѣлой Англіи не было такихъ дурныхъ дорогъ, какъ тутъ. А поселяне, услышавъ о приближеніи мятежниковъ, перекопали и испортили дороги, завалили ихъ деревьями и сломали мосты. Однакоже шотландскіе ветераны не только поспѣшно подвигались впередъ, но и успѣвали вывозить за собою по болоту свои пушки. Они были недалеко отъ Слифорда, когда узнали, что Гинкелль съ отрядомъ въ четверо сильнѣйшимъ настигаетъ ихъ; не было надежды ни ускользнуть отъ него, ни побѣдить его, но зачинщики мятежа, вѣроятно ненадѣясь на помилованіе, убѣдили своихъ солдатъ вступить въ битву. Легко было найти въ той мѣстности позицію, почти совершенно окруженную болотами и мелкими озерами. Въ одной изъ такихъ позицій расположились мятежники и поставили пушки у единственнаго прохода, недостаточно защищеннаго самой природой. Гинкелль повелъ аттаку съ другой стороны, куда не хватали пушки, и его драгуны бодро пустились вплавь черезъ озеро. Тогда мятежники упали духомъ, сдались на произволъ врага и были отправлены въ Лондонъ подъ сильнымъ конвоемъ. По закону они подвергались смертной казни, но Вильгельмъ мудро рѣшился не казнить ни одного изъ нихъ. Нѣсколько главныхъ заговорщиковъ были подвергнуты уголовному суду какъ люди, возставшіе войною противъ своего государя, и потомъ прощены Вильгельмомъ; остальнымъ Вильгельмъ просто приказалъ возвратиться къ исполненію своихъ обязанностей. Полкъ, недавно еще столь непокорный, послушно отправился на континентъ, и тамъ впродолженіе многихъ тяжелыхъ походовъ постоянно отличался вѣрностью и дисциплиною.

Этимъ происшествіемъ облегчилось введеніе важной перемѣны въ военныхъ законахъ Англіи. Необходимо было, наконецъ, установить различіе между гражданиномъ и солдатомъ. До Стюартовъ не было въ Англіи постоянной регулярной арміи; при послѣднихъ короляхъ изъ дома Стюартовъ постоянная армія образовалась, но вся нація смотрѣла на нее съ ненавистью, какъ на орудіе произвольной власти. Прежніе законы не давали королю никакой особенной власти надъ войскомъ. Парламентъ враждебно смотрѣлъ на армію, имѣвшую цѣлью поддержаніе злоупотребленій, не расположенъ былъ давать королю законную власть надъ тѣми, которые и безъ того слишкомъ готовы были, по мнѣнію націи, защищать злоупотребленія. Правда, Іаковъ заставилъ нарочно для того подобран-

ныхъ судей истолковать нѣкоторыя старинныя узаконенія въ смыслѣ, дававшемъ ему власть наказывать дезертирство, какъ преступленіе; но всѣ юристы считали это истолкованіе несправедливымъ, а еслибъ оно и было справедливо, то все еще не было достаточно для поддержанія военной дисциплины; даже Іаковъ не рѣшался сказать, что бы военный судъ могъ произносить смертные приговоры, и преступленія по военной службѣ судились обыкновеннымъ гражданскимъ судомъ.

Переворотъ, которымъ возведенъ былъ на престолъ Вильгельмъ, измѣнивъ отношенія короля къ Парламенту, измѣнилъ также и отношенія арміи къ націи. Король и Палата Общинъ были теперь единодушны. Вмѣстѣ они готовились начать войну съ могущественнѣйшею военною державою, какая только существовала въ Европѣ со временъ паденія Римской Имперіи. Чрезъ нѣсколько недѣль тридцать тысячъ ветерановъ, привыкшихъ къ побѣдамъ, предводимыхъ искусными и опытными генералами, могли переплыть изъ Норманділ и Бретани на англійскіе берега. Никто изъ людей, знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, не могъ сомнѣваться, что такому войску легко было бы разсѣять въ три раза многочисленнѣйшую милицію. Потому необходимо было въ Англіи постоянное регулярное войско. А если необходимо было существованіе арміи, то необходимо было и поддержаніе строгой дисциплины въ этой арміи, какъ для безопасности другихъ классовъ народа, такъ и для того, чтобы войско это могло исполнять свое назначеніе. Армія безъ дисциплины всегда бываетъ безсильна передъ врагомъ и страшна только странѣ, которую должна бы защищать. Итакъ необходимо было установить законы для поддержанія дисциплины въ войскѣ, законы, отличные отъ общихъ гражданскихъ законовъ. Многіе поступки, невинные въ гражданинѣ, бываютъ пагубны, если совершаются солдатомъ; другіе поступки должны быть гораздо строже наказываемы, когда совершаются солдатомъ, нежели когда совершаются простымъ гражданиномъ. Преступленія солдата должны наказываться гораздо быстрѣйшимъ судопроизводствомъ, потому что слишкомъ скоро найдутъ себѣ подражателей въ многочисленномъ лагерѣ, если не будутъ немедленно наказаны.

Но хотя несомнѣнно было, что для Англіи необходимо регулярное войско, а регулярное войско не только безполезно, напротивъ гибельно для государства безъ строгой дисциплины, однако же Палатѣ Общинъ очень трудно и непріятно было рѣшиться установить исключительные законы, нужные для управленія регулярнымъ войскомъ. Каждый замѣчательный политическій человѣкъ въ Англіи много разъ прежде выражалъ убѣжденіе, что англійское государствен-

ное устройство и постоянное регулярное войско—двѣ вещи не совмѣстимыя. Виги издавна привыкли твердить, что при помощи постоянныхъ регулярныхъ войскъ были низвергнуты въ другихъ европейскихъ земляхъ старинныя учрежденія, которыми ограждалась неприкосновенность законовъ. Тори такъ же неизмѣнно привыкли твердить, что регулярная англійская армія была причиною всѣхъ беззаконій, какія по ихъ мнѣнію были совершены Долгимъ Парламентомъ и Кромвелемъ. Ни одинъ изъ предводителей той или другой партіи не могъ предложить, чтобы постоянная армія была отнынѣ однимъ изъ законныхъ учрежденій королевства, — онъ этимъ самымъ подвергалъ бы себя упреку за измѣнчивость убѣжденій. Но Инсвичскимъ мятежемъ и опасеніемъ, которое внушилъ онъ, облегчилось дѣло, исполненіе котораго иначе было бы очень трудно. Былъ внесенъ въ Палату Общинъ билль, начинавшійся прямымъ объявленіемъ, что регулярная армія и военный судъ неизвѣстны англійскому закону; за тѣмъ, билль постановлялъ, что по причинѣ чрезвычайныхъ опасностей, грозящихъ въ настоящее время государству, никто изъ людей состоящихъ въ англійскомъ войскѣ, не долженъ, подъ страхомъ смертной казни или другихъ наказаній, какія почтутся достаточными по мнѣнію военнаго суда, покидать свое знамя или противиться приказанію своего военнаго начальства. Законъ этотъ предлагалось принять только на полугодичный срокъ (*), и многіе изъ тѣхъ, которые подали голосъ за него, вѣроятно думали, что онъ не возобновится по истеченіи этого срока. Билль прошелъ черезъ Палату Общинъ легко и быстро, безъ раздѣленія голосовъ. Но Палата, съ цѣлью смягчить законъ, сдѣлала дополненіе, характеризующее нравы того вѣка. Именно, было прибавлено, что военный судъ можетъ произносить смертные приговоры только отъ шести часовъ утра до часа по полудни, — обѣдали тогда рано, и казалось, что пообѣдавшему джентльмену не слѣдуетъ ввѣрять жизнь его собратій, принимая въ соображеніе бутылки, осушенныя имъ за столомъ. Съ этимъ прибавленіемъ «билль о нарушеніи военной дисциплины» переданъ былъ въ Палату Лордовъ, тотчасъ же принятъ ею и черезъ нѣсколько часовъ утвержденъ королемъ.

Такимъ образомъ, безъ всякаго разногласія въ Парламентѣ, безъ всякаго ропота въ націи, былъ сдѣланъ первый шагъ къ измѣненію, ставшему необходимымъ для безопасности государства, но казавшемуся тогда ненавистнымъ и ужаснымъ для всѣхъ партій въ государствѣ. Прошло шесть мѣсяцевъ, а государству все еще про-

(*) То есть, до начала зимы, когда минуется опасность французскаго нашествія.

должала грозить опасность. Власть, необходимая для поддержанія военной дисциплины, снова была ввѣрена правительству на короткій срокъ. Срокъ снова кончался, и власть снова была ввѣряема. Постепенная привычка примирила націю съ именами постояннаго регулярнаго войска и военнаго суда, прежде столь ненавистными.

Опытъ доказалъ, что въ хорошо устроенномъ обществѣ, регулярное войско можетъ быть страшно врагамъ, и однакожь покорно гражданской власти. То, что съ начала было терпимо какъ исключеніе, стало считаться правиломъ. Ни одна сессія (*) Парламента не проходила безъ билля о нарушеніи военной дисциплины. Когда наконецъ стало очевидно, что чрезвычайно важная перемѣна въ англійскихъ учрежденіяхъ произошла незамѣтнымъ ни для кого образомъ, нашлись люди, которые стали возставать противъ этой перемѣны; но привычка была уже сдѣлана, безопасность арміи для англійскихъ законовъ была уже доказана опытомъ, и постепенно толки, направленные противъ регулярной арміи, смолкли, и каждую весну принимался Парламентомъ билль о нарушеніи военной дисциплины, почти всегда безъ преній, какъ формальность. Но до сихъ поръ Парламентъ не отступаетъ отъ обычая, постоянно напоминающаго о правахъ его, и каждый годъ вновь даетъ на наступающій періодъ двѣнадцати мѣсяцевъ правительству чрезвычайную власть управлять извѣстнымъ числомъ войскъ.

Въ ту же недѣлю, когда былъ предложенъ Палатѣ Общинъ билль о нарушеніи военной дисциплины, былъ принятъ другой временный законъ, также вынуждаемый опасностями, грозившими государству. Со времени удаленія Іакова, многія лица, считавшіяся участниками въ злоупотребленіяхъ, бывшихъ при Іаковѣ, или участниками въ заговорахъ съ цѣлью возстановить Іакова, были арестованы и заключены въ темницы. Въ періодъ времени, съ удаленія Іакова до возшествія на престолъ Вильгельма, эти люди не могли требовать относительно себя соблюденія правилъ, постановленныхъ грамотою Habeas Corpus (**), потому что въ періодъ междуцарствія, по закону, были закрыты всѣ судебныя мѣста, властью которыхъ це-

(*) Періодъ засѣданій Парламента. Обыкновенно въ теченіе года бываетъ одинъ такой періодъ, продолжающійся болѣе половины года. Въ случаѣ надобности, Парламентъ созывается и по нѣскольку разъ въ годъ.

(**) Грамота Habeas Corpus постановляетъ, что никто не можетъ быть арестованъ иначе, какъ въ минуту со времени преступленія или какъ по предписанію судебной власти. Въ томъ и другомъ случаѣ арестованный долженъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ по совершенія ареста получить извѣщеніе о томъ, въ чемъ онъ обвиняется, и быть допрошенъ. Если же это не было сдѣлано въ теченіе двадцати четырехъ часовъ со времени ареста, то онъ долженъ быть немедленно освобожденъ.

полняются предписанія этой грамоты. Теперь, когда возобновлялись засѣданія судебныхъ мѣстъ, надобно было ожидать, что всѣ тѣ изъ арестованныхъ, судъ надъ которыми не могъ быть начатъ немедленно, потребуютъ своего освобожденія. Потому былъ внесенъ билль, дававшій королю на нѣсколько недѣль право удерживать подъ арестомъ тѣхъ людей, которыхъ онъ подозрѣваетъ въ злоумышленіяхъ противъ его правительства. Обѣ Палаты приняли этотъ билль безъ преній, или почти безъ преній. Но недовольные внѣ Парламента не упустили случая замѣтить, что въ правленіе Іакова, котораго называютъ тираномъ, ни на одинъ день не было пріостанавливаемо дѣйствіе грамоты Habeas Corpus, а едва только воцарился Вильгельмъ, котораго называютъ освободителемъ, какъ въ первый же мѣсяцъ своего правленія лишилъ англичанъ драгоцѣннаго права, которое уважалъ такъ называемый тиранъ. Такому упреку почти неизбѣжно подвергается правительство, возникшее изъ національнаго движенія. Отъ него обыкновенно ожидаютъ болѣе свободной администраціи, нежели отъ ненавистнаго правительства, которое возбудило противъ себя націю, — а между тѣмъ вновь установленное правительство, имѣя противъ себя многихъ враговъ и не имѣя еще той силы, которая дается прочною привычкою, можетъ въ началѣ удержаться только бдительностью и строгостью, въ которыхъ не нуждается старое, глубоко укоренившееся правительство. Иногда бываютъ необходимы чрезвычайныя мѣры для сохраненія народнаго благоденствія и законовъ, на которыхъ оно основывается, — при всей своей необходимости для огражденія законовъ, каждая такая мѣра кажется нарушающею законъ, и каждое изъ такихъ кажущихся противорѣчій новаго правительства съ его началомъ служитъ его врагамъ обильною темою для сарказмовъ.

Къ несчастію, сарказмы направленные противъ Вильгельма, слишкомъ легко находили себѣ довѣрчивыхъ слушателей. У каждой изъ двухъ великихъ партій были свои особенныя причины къ недовольству Вильгельмомъ, и кромѣ того были нѣкоторыя жалобы на него, общія обѣимъ партіямъ. Его манеры возбуждали почти всеобщее неудовольствіе. Дѣйствительно, онъ былъ способнѣе спасать націю, нежели нравиться придворнымъ. Въ исполненіи великихъ дѣлъ государственнаго человѣка, онъ не имѣлъ себѣ равнаго между своими современниками. Онъ задумывалъ планы не менѣе великіе и смѣлые, нежели Ришльё, и приводилъ ихъ въ исполненіе съ ловкостью и осмотрительностью Мазарини. Двѣ страны были спасены его мудростью и отважностью: Голландія отъ внѣшнихъ, Англія отъ внутреннихъ враговъ. Его дѣламъ мѣшали препятствія повидимому непобѣдимыя, и эти препятствія были обращены его мудро-

стью въ средства для достиженія цѣли. Онъ далъ такое направленіе дѣламъ, что наслѣдственные враги его династіи помогли ему взойти на престолъ, и гонители протестантства помогли ему избавить протестантство отъ гоненій. Флоты и арміи, собранныя для сопротивленія ему, безъ борьбы покорились ему. Партіи и секты, раздѣленныя смертельною ненавистью, признали его общимъ своимъ предводителемъ. Безъ кровопролитія, безъ раззоренія онъ пріобрѣлъ побѣду, передъ которою были незначительны всѣ побѣды Густава Адольфа и Тюренна. Въ нѣсколько недѣль онъ измѣнилъ взаимное положеніе всѣхъ европейскихъ государствъ и возстановилъ равновѣсіе, нарушенное превозможеніемъ одной державы. Иноземныя націи воздавали полную справедливость его великимъ качествамъ. Въ каждой континентальной странѣ, гдѣ молились протестанты, воздавались пламенныя благодаренія Богу, отъ потомства слугъ своихъ, Морица освободителя Германіи и Вильгельма освободителя Голландіи, воздвигшему третьяго избавителя, мудрѣйшаго и могущественнѣйшаго изъ всѣхъ. Въ Вѣнѣ, въ Мадритѣ, въ самомъ Римѣ, храбрый и благоразумный еретикъ былъ высоко чтимъ, какъ глава великаго союза противъ Бурбоновъ; и даже въ Версали, съ ненавистью, имъ внушаемою, было соединено удивленіе ему.

Въ Англіи, судили о немъ не такъ благопріятно, — напротивъ, видѣли его въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Отъ французовъ, германцевъ, итальянцевъ былъ онъ такъ далекъ, что они могли различать только великое въ немъ, а мелкіе недостатки его дѣлались уже незамѣтны для нихъ. Голландцы видѣли его вблизи, но онъ самъ былъ голландецъ, и въ обращеніи съ ними выказывались лучшія стороны его личности: съ своими земляками онъ былъ совершенно за просто, изъ нихъ онъ выбралъ себѣ первыхъ и самыхъ дорогихъ друзей. Но англичанамъ онъ представлялся съ самой невыгодной точки зрѣнія: онъ былъ слишкомъ близокъ, и и въ то же самое время слишкомъ далекъ отъ нихъ. Онъ жилъ среди нихъ, такъ что ни малѣйшая особенность его характера или манеръ не могла быть не замѣчена ими; но онъ жилъ чуждаясь ихъ, и до конца оставался чужеземцемъ по языку, вкусамъ и привычкамъ.

Однимъ изъ главныхъ характеровъ королевскаго сана въ Англіи долго было то, что король былъ душою общественной жизни въ столицѣ. Изящныя манеры, граціозныя бесѣды, ловкость въ танцахъ, задушевная веселость Карла II были знакомы всему Лондону. Іаковъ не былъ такъ ловокъ и очарователенъ, но онъ былъ доступенъ и любезенъ съ тѣми, которые не возставали противъ его политики. Этой общительности Вильгельмъ былъ совершенно

лицемъ. Рѣдко онъ выходилъ изъ кабинета; а когда и являлся въ пріемныхъ залахъ, онъ стоялъ въ толпѣ придворныхъ и дамъ, угрюмый и задумчивый, не улыбаясь, не говоря никому веселаго слова. Его льдяной взглядъ, его молчаніе, его сухіе и короткіе отвѣты, когда онъ принужденъ былъ отвѣчать на вопросъ, отталкивали отъ него нобльменовъ и джентльменовъ, привыкшихъ къ фамильярному обращенію со стороны королей. Дамы не находили въ немъ своего кавалера. Онѣ замѣчали, что король говоритъ нѣсколько повелительнымъ тономъ даже съ супругою, которой обязанъ такъ много, которую искренно любитъ. Имъ казалось смѣшно и невѣжливо, что онъ, обѣдая съ принцессою Анною, когда явился на столѣ въ первый разъ въ тотъ годъ молодой зеленый горошекъ, съѣлъ все блюдо, не предложивъ ни ложки принцессѣ, — и дамы рѣшили, что этотъ такъ-называемый великій государственный человѣкъ — просто, нидерландскій медвѣдь.

Былъ въ немъ недостатокъ, вмѣнявшійся ему въ преступленіе: онъ дурно говорилъ по англійски, съ голландскимъ акцентомъ, выражаясь безъ изящества, владѣя этимъ языкомъ не болѣе, какъ на столько, что могъ вести дѣловую бесѣду. Его оскорбительную молчаливость и односложные отвѣты надобно отчасти приписать этому затрудненію для него говорить по англійски, и сознанію, что у него дурной выговоръ. Литературы англійской онъ не зналъ и не цѣнилъ, въ театрѣ не былъ ни разу во все свое царствованіе. Поэты, подносившіе ему пиндарическіе панегирики, жаловались, что высокій полетъ ихъ мысли выше его разумѣнія, — кто прочитаетъ эти оды, вѣроятно, скажетъ, впрочемъ, что онъ мало терялъ, не читая ихъ.

Правда, супруга Вильгельма старалась вознаградить за эти недостатки своею любезностью и имѣла всѣ нужныя для того качества. Она была англичанка по крови, по вкусамъ и чувствамъ. Лицо ея было прекрасно, пріемы величественны, характеръ живъ и добръ, манера привѣтлива и граціозна, умъ, хотя мало образованный, быстръ. Ея разговоръ отличался женскимъ тактомъ и изяществомъ, она любила литературу и помогла распространенію любви къ чтенію между англійскими дамами. Безупречная чистота ея частной жизни и религіозность были тѣмъ болѣе достойны уваженія, что она не любила осуждать другихъ и гнушалась сплетнями не менѣе, нежели порокомъ. Въ этомъ пренебреженіи она сходилась съ мужемъ, но одинаковое чувство обнаруживалось у нихъ различно. Вильгельмъ сохранялъ глубокое молчаніе, но бросая на пересказчика взглядъ, отъ котораго, какъ говоритъ человѣкъ, испытавшій его и уже не пытавшійся въ другой разъ испытать его, слово оста-

навливалось въ горлѣ у сплетника. Марія перерывала сплетню спокойнымъ, но твердымъ вопросомъ: «читали ли вы проповѣдь доктора Тиллотсона: О злословіи»?—Она была очень благотворительна, и хотя скрывала свои благодѣянія, но извѣстно было бѣдняку, что она не оставитъ его безъ щедрой помощи. О ней говорили съ уваженіемъ и даже привязанностью, даже тѣ, которые не хотѣли признавать ее королевою. Якобитскіе пасквили, столь многочисленные и грязные, почти никогда не касались ея уважаемаго имени, и она сама говорила, что дивится этой кротости къ себѣ отъ людей не щадившихъ никого. «Богу извѣстна моя слабая сторона, говорила она:—онъ знаетъ, что я слишкомъ огорчаюсь клеветою, и милостиво охраняетъ меня отъ испытанія, которое было бы выше моихъ силъ. Я обязана благодарить его зато борьбою противъ клеветы, обращенной на другихъ.» Увѣренная въ привязанности и полномъ довѣріи мужа, она смягчала его суровую рѣчь ласковыми, иногда шутливыми дополненіями, и употребляла все свое вліяніе на то, чтобы пріобрѣсти и ему ту любовь подданныхъ, которой обладала сама.

Еслибъ долго собиралось вокругъ нея лондонское общество, по всей вѣроятности, ея доброта и любезность разсѣяла бы неблагопріятное впечатлѣніе, производимое угрюмымъ и холоднымъ обращеніемъ ея мужа. Но болѣзненное состояніе не позволило Вильгельму жить въ Вайтголлѣ. Воздухъ западной части Лондона, наполненный туманами Темзы, каменноугольнымъ дымомъ, и міазмами отъ улицъ многолюднаго города, тогда еще бывшихъ грязными, былъ невыносимъ для него, потому что грудь его была слаба, а чувство обонянія чрезвычайно тонко. Одышка, которою онъ всегда страдалъ, быстро усиливалась. Доктора говорили, что ему не дожить до конца года. Лицо его такъ поблѣднѣло и осунулось, что многіе не узнавали его. Сановники, занимавшіеся съ нимъ дѣлами, пугались тяжелымъ кашлемъ и хриплыми глубокими вздохами, съ которыми онъ дышалъ, раскрывъ ротъ. Его грудь тѣснилъ недостатокъ свѣжаго воздуха. Его умъ, сохраняя всю свою свѣтлость, терялъ часть энергіи отъ физическаго изнеможенія. Голландскіе друзья его говорили, что онъ теперь не тотъ человѣкъ, каковъ былъ въ Гагѣ. Необходимо было уѣхать ему изъ Лондона и переселиться въ Гэмптонъ Куртъ, загородный дворецъ, находящійся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ столицы. Воздухъ тамъ чище, и мѣстность нравилась Вильгельму, который любилъ строиться и садовничать. Въ Гэмптонъ Куртѣ, онъ началъ строить домъ и разводить паркъ въ голландскомъ вкусѣ, а его супруга собрала тамъ коллекцію японскаго фарфора, — мода эта скоро была принята аристократами, и

черезъ нѣсколько лѣтъ важные сановники глубокомысленно разсуждали о достоинствахъ японскихъ чашекъ.

Якобитамъ издержки Вильгельма на Гэмптонъ Куртъ доставили новую тему для насмѣшекъ. Но и съ другихъ сторонъ раздавались жалобы на это переселеніе. Лондонъ лишился Двора; Вайтголль опустѣлъ. Столица оказала важныя услуги Вильгельму — и вотъ какъ онъ отблагодарилъ ее за нихъ! Галифаксъ намекнулъ на эти жалобы лондонцевъ, но Вильгельмъ остановилъ его словами, недопускавшими возраженій: «Или вы хотите моей смерти?»

Скоро Гэмптонъ Куртъ оказался неудобнымъ для постоянной резиденціи, потому что находился слишкомъ далеко отъ мѣста засѣданій Парламента и отъ центра государственной администраціи. Тогда Вильгельмъ нашелъ себѣ другой дворецъ, болѣе близкій къ западной части Лондона: онъ купилъ у лорда Ноттингэма Кэнсингтонъ-Гаузъ. Теперь этотъ дворецъ давно вошелъ въ черту Лондона, но тогда онъ былъ все еще довольно далеко за городомъ, и при тогдашнемъ состояніи дорогъ не могъ служить ежедневнымъ мѣстомъ собранія для аристократіи.

Извѣстно было, что король, такъ сухо обращавшійся съ англичанами, являлся разговорчивымъ, любезнымъ, даже шутливымъ въ маленькомъ кругу своихъ соотечественниковъ,—въ глазахъ англичанъ этимъ увеличивалась его вина передъ Англіею, хотя они могли бы разсудить, что патріотизмъ, который они считаютъ въ себѣ добродѣтелью, не долженъ бы быть ими осуждаемъ и въ немъ. Не справедливо было винить его за то, что онъ не вдругъ перенесъ на Англію ту любовь, какую питалъ къ родинѣ: онъ исполнялъ свои обязанности относительно Англіи, — можно ли было находить предосудительнымъ, что онъ въ душѣ страстно любилъ Голландію? Не могло быть упрекомъ ему и то, что въ эпоху величія онъ не измѣнилъ друзьямъ, съ которыми игралъ въ дѣтствѣ, которые оставались вѣрными его помощниками при всѣхъ переворотахъ счастія, которые, не страшась смертельной заразы, сидѣли у его постели во время болѣзни, которые въ жаркихъ битвахъ принимали на себя удары французскихъ шпагъ, направленныхъ на него, которые любили въ немъ не штатгальтера, не короля, а просто Вильгельма Нассаускаго. Надобно прибавить, что сравненіе съ новыми его придворными еще болѣе возвышало старыхъ друзей въ его глазахъ. До конца его жизни, голландскіе его сверстники всѣ безъ исключенія вполнѣ оставались достойны его довѣрія. Они иногда сердились на него, бранились съ нимъ, — но всегда, даже въ пылу гнѣва, свято хранили его тайны и ревностно соблюдали его интересы. Между англійскими его совѣтниками такая вѣрность была рѣдка. Англи-

чанинъ, хотя и съ сожалѣніемъ, долженъ признаться, что Вильгельмъ имѣлъ слишкомъ основательныя причины дурно думать объ англійскомъ характерѣ. Народъ англійскій и тогда, какъ нынѣ, подобно всѣмъ другимъ европейскимъ народамъ, былъ честенъ и правдолюбивъ. Но тотъ классъ людей, который былъ извѣстенъ въ Англіи Вильгельму, былъ лишенъ этихъ качествъ. Честь и доблесть была въ совершенномъ упадкѣ между англійскими вельможами и сановниками, когда Вильгельмъ вступилъ на престолъ. Его предшественники оставили ему Дворъ, развращенный всѣми низкими пороками, наполненный интригантами, готовыми при первой перемѣнѣ счастія измѣнить новому королю, какъ измѣнили прежнему. Изрѣдка попадался въ этой презрѣнной толпѣ человѣкъ съ прямой честью и патріотизмомъ, — но очень мало было такихъ людей: почти всѣ были испорчены дурными общими нравами. Несправедливо было осуждать государя, окруженнаго льстецами и измѣнниками, зато, что онъ желалъ удержать подлѣ себя четырехъ или пятерыхъ слугъ, на неизмѣнную вѣрность которыхъ до гроба онъ могъ положиться.

Не въ одномъ этомъ отношеніи были несправедливы къ нему англичане. Они ожидали, что какъ только возьмется за дѣла этотъ знаменитый государственный человѣкъ, тотчасъ онъ покажетъ какое нибудь — какое, сами они не умѣли бы сказать — блистательное свидѣтельство своего генія и силы. Къ несчастью, въ первые мѣсяцы его правленія, почти все шло дурно. Подданные, горько разочарованные, винили его въ каждомъ бѣдствіи и начали сомнѣваться, дѣйствительно ли онъ заслуживалъ той репутаціи, которую пріобрѣлъ съ самого появленія своего на государственномъ поприщѣ, которая возвысилась до самой громкой славы успѣхомъ его послѣдняго великаго предпріятія. Еслибъ они расположены были судить безпристрастно, они поняли бы, что онъ не долженъ отвѣчать за дурное управленіе, на которое они жаловались. Онъ могъ дѣйствовать только еще посредствомъ того механизма, который нашелъ въ Англіи, а механизмъ этотъ былъ совершенно испорченъ его предшественниками. Со времени возвращенія Стюартовъ до Вильгельма, небреженіе и злоупотребленія постоянно губили дѣйствіе всѣхъ отраслей государственнаго управленія. Почести, должности, титулы и полки, корабли, посольства, откупы казенныхъ земель, поставки одежды, аммуниціи, провизіи, помилованія за убійство и грабежъ — все это продавалось въ Вайтголлѣ почти также открыто, какъ товары на Ковентъ-гарденскомъ рынкѣ. Изъ Вайтголля, источника и центра этой заразы, язва разлилась по всѣмъ отраслямъ, по всѣмъ степенямъ государственной службы, и повсюду произвела

слабость и разстройство. Такъ быстро было паденіе, что черезъ восемь лѣтъ послѣ того, какъ Оливеръ держалъ въ своихъ рукахъ судьбу Европы, громъ пушекъ Рюйтера потрясалъ стѣны лондонскаго Тоуара. Пороки, которые довели до этого страшнаго униженія, съ той поры вкоренялись все глубже, разливались все шире. Іаковъ, самъ занимаясь морскою частью, исправлялъ ее, сколько могъ, —и, однакоже, англійскій флотъ возбуждалъ презрѣніе въ людяхъ, знакомыхъ съ флотами Франціи и Голландіи. Войско было еще въ худшемъ состояніи. Придворные брали взятки съ полковыхъ командировъ, полковые командиры обсчитывали солдатъ; коммиссаріатъ писалъ длинные счеты выданнымъ вещамъ, которыхъ вовсе не выдавалъ; арсенальные чиновники продавали казенныя пушки, порохъ и пули. Всѣ эти бѣдствія, порожденныя Карломъ II и Іаковомъ II, раскрылись: Карлъ и Іаковъ были вассалами Франціи, состоявшими на жалованьѣ у Людовика, и жертвуя честью государства, позорно избѣгали всякаго внѣшняго столкновенія, которое обнаружило бы, какъ разстроились государственныя средства ихъ дурнымъ управленіемъ. Вильгельмъ не могъ и не хотѣлъ продолжать эту безчестную политику. Только оружіемъ могла быть охранена свобода Англіи отъ врага, страшнѣйшаго изъ всѣхъ, какіе только грозили Англіи со временъ Непобѣдимой Армады. Бездѣйственное государство должно было оставить свою летаргію, скрывавшую его гнилость, и при первыхъ движеніяхъ оказалось, какъ разслаблены были его мускулы. Эти первыя усилія почти всѣ были неудачны, — и каждая неудача ставилась въ вину не тѣмъ правителямъ, которые довели государство до упадка, а тому правителю, при которомъ обнаружились слѣдствія этого упадка. Устранить все гнилое, привести въ порядокъ все разстроенное, создать все недостающее — это не могло быть дѣломъ одного дня, особенно для Вильгельма, который долженъ былъ бороться съ очень тяжелыми затрудненіями при исполненіи своихъ плановъ о возстановленіи могущества Англіи на ту степень, на какую возведено было оно Кромвелемъ.

Изъ этихъ затрудненій, очень важными были тѣ, которыя возникали изъ поведенія министровъ, долженствовавшихъ помогать ему при недостаточности его знакомства съ людьми и дѣлами Англіи. У главныхъ его совѣтниковъ не было недостатка ни въ дарованіяхъ, ни въ искусствѣ, но дарованія и искусство свое тратили они на интриги и споры другъ противъ друга. Между Дэнби и Галифаксомъ была закоренѣлая вражда. Началась она еще за двѣнадцать лѣтъ, когда Дэнби былъ лордомъ-казначеемъ, преслѣдователемъ виговъ, безпощаднымъ орудіемъ Двора, а Галифаксъ пріобрѣ-

талъ славу какъ одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ предводителей сельской партіи. При Іаковѣ, они оба вмѣстѣ стояли въ рядахъ оппозиціи, и ихъ общая вражда къ французскому господству, іезуитамъ и разрѣшительной власти произвела видимое примиреніе между ними. Но какъ только оппозиція восторжествовала и оба они стали членами правительства, прежняя антипатія оживилась. Ненависть вигистской партіи къ нимъ обоимъ должна была бы, казалось, произвесть союзъ между ними, — но напротивъ, каждый изъ нихъ съ удовольствіемъ видѣлъ опасность, грозящую противнику. Дэнби старался соединить около себя сильную фалангу тори. Подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, онъ удалялся отъ Двора, рѣдко являлся въ Совѣтъ, предсѣдателемъ котораго былъ, проводилъ время въ деревнѣ и принималъ въ дѣлахъ почти только то участіе, что осуждалъ и осмѣивалъ всѣ дѣйствія правительства, и доставлялъ прибыльныя мѣста своимъ личнымъ приверженцамъ. Вслѣдствіе добровольнаго уклоненія Дэнби, Галифаксъ былъ главою министерства, если только можно сказать, что былъ тогда кто нибудь главою министерства. Онъ былъ заваленъ дѣлами, и не могъ справиться съ этимъ бременемъ. По уму и краснорѣчію, по обширности взгляда и точности теоретическихъ соображеній, онъ не имѣлъ соперниковъ. Но, именно то обиліе мыслей и та проницательность ума, которыя придавали очаровательность его разговору, рѣчамъ и сочиненіямъ, препятствовали ему быстро рѣшать практическіе вопросы. Дѣйствія его были медлительны именно потому, что мысль его была быстра. Онъ замѣчалъ столько основаній за и противъ каждаго возможнаго рѣшенія, что приходилъ къ рѣшенію медлительнѣе, нежели человѣкъ недальняго ума. Не останавливаясь на первой мысли, онъ раздумывалъ, передумывалъ и перераздумывалъ. Слушая, какъ онъ разсуждаетъ, каждый находилъ, что онъ разсуждаетъ удивительно-прекрасно; но очень часто, когда онъ оканчивалъ свои разсужденія, время для дѣйствія было уже упущено.

Между тѣмъ, два государственные секретаря всѣми силами старались увлечь короля каждый по своему пути, а ихъ пути были діаметрально противоположны. Что́ бы и кого бы ни одобрялъ одинъ, то и того отвергалъ другой. Ноттингэмъ неутомимо твердилъ, что та партія, которая нѣкогда возстала противъ Карла I и злоумышляла противъ Карла II, держится республиканскихъ убѣжденій, и одни только тори—истинные монархисты. Шрьюсбери возражалъ, что если тори и монархисты, то монархомъ своимъ считаютъ они Іакова, а не Вильгельма. Ноттингэмъ каждый разъ являлся къ Вильгельму съ вѣстью о какихъ нибудь выходкахъ, въ та-

вернахъ, за стаканомъ вина сорвавшихся съ языка у какихъ нибудь старыхъ солдатъ Кромвеля, а Шрьюсбери съ пасквилями, которые каждый день подбрасывались въ таверны якобитами. «Каждый вигъ,» говорилъ секретарь-тори, «врагъ сана вашего величества.» — «Каждый тори,» говорилъ секретарь-вигъ, «врагъ особы вашего величества.»

Въ Комитетѣ Казначейства были нескончаемыя соперничества и ссоры. И первый коммиссаръ, Мордаунтъ, и канцлеръ казначейства, Деламеръ, были горячіе виги; но, при сходствѣ мнѣній, характеры ихъ были совершенно различны. Мордаунтъ былъ легкомысленъ и благороденъ; остряки того времени смѣялись надъ тѣмъ, какъ онъ леталъ изъ Гэмптона-Курта въ Казначейство и изъ Казначейства въ Гэмптонъ-Куртъ, и дивились, какъ у него достаетъ времени на франтовство, политику, волокитство и стихотворство. Деламеръ былъ угрюмъ и жолченъ, строгъ къ себѣ въ жизни и набоженъ, но жаденъ къ деньгамъ. При такой противоположности характеровъ, два главные члена Комитета стали врагами и сходились только въ ненависти къ своему товарищу Годольфину. Какъ можетъ быть терпимъ въ правительствѣ Вильгельма онъ, который засѣдалъ въ совѣтахъ папистовъ? Самымъ оскорбительнымъ для нихъ обстоятельствомъ было то, что Годольфинъ, хотя и третій по имени, въ сущности былъ первымъ лордомъ Казначейства, потому что опытностью далеко превосходилъ своихъ товарищей.

Подобныя вражды свирѣпствовали во всѣхъ другихъ министерскихъ комитетахъ и между всѣми подчиненными служителями правительства. Въ каждой таможнѣ, въ каждомъ арсеналѣ были свои Шрьюсбери и Ноттингэмъ, свои Деламеръ и Годольфинъ. Виги жаловались, что повсюду втерлись креатуры низверженнаго правительства. Напрасно возражали имъ, что эти люди незамѣнимы по своей опытности въ дѣлахъ и что партія виговъ, давно уже не имѣвшая въ рукахъ власти, не могла вдругъ принять на себя всего управленія дѣлами. Они говорили, что конечно опытность важна, но что вѣрность еще необходимѣйшее качество, а ни одинъ тори не можетъ быть вѣрнымъ слугою Вильгельма; что еслибъ Вильгельмъ былъ благоразуменъ, то скорѣе ввѣрился бы людямъ хотя и неопытнымъ, но ревностнымъ къ его интересу и чести, нежели опытнымъ людямъ, расположеннымъ употреблять свою опытность на погибель его.

Тори съ своей стороны жаловались, что участіе, данное имъ въ правительствѣ, несоразмѣрно ихъ числу и вѣсу въ государствѣ, и что старые и полезные слуги государства изгнаны изъ должностей заговорщиками и бунтовщиками, совершенно незнающими дѣлъ.

быть заговорщикомъ и бунтовщикомъ, говорили они, это еще недостаточно для управленія государствомъ: нужна также опытность; что будетъ съ финансами и флотомъ, если бюджетомъ будутъ завѣдывать виги, не имѣющіе понятія даже о бухгалтеріи, а флотомъ виги, никогда не ступавшіе ногою въ адмиралтейство?

Во взаимныхъ обвиненіяхъ партій было много основательнаго, но несправедливо было ихъ неудовольствіе на Вильгельма. Опытность находилась почти исключительно между тори, преданность новому порядку вещей почти исключительно между вигами. Не король былъ виноватъ въ томъ, что два качества, необходимыя служителю государства,—знаніе и вѣрность, нельзя было тогда найти соединенными въ однихъ и тѣхъ же людяхъ. Еслибъ онъ отдалъ все одной партіи, дѣла велись бы неловко; еслибъ онъ отдалъ все другой, дѣла велись бы предательски; когда онъ соединялъ въ управленіи обѣ партіи, оставалась часть неловкости, оставалась и часть предательства, и ко всему этому присоединялся раздоръ. Въ его власти было посадить рядомъ тори и вига; но не въ его власти было примирить ихъ. Товарищи по должности оставались врагами, и съ ропотомъ принимали старанія государя согласить ихъ. При такихъ обстоятельствахъ, и финансовое, и военное, и морское управленіе по необходимости страдали слабостью и шаткостью, ничто не дѣлалось надлежащимъ образомъ и своевременно, повсюду раздорами порождались неудачи и каждою неудачею усиливался раздоръ, ее породившій.

По одному только министерству дѣла велись хорошо, — именно по иностранному министерству. Тутъ всѣмъ управлялъ Вильгельмъ, и въ важныхъ случаяхъ не спрашивалъ совѣта и не употреблялъ содѣйствія англійскихъ сановниковъ. Безцѣннаго помощника имѣлъ онъ въ Гейнзіусѣ, который, черезъ нѣсколько недѣль по его восшествіи на англійскій престолъ, сдѣлался великимъ пенсіонаріемъ (первымъ министромъ) Голландіи. Гейнзіусъ нѣкогда былъ противникомъ Оранской династіи, приверженцемъ французской партіи. Но въ 1681 году онъ посѣтилъ по дипломатическимъ дѣламъ Версаль, и мнѣнія его совершенно измѣнились: познакомившись ближе съ французскимъ дворомъ, онъ ужаснулся могущества и честолюбія Людовика, и возвратился на родину преданнымъ другомъ Вильгельма и смертельнымъ врагомъ Людовика.

Санъ пенсіонарія, всегда важный, пріобрѣталъ особенную важность, когда штаттальтеръ не былъ въ Гагѣ. Если бы теперь Гейнзіусъ оставался по прежнему приверженцемъ французовъ, всѣ великіе планы Вильгельма были бы разстроены его вліяніемъ. Но между этими двумя замѣчательными людьми была тѣсная дружба, до

самой смерти Вильгельма не возмущавшаяся ни на минуту. О всѣхъ великихъ вопросахъ европейской политики они думали совершенно одинаково; они переписывались постоянно съ полною откровенностью: Вильгельмъ не скоро ввѣрялся человѣку, но ввѣрившись разъ, ввѣрялся совершенно. Корреспонденція эта сохранилась, и показываетъ обоихъ въ наилучшемъ свѣтѣ. Письма Вильгельма уже одни могли бы служить достаточнымъ доказательствомъ его великихъ государственныхъ талантовъ. При жизни его, пенсіонарій довольствовался ролью преданнаго, вѣрнаго и скромнаго исполнителя его плановъ. Но по смерти Вильгельма онъ доказалъ, что способенъ замѣнить собою Вильгельма въ политикѣ и прославился тѣмъ, что въ союзѣ съ Англіею и Австріею смирилъ гордость Людовика.

Иностранная политика Англіи, подъ непосредственнымъ управленіемъ Вильгельма, была ведена въ это время чрезвычайно искусно и успѣшно. Но во всѣхъ другихъ отрасляхъ администраціи очевидно было пагубное дѣйствіе раздоровъ между сановниками враждебныхъ партій. Мало того: къ бѣдствіямъ проистекавшимъ изъ вражды партіи, присоединялись раздоры, происходившіе отъ вражды сектъ.

1689 годъ въ церковной исторіи Англіи составляетъ эпоху не менѣе замѣчательную, нежели въ гражданской исторіи этого королевства. Въ этомъ году была въ первый разъ законнымъ образомъ дана терпимость диссидентамъ, и сдѣлана была послѣдняя серьёзная попытка ввести пресвитеріанъ въ число послѣдователей Англиканской церкви. Съ этого года возникаетъ въ Англіи новая секта, составившаяся изъ людей, всегда провозглашавшихъ ненависть къ сектаторству, и началась борьба въ нѣдрахъ самой Англиканской церкви. Двѣ партіи, между которыми возникла эта борьба, существовали въ Англиканской церкви съ самой реформаціи; однако до переворота 1688 года онѣ не вступали въ открытую, постоянную борьбу между собою и потому не имѣли особенныхъ именъ. Но черезъ нѣсколько времени по воцареніи Вильгельма появились имена High Church Party (Верхне-церковная партія) и Low Church Party (Нижне-церковная, или, какъ мы будемъ называть ихъ въ переводѣ: Ультра-Англиканская партія и Партія Терпимости) и скоро вошли въ общее употребленіе.

Лѣтомъ 1688 года казались совершенно замолкшими раздоры между различными протестантскими исповѣданіями въ Англіи. Общая опасность отъ католиковъ сблизила всѣхъ протестантовъ, соединила примаса королевства Санкрофта съ индепендентомъ Боніаномъ. Англиканскіе епископы, не давно бывшіе гонителями дисси-

дентовъ, объявляли себя приверженцами вѣротерпимости; а сектаторы, жестоко возстававшіе противъ англиканскихъ обрядовъ и іерархіи, торжествовали побѣду епископовъ въ процессѣ объ адресѣ, поднесенномъ ими Іакову.

Эти дружелюбныя чувства усиливались до того дня, какъ Іаковъ уѣхалъ изъ Вайтголля, и диссидентскіе проповѣдники сопровождали англиканское духовенство, когда епископъ лондонскій шелъ во главѣ его поздравить Вильгельма съ прибытіемъ въ Лондонъ. Зрѣлище такого единодушія было умилительно; но уже начиналось измѣненіе въ отношеніяхъ англиканцевъ къ диссидентамъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ бѣгства Іакова, ультра-англиканецъ сталъ чувствовать сожалѣніе къ врагу, который ужь пересталъ быть опаснымъ, и вражду къ союзникамъ, помощь которыхъ перестала быть необходимою. Ему пріятно было согласить оба эти чувства мыслью, что диссидентовъ надобно винить за ошибки, сдѣланныя Іаковомъ. Іаковъ былъ бы прекраснымъ правителемъ—такъ стали теперь говорить очень многіе изъ ультра-англиканцевъ,—еслибъ не былъ слишкомъ довѣрчивъ, слишкомъ наклоненъ къ прощенію обидъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать добро сектаторамъ, непримиримо ненавидѣвшимъ его санъ, его родъ, навидѣвшимъ и лично его. Онъ погубилъ себя напраснымъ усиліемъ примирить ихъ съ собою. Онъ избавилъ ихъ, вопреки единодушному мнѣнію роялистовъ, отъ казней, которыми грозилъ ихъ законъ; онъ далъ терпимость ихъ вреднымъ заблужденіямъ; онъ допустилъ ихъ во всѣ должности и въ свой совѣтъ. За такія милости, эти люди, бывшіе дотолѣ смертельными врагами законной власти, сдѣлались льстецами его,—они ободряли его къ нарушенію законовъ; они ввели его во всѣ ошибки. Предавшись имъ, онъ отвратилъ отъ себя сердца роялистовъ. Имъ того и хотѣлось: искони, эти сектаторы были врагами монархическаго правленія. Дать имъ силу, было бы пагубно и для націи и для престола. Если, въ исполненіе безразсудно данныхъ обѣщаній, ужь необходимо сдѣлать имъ уступки, то надобно по возможности ограничить эти уступки, и сохранить основной законъ, по которому никто, не признающій іерархическаго государственнаго устройства, не можетъ участвовать и въ гражданскомъ управленіи.

Средину между диссидентами и ультра-англиканцами занимала партія приверженцевъ терпимости. Она состояла изъ людей двухъ разрядовъ: пуританъ, наклонныхъ къ терпимости, и той части англиканскаго духовенства, которая не придавала особенной важности пунктамъ разногласія между протестантскими исповѣданіями, и называлась латитударіанцами. Почти во всѣхъ вопросахъ, касающихся іерархическаго устройства и обрядовъ, люди обоихъ оттѣн-

ковъ партіи терпимости были согласны. Они готовы были разрѣшить эти вопросы въ какомъ бы то ни было смыслѣ, лишь бы только примирить всѣхъ протестантовъ. Упреки, дѣлаемые ультра-англиканцами диссидентамъ за поступки Іакова, эта партія находила совершенно несправедливыми. «Удивительно не то, что нашлись между диссидентами, говорила партія терпимости, такіе люди, которые съ благодарностью приняли актъ, хотя и незаконный, но дававшій имъ избавленіе отъ несправедливыхъ законовъ, — удивительно то, что такихъ людей нашлось очень мало. Огромное большинство диссидентовъ принесло свои интересы въ жертву дѣлу законовъ и нельзя ставить въ вину всему классу диссидентовъ проступки, сдѣланные очень немногими. И между епископами Англиканской церкви, Іаковъ нашелъ себѣ нѣсколькихъ льстецовъ. Поведеніе Картрайта и Паркера, англиканскихъ епископовъ, было гораздо болѣе преступно въ этомъ дѣлѣ, нежели поведеніе тѣхъ немногихъ диссидентскихъ проповѣдниковъ, на которыхъ указываютъ ультра-англиканцы. Если винить диссидентовъ за Ольсопа и Лобба, то Англиканскую церковь еще болѣе надобно винить за Картрайта и Паркера.»

Въ сословіи англиканскаго духовенства приверженцы терпимости составляли меньшинство, незначительное по числу, но очень значительное по достоинству лицъ, къ нему принадлежавшихъ: они сильны были между лондонскимъ духовенствомъ и отличались ученостью. По числу, они вѣроятно не составляли и десятой части духовенства; но людей замѣчательныхъ между ними было едва ли не больше, нежели въ противной многочисленной партіи. Міряне, принадлежавшіе къ Англиканскому исповѣданію, по числу почти равно раздѣлялись между обѣими партіями. Почти всѣ виги были приверженцами терпимости, почти всѣ тори — ультра-англиканцами. Въ Палатѣ Общинъ, избранной во время торжества виговъ, совершенно преобладали приверженцы терпимости; въ Палатѣ Лордовъ, ихъ было почти столько же, сколько и ультра-англиканцевъ, и самое маловажное обстоятельство могло сообщить перевѣсъ той или другой сторонѣ.

Главою партіи терпимости былъ король. Онъ былъ воспитанъ въ пресвитеріанскомъ исповѣданіи; по разумному убѣжденію, онъ былъ латитударіанецъ; кромѣ того, и личное честолюбіе, заодно съ высшими побужденіями, склоняло его быть посредникомъ между протестантскими сектами. Онъ хотѣлъ трехъ реформъ въ церковныхъ дѣлахъ Англіи. Первою цѣлью его было доставить диссидентамъ свободное отправленіе богослуженія по обрядамъ каждой секты. Второю цѣлью: измѣнить обряды Англиканской церкви,

такъ, чтобы, не оскорбляя людей, дорожившихъ этими обрядами, согласить на принятіе этихъ обрядовъ умѣренныхъ диссидентовъ. Третьею цѣлью было—открыть правительственныя должности всѣмъ протестантамъ, безъ различія сектъ. Изъ этихъ трехъ желаній только первое оказалось удобоисполнимымъ въ его время. Для исполненія втораго желанія уже прошло, для исполненія третьяго еще не пришло время въ ту эпоху.

Черезъ нѣсколько дней по возшествіи на престолъ, онъ сдѣлалъ шагъ, ясно обнаружившій его планы относительно церковныхъ дѣлъ. Салисберійская епископская каѳедра была вакантна. Онъ отдалъ ее Борнету. Заслуги и достоинства Борнета были велики, но, вѣроятно, правленіе Вильгельма было бы менѣе бурно, еслибъ онъ отложилъ до позднѣйшаго случая награду своему вѣрному приверженцу и сдѣлалъ епископомъ Салисберійскимъ человѣка, менѣе ненавистнаго ультра-англиканцамъ, считавшимъ его воплощеніемъ латитударіанства. Онъ вовсе не принадлежалъ къ крайнимъ латитударіанцамъ, но заслужилъ почти общую нелюбовь англиканскаго духовенства тѣмъ, что съ откровенностью, свойственною его натурѣ, рѣзко упрекалъ ультра-англиканцевъ въ нетерпимости. Ненависть къ нему этой партіи была такъ сильна, что переходя какъ бы по наслѣдству отъ предшественника къ преемнику, не угасла до сихъ поръ, хотя прошло уже полтораста лѣтъ послѣ его смерти.

Какъ только сдѣлалось извѣстно рѣшеніе короля, у всѣхъ явился вопросъ: какъ поступитъ въ этомъ случаѣ архіепископъ Кентерберійскій, первый сановникъ ультра-англиканской партіи? Съ того времени, какъ совершился переворотъ, Санкрофтъ почти безвыходно сидѣлъ въ своемъ дворцѣ; онъ не являлся въ Конвентъ, не захотѣлъ присутствовать въ Тайномъ Совѣтѣ, не хотѣлъ отправлять епископскаго служенія, и всѣмъ говорилъ, что продолжаетъ признавать королемъ Іакова. На немъ лежала обязанность посвятить Борнета въ епископскій санъ, а онъ считалъ Борнета еретикомъ, достойнымъ проклятія. Втеченіе нѣкотораго времени, Санкрофтъ упорно говорилъ, что не согласится на его посвященіе. Ллойдъ, епископъ Сентъ-Асафскій, общій другъ примаса и Борнета, напрасно убѣждалъ Санкрофта уступить. Напрасны были также усилія Ноттингэма, изъ всѣхъ міранъ, пользовавшагося наибольшимъ уваженіемъ у духовенства. Якобиты говорили, что они надѣются на примаса, готоваго претерпѣть мученіе за свои убѣжденія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ долго держался, наконецъ испугался, — не мученій, которыми, конечно, вовсе не грозили ему, а того, что можетъ лишиться своего мѣста и доходовъ. Онъ сказалъ, что самъ не можетъ исполнить воли Вильгельма, но дастъ троимъ изъ епископовъ

своей митрополіи полномочіе исполнить ее, и дѣйствительно, написалъ грамоту, дававшую это полномочіе. Тогда посыпались на него насмѣшки отъ всѣхъ партій. «Посвященіе Борнета онъ считаетъ грѣхомъ, говорили всѣ: — и думаетъ, что избавится отъ грѣха, если не самъ его сдѣлаетъ, а прикажетъ сдѣлать другимъ.» Санкрофту стало стыдно за себя, и онъ вздумалъ уничтожить слѣды своего нелѣпаго поступка средствомъ, еще болѣе нелѣпымъ: онъ взялъ изъ архіепископскаго архива грамоту, уполномочившую епископовъ посвятить Борнета, и съ трудомъ могли его убѣдить, что это смѣшно и безполезно, когда уже исполнено полномочіе, данное этимъ актомъ.

Когда Борнетъ, послѣ своего посвященія, явился къ Маріи, она напомнила ему о разговорахъ, которые имѣли они въ Гагѣ о высокихъ обязанностяхъ и тяжкой отвѣтственности, лежащей передъ Богомъ на епископахъ. «Я надѣюсь, сказала она: — что вы будете поступать сообразно вашимъ понятіямъ объ этомъ.» И дѣйствительно, самые злые ненавистники должны были признаваться, что онъ примѣрно исполняетъ долгъ епископа относительно своей паствы. Ежегодно объѣзжалъ онъ всѣ округи своей эпархіи, проповѣдуя въ каждомъ приходѣ. Когда онъ умеръ, не осталось въ его эпархіи ни одной церкви, которой бы онъ не посѣтилъ семь или восемь разъ. Бѣдность приходскаго духовенства въ Англіи была постояннымъ мученіемъ его благороднаго сердца, и онъ успѣлъ-таки наконецъ улучшить положеніе людей, которые почти всѣ безъ исключенія ненавидѣли его: онъ доставилъ приходскому духовенству Англіи средства къ жизни, своими неутомимыми хлопотами объ этомъ склонивъ правительство позаботиться о немъ. Въ бѣдныхъ приходахъ своей эпархіи онъ изъ своихъ денегъ давалъ священникамъ ежегодное жалованье, по тогдашнему времени достаточное для содержанія.

Когда онъ, по сану епископа, вступилъ въ Палату Лордовъ, она занималась преніями о церковномъ устройствѣ. Ноттингэмъ, извѣстный своею преданностью Англиканскому исповѣданію, принялъ на себя исполненіе желаній Вильгельма относительно диссидентовъ. Изъ всѣхъ министровъ Вильгельма, только онъ могъ начать это дѣло съ надеждою не возбудить негодованія въ англиканскомъ духовенствѣ. Шрьюсбери и Галифаксъ считались у духовенства вольнодумцами, даже атеистами; Дэнби былъ холоденъ къ религіи, и держался Англиканскаго исповѣданія только потому, что оно было общимъ исповѣданіемъ его политической партіи. Ноттингэмъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ искренней и глубокой набожности, всею душою привязанный къ Англиканской церкви.

Духовенство уважало его и вѣрило его словамъ. Потому предложенія, которыя ужаснули бы духовенство, еслибъ сдѣланы были другими министрами, могли, когда дѣлались имъ, найти благосклонный пріемъ даже у епископовъ и канониковъ. Друзья терпимости нуждались въ его помощи, и онъ, до извѣстной степени, готовъ былъ содѣйствовать ихъ планамъ. Онъ рѣшительно хотѣлъ вѣротерпимости; онъ соглашался даже на то, что называлось тогда компрегенсіею (устраненіемъ разногласія, или какъ мы будемъ переводить, соглашеніемъ), то есть на измѣненіе англиканскихъ обрядовъ для соглашенія умѣренныхъ пуританъ принять Англиканское исповѣданіе. Но измѣнить актъ присяги на службу такъ, чтобы эту присягу могли давать диссиденты, онъ не соглашался; напротивъ, ему казалось, что этотъ актъ еще слишкомъ слабъ неопредѣлительностью своихъ выраженій, давая нѣкоторымъ изъ диссидентовъ возможность вступать въ службу. Именно это нежеланіе измѣнить актъ служебной присяги и внушало ему готовность на измѣненіе англиканскихъ обрядовъ: онъ думалъ, что легкихъ перемѣнъ въ обрядахъ будетъ достаточно для введенія въ Англиканскую церковь очень многихъ диссидентовъ и что тогда прочіе диссиденты, оставшіеся непреклонными, не будутъ имѣть достаточной силы для вынужденія болѣе значительныхъ уступокъ и удовольствуются уже тѣмъ, что получатъ терпимость безъ права занимать должности.

Партія терпимости иначе думала объ актѣ служебной присяги. Но многіе изъ этой партіи очень дорожили помощью Ноттингэма, и для него согласились на уступку. Ноттингэмъ обязался предложить билль о терпимости и билль о соглашеніи, и всѣми своими силами поддерживать оба эти билля въ Палатѣ Лордовъ. Зато, нѣкоторые изъ виговъ согласились отложить на время требованіе о перемѣнахъ въ актѣ служебной присяги.

Составленіе биллей о терпимости и соглашеніи не представляло трудностей. О положеніи диссидентовъ было много изслѣдованій лѣтъ десять тому назадъ, во время волненій папистскаго заговора, когда между протестантами возникла сильная потребность соединиться противъ общаго врага. Правительство тогда готово было сдѣлать большія уступки вигамъ, подъ условіемъ того, что они не будутъ требовать исключенія Іакова отъ престолонаслѣдія. Тогда были составлены проэктъ закона, дозволяющаго диссидентамъ публичное отправленіе богослуженія, и проэктъ закона о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ богослуженіи Англиканской церкви; и вѣроятно, оба эти закона были бы легко приняты обѣими Палатами, еслибъ Шефтсбери и его партія не отвергли всякихъ предложеній о взаимныхъ уступкахъ и не потеряли всѣхъ пріобрѣтенныхъ выгодъ на-

стойчивымъ требованіемъ исключенія Іакова отъ престолонаслѣдія. Въ составленіи этихъ проэковъ принималъ важное участіе Ноттингэмъ, бывшій тогда еще въ Палатѣ Общинъ, а не въ Палатѣ Лордовъ. Теперь онъ отъискалъ въ архивѣ Парламента эти забытые проэкты и съ легкими измѣненіями внесъ ихъ въ Палату Лордовъ.

Билль о терпимости прошелъ обѣ Палаты почти безъ преній. Этотъ знаменитый статутъ, долго считавшійся Великою Хартіею религіозной свободы, былъ впослѣдствіи времени очень много измѣняемъ и настоящему поколѣнію въ Англіи знакомъ только по имени. Но имя его произносится еще съ уваженіемъ многими, которые вѣроятно удивятся и вознегодуютъ, узнавъ дѣйствительное содержаніе грамоты, по преданію прославляемой ими.

Различные статуты, изданные отъ воцаренія Елисаветы до воцаренія Вильгельма, обязывали каждаго англичанина подъ страхомъ суровыхъ наказаній посѣщать только богослуженіе Англиканской церкви, не посѣщая никакихъ богослуженій, отправляемыхъ по обрядамъ другихъ исповѣданій. Актъ терпимости не отмѣнялъ ни одного изъ этихъ статутовъ, но просто говорилъ, что смыслъ этихъ статутовъ не долженъ быть примѣняемъ людямъ, которые засвидѣтельствуютъ свою вѣрность королю, какъ главѣ Англиканской церкви, давъ присягу подданства и присягу супрематства (*), а свою протестантскую вѣру засвидѣтельствуетъ, подписавъ декларацію противъ католическаго истолкованія догмата о пресуществленіи.

Это облегченіе равно относилось къ диссидентскимъ мірянамъ и проповѣдникамъ. Но противъ диссидентскихъ проповѣдниковъ существовали особенные статуты, не касавшіеся диссидентскихъ мірянъ. Актъ Единовѣрія (Act of Uniformity) налагалъ штрафъ во сто фунтовъ на каждаго, отправляющаго богослуженіе безъ посвященія отъ англиканскаго епископа. Актъ изгнанія на пять миль (Five Mile Act) изгонялъ диссидентскихъ проповѣдниковъ изъ городовъ. Актъ о сектаторскомъ богослуженіи (Conventicle Act) налагалъ тяжелые штрафы на людей, которые будутъ говорить проповѣди въ молитвенныхъ собраніяхъ диссидентовъ. Эти суровыя постановленія не были отмѣнены, но только смягчены, и то съ многими предосторожностями и оговорками. Именно, было постановлено, что диссидентскій проповѣдникъ долженъ, при началѣ своей проповѣдничеcкой дѣятельности, подписать символъ Англиканскаго исповѣданія, за исключеніемъ пяти параграфовъ, заключавшихъ обязательство повиноваться ученію англиканскихъ епископовъ. Но если совѣсть

(*) Смыслъ послѣдней былъ таковъ, что дающій присягу признаетъ главою церкви англійскаго короля, а не папу.

не позволитъ ему подписать тридцати-четырехъ изъ тридцати-девяти параграфовъ англиканскаго символа, то онъ за проповѣданіе подвергался всѣмъ наказаніямъ и штрафамъ, установленнымъ прежними статутами.

Квакеры не могли давать клятвъ, по ученію своего исповѣданія; но извѣстно было, что характеръ этой секты спокоенъ и чуждъ всякихъ политическихъ замысловъ, потому въ пользу ея была сдѣлана особенная оговорка, освобождавшая ее отъ присягъ, воспрещаемыхъ догматами ея, и обязывавшая квакеровъ вмѣсто присягъ подписывать простыя удостовѣренія въ вѣрности правительству и основнымъ догматамъ христіанства.

На такихъ условіяхъ было въ первый разъ позволено протестантскимъ диссидентамъ въ Англіи отправлять богослуженіе; и, какъ будто бы мало казалось всѣхъ предъидущихъ ограниченій и условій, уже достаточно исключавшихъ отъ этого права католиковъ и секты, отвергавшія основные догматы протестантства, было сдѣлано къ Акту терпимости прибавленіе, положительно говорившее, что король и Парламентъ вовсе не намѣрены давать никакого послабленія ни католикамъ, ни людямъ, отвергающимъ догматъ Св. Троицы, въ томъ смыслѣ, какъ онъ постановляется Англиканскою церковью.

Трудно указать законъ, который такъ рѣзко отражалъ бы на себѣ общій духъ англійскаго законодательства, какъ Актъ терпимости. Государственная наука въ нѣкоторомъ отношеніи подобна наукѣ инженерства. Математикъ легко доказываетъ, что извѣстная сила, приложенная посредствомъ рычага извѣстной длины или извѣстной системы блоковъ, достаточна будетъ для поднятія извѣстной тяжести. Но его формула основывается на томъ предположеніи, что механизмъ не подверженъ ни тренію, ни излому отъ тяжести. Еслибъ инженеръ, которому надобно поднять огромную массу дѣйствительнаго гранита посредствомъ механизма изъ дѣйствительнаго дерева и дѣйствительныхъ веревокъ, безусловно положился на формулу, находимую имъ въ математическомъ трактатѣ, и не принялъ бы въ разсчетъ несовершенства своихъ матеріаловъ, весь построенный имъ механизмъ изломался бы, и при всѣхъ своихъ математическихъ дарованіяхъ, этотъ инженеръ оказался бы менѣе способнымъ къ возведенію зданій, нежели тѣ варвары, которые безъ всякаго понятія о математическихъ формулахъ, построили вѣковѣчныя циклопическія стѣны. Каково отношеніе инженера къ математику, таково отношеніе истинно государственнаго человѣка къ кабинетному мыслителю. Нѣтъ спора въ томъ, очень важно для государственнаго человѣка хорошо знать теоретическія системы го-

сударственнаго дѣла, какъ очень важно для архитектора, воздвигающаго обелискъ, знать теорію механики и динамики. Но какъ архитекторъ, чтобы умѣть дѣйствительно удачно воздвигнуть обелискъ, долженъ знать много такого, о чемъ не говорится въ трактатахъ Эйлера и д'Аламбера, такъ тотъ, кто хочетъ управлять государствомъ, долженъ постоянно руководиться соображеніями, которыхъ не найдется въ сочиненіяхъ Смита и Бентама. Въ истинно мудромъ законодателѣ соединяются теоретикъ, руководимый общими принципами, и дѣловой человѣкъ, руководимый обстоятельствами. Въ законодателяхъ послѣднихъ временъ Франціи слишкомъ преобладалъ теоретическій элементъ, и ихъ стройныя созданія оказывались непрочными. Въ англійскомъ законодательствѣ всегда преобладалъ, нерѣдко до излишества, практическій элементъ надъ теоретическимъ. Вовсе не думать о симметріи, очень много думая объ удобствѣ; никогда не пугаться нелогичности, если она только безвредная или даже выгодная нелогичность; не реформировать, пока не чувствуется въ томъ настоятельной нужды; реформировать не больше, какъ на столько, сколько нужно для отвращенія дѣйствительно обременительныхъ неудобствъ; не вводить въ законы принциповъ болѣе широкихъ, нежели тотъ частный случай, относительно котораго нужно принять мѣры, — таковы были правила, со временъ Іоанна Безземельнаго до временъ Викторіи, постоянно руководившія совѣщаніями двухъ-сотъ-пятидесяти Парламентовъ, о которыхъ говоритъ англійская исторія. Быть можетъ, излишнее преобладаніе такого практическаго взгляда есть недостатокъ; но такой недостатокъ пригоднѣе для прочности дѣла, нежели достоинство, ему противоположное. Надобно согласиться, что англичане слишкомъ медленны для улучшенія своихъ законовъ; зато, дѣло улучшенія шло хотя медленно, но непрерывно.

Актъ терпимости очень вѣрно отражаетъ общій духъ англійскаго законодательства. Юристу, привычному къ законодательнымъ теоріямъ, но не близко знакомому съ духомъ различныхъ исповѣданій и партій, раздѣлявшихъ англійскую націю въ XVII вѣкѣ, этотъ актъ покажется дикимъ хаосомъ нелѣпостей и противорѣчій. Онъ не можетъ выдержать критики по здравымъ общимъ принципамъ. Мало того, онъ не выдержитъ критики ни по какому принципу, все равно, хотя бы здравому, хотя бы ложному. Здравый принципъ, безъ сомнѣнія, учитъ, что безвредныя теологическія разнорѣчія, не касающіяся государства, не должны быть наказываемы государственными властями. Этотъ принципъ не только не признается, напротивъ, положительно отвергается Актомъ терпимости. Ни одинъ изъ жестокихъ прежнихъ законовъ противъ

диссидентовъ не отмѣняется этимъ актомъ. Гоненіе за вѣру продолжаетъ быть общимъ правиломъ для Англіи, терпимость есть только исключеніе. Мало того: терпимость раздается различнымъ сектамъ произвольнѣйшею мѣрою. Квакеръ подписываетъ только декларацію о признаніи общихъ христіанскихъ догматовъ и пользуется терпимостью, не подписывая англиканскаго символа. Индепендентъ, совершенно согласный подписать декларацію, которая достаточна для квакера, но не признающій того или другаго параграфа Англиканскаго Символа, необязательнаго для квакера, подвергается уголовному наказанію. Пуританинъ Гоу не можетъ проповѣдывать, если не совершенно соглашается съ Англиканскою церковью въ истолкованіи какого нибудь частнаго догмата. Квакеръ Пенпъ свободно можетъ проповѣдывать, совершенно отвергая этотъ догматъ и множество другихъ, еще болѣе важныхъ догматовъ.

Такіе недостатки бросаются въ глаза каждому, разсматривающему Актъ терпимости на основаніи чистаго разума, общаго всѣмъ странамъ и вѣкамъ. Но эти недостатки могутъ обратиться въ достоинства, когда мы примемъ въ соображеніе страсти и предразсудки общества, для котораго составлялся Актъ терпимости. Этотъ законъ, изобилующій противорѣчіями, очевидными каждому, имѣющему хотя какое нибудь понятіе о теоріи государственнаго устройства, достигъ цѣли, которой могъ бы не достичь законъ, составленный наилучшими философами съ удивительнѣйшею вѣрностью правиламъ здравой государственной теоріи. Правда, что оговорки и предосторожности, которыми въ этомъ актѣ сопровождается терпимость, нелѣпы сами по себѣ съ теоретической точки зрѣнія. Въ извиненіе ихъ можно сказать только то, что при помощи ихъ были устранены тяжкія бѣдствія безъ раздраженія сильныхъ и раздражительныхъ предразсудковъ; что при помощи ихъ было, безъ разногласій въ Парламентѣ, безъ смятеній въ народѣ, почти безъ всякаго ропота со стороны людей самыхъ зараженныхъ предразсудками, разъ навсегда прекращено гоненіе, свирѣпствовавшее впродолженіе жизни четырехъ поколѣній, поражавшее скорбью безчисленное множество людей, губившее множество семействъ, наполнявшее темницы благороднѣйшими страдальцами, изгонявшее за океанъ, въ пустыни Америки, тысячи тѣхъ честныхъ и трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, которые составляютъ истинную силу націи. Такое оправданіе, какъ ни слабо оно съ отвлеченной точки зрѣнія, покажется совершенно удовлетворительнымъ для истинно государственнаго человѣка.

Англичане въ 1689 году вовсе не были расположены, — менѣе, нежели когда нибудь были расположены, допустить чистый принципъ

вѣротерпимости. Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, этотъ принципъ служилъ Іакову предлогомъ для гоненія Англиканской церкви и низверженія основныхъ законовъ королевства. Еслибъ составленъ былъ билль, дающій полную свободу совѣсти всѣмъ протестантскимъ сектамъ, навѣрное Ноттингэмъ не согласился бы внести такой билль въ Палату Лордовъ, навѣрное, всѣ епископы, даже и самъ Борнетъ, подали бы голосъ противъ него; съ десяти тысячъ каѳедръ онъ каждое воскресенье былъ бы оглашаемъ, какъ оскорбленіе Богу и Англиканской церкви, былъ бы осужденъ даже пуританскими проповѣдниками, какъ дѣло безбожное, возбуждалъ бы смятенія на улицахъ каждаго англійскаго города, былъ бы отвергнутъ и сдѣлалъ бы имя терпимости на много поколѣній ненавистнымъ англійской націи. А еслибъ онъ и прошелъ, то какое практическое облегченіе могъ бы онъ принести, кромѣ того, какое принесено было Актомъ терпимости?

Правда, что Актъ терпимости признавалъ гоненіе правиломъ и давалъ свободу совѣсти только какъ исключеніе. Но правда также и то, что правило могло относиться развѣ къ нѣсколькимъ сотнямъ людей въ Англіи, а подъ исключеніе подошли сотни тысячъ.

Правда, что съ теоретической точки зрѣнія, было нелѣпо принуждать пуританина къ подписанію Англиканскаго Символа, освобождая отъ этой обязанности квакера. Но правда также и то, что благодаря этой непослѣдовательности, квакеръ и пуританинъ получали такую же свободу совѣсти, какъ получили бы по теоріи безусловной вѣротерпимости.

Билль о терпимости прошелъ чрезъ обѣ Палаты очень легко. Было предложено только одно важное измѣненіе однимъ изъ ультраангликанцевъ въ Палатѣ Общинъ: именно, ограничить силу этого акта только семью годами, чтобы принудить диссидентовъ къ скромности, для возобновленія ихъ льготъ по истеченіи этого срока. Но измѣненіе это было безъ разногласія отвергнуто Палатою.

Король радостно далъ свое утвержденіе биллю, и билль сталъ закономъ, и диссиденты повсюду тысячами спѣшили дать требуемыя отъ нихъ присягу или подписку.

Исторія билля о соглашеніи исповѣданій представляетъ разительную противоположность судьбѣ билля о терпимости. Оба они имѣли одно начало и оба стремились почти къ одинаковой цѣли. Оба были составлены и внесены въ Парламентъ въ одно время, назадъ тому десять лѣтъ, оба лежали потомъ въ архивахъ вмѣстѣ забытые, и оба въ одно время были теперь вновь предложены Парламенту, оба однимъ и тѣмъ же лицомъ, лордомъ Ноттингэмомъ; но скоро оказалось, что участь ихъ будетъ различна. Билль о согла-

шеніи имѣлъ гораздо болѣе теоретической основательности и стройности, нежели билль о терпимости, но не былъ, какъ билль терпимости, приспособленъ къ нуждамъ, понятіямъ и предразсудкамъ тогдашняго поколѣнія. Потому, между тѣмъ, какъ билль о терпимости поддерживали всѣ партіи, на билль о соглашеніи напали всѣ партіи, и наконецъ слабо защищали его даже тѣ, которые предложили его Парламенту; и въ то самое время, какъ билль о терпимости сдѣлался закономъ, по общему содѣйствію всѣхъ государственныхъ людей, билль о соглашеніи, также по общему плану всѣхъ государственныхъ людей, былъ покинутъ. Билль о терпимости до сихъ поръ считается однимъ изъ тѣхъ великихъ статутовъ, которыми начинаются новыя эпохи англійскаго законодательства. Билль о соглашеніи забытъ. Ни одинъ изъ людей, издававшихъ сборники парламентскихъ актовъ и преній, не почелъ его достойнымъ изданія, и единственный экземпляръ его, тотъ самый, который былъ внесенъ въ Палату Лордовъ Ноттингэмомъ, лежитъ въ парламентскомъ архивѣ, просмотрѣнный едва ли двумя или тремя изъ людей нашего поколѣнія. Къ счастію, по этому экземпляру можетъ быть возстановлена вся исторія преній о немъ. Первоначальный текстъ можетъ быть прочитанъ сквозь помарки и переправки, сдѣланныя впродолженіе преній, а эти помарки даютъ угадывать ходъ преній.

Первоначальный текстъ билля освобождалъ духовенство Англиканской церкви объ обязанности подписывать символъ, составленный при королевѣ Елисаветѣ, и обязывалъ духовныхъ только подпискою въ повиновеніи существующимъ церковнымъ законамъ этого исповѣданія. Далѣе говорилось, что пресвитеріанскіе священники могутъ занимать духовныя должности Англиканской церкви, съ однимъ только условіемъ—принять рукоположеніе отъ англиканскаго епископа. Потомъ опредѣлялось, что англиканское и пресвитеріанское облаченіе и обряды священнодѣйствія должны быть одинаково дозволительными для духовныхъ лицъ обоихъ исповѣданій; билль заключался просьбою къ королю о назначеніи коммиссіи изъ тридцати лицъ, для пересмотра богослужебныхъ книгъ Англикантскаго исповѣданія и для произведенія въ нихъ перемѣнъ, какія окажутся нужными для соглашенія протестантскихъ сектъ съ богослуженіемъ Англиканской церкви.

Внесенный въ Палату Лордовъ, билль хорошо прошелъ чрезъ первое общее совѣщаніе. Комптонъ, епископъ Лондонскій, за отсутствіемъ Санкрофта исполнявшій обязанность примаса, поддерживалъ Ноттингэма. Но когда Палата обратилась въ комитетъ для разсмотрѣнія подробностей билля, оказалось, что многочисленные

въ ней ультра-англиканцы не соглашаются сдѣлать никакихъ уступокъ въ обрядахъ и словахъ для примиренія съ собою диссидентовъ. За догматы Англиканскаго символа они мало стояли, но относительно обрядовъ и формъ были непреклонны, — это потому, что догматы Англиканскаго Символа близки къ кальвинизму, между тѣмъ какъ богослужебные обряды и формы приближаются къ католическимъ, а вообще ультра-англиканцы, подобно голландскимъ арминіанамъ, были по своему духу ближе къ католичеству, нежели къ кальвинизму, хотя всѣми силами души ненавидѣли католиковъ.

Въ то же время обнаружилось, что билль, непріятный ультра-англиканцамъ, не менѣе непріятенъ и людямъ совершенно противоположныхъ убѣжденій. Тѣ самыя соображенія, которыя склонили Ноттингэма предложить этотъ билль, заставляли многихъ диссидентовъ отвергать его. Дѣло въ томъ, что время для соглашенія протестантскихъ сектъ уже прошло. Еслибъ, сто лѣтъ тому назадъ, когда распаденіе между протестантами въ Англіи еще не успѣло укорениться, Елисавета не требовала бы, какъ непремѣннаго условія, соблюденія всѣми англійскими протестантами тѣхъ формъ, которыя многимъ изъ нихъ казались папистскими и были причиною отпаденія пуританъ отъ Англиканской церкви, то конечно пуритане тогда примирились бы съ Англиканскимъ исповѣданіемъ. Но когда раздоръ продолжается, распаденіе все увеличивается и укореняется. Если бы папа Левъ X въ то время, какъ злоупотребленія продажею индульгенцій возбудили негодованіе Саксоніи, отмѣнилъ эти злоупотребленія, вѣроятно, Лютеръ до конца жизни остался бы католикомъ. Но благопріятное время было упущено, и когда черезъ нѣсколько лѣтъ Ватиканъ охотно купилъ бы миръ уступкою первоначальнаго предмета вражды, этотъ предметъ былъ уже забытъ, уступивъ мѣсто другимъ, гораздо важнѣйшимъ пунктамъ несогласія; изъ споровъ возникали споры, все увеличиваясь, и когда собрался соборъ, въ началѣ могшій примирить раздоры, онъ повелъ только къ окончательному разрыву. Отпаденіе сектъ отъ Англиканской церкви представляетъ много сходства съ отпаденіемъ протестантства отъ Католической церкви. Парламенту 1689 года точно также уже поздно было соединять протестантскія секты въ Англіи, какъ Тридентскому собору поздно было соединять различныя исповѣданія въ Германіи. Въ XVI вѣкѣ квакерство было еще неизвѣстно, въ цѣлой Англіи не было еще ни одной анабаптистской или индепендентской конгрегаціи, существовали одни только пресвитеріанцы. Въ 1689 году, индепенденты, анабаптисты и квакеры составляли уже большинство между диссидентами, а эти секты уже не

могли быть возвращены въ Англиканское исповѣданіе никакими уступками, хотя бы совершенно удовлетворительными для пресвитеріанцевъ. Индепенденты не признавали никакой центральной власти въ религіозныхъ дѣлахъ. Анабаптисты отошли отъ англиканства еще далѣе индепендентовъ, а квакеры еще далѣе анабаптистовъ. А потому уступки, которыхъ нѣкогда было бы достаточно для совершеннаго прекращенія диссидентства, теперь не удовлетворили бъ и половины диссидентовъ. А интересъ того диссидента, который не могъ быть удовлетворенъ уступками, очевидно состоялъ въ томъ, чтобы никто изъ его сотоварищей по диссидентству не получилъ удовлетворенія. Онъ могъ еще надѣяться, что всѣ диссиденты вмѣстѣ могутъ вынудить у законодательной власти безусловное допущеніе въ государственную службу; но эта вѣроятность значительно уменьшилась бы, еслибъ принятъ былъ проэктъ Ноттингэма: тогда конечно значительная часть диссидентовъ присоединилась бы къ господствующей церкви, и это отпаденіе значительно уменьшило бы силу диссидентскихъ сектъ, и безъ того уже угнетенныхъ превосходными силами враговъ. Англиканская церковь и теперь была уже гораздо могущественнѣе диссидентовъ, а если бы часть диссидентовъ перешла на ея сторону, то конечно исчезла бы у диссидентовъ, не могшихъ присоединиться къ ней, всякая надежда на уничтоженіе Акта о служебной присягѣ, препятствовавшаго имъ занимать общественныя должности.

Даже пресвитеріанскіе проповѣдники, примиреніе которыхъ съ Англиканскою церковью было прямою цѣлью билля, не всѣ желали ему успѣха. Краснорѣчивѣйшіе изъ нихъ со времени Декларація о свободѣ исповѣданій жили спокойно въ городахъ, и теперь, по Акту терпимости, уже пользовались покровительствомъ законовъ. Усердіе сектаторовъ доставляло имъ хорошія средства къ жизни. Вліяніе ихъ на паству было огромно. Пуританинъ не вступалъ въ торговую компанію, не отдавалъ дочери за мужъ, не отпускалъ сына въ дѣловую жизнь, не посовѣтовавшись съ своимъ духовнымъ руководителемъ. Въ политическихъ вопросахъ, этотъ проповѣдникъ былъ его оракуломъ. Вообще, положеніе ихъ было лучше, нежели положеніе англиканскихъ сельскихъ священниковъ. Горничная жены помѣщика бывала обыкновенно невѣстою англиканскаго капеллана; пресвитеріанскій пасторъ женился на дочери богатаго купца. Потому, соединеніе съ Англиканскою церковью вовсе не было интересно для знаменитаго диссидентскаго проповѣдника. Ему давалась бы возможность получить мѣсто приходскаго священника; но онъ, занявъ это мѣсто, лишился бы прежнихъ своихъ доходовъ,

гораздо болѣе значительныхъ. Итакъ, онъ долженъ былъ желать сохраненія настоящаго порядка вещей.

Потому партія виговъ раздѣлилась относительно вопроса о соглашеніи исповѣданій. Одна часть этой партіи хотѣла, оставивъ безъ поддержки билль соглашенія, предложить другой билль, объ измѣненіи присяги на гражданскую службу такъ, чтобы всѣ должности сдѣлать доступными для диссидентовъ. Другая часть хотѣла провести билль о соглашеніи, отлагая до удобнѣйшаго времени билль о служебной присягѣ. Результатомъ этого разногласія между приверженцами вѣротерпимости было то, что ультра-англиканцы, хотя составляли только меньшинство въ Палатѣ Общинъ и не имѣли большинства въ Палатѣ Лордовъ, могли однакожъ съ успѣхомъ воспротивиться обоимъ проэктамъ виговъ. Билль о соглашеніи исповѣданій не прошелъ, а присяга на службу осталась неизмѣнена.

Въ то самое время, когда вопросъ о биллѣ соглашенія и биллѣ присяги перепутался такъ, что затруднилъ опытнѣйшихъ государственныхъ людей, къ этимъ двумъ вопросамъ присоединился третій, еще болѣе затруднявшій дѣло.

Декларація права измѣнила форму присяги въ вѣрности королю и въ признаніи его главою Англиканской церкви. Члены Парламента уже дали присягу по новой формѣ. Но было сомнительно, какія другія лица изъ занимающихъ государственныя должности, должны дать эту присягу. Билль, которымъ разрѣшался этотъ важный вопросъ, возникъ въ Палатѣ Лордовъ. Относительно большей части постановленій этого билля не было разнорѣчія. Всѣ соглашались, что впредь отъ настоящаго времени каждый новый духовный или свѣтскій сановникъ, при вступленіи въ должность, обязывается дать присягу въ вѣрности Вильгельму и Маріи. Всѣ соглашались также въ томъ, что лица, занимающія въ настоящее время гражданскія и военныя должности, должны дать эту присягу до 1 августа 1689 года, или лишиться своихъ должностей. Но необыкновенно жаркія пренія возникли между вигами и тори по вопросу о томъ, должны ли также дать эту присягу въ вѣрности Вильгельму и Маріи лица, занимающія церковныя или университетскія (*) должности, и должны ли они быть лишены своихъ мѣстъ, если не захотятъ дать присяги. Никто не могъ сказать, каковы будутъ слѣдствія закона, повелѣвающаго членамъ многочисленнаго и могущественнаго сословія дать эту присягу, которая равнялась бы торжественному отреченію отъ ученія, которое они проповѣдывали въ теченіе многихъ лѣтъ, — отъ

(*) Читателямъ извѣстно, что Оксфордскій и Кембриджскій университеты въ то время были совершенно церковными учрежденіями, — характера этого не потеряли они и до сихъ поръ.

ученія о безграничномъ повиновеніи: присяга въ вѣрности Вильгельму и Марія была тоже самое, что отреченіе отъ ученія о неприкосновенности власти, нѣкогда принадлежавшей Іакову, признаніемъ того, что онъ лишенъ теперь этой власти не только фактически, но и по принципу. Примасъ и нѣкоторые другіе епископы и безъ того уже не посѣщали Парламента, чтобы не давать такой присяги въ качествѣ членовъ Палаты Лордовъ; они безъ сомнѣнія скорѣе согласятся лишиться своихъ мѣстъ, нежели дать присягу, которой отъ нихъ требуютъ, какъ отъ церковныхъ сановниковъ. Примѣру многихъ прелатовъ конечно послѣдуютъ сотни канониковъ и тысячи приходскихъ священниковъ. Эта мысль наводила ужасъ на каждаго тори, какъ бы ни былъ самъ онъ преданъ Вильгельму и Маріи.

Чтобы защитить отъ опасности англиканское духовенство, нѣкоторые тори утверждали, что никакая земная власть не можетъ низложить епископа. Они ссылались на Ветхозавѣтную Исторію, на Новый Завѣтъ, на исторію первыхъ вѣковъ христіанства и исторію Англіи. Но это основаніе было слишкомъ слабо: виги приводили изъ Ветхаго Завѣта и первыхъ вѣковъ христіанства и исторіи Англіи многочисленные примѣры того, что епископы были лишаемы своего сана. Тори убѣдились, что на этомъ полѣ они проигрываютъ свое дѣло, измѣнили средства защиты и не будучи въ состояніи доказать незаконности предлагаемаго обязательства, стали говорить о его жестокости и ненужности. Они краснорѣчиво распространялись о той признательности, какую заслужило отъ націи англиканское духовенство за свою преданность дѣлу законовъ при Іаковѣ; неужели не заслуживаютъ эти епископы снисходительности? Да и какая опасность можетъ быть отъ снисхожденія къ ихъ предубѣжденію? Никто не требуетъ, чтобы правительство оставляло ихъ безнаказанными, если они будутъ злоумышлять противъ него, — тогда пусть подвергаются хотя даже смертной казни. Ужели мало надъ ними власти у правительства? Если мало, то можно дать ему право требовать присягу отъ каждаго духовнаго, который чѣмъ нибудь особеннымъ возбудилъ его подозрѣніе, — и удалять отъ должности, если онъ не дастъ присягу. Такимъ образомъ правительство будетъ имѣть полную возможность удалять каждаго прелата или священника, который будетъ казаться ему опасенъ или недоброжелателенъ. Но къ чему отнимать мѣсто у мирнаго человѣка, вѣрно служащаго Вильгельму и Маріи, и недающаго присяги только потому, что совѣсть воспрещаетъ ему формально признать за націею власть низлагать и возводить королей?

Виги не оставляли безъ отвѣта и этихъ соображеній. Съ проницательностью вражды, они разсматривали, какъ велики дѣйствительно права духовенства на признательность націи, и доходили иногда до того, что совершенно отрицали эти права. Правда, говорили они, что англиканскіе духовные противились злоупотребленіямъ Іакова; но правда и то, что безъ ихъ упорнаго сопротивленія биллю объ исключеніи Іакова отъ престолонаслѣдія, онъ никогда не вошелъ бы на престолъ. Втеченіе цѣлой четверти вѣка, они только то и дѣлали, что твердили о безграничныхъ правахъ власти и о безусловномъ повиновеніи. Они виновны въ казни Росселя, Сиднея, въ казни стольких героевъ чести, погибшихъ въ борьбѣ за законы Англіи. Они слова не говорили противъ произвольной власти, пока она не стала грозить ихъ доходамъ и головамъ. Тогда только перестали они толковать о томъ, какъ первые христіане повиновались Нерону, тогда только приняли мѣры для собственнаго спасенія. Положимъ, они помогли тѣмъ торжеству дѣла законности,—но изъ за этого надобно ли забывать, что они же и ввели въ опасность дѣло законности? И неужели за то наградою должна быть свобода снова возставать противъ законовъ? Они занимаютъ важное мѣсто въ государствѣ; значительная часть страны отдана имъ въ собственность; ихъ епископы засѣдаютъ въ Парламентѣ, имѣютъ огромные доходы, величественные дворцы; они каждое воскресенье излагаютъ народу свои мнѣнія съ видомъ авторитета. Они управляютъ воспитаніемъ молодыхъ поколѣній: университеты и школы въ ихъ вѣдомствѣ. Они имѣютъ значительное вліяніе на образованіе убѣжденій въ аристократіи и дворянствѣ посредствомъ этихъ учебныхъ заведеній. Они во многихъ округахъ назначаютъ судей, отъ которыхъ зависитъ собственность и жизнь англичанъ. Кажется довольно преимуществъ и привиллегій дано имъ государствомъ — и государство не можетъ въ замѣнъ того требовать у нихъ гарантій въ вѣрности? На какомъ основаніи можетъ быть сказано, что отъ примаса, перваго сановника королевства, и епископовъ, перовъ королевства, не нужно брать ту клятву въ вѣрности, которую необходимо брать отъ самого мелкаго изъ свѣтскихъ чиновниковъ? Какой нибудь ничтожный таможенный чиновникъ, если не дастъ присяги, лишится мѣста — за эту жалкую жертву противозаконнаго ученія, внушаемаго епископами, никто не хочетъ замолвить слова; а духовные вельможи, могуществомъ и богатствомъ, которое дано имъ отъ государства, не уступающіе ни одному изъ свѣтскихъ сановниковъ, не обязаны давать присяги? Говорятъ: «она излишнее дѣло, потому что епископъ, злоумышляющій противъ правительства, можетъ быть наказанъ». Почему не говорятъ того же относи-

тельно свѣтскихъ чиновниковъ? И почему же прелатъ станетъ колебаться дать присягу въ вѣрности правительству, если намѣренъ вѣрно служить ему? Онъ обязанъ при своемъ служеніи каждый разъ провозглашать Вильгельма и Марію королемъ и королевою, молиться о ихъ благоденствіи и побѣдѣ надъ врагами, — если совѣсть не препятствуетъ ему дѣлать все это, какимъ же образомъ можетъ препятствовать ему она въ обѣщаніи быть вѣрнымъ ихъ слугою?—Говорятъ: «предоставимъ королю право лишать должности каждаго подозрительнаго духовнаго сановника, и не будемъ сами принимать общей мѣры относительно этого». Но эта мысль имѣетъ цѣлью повредить королю, заставляя его быть гонителемъ. Дѣло о присягѣ не личное дѣло короля, а государственное дѣло: государству нужно, чтобъ его сановники не были агентами французской политики. Тутъ нужны общія мѣры, а не частные примѣры; Парламентъ поступитъ подло, если не пріиметъ на себя отвѣтственность за необходимыя строгія мѣры, и чтобы выставить себя кроткимъ, принудитъ короля являться гонителемъ. Нужно не произвольное гоненіе противъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, а общая законодательная мѣра. Законъ будетъ пристрастенъ, если, требуя присяги отъ всѣхъ чиновниковъ, одному классу ихъ дастъ привиллегію не присягать. Привиллегій не нужно; законъ долженъ быть равенъ для всѣхъ, только тогда онъ будетъ справедливъ». Такъ говорили виги.

Такимъ образомъ, въ одно и тоже время Парламенту надлежало рѣшить, до какой мѣры облегчить диссидентовъ и до какой степени подчинить общему закону англиканское духовенство. Король надѣялся примирить враждебныя партіи, склонивъ тори сдѣлать уступки въ пользу диссидентовъ, подъ условіемъ, что виги сдѣлаютъ уступки въ пользу англиканскаго духовенства. Онъ рѣшился испытать силу своего личнаго вліянія. Случилось такъ, что черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ въ Палатѣ Лордовъ прочтенъ былъ во второй разъ билль о соглашеніи исповѣданій и въ первый разъ билль о присягѣ въ вѣрности, ему надобно было явиться въ Парламентъ, чтобы объявить свое утвержденіе на одинъ, прежде принятый Парламентомъ законъ. Онъ, съ престола, обратился съ рѣчью къ обѣимъ Палатамъ и выразилъ свое сильное желаніе объ измѣненіи существующихъ законовъ въ такомъ смыслѣ, чтобы диссиденты получили доступъ къ должностямъ. При этомъ подразумѣвалось, что онъ охотно согласится на этомъ условіи не требовать присяги отъ англиканскаго духовенства. Такой поступокъ его конечно заслуживаетъ славы, какъ безкорыстный и благородный: конечно, ему приноситъ славу готовность цѣною одного изъ обезпеченій своей власти купить свободу совѣсти для своихъ подданныхъ. Но тутъ

онъ выказалъ болѣе великодушія, нежели благоразумія. Изъ всѣхъ англичанъ, онъ совѣтовался объ этомъ дѣлѣ съ однимъ Ричардомъ Гампденомъ, и Ричардъ Гампденъ, хотя и пользовавшійся большимъ уваженіемъ у виговъ, не могъ поручиться ему за содѣйствіе не только цѣлой вигистской партіи, но и своего сына, Джона. Въ самомъ дѣлѣ, скоро оказалось, что взаимная ненависть тори и виговъ сильнѣе, нежели желаніе каждой партіи достичь своихъ цѣлей. Виги, хотя и думали, что актъ о присягѣ на службу долженъ быть отмѣненъ, не всѣ полагали, что настоящее время удобно для его отмѣненія; и даже тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе желали немедленнаго допущенія диссидентовъ къ государственнымъ должностямъ, были непреклонны въ рѣшимости унизить и наказать то сословіе, которое преимущественно возбуждало гоненія противъ нихъ при Стюартахъ. Довести до нищеты или торжественнаго отреченія отъ своего торійскаго ученія ультра–англиканскихъ епископовъ, главныхъ распространителей этого ученія, казалось для нихъ лишеніемъ столь сладкимъ, что они ни за что не хотѣли отъ него отказаться. Съ другой стороны, тори, правда, жалѣли духовныхъ, которые потеряютъ мѣста, не давъ присяги, но и ради этихъ уважаемыхъ ими людей не соглашались они допустить къ должностямъ ненавистныхъ имъ диссидентовъ. Пусть лучше, говорили они, потерпитъ Санкрофтъ, нежели будутъ канцлерами и лордами казначеями индепенденты. Та и другая партія равно желала облегчить участь своихъ друзей, но равно готова была отступиться отъ помощи друзьямъ для вреда врагамъ. Результатомъ этого расположенія умовъ было то, что тори удержали диссидентовъ отъ доступа къ должностямъ, предавъ англиканскихъ епископовъ на произволъ виговъ.

Въ Палатѣ Общинъ, никто не почелъ удобнымъ отмѣну Акта о служебной присягѣ, но былъ предложенъ билль, отмѣняющій законъ о корпораціяхъ, по которому могли избираться членами городскихъ управленій только люди Англиканскаго вѣроисповѣданія. Но этотъ билль отвергнутъ соединеніемъ въ этомъ случаѣ съ партіею тори нѣкоторыхъ виговъ, которымъ такая уступка казалась недостаточна. Въ Палатѣ Лордовъ былъ предложенъ билль объ отмѣненіи присяги на службу, но былъ также отвергнутъ.

Тотчасъ послѣ того начались въ Палатѣ Лордовъ пренія относительно послѣдней статьи билля о соглашеніи исповѣданій. Статья эта говорила, чтобы назначена была коммиссія изъ тридцати духовныхъ лицъ для пересмотра богослужебныхъ книгъ Англиканской церкви въ такомъ смыслѣ, который примирилъ бы съ нею диссидентовъ. Виги единодушно и сильно требовали, чтобы коммиссія составлена была не изъ однихъ духовныхъ, а также изъ мірянъ. «Міряне также

члены церкви и должны участвовать въ ея дѣлахъ, говорили они. Когда комиссія кончитъ свой пересмотръ, она представитъ сдѣланныя измѣненія на утвержденіе короля и Парламента. Безъ короля и Парламента ни одно слово въ церковныхъ книгахъ не можетъ быть измѣнено. Король—мірянинъ; пять шестыхъ частей изъ лордовъ—міряне; въ Палатѣ Общинъ всѣ члены—міряне. Если міряне произносятъ окончательное рѣшеніе о церковныхъ дѣлахъ, то должны и участвовать въ коммиссіи, о проэктахъ которой должны судить. Участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ есть сущность протестантства. Законы Англіи признаютъ это; когда прежде назначались подобныя коммиссіи въ Англіи—въ нихъ всегда участвовали міряне. Въ настоящемъ случаѣ ихъ участіе необходимѣе, нежели когда нибудь, потому что цѣль коммиссіи—примиреніе съ диссидентами, слѣдовательно члены ея должны пользоваться у диссидентовъ довѣріемъ, какъ люди безпристрастные и умѣренные, а въ этомъ отношеніи диссиденты мало довѣряютъ англиканскому духовенству. Коммиссія должна быть посредницею между диссидентами и Англиканскимъ духовенствомъ—слѣдовательно не должна состоять исключительно изъ людей одной партіи.»

По этимъ основаніямъ виги предложили составить коммиссію не исключительно изъ духовныхъ лицъ, а вмѣстѣ съ мірянами. Пренія были жарки. Даже Борнетъ защищалъ привиллегіи своего сана. При подачѣ голосовъ оказалось ровное число «за» и «противъ». По уставу Палаты Общинъ, предложеніе было сочтено отвергнутымъ.

Наконецъ билль о соглашеніи, разсмотрѣнный Палатою Лордовъ, былъ переданъ въ Палату Общинъ. Черезъ нея онъ легко прошелъ бы по огромному большинству голосовъ, если бы приверженцы религіозной терпимости были единодушны. Но въ этомъ дѣлѣ ультраангликанцы могли разсчитывать на голоса многихъ членовъ изъ партіи терпимости. Люди, желавшіе принятія билля о соглашеніи, отчаялись въ побѣдѣ. Тогда появилась мысль, въ которой соединялись всѣ партіи. По древнему обычаю, въ одно время съ Парламентомъ, свѣтскимъ собраніемъ сословій королевства, созывалась Конвокація, собраніе духовенства для обсужденія церковныхъ дѣлъ. Но такъ какъ настоящій Парламентъ образовался изъ Конвента, созваннаго внѣ обычныхъ формальностей, то Конвокаціи не было. И вотъ, было предложено, чтобы Палата просила короля восполнить это опущеніе, и чтобы пренія о биллѣ соглашенія были отсрочены въ Палатѣ до того времени, когда Конвокація выразитъ свое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ. Пусть духовенство прежде всего подастъ свой голосъ о духовномъ дѣлѣ.

Предложеніе это было принято общимъ согласіемъ. Для тори пріятно было, что такая честь оказывается духовенству. Виги, бывшіе противъ билля о соглашеніи, рады были, что это дѣло отлагается навѣрное на годъ, а вѣроятно и погибнетъ навсегда. Виги, бывшіе за билль о соглашеніи, были рады, что избавляются отъ вѣрнаго пораженія. Нѣкоторые изъ нихъ надѣялись, что въ Конвокаціи будетъ преобладать духъ примиренія. Палата приняла адресъ къ королю о созваніи Конвокаціи, Палата Лордовъ согласилась съ нею, король сказалъ, что исполнитъ просьбу Парламента какъ только позволятъ обстоятельства, и пренія о биллѣ соглашенія прекратились.

Многіе писатели, не вникнувъ въ исторію, выводятъ изъ такого хода дѣла въ Палатѣ Общинъ, что большинство ея было ультра-англиканцы. Вовсе нѣтъ: несомнѣнно, что двѣ трети членовъ были приверженцы терпимости, нерасположенные къ англиканскому духовенству. Это доказывается всѣми дѣйствіями Палаты Общинъ и между прочимъ измѣненіями, которыя она въ то же самое время, какъ покинула билль о соглашеніи, сдѣлала въ биллѣ о присягѣ въ вѣрности. Билль этотъ былъ принятъ Палатою Лордовъ съ постановленіями, благопріятными для англиканскаго духовенства. Лорды рѣшили, что всѣ свѣтскіе чиновники должны дать присягу въ вѣрности Вильгельму и Маріи, или лишиться своихъ должностей; но что духовные сановники могутъ продолжать отправлять свои должности не давая такой присяги, если только правительство не имѣетъ особенныхъ причинъ подозрѣвать кого нибудь изъ нихъ въ злыхъ умыслахъ: тогда оно можетъ особеннымъ распоряженіемъ лишить его должности. Борнетъ, по духу сословія и по врожденной добротѣ, поддерживалъ въ Палатѣ Лордовъ это постановленіе, хотя оно было составлено въ духѣ тори и ультра-англиканцевъ. Иначе рѣшила Палата Общинъ, ненавидѣвшая якобитовъ. Въ тотъ самый день, когда она приняла безъ раздѣленія голосовъ адресъ королю о созваніи Конвокаціи, она сдѣлала въ биллѣ о присягѣ на подданство измѣненія въ вигистскомъ духѣ, постановляя, что духовныя лица, подобно свѣтскимъ чиновникамъ, должны къ 1 августа дать присягу или быть лишены своихъ должностей. Послѣ 1 августа давался шести-мѣсячный срокъ на размышленіе отказавшимся отъ присяги, и если къ 1 февраля слѣдующаго (1690) года они еще будутъ упорствовать, то окончательно лишаются своихъ мѣстъ.

Билль съ этимъ измѣненіемъ былъ возвращенъ въ Палату лордовъ. Она осталась при своемъ прежнемъ рѣшеніи. Начались, одна за другою, конференціи между Палатами; предлагались различныя сдѣлки, которыми бы примирились различныя мнѣнія Палатъ. Но

Палата Общинъ была непреклонна; дѣло, по своей важности, не терпѣло промедленія; Палата Лордовъ, противъ воли, уступила, прибавивъ къ биллю уполномоченіе королю назначить нѣсколькимъ, не болѣе какъ двѣнадцати, изъ духовныхъ сановниковъ, которые не присягнутъ, пенсіи изъ тѣхъ доходовъ, которыхъ они лишатся. Сумма пенсіи не должна была превышать одной трети доходовъ, которыхъ лишился получающій пенсію. Нѣкоторые виги не принимали и этого незначительнаго смягченія; но Палата Общинъ, довольная своимъ торжествомъ, согласилась на это маловажное снисхожденіе желанію лордовъ.

Преніе о биллѣ присяги на подданство были на нѣкоторое время прерваны торжествомъ коронаціи. Она совершилась 11 апрѣля (1689), съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ. Само собою разумѣется, что всѣ вигистскіе вельможи съ восторгомъ явились участвовать въ церемоніи, составлявшей торжество ихъ партіи; но явились также въ свитѣ короля и королевы, къ разочарованію якобитовъ, и почти всѣ свѣтскіе перы изъ партіи тори. Однако епископовъ присутствовало при этомъ обрядѣ очень мало. Примасъ не явился, и мѣсто его занималъ Комптонъ. Ллойдъ Сентъ-Асафскій и Спратъ Рочестерскій совершали служеніе съ нимъ. Борнетъ сказалъ краснорѣчивую, одушевленную искреннимъ чувствомъ проповѣдь, равно удалявшуюся отъ лести Вильгельму и упрековъ побѣжденнымъ. Вообще, церемонія шла хорошо и пробудила, хотя, правда, на короткое время, нѣчто подобное энтузіазму, которымъ встрѣченъ былъ Вильгельмъ въ декабрѣ. Торжество сопровождалось по обыкновенію пожалованіями титуловъ и орденовъ. Въ орденѣ Подвязки были три вакансіи (*) — кавалерами ордена были сдѣланы Девонщейръ, Ормондъ и Шомбергъ. Принцъ Георгъ, супругъ принцессы Анны, получилъ титулъ герцога Комберлэндскаго, Дэнби титулъ маркиза Кэрмартена, Черчилль — графа Марльборо, Бентинкъ — графа Портлэнда, Мордаунтъ — графа Монмоута. Замѣчено было, что въ числѣ награжденныхъ не находился Галифаксъ. Всѣ знали, что ему легко было бы получить или голубую ленту Ордена Подвязки, или герцогскую корону, и что онъ, хотя изъ всѣхъ своихъ современниковъ наиболѣе гнушался незаконными доходами, но почести любилъ съ такою жадностью, которой самъ стыдился и которая была недостойна его высокаго ума. Но его честолюбіе связывалось теперь боязливостью. Своимъ близкимъ онъ намекалъ, что приближаются дурныя времена: здоровье короля, говорилъ онъ, такъ слабо, что едва ли можно надѣяться на годъ его жизни; въ министерствѣ

(*) Число кавалеровъ ордена Подвязки (кромѣ принцевъ крови и иноземныхъ государей) не должно превышать 26.

и въ Парламентѣ свирѣпствуютъ раздоры, въ арміи и духовенствѣ замѣтно неудовольствіе; въ Ирландіи началась междоусобная война; скоро надобно ожидать войны съ Франціею. При такомъ положеніи дѣлъ, и вигистскіе и торійскіе министры могли страшиться за свою судьбу; но всѣхъ опаснѣе было положеніе Галифакса, противъ котораго враждовали обѣ партіи. Потому онъ рѣшился избѣгать всего, что могло бы возбуждать зависть къ его могуществу, обезоруживать враговъ разсчитанною скромностью, любезностью и услугами привязывать къ себѣ людей, благодарность которыхъ могла быть ему полезна въ случаѣ контръ-революціи. «Три слѣдующіе мѣсяца, говорилъ онъ, будутъ временемъ испытанія. Если правительство удержится въ продолженіе наступающаго лѣта, оно вѣроятно будетъ уже прочно».

Между тѣмъ, вопросы внѣшней политики съ каждый днемъ становились важнѣе. Дѣло, надъ которымъ много лѣтъ неутомимо трудился Вильгельмъ, было наконецъ совершено. Великая коалиція была составлена. Ясно было, что близка отчаянная борьба съ Франціею, что Людовикъ, бывшій до сихъ поръ притѣснителемъ Европы, долженъ будетъ защищаться противъ Англіи, соединившейся съ Испаніею, Австріею, Германскимъ Союзомъ и Голландіею, имѣя союзникомъ только султана, воевавшаго съ императоромъ на Дунаѣ.

Людовикъ предвидѣлъ взрывъ и уже предупредилъ его страшнымъ ударомъ. Ударъ былъ тяжолъ, но направленъ неудачно. Если бы въ предъидущее лѣто онъ бросился къ Голландскимъ границамъ, экспедиція Вильгельма въ Англію не могла бы состояться и Іаковъ продолжалъ бы царствовать. Но Людовикъ, въ какомъ-то ослѣпленіи, двинулъ свои силы на страну, въ которой не могла рѣшиться судьба войны: его армія бросилась на Палатинатъ, одержала тамъ побѣды, — но эти побѣды не могли вознаградить его за то, что страшнѣйшій врагъ его получилъ время сдѣлаться королемъ Англіи. Теперь Франція должна была ожидать нападенія со всѣхъ сторонъ, и даже Палатинатъ, уже завоеванный, она должна была покинуть для защиты собственныхъ границъ. Въ озлобленіи, Лувуа убѣдилъ Людовика дать приказаніе опустошить покидаемое завоеваніе. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, подобное приказаніе исполнилъ Тюренвь, и тѣмъ запятналъ свою славу. Но раззореніе, совершенное въ нѣкоторыхъ округахъ Палатината Тюренномъ, было ничтожно въ сравненіи съ неистовствами, которымъ теперь подверглась эта страна, прекраснѣйшая въ средней Европѣ. Начальникъ французской арміи, Дюра, объявилъ жителямъ, что даетъ имъ три дня срока для бѣгства, и послѣ того не пощадитъ ничего,

что̀ останется въ ихъ землѣ. Это было во время глубокой зимы. Дороги и поля, одѣтыя снѣгомъ, покрылись безчисленными толпами бѣгущихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Много изъ нихъ замерзло, много умерло отъ голода; площади всѣхъ городовъ Европы наполнились нищими бѣглецами. Началось опустошеніе: всѣ жилища въ цѣлой странѣ были сожжены, всѣ засѣянныя нивы перепаханы, и ни зерна хлѣба не созрѣло на ту осень въ плодороднѣйшей землѣ Европы; не спаслась ни одна виноградная лоза, ни одно фруктовое дерево. Разрушены были и церкви и больницы. Все было разграблено, разрушено, сожжено, и камни сброшены въ рѣки, пепелъ разсѣянъ по воздуху. Опустошители, погубивъ области Гейдельбергскую, Мангеймскую и Шпейерскую, приближались къ Триру. Г-жа де Ментенонъ убѣдила Людовика, что онъ позоритъ себя такимъ ужаснымъ дѣломъ, и раззореніе остановилось. Дѣйствительно, давно бы могъ замѣтить Людовикъ, что онъ сдѣлалъ большую ошибку этою ненужною свирѣпостью. Опустошеніе Палатината, нимало не ослабивъ его враговъ, возстановило противъ него всѣ человѣческія чувства въ Европѣ. Прежде, Габсбургскій домъ колебался при мысли о союзѣ съ протестантами, — это колебаніе исчезло. Напрасно укоряли Людовикъ и Іаковъ Австрію и Испанію за союзъ съ врагомъ католичества, съ похитителемъ престола,—отвѣтъ на эти укоризны былъ легокъ: стоило только указать на Палатинатъ, и каждый понималъ, что Людовикъ врагъ не протестантовъ, а врагъ всѣхъ христіанъ.

Во всю зиму и до поздней весны, государства, враждебныя Франціи, собирали свои силы. Когда наступило время похода, одна держава за другою издавала манифестъ, объявляющій войну общему врагу. Германскій Союзъ объявилъ войну Франціи въ февралѣ, Голландія въ мартѣ, Бранденбургъ въ апрѣлѣ, Испанія въ маѣ.

Въ Англіи, немедленно по совершеніи коронаціи, Палата Общинъ рѣшила начать совѣщанія о недавнихъ дѣйствіяхъ французскаго короля. Въ преніяхъ, бурно высказалась накопившаяся втеченіе тридцати лѣтъ вассальства ненависть къ Людовику. Комитетъ, составленный изъ горячихъ виговъ, долженъ былъ приготовить адресъ королю. Джонъ Гампденъ, самый крайній вигъ изъ всѣхъ членовъ комитета, былъ избранъ предсѣдателемъ и написалъ актъ, наполненный такими выраженіями противъ Людовика, которыя скорѣе могли назваться проклятіями, нежели соображеніями государственнаго человѣка. При раздраженномъ состояніи Палаты, адресъ въ этомъ тонѣ былъ бы принятъ, если бъ не было въ немъ слишкомъ ясныхъ намековъ противъ Карла II, какъ вассала Франціи— это остановило Палату: адресъ былъ возвращенъ въ Коми-

тетъ для исправленія, переписанъ болѣе приличнымъ языкомъ, принятъ Палатою и представленъ королю. Онъ просилъ Вильгельма обратить вниманіе на враждебныя дѣйствія Франціи и увѣрялъ короля въ усердной поддержкѣ со стороны націи при войнѣ съ Людовикомъ. Вильгельмъ горячо благодарилъ Палату Общинъ. «Честолюбіе, сказалъ онъ, никогда не заставило бы меня обнажить мечь. Но мнѣ не остается выбора. Франція уже напала на Англію, и необходимо прибѣгнуть къ праву самозащищенія.» Черезъ нѣсколько дней, была объявлена война Франціи.

Въ числѣ причинъ войны, выставленныхъ адресомъ Палаты Общинъ и манифестомъ короля, важнѣйшею было вмѣшательство Людовика въ дѣла Ирландіи. Въ этой странѣ, со времени переворота въ Англіи, грозныя событія быстро слѣдовали одно за другимъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

Продолженіе (*)

XLV.

Русскія провинціальныя типографіи (1750 — 1815).

Умноженіе типографій въ нашихъ губернскихъ городахъ началось со времени изданія Императрицей Екатериной II, Учрежденія для управленія губерній, 7 ноября 1775 («Полн. Собр. Зак.», Т. 20, № 14,392). Тогда при Губернскихъ Правленіяхъ стали открываться типографіи. Число ихъ еще болѣе возросло, когда указомъ 15 января 1783 года («Полн. Собр. Зак.» Т. 21, № 15,634), дано было всякому право заводить вездѣ типографіи съ порученіемъ надзора за печатаніемъ книгъ Ценсурѣ Управы Благочинія. Съ тѣхъ поръ началась усиленная дѣятельность книгопечатанія въ такъ-называемыхъ вольныхъ типографіяхъ, и особенно Типографической компаніи въ Москвѣ. Съ этого времени сталъ съ особенною ревностью дѣйствовать на благородномъ поприщѣ своемъ Николай Ивановичъ Новиковъ, главный распорядитель трудовъ компаніи, печатавшей сочиненія, которыя она признавала полезными, преимущественно

(*) См. «Современникъ» 1856 года №№ 5, 6, 7, 8, 11 и 1857 года, №№ 3, 4 и 5.

въ московскихъ типографіяхъ Новикова, Лопухина и Разсказова. Содержаніе вольныхъ типографій было запрещено указомъ 16 сентября 1796 года («Полн. Собр. Зак.», Т. 23, № 17,508), т. е. чечерезъ тринадцать съ половиною лѣтъ послѣ разрѣшенія заводить ихъ и притомъ учреждены цензуры изъ двухъ свѣтскихъ и одного духовнаго цензоровъ въ обѣихъ столицахъ, Ригѣ, Одессѣ и Радзивиловѣ. Новое позволеніе открывать вольныя типографіи воспослѣдовало по указу 9 февраля 1802 года («Полн. Собр. Зак.», Т. 27, № 20,139), съ подчиненіемъ цензуры губернаторамъ, а 5 августа 1807 года («Полн. Собр. Зак.», Т. 29, № 22,579), повелѣно учредить типографіи при всѣхъ Губернскихъ Правленіяхъ.

Блистательную роль, разумѣется, играли въ литературномъ движеніи съ 1783 по 1796 годъ обѣ столицы, особенно Москва. Но преданіе сохранило извѣстія о томъ, что многіе губернскіе города также отличались тѣмъ, что въ нихъ было тогда напечатано множество книгъ.

Я старался собрать нѣкоторыя свѣдѣнія для разъясненія послѣдняго обстоятельства. Чтобы не вдаваться въ излишнія подробности, я ограничусь здѣсь показаніями, которыя представляетъ намъ «Опытъ Русской Библіографіи» Сопикова. Почтенный авторъ съ молодыхъ лѣтъ, въ началѣ девяти-десятыхъ годовъ прошедшаго вѣка, сталъ заниматься книжною торговлей, и втеченіе двадцати лѣтъ, съ необыкновенною, особенно для того времени, заботливостью и любовью къ дѣлу велъ записки, составлялъ каталоги и собиралъ справки. Это доставило ему возможность издавать съ 1813 года свою книгу, которая и теперь остается единственною въ своемъ родѣ и не сходитъ со стола всякаго любителя библіографіи и исторіи литературы.

Мы слышимъ иногда упреки книгѣ Сопикова за неопредѣленность и неточность нѣкоторыхъ показаній. Но какъ имъ не быть въ 13,249 заглавіяхъ книгъ? Подробности у него точно иногда невѣрны. Будемъ исправлять ихъ, но не упрекать Сопикова, который составилъ свою книгу самъ, безъ всякаго предварительнаго собранія матеріаловъ. Не забудемъ, что книга эта всякій день бываетъ намъ полезна, хотя какъ первоначальное и общее указаніе рѣдкихъ изданій. Наконецъ, вспомнимъ, что при всѣхъ притязаніяхъ новѣйшихъ временъ, никто не подумалъ не только составить что нибудь подобное, но даже исправить неизбѣжныя погрѣшности въ драгоцѣнной книгѣ отца русской библіографіи.

Итакъ, допуская, что свѣдѣнія, извлеченныя изъ книги Сопикова, будутъ неполны, будемъ на этотъ разъ довольствоваться ими, признавая ихъ, если даже *не приблизительно вѣрными*, то, по край-

ней мѣрѣ, возможно полными по имѣвшимся въ столицахъ свѣдѣніямъ, и извлечемъ изъ нихъ необходимые результаты.

Въ «Опытѣ» Сопикова находится, какъ сказано выше, 13,249 нумеровъ; изъ нихъ 12,798 въ самой книгѣ и 451 въ прибавленіи, въ концѣ пятой части. Изъ этого числа исключимъ заглавія книгъ церковной печати, которыхъ помѣщено въ первой части 1737 и въ прибавленіи къ пятой части 128, всего 1865 нумеровъ. Останется для книгъ гражданской печати 11,384 нумера. Трудъ Сопикова можно считать доведеннымъ до 1814 года; хотя есть нѣкоторыя указанія позднѣйшихъ изданій, но тутъ уже помѣщены только немногія книги.

Изъ числа 11,384 нумеровъ книгъ гражданской печати, показанныхъ у Сопикова, должно прежде всего исключить 67 книгъ, изданныхъ за границей въ двадцати-трехъ городахъ: Амстердамѣ (2), Будинѣ (7), Варшавѣ (3), Венеціи (3) Виттембергѣ (1), Вѣнѣ (19), Карловицѣ (1), Кёльнѣ (1), Клагенфуртѣ (1), Лейпцигѣ (8), Лондонѣ (1), Львовѣ (2), Острогѣ (1), Парижѣ (1), Пармѣ (1), Познани (1), Почаевѣ (5), Прагѣ (1), Стокгольмѣ (4), Тирнаѣ (1), Яссахъ (2).

Къ этимъ 67 нумерамъ присоединимъ еще шесть книгъ, напечатанныхъ въ 1790—1791 годахъ въ Яссахъ и Бендерахъ въ походной типографіи князя Потемкина.

За исключеніемъ этихъ 73 книгъ, остается напечатанныхъ гражданскимъ шрифтомъ въ Россіи книгъ 11,311. Въ ихъ числѣ немногія только не обозначены мѣстомъ или годомъ изданія.

Тутъ открывается неожиданная пропорція книгъ, напечатанныхъ въ провинціальныхъ городахъ.

Сопиковъ въ росписи своей насчитываетъ такихъ городовъ 29 (*). Изъ нихъ въ четырехъ печатаны книги до открытія вольныхъ типографій; въ одиннадцати выходили книги съ 1783 по 1796 годъ, а въ остальныхъ четырнадцати стали они появляться послѣ этого времени, то-есть, послѣ перваго запрещенія вольныхъ типографій и до 1814 года.

Представляю списокъ этихъ городовъ въ хронологическомъ порядкѣ показанія у Сопикова первой вышедшей въ каждомъ изъ нихъ книги, и съ обозначеніемъ, сколько въ каждомъ упоминается напечатанныхъ книгъ.

Кіевъ (1751) 17.—Рига (1770) 17.—Казань (1774) 9. Изъ нихъ восемь съ 1806 года, то-есть, послѣ основанія университета.—То-

(*) Въ предувѣдомленіи къ росписи авторъ приводитъ списокъ русскихъ типографій въ 1812 году; ихъ было тогда: въ Петербургѣ, казенныхъ 10, частныхъ 8; въ Москвѣ—казенныхъ 3, частныхъ 3; въ губернскихъ городахъ — казенныхъ 39, частная 1; всего 66 типографій. *М. Л.*

больскъ (1789) 8. Въ 1790 и 1791 годахъ Панкратій Сумароковъ, сосланный на жительство въ Тобольскъ, издавалъ тамъ журналъ «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену.» — Николаевъ (1782) 18. — Тамбовъ (1786) 17. Въ Тамбовѣ типографію особенно поддерживалъ Державинъ, назначенный туда губернаторомъ въ 1785 году и напечатавшій тамъ нѣкоторыя сочиненія, см. у Сопикова №№ 3146 и 3148. — Ярославль (1786) 2. Въ этомъ году издавался тамъ журналъ «Уединенный Пошехонецъ». — Калуга (1788) 27. Въ Калугѣ въ 1804 году также издавался журналъ «Уранія.» Въ 1793 и 1795 годахъ, тамъ изданы каталоги книгамъ, продававшимся въ лавкѣ Приказа Общественнаго Призрѣнія. — Полоцкъ (1789) 2. — Тула (1790) 1. — Козловъ (1791) 2. — Курскъ (1792) 9. — Кострома (1793) 7. — Смоленскъ (1795) 62. Изъ этого числа большая часть книгъ напечатана уже въ началѣ нашего вѣка, особенно въ 1802 году, то-есть, послѣ вторичнаго разрѣшенія вольныхъ типографій. — Бердичевъ (1796) 1. — Вильна (1798) 4. — Владиміръ (1798) 19. — Житоміръ (1798) 1. — Воронежъ (1799) 21. — Нижній-Новгородъ (1799) 3. — Екатеринбургъ (1804) 3. — Митава (1804) 5. — Харьковъ (1805) 52. Всѣ эти книги появились съ основаніемъ университета. — Витебскъ (1806) 1. — Дерптъ (1810) 5. — Ревель (1810) 1. — Астрахань (1813) 1. Это были «Астраханскія Вѣдомости.» — Тверь (1814) 2. — Орелъ (1814) 1. Всего 317 нумеровъ.

Итакъ, если принять показанія Сопикова, то на 29 городовъ, въ 65 лѣтъ, приходится только 317 книгъ, а остальныя 10,994 вышли въ обѣихъ нашихъ столицахъ, можетъ быть, за немногими исключеніями, если предположить, что небольшое число немногихъ книгъ, мѣсто печатанія которыхъ у Сопикова необозначено, вышло изъ губернскихъ типографій.

Между тѣмъ, тотъ же Сопиковъ говоритъ («Оп. Русск. Библ. Ч. I, стр. CXIX), что въ концѣ семидесятыхъ годовъ, и въ восьмидесятыхъ годахъ прошедшаго вѣка, заведено довольно много типографій въ губернскихъ городахъ. Между-прочимъ, онъ упоминаетъ о томъ, что еще до указа 1783 года были открыты типографіи въ Тамбовѣ, Калугѣ, Тулѣ, Харьковѣ, Смоленскѣ, Воронежѣ и Тобольскѣ.

Куда же дѣвались книги, напечатанныя въ этихъ типографіяхъ? Мы видѣли, что только въ Тобольскѣ вышла книга до 1783 года, въ Тамбовѣ, Калугѣ и Тулѣ вышло съ восьмидесятыхъ годовъ всего 45 книгъ, въ Воронежѣ и Смоленскѣ показаны изданными книги еще позднѣйшія, а о харьковскихъ книгахъ до основанія университета нѣтъ и помину у Сопикова. Нельзя думать, чтобы онъ, современникъ, добросовѣстный любитель, назвалъ именно эти семь городовъ наобумъ. Даже позднѣйшая дѣятельность упомянутыхъ

губернскихъ типографій, хотя бы она была сильнѣе, чѣмъ говорится въ каталогахъ, не могла бы объяснить бездѣйствія губернскихъ типографскихъ станковъ въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Тѣмъ болѣе покажется намъ безполезнымъ существованіе въ то время губернскихъ типографій, если вспомнимъ, что тогда не существовали губернскія вѣдомости, что административныя сношенія были не такъ многосложны, какъ теперь, что и для нихъ вовсе не употреблялись даже печатныя бланки.

Все это невольно приводитъ къ заключенію, что вѣроятно было много книгъ, изданныхъ въ губернскихъ городахъ, но по какимъ нибудь причинамъ, недостатку сообщеній и проч. книги эти могли не доходить до столицъ и не попали въ каталоги того времени. Какъ бы ни были преувеличены мнѣнія о литературномъ, или по крайней мѣрѣ типографскомъ движеніи въ губернскихъ городахъ въ концѣ прошлаго вѣка, дошедшія до насъ указанія не могутъ быть и приблизительно вѣрными, такъ они ничтожны и бѣдны.

Если дѣйствительно остаются въ неизвѣстности книги, напечатанныя въ губерніяхъ и не оставившія слѣда въ каталогахъ, то какъ не желать, чтобъ онѣ сдѣлались извѣстны хоть по заглавіямъ? Въ Петербургѣ и Москвѣ онѣ не попадаются. Остается надѣяться, что въ провинціяхъ найдутся любители, которые займутся ихъ розысканіемъ или по крайней мѣрѣ собраніемъ свѣдѣній о началѣ, дѣятельности и дальнѣйшихъ судьбахъ мѣстныхъ типографій, игравшихъ, какъ гласитъ преданіе, значительную роль въ исторіи нашего просвѣщенія и письменности (*). Предположеніе мое о томъ, что многія книги, изданныя въ губерніяхъ, остались неизвѣстными, тѣмъ вѣроятнѣе, что въ моей библіотекѣ есть нѣсколько книгъ позднѣйшаго времени, напечатанныхъ въ провинціи и не вошедшихъ ни въ одинъ каталогъ.

XLVI.

Походная типографія князя Потемкина (1787 — 1791).

Въ предъидущей статьѣ я упомянулъ о походной типографіи, заведенной Потемкинымъ при его главной квартирѣ. Явленіе это довольно любопытно, чтобы собрать оставшіяся о немъ извѣстія.

(*) Авторъ «Библіографическихъ Записокъ» съ истинною признательностію приметъ всякое сообщеніе по этому предмету, что доставитъ ему полезные матеріалы для разныхъ розысканій, касающихся нашей библіографіи и исторіи литературы. *М. Л.*

Сопиковъ утверждаетъ («Оп. Русск. Библ.» ч. I, стр. CXIX), что типографія эта была заведена въ 1787 году. Но до насъ дошли только извѣстія о 6 книгахъ, напечатанныхъ въ ней въ Яссахъ и Бендерахъ въ 1790 и 1791 годахъ.

Вотъ какія были это книги:

1) «Изслѣдованіе Христіанства,» пер. съ англійскаго Луки Сичкарева, in 4. (Яссы 1790).

2) «Названіе древнихъ мореходныхъ судовъ Греческихъ», in 4. (Бендеры. 1790).

3) «Опытъ о человѣкѣ», философическая поэма Г. Попія, пер. Н. Поповскаго, in 4. (Яссы. 1791).

4) «Привѣтствіе князю Г. А. Потемкину-Таврическому, при провозглашеніи его гетманомъ козацкихъ Екатеринославскихъ и Запорожскихъ войскъ», говоренное въ монастырѣ Голіи Амвросіемъ, архіепископомъ Екатеринославскимъ и Херсонскимъ, in 4. (Яссы. 1790).

5) «Канонъ Спасителю Господу Іисусу, соч. княземъ Г. А. Потемкинымъ, in 8. (Яссы, безъ означенія года (*).

6) «Послѣднее цѣлованіе свѣтлѣйшему князю Г. А. Потемкину-Таврическому», при совершеніи надгробнаго пѣнія въ Яссахъ, въ монастырѣ Голіи, говоренное архіепископомъ Амвросіемъ, in 4. (Яссы 1791).

Всѣ эти книги составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость. Въ моей библіотекѣ есть между прочимъ экземпляръ ясскаго изданія «Опыта о человѣкѣ». Оно было четвертымъ. (Первые три напечатаны въ Москвѣ, 1757, 1763 и 1787 годахъ). Ясская перепечатка, сдѣланная Лукою Сичкаревымъ, состоитъ изъ VIII и 114 страницъ in 4 и не отличается въ текстѣ отъ перваго изданія. Въ обоихъ изданіяхъ напечатаны крупными буквами стихи, передѣланные Духовною Ценсурой въ переводѣ Поповскаго, иногда въ ущербъ метрическимъ требованіямъ и смыслу подлинника. Въ началѣ ясскаго изданія находится слѣдующее посвященіе, подписанное буквами Л. С. (Лука Сичкаревъ).

Его свѣтлости князю Г. А. Потемкину-Таврическому, науки среди своихъ побѣдъ покровительствующему.

«Поповской предстаетъ между твоихъ трофеевъ,
Гдѣ раздавался гласъ Назоновъ и Орфеевъ:
Прими, великій вождь, среди твоихъ вѣнцовъ,
Его въ чужой земли съ издателемъ въ покровъ.

(*) Князь Потемкинъ — русскій авторъ; кажется онъ еще нигдѣ не помѣщенъ въ числѣ нашихъ писателей. *М. Л.*

Ты болѣ Августа себя здѣсь тѣмъ прославишь,
Что памятникъ такой средь пальмъ своихъ поставишь,
Что громъ оружія, торжествъ и плесковъ звукъ
Вѣщаній предъ тобой не заглушилъ наукъ,
И что свершая долгъ ты бранный предъ Палладой,
Былъ средь мечей для музъ защитой и отрадой».

Потемкинъ умеръ 5 октября 1791 года и слово, сказанное по этому случаю архіепископомъ Амвросіемъ, и о которомъ упомянуто выше, было вѣроятно послѣднимъ произведеніемъ, вышедшимъ изъ походной типографіи фельдмаршала. Дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна.

Кстати замѣчу, что славныя войны того времени вообще не препятствовали участвовавшимъ въ нихъ заниматься литературой и науками, среди ежедневныхъ трудовъ и опасностей. Приведу въ примѣръ одну изъ книгъ моей библіотеки. Вотъ ея заглавіе:

«Миръ Европы не можетъ иначе возстановиться какъ только по продолжительномъ перемиріи, или проэктъ всеобщаго замиренія, сопряженнаго купно съ отложеніемъ оружій на двадцать лѣтъ между всѣми политическими державами. Переведено съ французскаго языка въ станѣ предъ Очаковымъ въ 1788 году, втеченіе солнца чрезъ небесные знаки». (Слѣдуютъ изображенія небесныхъ знаковъ мѣсяцевъ: сентября, октября, ноября и декабря). «Печатано съ дозволенія указнаго у Вильковскаго. Въ С.-Петербургѣ, 1789 года. in 8. Стр. XXXVI и 185».

Это переводъ сочиненія Сенъ-Пьерра, сдѣланный Р. Ц. (Романомъ Цебриковымъ), и посвященный графу (впослѣдствіи князю) и государственному канцлеру Александру Андреевичу Безбородкѣ.

Весьма любопытно то, что переводчика занимала мысль о всеобщемъ мирѣ, можно сказать, наканунѣ одной изъ кровопролитнѣйшихъ въ лѣтописяхъ войны битвъ, то-есть Очаковскаго штурма, происходившаго, какъ извѣстно, 6 декабря 1788 года.

XLVII.

Ученое предпріятіе въ Москвѣ (1767).

Въ нашихъ каталогахъ значится книга:

«Переводы изъ Энциклопедіи, 3 части. М. при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ; 1767 года». Эти три части небольшаго объема; въ первой — 121, во второй — 158, въ третьей — 126 страницъ in 8. Самая книга довольно рѣдка; кромѣ того съ изданіемъ

ся сопряжено любопытное обстоятельство, о которомъ, если не ошибаюсь, ничего не напечатано.

Въ 3 частяхъ «Переводовъ изъ Энциклопедіи» помѣщено 27 статей, переведенныхъ нѣсколькими лицами, которыхъ имена напечатаны при началѣ книги въ особомъ спискѣ. Этотъ списокъ представляетъ соединеніе лицъ самыхъ разнородныхъ по происхожденію и общественному положенію и доказываетъ, до какой степени благородное занятіе науками и сочувствіе къ просвѣщенію сильны въ дѣлѣ сближенія людей между собою. Привожу списокъ переводчиковъ, прилагая по возможности при всякомъ имени подробности, относящіяся къ каждому лицу.

1) *Александръ Ильичъ Бибиковъ* (род. 1729, ум. 1774). Знаменитый полководецъ, нанесшій первый ударъ Пугачеву, занимался и литературой. Онъ былъ во время изданія «Переводовъ» предсѣдателемъ въ Коммиссіи для сочиненія новаго Уложенія, собранной въ Москвѣ, въ числѣ 652 депутатовъ. Въ томъ же 1767 году, нѣсколько ранѣе, во время путешествія Императрицы Екатерины II по Волгѣ, Бибиковъ участвовалъ въ переводѣ Мармонтелева «Велисарія», переложеннаго Государыней и ея приближенными. Бибиковъ бралъ на себя переводы статей изъ Энциклопедіи по военной наукѣ.

2) *Сергѣй Матвѣевичъ Кузьминъ* (лицо мнѣ неизвѣстное) избралъ часть юридическую.

3) *Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ* (род. 1744, ум. 1789), двоюродный племянникъ основателя Московскаго Университета; авторъ извѣстнаго посланія къ Нинонѣ (Épître à Ninon). Предметами его были коммерція и мануфактуры.

4) *Степанъ Өедоровичъ Стрекаловъ*, бывшій впослѣдствіи статсъ-секретаремъ, избралъ алгебру и высшую математику.

5) *Михайло Матвѣевичъ Херасковъ* (род. 1733, ум. 1807), извѣстный писатель, бывшій въ 1767 году директоромъ университета; предметами его были: поэзія, словесныя науки и магія. Въ переводахъ напечатаны три его статьи: а) наррація, б) натура и в) волшебство.

6) *Князь Өедоръ Алексѣевичъ Козловскій*, бывшій питомецъ университета, и служившій въ 1767 году въ Коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго Уложенія. Онъ былъ пріятный стихотворецъ; въ 1769 году отправился онъ за границу и привелъ своими познаніями и любезностію въ восторгъ Вольтера, котораго посѣтилъ въ Фернеѣ. Козловскій погибъ въ Чесменскомъ бою (1770), при взорваніи корабля «Евстафій». Изъ Энциклопедіи онъ перевелъ въ нашемъ изданіи 2 статьи о словопроизведеніи, такъ какъ выбранный имъ предметъ были: письмена.

7 и 8) *Семенъ и Алексѣй Васильевичи Нарышкины*; первый изъ нихъ служилъ въ Сенатѣ, второй былъ камеръ-юнкеромъ. Оба брата были стихотворцы. Особенно Алексѣй напечаталъ не мало стиховъ въ «Полезномъ увеселеніи», журналѣ Хераскова (Москва, 1760—1762), гдѣ между прочимъ помѣщена его ода къ Императору Петру III на указы о вольности дворянской и уничтоженіи Тайной Канцеляріи, въ февралѣ 1762 года. С. Нарышкинъ перевелъ изъ Энциклопедіи двѣ статьи: а) экономія и б) право естественное; А. Нарышкинъ также двѣ: а) нравоученіе и б) посредственность. Избранный ими предметъ былъ нравоученіе.

9) *Алексѣй Андреевичъ Ржевскій*, камеръ-юнкеръ, бывшій впослѣдствіи въ должности директора при Академіи Наукъ. Ржевскій также написалъ много стиховъ и въ томъ числѣ оду къ Петру III по случаю тѣхъ же указовъ, произведшихъ въ Россіи общую и шумную радость. Новиковъ («Оп. Ист. Слов. о Рос. писат.», стр. 189) хвалитъ игранную въ 1769 году трагедію его «Смердій», которая не показана въ нашихъ каталогахъ и напечатана не была. Избранный Ржевскимъ предметъ для переводовъ изъ Энциклопедіи была исторія и имъ помѣщены три статьи: а) исторія, б) одежды римлянъ и в) гамакъ. Ржевскій умеръ 20 апрѣля 1804 года дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ.

10) *Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ*; онъ служилъ въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка въ военной службѣ, и путешествовалъ довольно долго по чужимъ краямъ. Въ послѣдствіи онъ былъ пожалованъ въ каммергеры, и съ 1775 по 1783 годъ былъ директоромъ и вице-президентомъ Академіи Наукъ. Домашневъ въ молодости написалъ много стиховъ, и занимался переводами изъ Вольтера и Мармонтеля. Предметомъ его въ переводахъ изъ Энциклопедіи была географія, о которой онъ и доставилъ двѣ статьи. Домашневъ умеръ въ 1796 году.

11) *Петръ Дмитріевичъ Веніаминовъ*, профессоръ ботаники при Московскомъ Университетѣ, издававшій съ 1765 года «Московскія Вѣдомости» (ум. 1775); онъ (также, какъ и слѣдующіе за нимъ ниже два переводчика) избралъ въ Энциклопедіи медицинскую часть, и перевелъ статью о желчной болѣзни.

12) *Семенъ Герасимовичъ Зыбелинъ*, профессоръ медицины въ университетѣ и товарищъ Веніаминова, съ которымъ учился за границей. (Ум. 26-го апрѣля 1802.) Имъ переведены двѣ статьи: а) Баня и б) Желчь.

13) *Петръ Ивановичъ Погорѣцкій*, докторъ медицины, воспитанникъ Лейденскаго университета, переводчикъ Шрейбера и др. авторовъ, писавшихъ о врачебной наукѣ. Онъ перевелъ изъ Энци-

клопедіи шесть статей: а) Докторство, б) Докторъ медицины, в) Догматическій, г) Палецъ, д) Пальцы и е) Дракункулъ.

14) *Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ*, профессоръ краснорѣчія въ Московскомъ университетѣ (род. 1730, ум. 21-го января 1791), извѣстный ораторъ торжественныхъ ученыхъ собраній. Избранный имъ предметъ была метафизика.

15) *Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ*; еще каммеръ-пажемъ былъ любимцемъ императора Петра III, и потомъ адъютантомъ его, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ. При восшествіи на престолъ Екатерины II онъ былъ уже генералъ-поручикомъ и александровскимъ кавалеромъ, и управляя Новороссійскимъ Краемъ, занимался науками и отыскиваніемъ древностей. Недолго спустя онъ былъ пожалованъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ, а съ 1773 года правилъ должность президента Каммеръ-Коллегіи. Въ послѣдствіи онъ управлялъ постепенно губерніями Ярославскою, Костромскою, Архангельскою, не переставая радѣть о просвѣщеніи и производить ученыя розысканія въ томъ краѣ, который былъ ему ввѣренъ. Такъ напр. собралъ онъ древнія зырянскія бумаги, учредилъ мореходное училище въ Холмогорахъ и пр. Подъ конецъ жизни онъ былъ кавалеромъ всѣхъ россійскихъ орденовъ, и пользовался всегда особенной довѣренностію Государыни. Мельгуновъ умеръ въ 1788 году. Въ объявленіи объ изданіи переводовъ изъ Энциклопедіи сказано, что А. П. Мельгуновъ взялъ на себя финансы, *или дѣла, принадлежащія къ государственнымъ доходамъ.*

16) *Дмитрій Васильевичъ Волковъ* былъ въ 1767 году дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и президентомъ Мануфактуръ-Коллегіи. При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ молодой Волковъ занималъ уже чрезвычайно важную должность секретаря министерской конференціи, а при Петрѣ III пользовался неограниченною довѣренностію Государя, такъ что рапорты Совѣту, писанные на имя Императора, адресовывались Волкову. Имъ написанъ манифестъ 21-го февраля 1762 объ уничтоженіи Тайной Канцеляріи, рѣшенномъ по его совѣту. Въ послѣдствіи Волковъ былъ сенаторомъ (1770), смоленскимъ намѣстникомъ (1776) и генералъ-полиціймейстеромъ (1782), оставаясь и президентомъ Мануфактуръ Коллегіи; онъ умеръ въ 1785 году. Въ начавшемся изданіи переводовъ изъ Энциклопедіи онъ выбралъ себѣ описаніе искусствъ и художествъ.

17) *Михаилъ Григорьевичъ Собакинъ* избралъ предметомъ своимъ политику. Мнѣ ничего неизвѣстно объ этомъ лицѣ.

18) *Графъ Аполлосъ Епафродитовичъ Мусинъ-Пушкинъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, былъ въ 1767 году президентомъ Бергъ-Коллегіи (ум. 29-го іюня 1771) и взялъ на себя переводить

изъ Энциклопедіи статьи по минералогіи, которыхъ напечатано двѣ. Графъ А. А. былъ отецъ знаменитаго графа Аполлоса Аполлосовича, просвѣщеннаго вельможи, умершаго на 45 году жизни (1805 г.) въ Тифлисѣ, во время предпринятаго имъ ученаго путешествія для минералогическихъ изслѣдованій въ Закавказскомъ Краѣ.

19) *Князь Николай Никитичъ Трубецкой* (род. 1744, ум. 1821), бывшій въ послѣдствіи другомъ Новикова и однимъ изъ главнѣйшихъ и усерднѣйшихъ дѣятелей Типографической компаніи или Дружескаго Общества въ Москвѣ, въ чемъ много содѣйствовала ему и супруга его княгиня Варвара Александровна, урожденная княжна Черкасская. Извѣстно, что въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка князь и княгиня пожертвовали огромныя суммы для предпріятій этого общества на пользу отечественнаго просвѣщенія. Въ 1767 году молодой Трубецкой избралъ переводъ статей изъ Энциклопедіи о Церковной исторіи и напечаталъ двѣ статьи о Соборахъ.

Послѣ списка переводчиковъ статей изъ Энциклопедіи напечатано приглашеніе къ желающимъ *принять участіе въ толь полезномъ трудѣ* и *въ такихъ матеріяхъ, которыя еще не разобраны*, присылать свои труды *къ издателю сихъ листочковъ Канцеляріи Совѣтнику и Императорскаго Московскаго Университета Директору г. Хераскову*. Желающіе были обязаны подписывать свои имена подъ переводами, которые должны были печататься съ такими подписями, потому что поправокъ дѣлать не предполагалось, *а слѣд. каждый за себя и отвѣтствовать долженъ*. Кромѣ того вмѣнялось въ обязанность переводчикамъ: присылать *артикулы* вдругъ, а не по частямъ, заботиться о четкости письма, и обозначать ссылки на другія статьи непремѣнно французскими заглавіями съ переводомъ на русскій, или и безъ перевода.

Таковы были основанія ученаго предпріятія, душой котораго былъ, какъ видно изъ приведеннаго приглашенія, Херасковъ. Эта черта въ исторіи его литературной дѣятельности до сихъ поръ была, какъ кажется, совершенно неизвѣстна.

Вышедшія три части «Переводовъ изъ Энциклопедіи» свидѣтельствуютъ, что это предпріятіе только начало осуществляться, и скоро исполненіе его прекратилось по неизвѣстнымъ причинамъ. Не менѣе того оно представляетъ любопытный фактъ для исторіи нашего просвѣщенія. Не забудемъ, что Энциклопедія Дидерота и Даламбера, не смотря на ясные для потомковъ недостатки и увлеченія, была дѣйствительно явленіемъ, которое громадностію размѣровъ и разнообразіемъ свѣдѣній, въ немъ заключавшихся, не могло не имѣть необыкновеннаго авторитета въ свой вѣкъ, котораго оно было выраженіемъ. Въ Россіи, недавно познакомившейся съ Евро-

пой, она не могла имѣть также нѣкоторое вліянія. И такъ понятно, что просвѣщенные въ духѣ времени люди хотѣли познакомить своихъ соотечественниковъ съ чудомъ своего вѣка. И въ этомъ стремленіи сходятся: Предсѣдатель Депутатовъ всей Россіи, три президента Государственныхъ Коллегій, директоръ Университета, шесть молодыхъ богачей или аристократовъ, армейскій офицеръ, два или три любителя наукъ и четыре ученыхъ, изъ которыхъ трое профессоровъ университета, гдѣ уже воспитались нѣкоторые изъ ихъ молодыхъ сотрудниковъ. Имена всѣхъ участниковъ, безъ чиновнаго мѣстничества, публикуются во всеобщее свѣдѣніе съ приглашеніемъ кому угодно войти въ ихъ сообщество. Всѣ эти черты, кажется, стоятъ того, чтобы сдѣлать извѣстнымъ это ученое предпріятіе, начатое въ Москвѣ въ 1767 году.

XLVIII.

Неизданная эпиграмма Пушкина (1825).

Извѣстно, что Пушкинъ написалъ много эпиграммъ, особенно на тѣхъ журналистовъ, которые по своей недобросовѣстности или по непониманію истинной поэзіи нападали на его произведенія. Вотъ одна изъ многихъ неизданныхъ эпиграммъ, относящаяся къ лицу, уже давно не существующему, но не однажды когда-то испытавшему остроту пера поэта.

— Какъ? Живъ еще Курилка—журналистъ? —
— Живехонекъ! Все такъ же сухъ и скученъ,
И грубъ, и глупъ, и завистью размученъ;
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ
И старый вздоръ и вздорную новинку! —
— Фу, надоѣлъ Курилка — журналистъ!
Какъ загасить вонючую лучинку?
Какъ уморить Курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ! — Да плюнуть на него!

Эпиграмма эта основана на извѣстномъ припѣвѣ: «живъ, живъ, Курилка!» Пушкинъ переписалъ ее на-бѣло 1-го января 1825 года.

МИХ. ЛОНГИНОВЪ.

Москва.
27-го мая 1857.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Нѣсколько словъ о скукѣ. — Крѣпостные амуры и зефиры на Адмиралтейской площади. — Весельчакъ-помѣщикъ и другой любитель веселости, начальникъ заведенія. — Цыгане стараго времени и нынѣшніе цыгане. — Дочь статскаго совѣтника и испанская Камелія. — Знаменитое слово *непринято* и такъ называемые *порядочные* люди. — Еще одинъ господинъ съ таинственнымъ существованіемъ. — Невскіе пароходы. — Острова. — Разговоръ двухъ господъ въ трактирѣ на Каменномъ острову. — Барыня на пристани и крѣпостные мальчишки въ лодкѣ. — О г-жѣ Броганъ. — Некрологъ Н. Я. Прокоповича. — Новое изданіе сочиненій Гоголя. — Бенефисъ Излера, загородныя увеселенія. — Задачи, предложенныя отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. — Восьмое засѣданіе Русскаго Географическаго Общества.

Жизнь хороша, но жить скучно.... по крайней мѣрѣ мнѣ. Можетъ быть вамъ весело, любезный читатель; впрочемъ нѣтъ, я убѣжденъ, что и вамъ скучно, если только привычка въ соединеніи съ апатіей еще не совсѣмъ завладѣла вами и не заставила васъ окончательно примириться съ тѣмъ, съ чѣмъ примириться нѣкогда вамъ казалось невозможнымъ и преступнымъ. Я скучаю въ городѣ, въ столицѣ, не смотря на ослѣпляющій блескъ и неслыханную роскошь, которыя такъ и мечутся мнѣ въ глаза на каждомъ шагу, несмотря на тысячи такъ называемыхъ удовольствій, наслажденій и развлеченій, которыми я могу пользоваться ежедневно, не смотря на балы, рауты, театры, и маскерады; не смотря на Итальянскую оперу съ восхитительной Бозіо; не смотря на устрицы и омары, которые, впрочемъ, въ Петербургѣ никогда не бываютъ очень свѣжи; не смотря на великолѣпные рестораны, въ которыхъ берутъ съ васъ въ маѣ мѣсяцѣ по три рубля серебромъ за одного тощаго и маленькаго цыпленка; не смотря на прелестныя петербургскія окрестности, въ которыхъ гремятъ оркестры музыки; не смотря на всѣхъ этихъ Гунглей и Штраусовъ, которые размахиваютъ смычками и подпрыгиваютъ in's Grüne, не столько для того, чтобы дирижировать своими оркестрами, сколько для того, чтобы согрѣваться, потому что въ лѣтніе петербургскіе вечера иногда бываетъ не болѣе восьми градусовъ тепла, а при восьми градусахъ, въ одномъ

фракѣ не жарко; не смотря даже на восхитительныхъ петербургскихъ Камелій.... это прилагательное я вставляю здѣсь собственно для красоты слога (безъ прилагательныхъ слогъ какъ-то сухъ и холоденъ).... восхитительными Камеліи были назадъ тому лѣтъ пятьнадцать — я говорю объ извѣстныхъ Камеліяхъ, ибо самая юная изъ нихъ уже должна будетъ скоро праздновать тридцатую весну своей жизни.... И такъ, я скучаю въ столицѣ и завидую тѣмъ, которые вдалекѣ отъ кирпичныхъ выбѣленныхъ стѣнъ, вонючихъ каналовъ и гранитныхъ набережныхъ, вдалекѣ отъ шума и грома наслаждаются миромъ и тишиною въ своихъ наслѣдственныхъ или благопріобрѣтенныхъ помѣстьяхъ, вдыхаютъ въ себя ароматическій воздухъ полей и лѣсовъ, любуются живописными видами: холмами, оврагами, рощами, лугами, пашнями и прочимъ, и прочимъ.... Вы — я повторяю, что убѣжденъ въ этомъ.... скучаете въ деревнѣ и завидуете мнѣ, я завидую вамъ.... Но мы ошибаемся оба, любезный читатель.... ни перемѣна мѣстъ, ни перемѣна положеній, не поможетъ намъ.... Скука будетъ преслѣдовать насъ всюду, безвыходная, неотвязчивая скука....

Отчего же, скажите мнѣ Бога ради!... отчего же прежде люди не знали, что такое скука? Отчего наши дѣды и отцы жили такъ весело, широко и беззаботно и въ городахъ и въ деревняхъ, хотя города не представляли и сотой доли тѣхъ развлеченій, которые они представляютъ теперь... а деревни.... Но, правда, въ деревняхъ, во время оно, живали несравненно съ большими затѣями, чѣмъ теперь и въ этомъ случаѣ нельзя не отдать преимущество доброму старому времени.... У кого, напримѣръ, изъ нынѣшнихъ помѣщиковъ вы найдете крѣпостные, домашніе оркестры?... Увы! теперь *всѣ эти амуры и зефиры*, кларнеты и скрыпки распроданы по одиночкѣ. Лѣтъ десять назадъ тому, одинъ благодѣтельный помѣщикъ, вздумалъ было перевезти амуровъ и зефировъ, доставшихся ему послѣ покойныхъ родителей и заложенныхъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ, въ балаганъ, на Адмиралтейской площади, но эта попытка ему не совсѣмъ удалась.... Во-первыхъ потому, что амуры и зефиры устарѣли немножко, утратили гибкость и ловкость въ членахъ, развязность и смѣлость, потолстѣли и огрубѣли въ уединеніи скромной сельской жизни и при отсутствіи практики, да и костюмы ихъ и трико полиняли и поистерлись и сдѣлались имъ узковаты.... а во вторыхъ.... во-вторыхъ потому, что эта афера показалась уже слишкомъ груба и не удачна даже самымъ отчаяннымъ любителямъ и защитникамъ патріархальныхъ отношеній, связующихъ собственника съ его движимою собственностію. Я не сомнѣваюсь даже, что г. Бланкъ—этотъ остроумнѣйшій и пла-

меннѣйшій защитникъ патріархальности, даже и онъ протестовалъ бы противъ такого балагана, если бы такой балаганъ могъ появиться въ наше время.... Но если могутъ появляться въ наше время въ печати статьи въ родѣ статей г. Бланка, почему же не появиться на Адмиралтейской площади балаганамъ, въ родѣ того балагана, о которомъ я завелъ рѣчь.... Въ самомъ дѣлѣ — почему же? Но это нейдетъ къ дѣлу. Я хочу знать, почему мы утратили способность веселиться такъ, какъ веселились прежде?... Я помню, меня возили въ дѣтствѣ къ одному веселому и благодѣтельному помѣщику, который недовольствовался тѣмъ, что самъ постоянно былъ веселъ, но требовалъ, чтобы всѣ кругомъ его веселились. Въ воскресенье и табельные дни, всѣ крестьяне и крестьянки его обязаны были, надѣвъ праздничные кафтаны и сарафаны, съ веселыми лицами прохаживаться въ помѣщичьемъ паркѣ живописными группами, и пѣть пѣсни. Послѣ этой прогулки праздничныя платья снимались съ нихъ и складывались въ кладовую до новаго праздника. Въ самые торжественные дни ставился посреди помѣщичьяго двора превысокій шестъ, съ подарками на вершинѣ, на который влѣзали самые ловкіе и отчаянные парни. Помѣщикъ съ отеческою любовію слѣдилъ за играми поселянъ и одобрялъ ихъ иногда привѣтливою улыбкою, ласковымъ словомъ или рукоплесканіемъ. Люди, неспособные къ играмъ, и потому мало принимавшіе въ нихъ участія, характера серьёзнаго, неумѣвшіе корчить веселаго лица, причислялись помѣщикомъ къ людямъ подозрительнымъ и неблагонадежнымъ, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ были примѣрными крестьянами по честности и по трудолюбію. Но благодѣтельный помѣщикъ даже преслѣдовалъ такого рода людей.

— «Если человѣкъ не имѣетъ открытой, веселой физіономіи, разсуждалъ онъ: — слѣдовательно онъ не доволенъ чѣмъ нибудь, а я хочу, чтобы у меня всѣ были веселы и довольны...»

Этотъ помѣщикъ напоминалъ мнѣ начальника того заведенія, въ которомъ я воспитывался, человѣка очень почтеннаго и добраго. Начальникъ прежде всего требовалъ отъ воспитанниковъ, чтобы они имѣли веселыя физіономіи, и неослабно преслѣдовалъ и даже строго наказывалъ тѣхъ, которые неумѣли казаться довольными и веселыми. Всѣхъ серьёзныхъ мальчиковъ, даже самыхъ кроткихъ и смирныхъ, онъ добросовѣстно почиталъ если не совершенно безнравственными, то по крайней мѣрѣ подозрительными, потому только, что они не смотрѣли ему сладко въ глаза, и не корчили улыбки при его взглядѣ.

Такіе любители веселости, такіе милые весельчаки, теперь стали уже рѣдкостью...

Но можетъ быть я не замѣчаю веселыхъ людей, потому только, что мнѣ скучно?.. Развѣ эти толпы, *гуляющія* (въ обширномъ значеніи слова) въ виллѣ Боргезе, у Излера, на Крестовскомъ, на Петровскомъ, на Кушелевкѣ, на петергофской дорогѣ, въ *Марьиныхъ Рощахъ*, въ *Веселыхъ Островахъ* и прочее, не веселятся?... Развѣ эти безпрестанные оттычки шампанскаго, эти крики — не веселье?... Развѣ вотъ этотъ господинъ съ стеклышкомъ въ глазу и съ хлыстомъ на рукѣ, стоящій въ залѣ Минеральныхъ водъ у самой рампы устроеннаго въ этой залѣ театра, и аплодирующій цыганкамъ — не веселится?... Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ!... Какое же это веселье? Такъ ли веселились въ старые годы!... Да и эти цыгане... помилуйте, неужели эти цыгане похожи на прежнихъ удалыхъ и веселыхъ цыганъ — на знаменитую Танюшу, или Стешку, или на незабвеннаго и удалаго Илью?... Бывало, когда Илья притопнетъ, да взмахнетъ гитарой, на вольномъ воздухѣ, на широкомъ пространствѣ, въ настоящей Марьиной рощѣ, а Таня или Стеша зальются — такъ у васъ сердце захлебнется отъ восторга, и всѣ косточки сами собой захотятъ... А когда Стеша кончитъ, такъ на нее польется дождь изъ бумажекъ, серебра и золота.... То ли еще бывало? Какой нибудь отставной гусаръ временъ давыдовскихъ, съ огромными усищами и съ пурпуровымъ носомъ, за одну пѣсню Стеши бросалъ къ ея ногамъ сто тысячъ, которые онъ сорвалъ наканунѣ въ штосъ... Боже мой! Что дѣлалось тогда въ цыганскихъ таборахъ!.. Вотъ это было веселье, безумное, шумное, искреннее веселье!... И неужели нынѣшнія цыганки, въ корсетахъ, въ шаляхъ и въ пестрыхъ нѣмецкихъ платьяхъ, еще чуть ли не съ кринолинами, которыя чопорно сидятъ передъ вами на театральныхъ подмосткахъ въ залахъ Минеральныхъ водъ и виллы Боргезе и поютъ какъ-то не хотя, жеманясь, и стоящіе сзади ихъ деревянные, неповоротливые, неловкіе цыгане въ красныхъ раковаго цвѣта кафтанахъ, однимъ видомъ своимъ наводящіе непроходимую скуку и уныніе... неужели это потомки Ильи, Танюши и Стеши?

Увы! теперь даже и въ цыганскихъ таборахъ нѣтъ веселья, и цыгане выродились, выдохлись, и скучаютъ.... Скажите, куда же дѣваться отъ тоски, отъ этой разъѣдающей душу современной тоски, отъ которой не можешь отдѣлаться нигдѣ.... даже на индійскихъ, мавританскихъ и феерическихъ вечерахъ Излера и Виллы-Боргезе, которую не могутъ разогнать ни Штраусы, ни Гунгли, ни ліонскія, ни тирольскія пѣвицы, ни фейерверки, ни иллюминаціи, никакія выдумки и усилія изобрѣтательныхъ спекуляторовъ?

Слова: «какая скука!» раздаются повсюду,—въ Павловскѣ, въ Петергофѣ, на островахъ, на всѣхъ прогулкахъ и гуляньяхъ.

Я на дняхъ ѣздилъ въ Павловскъ; въ томъ отдѣленіи кареты, куда попалъ я, сидѣли между прочими пожилая барыня или барыння, дочь или жена статскаго совѣтника, пожилой господинъ — по крайней мѣрѣ статскій совѣтникъ (судя по прекраснымъ манерамъ и по апломбу) — мужъ или братъ этой госпожи, вѣрнѣе братъ; дама великолѣпно разодѣтая въ кринолинѣ, въ шолковомъ платьѣ съ воланами и въ турецкой шали, лѣтъ 25-ти, съ южными чертами лица, и противъ нея поношенная госпожа, въ поношенномъ платьѣ и таковой же шляпкѣ.... Это были, какъ оказалось въ послѣдствіи, вновь прибывшая въ Петербургъ испанская Камелія и ея наперстница.... Глядя на нее, я убѣдился (замѣчу мимоходомъ), что Камеліи—французскія, нѣмецкія, испанскія, русскія и такъ далѣе, не смотря на различіе національностей, какъ цыгане, имѣютъ въ манерахъ, во взглядѣ, въ позахъ и проч., что-то родственное и что всѣхъ ихъ можно отличить съ перваго взгляда. Возлѣ наперстницы, наискосокъ испанской Камеліи, сидѣлъ молодой человѣкъ, русскій, очень красивый и одѣтый щеголевато. Онъ завелъ рѣчь съ испанкой на французскомъ языкѣ. Между тѣмъ статскій совѣтникъ, сидѣвшій рядомъ съ нею, искоса бросалъ на нее взгляды и потомъ посматривалъ на всѣхъ насъ съ значительною улыбкою, ясно говорившею: «вы понимаете, господа, къ какому *классу* принадлежитъ *эта барыня?* — Люди чиновные вѣроятно по служебной привычкѣ даже и прекрасный полъ раздѣляютъ на *классы*, до такой степени они привыкли къ чиновнымъ классификаціямъ.... Возлѣ статскаго совѣтника сидѣла его.... ну, положимъ сестра, — все равно я буду звать его сестрою.... Сестра статскаго совѣтника съ непреодолимымъ и жаднымъ любопытствомъ пожирала своими глазами испанскую Камелію, ея шляпку, шаль, платье, ботинки.... Испанка обнаружила свою ножку, положивъ ее на противоположную скамейку, гдѣ сидѣла ея наперстница. Ножка у испанки (я не могу не отдать ей этой справедливости) маленькая и обута въ изящную ботинку и шолковый чулокъ..... Статская совѣтница, или по крайней мѣрѣ сестра статскаго совѣтника... впивалась во все это и въ тоже время улыбалась съ презрительной гримасой и съ небольшимъ оттѣнкомъ злобы.

Отрывая на мгновеніе свой ядовитый взоръ отъ испанки, она обращалась съ продолженіемъ той же улыбки, только нѣсколько смягченной, къ намъ, т. е. къ публики и казалось хотѣла сказать намъ: «Вотъ чѣмъ непріятны эти желѣзныя дороги: — по неволѣ сидишь иногда.... чортъ знаетъ съ кѣмъ. Ну, представьте, я столбовая дворянка, я помѣщица, я статская совѣтница должна сидѣть на одной скамейкѣ вотъ съ этакой... Это ужасно!»

Она почему-то обращалась въ особенности ко мнѣ и казалось искала въ моемъ лицѣ сочувственнаго выраженія своимъ внутреннимъ мыслямъ.... Но я отвернулся отъ нее, потому что я сочувствовалъ болѣе испанки, чѣмъ ей.

— Отчего это у васъ на всѣхъ гуляньяхъ такая скука? спросила испанка по французски молодаго человѣка: — вы всѣ ходите повѣся головы, какими-то вялыми, какъ будто васъ насильно притащили гулять....

«Однако, видно я не ошибаюсь» подумалъ я,» даже и испанка замѣтила, что насъ томитъ скука!»

— Вотъ что выдумала! прошептала по русски статская совѣтница, взглянувъ на братца: — у нихъ въ Испаніи, я думаю, весело!...

— Вы можетъ быть нашу скромность принимаете за скуку.... замѣтилъ статскій совѣтникъ по французски и не безъ ироніи, взглянувъ на нее лѣвымъ глазомъ: — мы русскіе любимъ скромность и приличіе.

Испанка гордо и быстро измѣрила своимъ взглядомъ статскаго совѣтника, полуоборотившись въ его сторону, и улыбаясь обратилась къ молодому человѣку и шепнула ему что-то.

— Охота говорить тебѣ съ эдакой дрянью! прошептала сестрица статскаго совѣтника, толкнувъ его съ досады локтемъ.

Но статскій совѣтникъ не послушалъ сестрицу и уже не только съ ироніей, но съ раздраженіемъ обратился съ испанкѣ.

— А что, сударыня, вамъ нравятся наши мужчины? Не правда ли они молодцы?... я думаю, получше и *по великодушнье* вашихъ испанцевъ?...

— Я мало обращала на нихъ вниманія и не имѣла нужды испытывать ихъ великодушія, отвѣчала испанка не гладя на статскаго совѣтника: — Если ваши дамы находятъ, что ваши мужчины такъ хороши, то я ихъ поздравляю съ этимъ.

— Экая наглость! прошептала статская совѣтница: — скажи ей, что ея испанцы во сто разъ хуже нашихъ русскихъ... слышишь?... И она опять толкнула братца локтемъ.

— Ну, Богъ съ ней, матушка, лучше оставить ее въ покоѣ, отвѣчалъ братецъ.

Молодой человѣкъ завелъ рѣчь о нынѣшнихъ шляпкахъ, замѣчая, что онѣ идутъ только къ очень молоденькимъ и хорошенькимъ (что̀ весьма справедливо), и испанка замѣтила ему по этому случаю, что въ Парижѣ уже восемь мѣсяцевъ, какъ перестали носить эти шляпки и что мы русскіе сильно отстаемъ модами....

При этомъ статская совѣтница уже совершенно вышла изъ себя.

— Слышишь, прошептала она все толкая брата локтемъ: — слышишь? мы отстали! да какъ она смѣетъ это говорить.... дрянь эдакая.... отдѣлать бы ее хорошенько.... Если бы только я не считала униженіемъ заговорить съ нею, ужь я бы ее отдѣлала, она въ другой разъ не посмѣла бы говорить этого....

— Да полно, матушка, возразилъ статскій совѣтникъ шопотомъ: —ну чего ты разгорячилась.... Стоитъ она этого?

Но сестрица продолжала сердиться и шипѣть всю дорогу и все-таки не спускала глазъ съ испанки. По выраженію лица ея не трудно было догадаться, что она мучительно завидовала платью испанки, ея шляпкѣ, ея шолковому чулку, ея шолковой ботинкѣ, ея турецкой шали и проч.

Мы пріѣхали въ Павловскъ. Толпы высыпали изъ вагоновъ.

— Ты къ кому нибудь пріѣхалъ сюда? спрашивалъ какой-то господинъ у другаго.

— Нѣтъ, ни къ кому отвѣчалъ зѣвая другой: — не зналъ куда дѣться отъ скуки, такъ и притащился сюда...

Черезъ пять минутъ вся пріѣзжая толпа разсыпалась по парку и я потерялъ изъ виду и испанку и наперстницу и статскую совѣтницу съ статскимъ совѣтникомъ....

Вечеромъ въ воксалѣ была толпа народа. Отчаянные любители музыки и отчаянныя любительницы Штрауса, — по большой части павловскія обитательницы, — сидѣли у самой эстрады, на которой подпрыгиваетъ г. Штраусъ.... Городъ Павловскъ гордится Штраусомъ... Въ саду и паркѣ только и слышится: Штраусъ! Штраусъ!.. Его портретъ барыни и барышни рисуютъ на скамейкахъ, его имя вырѣзываютъ на деревьяхъ, матери передаютъ его своимъ дѣтямъ и милые младенцы лепечутъ: Штраусъ!... Это даже умилительно.... Остальные, болѣе равнодушные къ Штраусу, гуляющіе обоего пола сидѣли на стульяхъ или на скамейкахъ, или плавно прохаживались по аллеямъ. По ту сторону пруда въ паркѣ стояли экипажи... Великосвѣтскія барышни по большой части слушаютъ музыку издалека, сидя въ своихъ экипажахъ, около которыхъ толкутся великосвѣтскіе господа. Пользуясь этимъ, многіе совсѣмъ не великосвѣтскія госпожи останавливаютъ тутъ же свои экипажи, въ надеждѣ быть принятыми за великосвѣтскихъ. Имъ очень скучно недвижно сидѣть въ экипажахъ: пройтиться было бы гораздо веселѣе и полезнѣе для здоровья, но мысль смѣшаться съ *толпою*, со *всѣми*, заставитъ ихъ перенести не только скуку — пытку. Странно устроено петербургское общество,—впрочемъ, я думаю, не одно петербург-

ское, а и московское, казанское, саратовское, тверское, царевококшайское, усть-сысольское, и такъ далѣе... всѣ эти общества помѣшаны на своего рода галантерейностяхъ и приличіяхъ. Слова: «Ахъ! это *не принято*!» не сходятъ съ языка нашихъ дамъ, начиная съ супруги царевококшайскаго судьи и усть-сысольскаго исправника, не ѣздившихъ никуда далѣе Казани или Усть-Сысольска, до петербургской генеральши, имѣющей пріѣздъ ко Двору... *Кѣмъ* не принято? *Почему* не принято? Эти вопросы никому и въ голову не приходятъ. Не принято, да и кончено. Этого «не принято» придерживаются не однѣ дамы и кавалеры. Еслибы у кавалеровъ *не принято* было брать взятки, взятокъ бы не брали—и въ такомъ случаѣ даже какой нибудь самый мельчайшій уѣздный чиновникъ скорѣе бы умеръ съ голоду, чѣмъ взялъ взятку, такъ всемогуще слово *не принято*. Но къ сожалѣнію это всемогущее слово не примѣняется у насъ ни къ чему существенному въ жизни. Брать взятки принято, надуть лошадью, зачитать книжку, воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ человѣка, скупить его векселя за безцѣнокъ, и посредствомъ этой операціи задаромъ пріобрѣсти хорошее имѣніе, подставить подножку человѣку, стоящему на нашей дорогѣ, оклеветать и погубить его, если намъ это полезно, изъ-за какого нибудь лишняго украшенія на одеждѣ продать свою совѣсть... и прочее и прочее — все это принято, все это дѣлаютъ сплошь и рядомъ, а пойти, напримѣръ, въ кресла въ оперу съ женой, если средства наши не позволяютъ пріобрѣсть ложу... сохрани Боже! Это не принято... Мы дворяне— да еще можетъ быть столбовые!... Что про насъ скажутъ? А ни меня ни жены моей почти никто не знаетъ... Мы страстные любители музыки, мы сходимъ съ ума отъ Россини, Беллини и Донидзетти, слышать Рубини и Маріо, Гризи и Бозіо было бы для насъ величайшимъ наслажденіемъ, — пойти въ кресла у насъ достало бы денегъ, но мы ни за что не пойдемъ въ кресла, потому только, что это не принято. Лучше проскучаемъ дома, или для того, чтобы только сидѣть въ ложѣ, какъ прилично столбовымъ дворянамъ, займемъ — если не имѣемъ другихъ средствъ болѣе легкихъ доставать деньги, а если имѣемъ — возьмемъ взятку, чтобы только сидѣть въ ложѣ. Иному легче взять взятку, чѣмъ рѣшиться сказать женѣ: «другъ мой, ложа для насъ дорога, пойдемъ въ кресла», потому что жена его также столбовая дворянка, потому что она получила прекрасное воспитаніе, и отъ одной мысли идти пѣшкомъ въ театръ, да еще въ кресла, могла бы упасть въ обморокъ. Она можетъ быть еще и не захочетъ ѣхать въ ложу — въ 4-й или даже 3-й ярусъ, потому что она ѣздила всегда въ бельэтажъ, въ бенуаръ или, покрайней мѣрѣ, во 2-й ярусъ.... Ея папенька можетъ быть генералъ, а

генеральской дочкѣ невозможно же карабкаться въ 3-й ярусъ, — и сидѣть на ряду съ какими-нибудь принадлежащими къ Богъ знаетъ какому обществу! И какъ же она будетъ сидѣть въ 3-мъ ярусѣ, когда ея институтская подруга Sophie или Nadine сидитъ въ бель-этажѣ, но мужья у Sophie и у Nadine имѣютъ большое состояніе — это другое дѣло... Но возраженія впрочемъ безполезны, они не принимаются... образованной супругѣ и въ голову не приходитъ вопросъ: откуда взять мужу денегъ? По ея понятіямъ, порядочному человѣку нельзя не имѣть денегъ.... Она увидитъ у Sophie или у Nadine какую нибудь удивительную шляпку или мантилью съ валансьенскими кружевами—и не успокоится до тѣхъ поръ, покуда мужъ не купитъ ей точно такую, несмотря на то, что эта мантилья поглотитъ мѣсячный доходъ бѣднаго мужа. Отъ этой мантильи зависитъ семейное спокойствіе и счастіе... А для чего ей эта мантилья?... Sophie и Nadine имѣютъ большой кругъ знакомства, онѣ много выѣзжаютъ, у нихъ блестящіе экипажи, абонированныя ложи, собственные дома, — а у нея нѣтъ ничего этого, кругъ ея знакомства вовсе не блестящъ и очень ограниченъ. Ея родители истрачивали вдвое, нежели получали, ихъ имѣніе заложено и перезаложено, ихъ крестьяне въ нищетѣ, ихъ домъ въ деревнѣ разваливается, и дождь проходитъ сквозь полусгнившую крышу, они на шагъ отъ нищеты, но этотъ примѣръ не дѣйствуетъ на дочку; она приметъ за сумасшедшаго того, кто рѣшится сказать ей о положеніи ея родителей, потому что, по ея понятіямъ, столбовые дворяне въ генеральскомъ чинѣ никакъ не могутъ впасть въ нищету. Къ тому же она слышала, что въ Петербургѣ есть люди, которые проживаютъ десятки тысячъ, не имѣя ничего — и на этихъ людей всѣ смотрятъ съ пріятностію, всѣ ихъ принимаютъ, всѣ имъ пожимаютъ руки, всѣ ихъ называютъ людьми *порядочными*, потому что они не дѣлаютъ ничего такого, что *не принято*, потому что они одѣты прилично и со вкусомъ, имѣютъ хорошіе экипажи, дорогую мебель, мѣшаютъ французскія фразы съ русскими въ разговорѣ, словомъ все какъ слѣдуетъ. Отчего же люди, не имѣющіе ничего, умѣютъ жить такъ хорошо, тогда какъ мы живемъ бѣднѣе ихъ и хуже, имѣя состояніе, — хоть небольшое, но все таки состояніе, душъ 200 или 300?....

Какое намъ дѣло, откуда вы берете деньги, живите только такъ, какъ живутъ всѣ, какъ принято, если вы хотите прослыть *порядочными* людьми—это общественная аксіома, и я не осуждаю мою даму. Не она одна, всѣ мы болѣе или менѣе гоняясь за лестнымъ титломъ порядочныхъ людей, покупаемъ его нерѣдко дорогою цѣною совѣсти, чести и человѣческаго достоинства....

И Боже мой! еслибы мы вглядѣлись попристальнѣе въ жизнь и въ людей, насъ окружающихъ, еслибы мы разоблачили всѣ эти таинственныя существованія такъ называемыхъ порядочныхъ людей,— намъ можетъ быть огадились бы слова и фразы: *человѣкъ порядочный* (un homme comme il faut).... *это такъ принято* и проч... И знаменитый петербургскій Монте-Кристо, котораго я уже слегка очеркнулъ въ моихъ замѣткахъ (*), слылъ *порядочнымъ* человѣкомъ... и вотъ этотъ господинъ, который теперь подходитъ ко мнѣ (читатель вѣроятно не забылъ, что я гуляю въ павловскомъ воксалѣ) и протягиваетъ ко мнѣ руку, которую я пожимаю, слыветъ *порядочнымъ* человѣкомъ...

А чѣмъ же онъ не порядочный?... У него очень привлекательная наружность: густые, бѣлокурые волосы ниже ушей съ завитками на концахъ, у него большіе голубые глаза съ выраженіемъ томнымъ и какъ будто просящимъ чего-то. Онъ одѣтъ по модѣ, на немъ брелоки, драгоцѣнныя кольца и цѣпочки... Правда все это въ такомъ изобиліи, которое бросаетъ нѣкоторую тѣнь на его порядочность; правда, манеры его какъ-то ужь слишкомъ сладки, движенія слишкомъ изнѣженны, онъ ужь слишкомъ щеголяетъ своими глазами, кольцами и брелоками, чего не дѣлаютъ порядочные люди; правда, весь онъ пропитанъ какими-то сильными духами, которые порядочные люди не употребляютъ, и пропитанъ до того, что могъ бы съ успѣхомъ замѣнять въ комнатахъ курительныя бумажки, плитки съ одеколономъ и другія благовонныя снадобья,—но все таки онъ слыветъ *порядочнымъ* человѣкомъ,—я могу васъ увѣрить въ этомъ; съ нимъ знакомъ князь Г*, графъ С*, онъ даже *на ты* съ ними; его знаютъ всѣ—и мнѣ нисколько не стыдно протянуть ему руку, и еще пожать ее, несмотря на то, что я очень хорошо знаю, что такое этотъ господинъ.

— Какъ *твое* здоровье? говоритъ онъ мнѣ, улыбаясь съ тою оффиціально-приторной улыбкой, которая обратилась въ гримасу у нѣкоторыхъ.

Онъ говоритъ мнѣ *ты* и даже часто называетъ меня въ разговорѣ нѣжно *душа моя*....

Какое же онъ имѣетъ право говорить мнѣ ты и называть меня своею душою?...

Я всегда затрудняюсь отвѣчать на эти вопросы, которые я задаю самому себѣ. Я съ этимъ сладкимъ господиномъ не имѣю ничего общаго, я съ нимъ видаюсь въ годъ разъ, и рѣже; я даже не желалъ бы вовсе встрѣчаться съ нимъ.... Но разъ какъ-то.... это

(*) Совр. № 3. 1837 г. Замѣтки Н. П.

было ужъ очень давно.... я былъ на какомъ-то обѣдѣ, на которомъ присутствовалъ и этотъ сладкій господинъ и на которомъ всѣ пили *на ты* по желанію хозяина. Мѣсяцъ спустя, послѣ этого обѣда, я встрѣчаюсь съ нимъ, и говорю ему *вы*, а онъ перебиваетъ меня съ улыбкою:

— Развѣ ты забылъ, говоритъ, душа моя, что мы пили на *ты?*

Нечего дѣлать, съ тѣхъ поръ мы такъ и остались на ты.

— Давно мы съ тобой не видались, душа моя, продолжаетъ онъ, и при этомъ еще дружески треплетъ меня по плечу.

«Да для чего же намъ съ тобой видѣться?» — думаю я, однако, по слабости моего характера, не говоря ему этого. Я только смотрю на него.

— Ты никогда не заглянешь ко мнѣ, продолжаетъ онъ, не смущаясь моею холодностью: — это стыдно тебѣ (а я думаю напротивъ).... Я, говоритъ, совсѣмъ за-ново отдѣлалъ свою квартиру. Меблировалъ ее Туръ....

Странные бываютъ люди на свѣтѣ, — да что же мнѣ за дѣло до того, кто меблировалъ его квартиру?

— А какая здѣсь скука!... (При этомъ сладенькій господинъ насильственно зѣваетъ): — и что за публика? Ни одного знакомаго лица!

Это значитъ: — вѣдь ты знаешь, что я знакомъ только съ людьми великосвѣтскими, съ князьями и графами, а такъ какъ здѣсь я не вижу князей и графовъ — то поэтому мнѣ скучно....

Но почему же этотъ господинъ причисляетъ себя къ великосвѣтскимъ людямъ? Что онъ такое?...

Онъ просто г. Курмышевъ.—Фамилія, кажется, не важная, состоянія онъ не имѣетъ никакого, да у него, видите ли, дяденька женился на единственной дочери какого-то купца-милліонера и изъ мелкаго, бѣднаго и ничтожнаго чиповника превратился быстро въ особу 4-го класса, напялилъ на себя шитый мундиръ, завелъ швейцара съ булавой, и галлерею съ предками, сталъ задавать князьямъ и графамъ блистательные ужины и обѣды.... Князья и графы кушаютъ и подсмѣиваются надъ нимъ, но онъ доволенъ и тѣмъ, что они у него кушаютъ, что они удостоиваютъ его своимъ посѣщеніемъ. Черезъ дядю князья и графы узнали и племянника... и племянникъ въ свою очередь пригласилъ къ себѣ на ужинъ князей и графовъ... И князья и графы по неопытности и молодости поѣхали. Откуда же беретъ онъ деньги, чтобы задавать ужины, ѣздить въ экипажахъ, покупать мебель Тура, и прочее? Вѣдь у него ничего нѣтъ?... Развѣ ему дядя даетъ денегъ? Нѣтъ, дядя ему не даетъ ничего. Можетъ быть, онъ имѣетъ выгодное мѣсто по службѣ и

ловко пользуется имъ? — Нѣтъ; но потому-то существованіе его и принадлежитъ къ страннымъ существованіямъ тѣхъ петербургскихъ таинственныхъ господъ, которые, не имѣя ничего, проживаютъ много. Тайны такихъ существованій разоблачаются не вдругъ, но однако разоблачаются.

Г. Курмышевъ пускаетъ даже пыль въ глаза роскошью....

Однажды, на какомъ-то вечерѣ, одинъ изъ его великосвѣтскихъ знакомыхъ, подходитъ къ нему, и указывая на блестящія, зеленыя пуговицы его жилета, говоритъ:

— Какъ блестятъ твои стеклышки!

Г. Курмышевъ нѣсколько оскорбляется.

— Нѣтъ, душа моя, отвѣчаетъ онъ:—ты ошибаешься.... это не стеклышки, а настоящіе изумруды... Эти пуговицы стоятъ три тысячи серебромъ; у меня такая коллекція пуговицъ для жилетовъ, какой у васъ ни у кого нѣтъ, у меня, начиная отъ самыхъ простенькихъ, отъ двухсотъ рублевыхъ, до этихъ — семь перемѣнъ.

Пуговки дѣйствительно изумрудныя.... господинъ Курмышевъ не хвастаетъ.... Квартира его точно меблирована Туромъ, и стѣны ее разукрашены заграничными литографіями въ великолѣпныхъ рамахъ. Въ искусствѣ г. Курмышевъ мало понимаетъ толку, и не отличитъ раскрашенную литографію отъ живописи, и потому онъ обращаетъ болѣе вниманія на рамки, но за то всѣ стѣны его такъ и горятъ золотомъ; ѣздитъ онъ на настоящихъ рысакахъ, сбруя на которыхъ изукрашена блестящими бляхами.... Если бы онъ умѣлъ побороть въ себѣ излишнюю страсть къ блеску и желанію всѣмъ метаться въ глаза, если бы онъ менѣе удивлялся (а еще бы лучше, если бы не удивлялся вовсе) самому себѣ и своимъ украшеніямъ, если бы у него было по болѣе вкусу и такту — онъ былъ бы безукоризненъ.... Онъ даже могъ бы сдѣлать себѣ карьеру, если бы былъ немного поумнѣе.... Но развѣ онъ не уменъ? Развѣ, не имѣя ничего, проживать десятки тысячъ — не есть доказательство ума, и при томъ замѣчательнаго ума?...

Не всегда, любезный читатель, у него смазливое личико съ успѣхомъ замѣняетъ умъ, если ужь допустить, что всѣ люди, наживающіеся или живущіе богато, должны непремѣнно имѣть умъ, въ чемъ я, признаюсь, сомнѣваюсь, потому что мнѣ неоднократно случалось видѣть въ жизни, какъ славно разживаются и богатѣютъ очень тупоумные господа и какъ нуждаются люди очень умные и даже остроумные.... Но дѣло не въ томъ, я только хочу сказать, что съ умомъ иногда бываетъ труднѣе добывать деньги, чѣмъ съ смазливымъ личикомъ.

Есть дѣйствительно такія счастливыя физіономіи, посредствомъ которыхъ люди совершенно обезпечиваютъ себя не только на время, даже иногда на всю жизнь. А у г. Курмышева именно одна изъ такихъ физіономій.... Говорятъ, что добывать деньги такимъ легкимъ способомъ, какимъ добываетъ г. Курмышевъ, не совсѣмъ честно и что на такого рода добываніе денегъ рѣшаются не многіе, но г. Курмышевъ въ невинности души своей и не подозрѣваетъ этого, онъ самъ невольно обнаруживаетъ свою тайну... На вопросы — откуда ты взялъ такую дорогую мебель? или такого рысака? или такія изумруды?... онъ отвѣчаетъ всегда съ наивной и самодовольной улыбкой: «Мнѣ подарили.» Счастливчикъ! Ему все дарятъ.... даже и деньги.... и при этомъ еще клянется, боясь, что ему не повѣрятъ.

Онъ простираетъ свою наивность до того, что внутренно гордится своимъ положеніемъ и считаетъ себя совершенно порядочнымъ человѣкомъ (comme il faut), потому что у него рысакъ, мебель Гамбса и такая коллекція пуговицъ для жилетовъ, какой ни у кого нѣтъ, потому что онъ всегда сидитъ въ театрѣ въ первомъ или во второмъ ряду и имѣетъ право, пріобрѣтенное за обѣдами у Донона и за ужинами у Дюссо, протягивать руку разнымъ князьямъ и графамъ и даже говоритъ имъ *ты* !....

Счастливецъ! И онъ всегда улыбается....

Но глядя на него, мнѣ дѣлается еще скучнѣе....

Къ счастію, звонятъ....

Машина свиститъ. Поѣздъ готовъ....

Въ толпѣ на галлереѣ я еще разъ встрѣчаю г. Курмышева, ведущаго подъ руку какую-то пожилую и массивную даму, великолѣпно разодѣтую и въ пастушеской шляпкѣ. Дама эта по крайней мѣрѣ на вершокъ выше его, несмотря на то, что онъ хорошаго роста. Рядомъ онъ съ нею имѣетъ видъ ея меньшаго сына....

Въ Павловскѣ скучно.... Можетъ быть, на островахъ веселѣе...

На другой день часовъ въ восемь вечера я отправляюсь на острова. Если вы, иногородный читатель, никогда не бывали лѣтомъ въ Петербургѣ — вы потеряли много.... лѣтомъ.... не весь Петербургъ, а часть его на Невѣ великолѣпна. Набережныя съ своими дворцами, Лѣтній садъ съ своими столѣтними деревьями и со своей изящной рѣшеткой, Биржа, и прочее, все это съ середины Троицкаго моста представляетъ необыкновенное зрѣлище, широкую и граціозную картину, особенно въ хорошій лѣтній вечеръ. Стòитъ пожалуй нарочно пріѣхать изъ провинціи, чтобы взглянуть на это.

Въ 8 часовъ я былъ на невскомъ пароходѣ, которые каждый часъ отходятъ отъ пристани противъ Лѣтняго Сада. Вечеръ былъ тихій и ясный, хотя довольно свѣжій (до конца іюня въ Петербургѣ не было ни одного настоящаго лѣтняго дня), Нева была тиха и гладка, какъ зеркало; пароходъ переѣхалъ Неву и вошелъ въ Большую Невку... Когда онъ подошелъ къ мосту, соединяющему Петербургскую сторону съ Выборгской, я оглянулся назадъ. Гагаринская набережная противъ Большой Невки была облита красноватымъ огнемъ солнца, которое было уже довольно низко. Всѣ стѣны домовъ загорѣлись этимъ огнемъ, какъ будто освѣщенныя изнутри бальнымъ, праздничнымъ свѣтомъ, и всѣ эти дома, съ тысячами своихъ ослѣпительныхъ оконъ, опрокинутые, отразились въ Невѣ. Флагъ опустился, труба парохода со свистомъ нагнулась подходя подъ мостъ, пароходъ уже за мостомъ, труба снова выпрямилась, флагъ поднялся — и картина измѣнилась: городъ исчезалъ сзади; на лѣво открывался Аптекарскій островъ съ своими густыми садами и красивыми дачами и пристанями, тоня и неводъ, раскинутый на болотистомъ плоскомъ берегу, за тѣмъ еще дачи, далѣе отъ берега который загибается влѣво къ Малой Невѣ; на право огромныя зданія бумаго-прядильныхъ фабрикъ, вечеромъ всѣ затопленныя газомъ, нѣсколько далѣе, большая такъ называемая Головинская дача и Черная рѣчка.... Но вотъ — и Черная рѣчка и Малая Невка остались за нами — на лѣво Каменноостровскій Дворецъ съ садомъ, на право Строгановскій садъ. Флагъ опять опускается, а труба нагибается подъ Строгановскимъ мостомъ и пароходъ останавливается на право, у пристани знаменитыхъ Минеральныхъ водъ, которыя обезсмертилъ Излеръ.... Толпы выходятъ съ парохода на берегъ, пароходъ пустѣетъ. Я не имѣю ни малѣйшаго желанія платить рубль серебромъ, чтобы скучать, глядя на увеселенія г-на Излера. Пароходъ на одно мгновеніе причаливаетъ къ Каменному острову противъ Новой деревни, которая, надо замѣтить мимоходомъ, биткомъ набита нѣмецкими семействами. Противъ каждаго карточнаго лѣтняго домика Новой деревни длинный и узкій садикъ съ нѣмецкими затѣями, съ статуйками, съ вазами, съ урнами, съ вѣночками и цвѣточками. Новая деревня набита биткомъ нѣмцами и нѣмками... благочестивыми и нечестивыми.... Пароходъ огибаетъ Каменный островъ.... къ право Елагинъ островъ съ своею бесѣдкою, дворцомъ и великолѣпнымъ садомъ съ подстриженными лугами и красивыми дорожками. Труба еще разъ свиститъ и нагибается подходя подъ Елагинъ мостъ и пароходъ останавливается наконецъ на лѣвомъ берегу у своего послѣдняго пункта — Крестовскаго острова, передъ русскимъ трактиромъ. Ничего не можетъ быть пріятнѣе такой поѣздки на невскомъ

пароходѣ въ хорошій и теплый лѣтній день.... Отъ пристани Лѣтняго сада до крестовской пристани пароходъ идетъ три четверти часа, объѣзжая всѣ окрестные острова. Острова очень привлекательны въ душный лѣтній день и въ теплый, тихій вечеръ, но къ сожалѣнію, такихъ дней и особенно такихъ вечеровъ почти небываетъ въ Петербургѣ. Нынѣшнее лѣто только послѣ 23 іюня начались настоящіе лѣтніе дни, а теплыми вечерами мы пользуемся только съ 25 числа. Передъ захожденіемъ солнца густой туманъ обыкновенно покрываетъ болотистую почву острововъ, и этотъ туманъ сливается съ пылью, которая постоянно стоитъ надъ дорогами; пыль застилаетъ глаза, а туманъ на сквозь проникаетъ сыростію и острова теряютъ всю свою привлекательность.

Сойдя съ парохода, я отправился черезъ Крестовскій мостъ, устроенный противъ аллеи ведущей къ великолѣпному загородному дому князя Бѣлосельскаго на Елагинъ островъ. По дорогѣ противъ Крестовскаго острова взадъ и впередъ проѣзжали коляски съ гербами, иностранцы съ бородатыми кучерами въ разшитыхъ галунами кафтанахъ, и русскіе въ англійскихъ экипажахъ и съ англійскою упряжью, дамы верхами въ амазонкахъ и въ шляпахъ съ султанчиками и кавалеры безъ султановъ, потому что теперь, какъ извѣстно, военные носятъ фуражки, на что штатскіе не рѣшатся ни за какое благо, потому что это *не принято*. Штатскій въ фуражкѣ и человѣкъ дурнаго тона — синонимъ. Съ штатскимъ человѣкомъ въ фуражкѣ мы даже не рѣшимся и пройтись въ публикѣ, чтобы не компрометировать себя,—а почему же фуражка легкая и очень удобная лѣтомъ, хуже тяжелой и безобразной шляпы? Почему? Шляпы— *приняты*, а фуражки — *не приняты*.... На этомъ ужасномъ словѣ *не принято* спотыкаешься на каждомъ шагу.... Но эти, которыя несутся въ коляскахъ и скачутъ на лошадяхъ, они, кажется не скучаютъ?.. Вѣдь вотъ нашлись же наконецъ люди, которые не скучаютъ!... Да, это правда; но такихъ праздничныхъ, веселыхъ людей мало. Глядя на нихъ въ первую минуту невольно беретъ зависть, но потомъ, когда поприглядишься къ нимъ да пообдумаешь, такъ убѣдишься, что завидовать-то нечему. Они веселятся постоянно всю жизнь и не знаютъ, что такое забота, горе, трудъ, мысль.... Это прекрасно.... но воля ваша беззаботно веселиться всю жизнь и всю жизнь смотрѣть съ высоты своихъ экипажей (въ Петербургѣ начинаютъ входить въ моду англійскіе высокіе экипажи) на бѣдныхъ пѣшеходовъ, на скромно-движущуюся толпу и на природу и всю жизнь пребывать въ ослѣпляющемъ блескѣ — тяжело и скучно.... а главное вредно для глазъ. Извѣстно, когда человѣкъ долго смот-

ритъ на что нибудь блестящее, онъ теряетъ потомъ на нѣсколько минутъ способность видѣть что-нибудь....

Вотъ Каменно-островскій театръ, на которомъ нынѣшнее лѣто не было ни одного представленія.... Я немножко усталъ и захожу на дачу напротивъ самого театра, расположенную на берегу Малой Невы, на дачу, въ которой устроенъ трактиръ. Здѣсь можно отдохнуть и выпить чаю. Не знаю, можетъ быть это и *не принято*. Впрочемъ, какое мнѣ дѣло до этого! Если безпрестанно спотыкаться въ жизни на вопросахъ: принято, или не принято, и всю жизнь свою дѣлать только то, что принято, жизнь покажется еще скучнѣе и нелѣпѣе.... Да и какое наконецъ намъ дѣло, любезный читатель, до этого надоѣдающаго слова *не принято?!..* Для чего намъ быть непремѣнно *порядочными* людьми (comme il faut), — будемъ просто людьми безъ всякаго прилагательнаго, съ насъ и этого довольно, будемъ имѣть въ виду не свѣтскіе, а человѣческіе интересы.... Мы съ вами никогда не попадемъ въ свѣтскіе люди, не смотря на всѣ наши усилія....

Итакъ — не принимая въ соображеніе, прилично ли порядочному человѣку, уставшему послѣ прогулки, отдохнуть въ трактирѣ противъ Каменно-островскаго театра и напиться тамъ чаю, когда пить хочется, — я, какъ человѣкъ просто безъ всякихъ прилагательныхъ, дѣйствую свободно и смѣло, располагаюсь въ саду подъ навѣсомъ надъ Малою Невкою, и спрашиваю себѣ чаю.... Сбросивъ съ себя эти цѣпи условій, которые я Богъ знаетъ почему добровольно возложилъ на себя, — я ужь начинаю дышать легче и чувствую себя даже немного повеселѣе. Вечеръ прекрасный, теплый. Я закуриваю сигару.... Противъ меня сидятъ два господина и также пьютъ чай. Одинъ изъ нихъ, среднихъ лѣтъ худощавый, съ желтоватыми пятнами на лицѣ — какъ обыкновенно бываетъ у людей страдающихъ печенью; онъ какъ будто весь покрытъ пылью и имѣетъ выраженіе неопредѣленное.... Его рѣдкіе волосы, желтое лицо и бакенбарды, точно также какъ шляпа, и пальто покрыты пылью.... У него даже и глазки пыльные, а голосокъ чахоточный. Другой, напротивъ, господинъ полный, круглый съ жирнымъ затылкомъ, съ чорными масляными глазами, съ черными подкрашенными усами, съ звонкимъ голосомъ — и въ фуражкѣ.... Онъ говоритъ не стѣсняясь и во всеуслышаніе.

— Вотъ-съ, такимъ-то образомъ, — говоритъ онъ своему товарищу, закуривая папироску и бросая на меня косвенный взглядъ: — я и вышелъ въ отставку. Теперь спрашивается, чтоже я буду дѣлать? Къ чему я способенъ?... Учили-то меня плохо, да и тому, чему учили, я учился плохо. Меня, видите ли, съ дѣтства назначали въ

военную службу, у меня матушка просто непреодолимую страсть имѣла къ военнымъ, мундиръ видѣть не могла равнодушно, а какъ брякнетъ бывало сабля, у нея такъ и захлебнется сердце... Мнѣ она еще трехъ-лѣтнему все толковала: «ты, говоритъ, у меня душенька Петинька, непремѣнно будешь военный.»—И игрушки у меня все были военные... барабанъ, сабля, ташка, киверъ, пика, я все марширов̂алъ или скакалъ верхомъ на палочкѣ... У меня было цѣлое войско, составленное изъ дворовыхъ мальчишекъ.... У насъ было человѣкъ 200 въ дворнѣ, жили мы, я вамъ скажу, на барскую, на широкую ногу. Все-то это прошло!—При этомъ толстый господинъ вздохнулъ. — Отдали меня въ заведенiе, матушка переѣхала для меня въ Петербургъ, въ Петербургѣ жизнь-то не то что въ деревнѣ, въ деревнѣ все свое и утка и курица и масло.... ну а въ Петербургѣ, извѣстно, за все это плата, ктомужь, матушка по барской привычкѣ навезла съ собой цѣлую орду, а между тѣмъ, неурожай да пожары, да уплата въ Опекунскій Совѣтъ, имѣніе-то управлялось кое-какъ.... ну гдѣ же управлять женщинѣ, сами знаете? Отца я еще лишился въ малолѣтствѣ, а дѣло-то шло къ моему выпуску въ офицеры.... такъ что матушка-то и на обмундировку мою должна была занять.... Обстоятельства ее сильно придавили, но какъ она увидѣла меня въ офицерскомъ мундирѣ, въ эполетахъ, въ саблѣ, такъ все забыла, какъ ни горько было, глазъ съ меня не спускаетъ, не нарадуется. А мнѣ что? я тогда и въ усъ себѣ не дулъ, да еще и усовъ тогда у меня не было (толстый господинъ погладилъ свои усы), мнѣ и въ голову не приходило, что придется современемъ въ кулакъ свистать. Извѣстно, молодой человѣкъ, вновь выпеченный офицеръ—шампанское, актрисы, то да сё, знакомства эдакія.... все съ первѣйшею молодежью, которая и счету въ деньгахъ не знаетъ, все съ князьями, да графами, уронить себя передъ ними тоже не хочется.... а матушка-то, вмѣсто того, чтобы образумить мальчишку, радуется, что я такое знатное знакомство имѣю.... Кончилось тѣмъ, что не только въ гвардіи, да и въ арміи-то служить пришлось трудновато. Матушка скончалась. Дѣла послѣ нея остались такія запутанныя, что и распутать-то, я вамъ скажу, никакихъ нѣтъ средствій. Ктому же, я ничего не понималъ, сердце, знаете, доброе, довѣрчивое, а тутъ подвернулся дядя съ родственнымъ участіемъ, да при такой вѣрной оказіи и надулъ меня шельма!... Остался у меня маленькій капиталецъ, я вознамѣрился пустить его въ оборотъ.... то есть въ карты, да и спустилъ половину въ два вечера: попалъ на какихъ-то шулеровъ проклятыхъ — неопытенъ былъ.... Ну, а потомъ, какъ вижу совсѣмъ плохо, — а между тѣмъ дворянское-то свое достоинство поддержать надо, — тутъ откуда и умъ взялся.... пустился на афе-

ры.... сталъ лошадьми промышлять.... Этимъ только и жилъ.... Ну, а теперь, я васъ спрашиваю, что мнѣ дѣлать? На что я годенъ? Въ штатскую службу идти не могу.... грамотѣ не знаю, двухъ словъ складно и правильно написать не умѣю.... ей Богу, складываю по пальцамъ, и четыре-то правила ариѳметики знаю съ горемъ пополамъ, — ну, да, положимъ, это ничего, но вѣдь нельзя же мнѣ въ подполковничьемъ чинѣ въ какіе нибудь эдакіе, столоначальники идти, сами согласитесь, на какой нибудь ничтожный окладъ.... Меня воспитывали по дворянски, у меня всѣ привычки дворянскія, мнѣ нуженъ, батюшка, нѣкоторый комфортъ.... Я, напримѣръ, не могу обойтись безъ человѣка, ужь я привыкъ, чтобы человѣкъ былъ всегда при мнѣ: трубку принять, набить, закурить.... я эти поганыя папиросы курю, я вамъ скажу, по необходимости только, нельзя же съ собой всюду трубку таскать.... Мнѣ бы, знаете, мѣста эдакаго, смотрителемъ при дворцѣ... что нибудь въ этомъ родѣ, но для этого нужна протекція, а безъ протекціи ничего не сдѣлаешь: хоть камень на шею, да въ воду....

«Не въ сидѣльцы же мнѣ или не въ сапожники же идти.... да и въ какое ремесло я годенъ? Дворянъ ремесламъ не учатъ, да если бы и учили, не пойти же въ самомъ дѣлѣ дворянину въ сапожники. Чѣмъ же станешь хлѣбъ-то промышлять?... я васъ спрашиваю, а безъ manger и boire, существовать нельзя.... вы понимаете!... Скучно, я вамъ скажу, жить на свѣтѣ.... вотъ вы, напримѣръ, это совсѣмъ дѣло другое. Васъ ужь съ дѣтства приготовляли къ штатской службѣ, да вы ужь и комплекціи такой, чтобы по штатской служить, вы ужь всѣ эти крючки-то изучили, знаете гдѣ *ѣ* и гдѣ *е* поставить, по штатской службѣ другое дѣло.... Штатская служба вѣрный кусокъ хлѣба, по штатской люди наживаются, а въ военной проживаются.... Не всякому вѣдь удается попасть въ полковые командиры.... Ахъ горе, горе!...

— Не всегда, Петръ Александрычъ, и по штатской везетъ, возразилъ печально господинъ, съ чахоточнымъ голосомъ: — и тутъ кому какое счастье: иному все удается, а другаго судьба такъ вотъ и гнететъ, такъ и гнететъ.... Хорошо, если при одномъ начальникѣ прослужишь лѣтъ двадцать, тридцать.... прежде бывало какъ дадутъ кому нибудь значительное мѣсто, такъ онъ ужь можетъ быть покоенъ, что и умретъ на этомъ мѣстѣ, и подчиненныхъ-то своихъ имѣетъ время вывести въ люди, а нынче не то, нынче тузы-то что-то не сидятъ долго на однихъ мѣстахъ, а для нашего брата подчиненнаго это бѣда. Вотъ я вамъ скажу случай.... Илья Ильичъ Брыкинъ.... вы, можетъ быть, его знаете? — Достойнѣйшій человѣкъ, труженикъ, ни себѣ, ни подчиненнымъ покоя

не давалъ.... ужь дѣлецъ извѣстный.... и честнѣйшій человѣкъ, до глупости честный. Получилъ онъ, знаете, очень видное мѣсто... и не потому, чтобы цѣнили его достоинство, а потому, что его протежировалъ князь Ардальонъ Никитичъ Драницынъ.... Онъ его и взялъ къ себѣ.... Ну, зажилъ нашъ Илья Ильичъ припѣваючи, все семейство воскресло.... у него жена, семеро дѣтей, жалованье большое, квартира—хоть балы задавай; думаетъ: «слава Богу, обезпечилъ покуда семейство, ужь я лучше ничего не желаю, какъ умереть на этомъ мѣстѣ....» Вдругъ-съ князь-то Ардальонъ Никитичъ умираетъ, а вѣдь какой здоровый, сильный старикъ былъ! Назначаютъ на его мѣсто графа Швейковскаго.... Графъ-то, надобно вамъ замѣтить, ненавидѣлъ покойника князя, говорить объ немъ не могъ равнодушно, хотя въ свѣтѣ они встрѣчались ничего, какъ пріятели.... Графъ и пошелъ все ломать, не потому, чтобы система князя была дурна, а потому только, что онъ былъ врагъ князю.... «Чтобъ и духомъ его не пахло,» такъ разсуждалъ..... Илья Ильичъ перепугался, однако графъ ничего.... «вы, говоритъ, отличный чиновникъ, мнѣ извѣстный, я очень радъ служить съ вами.» Илья Ильичъ въ простотѣ сердца и повѣрилъ этому, а графъ это сказалъ только такъ, понимаете, для отводу, чтобы не обнаружить себя вдругъ, да потомъ и началъ его тѣснить, три мѣсяца не давалъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, а все говоритъ, что «я радъ служить съ вами»; догадался наконецъ Илья Ильичъ — подалъ въ отставку, а графъ еще, какъ будто удивляется... «отчего, говоритъ, вы служить со мной не хотите?» Пустилъ его по міру съ семерыми дѣтьми, да еще говоритъ: «я его не выгонялъ, онъ самъ, говоритъ, вышелъ....» Да не только его.... у покойника князя былъ любимый писецъ, такъ и того выгналъ.... Камня на камнѣ не оставилъ, все своихъ, новыхъ привелъ съ собою..... Такъ вотъ-съ оно и по штатской-то службѣ и со способностями-то и съ честностью, иногда ничего не возьмешь. Пойдите-ка.... скоро ли Илья Ильичъ въ его чинѣ отыщетъ для себя мѣсто, да еще безъ покровителя!... Нѣтъ-съ, у кого нѣтъ своего куска хлѣба, — тому тяжело.... Дѣйствительно, жить такъ.... скучно, очень скучно....

Толстый господинъ махнулъ рукой и закричалъ:

— Человѣкъ! эй! дай, братецъ, рюмку коньяку. Становится что-то сыро.

Становилось точно сыро. Было уже половина десятаго и я отправился на одну изъ пароходныхъ пристаней, близъ Елагина моста.

На пристани взадъ и впередъ прохаживалась пожилая и бойкая барыня, вѣроятно, съ ближайшей дачи, одѣтая по домашнему,

въ чепцѣ и съ бородкой, и стоялъ, грустно облокотившись на перилы, господинъ лѣтъ тридцати, тихій и скромный, должно быть сынъ барыни, судя по ея обращенію съ нимъ.... Барыня была въ волненіи, отчего бородка ея приходила въ безпрестанное движеніе и она что-то ворчала про себя.... Отъ новой деревни плыла небольшая лодка къ пристани. Въ этой лодкѣ сидѣли два мальчика... Когда лодка была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани, барыня обратилась къ сыну и произнесла строгимъ голосомъ:

— Вѣдь это они?

— Они, отвѣчалъ сынъ.

— Эй, вы!... закричала барыня къ мальчикамъ, сидѣвшимъ въ лодкѣ — Васька! Куда вы это ѣздили?

— Въ Новую деревню, ваше превосходительство, отвѣчалъ Васька, складывая весла и берясь за багоръ.

— Зачѣмъ? что вы тамъ дѣлали? Кто вамъ позволилъ?...

— Такъ-съ, прокатиться, сказалъ Васька запинаясь.

— Вотъ я вамъ дамъ прокатиться! вскрикнула барыня грозно и потомъ, не смотря на присутствіе на пристани людей постороннихъ, обратясь къ сыну, произнесла: — вы всѣхъ людей перебаловали!...

Сынъ молчалъ, потупилъ голову и смотрѣлъ на воду.

— Чья это лодка?... продолжала барыня, останавливая мальчиковъ, вышедшихъ изъ лодки.

— Алексѣя повара, отвѣчалъ Васька.

— Еще лодку свою завелъ.... какой баринъ!... Скажи ему, чтобы завтра же этой лодки не было, иначе я сжечь ее велю, я выбью у него изъ головы эти барскія затѣи....

За тѣмъ она снова обратилась съ неудовольствіемъ къ сыну и произнесла:

— Какъ здѣсь на дачѣ у насъ перебаловались всѣ люди, это ни на что не похоже. Какого-то духу набрались.... Ты совсѣмъ за ними несмотришь, а у меня ужь силы нестаетъ....

Въ эту минуту пароходъ присталъ къ пристани, и я не слыхалъ дальнѣйшаго разговора....

Эта барыня съ сыномъ долго не выходили у меня изъ головы и мнѣ почему-то было жаль сына... Я полагаю, что ему даже еще скучнѣе чѣмъ мнѣ, это видно по его лицу....

Но я началъ съ того, что мы всѣ скучаемъ болѣе или менѣе.... и предложилъ затруднительный вопросъ: отчего?... Разрѣшеніе этого вопроса мы оставимъ покуда, тѣмъ болѣе, что надобно же нѣсколько словъ сказать о томъ, что дѣлалъ Петербургъ въ іюнѣ

мѣсяцѣ и еще сообщить кое-какія печальныя и веселыя, пустыя и дѣльныя новости.

Г-жа Броганъ, къ сожалѣнію, не возвратится въ Петербургъ.— Это очень печальная новость для Михайловскаго театра.

Вотъ еще печальная новость.

ВъПетербургѣ 1 іюняумеръ отъизнурительной чахотки—извѣстный литераторъ, товарищъ Гоголя по Нѣжинскому Лицею и другъ его — Николай Яковлевичъ Прокоповичъ на 48 году. — Мы очень хорошо и близко знали покойнаго. Это было человѣкъ скромный, добрый, съ теплымъ сердцемъ,—и что̀ важнѣе всего, съ честными убѣжденіями. Семейство его осталось въ бѣдности, потому что Прокоповичъ добывалъ насущный хлѣбъ для него трудами. Все, что осталось послѣ него замѣчательнаго, заключается въ черновой рукописи I части «Мертвыхъ Душъ», писанной отъ первой до послѣдней строчки самимъ Гоголемъ.

Кстати о Гоголѣ:

Вышли четыре тома его сочиненій (изданіе г. Кулиша). Все изданіе будетъ заключаться въ шести томахъ. — Изданіе прекрасное и добросовѣстное, но не удобное по своему формату. Форматъ этотъ взятъ съ формата сочиненій Пушкина, изданія г. Анненкова. Цѣна умѣренная 12 рублей серебромъ. Но во всякомъ случаѣ, мы убѣждены, что это изданіе ожидаетъ успѣхъ блистательный.

Въ заключеніе мы должны сказать, что всѣ загородныя петербургскія гулянья были постоянно полны въ іюнѣ мѣсяцѣ, не смотря на холодъ, что 24 іюня былъ бенефисъ г. Излера съ фейерверкомъ, цыганами, тирольцами, летучими морскими чудовищами, что послѣ фейерверка, несравненный г-нъ Излеръ былъ вызванъ восторженными своими поклонниками; что въ Петербургѣ съ 24 іюня начались жары, что 15 іюля будетъ открыта для публики Петергофская желѣзная дорога, по которой уже провезли въ Петергофскій лагерь кадетскіе корпуса и что несмотря на многочисленные отъѣзды, большой убыли народонаселенія на петербургскихъ улицахъ незамѣтно.

Далѣе рѣшительно сказать нечего. И такъ, до слѣдующаго мѣсяца.

Задачи, предлагаемыя Ученымъ Комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ на конкурсъ 1857, 1858, 1859, 1860 и 1861 годовъ.

I. Хозяйственно-статистическія описанія губерній и уѣздовъ (1 іюля 1857 г.) (*). II. Руководства къ сельской архитектурѣ и сельскому инженерному искусству (1 іюля 1857 г.). III. Руководство къ разработкѣ торфяниковъ (1 января 1858 г.). IV. Наставленіе о сельско-хозяйственномъ счетоводствѣ (1 іюня 1858 г.). V. Руководство къ разведенію хмѣля (1 іюня 1858 г.). VI. Изслѣдованіе объ общественномъ пользованіи землею въ Россіи (1 іюня 1859 г.). VII. Описаніе не тонкорунныхъ овецъ и способовъ къ ихъ содержанію (1 іюня 1859 г.). VIII. Руководство къ осушенію и воздѣлыванію болотъ (1 іюня 1859 г.). IX. Руководства къ лѣсоводству и къ егерскому искусству (1 іюня 1859 г.). X. Изслѣдованіе о разведеніи въ Россіи красильныхъ растеній (1 іюня 1860 г.). XI. Изслѣдованіе образа жизни жучковъ, вредныхъ для хлѣбныхъ растеній (1 іюня 1861 г.). XII. О наблюденіяхъ и опытахъ надъ дикорастущими кормовыми травами. XIII. Изысканіе способа къ истребленію сусликовъ. XIV. Конкурсъ на медаль Графа Киселева (1 іюля 1859 г.)

Изъ этихъ задачъ, особенно важны №№ I, III, VI, VII, и VIII: мы предлагаемъ извлеченіе изъ объясненій, относящихся къ этимъ тэмамъ.

«I. *Хозяйственно-статистическія описанія губерній и уѣздовъ.*

«1. Сочиненіе можетъ относиться къ одному или нѣсколькимъ уѣздамъ, или же къ цѣлой губерніи, и наконецъ можетъ имѣть предметомъ нѣсколько губерній вмѣстѣ. Естественно, что изъ двухъ сочиненій, одинаково хорошо написанныхъ, то, которое относится къ болѣе обширной мѣстности, будетъ имѣть право и на бòльшее отличіе.

«2. Порядокъ расположенія предметовъ и степень подробности въ изложеніи представляются на усмотрѣніе сочинителя; но необходимо, чтобы сочиненіе обнимало всѣ существенные предметы, входящіе въ составъ хозяйственно-статическаго изображенія страны. Къ полному объясненію объ этой задачѣ, Комитетъ счелъ полезнымъ приложить програму для сего рода сочиненій, не ставя однакожь необходимымъ условіемъ, чтобы сочиненія непремѣнно

(*) Цифры въ скобкахъ означаютъ срокъ, къ которому должны быть представлены сочиненія.

были расположены по этой программѣ, но лишь въ тѣхъ видахъ, что для нѣкоторыхъ она можетъ служить облегченіемъ въ работѣ и поясненіемъ предметовъ, на которые должно быть обращено особенное вниманіе.

«3. Численныя показанія, относящіяся къ пространству земли, къ народонаселенію и т. д., собраніе которыхъ возможно только Правительству, не ставятся въ непремѣнное условіе означенныхъ сочиненій; но въ случаѣ, еслибы авторъ пожелалъ придать своему труду больше полноты включеніемъ и этого рода показаній, непремѣннымъ условіемъ полагается, чтобы при каждомъ числовомъ свѣдѣніи было указано, откуда оно взято или на чемъ оновано и къ какому году относится.

III. *Руководство къ разработкѣ торфяниковъ.* Дороговизна дровъ во многихъ губерніяхъ сдѣлалась весьма ощутительною, какъ въ домашнемъ хозяйствѣ, такъ и въ промышленныхъ производствахъ, нуждающихся въ большомъ количествѣ дешеваго топлива. Въ ущербъ земледѣлію распространяется топка соломою, даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ плодородіе почвы поддерживается единственно частымъ и сильнымъ удобреніемъ.

«Между тѣмъ на средство для удовлетворенія настоятельной потребности въ дешевомъ топливѣ указываютъ обширныя мѣсторожденія торфа въ сѣверной, средней и отчасти даже въ южной полосахъ Россіи. Разработка торфяниковъ уже съ давняго времени установилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остзейскихъ и западныхъ губерній, и въ теченіи послѣднихъ 15 лѣтъ введена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ центральныхъ губерній; но, вообще говоря, добываніе и употребленіе торфа у насъ чрезвычайно мало распространено, не смотря на удобство и даже дешевизну добыванія и обработки этого топлива.

«Въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы потребляется ежегодно огромное количество торфа, составляющаго единственное топливо въ обширныхъ мѣстностяхъ. Тамъ промышленность и наука уже изыскиваютъ средства придать рыхлому торфу большую плотность, спекать жидкій торфъ и торфяной мусоръ, обугливать торфъ для замѣны древеснаго угля или кокса, составлять плотныя и производящія сильный жаръ смѣси изъ торфянаго и другихъ родовъ угля со смолами, маслами и т. п. Для насъ, пока не распространился основной промыселъ, т. е. простая разработка торфяниковъ, существенная важность заключается нынѣ: 1) въ распространеніи положительныхъ свѣдѣній о свойствахъ торфа и его разработкѣ, и 2) въ изысканіи удобнѣйшаго

способа для скорѣйшей воздушной сушки торфа, необходимой по кратковременности нашего лѣта.

«IV. *Изслѣдованіе объ общественномъ пользованіи землею въ Россіи.* Въ числѣ условій, имѣющихъ вліяніе на состояніе сельскаго хозяйства, одно изъ важнѣйшихъ есть *способъ пользованія землею.* У большинства нашихъ хозяевъ, именно крестьянъ-земледѣльцевъ, господствуетъ *общественный* способъ пользованія поземельными угодьями, подчиняющійся въ разныхъ мѣстахъ разнымъ обычаамъ относительно назначенія земель, ихъ передѣла, срока и времени ихъ пользованія и т. п.

«Ученый Комитетъ предлагаетъ написать: *изслѣдованіе объ общественномъ пользованіи землею въ Россіи.* Въ такомъ изслѣдованіи должно быть объяснено исторически происхожденіе у насъ этого способа; различные виды его въ настоящее время; постановленія или обычаи, съ нимъ соединенные; вліяніе его на состояніе сельскаго хозяйства и на самый бытъ крестьянъ; какія изъ того проистекаютъ слѣдствія для народной экономіи вообще; чѣмъ и съ какою постепенностію могутъ быть отвращены невыгоды общественнаго пользованія землею.

«Предлагая эту задачу на рѣшеніе, Ученый Комитетъ желаетъ въ отвѣтъ получить положительныя изслѣдованія, основанныя не на голословныхъ разсужденіяхъ, но на разборѣ фактовъ и на взятыхъ изъ дѣйствительности разсчетахъ. Авторъ, буде пожелаетъ, можетъ, пользуясь сравнительнымъ методомъ, выставить различія въ послѣдствіяхъ, проистекающихъ отъ существующихъ въ разныхъ странахъ видовъ землевладѣнія; но главнымъ условіемъ поставляется, что бы всякое положеніе было подкрѣплено числовыми разсчетами, а гдѣ надобно историческими и статистическими фактами.

«V. *Описаніе не тонкорунныхъ овецъ и способовъ къ ихъ содержанію.* Тонкорунное овцеводство тамъ, гдѣ оно распространено, составляетъ важную статью доходовъ для сельскихъ хозяевъ; но разведеніе мериносовъ не вездѣ возможно, а въ малыхъ хозяйствахъ оно и не выгодно. Между тѣмъ овцы составляютъ необходимую принадлежность хозяйства крестьянъ, доставляя имъ шерсть, овчины, мясо и сало. Разведеніе простыхъ, не тонкорунныхъ, овецъ, можетъ быть прибыльно и не въ крестьянскихъ хозяйствахъ, именно тамъ, гдѣ мериносы, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, не могутъ быть разводимы или гдѣ сбытъ сала, мяса, овчинъ и грубой шерсти можетъ доставлять хорошій доходъ. Но разведеніе не тонкорунныхъ овецъ мало обращало на себя вниманіе нашихъ хозяевъ и изслѣдователей. У насъ есть нѣ-

сколько мѣстныхъ, вполнѣ сроднившихся съ кореннымъ обиталищемъ своимъ, породъ овецъ, именно: простыя русскія, рѣшетиловскія, крымскія, чундукскія, корочаевскія, цыгайскія, калмыцкія, романовскія, но породы эти, за исключеніемъ послѣдней, не изслѣдованы и не описаны надлежащимъ образомъ; положительно не объяснено, какія изъ нихъ, въ какихъ отношеніяхъ и при какихъ условіяхъ, заслуживаютъ предпочтенія, какъ могутъ быть улучшены, какого требуютъ ухода.

«Ученый Комитетъ предлагаетъ составить: *описаніе одной или нѣсколькихъ породъ туземныхъ нашихъ (не тонкорунныхъ) овецъ и способовъ къ ихъ содержанію съ цѣлію полученія наибольшаго отъ нихъ дохода, въ особенности въ небольшихъ хозяйствахъ.*

«VI. *Руководство къ осушенію и воздѣлыванію болотъ.* Въ числѣ причинъ, задерживающихъ у насъ развитіе сельскаго хозяйства, особенно въ сѣверо-западной части Имперіи, главнѣйшая заключается съ несоразмѣрности луговъ и пастбищъ съ количествомъ скота, потребнаго для поддержанія надежной степени плодородія пашень. Несоразмѣрность эта происходитъ, говоря вообще, не столько отъ недостатка угодій, сколько отъ нехозяйственнаго обращенія съ ними, и отъ неумѣнія пользоваться естественными средствами, скрытыми въ землѣ. Кому не извѣстно, что въ помянутой части государства повсюду встрѣчаются обширныя болотныя пространства, остающіяся не только безъ пользы для хозяйства, но наносящія вредъ, ибо они служатъ причиною позднихъ приморозковъ, источникомъ особенныхъ болѣзней и во всякомъ случаѣ потопляютъ лѣса и пастбища. А между тѣмъ въ нихъ накоплены природою огромныя массы удобрительныхъ веществъ; въ нихъ скрыты и кормъ и подстилка для скота и топливо для человѣка. Безъ сомнѣнія, можно указать у насъ на похвальные примѣры благоразумнаго осушенія и разработки болотъ; но эти примѣры малочисленны и остаются безъ подражанія, какъ по ихъ малоизвѣстности, такъ равно и потому, что самые способы осушенія и обработки болотныхъ мѣстъ не всегда довольно просты и часто требуютъ предварительныхъ знаній техническихъ и соображенія со многими внѣшними обстоятельствами.

«*Общія условія относительно первыхъ одинадцати задачъ конкурса.* Сочиненія должны быть написаны по-русски. (*)

«Каждая рукопись должна быть снабжена какимъ либо девизомъ, который долженъ находиться и на оберткѣ, приложенной къ со-

(*) Въ этомъ отношеніи допускается исключеніе только для задачи подъ № XI, отвѣтъ на которую можетъ быть написанъ, кромѣ русскаго, на нѣмецкомъ или французскомъ языкѣ.

чиненію запечатанной записки, содержащей: имя, званіе и мѣсто жительства автора.

«Сочиненія печатныя или представленныя въ рукописи, но прежде гдѣ либо напечатанныя, къ соисканію не допускаются; равнымъ образомъ не могутъ быть допущены къ соисканію сочиненія, представленыя съ подобною же цѣлію куда либо кромѣ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ.

«Сочиненія, удостоенныя награды, могутъ быть печатаемы Министерствомъ на его счетъ, и въ такомъ случаѣ 300 экземпляровъ (**) предоставляются безденежно въ пользу автора, который при томъ не лишается права печатать и другими изданіями, въ свою исключительную пользу, сочиненіе, удостоенное награды, на основаніи существующихъ узаконеній; по задачамъ №№ I, IV, VI, VII, VIII, X, XI, назначаются медали въ 300 р. сер. и (за менѣе удовлетворительныя сочиненія) въ 150 р. сер.; по задачѣ № V — въ 150 р. сер.; по задачѣ № II — 500 р. сер.; за руководство къ Егерскому искусству 500 р. сер. за руководство къ лѣсоводству 1000 р. сер.; за задачу № III, медали въ 1000 и въ 500 р. сер.

«XII. О *наблюденіяхъ и опытахъ надъ дикорастущими кормовыми травами*. Въ числѣ причинъ, затрудняющихъ вообще наше сельское хозяйство и препятствующихъ его развитію, одна изъ главныхъ заключается въ недостаткѣ кормовыхъ для скота средствъ.

Попытки введенія кормовыхъ травъ въ сѣвооборотѣ не всегда сопровождаются успѣхомъ, какъ по недостатку надлежащаго въ истощенной землѣ плодородія, такъ и по неимѣнію еще изъ опыта выведенныхъ заключеній о пригодности извѣстнаго рода почвы для того или другаго кормоваго растенія.

«Доселѣ опыты съ травосѣяніемъ ограничивались у насъ посѣвами клевера, тимофеевки, вики, торицы и люцерны; между тѣмъ одинъ взглядъ на луга и пастбища показываетъ, что они состоятъ изъ множества травъ, произрастающихъ дико, которыя слѣдовательно можно разводить и съ пособіемъ искусства. Нѣтъ сомнѣнія, что способствуя размноженію этихъ дикорастущихъ травъ въ свойственныхъ имъ мѣстностяхъ, мало пригодныхъ для другихъ растеній, возможно пріобрѣсти средство, наиболѣе доступное для нашихъ хозяйственныхъ условій, къ усиленію кормовыхъ для скота запасовъ. Но, чтобы въ этомъ дѣлѣ достигнуть вѣрныхъ результатовъ, необходимо прежде всего опредѣ-

(**) Исключеніе сдѣлано для задачи подъ № II, по которой автору награжденнаго сочиненія дается 300 экземпляровъ.

лять растенія полезнѣйшія и наиболѣе свойственныя каждой мѣстности, по ея климатическимъ и топографическимъ условіямъ.

«Извѣстно, что на естественныхъ лугахъ произрастаютъ смѣшанно множество растеній; но въ кормовомъ отношеніи важны только два семейства растеній, именно злаки (graminaea) и шелушныя (leguminosa); всѣ прочія или безполезны или даже вредны для домашнихъ животныхъ. Принимая на первый разъ въ соображеніе опыты, произведенные въ другихъ странахъ, мы знаемъ на примѣръ, по тщательнымъ наблюденіямъ д'Урша (D'Ourches), произведеннымъ въ Бретани, что изъ произрастающихъ, на лугахъ средней влажности, 45 видовъ растеній, только 17 были годны для животныхъ и 28 вредны или безполезны; на высокихъ пастбищахъ или суходолахъ, изъ 35 породъ было только полезныхъ 8, и наконецъ, на лугахъ низменныхъ, изъ 27 видовъ оказалось полезныхъ только 4. Понятно послѣ этого, что животное, которому даютъ кормъ, составленный изъ смѣси травъ, для него полезныхъ, безполезныхъ и вредныхъ, или не получаетъ достаточнаго питанія, или съѣдая ихъ отъ голода, должно подвергаться разнаго рода болѣзнямъ.

«Никлесъ, занимавшійся подобнаго роду наблюденіями въ Альзасѣ, пришелъ къ заключенію, что количество произведеній на естественныхъ лугахъ могло бы быть удвоено, еслибы негодныя травы, на нихъ растущія, были замѣнены хорошими кормовыми травами.

«Вездѣ, гдѣ были дѣлаемы подобныя наблюденія, они привели къ тѣмъ же результатамъ, доказывающимъ очевидно, какъ важно, не оставляя на произволъ случая образованіе луговъ и пастбищъ, способствовать къ выбору травъ наиболѣе полезныхъ и свойственныхъ мѣстности. Этотъ общій результатъ вполнѣ примѣняется и къ нашимъ лугамъ и пастбищамъ. Но приступая къ замѣнѣ вредныхъ или безполезныхъ растеній полезными, мы не можемъ руководствоваться безъ разбора наблюденіями, сдѣланными въ Западной Европѣ, при другихъ климатическихъ условіяхъ, отъ которыхъ преимущественно зависитъ бóльшая или мéньшая польза, бóльшій или мéньшій успѣхъ въ разведеніи растеній, особенно такихъ, которыя должны произрастать преимущественно подъ исключительнымъ вліяніемъ естественныхъ причинъ, съ малымъ пособіемъ искусства. Да и въ Западной Европѣ разведеніе кормовыхъ травъ признаютъ необходимымъ основывать на мѣстныхъ, почти въ каждомъ имѣніи, наблюденіяхъ; ибо часто случается, что на близкомъ разстояніи въ одномъ мѣстѣ успѣхъ разведенія лучшихъ, питательнѣйшихъ кормовыхъ травъ несомнѣ-

неиъ, а въ другомъ должно ограничиться только посредственными травами.

«У насъ доселѣ подобнаго рода наблюденій почти вовсе не было, а потому потребность въ нихъ дѣлается еще болѣе настоятельною.

«Въ этихъ видахъ Ученый Комитетъ приглашаетъ хозяевъ къ производству наблюденій и опытовъ надъ дикорастущими кормовыми травами, для опредѣленія: какія изъ нихъ могутъ быть пригодны въ большей части случаевъ и при какихъ условіяхъ почвы, какъ для введенія ихъ въ извѣстные полевые сѣвообороты, такъ и для посѣва на естественныхъ лугахъ и пастбищахъ.

«За доставленіе удовлетворительныхъ описаній, наблюденій и опытовъ надъ малоизвѣстными дикорастущими травами, будутъ назначаемы медали, именно: за сочиненія, которыя будутъ признаны вполнѣ удовлетворительными—золотыя медали въ 150 червонцевъ; за труды, которые наиболѣе приблизятся къ требованіямъ программы—золотыя же медали малой величины въ 50 червонцевъ, и наконецъ, за описанія, хотя и не вполнѣ соотвѣтствующія предложеннымъ условіямъ, но признанныя почему либо примѣчательными,—серебряныя медали.

«XIII. *Изысканіе способа къ истребленію сусликовъ.* Размножившіеся въ послѣднее время, въ степяхъ южной Россіи, суслики или овражки, стали причинять ежегодно тамошнимъ хозяйствамъ огромныя потери. Къ истребленію этихъ вредныхъ животныхъ были пріискиваемы и употребляемы разныя средства, именно: разнаго рода ловушки, выливаніе водою, замазываніе норъ золою съ известью, выкуриваніе, отравленіе помощію особыхъ составовъ и пр.

«Всѣ эти средства, небезполезныя въ частности, не привели однако вполнѣ къ желаемой цѣли; послѣдніе же два способа, именно употребленіе особаго состава для отравы и другаго, сходнаго съ составомъ пороха, для выкуриванія или задушенія сусликовъ, сопряжены съ большою опасностію для самыхъ поселянъ.

«Ученый Комитетъ предлагаетъ слѣдующую задачу:

«*Изыскать простѣйшій и удобнѣйшій способъ къ истребленію сусликовъ, доступный средствамъ поселянъ и дѣйствительная польза котораго была бы доказана на дѣлѣ.*

«XIV. *Конкурсъ на медаль графа Киселева.* Положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ 24 декабря 1856 года, установлена въ память управленія Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ Генералъ-Адъютанта графа Киселева премія, состоящая изъ золотой медали, за сочиненія, къ крестьянскому быту относящіяся

«Вслѣдствіе сего, Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ приглашаетъ желающихъ участвовать въ конкурсѣ на медаль графа Киселева и присылать свои сочиненія до 1 іюля 1859 года на имя сего Комитета.

«Сочиненія, дающія право на состязаніе, суть слѣдующія:

«а) Сочиненія, въ которыхъ излагается настоящее состояніе нравственнаго и хозяйственнаго быта крестьянъ какой либо части Россія.

«б)Сочиненія, въ которыхъ излагаются причины не удовлетворительнаго состоянія той или другой стороны быта поселянъ и указываются способы къ улучшенію онаго.

«в) Сочиненія, имѣющія предметомъ примѣненныя къ крестьянскому быту практическія наставленія въ разныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, сельскихъ ремеслахъ, народной гигіенѣ, и т. п,

«г) Сочиненія, предназначенныя для народнаго чтенія или для руководства въ крестьянскихъ училищахъ.

«Къ состязанію допускаются сочиненія только на русскомъ языкѣ, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Печатныя сочиненія могутъ поступать на конкурсъ только тѣ, которыя будутъ изданы въ свѣтъ въ теченіе 1857 и 1858 годовъ; рукописныя же могутъ быть присылаемы или съ открытымъ именемъ автора или подъ девизами съ именами, запечатанными въ особыхъ пакетахъ; въ обоихъ случаяхъ рукописи должны быть написаны четко.

«За сочиненіе, которое признается, по содержанію и изложенію удовлетворительнѣйшимъ, будетъ присуждена золотая медаль графа Киселева—въ 300 р. сер.

«Подробныя программы для каждой задачи могутъ быть найдены въ особенной брошюрѣ, изданной Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ.»

Восьмое засѣданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

— Императорское Русское Географическое Общество имѣло 28 мая восьмое послѣ каникулярнаго времени засѣданіе. Исправляющій должность секретаря, дѣйствительный членъ В. П. Безобразовъ, сообщилъ замѣчанія ревизіонной коммиссіи изъ дѣйствительныхъ членовъ: А. К. Бирса, П. Д. Калмыкова, А. Ѳ. Штакельберга, А. Н. Попова, С. С. Куторги, С. С. Лошкарева и П. С. Савельева, разсматривавшей отчетъ Общества за 1856 годъ и заключеніе Совѣта по этимъ замѣчаніямъ. «Въ нынѣшнемъ году вниманіе ревизіонной коммиссіи было преимущественно обращено на состояніе денежной части и отчетности Общества. Если вообще повсемѣстно чувствуется у насъ потребность въ сокращеніи канцелярской переписки и облегченіи пустыхъ формальныхъ обрядовъ, отвлекающихъ вниманіе должностныхъ лицъ отъ сущности дѣла, то все это тѣмъ-болѣе примѣнимо къ ученому Обществу. Совѣтъ озаботился составленіемъ въ вакаціонное время проекта для измѣненія нынѣшняго порядка храненія и расходованія суммъ по Обществу, на такихъ основаніяхъ (указанныхъ отчасти и ревизіонною коммиссіею), которыя бы облегчили скудныя канцелярскія средства Общества отъ напрасной траты времени, въ ущербъ ученой его дѣятельности, и вмѣстѣ съ тѣмъ не лишали бы капиталовъ необходимой для нихъ безопасности. Другія указанія коммиссіи относительно ученыхъ изданій Общества, были также приняты совѣтомъ въ соображеніе, особенно на счетъ программы «Вѣстника», издаваемаго Обществомъ и подлежащаго, можетъ статься, нѣкоторымъ измѣненіямъ съ будущаго года, сообразно съ требованіями и условіями современной ученой литературы. Затѣмъ сообщены были нѣкоторыя распоряженія совѣта относительно ученыхъ предпріятій Общества. 1) Изданіе «Географическаго Словаря» Россіи.—Мысль объ этомъ изданіи уже давно обращала на себя справедливое вниманіе Общества; «Географическій Словарь», соединивъ въ себѣ всѣ разбросанныя и необработанныя фактическія свѣдѣнія по математической, физической и политической географіи Россіи, долженъ служить однимъ изъ важнѣйшихъ пособій къ распространенію географическихъ познаній въ нашемъ отечествѣ и къ занятіямъ какъ административнымъ, такъ и ученымъ, по всѣмъ безъ изъятія отраслямъ. Нынѣ, по обсужденіи вопроса о «Словарѣ» въ особой коммиссіи, изъ сре-

ды Общества, приступлено уже къ осуществленію этой мысли; программа свѣдѣній, которая должна войти въ «Словарь», окончательно составлена и утверждена совѣтомъ. За тѣмъ академикъ П. И. Кеппенъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи единственные въ своемъ родѣ матеріалы по географіи Россіи, и извѣстный своимъ пламеннымъ усердіемъ къ дѣлу науки, принялъ на себя, по приглашенію совѣта, трудъ составленія алфавитнаго списка всѣхъ словъ, которыя должны войти въ «Словарь», съ краткимъ обозначеніемъ источниковъ, въ которыхъ заключаются свѣдѣнія по каждому предмету. Этотъ списокъ не только чрезвычайно облегчитъ самое составленіе статей для «Словаря», но и самъ по себѣ, по богатству библіографическихъ свѣдѣній, которыя онъ будетъ заключать, будетъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для науки. Во время самого засѣданія П. И. Кеппенъ обратился ко всѣмъ членамъ съ просьбою, чтобы они оказывали ему содѣйствіе въ его работѣ, сообщеніемъ свѣдѣній, находящихся у нихъ въ распоряженіи. 2) Изданіе генеральной карты европейской Россіи. Потребность въ картѣ Россіи, изданной въ такомъ масштабѣ, который представлялъ бы общую и вѣрную географическую карту нашего отечества и облегчалъ бы общее обозрѣніе важнѣйшихъ его географическихъ элементовъ, уже давно чувствовалось не только у насъ, но и во всемъ образованномъ мірѣ; въ настоящее время, при усиленномъ развитіи нашей умственной и промышленной жизни, удовлетвореніе этой потребности дѣлается совершенно настоятельнымъ. Военно-дорожная карта устарѣла и не обнимаетъ всей имперіи; Спеціальная карта, также устарѣвшая, имѣетъ характеръ скорѣе атласа, чѣмъ карты. Успѣхъ въ публикѣ разныхъ генеральныхъ картъ Россіи, далеко не удовлетворяющихъ требованіямъ науки и исполненныхъ всякихъ грубыхъ погрѣшностей и картографическихъ недостатковъ, ясно доказывало въ послѣднее время всеобщую у насъ нужду въ генеральной картѣ Европейской Россіи, которая, соединивъ въ себѣ, по возможности, результаты всѣхъ нашихъ географическихъ изслѣдованій, была бы необходимою опорою при всѣхъ соображеніяхъ ученыхъ, административныхъ и промышленныхъ. Поэтому не останавливаясь на скудости денежныхъ способовъ Общества, совѣтъ призналъ обязанностію, съ его стороны, предъ публикою, взять на себя трудъ изданія генеральной карты Европейской Россіи, съ содѣйствіемъ Генеральнаго Штаба, который выразилъ живѣйшее сочувствіе. По обсужденіи вопроса въ особой коммиссіи, которая составлена совѣтомъ изъ нѣсколькихъ ученыхъ спеціалистовъ по разнымъ предметамъ карты, совѣтъ съ согласія г. генералъ-квартирмейстера, оказавшаго самое благосклонное въ этомъ содѣй-

ствіе, поручилъ дѣло за условленную плату Военно-Топографическому Дено, которое будетъ въ своихъ занятіяхъ по составленію и печатанію карты находиться въ постоянной связи съ коммиссіею Общества. При такомъ соединеніи обширныхъ картографическихъ средствъ, находящихся въ распоряженіи Генеральнаго Штаба, и ученыхъ и матеріальныхъ способовъ со стороны Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, можно надѣяться на нѣкоторый успѣхъ въ этомъ дѣлѣ. Карта будетъ заключать въ себѣ Европейскую Россію и Кавказъ, границы будутъ на сѣверѣ Норд-Капъ, на югѣ полные очерки Каспійскаго Моря, на западѣ — предѣлы Пруссіи и Австріи и на востокѣ очертаніе Оренбургской губерніи. Такимъ обраломъ карта будетъ вмѣщать въ себѣ около 35° по широтѣ и 48° по долготѣ. Масштабъ принятъ 1/1,680,000 или 40 верстъ въ англійскомъ дюймѣ, какъ наиболѣе удобный для практическаго употребленія и достаточный для точности въ ученомъ отношеніи. Заботясь о внутреннихъ и ученыхъ достоинствахъ карты, совѣтъ полагалъ необходимымъ придать ей и все совершенство внѣшней технической отдѣлки, требуемое современными успѣхами картографическаго искусства; потому, какъ ни тяжело будетъ на первое время денежное пожертвованіе для бюджета Общества, совѣтъ рѣшился издать карту хромолитографическимъ способомъ, такъ чтобы на картѣ было 5 различныхъ цвѣтовъ: для границъ, горъ, рѣкъ, дорогъ и надписей. Весь расходъ на составленіе и изданіе карты при 2,000 экземплярахъ будетъ простираться до 18,000 руб. сер., по приблизительному разсчету. 3) Экспедиція, снаряженная Обществомъ въ Восточную Сибирь. Въ запискѣ, отъ 22-го февраля текущаго года, главный астрономъ дѣйствующаго нынѣ математическаго отдѣла экспедиціи, сообщилъ совѣту, что въ 1857 г. (третьемъ и послѣднемъ для дѣйствій математическаго отдѣла, согласно первоначальному плану) порученіе экспедиціи въ главныхъ частяхъ будетъ окончено изслѣдованіемъ пространства между Леной и Яблоннымъ Хребтомъ, и долинъ рѣкъ Витима, Чары, Чуи и Киренги. Затѣмъ главный астрономъ ходатайствовалъ о продолженіи дѣйствій еще на одинъ годъ (четвертый) и предполагалъ назначить на этотъ годъ изслѣдованія: 1) Нижняго теченія Селимджи; 2) Пространства между Селимджой и Буреей; 3) Долинъ Асигуни и Гериша; 4) Сѣверной части Иркутской губерніи; 5) Нижнеудинскаго округа и 6) Южной части Енисейской губерніи. Съ одной стороны, опасаясь чрезмѣрнаго, по этому предположенію, расширенія предѣловъ дѣйствій экспедиціи, обозначаемыхъ въ Высочайше утвержденномъ планѣ экспедиціи только западною частію Забайкальской области и восточною Иркутской губерніи и имѣя въ виду незначи-

тельность остающейся въ распоряженіи Общества суммы на экспедицію, половина которой уже истрачена, когда важнѣйшій, физическій, отдѣлъ экспедиціи еще и не начиналъ своихъ дѣйствій, съ другой стороны, признавая необходимымъ не оставлять работъ экспедиціи незаконченными и желая также согласоваться въ своихъ распоряженіяхъ съ мнѣніемъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, который находилъ удовлетвореніе ходатайства главнаго астронома полезнымъ, — совѣтъ полагаетъ продолжить дѣйствія математическаго отдѣла сибирской экспедиціи на лѣто 1858 года, сверхъ оканчивающагося въ февралѣ этого года трехлѣтія. Втеченіе этого времени одинъ членъ экспедиціи могъ бы быть отряженъ на востокъ для изслѣдованія пространства между рѣками Буреей и Зеей, всѣ же прочіе, отправляясь съ ранней весной на западъ, занялись бы опредѣленіемъ тѣхъ пунктовъ, кои въ географическомъ отношеніи будутъ признаны болѣе важными, и къ концу лѣта собрались бы въ Томскѣ или другомъ мѣстѣ Западной Сибири для окончательнаго слѣдованія въ Санктпетербургъ. Такимъ образомъ направленныя работы, не превосходя средствъ, коими Общество можетъ располагать, округлили бы и дополнили все начатое и вмѣстѣ съ тѣмъ положили бы прочное основаніе для будущихъ геодезическихъ работъ въ западной половинѣ Восточной Сибири. 4) Статистическая экспедиція на Волгу. Общество еще въ прошедшемъ году проектировало снаряженіе экспедиціи для изслѣдованія промышленнаго и судоходнаго движенія на Волгѣ, какъ одного изъ важнѣйшихъ средоточій нашей народной жизни. Программа дѣйствій экспедиціи была уже начертана, приготовлены и денежныя средства, но совѣтъ вынужденъ былъ отложить снаряженіе экспедиціи до будущаго года, единственно за неимѣніемъ въ виду лица, которое соединяло бы въ себѣ всѣ условія для главнаго распоряженія работами экспедиціи втеченіе трехъ предназначенныхъ для нея лѣтъ. 5) Распоряженіе совѣта о признаніи дѣйствительныхъ членовъ Общества, за коими числятся значительныя недоимки по установленнымъ ежегоднымъ взносамъ, сложившими съ себя званіе членовъ на основаніи § 37 Устава Общества. Значительныя недоимки въ ежегодныхъ взносахъ членовъ, доходившія въ нынѣшнемъ году до 12-ти тысячъ руб. сер., давно уже озабочивали Совѣтъ и обращали на себя вниманіе ревизіонныхъ коммиссій, въ томъ числѣ и нынѣшней. При слабости денежныхъ способовъ Общества и опредѣлительности Устава, признающаго неплатежъ втеченіе двухъ лѣтъ, тождественнымъ съ сложеніемъ со стороны дѣйствительнаго члена званія, Совѣту оставалось исполнить правила Устава. Онъ постоянно напоминалъ всѣмъ недоимщикамъ о со-

держанія означеннаго § Устава и спрашивалъ, желаютъ ли они оставаться членами?—ему оставалось послѣ многократныхъ напоминаній признавать сложившими съ себя званія членовъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ не получено никакого отзыва. Такъ онъ и поступилъ, постепенно исключая въ нынѣшнемъ году изъ списковъ членовъ имена сильнѣйшихъ недоимщикомъ и потомъ слабѣйшихъ, т.-е. отъ 9-ти-лѣтнихъ до 3-хъ-лѣтнихъ включительно. Къ крайнему сожалѣнію число этихъ лицъ довольно значительно. Признаны сложившими съ себя званіе членовъ, журналами Совѣта 6-го февраля—10, 13-го марта—34 и 25-го мая—92 лица. Списки лицъ, признанныхъ сложившими съ себя званіе дѣйствительнаго члена, были представлены общему собранію. Въ заключеніе засѣданія дѣйствительный членъ Э. И. Эйхвальдъ прочелъ записку о нѣкоторыхъ новыхъ открытіяхъ въ чудскихъ могилахъ, и дѣйствительный членъ А. Б. фон-Бушенъ сообщилъ результаты новѣйшихъ изслѣдованій путешественниковъ въ Южной Африкѣ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Мнѣнія европейцевъ о нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. — Журналистика въ Соединенныхъ-Штатахъ. — Американскія «Reviews» и лучшіе писатели. — Выборы въ Англіи. — Судьбы земледѣльческихъ классовъ. — Исторія поселянъ. Сочиненіе Бонмэра. — Народная перепись во Франціи. — Отчетъ о сношеніяхъ сѣверо-американцевъ съ Японіею. — Тэнъ, французскій критикъ. — Новыя книги.

Ко второй апрѣльской книжкѣ «Revue de Paris» приложена карта желѣзныхъ дорогъ нашихъ, уступленныхъ правительствомъ компаніи русскихъ и европейскихъ капиталистовъ и извлеченіе изъ записки Общества о благихъ послѣдствіяхъ этого великаго предпріятія для Россіи и Европы. Приводимъ изъ нея нѣсколько словъ: «Смотря съ политико-экономической точки зрѣнія на будущность Россіи, мы видимъ, какую важную роль должна играть эта держава въ *транзитномъ движеніи* между Западной Европой и странами средне-азіатскими и закавказскими. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что настанетъ время, когда движеніе продуктовъ будетъ дѣятельно и значительно между этими странами, богатыми естественными произведеніями, и мануфактурной Европой. Россія, по своему географическому положенію, будетъ служить путемъ и центромъ этого движенія. Настоящая линія желѣзныхъ дорогъ, соединяя непосредственно сѣть нѣмецкихъ или, лучше сказать, европейскихъ желѣзныхъ дорогъ, съ одной стороны съ Нижнимъ-Новгородомъ, съ другой съ Ѳеодосіей, ускоряетъ развитіе сношеній племенъ Запада и Востока, ра-

вно плодовитое въ нравственномъ, какъ и въ матеріальномъ отношеніи.»

По этому же поводу въ «Journal des Débats» помѣщена статья, въ опроверженіе опасеній, высказываемыхъ англійскими журналами, что наши желѣзныя дороги угрожаютъ Европѣ новымъ нашествіемъ монголовъ, что мы строимъ ихъ единственно съ стратегической цѣлію, что тогда будемъ въ состояніи перевезти мильонъ войска въ любой конецъ Европы, и прочихъ столь же основательныхъ опасеній. Французы увѣряютъ даже, что новая Китайская война затѣвается теперь англичанами съ цѣлію противодѣйствовать нашему вліянію,—такъ завидно англичанамъ наше вліяніе на дальнемъ Востокѣ. Жалкое, ничтожное соперничество, недостойное великой націи. Еслибъ англичане старались вездѣ утвердить свое вліяніе не для того, чтобы противодѣйствовать намъ, но для того, чтобы принести пользу общечеловѣческимъ интересамъ, — кто же бы осмѣлился упрекать ихъ въ этомъ? — къ несчастію, дѣлается совершенно противное. «Разсмотрите, говорятъ французы, англійскіе журналы съ 1825 по 1855 годъ. Тридцать лѣтъ они повторяли наперерывъ одно и то же — называли Россію Японіей, Китаемъ, отдѣляющимся отъ Европы непроницаемой стѣной. Теперь стѣна пала — и англичане начинаютъ упрекать Россію въ совершенно противномъ. Кажется, вскорѣ услышимъ, что какой нибудь англійскій чудакъ предложитъ билль, чтобы русскихъ путешественниковъ не пускать въ предѣлы Великобританіи.»

Въ «Revue des Deux Mondes» помѣщена обширная статья подъ заглавіемъ «Россія и ея желѣзныя дороги». Замѣтимъ главные выводы статьи:

«Беспримѣрное предпріятіе совершается на нашемъ континентѣ. Въ Россіи строятъ вдругъ около 4,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ; для этого употребляется около 1,100 мильоновъ франковъ. Это предпріятіе рѣшено тотчасъ послѣ окончанія войны. Кровавая борьба приноситъ благотворные плоды. Никогда, можетъ быть, финансовый духъ не доказывалъ болѣе рѣшительнаго довѣрія къ будущему; предпріятіе это осуществляетъ въ огромныхъ размѣрахъ первую международную ассоціацію капиталовъ. Самое предпріятіе поражаетъ новостью и грандіозностью; но впереди открывается еще болѣе привлекательная картина. Восточная Европа сливается съ Западной, и новый этотъ организмъ становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ прочнѣе связываются его члены. Русскія желѣзныя дороги не представляютъ чисто промышленнаго предпріятія; онѣ имѣютъ характеръ политическій. Мы слышали по поводу ихъ различныя жалобы и опасенія. Нѣкоторые говорили: «Россія пространствомъ превосходитъ Европу; народонаселеніе ея быстро увеличивается, занимая средину между Европой и Азіей, міръ славянскій вѣруетъ, что онъ призванъ имѣть рѣшительное вліяніе на Востокъ и Западъ. Чего ему недостаетъ, чтобы выступить на историческое поприще? Свободнаго развитія, возможности дѣйствовать, какъ

одинъ человѣкъ съ быстротою; и вы ему строите желѣзныя дороги? На это отвѣчаетъ «Revue»: «Западъ имѣетъ также крѣпкую, прочную внутреннюю связь. Сила Запада будетъ рости и крѣпнуть наравнѣ съ силами славянскаго міра. Исторія доказала несбыточность всѣхъ плановъ всемірной монархіи; завоевать, покорить силой оружія міръ европейскій, теперь невозможно. Каждый изъ великихъ европейскихъ народовъ мечталъ о всемірной монархіи, стремился къ завоеваніямъ. Это былъ нашъ первородный грѣхъ, завѣщанный древнимъ міромъ новому, и эти стремленія всегда оканчивались истощеніемъ силъ и нравственнымъ упадкомъ. Прежде мечтали о сліяніи силою меча, утверждая господство одного племени надъ другимъ. Теперь сознали, что сліяніе возможно только посредствомъ союзовъ. Завѣщанія Карла V—въ Австріи, Филиппа II—въ Испаніи, Наполеона — во Франціи, остались мертвой, безсильной буквой.

«Соединеніе безъ подчиненія, признаніе правъ каждаго народа, ограниченіе всякаго несправедливаго преобладанія, вотъ хартія справедливости, мира и благоразумія, которую, во имя равнаго, взаимнаго уваженія національностей, выработываетъ духъ новѣйшей исторіи. Онъ начинаетъ вводить въ политику начало нравственное. Въ томъ состоитъ слава нашей эпохи. Это начало освящено конгрессами, международными постановленіями. Оно торжествуетъ, воплощается, признано верховнымъ правомъ и жизненной силой нашей эпохи. Современный человѣкъ считаетъ трудъ основаніемъ общественнаго и частнаго благоденствія. Онъ увеличиваетъ производительность и возвышаетъ промышленность посредствомъ тѣсной связи труда съ наукой. Китайскія стѣны падаютъ передъ новыми путями, оживленными паромъ, и исчезаютъ преграды для торговаго и духовнаго сближенія народовъ. Подобно тому, какъ начало взаимнаго уваженія народовъ другъ къ другу сдѣлало невозможнымъ стремленіе къ всемірной монархіи, начало свободной торговли уничтожаетъ возможность монополіи; все подготовляетъ промышленный и торговый союзъ народовъ; финансовыя отношенія дѣлаются болѣе и болѣе сложны и солидарны, и эта сложность и солидарность финансовыхъ и нравственныхъ вопросовъ обезпечиваетъ ненарушимость международнаго европейскаго союза. Желѣзныя дороги будутъ служить Россіи не для внѣшнихъ завоеваній, но, если можно такъ выразиться, для завоеваній внутреннихъ: онѣ оплодотворятъ ея почву, увеличатъ производительность, населятъ пустынныя пространства. Ея честолюбіе должно состоять въ этомъ и все это, можетъ быть, совершится на нашихъ глазахъ. Европѣ нечего страшиться преобладанія и господства славянскаго міра. Послѣднее возможно только въ такомъ случаѣ, если народы европейскіе, настоящіе представители образованности, вмѣсто того, чтобы итти впередъ по пути прогресса, остановятся въ своемъ развитіи, — тогда по необходимости они должны будутъ уступить мѣсто народамъ новымъ, а именно славянскому и сѣверо-американскому союзу.

Нерѣдко предсказываютъ Европѣ судьбу Греціи, теряющей свободу и славу; — просимъ извиненія у такихъ предсказателей, мы не раздѣляемъ ихъ мрачныхъ предчувствій; мы отрицаемъ для современной исторіи возможность трагической развязки, подобной той, которая постигла древній міръ. Въ нашей эпохѣ могутъ быть нѣкоторыя аналогическія черты съ древнимъ міромъ, но есть факты, радикально противоположные: уничтоженіе рабства, отвращеніе къ войнѣ, облагороженіе труда, уваженіе къ правамъ личностей и народовъ, взаимная симпатія племенъ, составляютъ коренную противоположность между міромъ древнимъ и эпохою современной. Ей не угрожаетъ роковая развязка, потому что она не имѣетъ въ себѣ зародышей дряхлости и упадка, подобно древнему міру. Чѣмъ болѣе нашъ міръ преображается, тѣмъ болѣе онъ пріобрѣтаетъ жизненной силы. Европа защищается отъ дряхлости — вводя новыя начала, отъ порывовъ юности—пользуясь вѣковымъ опытомъ историческойжизни. Европа вступила въ возрастъ возмужалости. Америка и Славянскій міръ будутъ играть великую роль въ будущемъ, но неужели для этого должны пасть или исчезнуть нынѣшніе представители образованности въ Европѣ? Неужели славяне и американцы должны сдѣлаться исключительными дѣятелями новой эпохи образованности?

«Дѣло прогресса требуетъ содѣйствія всѣхъ; никто здѣсь не лишній, ни юноша, ни мужъ; драма была бы не полна, она бы вполнѣ не развилась, еслибъ извѣстная часть дѣятелей была исключена изъ сцены. Только люди съ тѣснымъ и узкимъ взглядомъ боятся процвѣтанія Россіи. Благодаря новой эпохѣ, въ которую вступаетъ она, далеко раздвинутся предѣлы образованнаго міра. Русскія желѣзныя дороги будутъ имѣть великое спасительное вліяніе на экономическій бытъ Россіи и Европы. Земледѣльческое, промышленное и торговое положеніе Россіи весьма мало извѣстно. Въ Европѣ представляютъ еще себѣ, что Россія покрыта вѣчными снѣгами, что простой народъ въ ней совершенно дикъ. Разсматривая Россію ближе, мы убѣдимся, что производительныя силы Россіи огромны, что народъ ея заслуживаетъ полнаго сочувствія.

Далѣе авторъ статьи разсматриваетъ направленіе нашихъ линій. «Отъ Москвы, говоритъ онъ, отдѣляется вѣтвь къ Нижнему на Волгѣ, предназначенная, можетъ быть, въ будущемъ быть продолженной къ Сибири, а по Сибири къ Китаю. Ѳеодосія была нѣкогда славна; чрезвычайно выгодное ея положеніе было причиной, что въ древности греки, а впослѣдствіи генуэзцы учредили тамъ знаменитую торговую гавань. По Страбону, за 400 лѣтъ до Р. Х., Ѳеодосія была столь цвѣтущею, что одинъ изъ царей Босфора Киммерійскаго могъ отправить изъ нея 2,000,000 мѣръ хлѣба въ Аѳины, во время голода. Въ концѣ XI столѣтія, во время первыхъ крестовыхъ походовъ, генуэзцы учредили уже свое знаменитое складочное мѣсто въ Кафѣ, откуда были изгнаны послѣ паденія Восточной Имперіи. Татары называли Кафу малымъ Константинополемъ. 200 лѣтъ спустя, путешественникъ Шар-

денъ нашелъ еще слѣды процвѣтанія колоніи; впродолженіе мѣсяца, во время его пребыванія, 400 судовъ посѣтило эту гавань. Когда Екатерина Великая завоевала Крымъ, Кафѣ дано прежде имя Θеодосіи. Теперь, можетъ быть, древній городъ грековъ и генуэвцевъ воскреснетъ съ новымъ блескомъ.» Далѣе «Revue» говоритъ, что желѣзныя дороги, соединивъ три главныя полосы Имперіи, а именно полосу лѣсовъ, чернозема и степей, будутъ способствовать обмѣну сырыхъ и мануфактурныхъ произведеній, внутри Имперіи и чрезъ Θеодосію, Либаву, Вильно и Варшаву, съ продолженными линіями къ Прусской и Австрійской границамъ, обезпечатъ постоянныя и безпрерывныя сношенія со всей Европой.

«Мы привыкли, говоритъ «Revue», смотрѣть на народъ русскій, какъ на лишенный духа предпріимчивости и самостоятельности — это великая ошибка. Нельзя не признать, что духъ товарищества — ассоціаціи, въ высокой степени развитъ въ народѣ русскомъ (артели, сельскія общины). Россія воспользуется плодами европейской образованности; поступая благоразумно, онъ можетъ избѣгнуть ошибокъ и промаховъ, которые испытала Европа, и избрать самый вѣрный и лучшій путь къ цѣли — къ развитію всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ своихъ. Въ Западной Европѣ среднее сословіе стоитъ въ главѣ общества, — въ Россіи, среднее сословіе не имѣетъ историческаго значенія. Русское купечество владѣетъ однакожь теперь довольно значительными капиталами, оно научится лучше пользоваться ими, познакомившись ближе съ основаніями кредита и ассоціаціи. Важнѣйшій вопросъ теперь—это обезпеченіе судьбы земледѣльческихъ классовъ. При развитіи промышленности и торговли, когда земледѣльческіе продукты будутъ имѣть свободный сбытъ, когда Россія сдѣлается дѣйствительно житницею Европы, необходимо будетъ ввести улучшенное хозяйство, чтобы увеличить производительность, тогда убѣдятся на опытѣ, что трудъ принужденный—самый безплодный и и непроизводительный, всѣ захотятъ пользоваться плодами свободнаго труда и положеніе земледѣльческихъ классовъ должно быть обезпечено, ради выгодъ самихъ же земледѣльцевъ. На фабрикахъ, наиболѣе производительныхъ, вездѣ уже употребляются вольнонаемные работники. И такъ обезпеченіе судьбы земледѣльческихъ классовъ и развитіе средняго сословія—вотъ необходимое послѣдствіе новаго періода народной жизни, которую желѣзныя дороги открываютъ русскому міру. Это не есть пустая утопія,—увеличеніе благоденствія края влечетъ за собою увеличеніе благоденствія всѣхъ его классовъ. Истинная образованность не остается исключительно въ верхнемъ слоѣ народа, и не состоитъ только въ усвоеніи извѣстныхъ административныхъ, военныхъ и ученыхъ академическихъ пріемовъ — истинная образованность проникаетъ въ сердце народа и пропитываетъ мало по малу массы. Всѣ великія преобразованія въ прошедшемъ совершались вслѣдствіе сотрясеній и войнъ. Провидѣніе, награждая вѣковыя, тысячелѣтнія усилія человѣчества, дозволяетъ кажется теперь идти

намъ болѣе отраднымъ путемъ. Мы владѣемъ въ настоящее время уже значительными нравственными и вещественными капиталами, добытыми вслѣдствіе тысячелѣтняго труда. Соединенныя усилія, соединенные капиталы, будучи искусно направлены къ благой цѣли, могутъ быть достаточны теперь, чтобы открыть намъ путь къ крайнимъ предѣламъ развитія.»

«Россія, говорятъ ея противники и недоброжелатели, имѣетъ огромныя незаселенныя пространства, — она теперь въ застоѣ, но когда огромныя эти пространства будутъ соединены желѣзными дорогами, народонаселеніе можетъ увеличиться въ размѣрахъ исполинскихъ, тогда исчезнетъ европейское равновѣсіе — Славянскій міръ подавитъ Европу своей числительностью. Западная Европа имѣетъ также открытое поле для распространенія. Переселенія варваровъ не могутъ повториться, переселенія образованныхъ будутъ продолжаться по новому направленію. Бросимъ взглядъ на бассейны Средиземнаго моря. Англія имѣетъ колоніи на островахъ его, Франція основываетъ государство на прибрежьяхъ африканскихъ — неужели остальная часть этого прибрежья, на которомъ процвѣтали нѣкогда греческія и римскія колоніи, будетъ предана вѣчно варварству? Испанія, Италія, Австрія, державы, прилегающія къ Средиземному морю, подобно Франціи, не прибѣгая къ завоеванію, могутъ заселить эти прибрежья своими колоніями. Теперь сѣверный берегъ Средиземнаго моря заселенъ и процвѣтаетъ. Южный берегъ преданъ еще запустѣнію, между тѣмъ паровая сила соединяетъ уже оба берега — судьба ихъ должна быть одинакова. Пагубный контрастъ не можетъ продолжаться. Это еще не все. Вскорѣ Оттоманская Имперія соединится съ Австріей желѣзной дорогой, которая изъ Константинополя пойдетъ въ Бѣлградъ; съ Персидскимъ заливомъ другой линіей, которая отъ Константинополя направится чрезъ Анатолію и будетъ слѣдовать по долинѣ Евфрата къ Бассорѣ. Теперь изучаютъ Бѣлградскую линію, часть евфратской дороги уже уступлена Англіи, со временемъ будетъ проложена вся линія Великая сухопутная дорога соединитъ Германію съ Индѣйскимъ моремъ; возстановятся коммерческія пути древности — по этой дорогѣ и по Суэзскому каналу будетъ совершаться транзитное движеніе изъ Азіи. Итакъ, не только Россія, но и Турція соединится съ сѣтью европейскихъ дорогъ новыми линіями. Турецкія желѣзныя дороги будутъ необходимымъ дополненіемъ русскихъ Кромѣ своего торговаго значенія, турецкія дороги послужатъ проводникомъ избытку европейскаго народонаселенія на Востокъ. Въ европейской жизни мы видимъ постоянныя колебанія къ Востоку или къ Западу. Въ средніе вѣка Европа устремлялась къ Востоку и оттуда почерпнула промышленный и торговый духъ. Начиная съ реформаціи, влеклась она къ Западу и открыла невѣдомые материки и острова, чтобъ овладѣть ими для пользы своей промышленности и торговли. Послѣ такого направленія къ Западу, вслѣдствіе котораго она присвоила себѣ Америку и Австралію, Европа снова возвращается къ

Востоку, къ Азіи, которую должна возродить. Во второй половинѣ XVIII столѣтія она основала Имперію въ Остъ-Индіи; въ первой половинѣ XIX не переставала дѣйствовать на Турцію. Сухопутное сообщеніе, на которое мы указали, котораго первые участки начинаютъ прокладываться, будетъ проводникомъ систематическому вліянію Европы на Малую Азію. Благодаря учрежденію этого гигантскаго пути съ многочисленными вѣтвями, которыя примкнутъ послѣдовательно къ главной линіи, западныя страны азіятскаго континента, заключающіяся между Средиземнымъ, Чернымъ и Каспійскимъ морями, рѣкою Индомъ и Индѣйскимъ океаномъ, страны, съ которыми древняя и новая Европа имѣла столько столкновеній, будутъ присоединены къ образованному міру, и предѣлы его далеко раздвинутся, благодаря желѣзнымъ дорогамъ. Переселенія будутъ слѣдовать по этому направленію. Теченіе, которое впродолженіе трехъ столѣтій направляется за Атлантическій океанъ, и въ настоящее время около 300,000 душъ переноситъ ежегодно въ Америку, это теченіе, повинуясь неудержимому стремленію, обратится къ Африкѣ и Азіи. Дунай и Средиземное море составятъ удобнѣйшій и быстрѣйшій путь. Огромныя долины Азіатской Турціи не менѣе привлекательны, нежели американскія саваны, онѣ будутъ тѣсно связаны съ Европой — рабочій скотъ съ долины Рейна пройдетъ по лугамъ Дуная и переплыветъ Босфоръ или Дарданелы. Безъ малѣйшаго стѣсненія для настоящихъ владѣтелей земли, найдется здѣсь мѣсто безчисленнымъ легіонамъ европейскаго земледѣльческаго и промышленнаго народонаселенія. Эти страны воскреснутъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возродятся племена Востока. Такимъ образомъ составится союзъ народовъ независимыхъ, основанный на самыхъ справедливыхъ началахъ.

«Это будетъ возстановленіе на новыхъ началахъ Римской Имперіи: жизнь Европы началась со дня паденія этой Имперіи, теперь Европа возстановитъ ее общимъ трудомъ, въ болѣе гуманныхъ условіяхъ, въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

«Вотъ какое развитіе предстоитъ Западной Европѣ въ будущемъ. Возрастанію Россіи можетъ соотвѣтствовать возрастаніе Европы. Нѣкоторые политическіе люди, переносясь мыслію на крайнюю оконечность Азіи, видятъ въ Китаѣ новый театръ для рѣшенія восточнаго вопроса, который начался въ Турціи — театръ, на которомъ снова встрѣтятся Россія, Англія и можетъ быть даже Соединенные Штаты. Дѣйствительно, если Европа призвана къ возрожденію Азіи, Россія должна быть сподвижницею въ этомъ дѣлѣ. Она можетъ быть призвана обратить свои взоры на эти отдаленнѣйшіе предѣлы Азіи, на эту огромную страну, населенную 4 или 500 мильонами людей, гдѣ стоятъ рядомъ Монголія, Китай, Японія, Индо — Китай и Бирманія, на страну, недоступную еще для европейскаго вліянія. Россія соприкасается на всемъ пространствѣ своихъ азіатскихъ владѣній съ этими странами. Она можетъ употребить тамъ съ пользою избытокъ своихъ силъ. Петръ Великій кажется предугадывалъ для Россіи это призва-

ніе. Въ настоящее время въ Китаѣ совершается одинъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые послѣ различныхъ треволненій требуютъ вмѣшательства чужеземцевъ. Все предвѣщаетъ, что въ Китаѣ послѣдуетъ послѣдняя великая борьба цивилизаціи и варварства, рѣшительное столкновеніе Азіи, Европы и Америки. Тогда настанетъ окончательное примиреніе всѣхъ народовъ.

«Допустивъ, что все это возможно, мы можемъ съ упованіемъ смотрѣть на будущее, если только будемъ руководиться непреложнымъ и священнымъ началомъ, а это начало есть ровное, взаимное уваженіе національностей и религій. Мы исчерпали всѣ возможныя предположенія, для того, чтобы показать, что Европа и образованность во всякомъ случаѣ выиграютъ вслѣдствіе развитія всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ русскаго народа и вообще славянскаго міра, которое будетъ послѣдствіемъ нынѣ воздвигаемыхъ желѣзныхъ дорогъ. Петербургъ называютъ окномъ, прорубленнымъ въ Европу; желѣзныя дороги откроютъ двери настежь. Европа и Россія будутъ жить одной общей жизнію. Безумно страшиться этого. Западная и Восточная Европа будутъ имѣть общую экономическую систему — общіе финансовые интересы; это будетъ служить лучшимъ обезпеченіемъ мира.

«Россія доказываетъ желѣзными дорогами свои миролюбивыя стремленія. Европеецъ, сознающій цѣну и пользу образованности, видитъ въ русскихъ желѣзныхъ дорогахъ залогъ мира и развитія, залогъ лучшаго будущаго для Европы и славянскаго міра.»

— *Журналистика въ Соединенныхъ Штатахъ.* Борьба за независимость была лучшимъ временемъ американской журналистики, — можетъ быть журналистика никогда не играла болѣе значительной роли и не имѣла болѣе рѣшительнаго вліянія на событія. Журналы научили американцевъ знать права свои, возбудили въ нихъ желаніе независимости и самостоятельности, воспламенили къ борьбѣ и ускорили событія. Передовые люди Америки были журналистами — Франклинъ, оба Адамса, Джефферсонъ, Джай, Гамильтонъ, всѣ эти имена сдѣлались извѣстны своими трудами въ журналахъ. Но послѣ окончанія борьбы, послѣ провозглашенія независимости, всѣ они заняли государственныя должности и сотрудниками журналовъ стали большею частію люди, лишенные таланта и обширнаго взгляда. Грубыя выходки и дерзкая брань, стали отличательной чертой американскихъ журналовъ. Напрасно Франклинъ и друзья его пытались остановить зло. Впрочемъ и въ то время были исключенія. Вскорѣ союзъ раздѣлился на двѣ партіи: одна хотѣла предоставить какъ можно болѣе самостоятельности отдѣльнымъ штатамъ, другая желала укрѣпленія центральной власти. Лучшіе люди сознавали, что мѣстные интересы нужно предоставить отдѣльнымъ штатамъ, но что всеобщія дѣла должны рѣшаться конгрессомъ; къ числу такихъ людей принадлежалъ Гамильтонъ, онъ хотѣлъ твердаго федеративнаго союза. Чтобы распространить эту идею, основалъ онъ журналъ и назвалъ его Continentaliste, во имя своей любимой темы, единства американскаго конти-

нента. Въ немъ онъ началъ излагать основанія уложенія, существующаго нынѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. Когда собрался конвентъ съ цѣлію составить уложеніе для союза, явился новый журналъ Federaliste въ томъ же направленіи; онъ будетъ вѣчно памятенъ американцамъ, — въ немъ принимали участіе Джай и Мадисонъ, но главнымъ сотрудникомъ былъ снова Гамильтонъ; цѣлью его было объяснять и защищать новое уложеніе, ознакомить съ его духомъ и механизмомъ народъ, и отражать всестороннія нападенія, цѣлію которыхъ сдѣлалась новая грамота союза американскаго народа. Нелегко сдѣлать доступными для всѣхъ высшія политическія идеи. Гамильтонъ исполнилъ это съ рѣдкимъ дарованіемъ и «Федералистъ», образецъ анализа, ясности и благоразумія, до сихъ поръ остается лучшимъ комментаріемъ Американскаго уложенія, принятію котораго онъ весьма много содѣйствовалъ.

Вашингтонъ, сдѣлавшись президентомъ, призвалъ Гамитьтона къ государственной службѣ и тотъ долженъ былъ оставить журналистику. Адамсъ предложилъ законъ, принятый конгрессомъ, дозволяющій правительству преслѣдовать судебнымъ порядкомъ журналистовъ, распространяющихъ клеветы противъ должностныхъ лицъ. Всѣ единогласно съ яростію возстали противу новаго закона и Джефферсонъ, сдѣлавшись президентомъ, поспѣшилъ прекратить всѣ судебныя преслѣдованія. Впродолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ ни разу еще ни одинъ журналъ не подвергался судебному преслѣдованію со стороны правительства въ Соединенныхъ Штатахъ. «Клевета — говорятъ американцы — зараждается, ростетъ и умираетъ безсильною. Клеветникъ вызываетъ защитниковъ, а гласность составляетъ необходимый насущный элементъ нашей жизни.»

Журналъ въ Америкѣ часто составляетъ единственную нить, связывающую съ міромъ отчужденнаго колониста; журналъ въ Америкѣ — предметъ первой необходимости.

Лишь только вѣковые дубы пали подъ топоромъ переселенца, и хижины начинаютъ появляться въ мѣстахъ, гдѣ рыскалъ дикій звѣрь, поселенцы соединяютъ свои усилія, чтобы воздвигнуть храмъ; рядомъ съ домомъ молитвы, строится зданіе для школы, но существованіе новаго селенія еще неполно и несамостоятельно. Вскорѣ является новый пришелецъ: онъ привозитъ съ собою нѣсколько ящиковъ металлическихъ буквъ—этотъ человѣкъ называется типографщикомъ, завтра онъ станетъ журналистомъ. Утромъ онъ пишетъ, вечеромъ набираетъ написанное, нерѣдко самъ, иногда при помощи одного или двухъ учениковъ; самъ отпечатываетъ свой наборъ, на первыхъ порахъ руки дороги, — и на слѣдующій день рано утромъ, два или три мальчика отправляются продавать маленькій листокъ бумаги, съ одной только стороны покрытый печатью, котораго половина, можетъ быть три четверти, заняты различными объявленіями. Родилась газета—селеніе сдѣлалось городомъ; послѣ храма — школа, послѣ школы журналъ, по этому неизмѣнному порядку находятъ удовлетвореніе три необхо-

димыя потребности каждой Американской общины. Когда селеніе возрасло, и въ свободное отъ занятія время, начинаютъ между поселенцами зараждаться политическіе споры—журналъ принимаетъ извѣстный оттѣнокъ; партія, противу которой онъ выступаетъ, дѣлаетъ предложенія какому нибудь типографщику сосѣдняго города. Такимъ образомъ основывается другой журналъ, который начинаетъ съ своимъ старшимъ братомъ жаркую полемику. Вскорѣ появится третій, который, назвавъ себя независимымъ, будетъ собирать подписку и помѣщать объявленія умѣренныхъ и нерѣшительныхъ. Далѣе, по мѣрѣ того, какъ народонаселеніе возрастаетъ и объявленія умножаются, каждый изъ трехъ журналовъ вмѣсто того, чтобы выходить еженедѣльно, станетъ появляться два, три раза въ недѣлю; пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и каждый изъ нихъ дѣлается ежедневнымъ. Такъ происходило въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ штатахъ, которые называютъ себя теперь старинными, потому что имѣютъ уже около пятидесяти лѣтъ существованія, тоже повторяется въ настоящее время ежедневно въ новыхъ штатахъ. Хотите ли имѣть понятіе о этомъ невѣроятно быстромъ размноженіи журналовъ? слѣдующія цифры довольно краснорѣчивы: въ 1775 г. было 37 журналовъ въ Соединенныхъ-Штатахъ, въ томъ числѣ 36 еженедѣльныхъ. Одинъ только «Advertiser» въ Филадельфіи являлся три раза въ недѣлю, потому что онъ издавался въ городѣ, гдѣ происходили засѣданія Конгресса. Двадцать-пять лѣтъ спустя, въ 1800 году, считали уже 200 журналовъ, изъ которыхъ 17 было еженедѣльныхъ, въ 1810—358, въ 1828—812, въ 1839—1555, въ 1850—2800. Нужно замѣтить, что это невѣроятное размноженіе журналовъ не зависитъ исключительно отъ приращенія народонаселенія: число журналовъ продолжаетъ возрастать въ штатахъ старинныхъ еще въ большей прогрессіи, несмотря на то, что штаты эти уже обильно надѣлены журналами; такъ ньюйоркскій штатъ въ 1842 году имѣлъ 245 журналовъ; въ 1850—460. Тоже самое произошло въ Пенсильваніи, въ Огіо и въ Массачусетсѣ. Слѣдующая таблица, сводъ статистическихъ данныхъ, обнародованныхъ по распоряженію Конгресса, вслѣдствіе переписки 1850 года, дозволяетъ обнять однимъ взглядомъ развитіе американской журналистики въ то время:

	Число изданій.	Число экз. одного нумера	Число листовъ въ годъ.
Журналы ежедневные	350	750,000	235,000,000
Выходящіе три раза въ недѣлю.	150	75,000	11,700,000
Два раза въ недѣлю	125	80,000	8,320,000
Еженедѣльные	2,000	2,875,000	149,500,000
Два раза въ мѣсяцъ	50	300,000	7,200,000
Ежемѣсячные.	100	900,000	10,800,000
Каждые три мѣсяца	25	20,000	80,000
Итого. . . .	2,800	5,000,000	422,600,000

Американская журналистика, увеличивая свои размѣры, значительно улучшилась. Человѣкъ, который преобразовалъ ее, живъ до сихъ поръ и пишетъ. Этотъ трудолюбивый и бодрый старецъ заслуживаетъ полнаго уваженія. Robert Walsh родился въ Бальтиморѣ въ 1782 году. Сынъ богатаго негоціанта, онъ получилъ высшее образованіе и, окончивъ курсъ наукъ на родинѣ, отправился въ Европу, чтобы дополнить свое воспитаніе. Онъ посѣтилъ Великобританію, Францію и значительную часть остальной Европы, познакомился съ европейскими обычаями, и въ 1808 году возвратился въ Америку, двадцати-шесть лѣтъ отъ роду. Немедленно послѣ возвращенія онъ издалъ брошюру о характерѣ и стремленіяхъ Французской Имперіи, эта брошюра имѣла успѣхъ въ Соединенныхъ-Штатахъ и возбудила вниманіе Англіи. Ежемѣсячный журналъ «Portfolio», очень тогда распространенный, принялъ его въ число своихъ сотрудниковъ. Два года спустя, въ 1813 г., онъ издалъ первый нумеръ «American Review», сборника, издаваемаго каждые три мѣсяца, по примѣру «Эдимбургскаго Обозрѣнія». Однакожь, обозрѣніе продолжалось только два года, въ 1817 г. Уальшъ началъ издавать ежемѣсячный журналъ, посвященный политикѣ, исторіи и статистикѣ, подъ названіемъ «American Register»; онъ былъ почти единственнымъ сотрудникомъ журнала. Наконецъ, въ 1821 году, соединившись съ Вильямомъ Фрэ, основалъ въ Филадельфіи, подъ названіемъ «Народной Газеты» маленькій вечерній журналъ, выходившій сначала три раза въ недѣлю, и вскорѣ сдѣлавшійся ежедневнымъ. По примѣру европейскихъ журналовъ, Уальшъ оставилъ въ своей газетѣ значительное мѣсто литературѣ, наукамъ и изящнымъ искусствамъ. Онъ первый началъ дѣлать критическую оцѣнку книгъ, являющихся въ Англіи и въ Соединенныхъ-Штатахъ, и его рецензіи обнаруживали много знанія и добросовѣстности, здраваго смысла и твердыхъ убѣжденій.

Все это было нововведеніемъ къ американской журналистикѣ; эти нововведенія доставили огромный успѣхъ журналу. Вскорѣ нужно было увеличить форматъ «Народной Газеты». Ни одинъ изъ журналовъ въ Пенсильваніи не имѣлъ столько подписчиковъ; газета стала даже проникать въ сосѣдственные штаты; впродолженіе пятнадцати лѣтъ, Уальшъ былъ главнымъ редакторомъ «Народной Газеты», съ постояннымъ успѣхомъ. Въ 1837 г. онъ принужденъ былъ отправиться въ Европу для возстановленія разстроеннаго здоровья. До сихъ поръ онъ продолжаетъ быть любимымъ парижскимъ корреспондентомъ ньюйоркскихъ журналовъ. Успѣхъ «Народной Газеты» возбудилъ благородное соревновеніе въ другихъ журналахъ. Публика сдѣлалась болѣе взыскательной, и писатели болѣе строги къ самимъ себѣ.

Въ Нью-Йоркѣ нашлись первые послѣдователи новаго направленія. Три молодые талантливые люди: Кингъ, Гамильтонъ и Верпланкъ соединились и оставили «New-York American», который впродолженіе двадцати лѣтъ былъ лучшимъ представителемъ журналистики въ Нью-Йоркѣ. Главный его редакторъ Кингъ соединилъ его въ 1845 году съ

газетой «Courier and Inquirer», который въ настоящее время есть одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ, и наиболѣе заслуживающихъ вниманія журналовъ въ Соединенныхъ-Штатахъ.

Писатели, которыхъ мы называли, принадлежали къ партіи виговъ. Въ противныхъ рядахъ находимъ поэта Брайанта. Въ 1827 г. онъ сталъ главнымъ редакторомъ прежняго вигскаго жарнала «Evening Post» и сдѣлалъ изъ него важнѣйшій органъ демократической партіи. Газета эта сдѣлалась вмѣстѣ политической и литературной.

Журналистика американская имѣетъ свой совершенно особенный характеръ.—Во Франціи, въ Англіи, журналы парижскіе и лондонскіе читаются всѣмъ государствомъ, въ Америкѣ каждый штатъ имѣетъ свои журналы. Лучшіе изъ нихъ издаются въ приморскихъ штатахъ — въ Нью-Йоркѣ, Бостонѣ и Филадельфіи, но вообще они мало распространены въ сосѣдственныхъ провинціяхъ. — Журналы, выходящіе въ Вашингтонѣ, гдѣ имѣетъ пребываніе президентъ и Конгрессъ, занимаются болѣе общими дѣлами, касающимися всего Союза, и потому находятъ извѣстное число подписчиковъ и въ другихъ штатахъ, но вообще они въ достоинствѣ уступаютъ нью-йоркскимъ, бостонскимъ и филадельфійскимъ. Американское правительство не имѣетъ оффиціальнаго органа, подобнаго «Монитеру» во Франціи. Въ Вашингтонѣ существуетъ только полуоффиціальная газета; начиная съ 1806 года такой газетой былъ «National Intelligencer». Теперь при избраніи каждаго президента основывается обыкновенно новый журналъ, который служитъ органомъ министерству. Обыкновенная цѣна большихъ ежедневныхъ журналовъ составляла до 1833 года 6 центовъ (около 8 коп. сер.) за нумеръ, и нужно было 1000 подписчиковъ, и извѣстное число объявленій, чтобы покрыть расходы журнала. Послѣ того стали появляться журналы дешевые, которые заставили большіе журналы уменьшить цѣну почти на половину. Прежде журналы расходились по подпискѣ, теперь они большей частію продаются по нумерамъ. — Люди предпріимчивые разсчитали, что, уменьшивъ цѣны въ половину, они пріобрѣтутъ гораздо болѣе выгодъ—число покупателей болѣе, чѣмъ удвоится, потому что въ Соединенныхъ Штатахъ неграмотные составляютъ исключеніе, и каждый принимаетъ непосредственное участіе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Разсчетъ этотъ былъ вѣренъ. Нью-Йоркъ имѣетъ съ предмѣстьями около 700,000 жителей,—они раскупаютъ 130,000 экземпляровъ ежедневныхъ газетъ. Считая семейство въ пять человѣкъ, выходитъ, что каждое имѣетъ свой журналъ. Успѣхъ рѣдко награждаетъ изобрѣтателей: первыя газеты, которыя пытались назначить цѣну по 1 центу за нумеръ (около 1¼ коп. сер.), не могли существовать; новая попытка продавать по 2 цента нумеръ оказалась успѣшной и возбудила послѣдователей. «Herald» и другіе листки успѣли выдержать соперничество съ большими журналами, но когда существованіе ихъ казалось уже упрочено, явился новый соперникъ—«Sun»; онъ сталъ продаваться по 1 центу, и пріобрѣлъ огромныя выгоды. Нужно было продать 40,000 нумеровъ, чтобы покрыть издержки

журнала,—«Sun» сталъ ежедневно продавать отъ 43 до 45 тысячъ нумеровъ объявленія нахлынули въ него, и онъ доставилъ значительныя богатства своему основателю. Постройка огромнаго зданія, гдѣ «Sun» помѣстилъ свою типографію и контору, стоила 500,000 франковъ. Обогатившись, основатель журнала, Де, продалъ свою газету за 1,250,000 франковъ, и эта цѣна никому не показалась высокой, потому что ежедневная продажа выручала издержки, а объявленія, которыя всѣ почти законтрактованы на цѣлый годъ, давали чистой прибыли 1,500 франковъ ежедневно, то есть около 500,000 въ годъ. — Не доставляя столь значительной прибыли, журналы въ 2 цента составляютъ также выгодное предпріятіе. Подобно тому, какъ газетѣ «Sun», главную статью дохода имъ доставляютъ объявленія.

Лучшія теперь газеты «Herald» и «Tribune». Онѣ имѣютъ по два изданія — утреннее и вечернее, кромѣ того особое еженедѣльное, и расходятся въ числѣ 20 или 25,000 нумеровъ каждый. Редакторъ «Трибуны» нынѣ Горасъ Грили.—11-го апрѣля 1853 года, въ двѣнадцатую годовщину своего существованія, она приняла форматъ самыхъ большихъ нью-йоркскихъ газетъ. «Tribune» составляетъ органъ соціальныхъ ученій.

Въ Европѣ наиболѣе извѣстенъ и распространенъ «Herald»; редакторъ его Беннетъ, человѣкъ дѣятельный, предпріимчивый. Онъ даромъ разослалъ свое еженедѣльное изданіе главнымъ европейскимъ журналамъ, клубамъ, библіотекамъ; мало того, онъ сталъ приготовлять особое изданіе журнала для Европы. Въ этомъ изданіи заключается краткій отчетъ о всѣхъ американскихъ происшествіяхъ, которыя могутъ интересовать Европу; отчетъ этотъ тщательно составляется. Европейскіе публицисты, вообще весьма мало знакомые съ американскими дѣлами, буквально заимствуютъ всѣ свои извѣстія изъ отчетовъ Беннета, за то объ «Геральдѣ» упоминается въ каждомъ европейскомъ журналѣ, который говоритъ о дѣлахъ американскихъ, и всѣ отзывы европейцевъ объ «Геральдѣ» перепечатываются въ этой газетѣ. Такимъ образомъ американцы видятъ, что одна только газета Беннета читается и уважается европейцами.

Беннетъ готовъ пожертвовать значительной суммой, чтобы получить какое нибудь важное извѣстіе, или вполнѣ сообщить любопытный документъ раньше другихъ. Европейскіе пароходы, направляющіеся въ Нью Йоркъ, останавливаются на нѣкоторое время въ Галифаксѣ. — Беннетъ первый рѣшился посылать нарочные пароходы изъ Нью-Йорка на встрѣчу европейскимъ, чтобъ получать депеши и корреспонденцію изъ Европы раньше другихъ.—Теперь всѣ главные журналы слѣдуютъ его примѣру. Электрическій телеграфъ главный сотрудникъ его газеты. Онъ получаетъ телеграфическія депеши изъ всѣхъ концовъ Америки, и вездѣ имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ.

Расходы на изданіе журнала въ Америкѣ огромны. — Однѣ телеграфическія депеши стоятъ сотни тысячъ франковъ. Прибавьте къ тому содержаніе корреспондентовъ во всѣхъ главныхъ городахъ: посылку

нерѣдко нарочныхъ пароходовъ для полученія корреспонденціи, введеніе усовершенствованныхъ машинъ. — Горизонтальные прессы газеты «Sun», верхъ совершенства въ своемъ родѣ, могутъ оттиснуть 20,000 экземпляровъ въ одинъ часъ; онѣ печатаютъ отъ пяти до шести листовъ въ секунду. — Трудно постичь возможность такой быстроты.

Журналистика составляетъ сильнѣйшій двигатель американской жизни. Въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ власти основаны на выборахъ; — выборы были бы пустой формальностію, еслибъ журналы не знакомили народа съ каждымъ кандидатомъ, и со всѣми современными вопросами. Всѣ партіи, всѣ мнѣнія имѣютъ своихъ представителей. Изъ этого хаоса мнѣній, мало по малу вырабатывается истина. Каждый вопросъ разъясняется, уразумѣвается, и такимъ образомъ подготовляется мирное его рѣшеніе.

Журналовъ въ Америкѣ такъ много, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ сдѣлаться преобладающимъ; — всѣ взаимно уравновѣшиваютъ другъ друга. Вообще всѣ американскіе журналы безукоризненны въ нравственномъ отношеніи. — Являлись изданія, предназначенныя сообщать публикѣ скандалёзныя исторіи, но они умирали безъ потомства. Опытъ научилъ американцевъ, что полное, свободное развитіе журналистики поддерживаетъ чистоту нравовъ. Еслибъ кто нибудь осмѣлился оскорбить общественную нравственность, писатели и публика, всѣ возстали бы на него, общественное мнѣніе не пощадило бы его.

Кромѣ общихъ политическихъ, въ Соединенныхъ Штатахъ издается множество журналовъ специальныхъ. Каждое новое ученіе, каждое мнѣніе, каждый взглядъ представляется на судъ публики; каждый желающій какого нибудь преобразованія, имѣющій высказать какую нибудь новую мысль, основываетъ журналъ. — Даже краснокожіе имѣютъ два листка, издаваемые на ихъ нарѣчіи. Нѣмецкихъ журналовъ находимъ въ Соединенныхъ Штатахъ болѣе сотни. Всѣ религіозныя и политическія мнѣнія высказываются открыто въ журналахъ. — Лжеученія сами собою падаютъ, а истины, выработанныя наукой, присоединяются къ нравственному капиталу человѣчества, и мало по малу примѣняются къ жизни.

Первый ежемѣсячный журналъ основанъ былъ Франклиномъ въ 1741 году. — Въ 1801 сталъ выходить еженедѣльный журналъ «Portfolio», который съ 1809 сдѣлался ежемѣсячнымъ и имѣлъ большой успѣхъ. Въ 1813 «Portfolio» нашелъ достойнаго соперника въ «Analectic Magazine», котораго сотрудниками были Вашингтонъ Ирвингъ и славный орнитологъ Вильсонъ. Въ настоящее время между филадельфійскими журналами первое мѣсто занимаютъ: «Lady's Book» (книга для дамъ) и «Graham's Magazine». Послѣдній въ настоящее время исключительно наполняется оригинальными статьями и повѣстями лучшихъ американскихъ писателей. — Изъ всѣхъ американскихъ сборниковъ, «Graham's Magazine» наиболѣе распространенъ. Онъ расходится въ числѣ 35,000 экземпляровъ. «Lady's Book» имѣетъ 30,000 подписчиковъ, другіе филадельфійскіе сборники отъ 15 до 20 тысячъ. Въ Нью-Йоркѣ съ

1832 г. издается «Knickerbocker Magazine».—Его сотрудниками были Вашингтонъ Ирвингъ и поэтъ Лонгфелло. Всѣ молодые писатели, которые впродолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ пріобрѣли извѣстность въ Соединенныхъ Штатахъ, начинали печатать свои труды въ этомъ журналѣ.

Въ Бостонѣ знаменитый мыслитель Эмерсонъ издавалъ философскій и литературный сборникъ «the Day». Въ 1818 году ученый и добросовѣстный профессоръ Силлиманъ началъ издавать «Журналъ Наукъ и Художествъ». Этотъ журналъ достоинствами своими можетъ соперничать съ лучшими европейскими учеными изданіями. Въ 1810 году считалось въ Соединенныхъ Штатахъ 26 ежемѣсячныхъ журналовъ; — въ 1835 — 140; въ 1850 — 175; въ настоящее время не меньше 200.

Сборники, являющіеся каждые три мѣсяца въ Америкѣ, равно какъ и въ Англіи, носятъ преимущественно названіе «Review.» Въ Америкѣ долго были напрасны всѣ попытки ученыхъ и литераторовъ, создать себѣ подобный органъ. Лучшіе англійскіе сборники — «Edinburg Review», «Westminster Review,» «Quarterly Review», перепечатываются въ 48 часовъ послѣ присылки изъ Европы, и продаются въ Америкѣ несравненно дешевле, чѣмъ въ Англіи. «Blackwood's Magazine», органъ англійской радикальной партіи, перепечатывается также, и находитъ болѣе читателей въ Америкѣ, чѣмъ въ Англіи. Долго всѣ попытки основать подобное изданіе въ Америкѣ были неудачны, наконецъ въ 1815 году явилось «North-American Review». Написать исторію этого сборника, значитъ разсказать исторію изящной и ученой литературы въ Соединенныхъ Штатахъ. Эдвардъ Эверетъ сдѣлался главнымъ его редакторомъ.

Эдвардъ Эверетъ послѣ смерти Даніэля Вебстера считается лучшимъ американскимъ ораторомъ. Онъ былъ попеременно министромъ и посланникомъ въ Лондонѣ, но пользуется славой больше какъ писатель, нежели какъ государственный человѣкъ. Въ продолженіе первыхъ 4 лѣтъ Эверетъ написалъ для этого сборника около 50 статей. Лучшія изъ нихъ о новѣйшей Греціи, которую онъ посѣтилъ и изучилъ на мѣстѣ, и о современной англійской литературѣ. Нѣкоторые нумера сборника имѣли по три изданія. Въ 1823 Эверетъ избранъ былъ представителемъ Массачусетса въ Конгрессъ, и сдалъ главную редакцію Спарксу. Съ 1829 года редакторомъ сборника сдѣлался Александръ Эверетъ, который до того былъ представителемъ Америки въ Мадритѣ, и во время своего пребыванія въ Испаніи много сдѣлалъ въ пользу науки и литературы. Благодаря его стараніямъ, архивы и библіотеки испанскія сдѣлались доступны Вашингтону Ирвингу, Прескотту, Тикнару и Лонгфелло; такимъ образомъ онъ содѣйствовалъ созданію трехъ замѣчательныхъ произведеній — мы разумѣемъ: «Жизнь Христофора Колумба,» «Исторію Изабеллы и Фердинанда» и «Исторію Испанской литературы». Самъ Эверетъ занимался въ особенности политической экономіей и написалъ опроверженіе системы Мальтуса. Кромѣ Спаркса и обоихъ Эверетовъ, почти всѣ лучшіе американскіе писатели были

сотрудниками «North-American Review». Въ числѣ его редакторовъ считаются: славный юрисконсультъ Сгори, Гаври Уитонъ (Wheaton) извѣстный своими сочиненіями о международномъ правѣ и исторіей нашествія норманов, Даніель Вебстеръ, Прескоттъ, который по возвращеніи изъ своего путешествія печаталъ въ немъ статьи о итальянской литературѣ и о Испаніи, и Банкрофтъ.

Главнымъ критикомъ былъ долгое время поэтъ Дана; онъ первый осмѣлился находить красоты въ Байронѣ и Мурѣ, въ то время, когда аристархи англійской критики приходили еще отъ нихъ въ ужасъ.

Эдвардъ Эверетъ, писавшій критическія статьи, также свободенъ былъ отъ всѣхъ предразсудковъ. Поэтъ Лонгфелло продолжалъ ученую критику. «Norh-American Review» оказало не менѣе важныя услуги философіи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія ученіе Локка было господствующимъ въ Америкѣ. Первый возсталъ противъ него въ «Review», Джемсъ Маршъ, нынѣ профессоръ философіи и ректоръ Вермонтскаго университета. Маршъ былъ жаркимъ послѣдователемъ Руссо. По его слѣдамъ шелъ докторъ Уокеръ, нынѣ профессоръ философіи въ Говардѣ. Въ этомъ же сборникѣ Francis Boven защищалъ философію противъ мистическаго ученія Эмерсона и его школы.

Во всѣхъ отношеніяхъ Америка гигантскими шагами идетъ впередъ. Журналистика тамъ дѣйствительно выражаетъ нужды и потребности народа, публичная жизнь развита въ высшей степени, все предвѣщаетъ ей свѣтлую и великую будущность. Одно пятно видно на ея знамени, усѣянномъ звѣздами—невольничество, вотъ ея язва въ настоящемъ и угроза въ будущемъ. Дай Богъ, чтобы этотъ вопросъ разрѣшился окончательно и мирно для Америки и всего человѣчества. Судьба и будущность Америки зависитъ отъ рѣшенія вопроса о невольничествѣ.

— *Выборы въ Англіи.* Лишь только правительство назначаетъ выборы, начинаются митинги, собранія народа, въ которыхъ каждый кандидатъ высказываетъ свое убѣжденіе. Первый день выборовъ есть день назначенія кандидатовъ. Для этого на мѣстѣ, назначенномъ для выборовъ, сооружается эстрада, съ выступомъ по срединѣ, который заступаетъ мѣсто трибуны. Все это сооруженіе называется hustings. Здѣсь собираются друзья и родные кандидатовъ; кругомъ эстрады толпится народъ. Избиратели и неимѣющіе права подавать голосъ перемѣшаны другъ съ другомъ. Каждый кандидатъ является на этой импровизированной трибунѣ и говоритъ къ народу рѣчь, убѣждая подавать голосъ въ его пользу. Наконецъ шерифъ, мэръ, или ихъ помощникъ, предсѣдательствующій на выборахъ, обращается къ народу, объявляя кандидатовъ. Когда онъ провозглашаетъ имя кандидата, всѣ его приверженцы поднимаютъ руки. Если кандидатъ не имѣетъ соперниковъ, этимъ и оканчивается избраніе. Въ противномъ случаѣ предсѣдатель провозглашаетъ по очереди имена всѣхъ кандидатовъ. Приверженцы каждаго поднимаютъ руки; шерифъ или его помощникъ долженъ рѣшить, въ чью пользу объявляетъ себя большинство;

онъ произноситъ свое рѣшеніе и провозглашаетъ имя счастливаго по его мнѣнію соискателя, среди торжественныхъ восклицаній толпы. Если же большинство сомнительно, каждый изъ кандидатовъ можетъ немедленно потребовать балотировку, и тогда всѣ граждане, пользующіеся избирательнымъ правомъ, подаютъ голосъ поименно, по составленнымъ списки. Тогда начинается второй актъ драмы, и побѣдитель въ день hustings'овъ, можетъ быть побѣжденнымъ при балотировкѣ. Но день hustings'овъ составляетъ пробный камень сочувствія или нерасположенія къ избранному. Балотировка назначается на слѣдующій день послѣ дня hustings'овъ въ мѣстечкахъ, и на третій въ городахъ и въ графствахъ. Подача голосовъ въ Англіи должна кончиться въ одинъ день, въ Ирландіи въ два. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ строятся балаганы, въ которыхъ производится балотировка. Въ каждомъ отдѣленіи отбираютъ голоса не болѣе какъ 450 избирателей. Секретари или помощники предсѣдателя отмѣчаютъ имя каждаго, являющагося для подачи голоса, повѣряютъ, находится ли имя это въ общемъ спискѣ, и въ большой, составленной для этой цѣли, книгѣ записываютъ, въ чью пользу каждый подаетъ голосъ. Въ послѣдствіи дозволяется всѣмъ повѣрять эти отмѣтки. Кандидаты назначаютъ своихъ уполномоченныхъ, которые отмѣчаютъ также, кто въ пользу ихъ подаетъ голосъ. Эти уполномоченные повѣряютъ вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтки секретарей, и предупреждаютъ такимъ образомъ всякую невольную или умышленную ошибку. Отъ каждаго избирателя можно потребовать присяги, что онъ дѣйствительно показываетъ настоящее свое имя и фамилію и также присягу, что онъ неподкупленъ. Послѣ окончанія балотировки, секретари вкладываютъ составленные ими списки въ конверты, запечатываютъ ихъ и представляютъ предсѣдателю. На другой день конверты вскрываются публично, повѣряются и считаются голоса въ пользу каждаго кандидата. Провозглашеніе именъ избранныхъ есть заключеніе выборовъ. Провозглашеніе дѣлается всегда на другой день послѣ балотировки. Снова собираются всѣ на hustings'ахъ и кругомъ трибуны. Предсѣдатель торжественно читаетъ актъ, дающій избранному право представлять въ настоящемъ Парламентѣ такой то городъ или графство. Тогда кандидаты всходятъ снова на трибуну. Избранные благодарятъ собраніе; побѣжденные обыкновенно высказываютъ надежду, что въ будущемъ заслужатъ расположеніе своихъ согражданъ.

— *Исторія поселянъ, Бонмэра.* Судьбы земледѣльческихъ классовъ занимаютъ теперь всѣ лучшіе умы. Время декламаціи прошло, всѣ чувствуютъ, что нужно изучить прошедшее, изслѣдовать настоящее положеніе, чтобы знать, на что рѣшиться, что предпринять въ будущемъ.

Сочиненіе, на которое теперь обращено всеобщее вниманіе во Франціи, это «Исторія поселянъ», сочиненіе г. Бонмэра (l'Histoire des paysans, par Bonnamère). По поводу этого замѣчательнаго труда, Фалье говоритъ: «Малѣйшія породы существъ имѣли давно уже свои

ионографій. Только два класса людей не имѣли этой чести, несмотря на то, что эти классы составляютъ большинство человѣческаго рода. Мы разумѣемъ прежнихъ невольниковъ и нынѣшнихъ поселянъ. Какая причина столь непростительнаго забвенія? Неужели предметъ самъ по себѣ казался недостойнымъ историка? Собирательный герой неужели не представляетъ интереса, въ особенности, если знаемъ, что изъ рядовъ этой толпы, преданной забвенію, выходили такіе люди, какъ Іоанна д'Аркъ? Мы до сихъ поръ совершенно не знали самого полезнаго класса нашихъ согражданъ, — класса, наиболѣе заслуживающаго сочувствія. Неблагодарные, мы забывали и презирали тѣхъ, которые кормятъ насъ! До сихъ поръ ничего не было сдѣлано по части исторіи земледѣльческихъ классовъ. Дарестъ де-Шаванъ издалъ въ 1853 году «Исторію земледѣльческихъ классовъ во Франціи» (Histoire des classes agricoles en France, par Dareste de la Chavanne), но она отличается безцвѣтностію и безхарактерностію. «Гораздо лучше отдѣлъ, посвященный этому вопросу, въ прекрасномъ сочиненіи Моро-Кристофа—«Задача нищеты» (le Problème de la misère, par Moreau Cristophe). Вотъ все, что было сдѣлано до сихъ поръ во Франціи. Наконецъ Боннэръ, который съ 1846 года исключительно посвятилъ себя вопросамъ земледѣльческимъ и написалъ нѣсколько записокъ объ этомъ предметѣ, исполнилъ наиболѣе современную задачу, и добросовѣстно ее исполнилъ. Наиболѣе обработана у г. Боннэра часть о правахъ крестьянъ, о земледѣльческихъ общинахъ до 1789 года и исторія поселянина XIX столѣтія, въ разныхъ его видахъ во Франціи, — поселянина обезпеченнаго, владѣющаго собственностію, необезпеченнаго, т. е. фермера, и наконецъ пролетарія. Боннэръ, изыскивая средства облегчить положеніе французскаго земледѣльца, говоритъ о необходимости круговой поруки, товарищества и взаимнаго обезпеченія интересовъ (тоже самое доказываютъ теперь Эмиль Жирарденъ, какъ публицистъ, Дюброка, какъ человѣкъ практическій), наконецъ о земледѣльческой ассоціаціи, которая составляетъ залогъ спасенія новѣйшихъ обществъ.»

— Въ «Revue des Deux Mondes» помѣщена статья Леона де-Лаверня о земледѣліи и народонаселеніи во Франціи по поводу переписи 1856 года. Въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала мы упоминали о запискѣ, читанной имъ по этому же предмету въ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ въ Парижѣ. Доказавъ цифрами и статистическими фактами безпримѣрно бѣдственное настоящее положеніе Франціи, несмотря на ложный наружный блескъ, де-Лавернь оканчиваетъ свою статью слѣдующими словами:

«Капиталы наши поглощены займами для веденія войны — гигантскія усилія необходимо истощаютъ народъ. — Мы къ несчастію не столь богаты, какъ воображаютъ наши союзники. Единственное лекарство для насъ теперь: уменьшить государственные расходы, которые въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ превышали два мильярда франковъ (500 мильоновъ руб. сер.) ежегодно, возратиться къ цифрѣ 1,400 или

1500 мильоновъ франковъ, которая достаточна была въ другія времена, и еще меньшей цифрѣ, если возможно; пріостановить всѣ безполезныя общественныя работы, *увеличивая расходъ* на предпріятія, дѣйствительно приносящія пользу; тщательно избѣгать всякаго новаго общественнаго займа, всякаго искуственнаго возбужденія къ роскоши. Нужно, чтобы всѣ граждане болѣе занимались административными и финансовыми вопросами. Нужно щадить народъ и не истощать силъ его. Во всѣхъ нашихъ великихъ историческихъ кризисахъ, крестьянинъ французскій, столь хорошо олицетворенный подъ названіемъ Жакъ Простякъ (Jacques Bonhomme), всегда спасалъ насъ. Посмотрите на крестовыя и феодальныя войны, войны съ англичанами, войны религіозныя, соперничество въ Италіи, войны Людовика XIV, великія войны революціи и Имперіи,—Жакъ Простякъ своей кровію и пòтомъ всегда исправлялъ зло и ошибки, сдѣланныя другими. Жакъ Простякъ вынесъ насъ на своихъ плечахъ изъ послѣдней войны; онъ перенесъ героически, безъ ропота и жалобъ тяжкое испытаніе неурожая, гораздо болѣе убійственное для поселянъ, чѣмъ для городскихъ жителей; онъ своими руками, своимъ пòтомъ, неутомимо, «съ непобѣдимой непреклонностію» какъ говоритъ Лабрюйеръ, удобряетъ родную землю, и извлекаетъ изъ нея новые, обильные плоды. Ряды нашихъ крестьянъ чувствительно уменьшились въ послѣдніе годы, но на нихъ можно еще положиться. Смотрите на крестьянъ съ уваженіемъ и надеждой. Крестьянинъ не знаетъ наслажденій роскоши, волненій азартной игры, онъ не одержимъ лихорадочнымъ честолюбіемъ, онъ обладаетъ еще доблестію и творческимъ инстинктомъ своихъ отцевъ. Дайте ему возможность свободно развиваться. Въ его доблестномъ трудѣ и желѣзномъ постоянствѣ залогъ новыхъ, неисчерпаемыхъ богатствъ — новаго, лучшаго будущаго.»

— По распоряженію сената Соединенныхъ Штатовъ напечатанъ журналъ американской миссіи въ Японіи, состоявшей подъ начальствомъ коммодора Перри, заключившаго 31/19 марта 1854 года договоръ съ Японіей, по которому гавани Симода и Такодаде открыты были впервые для американцевъ. Журналъ этотъ явился въ печати подъ заглавіемъ: «Narrative of the Expedition of an American Squadron to the China Sea and Japon performed in the years 1852—53 and 54 under the command of commodore M. C. Perry». Въ немъ заключается подробный разсказъ о переговорахъ, веденныхъ съ японскими властями. Дополненіемъ къ оффиціальному повѣствованію служитъ описаніе того же путешествія «A visit to India, China and Japon by Bayard Taylor», обнародованное образованнымъ туристомъ Байардомъ Тейлёромъ, принимавшимъ участіе въ экспедиціи коммодора Перри. Желѣзныя дороги, пароходы, электрическіе телеграфы—вотъ неоспоримыя завоеванія европейской образованности. Увидѣвъ ихъ, азіатскіе закоснѣлые консерваторы поневолѣ признаютъ первенство европейцевъ; послушаемъ разсказъ объ этомъ: «День 13 марта былъ употребленъ на выгрузку подарковъ, которые президентъ Соединенныхъ-Штатовъ присылалъ

японскому императору. Выборъ подарковъ былъ сдѣланъ съ величайшимъ знаніемъ дѣла. Нужно было подѣйствовать на умъ и воображеніе японцевъ. Наиболѣе должна была обратить на себя вниманіе азіатцевъ полная коллекція усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, телеграфическій приборъ, наконецъ, желѣзная дорога съ локомотивомъ и тендеромъ. Американцы утвердили проволоки телеграфа между павильономъ, въ которомъ происходили конференціи, и судномъ, стоявшимъ на разстояніи двухъ верстъ. Посудите объ изумленіи японцевъ, когда они увидѣли дѣйствіе аппаратовъ, увидѣли, что ихъ посланія передаются съ одного мѣста въ другое съ быстротою мысли. Въ то же время положены были рельсы, образовавшіе большую круговую линію, по которой пущенъ былъ маленькій локомотивъ на всѣхъ парахъ, съ быстротою 30 верстъ въ часъ. Во все время пребыванія эскадры, японцы съ жадностію толпились вокругъ телеграфа и желѣзной дороги. Каждый хотѣлъ послать свою депешу и желалъ занять мѣсто въ вагонѣ, который былъ прицѣпленъ къ тендеру. Американцы достигли цѣли разумнымъ выборомъ подарковъ. Они возбудили удивленіе и увлеченіе народа, который, по преданіямъ и по безразсудной гордости, мало расположенъ удивляться чему нибудь, приходящему извнѣ, и котораго недовѣрчивый умъ, казалось, не можетъ увлекаться. Коммодоръ Перри получилъ дозволеніе, чтобы офицеры его эскадры могли осмотрѣть прибрежныя мѣста. Всѣ этимъ воспользовались и посѣщали окрестныя селенія. Вездѣ ихъ принимали радушно, потому что въ Японіи, равно какъ и въ Китаѣ, мнимая ненависть, которую будто бы народъ питаетъ къ чужестранцамъ, существуетъ только въ воображеніи правительствъ, упорно отталкивающихъ всякое внѣшнее вліяніе и въ особенности всякое сношеніе съ европейцами. Если японцы оказывались не слишкомъ откровенными, если они отказывались отвѣчать на вопросы, имъ предлагаемые, крайнюю ихъ осторожность надобно приписать строгимъ приказаніямъ, даннымъ на этотъ счетъ мѣстными властями. Неоднократно, во время пребыванія въ заливѣ Іеддо, офицеры эскадры могли замѣтить, съ какою заботливостью японцы старались скрыть свои сношенія съ американцами. Правительство ихъ безусловно, строжайше запрещаетъ имѣть какія нибудь сношенія съ иностранцами. Чтобъ поддержать этотъ противоестественный порядокъ, правительство завело самую сложную систему шпіонства. Есть шпіоны различныхъ степеней и званій, во всѣхъ классахъ, во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ мѣстахъ. Шпіоны слѣдятъ за первымъ государственнымъ сановникомъ и за послѣднимъ пролетаріемъ. Шпіонство въ этомъ несчастномъ краѣ сдѣлалось государственнымъ учрежденіемъ. Каждый японецъ имѣетъ своего шпіона; на каждомъ шагу онъ долженъ остерегаться, не подсматриваютъ ли, не слѣдятъ ли за нимъ, не дѣлаютъ ли доноса. Никто никому вполнѣ не довѣряетъ. Страшный упадокъ нравственности, и величайшая недобросовѣстность — необходимое слѣдствіе этого систематическаго разврата, заведеннаго и поддерживаемаго японскимъ правитель-

ствомъ.» Американцы сознаются, что вслѣдствіе того, свѣдѣнія, собранныя ими о законахъ, обычаяхъ и привычкахъ японцевъ, очень неполны и недостаточны.

Извѣстный французскій историкъ литературы Тэнъ (Taine), въ своихъ «Essai sur les Fables de la Fontaine» и въ «Essai sur Tite-Live» изложилъ свой взглядъ на литературу и на исторію. Послѣднее его сочиненіе «Les Philosophes Français du dix-neuvième siècle» представляетъ его взглядъ на философскія теоріи. Послѣднее это сочиненіе, равно какъ и предъидущіе опыты, обнаруживаетъ основательное изученіе предмета. Его мнѣнія возбуждаютъ жаркіе споры. Французскіе публицисты жалуются, что Тэнъ произноситъ слишкомъ рѣзкіе приговоры, что онъ безусловный поклонникъ нѣмецкой философіи (Спинозы и Гегеля), но сознаются, что съ перваго появленія онъ заставилъ уважать себя и занялъ теперь самое почетное мѣсто между современными французскими критиками. Тэнъ провозглашаетъ законъ исторической необходимости. Странное противорѣчіе мы видимъ въ критикахъ старой школы. Является теорія, исполненная надеждъ и упованія въ торжество разума и истины—писателя провозглашаютъ утопистомъ, мечтателемъ. Является человѣкъ, который говоритъ: подчиняйся слѣпо роковой необходимости,—и критики старой школы спѣшатъ защищать идею прогресса и нравственныхъ началъ. Лучшимъ отвѣтомъ на возгласы французскихъ критиковъ служатъ статьи самого Тэна, помѣщенныя въ «Journal des Débats» по поводу сочиненія Тролонга — «Паденіе Римской Республики» и Монталамбера — «Политическая будущность Англіи». Республика пала въ Римѣ, явились Цезари; республика пала во Франціи, явился Бонопарте. «Оно такъ, но несмотря на то, говоритъ Тэнъ Тролонгу, мы нимало не похожи на римлянъ, и Бонапарте не похожъ на Цезаря.—Аристократія принесла и можетъ принести большія услуги Англіи, но такъ какъ французы не похожи на англичанъ и ихъ аристократія не похожа на англійскую, слѣдовательно, англійская аристократія очень полезна, а французская очень вредна», отвѣчаетъ онъ Монталамберу.—«Каждый народъ, продолжаетъ Тэнъ:—имѣетъ свой отличительный характеръ, каждая народность имѣетъ, кажется, призваніе испытать извѣстныя начала, выработать извѣстныя истины, которыя дѣлаются современемъ достояніемъ всего человѣчества. Потому мы съ благоговѣніемъ должны смотрѣть на каждую народность. Человѣчество—это лабораторія идей. Каждая народность—великая, таинственная реторта, въ которую извѣстныя основанія, извѣстныя начала брошены въ различныхъ пропорціяхъ, при спеціальныхъ условіяхъ; броженіе ихъ и выработываніе новаго высшаго начала производится по непреложнымъ законамъ. Человѣкъ — существо разумное, открываетъ эти законы, и можетъ умомъ своимъ постичь, обнять жизнь безконечную, какъ нѣчто цѣлое, единое и нераздѣльное. Для этого уже стоитъ жить....»

— Въ Парижѣ умерла недавно г-жа *Виргинія Бурбье*,—актриса, имѣв-

шая нѣкогда блестящій успѣхъ въ Петербургѣ и воспоминанія о которой еще до сихъ поръ живы здѣсь.

— *Новыя книги*: Duvergier de Hauranne написалъ Исторію парламентскаго правленія, «l'Histoire du gouvernement parlamentaire en France». Гизо печатаетъ свои мемуары, первый томъ ихъ уже вышелъ.

— Въ Петербургѣ на дняхъ полученъ пятый томъ исторіи XVI столѣтія, Мишле; томъ этотъ называется «Henri IV et Richelieu».

— Въ первомъ томѣ «Oeuvres complètes» Эдгара Кине напечатано сочиненіе его, имѣвшее столько уже изданій — Génie des réligions.

— На дняхъ получено также великолѣпное изданіе путешествія доктора Барта въ Африку.

— Въ отдѣлѣ изящной литературы замѣтимъ повѣсти редакторовъ и сотрудниковъ «Revue de Paris», а именно: Madame Bovary — Флобера, la Paienne — Лоранъ Пиша и les Roués sans le savoir — Луи Ульбаха. Всѣ эти писатели имѣютъ одно направленіе, у всѣхъ ихъ замѣтны благородныя стремленія, но они не отличаются большими дарованіями.

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

ІЮНЬ 1857.

По поводу статьи г. Ламанскаго «О распространеніи Знаній въ Россіи», мы получили нѣсколько писемъ отъ нашихъ читателей. Всѣ отдаютъ полную справедливость прекрасной основной мысли г. Ламанскаго и выражаютъ сочувствіе къ дѣлу, необходимость и великую пользу котораго онъ доказываетъ. Въ нѣкоторыхъ изъ писемъ дѣлаются более или менѣе основательныя замѣчанія о подробностяхъ проэкта, составленнаго г. Ламанскимъ, который, сообразивъ эти мысли съ замѣчаніями, выраженными въ журналахъ, намѣренъ сказать свое мнѣніе о томъ, какія изъ предлагаемыхъ дополненій его проэкта кажутся ему дѣйствительно полезными и возможными. А между тѣмъ, мы печатаемъ одно изъ присланныхъ намъ писемъ.

Сказавъ въ началѣ, что дѣло, указываемое г. Ламанскимъ, чрезвычайно важно и благотворно, авторъ письма продолжаетъ:

«Г. Ламанскій не коснулся тѣхъ отношеній, въ которыя, для пользы литературы, Общество Распространенія Знаній должно поставить себя къ изданіямъ, предпринимаемымъ частными людьми,— конечно, онъ не говорилъ объ этихъ отношеніяхъ потому только, что считалъ ихъ слишкомъ ясными. Но, вѣроятно, полезно было бы съ самого начала опредѣлить ихъ положительнымъ образомъ.

«Если устроится Общество Распространенія Знаній, то во всякомъ случаѣ дѣятельность его будетъ гораздо обширнѣе, а средства его гораздо значительнѣе, нежели средства и дѣятельность частныхъ лицъ, занимающихся нынѣ изданіемъ книгъ въ томъ родѣ, какія будетъ издавать Общество. Еслибы оно при своихъ дѣйствіяхъ не обращало вниманія на предпріятія частныхъ людей, то конечно могло бы своимъ соперничествомъ ослабить ихъ дѣятельность. А частная предпріимчивость по литературному дѣлу до сихъ поръ еще такъ слаба у насъ, что легко повредить ей. И такъ какъ дѣятельность Общества не можетъ избѣжать соприкосновеній съ частными изданіями, то и необходимо для пользы литературы, чтобы со стороны сильнѣйшаго дѣятеля, каково Общество, эти соприкосновенія были оживлены духомъ всевозможной готовности помогать и содѣйствовать, — только въ такомъ случаѣ дѣятельностью Общества не ослабится, а усилится и ободрится частная предпріимчивость и охота къ труду.

«Нельзя сказать, что у насъ слишкомъ мало людей, желающихъ трудиться или уже трудящихся надъ переводами ученыхъ или популярныхъ иностранныхъ сочиненій, или надъ оригинальными сочиненіями по разнымъ отраслямъ науки: г. Ламанскій справедливо указываетъ на то, что много трудовъ въ этомъ родѣ совершается, гораздо болѣе, нежели издается: по недостатку средствъ къ изданію у автора, или по недостатку предпріимчивыхъ издателей, гораздо болѣе такихъ трудовъ безплодно остается въ рукописи, нежели появляется въ печати. Изъ людей, трудящихся такимъ образомъ, многіе бываютъ готовы даже безъ всякаго вознагражденія отдать свою рукопись издателю, лишь бы только принести публикѣ пользу своимъ трудомъ, но и на такомъ слишкомъ выгодномъ для издателя условіи часто не находятъ издателя. Частная предпріимчивость у насъ слишкомъ робка, по недостатку увѣренности въ томъ, что распродажею изданія окупятся издержки печати.

«Общество должно отвратить это препятствіе, принимая на себя или обезпеченіе распродажи извѣстнаго количества экземпляровъ тѣхъ частныхъ изданій, которыя найдетъ полезными для публики, или даже услуги по издательству.

«Конечно, многіе изъ писателей найдутъ удобнѣйшимъ для себя или трудиться по порученію Общества, или прямо уступать ему свои рукописи за приличное вознагражденіе. Но многіе, вѣроятно, предпочтутъ сами быть издателями своихъ переводовъ или сочиненій— и Общество должно оказывать имъ всевозможную помощь.

«Изданіе рукописи авторомъ, переводчикомъ или книгопродавцемъ обыкновенно затрудняется сомнѣніями въ томъ, будутъ ли къ

скоромъ времени покрыты издержки печатанія распродажею книги — Общество должно въ этомъ случаѣ принимать на себя такое обезпеченіе. Нужно только, чтобы книга, предполагаемая къ изданію, была полезна, а писатель или книгопродавецъ, желающій напечатать ее, внушалъ Обществу довѣріе, что удовлетворительнымъ образомъ исполнитъ предпріятіе, за которое берется. Удостовѣриться въ первомъ очень легко — программа книги уже достаточно обнаруживаетъ, какой пользы можно ожидать отъ книги; во второмъ удостовѣриться можно также легко: имя писателя, пользующагося извѣстностью дѣльнаго человѣка по тому предмету, за который онъ берется, и извѣстность книгопродавца, какъ издателя частнаго и аккуратнаго, уже достаточно обезпечиваетъ Общество.

«И такъ, когда какой либо писатель или переводчикъ, обладающій, по общему мнѣнію публики, качествами, нужными для удовлетворительности поредпринимаемаго имъ полезнаго труда, объявляетъ Обществу, что желаетъ предпринять такой-то трудъ, если Общество возьметъ у него извѣстное число экземпляровъ издаваемой имъ книги, — Общество со всею готовностью приметъ на себя это обязательство. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло, по своей особенной полезности, заслуживаетъ особеннаго ободренія, Общество можетъ даже впередъ выдавать заимообразно писателю или переводчику часть суммы, нужной для напечатанія книги, или принимать на себя передъ типографщикомъ обязательство въ уплатѣ этой суммы по напечатаніи книги.

«Можетъ быть отношеніе еще болѣе тѣсное. Только для людей, живущихъ въ столицахъ, да и то для немногихъ, только уже привыкшихъ имѣть сношенія съ типографіями и книгопродавцами, удобно бываетъ печатать книгу на свой счетъ. Люди, живущіе въ провинціяхъ, вовсе лишены удобства сами заняться изданіемъ своихъ книгъ. Общество можетъ принимать на себя эту обязанность.

«Въ томъ и другомъ случаѣ, беретъ ли на себя Общество извѣстное число экземпляровъ книги, издаваемой частнымъ лицомъ, или беретъ на себя самое изданіе книги, авторъ или переводчикъ которой желаетъ удержать за собою полную собственность на это изданіе,—въ томъ и другомъ случаѣ условія, на которыхъ Общество оказываетъ содѣйствіе этому частному предпріятію, должны быть таковы, чтобы человѣку, пользующемуся содѣйствіемъ Общества, вполнѣ предоставлялись всѣ тѣ выгоды, какія можетъ принести изданіе; Общество въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ въ виду единственно содѣйствіе развитію литературы и не ищетъ въ нихъ никакой денежной прибыли для себя, такъ что при своихъ разсчетахъ не полагаетъ даже никакого процента на затрачиваемый капиталъ. При

покупкѣ экземпляровъ оно уплачиваетъ автору или переводчику ту самую цѣну, по которой должна продаваться его книга (то есть не беретъ такъ называемыхъ книгопродавческихъ процентовъ за коммиссію); при выдачѣ заимообразно денегъ на напечатаніе книги, принимаетъ уплату по произволу автора или деньгами безъ всякихъ процентовъ, или экземплярами изданной книги по продажной ихъ цѣнѣ; наконецъ, при напечатаніи книги насчетъ Общества, Общество полагаетъ тѣ самыя цѣны, какія авторъ долженъ былъ бы заплатить въ типографію, если бы печаталъ книгу не въ долгъ, а на наличныя деньги.

«Конечно, слѣдуя такому принципу, Общество терпитъ нѣкоторый убытокъ (отчасти на расходы по веденію того дѣла, въ которомъ становится посредникомъ, отчасти на процентахъ съ затрачиваемаго капитала); но эти убытки незначительны: они по приблизительному разчисленію не могутъ простираться и до 5 процентовъ съ употребленныхъ Обществомъ на эти дѣла суммъ. Такая незначительная потеря въ общемъ движеніи суммъ Общества покрывается выгодами, которыя приносятъ ему собственныя его изданія, и въ тысячу разъ вознаграждается тою пользою, какую приноситъ это совершенно безкорыстное участіе въ частныхъ предпріятіяхъ развитію литературы, ободряя и вызывая частную предпріимчивость.

«Такъ какъ экземпляры принимаются Обществомъ по ихъ продажной цѣнѣ безъ всякихъ процентовъ за коммиссію, то автору не приноситъ ни малѣйшаго стѣсненія единственное условіе, которое нужно для возвращенія Обществу денегъ, выданныхъ въ заемъ или заплаченныхъ въ типографіи, именно то условіе, что экземпляры, купленные или взятые въ уплату долга Обществомъ, первые поступаютъ въ продажу, и экземпляры, остающіеся у автора, поступаютъ въ продажу уже тогда, когда распроданы экземпляры, взятые Обществомъ. Это условіе, принимаемое основаніемъ всякой продажи значительнаго числа экземпляровъ при сдѣлкахъ между авторомъ и частнымъ книгопродавцемъ, не будетъ служить ни малѣйшимъ стѣсненіемъ, а напротивъ, будетъ приносить прямую выгоду автору, потому что Общество беретъ у него экземпляры безъ вычета процентовъ, и слѣдовательно платитъ ему дороже, нежели книгопродавцы.

«Но какъ велики суммы, нужныя Обществу для такого содѣйствія частнымъ предпріятіямъ? — Публикѣ вообще мало извѣстны цѣны, которыхъ стоитъ самое изданіе книги, и многіе быть можетъ вообразятъ, что пособіе изданію частныхъ трудовъ потребуетъ слишкомъ большихъ затратъ со стороны Общества. Изъ слѣдующаго

приблизительнаго разсчета можно видѣть, что капиталъ, достаточный для очень сильнаго содѣйствія издательству книгъ частными лицами, вовсе не такъ значителенъ, какъ можетъ казаться людямъ, незнакомымъ съ типографскими цѣнами. Вотъ приблизительная смѣта расходовъ на изданіе одного тома въ 25 печатныхъ листовъ (400 страницъ) въ форматѣ «Отечественныхъ Записокъ», «Русскаго Вѣстника» или «Современника», по петербургскимъ цѣнамъ, въ количествѣ A) 1,200 экземпляровъ, B) 2,400 и C) 9,600 экземпляровъ.

A) Изданіе въ 1,200 экземпляровъ.

1) Наборъ и печатаніе по 12 руб. за листъ	300 — — —
2) Бумага по 3 руб. за стопу (эта бумага достоинствомъ своимъ близка къ бумагѣ, на которой печатаются журналы) всего 62½ стопы	187 — 50 к.
3) Чтеніе корректуры по 1 руб. за листъ	25 — — —
4) Обертка для 1,200 экз. около	7 — 50 —
5) Брошировка по 2½ коп.	30 — — —
Итого	550 р.

B) Изданіе въ 2,400 экземпляровъ.

1) Наборъ и печатаніе по 16 руб. за листъ.	400 р.
2) Бумага 125 стопъ	375 —
3) Чтеніе корректуры.	25 —
4) Обертка	10 —
5) Брошировка	60 —
Итого . . .	870 р.

C) Изданіе въ 9,600 экземпляровъ.

1) Наборъ и печатаніе по 35 р.	875 р.
2) Бумага 500 стопъ.	1,500 —
3) Чтеніе корректуры	25 —
4) Обертка.	33 —
5) Брошировка	192 —
Итого . . .	2,625 р.

«Московскія цѣны нѣсколько дешевле петербургскихъ.

«Въ числѣ 2,400 экземпляровъ печатаются уже только такія книги, которыя, какъ говорится, расходятся очень сильно; изданіе въ 9,600 экземпляровъ дѣлается только для учебныхъ книгъ, принимаемыхъ не только въ гимназіи, но и въ уѣздныя училища, или для книгъ въ родѣ «Сельскаго чтенія». Ни Гоголь, ни Пушкинъ, не

издавались въ такомъ числѣ экземпляровъ, тѣмъ менѣе достигало его какая нибудь ученая книга. И такъ, предположивъ, что Общество издастъ или дастъ деньги на изданіе втеченіе года 50 томовъ по 400 страницъ (или бóльшаго числа книгъ мéньшаго объема), мы должны считать, что изъ нихъ развѣ 13 нужно будетъ печатать въ 2,400 экземплярахъ и развѣ 2 въ 9,600 экземплярахъ, а остальныя 35 не понадобится на первый разъ издавать болѣе, нежели въ 1,200 экземплярахъ, и общая сумма расходовъ будетъ такова:

1) 35 томовъ въ 1,200 экземпляровъ	19,250 р.
2) 13 томовъ въ 2,400 экземпляровъ	11,310 —
3) 2 тома въ 9,600 экземпляровъ	5,250 —
Итого . . .	36,810 р.

Предположивъ, что уплата денегъ со стороны Общества потребуется въ пропорціи двухъ третей этой суммы, и что Общество будетъ дѣйствовать на половину наличными деньгами и на половину кредитомъ, мы увидимъ, что содѣйствовать изданію 50 томовъ довольно толстыхъ и большаго формата, Общество можетъ, употребивъ отъ 12 до 13 тысячъ рублей, которые возвратятся ему втеченіи того же года съ потерею никакъ не болѣе 5%, т. е. 650 руб.

«Если форматъ книги менѣе журнальнаго (какъ обыкновенно бываетъ), расходы изданія конечно менѣе.

«Но для такой операціи необходимо, чтобы книги, издаваемыя Обществомъ, имѣли быстрый и вѣрный расходъ. Да и вообще польза, приносимая Обществомъ, зависитъ не только отъ количества и достоинства издаваемыхъ имъ книгъ, но также и отъ быстраго и обширнаго ихъ распространенія въ публикѣ. Каждый знакомый съ положеніемъ нашей книжной торговли очень хорошо знаетъ, что въ настоящее время, тѣ средства, которыми она располагаетъ, ни мало не соотвѣтствуютъ обширности нашего государства и распредѣленію по его пространству людей, читающихъ или желающихъ читать. Только столицы и очень немногіе изъ другихъ губернскихъ городовъ имѣютъ въ настоящее время такіе книжные магазины, въ которыхъ мѣстные жители могли бы безъ замедленія видѣть и покупать вновь выходящія порядочныя книги. Жители всѣхъ остальныхъ провинцій принуждены съ большими издержками и съ большимъ промедленіемъ выписывать для себя книги изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ; потому, число книгъ, расходящихся въ провинціи, далеко не соотвѣтствуетъ числу людей, которые охотно стали бы покупать книги, еслибъ имѣли ихъ подъ руками. Судя по пропорціи, какая замѣчается между числомъ экземпляровъ журналовъ, получаемыхъ въ столицахъ, и тѣмъ числомъ, какое расходится по

провинціямъ, надобно считать, что болѣе нежели двѣ трети людей, для которыхъ чтеніе стало уже потребностію, живутъ въ провинціяхъ. Но пропорція книгъ, расходящихся по провинціямъ, гораздо менѣе, нежели двѣ трети всего числа продаваемыхъ книгъ,—конечно потому, что для жителей провинцій затруднительно знакомиться съ новыми книгами и покупать ихъ.

«Г. К. Аксаковъ въ замѣчаніяхъ на статью г. Ламанскаго говоритъ: «Если дѣло пойдетъ, — чего надобно ожидать, то количество членовъ будетъ огромно и распространено по всей Россіи. Въ такомъ случаѣ, какъ будутъ рѣшать они о достоинствѣ сочиненій? — Съѣзжаться для этого будетъ невозможно; а между тѣмъ, члены, находящіеся внѣ Москвы, могутъ имѣть и желаніе и право рѣшать о достоинствѣ сочиненій. Итакъ, намъ кажется всего лучшимъ, чтобы въ каждомъ русскомъ городѣ, гдѣ только будутъ находиться члены, они могли назначать отъ себя выборнаго, одного или двухъ (безъ ограниченія числа), избраннаго изъ ихъ среды, или изъ людей, находящихся въ Москвѣ». Въ этихъ словахъ несомнѣнно то, что если образуется Общество Распространенія Знаній, то дѣйствительно въ каждомъ губернскомъ и въ каждомъ значительномъ уѣздномъ городѣ будетъ находиться по нѣскольку членовъ или даже по нѣскольку десятковъ членовъ Общества. При каждомъ изъ такихъ отдѣловъ очень легко будетъ устроить агентство для продажи книгъ издаваемыхъ или купленныхъ Обществомъ. Расходовъ не повлечетъ это за собою никакихъ (кромѣ транспортныхъ расходовъ), потому что между торговыми людьми въ каждомъ городѣ можно найти честнаго и вмѣстѣ разсчетливаго человѣка, который сообразитъ, что помѣстить въ своей лавкѣ шкапъ съ книгами будетъ для него выгодно. Само собою разумѣется, что Общество, имѣя одною изъ прямыхъ своихъ цѣлей всяческое содѣйствіе развитію книжной торговли, съ готовностію сдѣлаетъ своимъ агентомъ каждаго, кто уже имѣетъ или найдетъ возможнымъ имѣть книжную лавку въ провинціальномъ городѣ. И конечно, этимъ покровительствомъ значительно облегчится появленіе книжныхъ лавокъ въ такихъ городахъ, гдѣ до сихъ поръ не представлялось къ тому выгодъ.

Считая 60 губернскихъ и областныхъ и кромѣ того 40 значительныхъ уѣздныхъ городовъ, мы получимъ 100 такихъ пунктовъ, гдѣ будетъ производиться по провинціямъ продажа книгъ, которыми располагаетъ Общество. Полагая среднимъ числомъ расходъ по 5 экземпляровъ въ каждомъ изъ такихъ агентствъ или магазиновъ втеченіе года, мы получимъ, что Общество будетъ имѣть въ провинціяхъ вѣрный сбытъ до 500 экземпляровъ каждой изданной или продаваемой имъ книги. Конечно, въ нѣкоторыхъ агентствахъ

продажа будетъ менѣе принимаемой нами средней цифры, но за то въ 30 или 40 значительныхъ провинціальныхъ городахъ, имѣющихъ болѣе 20,000 жителей, продажа будетъ въ пять и болѣе разъ значительнѣе принимаемой нами цифры. Полагая для столицъ расходъ въ половину противъ сбыта въ провинціяхъ, мы найдемъ, что Общество можетъ навѣрное разсчитывать на распродажу втеченіе года 750 экземпляровъ каждой изданной или пріобрѣтенной имъ книги. Эта цифра есть minimum распродажи. Даже и въ настоящее время, при всей недостаточности средствъ нашей книжной торговли, продажа 1000 экземпляровъ втеченіе года не считается продажей сильною. При увеличеніи же удобствъ къ пріобрѣтенію книгъ для жителей провинцій, такая распродажа конечно будетъ относиться только къ книгамъ наименѣе интереснымъ для большинства публики; а каждая книга, имѣющая хотя сколько нибудь общаго интереса, будетъ расходиться менѣе, нежели въ годъ, въ количествѣ болѣе значительномъ.

«Положимъ теперь, что Общество будетъ помогать изданію книгъ, назначаемыхъ въ продажу по цѣнѣ самой умѣренной, именно: за томъ оригинальнаго сочиненія въ 25 листовъ журнальнаго формата (или 30 листовъ—480 страницъ—обыкновеннаго книжнаго формата въ 8-ую долю листа)—1 руб. 50 коп. сер., а за переводный томъ, такой же величины, 1 руб. сер. Въ такомъ случаѣ для возвращенія Обществу всѣхъ издержекъ на изданіе потребуется продать: 550 экземпляровъ переводной книги, изданной въ числѣ 1200 экземпляровъ, и 870 экземпляровъ переводной книги, напечатанной въ числѣ 2400 экземпляровъ; 370 экземпляровъ оригинальнаго сочиненія, изданнаго въ числѣ 1200 экземпляровъ, и 580 экземпляровъ, если сочиненіе издано въ числѣ 2400 экземпляровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что годичная продажа будетъ гораздо значительнѣе этой цифры, и такимъ образомъ до истеченія года Общество не только возвратитъ всю сумму, затраченную на изданіе, но и можетъ, если то будетъ угодно автору или переводчику, купить у него по распродажѣ долговыхъ экземпляровъ значительное количество экземпляровъ съ уплатою ему наличными деньгами полной продажной цѣны.

«Отъ этихъ коммерческихъ разсчетовъ, къ которымъ привела насъ мысль о необходимости, чтобы Общество Распространенія Знаній помогало развитію частной, независимой отъ него литературной дѣятельности, обратимся къ предположеніямъ о дѣйствіяхъ самого Общества.

«Едва ли нужно говорить, что всевозможнымъ содѣйствіемъ и ободреніемъ развитія независимой отъ Общества литературной дѣятельности, немало не стѣснится кругъ дѣйствій самого Общества.

Задача, предстоящая ему, такъ велика, что всякое новое содѣйствіе со стороны независимыхъ частныхъ лицъ можетъ только усилить Общество и увеличить пользу, имъ приносимую.

«Нѣкоторые думаютъ даже, что задача поставляемая Обществу г. Ламанскимъ, слишкомъ широка, что можно было бы ограничить кругъ дѣятельности его или однимъ изданіемъ оригинальныхъ популярныхъ руководствъ, или однимъ переводомъ иностранныхъ классическихъ сочиненій; но то и другое дѣло такъ тѣсно между собою связаны, что раздѣленіе ихъ послужило бы только источникомъ неудобствъ и затрудненій. Предположимъ, что Общество хотѣло бы издать хорошее популярное сочиненіе, напримѣръ, объ исторіи Рима или Англіи; русскихъ сочиненій такого рода по всей вѣроятности не найдется готовыхъ, между тѣмъ какъ въ иностранныхъ литературахъ есть уже много книгъ, удовлетворяющихъ этой потребности, такъ что нужно только выбрать лучшія изъ нихъ. Итакъ, если Общество дѣйствительно имѣетъ своею цѣлію распространеніе знаній, то главнымъ средствомъ для того, оно необходимо должно почесть переводъ иностранныхъ произведеній. Если бы оно отказалось отъ переводовъ, то чрезвычайно затруднило и замедлило бы свою дѣятельность. Но если представляется Обществу русская рукопись, хорошо излагающая предметъ, о которомъ Обществу нужно издать сочиненіе, то неужели Обществу надобно было бы отвергать эту рукопись только потому, что она есть оригинальное сочиненіе, а не переводъ? Цѣль Общества — распространеніе знаній, а потому для него должны быть равно драгоцѣнны всѣ средства, ведущія къ этой цѣли и ни одно изъ этихъ средствъ не должно быть имъ исключено изъ своей программы.

«Задача Общества многосложна и потому дѣйствительно необходима организація Общества по отдѣламъ. Мнѣ кажется, что главная черта раздѣленія, принятая г. Ламанскимъ, проведена вѣрно: науки физико-математическія и науки нравственныя дѣйствительно составляютъ двѣ главныя группы знаній; но, кажется мнѣ, внутренняя организація каждаго изъ этихъ двухъ отдѣловъ должна быть опредѣлена съ большею точностію, нежели у г. Ламанскаго. Я не берусь судить объ отдѣлѣ физико-математическомъ, но скажу нѣсколько словъ объ отдѣлѣ наукъ нравственныхъ. Г. Ламанскій предлагаетъ раздѣленіе его на два разряда: философскій и историческій. Историческій дѣлится у него на четыре класса; конечно такое раздѣленіе необходимо и въ разрядѣ философскомъ. Законовѣдѣніе, о которомъ упоминаетъ г. Ламанскій при исчисленіи занятій этого разряда, различается отъ собственной философіи не менѣе, нежели древняя исторія отъ славянской; кромѣ того, г. Ла-

манскій не назвалъ нѣкоторыхъ другихъ наукъ, имѣющихъ для нашего времени не меньше значенія, нежели логика или психологія; таковы, напримѣръ, статистика, политическая экономія,—онѣ должны составить особый классъ. Нѣкоторыя находятъ, что въ разрядѣ наукъ историческихъ г. Ламанскій напрасно отдѣлилъ русскую исторію отъ западно-европейской, но съ этимъ порицаніемъ, конечно, не должно соглашаться. Можно только замѣтить, что исторія другихъ славянскихъ племенъ далеко не имѣетъ для нашей публики той важности, какъ исторія Западной Европы и Сѣверной Америки; она должна оставаться не болѣе какъ вспомогательнымъ средствомъ для разъясненія русской исторіи. Видно, впрочемъ, что авторъ спеціально занимается исторіею славянскихъ племенъ и его пристрастіе къ этому предмету, объясняемое такимъ образомъ, представляется совершенно естественнымъ. Излишняго увлеченія по этому направленію едва ли можно ожидать отъ Общества: кромѣ славянистовъ въ немъ будутъ и другіе ученые по всѣмъ возможнымъ отраслямъ наукъ и ихъ спеціальныя увлеченія, конечно, будутъ уравновѣшиваться одно другимъ; а большинство членовъ Общества будетъ, конечно, свободно отъ всякихъ излишнихъ пристрастій къ той или другой спеціальности и во всякомъ случаѣ не дастъ дѣятельности Общества уклониться отъ прямой своей цѣли. Общество не будетъ служителемъ какого нибудь частнаго увлеченія, но останется органомъ потребностей нашихъ, и дѣятельность свою будетъ сосредоточивать на тѣхъ отрасляхъ знаній, которыя имѣютъ для всей публики наибольшую важность. Такими предметами вообще представляются нынѣ русская исторія, исторія Западной Европы, изученіе русскаго быта и изученіе современнаго западно-европейскаго быта во всѣхъ его проявленіяхъ, политическая экономія и вообще государственныя науки.

«Г. Ламанскій предполагаетъ, что Общество Распространенія Знаній должно быть образовано непремѣнно въ Москвѣ. Если подъ этимъ надобно разумѣть то, что центральный комитетъ Общества долженъ быть въ Москвѣ, то противъ мысли г. Ламанскаго нельзя сказать ничего основательнаго. Независимо отъ соображеній, изложенныхъ г. Ламанскимъ, важно уже то обстоятельство, что Москва находится приблизительно въ центрѣ Европейской Россіи, потому, для большей части провинцій, сношенія съ Москвою удобнѣе нежели съ Петербургомъ, и разсылка изданій Общества по провинціямъ изъ Москвы легче и короче, нежели изъ Петербурга.

«Но если Географическое Общество, кромѣ центральнаго пункта своихъ собраній, имѣетъ еще два мѣстныхъ комитета, то въ Обществѣ Распространенія Знаній число такихъ филіальныхъ учрежденій

должно быть еще гораздо значительнѣе. Г. К. Аксаковъ совершенно правъ въ этомъ случаѣ. Въ каждомъ городѣ, имѣющемъ значительное число членовъ Общества, удобно быть мѣстному отдѣленію Общества. Кромѣ Петербурга, всѣ университетскіе города и нѣкоторые изъ другихъ губернскихъ городовъ будутъ имѣть очень важное участіе въ трудахъ Общества.

«Но соглашаясь въ этомъ случаѣ съ господиномъ К. Аксаковымъ, можно кажется оспорить ту его мысль, что члены Общества не должны получать никакого вознагражденія за деньги, уплачиваемыя ими въ кассу Общества. Почему бы не имѣли они права получать на такую же сумму книгъ, издаваемыхъ Обществомъ (по собственному выбору)? При этомъ условіи, я увѣренъ, число членовъ будетъ въ пять разъ болѣе. Общество не останется отъ того въ убыткѣ: продажная цѣна книги по необходимости всегда бываетъ гораздо выше, нежели издержки на печатаніе лишняго экземпляра книги. Если напечатается 3000 лишнихъ экземпляровъ книги цѣною въ 1 рубль за экземпляръ, то издержки на эту прибавку не будутъ превышать 15 — 20 коп. на экземпляръ. Такимъ образомъ вознагражденіе членовъ изданіями Общества на сумму равную платѣ, взносимой каждымъ членомъ, значительно увеличивая число людей, дѣлающихся членами Общества, и съ тѣмъ вмѣстѣ, увеличивая число книгъ, обращающихся въ рукахъ публики, увеличитъ также и денежныя средства Общества, и даже чистый доходъ его, который, конечно, будетъ оно постоянно употреблять на расширеніе своей дѣятельности, а отчасти можетъ употреблять и на безденежную раздачу учебныхъ руководствъ бѣднымъ ученикамъ общественныхъ школъ, а также различныхъ элементарныхъ книгъ грамотнымъ и недостаточнымъ простолюдинамъ.

«Г. К. Аксаковъ думаетъ, что сумма, взносимая членами Общества, должна быть положена самая умѣренная, и опредѣляетъ ее въ три рубля серебромъ ежегодно. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ умѣреннѣе эта сумма, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ больше будетъ число членовъ Общества.

«Нѣкоторымъ не нравится слово «матица». Въ самомъ дѣлѣ, на русскомъ языкѣ оно не имѣетъ того смысла, какъ на другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и я не вижу особенной надобности употреблять его. Но пусть это учрежденіе называется «Матицею», или какимъ нибудь другимъ именемъ болѣе понятнымъ,—изъ-за имени можно и не спорить, лишь бы только учрежденіе было основано на разумныхъ принципахъ и приносило пользу.

«Для печатанія своихъ книгъ Общество, вѣроятно, найдетъ выгоднымъ имѣть собственную типографію, когда расширеніе его

средствъ позволитъ обратить часть капитала на устройство этого заведенія.

«Для распродажи книгъ оно, конечно, учредитъ въ Москвѣ центральное депо, чтобы по возможности избѣгать потерь отъ уступки процентовъ за коммиссію.»

Очень часто книга производитъ впечатлѣніе нимало не соразмѣрное своимъ ученымъ достоинствамъ, благодаря тому, что въ ней разсматривается вопросъ, близкій къ интересамъ публики; въ прошедшемъ году, таковъ былъ успѣхъ сочиненій Токвиля «L'ancien régime» и Монталамбера «De l'avenir politique de l'Angleterre». Князь Черкасскій, написавшій объ этихъ книгахъ замѣчательную статью (Р. Бесѣда, томъ 2-й), смотритъ на нихъ именно съ этой точки зрѣнія.

Статья начинается замѣчаніями о современномъ положеніи Франціи, тѣмъ болѣе необходимыми, что у насъ многіе имѣютъ объ этомъ предметѣ понятіе не совсѣмъ правильное.

«Читая обѣ книги и говоря о нихъ (замѣчаетъ князь Черкасскій), невозможно не предпослать всякому о нихъ разсужденію нѣкоторыхъ первоначальныхъ общихъ замѣчаній, касающихся современнаго состоянія Франціи. Прежде всего насъ поражаетъ свободное, безпрепятственное появленіе и печатаніе во Франціи двухъ такихъ капитальныхъ сочиненій, явно направленныхъ противъ существующаго въ ней нынѣ порядка вещей... Такъ велика уже во Франціи и такъ укрѣпилась въ ней свобода мысли и свобода жизни, которую она добыла себѣ тридцатилѣтнимъ періодомъ управленія Бурбоновъ и Орлеанскаго Дома, что подобное литературное явленіе, даже въ эпоху настоящей диктатуры, проходитъ какъ бы незамѣченнымъ внѣшнею властью, не возбуждая особеннаго полицейскаго ея вниманія. Это явленіе можетъ конечно служить замѣчательнымъ признакомъ созрѣвающей общественной жизни во Франціи, каковы бы впрочемъ ни были судьбы ея въ невѣдомомъ для насъ грядущемъ. Скажемъ болѣе. Этими первоначальными пріобрѣтеніями своими, общественная жизнь Франціи не можетъ уже удовлетвориться: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно намъ будетъ привести незаподозримое свидѣтельство одного изъ замѣчательныхъ первоначальныхъ дѣятелей настоящаго наполеоновскаго періода, доктора Верона, въ томъ видѣ, какъ передается намъ оно газетою Le Nord, раскрывшей столбцы свои отрывкамъ изъ одного новаго его произведенія: «Четыре года правленія Наполеона III». Вотъ подлин-

ныя слова доктора Верона: «Добровольно отказавшись отъ мнимой поддержки, находимой будто бы во всеобщемъ онѣмѣніи, императоръ (т. е. Наполеонъ III) ясно докажетъ и внутреннимъ политическимъ партіямъ и въ особенности иностранцамъ, какъ велика его сила и увѣренность въ ней. Гдѣ не допускается свободное обсужденіе, гдѣ не позволенъ споръ, тамъ и похвала теряетъ все значеніе свое, а между дѣйствіями четырехлѣтняго правленія императора встрѣчается многое, что по совѣсти можно бы похвалить. Къ тому же этотъ строгій законъ молчанія, наложенный на печать туземную, порождаетъ въ публикѣ лишь живѣйшее сочувствіе и любопытство къ газетамъ иностраннымъ, въ которыхъ духъ злобы и непріязни доходитъ до клеветы. Я понимаю, что критика, даже благоразумная и умѣренная, можетъ казаться непріятною нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые окружаютъ престолъ, и, утопая въ спокойствіи власти безотчетной, крѣпко стоятъ за то, чтобы никакой шумъ, никакой свободный звукъ извнѣ, не пришелъ бы ихъ смутить. Но во всякомъ случаѣ налагаемое на журналы и газеты молчаніе, къ сожалѣнію, всегда кидаетъ нравственную тѣнь на личность самого государственнаго вождя.» (Р. Бесѣда, Крит. стр. 24).

Въ словахъ Верона есть много справедливаго, хотя самъ Веронъ не принадлежитъ къ людямъ особенно правдивымъ. Дѣйствительно путь, избранный Наполеономъ III, не совершенно выгоденъ для блеска его имени во Франціи: похваламъ, какія читаютъ ему въ своихъ нынѣшнихъ газетахъ, французы вовсе не вѣрятъ, напротивъ охотно вѣрятъ всѣмъ дурнымъ слухамъ, которые съ чрезвычайною быстротою расходятся изустно по Франціи, увеличиваясь при переходѣ изъ департамента въ департаментъ, изъ города въ городъ; изъ этихъ слуховъ очень многіе совершенная клевета—но кто опровергнетъ эту клевету, когда она, хотя всѣмъ извѣстная, укрывается однако отъ гласности? А когда французскія газеты и опровергаютъ тотъ или другой невыгодный для Наполеона III разсказъ, никто имъ не вѣритъ, зная, что онѣ не могли бы назвать этой молвы справедливою, еслибъ она была справедлива. Такимъ образомъ, во французскомъ обществѣ все увеличивается и усиливается невыгодное мнѣніе о Наполеонѣ III, и онъ, хотя имѣетъ на своей сторонѣ справедливость во многихъ случаяхъ, не можетъ разрушить ни одного изъ предубѣжденій, образовавшихся противъ него, потому что лишилъ себя единственнаго средства къ защитѣ своей чести, стѣснивъ гласность во Франціи. Этимъ не ограничивается вредъ, который терпитъ отъ того его имя. Слухи, изустно распространяющіеся во Франціи, переходятъ за границу, и появляются въ иностранныхъ газетахъ съ печатью неопровержимой истины: «во Франціи всѣмъ это извѣстно», говорятъ иностранныя газеты — онѣ проникаютъ во Францію, и служатъ для каждаго француза новымъ дока-

зательствомъ неоспоримой справедливости того, о чемъ онъ самъ прежде слышалъ и разсказывалъ знакомымъ: «ну вотъ, объ этомъ говорятъ ужь и за границею, какъ о дѣлѣ извѣстномъ каждому во Франціи; стало быть, это правда». Наполеонъ III очень хорошо знаетъ, какъ много проигралъ онъ относительно добраго мнѣнія о себѣ у каждаго француза, стѣснивъ газеты; онъ знаетъ, что теперь французы считаютъ его человѣкомъ въ десять разъ худшимъ, нежели каковъ онъ на самомъ дѣлѣ и какимъ считали бы его, еслибы газеты могли говорить о немъ также свободно, какъ въ свое время говорили о Людовикѣ Филиппѣ,—но ему гораздо интереснѣе имѣть власть, нежели пользоваться выгоднымъ мнѣніемъ о себѣ; ему кажется, что газетныя и парламентскія пренія стѣснили бы его власть или даже подвергли бы его опасности, и потому онъ по возможности стѣснилъ ихъ. Но въ этомъ случаѣ онъ ошибается: его власть вовсе не расширилась отъ того, что онъ стѣснилъ газетныя и парламентскія пренія, и если что̀ сохраняетъ прочность занятаго имъ положенія, такъ именно то, что въ сущности личность его имѣетъ вовсе не такъ много власти во Франціи, какъ можетъ казаться ему и кажется всѣмъ, судящимъ о ходѣ событій по формамъ, посредствомъ которыхъ рѣшаются вопросы, а не по духу, въ которомъ они рѣшаются. Въ обоихъ этихъ мнѣніяхъ мы противорѣчимъ обыкновенному взгляду, но, быть можетъ, читатель согласится, что мы правы, когда прочтетъ слѣдующія строки.

Людовикъ Филиппъ управлялъ Франціею при безграничномъ просторѣ газетныхъ и парламентскихъ преній, и однако же, если хорошенько всмотрѣться въ событія его правленія, мы увидимъ, что его личная воля имѣла больше вліянія на ходъ французскихъ государственныхъ дѣлъ, нежели воля Наполеона III. При Людовикѣ Филиппѣ, французы нѣсколько разъ сильно желали войны съ Англіею,—Людовикъ Филиппъ не хотѣлъ войны, и войны не было. Французы не хотѣли подчиненія французской политики въ иностранныхъ дѣлахъ англійскому вліянію,—Людовикъ Филиппъ хотѣлъ того, и дѣйствительно, французская политика въ иностранныхъ дѣлахъ подчинялась вліянію англійской. Французы хотѣли расширенія права избирательства въ Палату Депутатовъ, — Людовикъ Филиппъ не хотѣлъ того, и право избирательства не расширялось. Словомъ сказать, какой бы важный государственный вопросъ мы ни взяли изъ французской исторіи въ правленіе Людовика Филиппа, мы увидимъ, что желаніе французовъ было противоположно мнѣнію Людовика Филиппа, и что дѣло всегда было ведено и разрѣшалось именно такъ, какъ хотѣлъ Людовикъ Филиппъ. До сихъ поръ, ни въ одномъ важномъ случаѣ, Наполеонъ III не рѣшался и не могъ

поступить такъ противно общему желанію французской націи, какъ Людовикъ Филиппъ. Людовикъ Филиппъ проводилъ всегда свою волю наперекоръ мнѣнію націи, Наполеонъ III до сихъ поръ постоянно долженъ былъ подчиняться этому мнѣнію, и всѣ важныя событія его правленія сообразны съ мнѣніемъ націи. Нація имѣла вражду противъ Англіи за господство Англіи надъ Франціею при Людовикѣ Филиппѣ, и Наполеонъ III первымъ дѣломъ своимъ почелъ грозить войною Англіи. Французская нація имѣла желаніе прославиться на войнѣ и возстановить свое вліяніе на Востокѣ— Наполеонъ III поспѣшилъ, въ союзѣ съ Англіею (которую лично онъ не любитъ), начать войну противъ Россіи (которой лично онъ сочувствуетъ). Точно такъ онъ былъ слугою національной воли во всѣхъ важныхъ событіяхъ своего правленія, между тѣмъ какъ во всѣхъ случаяхъ Людовикъ Филиппъ поступалъ наперекоръ этой волѣ. «Но, быть можетъ, Наполеонъ III самъ лично былъ во всемъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ и не желалъ никогда идти наперекоръ ему?»— Вовсе нѣтъ; во многихъ случаяхъ его личное мнѣніе было противно общему мнѣнію, и въ каждомъ изъ такихъ случаевъ онъ уступалъ, и дѣлалъ наперекоръ себѣ. Напримѣръ, Наполеонъ III—приверженецъ системы свободной торговли; но во Франціи до сихъ поръ господствуютъ протекціонисты — и Наполеонъ III принужденъ былъ отступиться отъ своего желанія значительнымъ образомъ понизить французскій тарифъ. Такихъ случаевъ было много, и ни въ одномъ изъ нихъ личная воля Наполеона III не исполнялась, между тѣмъ какъ личная воля Людовика Филиппа постоянно торжествовала. Итакъ, хотя по формѣ Наполеонъ III имѣетъ гораздо больше власти, нежели Людовикъ Филиппъ, но въ сущности онъ имѣетъ гораздо меньше власти, нежели Людовикъ Филиппъ. Уступая націи конституціонную форму, Людовикъ Филиппъ на самомъ дѣлѣ совершенно самовластно управлялъ Франціею; отнявъ у Франціи эту форму, Наполеонъ III поставилъ себя въ такое шаткое положеніе, что ни въ чемъ важномъ не отваживается поступить самовластно и во всемъ подчиняется власти націи. Одинъ имѣлъ сущность неограниченной власти безъ формы неограниченной власти, другой погнавшись за формою, утратилъ существенную власть надъ дѣлами.

Такимъ образомъ, если Наполеонъ III, стѣсняя газетныя и парламентскія пренія во Франціи, хотѣлъ пріобрѣсти болѣе сильное личное вліяніе на государственныя дѣла, онъ обманулся и остался въ проигрышѣ: сравнительно съ Людовикомъ Филиппомъ, конституціоннымъ королемъ, Наполеонъ III пользуется лишь незначительнымъ вліяніемъ на дѣла своего государства. «Но по крайней

мѣрѣ ему въ самомъ дѣлѣ удалось стѣснить парламентскія и газетныя пренія? Нѣтъ; болѣе кажется что удалось, нежели въ самомъ дѣлѣ удалось: по формѣ, онъ стѣснилъ ихъ, въ сущности — вовсе не могъ стѣснить. Его Законодательное Собраніе кажется просто безмолвнымъ орудіемъ для внесенія въ протоколы засѣданій тѣхъ законовъ, какіе предлагаются этому собранію, — на самомъ же дѣлѣ, это по видимому безмолвное орудіе воли Наполеона ни мало не уступаетъ своею силою шумной Палатѣ Депутатовъ, при Людовикѣ Филиппѣ; что мы говоримъ, не уступаетъ? — мало того, оно на дѣлѣ сильнѣе, нежели Палата Депутатовъ. Когда при Людовикѣ Филиппѣ министерство вносило въ Палату Депутатовъ проэктъ какого нибудь важнаго закона, почти не бывало примѣра, чтобы Палата отвергла этотъ проэктъ; а между тѣмъ министровъ, составлявшихъ проэктъ, Людовикъ Филиппъ назначалъ въ сущности по своему выбору, они во всемъ подчинялись его волѣ и составляли проэкты именно въ томъ духѣ, какъ угодно было Людовику Филиппу. А при Наполеонѣ III Законодательное Собраніе безъ всякихъ шумныхъ преній отвергло довольно много важныхъ проэктовъ, составленныхъ министрами. Да и въ выборѣ министровъ онъ стѣсненъ гораздо больше, нежели Людовикъ Филиппъ. Онъ имѣетъ всю внѣшность власти, но въ сущности власть его ограниченнѣе, нежели власть Людовика Филиппа. Это относительно парламентской силы; а что касается газетныхъ преній, тоже нельзя не видѣть, что газеты, подвергаясь всевозможнымъ стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, умѣютъ однакоже говорить все то, что хотятъ сказать: если не могутъ сказать прямо, онѣ объясняютъ свою мысль примѣромъ, историческимъ обзоромъ, сличеніемъ цифръ, намекомъ, наконецъ молчаніемъ, — и читатель очень хорошо понимаетъ все, что хотятъ ему объяснить, и въ большей части французскихъ газетъ на каждой страницѣ видимъ осужденіе Наполеона III. А если мы вспомнимъ, что въ послѣднее время начали издаваться французскія газеты за границами Франціи, что эти заграничныя газеты читаются во Франціи съ большею жадностью, нежели парижскія, и что онѣ пишутся съ большею прямотою, нежели когда нибудь писались парижскія газеты при Людовикѣ Филиппѣ, то мы совершенно убѣдимся, что Наполеонъ III, всячески стараясь стѣснить газеты, могъ нѣсколько стѣснить ихъ только по формѣ, а въ сущности опять таки вовсе не успѣлъ прекратить въ нихъ постояннаго порицанія противъ своей политики и своего лица, — напротивъ, только раздражилъ, усилилъ это порицаніе и сдѣлалъ его привлекательнѣйшимъ для французской публики, принудивъ его быть хитрымъ, остроумнымъ или принудивъ

его перенестись за границу, гдѣ отбрасываетъ оно всѣ тѣ условія, которыя должно было соблюдать при Людовикѣ Филиппѣ.

Да, когда всмотришься въ сущность дѣла, то видишь, что Наполеонъ III, стремясь къ тому, чтобы стѣснить парламентскія и газетныя пренія во Франціи, достигъ этой цѣли только по формѣ, а вовсе не на дѣлѣ,—а между тѣмъ, стремясь къ ней, упустилъ изъ рукъ сущность власти, которою пользовался Людовикъ Филиппъ.

Конечно, Наполеону III непріятно то, что стѣсненіе парламентскихъ и газетныхъ преній не расширило его власти; непріятно и то, что даже формальное стѣсненіе этихъ независимыхъ силъ не могло быть имъ доведено до такой степени, какъ ему хотѣлось бы: ему хотѣлось бы совершенно уничтожить формы, напоминающія о временахъ Орлеанской династіи; но въ этомъ случаѣ, онъ ошибается, изъ пристрастія къ формамъ забывая объ условіяхъ прочности власти. Ненавистные ему остатки учрежденій, существовавшихъ при Людовикѣ Филиппѣ, служатъ единственнымъ надежнымъ огражденіемъ прочности правленія даже Наполеона III, который преслѣдуетъ ихъ. Возмемъ хотя бы недавній случай—выборы въ Законодательное Собраніе. Около половины избирателей не захотѣли подавать голоса и тѣмъ протестовали противъ формъ управленія, введенныхъ Наполеономъ; изъ остальныхъ, почти столько же голосовъ оказалось въ пользу оппозиціонныхъ кандидатовъ, сколько и въ пользу кандидатовъ правительства, — итакъ, немногимъ болѣе нежели одна четвертая часть французскаго населенія поддерживаетъ форму правленія, введенную Наполеономъ III, и почти три четверти населенія враждебно смотрятъ на эту форму. Кажется, такой результатъ не очень благопріятенъ,—и однако же, Наполеонъ III получилъ значительную нравственную поддержку своей власти даже отъ такого результата: до выборовъ, всѣ готовы были предполагать, что не изъ четырехъ человѣкъ, а развѣ изъ ста человѣкъ во Франціи одинъ одобряетъ Наполеона, что правительство Наполеона вовсе не имѣетъ искреннихъ приверженцевъ и держится единственно насиліемъ, — для него очень выгодно уже и то, что хотя четвертая часть населенія оказалась въ его пользу; и такимъ образомъ выборы, повидимому чрезвычайно неблагопріятные для Наполеона, на самомъ дѣлѣ значительно утвердили его власть. Безъ выборовъ она была бы гораздо слабѣе и гораздо болѣе подвержена опаснымъ случайностямъ, нежели въ настоящее время. Точно то же надобно сказать и о другихъ остаткахъ системы, существовавшей при Людовикѣ Филиппѣ, уцѣлѣвшихъ при Наполеонѣ: каждая изъ этихъ формъ служитъ опорою для Наполеона; и если проницательные люди полагаютъ, что власть его не совсѣмъ прочна, то

именно потому только, что онъ слишкомъ стѣснилъ эти формы, увлекшись своею антипатіею къ нимъ.

Онъ слишкомъ стѣснилъ эти формы, сравнительно съ тою широтою, въ какой дѣйствовали онѣ при Людовикѣ Филиппѣ; но совершенною ошибкою было бы думать, что стѣсненіе, даже видимое, такъ велико, какъ увѣряютъ въ томъ французы, недовольные Наполеономъ III. Человѣкъ жалующійся всегда расположенъ преувеличивать важность фактовъ, приводящихъ его въ нетерпѣніе. Появленіе такихъ книгъ, какъ сочиненія Токвилля и Монталамбера вовсе не есть дѣло рѣдкое или случайное: можно сказать, что большая часть сочиненій, выходящихъ во Франціи по историческимъ, юридическимъ и тѣмъ болѣе по политическимъ наукамъ написаны также въ духѣ, противномъ системѣ управленія, введенной Наполеономъ III, и никто не думаетъ, что эти сочиненія могутъ подвергнуться какому нибудь преслѣдованію отъ его правительства. Но книги во всѣхъ странахъ Западной Европы менѣе подлежатъ стѣсненію, нежели газеты, — посмотримъ же, каково нынѣ положеніе газетъ во Франціи. «Journal des Debats» прямо называетъ себя органомъ Орлеанской партіи и конституціонной монархіи; «Siècle» столь же прямо и рѣшительно называетъ себя органомъ республиканцевъ, — и каждая изъ этихъ газетъ въ каждой статьѣ доказываетъ превосходство того принципа, котораго держится.— «Въ чемъ же послѣ того стѣсненіе, на которое жалуются онѣ?»— Просто въ томъ, что онѣ не имѣютъ права прямо отрицать добросовѣстность французскаго правительства или прямо порицать личныя качества Наполеона III; онѣ могутъ какъ угодно судить о каждомъ въ отдѣльности поступкѣ правительства или о каждомъ законѣ, предлагаемомъ правительствомъ; могутъ доказывать, что законъ этотъ несправедливъ или не соотвѣтствуетъ своей цѣли, — и дѣйствительно, онѣ каждый день пользуются этимъ правомъ; но онѣ не могутъ прибавлять положительнаго увѣренія, что Наполеонъ III имѣетъ въ виду дурныя цѣли, предлагая или одобряя этотъ законъ; онѣ не должны оскорблять личности Наполеона III, приписывая ему намѣренія, гибельныя для Франціи; онѣ могутъ только доказывать, что онъ ошибается. Для большей опредѣлительности, возмемъ какое нибудь опредѣленное дѣло. Въ концѣ 1855 года разносится слухъ, что Франція начала переговоры съ Россіею, въ началѣ 1856 года извѣстно становится, что въ Парижѣ собирается конгрессъ для заключенія мира. Французскія газеты могли доказывать, что миръ этотъ преждевремененъ и невыгоденъ для Франціи, что надобно продолжать войну; онѣ могли также доказывать, что войны противъ Россіи вовсе не слѣдовало и начинать, что она была невыгодна для

Франціи. Онѣ не могли только говорить, что Наполеонъ III началъ эту войну или прекращаетъ ее по какимъ нибудь личнымъ видамъ, противнымъ интересу Франціи, — онѣ должны были предполагать, что его дѣйствія, невыгодныя для Франціи, происходятъ не отъ злаго умысла, а просто отъ ошибки. Другой случай: Законодательному Собранію предложенъ государственный бюджетъ. Газеты могутъ находить, что армія во Франціи слишкомъ многочисленна и содержаніе ея слишкомъ обременительно для націи, могутъ говорить, что полезно было бы сократить ее, и сократить именно въ такой-то пропорціи, такими-то средствами; онѣ могутъ доказывать также такимъ образомъ, что каждая другая отрасль французскаго управленія организована неудовлетворительнымъ образомъ, и что расходы на нее слишкомъ велики или слишкомъ малы. Могутъ также доказывать, если угодно, что каждый изъ существующихъ налоговъ дуренъ и долженъ быть измѣненъ или замѣненъ другимъ. Когда такимъ образомъ обсуждаютъ французскія газеты государственный бюджетъ, то нѣтъ надобности говорить, могутъ ли онѣ прямо выражать свое мнѣніе о другихъ законахъ: бюджетъ есть важнѣйшее дѣло между всѣми вопросами внутренней политики, и когда о немъ французскія газеты могутъ судить свободно, то тѣмъ болѣе могутъ судить о каждомъ другомъ законѣ. Газеты не должны говорить только одного: не приписывать недостатковъ закона злому умыслу со стороны правительства, не приписывать злоупотребленій личному желанію Наполеона III,—все остальное подлежитъ ихъ критикѣ: и всѣ законы, и всѣ дѣйствія правительственныхъ лицъ, отъ министровъ до архіепископовъ. И такое положеніе газетъ называется во Франціи стѣснительнымъ, и англійскія газеты увѣряютъ, что французы живутъ подъ тяжелымъ и гибельнымъ игомъ, — какое странное преувеличеніе! Надобно ли послѣ такихъ фактовъ удивляться тому, что безпрепятственно появляются во Франціи книги, подобныя сочиненіямъ Токвилля и Монталамбера? Тутъ вовсе нечему удивляться: во французскихъ газетахъ ежедневно печатаются совершенно подобныя статьи.

Монталамберъ менѣе всѣхъ другихъ французовъ имѣлъ бы права возвышать свой голосъ противъ порядка дѣлъ, введеннаго во Франціи Наполеономъ III: знаменитый предводитель умѣренныхъ іезуитовъ напрягалъ нѣкогда всѣ свои силы къ тому, чтобы дать Наполеону III возможность ввести этотъ порядокъ. Когда французы отправили свою экспедицію для взятія Рима и былъ положенъ желанный конецъ отвратительной анархіи и гнусному возстанію противъ Папы, начатому по наущеніямъ злодѣя Мадзини, Монталамберъ съ восторгомъ доказывалъ необходимость совершить подобное же дѣло

въ самой Франціи, принять всевозможныя, насильственныя и ненасильственныя, законныя и незаконныя мѣры для подавленія французскихъ республиканцевъ и либераловъ: «надобно, говорилъ онъ, сдѣлать второй римскій походъ въ самой Франціи для возстановленія порядка». Его желаніе было исполнено Наполеономъ III, — и вотъ, Монталамберъ уже недоволенъ, вотъ онъ ужь самъ либеральничаетъ и возстаетъ противъ законнаго порядка—это очень дурно, это совершенно неизвинительно ему, это едва ли даже честно съ его стороны. Но среди различныхъ неосновательныхъ выходокъ, среди умышленнаго и неумышленнаго искаженія фактовъ, встрѣчаются иногда въ его книгѣ страницы, не лишенныя нѣкоторой справедливости. Такъ, напримѣръ, онъ доказываетъ, что въ Англіи гораздо болѣе порядка, нежели во Франціи, и доказываетъ, что англичане умѣютъ извлекать выгоды и для своего государства и для частныхъ лицъ изъ своихъ учрежденій, которыя могутъ казаться слишкомъ шумными для человѣка

«издавна пріобыкшаго къ однообразному томленію родной страны (Монталамберъ намекаетъ на Францію) гдѣ нѣтъ ни борьбы, ни упорнаго труда, ни самородной и самобытной дѣятельности, гдѣ все и всегда носитъ оффиціальный ярлыкъ, имѣетъ себѣ неизмѣнное мѣсто, разставлено по угламъ, согласно щепетильной попечительности внѣшней власти, всегда готовой избавить гражданина отъ всякаго безпокойства и снять съ него всякую отвѣтственность въ общемъ дѣлѣ, но тѣмъ самымъ нещадно умерщвляющей въ немъ духъ отчизнолюбія и самопожертвованія, разслабляющей людскую породу и осуждающей народъ на безъисходное несовершеннолѣтіе» (Р. Б. Крит. стр. 30.)

Конечно, на это можно возразить: на какомъ же основаніи Монталамберъ помогалъ Наполеону III, когда Наполеонъ III стремился къ введенію во Франціи тѣхъ формъ, которыя теперь такъ мало нравятся Монталамберу? Или Монталамберъ тогда не зналъ, чего самъ хочетъ? Въ другомъ мѣстѣ, онъ разсуждаетъ о причинахъ, по которымъ до сихъ поръ удержалось въ Англіи сильное вліяніе аристократіи:

«Пусть другіе, говоритъ Монталамберъ, восхваляютъ ея великолѣпіе, мужество, краснорѣчіе и политическую мудрость: они будутъ вполнѣ правы. Но я хвалю, благословляю ее выше всего за то, что она умѣла, прежде всей остальной Европы, внять голосу справедливости въ установленіи отношеній своихъ къ своимъ подданнымъ, что она вступила въ правомѣрный союзъ съ ними, не будучи къ тому вынуждена ни внѣшнею властью ни возстаніями. Тотъ, кто возьмется прослѣдить сквозь теченіе многихъ вѣковъ отношенія крупныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ къ ихъ фермерамъ, и сравнить ихъ съ па-

губительное разореніе дворянства и земледѣльческаго народонаселенія на материкѣ Западной Европы, тотъ конечно напишетъ одну изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ страницъ исторіи всемірной. Достовѣрно только то, что еще за два столѣтія до того времени, какъ дворянство французское, принесши въ жертву Людовику XIV свое достоинство и независимость, упорно старалось еще поддержать обветшалое и возмутительное зданіе своихъ феодальныхъ правъ, которому суждено было вдругъ съ шумомъ обрушиться въ памятную ночь 4-го августа 1789 года, дворянство англійское уже освободило своихъ крестьянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ избавило себя отъ смертоноснаго ига этихъ историческихъ анахронизмовъ» (Р. Б. Крит. стр. 42).

Монталамберъ восхищается устройствомъ англійскихъ университетовъ; князь Черкасскій справедливо замѣчаетъ, что такое устройство непримѣнимо ни къ какой другой странѣ, —

«Но (прибавляетъ онъ) вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны сказать, что только цѣною предоставленія университетамъ полной свободы развитія, значительной степени независимости отъ внѣшней власти и прочнаго усвоенія ихъ управленію начала избирательнаго, могутъ быть сообщены имъ тѣ необходимыя условія внутренней энергіи, жизненной упругости и серьёзнаго корпоративнаго характера, внѣ которыхъ нѣтъ искренняго уваженія общества къ учрежденію, нѣтъ прочнаго воздѣйствія образовательной среды на юношество, нѣтъ наконецъ для нея возможности воспитать для отечества своего гражданина съ привычкою равно уважать и себя и существующій законъ» (Р. Б. крит. стр. 55).

У Монталамбера встрѣчаются отдѣльныя справедливыя мысли, но совершенно ложна основная тенденція его книги: внушить французамъ необходимость введенія во Францію тѣхъ аристократическихъ учрежденій, которыя потеряли свое могущество и въ Англіи, сохраняя только старинный блескъ безъ старинной силы. У Токвилля, напротивъ и основная мысль книги не лишена справедливости, хотя выражена нѣсколько одностороннимъ образомъ и доведена до чрезвычайнаго преувеличенія.

Причиною всѣхъ политическихъ волненій, постигшихъ Францію въ концѣ прошедшаго вѣка и продолжающихъ доселѣ господствовать въ этой странѣ, Токвилль считаетъ централизацію, доведенную до чрезвычайной крайности со временъ Ришельё и Людовика XIV. Онъ такъ увлекается этою мыслью, что упускаетъ изъ виду всѣ другія причины къ общему неудовольствію, постепенно всесильнѣе и сильнѣе овладѣвавшему французскою націею втеченіе XVIII вѣка,—а причинъ этихъ было много и кромѣ централизаціи. Надобно также замѣтить, что едва ли правильно употребляетъ онъ слово «централизація» для обозначенія того порядка вещей, которому приписываетъ всѣ бѣдствія Франціи. «Централизація» пред-

полагаетъ одинаковость учрежденій во всѣхъ областяхъ государства и очень малую степень власти областныхъ правителей,—этого не было во Франціи до 1769 года. Въ каждой провинціи существовала какая нибудь особенность, подати и налоги между ними распредѣлены были неуравнительно, отношенія сословій были неодинаковы и т. д. Такой порядокъ дѣлъ вовсе не централизація, и сходенъ съ нею былъ онъ только тѣмъ, что вообще французская администрація и фискъ совершенно самовластно управляли всею общественною жизнью и самовластно распоряжались частною жизнью, не признавая никакихъ преградъ и ограниченій своему произволу ни въ чьихъ правахъ. Это не централизація, это просто система произвольнаго управленія, — та самая система, которая возобновлена Наполеономъ III; страданія и бѣдствія, нанесенныя ею Франціи втеченіе XVI, XVII и XVIII вѣковъ, были неимовѣрно велики, и этимъ объясняется увлеченіе Токвилля. Только немногія провинціи, такъ-называвшіяся pays d'états, находили хотя слабую защиту отъ произвола интендантовъ (областныхъ правителей) и министровъ въ своихъ областныхъ учрежденіяхъ, случайно сохранившихся до нѣкоторой степени. Изъ всѣхъ французскихъ областей, наибольшимъ благосостояніемъ пользовался Лангедокъ: обременительное отправленіе феодальныхъ обязанностей натурою, существовавшее въ другихъ провинціяхъ, было тамъ замѣнено денежною платою; дороги и каналы находились въ отличномъ состояніи; финансы области были въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, что она могла дѣлать государству очень значительныя ссуды.

«Чѣмъ объяснить такое неслыханное въ древней Франціи процвѣтаніе отдѣльной области (продолжаетъ князь Черкасскій)? Токвилль видитъ въ немъ естественное и необходимое послѣдствіе существованія въ Лангедокѣ независимыхъ провинціальныхъ учрежденій и предоставленія центральною властью всѣхъ дѣлъ мѣстнаго управленія, всей внутренней раскладки податей и надзора за общественными предпріятіями областнымъ лангедокскимъ штатамъ, состоявшимъ изъ 92 членовъ, изъ которыхъ 46 депутатовъ средняго сословія, 23 епископа и 23 депутата отъ дворянства. Способъ собиранія ихъ и дѣлопроизводство, даже самый ихъ составъ—все было въ нихъ далеко неудовлетворительно, и должно признаться, королевская власть мало заботилась объ совершенствованіи ихъ, всегда видя въ областныхъ учрежденіяхъ орудіе докучливое и недовольно гибкое въ рукахъ своихъ чиновниковъ. Но уже и этого несовершеннаго учрежденія, этого всегда присущаго и озаряющаго пути мѣстнаго интенданта — *свѣтоноснаго фокуса*, какъ называетъ его Токвилль, было достаточно, чтобы спасти Лангедокъ отъ многихъ невольныхъ промаховъ и предотвратить или исправить многія ошибочныя дѣйствія центральной французской администраціи.» (Р. Б., крит., стр. 79).

«Областныя учрежденія (прекрасно заключаетъ свою статью князь Черкасскій говоря о формахъ, которыхъ не можетъ ввести Наполеонъ по своему не нормальному положенію являются въ настоящее время лучшею точкою опоры для правительства во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ еще сохранились для возсозданія ихъ какіе либо живые элементы. Только съ ихъ помощью, при благотворномъ ихъ воздѣйдѣйствіи и вліяніи на мѣстное управленіе, можетъ принести какую либо пользу сознательно и безсознательно нынѣ требуемое вездѣ и всѣми отмѣненіе административной централизаціи. Но подобный подвигъ возвышенной и безкорыстной политики можетъ совершить лишь Государь, рожденный на престолѣ, отъ самой колыбели окруженный любовью своего народа, и столько же увѣренный въ немъ, сколько искренно и горячо его любящій. Возможность совершить подобный подвигъ, сберегается скупою рукою Исторіи лишь для немногихъ ей особенно сочувственныхъ любимцевъ» (Р. Б. Крит., стр. 28).

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (№ 11) надобно замѣтить статью г. Безобразова «Физіологія Общества», объясняющую современный взглядъ на отношеніе политическихъ вопросовъ къ общественнымъ: г. Безобразовъ справедливо говоритъ, что нынѣ политическіе вопросы разсматриваются преимущественно только какъ одежда общественныхъ вопросовъ, или какъ пути для удовлетворенія общественныхъ потребностей:

«Смотря на государство (говоритъ г. Безобразовъ) какъ на внѣшніе, необходимое обезпеченіе органическаго развитія общества, общественная физіологія не налагаетъ на государственную дѣятельность никакихъ произвольныхъ обязанностей, не исходящихъ изъ внутреннихъ потребностей того общества, которое государство призвано защищать отъ внутренняго и внѣшняго насилія, не предпосылаетъ ему никакихъ заранѣе приготовленныхъ формъ, не обусловленныхъ самими интересами народной жизни. Безъ защиты государства, никакое общество не можетъ достигнуть свободнаго развитія силъ своихъ; но и безъ общества, свободно развивающагося подъ защитою государства, послѣднее не имѣетъ никакого значенія. Государственная форма, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, даетъ гарантіи тѣмъ сдѣлкамъ, въ которыя вступаютъ общественные интересы между собою. Задача его не болѣе, но и не менѣе. Какъ только государство при охраненіи общественныхъ интересовъ задумываетъ устраивать при этомъ свои собственныя дѣла, такъ тотчасъ оно выходитъ изъ предѣловъ своего естественнаго назначенія; общественные интересы рано или поздно выходятъ изъ-подъ опеки, съ помощью которой хотѣли усынить ихъ, и государственныя дѣла, не разрѣшающія никакого общественнаго дѣла, теряютъ всякое значеніе, всякій кредитъ для общества. Искусственный государственный порядокъ поражается всеобщею параличіею. Понятно, что съ этой точки зрѣнія государственныя формы не могутъ быть построены по какимъ нибудь отвлеченнымъ принци-

намъ: онѣ всегда должны обусловливаться положеніемъ того общества, которое ими охраняется. Потому-то и характеръ и идея государственной дѣятельности разныхъ временъ и народовъ различны, что мы дѣйствительно и видимъ въ исторіи. Такъ начинаютъ смотрѣть на государство всѣ новѣйшіе изслѣдователи, совершенно оставившіе ту почву, на которой возникали политическія воззрѣнія прежняго времени и еще возникаютъ отсталыя воззрѣнія нѣкоторыхъ современныхъ писателей; въ мнѣніи послѣднихъ, всякое государство должно осуществлять одну идею, стремиться къ одной цѣли. Если можно найти эту одну общую идею и цѣль, то можно выразить ихъ развѣ только такъ, что государство обязано обезпечивать свободное развитіе общественныхъ интересовъ. Такой общій смыслъ для государства можно принять. Въ этомъ смыслѣ государственная дѣятельность получаетъ свой особенный характеръ, отличный отъ всѣхъ другихъ отраслей дѣятельности. Оно охраняетъ, даетъ опредѣленную прочную форму сдѣлкамъ, въ которыя безпрестанно вступаютъ между собою разные противоположные интересы въ обществѣ. Но эта форма должна быть такова, чтобы въ ней были всегда открыты двери къ новымъ компромиссамъ, безпрестанно равнообразящимся въ безконечномъ развитіи общества. Существующіе въ обществѣ интересы безконечно разнообразны: интересы собственности и нищеты, капиталовъ, земли и работы, религіи и нравственности, труда и нищеты, образованности и невѣжества, движенія и застоя; но всѣ эти интересы, каковы бы они ни были, въ силу исторической давности, въ силу времени и общества, давшихъ имъ разъ жизнь, имѣютъ неотъемлемое право на уваженіе, на защиту отъ всякаго насилія. Общество дало жизнь тому или другому интересу, питало его иногда очень долго, но оно не можетъ уничтожить его однимъ ударомъ, какъ бы ни были священны новые интересы, выступившіе въ антагонизмъ со старыми. Общество обязано дать движеніе новымъ интересамъ, но также обязано дать вознагражденіе старымъ. Государство и опредѣляетъ мѣру этого вознагражденія, равно какъ и мѣсто, уступаемое новымъ интересамъ. Этимъ только путемъ могутъ быть обезпечены въ обществѣ порядокъ и движеніе.» («Р. Вѣстникъ», № 11, стр. 344.)

Конечно, послѣднія строки имѣютъ слишкомъ безусловный смыслъ: неужели общество, развивающееся не всегда въ нормальныхъ обстоятельствахъ, не порождаетъ иногда интересовъ, не заслуживающихъ ни малѣйшаго снисхожденія и долженствующихъ считать себя счастливыми уже тогда, когда при первой возможности уничтожаются безнаказанно? Когда въ XIII вѣкѣ Рудольфъ Габсбургскій уничтожалъ разбойничьи феодальные замки на берегахъ Рейна и въ Швабіи, разбойники, в теченіе ста или двухъ сотъ лѣтъ потомственно грабившіе всѣхъ проѣзжихъ и всѣхъ сосѣдовъ, неужели могли требовать вознагражденія, ссылаясь на право давности? Вѣдь они лишались части своихъ доходовъ. Но какое дѣло было до

того Рудольфу Габсбургскому? Вотъ, иное дѣло, еслибъ эти люди не дожидаясь, пока общее чувство возстанетъ противъ нихъ и смиритъ ихъ противъ ихъ воли, прежде того времени и добровольно выразили готовность отказаться отъ привычки жить чужимъ добромъ, насильственно отнимаемымъ, —ну, тогда швабы и жители рейнскихъ береговъ подумали бы, не требуетъ ли благоразуміе купить у этихъ грабителей добровольное оставленіе прежняго обычая; по юридическому же правилу, грабитель не заслуживаетъ ровно никакого вознагражденія за то, что отказывается отъ грабежа — онъ счастливъ долженъ быть уже тѣмъ, когда не взыскиваютъ съ него денегъ, заграбленныхъ имъ. Надобно также прибавить, что общественные компромиссы только тогда производятся на справедливыхъ основаніяхъ, когда дѣло рѣшается вмѣстѣ представителями обѣихъ сторонъ,—иначе, если оно рѣшается людьми, принадлежащими къ одной только изъ двухъ партій, интересы которыхъ должны быть соглашены компромиссомъ, другая партія непремѣнно будетъ обижена. Такъ напримѣръ, англійскій Парламентъ могъ очень справедливо и (какъ показали послѣдствія) очень выгодно для обѣихъ сторонъ рѣшить вопросъ о хлѣбной торговлѣ, потому что въ Парламентѣ были представители какъ протекціонистовъ (тори), такъ и приверженцевъ свободной торговли (виги); но онъ не можетъ при настоящемъ своемъ составѣ справедливо рѣшить вопросъ, напримѣръ о такъ называемыхъ Strike'ахъ или взаимныхъ отношеніяхъ фабриканта къ работникамъ, потому что въ англійскомъ парламентѣ находятся представители только одной изъ этихъ двухъ сторонъ. Въ такихъ случаяхъ дѣла рѣшались гораздо основательнѣе и справедливѣе такъ называемыми французскими промышленными третейскими совѣтами (conseil des prudhommes), въ которыхъ было равное число членовъ изъ обѣихъ партій: при такомъ составѣ, самые затруднительные случаи распутывались очень легко, ко взаимной выгодѣ и къ общему удовольствію всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Въ русскомъ законодательствѣ находятся постановленія, истекшія изъ этого благотворнаго принципа. Такъ напримѣръ, если къ дѣлу прикосновенъ купецъ, дѣло производится не иначе, какъ при депутатѣ купеческаго званія; если къ дѣлу прикосновенно лицо изъ военнаго званія—не иначе какъ при депутатѣ изъ военнаго званія и т. д. Этотъ прекрасный и справедливый принципъ поставляется нашимъ законодательствомъ, какъ необходимое условіе всякаго слѣдствія, всякой тяжбы и, при случаѣ компромиссовъ между тяжущимися партіями онъ долженъ по духу нашего законодательства обезпечивать справедливость размѣра, какой дается присуждаемому вознагражденію.

Въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ помѣщено очень важное и отрадное извѣстіе объ учрежденіи въ Петербургѣ Общества для доставленія дешевыхъ и удобныхъ квартиръ людямъ рабочаго сословія. Согласно высокому желанію, выраженному Его Высочествомъ Герцогомъ Георгіемъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ, благоволившимъ принять на себя главное попечительство надъ Обществомъ, мы помѣщаемъ здѣсь это объявленіе, радуясь начинающемуся осуществленію столь прекрасной и благотворной мысли.

Объ учрежденіи въ С. Петербургѣ Общества для улучшенія помѣщеній рабочаго населенія.

«Мысль объ улучшеніи помѣщеній рабочаго населенія обратила на себя въ послѣднее десятилѣтіе вниманіе многихъ Правительствъ, въ томъ числѣ и нашего. О состояніи сихъ помѣщеній въ С. Петербургѣ собраны уже въ разное время весьма любопытныя свѣдѣнія. Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ обширныя изысканія, произведенныя двумя Коммиссіями, въ 1840 и 1847 годахъ, и обнаружившія во всей подробности, въ какихъ неопрятныхъ, сырыхъ и холодныхъ квартирахъ размѣщаются здѣшніе рабочіе. При незначительномъ числѣ домовъ, приспособленныхъ, и то весьма дурно, для жилья сихъ людей, они должны поневолѣ довольствоваться квартирами, какія попадутся, приплачиваясь нерѣдко за то здоровьемъ. Какъ мало соотвѣтствуетъ число подобныхъ помѣщеній настоящей въ оныхъ потребности, это показываютъ слѣдующія цифры, извлеченныя изъ дѣлъ Министерства, и которыя отчасти были уже напечатаны въ прежнее время въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества (*). Рабочее населеніе С. Петербурга составляетъ до . . . . 250,000 чел.
Изъ нихъ: проживающихъ въ городѣ *постоянно*. . 150,000 —
Приходящихъ на *лѣто*, для заработковъ . . . . 100,000 —

Конечно не вся эта масса населенія нуждается въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Изъ числа рабочихъ, *постоянно* проживающихъ въ С. Петербургѣ, надобно исключить тѣхъ, кои, находясь въ домашнемъ услуженіи, или при торговыхъ заведеніяхъ, или на работѣ у цеховыхъ мастеровъ и т. п., помѣщаются у самихъ же хозяевъ. Людей сего рода считается круглыми цифрами:

(*) Книжка III. Статистика недвижимыхъ имуществъ въ С. Петербургѣ.

Купеческихъ прикащиковъ до.	1,500
Лавочныхъ сидѣльцевъ и разныхъ служителей по торговлѣ до	5,000
Рабочихъ по цехамъ до.	26,000
Собственно домашней прислуги разныхъ родовъ и чернорабочихъ при домахъ до . .	100,000
Итого . .	132,500

«Если изъ числа приходящихъ на лѣто исключить даже $^3/_4$, кои могутъ помѣщаться въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производятся работы, то останется: *постоянно* живущихъ до 18,000 и *временно* пребывающихъ до 25,000, а всего до 43,000 человѣкъ, нуждающихся въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Какое же имѣется число помѣщеній для сего населенія? При оцѣнкѣ всѣхъ недвижимыхъ имуществъ въ С. Петербургѣ, произведенной въ сороковыхъ годахъ, описывались въ каждомъ домѣ всѣ отдѣльныя помѣщенія, т. е. каждая квартира, имѣющая особый входъ, хотя бы она не отдавалась въ наемъ, а употреблялась самимъ домовладѣльцемъ для людей, находящихся въ услуженіи при домѣ. Изъ описей этихъ видно, что подобныхъ, особыхъ квартиръ, за которыя кажется плата могла бы составлять до 30 р. въ годъ, считается въ С. Петербургѣ не болѣе 2,000, и изъ нихъ большая часть даже не отдается въ наемъ, а, какъ сказано, предназначается для дворниковъ и другихъ служителей при домахъ. Собственно для найма рабочихъ остается какихъ нибудь двѣ, три сотни подваловъ, да небольшое число домовъ, исключительно предназначенныхъ владѣльцами для впуска чернаго народа и то преимущественно *на ночлеги*. Дома сего рода доставляютъ, какъ извѣстно, значительные доходы, но тѣмъ не менѣе, при недостаткѣ совмѣстничества, содержатся весьма дурно. Между тѣмъ, при такой значительной массѣ жильцовъ, нуждающихся въ помѣщеніи, еслибъ употребить нѣсколько заботливости для содержанія подобныхъ домовъ, можно было бы получать съ нихъ весьма порядочную прибыль, не разстроивая здоровья рабочихъ. Но, чтобы была заботливость, нужно соперничество. Этого невозможно достигнуть иначе, какъ при содѣйствіи частной предпріимчивости, которая, стремясь съ одной стороны къ справедливому извлеченію денежныхъ для себя выгодъ, съ другой стороны заботилась бы о доставленіи жильцамъ наибольшихъ по возможности удобствъ; однимъ словомъ, не имѣла бы цѣлію наживаться на счетъ рабочихъ и ко вреду ихъ здоровья, а согласовать ихъ пользу съ собственными выгодами, увеличивая сіи послѣднія бережливостію, благоразумною распорядительностію, привлеченіемъ наибольшаго числа жильцовъ и другими тому подобны-

ми средствами, обезпечивающими во всѣхъ промышленныхъ дѣлахъ самые блистательные успѣхи и прочные барыши. На эти средства указали, между прочимъ, и Коммиссіи, наряженныя Правительствомъ въ разное время для осмотра жилищъ рабочихъ въ здѣшней столицѣ.

«Какой пользы можно достигнуть въ семъ отношеніи, дѣйствуя посредствомъ частныхъ обществъ, это показываютъ наилучше примѣры подобныхъ предпріятій въ Англіи, Франціи и Пруссіи. Все, что представляло почти неопредолимыя препятствія для дѣйствій *исключительно правительственныхъ*, удалось тамъ исполнить легко и скоро, при совокупномъ дѣйствіи Правительствъ и частной предпріимчивости. Частныя общества собирали необходимыя средства посредствомъ подписокъ, акцій, иногда даже пожертвованій; имена высокихъ покровителей, — королевы Викторіи, принца Альберта, императора французовъ, принца Прусскаго, служили залогомъ ихъ успѣха, такъ, что весьма рѣдко оказывалась необходимость въ непосредственномъ денежномъ вспомоществованіи симъ обществамъ со стороны Правительства. Впрочемъ, симъ обществамъ нигдѣ не руководили виды частной спекуляціи. Напротивъ, при учрежденіи каждаго общества принято въ основаніе, что участники ограничиваются нѣкоторымъ, впрочемъ достаточнымъ процентомъ дохода; прибыли же свыше оного обращались на пониженіе цѣнъ за квартиры рабочихъ. Несмотря на то, учрежденіе обществъ, не только не остановилось нигдѣ, за недостаткомъ участниковъ, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивается и кругъ ихъ дѣйствій распространяется. Въ Англіи число подобныхъ обществъ доходитъ нынѣ до невѣроятной почти цифры, 12,000, акціи коихъ, доставляющіе небольшіе, но постоянные и вѣрные дивиденды, предпочитаются многими акціямъ болѣе блистательныхъ, но и болѣе измѣнчивыхъ въ своихъ результатахъ предпріятій. Основываясь на этихъ фактахъ, легко дать себѣ отчетъ въ побудительныхъ причинахъ къ учрежденію помянутыхъ обществъ. Если въ числѣ ихъ была съ одной стороны нѣкоторая весьма справедливая и благоразумная разсчетливость капиталистовъ, — то съ другой нельзя не указать и на болѣе возвышенныя чувства истиннаго патріотизма и глубокой любви къ ближнему, понимающей, какое вліяніе имѣетъ помѣщеніе, не только на здоровье, но и на нравственность рабочаго.

«Въ странахъ, гдѣ статистическія данныя собираются съ особенною тщательностію, дознано, что смертность въ дурныхъ помѣщеніяхъ 66 процентами больше той, какая существуетъ въ жильяхъ, удовлетворяющихъ необходимымъ гигіеническимъ условіямъ. Нѣтъ словъ выразительнѣе этой цифры. Столь же поразительные факты

обнаруживаютъ повсюду вліяніе подобныхъ помѣщеній и на нравственность. «Откройте списки рожденій въ г. Брюсселѣ»—говоритъ Дюкпесьё (Ducpetiaux) въ одномъ изъ многочисленныхъ сочиненій своихъ, посвященныхъ сему предмету * — «откройте эти списки и «увидите, что въ общей массѣ, на 100 рожденій приходится около «36 незаконнорожденныхъ; въ частности же, между поденщиками и «поденщицами, ихъ 88, — число почти невѣроятное.»—Слишкомъ далеко увлекло бы насъ исчисленіе подобныхъ результатовъ по другимъ многолюднымъ городамъ; да и не принесло бы оно особенной пользы, такъ какъ приведенныя пропорціи повторяются повсюду съ небольшими измѣненіями. Въ замѣнъ сего, приведемъ изъ того же сочиненія еще нѣсколько строкъ, отличающихся столько же живымъ сочувствіемъ къ положенію бѣднаго работника, сколько и правдивостію изображенія, которое, по этому самому, можетъ быть примѣнено, болѣе или менѣе, къ каждой странѣ, къ каждой многолюдной мѣстности. — «Тѣснота въ размѣщеніи столь же вредна для «здоровья, какъ и для нравственности народа. Дѣйствительно, пред«ставимъ себѣ комнату въ нѣсколько квадратныхъ футовъ, которая «служитъ, въ одно и тоже время, мастерской, кухней, столовой и «спальней. Какой спертый воздухъ, какіе міазмы должны наполнять «ее! Вообразимъ себѣ ночью стоящія одна подлѣ другой койки, на «которыхъ дѣти лежатъ возлѣ взрослыхъ, молодая дѣвушка подлѣ «мальчика. Можно ли надѣяться, чтобы чувство стыдливости долго «противостояло соблазну? Понятно, что при такомъ сближеніи лю«дей разныхъ половъ, порокъ и безпорядочное поведеніе развива«ются съ самаго ранняго дѣтства. Болѣзни и общее разслабленіе «еще болѣе увеличиваютъ. Но и когда смерть посѣщаетъ жилище «бѣднаго работника, картина, представляемая этимъ жилищемъ, «превосходитъ все, что воображеніе могло бы создать самаго груст«наго и ужаснаго. До погребенія, мертвое тѣло по необходимости «стоитъ возлѣ стола, на которомъ ѣдятъ, и возлѣ кровати, на ко«торой спятъ. И это не отдѣльный, не исключительный примѣръ; «это фактъ, постоянно повторяющійся, которому мы не разъ быва«ли свидѣтелями, и который каждый можетъ повѣрить. Жалкое по«ложеніе, въ коемъ находится большая часть работниковъ и неиму«щихъ, самая безпорядочная ихъ жизнь и невоздержаніе не проис«ходитъ ли частію отъ дурнаго состоянія помѣщеній, ими занимае«мыхъ? Послѣ трудоваго дня, что̀ находитъ работникъ въ своей «темной, сырой, пустой и грязной комнатѣ? Такое жилище не мо«жетъ удерживать его дома, и онъ въ кабакѣ ищетъ, если не на-

(*) Projet d'association financière pour l'amélioration des habitations et l'assainissement des quartiers habités par la classe ouvrière à Bruxelles. 1848.

«слажденія, то, по крайней мѣрѣ, самозабвенія. Жена и дѣти напо-«минаютъ ему, по большой части, лишь тѣ лишенія, которыя его «угнетаютъ. Онъ старается укрыться отъ ихъ жалобъ и упрековъ, «и чтобы избѣжать угрызеній совѣсти, не знаетъ другаго средства, «кромѣ минутнаго одуренія, производимаго крѣпкими напитками.»

«Какіе возгласы несутся изъ грязныхъ и вонючихъ закоул-«ковъ, гдѣ гнѣздятся маленькія существа, покры«тыя лохмотьями? «Это дикіе крики, грубыя пѣсни, подъ-часъ — стенанія. А гдѣже «семья? Она въ разбродѣ; отецъ въ кабакѣ, мать у сосѣдки, ребенокъ «на улицѣ. Семья существуетъ лишь на случай лишеній и страданій; «для труда, для удовольствія ся нѣтъ. Хотите ли возстановить и «соединить эту разрозненную семью? Дайте ей жилище, которое «бы оправдывало свое назначеніе, дайте ей воздуха, свѣта, солн-«ца! Возбудите въ работникѣ привязанность къ его жилищу, чтобъ «облагородить его и улучшить положеніе. Время настало, потому «что домашній очагъ, въ смыслѣ мирнаго семейнаго пріюта, стано-«вится рѣже и рѣже. Союзъ между мужчиной и женщиной не при-«знается союзомъ священнымъ, и еслибы младенецъ умѣлъ прои-«зносить проклятія, онъ сталъ бы часто проклинать, и тотъ день, «въ который родился.»

Конечно, положеніе нашего рабочаго не представляется еще въ столь мрачномъ свѣтѣ. Основанія семейной жизни не потрясены такъ глубоко въ нашемъ простомъ народѣ, и должно стараться не допустить его до сей крайности. Но, отбросивъ нѣкоторыя подробности, нельзя не признать, къ несчастію, что нѣкоторыя изъ описанныхъ недостатковъ существуютъ и у насъ. Сличая содержаніе ихъ съ данными, обнаруженными Коммиссіями, бывшими въ нашей столицѣ въ 1840 и 1847 годахъ, окажется нѣчто похожее:

«Квартиры, предназначенныя для простаго народа, — говоритъ «первая изъ сихъ Коммиссій, — отдаются домовладѣльцами въ на-«емъ особымъ промышленникамъ, которые отъ себя уже пускаютъ «въ нихъ рабочихъ, на разные сроки, а всего чаще на *ночлегъ*. На-«родонаселеніе, пользующееся сими квартирами, состоитъ изъ по-«денщиковъ небольшихъ артелей, прибывающихъ въ столицу для «прінсканія работъ, и другаго класса людей (между прочимъ даже «чиновниковъ). За *мѣсто* платится отъ 2 до 5 руб. асс. въ мѣсяцъ, «или отъ 7 до 10 коп. асс. за ночлегъ. Большая часть сихъ квар-«тиръ содержится чрезвычайно дурно; въ нѣкоторыхъ зимою не «было двойныхъ оконныхъ рамъ; отопленіе самое недостаточное и, «сколько можно было замѣтить, квартиры сего рода *нагрѣваются «однимъ скопищемъ людей;* стѣны напитаны сыростію, форточекъ «для очищенія воздуха нѣтъ и *неопрятность превышаетъ всякое*

«*вѣроятіе*; помойныя ямы устроены внутри жилья: иногда изъ пя-
«таго этажа всякія нечистоты протекаютъ чрезъ всѣ нижніе этажи
«и даже по корридору; въ одномъ домѣ, въ которомъ помѣщается
«до 700 рабочихъ (а лѣтомъ еще болѣе), найдено, что болѣе 7 лѣтъ
«не очищали и не перекрашивали стѣнъ, а полы совершенно сгни-
«ли. Хозяева, нанимающіе эти квартиры отъ домовладѣльцевъ, же-
«лая извлечь наибольшія выгоды, пускаютъ для ночлега такое чи-
«сло людей, сколько можетъ вмѣститься, для чего дѣлаютъ пары
«въ три и болѣе ярусовъ, *почти до потолка*, люди мѣстятся еще
«сверхъ наръ на полу, на скамейкахъ, однимъ словомъ, гдѣ есть
«только мѣсто, такъ, что въ квартирахъ, имѣющихъ неболѣе 3 саж.
«въ длину и ширину, найдено было, при осмотрѣ, ночующихъ и
«постоянно живущихъ до 50 человѣкъ обоего пола; тамъже мало-
«лѣтныя дѣти и, среди сего скопища людей, нѣсколько человѣкъ
«одержанныхъ прилипчивыми болѣзнями». Подобныхъ примѣровъ
приведено въ изысканіяхъ Коммиссіи множество. Покойный Гене-
ралъ-Адъютантъ Графъ Бенкендорфъ, сводя всѣ эти факты, выра-
зилъ убѣжденіе, что открытые безпорядки происходятъ наиболѣе
отъ промышленниковъ, кои, получая за ежегодныя квартиры вы-
годную плату, ни мало не заботятся объ ихъ содержаніи.

«Въ 1847 году, новая Коммиссія осмотрѣла до пяти сотъ помѣ-
щеній рабочихъ и описала ихъ съ особенною подробностію.

«Рабочій народъ, объясняетъ Коммиссія, помѣщается или въ
«тѣхъ самыхъ фабрикахъ и заведеніяхъ, гдѣ работаетъ, или въ осо-
«быхъ квартирахъ, нанимаемыхъ подрядчиками, артелями или са-
«мыми рабочими, по-одиночно. Наиболѣе выгодъ для рабочаго пред-
«ставляетъ размѣщеніе перваго рода, за исключеніемъ болѣе бѣд-
«ныхъ ремесленниковъ, кои, кромѣ мастерскихъ, не имѣютъ осо-
«быхъ помѣщеній для своихъ работниковъ. Въ мастерскихъ сего
«послѣдняго рода, или отгораживается для кроватей какой нибудь
«темный, душный уголъ, или рабочіе спятъ на полу и верстакахъ,
«даже на столахъ, на которыхъ днемъ валяютъ тѣсто. Обыкновен-
«ною подстилкою служитъ дрянной, тонкій войлокъ, или еще чаще,
«простая рогожка; часто даже не бываетъ и вовсе никакой подстил-
«ки: спятъ прямо на доскахъ. Но надобно войти въ квартиры соб-
«ственно *наемныя*, и въ особенности въ такія, гдѣ хозяинъ имѣетъ
«дѣло не съ подрядчикомъ, а прямо съ артелью, или рабочими по-
«одиночно, чтобы узнать, до какой степени можетъ дойти тѣснота,
«духота, сырость, однимъ словомъ, все, что разрушаетъ здоровье
«человѣка».

Послѣ фактовъ, приведенныхъ выше изъ отчетовъ первой Ком-
миссіи, мы вошли бы лишь въ излишнія повторенія, еслибы захо-

тѣли прописывать здѣсь и замѣчанія послѣдней. Какъ въ 1840, такъ и въ 1847 году обнаружено совершенно одно и тоже. Обѣ Коммиссіи пришли къ убѣжденію, что въ видахъ народнаго здравія, общественной нравственности и даже полицейскаго порядка, не говоря о человѣколюбіи, необходимо принять рѣшительныя мѣры къ улучшенію означенныхъ помѣщеній, и вторая Коммиссія выразила при этомъ твердое убѣжденіе, что всѣ въ этомъ отношеніи мѣры правительства могутъ привести къ положительнымъ послѣдствіямъ лишь при содѣйствіи частныхъ благотворительныхъ и другихъ обществъ.

«Убѣжденіе это наконецъ нынѣ осуществляется. Лица, пользующіяся извѣстностію, общественнымъ положеніемъ, одушевленныя просвѣщеннымъ усердіемъ ко благу человѣчества, располагающія и благодѣтельнымъ вліяніемъ и матеріальными средствами, предположили составить общество, на акціяхъ, для улучшенія въ С.-Петербургѣ помѣщеній рабочаго населенія и вообще людей недостаточнаго состоянія. Лица сіи суть: вдова полковника А. К. Карамзина, гофмейстеръ сенаторъ Хрущовъ, С.-Петербургскій губернскій предводитель дворянства графъ Шуваловъ, членъ Совѣта Общества желѣзныхъ дорогъ въ Россіи Абаза, флигель-адъютантъ графъ Бобринскій, придворный банкиръ баронъ Штиглицъ и инженеръ-полковникъ Палибинъ.

«Главное попечительство надъ будущимъ обществомъ принялъ на себя Его Великогерцогское Высочество Герцогъ Георгій Мекленбургъ-Стрелицкій, Супругъ Государыни Великой Княгини Екатерины Михаиловны.

«Государь Императоръ, по докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ о семъ предположеніи, изволилъ вполнѣ оное одобрить и Высочайше повелѣть, согласно ходатайству Его Великогерцогскаго Высочества, предоставить учредителямъ произвести необходимыя предварительныя изысканія и, составивъ для общества проэктъ подробнаго устава, представить оный въ свое время на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ.

«О таковомъ Высочайшемъ соизволеніи, со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомленъ С.-Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, съ тѣмъ, чтобы со стороны городскаго, какъ общественнаго, такъ и полицейскаго управленія, оказываемо было учредителямъ, въ случаѣ надобности, всевозможное содѣйствіе.

«Учредители намѣреваются прежде всего предложить конкурсъ для составленія возможно совершеннаго плана такого дома, который

соединялъ бы въ себѣ и всѣ удобства будущихъ жильцовъ и выгоды акціонеровъ, возможную дешевизну постройки, со всѣми условіями помѣщенія теплаго, чистаго, свѣтлаго, словомъ, снабженнаго всѣмъ, что для человѣка трудоваго составляетъ не роскошь, но лишь справедливую потребность.

«Объ условіяхъ и требованіяхъ конкурса будетъ объявлено особо въ публичныхъ вѣдомостяхъ.

«Въ этомъ важномъ для общественнаго блага дѣлѣ, Правительству остается желать полнаго и скораго успѣха просвѣщеннымъ учредителямъ столь полезнаго и давно ожидаемаго предпріятія.»

МОДЫ.

Въ Парижѣ въ «Елисейскихъ поляхъ» въ кафе, на бульварныхъ театрахъ.... вездѣ представляютъ въ смѣшномъ видѣ — кринолины, но ни остроумные куплеты, ни какія насмѣшки не дѣйствуютъ.... напротивъ, эти раззорительные и безобразные кринолины еще увеличиваются въ своихъ размѣрахъ. Даже начинаютъ поговаривать о фижмахъ, но не съ длинными, какъ прежде, таліями, а съ коротенькими.... это ужасно!... Шнипы вышли вовсе изъ употребленія.... Бальныя платья даже иначе и не носятъ, какъ съ кушачками, и съ небольшой пряжкой изъ брильянтовъ. Слѣдующіе цвѣта въ Парижѣ въ большомъ ходу: сѣренькій, свѣтло-лиловый и темно-лиловый; воланы дѣлаютъ только на легкихъ платьяхъ, а на шелковыхъ платьяхъ уборка по большой части съ боковъ.

Мантильи носятъ небольшія шелковыя, вышитыя стеклярусомъ и шелкомъ, и обшитыя двумя рядами широкихъ черныхъ кружевъ, которыя совсѣмъ почти покрываютъ платья.

Шляпки-Mousquetaire въ Парижѣ вовсе не въ употребленіи. Ихъ носятъ развѣ только въ деревнѣ. Вообще шляпки обыкновенныя, слава Богу, дѣлаются побольше. Мы предупреждаемъ нашихъ провинціальныхъ читательницъ, что ни въ Парижѣ, ни въ Петербургѣ шляпки-Mousquetaire изъ коричневой соломы не употребляются вовсе дамами, принадлежащими къ порядочному обществу.

порядился сообщить ей, что раненый безнадеженъ, что ему съ каждымъ днемъ становится все хуже и хуже, и что вслѣдствіе этого Редмондъ Барри бѣжалъ изъ Дублина за границу. О побѣгѣ моемъ, также по моему распоряженію, было объявлено въ газетѣ «Меркурій», но я скрывался не дальше, какъ въ городѣ Грэй, гдѣ проживала моя мать, и гдѣ даже при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ я могъ разсчитывать на радушный пріемъ.

Читатель, питающій въ душѣ своей чувство сыновняго долга, вѣроятно, изумляется, что я до сихъ поръ не сказалъ ни слова о свиданіи съ матерью, жертвы которой, приносимыя ради меня, во дни моей юности, были весьма значительны, и къ которой человѣкъ, съ моими теплыми чувствами, не могъ не имѣть постояннаго и искренняго уваженія.

Обращаясь въ большомъ кругу общества, я долженъ былъ исполнить требованія этого общества прежде всѣхъ обязанностей, возлагаемыхъ на меня родственными связями; и потому, по пріѣздѣ въ Дублинъ, я отправилъ нарочнаго къ мистриссъ Барри съ извѣстіемъ о моемъ прибытіи, съ изъявленіемъ сыновняго почтенія, и обѣщаніемъ выразить все это лично, лишь только дѣла мои въ Дублинѣ немного поустроятся.

Не считаю за нужное говорить, что дѣлъ этихъ было множество. Я долженъ былъ купить лошадей, устроить помѣщеніе, и ознакомиться съ порядочнымъ обществомъ. Намѣреніе мое купить лошадей и жить на большую ногу вызвало такое множество визитовъ со стороны знатныхъ особъ и дворянства, такое множество приглашеній на обѣды и ужины, что втеченіе нѣскольких дней, мнѣ чрезвычайно было трудно найти время для нетерпѣливо желаемаго свиданія съ мистриссъ Барри.

Эта добрая душа приготовила пиръ, лишь только услышала о моемъ пріѣздѣ, и пригласила на него всѣхъ своихъ знакомыхъ; но въ назначенный день я былъ приглашенъ къ милорду Баллираггету и, само собою разумѣется, принужденъ былъ нарушить обѣщаніе присутствовать на скромномъ пиру мистриссъ Барри,

Я постарался усладить ея обманутыя ожиданія посылкою на платье атласа и бархата, которые купилъ въ лучшихъ магазинахъ Дублина, а матушкѣ сказалъ, что нарочно для нея привезъ изъ Парижа; но посланный, съ которымъ я отправилъ подарки, привезъ ихъ назадъ; кусокъ атласа былъ разорванъ по-

поламъ. Это обстоятельство ясно доказывало, что мистриссъ Барри обидѣлась: она вышла къ посланному, начала бранить его и, навѣрное, прибила бы, еслибъ отъ этого не удержалъ ее джентльменъ въ черной мантіи, который, какъ я справедливо заключалъ, былъ ея другъ, мистеръ Джоульзъ.

Такой пріемъ моихъ подарковъ заставлялъ меня скорѣе бояться, чѣмъ надѣяться на свиданіе съ мистриссъ Барри, и я отложилъ его еще на нѣсколько дней. Я написалъ ей почтительное и успокоительное письмо, въ которомъ, между прочимъ, упомянулъ, что по дорогѣ въ Дублинъ я посѣтилъ Барривилль и мѣста, гдѣ проведена была моя юность.

Признаюсь чистосердечно, мать моя была единственнымъ существомъ, съ которымъ я боялся встрѣтиться. Припоминая порывы ея гнѣва и минуты примиренія, тяжелѣе и прискорбнѣе, чѣмъ самый гнѣвъ, я, вмѣсто того, чтобъ отправиться самому, послалъ моего полномочнаго, Уликка Брэди, который, по возвращеніи, сказалъ, что встрѣтилъ такой пріемъ, какой не согласился бы перенести за двадцать гиней, что его выгнали изъ дома и приказали объявить мнѣ, что моя мать не признаетъ меня своимъ сыномъ. Этотъ родительскій гнѣвъ сильно огорчалъ меня, тѣмъ болѣе, что я постоянно былъ почтительнѣйшимъ сыномъ; чтобъ исправить все это, я рѣшился какъ можно скорѣе отправиться къ ней, и перенесть упреки и гнѣвъ, за которыми, весьма вѣроятно, послѣдовало бы немедленное примиреніе.

Однажды я давалъ балъ избраннѣйшимъ вельможамъ Дублина, и провожая съ лѣстницы съ восковыми свѣчами въ рукахъ милорда маркиза, увидѣлъ на крыльцѣ женщину въ сѣромъ плащѣ. Принявъ ее за нищую, я подалъ ей монету, и пожелалъ спокойной ночи друзьямъ моимъ, которые подъ вліяніемъ вина, выпитаго за ужиномъ въ значительномъ количествѣ, начали шутить и смѣяться надъ старухой, лишь только дверь затворилась за ними.

Представьте же себѣ мое изумленіе и досаду, когда, впослѣдствіи, я узналъ, что женщина въ плащѣ была никто иная, какъ моя мать. По гордости своей, она дала себѣ клятву никогда не входить въ мои двери; но съ другой стороны чувство материнской любви возбудило въ ней желаніе увидѣть еще разъ лицо своего сына: потому-то она и сѣла, переодѣтая, на крыльцо моего дома. Я убѣдился на опытѣ, что матери суть единственныя женщины, которыя никогда не обманываютъ мужчину,

и любовь которыхъ остается постоянною при всѣхъ испытаніяхъ. Больно подумать о часахъ, которые эта добрая душа провела на улицѣ, одинокая, прислушиваясь къ шумной пирушкѣ внутри моихъ комнатъ, къ бряцанью рюмокъ, къ неистовому смѣху, къ пѣснямъ и веселью.

Послѣ дуэли съ лордомъ Джорджемъ, я долженъ былъ, по причинамъ выше изложеннымъ, удалиться изъ Дублина и примириться съ доброй матушкой; я зналъ, что она не откажетъ мнѣ въ пріютѣ на время моего изгнанія; и потому, пославъ извѣстіе, что я ѣду, что я имѣлъ дуэль, поставившую меня въ затруднительное положеніе, и заставлявшую укрываться отъ закона до нѣкотораго времени, я послѣдовалъ за посланнымъ спустя полчаса, и, могу увѣрить васъ, былъ принятъ какъ нельзя радушнѣе. Лишь только босоногая служанка ввела меня въ пустую комнату, какъ сосѣдняя дверь отворилась, и изъ нея бросилась въ мои объятія матушка, съ восклицаніями радости, которыя я не берусь описывать: они понятны будутъ только тѣмъ женщинамъ, которымъ случалось держать въ объятіяхъ своихъ единственное дѣтище послѣ двѣнадцатилѣтней съ нимъ разлуки.

Во время моего укрывательства, двери дома мистриссъ Барри отворялись для одного только мистера Джоульза. Онъ приготовлялъ себѣ пуншъ, который, повидимому, имѣлъ привычку выпивать каждый разъ за здоровье хозяйки дома, тяжело вздыхалъ, и потомъ начиналъ читать наставленія насчетъ грѣховности моей прошедшей жизни, и особливо насчетъ недавняго моего ужаснаго преступленія.

— Гм! грѣховность, сказала матушка, воодушевляясь каждый разъ, когда на сына ея дѣлали нападенія: — вѣдь мы всѣ грѣшники, мистеръ Джоульзъ; *вы же* сами растолковали мнѣ это. Но скажите, какъ бы, по вашему мнѣнію, долженъ былъ поступить мой сынъ?

— По моему мнѣнію, джентльменъ долженъ удаляться пьянства и ссоры, а тѣмъ болѣе всякаго повода къ дуэли, отвѣчалъ мистеръ Джоульзъ.

Но мистриссъ Барри съ-разу обрѣзала его, сказавъ, что поступокъ подобнаго рода во всѣхъ отношеніяхъ приличенъ особѣ моего происхожденія. И дѣйствительно, она приходила въ восторгъ отъ мысли, что я одержалъ побѣду въ дуэли надъ сыномъ англійскаго маркиза; къ утѣшенію ея, я разсказалъ десятки по-

добныхъ дуэлей, въ которыхъ побѣда оставалась за мною, и о которыхъ уже давно извѣстно читателю.

Такъ какъ противникъ мой вовсе не былъ въ такой опасности, какъ гласила молва, мною же распущенная, то не было никакой необходимости укрываться отъ преслѣдованія закона. Мать моя не знала объ этомъ фактѣ, и потому приказала окружить свой домъ неприступными баррикадами, и Бекки, босоногая служанка, находилась на безсмѣнной стражѣ, чтобъ дать сигналъ, когда покажутся сыщики.

Единственное лицо, котораго я поджидалъ къ себѣ, былъ мой кузенъ Уликкъ. Онъ долженъ былъ привезти благопріятныя извѣстія о пріѣздѣ миледи Линдонъ; и признаюсь, послѣ двухдневнаго заточенія, втеченіе котораго я разсказалъ мистриссъ Барри всѣ мои приключенія, и успѣлъ уговорить ее принять матеріи на платья, отъ которыхъ сначала она отказалась, и сверхъ того значительное приращеніе къ ея доходамъ,—послѣ этого промежутка времени, я крайне обрадовался, когда увидѣлъ, что негодяй Уликкъ Брэди, — такъ называла его матушка, подъѣхалъ въ моей каретѣ съ отраднымъ для мистриссъ Барри извѣстіемъ, что молодой лордъ внѣ всякой опасности, и въ тысячу разъ отраднѣйшимъ для меня, что графиня Линдонъ пріѣхала въ Дублинъ.

— Ахъ, Редмондъ! я бы желала, чтобъ опасное положеніе этого джентльмена продлилось еще на нѣкоторое время, сказала мистриссъ Барри, съ глазами, полными слезъ:—ты бы тогда остался у бѣдной твоей матери еще на нѣсколько дней.

Я осушилъ эти слезы горячимъ поцалуемъ, и обѣщаніемъ видѣться съ ней какъ можно чаще; но при этомъ намекнулъ, что, можетъ статься, буду имѣть свой собственный домъ, въ которомъ благородная невѣстка будетъ принимать ее съ радушіемъ.

— Кто же она, Редмондъ? скажи пожалуйста! подхватила

— Одна изъ благороднѣйшихъ и богатѣйшихъ женщинъ въ государствѣ, отвѣчалъ я. Уликкъ Брэди, ни слова объ этомъ!— прибавилъ я, захохотавъ; и оставилъ мистриссъ Брэди съ этими надеждами въ самомъ пріятномъ расположеніи духа.

Мнѣ кажется, не было въ мірѣ человѣка мягкосердечнѣе меня, особенно, когда то нужно было для какой нибудь цѣли: я становился тогда самымъ кроткимъ и дружелюбнымъ созданіемъ. Прежде, чѣмъ необходимость заставила меня бѣжать изъ Дублина, я пробылъ въ немъ болѣе недѣли. Въ это время я совершен-

но примирился съ моимъ противникомъ; безпрестанно навѣщалъ его, и вскорѣ сдѣлался его задушевнымъ пріятелемъ. Онъ имѣлъ при себѣ джентльмена, съ которымъ я старался сблизиться, и которому люди моя, по особенному отъ меня приказанію, оказывали особенное вниманіе: мнѣ хотѣлось узнать дѣйствительныя отношенія милорда Джорджа къ лэди Линдонъ, — узнать, являлись ли къ ней другіе поклонники, и какъ перенесла она вѣсть о нанесенной ему ранѣ.

Молодой джентльменъ разъяснилъ мнѣ нѣсколько предметовъ, для меня крайне интересныхъ.

— Кавалеръ, сказалъ онъ мнѣ однажды утромъ, когда я заѣхалъ къ нему съ визитомъ: я нахожу, что вы старый знакомый моей родственницы, графини Линдонъ. Вотъ въ этомъ письмѣ она страшно нападаетъ на васъ и бранитъ; странно для меня только одно обстоятельство, что однажды, когда въ замкѣ Линдонъ зашла рѣчь о васъ, о великолѣпномъ экипажѣ, въ которомъ вы разъѣзжали по Дублину, прекрасная вдовушка божилась, что въ первый разъ слышитъ ваше имя.

«— Какъ же, мама, развѣ вы его не знаете? сказалъ маленькій Буллингдонъ: — это тотъ самый высокій смуглый мужчина, который бывалъ у насъ въ Спа, и напаивалъ до пьяна моего гувернера.. онъ прислалъ мнѣ шпагу: его зовутъ мистеръ Барри.»

«При этомъ замѣчаніи, миледи приказала вывести мальчика изъ комнаты, и продолжала утверждать, что совсѣмъ васъ не знаетъ.

— Скажите, милордъ, неужели вы дѣйствительно родственникъ миледи Линдонъ? сказалъ я тономъ величайшаго изумленія.

— Да, дѣйствительно, отвѣчалъ молодой джентльменъ. Я оставилъ ея домъ какъ будто нарочно для того, чтобъ получить эту чудовищную рану; и надобно сказать, я получилъ ее совсѣмъ не во время.

— Почему же не во время?

— Потому, что вдова, какъ мнѣ кажется, неравнодушна ко мнѣ. Мнѣ кажется, ее можно бы принудить сдѣлать нашу связь еще тѣснѣе; правда, она старше меня, но за то считается богатѣйшею невѣстой въ Англіи.

— Милордъ Джорджъ, позвольте вамъ сдѣлать странный, но откровенный вопросъ: не можете ли вы показать мнѣ письма лэди Линдонъ?

— Извините, я не сдѣлаю подобной глупости, гнѣвно отвѣчалъ милордъ.

— Не сердитесь, пожалуйста. Но если я покажу вамъ письма лэди Линдонъ ко мнѣ, сдѣлаете ли вы тоже самое?

— Мистеръ Барри, именемъ Неба спрашиваю васъ, что̀ вы хотите этимъ сказать? спросилъ молодой noбльменъ.

— Я хочу сказать, что я страстно любилъ лэди Линдонъ. Я хочу сказать, что и она ко мнѣ была неравнодушна. Я хочу сказать, что люблю ее до безумія въ настоящую минуту, и готовъ умертвить себя, или убить того, кто захочетъ владѣть ею прежде меня.

— Не думаете ли *вы* жениться на богатѣйшей наслѣдницѣ, на женщинѣ благороднѣйшей крови въ Англіи? сказалъ лордъ Джорджъ надменнымъ тономъ.

— Въ Европѣ, я вамъ скажу, нѣтъ крови благороднѣе моей, отвѣчалъ я: — теперь, не знаю можно ли мнѣ надѣяться или нѣтъ. Бывали, впрочемъ, дни, въ которые, не смотря на бѣдность мою, богатѣйшая наслѣдница смотрѣла на мою нищету безъ пренебреженія; къ этому могу прибавить, что кто намѣренъ жениться на ней, тотъ долженъ перейти сначала черезъ мой трупъ. Вы счастливы, прибавилъ я съ мрачнымъ видомъ,—счастливы тѣмъ, что во время дуэли, я не зналъ вашихъ видовъ на миледи Линдонъ. Бѣдный мой юноша! въ васъ много храбрости и я люблю васъ. Шпага моя первая въ Европѣ, и вы, быть можетъ, лежали бы теперь въ болѣе узкой постели.

— Вы называете меня юношей, сказалъ лордъ Джорджъ: — но я только четырьмя годами моложе васъ.

— Относительно опытности, вы моложе меня сорока годами. Я прошелъ всѣ ступени жизни. Собственнымъ моимъ умомъ и отвагой я составилъ себѣ счастье. Я былъ рядовымъ въ четырнадцати кровопролитныхъ сраженіяхъ; двадцать-три раза я дрался на дуэли, но раненъ я былъ одинъ только разъ, саблей французскаго полковника, котораго я положилъ тутъ же на мѣстѣ. На восемнадцатомъ году я вступилъ въ свѣтъ совершеннымъ нищимъ, и теперь, на двадцать осьмомъ году, имѣю двадцать тысячъ гиней. Неужели вы полагаете, что человѣкъ съ моимъ предпріимчивымъ духомъ и энергіей не въ состояніи пріобрѣсть того, что̀ пожелаетъ, и, имѣя право на вдову, не воспользуется имъ?

Эти слова не вполнѣ согласовались съ истиной (я преувеличилъ число кровопролитныхъ сраженій, дуэлей и гиней); но я видѣлъ, что они произвели желаемое дѣйствіе на молодаго джентльмена, слушавшаго мое признаніе очень серьёзно и внимательно.

Спустя дни два, я снова зашелъ навѣстить его, и принесъ съ собой небольшую часть переписки моей съ лэди Линдонъ.

— Неугодно ли, сказалъ я: — взглянуть на локонъ волосъ миледи; на письма, подписанныя Калистой, и адресованныя на имя Евгенія. Вотъ поэма: «Когда солнце озаряетъ луга, и блѣдная Цинтія проливаетъ холодные лучи» — поэма, посвященная ея сіятельствомъ вашему покорному слугѣ,

— Калиста! Евгеній! Солнце озаряетъ луга! вскричалъ молодой лордъ. — Ужели я вижу это во снѣ? Знаете ли, любезный Барри, она прислала мнѣ эту же самую поэму, и вотъ отрывокъ изъ нея: «Солнечный свѣтъ пробуждаетъ отраду, вечерній сумракъ располагаетъ къ мечтаньямъ.»

Я не могъ удержаться отъ смѣха, когда милордъ произнесъ эту цитату. Это были совершенно тѣже самыя слова, съ которыми Калиста обращалась ко мнѣ. Сличивъ наши письма, мы нашли, что въ нихъ вставлены были одни и тѣ же краснорѣчивые періоды. Вотъ, что значитъ быть ученой, и имѣть страсть писать письма!

Молодой человѣкъ сложилъ письма въ величайшемъ волненіи.

— Слава Богу! сказалъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія: — слава Богу, что я такъ легко отдѣлался. Ахъ, мистеръ Барри, на какой женщинѣ женился бы я, если бъ эти письма не попали мнѣ въ руки! Я думалъ, что у лэди Линдонъ есть сердце, хотя и не горячее; я думалъ, что ей можно довѣрить свою честь! Мнѣ кажется, лучше взять жену съ улицы, чѣмъ жениться на женщинѣ, подобной лэди Линдонъ.

— Милордъ Джорджъ, сказалъ я, вы еще мало знаете свѣтъ. Вспомните, какого дурного мужа имѣла лэди Линдонъ, и не удивляйтесь, что она, съ своей стороны, поступаетъ въ дѣлахъ сердца весьма равнодушно и безразсудно. Я готовъ держать пари, что она не выходила изъ границъ невиннаго кокетства, и преступленія ея заключаются не болѣе какъ въ сочиненіи пустыхъ, стишковъ и любовныхъ записочекъ.

— Моя жена, сказалъ лордъ:—не должна писать ни стиховъ, ни любовныхъ писемъ, и я душевно радъ, что узналъ во время, какъ бездушна женщина, въ которую считалъ себя влюбленнымъ.

Оскорбленный молодой нобльменъ, какъ я уже сказалъ, былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ въ дѣлахъ свѣта—ибо нелѣпо было бы допустить мысль, что можно отказаться отъ сорока тысячъ фунтовъ годоваго дохода, собственно изъ-за того, что лэди, на которой предполагалось жениться, написала нѣсколько сантиментальныхъ писемъ къ молодому джентльмену,—или, какъ я имѣю расположеніе думать, онъ радъ былъ отказаться отъ своего намѣренія изъ опасенія вторично встрѣтиться съ побѣдоносной шпагой Редмонда Барри.

Когда идея объ опасномъ положеніи Пойнингса, а можетъ быть и упреки съ его стороны, касательно моей особы, вызвали малодушную и легкомысленную лэди Линдонъ въ Дублинъ, и когда Уликкъ извѣстилъ меня о ея прибытіи, я оставилъ добрую мать, которая совершенно примирилась со мной (этимъ примиреніемъ, между прочимъ, я обязанъ дуэли), и узналъ, что неутѣшная Калиста безпрестанно навѣщала раненнаго лорда, къ величайшей досадѣ этого нобльмена, какъ говорили его слуги.— Англичане бываютъ часто до нелѣпости горды и высокомѣрны; узнавъ о поведеніи своей родственницы, лордъ Пойнингсъ далъ себѣ клятву не имѣть съ ней никакого дѣла.

Все это сообщилъ мнѣ камердинеръ милорда, съ которымъ я озаботился сблизиться, равно какъ и съ швейцаромъ, который никогда не отказывалъ мнѣ въ свиданіи съ лордомъ.

Весьма вѣроятно, лэди Линдонъ, какъ и я, подкупила этого человѣка, потому что двери для нея всегда отворялись. Однажды, подкарауливъ, когда она вошла въ домъ лорда Пойнингса, я послѣдовалъ за ней. Я рѣшился подождать ее въ пріемной, чтобъ встрѣтиться съ ней и, если окажется нужнымъ, упрекнуть ее въ невѣрности; но обстоятельства благопріятствовали мнѣ: меня провели въ комнату, сосѣднюю съ кабинетомъ милорда, дверь котораго была нѣсколько отворена, и я слышалъ каждое слово моей Калисты. Обращаясь къ раненому, лежавшему въ постели, она плакала и говорила самымъ страстнымъ тономъ:

— Что могло заставить тебя, Джорджъ, сомнѣваться въ моей вѣрности? Я удивляюсь, какъ ты можешь сокрушать мое сердце,

отталкивая меня отъ себя такимъ чудовищнымъ образомъ? Неужели ты хочешь вогнать въ могилу твою бѣдную Калисту? Впрочемъ, тамъ я снова соединюсь съ милымъ моимъ ангеломъ.

— Который вотъ уже три мѣсяца, какъ отлетѣлъ отъ васъ, сказалъ лордъ Джорджъ съ усмѣшкой. Удивительно, что вы такъ долго остаетесь въ нашемъ мірѣ.

— Ради Бога, Антоніо! не поступай такъ жестоко съ твоей бѣдной, несчастной Калистой! воскликнула вдова.

— Рана моя еще очень опасна, сказалъ лордъ Джорджъ. Доктора запретили мнѣ говорить. Вашъ Антоніо очень утомленъ. Не можете ли вы пріискать себѣ другаго утѣшителя?

— Праведное Небо! Лордъ Джорджъ! Антоніо!

— Я совѣтую вамъ обратиться за утѣшеніемъ къ Евгенію, съ горечью сказалъ молодой джентльменъ, позвонилъ въ колокольчикъ, и приказалъ лакею, явившемуся на этотъ звонъ, проводить миледи съ лѣстницы.

Лэди Линдонъ вышла изъ кабинета въ величайшемъ гнѣвѣ. Она была въ глубокомъ траурѣ, и изъ подъ плотной ткани вуаля не могла узнать джентльмена, ожидавшаго ее въ сосѣдней комнатѣ. Въ то время, какъ она спускалась съ лѣстницы, я шелъ за ней почти наципочкахъ, и когда кучеръ открылъ дверцы кареты, я выскочилъ впередъ и подалъ руку, чтобъ помочь ей подняться.

— Неоцѣненная миледи, сказалъ я: — лордъ Джорджъ говорилъ справедливо. Ищите утѣшенія въ Евгеніи.

Лэди Линдонъ вскрикнула отъ неожиданной встрѣчи; въ этотъ моментъ кучеръ тронулъ лошадей и карета помчала. Она остановилась у подъѣзда дома миледи, и, конечно, я снова очутился у дверецъ, чтобъ помочь миледи вытти.

— Чудовище! вскричала она. Я вамъ приказываю оставить меня.

— Миледи, это было бы нарушеніемъ моей клятвы, возразилъ я: — вспомните клятву, данную Калистѣ Евгеніемъ.

— Если вы не оставите меня, я позову людей, и прикажу васъ выгнать.

— Какъ! вы хотите меня выгнать, когда я вхожу въ домъ вашъ съ письмами моей Калисты въ карманѣ? Вы можете сердиться, миледи, но не можете испугать Редмонда Барри.

— Чего вы отъ меня хотите, сэръ? сказала вдова въ сильномъ волненіи.

— Позвольте мнѣ войти въ ваши комнаты, и тогда я отвѣчу на этотъ вопросъ, отвѣчалъ я.

Лэди Линдонъ подала мнѣ руку, и позволила проводить себя отъ кареты въ гостиную.

Когда мы остались одни, я откровенно высказался ей.

— Неоцѣненная милэди, говорилъ я:—не заставьте повергнутаго въ отчаяніе вашего раба прибѣгнуть къ роковымъ мѣрамъ. Я обожаю васъ. Въ былые дни вы позволяли мнѣ выражать страсти души моей, въ настоящее время вы гоните меня изъ вашего дома, оставляете мои письма безъ отвѣта, и предпочитаете мнѣ другаго. Я не могу переносить подобныхъ поступковъ; посмотрите на наказаніе, которое я принужденъ былъ сдѣлать,—страшитесь того наказанія, которое я могу сдѣлать всякому несчастному молодому человѣку: за одно только помышленіе жениться на васъ, онъ долженъ поплатиться своей жизнью.

— Какое вы имѣете право предписывать законы графинѣ Линдонъ? сказала вдова. — Я рѣшительно не понимаю вашихъ угрозъ, и не хочу обращать на нихъ вниманія. Неужьли то, что происходило между мной и ирландскимъ авантюристомъ, можетъ вамъ давать право на подобную дерзость?

— Мнѣ даютъ право на это письма Калисты къ Евгенію, отвѣчалъ я.—Быть можетъ, они очень невинны, но повѣритъ ли этому свѣтъ? Быть можетъ, вы намѣревались только поиграть сердцемъ бѣднаго безхитростнаго ирландскаго джентльмена, который обожалъ васъ и былъ увѣренъ въ чистотѣ вашихъ намѣреній; но кто повѣритъ оправданіямъ вашимъ, противъ которыхъ будутъ говорить ваши же собственноручныя письма? Кто повѣритъ, что вы писали ихъ по одной лишь прихоти, по легкомыслію, а не подъ вліяніемъ страстной любви.

— Низкій человѣкъ, вскричала лади Линдонъ. — Какъ вы смѣете придавать такое значеніе пустымъ запискамъ, писаннымъ для препровожденія времени?

— Я придамъ имъ всякое значеніе, сказалъ я,—смотря по тому, какъ укажетъ мнѣ страсть, которая кипитъ въ груди моей. По клятвѣ, которую я далъ себѣ, вы должны быть и будете моею! Никто еще не можетъ указать ни на одинъ случай, гдѣ-бы я, давъ обѣщаніе, не исполнилъ его!—Скажите, милэди, откровенно, — что вы избираете лучше: любовь, какой до этого ни одна женщина не знавала въ мужчинѣ, или ненависть, которой нѣтъ предѣла?

— Женщина моего званія и положенія въ обществѣ не можетъ бояться ненависти такого нагледа, какъ вы, отвѣчала леди Линдонъ, принимая величавый видъ.

— А неужели Пойнингсъ равенъ вамъ по званію? — Вы причиной раны этого молодаго человѣка, и если вы не смягчите своей безумной жестокости, то будете виновницей его смерти: — да, вы будете его убійцей; невѣрность жены вооружаетъ мужа къ наказанію обольстителя. Я смотрю на васъ, Гонорія Линдонъ, какъ на жену мою.

— Какъ на жену! — сэръ! вскричала вдова, изумленная до крайности.

— Да; — какъ на жену. Я не причисляю себя къ тѣмъ слабодушнымъ созданіямъ, которыми кокетки могутъ играть, и которыхъ онѣ, впослѣдствіи, бросаютъ. Вы хотѣли забыть о томъ, что происходило между нами въ Спа; Калиста хотѣла забыть Евгенія; но я не позволю вамъ забыть меня. Вы хотѣли играть моимъ сердцемъ, не правда ли? Нѣтъ, Гонорія; сердце мое, разъ пробужденное, не перестанетъ биться до послѣдней минуты моей жизни. Я люблю васъ... любилъ также страстно, какъ теперь и тогда, когда страсть моя была безнадежна, — а теперь, когда представляется возможность овладѣть вами, неужели вы думаете, что я отдамъ васъ другому? Жестокая Калиста! вы еще мало знаете силу вашихъ прелестей, если полагаете, что вліяніе ихъ легко изгладить, — вы еще мало знаете постоянство моего чистаго и благороднаго сердца, если думаете, что, полюбивъ однажды, оно не станетъ любить васъ вѣчно. Нѣтъ! Клянусь вашей жестокостью, что я отмщу за нее, — клянусь удивительной вашей красотой, что я овладѣю ею. Милая, очаровательная, вѣроломная, жестокая женщина! клянусь, вы будете моею! Ваше богатство велико, но развѣ во мнѣ нѣтъ на столько благородства, чтобъ достойнымъ образомъ пользоваться имъ? — Ваше званіе высоко, но не выше моего честолюбія! Вы хотѣли отдаться холодному и бездушному обольстителю, Гонорія, — отдайтесь же лучше человѣку, который еще болѣе возвыситъ высокое ваше достоинство и докажетъ, что онъ достоинъ вашего выбора.

Говоря изумленной лэди въ этомъ тонѣ, я пристально смотрѣлъ на нее, впивался въ нее моимъ взглядомъ, видѣлъ, какъ лицо ея измѣнялось отъ боязни и удивленія, видѣлъ, что похвалы мои ея прелестямъ и выраженія моей страсти были для нея пріятны, и съ торжествующимъ спокойствіемъ замѣчалъ господ-

ствованіе, которое пріобрѣталъ надъ ней. Ужасъ служитъ не маловажнымъ признакомъ любви. Тотъ, кто хочетъ насильно овладѣть сердцемъ слабой и своенравной женщины, ничѣмъ не долженъ пренебрегать.

— Ужасный человѣкъ! сказала лэди Линдонъ, отступивъ отъ меня, лишь только я кончилъ свою рѣчь: — оставьте меня.

Я видѣлъ, что слова мои произвели на нее нѣкоторое впечатлѣніе. «Если завтра, подумалъ я, она приметъ меня, то будетъ моею.»

Спустившись съ лѣстницы, я вложилъ въ руку швейцара десять гиней, и такимъ щедрымъ подаркомъ изумилъ его.

— Это за то, что ты отворилъ мнѣ дверь, сказалъ я: — тебѣ придется часто отворять ее.

ГЛАВА XVI.

Я помогаю моимъ родственникамъ и достигаю высоты моего (призрачнаго) счастія.

На другой день опасенія мои оправдались: дверь дома лэди Линдонъ для меня не отворилась, милэди не было дома. Я зналъ, что это ложь, потому что цѣлое утро сторожилъ эту дверь изъ квартиры, которую нанялъ въ противоположномъ домѣ.

— Ваша лэди не выѣзжала сегодня, сказалъ я швейцару. Она велѣла отказать мнѣ, и, разумѣется, я не могу силой ворваться въ ея домъ. Но, послушай: вѣдь ты англичанинъ?

— Конечно, отвѣчалъ швейцаръ съ величайшей важностью. Вы можете замѣтить это по моему акценту.

Я замѣтилъ это; и, потому, могъ предложить ему взятку. Оборванный лакей—ирландецъ, хотя бы ему не платили жалованья, швырнулъ бы этой взяткой въ лицо предлагавшаго ее.

— Послушай же, сказалъ я: — письма лэди Линдонъ проходятъ чрезъ твои руки, — не правда ли? Крону за каждое, если ты доставишь мнѣ возможность прочитать. Въ сосѣдней улицѣ есть пивная лавочка, приноси ихъ туда, когда захочешь выпить, и спроси тамъ Дермота.»—Я не защищаю обыкновенія въ жизни частныхъ людей вскрывать письма; это можно допустить только въ крайнихъ случаяхъ. Письмамъ лэди Линдонъ, чрезъ ихъ вскрытіе, ничего худаго не дѣлалось, за то почерпаемыя мною

..дѣнія изъ многочисленныхъ ея посланій доставляли мнѣ возмо..сть короче познакомиться съ разнообразными чертами ея ха..ктера и пріобрѣсть надъ ней власть, воспользоваться которою я ..замедлилъ. Съ помощію этихъ писемъ и моего англичанина—..га, котораго я всегда угощалъ лучшимъ портеромъ и дѣлалъ ..приличные денежные подарки (для встрѣчи съ нимъ я обык..ненно надѣвалъ ливрею и рыжій парикъ, подъ прикрытіемъ ..торыхъ невозможно было узнать блистательнаго и элегантна.. Редмонда Барри), мнѣ до такой степени извѣстны были всѣ ..мѣренія вдовы, что она изумлялась. Я зналъ заранѣе, въ ..кое публичное собраніе предполагала миледи явиться; пра..да, по случаю траура, это удовольствіе было для нея весьма ограниченно, — но являлась ли она въ церковь, или въ паркъ, я всегда былъ готовъ къ ея услугамъ и предлагалъ ей или молитвенникъ, или скакалъ верхомъ подлѣ ея кареты, смотря по мѣсту встрѣчи.

Многія изъ писемъ миледи наполнены были причудами и странностями. Это была женщина, которая пріобрѣтала и бросала такое множество друзей и притомъ такъ скоро, что я еще не видывалъ подобной ей.—Нѣкоторымъ изъ подругъ она писала о моей недостойной особѣ. Къ безпредѣльному моему удовольствію я узналъ наконецъ, что она начинала страшиться меня, называла меня своимъ мрачнымъ геніемъ, свирѣпымъ обожателемъ, и тысячами другихъ названій, обличавшихъ ея чрезмѣрный страхъ и безпокойство. Она говорила: «негодяй скакалъ опять подлѣ кареты моей по всему парку», или «злой геній мой провожалъ меня до церкви», или «мой безотвязный поклонникъ подалъ мнѣ руку при выходѣ изъ кареты у моднаго магазина» и пр. пр. Я старался усилить въ ней чувство этой боязни и убѣдить ее, что я такой человѣкъ, избѣгнуть котораго не было никакой возможности.

На этотъ конецъ, я подкупилъ ворожею, къ которой она, подобно многимъ другимъ безразсуднымъ и съ тѣмъ вмѣстѣ замѣчательнымъ женщинъ въ Дублинѣ, обратилась, чтобы узнать свою будущность, и которая, несмотря на то, что миледи явилась къ ней въ платьѣ своей горничной, узнала ея званіе, и описала портретъ ея суженаго по чертамъ лица ея безотвязнаго поклонника Редмонда Барри, эсквайра; это обстоятельство сильно ее встревожило. Она писала о немъ своимъ подругамъ въ выраженіяхъ недоумѣнія и ужаса. «Неужели это чудовище и въ самомъ дѣлѣ

выполнить то, чѣмъ хвалится, и подчинить мою судьбу своей волѣ?—неужели онъ женится на мнѣ, которая ненавидитъ его отъ глубины сердца? неужели заставитъ меня упасть къ его ногамъ?—Страшный взглядъ его черныхъ, змѣиныхъ глазъ, преслѣдуетъ меня и страшитъ; мнѣ кажется, онъ преслѣдуетъ меня повсюду; даже въ то время, когда я засыпаю, его страшный взглядъ проницаетъ мои вежды, и останавливается на мнѣ пристально и неподвижно.»

Когда женщина начинаетъ отзываться о мужчинѣ въ этомъ родѣ, то онъ чистѣйшій глупецъ, если не съумѣетъ овладѣть ею;—съ моей стороны, я преслѣдовалъ ее повсюду, принималъ величественную позу и, говоря ея словами, «очаровывалъ ее моимъ взглядомъ.» Лордъ Джоржъ Пойнингсъ, ея прежній поклонникъ, не выходилъ еще изъ комнаты и, повидимому, положилъ отказаться отъ всѣхъ правъ на ея благосклонное вниманіе: онъ отказывалъ ей отъ дому, не отвѣчалъ на ея посланія, и извинялся запрещеніемъ доктора принимать посѣтителей и писать письма. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ удалялся на задній планъ, я выдвигался впередъ, и старался, чтобъ никто изъ соперниковъ не мѣшалъ моимъ дѣйствіямъ. Лишь только являлся новый поклонникъ лэди Линдонъ, я заводилъ съ нимъ ссору и чрезъ это шпага моя имѣла еще двѣ жертвы, кромѣ лорда Пойнингса. Предлогомъ къ ссорѣ мнѣ не служило вниманіе лэди Линдонъ, такъ что дуэли наши не подавали ни малѣйшаго повода къ скандалу, отъ котораго страдало бы достоинство милэди;—но она очень хорошо знала дѣйствительную причину этихъ дуэлей. Молодые люди въ Дублинѣ начали догадываться, что богатую наслѣдницу охранялъ какой-то драконъ, и что, прежде, чѣмъ овладѣть ея богатствами, должно уничтожить это чудовище. Послѣ трехъ жертвъ, не многіе осмѣливались ухаживать за милэди, и я часто смѣялся про себя надъ молодыми дублинскими франтами, которые разсыпалися во всѣ стороны отъ кареты милэди, завидѣвъ моего гнѣдаго коня и зеленую ливрею моихъ лакеевъ.

Я хотѣлъ произвесть на лэди Линдонъ впечатлѣніе замѣчательнымъ и страшнымъ примѣромъ моего могущества, и на этотъ конецъ рѣшился облагодѣтельствовать добраго моего кузена Уликка. Я рѣшился похитить для него прелестный предметъ его нѣжной страсти, миссъ Кильджой, увезть ее изъ подъ самыхъ глазъ опекунши и подруги, лэди Линдонъ, оторвать отъ

братьевъ, которые проводили сезонъ въ Лондонѣ и хвастались десятью тысячами фунтовъ стерлинговъ, принадлежавшихъ ихъ сестрицѣ. Мистеръ Брэди нравился дѣвушкѣ; это обстоятельство только доказываетъ, какъ молодушны бываютъ нѣкоторые мужчины, и какія трудности можетъ преодолѣть иногда свѣтлый умъ, — трудности, на взглядъ умовъ обыкновенныхъ, непреодолимыя. Мистеру Брэди и въ голову не приходило увезть свою невѣсту, тогда какъ я сдѣлалъ это съ-разу и смѣло. Миссъ Кильджой, до совершеннолѣтія, находилась подъ опекой Верховнаго Суда (до этого періода, трудно было бы и мнѣ осуществить задуманный планъ); теперь, хотя она и могла по своей волѣ вытти за мужъ за кого угодно, но она, боязливое созданіе, страшилась своихъ братьевъ и родственниковъ, несмотря на то, что была отъ нихъ совершенно независима. Они имѣли въ виду своего пріятеля, и съ пренебреженіемъ отвергли предложеніе Уликка Брэди, раззореннаго джентльмена, совершенно недостойнаго, по ихъ деревенскимъ понятіямъ, руки такой богатой невѣсты, какъ ихъ сестра.

Увидѣвъ себя одинокою въ огромномъ домѣ въ Дублинѣ, графиня Линдонъ пригласила подругу свою, миссъ Амелію, провести съ ней въ Дублинѣ сезонъ, и, въ припадкѣ материнской нѣжности, послала въ тоже время за сыномъ, и за моимъ старымъ знакомымъ, гувернеромъ лорда Буллингдона, мистеромъ Рунтомъ. Фамильная карета привезла изъ замка Линдонъ молодую наслѣдницу, молодаго лорда и его гувернера, и я ждалъ только перваго случая привести мой планъ въ исполненіе.

Случая этого мнѣ не пришлось долго ждать. Въ предшествовавшей главѣ, я уже сказывалъ, что въ мое время въ Ирландіи существовали шайки бандитовъ, подъ различными названіями и подъ управленіемъ различныхъ атамановъ; они убивали сборщиковъ податей, жгли риги, уводили рогатый скотъ, и прибрали къ рукамъ своимъ будто бы законную власть. Одна изъ этихъ шаекъ, а можетъ статься, и многія, хорошенько не знаю, находились подъ командой таинственной особы, капитана Тундера, который, повидимому, принялъ на себя обязанность сочетать бракомъ молодыхъ людей безъ ихъ собственнаго согласія, или безъ согласія ихъ родителей. — «Дублинскія газеты» и «Меркурій» того времени (1772 г) изобиловали прокламаціями ирландскаго намѣстника, въ которыхъ предлагались награды за поим-

ку ужаснаго капитана Тундера и его шайки и описывались различные подвиги этого дикаго помощника Гименея. Я рѣшился воспользоваться, если не услугами, то, по крайней мѣрѣ, именемъ капитана Тундера, и доставить Уликку возможность овладѣть своей невѣстой и ея десятью тысячами фунтовъ. Она не была большая красавица; да и то сказать, Уликку не столько нравилась она, сколько ея деньги.

По случаю вдовства, лэди Линдонъ не могла еще посѣщать баловъ и раутовъ, которые гостепріимное дворянство Дублина имѣло обыкновеніе давать довольно часто; — подруга же ея, миссъ Кильджой, не имѣла ни какой причины къ уединенію, и съ радостію принимала всѣ приглашенія. Я подарилъ Уликку превосходную бархатную пару платья, и, по вліянію своему, доставлялъ ему доступъ въ самыя элегантныя собранія. Но онъ не имѣлъ ни моихъ достоинствъ, ни опытности въ свѣтскомъ обращеніи и манерахъ; въ обращеніи съ дамами, онъ былъ пугливъ, какъ молодой жеребецъ, и танцовалъ менуетъ неразвязнѣе медвѣдя. Въ свѣтскомъ отношеніи онъ очень мало выигрывалъ въ сердцѣ своей невѣсты. Я замѣчалъ, что она предпочитала ему другихъ молодыхъ людей, болѣе любезныхъ; но Уликкъ первый произвелъ на нее впечатлѣніе, и первый пробудилъ въ ней чувство любви, въ домѣ ея отца, въ Болликильджоѣ, гдѣ обыкновенно ѣздилъ на охоту съ старыми джентльменами и принималъ участіе въ ихъ попойкахъ.

— Да, говорилъ Уликкъ съ тяжелымъ вздохомъ: — еслибъ вмѣсто танцевъ были конскія скачки и разливалось вино, то въ цѣлой Ирландіи не нашлось бы человѣка, болѣе меня достойнаго руки Амеліи.

— Не отчаявайся, Уликкъ, отвѣчалъ я:—ты получишь свою Амелію; это вѣрнѣе того, что меня зовутъ Редмондомъ Барри.

Милордъ Шарльмонъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ и блистательнѣйшихъ побльменовъ въ Ирландіи, замѣчательный умомъ и остроуміемъ, джентльменъ, много путешествовавшій за границей, гдѣ я имѣлъ честь познакомиться съ нимъ, давалъ великолѣпный маскарадъ въ своей виллѣ Марино, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Дублина, по Донберійской дорогѣ. При этомъ-то маскарадѣ я и рѣшился осчастливить Уликка на всю его жизнь. Миссъ Кильджой тоже получила приглашеніе, вмѣстѣ съ маленькимъ Буллингдономъ, съ нетерпѣніемъ желавшимъ видѣть великолѣпный маскарадъ. Положено было, что они пріѣдутъ на балъ

подъ присмотромъ гувернера, моего стараго друга, мистера Рунта. Я узналъ, какого рода будетъ экипажъ, въ которомъ пріѣдутъ молодые люди и, сообразно съ этими свѣдѣніями, принялъ надлежащія мѣры.

Уликкъ Брэди не былъ приглашенъ; — его состояніе и положеніе въ обществѣ были слишкомъ недостаточны, чтобъ доставить участіе въ такомъ блистательномъ собраніи, и къ тому же я, еще за три дня до бала, распустилъ молву, что за долги его взяли подъ арестъ: молва эта нисколько не показалась удивительною для тѣхъ, кто его зналъ.

Въ тотъ вечеръ я принялъ на себя знакомую мнѣ роль. Къ костюму прусскаго солдата я надѣлъ смѣшную маску съ громаднымъ носомъ и усами, говорилъ на ломанномъ англійскомъ языкѣ, въ которомъ преобладалъ нѣмецкій выговоръ. Окружавшая меня толпа отъ души смѣялась надъ моими выходками: мои приключенія въ службѣ прусскаго короля возбуждали любопытство въ весьма многихъ. Миссъ Кильджой была въ костюмѣ принцессы древнихъ временъ; маленькій Буллингдонъ одѣтъ былъ пажомъ временъ рыцарства, его волосы были напудрены; въ колетѣ изъ малиноваго бархата, съ серебрянымъ шитьемъ, и при шпагѣ, которую я подарилъ ему, онъ казался статнымъ и прекраснымъ юношей. Что касается до мистера Рунта, то онъ преважно расхаживалъ въ домино, безпрестанно заглядывалъ въ буфетъ, ѣлъ холодную дичь, и запивалъ ее пуншемъ и шампанскимъ.

Наконецъ пріѣхалъ намѣстникъ Ирландіи и балъ открылся, балъ великолѣпный во всѣхъ отношеніяхъ. Миссъ Кильджой не имѣла недостатка въ кавалерахъ, въ числѣ нихъ былъ и вашъ покорнѣйшій слуга. Я протанцовалъ съ ней менуэтъ, и, пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ, высказалъ страсть свою къ милэди Линдонъ, и просилъ подругу ея принять участіе въ моемъ положеніи.

Было уже три часа за полночь, когда интересныя для насъ особы собрались уѣхать. Маленькій Линдонъ давно уже спалъ въ одномъ изъ кабинетовъ лэди Шарльмонъ. Мистеръ Рунтъ говорилъ чрезвычайно хриплымъ голосомъ, и былъ не очень твердъ на ногахъ. Молодая лэди нынѣшняго времени ужаснулась бы, увидѣвъ джентльмена въ такомъ состояніи; но въ счастливую, веселую старину, это было явленіемъ весьма обыкновеннымъ; въ ту пору, молодой джентльменъ считался за молокососа, если не

напивался пьянымъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Я, съ многими другими джентльменами, проводилъ миссъ Кильджой до кареты, и, протолкавшись сквозь толпу факельщиковъ, кучеровъ, нищихъ, пьяныхъ мужчинъ и женщинъ, постоянно сбиравшихся къ дверямъ знатныхъ особъ, во время баловъ, увидѣлъ, какъ карета лэди Линдонъ тронулась съ мѣста, сопровождаемая громкимъ «ура!» со стороны черни, и немедленно воротился въ столовую, гдѣ говорилъ по нѣмецки, угощалъ виномъ любителей вина, и дѣлалъ нападенія на блюда съ величайшей рѣшимостью.

— Скажите, пожалуйста, какъ вы можете пить вино съ такимъ чудовищнымъ носомъ? сказалъ одинъ джентльменъ.

— Убирайтесь къ чорту! отвѣчалъ я, по нѣмецки, обращаясь снова къ бутылкѣ; при этомъ всѣ расхохотались и я, молча, продолжалъ мой ужинъ.

Въ числѣ джентльменовъ, провожавшихъ карету лэди Линдонъ, былъ одинъ, съ которымъ я держалъ пари и проигралъ его; на другой день я заѣхалъ къ нему и расплатился. Читателю покажется страннымъ, что я описываю такія мелочи; но дѣло въ томъ, что, проводивъ карету лэди Линдонъ, — въ столовую воротился не *я*, а мой лакей Фрицъ, который имѣлъ одинъ со мной ростъ, такъ что въ маскѣ и моемъ костюмѣ его нельзя было не принять за меня. Мы перемѣнились платьями въ наемной каретѣ, которая помчалась вслѣдъ за экипажемъ лэди Линдонъ и очень быстро настигла его.

Экипажъ, въ которомъ находился предметъ любви Уликка Брэди, отъѣхалъ не весьма далеко, какъ вдругъ, среди глубокихъ рытвинъ въ дорогѣ, получилъ сильный толчокъ. Лакей, соскочивъ съ запятокъ, крикнулъ кучеру остановиться, сказалъ ему, что соскочило колесо, и что продолжать дорогу на трехъ колесахъ будетъ опасно. Въ ту пору еще не были въ употребленіи колесныя втулки; а какимъ образомъ чека выскочила изъ оси, я не умѣю сказать; весьма вѣроятно, ее вытащилъ кто нибудь изъ негодяевъ, толпившихся у подъѣзда лорда Шарлемона.

Миссъ Кильджой высунулась изъ окна, и, какъ слабое существо, начала кричать и плакать; мистеръ Рунтъ проснулся, и снова заснулъ; маленькій Буллингдонъ вскочилъ на ноги и, обнаживъ маленькую шпагу, говорилъ: «не бойтесь, миссъ Амелія: если здѣсь есть разбойники, то я вооруженъ».

Молодой повѣса имѣлъ львиную неустрашимость; въ этомъ я долженъ отдать ему полную справедливость, несмотря на всѣ мои ссоры съ нимъ.

Въ это время подъѣхала наемная карета. Извощикъ, замѣтивъ бѣдственное положеніе экипажа лэди Линдонъ, спустился съ козелъ, и весьма учтиво предложилъ молоденькой лэди занять его карету, чистую и удобную, какая можетъ понравиться самой разборчивой особѣ. Предложеніе это, послѣ минутной нерѣшимости, было принято: извощикъ обѣщалъ доставить новыхъ пассажировъ въ Дублинъ «немедленно». Тади, лакей, вызвался проводить молодаго лорда и молодую лэди; а извощикъ, у котораго на козлахъ сидѣлъ пьяный пріятель, съ усмѣшкой попросилъ Тади встать на запятки. Но такъ какъ запятки покрыты были острыми спицами, для отстраненія уличныхъ мальчишекъ, которые любятъ прокатиться даромъ, то, несмотря на всю свою преданность, Тади не рѣшился занять предлагаемое мѣсто и долженъ былъ остаться при увѣчной каретѣ, для которой, съ помощью кучера, выдѣлалъ чеку изъ сосѣдняго забора.

Между тѣмъ, хотя извощикъ и гналъ лошадей, но его пассажирамъ казалось, что приближеніе къ Дублину совершалось весьма медленно; и можете представить себѣ изумленіе миссъ Кильджой, когда, выглянувъ изъ окна, она увидѣла вокругъ себя обширную равнину безъ малѣйшихъ признаковъ зданій или города. Она стала кричать извощику, чтобъ тотъ остановился, но, чѣмъ громче кричала она, тѣмъ шибче извощикъ погонялъ лошадь, и, упрашивая милэди успокоиться, представлялъ, въ свое оправданіе, что сбился съ дороги и сдѣлалъ маленькій кругъ.

Миссъ Кильджой продолжала кричать, но извощикъ погонялъ лошадей; лошади неслись во весь опоръ, какъ вдругъ изъ-за забора показались трое мужчинъ, у которыхъ прекрасная миссъ стала просить помощи, а молодой Буллингдонъ, открывъ дверцы кареты, сдѣлалъ отважный прыжокъ, перевернулся вверхъ ногами, но тотчасъ же оправился, обнажилъ свою шпагу, и, бросившись къ каретѣ, воскликнулъ:

— Сюда, джентльмены! остановите этого бездѣльника!

— Стой! вскричали мужчины.

При этомъ восклицаніи извощикъ осадилъ лошадей. Рунтъ все еще дремалъ въ каретѣ въ полупьяномъ видѣ, и только въ половину сознавалъ то, что вокругъ него происходило.

Появившіеся защитники женскаго отчаянія начали держать совѣщаніе, въ которомъ безпрестанно взглядывали на молодаго лорда и отъ души хохотали.

— Не бойтесь, миледи, сказалъ одинъ изъ нихъ, подходя къ дверцамъ кареты: — одинъ изъ насъ сядетъ на козлы подлѣ этого негодяя, а я и мой товарищъ, съ вашего позволенія, войдемъ въ карету и доставимъ васъ домой. Мы всѣ хорошо вооружены и, въ случаѣ опасности, можемъ защищаться.

Вмѣстѣ съ этимъ, и, безъ дальнѣйшихъ объясненій, незнакомецъ вскочилъ въ карету, за нимъ послѣдовалъ его товарищъ.

— Знай свое мѣсто, невѣжда! съ негодованіемъ воскликнулъ маленькій Буллингдонъ: — дай мѣсто лорду виконту Буллингдону!

Сказавъ это, онъ всталъ впереди громадной фигуры новаго пришельца, который только что хотѣлъ войти въ карету.

— Посторонитесь, милордъ, сказалъ незнакомецъ грубымъ голосомъ, и оттолкнулъ его въ сторону.

— Воры! разбойники! вскричалъ Буллингдонъ, и, снова обнаживъ свою шпагу, бросился на незнакомца, и ранилъ бы его (потому что маленькая шпага ранитъ также, какъ и большая), но его противникъ, вооруженный длинной тростью, выбилъ оружіе изъ руки милорда. Шпага перелетѣла черезъ голову и милордъ остался на мѣстѣ изумленный и взбѣшенный.

Громадный незнакомецъ снялъ шляпу, сдѣлалъ его сіятельству низкій поклонъ и вошелъ въ карету, дверцы которой были захлопнуты за нимъ его сообщникомъ, занявшимъ мѣсто на козлахъ. Миссъ Кильджой хотѣла было кричать, но крики ея были прерваны видомъ огромнаго пистолета, которымъ вооруженъ былъ одинъ изъ ея защитниковъ.

— Съ вами ничего дурнаго не намѣрены сдѣлать, сказалъ онъ: — въ настоящее время мы требуемъ отъ васъ одного молчанія.

И миссъ Кильджой сдѣлалась безмолвною, какъ рыба.

Всѣ эти событія совершились въ одну минуту, и когда трое незнакомцевъ овладѣли каретой, когда бѣдный маленькій Буллингдонъ остался на открытомъ полѣ въ величайшемъ недоумѣніи и замѣшательствѣ, одинъ изъ нихъ высунулъ голову и сказалъ:

— Милордъ, позвольте вамъ сказать нѣсколько словъ?

— Что такое? сказалъ мальчикъ, начиная плакать.

Ему было всего одиннадцать лѣтъ; и до этой минуты онъ превосходно поддерживалъ присутствіе духа.

— Вы всего въ двухъ миляхъ отъ Марино. Идите назадъ все прямо до большаго камня подлѣ дороги; тутъ вы повернете на право и опять идите прямо до большой дороги; тамъ уже не трудно будетъ добраться до мѣста. Когда увидите милэди, вашу мама, то засвидѣтельствуйте ей почтеніе отъ *капитана Тундера* и скажите, что миссъ Амелія Кильджой отправилась вѣнчаться.

— Ахъ, Боже мой! вскрикнула миссъ Кильджой.

Карета покатила, и бѣдный маленькій нобльменъ остался одинъ одинешенекъ на пустомъ открытомъ пространствѣ. Утро только что занималось. Онъ былъ страшно испуганъ, и не удивительно. Онъ хотѣлъ было бѣжать за каретой, но его храбрость и маленькія ножки измѣняли ему; по этому онъ сѣлъ на камень и отъ досады заплакалъ.

Въ этомъ родѣ Уликкъ Брэди сыгралъ свадьбу, которую я не иначе могу назвать, какъ подражаніемъ похищенію сабинянокъ. Когда онъ остановился съ своими двумя грумами въ предварительно приготовленномъ коттеджѣ, гдѣ должно было совершиться бракосочетаніе, мистеръ Рунтъ отказался было совершить этотъ обрядъ. Но пистолетъ, приставленный къ головѣ несчастнаго наставника, и сопровождаемое ужасными клятвами обѣщаніе размозжить ему голову, принудили его согласиться. Прекрасной Амеліи, вѣроятно, тоже были сдѣланы увѣщанія подобнаго рода, но объ этомъ я ничего не знаю; знаю только, что я отправился домой въ той же наемной каретѣ, лишь только кончился обрядъ бракосочетанія, и съ удовольствіемъ узналъ, что Фрицъ еще до моего пріѣзда воротился домой, оставивъ маскарадъ, не будучи узнаннымъ, и исполнивъ въ точности всѣ мои приказанія.

Бѣдный Рунтъ воротился на другой день въ самомъ жалкомъ положеніи, сохраняя глубокое молчаніе о событіяхъ минувшаго вечера. Онъ разсказалъ печальную исторію о томъ, что былъ пьянъ, что разбойники связали его и оставили на дорогѣ, и что мызникъ, ѣхавшій въ Дублинъ съ провизіей, сжалился надъ его безпомощнымъ состояніемъ и посадилъ на телѣгу. Судя по его словамъ, невозможно было и подумать, что онъ участвовалъ въ заговорѣ. Маленькій Буллингдонъ тоже добрался до дому, ни мало не подозрѣвая во мнѣ похитителя миссъ Кильд-

жой. Но лэди Линдонъ догадалась, что я былъ главнымъ участникомъ въ этомъ дѣлѣ; я встрѣтилъ миледи на другой же день: она опрометью мчала въ свой зàмокъ. Весь городъ находился въ страшномъ волненіи. При встрѣчѣ съ ея сіятельствомъ, я поклонился ей съ такой демонской улыбкой, что она должна была отгадать мое участіе въ отважномъ и мастерски устроенномъ предпріятіи.

Такимъ образомъ я успѣлъ отплатить Уликку Брэди за его добродушіе ко мнѣ въ дни моей юности, и имѣлъ удовольствіе возстановить разстроенное состояніе благородной отрасли моей фамиліи. Уликкъ увезъ молодую жену въ Викло, гдѣ жилъ въ самомъ строгомъ уединеніи, пока родные миссъ Кильджой не прекратили тщетныхъ усилій открыть мѣсто его убѣжища. Они даже нѣкоторое время совершенно не знали, кто былъ счастливецъ, похитившій богатую наслѣдницу; не знали до тѣхъ поръ, пока молодая не написала, недѣль шесть спустя послѣ брака, письма, съ подписью «Амелія Брэди». Въ этомъ письмѣ она выражала совершенное счастіе, которое испытывала въ новомъ своемъ положеніи, и объявила, что ее обвѣнчалъ капелланъ лэди Линдонъ, мистеръ Рунтъ. Истина открылась, и почтенный мой другъ долженъ былъ признаться во всемъ. Такъ какъ его добродушная госпожа не отказала ему отъ мѣста за такой поступокъ, то всѣ полагали, что бѣдная лэди Линдонъ сама участвовала въ этомъ заговорѣ; и молва о страстной любви ея сіятельства ко мнѣ съ каждымъ днемъ становилась болѣе и болѣе вѣроятною.

Само собою разумѣется, я съ своей стороны употреблялъ всѣ позволительныя средства къ распространенію благопріятныхъ для меня слуховъ. Всѣ полагали, что я принималъ участіе въ женитьбѣ Брэди, но никто этого не могъ доказать. Всѣ полагали, что я находился въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ вдовствующей графиней, но никто не могъ сослаться на меня, что самъ я сознавался въ этомъ. Я обыкновенно шутилъ и смѣялся такъ кстати, что меня начали поздравлять съ скорымъ обогащеніемъ, и смотрѣть на меня, какъ на нареченнаго мужа женщины, богатѣйшей во всей Ирландіи. Наконецъ и газеты подхватили эту молву; знакомые лэди Линдонъ и ея подруги увѣщевали ее покинуть свое намѣреніе относительно брака со мною. Даже англійскіе журналы и газеты, отличавшіеся въ то время особеннымъ злословіемъ, заговорили объ этомъ предметѣ, и распустили вѣсть, что прекрасная и образованная вдова, съ титу-

домъ и огромнѣйшими помѣстьями въ Ирландіи и Англіи, намѣрена отдать свою руку молодому джентльмену, хорошаго происхожденія, отличившемуся въ службѣ его величества короля прусскаго. Не хочу говорить, кто былъ авторомъ этихъ объявленій, и какимъ образомъ два портрета, одинъ моей особы съ надписью «прусскій ирландецъ», а другой — лэди Линдонъ съ надписью «графиня Эфесская», появились въ журналѣ Town and Country Magazine, издававшемся въ Лондонѣ, и заключавшемъ въ себѣ всѣ новости, относившіяся до большаго свѣта.

Лэди Линдонъ до такой степени была смущена и устрашена этимъ преслѣдованіемъ, что рѣшилась оставить отечество. И она дѣйствительно оставила его. Но какъ вы думаете, кто первый встрѣтилъ ее въ Голигэдѣ? — Разумѣется, вашъ покорнѣйшій слуга, Редмондъ Барри, эсквайръ. Къ довершенію всего, «Дублинскій Меркурій», сообщившій объ отъѣздѣ милэди, сообщилъ и о моемъ, но только *днемъ раньше*. Въ Дублинѣ не было ни одного человѣка, который бы не думалъ, что лэди Линдонъ послѣдовала за мной въ Англію, между тѣмъ какъ она только бѣжала отъ меня. Тщетная надежда! — отъ человѣка съ моей рѣшимостью убѣжать не легко. Еслибъ она отправилась къ антиподамъ, я бы и тамъ встрѣтилъ ее первымъ: я бы послѣдовалъ за ней даже въ Аидъ, какъ Орфей послѣдовалъ за Эвридикой!

Ея сіятельство имѣла въ Лондонѣ, на Берклей-скверѣ, домъ, великолѣпнѣе дублинскаго, и, я, зная заранѣе, что она остановится въ немъ, поѣхалъ впередъ, и нанялъ хорошенькую квартиру въ улицѣ Гилль, подлѣ самого дома милэди. Въ Лондонѣ я получалъ всѣ свѣдѣнія изъ ея дома, тѣмъ же путемъ, какъ и въ Дублинѣ. Тотъ же самый вѣрный швейцаръ доставлялъ мнѣ всѣ необходимыя извѣстія. Я обѣщалъ утроить его жалованье, какъ только совершится желаемое событіе. Подаркомъ ста гиней, и обѣщаніемъ двухъ тысячъ, когда женюсь, я привлекъ на свою сторону компаньонку лэди Линдонъ; и тѣмъ же самымъ способомъ пріобрѣлъ расположеніе ея любимой горничной. Моя репутація такъ быстро предшествовала мнѣ, что, по пріѣздѣ въ Лондонъ, множество замѣчательныхъ особъ большаго свѣта нетерпѣливо желали видѣть меня на ихъ раутахъ. Въ скучномъ нынѣшнемъ вѣкѣ, мы не имѣемъ ни малѣйшей идеи о томъ, какимъ веселымъ и великолѣпнымъ городомъ былъ Лондонъ въ ту пору; — какая страсть къ игрѣ существовала тогда между молодыми и старыми, между мужчинами и женщинами; какія тысячи

выигрывались и проигрывались втеченіе вечера; какія красавицы жили въ то время — блистательныя, веселыя, очаровательныя! Съ любовію предавались всѣ удовольствіямъ. Герцоги глостерскій и кумберлэндскій подавали примѣръ; аристократія неуклонно слѣдовала этому примѣру. Увезти хорошенькую женщину и обвѣнчаться съ ней было тогда въ модѣ... да! счастливое было время! и счастливъ былъ тотъ, кто имѣлъ огонь и молодость, и деньги, и возможность жить въ то время! У меня все это было; и старые посѣтители клубовъ Вайта, Ватьера и Густри могутъ разсказать цѣлыя исторіи о благородствѣ, великодушіи и великосвѣтскости капитана Барри.

Впрочемъ, подробности любовной исторіи кажутся скучными всѣмъ, кромѣ участвовавшихъ въ ней, и потому я оставляю темы подобнаго рода писателямъ романовъ, и молоденькимъ пансіонеркамъ, для которыхъ романы пишутся. Я не имѣю намѣренія слѣдить съ точностью за всѣми мелочами моего преслѣдованія лэди Линдонъ, или разсказывать всѣ затрудненія, съ которыми мнѣ предстояло бороться, и наконецъ подробности моего торжества при одержаніи надъ ними побѣды. Достаточнымъ считаю сказать, что я преодолѣлъ всѣ эти затрудненія. Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ моего даровитаго друга, покойнаго мистера Вилькса, что для предпріимчиваго человѣка не существуетъ затрудненій, и что отъ него зависитъ обратить равнодушіе и даже отвращеніе въ горячую любовь, если только онъ въ достаточной степени обладаетъ предусмотрительностью и терпѣніемъ. Съ теченіемъ времени миновалъ срокъ траура графини, и я нашелъ средство быть принятымъ въ ея домѣ. Я заставилъ приближенныхъ къ ней лицъ говорить въ мою пользу, превозносить мои качества, напоминать какъ можно чаще о моемъ поведеніи, и хвалить мои успѣхи и громкую репутацію въ фешёнебельномъ свѣтѣ. Моими лучшими помощниками къ достиженію цѣли были родственники графини, которые вовсе не подозрѣвали услуги, которую оказывали мнѣ. Я приношу имъ искреннюю благодарность за порицанія, которыми они обременяли меня въ то время, и въ тоже время изъявляю чистосердечное презрѣніе за клевету и ненависть, направленныя противъ меня впослѣдствіи.

Главнѣйшею изъ этихъ особъ была маркиза Типтоффъ, мать молодаго джентльмена, смѣлость котораго была наказана мною. Эта старая вѣдьма, въ первые дни пріѣзда графини Линдонъ въ Лондонъ, явилась къ ней и осыпала ее такимъ градомъ упрековъ

относительно меня, что ускорила ходъ моего дѣла на столько, на сколько не могли бы сдѣлать шесть мѣсяцевъ моего ревностнаго ухаживанья, втеченіе которыхъ я успѣлъ бы проколоть не менѣе шести соперниковъ. Тщетно бѣдная лэди Линдонъ старалась доказать свою совершенную невинность, тщетно приводила въ свидѣтели Небо, что никогда не поощряла моего искательства ея руки.

— Никогда не поощряли его! восклицала старая фурія: — не вы ли подавали этому негодяю надежды въ Спа, еще при жизни сэра Чарльза? Не вы ли выдали миссъ Кильджой за одного изъ нищихъ кузеновъ этого развратнаго человѣка? Когда онъ отправился въ Англію, не вы ли бросились за нимъ, какъ съумасшедшая, на другой же день? Не онъ ли нанялъ квартиру подлѣ самыхъ дверей вашего дома? — и вы это не называете поощреніемъ! Стыдитесь, милэди, стыдитесь! Вы бы могли вытти за моего сына, — за моего милаго и благороднаго Джоржа; но сынъ не хотѣлъ мѣшать развитію вашей позорной страсти къ нищему выскочкѣ, которому вы приказали убить несчастнаго Джоржа. Единственный совѣтъ, который я могу вамъ подать, заключается въ слѣдующемъ: вы должны узаконить бракомъ вашу преступную связь съ этимъ наглымъ, безстыднымъ авантюристомъ, и избавить вашихъ родныхъ и вашего сына отъ позора, который падаетъ на нихъ чрезъ вашъ настоящій образъ жизни.

Сказавъ это, старая фурія убѣжала изъ дому, оставивъ лэди Линдонъ въ слезахъ. Всѣ подробности этого разговора мнѣ сообщила компаньонка милэди, и предсказывала прекрасныя его послѣдствія.

Такимъ образомъ, чрезъ мудрое вліяніе милэди Типтоффъ, близкіе родные и друзья графини Линдонъ стали избѣгать ея общества. Мало того, когда лэди Линдонъ явилась ко Двору, августѣйшая Лэди приняла ее съ такой замѣтной холодностью, что несчастная вдова, пріѣхавъ домой, слегла въ постель отъ огорченія. Да; даже сама королева сдѣлалась нѣкоторымъ образомъ агентомъ къ ускоренію моей женитьбы, и къ исполненію плановъ бѣднаго ирландскаго солдата. Судьба сама посылаетъ къ устройству нашихъ дѣлъ посредниковъ великихъ и малыхъ, сильныхъ и слабыхъ; чрезъ этихъ посредниковъ, на которыхъ мы не имѣемъ никакого вліянія, совершаются предопредѣленія судьбы.

Поведеніе мистриссъ Бриджетъ (любимой горничной графини Линдонъ) я всегда буду считать умнымъ до совершенства. Я имѣлъ такое мнѣніе о ея дипломатическихъ способностяхъ, что въ тотъ самый день, какъ сдѣлался полнымъ господиномъ Линдонскихъ помѣстій, и заплатилъ ей обѣщанную сумму (какъ человѣкъ благородный, а тѣмъ болѣе, чтобъ сдержать свое слово, данное женщинѣ, я занялъ деньги у евреевъ за огромные проценты), — лишь только, говорю я, цѣль моя была достигнута, я взялъ мистриссъ Бриджетъ за руку и сказалъ:

— Сударыня, вы оказали такую безпримѣрную преданность въ моемъ дѣлѣ, что вмѣняю себѣ въ особенное удовольствіе наградить васъ, согласно моему обѣщанію; вмѣстѣ съ тѣмъ, вы представили доказательства столь необыкновеннаго ума и оборотливости, что я долгомъ считаю удалить васъ изъ дома лэди Линдонъ, и попросить васъ оставить его не позже сегодня.

Она исполнила это, присоединилась къ партіи маркизы Типтоффъ, и, разумѣется, относилась обо мнѣ весьма невыгодно.

Я долженъ, однако же, разсказать вамъ, въ чемъ заключалось полезнѣйшее проявленіе ея тонкаго ума. Когда лэди Линдонъ оплакивала свою судьбу и мое, какъ ей угодно было называть, безсовѣстное обхожденіе съ ней, мистриссъ Бриджетъ сказала.

— Почему вы, ваше сіятельство, не напишете нѣсколько словъ этому молодому джентльмену о горести, которую онъ вамъ причиняетъ? Обратитесь къ его чувствамъ (я слышала, что онъ очень добрый человѣкъ, весь городъ говоритъ о его благородствѣ и великодушіи), и попросите его оставить преслѣдованіе, которое служитъ вамъ источникомъ несчастія. Пожалуйста, милэди, напишите: я знаю, вы пишете такъ превосходно и трогательно, что съ своей стороны я много разъ заливалась слезами, читая ваши очаровательныя письма, и повѣрьте, мистеръ Барри пожертвуетъ всѣмъ, лишь бы только успокоить ваши чувства.

— Ты такъ думаешь, Бриджетъ? сказала милэди.

И ея сіятельство написала мнѣ плѣнительное письмецо слѣдующаго содержанія:

«Скажите, сэръ, зачѣмъ вы преслѣдуете меня? зачѣмъ вы опутываете меня паутиной интриги до того страшной, что я падаю духомъ, не видя возможности, не имѣя надежды избавиться отъ вашей чудовищной, демонской хитрости? Гово-

рятъ, что вы поступаете великодушно съ другими, будьте же великодушны и ко мнѣ. Я знаю вашу храбрость слишкомъ хорошо; показывайте же ее мужчинамъ, которые могутъ встрѣтиться съ вашей шпагой, но не слабой женщинѣ, которая не въ силахъ вамъ сопротивляться. Вспомните дружбу, которую нѣкогда оказывали мнѣ. И теперь я прошу, я умоляю васъ, доказать ее. Опровергните всю клевету, которую вы распространили на мой счетъ, и устраните, если только это можно, и если въ васъ осталась еще хоть искра благородства, бѣдствія, которыя вы надѣлали сокрушенной сердцемъ

Г. Линдонъ».

Не долженъ ли я былъ отвѣчать на это письмо? Моя драгоцѣнная союзница сказала мнѣ, гдѣ легче всего встрѣтить лэди Линдонъ. Я послушалъ совѣта, и засталъ ее въ Пантеонѣ. Я напомнилъ ей событія въ Дублинѣ, и доказалъ ей, какъ далеко простиралось мое могущество, доказалъ, что, несмотря на скромное мое положеніе въ обществѣ, моя энергія не ослабѣвала.

— Но, прибавилъ я: — я столько же способенъ дѣлать добро, сколько и зло; я могу быть такимъ же любящимъ и преданнымъ другомъ, какъ и грознымъ врагомъ. Я готовъ сдѣлать все, что вы отъ меня потребуете, кромѣ запрещенія любить васъ. Это не въ моей власти; и пока бьется мое сердце, я не покину васъ. Моя участь должна быть вашей участью. Перестаньте бороться съ судьбой, и будьте моею. Прелестнѣйшая изъ женщинъ, только съ жизнью моей можетъ охладѣть любовь моя къ вамъ! Я готовъ даже умереть, повинуясь вашему приказанію. Но неужели вы захотите моей смерти?

Лэди Линдонъ засмѣялась (она имѣла милый и веселый характеръ) и сказала, что вовсе не желаетъ, чтобъ я сдѣлался самоубійцей. Съ этой минуты я былъ увѣренъ, что она будетъ принадлежать мнѣ.

Спустя годъ послѣ этой встрѣчи, и именно 15 мая 1773 года, я имѣлъ честь и счастіе вести къ брачному алтарю Гонорію графиню Линдонъ, вдову покойнаго сэра Чарльза Линдона, кавалера ордена Бани. Обрядъ бракосочетанія былъ совершенъ высокопочтеннѣйшимъ Самуэлемъ Рунтомъ, капелланомъ ея сіятельства.—Въ нашемъ домѣ на Берклей-скверѣ былъ данъ великолѣпный балъ съ ужиномъ; на другое утро явились поздравлять меня герцогъ, четыре графа, три генерала и сотни другихъ замѣчательнѣйшихъ особъ въ Лондонѣ. Вальполь написалъ нас-

квиль на нашу свадьбу, а Сельвинъ говорилъ ѣдкія остроты въ клубѣ Кокосоваго дерева. Старая лэди Типтоффъ, хотя и совѣтовала лэди Линдонъ обвѣнчаться, но отъ досады была готова откусать себѣ пальцы; а что касается до молодаго Буллингдона, изъ котораго выросъ высокій четырнадцати-лѣтній юноша, то когда графиня предложила ему обнять своего папа, онъ погрозилъ мнѣ кулакомъ и сказалъ:

— *Онъ* мнѣ отецъ! Да я скорѣе назову своимъ папа одного изъ лакеевъ вашего сіятельства.

Но я привыкъ уже смѣяться надъ гнѣвомъ этого мальчика и старухи, его тетки, и надъ шутками остроумцевъ Сентъ-Джемскаго клуба. Я послалъ матушкѣ и дядѣ радостное извѣстіе о нашемъ бракѣ, и теперь, достигнувъ высоты благоденствія и, на тридцатомъ году жизни, съ помощію моихъ талантовъ и энергіи, возвысивъ себя до одного изъ высочайшихъ положеній въ обществѣ, я рѣшился наслаждаться своимъ счастіемъ до конца моей жизни.

Послѣ поздравленія со стороны нашихъ лондонскихъ друзей, я и Гонорія отправились посѣтить наши помѣстья на западѣ Англіи, гдѣ я никогда еще не былъ. Мы выѣхали изъ Лондона въ трехъ каретахъ. Мой дядя съ удовольствіемъ могъ бы увидѣть на дверцахъ этихъ каретъ ирландскую корону и подъ ней древній гербъ Барри, подлѣ благороднаго герба благородной фамиліи Линдонъ.

Еще до выѣзда изъ Лондона, я получилъ милостивое позволеніе его величества присоединить имя моей возлюбленной супруги къ моему имени и съ той поры всегда называю себя *Барри Линдонъ*, какъ назвалъ себя и въ заглавіи этой автобіографіи.

ГЛАВА XVII.

Я СТАНОВЛЮСЬ УКРАШЕНІЕМЪ АНГЛІЙСКАГО ОБЩЕСТВА.

Весь путь до зàмка Хактонъ, громаднѣйшаго и стариннѣйшаго изъ загородныхъ зданій въ Девоншэйрѣ, мы совершили медленно и степенно, какъ слѣдуетъ людямъ высшаго сословія въ государствѣ. Ѣздовой въ моей ливреѣ скакалъ отъ города къ другому, и заказывалъ для насъ удобное помѣщеніе. Такимъ образомъ мы останавливались въ Андоверѣ, Ильминстерѣ и Эк-

стерѣ, — и на четвертый вечеръ пріѣхали, къ ужину, въ баронскій зáмокъ, надъ готическими воротами котораго мистеръ Вальполь посмѣялся бы отъ чистаго сердца.

Первые дни супружества обыкновенно сопровождаются нѣкоторыми испытаніями и пожертвованіями съ той или другой стороны. Я знавалъ четы, которыя втеченіе медоваго мѣсяца только что не царапали глаза другъ другу и; потомъ, жили до конца своей жизни какъ нѣжные голуби. Этой общей участи не избѣгнулъ и я. Во время поѣздки нашей на западъ, лэди Линдонъ неоднократно ссорилась со мной, собственно изъ-за того, что я набивалъ трубку и выкуривалъ ее въ каретѣ (привычки этой, усвоенной въ Германіи, я никогда не могъ оставить); кромѣ того, ея сіятельство изволила сердиться на меня въ Ильминстерѣ и Андоверѣ за то, что я приглашалъ содержателей гостинницъ, въ которыхъ мы останавливались, распить со мной бутылку вина. Лэди Линдонъ была женщина надменная, а я ненавижу гордость, и, могу васъ увѣрить, успѣлъ уничтожить въ ней этотъ порокъ. На третій день нашего пути, она уже собственноручно раскуривала трубку мою, и подавала мнѣ ее со слезами па глазахъ; въ Экстерѣ, въ гостинницѣ Лебедь, я до такой степени подчинилъ ее себѣ, что она смиренно спросила: не угодно ли мнѣ, чтобъ содержатель гостинницы обѣдалъ у насъ вмѣстѣ съ женой? Отказаться отъ такого предложенія мнѣ бы не слѣдовало, потому что мистриссъ Баннифэйсъ была весьма миловидная женщина; но такъ какъ мы ожидали визита отъ милорда епископа, родственника лэди Линдонъ, то приличіе не позволяло исполнить такое милое желаніе моей жены. Чтобъ засвидѣтельствовать почтеніе нашему высокопочтеннѣйшему кузену, я отправился съ миледи Линдонъ къ вечернѣ, гдѣ она пожертвовала двадцать-пять, а я сто гиней, на новый органъ, устроиваемый для собора. Это пожертвованіе, при самомъ началѣ нашей поѣздки, доставило мнѣ значительную популярность; мѣстный каноникъ, раздѣливъ со мной вечернюю трапезу, послѣ шестой бутылки, отправился домой, весьма несвязно выражая желанія всякаго благополучія такому набожному джентльмену.

По дорогѣ къ зáмку Хактонъ, намъ предстояло проѣхать миль десять по нашему помѣстью. На всемъ этомъ протяженіи, вездѣ встрѣчали насъ жители, вездѣ звонили въ колокола; фермеры въ лучшихъ своихъ платьяхъ выходили на дорогу; ребя-

тишки и рабочій классъ народа провожалъ насъ громкими «ура!» Я бросалъ пригоршни денегъ послѣднимъ; останавливался поздороваться и поговорить съ пасторомъ и фермерами, и если находилъ, что миловиднѣе девонширскихъ дѣвушекъ нѣтъ въ королевствѣ, то полагаю, что въ этомъ меня никто не обвинитъ. Это замѣчаніе въ особенности не нравилось лэди Линдонъ; и, мнѣ кажется, она гораздо болѣе сердилась на меня за мое восхищеніе красными щечками миссъ Бетси Кваррингдонъ, изъ Клюмтона, чѣмъ за всѣ грубыя слова и поступки при началѣ нашего путешествія. «Такъ вы ревнивы, сударыня! Этого я не подозрѣвалъ!» подумалъ я, и вспомнилъ, не безъ глубокаго сожалѣнія, какъ легкомысленно поступала лэди Линдонъ при жизни своего перваго мужа, и при этомъ сдѣлалъ заключеніе, что тѣ женщины особенно ревнивы, которыя сами подаютъ поводъ ревновать ихъ.

Пріемъ въ селеніи Хактонъ отличался необычайнымъ радушіемъ и веселіемъ. Изъ Плимута нарочно былъ привезенъ хоръ музыкантовъ; передъ въѣздомъ въ селеніе сооружены были тріумфальныя ворота; вездѣ развѣвались разноцвѣтные флаги, особливо передъ домами адвоката и доктора, которые оба получали отъ насъ содержаніе. У караульнаго дома, примыкавшаго къ парку, собрались сотни народа. Отъ этого дома, почти на три мили тянется, или, вѣрнѣе, тянулась аллея изъ благородныхъ тополей до самыхъ башенъ стариннаго за́мка. Въ 1779 году, вырубая эту аллею, я отъ души сожалѣлъ, что она была тополевая, а не дубовая: тогда она сто́ила бы втрое дороже. Не могу постичь ничѣмъ неоправдываемую безпечность нашихъ предковъ, разводившихъ въ помѣстьяхъ своихъ деревья, неимѣющія никакой цѣнности, тогда какъ вмѣсто ихъ они могли бы развести дубовые лѣса. Я всегда говорилъ, что роялистъ Линдонъ Хактонъ, посадившій эти тополи во времена Карла II, отнялъ у меня десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Первые дни послѣ нашего пріѣзда проведены были въ пріемахъ сосѣднихъ помѣщиковъ, приносившихъ поздравленіе новобрачной четѣ, и, какъ говорится въ сказкѣ о Синей Бородѣ, въ осмотрѣ сокровищъ, мебели и безчисленнаго множества комнатъ. Сооруженіе этого громаднаго зданія относится къ временамъ Генриха V. Во время революціи, приверженцы Кромвелля осаждали его и частію разгромили; но Линдонъ возобновилъ его въ старинномъ вкусѣ, предоставивъ дѣлать въ немъ измѣненія

послѣ своей смерти, брату своему, человѣку превосходныхъ правилъ и истинному роялисту, но погубившему себя чрезъ пьянство, игру и развратную жизнь. Зàмокъ окруженъ былъ живописной мѣстностью. Не могу не признаться, что я испытывалъ безпредѣльное удовольствіе, когда въ лѣтніе вечера сидѣлъ въ такъ называемой дубовой комнатѣ съ открытыми окнами, окруженный со всѣхъ сторонъ блескомъ серебра и золота, которыми отягчены были буфеты, среди дюжины весельчаковъ за круглымъ столомъ; когда смотрѣлъ изъ окна на широко-раскинувшійся паркъ, и на колеблющіяся деревья, любовался захожденіемъ солнца надъ озеромъ, и слушалъ перекличку оленей, гулявшихъ въ паркѣ на свободѣ.

Наружность зàмка, когда я прибылъ въ него, представляла собою странное соединеніе всѣхъ родовъ архитектуры. Тутъ были башни феодальныхъ временъ, шпили временъ королевы Елисаветы, грубыя задѣлки въ стѣнахъ, обличавшія вредъ, нанесенный пушками Кромвелля; но я не считаю за нужное входить въ подробности этого описанія, потому что вскорѣ послѣ пріѣзда зданіе приняло совсѣмъ другой видъ; я передѣлалъ его по образцу новѣйшей архитектуры, сохранивъ, впрочемъ, въ фасадѣ французско-греческій и классическій стиль. Тутъ были рвы, подъемные мосты и внѣшнія стѣны; все это я сравнялъ и обратилъ въ террасы и цвѣтники по планамъ мсьё Корнишона, знаменитѣйшаго парижскаго архитектора, который нарочно былъ мною выписанъ въ Англію.

Поднявшись на площадку террасы, вы входили въ античный залъ обширныхъ размѣровъ, отдѣланный чернымъ рѣзнымъ дубомъ и украшенный портретами нашихъ предковъ, съ различными принадлежностями — отъ окладистой бороды Брукъ Линдона, знаменитаго адвоката временъ Елисаветы, до роскошной шали и такихъ же локоновъ лэди Захаризы Линдонъ, портретъ съ которой писалъ Ванднкъ въ то время, когда она состояла фрейлиной при королевѣ Генріеттѣ-Маріи, и, наконецъ, до сэръ Чарльза Линдона, съ его лентой ордена Бани; — въ числѣ прочихъ находился и портретъ моей супруги, работы Гудсона,—въ бѣломъ атласномъ платьѣ и фамильныхъ брильянтахъ,—въ томъ самомъ нарядѣ, въ которомъ представлялась она старому королю Георгу III. Эти брильянты были, по истинѣ, отличные. Въ первый разъ заложилъ я ихъ Бэмеру, когда мы представлялись вмѣстѣ съ женой ихъ величествамъ въ Версалѣ, и наконецъ пріобрѣлъ

за нихъ еще восьмнадцать тысячъ, послѣ адскаго несчастія въ клубѣ Густри, когда Джемми Твитчеръ (такъ называли мы лорда Сандвича), Карлэйль и Чарли Фоксъ играли въ ломберъ втеченіе сорока четырехъ часовъ, sans desemparer. Луки и копья, оленьи головы огромныхъ размѣровъ, охотничьи снаряды и оружія, ржавые приборы стариннаго вооруженія, составлявшіе принадлежность оруженосцевъ, быть можетъ, въ дни великаго Могола, служили украшеніемъ этого огромнаго апартамента, и были развѣшаны около камина, въ которомъ безъ всякаго затрудненія могла бы завернуться карета въ шестерню. Въ этомъ покоѣ я по возможности старался соблюсти условіе античности; и навѣрное соблюлъ бы его, еслибъ старинное вооруженіе совершенно случайнымъ образомъ не было отправлено въ кладовыя, и замѣнено уродливыми фигурками изъ китайскаго фарфора и мраморными статуями, у которыхъ отбитые носы и руки, придававшія имъ особенное безобразіе, неоспоримо доказывали древнее ихъ происхожденіе, и которыя были куплены для меня агентомъ моимъ въ Римѣ. Но ужь таковъ былъ вкусъ тогдашняго времени (а, можетъ быть, и мошенничество моего агента), что тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, отданныхъ за эти драгоцѣнныя произведенія искусства, пошли за триста гиней, когда встрѣтилась необходимость продать всю коллекцію.

Отъ этого, такъ сказать главнаго, зала по ту и другую сторону тянулся длинный рядъ парадныхъ комнатъ, меблированныхъ стульями съ высокими спинками, и длинными, страннаго размѣра венеціанскими зеркалами; но впослѣдствіи я передѣлалъ ихъ, украсивъ стѣны золотистой ліонской камкой, и великолѣпными гобеленовыми шпалерами, которыя выигралъ отъ Ришелье. Тутъ было тридцать шесть спаленъ; изъ нихъ я оставилъ въ прежнемъ видѣ только три: комнату, посѣщаемую призраками, гдѣ въ царствованіе Іакова II совершено было убійство, спальню, въ которой спалъ Вильгельмъ, по вступленіи на берегъ въ Торбэ, и парадную комнату королевы Елисаветы. Всѣ прочіе апартаменты были отдѣланы Корнишюномъ въ самомъ модномъ вкусѣ, къ немалому соблазну степенныхъ старыхъ вдовъ, потому собственно, что въ главныхъ комнатахъ я приказалъ повѣсить картины Буше и Ванло, въ которыхъ купидоны и венеры изображены были такъ натурально, что старая графиня Фрумпингтонъ закуталась въ занавѣси, и услала дочь свою, лэди Бланшь Вэйльбонъ, спать вмѣстѣ съ горничной, не позволивъ

ей ни минуты оставаться въ зеркальной комнатѣ, устроенной по образцу такой же комнаты въ Версали.

За многія изъ этихъ украшеній я не столько подлежу отвѣтственности, сколько Корнишонъ, котораго уступилъ мнѣ Лорже, и который управлялъ всѣми работами по перестройкѣ замка, во время моего отсутствія. Я далъ ему полную свободу дѣйствовать по своему усмотрѣнію, и когда во время перестройки старой капеллы въ театрѣ, онъ упалъ и сломилъ себѣ ногу, то всѣ сосѣди приписывали такое несчастіе наказанію Неба. Въ ревностномъ порывѣ къ улучшеніямъ и нововведеніямъ, онъ дѣйствовалъ весьма рѣшительно и смѣло. Безъ моего приказанія онъ вырубилъ старинную рощу, вершины которой покрыты были гнѣздами грачей, которая считалась у мѣстныхъ жителей священною, и съ которой соединилось предсказаніе, что вмѣстѣ съ паденіемъ ея, падетъ и Хактонъ-Голль. Грачи улетѣли и поселились въ рощахъ Тинтоффа, на мѣстѣ же вырубленной рощи Корнишонъ построилъ храмъ Венерѣ, и окружилъ его прекрасными фонтанами. Венеры и купидоны служили этому негодяю источниками вдохновенія. Онъ хотѣлъ было снять старинное готическое украшеніе надъ нашимъ сидѣньемъ въ церкви, и вмѣсто его налѣпить купидоновъ, но старый докторъ Гуффъ, ректоръ церкви, явился къ архитектору съ большой дубовой тростью, и обратился къ нему съ рѣчью на латинскомъ языкѣ, изъ которой Корнишонъ понялъ только одно, что если онъ коснется хоть пальцемъ до священнаго зданія, то этой же тростью ему будутъ переломаны всѣ кости. Корнишонъ жаловался мнѣ на «аббата Гуффа» такъ называлъ онъ его (et quel abbé, grand Dieu! присовокуплялъ онъ, въ страшномъ недоумѣніи, un abbé avec douze enfans!); несмотря, однакоже, на всѣ его доводы, я приказалъ оставить церковь въ покоѣ, и примѣнять свои способности и таланты только къ однѣмъ передѣлкамъ въ замкѣ.

Въ замкѣ находился великолѣпный сервизъ изъ стариннаго серебра, которому я придалъ болѣе роскошный видъ, согласно съ требованіями новѣйшаго времени; былъ погребъ, хотя и хорошо наполненный, но требовавшій постояннаго пополненія, и наконецъ кухня, которую я тоже преобразовалъ во всѣхъ отношеніяхъ. Другъ мой, Джэкъ Вильксъ, прислалъ мнѣ повара изъ собственнаго своего отеля, для англійской стряпни — по части приготовленія черепахи и дичи; кромѣ того, у меня былъ главный поваръ съ двумя поваренками, изъ Парижа, и итальянскій

конфектчикъ, которые вмѣстѣ составляли то, что̀ я называю officiers de bouche. Всѣ эти необходимыя принадлежности моднаго человѣка, отвратительный, грязный, старый Типтоффъ выставлялъ на видъ съ какимъ-то ужасомъ, и распускалъ по всему околотку молву, что кушанья для меня стряпали паписты, что любимое блюдо мое приготовляютъ изъ лягушекъ, и что я, въ чемъ онъ совершенно былъ увѣренъ, приказывалъ дѣлать фрикассе изъ мяса маленькихъ дѣтей.

Несмотря на то, сквайры съ усердіемъ уничтожали мои обѣды, и самъ докторъ Гуффъ принужденъ былъ допустить, что мои дичь и черепаха были отличнѣйшаго свойства. Первыхъ джентльменовъ я зналъ какъ привлечь на свою сторону и привязать къ себѣ. Во всемъ округѣ существовала только одна свора гончихъ собакъ на краснаго звѣря, и нѣсколько шелудивыхъ псовъ — на зайцевъ, съ которыми старый Типтоффъ рыскалъ по полямъ; я же выстроилъ псарню и конюшни, которыя стоили тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и наполнилъ ихъ собаками, такъ что заведеніе подобнаго рода сдѣлало бы честь моимъ предкамъ, ирландскимъ королямъ. У меня были двѣ стаи гончихъ, и во время сезона псовой охоты, я отправлялся въ отъѣзжія поля четыре раза въ недѣлю, съ тремя джентльменами, въ моей охотничьей формѣ, и открывалъ домъ мой въ Хактонѣ для всѣхъ любителей охоты.

Всѣ эти передѣлки и этотъ образъ жизни требовали, въ чемъ вы можете сами согласиться, не малыхъ издержекъ; и, признаюсь, не въ моемъ характерѣ было соблюдать экономію, которою многіе такъ восхищаются. Напримѣръ, старый Типтоффъ копилъ себѣ деньги, чтобъ поправить расточительность своего отца и очистить отъ долговъ свои помѣстья; большую часть денегъ, назначенныхъ на улучшеніе моихъ имѣній, агентъ мой занималъ у старика, съ большими процентами. Надобно сказать, что я могъ пользоваться достояніемъ лэди Линдонъ только втеченіе жизни ея; по врожденному характеру, я не любилъ затрудняться въ сдѣлкахъ съ ростовщиками и щедро платилъ за застрахованіе жизни миледи Линдонъ.

Къ концу перваго года моей супружеской жизни, лэди Линдонъ подарила меня сыномъ; я назвалъ его Брайанъ Линдонъ, въ честь моего царственнаго предка; да и то сказать, могъ ли я оставить ему что нибудь болѣе, кромѣ благороднаго имени? Все наслѣдство лэди Линдонъ принадлежало отвратитель-

нему маленькому турку, лорду Буллингдону, который мимоходомъ сказать, хотя и жилъ въ Хактонѣ, но былъ порученъ новому гувернеру. Непокорность этого мальчика была ужасна. Онъ читалъ своей матери цѣлыя тирады изъ «Гамлета», и этимъ чтеніемъ приводилъ ее въ бѣшенство. Однажды, когда я взялъ бичъ, чтобы проучить его, онъ схватилъ ножъ и хотѣлъ было вонзить его въ меня; но при этомъ, я вспомнилъ мою собственную юность, которая имѣла съ его юностью чрезвычайное сходство; протянувъ ему руку, я расхохотался и предложилъ быть на будущее время друзьями. На этотъ разъ мы примирились и поддерживали доброе согласіе на долгое время; но искренней привязанности другъ къ другу между нами не существовало, и его ненависть ко мнѣ, повидимому, росла вмѣстѣ съ его лѣтами.

Я рѣшился, однакожь, оставить сыну моему хотя небольшое состояніе, и съ этою цѣлію въ йоркшэйрскихъ и ирландскихъ помѣстьяхъ лэди Линдонъ я вырубилъ на двѣнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ строеваго лѣсу. Разумѣется, опекунъ Буллингдона, Типтоффъ, не замедлилъ прокричать на весь округъ, что я не имѣлъ права дотронуться ни до одного прутика въ этихъ лѣсахъ; но я продолжалъ рубить ихъ, вырубилъ, и въ заключеніе поручилъ моей матери откупить старинныя земли Баллибарри и Баррійога, составлявшія нѣкогда обширнѣйшія владѣнія нашей фамиліи. Она купила ихъ съ неподражаемымъ благоразуміемъ и чрезвычайной радостью: ея сердце торжествовало при одной мысли, что у меня родился преемникъ моего имени, и что я обладаю несмѣтными богатствами.

Говоря по чистой совѣсти, я съ своей стороны боялся за нее, теперь, когда жилъ совсѣмъ не въ той сферѣ, въ которой она привыкла обращаться; я боялся, что она явится ко мнѣ съ визитомъ и изумитъ моихъ англійскихъ друзей своими грубыми манерами, своими румяными щеками, своими фижмами и фалбалами, — словомъ, своимъ нарядомъ временъ Георга II, въ которомъ она красовалась въ молодости, и который, по ея мнѣнію, все еще оставался самымъ моднымъ. Поэтому я писалъ ей, стараясь отсрочить визитъ на неопредѣленное время: я просилъ ее посѣтить насъ, когда отстроится лѣвое крыло зàмка, или конюшни, или что нибудь другое. Впрочемъ, въ предосторожности подобнаго рода не настояло особенной надобности.

«Для меня, Редмондъ, довольно одного намека — писала старушка. — Я не прiѣду стѣснять тебя въ кругу твоихъ знатныхъ англiйскихъ друзей, своими старомодными ирландскими привычками. Я ужь и то считаю за особенное благословенiе Неба, что милый сынъ мой занялъ въ обществѣ мѣсто, которое, по всей справедливости, принадлежало ему, и для занятiя котораго я старалась дать ему воспитанiе, часто отказывая себѣ въ предметахъ первѣйшей необходимости. Пожалуйста, привези ко мнѣ когда нибудь маленькаго Брайана, и доставь бабушкѣ удовольствiе поцаловать его. Засвидѣтельствуй мое почтенiе ея сiятельству, матери этого малютки. Скажи ей, что она прiобрѣла сокровище въ своемъ мужѣ,—сокровище, котораго не нашла бы даже и тогда, еслибъ вышла замужъ за герцога; скажи, что Брэди, хотя и не имѣютъ громкихъ титуловъ, за то въ жилахъ ихъ течетъ благороднѣйшая кровь. Я не буду спокойна, пока не увижу тебя графомъ Баллибарри, а внука моего виконтомъ Баррiйогскимъ.»

Замѣчательно, что однѣ и тѣ же идеи занимали умъ какъ мой, такъ и умъ моей матери. Даже самые титулы, которые она назначала мнѣ и моему сыну, были выбраны (что, впрочемъ, весьма естественно) мною; и я, не краснѣя, признаюсь, что измаралъ нѣсколько листовъ бумаги, подписываясь именами Баллибарри и Баррийога, и рѣшился, съ обычной пылкостью достичь своей цѣли. Матушка моя переѣхала на время въ Баллибарри до сооруженiя удобнаго зданiя въ помѣстьѣ, и писала письма «изъ замка Баллибарри», которому я приписывалъ не маловажную значительность. Въ кабинетѣ моемъ, какъ въ Хактонѣ, такъ и въ Беркелей-скверѣ, у меня постоянно были подъ рукой планы распространенiя и возвышенiя зàмка Баллибарри, съ проэктированными улучшенiями, въ которыхъ размѣры его равнялись размѣрамъ Виндзорскаго зàмка, съ весьма значительною прибавкою въ архитектурныхъ орнаментахъ. Я прикупилъ восемьсотъ акровъ сосѣдняго болота, по три фунта стерлинговъ за акръ, и такимъ образомъ помѣстье мое казалось на картѣ весьма значительнымъ (*). Въ томъ же году я распорядился купить Пульвеллань

(*) Чтобы вполнѣ упрочить за собою это имѣнiе и доказать, что на немъ не лежитъ долговъ, мистеръ Барри Линдонъ въ 1786 году занялъ 17,000 фунтовъ стерлинговъ отъ капитана Пиджона, сына богатаго негоцiанта, только что получившаго наслѣдство отъ батюшки. Что касается до помѣстья и копей Полвеллянъ, «источника нескончаемой тяжбы», надобно сказать, что герой нашъ дѣйствительно купилъ ихъ, но вмѣсто договорной суммы заплатилъ толь-

и копи каменнаго угля отъ сэра Джона Трекотинка въ Корнваллисѣ, за 70,000 фунтовъ стерлинговъ—покупка въ высшей степени неблагоразумная, послужившая впослѣдствіи источникомъ нескончаемой тяжбы. Хлопоты по имѣнію, мошенничество управляющихъ и агентовъ, крючкотворство адвокатовъ и судей, были безпрерывны и невыносимы. Часто и часто въ дни моего благополучія, я вздыхалъ о минувшихъ дняхъ скромной моей жизни, и завидовалъ моимъ собесѣдникамъ, которые, если и носили порядочное платье, то потому, что я доставлялъ имъ къ этому возможность, если и имѣли при себѣ гинею, то непремѣнно изъ моего кармана; но никто изъ нихъ не зналъ ни заботъ, ни отвѣтственности, — этихъ неизбѣжныхъ спутниковъ людей высокаго званія и большаго состоянія.

Въ Ирландіи я сдѣлалъ болѣе, чѣмъ можно ожидать отъ человѣка, который долженъ былъ явиться и принять во владѣніе свое помѣстье: я щедро наградилъ всѣхъ, кто были добры и внимательны ко мнѣ во время моего злополучія, и занялъ почетное мѣсто въ кругу тамошней аристократіи. Но, говоря по совѣсти, я не могъ остаться тамъ на долгое время, отвѣдавъ уже болѣе благородныя и утонченныя удовольствія англійской и континентальной жизни. Пока отстроивался замокъ Хактонъ и приводился въ новѣйшій и изящный видъ, я и моя жена проводили лѣтнее время въ Букстонѣ, Батѣ и Гаррогэтѣ, на остальную часть года переѣзжали въ Лондонъ и жили въ Беркелей-скверѣ.

Удивительно, какъ обладаніе богатствомъ развиваетъ добродѣтели человѣка; оно дѣйствуетъ на нихъ какъ лакъ или лоскъ, и обнаруживаетъ ихъ блескъ и цвѣтъ, совершенно неизвѣстные человѣку въ то время, когда онъ находился въ холодной, мрачной атмосферѣ нищеты. Увѣряю васъ, прошло весьма немного времени, со времени моей женитьбы, и я сдѣлался славнымъ малымъ перваго разряда; произвелъ сильное впечатлѣніе въ кофейныхъ домахъ въ Пилль-Моллѣ, а впослѣдствіи и въ знаменитѣйшихъ клубахъ. Образъ моей жизни, мои экипажи и изящные пиры были на устахъ каждаго и описывались во всѣхъ утреннихъ газетахъ. Бѣдные родственники лэди Линдонъ, оскорбленные невыносимою надменностью стараго Типтоффа, начали являться на

› 5,000 фунтовъ стерлинговъ. Отсюда-то и беретъ начало «источникъ нескончаемой тяжбы», на который онъ жалуется, отсюда же и знаменитый искъ Трекотинка на Линдонѣ», въ которомъ знаменитый адвокатъ мистеръ Джонъ дѣлъ отличиться превосходнѣйшимъ образомъ.

Примѣчаніе издателя «Записокъ».

наши рауты и ассамблеи; а что касается до моихъ родственниковъ, то я находилъ ихъ въ Лондонѣ, какъ и въ Ирландіи, болѣе, чѣмъ воображалъ; особенно кузеновъ, съ притязаніями на родство со мною. Между ними, разумѣется, были уроженцы моего отечества (которое я не очень-то жаловалъ); я получилъ визиты отъ трехъ или четырехъ хвастливыхъ, оборванныхъ, съ обшмыганными галунами и типперарійскимъ выговоромъ студентовъ, пробивавшихъ себѣ путь въ сонмъ лондонскихъ адвокатовъ; получилъ визиты отъ нѣкоторыхъ игроковъ-авантюристовъ, съ которыми встрѣчался въ приморскихъ городахъ, и которымъ я очень скоро указалъ надлежащее ихъ мѣсто; получилъ визиты отъ другихъ, болѣе извѣстныхъ лицъ. Между прочимъ, отъ кузена моего, лорда Кильбарри, который, по причинѣ родства, занялъ у меня тридцать гиней на расплату съ хозяйкой дома, и котораго я, по своимъ собственнымъ причинамъ, позволялъ себѣ поддерживать и вѣрить нашей родственной связи, на которую Королевская Герольдія не даровала никакого права. Кильбарри имѣлъ приборъ за моимъ столомъ; игралъ въ карты, платилъ деньги когда вздумается, что случалось, впрочемъ, очень рѣдко; сблизился съ моимъ портнымъ, задолжалъ ему значительную сумму и повсюду хвалился кузеномъ своимъ, знаменитымъ Барри Линдономъ.

Миледи и я жили нѣкоторое время раздѣльно. Она предпочитала спокойствіе, или, говоря по правдѣ, предпочиталъ его я, какъ любитель скромнаго, спокойнаго поведеніе въ женщинѣ и домашнихъ удовольствій. Для развлеченія я совѣтовалъ ей обѣдать дома съ капелланомъ и немногими ея друзьями; отъ времени до времени дозволялъ тремъ-четыремъ порядочнымъ и скромнымъ особамъ провожать ее въ оперу или театръ и отклонялъ частые визиты со стороны ея друзей и родственниковъ, предпочитая принимать ихъ только два или три раза во время сезона въ нарочно назначенные для того парадные пріемные дни. Къ тому же, она была мать; одѣвать, воспитывать и баловать нашего маленькаго Брайана было для нея величайшимъ удовольствіемъ; для него она должна была отказаться отъ удовольствій свѣта, предоставивъ мнѣ исполнять долгъ, требуемый отъ каждаго благороднаго семейства. Надобно сказать правду, лэди Линдонъ при своей наружности не могла уже производить пріятнаго впечатлѣнія въ модномъ свѣтѣ. Она сильно растолстѣла, сдѣлалась близорука, блѣдна, небреж-

на къ одеждѣ, неразвязна въ обращеніи; ея разговоръ со мной отличался нелѣпымъ отчаяніемъ или глупымъ усиліемъ казаться веселой; чрезъ это бесѣды наши были весьма непродолжительны и, притомъ, самого пустаго содержанія; мое желаніе вывозить ее въ свѣтъ или проводить время въ ея обществѣ — чрезвычайно уменьшились. Дома она терзала мой характеръ тысячами способовъ. Когда я требовалъ (что случалось часто и довольно настойчиво) занять общество разговоромъ, остроуміемъ, ученою бесѣдою или музыкой, она начинала плакать и оставляла гостиную. Черезъ это обстоятельство меня считали тираномъ, тогда какъ я былъ только строгимъ и заботливымъ мужемъ этой глупой, своенравной и слабодушной женщины.

Къ счастію, она нѣжно любила младшаго сына. Чрезъ него я имѣлъ на нее благотворное вліяніе. Каждый разъ, когда являлись у нея капризы или возвращались припадки надменности (эта женщина была невыразимо горда, и съ самого начала неоднократно осмѣливалась упрекать меня моей нищетою и низкимъ происхожденіемъ), — каждый разъ, говорю я, когда въ нашихъ диспутахъ она намѣревалась взять верхъ надо мною, показать свою власть, отказаться отъ подписанія такихъ документовъ, какіе, по моему мнѣнію, необходимы были для упроченія нашего огромнаго и сложнаго состоянія, я увозилъ мистера Брайана дня на два въ Чизвикъ; послѣ этого милэди не могла уже сопротивляться и соглашалась на всѣ мои предложенія. Я озаботился, чтобы слуги, окружавшіе ее, были на моемъ жалованьѣ; особливо главная нянюшка при Брайанѣ находилась въ полномъ моемъ распоряженіи. Хорошенькая, румяненькая и бойкая женщина была эта нянюшка; она нерѣдко заставляла меня дѣлаться величайшимъ глупцомъ. Эта женщина, можно сказать, была госпожею въ домѣ, которымъ владѣла милэди. Она предписывала законы слугамъ; и если я оказывалъ особенное вниманіе какой нибудь лэди, посѣщавшей насъ, эта плутовка, не задумываясь, выражала свою ревность и находила средства удалять ихъ. Всѣмъ извѣстно, что нѣкоторыя женщины одарены удивительнымъ умѣньемъ воспользоваться великодушіемъ человѣка и сдѣлать изъ него глупца; такъ точно и эта женщина имѣла на меня такое вліяніе, что могла вертѣть меня вокругъ пальца (*)

(*) По этимъ любопытнымъ признаніямъ не трудно заключить, что мистеръ Линдонъ обходился съ женой своей весьма дурно; что онъ убѣгалъ ея общества, заставлялъ подписывать документы къ ущербу ея состоянія, моталъ ея

Ея адскій характеръ (имя этой нянюшки было мистриссъ Стаммеръ) и мрачное уныніе моей жены, нисколько не придавали моему дому привлекательности; поэтому большую часть времени я проводилъ за его стѣнами; а такъ какъ игра въ то время была еще въ модѣ въ каждомъ клубѣ, тавернѣ и собраніи, то я, само собою разумѣется, принужденъ былъ прибѣгнуть къ моей старой привычкѣ, и, въ качествѣ аматера, начать тѣ игры, въ которыхъ никогда не имѣлъ себѣ равнаго въ цѣлой Европѣ. Отъ того ли, что спокойная и исполненная всякаго довольствія жизнь измѣняетъ характеръ человѣка, или отъ того, что искусство покидаетъ его, когда онъ лишается сообщника, и, слѣдя за игрой, уже болѣе не по профессіи занимается ею, для одного только провожденія времени, я не знаю, — знаю только то, что въ сезоны 1774 и 1775 года я проигралъ множество денегъ, и, для покрытія проигрышей, принужденъ былъ сдѣлать займы насчетъ доходовъ жены. Условія, на которыхъ я дѣлалъ эти займы, и

деньги въ игрѣ и тавернахъ, не соблюдалъ супружеской вѣрности, и, когда леди Линдонъ возставала противъ его неблаговидныхъ поступковъ, онъ удалялъ отъ нея дѣтей. Но неужели его можно назвать единственнымъ мужемъ, который поступалъ такъ, и, несмотря на то, слылъ за «врага самому себѣ», за веселаго, добраго товарища. Такихъ мужей существуетъ въ мірѣ множество; и если мы рѣшились издать эту автобіографію, то собственно потому, чтобъ выставить на видъ подобныхъ людей. Это только не герой какого нибудь романа, — одинъ изъ тѣхъ героическихъ юношей, которые рисуются въ романахъ Скотта и Джемса, — не было бы никакой надобности представлять читателю особу такъ часто и такъ плѣнительно изображаемую. Мистеръ Барри, мы повторяемъ, не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ героевъ; впрочемъ, пусть читатель оглянется кругомъ и спроситъ самого себя: кто скорѣе дѣлаетъ успѣхи въ жизни — такіе ли пролазы, или люди благородные и честные? — глупцы, или люди съ талантами? И не справедливо ли, что жизнь людей этого класса должна быть описываема изслѣдователемъ человѣческой натуры также подробно и также занимательно, какъ и дѣянія тѣхъ сказочныхъ принцевъ, тѣхъ совершенно несбыточныхъ героевъ, которыхъ наши писатели любятъ описывать? Въ устарѣлой манерѣ составлять романы, гдѣ принцъ Преттимэнъ, къ концу своихъ приключеній наслаждается совершеннѣйшимъ благоденствіемъ, есть что-то черезчуръ наивное и приторное, какъ будто онъ отъ природы одаренъ былъ всѣми умственными и тѣлесными совершенствами въ превосходной степени. Романистъ полагаетъ, что для его любимаго героя, больше ужь ничего нельзя и сдѣлать, какъ только произвесть его въ лорды. Не жалкое ли это опредѣленіе того, что называемъ мы существеннымъ благомъ? Величайшее благо въ жизни не заключается въ томъ, чтобъ быть лордомъ, и, можетъ статься, не въ томъ, чтобъ быть счастливымъ. Нищета, болѣзнь, уродливость, точно также могутъ служить замѣною и условіемъ блага, какъ и свѣтскія достоинства, которымъ мы безусловно покланяемся. Впрочемъ, предметъ этотъ относится къ области философіи, а отъюдь не къ повѣствованію, и потому будемъ слѣдить за откровеннымъ и безъискусственнымъ описаніемъ мистера Линдона, его добродѣтелей и пороковъ.

необходимые расходы на перестройки и улучшенія замка были, безъ всякаго сомнѣнія, весьма тяжелы; они значительно убавляли наше состояніе, особенно по векселямъ, которые миледи Линдонъ (женщина скупая и боязливая) иногда не хотѣла подписывать и о которыхъ я уже говорилъ.

Не лишнимъ считаю упомянуть о моихъ подвигахъ на конскихъ скачкахъ, имѣющихъ тѣсную связь съ моей исторіей; впрочемъ, говоря по чистой совѣсти, воспоминанія о моихъ ньюмаркетскихъ дѣяніяхъ не доставляютъ мнѣ особеннаго удовольствія. Меня обыгрывали и обманывали почти въ каждомъ предпріятіи; и, хотя я ѣздилъ верхомъ не хуже знаменитѣйшаго англичанина, но не могъ такъ хорошо выѣзжать лошадей, какъ англійскіе нобльмены. Пятнадцать лѣтъ послѣ того, какъ мой скакунъ, гнѣдой Бюловъ, проигралъ пари въ Ньюмаркетѣ, я узналъ, что одинъ благородный графъ, имя котораго не хочу упоминать, наканунѣ бѣга заперъ его въ конюшню; слѣдствіемъ такого поступка было то, что лошадь, стоявшая на открытомъ воздухѣ, выиграла призъ, а вашъ покорнѣйшій слуга долженъ былъ отдать за это пятнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Въ ту пору новичкамъ на этомъ поприщѣ нельзя было ожидать хорошаго успѣха. Хотя человѣкъ, ослѣпленный роскошью и блескомъ собранія и окруженный знаменитѣйшими особами въ государствѣ (тутъ собирались царственные герцоги, съ ихъ супругами, въ великолѣпныхъ экипажахъ, тутъ былъ старый Крафтонъ, съ его веселой и многочисленной компаніей, и такіе люди, какъ напримѣръ, Анкастеръ, Сандвичъ, Лорнъ), хотя, говорю я, при этой обстановкѣ, кажется, и можно было бы разсчитывать на вѣрный выигрышъ, но, увѣряю васъ, въ цѣлой Европѣ не найдется такихъ людей, которые умѣли бы такъ тонко заманить, обмануть, подкупить жокея испортить лошадь и наконецъ выиграть огромное пари. Даже я не могъ состязаться съ этими даровитыми игроками изъ высочайшихъ фамилій въ Европѣ. Не знаю, что могло быть причиной тому: недостатокъ ли такта въ моихъ дѣйствіяхъ, или уже счастіе стало совершенно измѣнять мнѣ? Теперь, когда честолюбіе удовлетворено было вполнѣ, — искусство и удача во всемъ, повидимому, покидали меня. За что бы я ни брался, все падало изъ рукъ моихъ; спекуляціи неудавались, — агенты, которымъ я довѣрялъ, обманывали меня. Могу сказать, что я одинъ изъ тѣхъ людей, которые родятся на свѣтъ для того, чтобъ составить себѣ богатство и не умѣть удер-

жать его за собой. Качества и энергія, которыя ведутъ человѣка къ совершенію перваго подвига, часто бываютъ главнѣйшими причинами его раззоренія и гибели. Что касается до меня, то я не знаю никакой другой причины несчастій, окончательно меня посѣтившихъ (*).

Я постоянно имѣлъ расположеніе къ литераторамъ, и, если говорить правду, любилъ разъигрывать между людьми, славившимися умомъ, роль щедраго джентльмена и покровителя. Люди этого сословія бо́льшею частію бѣдняки, простаго происхожденія, одарены бываютъ какимъ-то инстинктивнымъ влеченіемъ и любовію къ джентльмену въ великолѣпномъ кафтанѣ; это, вѣроятно, замѣтили всѣ, посѣщавшіе ихъ общество. Мистеръ Рейнольдъ, впослѣдствіи пожалованный орденомъ, и, дѣйствительно, превосходнѣйшій живописецъ своего времени, былъ при Дворѣ весьма ловкимъ и умнымъ представителемъ этого племени. Чрезъ этого-то джентльмена, писавшаго портреты съ меня, съ лэди Линдонъ и маленькаго Брайана, которыми еще такъ восхищались на выставкѣ (я представленъ былъ разстающимся съ моею женою, въ майорскомъ милиціонномъ мундирѣ; — маленькій Брайанъ, какъ сынъ Гектора, о которомъ я читалъ въ Иліадѣ мистера Попа, съ удивленіемъ смотрѣлъ на мой шлемъ), — чрезъ мистера Рейнольдса я познакомился съ десятками этихъ джентльменовъ и съ ихъ великимъ вождемъ, мистеромъ Джонсономъ. Послѣдняго я всегда считалъ за великаго медвѣдя. Раза три онъ пилъ чай въ моемъ домѣ, велъ себя такъ грубо, какъ только можете себѣ представить, принималъ мои мнѣнія, какъ мнѣнія какого нибудь школьника, и при этомъ совѣтовалъ заниматься моими лошадями и портными, а литературу оставить въ покоѣ. Его шотландскій пріятель, мистеръ Босвель, представлялъ собою отличнѣйшую цѣль для шутокъ. Я никогда не забуду выходки, которую сдѣлалъ этотъ человѣкъ на одномъ изъ вечеровъ мистриссъ Корнели, въ кварталѣ Сохо, въ домѣ Карлэйля. Впрочемъ, происшествія, случавшіяся въ этомъ домѣ, облечены весьма невыгоднымъ свѣтомъ; а то я могъ бы разсказать диковинныя вещи. — Въ этомъ домѣ собирались всѣ столичные demi-vertu высокаго и низкаго происхожденія; — отъ его свѣтлости Анкастера до моего соотечественника, бѣднаго мистера Оливера Гольдсмита, поэта; отъ герцогини Кингстонъ до рай-

(*) Записки, кажется, были писаны около 1814 года, въ томъ тихомъ убѣжищѣ, которое фортуна выбрала для автора при концѣ его жизни.

ской птички, или Китти Фишеръ. Здѣсь я встрѣчался съ весьма странными лицами, карьера которыхъ кончалась еще болѣе страннымъ образомъ; я познакомился здѣсь съ несчастнымъ Гакманомъ, который впослѣдствіи убилъ миссъ Рей, познакомился съ высокопочтеннѣйшимъ докторомъ Симони, и пр. и пр.

Веселымъ мѣстомъ считался Лондонъ въ то время, и считался весьма справедливо. Я пишу теперь обремененный лѣтами и подагрой: люди сдѣлались гораздо скромнѣе и степеннѣе, чѣмъ въ концѣ прошедшаго столѣтія, когда какъ я, такъ и свѣтъ были еще молоды. Въ то время существовало различіе между джентльменомъ и простымъ человѣкомъ. Мы одѣвались въ шелкъ, съ блестящимъ золотымъ шитьемъ. Теперь всѣ носятъ фраки съ коротенькими фалдами и отложными воротниками; нѣтъ никакого наружнаго различія между милордомъ и его грумомъ. Въ ту пору, свѣтскій кавалеръ посвящалъ часа два своему туалету, и относительно его, умѣлъ показать вкусъ свой и свою изобрѣтательность. Какимъ ослѣпительнымъ блескомъ отличались гостиныя и опера! Какія огромныя суммы проигрывались и выигрывались за очаровательнымъ ломбернымъ столомъ! Мои золоченыя кареты и жокеи, въ зеленыхъ курточкахъ, залитыхъ золотомъ, не имѣли ни малѣйшаго сходства съ нынѣшними каретами, и провожающими ихъ тощими грумами. А какъ пили въ то время.... Впрочемъ, не считаю за нужное распространяться на эту тему. Джентльмены моего времени почти всѣ оставили земное поприще. Моды въ нынѣшнее время берутъ съ солдатъ и моряковъ; мнѣ становится и досадно и грустно, когда начинаю вспоминать о счастливой порѣ, въ которой я жилъ тридцать лѣтъ тому назадъ.

Эта глава посвящена воспоминаніямъ о самомъ счастливомъ и блистательномъ періодѣ моей жизни, хотя и не замѣчательномъ относительно приключеній, которыми должна бы изобиловать счастливая и безпечная жизнь. Нелѣпо было бы съ моей стороны наполнять страницы описаніями обыденныхъ занятій свѣтскаго человѣка; — распространяться о хорошенькихъ лэди, которыя улыбались ему, — о нарядахъ, которые онѣ носили, о партіяхъ, которыя составляли, выигрывали и проигрывали. Въ настоящій періодъ времени, молодые люди рѣжутъ французовъ въ Испаніи и Франціи, проводятъ время на бивакахъ и питаются коммиссаріатскими сухарями и мясомъ, слѣдовательно имъ не до того, чтобъ узнавать, какую жизнь вели ихъ предки; и потому я окон-

чу дальнѣйшее описаніе удовольствій того времени, когда еще Чарльзъ Фоксъ былъ неизвѣстнымъ человѣкомъ, а Наполеонъ Бонапарте — мальчикомъ на своемъ родномъ островѣ.

Пока производились передѣлки и возобновленія въ моихъ помѣстьяхъ,—пока мой загородный домъ изъ древняго Норманскаго зàмка обращался въ изящный греческій храмъ, или дворецъ, — пока сады мои теряли сельскій характеръ и принимали легкій и пріятный видъ, пока выросталъ мой малютка на колѣняхъ матери и пока увеличивалось мое вліяніе въ округѣ, — не должно воображать, что я оставался все время въ Девоншэйрѣ, и не дѣлалъ визитовъ ни Лондону, ни моимъ различнымъ помѣстьямъ въ Англіи и Ирландіи.

Я ѣздилъ въ помѣстье Трикотинъ и въ Пульвелланскія копи, гдѣ, вмѣсто ожидаемыхъ выгодъ, встрѣтилъ одно лишь крючкотворство и ябеды; — въ Ирландію я пріѣзжалъ торжественно и пышно и угощалъ тамошнее дворянство такъ великолѣпно, какъ не могъ угощать самъ намѣстникъ Ирландіи; предписывалъ Дублину законы моды (дѣйствительно, это былъ нищенствующій, дикій городъ въ тѣ дни, и я не могу надивиться похваламъ ему и старому порядку вещей, —похваламъ, которыя изобрѣтали ирландскіе патріоты), — я предписывалъ Дублину законы моды, и за это навлекъ на себя негодованіе. Да; — чтобы ни говорили мои соотечественники патріоты, но я опять повторяю, что это былъ бѣдный, жалкій городишко.

Въ предъидущей главѣ я уже описывалъ его. Это было нѣчто въ родѣ грязнаго жидовскаго городка, съ блистательною, раззореною, полуобразованною аристократіею, господствовавшею надъ полудикимъ народомъ. Я называю его полудикимъ не безъ основанія. Небритые и оборванные граждане, которыхъ вы встрѣчали на улицахъ, обѣгали васъ, дичились. Съ наступленіемъ ночи, большая часть общественныхъ мѣстъ находилась не внѣ опасности. Коллегія, публичныя зданія и громадные дома людей, считавшихся аристократами, были громадны (послѣдніе бòльшею частію недостроенные); — но среднее и низшее сословіе городскихъ обывателей находилось въ самомъ грубомъ, невѣжественномъ состояніи; — имъ только въ половину дозволялось отправлять обряды своей религіи; духовенство ихъ, противъ желанія и воли, получало образованіе внѣ государства; — аристократія не имѣла съ ними ни малѣйшаго соприкосновенія. Тамъ было протестантское дворян-

ство, и въ городахъ, жалкія и грубыя корпораціи, съ нищенскимъ штатомъ меровъ, альдерменовъ и муниципальныхъ сановниковъ, изъ которыхъ всѣ участвовали въ адресахъ и имѣли общественный голосъ; — но между высшимъ и низшимъ слоемъ Ирландскаго населенія не было ни малѣйшаго сочувствія, ни связи. Тому, кто такъ долго жилъ за границей, какъ я, различіе между католиками и протестантами было вдвойнѣ поразительно; и хотя я былъ твердъ, какъ скала, въ основаніяхъ вѣры своей, но не могъ не вспоминать, что дѣдъ мой держался другой вѣры, не могъ надивиться тому, что между этими двумя религіозными партіями существовало такое политическое различіе. Между моими соотечественниками я прослылъ за опаснаго пришлеца, и за что? — за то, что я держался своихъ собственныхъ мнѣній и открыто выражалъ ихъ; за то, въ особенности, что я приглашалъ приходскаго пастора къ обѣду въ замокъ Линдонъ. Это былъ джентльменъ, получившій образованіе въ Саламанкѣ, и, по моимъ понятіямъ, во всѣхъ отношеніяхъ стоявшій выше своего сослуживца-ректора, конгрегація котораго ограничивалась не болѣе какъ десятью протестантами, который, само собою разумѣется, былъ сынъ какого-то лорда, едва умѣлъ объяснять самые обыкновенныя вещи, любилъ отъѣзжія поля и бой пѣтуховъ.

Я не распространялъ и не украшалъ замка Линдонъ, какъ это сдѣлалъ съ другими нашими помѣстьями, но ограничился случайными посѣщеніями его, жилъ въ немъ открыто и оказывалъ почти царское гостепріимство. Во время отсутствія я давалъ моей теткѣ, вдовѣ Брэди съ шестью незамужними дочерями (хотя всѣ онѣ ненавидѣли меня) позволеніе располагать замкомъ, какъ своею собственностію; мать моя предпочитала этому мѣсту мой новый домъ въ Баррийогѣ.

Милордъ Буллингдонъ сдѣлался къ этому времени чрезвычайно высокъ ростомъ и въ такой же степени безпокоенъ характеромъ, по этому я рѣшилъ поручить его другому гувернеру, и оставить въ Ирландіи на попеченіе мистриссъ Брэди и ея шести взрослыхъ дочерей; предоставивъ ему при этомъ полную свободу влюбляться во всѣхъ старыхъ барышень, и слѣдовательно подражать своему отчиму. Въ случаѣ, еслибъ милорду показалось скучно въ замкѣ Линдонъ, то онъ могъ ѣхать въ Баррийогъ и жить съ моей матерью; — но между ней и имъ не существовало ни любви, ни даже пріязни, напротивъ, я увѣренъ, что она, изъ-

за внука своего Брайана, ненавидѣла его, какъ и я, отъ чистаго сердца.

Округъ Девонъ не такъ обширенъ, какъ сосѣдній съ нимъ округъ Корнвалль, и не имѣетъ того права принимать участіе въ выборѣ депутатовъ, какимъ пользуется послѣдній. Здѣсь я зналъ небогатаго джентльмена съ нѣсколькими сотнями фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода; — этотъ джентльменъ утроивалъ доходъ свой чрезъ выборъ трехъ или четырехъ депутатовъ, и чрезъ вліяніе на министровъ, которое доставляли ему избранные депутаты. Втеченіе несовершеннолѣтія моей жены и во время болѣзненнаго состоянія графа ея отца, участіе въ парламентскихъ выборахъ со стороны дома Линдонъ оставалось въ величайшемъ небреженіи; или, говоря вѣрнѣе, оно было оттянуто отъ фамиліи Линдонъ хитрымъ старымъ лицемѣромъ, владѣтелемъ замка Типтоффъ, который въ качествѣ опекуна поступалъ съ своими родственниками, какъ поступаетъ большая часть опекуновъ, то есть, обиралъ ихъ. Маркизъ Типтоффъ посылалъ въ Парламентъ четырехъ депутатовъ, двухъ отъ своего мѣстечка, и двухъ отъ мѣстечка Типльтонъ, которое, какъ извѣстно всему свѣту, примыкаетъ къ нашему помѣстью Хактонъ, а съ другой стороны ограничивается паркомъ Типтоффъ. Со временъ незапамятныхъ, мы посылали депутатовъ отъ этого мѣстечка, пока Типтоффъ не воспользовался старостію и безсиліемъ графа, и не прибралъ право это къ своимъ рукамъ. Когда старшій сынъ его достигъ совершеннолѣтія, то разумѣется маркизъ не замедлилъ послать его въ Парламентъ депутатомъ отъ Типльтона; а когда Ригби (набобъ, составившій свое богатство въ Индіи, подъ начальствомъ Клэйва) умеръ, то маркизъ хотѣлъ посадить въ Парламентъ своего втораго сына, лорда Джорджа Пойнингса (съ которымъ я уже познакомилъ читателя) и рѣшилъ, что при своемъ высокомъ могуществѣ, онъ будетъ распоряжаться оппозиціей, какъ ему угодно,—тѣмъ болѣе, что оппозиція состояла изъ старыхъ виговъ, съ которыми до этой поры онъ дѣйствовалъ за одно.

Ригби передъ смертью своей хворалъ нѣсколько времени, и это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія провинціальныхъ джентльменовъ, людей, большею частію понимавшихъ администрацію государства, и ненавидѣвшихъ правила маркиза Типтоффа, какъ опасныя и гибельныя.

— Мы искали человѣка, который бы могъ одержать верхъ надъ маркизомъ, говорили мнѣ сквайры. Въ лицѣ вашемъ, мистеръ Линдонъ, мы нашли этого человѣка, и при слѣдующихъ выборахъ внесемъ васъ въ списокъ депутатовъ.

Я до такой степени ненавидѣлъ Типтоффа, что готовъ былъ принять всякія предложенія, лишь бы повредить ему. Они не только не хотѣли посѣтить насъ въ Хактонѣ, но не принимали къ себѣ тѣхъ, кто посѣщалъ насъ; они уговаривали провинціальныхъ лэди не принимать мою жену; — они изобрѣли дикія исторіи о моей развратной и расточительной жизни; они говорили, что я принудилъ лэди Линдонъ вытти за меня замужъ, и что она погибшая женщина; они распустили молву, что жизнь лорда Буллингдона въ моемъ домѣ находится въ опасности, что я обхожусь съ нимъ чудовищнымъ образомъ, хочу извести его, съ тѣмъ, чтобъ доставить все его наслѣдство моему сыну Брайану. Являлся ли кто изъ моихъ пріятелей въ Хактонъ, — они уже повсюду говорили, сколько за столомъ мы выпили вина, увеличивъ при этомъ количество опорожненныхъ бутылокъ вчетверо. Они пронюхивали мои сдѣлки съ агентами и адвокатами. Если кто нибудь изъ моихъ кредиторовъ не получалъ уплаты, въ Типтоффъ-Галлѣ извѣстны были всѣ подробности его векселя;—взглянулъ ли я на дочь фермера, какъ уже всюду говорили, что я погубилъ ее. Недостатковъ во мнѣ много, я признаюсь, и, какъ женатый человѣкъ, немогу похвастаться регулярностью въ образѣ моей жизни, или ровностью характера; — но лэди Линдонъ и я ссорились не много, покрайней мѣрѣ не болѣе того, какъ это бываетъ у людей большаго свѣта, и, на первой порѣ, мы прекращали ссоры наши очень скоро. Правда, во мнѣ много пороковъ, — но все же я не былъ такимъ демономъ, какимъ представляли меня эти отвратительные клеветники Типтоффы. Втеченіе первыхъ трехъ лѣтъ, я только тогда билъ мою жену, когда былъ въ нетрезвомъ видѣ. Я былъ пьянъ, когда швырнулъ ножемъ въ Буллингдона, что засвидѣтельствуютъ всѣ присутствовавшіе; но чтобъ я систематически строилъ козни на пагубу этого бѣднаго юноши, то могу торжественно объявить, что кромѣ ненависти къ нему (а кто, скажите, воленъ въ своихъ чувствахъ?), болѣе ни въ чемъ предъ нимъ не виновенъ.

И такъ, я имѣлъ весьма уважительныя причины питать враждебныя чувства къ Типтоффамъ, и, какъ человѣкъ, не могъ

позволить себѣ, чтобъ эти чувства оставались въ бездѣйствіи. Хотя и вигъ, а, можетъ статься, и потому, что вигъ, маркизъ былъ однимъ изъ надменнѣйшихъ людей въ свѣтѣ, и обращался съ людьми обыкновенными, съ простолюдинами, какъ обращался съ ними его идолъ, намѣстникъ Ирландіи, — какъ обращаются многіе низкіе вассалы, которые вмѣняютъ себѣ въ особенное счастіе, если ихъ патронъ позволитъ имъ поцаловать пряжки своихъ башмаковъ. Когда Типпльтонскій мэръ и корпорація являлись къ нему, онъ принималъ ихъ, не снимая шляпы, никогда не предлагалъ мэру стула; удалялся, когда подавали завтракъ, или приказывалъ подать его въ комнату буфетчика. Эти простодушные британцы не возмущались противъ такого обхожденія, пока мой патріотизмъ не пробудилъ въ нихъ чувства сознанія своего достоинства, пока я не открылъ имъ глаза, и они увидѣли свое униженіе.

Я пригласилъ мэра въ Хактонъ, и посадилъ жену его (очень бойкую, хорошенькую дочь продавца колоніальныхъ товаровъ) подлѣ моей жены, и отвезъ ихъ обоихъ на конскія скачки въ своей каретѣ. Лэди Линдонъ сильно возставала противъ такого снисхожденія; но я умѣлъ съ ней справиться; она была своенравна, но въ этомъ отношеніи и я не уступалъ ей. Своенравна.... гм! Дикая кошка тоже имѣетъ свой нравъ, но содержатель звѣринца знаетъ, какъ укротить его; а что касается до меня, то едва ли найдется въ мірѣ женщина, которую бы я не могъ подчинить своей власти.

И такъ, я оказывалъ всевозможное вниманіе мэру и корпораціи; — посылалъ имъ дичь къ обѣду, приглашалъ на свои обѣды; пріѣзжалъ въ ихъ собраніе, танцовалъ съ ихъ женами и дочерями; короче, дѣлалъ съ своей стороны все, что требуется въ подобныхъ случаяхъ отъ джентльмена, заискивающаго ихъ расположеніе. Старый Типтоффъ видѣлъ всѣ мои дѣйствія, но голова его до такой степени была омрачена, что онъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ допустить идеи, что династія его можетъ ниспровергнуться, и продолжалъ издавать повелѣнія, какъ будто бы онъ былъ Великій Моголъ, а типпльтонцы — рабы его самовластія.

Каждая почта, привозившая извѣстіе объ усиленіи болѣзни Ригби, служила для меня предлогомъ дать хорошій обѣдъ моимъ избирателямъ; такъ что пріятели мои, съ которыми я постоянно ѣздилъ на охоту, смѣялись надъ этимъ и говорили:

— Ригби хуже, — значитъ корпораціи будетъ обѣдъ въ Хактонѣ.

Я поступилъ въ Парламентъ въ 1776 году, въ то самое время, когда возгорѣлась война съ Америкой. Милордъ Чатамъ, мудрость котораго называли сверхчеловѣческою, возвышалъ свой вѣщій голосъ въ Палатѣ Перовъ противъ борьбы съ американцами, а мой соотечественникъ, мистеръ Буркъ, великій философъ, но невыносимо скучный ораторъ, былъ поборникомъ мятежной партіи въ Палатѣ Депутатовъ, гдѣ, однако же, благодаря британскому патріотизму, весьма немногіе рѣшились поддерживать его. Старый Типтоффъ до такой степени былъ преданъ своему патрону, что по его приказанію, готовъ былъ черное называть бѣлымъ и на оборотъ; въ угожденіе милорду Питту, который скорѣе соглашался вытти въ отставку, чѣмъ драться съ своими американскими собратіями, Типтоффъ приказалъ сыну своему оставить гвардію.

Но этотъ патріотизмъ чрезвычайно мало нравился англійской націи, которая, съ открытіемъ непріязненныхъ дѣйствій, отъ души возненавидѣла американцевъ, и когда услышала о пораженіи при Лессингтонѣ, и о знаменитой Бункергилльской побѣдѣ, то ненависти ея не было предѣловъ. Наконецъ, когда увеличили таксу съ поземельныхъ владѣній, дворянство стало выражать явно свое неудовольствіе, но партія моя противъ Типтоффа была все-еще сильна, и я рѣшился во что бы то ни стало выиграть поле сраженія.

Старый маркизъ пренебрегалъ всѣми благоразумными предосторожностями, необходимыми въ парламентской войнѣ. Онъ изъявилъ корпораціи и сквайрамъ намѣреніе представить сына своего, лорда Джорджа, и выразилъ желаніе, чтобы послѣдній былъ выбранъ депутатомъ Типпльтона; но при этомъ, для возбужденія преданности въ своихъ приверженцахъ, не далъ имъ даже стакана пива, тогда какъ (нужно ли говорить?) всѣ таверны Типпльтона были къ услугамъ моей партіи.

Нѣтъ никакой необходимости повторять двадцать разъ разсказанную исторію выборовъ. Я вырвалъ Типпльтонъ изъ рукъ Типтоффа и его сына, лорда Джорджа. Я испытывалъ какое-то дикое удовольствіе, заставивъ жену мою, чрезвычайно оскорбленную ея родственникомъ, принять участіе въ войнѣ противъ него, носить и раздавать мои флаги въ день выбора. Въ этотъ день я торжественно объявилъ моей партіи, что побѣдилъ лорда

Джорджа въ любви, побѣдилъ его на дуэли и буду побѣдителемъ въ предстоящемъ дѣлѣ; такъ оно и случилось: къ невыразимому гнѣву маркиза, Барри Линдонъ, эсквайръ, былъ избранъ представителемъ мѣстечка Типпльтона въ Парламентѣ, вмѣсто умершаго Джона Ригби, эсквайра. Погрозивъ маркизу отнять при будущихъ выборахъ право избирательства другаго депутата, я отправился исполнять мои обязанности въ Парламентѣ.

Въ это время я серьёзно рѣшился пріобрѣсть титулъ ирландскаго пера, чтобъ передать его моему возлюбленному сыну и наслѣднику.

ГЛАВА XVIII.

ВЪ КОТОРОЙ МОЕ СЧАСТІЕ И БЛАГОДЕНСТВІЕ НАЧИНАЕТЪ КОЛЕБАТЬСЯ.

Если кто нибудь изъ моихъ читателей имѣетъ расположеніе считать мою исторію безнравственною (я говорю это потому, что до меня дошли слухи, будто бы я вовсе незаслуживалъ счастія, выпавшаго на мою долю), если у кого нибудь есть подобное расположеніе, то я прошу такихъ недоброжелателей прочитать исторію моихъ приключеній до конца. Они увидятъ тогда, что призъ, которымъ я овладѣлъ, не такъ былъ завидѣнъ, какъ они полагаютъ; что богатство, блескъ, тридцать тысячъ годоваго дохода, и мѣсто въ Парламентѣ часто покупаются за слишкомъ дорогую цѣну, — часто покупаются цѣною личной свободы и обязанностью носить тягостное бремя въ лицѣ докучливой, въ высшей степени несносной жены.

Да; — по истинѣ можно сказать, что несносныя жены — наказаніе въ жизни. Не испытавъ, никто не знаетъ, какъ тяжело и мучительно это бремя, какъ возрастаетъ оно и усиливается съ каждымъ годомъ и какъ слабѣютъ ваши силы и твердость духа, чтобы нести это бремя; — бремя, казавшееся въ первый годъ легкимъ и пріятнымъ, становится невыносимымъ десять лѣтъ спустя. Я читалъ гдѣ-то объ одномъ замѣчательномъ чудакѣ, который ежедневно таскалъ на гору теленка и продолжалъ это дѣлать до тѣхъ поръ, пока теленокъ не обратился въ быка; онъ и его также легко таскалъ на плечахъ своихъ, какъ и теленка: но повѣрьте мнѣ, жена въ тысячу разъ тяжелѣе самой величайшей коровы на Смитфильдскомъ рынкѣ; и если я въ состояніи

убѣдить хоть одного молодаго человѣка не жениться, то «Записки Барри Линдона, Эсквайра», написаны не тщетно. Нельзя сказать, что жена моя была вздорная, сварливая женщина, какъ бываютъ многія жены,—недостатокъ этотъ я бы могъ искоренить въ ней; напротивъ, она имѣла трусливый, плаксивый, меланхоличный, глупый характеръ, который былъ для меня еще несноснѣе; — никакія ласки, никакія нѣжности не могли вызвать на лицо ея улыбку удовольствія. Вскорѣ послѣ женитьбы, я началъ оставлять ее дома одну, и искать развлеченій и друзей внѣ дома. Ко всѣмъ ея недостаткамъ присоединялось еще чувство ревности. Когда я оказывалъ самое обыкновенное вниманіе какой нибудь лэди, жена моя начинала плакать, ломала себѣ руки, грозила лишить себя жизни, и Богъ знаетъ, что дѣлала.

Ея смерть не была бы для меня утѣшеніемъ. Этотъ негодяй, молодой Буллингдонъ, изъ котораго сдѣлался теперь высокій, неуклюжій, смуглый юноша, — который былъ для меня источникомъ величайшихъ горестей,—молодой Буллингдонъ, говорю я, получилъ бы въ наслѣдство все состояніе лэди Линдонъ до послѣдняго пенни, и я остался бы значительно бѣднѣе того, чѣмъ былъ до женитьбы; —потому что, поддерживая наше достоинство, я истратилъ небольшое свое собственное состояніе, вмѣстѣ съ доходами милэди; да и къ тому же я былъ слишкомъ благороденъ и щедръ, чтобъ дѣлать изъ этихъ доходовъ сбереженія. Пусть эти слова служатъ укоромъ моимъ клеветникамъ, которые говорятъ, что я никогда бы не разстроилъ имѣніе лэди Линдонъ, еслибъ менѣе заботился объ улучшеніи своего состоянія, которые полагаютъ даже и теперь, при моемъ горестномъ положеніи, что у меня скрыты гдѣ нибудь груды золота, и что я во всякое время могу показать себя Крезомъ. Я не воспользовался ни однимъ шиллингомъ изъ состоянія лэди Линдонъ, но, признаюсь, разстроилъ его своими безразсудными распоряженіями.

Хотя я описалъ совершенное пренебреженіе, скоро развившееся въ груди моей относительно лэди Линдонъ, и хотя я не прилагалъ особенныхъ усилій (я могу назвать себя олицетвореніемъ откровенности и чистосердечія) скрывать свои чувства вообще, но она была такая женщина, что на мое равнодушіе отвѣчала привязанностью, и отъ ласковаго слова съ моей стороны приходила въ величайшій восторгъ. Дѣло въ томъ, что въ то время я былъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ молодыхъ людей

въ Англіи, и что миледи была влюблена въ меня до безумія; она принадлежала къ числу многихъ женщинъ изъ большаго лондонскаго свѣта, съ весьма благопріятнымъ мнѣніемъ о скромномъ ирландскомъ авантюристѣ. Какими странными, загадочными созданіями казались мнѣ женщины! Я видѣлъ, что самыя элегантныя изъ нихъ влюблялись до безумія въ грубыхъ и необразованныхъ мужчинъ; — самыя умныя изъ нихъ души не слышали въ себѣ отъ самыхъ безграмотныхъ изъ нашего пола. Противоположностямъ въ этихъ легкомысленныхъ существахъ нѣтъ конца. Я не намекаю этимъ на свое собственное невѣжество или низкое происхожденіе (я снялъ бы голову тому, кто бы осмѣлился сказать, хотя слово, противъ моего происхожденія и воспитанія), я только показалъ, что лэди Линдонъ имѣла достаточно здраваго разсудка, чтобъ разлюбить меня, еслибъ пожелала; но ею, какъ и многими другими изъ ея пола, управляла страсть, а не разсудокъ. Она бывала въ восторгѣ, если, въ замѣнъ ея любви, я отвѣчалъ ей хоть однимъ ласковымъ словомъ.

— Ахъ, Редмондъ, — говорила она въ минуты проявленія во мнѣ нѣжности: — еслибъ ты навсегда остался такимъ!

Въ подобные припадки нѣжной страсти она становилась самымъ довѣрчивымъ созданіемъ; ее какъ нельзя легче можно было убѣдить въ чемъ угодно; она была готова отказать мнѣ все имѣніе, еслибъ это было возможно. И надобно признаться, мнѣ небольшаго труда стоило привести ее въ пріятное расположеніе духа. Прогуляться съ ней по бульвару Полль-Молль, или въ Ранелей, проводить въ церковь въ кварталѣ Сентъ-Джемсъ, — купить маленькій подарокъ или какую нибудь галантерейную вещицу, было весьма достаточно, чтобъ успокоить ее и приласкать. На другой же день — таково непостоянство женщины! — она называла меня мистеромъ Барри, и при этомъ оплакивала горькую судьбу свою, соединившую ее съ такимъ чудовищемъ. Да; именно такъ угодно ей было называть одного изъ блистательнѣйшихъ мужчинъ въ трехъ соединенныхъ королевствахъ; между тѣмъ какъ *другія* лэди были обо мнѣ болѣе лестнаго мнѣнія....

Въ такія минуты она грозила бросить меня; но я имѣлъ средство удерживать ее. Средство это заключалось въ особѣ нашего сы-которого она страстно любила, почему? — не знаю; знаю только, что она пренебрегала Буллингдономъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на его здоровье, благополучіе или воспитаніе.

И такъ, малютка нашъ служилъ неразрывною связью между мной и ея сіятельствомъ; не было ни одного изъ честолюбивыхъ плановъ, въ которомъ бы она не приняла участіе на пользу нашего сына; она не жалѣла никакихъ издержекъ, когда дѣло касалось его возвышенія. Для достиженія этой цѣли не упущено было изъ виду и могущественное оружіе — взятки, которыя были принимаемы въ самыхъ высокихъ мѣстахъ,—и такими близкими людьми къ августѣйшей особѣ его величества, короля, что вы изумились бы, еслибъ я назвалъ имена особъ, удостоивавшихъ принятія наши денежныя предложенія. Получивъ отъ англійскихъ и ирландскихъ герольдмейстеровъ описаніе и подробную родословную бароновъ Баррийогъ, я обратился къ королю съ почтительнѣйшею просьбою о предоставленіи мнѣ титуловъ моихъ предковъ, и титула виконта Баллибарри.

— Эта голова будетъ носить графскую корону, говаривала иногда моя жена, въ минуты нѣжности, пропуская сквозь пальцы пряди моихъ волосъ.

И въ самомъ дѣлѣ, я заслуживалъ эти титулы по всей справедливости. Въ Книгѣ Перовъ немного нашлось бы людей съ моими дарованіями духа и храбростью, съ моей родословной и моими личными заслугами.

Желаніе сдѣлаться перомъ Ирландіи я считаю за одно изъ несчастнѣйшихъ между всѣми моими несчастными дѣяніями въ тотъ періодъ времени. Я дѣлалъ неслыханныя жертвы, чтобъ привести этотъ планъ въ исполненіе. Въ одномъ мѣстѣ я сыпалъ деньги, въ другомъ брильянты. Я покупалъ земли въ десять разъ дороже того, что̀ онѣ стоили, покупалъ картины и рѣдкости по цѣнамъ раззорительнымъ; давалъ пиры и балы тѣмъ лицамъ, которыя, находясь вблизи особы короля, легко могли содѣйствовать мнѣ въ моемъ намѣреніи; проигрывалъ герцогамъ, братьямъ короля, огромные пари.... но лучше помолчать объ этомъ. Воспоминанія объ этомъ періодѣ моей жизни слишкомъ непріятны.

Единственнымъ лицомъ въ моемъ предпріятіи относительно титуловъ, лицомъ, которое я назову открыто, былъ старый негодяй, плутъ и обманщикъ Густавъ-Адольфъ, тринадцатый графъ фамиліи Крэбсъ. Этотъ нобльменъ занималъ должность въ собственномъ кабинетѣ его величества и былъ единственнымъ джентльменомъ, котораго король удостоивалъ своимъ особеннымъ расположеніемъ. Еще во времена стараго короля между ними образовался родъ дружбы. Вотъ это какъ было: од-

нажды его королевское высочество, играя въ воланъ съ молодымъ лордомъ на обширной площадкѣ огромной лѣстницы въ Кью, разсердился на своего товарища и толкнулъ его съ лѣстницы; молодой Крэбсъ упалъ и сломалъ себѣ ногу. Раскаяніе принца въ своей жестокости заставило его сблизиться съ юношей, котораго такъ жестоко обидѣлъ, и когда восшелъ на престолъ, то не было ни одного человѣка, которому бы графъ Бютъ завидовалъ столько, сколько милорду Крэбсу. Послѣдній былъ бѣденъ и расточителенъ, и Бютъ, чтобы очистить дорогу себѣ, отправилъ его въ Европу членомъ одного посольства; но Крэбсъ не долго оставался на материкѣ, и, по возвращеніи въ Англію, немедленно получилъ назначеніе состоять при особѣ его величества.

Вотъ съ этимъ-то безславнымъ нобльменомъ я и образовалъ несчастную дружбу, когда, неопытный еще и довѣрчивый, я впервые поселился въ Лондонѣ, послѣ женитьбы на лэди Линдонъ. Крэбсъ былъ, дѣйствительно, однимъ изъ самыхъ занимательныхъ людей въ мірѣ, и находиться въ его обществѣ я вмѣнялъ себѣ въ величайшее удовольствіе. Кромѣ того, я старался сблизиться съ человѣкомъ, который самъ былъ такъ близокъ къ высочайшей особѣ въ государствѣ.

Слушая этого человѣка, вы бы подумали, что никакое назначеніе высокихъ должностей не дѣлалось безъ его непосредственнаго участія. Онъ говорилъ мнѣ, напримѣръ, объ устраненіи Чарльза Фокса наканунѣ того дня, когда фактъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ самому бѣдному Чарли. Онъ говорилъ когда Гоу долженъ воротиться изъ Америки, и кто былъ назначенъ на его мѣсто. Не увеличивая числа такихъ примѣровъ, скажу короче, что на этомъ человѣкѣ я основывалъ всѣ мои надежды къ утвержденію правъ моихъ на титулы барона Баррнйогъ и виконта Баллибарри.

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ издержекъ, въ которыя вовлекло меня мое необузданное честолюбіе, заключалось въ томъ, что я набралъ и вооружилъ отрядъ пѣхоты изъ помѣстій замка Линдонъ и Хактона, и предложилъ моему всемилостивѣйшему государю на открывшуюся компанію противъ американскихъ мятежниковъ. Этотъ отрядъ, превосходно экипированный и вооруженный, былъ посаженъ на корабли въ Портсмутѣ, въ 1778 году; и патріотизмъ джентльмена, сдѣлавшаго такое пожертвованіе на пользу общую, былъ принятъ при Дворѣ съ та-

кимъ одобреніемъ. что когда лордъ Нортъ представилъ меня, его величество соизволилъ обратить на меня милостивое вниманіе, и сказать:

— Вашъ поступокъ, мистеръ Линдонъ, заслуживаетъ похвалы: соберите еще такой отрядъ, и въ главѣ его поѣзжайте въ Америку.

Это предложеніе, какъ читатель можетъ догадаться, ни подъ какимъ видомъ не согласовалось съ образомъ моихъ понятій. Человѣку, при тридцати тысячахъ фунтовъ годоваго дохода, глупо было бы рисковать своею жизнью, какъ это дѣлаютъ обыкновенно бѣдняки. Я всегда восхищался поступкомъ моего пріятеля Джека Больтера. Онъ былъ самымъ храбрымъ корнетомъ, и, очертя голову, бросался во всякую горячую схватку, выпадавшую на его долю. Какъ вдругъ, передъ самымъ Минденскимъ сраженіемъ, Больтеръ получилъ извѣстіе, что дядя его, главный поставщикъ арміи, умеръ, оставивъ ему пять тысячъ годоваго дохода. Джекъ въ ту же минуту подалъ въ отставку, а такъ какъ наканунѣ генеральнаго сраженія, прошеніе его не приняли, то онъ отправился въ бой, и послѣ того ни разу не бралъ въ руки пистолета, кромѣ, впрочемъ, дуэли съ однимъ офицеромъ, который сомнѣвался въ его храбрости, и котораго онъ прострѣлилъ съ хладнокровіемъ и неустрашимостью, служившими яснымъ доказательствомъ, что онъ оставилъ военную профессію не изъ трусости, но изъ благоразумія и желанія пользоваться богатствомъ.

Когда образовался отрядъ хактонскихъ волонтеровъ, пасынокъ мой, которому въ это время исполнилось шестнадцать лѣтъ, страстно желалъ присоединиться къ нему, и я охотно соглашался на это, въ надеждѣ отдѣлаться навсегда отъ непріятнаго для меня молодаго человѣка; но его опекунъ, лордъ Типтоффъ, дѣлавшій все наперекоръ моимъ желаніямъ, отказалъ въ своемъ позволеніи, и такимъ образомъ, воинственнымъ наклонностямъ молодаго нобльмена не дано было свободы развиться. Еслибъ онъ отправился въ эту экспедицію и еслибъ непріятельская пуля сразила его, мнѣ кажется, говоря по чистой совѣсти, я бы не сталъ много печалиться, и имѣлъ бы удовольствіе видѣть въ моемъ сынѣ наслѣдника имѣнія, пріобрѣтеніе котораго стоило его отцу великихъ усилій и трудовъ.

Воспитаніе этого молодаго нобльмена было чрезвычайно слабое и, быть можетъ, я самъ виноватъ въ этомъ, не обращая

надлежащаго вниманія. Онъ имѣлъ такой буйный, дикій и необузданный характеръ, что я никогда не могъ питать къ нему расположенія; передо мной и передъ матерью своей онъ всегда былъ такимъ угрюмымъ и молчаливымъ, что я не могъ не видѣть въ этомъ настроеніи духа постороннее вліяніе, и потому предоставлялъ ему дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Втеченіе двухъ лѣтъ онъ оставался въ Ирландіи, а когда пріѣзжалъ оттуда въ Англію, то мы держали его преимущественно въ Хактонѣ, стараясь устранять этого грубаго и непривлекательнаго молодаго человѣка, отъ джентльменскаго общества, въ которомъ мы обращались. Мой же сынъ, напротивъ, былъ милый и очаровательный ребенокъ; мы находили безпредѣльное удовольствіе баловать и лелѣять его. Когда ему исполнилось пять лѣтъ, онъ представлялъ собою образецъ моды, красоты и благовоспитанности.

Впрочемъ, и не могло быть иначе, при тѣхъ заботахъ и попеченіяхъ, которыми окружали его родители, при томъ вниманіи, которое оказывали ему со всѣхъ сторонъ. На пятомъ году его возраста, я поссорился съ англійской нянюшкой, къ которой жена моя сильно ревновала меня, и нанялъ для него французскую гувернантку, которая жила въ аристократическихъ семействахъ въ Парижѣ, и которую миледи Линдонъ не замедлила приревновать ко мнѣ. Подъ руководствомъ этой молоденькой женщины, мой маленькій шалунъ научился плѣнительно лепетать по французски. Вы бы отъ души нахохотались, услышавъ, какъ этотъ милый плутишка произносилъ: Mort de ma vie! или когда, топнувъ ножкой, посылалъ manans и canaille нашей прислуги къ trente mille diables. Его можно назвать скороспѣлкой во всѣхъ отношеніяхъ; въ самомъ раннемъ возрастѣ, онъ умѣлъ передразнить кого угодно; на шестомъ году, онъ сидѣлъ уже за нашимъ столомъ и пилъ шампанское не хуже взрослаго; гувернантка выучила его пѣть новѣйшія миленькія пѣсенки Вадѐ и Каллара, и тѣ изъ слушателей, которые понимали по французски, помирали со смѣху, слушая его, когда онъ пѣлъ или передразнивалъ старушекъ, составлявшихъ небольшое общество миледи Линдонъ. Признаюсь, я не уважалъ этихъ старушекъ, — этихъ сплетницъ, завистливыхъ и недальняго ума, всегда поселяющихъ раздоръ между мужемъ и женой. Каждый разъ, когда важныя особы ихъ въ фижмахъ и на высокихъ каблукахъ являлись въ Хактонъ или въ Беркелей-скверъ, я находилъ удоволь-

ствіе наводить на нихъ ужасъ: я заставлялъ маленькаго Брайана пѣть, танцовать, играть diable à quatre, и помогалъ ему самъ, чтобъ только выпроводить вонъ сварливыхъ старухъ. Никогда незабуду я торжественныхъ увѣщаній стараго ректора въ Хактонѣ, который нѣсколько разъ дѣлалъ попытки пріохотить Брайана къ латинскому языку, и съ многочисленными дѣтями котораго я позволялъ моему сыну имѣть отъ времени до времени сношенія. Они выучили отъ Брайана французскія пѣсенки, пѣть которыя матушка ихъ, гораздо больше смыслившая въ соленьяхъ и вареньяхъ, чѣмъ во французскомъ языкѣ, всегда поощряла; но когда услышалъ ихъ старикъ-отецъ, то посадилъ миссъ Сару въ спальню на цѣлую недѣлю на хлѣбъ и воду, и торжественно высѣкъ мастера Джакоба, въ присутствіи всѣхъ его братьевъ и сестеръ, и Брайана, которому видъ такого наказанія долженъ былъ послужить предостереженіемъ. При началѣ наказанія, маленькій шалунъ мой кричалъ, бросался на ректора, безпрестанно повторялъ: «corbleu, morbleu, ventrebleu», и все для того, чтобъ не трогали его молодаго друга Джакоба. Послѣ этой сцены ректоръ отказалъ Брайану отъ своего дома; а я съ своей стороны, далъ клятву, что старшій его сынъ, готовившійся вступить на духовное поприще, никогда не получитъ въ наслѣдство ректорскаго мѣста въ Хактонѣ, — мѣста, которое я намѣревался дать ему. Старикъ-отецъ, съ лицемѣрнымъ видомъ сказалъ на это, что во всемъ да будетъ воля Божія!—что онъ изъ-за мѣста для сына, не позволитъ выйдти дѣтямъ своимъ изъ повиновенія родителямъ, не позволитъ имъ сдѣлаться людьми безнравственными; въ заключеніе всего, онъ написалъ мнѣ высокопарное, торжественное, наполненное латинскими цитатами, письмо, въ которомъ прощался со мной и моимъ домомъ. «Я дѣлаю это съ чувствомъ глубочайшаго сожалѣнія, присовокуплялъ старый джентльменъ: — потому что я получалъ много милостей отъ хактонской фамиліи. Воспоминаніе объ этихъ милостяхъ и лишеніе ихъ наполняетъ мое сердце горестью. Чрезъ мое отчужденіе отъ васъ, я боюсь, пострадаютъ одни только бѣдные моего прихода, потому что отнынѣ я не буду въ состояніи приносить вамъ извѣстія о нищетѣ и бѣдствіи ближняго, о тѣхъ нуждахъ, которыя, я долженъ отдать вамъ въ этомъ полную справедливость, ваше великодушіе и ваша щедрость всегда старались облегчить и всегда облегчали.»

Можетъ статься, въ этихъ словахъ было много справедливаго, потому что старикъ безпрестанно надоѣдалъ мнѣ просьбами о пособіи бѣднымъ; и я знаю за достовѣрное, что по своему человѣколюбію, онъ часто самъ оставался безъ шиллинга въ карманѣ; съ другой стороны, въ его сожалѣніи, относительно нашей размолвки, не маловажную роль играли мои обѣды въ Хактонѣ, да и женѣ его не легко было прекратить знакомство съ гувернанткой Брайана, которой извѣстны были всѣ новѣйшія французскія моды, и которая никогда не посѣщала ректорскій домъ, не оказавъ тамъ какой нибудь услуги. Это доказывалось тѣмъ, что въ каждое слѣдующее воскресенье послѣ ея визита, дочери ректора являлись въ церковь или въ платьяхъ по послѣдней модѣ, или въ мантильяхъ.

Чтобъ наказать старика, я по воскресеньямъ, во время его проповѣди, начиналъ громко храпѣть; и когда Брайанъ вошелъ въ такія лѣта, что нужно было устранить его отъ надзора и общества женщинъ, я взялъ для него гувернера и возложилъ на него обязанность быть моимъ духовникомъ. Англичанку-няню Брайана я выдалъ замужъ за нашего главнаго садовника, съ хорошимъ приданымъ, а француженку-гувернантку — за вѣрнаго Фрица; послѣдніе, благодаря моей щедрости, открыли table-d'hôte въ кварталѣ Сохо, и полагаю, что теперь, когда пишу я эти записки, они пользуются всѣми благами жизни и живутъ богаче своего великодушнаго и щедраго господина.

Для Брайана я выписалъ изъ Оксфорда молодаго джентльмена, высокопочтеннаго Эдмунда Лавендера, которому поручено было преподавать латинскій языкъ, когда мальчикъ былъ въ расположеніи учиться ему, исторію, грамматику и другіе предметы, необходимые для джентльмена. Лавендеръ былъ драгоцѣннымъ прибавленіемъ къ нашему обществу въ Хактонѣ. Онъ имѣлъ особенную способность одушевлять наши бесѣды. Будучи постоянно предметомъ нашихъ шутокъ, онъ переносилъ ихъ съ удивительнымъ, можно сказать, съ мученическимъ терпѣніемъ. Онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые согласны получить хорошій толчекъ отъ большаго господина, лишь бы только этотъ господинъ обратилъ на нихъ свое вниманіе; я часто бросалъ въ каминъ его парикъ, передъ цѣлой компаніей, и Лавендеръ хохоталъ надъ этой выходкой на равнѣ съ другими. Забавно было видѣть, когда его сажали верхомъ на бойкаго коня и посылали мчаться вслѣдъ за гончими; блѣдный

какъ смерть и вцѣпившись въ гриву лошади обѣими руками, онъ кричалъ и именемъ неба умолялъ насъ остановиться. Какимъ образомъ этотъ человѣкъ не сломилъ себѣ шеи, я не понимаю; пословица: «кому быть на висѣлицѣ, тотъ не утонетъ», въ этомъ случаѣ оказывается вполнѣ справедливою. Въ наши поѣздки на охоту, съ нимъ не случалось никакого несчастія. За обѣдомъ, онъ постоянно занималъ мѣсто въ концѣ стола, безпрестанно пилъ грогъ, такъ что его не рѣдко выводили пьянаго и укладывали спать до наступленія вечера. При этихъ случаяхъ я и Брайанъ много разъ натирали ему сажей лицо; укладывали спать въ комнату, посѣщаемую мертвецами; пускали на его постель стаю крысъ и мышей; наполнивъ водой его сапоги, кричали: «пожаръ!», подпиливали ножки его стула и всѣ листки въ его любимой книгѣ пересыпали табакомъ. Бѣдный Лавендеръ переносилъ все это съ терпѣніемъ; за то во время собраній въ Хактонѣ или въ Лондонѣ, онъ вполнѣ вознаграждался дозволеніемъ сидѣть въ кругу людей большаго свѣта и воображать себя членомъ нашего общества.

Теперь я долженъ поговорить о другомъ моемъ сынѣ, или вѣрнѣе о сынѣ лэди Линдонъ, то есть о виконтѣ Буллингдонѣ. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ я держалъ его въ Ирландіи, подъ ближайшимъ надзоромъ моей матушки. Я отдалъ ей въ полное распоряженіе зàмокъ Линдонъ, владѣя которымъ временно, эта добрая женщина не упускала ни одного случая показать себя особой весьма немаловажной. При всѣхъ ея странностяхъ и причудахъ, ни одно изъ нашихъ помѣстій не было такъ хорошо управляемо, какъ зàмокъ Линдонъ; поземельные доходы платились превосходно, расходовъ было несравненно меньше, чѣмъ подъ управленіемъ какого нибудь повѣреннаго. Ограниченность расходовъ на ея собственное содержаніе всегда удивляла меня, хотя, по ея словамъ, она должна была поддерживать достоинство двухъ фамилій. Для молодаго лорда она держала особую прислугу; выѣзжала изъ дому не иначе, какъ въ золоченой каретѣ шестерней; зàмокъ содержался чисто и опрятно; мебель и сады сохранялись превосходно; такъ что во время нашего посѣщенія Ирландіи мы не встрѣчали ни одного дома, который бы находился въ такомъ отличномъ состояніи, какъ зàмокъ Линдонъ. Тамъ состояло до двадцати бойкихъ служанокъ въ половину противъ этого числа расторопныхъ лакеевъ; въ немъ все было въ такомъ превосходномъ порядкѣ, какъ только

можно ожидать отъ хорошей домоправительницы. И все это дѣлала она, не требуя отъ насъ ни малѣйшаго вспомоществованія. Въ паркахъ она откармливала овецъ и рогатый скотъ, и получала большія выгоды, отправляя ихъ на рынокъ въ Баллинасло; она снабжала, ужь я и постичь не могу какимъ образомъ, множество городовъ масломъ и окороками. Плоды и овощи изъ садовъ и огородовъ зàмка Линдонъ пользовались на дублинскомъ рынкѣ отличной репутаціей. Въ кухнѣ ея, какъ и въ кухняхъ бòльшей части ирландскихъ домовъ, не было особенной роскоши; погреба истощались весьма медленно, или, вѣрнѣе, совсѣмъ не истощались, потому что старушка лэди пила одну только воду, и почти никого къ себѣ не принимала. Все ея общество состояло изъ двухъ — трехъ дѣвицъ, и предмета моей прежней страсти, Норы Брэди, въ настоящее время мистриссъ Квинъ, которая прожила съ мужемъ все свое состояніе, и однажды пріѣхала въ Линдонъ повидаться со мной. Она постарѣла, растолстѣла, была безъ вкуса одѣта, и имѣла при себѣ двухъ грязныхъ ребятишекъ. Увидѣвъ меня, она горько заплакала; называла меня «сэръ» и «мистеръ Линдонъ», просила помочь ея мужу, чтò я и сдѣлалъ, доставивъ ему, чрезъ друга моего лорда Крэбса, мѣсто въ Акцизномъ Ирландскомъ судѣ, и заплативъ за переѣздъ его семейства и его самого въ Ирландію. Я нашелъ его грязнымъ, потеряннымъ, жалкимъ пьяницей. Глядя на бѣдную Нору, я не могъ не удивляться при воспоминаніи тѣхъ дней, когда считалъ ее за божество. Впрочемъ, полюбивъ однажды какую бы то ни было женщину, я оставался постояннымъ ея другомъ втеченіе всей моей жизни: я могъ бы представить тысячу примѣровъ моего великодушія и преданности.

Молодой Буллингдонъ былъ единственнымъ лицомъ, съ которымъ матушка моя, какъ говорится, не могла справиться. Извѣстія о немъ съ самого начала были таковы, что не могли не наполнять горестью родительское сердце. Онъ не признавалъ надъ собой никакой власти. Отправляясь на охоту или въ другія экспедиціи, милордъ не являлся домой по цѣлымъ недѣлямъ. Дома онъ былъ угрюмъ и молчаливъ; отказывалъ моей матушкѣ въ невинномъ удовольствіи поиграть съ ней вечеромъ въ карты; углублялся въ старыя ветхія книги, наполняя ими свою пустую голову; любилъ шутить и бесѣдовать съ лакеями и служанками въ людской, а не съ порядочными людьми въ гостинной; насмѣхался надъ мистриссъ Барри; словомъ, велъ жизнь, исполнен-

ную непокорности и скандала. Къ довершенію всего, молодой повѣса познакомился съ приходскимъ католическимъ священникомъ—страшнымъ бѣднякомъ, кончившимъ курсъ въ какой-то французской или испанской семинаріи, и совершенно бросилъ пастора зàмка Линдонъ, который, получивъ образованіе въ Оксфордскомъ университетѣ, держалъ гончихъ, и выпивалъ ежедневно по двѣ бутылки вина.

Обращая вниманіе на развитіе религіозныхъ понятій и убѣжденій въ молодомъ Буллингдонѣ, я принужденъ былъ ускорить образъ моихъ дѣйствій въ отношеніи къ нему. Если я имѣлъ какое нибудь правило, руководившее меня въ жизни, то оно заключалось въ уваженіи къ господствующей церкви, и въ искреннемъ нерасположеніи ко всѣмъ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Вслѣдствіе этого, въ 17 — году я отправилъ въ Дублинъ моего француза камердинера съ порученіемъ привезти ко мнѣ молодаго негодяя. Камердинеръ сообщилъ мнѣ, что Буллингдонъ наканунѣ отъѣзда провелъ всю ночь у своего друга-католика; что передъ самымъ отъѣздомъ онъ имѣлъ сильную ссору съ моей матерью; цаловалъ Бидди и Дози, своихъ маленькихъ племянницъ, которыя крайне сожалѣли о его отъѣздѣ; и что когда его просили зайти къ пастору зàмка Линдонъ, и проститься съ нимъ, онъ рѣшительно отказался, сказавъ, что не хочетъ видѣть стараго фарисея, и что его нога не будетъ въ домѣ этого лицемѣра. Пасторъ написалъ письмо, съ совѣтомъ, принять надлежащія мѣры къ исправленію этого бѣсенка, такъ называлъ онъ молодаго Буллингдона. Несмотря на то, что Буллингдона не жаловали порядочные люди въ округѣ, онъ пользовался огромной популярностью между простымъ сословіемъ. Въ то время, когда карета увозила его изъ зàмка, его со слезами провожали толпы народа. Десятки невѣжественныхъ, полудикихъ негодяевъ бѣжали подлѣ кареты нѣсколько миль; нѣкоторые изъ нихъ, уѣхавъ впередъ, встрѣтили Буллингдона въ Дублинѣ, въ Пиджонъ-хузѣ, чтобъ проститься съ нимъ въ послѣдній разъ. Большаго труда стоило взять мѣры, чтобъ безумные энтузіасты не спрятались на кораблѣ, и не пустились провожать молодаго лорда въ Англію.

Отдавая полную справедливость молодому человѣку, я долженъ сказать, что по пріѣздѣ его къ намъ, онъ имѣлъ мужественную и благородную осанку; всѣ его манеры и наружность отличали благородную кровь, отъ которой онъ происходилъ.

Онъ представлялъ собою живой портретъ нѣкоторыхъ изъ смуглыхъ членовъ фамиліи Линдонъ, портреты которыхъ висѣли въ хактонской галлереѣ, въ которой молодой человѣкъ любилъ проводить бóльшую часть свободнаго времени, углубляясь въ старыя пыльныя книги, которыя вынималъ изъ шкаповъ библіотеки, и видъ которыхъ приводилъ меня въ негодованіе. Передо мной онъ постоянно соблюдалъ суровое молчаніе; его надменный и презрительный видъ не нравился мнѣ тѣмъ болѣе, что въ его поведеніи я не могъ найти недостатковъ, хотя всѣ его поступки отличались величайшей дерзостью и гордостью. При первомъ свиданіи съ нимъ, его мать была сильно взволнована; быть можетъ и онъ въ душѣ своей тоже испытывалъ волненіе въ такой же степени, но не хотѣлъ обнаружить его. Поцаловавъ ей руку, онъ сдѣлалъ низкій, формальный поклонъ; и когда я протянулъ ему руку, онъ заложилъ свои за спину, устремилъ на меня пристальный взглядъ, и, слегка наклонивъ голову, сказалъ: — «Кажется, это мистеръ Барри Линдонъ», повернулся въ сторону, и началъ говорить съ матерью о состояніи погоды, безпрестанно повторяя «ваше сіятельство». Миледи Линдонъ крайне не понравилась такая холодная встрѣча; оставшись съ нимъ наединѣ, она строго замѣтила ему, почему онъ не пожалъ руки своему отцу.

— Моему отцу? сказалъ онъ: — вѣроятно, ваше сіятельство, вы ошибаетесь. Мой отецъ былъ сэръ Чарльзъ Линдонъ. Если другіе забыли его, то, покрайней мѣрѣ, я еще помню.

Я понялъ, что это было объявленіемъ войны, тогда какъ я душевно радовался пріѣзду мальчика, и приготовился жить съ нимъ дружелюбно. Но у меня ужь было въ характерѣ, за добро платить добромъ, за зло — зломъ. И кто можетъ винить меня за ссоры съ этимъ молодымъ повѣсой, кто станетъ обрушившееся на меня впослѣдствіи тяжелое бѣдствіе приписывать моему суровому обхожденію съ нимъ? Не я, а онъ положилъ начало нашей ссорѣ — непріятныхъ послѣдствій которой не я, а онъ, былъ виновникомъ.

Я думаю, всѣмъ извѣстно правило, что всякое зло уничтожать должно въ самомъ началѣ, и что отецъ семейства для исправленія недостатковъ въ своихъ дѣтяхъ долженъ немедленно употреблять свою власть. Согласно этому правилу, я воспользовался первымъ случаемъ сдѣлать доброе наставленіе мистеру Буллингдону, и на другой же день послѣ его пріѣзда, когда он

отказался исполнить мое приказаніе, не помню какое именно, я привелъ его въ кабинетъ и жестоко наказалъ его. Этотъ процессъ, признаюсь, сильно взволновалъ меня, потому что никогда еще я не рѣшался бить лорда бичемъ; но я скоро привыкъ къ этому; спина лорда Буллингдона и мой бичъ такъ хорошо познакомились другъ съ другомъ, что приступъ къ сближенію ихъ совершился безъ всякихъ церемоній.

Если исчислять всѣ примѣры неповиновенія и дерзкихъ поступковъ молодаго лорда, то я наведу на читателя скуку. Его упрямство, мнѣ кажется, было сильнѣе моего желанія исправить его; да и то сказать, какъ бы отецъ строго ни исполнялъ свои обязанности, нельзя же ему наказывать дѣтей своихъ цѣлый день, и за каждую шалость. Правда, я очень сурово обходился съ нимъ, но чаще щадилъ его, чѣмъ наказывалъ. Къ тому же, втеченіе восьми мѣсяцевъ, когда я оставался въ Лондонѣ для отправленія моихъ обязанностей въ Парламентѣ и при Дворѣ моего государя, Буллингдонъ совершенно освобождался отъ моего вліянія.

Во время моего отсутствія я позволялъ ему заниматься латинскимъ и греческимъ языками у стараго ректора, который крестилъ этого своенравнаго мальчика, и имѣлъ на него сильное вліяніе. Послѣ каждой сцены между нами, мой пасынокъ убѣгалъ въ ректорскій домъ искать тамъ убѣжища и совѣта; такъ что ректоръ былъ всегдашнимъ посредникомъ въ нашихъ раздорахъ. Однажды онъ привелъ негодяя въ Хактонъ, и, хотя далъ клятву не переступать порога моего дома, лично представилъ его мнѣ, и сказалъ:

— Я привелъ его къ вамъ, чтобъ онъ сознался въ своей шалости, и чтобъ вы наказали его по вашему усмотрѣнію.

Въ присутствіи двухъ-трехъ друзей, которые въ это время пили вино со мной, я наказалъ его, и къ похвалѣ его будь сказано, онъ перенесъ наказаніе, ни разу не вскрикнувъ, не сказавъ ни слова. Это съ одной стороны доказываетъ, что я наказалъ мальчика не очень жестоко, хотя и имѣлъ разрѣшеніе священника наказать его по моему усмотрѣнію.

Раза два или три, Лавендеръ, гувернеръ Брайана, покушался наказать милорда Буллингдона, но встрѣтилъ съ его стороны сильное сопротивленіе. Молодой повѣса пустилъ стуломъ въ оксфордскаго джентльмена, къ величайшему восхищенію маленькаго Брайана, который кричалъ при этомъ:

— Браво, Булли! тузи его, тузи!

И Булли, дѣйствительно, оттузилъ его такъ, что послѣ того мистеръ Лавендеръ не рѣшался возобновлять подобныхъ попытокъ, и довольствовался тѣмъ, что о шалостяхъ милорда доносилъ мнѣ, законному защитнику и покровителю милорда.

Странно, что съ моимъ сыномъ Буллингдонъ обходился весьма ласково. Онъ любилъ маленькаго Брайана, — какъ любили всѣ, кто только зналъ его — любилъ его тѣмъ болѣе, что онъ былъ «въ половину Линдонъ». Да и нельзя было не любить его: по просьбѣ этого милаго ангела: «папа, не сѣките сегодня бѣднаго Булли!»— я удерживался отъ гнѣва, и избавлялъ милорда отъ наказанія, которое онъ вполнѣ заслуживалъ.

Съ матерью своей, онъ, съ самого начала, не хотѣлъ имѣть никакого сношенія, говоря, что она ужь болѣе не принадлежитъ къ фамиліи Линдонъ, и зачѣмъ ему любить ее, если она никогда не была ему матерью? Эти слова дадутъ читателю хорошее понятіе объ упрямствѣ и угрюмомъ характерѣ мальчика. На меня жалуются, что я не хотѣлъ дать ему воспитанія, приличнаго джентльмену, не хотѣлъ послать его въ коллегію или школу; но дѣло въ томъ, что онъ самъ не хотѣлъ этого. Я неоднократно дѣлалъ ему предложенія, но онъ никогда не принималъ ихъ, и прошло много времени, прежде чѣмъ я узналъ, чтó такое могло привязывать его къ дому, для него столь непривлекательному.

Причина этой привязанности наконецъ обнаружилась. Между мной и миледи часто случались споры, въ которыхъ иногда былъ я неправъ, иногда она; а такъ какъ ни я, ни она, не имѣли ангельскаго характера, то споры наши почти всегда обращались въ сильную ссору. Я часто бывалъ пьянъ: а въ этомъ состояніи, желалъ бы я знать, кто можетъ владѣть собой? Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этомъ состояніи я обращался съ миледи весьма грубо, нерѣдко швырялъ въ нее стаканомъ, называлъ ее именами весьма нелюбезными. Я даже грозилъ убить ее, и разумѣется, подобными угрозами наводилъ ужасъ на нее.

Послѣ одной изъ такихъ ссоръ, когда лэди Линдонъ съ воплемъ бѣжала отъ меня по галлереямъ, а я, пьяный какъ лордъ, преслѣдовалъ ее, шатаясь изъ стороны въ сторону, Буллингдонъ, вызванный крикомъ матери изъ комнаты своей, догналъ меня въ тотъ самый моментъ, когда я хотѣлъ было схватить миледи, сбилъ меня съ ногъ, которыя были весьма не тверды, подхватилъ въ свои объятія мать, падавшую въ обморокъ, увелъ ее

в свою комнату, и тамъ, по ея убѣдительной просьбѣ, далъ клятву не оставлять ея домъ, пока она будетъ за мной замужемъ. Я ничего не зналъ объ этой клятвѣ, какъ не зналъ о пьяной выходкѣ, послужившей поводомъ къ этой клятвѣ. Меня уложили въ постель мои слуги, и по утру, я столько же помнилъ о моемъ поступкѣ, сколько помнилъ о событіяхъ того времени, когда я былъ груднымъ ребенкомъ. Лэди Линдонъ познакомила меня съ этимъ обстоятельствомъ спустя нѣсколько лѣтъ. Я упоминаю объ этомъ, чтобъ доказать свою невинность передъ тѣмъ, кто обвиняетъ меня въ жестокости къ моему пасынку. Пусть же мои клеветники оправдаютъ поступокъ дерзкаго негодяя, который послѣ обѣда сшибаетъ съ ногъ своего отчима, и своего ближайшаго покровителя.

Это обстоятельство послужило на нѣкоторое время поводомъ къ сближенію между матерью и сыномъ, — но характеры ихъ были весьма различны. Я увѣренъ, что милэди была слишкомъ привязана ко мнѣ, чтобъ позволить сыну питать къ ея мужу враждебныя чувства. Вмѣстѣ съ лѣтами увеличивалась и его ненависть ко мнѣ. Когда ему исполнилось шестнадцать лѣтъ, когда я, освобожденный на лѣтнее время отъ парламентскихъ занятій, пріѣхалъ въ Хактонъ, и, по обыкновенію, хотѣлъ наказать его, онъ далъ мнѣ понять, что не намѣренъ болѣе подчиняться моей власти, и, заскрежетавъ зубами, сказалъ, что застрѣлитъ меня, если я осмѣлюсь наложить на него руки. Я посмотрѣлъ на него; онъ выросъ, возмужалъ; съ этой поры я навсегда отказался отъ столь необходимой части его воспитанія.

Около этого-то времени я и набралъ отрядъ для военныхъ дѣйствій въ Америкѣ. Мои враги (число ихъ увеличилось послѣ побѣды моей надъ Типтоффомъ) начали распространять самую позорную молву относительно моихъ поступковъ съ своенравнымъ юношею, и обвинять меня, будто бы я хотѣлъ отъ него отдѣлаться. Такимъ образомъ, преданность моя къ государю, и желаніе мое служить на пользу общую, перетолковано было совершенно превратно: мнѣ приписывали чудовищное, неестественное покушеніе на жизнь Буллингдона. Говорили, будто бы я набралъ военный отрядъ, собственно съ тою цѣлію, чтобъ предоставить начальство надъ нимъ молодому виконту, и избавиться отъ него на всегда. Я увѣренъ, что было названо даже имя того человѣка въ этомъ отрядѣ, которому будто бы я поручилъ отправить виконта на тотъ свѣтъ, при первомъ генераль-

номъ сраженіи, и опредѣлена была плата, которую я долженъ былъ дать за эту щекотливую услугу.

У меня и въ умѣ ничего подобнаго не было. Я былъ тогда такого мнѣнія (предположеніе мое хотя и замедлило оправдаться, но все же оправдалось), что лордъ Буллингдонъ не нуждался въ моей помощи къ переходу на тотъ свѣтъ; ему самому посчастливилось найти дорогу туда, по которой онъ, конечно, и слѣдовалъ. По правдѣ сказать, онъ вступилъ на эту дорогу очень рано; изъ всѣхъ буйныхъ, дерзкихъ, непокорныхъ негодяевъ, когда либо причинявшихъ горе любящимъ родителямъ, онъ, разумѣется, былъ самый неисправимый; ни ласки, ни просьбы, ни побои, не производили на него надлежащаго дѣйствія.

Напримѣръ, когда гувернеръ проводилъ моего маленькаго сына въ столовую къ десерту, милордъ обращаясь къ ребенку, осыпалъ меня колкими сарказмами.

— Милое дитя, говорилъ онъ, лаская его: — какая жалость, что я не умираю до сихъ поръ, ради твоего благополучія! Со смертью моей Линдоны имѣли бы болѣе достойнаго представителя, и пользовались бы всѣми преимуществами знаменитой крови фамиліи Барри изъ Баррийога; — не правда ли, мистеръ Барри Линдонъ?

Для этихъ оскорбительныхъ рѣчей, онъ всегда выбиралъ такіе дни, когда у меня собиралось множество гостей.

Въ другой разъ (это было въ день рожденія Брайана) мы давали великолѣпный балъ, и наступило уже время явиться маленькому Брайану въ наше общество, въ щегольскомъ придворномъ нарядѣ (о, Боже мой! я не могу удержаться отъ слезъ при воспоминаніи о свѣтлыхъ взорахъ этого милаго, ненагляднаго личика!); — въ гостяхъ начался топотъ, всѣ столпились въ одно мѣсто, когда ребенокъ вошелъ въ гостиную вмѣстѣ съ своимъ полубратомъ, который явился, повѣрите ли вы? — въ чулкахъ, ведя за руку маленькаго Брайана, хлопавшаго по полу огромными башмаками милорда.

— Какъ вы находите, сэръ Ричардъ Варгрэвъ, — вѣдь ему башмаки мои впору? сказалъ дерзкій Буллингдонъ.

При этомъ гости посмотрѣли другъ на друга и обмѣнялись нѣсколько словами; лэди Линдонъ подошла къ лорду Буллингдону съ величайшимъ гнѣвомъ, взяла ребенка на руки, прижала его къ груди и сказала:

— Судя потому, какъ я люблю это дитя, милордъ, вамъ бы слѣдовало знать, какъ любила бы я его старшаго брата, еслибъ онъ оказался достойнымъ материнской любви!

Сказавъ это, лэди Линдонъ залилась слезами и удалилась. Молодой лордъ остался сконфуженнымъ.

Наконецъ, при одномъ случаѣ, его поведеніе ко мнѣ было до такой степени оскорбительно (это случилось въ отъѣзжемъ полѣ и при многочисленномъ собраніи), что я, потерявъ всякое терпѣніе, подскакалъ къ дерзкому негодяю, сбилъ его съ сѣдла, соскочилъ самъ на землю, и, съ помощію бича, прибѣгнулъ къ такой исправительной мѣрѣ, что еслибъ меня не удержали во время, то мнѣ кажется, я засѣкъ бы его до смерти. Онъ до такой степени взбѣсилъ меня, что я готовъ былъ совершить убійство, или всякое другое преступленіе.

Милорда почти замертво отнесли домой, гдѣ онъ пролежалъ два дня въ постели, въ лихорадочномъ состояніи, частію отъ досады и бѣшенства, и частію отъ моихъ побоевъ. Спустя три дня, когда послали въ его комнату освѣдомиться, почему онъ не является къ завтраку, на столѣ его нашли записку;—его постель была пуста и холодна. Молодой негодяй убѣжалъ, имѣвъ дерзость написать моей женѣ, своей матери, письмо обо мнѣ слѣдующаго содержанія:

«Милэди, я переносилъ, сколько можетъ перенесть человѣкъ, безчеловѣчное обхожденіе наглаго ирландскаго выскочки, котораго вамъ угодно было принять на ваше ложе. Я питаю къ нему отвращеніе, и вмѣняю себѣ въ непремѣнную обязанность презирать его, пока буду носить имя Линдона, котораго онъ недостоинъ; — я ненавижу его не столько за низкое его происхожденіе и варварство, сколько за его позорные поступки съ вашимъ сіятельствомъ, за его скотское, неблагородное поведеніе, за его явную супружескую невѣрность, за его расточительныя привычки, за его пьянство, за его безсовѣстное расхищеніе моего имѣнія и вашего. Эти оскорбленія вашей личности ужасаютъ и огорчаютъ меня болѣе, чѣмъ безславное поведеніе негодяя въ отношеніи ко мнѣ. Согласно обѣщанію, я бы оставался при особѣ вашего сіятельства, но въ послѣднее время вамъ угодно было держать сторону мужа; — и такъ какъ я не могу лично наказать этого низкаго разбойника, который, къ стыду моему, мужъ моей матери, не могу видѣть его обхожденія съ вами, обхожденія, сдѣлавшагося для меня

ненавистнѣе чумы, поэтому я рѣшился бѣжать изъ отечества, по крайней мѣрѣ на время его отвратительной жизни, или пока не кончится моя жизнь. По духовному завѣщанію моего родителя я имѣю право на небольшую сумму, которую, безъ всякаго сомнѣнія, мистеръ Барри украдетъ у меня при первой возможности, но которую, если ваше сіятельство питаете еще ко мнѣ хоть нѣсколько материнскихъ чувствъ, вы, быть можетъ, отдадите мнѣ. Банкиры Чильдсы могутъ получить приказаніе выдать мнѣ эту сумму при первомъ востребованіи; если они не получатъ подобнаго приказанія, то это нисколько меня не удивитъ, меня, который знаетъ, что вы находитесь въ рукахъ негодяя, готоваго пуститься грабить проѣзжихъ на большой дорогѣ; въ такомъ случаѣ я постараюсь отъискать для себя другую дорогу въ жизни, благороднѣе той, по которой пришелъ этотъ нищій, ирландскій авантюристъ, чтобъ отнять у меня мои права и мой родной кровъ.»

Это сумасбродное посланіе было подписано Буллингдономъ. Всѣ сосѣди утверждали, что я былъ виновникомъ побѣга, и хотѣлъ извлечь изъ этого выгоды; —тогда какъ объявляю, по чистой совѣсти, мое истинное и чистосердечное желаніе, по прочтеніи этого безсовѣстнаго письма, заключалось въ томъ, чтобы авторъ его находился отъ меня не далѣе, какъ на разстояніи длины моихъ рукъ; — тогда бы я имѣлъ возможность вразумительнѣе выразить ему свое мнѣніе относительно его особы. Искоренить предубѣжденіе противъ меня было не въ моей власти; — сосѣди мои настойчиво утверждали, что я хотѣлъ убить Буллингдона, тогда какъ объ убійствѣ я никогда не помышлялъ; — еслибъ даже я и хотѣлъ нанести сильный вредъ моему молодому врагу, то и тогда благоразуміе не позволило бы мнѣ прибѣгнуть къ крайности; я зналъ, что онъ самъ стремился къ своей погибели, зналъ, что онъ погибнетъ и безъ моего посредничества.

Прошелъ значительный промежутокъ времени, прежде, чѣмъ мы услышали объ участи молодаго повѣсы. Спустя мѣсяцовъ пятнадцать, я имѣлъ удовольствіе опровергнуть нѣкоторыя убійственныя обвиненія противъ меня, представленіемъ векселя за собственноручною подписью Буллингдона. Вексель этотъ былъ присланъ изъ арміи генерала Тарльтона въ Америкѣ, гдѣ отрядъ мой покрылъ себя неувядаемой славой. Но и послѣ этого нѣкоторые изъ моихъ друзей продолжали приписы-

вать мнѣ всякаго рода злые умыслы. Лордъ Типтоффъ не хотѣлъ вѣрить, чтобъ я согласился заплатить какой бы то ни было вексель, а тѣмъ болѣе вексель лорда Буллингдона; старая лэди Бетти Гримсби, сестра лорда Типтоффа, утверждала во всеуслышаніе, что вексель былъ фальшивый, что бѣднаго молодаго лорда не существуетъ на свѣтѣ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока ея сіятельство не получила письма отъ самого Буллингдона, который находился въ Нью-Йоркѣ при главной квартирѣ, и который въ заключеніе письма описалъ великолѣпный пиръ, данный офицерами гарнизона нашимъ знаменитымъ военачальникамъ, двумъ братьямъ Гоу.

Между тѣмъ, еслибъ я и въ самомъ дѣлѣ убилъ милорда Буллингдона, то мнѣ кажется, клевета и злословіе и тогда не преслѣдовали бы меня съ такимъ ожесточеніемъ и въ городѣ и въ провинціи. «Повѣрьте мнѣ, вы скоро услышите о смерти Буллингдона!» восклицалъ одинъ изъ моихъ пріятелей. «А вскорѣ потомъ послѣдуетъ и смерть лэди Линдонъ», присовокуплялъ другой. «Онъ женится на Дженни Джонсъ» говорилъ третій и т. д. Всѣ эти свѣдѣнія доставлялъ мнѣ Лавендеръ; весь округъ былъ вооруженъ противъ меня. Фермеры, въ рыночные дни, кланялись мнѣ нехотя, съ угрюмыми лицами и старались избѣгать встрѣчи со мной; джентльмены, сопровождавшіе меня на охоту, вдругъ бросили ее; на балу, который ежегодно давало дворянство округа, когда я аганжировалъ лэди Сузанъ Кеперморъ, и, по обыкновенію, занялъ третье мѣсто послѣ герцога и маркиза, всѣ пары отворачивались отъ насъ, когда мы подходили къ нимъ, такъ что мы принуждены были танцовать одни. Сузанъ Кэперморъ страстно любила танцы; она готова была танцовать на похоронахъ, лишь бы только приглашали ее, а я имѣлъ достаточно хладнокровія, чтобъ не обратить вниманія на это оскорбленіе, и потому мы танцовали съ самыми простыми людьми въ концѣ круга — съ аптекарями, виноторговцами, стряпчими и другими разночинцами, имѣвшими дозволеніе присутствовать въ нашихъ публичныхъ собраніяхъ.

Епископъ, родственникъ миледи Линдонъ, не хотѣлъ пригласить меня въ засѣданіе, — словомъ, невиннаго и благороднаго джентльмена со всѣхъ сторонъ преслѣдовало какое-то ожесточенное негодованіе.

Пріемъ мой въ Лондонѣ, куда я перевезъ жену и семейство, не отличался особеннымъ радушіемъ. Когда я явился въ Сентъ-

Джемскій дворецъ, его величество съ умысломъ спросилъ меня, давно ли я получилъ извѣстіе о лордѣ Буллингдонѣ? Я отвѣчалъ на этотъ вопросъ съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа:

— Государь! лордъ Буллингдонъ въ средѣ моего отряда поражаетъ мятежниковъ, которые возстали въ Америкѣ противъ короны вашего величества. Не соизволите ли, ваше величество, чтобъ я послалъ къ нему на помощь еще такой же отрядъ?

При этомъ король отвернулся отъ меня, и я съ нижайшимъ поклономъ удалился изъ пріемнаго зала. Когда лэди Линдонъ подходила къ рукѣ ея величества, королевы, въ гостиной, я узналъ, что ей сдѣланъ былъ тотъ же самый вопросъ; она воротилась домой въ сильномъ волненіи. И вотъ награда за мою преданность, за жертву, которую принесъ я для блага моего отечества! Я немедленно переѣхалъ всѣмъ домомъ въ Парижъ и встрѣтилъ тамъ совсѣмъ другой пріемъ; но, къ сожалѣнію, мое пребываніе среди очаровательныхъ удовольствій этой столицы было весьма непродолжительно. Французское правительство, давно уже принимавшее живое участіе въ дѣлахъ американскихъ мятежниковъ, признало наконецъ независимость Соединенныхъ-Штатовъ. Объявленіе войны сдѣлалось неизбѣжнымъ. Намъ приказано было выѣхать изъ Парижа, и я принужденъ былъ оставить тамъ двухъ-трехъ лэди въ глубокой горести. Это единственный городъ, гдѣ джентльменъ можетъ жить, какъ ему угодно, не подвергаясь стѣсненію со стороны жены. Втеченіе нашего пребыванія тамъ, графиня и я почти невидались другъ съ другомъ; мы встрѣчались только въ Версалѣ, за ломбернымъ столомъ королевы. Нашъ маленькій Брайанъ пріобрѣлъ удивительно изящныя манеры, дѣлавшія его предметомъ восхищенія для всѣхъ, кто только его зналъ.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, какъ я имѣлъ послѣднее свиданіе съ моимъ добрымъ дядей, кавалеромъ Баллибарри, котораго я оставилъ въ Брюсселѣ съ сильнымъ желаніемъ посвятить остатокъ дней своихъ спасенію души, и съ этой цѣлью онъ поступилъ въ тамошній монастырь. Послѣ того онъ снова вступилъ въ свѣтъ, къ величайшей досадѣ своей и раскаянію. На старости лѣтъ онъ страстно влюбился въ одну французскую актрису, которая поступила съ нимъ, какъ поступаетъ большая часть подобныхъ ей женщинъ: раззорила, бросила его, и насмѣялась надъ нимъ. Его раскаяніе было весьма назидательно. Подъ руководствомъ наставниковъ Ирландской Коллегіи, онъ еще

разъ обратилъ свои мысли къ религіи. Его единственная просьба ко мнѣ, когда я увидѣлъ его и спросилъ, чѣмъ могу помочь ему, состояла въ томъ, чтобъ я внесъ значительную сумму въ монастырь, въ который онъ намѣревался поступить. . . . . .

Разумѣется, я не могъ это сдѣлать. Мои религіозныя убѣжденія воспрещали мнѣ поощрять заблужденія другихъ вѣроисповѣданій. Вслѣдствіе моего отказа успокоить, какъ выражался дядя, преклонные дни его жизни, старый джентльменъ и я разстались довольно холодно.

Но дѣло вотъ въ чемъ: въ то время я самъ нуждался въ деньгахъ. Entre-nous, Розетта, изъ французской труппы, посредственная танцовщица, но очаровательная женщина раззорила меня покупкой бриліянтовъ, экипажей и мебели; къ этому нужно присовокупить весьма ощутительные проигрыши, такъ что для покрытія всѣхъ расходовъ я долженъ былъ прибѣгнуть къ растовщикамъ, заложить имъ брильянты лэди Линдонъ и придумать тысячи другихъ плановъ для пріобрѣтенія денегъ. Когда дѣло касалось чести, то могъ ли я отступить отъ него? или, кто можетъ сказать, что Барри Линдонъ, проигравъ пари, не заплатилъ его?

Что касается до моихъ честолюбивыхъ видовъ, до надеждъ на полученіе титула ирландскаго пера, то, по возвращеніи въ Лондонъ, я началъ убѣждаться, что вовлеченъ былъ въ безумное заблужденіе негодяемъ лордомъ Крэбсомъ, который любилъ брать съ меня деньги, а между тѣмъ, имѣлъ столько же силы къ доставленію мнѣ графской короны, сколько и папской тіары. Король, по пріѣздѣ моемъ изъ Европы, былъ также немилостивъ ко мнѣ, какъ и прежде. Отъ одного изъ адъютантовъ братьевъ короля, я узналъ, что мое поведеніе и мои удовольствія въ Парижѣ были представлены королю лазутчиками моихъ пріятелей въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, и что король, подъ вліяніемъ гнусной клеветы, назвалъ меня самымъ безнравственнымъ, самымъ безчестнымъ человѣкомъ въ трехъ Соединенныхъ королевствахъ. Я—безнравственный человѣкъ! Я служу позоромъ моему имени и очечеству! Услышавъ эти слова, я пришелъ въ такое бѣшенство, что немедленно отправился къ лорду Норту объясниться съ нимъ, получить отъ него позволеніе явиться къ королю, оправдаться передъ его особой въ такихъ обвиненіяхъ, представить ему на видъ мои услуги правительству и спросить,

когда обѣщанная награда, то есть титулы моихъ предковъ, будутъ дарованы мнѣ?

Жирный лордъ Нортъ принялъ меня съ сонной холодностью, которая постоянно производила на оппозицію въ Парламентѣ весьма непріятное впечатлѣніе. Онъ слушалъ меня съ полузакрытыми глазами. Когда я кончилъ длинную, шумную рѣчь, которую произносилъ, расхаживая взадъ и впередъ по его кабинету, и дѣлая жесты съ энергіей ирландца, онъ открылъ одинъ глазъ, улыбнулся, и спокойно спросилъ, все ли я высказалъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ отвѣчалъ:

— Прекрасно, мистеръ Барри! я буду отвѣчать вамъ по пунктамъ. Король, какъ вамъ извѣстно, чрезвычайно не любитъ жаловать титулы. Ваши права, какъ вамъ угодно называть ихъ, были представлены на усмотрѣніе его величества, и на это послѣдовалъ отвѣтъ его величества, что вы самый наглый человѣкъ въ его государствѣ, и заслуживаете не графскую корону, а петлю палача. Что касается до вашихъ услугъ правительству, то правительство вовсе въ нихъ ни нуждается. И затѣмъ, покорнѣйше прошу васъ удалиться.

Сказавъ это, онъ поднялъ руку къ колокольчику, позвонилъ, и спросилъ, не можетъ ли быть полезнымъ мнѣ еще въ чемъ нибудь.

Я воротился домой въ невыразимомъ бѣшенствѣ, и когда лордъ Крэбсъ явился, по приглашенію, къ обѣду, я сорвалъ съ него парикъ, швырнулъ ему въ лицо, и повторилъ тотъ же самый толчокъ, которымъ удостоилъ его король на лѣстницѣ въ Кью. Исторія эта на другой же день сдѣлалась извѣстною всему городу; во всѣхъ клубахъ и магазинахъ появились каррикатуры, изображавшія мое нападеніе на лорда Крэбса. Весь городъ смѣялся надъ изображеніемъ лорда и ирландца, и, безъ всякаго сомнѣнія, узнавалъ въ каррикатурѣ того и другаго. Что касается до меня, то въ тѣ дни я считался замѣчательнѣйшимъ человѣкомъ въ Лондонѣ, моя одежда, образъ моей жизни, мои экипажи были извѣстны всей столицѣ; моя популярность, не слишкомъ большая въ аристократической сферѣ, была весьма значительна во всѣхъ другихъ слояхъ общества. Народъ привѣтствовалъ меня громкими восклицаніами послѣ той сцены, въ которой почти убили моего друга, Джемми Твитчера и сожгли домъ лорда Мансфильда. Меня знали за истиннаго протестанта; послѣ ссоры моей съ Нортомъ, я тотчасъ же перешелъ на сто-

рону оппозиціи, и всѣми силами старался вредить ему и досаждать.

Къ несчастью, я не могъ нанести ему сильнаго удара, потому что былъ плохой ораторъ; къ тому же, въ 1780 году, вскорѣ послѣ безпокойствъ, произведенныхъ Гордономъ, Парламентъ былъ распущенъ и начались общіе выборы. Для меня наступило теперь несчастное время. Я принужденъ былъ доставать денегъ за самые раззорительные проценты, чтобъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Типтоффами, болѣе дѣятельными и ожесточенными противъ меня, чѣмъ когда нибудь.

Кровь кипитъ во мнѣ, когда я вспоминаю о бездѣльническомъ поведеніи моихъ враговъ при этихъ выборахъ. Меня выставляли за ирландскаго Рауля Синюю Бороду, на меня писали и печатали пасквили, въ грубыхъ каррикатурахъ изображали, что я сѣку розгами лэди Линдонъ, бичую лорда Буллингдона, выгоняю его изъ дому въ жестокую бурю и тому подобное. Однѣ картинки представляли бѣдную ирландскую хижину, въ которой я будто бы родился; въ другихъ — я изображенъ былъ лакеемъ съ сапожной щеткой и ваксой. На меня изливался потокъ клеветы и злословія, — потокъ, въ которомъ человѣкъ безъ моей твердости характера непременно бы утонулъ.

Хотя я смѣло встрѣтилъ моихъ обвинителей, хотя я расточалъ суммы денегъ на выборы, хотя я растворилъ настежь двери Хактонъ-Голля, гдѣ, равно какъ и во всѣхъ гостинницахъ рѣкой лилось бургонское и шампанское, но выборы шли не въ мою пользу. Все дворянство вооружилось противъ меня и присоединилось къ партіи Типтоффовъ; они распустили молву, что я силой держу при себѣ жену, и, несмотря на то, что я посылалъ ее въ городъ одну съ моими флагами и маленькимъ Брайаномъ на колѣняхъ, заставилъ ее сдѣлать визитъ женѣ мэра и другимъ дамамъ въ городѣ, ничто не могло разсѣять убѣжденія въ народѣ, что она живетъ въ страхѣ и трепещетъ меня. Грубая чернь до такой степени была дерзка, что осмѣлилась спрашивать ее, неужели она рѣшается ѣхать домой, и неужели ей нравятся удары бича передъ ужиномъ?

Я не былъ выбранъ.... и на меня градомъ со всѣхъ сторонъ посыпались векселя и подобные имъ документы. Кредиторы, какъ будто сговорились прислать мнѣ вдругъ всѣ обязательства, выданныя мною втеченіе супружеской жизни, такъ что на столѣ образовались изъ нихъ груды. Я не хочу называть сумму, на ко-

торую они простирались; скажу только, что эта сумма была ужасна. Я былъ опутанъ безвыходною сѣтью векселей и обязательствъ, закладныхъ и страховыхъ и всѣми страшными бѣдствіями, имѣющими съ ними неразрывную связь. Адвокаты за адвокатами пріѣзжали изъ Лондона, сдѣлки совершались за сдѣлками; для удовлетворенія этихъ несносныхъ обжоръ недостаточно было всѣхъ доходовъ лэди Линдонъ. Отдавая ей всю справедливость, я долженъ сказать, что въ этотъ затруднительный періодъ, она вела себя великодушно. Каждый разъ, когда мнѣ нужны были деньги, я обращался съ нею ласково, а обращаясь съ нею ласково я былъ увѣренъ въ возможности пробудить въ ней пріятное расположеніе духа; и тогда за одну недѣлю спокойствія и добраго согласія, она готова была удѣлить на уплату долговъ моихъ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Когда начались мои хлопоты въ Хактонѣ, и когда я рѣшился прибѣгнуть къ единственному средству, остававшемуся въ моемъ распоряженіи, именно, удалиться въ Ирландію, и уменьшить расходы, предоставивъ бо̀льшую часть доходовъ на удовлетвореніе кредиторовъ, миледи Линдонъ была внѣ себя отъ радости при одной мысли объ отъѣздѣ, и говорила, что если мы будемъ жить скромно и спокойно, то все будетъ прекрасно. Лэди Линдонъ, ради уединенія и домашняго спокойствія, которымъ надѣялась наслаждаться, готова была переносить сравнительную нищету, въ которой намъ предстояло теперь жить.

И такъ, мы немедленно отправились въ Бристоль, предоставивъ отвратительнымъ и неблагодарнымъ хактонскимъ недоброжелателямъ полную свободу поносить насъ, во время нашего отсутствія. Конюшня моя и гончія были проданы; гарпіи, въ образѣ кредиторовъ, мнѣ кажется, разорвали бы меня на части, еслибъ это было въ ихъ власти. Съ помощію ума и хорошей распорядительности, я продалъ мои копи и частныя помѣстья за настоящую цѣну. Такимъ образомъ, негодяи обманулись въ своихъ ожиданіяхъ; что же касается до серебра и имущества въ лондонскомъ домѣ, то они не смѣли прикоснуться къ нему, такъ какъ это была собственность наслѣдниковъ фамиліи Линдонъ.

Когда я удалился въ Ирландію и поселился на нѣкоторое время въ за̀мкѣ Линдонъ, то, мнѣ кажется, весь свѣтъ предполагалъ, что я уже совсѣмъ погибшій человѣкъ, что знаменитый и блестящій Барри Линдонъ уже больше никогда не покажется въ кружкахъ, которыхъ былъ украшеніемъ. Но они очень оши-

бались. Среди моихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, фортуна готовила для меня неожиданное утѣшеніе. Изъ Америки прибыли депеши, извѣщавшія о пораженіи лорда Корнваллиса въ Каролинѣ, и о смерти лорда Буллингдона.

Желаніе мое носить ничтожный ирландскій титулъ было самое слабое. Я радовался за своего сына, который сдѣлался теперь наслѣдникомъ англійскаго графства, и имѣлъ неотъемлемое право на титулъ лорда виконта зàмка Линдонъ, на третій изъ титуловъ въ этой фамиліи. Матушка моя почти съума сходила отъ радости, называя внука своего «милордомъ». Всѣ мои страданія и лишенія щедро вознаграждались тѣмъ, что любимый сынъ мой занялъ такой почетный постъ въ государствѣ.

ГЛАВА XIX.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Еслибъ свѣтъ не былъ составленъ изъ расы неблагодарныхъ негодяевъ, которые раздѣляютъ съ вами ваше благополучіе, пока оно продолжается, и, даже въ то время, когда вы откармливаете ихъ дичью и отпаиваете бургондскимъ, — смѣются надъ вашимъ великодушіемъ, я увѣренъ, что заслужилъ бы доброе имя и отличную репутацію въ Ирландіи, гдѣ щедрость моя была безгранична, гдѣ съ роскошью моего дома и моими пирами не могъ поравняться ни одинъ современный мнѣ нобльменъ. Пока длилось мое великолѣпіе, вся страна имѣла полную свободу пользоваться имъ. Въ моихъ конюшняхъ стояло столько кровныхъ скакуновъ, что можно бы было ремонтировать драгунскій полкъ; въ погребахъ моихъ было столько вина, что можно бы было поить допьяна цѣлые округи втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ. — Зàмокъ Линдонъ обратился въ главную квартиру множества бѣдныхъ джентльменовъ. Я неиначе выѣзжалъ на охоту, какъ сопровождаемый десятками молодыхъ людей изъ лучшихъ фамилій въ государствѣ. Мой сынъ, маленькій виконтъ, представлялъ собою принца; его воспитаніе и манеры, даже въ раннемъ его возрастѣ, показывали въ немъ достойнаго представителя двухъ фамилій, отъ которыхъ онъ происходилъ, и, право, ужь я и не знаю, какія громадныя надежды основывалъ я на этомъ мальчикѣ, и предавался тысячѣ сладостныхъ мечтаній относительно

его будущаго успѣха въ жизни, и роли, которую ему суждено будетъ разыгрывать въ свѣтѣ. Но судьбѣ угодно было, чтобъ я не оставилъ потомства, и окончилъ свое поприще бѣднымъ, одинокимъ и бездѣтнымъ. Конечно, я имѣлъ многіе недостатки, но никто не можетъ сказать, что я не былъ добрымъ и нѣжнымъ отцомъ. Я любилъ этого мальчика страстно, даже, можетъ быть, съ слѣпымъ пристрастіемъ; я ни въ чемъ ему не отказывалъ. О, съ какою бы радостью пожертвовалъ я собою, чтобъ только сохранить его драгоцѣнную жизнь! Мнѣ кажется, съ тѣхъ поръ, какъ я лишился его, не проходитъ дня, въ который бы его свѣтлое личико съ плѣнительной улыбкой не смотрѣло на меня съ высоты Небесъ, куда переселился онъ; не проходитъ дня, въ который бы я не думалъ о соединеніи съ нимъ. Смерть похитила этого прелестнаго ребенка на девятилѣтнемъ возрастѣ, въ самомъ цвѣтѣ красоты, когда онъ обѣщалъ такъ много; память о немъ такъ глубоко запала въ мое сердце, что я никогда не могъ забыть его; его душа витала по ночамъ около моей одинокой подушки; много разъ, въ веселой и шумной бесѣдѣ, въ то время, когда бутылка переходила изъ рукъ въ руки въ круговую, когда раздавались и громкій говоръ и громкій хохотъ, я задумывался и углублялся въ воспоминаніе о немъ. И теперь еще я ношу на груди моей локонъ его шелковистыхъ каштановыхъ волосъ; этотъ локонъ, я унесу его съ собой въ бѣдную могилу, куда скоро, безъ сомнѣнія, будутъ положены больныя старыя кости Барри Линдона.

Мой Брайанъ имѣлъ удивительно бойкій характеръ, обуздывать который даже и я не всегда былъ въ состояніи, а тѣмъ болѣе мать и другія женщины, надъ попытками которыхъ управлять имъ онъ часто смѣялся. Даже моя мать (она называла себя мистриссъ Барри Линдонъ, въ честь моей новой фамиліи) не имѣла на него ни малѣйшаго вліянія; изъ этого не трудно заключить, какою силою воли обладалъ этотъ ребенокъ. Еслибъ не эта воля, то, быть можетъ, онъ жилъ бы и теперь: быть можетъ..... но зачѣмъ эти сѣтованія? Не въ лучшемъ ли онъ мѣстѣ теперь? Какую бы пользу оказало ему наслѣдство нищаго?— Все дѣлается къ лучшему.... во всемъ воля Божія! Чтожь дѣлать, если мнѣ, его отцу, суждено остаться въ этомъ мірѣ, съ тѣмъ, чтобъ оплакивать его преждевременную смерть.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ я отправился въ Дублинъ, повидаться съ однимъ адвокатомъ и денежнымъ человѣкомъ, пріѣхавшимъ

въ Ирландію посовѣтоваться со мной насчетъ вырубки Хактонскаго лѣса, который я рѣшился продать до послѣдней вѣтки, потому что мѣсто это мнѣ страшно опротивѣло и къ тому же я сильно нуждался въ деньгахъ. Въ этой сдѣлкѣ встрѣтились нѣкоторыя затрудненія. Мнѣ сказали, что я не имѣю права распоряжаться лѣсомъ. Въ невѣжественныхъ крестьянахъ, населявшихъ помѣстье, до такой степени возбуждена была ненависть ко мнѣ, что бездѣльники отказались прикоснуться къ деревьямъ топоромъ, и мой агентъ (этотъ мошенникъ—Ларкинсъ) писалъ ко мнѣ, что его жизнь будетъ въ опасности, если онъ рѣшится на дальнѣйшее опустошеніе помѣстья. Къ этому времени роскошная мебель въ Хактонѣ была вся распродана; а что касается до серебра, то я озаботился взять его съ собой въ Ирландію, и поручить его храненію банкира, который впослѣдствіи, когда мнѣ встрѣтилась самая крайняя нужда въ деньгахъ, выдалъ за него шесть тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

И такъ, я отправился въ Дублинъ, повидаться тамъ съ англійскими купцами, и до такой степени умѣлъ убѣдить мистера Сплинта, плимутскаго кораблестроителя и лѣсоторговца, что за Хактонскій лѣсъ онъ согласился немедленно выдать мнѣ одну треть настоящей его стоимости, всего пять тысячъ фунтовъ, которые я, стѣсняемый со всѣхъ сторонъ кредиторами, принялъ съ удовольствіемъ. Мистеръ Сплинтъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго затрудненія къ вырубкѣ лѣса. Онъ взялъ цѣлый полкъ плотниковъ и пильщиковъ съ своей собственной и съ королевской Плимутской верфи, и черезъ два мѣсяца Хактонскій Паркъ представлялъ собою пространство безлѣснѣе болота Олленъ.

Эта поѣздка и эти деньги не посчастливились мнѣ. Большую часть изъ нихъ я проигралъ въ клубѣ Дэли, и, слѣдовательно, долги мои не уменьшились ни на пенни. Изъ всей суммы, полученной мною за Хактонскій лѣсъ, осталось какихъ нибудь двѣсти фунтовъ, съ которыми я и возвратился домой въ весьма унылом ъ расположеніи духа; между тѣмъ, мои дублинскіе кредиторы слѣдили за мной, и, услышавъ, что я проигрался, подали на меня ко взысканію на нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Несмотря на неудачу въ игрѣ, я купилъ въ Дублинѣ, согласно моему обѣщанію—а когда я обѣщаю что нибудь, то непремѣнно исполняю, какихъ бы ни стоило мнѣ пожертвованій,—маленькую лошадь въ подарокъ милому Брайану, въ наступавшій

десятый день его рожденія. Это было прекрасное животное и стоило мнѣ порядочной суммы; но для моего неоцѣненнаго сына, я не жалѣлъ денегъ. Лошадь была довольно дикая: она сшибла съ себя одного изъ моихъ жокеевъ, который хотѣлъ было ѣхать на ней, и черезъ эту попытку онъ сломалъ себѣ ногу. Я же ѣхалъ на ней весьма покойно почти до самого дома, но ее усмиряло мое искусство и моя тяжесть.

Подъѣзжая къ дому, я приказалъ отвести ее въ домъ одного фермера, съ тѣмъ, чтобы онъ хорошенько ее выѣздилъ, Брайану же, который съ нетерпѣніемъ хотѣлъ увидѣть маленькую лошадку, сказалъ, что ее приведутъ въ день его рожденія; и тогда я обѣщалъ ему взять его въ отъѣзжее поле, а себѣ — удовольствіе познакомить прелестнаго мальчика съ охотой, которою со временемъ онъ долженъ былъ управлять вмѣсто своего нѣжно-любящаго отца. Но увы! Этому отважному мальчику не суждено было мчаться по полямъ за красными звѣремъ, не суждено было занять почетное мѣсто между дворянствомъ его отечества, мѣсто, которое предоставляли ему его происхожденіе и геніальныя способности!

Я не вѣрю ни снамъ, ни предчувствіямъ, но не могу не сознаться, что когда человѣку угрожаетъ какое нибудь несчастіе, то оно не иначе приходитъ, какъ съ странными и страшными предзнаменованіями. Лэди Линдонъ два раза видѣла во снѣ своего сына; но, какъ въ это время она была чрезвычайно нервозна и раздражительна, то я не обращалъ ни малѣйшаго вниманія ни на ея, ни на свои собственныя опасенія. Въ минуту неосторожности за бутылкой вина послѣ обѣда, я проговорился Брайану, что лошадь уже приведена, и что она находится на фермѣ Дулана, гдѣ грумъ Миннъ выѣзжаетъ ее.

— Обѣщай мнѣ, Брайанъ, вскричала мать: — что безъ отца ты не будешь ѣздить на ней.

— Вы бы лучше молчали, сударыня, сказалъ я, разсердясь на ея неумѣстную боязливость, которая проявлялась теперь въ ней безпрестанно; но вмѣстѣ съ тѣмъ, я обратился къ Брайану и прибавилъ: — я обѣщаю вамъ, милордъ, хорошія розги, если вы осмѣлитесь сѣсть на эту лошадь безъ моего позволенія.

Полагаю, что такое обѣщаніе не испугало мальчика, нетерпѣливо желавшаго испытать удовольствіе прокатиться верхомъ на маленькой лошадкѣ; а вѣрнѣе всего, онъ былъ увѣренъ, что любящій отецъ не сдержитъ такого обѣщанія, потому что на

другой день, когда я, послѣ вечерней попойки, всталъ довольно поздно, мнѣ донесли, что Брайанъ вышелъ изъ дому на разсвѣтѣ, проскользнувъ черезъ комнату своего наставника (это былъ Редмондъ Квинъ, нашъ кузенъ, котораго я взялъ на свое содержаніе) и я ни сколько не сомнѣвался, что шалунъ ушелъ на ферму Дулана.

Я взялъ большой бичь и во весь опоръ поскакалъ за нимъ, давъ себѣ клятву сдержать свое обѣщаніе. Но, да проститъ меня Небо! Въ трехъ миляхъ отъ зàмка я увидѣлъ идущую ко мнѣ на встрѣчу печальную процессію; крестьяне стонали и выли, какъ это водится въ подобныхъ случаяхъ у ирландцевъ; подлѣ вели черную лошадь подъ уздцы, и на снятой съ петель двери, которую несли нѣсколько человѣкъ, лежалъ мой несчастный, мой милый, мой неоцѣненный маленькій Брайанъ. Да, это онъ, онъ въ сапожкахъ со шпорами, въ малиновомъ кафтанчикѣ, обшитомъ золотомъ! Его ненаглядное личико покрылось мертвенной блѣдностью. Протянувъ мнѣ рученку, онъ улыбаясь сказалъ мнѣ, болѣзненнымъ, умирающимъ голосомъ: — папа, вѣдь вы не накажете меня? — да, папа? Въ отвѣтъ на эти слова я залился слезами. Я много разъ видѣлъ умирающаго человѣка; мнѣ знакомъ и предсмертный взглядъ. Въ сраженіи при Кунерсдорфѣ, пуля сразила маленькаго барабанщика, котораго я очень любилъ; и когда я подбѣжалъ, чтобъ дать ему нѣсколько капель воды, онъ посмотрѣлъ на меня съ тѣмъ же самымъ выраженіемъ, съ которымъ смотрѣлъ на меня маленькій Брайанъ.... въ этомъ взорѣ нельзя было ошибиться. Мы принесли его домой и во всѣ стороны разослали гонцовъ за докторами.

Но что сдѣлаетъ докторъ? въ состояніи ли онъ оказать какую нибудь помощь въ борьбѣ съ страшнымъ, непреклоннымъ, непобѣдимымъ врагомъ? Медики только подтвердили наши опасенія, только увеличили наше отчаяніе своими словами о безнадежномъ положеніи мальчика. Брайанъ ловко вскочилъ на лошадь, твердо сидѣлъ на ней, когда она бѣсилась и прыгала, и, наконецъ, преодолѣвъ ея упрямство и бѣшенство, направилъ ее черезъ каменный заборъ, подлѣ дороги. На вершинѣ этого забора лежало нѣсколько ни съ чѣмъ не связанныхъ камней; лошадь задѣла за нихъ передними копытами и вмѣстѣ съ храбрымъ наѣздникомъ опрокинулась на другую сторону. Маленькій Брайанъ въ одинъ моментъ вскочилъ на ноги и бросился за лошадью, которая, лягнувъ его въ спину, вырвалась изъ рукъ,

и понеслась по полямъ; но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, бѣдный Брайанъ упалъ, какъ простреленный пулей. Блѣдность покрыла лицо его, и крестьяне думали, что онъ уже умеръ. Несчастный ребенокъ пришелъ, однакоже, въ чувство, когда ему влили въ ротъ нѣсколько капель вина: но онъ не могъ пошевелить ни однимъ членомъ; у него поврежденъ былъ хребетъ; нижняя часть всего тѣла находилась уже въ омертвѣломъ состояніи, когда его уложили въ постель; жизнь въ другой половинѣ не долго продержалась. Онъ провелъ съ нами еще два дни, и въ эти два дни тщетно утѣшали мы себя, тщетно поддерживали надежду на его выздоровленіе.

Втеченіе этого времени, характеръ милаго ангела, повидимому, совсѣмъ измѣнился. Онъ просилъ и мать и меня простить его за непослушаніе, въ которомъ чувствовалъ себя виновнымъ передъ нами; неоднократно повторялъ, что ему хотѣлось бы видѣть брата своего Буллингдона, и говорилъ:

— Булли лучше васъ, папа; онъ никогда такъ не бранится; онъ училъ меня многому хорошему, когда васъ не было дома.

Взявъ руку матери и мою, въ свои маленькія ручонки, онъ просилъ насъ не ссориться и любить другъ друга, чтобъ мы могли встрѣтиться на Небесахъ, куда, по словамъ Булли, не принимаютъ тѣхъ людей, которые бранятся. Лэди Линдонъ была тронута до глубины души увѣщаніями бѣднаго, страдавшаго ангела; не менѣе ея былъ тронутъ и я. Я бы желалъ, чтобъ она доставила мнѣ возможность слѣдовать совѣту, который завѣщалъ намъ умирающій мальчикъ.

Наконецъ, черезъ два дни онъ умеръ. Я лишился надежды моей фамиліи, счастія и гордости моей жизни, звена, соединявшаго меня и лэди Линдонъ.

— О, Редмондъ, говорила она, на колѣняхъ подлѣ милаго праха: — послѣдуемъ истинѣ, высказанной этимъ ангеломъ, — исправь свою жизнь, и обходись съ твоей бѣдной, любящей и преданной тебѣ женой, какъ совѣтовалъ умирающій ребенокъ!

И я обѣщалъ ей; но бываютъ обѣщанія, выполнить которыя внѣ человѣческой власти, особенно въ отношеніи къ такой женщинѣ, какъ моя жена. Впрочемъ, послѣ этого печальнаго событія, мы значительно сблизились другъ съ другомъ, и втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, были совершенными друзьями.

Не считаю за нужное говорить, съ какою роскошью мы похоронили его. У дверей склепа, въ который мы опустили драго-

цѣнный прахъ Брайана, я застрѣлилъ роковую лошадь, которая убила его. Я находился въ такомъ бѣшенствѣ, что готовъ былъ застрѣлить самого себя. Еслибъ я не страшился такого страшнаго преступленія, то сдѣлалъ бы это, и быть можетъ къ лучшему; потому что, какова была жизнь моя съ тѣхъ поръ, когда съ груди моей сорвали этотъ плѣнительный цвѣтокъ?—Меня ожидалъ впереди нескончаемый рядъ бѣдствій, обидъ, несчастій, умственныхъ и тѣлесныхъ страданій, никогда еще не выпадавшихъ на долю человѣка.

Лэди Линдонъ, постоянно капризная и раздражительная, сдѣлалась, послѣ катастрофы съ нашимъ сыномъ, еще тревожнѣе и предалась набожности съ такимъ пламеннымъ усердіемъ, что въ иныя минуты вы бы приняли ее за съумасшедшую. Ей показывались различныя видѣнія. То прилеталъ къ ней ангелъ и говорилъ, что смерть Брайана была наказаніе ей за ея пренебреженіе къ своему первенцу. То она видѣла во снѣ Буллингдона все еще въ живыхъ; то предавалась такой глубокой горести о его кончинѣ, какъ будто она лишилась единственнаго и лучшаго сына, тогда какъ Брайанъ, сравнительно съ Буллингдономъ, былъ тоже самое, что алмазъ передъ простымъ булыжникомъ. Тяжело было видѣть ея съумасбродныя причуды, и трудно преодолѣть. Въ округѣ начали поговаривать, что графиня лишилась разсудка. Мои злые враги не замедлили подтвердить молву, и присовокупить, что я былъ причиною ея помѣшательства, что я довелъ ее до съумасшествія, что я убилъ не только Буллингдона, но и роднаго сына; ужь я и не помню, чего только они не приводили въ мое обвиненіе. Ихъ ненавистныя клеветы даже и въ Ирландіи достигли своей цѣли; — мои друзья стали покидать меня. Какъ и въ Англіи, они начали съ того, что перестали принимать участіе въ охотѣ; и, когда я пріѣзжалъ на конскія скачки или на ярмарку, они находили причины избѣгать встрѣчи со мной. Меня называли то нечестивымъ Барри, то Линдонскимъ демономъ; провинціальные сквайры сочиняли на счетъ меня удивительныя легенды; пасторы говорили, что во время Семилѣтней Войны я перерѣзалъ безчисленное множество монахинь, что призракъ Буллингдона каждую ночь посѣщаетъ мой домъ. Однажды на ярмаркѣ въ сосѣднемъ городѣ, когда я намѣревался купить куртку для одного изъ моихъ лакеевъ, — стоявшій подлѣ меня человѣкъ сказалъ: «эту куртку онъ покупаетъ для милэди Линдонъ».—Изъ этого

обстоятельства возникла легенда о жестокости моей къ женѣ; — при этомъ множество подробностей было разсказываемо относительно моей изобрѣтательности мучить и терзать ее.

Потеря сына производила тяжелое впечатлѣніе не только на мое сердце, какъ на сердце любящаго отца, но и вредила моимъ личнымъ интересамъ въ весьма значительной степени, потому что теперь, когда не было прямаго наслѣдника на имѣнье Линдонъ, когда здоровье лэди Линдонъ совершенно разстроилось и не было ни малѣйшей надежды на приращеніе семейства,—гнусные Типтоффы, поставивъ себя въ главѣ партіи, образовавшейся съ цѣлію распространять о мнѣ невыгодные слухи, начали употреблять тысячи средствъ къ моему огорченію. Они вмѣшивались во всѣ мои распоряженія по имѣніямъ, поднимали страшную тревогу, когда я срѣзывалъ въ лѣсу палочку, отдавалъ на аренду клочокъ негодной земли, продавалъ картины, или посылалъ въ передѣлку нѣсколько унцій серебра. Они запутывали меня въ нескончаемыя тяжбы, подавали жалобы лорду Канцлеру, затрудняли моихъ агентовъ въ исполненіи ихъ обязанностей: — словомъ, заставляли меня считать мою собственность за чужую, и распоряжались какъ имъ было угодно. Что еще хуже всего, они имѣли сношенія и сдѣлки съ моей прислугой; потому-то, малѣйшее замѣчаніе, сдѣланное мною лэди Линдонъ, было извѣстно повсюду; — пріятельская веселая бесѣда, по ихъ клеветѣ, превращалась въ шумную оргію. Они увеличивали счетъ выпитыхъ мною бутылокъ и произнесенныхъ ругательствъ до невѣроятнаго числа. Конечно, въ послѣднемъ обстоятельствѣ было много правды; въ этомъ я признаюсь чистосердечно. Я человѣкъ, какъ говорится, старой школы, любилъ пожить и поговорить, ни чѣмъ не стѣсняясь; но, во всемъ, что я дѣлалъ и говорилъ, не было ничего дурнаго, какъ у многихъ негодяевъ, которые прикрываютъ свои пороки маской лицемѣрства.

Признаваясь во всемъ откровенно, я не могу утаить, что употреблялъ всевозможныя усилія и средства къ отвращенію козней враговъ моихъ. Я прибѣгнулъ даже къ хитрости, не вполнѣ оправдываемой. Все мое благополучіе зависѣло отъ наслѣдника имени и состоянія фамиліи Линдонъ. Умри только лэди Линдонъ, здоровье которой съ каждымъ днемъ становилось все слабѣе и слабѣе, и я на другой же день остался бы нищимъ; всѣ мои денежныя пожертвованія на улучшеніе помѣстья пропалибъ ни за что; всѣ долги остались бы на моихъ плечахъ; всѣ

враги мои восторжествовали бы, а это, для человѣка съ благородной душой, было бы убійственно.

По этому, признаюсь, самымъ искреннимъ, самымъ пламеннымъ моимъ желаніемъ было — взять верхъ надъ негодяями, а такъ какъ я не могъ этого сдѣлать, не имѣя наслѣдника, то *рѣшился*, во что бы то ни стало, *пріобрѣсть его*. Еслибъ я имѣлъ его, хотябъ и не совсѣмъ прямаго, относительно моей крови, то дѣло приняло бы совершенно другой оборотъ. Я сообщилъ этотъ планъ леди Линдонъ, которую заставилъ быть, по крайней мѣрѣ наружно, самой послушнѣйшей женой;—но несмотря на то обстоятельство, что никогда не позволялъ ни одному письму ни отъ нея, ни къ ней пройти мимо моихъ рукъ, что не позволялъ ей видѣть никого, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя, по моему мнѣнію, и при ея разстроенномъ здоровьи, могли составлять ей самое приличное общество, — гнусные Типтоффы узнали объ этомъ планѣ, протестовали противъ него, не только письмомъ, но и позорными, оскорбительными статьями въ журналахъ, въ которыхъ называли меня отцомъ «подложныхъ дѣтей». Само собою разумѣется, я отвергалъ эту клевету—и нельзя было не отвергать ее; я предложилъ встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ Типтоффовъ на полѣ чести, съ тѣмъ, чтобъ доказать ему, что онъ бездѣльникъ и лжецъ, хотя, быть можетъ, и не въ этомъ случаѣ. Но они отказались отъ предложенія, которое принялъ бы всякій благородный человѣкъ. Мои надежды на пріобрѣтеніе наслѣдника разсѣялись совершенно. Леди Линдонъ воспротивилась предложенію съ такой энергіей, какою только можетъ располагать слабодушная, больная женщина: — она говорила, что сдѣлавъ уже одно преступленіе, скорѣе согласится умереть, чѣмъ рѣшится на другое. Однакожъ, я легко успокоилъ ея сіятельство: планъ не удался, и тщетно было бы повторять попытку. Еслибъ мы имѣли теперь дюжину законныхъ дѣтей, то враги мои непремѣнно бы сказали, что они у насъ пріемыши.

И такъ, дѣла мои находились теперь въ самомъ дурномъ положеніи. Всѣ предпріятія мои рѣшительно неудавались; — мои земли, купленныя на занятыя деньги, не приносили ни малѣйшей прибыли, между тѣмъ, я долженъ былъ платить огромные проценты за суммы, на которыя они были куплены. Я чувствовалъ, что сѣть, опутавшая меня, становилась все плотнѣе и плотнѣе, и я не видѣлъ никакой возможности вырваться изъ ея петель.

Въ добавокъ ко всѣмъ моимъ стѣсненнымъ обстоятельствамъ, спустя два года послѣ смерти Брайана, моя жена, причуды и странности характера которой я переносилъ втеченіе двѣнадцати лѣтъ, рѣшилась оставить меня, и уже составила планъ избѣгнуть, какъ она выражалась, моего тиранства.

Моя мать, единственное существо, остававшееся вѣрнымъ мнѣ во время моихъ несчастій (и дѣйствительно, она одна говорила о мнѣ какъ должно и представляла меня въ надлежащемъ свѣтѣ; она одна считала меня жертвой моего собственнаго великодушнаго и довѣрчиваго характера), моя мать, говорю я, первая открыла заговоръ, въ которомъ хитрые и злобные Типтоффы, по обыкновенію, были главными дѣйствующими лицами. Мистриссъ Барри, несмотря на тяжелый характеръ, была неоцѣненною особой для меня въ моемъ домѣ, который давнымъ бы давно дошелъ до совершеннаго раззоренія, еслибъ не ея распорядительность, и превосходная экономія въ содержаніи моей многочисленной фамиліи. Что касается до лэди Линдонъ, то она была слишкомъ элегантная лэди, чтобъ заниматься хозяйствомъ;— она проводила цѣлые дни съ своимъ докторомъ, или за книгами, являлась между нами только по моему приглашенію, и при этихъ случаяхъ между ней и моей матерью непремѣнно возникала ссора.

Мистриссъ Барри, напротивъ, имѣла особенный талантъ къ управленію дѣлами всякаго рода. Она заставляла служанокъ ходить, какъ говорится по струночкѣ, а лакеевъ исполнять свои обязанности быстро; въ одно и то же время она наблюдала за бургонскимъ въ погребѣ, и за овсомъ и сѣномъ на конюшнѣ; за соленьемъ и вареньемъ, за картофелемъ и сѣнокосомъ, за боемъ поросятъ и домашней птицы, за прачечной и пекарней, и за тысячью мелочей огромнаго хозяйства. Еслибъ всѣ ирландскія домохозяйки были подобны ей, то, увѣряю васъ, во многихъ домахъ тамъ, гдѣ слоями наростаетъ теперь пыль и паутина,—пылалъ бы въ каминахъ яркій огонекъ, во многихъ паркахъ, тамъ, гдѣ растетъ теперь одинъ только чертополохъ,—паслись бы стада овецъ и рогатаго скота. Если что нибудь спасало меня отъ послѣдствій бездѣльничества моихъ враговъ, и моего простаго, великодушнаго и безпечнаго характера, такъ одно только удивительное благоразуміе этого неоцѣненнаго созданія. Она никогда не ложилась спать, пока не водворялось во всемъ домѣ спокойствіе и тишина, пока не потухали всѣ свѣчи; а вы мо-

жете себѣ представить, что это ей стоило не малаго труда при человѣкѣ съ моими привычками, при человѣкѣ, у котораго каждый вечеръ собиралось до дюжины весельчаковъ (хитрыхъ бездѣльниковъ и коварныхъ друзей, какъ оказалось впослѣдствіи), который пилъ съ ними до поздняго часа, и который рѣдко ложился спать въ трезвомъ видѣ. Много и много разъ случалось, что эта добрая душа сама снимала съ меня сапоги, сама съ помощію слугъ укладывала меня въ постель, сама уносила свѣчу, и поутру первая приносила мнѣ освѣжающее питье, состоящее изъ кружки пива. Въ ту пору разгульная жизнь была въ модѣ. Выпить полдюжины бутылокъ вина считалось дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Кофе и чай были предоставлены лэди Линдонъ, ея доктору и старымъ женщинамъ, составлявшимъ ея общество. Мистриссъ Барри гордилась тѣмъ, что я пилъ больше всякаго мужчины въ округѣ — что я пилъ, по ея словамъ, едва ли не больше моего родителя.

Весьма естественно, что лэди Линдонъ ненавидѣла мою мать. Впрочемъ она не первая, не она и послѣдняя, ненавидитъ свою свекровь. Я поручилъ моей матери имѣть надъ причудами ея сіятельства строгій надзоръ, а это, вы можете догадаться, было одной изъ причинъ, по которымъ милэди не жаловала мистриссъ Барри, — я, однакожь, не обращалъ на то вниманія. Помощь и бдительный надзоръ мистриссъ Барри были для меня неоцѣненны. Еслибъ я приставилъ къ милэди двадцать шпіоновъ, и тогда они не доставили бы мнѣ той пользы, какую доставляла бдительность и безкорыстное попеченіе моей матери. Она спала съ ключами подъ подушкой; отъ ея бдительнаго взора ничто не ускользало. Какъ тѣнь, она слѣдила за каждымъ движеніемъ графини; она знала все, что дѣлала милэди съ утра и до вечера. Если милэди выходила въ садъ, мистриссъ Барри не спускала глазъ съ калитки; если она хотѣла прокатиться, мистриссъ Барри провожала ее, и на всякій случай подлѣ кареты скакали два грума въ моей ливреѣ. Хотя милэди не соглашалась и хотѣла предаваться въ своей комнатѣ угрюмому молчанію, но я убѣдилъ ее ѣздить въ церковь по воскреснымъ днямъ вмѣстѣ со мной, въ каретѣ шестерней, и являться на балы по случаю конскихъ скачекъ, каждый разъ когда представлялась возможность не встрѣтиться тамъ съ полицейскими приставами, которые осаждали меня дома и ловили внѣ его. Все это подало поводъ къ новымъ клеветамъ. Мои завистники говорили, что я держалъ жену

свою въ заточеніи. Между тѣмъ, какъ зная ея легкомысліе, и замѣчая ея безумное пренебреженіе ко мнѣ и къ моимъ роднымъ, пренебреженіе, которое начинало замѣнять то, что было въ равной степени безумной нѣжностью, я долженъ былъ бдительно смотрѣть, чтобъ она не убѣжала. Оставь она меня, и я на другой же день былъ бы погибшимъ человѣкомъ. Это обстоятельство заставляло меня и мою мать имѣть надъ миледи самый строгій надзоръ. Что касается до клеветы, будто бы я хотѣлъ сдѣлать изъ жены своей плѣнницу, то я съ презрѣніемъ отвергаю ее. Каждый мужъ обращаетъ жену свою въ плѣнницу до нѣкоторой степени: желалъ бы я знать, что бы вышло изъ того, еслибъ женщинамъ позволено было уходить изъ дому и приходить когда вздумается. Въ этомъ отношеніи я исполнялъ только законную обязанность, предоставленную мужу.

Но съ хитростью женщины ни что не можетъ сравниться. Не смотря на всю мою бдительность, на всѣ мѣры предосторожности, лэди Линдонъ ускользнула бы отъ насъ, если бы я не имѣлъ на моей сторонѣ такой же хитрой и дальновидной женщины, какъ и сама миледи. Пословица правду говоритъ, что лучшій способъ поймать вора — поручить это другому вору. Всякій подумаетъ, что при всей строгости, которою окружена была миледи, особенно когда мнѣ извѣстно было содержаніе всѣхъ писемъ къ ея родственникамъ и знакомымъ, жившимъ въ отдаленной части Ирландіи, лэди Линдонъ не представлялось ни малѣйшей возможности имѣть сношенія съ своими сообщниками, — а между тѣмъ она вела переписку подъ самымъ моимъ носомъ, и весьма тонко составляла планъ своего побѣга, какъ это сейчасъ будетъ разсказано.

Лэди Линдонъ постоянно имѣла чрезмѣрную страсть къ нарядамъ; а такъ какъ всѣ ея прихоти по этой части исполнялись безпрекословно (я не щадилъ на это денегъ, и между долгами моими, долги въ модные магазины простирались на нѣсколько тысячъ); изъ Дублина и въ Дублинъ безпрестанно посылались картонки съ платьями, шляпками, кружевами, фалбалами, и т. п. Вмѣстѣ съ нарядами получались и письма отъ магазинщицы, въ отвѣтъ на безчисленные заказы миледи. Всѣ эти письма проходили чрезъ мои руки до нѣкотораго времени безъ малѣйшаго подозрѣнія. А между тѣмъ, эти-то письма, съ помощію симпатическихъ чернилъ содержали въ себѣ всю корреспонденцію ея

сіятельства, и страшныя обвиненія противъ меня. Прошло много времени прежде, чѣмъ открылась эта переписка.

Дальновидная мистриссъ Барри замѣтила, что передъ отправленіемъ писемъ къ магазинщицѣ, миледи каждый разъ приказывала подать себѣ лимонъ. Когда сказали мнѣ объ этомъ, я призадумался,—и, подержавъ надъ огнемъ одно изъ писемъ миледи, узналъ всю истину. Я представлю образчикъ одного изъ такихъ чудовищныхъ писемъ этой несчастной женщины. Крупными буквами и съ широкими промежутками между строчекъ писала миледи обыкновенными чернилами заказы магазинщицѣ, назначала предметы нарядовъ, въ которыхъ нуждалась, описывала покрой нарядовъ, матеріи, изъ которыхъ ихъ сшить, и пр. Для подобнаго письма она употребляла нѣсколько листовъ, — писала о каждомъ предметѣ отдѣльно, собственно для того чтобъ имѣть больше пустаго мѣста для описанія всѣхъ моихъ жестокостей и смертельныхъ обидъ. Между этими строками она вела дневникъ своего заточенія, дневникъ, которымъ романистъ того времени, могъ бы обезпечить свою будущность, еслибъ досталъ съ него копію, и издалъ его подъ заглавіемъ: «*Милая Плѣнница*, или *Дикій Мужъ*», или подъ какимъ нибудь другимъ названіемъ, одинаково заманчивымъ и въ высшей степени нелѣпымъ. Вотъ отрывокъ изъ этого дневника:

«*Понедѣльникъ*.—Вчера меня заставили ѣхать въ церковь. — Моя отвратительная, *чудовищная*, *грубая*, *свекровь змѣя*, въ желтой атласной шляпкѣ съ красными лентами, занимала въ колясќѣ первое мѣсто; мистеръ Л. ѣхалъ подлѣ коляски верхомъ на лошади, за которую до сихъ поръ не заплатилъ капитану Гурдльстону. Нечестивый лицемѣръ провелъ меня до нашей скамейки, съ шляпой въ рукѣ и улыбкой на лицѣ, поцаловалъ мнѣ руку, когда я садилась въ коляску послѣ службы, и погладилъ мою сѣрую левретку, — и все это для того, чтобъ нѣсколько человѣкъ, собравшихся около экипажа, видѣли его любезность. Вечеромъ, по его приказанію, я сидѣла за чаемъ въ кругу его пріятелей, три четверти числа которыхъ, включая и его самого, были, по обыкновенію, пьяны. Нашему капеллану, когда онъ кончилъ шестую бутылку, вымазали сажей лицо, и потомъ посадили на сѣрую кобылу лицомъ къ хвосту. Ненавистная змѣя читала весь вечеръ *Обязанности человѣка*, потомъ проводила меня въ мои комнаты, заперла двери, и отправилась прислужи-

вать своему гнусному сыну, котораго обожаетъ за его развратную жизнь, какъ *Стикораксъ обожала Калибана.*»

. . . .

Посмотрѣли бы вы на бѣшенство моей матери, когда я прочиталъ ей послѣдній періодъ! Я всегда любилъ пошутить (шутка моя надъ капелланомъ была справедлива), и потому мнѣ не досадно было видѣть въ письмахъ миледи описанія всѣхъ моихъ проказъ; я даже не читалъ ихъ, — но за то старался обратить вниманіе мистриссъ Барри на всѣ *комплименты*, которыми надѣляла ее лэди Линдонъ. Змѣя—было имя, подъ которымъ она значилась въ этой драгоцѣнной перепискѣ;—иногда лэди Линдонъ называла ее «Ирландской вѣдьмой». Что касается до меня, то я назывался тюремщикомъ, палачомъ, духомъ тьмы, господствующимъ надъ ея бытіемъ, и т. п. Всѣ эти названія, хотя и обозначали мою власть и могущество, но для меня были крайне непріятны. Вотъ еще отрывокъ изъ «Темничнаго дневника», по которому нетрудно замѣтить, что миледи, хотя и показывала видъ равнодушія ко мнѣ, но внимательно слѣдила за всѣми моими поступками, и ревновала меня по прежнему:

«*Среда.*—Сегодня ровно два года, какъ я лишилась послѣдней надежды и отрады въ жизни, — ровно два года, какъ милый и неоцѣненный Брайанъ отозванъ на Небо. Соединился ли онъ тамъ съ своимъ покинутымъ братомъ,—который выросъ не зная материнской любви, и котораго тиранство моего мужа заставило искать спокойствія въ изгнаніи и, можетъ быть, въ самой смерти? А быть можетъ, старшій сынъ мой живъ еще и теперь; такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ мнѣ мое вѣщее сердце! Чарльзъ Буллингдонъ! приди на помощь къ несчастной твоей матери, которая раскаявается въ своихъ проступкахъ, въ своей холодности къ тебѣ, и теперь дорого платитъ за свои заблужденія! Но нѣтъ; онъ не можетъ быть живъ! Я говорю это подъ вліяніемъ моего разстроеннаго воображенія! Вся моя надежда основывается на васъ, милый мой кузенъ — на васъ, котораго нѣкогда надѣялась называть *болѣе нѣжнымъ именемъ*, моимъ неоцѣненнымъ Джорджемъ! О, будьте моимъ защитникомъ и избавителемъ, истиннымъ рыцаремъ, какимъ вы всегда были, освободите меня изъ темницы, въ которой держитъ меня этотъ варваръ, — освободите меня отъ него и отъ Стикораксы, этой ирландской вѣдьмы, его матери!»

(Послѣ того слѣдуютъ стихи, какіе любила сочинять миледи, въ которыхъ сравнивала себя съ Саброй въ *Семи богатыряхъ,* и умоляла своего Джорджа вырвать ее изъ когтей дракона, подъ которымъ подразумѣвалась мистриссъ Барри. Я пропускаю эти стихи и продолжаю).

«Тиранъ, господствующій надо мной, научилъ даже мое бѣдное дитя, маленькаго Брайана, ненавидѣть меня и презирать. Онъ ушелъ на роковое катанье, неповинуясь моимъ приказаніямъ, наперекоръ моимъ мольбамъ. Съ тѣхъ поръ, какія страданія, какое униженіе суждено переносить мнѣ! — Я нахожусь въ заточеніи, въ моемъ собственномъ домѣ. Мнѣ бы слѣдовало бояться отравы, но, я знаю, что злодѣй имѣетъ существенную выгоду въ сохраненіи моей жизни, — моя смерть будетъ для него вѣстницей гибели. Между тѣмъ, я не смѣю встать съ мѣста, не подчиняясь надзору этой отвратительной, гнусной, жестокой тюремщицы, ужасной ирландки, которая слѣдитъ за каждымъ моимъ шагомъ. Какъ преступницу, меня запираютъ на ночь въ моей комнатѣ, и позволяютъ оставлять ее только по приказанію мужа, и то для того, чтобы присутствовать при его оргіяхъ, съ его грубыми товарищами, и слушать противный пьяный разговоръ! Въ его поступкахъ нѣтъ уже и тѣни супружеской вѣрности—нѣтъ этой тѣни въ жизни того, который клялся, что только я одна могла привязать его къ себѣ, могла очаровать его! Теперь онъ водитъ передъ самыми моими глазами своихъ гадкихъ любовницъ; онъ хотѣлъ уговорить меня принять чужое дитя за законнаго наслѣдника моихъ имѣній.

«Нѣтъ, этого я никогда не сдѣлаю! Ты, и одинъ только ты, мой Джорджъ, мой ранній другъ, будешь наслѣдникомъ всѣхъ имѣній Линдона. О! почему судьба не соединила меня съ тобою, вмѣсто этого гадкаго человѣка, который держитъ въ своей желѣзной волѣ, и отравляетъ жизнь несчастной Калисты.»

. . . .

Такимъ образомъ лэди Линдонъ продолжала писать письма, употребляя на каждое по нѣсколько листовъ, и самый мелкій сжатый почеркъ. Предоставляю читателямъ моимъ, предубѣжденнымъ противъ меня, судить, справедливо ли я называлъ писательницу подобныхъ документовъ легкомысленнымъ и тщеславнымъ созданіемъ; не долженъ ли я былъ внимательно слѣдить за ея поступками, и принимать мѣры предосторожности? Я бы могъ представить на усмотрѣніе читателей нескончаемыя

рапсодіи къ лорду Джоржу Пойнингсу, старинному предмету страсти миледи, въ которыхъ она называла его самыми нѣжными именами, и умоляла его сыскать убѣжище отъ ея притѣснителей; — но эти посланія, я знаю, утомятъ читателя, какъ утомило бы меня, еслибъ я вздумалъ переписывать ихъ. Скажу только, что эта несчастная леди писала чепухи гораздо больше, чѣмъ она воображала. Она постоянно читала романы; сравнивала свое положеніе съ сантиментальными героинями этихъ романовъ, и, не имѣя вовсе души, прикидывалась способной любить страстно и постоянно. Многія ея сочиненія дышатъ нѣжной страстью. У меня есть элегія на смерть ея болонки, самое милое и патетичное изъ ея произведеній; есть трогательныя посланія къ Бетти, ея любимой горничной; записки къ ключницѣ послѣ ссоры съ нею; письма къ своимъ знакомымъ, которыхъ называла неоцѣненными и единственными друзьями, и забывала ихъ при первомъ новомъ знакомствѣ. Что касается до любви къ своимъ дѣтямъ, то изъ приведеннаго письма читатель, вѣроятно, замѣтилъ, до какой степени развито было въ ней истинное материнское чувство; — самыя слова, которыми она упоминаетъ о смерти старшаго сына, обличаютъ ея эгоизмъ, и ея ненависть ко мнѣ; она вызываетъ его изъ могилы для личныхъ своихъ интересовъ. Если я строго обходился съ этой женщиной, если удалялъ ее отъ льстецовъ, поселявшихъ раздоръ между нами, если держалъ ее на заперти для избѣжанія скандала, то кто станетъ винить меня? — Ни одна женщина не заслуживала въ такой степени съумасшедшую рубашку, какъ миледи Линдонъ. Я знавалъ людей съ связанными руками и бритыми головами, которые не дѣлали глупостей и вполовину противъ этого безразсуднаго, тщеславнаго, нелѣпаго созданія.

Мистриссъ Барри приходила въ бѣшенство отъ обвиненій противъ меня и противъ своей особы, такъ что большаго труда стоило успокоить ее, и не обнаружить передъ леди Линдонъ, что тайна ея намъ извѣстна; — я непремѣнно хотѣлъ узнать, далеко ли она зайдетъ въ своихъ умыслахъ, и до какой степени будетъ простираться ея хитрость. — Любопытство мое усиливалось съ каждымъ письмомъ. Картины, въ которыхъ она изображала мое обхожденіе съ ней, привели бы васъ въ ужасъ. Я не въ состояніи исчислить всѣхъ чудовищныхъ поступковъ, въ которыхъ миледи обвиняла меня, не могу выразить бѣдствія и голода, которые она будто бы переносила, тогда какъ она жила

въ замкѣ Линдонъ, въ полномъ довольствѣ, что доказывалось ея чрезмѣрной толстотой. Чтеніе романовъ и тщеславіе совершенно разстроили ея разсудокъ. Послѣ каждаго грубаго слова (а она заслуживала ихъ по нѣсколько тысячъ въ одинъ день), милэди писала, что я продавалъ ее пыткѣ; послѣ легкаго спора съ моей матерью, съ ней дѣлались истерическіе припадки, причиной которыхъ, по словамъ ея, была моя мать.

Наконецъ она стала выражать намѣреніе лишить себя жизни. Превосходно зная ея характеръ, а также и то, что ни одна женщина въ мірѣ не имѣла менѣе милэди расположенія наложить руки на свою драгоцѣнную жизнь, я не старался принимать предосторожностей въ этомъ отношеніи я не припрятывалъ ни лишнихъ ножей, ни подвязокъ, и предоставилъ въ полное ея распоряженіе всю аптеку ея доктора. Между тѣмъ угрозы лишить себя жизни имѣли надлежащее дѣйствіе въ той сторонѣ, куда онѣ были адресованы: картонки изъ моднаго магазина стали прибывать чаще прежняго, и счеты, присылаемые къ милэди, содержали въ себѣ увѣренія въ скорой помощи. Рыцарь лордъ Джорджъ собирался увезти свою кузину, удостоивъ меня при этомъ извѣстнымъ комплиментомъ, выражая надежду вырвать кузину свою изъ когтей самого гнуснаго негодяя, служащаго позоромъ всему человѣчеству, и потомъ принять мѣры къ нашему разводу, вслѣдствіе моихъ безчеловѣчныхъ поступковъ.

Родственникъ, о которомъ я упоминалъ, мой крестникъ и домашній секретарь, мистеръ Редмондъ Квинъ, списывалъ для меня копіи со всей этой драгоцѣнной переписки. Это былъ сынъ Норы, котораго я, въ порывѣ великодушія, принялъ къ себѣ въ домъ, обѣщая дать ему воспитаніе въ Оксфордскомъ университетѣ, и обезпечить его будущность. Но послѣ двухлѣтняго пребыванія въ университетѣ, его исключили изъ списковъ студентовъ за невзносъ денегъ, слѣдующихъ за воспитаніе. Оскорбленный такимъ грубымъ поступкомъ со стороны университетскаго начальства, я приказалъ молодому человѣку прибыть въ замокъ Линдонъ, и здѣсь онъ сдѣлался полезнымъ мнѣ въ различныхъ отношеніяхъ. Онъ былъ наставникомъ и воспитателемъ моего милаго, неоцѣненнаго, незабвеннаго Брайана; впрочемъ, надо правду сказать, не любилъ безпокоить книги. Послѣ его смерти молодой человѣкъ сводилъ счеты митрисъ Барри; снималъ копіи съ нескончаемой переписки съ моими адвокатами и агентами;

игралъ по вечерамъ въ пике или баггэммонъ со мной и съ моею матерью; иногда аккомпанировалъ на флажолетѣ игрѣ миледи Линдонъ на клавикордахъ, читалъ ей французскіе и италіанскіе романы. Моя бдительная старушка мать постоянно сердилась, когда миледи и мистеръ Квинъ начинали говорить на которомъ нибудь изъ этихъ двухъ языковъ: не понимая ни слова, мистриссъ Брэди приходила иногда въ бѣшенство, и говорила, что вѣрно они замышляютъ какія нибудь козни. Лэди Линдонъ находила особенное удовольствіе говорить съ Квиномъ въ присутствіи матери моей непремѣнно на одномъ изъ этихъ языковъ.

Я совершенно былъ спокоенъ на счетъ его вѣрности, потому что я содержалъ его своими благодѣяніями и кромѣ того имѣлъ множество доказательствъ его преданности. Онъ однажды принесъ мнѣ три письма лорда Джорджа, въ отвѣтъ на жалобы миледи, три письма, скрытыя въ переплетѣ какой-то книги, присланной къ миледи для прочтенія. Онъ и миледи нерѣдко ссорились между собою. Она любила подсмѣиваться надъ его походкой и манерами; въ минуты мрачнаго расположенія духа она не хотѣла сидѣть за однимъ столомъ съ внукомъ портнаго.—Пришлите мнѣ кого вамъ угодно, только не этого отвратительнаго Квина, говорила она, когда я предлагалъ ей развлечься чтеніемъ французскихъ книгъ или музыкой. Какъ ни часто ссорились мы другъ съ другомъ, но не думайте, однакожь, что ссоры наши были безпрерывны; отъ времени до времени я былъ очень внимателенъ съ ней. Иногда втеченіе цѣлаго мысяца мы были превосходными друзьями; потомъ недѣли двѣ мы ссорились; послѣ того миледи на цѣлый мѣсяцъ удалялась въ свои аппартаменты. Всѣ эти домашнія происшествія заносились въ темничный дневникъ. Чудная вещь этотъ дневникъ. Иногда миледи писала въ немъ: «мой звѣрь былъ сегодня необыкновенно ласковъ», или, — «мой тиранъ сегодня удостоилъ меня своей улыбкой.» Отъ этихъ милыхъ выраженій она вдругъ переходила къ выраженіямъ глубокой ненависти; — въ отношеніи матери моей слова миледи постоянно дышали презрѣніемъ и злобой. Объ ней она отзывалась такъ: — «Змѣя сегодня нездорова; — я благодарила бы Небо, если бы она совсѣмъ издохла!» и т. д. Подобныя выраженія поддерживали въ мистриссъ Барри бѣшенство, и удвоивали ея бдительность. Дневникъ во многихъ мѣстахъ былъ писанъ по французски или итальянски, и въ переводѣ этихъ мѣстъ Квинъ оказывалъ мнѣ величайшую услугу. Во французскомъ языкѣ я прі-

обрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія еще въ бытность мою въ военной службѣ; но въ итальянскомъ — ровно ни чего не смыслилъ, и отъ души былъ радъ услугамъ столь вѣрнаго и недорогаго переводчика.

Этотъ вѣрный и недорогой переводчикъ, этотъ крестный сынъ и родственникъ, семейство котораго и его самого я облагодѣтельствовалъ, вздумалъ было измѣнить мнѣ. Втеченіе нѣскольких мѣсяцовъ онъ находился въ союзѣ съ непріятелемъ противъ меня. Я полагаю, что причиною, почему они не бѣжали раньше, былъ недостатокъ въ величайшемъ двигателѣ измѣнъ всякаго рода—недостатокъ въ деньгахъ, въ которыхъ, во всѣхъ частяхъ моего управленія, была горестная пустота. Но съ помощію бездѣльника, моего крестнаго сына, пріѣзжавшаго въ замокъ, безъ всякаго подозрѣнія, миледи достала значительную сумму. Планъ побѣга приводился въ исполненіе подъ носомъ у насъ. Уже нанята была почтовая карета, и все, все было подготовлено, а я ничего не зналъ, ничего не подозрѣвалъ.

Простой случай открылъ мнѣ планъ ихъ побѣга. Одинъ изъ моихъ лакеевъ имѣлъ хорошенькую дочь, а эта хорошенькая дѣвочка была неравнодушна къ молодому парню, который привозилъ письма въ замокъ Линдонъ. Молодецъ этотъ разсказалъ своей красоткѣ о томъ, какъ онъ привезъ изъ города мѣшокъ денегъ мистеру Квину, и что ему, Тому, почтарю, приказано привести почтовую карету къ противоположному берегу озера къ извѣстному часу. Миссъ Руни, не имѣвшая отъ меня никакихъ секретовъ, сообщила весь этотъ разсказъ и стала распрашивать, какой планъ составленъ у меня, какую бѣдную, несчастную дѣвушку намѣренъ я увезти въ каретѣ, которую я нанялъ, обольстить деньгами, которыя мнѣ привезли изъ города?

Вся тайна раскрылась мнѣ въ одинъ моментъ: я убѣдился, что человѣкъ, котораго лелѣялъ я, какъ роднаго сына, намѣревался измѣнить мнѣ. Сначала я хотѣлъ схватить преступниковъ при самомъ побѣгѣ; полу-утопить ихъ въ шлюпкѣ, въ которой должны они были переплыть черезъ озеро, и застрѣлить молодаго измѣнника передъ глазами миледи; но по нѣкоторомъ размышленіи оказалось очевиднымъ, что вѣсть о побѣгѣ произведетъ шумъ во всемъ округѣ, возбудитъ негодованіе въ народѣ, и не доставитъ мнѣ ничего хорошаго. По этому я принужденъ былъ заглушить въ душѣ своей справедливое негодо-

ваніе, и удовлетворяться уничтоженіемъ гнуснаго заговора въ самомъ его началѣ.

Лэди Линдонъ на колѣняхъ умоляла меня простить ее. Она призналась во всемъ: давала клятву не повторять подобной попытки, и говорила, что разъ пятьдесятъ собиралась признаться мнѣ во всемъ, но боялась только гнѣва моего на молодаго человѣка, ея сообщника, который дѣйствительно былъ виновникомъ ея рѣшимости на такое предпріятіе. Ложь проглядывала въ каждомъ словѣ миледи, но я принялъ все за истину. Я попросилъ ея сіятельство написать кузену, лорду Джорджу, который снабдилъ ее деньгами и устроилъ планъ побѣга, — написать въ немногихъ словахъ, что она отказывается отъ намѣренія прокатиться съ нимъ по Ирландіи, и что, по разстроенному здоровью ея дорогаго мужа, она предпочла остаться дома и присмотрѣть за нимъ. Въ концѣ этого письма, я прибавилъ нѣсколько строкъ, изъяснивъ въ нихъ, что милердъ своимъ посѣщеніемъ замка Линдонъ доставилъ бы мнѣ величайшее удовольствіе, и что я давно желаю возобновить знакомство съ нимъ, служившее въ былыя времена для меня источникомъ наслажденія. Я бы вмѣнилъ себѣ въ особенное удовольствіе и честь встрѣтиться съ нимъ въ окрестностяхъ замка Линдонъ, прибавилъ я въ заключеніе. Полагаю, что онъ понялъ это выраженіе весьма хорошо: я хотѣлъ сказать этими словами, что моя пуля или шпага пронзитъ его при первой встрѣчѣ съ нимъ.

Послѣ этого кроткаго увѣщанія, я имѣлъ сцену съ моимъ вѣроломнымъ племянникомъ. Но онъ показалъ мнѣ смѣлость и одушевленіе, къ которымъ я совсѣмъ не приготовился.

— Чѣмъ же я обязанъ вамъ? сказалъ онъ, когда я сдѣлалъ ему нѣсколько упрековъ въ его неблагодарности. — Я трудился для васъ такъ, какъ никто не сталъ бы трудиться; я трудился для васъ безъ всякаго возмездія. Заставляя меня исполнять ваши приказанія, противъ которыхъ возмущалась моя душа, сдѣлавъ изъ меня лазутчика при вашей несчастной женѣ, вы сами же вооружили меня противъ себя. Даже ваше родство не давало мнѣ силы равнодушно смотрѣть на ваше обхожденіе съ миледи. Я старался помочь ей убѣжать отъ васъ; и повторю это же самое еще разъ, если представится къ тому удобный случай.

— Перестаньте! говорилъ онъ, когда я въ припадкѣ бѣшенства хотѣлъ задушить его: — неужели вы хотите убить человѣка, который всегда спасъ жизнь вашего любимаго сына, который

всѣми силами старался избавить его отъ преждевременной гибели, въ которую вовлекалъ его развратный отецъ?—но милосердому Небу угодно было принять участіе въ этомъ дѣлѣ и взять малютку къ себѣ изъ этого дома, исполненнаго зла и преступленій. Я бы оставилъ вашъ домъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но выжидалъ случая избавить отъ вашего тиранства эту несчастную леди. Не забудьте, сэръ, я не женщина: ваше бѣшенство не страшно мнѣ! Ваши слуги любятъ меня больше, чѣмъ васъ. Дотроньтесь только до меня, и они возстанутъ и пошлютъ васъ на галеры, которыхъ вы вполнѣ заслуживаете.

Я прервалъ эту рѣчь, пустивъ въ голову молодаго джентльмена графинъ съ водой, который попалъ такъ мѣтко, что ораторъ упалъ за-мертво. Послѣ такого подвига, я удалился въ свою комнату подумать о томъ, что̀ было мнѣ сказано. Дѣйствительно, молодой Квинъ спасъ жизнь маленькаго Брайана, который до самой кончины своей былъ страстно привязанъ къ нему. «Любите Редмонда, папа!» это были почти послѣднія слова несчастнаго мальчика, и я обѣщалъ ему, на его смертномъ одрѣ, исполнить эту просьбу. Справедливо также и то, что грубое обхожденіе съ нимъ крайне не понравилось бы моей челяди, которая была привязана къ нему. Я часто пилъ съ моими челядинцами, и обходился съ ними фамильярнѣе, чѣмъ слѣдовало бы человѣку моего званія; несмотря на то, я зналъ, что эти мерзавцы не любили меня, и безпрестанно на меня роптали.

Впрочемъ, молодой джентльменъ избавилъ меня отъ труда придумать наказаніе за его неблагодарность; онъ избавился отъ вліянія моего на его участь самымъ простымъ образомъ, и именно: обмывъ и перевязавъ разбитую голову, лишь только чувства возвратились къ нему, онъ взялъ лошадь, выѣхалъ изъ замка, не сказавъ никому куда и зачѣмъ, и, оставивъ лошадь на другомъ берегу озера, умчался въ той самой каретѣ, которая ожидала леди Линдонъ. Втеченіе продолжительнаго времени я не видѣлъ его и не слышалъ о немъ, и теперь, когда его не было въ нашемъ домѣ, я пересталъ считать его за опаснаго врага.

Но хитрость женщины такова, что, мнѣ кажется, ни одинъ человѣкъ, будь онъ хоть самъ Макіавель, не въ состояніи избѣгнуть ея. Я уже имѣлъ вѣрныя доказательства измѣны милэди и ея ненависти ко мнѣ, а между тѣмъ, несмотря на всѣ мои предосторожности и бдительность моей матери, милэди успѣла обмануть меня. Еслибъ я слѣдовалъ совѣтамъ доброй мистриссъ

Барри, которая, какъ говорится, чуяла опасность издалека, то, конечно, никогда бы не попалъ въ западню, приготовленную на моей дорогѣ и просто и удачно.

Отношенія милэди Линдонъ ко мнѣ были довольно замѣчательны. Ея жизнь проходила въ какомъ то съ умасброднымъ колебаніи между любовью ко мнѣ и ненавистью. Если я былъ ласковъ и внимателенъ къ ней (что̀ случалось нерѣдко), то милэди готова была сдѣлать для меня все, что̀ было въ ея власти, и до такой степени бывала пламенна въ доказательствахъ своей любви, какъ, въ другія минуты, въ изъявленіи ненависти. Я знаю свѣтъ довольно хорошо, и потому могу утвердительно сказать, что женщинѣ нравится небольшая строгость, и мужъ, употребляя власть свою надлежащимъ образомъ, нисколько не теряетъ въ ея уваженіи. Я довелъ милэди до такого повиновенія мнѣ, до такой привязанности и боязни, что когда я улыбался, она считала это за эру своего счастія; когда я кликалъ ее, она подбѣгала ко мнѣ и ласкалась какъ собака. Во время непродолжительнаго моего пребыванія въ школѣ, я помню какъ трусы товарищи мои хохотали надъ каждой шуткой школьнаго учителя. Или тоже въ полку, когда какой нибудь сержантъ начиналъ шутить, — то всѣ рекруты скалили зубы. Благоразумный и энергическій мужъ непремѣнно доведетъ жену свою до этого рода дисциплины; моя высокородная жена цаловала мнѣ руку, снимала съ меня сапоги, исполняла всѣ мои требованія и приказанія, какъ служанка, и тотъ день, когда я находился въ хорошемъ расположеніи духа, былъ для нея днемъ празничнымъ. Можетъ статься, я ужь слишкомъ ввѣрился въ продолжительность этого повиновенія, и забылъ, что самое притворство и лицемѣрство, составляющія часть такого повиновенія, не рѣдко служатъ собственно для того, чтобъ легче и вѣрнѣе обмануть васъ.

После неудачи милэди въ послѣднемъ ея предпріятіи, неудачи, представлявшей мнѣ безчисленное множество случаевъ подсмѣяться надъ ней, мнѣ бы слѣдовало усилить надзоръ за нею; но она своей хитростью и притворствомъ разсѣяла во мнѣ всѣ подозрѣнія относительно преступности своихъ намѣреній. Однажды, когда я шутилъ съ ней, и спрашивалъ ее, не хочетъ ли она еще разъ прокатиться по Ирландіи, не нашла ли она другаго обожателя и пр. и пр., милэди вдругъ залилась слезами и, схвативъ мою руку, вскричала съ пламеннымъ энтузіазмомъ:

. . . .

— Ахъ, Барри, ты знаешь очень хорошо, что кромѣ тебя, я никого не любила! Одно ласковое слово твое дѣлало меня счастливой, одна улыбка твоя заставляла меня забывать минутный гнѣвъ. Развѣ я не представила несомнѣнныхъ доказательствъ моей преданности къ тебѣ, предоставивъ въ твое полное распоряженіе богатѣйшія помѣстья въ Соединенныхъ королевствахъ?— развѣ я раскаявалась въ этомъ, развѣ я упрекала тебя за твою расточительность? Нѣтъ, я не въ силахъ была сдѣлать этого, потому что любила тебя слишкомъ пламенно, люблю теперь и буду любить до послѣдней минуты моей жизни. Съ той поры, когда впервые мы встрѣтились другъ съ другомъ, я почувствовала непреодолимое къ тебѣ влеченіе. Я видѣла твои дурныя качества, и трепетала отъ твоей жестокости; но не могла не любить тебя. Я вышла за мужъ за тебя, сознавая, что рискую своей участью, и поступаю вопреки разсудку и долгу. Какихъ еще жертвъ ты хочешь отъ меня? Я готова сдѣлать все лишь, бы ты только любилъ меня, или, покрайней мѣрѣ, кротко обходился со мной.

Въ этотъ день я былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа, и между нами состоялось примиреніе. Мистриссъ Барри, услышавъ эту рѣчь, торжественно предостерегала меня и говорила:

— Смотри, Барри! въ головѣ этой хитрой плутовки есть какой нибудь новый планъ.

Старая лэди говорила правду. Я попалъ на крючокъ, на который ея сіятельство хотѣла поймать меня, и поймала.

Я велъ съ однимъ человѣкомъ переписку на счетъ денегъ, въ которыхъ имѣлъ крайнюю необходимость, но со времени нашего несогласія относительно наслѣдника, миледи рѣшительно отказалась подписывать бумаги въ мою пользу, а безъ ея имени, я къ сожалѣнію долженъ сказать, моя подпись ничего не значила, ни одной гинеи не могъ я достать отъ лондонскихъ или дублинскихъ банкировъ. Не могъ я даже залучить ихъ въ зàмокъ *Линдонъ*: послѣ неудачной сдѣлки съ старымъ жидомъ Соломономъ, который привезъ мнѣ деньги, и у котораго на возвратномъ пути изъ зàмка отняли мой вексель, никто изъ денежныхъ людей не рѣшался показываться въ стѣнахъ моего дома. Поземельные доходы наши находились въ рукахъ кредиторовъ, и я не могъ получить отъ этихъ бездѣльниковъ суммы денегъ, необходимой на уплату долга въ мой погребъ. Наше имѣніе въ Англіи, какъ я уже сказалъ, было тоже все въ долгу, и на каждое мое

требованіе денегъ отъ моихъ адвокатовъ и агентовъ, получалъ отвѣтъ, что они сами будутъ ради, если я пришлю имъ хоть небольшую сумму на удолетвореніе вновь поступавшихъ взысканій.

Наконецъ я съ удовольствіемъ получилъ письмо изъ Лондона отъ одного изъ агентовъ, въ которомъ онъ извѣщалъ меня о возможности занять требуемую мною (въ девяносто девятый разъ) сумму. Въ письмо вложено было другое письмо отъ извѣстнаго банкира въ лондонскомъ Сити, который вызывался вывести меня изъ затруднительнаго положенія, если я отдамъ на продолжительное время въ арендное содержаніе одно изъ нашихъ имѣній, и притомъ съ тѣмъ условіемъ, если милэди Линдонъ изъявитъ, безъ всякаго съ моей стороны принужденія, полное свое согласіе. Прочія условія этой сдѣлки были до такой степени выгодны для меня, что я видѣлъ въ этомъ предложеніи искреннее желаніе угодить мнѣ; а такъ какъ милэди находилась со мной въ хорошихъ отношеніяхъ, то мнѣ не представлялось большаго труда убѣдить ее собственноручно написать банкиру, что она совершенно согласна на всѣ предлагаемыя условія и готова дать необходимый документъ за своею подписью.

Это предложеніе было очень кстати: оно подавало мнѣ большія надежды. Я не хочу надоѣдать читателямъ описаніемъ моихъ долговъ и тяжебныхъ дѣлъ, которые въ это время были такъ громадны и запутаны, что я самъ не зналъ, до какой цифры они простирались, къ тому же настоятельныя требованія кредиторовъ сводили меня съ ума. Достаточно сказать, что я не имѣлъ ни денегъ, ни кредита. Я жилъ въ замкѣ Линдонъ ничего не покупая, потому что у меня было все свое: мясо, хлѣбъ, торфъ, картофель: мнѣ оставалось только стеречь лэди Линдонъ въ стѣнахъ замка, и беречься полицейскихъ агентовъ за стѣнами. Втеченіе двухъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ въ Дублинѣ деньги и проигралъ ихъ, къ величайшему разочарованію моихъ кредиторовъ, я не смѣлъ показаться въ столицу Ирландіи, и выѣзжалъ только, и то весьма рѣдко, въ главный городъ нашего округа. Хорошій заемъ, поэтому, представлялъ мнѣ блестящую перспективу, и я съ восторгомъ спѣшилъ воспользоваться предложеніемъ банкира.

Черезъ нѣсколько времени, на письмо лэди Линдонъ прибылъ отвѣтъ отъ банкира, въ которомъ говорилось, что если ея сіятельство подтвердитъ письменное свое извѣщеніе изустно, въ его лондонской конторѣ, въ улицѣ Биргинъ, тогда, по осмотрѣ ея

имѣнія, дѣло будетъ покончено. Посѣтить замокъ Линдонъ онъ не рѣшался, по случаю непріятнаго приключенія съ дублинскимъ банкиромъ. Этотъ намекъ относился до меня; но человѣкъ бываетъ иногда поставленъ въ такое положеніе, что лишается всякой возможности отвергать какія либо условія. Такъ точно было и со мной: я такъ нуждался въ деньгахъ, что готовъ былъ дать обязательство самому дьяволу, лишь бы только онъ доставилъ мнѣ значительную сумму.

Я рѣшился ѣхать въ Лондонъ и взять съ собой графиню. Тщетно мистриссъ Барри упрашивала меня и предостерегала.

— Повѣрь мнѣ, говорила она: — тутъ есть какая нибудь хитрость. Ты погибъ, лишь только въѣдешь въ этотъ нечестивый городъ; тогда какъ здѣсь ты можешь прожить годы, и годы, пей себѣ вино, да бей стекла, сколько душѣ угодно. Въ Лондонѣ тебѣ ужь не будетъ такого раздолья; я увѣрена, что первая вѣсть о тебѣ, будетъ вѣстью о твоемъ арестѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, Редмондъ, зачѣмъ ѣхать въ Лондонъ? говорила жена моя. Я счастлива и здѣсь, и надѣюсь быть счастливой, если ты всегда будешь такимъ же добрымъ, какъ теперь. Мы не можемъ показаться въ Лондонѣ, какъ слѣдуетъ: небольшія деньги, которыя ты получишь, скоро и незамѣтно пройдутъ мимо рукъ, какъ это бывало и прежде. Сдѣлаемся, ты пастушкомъ, а я пастушкой, станемъ смотрѣть за нашими овечками и будетъ счастливы.

Сказавъ это, она поцаловала мнѣ руку; между тѣмъ, мать моя безпрестанно повторяла: — гм! гм! тутъ есть какая нибудь хитрость, непремѣнно есть!

Я сказалъ женѣ, что она глупенькая, что она ничего не понимаетъ въ денежныхъ дѣлахъ, мистриссъ Барри приказалъ не безпокоиться, и поспѣшно сбирался въ дорогу, не принимая увѣщаній остаться ни съ той, ни съ другой стороны. Но гдѣ и какъ достать денегъ на поѣздку? вотъ вопросъ, невольно заставлявшій меня призадуматься. Вопросъ этотъ разрѣшила моя добрая мать, всегда готовая помочь мнѣ въ затрудненіи, и въ настоящемъ случаѣ представила въ мое распоряженіе шестьдесятъ гиней, составлявшихъ весь наличный капиталъ Барри Линдона, владѣтеля замка Линдонъ, — Барри Линдона, женатаго на графинѣ, имѣнія которой приносили двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода. Вотъ до чего довела моя расточительность, признаюсь откровенно, а больше всего мое без-

разсудное довѣріе, бездѣльничество моихъ пріятелей и ненависть ко мнѣ родственниковъ милэди.

Само собою разумѣется, мы поѣхали весьма скромно; не дали знать въ округѣ о нашемъ отъѣздѣ, и не простились даже съ нашими сосѣдями. Блистательный мистеръ Барри Линдонъ и его высокородная супруга доѣхали до Ватерфорда въ наемной каретѣ, въ пару лошадей, подъ именами мистера и мистриссъ Джонсъ; тамъ сѣли на корабль и благополучно прибыли въ Бристоль. Когда человѣкъ имѣетъ въ виду какую нибудь цѣль, о, какъ легко и пріятно совершается его путешествіе! Мысль о полученіи денегъ поддерживала во мнѣ хорошее расположеніе духа, и моя жена, склонясь ко мнѣ на плечо, въ почтовой каретѣ, по дорогѣ въ Лондонъ, говорила, что эта была самая пріятнѣйшая поѣздка со времени нашей свадьбы.

Наконецъ, ночью, мы остановились въ Ридингѣ, откуда я немедленно послалъ записку къ моему агенту, въ которой говорилъ о желаніи увидѣться съ нимъ на другой же день, просилъ его нанять мнѣ квартиру, и поспѣшить приготовленіями къ денежному займу. Милэди и я согласились уѣхать во Францію, дождаться тамъ лучшихъ временъ, и въ тотъ вечеръ, за ужиномъ, составили тысячу плановъ, относительно нашихъ удовольствій и сбереженія денегъ. О женщина, женщина! когда я вспомню улыбки и ласки лэди Линдонъ, какою счастливицей казалась она въ тотъ вечеръ! Какая невинная довѣрчивость проглядывала во всѣхъ ея словахъ и поступкахъ, какими нѣжными именами она называла меня! Не могу надивиться лицемѣрству! Впрочемъ, никто другой не станетъ удивляться, что довѣрчивый и простодушный мужъ, какъ я, сдѣлался жертвой такой страшной обманщицы!

Мы пріѣхали въ Лондонъ въ три часа, и за полчаса до назначеннаго времени, наша карета подъѣхала къ Подворью Грэй. Я безъ всякаго затрудненія нашелъ квартиру мистера Тэпвелля; — мрачнымъ вертепомъ показалась мнѣ эта квартира и въ недобрый часъ вошелъ я въ нее! Въ то время, когда мы поднимались по грязной задней лѣстницѣ, освѣщенной тусклою лампой и печальнымъ свѣтомъ сѣраго лондонскаго неба, жена моя казалась чрезвычайно взволнованною.

— Редмондъ, сказала она, когда мы подошли къ дверямъ: — не входи сюда: сердце говоритъ мнѣ, что здѣсь ожидаетъ тебя

какое-то несчастіе. Время еще не ушло — воротимся назадъ.... въ Ирландію.... куда тебѣ угодно!

И, принявъ передъ дверью трагическую позу, она протянула мнѣ руку.

Я тихо оттолкнулъ ее въ сторону.

— Лэди Линдонъ, сказалъ я: — вы старая дура!

— Старая дура! сказала она, и вмѣстѣ съ этимъ дернула за ручку звонка. Дверь отворилась и передъ нами явился джентльменъ въ напудренномъ парикѣ.

— Скажите, что лэди Линдонъ здѣсь, и, проскочивъ въ корридоръ, ворчала: — старая дура! старая дура!

Слово *старая* крайне не понравилось милэди. Я могъ употребить всякой другой эпитетъ, и она бы не обидѣлась.

Мистеръ Тэпвелль сидѣлъ въ своемъ пыльномъ кабинетѣ, окруженный свертками пергамента и жестяными ящиками. Онъ всталъ и поклонился; ея сіятельству предложилъ стулъ, а мнѣ только указалъ на него. Меня удивилъ такой грубый, такой оскорбительный пріемъ. Послѣ того, онъ удалился въ боковую дверь, сказавъ, что воротится черезъ минуту.

И, дѣйствительно, черезъ минуту онъ воротился, сопровождаемый, какъ вы думаете, кѣмъ?... другимъ адвокатомъ, шестью вооруженными констаблями въ красныхъ мундирахъ, милордомъ Джорджемъ Пойнингсомъ и его тетушкой, лэди Дженъ Пекковеръ.

Милэди, увидѣвъ предметъ своей старинной любви, бросилась въ его объятія съ истерическими выраженіями восторга; называла его своимъ освободителемъ, своимъ храбрымъ рыцаремъ, потомъ обратилась ко мнѣ съ бранью, которая привела меня въ недоумѣніе.

— Вотъ вамъ и старая дура! говорила она: — эта дура перехитрила самое хитрое и вѣроломное чудовище въ свѣтѣ. Да, я была дура, когда выходила замужъ, отказавъ въ рукѣ моей другому, достойнѣе и благороднѣе васъ; я была дура, когда, забывъ мое имя и высокое происхожденіе, рѣшилась вступить въ бракъ съ авантюристомъ неизвѣстнаго рода; я была дура, когда переносила терпѣливо самое чудовищное тиранство; позволяла разорять мое состояніе; жила вмѣстѣ съ женщиной, такой же подлой и низкой, какъ вы сами....

— Ради Бога, перестаньте! вскричалъ адвокатъ, и съ этимъ восклицаніемъ спрятался за группу констаблей, замѣтивъ гроз-

ный мой взглядъ, который не нравился этому негодяю. Мнѣ кажется, еслибъ онъ приблизился ко мнѣ, я разорвалъ бы его на клочки. Между тѣмъ, миледи, задыхаясь отъ злости и бѣшенства, продолжала поносить меня, а мою мать въ особенности, начиная и оканчивая каждую свою сентенцію словомъ «дура».

— Вы не договариваете, миледи, замѣтилъ я съ горечью: — я назвалъ васъ *старой* дурой!

— Я нисколько не сомнѣваюсь, сэръ, что вы дѣлали все, что могутъ дѣлать одни только низкіе и подлые люди, возразилъ лордъ Пойнингсъ. — Эта леди въ настоящее время находится подъ защитою закона, подъ покровительствомъ своихъ родственниковъ, и уже болѣе не будетъ бояться вашего тиранства!

— Но *васъ* ничто не можетъ защитить, проревѣлъ я: — какъ благородный человѣкъ, и какъ человѣкъ, который уже однажды отвѣдалъ вашей крови, я хочу узнать теперь, и узнаю, есть ли кровь въ вашемъ сердцѣ.

— Запишите его слова; констабли, заставьте его замолчать! вскричалъ адвокатъ изъ-за шеренги вооруженнаго отряда.

— Я не хочу марать моей шпаги кровью такого негодяя, сказалъ милордъ, прибѣгая, вмѣстѣ съ адвокатомъ, къ той же самой защитѣ. Если этотъ бездѣльникъ останется въ Лондонѣ, то полиція возьметъ его, какъ уличнаго мошенника и плута.

Эта угроза заставила меня содрогнуться. Я зналъ, что здѣсь безчисленное множество кредиторовъ ловило меня, и, что, однажды очутившись въ тюремныхъ стѣнахъ, мое положеніе было бы безвыходно.

— Скажите, гдѣ тотъ человѣкъ, который осмѣлился бы взять меня? вскричалъ я, обнаживъ шпагу и принявъ оборонительную позу. Пусть онъ подойдетъ ко мнѣ. И ты.... ты, подлый хвастунъ, подходи ко мнѣ первымъ, если только въ тебѣ есть душа!

— Мы не намѣрены брать васъ, сказалъ адвокатъ; при этихъ словахъ миледи, ея тетка, и отрядъ констаблей разступились.— Милостивый государь, мы не хотимъ взять васъ; напротивъ, мы отпустимъ васъ за границу съ хорошими деньгами, только, пожалуйста, оставьте въ покоѣ ея сіятельство!

— И избавьте наше отечество отъ такого разбойника! сказалъ милордъ, удаляясь въ боковую дверь. Адвокатъ послѣдовалъ за нимъ, и я остался въ его кабинетѣ одинъ съ шестью вооруженными съ ногъ до головы полицейскими агентами. Теперь

я уже былъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, когда, со шпагой въ рукѣ, отправилъ бы на тотъ свѣтъ изъ шести, по крайней мѣрѣ, трехъ. Я упалъ духомъ; миледи Линдонъ совершенно побѣдила меня. Неужели, и въ самомъ дѣлѣ, пробудилось въ ней раскаяніе, когда она остановилась у дверей конторы адвоката и упрашивала меня воротиться назадъ? Неужели въ груди ея осталась искра любви ко мнѣ? Ея поведеніе подтверждало мои предположенія. На этихъ предположеніяхъ основывались теперь всѣ мои надежды, и я положилъ шпагу на контору адвоката.

— Джентльмены, сказалъ я: — я не хочу прибѣгать къ насилію; объявите мистеру Топвеллю, что я готовъ говорить съ нимъ когда ему угодно! Съ этими словами я сѣлъ на стулъ и, принявъ покорный видъ, скрестилъ руки на грудь. Кто бы теперь узналъ во мнѣ Барри Линдона старинныхъ дней! Я читалъ въ одной старой книгѣ о карѳагенскомъ полководцѣ, Аннибалѣ, который, одержавъ побѣду надъ римлянами, помѣстилъ войска свои, храбрѣйшія въ мірѣ, въ какомъ-то городѣ, гдѣ они до такой степени предались роскоши и удовольствіямъ жизни, что въ слѣдующую кампанію потерпѣли совершенное пораженіе. Такъ точно и со мной. Во мнѣ уже не было той отваги, силы и храбрости, которыми обладалъ я, будучи юношей. Шестнадцати лѣтъ я уже дрался на дуэли, а шесть лѣтъ спустя участвовалъ во многихъ кровопролитныхъ сраженіяхъ. Теперь, въ тюрьмѣ Флитъ, гдѣ пишу эти строки, какой-то ничтожный бездѣльникъ смѣется надо мной, придирается ко мнѣ, вызываетъ на кулачный бой, и я не смѣю дотронуться до него. Но я упреждаю мрачныя событія исторіи моего униженія.....

Я нанялъ квартиру въ кофейномъ домѣ близъ подворья Грэй, сообщилъ адресъ мистеру Топвеллю, и съ нетерпѣніемъ ждалъ его посѣщенія. Онъ явился наконецъ, и принесъ съ собой условія, предложенныя друзьями лэди Линдонъ. Мнѣ назначалось ежегодно триста фунтовъ стерлинговъ, съ тѣмъ, если я буду жить за предѣлами Трехъ Соединенныхъ королевствъ; при первомъ моемъ появленіи въ Англіи или Ирландіи, я лишался и этой ничтожной суммы. Мистеръ Топвелль объявилъ мнѣ, что, оставаясь въ Лондонѣ, я непремѣнно попаду въ тюрьму, что кредиторы слѣдятъ за мной повсюду, и что я ни на шиллингъ не имѣю кредита. Все это и безъ него я зналъ очень хорошо. Онъ далъ мнѣ ночь на размышленіе, сказавъ, что если я соглашусь, то

четверть опредѣленной суммы будетъ выслана немедленно въ тотъ заграничный портъ, который я укажу.

Что оставалось дѣлать бѣдному, одинокому, убитому горемъ человѣку? Я принялъ предложеніе, и черезъ недѣлю былъ опубликованъ лишеннымъ покровительства законовъ. Бездѣльникъ Квинъ, какъ я узналъ въ послѣдствіи, былъ виновникомъ моего изгнанія. Это онъ придумалъ привезти меня въ Лондонъ; онъ предлагалъ этотъ планъ съ самого начала, но ея сіятельство, любившая во всемъ романтичность, отдала предпочтеніе побѣгу изъ зàмка. Объ этой измѣнѣ сообщила мнѣ мать, и въ тоже время вызывалась пріѣхать ко мнѣ и раздѣлить со мной одинокое мое изгнаніе; но я отказался отъ такого предложенія. Она оставила зàмокъ Линдонъ вскорѣ послѣ моего отъѣзда. Безмолвіе и пустота водворились въ томъ мѣстѣ, которое во время моего пребыванія отличалось гостепріимствомъ и роскошью. Мать моя полагала, что уже больше никогда не увидитъ меня, и потому жестоко упрекала меня, что я невнимателенъ къ ней; но въ томъ и другомъ случаѣ она ошибалась. Она очень постарѣла, и въ настоящее время сидитъ подлѣ меня и вяжетъ чулокъ. Въ сосѣднемъ домѣ черезъ дорогу отъ тюрьмы она занимаетъ небольшую комнатку, и съ полсотнею фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода, который она умѣла скопить при своемъ благоразуміи, мы поддерживаемъ наше жалкое существованіе, совершенно недостойное знаменитаго и фешёнебельнаго Барри Линдона.

Здѣсь оканчивается личное повѣствованіе мистера Барри Линдона. Смерть прекратила жизнь повѣствователя. Онъ прожилъ въ тюрьмѣ Флитъ девятнадцать лѣтъ, и умеръ, какъ значится въ тюремной лѣтописи, отъ бѣлой горячки. Его мать достигла глубокой старости. Мѣстные старожилы разсказываютъ, что между матерью и сыномъ безпрерывно бывали ссоры. Наконецъ, отъ привычки ежедневно напиваться допьяна, Барри впалъ въ слабоуміе. Старуха ухаживала за нимъ, какъ за ребенкомъ. Бывало онъ плакалъ, когда въ извѣстное время не давали ему рюмки коньяку.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ для описанія образа жизни его на материкѣ послѣ разлуки съ леди Линдонъ; надобно думать, что онъ принялся за прежнее ремесло игрока, но игралъ безъ прежняго успѣха.

Спустя нѣсколько времени послѣ изгнанія, онъ тайкомъ пріѣхалъ въ Англію, и сдѣлалъ тщетную попытку выманить нѣсколько денегъ отъ лорда Джорджа Пойнингса, грозя, въ противномъ случаѣ, распубликовать его переписку съ лэди Линдонъ и тѣмъ разстроить его бракъ съ миссъ Драйверъ, наслѣдницей несмѣтныхъ богатствъ, дѣвицей строгихъ правилъ, и владѣтельницей огромныхъ сахарныхъ плантацій въ Вестъ-Индіи съ нѣсколькими тысячами душъ невольниковъ. Тогда Барри чуть-чуть не попалъ въ руки полиціи, которую лордъ Джорджъ направилъ на него; лордъ Джорджъ хотѣлъ было прекратить пенсію, но миледи Линдонъ не согласилась на эту мѣру, и разошлась съ милордомъ, лишь только онъ женился на вестъ-индской лэди.

Старая графиня воображала, что ея прелести были вѣчны, и что она попрежнему была влюблена въ своего мужа. Она жила въ Батѣ; ея имѣнія тщательно сберегались благородными родственниками Типтоффами, которымъ переходили они въ наслѣдство за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ. Барри имѣлъ на эту женщину такое сильное вліяніе, что онъ почти убѣдилъ ее ѣхать за границу и жить вмѣстѣ съ нимъ, какъ вдругъ планы ихъ обоихъ были совершенно разрушены появленіемъ особы, которая уже много лѣтъ считалась умершею.

Это былъ никто иной, какъ виконтъ Буллингдонъ, который какъ будто нарочно вышелъ изъ могилы къ величайшему изумленію всѣхъ вообще, и его родственника Типтоффа въ особенности. Этотъ молодой нобльменъ явился въ Батѣ къ отчиму съ письмомъ, въ которомъ Барри грозилъ обнаружить связь лорда Джорджа съ лэди Линдонъ, — между тѣмъ какъ ихъ отношенія не бросали ни тѣни безчестія на то или другое лицо, и доказывали только то, что ея сіятельство имѣла привычку писать чрезвычайно нелѣпыя письма; привычку, которая водилась и водится за многими лэди, и даже джентльменами. Защищая честь своей матери, лордъ Буллингдонъ напалъ на Барри, проживавшаго въ Батѣ подъ именемъ мистера Джонса, и задалъ ему жестокій урокъ.

Исторія милорда, со времени его отъѣзда въ Америку, была довольно романтичная; мы разскажемъ ее въ нѣсколькихъ словахъ. Онъ былъ раненъ въ американской войнѣ, сочтенъ битымъ, взятъ въ плѣнъ, и въ послѣдствіи освобожденъ. Обѣщанной суммы денегъ ему никогда не высылали. Мысль о такомъ небреженіи сокрушала сердце своенравнаго и романтическаго молодаго человѣка, и онъ рѣшился оставаться мертвымъ

для свѣта и для матери, которая отвергла его. Въ лѣсахъ Канады, и то уже три года спустя послѣ несчастнаго событія съ маленькимъ Брайаномъ, онъ случайно прочиталъ въ журналѣ «Gentleman's Magazine» статью, подъ заглавіемъ «Роковой случай съ лордомъ виконтомъ замка Линдонъ». Только тогда онъ рѣшился воротиться въ Англію, гдѣ большаго труда ему стоило убѣдить лорда Типтоффа, что онъ дѣйствительно лордъ Буллингдонъ. Намѣреваясь посѣтить милэди Линдонъ въ Батѣ, онъ встрѣтился съ знакомымъ лицомъ мистера Барри Линдона, и отмстилъ этому джентльмену за всѣ свои оскорбленія.

Лэди Линдонъ, услышавъ объ этой встрѣчѣ, пришла въ невыразимый гнѣвъ, и хотѣла было тотчасъ же броситься въ объятія обожаемаго Барри, но въ это время его препровождали изъ одной тюрьмы въ другую, наконецъ сдали на руки мистера Бендиго, помощника Мидльсекскаго шерифа, и отъ него перевели на постоянное жительство въ тюрьму Флитъ. Въ настоящее время уже не существуетъ ни шерифа, ни его помощника, ни заключеннаго въ тюрьму несчастнаго Барри, ни самой тюрьмы.

При жизни лэди Линдонъ, Барри получалъ назначенную пенсію, и, можетъ статься, былъ не менѣе счастливъ во время пребыванія въ тюрьмѣ, нежели въ какой либо другой періодъ своего существованія. Со смертію милэди, ея наслѣдникъ немедленно прекратилъ производство пенсіи, давъ ей другое назначеніе: онъ употребилъ ее на вспомоществованіе бѣднымъ. Послѣ смерти милорда, въ испанской кампаніи, въ 1811 году, его имѣнія и титулы перешли въ фамилію Типтоффовъ; но и маркизъ Типтоффъ не хотѣлъ возобновить производства пенсіи мистеру Барри. Имѣнія фамиліи Линдонъ, подъ бдительнымъ надзоромъ и умнымъ распоряженіемъ маркиза, доведены были до отличнаго устройства. Деревья въ Брактонъ-Паркѣ достигли полувѣковаго возраста; ирландское помѣстье, раздѣленное на мелкіе участки, отдано въ арендное содержаніе крестьянамъ, которые и теперь еще разсказываютъ проѣзжимъ исторіи о храбрости, буйствѣ, блескѣ и паденіи Барри Линдона.

КОНЕЦЪ.

LIBRAIRIE ÉTRANGÈRE ET BIBLIOTHÈQUE DE LECTURE

DE

A. CLUZEL

Commissionnaire de la Bibliothèque Impériale Publique, du Département Hydrographique, du Jardin Impérial Botanique, de la Société Impériale Géographique et du Lycée Impérial.

Perspective de Nevsky, maison Petiliat, № 3.

ANGER DE LA LORIAIS. Traité des lignes du second ordre. Paris, 1845. 2 vols. in-8. 4 r. 30 c.

BLOCK et GUILLAUMIN. Annuaire de l'économie politique et de la statistique pour 1857. Paris, 1857. 1 vol. in-18. 1 r. 50 c.

BAZIN. Crammaire mandarine ou principes généraux de la langue chinoise parlée. Paris, 1856. 1 vol. in-8. 3 r.

CLAUDE BERNARD. Leçons sur les effets des substances toxiques et medicamenteuses. Paris, 1857. 1 vol. in-8. 2 r. 10 c.

CHAUMONT (avocat). Dictionnaire universel du droit commercial maritime, ou répertoire méthodique et alphabétique de législation, doctrine et jurisprudence nautiques, avec sommaire et table. Paris, 1857. 1 vol. gr. in-8. 3 r. 60 c.

CONNAISSANCE des temps ou des mouvements célèstes a l'usage des astronomes et des navigateurs pour l'an 1858, publiée par le bureau des longitudes. Paris, 1855. 1 vol. in-8. 2 r. 50 c.

COURCELLE-SENEUIL. Traite théorique et pratique des entreprises industrielles, commerciales et agricoles, ou manuel des affaires. Paris, 1857. 1 vol. in-8. 2 r. 25 c.

DELESSE. Matériaux de consructions de l'exposition universelle de 1855. Paris, 1856. 1 vol. in-8. 2 r. 10 c.

ENDRÉS. Manuel du conducteur des ponts et chaussées. Paris, 1857. 2 vols. in-8. 3 r.

ETZEL. Notices sur la dispositiou des grands chantiers de terrassement observée dans les travaux exécutés reçemment en Angleterre et en France. Paris, 1839. Atlas et texte in fol. 4 r. 25 c.

FRENET. Recneil d'exercices sur le calcul infinitésimal. Paris, 1856. 1 vol. in-8. 1 r. 50 c.

GAUBERT. Traité de mécanique a l'usage des élèves des écoles polytechnique et normal. Paris, 1851. 1 vol. in-8. 2 r. 50 c.

GAUDRY. Traité élémentaire et pratique de la direction, de l'entretien et de l'installation des machines à vapeur. Paris, 1856. 2 vols. in-8. 6 r,

KELLEY. Projet d'un canal maritime sans écluses entre l'océan atlantique et l'océan pacifique, a l'aide des rivières Atrato et Truando. Paris, 1857. 1 vol. in-8. 1 r. 10 c.

MALTE-BRUN. Résumé historique des explorations faites dans l'Afrique australe de 1849 à 1856. Paris, 1857. 1 vol. in-8. 1 r. 10 c.

MARÈS. Des nouvelles armes à feu portatives propres a la guerre. Paris, 1857. 1 br. in-8. 55 c.

MENU de SAINT-MESMIN. Problèmes de mathématique et de physique. Paris, 1857. 1 vol. in-8. 1 r. 75 c.

MORIN. Aide-mémoire de mécanique pratique à l'usage des officiers d'artillerie. Liège, 1845. 1 vol. in-8. 3 r.

MORIN. Notions fondamentales de mécanique et données d'exprérience. Paris. 1855. 1 vol. in-8. 2 r. 75 c.

MEYER. Demonstration de deux propositions nouvelles sur le calcul des probabilités. Liége, 1856, br. in-4. 90 c.

PARIS. Catéchisme du marin et du mécanicien à vapeur, ou traité des machines à vapeur. Paris, 1 vol. in-8. 3 r. 70 c.

PARIS. Traité de l'hélice propulsive Paris, 1855. 1 vol. gr in-8. 6 r 60 c.

PETIT de COUPRAY. Annuaire officiel des chemins de fer. Paris, 1857. 1 vol. In-12. 2 r.

PONCELET. Mécanique industrielle exposant les principes de statique et de dynamique. Bruxelles, 1839. 1 vol. in-8. 3 r. 50 c.

POTIER. Tables cyclographiques pour le tracé des courbes de raccordement des voies de communication. Paris, 1857. 1 vol. in-8. 1 r. 70 c.

RABUSSON. De la géographie du nord de l'Afrique. Paris, 1856. 1 vol. in-8. 1 r. 75 c.

REGNAULT. Manuel des aspirants au grade d'ingénieur des ponts et chaussées. Paris, 1854. 1 vol. in-8. 4 r. 70 c.

RITT. Manuel des aspirants a l'école polytechnique contenant un très grand nombre de questions recueillies dans les derniers examens de concours, avec les solutions. Paris. 1839. 1 vol. in-8. 1 r. 25 c.

SGANZIN. Programme ou resumé des leçons d'un cours de construction avec des applications tirées spécialement de l'art de l'ingénieur des ponts et chaussées. Liége, 1840. 4 vols. gr. in-8. et atlas in fol. 35 c.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 22 іюня 1857 года.
Старшій Цензоръ *Рочфортъ*.

Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петро-Павловской церкви (входъ между церковью и Большой Конюшенной) въ С.-Петербургѣ,

продаются новыя сочиненія:

ASCHER, J. Op. 54. Les contemplations. Trois morceaux de salon pour le piano. № 1, à Leonora. Nocturne, (75 c.).—№ 2, Pourquoi? Mèlodie-Rêverie, (85 c.).—№ 3, 1 mai! Caprice-Etude, (85 c.).—Op. 55 Danse des paysans russes. Caprice-Mazur pour le piano, (85 c). — Op. 57. La sylphide. Impromptu-Valse pour le piano, (85 c.).—Op. 58. Tyrolienne pour le piano, (75 c).—Op. 60. Grande caprice de concert pour le piano, sur la Traviata de Verdi, (1 r. 45 c.).

ANDREOLI, G. Op. 6. Etude de concert. Barcarolle du Marino Faliero, variée pour la main gauche, (60 c.). — Op. 9. Rêverie, pour le piano, (75 c.).

BURGMULLER, F. Valse de salon sur l'opéra comique: les Dragons de Villars, de Maillart, (85 c).

BERNH FF, H. La Fanchonette, opéra de Clapisson. Polka pour le piano, (45 c.).

BLUMENTHAL, J. Op. 39. La caressante. Caprice pour le piano, (1. r. 15 c.).

BOHLMANN, H. La belle Bourbonnaise. Quadrille pour le piano. (60 c.).—Gaston de France. Quadrille brillant pour le piano, (60 c.).

BEYER, F. Op. 138. Hommage à l'Ecosse. Six fantaisies pour le piano sur des airs écossais. — № 1, The flowers of the forest.—№ 2, Auld lang syne. — № 3, My heart is sair for Somebody.—№ 4, Mary's dream, (à 85 c. Complet 4 r.).

CRAMER, J. B. Tutti frutti. Collection de 50 petits morceaux pour le piano. (Tant inspirations originales que souvenirs d'auteurs anciens et modernes recueillis et écrits de mémoire.) Cab. 1, 2, 3 (à 1 r. 15 c. Complet 3 r.).

CRAMER, H. Op. 133. La nostalgie (Das Heimweh.) Pensée musicale pour le piano, (75 c.).—Op. 134. Avant le combat. Morceau guerrier pour le piano, (85 c.).—Op. 185. La noce des paysans. Danse rustique pour le piano, (1 r.).—Potpouris pour le piano sur des motifs d'opéras favoris. № 125, Winter, Das unterbrochene Opferfest, (85 c.).—№ 126, Auber. Le maçon, (85 c.).—№ 127, Auber. Le serment ou les faux-monnayeurs, (85 c.).

CROISEZ, A. Adrienne-Polka-Mazurka pour le piano, (45 c.).

DUVERNOY, J. B. Op. 214. Prière des anges. Nocturne pour le piano, (75 c.).

DICKS, E. Op. 25. La dame de carreau. Polka pour le piano, (60 c.).—Op. 26. Herzliebchen (Mamie). Polka-Mazurka pour le piano, (45 c.).

DOHLER, TH. Oeuvres posthumes pour le piano. Cah. 1, Chant du voyageur. Ne m'oubliez pas. Romance sans paroles. Cah. 2, Doux souvenirs. Marche. Polka originale. Cah. 3, Trois études de salon. Cab. 4, Trois études de salon (à 1 r. 15 c.).

EGGHARD, J. Op. 33. Chant du soir pour le piano, (75 c.). — Op. 34. La rosée de perles, Impromptu de salon pour le piano, (75 c.).

FERRARIS, F. Op. 30. Etude pour le piano, (75 c.). — Op. 31. Un istoria dolente. Ballade pour le piano, (75 c.).—Op. 33. Tyrolienne pour le piano, (75 c.).

GREULICH, A. Op. 5. Feuilles d'album pour le piano, (85 c.).—Op. 6. Deux mazurkas de salon pour le piano', (85 c.). — Op. 8. Thème et étude pour le piano, (85 c.).

GOTTSCHALK, L. M. Op. 13. Iérusalem de Verdi. Fantaisie triomphale pour le piano, (1 r. 45 c.). — Op. 21. L'étincelle. Mazurka sentimentale ponr le piano, (75 c.).

GERVILLE, L. P. Op. 43. Chant d'adieu pour le piano, (75 c.). — Op. 44, Deuxième menuet pour le piano, (75 c.).—Op. 45. Impromptu-Scherzo pour le piano, (75 c.). — Sylvia-Polka-Mazurka pour le piano, (45 c.).

GRAF, G. Op. 25. Saltarella pour le piano, (85 c.).

GORIA A. Op. 80. Grande Valse de concert pour le piano, (1 r. 15 c.).

HERZ. H. Op. 181. Camélia. Valse brillante pour le piano, (75 c.).—Op. 186. Fantaisie brillante pour le piano sur des motifs de Don-Juan de Mozart, (1 r. 45 c.).—Op. 188. Grand galop brillant pour le piano, (1 r. 15 c.).—Op. 189. Marche et rondo sur des motifs de l'opéra: Ernani, de Verdi, (1 r.)

KEFFERER, E. Op. 21. L'argentine. Fantaisie-Mazurka pour le piano, (85 c).

KUFFERATH. H. F Op. 24. Concerto (in E.) pour le piano, (3 r. 45 c.).

KRUGER, W, Op. 37. Griseldis. Bolero de la reine Honsterc. Fantaisie pour le piano (1 r. 15 c.).

KULLAK. A. Op. 23 Le chant des Océanides. Tableau romantique pour le piano, (1 r. 15 c.) —Op. 24. Feuille d'automne. Idylle pour le piano, (85 c.) —Op. 25. Rhapsodie-solo pour le piano, (75 c.).

LUDWIG, F, Op. 25. Pastorale des Alpes. Tyrolienne pour le piano, (75 c.).

OSBORNE, G. A. Fantaisie pour le piano., sur des motifs de l'opéra: La Traviata, (75 c.). — Fantaisie pour le piano sur des motifs de l'opera: Il Trovatore, (1 r.).—Ah che la morte, et le célèbre miserere de lopera: Il Trovatore, transcrits et variés pour le piano, (75 c);

PRUDENT, E. Op. 49. Chanson à boire pour le piano, (75 c.).—Op. 48. La prairie. Deuxième concerto pour le piano, (2 r. 60 c.).

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ. Требованія гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

Нижеподписавшійся беретъ на себя заказы на фортепіано и всѣ другіе инструменты и обѣщаетъ немедленное исполненіе заказовъ, по самой дешевой цѣнѣ.

А. ВИТНЕРЪ.

Печатать позволяется. Іюля 3-го дня 1857 года.

Цензоръ *П. Новосильскій.*

Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, іюля 3 дня 1857 года.

Цензоръ *П. Новосельскій.*

Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-учебнымъ Заведеніямъ

ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ (*).

I.

Инвалидный Домъ; гробница Наполеона. — Марсово Поле. — Елисейскія Поля днемъ. — Дворецъ всемірной выставки. — Гипподромъ.—Булоньскій лѣсъ и *Pré Catelan*. — Балъ Мабиля и концертъ Мюзара. — Биржа.

Пойдемте снова на Rivoli и чрезъ Тюльерійскій садъ проберемся на *Площадь Согласія*. Оттуда, перешедъ на лѣвый берегъ Сены, по мосту того же имени (pont de la Concorde), повернувъ внизъ по набережной, мимо *Министерства Иностранныхъ Дѣлъ*, пойдемъ по широкой аллеѣ (Esplanade des Invalides) къ самому *Инвалидному дому* (Hôtel des Invalides). На лавкахъ противъ главнаго фасада огромною, высокой стѣной обнесеннаго зданія, состоящаго изъ множества связей со внутренними дворами, сидятъ на солнышкѣ безногіе и безрукіе ветераны въ треуголкахъ и синихъ мундирахъ. Кругомъ ограды аллеи, въ тѣни которыхъ на каждомъ шагу встрѣчаются тѣже гуляющіе горемыки. Кто желаетъ прежде всего осмотрѣть церковь Инвалидовъ, долженъ обойти ограду и войти въ церковь съ южной стороны, въ ворота, обращенныя на площадь Вобана. О наружности церкви только и можно сказать, что это одна изъ тысячныхъ подражаній храму Св. Петра. Но зато внутренность замѣчатель-

(*) См. «Совр.» 1856 г. № XI и 1857 г. № II.

на по своей строгой простотѣ. Кажется, великая тѣнь повѣяла на Французовъ эпической простотой и они, хотя на этотъ разъ, обошлись безъ тряпокъ и позолотъ, безъ которыхъ имъ жизнь не въ жизнь. Вступая на порогъ ротонды, вы видите, на діаметрально противоположной сторонѣ, высокій траурный алтарь. Все просто и величественно. Надъ колоссальнымъ цоколемъ изъ чернаго мрамора, возвышается куполъ, поддерживаемый колоннадой изъ широко-волнистаго мрамора, котораго бѣлыя и черныя струи, переливаясь и возносясь вокругъ колоннъ, служатъ прекрасной эмблемой скорби. По срединѣ ротонды парапетъ изъ бѣлаго мрамора.—Подходите,—и глазамъ представляется цилиндрическое углубленіе саженей въ пять въ діаметрѣ и сажени въ три глубины. Это мѣсто приготовлено для принятія праха Наполеона I. Всю стѣну углубленной ротонды обошла небольшая галлерея, карнизъ которой поддерживаютъ каріатиды изъ бѣлаго мрамора. Посреди мозаиковаго пола большая разноцвѣтная звѣзда, озаряющая имена главныхъ побѣдъ императора и посреди ея на высокомъ мраморномъ подножіи самая гробница. Вотъ и все. Ни на крышѣ, ни на гробницѣ изъ темнокраснаго финскаго гранита (подарокъ Императора Николая I), нѣтъ ни завитушекъ, ни мнимыхъ украшеній. Просто и величественно. Но и тутъ суетящійся, хлопотливый, все начинающій и ничего не оканчивающій Парижъ остался вѣренъ самому себѣ.

Гробница открыта и пуста, а подъ крышей еще машины и веревки, которыми ее надвинутъ на гробницу. Тѣло Наполеона не тутъ, а въ особой часовнѣ храма, влѣво отъ приготовленнаго мѣста. Сквозь желѣзную рѣшетку видна, посреди часовни, убранной темно-вишневымъ бархатомъ, гробница, увѣшенная вѣнками и по обѣимъ ея сторонамъ пуки забранныхъ знаменъ. Долго смотрѣть черезъ рѣшетку не дадутъ. Неумолимый sergent de ville запоётъ: «Depechez vous, m-rs et m-mes! Nous avons beaucoup de monde.»

Если хотите видѣть внутреннее устройство Дома Инвалидовъ, возьмите перваго изъ нихъ попавшагося въ проводники. Онъ вамъ все покажетъ: и казармы съ двойными рядами кроватей, и обѣденные залы, гдѣ для большаго удобства три тысячи человѣкъ обѣдаютъ въ три смѣны, по 1000 въ разъ, и кухню, въ которой готовятся завтраки и обѣды, въ одномъ отдѣленіи для офицеровъ, въ другомъ для солдатъ, и библіотеку съ книгами, большею частію духовнаго содержанія, и двумя портретами

императоровъ на противоположныхъ концахъ залы. Направо Наполеонъ I, на лѣво Наполеонъ III.—«Посмотрите, какой у него славный перехватъ въ тальи,» замѣтилъ подлѣ меня блузникъ товарищу, разсматривающему портретъ. Удивительные господа эти французы!—Въ обѣденной офицерской залѣ, круглые, клеенкой покрытые столы съ приготовленными приборами. Ничего,— не дурно; но ей-ей не отрадно. Зашедши въ южную часть Парижа, по лѣвую сторону Сены, и добравшись до *Инвалидовъ*, не большаго труда стоитъ взглянуть на обширное зданіе *Военной Школы* (École Militaire). По бульвару (Avenue de la Motte Piguet) въ десять минутъ дойдешь до Школы и прилежащаго къ ней *Марсова Поля* (Champ de Mars). Школа, превращенная въ настоящее время въ казармы, незамѣчательна какъ архитектурный памятникъ, а огромное Марсово Поле, протянувшееся холстомъ къ Сенѣ, еще менѣе замѣчательно. Оно даже не выровнено и въ настоящую минуту, какъ все въ Парижѣ, въ починкѣ.

Теперь придется возвращаться тою же дорогою и противъ *Инвалидовъ* перейти по мосту того же имени, на правый берегъ Сены. Передъ нами снова знакомыя *Елисейскія Поля*, съ пресловутымъ стеклянным дворцомъ (Palais de l'Industrie). Въ первый разъ мы видѣли Елисейскія Поля вечеромъ, при газовомъ освѣщеніи; вотъ тѣже поля или, скорѣе, огромное, чахлыми деревьями засаженное шоссе, при свѣтѣ дня. Трудно представить, сколько старанія употреблено на разведеніе молодыхъ и поддержку старыхъ деревьевъ. Чуть только на какомъ либо мѣстѣ стараго дерева умретъ кора, ее счистятъ и зальютъ дегтемъ. Пусть судятъ садоводы, хорошо ли это, но дѣло въ томъ, что глаза всюду встрѣчаютъ обчищенные корни, залитые дегтемъ, и людей съ помазками. Но проку выходитъ мало. Въ Парижѣ подземныя газовыя трубы придаютъ глинистой почвѣ видъ каменнаго угля и сушатъ всю растительность, по этому деревья на бульварахъ, за малыми исключеніями, совѣстно назвать даже вѣниками. Дворецъ всемірной выставки въ настоящее время пустъ. Архитектура его ничтожна, а размѣры не болѣе, или не менѣе Московскаго манежа. Стеклянный сводъ, какъ въ дебаркадерахъ желѣзныхъ дорогъ, утвержденъ на желѣзныхъ стропилахъ. Снаружи казарма, извнутри сарай. Вотъ и все. Какой-то фабрикантъ оставилъ навсегда, на первой площадкѣ лѣстницы, ведущей на внутреннюю галлерею, опоясывающую зданіе, стекляннаго льва во весь ростъ. Левъ, его шерсть, грива, трава, на которой

онъ стоитъ, изъ цвѣтнаго стекла. Фабрикантъ вѣроятно въ восторгѣ отъ своей работы. Я тоже удивляюсь, но не льву, а человѣку, которому пришла въ голову такая дикая, готтентотская мысль. — Окончательно убѣждаюсь, что осматривать Парижъ надо по географическому положенію предметовъ, а не по степенямъ ихъ важности, — по крайней мѣрѣ будетъ какая нибудь путеводная нить. Собственно какъ памятники, вполнѣ интересны только Лувръ, Тюльери, да еще два, три зданія; но въ смыслѣ картины нравовъ, въ своемъ родѣ, все интересно. По этому не затрудняясь выборомъ, отправимся изъ стекляннаго дворца по широкой Avenue des champs Elysées къ заставѣ *Звѣзды* (Barrière de l'Étoile), она же тріумфальныя вороты, и оттуда къ знаменитому Булоньскому лѣсу. По дорогѣ можно заглянуть въ огромное деревянное зданіе *Гипподрома*, выстроеннаго въ мавританскомъ вкусѣ, съ башнями, на которыхъ развѣвается трехцвѣтный французскій флагъ. Посреди амфитеатра, раздѣленнаго на ложи, защищенныя крышей отъ дождя и солнца, продолговатая арена, на которой газонъ изрѣзанъ и обведенъ дорожками для скачекъ. На газонѣ жонглеры тѣшатъ зрителей своими штуками между смѣнами конныхъ представленій. Не одни люди показываютъ свою ловкость, повиснувъ затылкомъ на канатѣ и барабаня въ тоже время обѣими руками: животныя quadrumanes (намекъ на развязность ихъ ногъ) въ свою очередь являются искусными акробатами. Собаки ходятъ по лѣстницамъ внизъ головой, и, стоя на деревянномъ шарѣ, вскатываютъ его своею тяжестью на вершину наклонной плоскости, какъ это до сихъ поръ дѣлали канатные плясуны. Главная слава Гипподрома однако же принадлежитъ наѣздницамъ верхомъ и на разныхъ фантастическихъ колесницахъ. Многія, особенно упряжныя, лошади породисты, красивы и выѣзжены отлично. Сѣдокъ почти не раздѣленъ съ лошадью, но наѣздница, управляющая лошадью съ колесницы, должна довести коня до большаго послушанія, если хочетъ совершенно незамѣтными движеніями натянутыхъ вожжей, заставлять его идти испанскимъ ходомъ въ тактъ музыки и правильно мѣнять ноги съ легкостью, заставляющею зрителя думать, что лошадь рисуется передъ нимъ изъ сознанія собственной граціи. Чѣмъ болѣе всматриваешься въ общественную жизнь парижанъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ ихъ декораторскомъ искусствѣ, въ самомъ обширномъ значеніи слова. Главная цѣль парижанина — пріобрѣсть какъ можно скорѣй и болѣе де-

негъ, а первѣйшая задача — остановить и приманить общее вниманіе. Тутъ названіе играетъ весьма важную роль. По этому въ Парижѣ на каждомъ шагу встрѣтите прехитро придуманныя названія и вывѣски. Вы видите, напримѣръ, блестящій экипажъ, у котораго на задней дверкѣ прекрасный портретъ Ришельё, въ красной кардинальской мантіи, и проч. Это экипажъ магазина подъ фирмой Ришельё. Назови содержатель посѣщеннаго нами зрѣлища свое заведеніе циркомъ, у него небыло бы и половины иностранцевъ, которымъ одно имя Гипподрома приводитъ на память античныя ристалища. Я самъ, подъѣзжая къ Гипподрому, воображалъ огромную арену со вкопаннымъ столбомъ на концѣ, и стихъ Горація: «Не трогая меты, на жаркихъ колесахъ...» невольно приходилъ мнѣ на память. Оказалось, что Гипподромъ—большой циркъ съ открытымъ манежемъ по срединѣ. Тѣмъ не менѣе, 30 франковъ заплачено за ложу. У французовъ есть еще другой способъ привлекать публику: неимовѣрная дешевизна платы за входъ въ заведенія, предлагающія множество разнородныхъ развлеченій. Въ этомъ можно убѣдиться въ одномъ изъ огороженныхъ отдѣленій Булоньскаго лѣса, извѣстномъ подъ названіемъ le Pré Catelan. Заплатя у воротъ парка одинъ франкъ, посѣтитель имѣтъ право входа во всѣ зрѣлища, расположенныя подъ сѣнью деревъ, у дорожки, огибающей просторную лужайку. Тутъ театръ Маріонетокъ, на балконѣ котораго весьма приличный на взглядъ господинъ свищетъ и пищитъ голосомъ будто бы куколъ, зазывающихъ посѣтителей, и театръ магіи, т. е. просто фокусовъ, и еще что то. Кромѣ того, хоръ красныхъ гусаръ, усѣвшись подъ навѣсомъ открытой бесѣдки, съ грѣхомъ по поламъ исполняетъ отрывки арій и увертюръ. Кажется, какого еще гулянья за четвертакъ! Самъ Булоньскій лѣсъ едва ли заслуживаетъ такого громкаго названія. Это роща, подметенная, подлизанная и только что не причесанная. Въ срединѣ, небольшой прудъ съ извилистыми берегами и пристанью, у которой между небольшими лодками возвышается трехмачтовая шхуна. Я не выдержалъ, спросилъ: для чего она тутъ, когда не успѣетъ еще поднять парусовъ, какъ уже доидетъ до противоположнаго берега? — «На ней никогда не ѣздятъ, это для вида.» — Какъ ни дорого въ Парижѣ содержаніе лошадей, нигдѣ нельзя встрѣтить такъ много охотниковъ до верховой ѣзды, какъ здѣсь... Дамы и кавалеры, сопровождаемые грумами и безъ оныхъ, попадаются, начиная отъ Булоньскаго лѣса черезъ всѣ Елисейскія Поля и по

бульварамъ, безпрестанно, хотя, по большей части, не могутъ похвастать ни собственной ловкостью, ни красотою коней.

Между заставой Barrière de l'Étoile и Хрустальнымъ дворцомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Елисейскихъ Полей, находится заведеніе, котораго посѣтителю Парижа ни какъ миновать не слѣдуетъ: во-первыхъ не дорого — три франка за входъ, дамы не платятъ,—а во-вторыхъ какъ не побывать на bal Mabile? Едва ли возможно съ большимъ искусствомъ воспользоваться небольшимъ садикомъ, окруженнымъ строеньями, и придать ему видъ волшебнаго парка, въ которомъ фея даетъ балъ. Каждый кустикъ, каждое дерево—живая декорація, великолѣпно освѣщенная бриллiантовыми, газовыми огнями, придающими зелени нѣжно-голубоватый оттѣнокъ. Чего тутъ нѣтъ! Вдоль главной аллеи статуи въ два ряда, кругомъ бесѣдки изъ подстриженныхъ деревьевъ. Бесѣдокъ этихъ безъ числа, и въ каждой деревянныя скамьи вокругъ столика приглашаютъ гуляющія пары присѣсть и потребовать мороженнаго, оршаду и проч. Подъ навѣсомъ прекрасныхъ, фантастически освѣщенныхъ деревьевъ возвышаются насыпныя клумбы съ рѣдкими цвѣтами, между которыми, какъ огромные свѣтляки, горятъ разноцвѣтные газовые огоньки, а сверху прозрачными куполами льётся вода, позлащенная дрожащими лучами газоваго свѣта. Чтобы вполнѣ оправдать названіе волшебнаго, балъ Мабиля предлагаетъ въ углу сада холмъ, на вершину котораго приводитъ улиткообразная аллея, величаемая лабиринтомъ. Жилище волшебника, китайскій храмикъ, ждетъ послѣ минутнаго странствованія отважнаго Тезея. Тутъ за два, или три франка можете навѣрное узнать свое настоящее, прошедшее и будущее. Между воздушными кофейнями, рулетками, бильярдами и тирами изъ пистолетовъ и карабиновъ расчищенъ кругъ съ асфальтовымъ шоссе и китайскимъ грибкомъ посрединѣ, подъ навѣсомъ котораго реветъ огромный оркестръ, а вокругъ поочередно движутся кадрили, польки и вальсы. По окружности асфальтоваго круга желѣзныя пальмы поддерживаютъ газовые фонари. Грибокъ тоже въ огняхъ, слѣдовательно на асфальтѣ, замѣняющемъ паркетъ, можно безъ труда различить булавку. Кромѣ того, около самого круга огромный залъ, предназначенный укрывать гуляющихъ отъ дождя. Но кто пойдетъ въ душный залъ, когда вечеръ такъ тихъ, что ни одинъ огонекъ не качнется, ни одна вѣтка не вздрогнетъ голубоватыми листами, а свѣтлая луна, вышедъ изъ-за деревьевъ, беззастѣнчиво плыветъ черезъ

лужайку, не боясь сравненія съ искусственнымъ освѣщеніемъ. Но вотъ заиграли кадриль, пары стали по мѣстамъ и зрители столпились къ стульямъ, разстановленнымъ по окружности асфальтоваго круга. Довольно бѣглаго взгляда, для убѣжденія, что публика Мабиля состоитъ изъ туземныхъ и заѣзжихъ львовъ и дамъ-камелій, разряженныхъ, со вкусомъ и роскошью, въ шелкъ и бархатъ. Но только парижскій старожилъ знаетъ, сколько тайной, незримой нищеты скрыто подъ веселыми улыбками красавицъ въ кокетливыхъ шляпкахъ. У большей части безпечно гуляющихъ на сердцѣ затаенъ девизъ: «Побѣдить или умереть», или по крайней мѣрѣ возвратиться домой съ пустымъ кошелькомъ и желудкомъ. Посторонній, новичокъ ничего этого не замѣтитъ, онъ будетъ видѣть одни кружева и букеты изъ камелій, не подозрѣвая, что и самые букеты такое же средство выманивать деньги, какъ улыбки и скромно или разсѣянно опущенныя рѣсницы. «Купите мнѣ букетъ»! скажетъ дама, проходя съ вами подъ руку мимо цвѣточницы, предлагающей тутъ же у дорожки свой душистый товаръ. Кто же откажетъ въ цвѣтахъ? Букетъ купленъ, за него поблагодарили, имъ полюбовались, обходя кругъ Составляется танецъ, букетъ переданъ не танцующей подругѣ, и затѣмъ исчезаетъ. Вѣрно та, шутя, кому нибудь подарила его, а между тѣмъ букетъ снова очутился у цвѣточницы и сейчасъ пустился во вторичное странствованіе. Подойдемте поближе къ кругу посмотрѣть на танцующихъ. Наши соотечественники и соотечественницы едва ли повѣрятъ, до какой степени французы Мабиля неловки въ вальсѣ, полькѣ и полькѣ-мазуркѣ. Эти танцы они не танцуютъ, а какъ-то усиленно ползаютъ, большею частію не въ тактъ. Совершенно сбившаяся съ толку пара хладнокровно останавливается, начинаетъ и снова останавливается среди круга.

За то кадриль, le contredanse, танцуемый здѣсь только въ двѣ пары, совершенное зеркало парижскихъ нравовъ. Подъ звуки его ритурнеля, танцоры перерождаются и предаются самымъ отчаянно—развязнымъ тѣлодвиженіямъ. Мужчины каждое па кончаютъ скачкомъ, а дамы такъ и разстилаются по землѣ. Ихъ пышные кринолины волнуются какъ *море-океанъ*. Ловкія танцорки составляютъ отдѣльные кадрили, вокругъ которыхъ толпа. Неумолимая полиція, въ лицахъ *сержанъ-де-вилей*, не позволяетъ ни одного нескромнаго движенія, а между тѣмъ правительство, угождая общей страсти къ зрѣлищамъ, платитъ

ловкимъ танцоркамъ извѣстную сумму за каждый вечеръ, и надо сказать правду, эти дамы не даромъ берутъ деньги. Бо̀льшая ихъ часть театральныя балетчицы, но надо быть французомъ, чтобы вполнѣ наслаждаться всѣми импровизированными наклонами и быстрыми поворотами кадрильныхъ героинь и героевъ. Лучше пойдемте на Итальянскій бульваръ и мимоходомъ заглянемъ въ залы надъ террасою, перила которой озарены бриліантовымъ вензелемъ: Concert Musard. Заплатя франкъ, подымемся по лѣстницѣ въ бель-этажъ, выходящій одною стороной на террасу, а другой, задней, прилегающей къ горѣ, по которой разбитъ миньятюрный садикъ, или лучше сказать, корридорчикъ съ деревьями и цвѣтами, обогнувшій главную музыкальную залу. Между террасой и главной залой двѣ, три небольшія комнаты, въ родѣ угольныхъ петербургскаго Дворянскаго Собранія. Вотъ и все помѣщеніе. Главная зала съ бархатными скамьями и креслами для слушателей и огромной эстрадой для музыкантовъ, велика и декорирована, какъ все въ Парижѣ, съ большимъ вкусомъ. Между открытыхъ ея арокъ съ одной стороны выходъ въ садикъ или галерейку съ деревьями и цвѣтами. О Боже! Въ первый разъ вижу въ Парижѣ берлинскіе желѣзные цвѣты, съ газовыми трубочками по срединѣ. Нѣтъ! этого я не ожидалъ отъ Мюзара. Оркестръ, какъ бы стыдясь національной музыки, съ неистовствомъ играетъ преимущественно нѣмецкія пьесы. Народу каждый вечеръ бездна, но какого рода музыкальное воспитаніе у Мюзара получаютъ всѣ эти барыни и господа, предоставляю судить знатокамъ. Много говорено о лихорадочной страсти парижанъ съ одной стороны къ зрѣлищамъ всякаго рода (хотя бы того, что̀ представляетъ споткнувшаяся и запутавшаяся въ постромкахъ лошадь, около которой немедленно образуется непроницаемая толпа) а съ другой къ деньгамъ. Идеалъ человѣка во Франціи un rentier, т. е. владѣтель капитала, позволяющаго жить процентами и ровно ничего не дѣлать, ходить по театрамъ или сидѣть подъ навѣсомъ кофейни, съ журналомъ въ рукѣ, надъ стаканомъ отвратительной, зеленоватой микстуры изъ полынной настойки (absinthe) и холодной воды. Но убѣдиться наглядно въ послѣднемъ можно только зайдя въ три часа пополудни на Биржу. Огромное зданіе выстроено въ видѣ греческаго храма съ колоннадой и террасами кругомъ. Втереться въ среду самой залы, на мѣсто дѣйствія, и трудно, и не зачѣмъ, а добраться до кругдыхъ перилъ, у которыхъ ежедневно производятся покупка

и продажа акцій, едва ли возможно. Равнодушные зрители отправляются на верхнюю галлерею и смотрятъ на живую драму черезъ перила. Все, что можно сказать или только вообразить о шумныхъ собраніяхъ, блѣдно въ сравненіи съ ревущей дѣйствительностью. Черная толпа, плечо съ плечомъ, напираетъ къ периламъ двойнаго круга, въ срединѣ котораго агенты предлагаютъ тѣ или другія акціи, торгуясь изъ-за денежки. Такихъ агентовъ человѣкъ болѣе ста. Они то перебѣгаютъ къ своимъ довѣрителямъ ко внѣшнимъ периламъ круга, то снова крича во все горло, съ лицами и глазами, налившимися кровью, предлагаютъ другъ другу свой измѣнчивый товаръ. Вся зала заинтересована ходомъ дѣлъ и никто не можетъ передать даже ближайшему сосѣду роковой новости иначе, какъ крикомъ изъ всей силы. Совершенный пандемоніумъ. Не знаю, какъ они могутъ понимать другъ друга. Ровно въ четыре часа раздается звонокъ, адскій крикъ утихаетъ и зала мало по малу пустѣетъ.

II.

Пале-Рояль.—Новый мостъ.—Дворецъ Юстиціи и образцы французскаго судопроизводства. — Церковь Парижской Богоматери. — *La Morgue; Père La Chaise;* гробница Абеляра и Элоизы. — Призовыя скачки.—Пантеонъ и Люксамбургскій дворецъ. — *Jardin des Plantes* и гиппопотамы.—Студенческій балъ.

Вышедъ на биржевую площадь и повернувъ на лѣво по Вивіенской улицѣ, къ берегу Сены, мы неминуемо должны пройти вдоль громаднаго четвероугольнаго зданія Пале-Рояля состоящаго въ связи съ небольшимъ дворцомъ, именемъ котораго названо все строеніе, напоминающее наши гостиные дворы, съ тою только разницею, что на внутреннемъ дворѣ Пале-Рояля разбитъ прекрасный англійскій садъ, съ цвѣтниками, аллеями и пыльнымъ фонтаномъ по срединѣ. Пале-Рояль цѣлый міръ промышленности. Вдоль внутренней колоннады, во всю длину кругомъ, магазинъ возлѣ магазина въ два этажа. Корридоры, пассажи, два театра: Comédie Française и Palais Royal, рестораны и кофейни. Въ саду подъ липками кормилицы и нянюшки съ цѣлой ватагой юнаго поколѣнія. Я уже имѣлъ случай говорить о непостижимомъ скопленіи въ Парижѣ всѣхъ возможныхъ предметовъ роскоши, и по этой части Пале-Рояль представляетъ

достойный образчикъ столицы, которая вся одинъ гигантскій магазинъ.

Прошедъ вдоль Пале-Ройяль, мы снова на неизбѣжной улицѣ *Риволи*, противъ Лувра. Съ Луврской площади перейдемъ по *Новому Мосту* (Pont-Neuf) на островъ, о которомъ уже было говорено. *Новый Мостъ*, соединяющій островъ съ обоими берегами Сены, украшенъ посрединѣ, т. е. на самомъ острову, конной статуей Генриха IV, обращенной лицомъ къ Palais de Justice. Это огромное зданіе, занимающее цѣлый кварталъ и смотрящее главнымъ фасадомъ во внутрь острова, вмѣщаетъ суды: уголовные, гражданскіе и полицейскіе. Всѣ отдѣленія помѣчены цифрами, выставленными надъ дверями. Во дворѣ зданія прекрасная готическая капелла, а въ глубинѣ знаменитая зала des Pas Perdus. Въ архитектурномъ отношеніи зала отнюдь не замѣчательна, ни величиной, ни отдѣлкой, особенно въ настоящее время, когда зданіе юстиціи, наравнѣ со всѣми парижскими памятниками, подвергается починкамъ и передѣлкамъ. На площадкахъ лѣстницъ вставлены камни съ эмблематическими барельефами вѣсовъ, сохраняющихъ равновѣсіе. Во избѣжаніе шума при дѣлопроизводствѣ, въ палаты пускаютъ ограниченное число зрителей, нужно дожидаться выхода какого нибудь любопытнаго, чтобы быть пропущену часовымъ на его мѣсто. Такъ намъ съ товарищемъ пришлось ожидать болѣе получасу у входа въ Уголовную палату. Наконецъ два блузника сошли по лѣстницѣ и мы бросились занять ихъ мѣста. Продолговатая зала, въ которую мы вошли, раздѣлена барьеромъ на двѣ части. Мѣньшая со скамьями для любопытныхъ, а бо̀льшая для дѣлопроизводителей. Въ противоположномъ отъ насъ овальномъ концѣ залы, вокругъ стѣнъ, деревянные хоры. Середину занимаетъ президентъ, по правую его руку прокуроръ (Procureur Imperial), за которымъ безмолвно сидятъ присяжные (Jury); по лѣвую, между двумя жандармами, подсудимый, внизу залы вправо отъ президента писцы, а въ лѣво адвокатъ подсудимаго. Мы застали процессъ какого-то довольно прилично одѣтаго человѣка (здѣсь, представая предъ лицо правосудія, столько же заботятся о внѣшнемъ видѣ, какъ и объ отвѣтныхъ пунктахъ), обвиненнаго въ умышленномъ нанесеніи удара ножомъ въ глазъ женщинѣ, съ которой онъ былъ въ связи, по собственному признанію, одиннадцать лѣтъ. Президентъ самымъ приличнымъ тономъ распрашивалъ его объ обстоятельствахъ поступка, и доказывалъ подсудимому, что объ-

ясненія его неосновательны, такъ, напримѣръ, что онъ не могъ желать ударить на кровати лежавшую женщину хлѣбомъ, который будто бы держалъ въ правой рукѣ вмѣстѣ съ ножемъ, потому что въ такомъ случаѣ неумышленный ударъ ножа пришелся бы черенкомъ, а не лезвеемъ. Отобравъ показанія подсудимаго, президентъ попросилъ его сѣсть и потребовалъ ту, надъ которой совершено было преступленіе. Въ залу вошла женщина лѣтъ 35, вся въ черномъ, и къ общему удивленію здоровая на оба глаза, только подъ правымъ остался едва замѣтный рубецъ. По приглашенію президента, она, поднявъ руку, произнесла клятву, говорить въ своемъ показаніи правду, и вслѣдъ за тѣмъ стала описывать все происшествіе. Такъ какъ она говорила въ противоположномъ концѣ залы, обратясь лицомъ къ сульямъ, я не могъ слышать ея словъ, но изъ выраженія президента понялъ, что она старалась облегчить судьбу обвиненнаго намеками на его умственное разстройство. Бѣдная женщина! Человѣкъ опозорилъ ее, выводя на судъ всѣ тайны ея жизни, посягнулъ самымъ гнуснымъ образомъ на жизнь, и тѣмъ не менѣе она, отдавшая ему одиннадцать лучшихъ лѣтъ, не въ силахъ равнодушно смотрѣть на его гибель. Когда свидѣтельницѣ позволили удалиться и сѣсть на скамью, она пошла трепеща и заливаясь слезами, непритворно горькими слезами. Вслѣдъ за нею былъ позванъ медикъ, подавшій первую помощь послѣ катастрофы. Медикъ объявилъ, что рана нанесена была съ такою силою, что ножъ переломился, хотя особенный случай спасъ глазъ отъ поврежденія. Когда всѣ показанія были собраны, поднялся прокуроръ, въ качествѣ обвинителя, въ противоположность адвокату-защитнику. Прокуроръ въ черной мантіи, съ бѣлой манишкой, какую носитъ католическое духовенство, прежде чѣмъ всталъ съ мѣста, надѣлъ на голову черный бархатный беретъ. Вслѣдъ за прокуроромъ, доказывавшимъ низкую степень нравственности подсудимаго, на защиту послѣдняго поднялся, въ свою очередь, адвокатъ, но заговорилъ такъ тихо, что я потерялъ терпѣніе и вышелъ вонъ. Какъ бы то ни было, подсудимый можетъ быть доволенъ, отдѣлавшись шестью, семью годами каторжной работы. Изъ Уголовной мы перешли въ палату *Исправительной полиціи* (Police Correctionelle). Расположеніе зала и способъ дѣлопроизводства почти тѣже, съ тою разницей, что присяжныхъ нѣтъ и приговоръ произносится судьями. Когда мы вошли, они, переговоря между собой, присудили какую-то нарядную ба-

рыню къ шестимѣсячному тюремному заключенію. Затѣмъ поднялось слѣдствіе объ украденной козѣ, но мы не дождались конца процесса и пошли въ палату *обыкновенной полиціи* (Police Simple). Тутъ дѣло идетъ о нарушеніи полицейскаго порядка и наказанія ограничиваются денежными штрафами. При насъ осудили на уплату пяти франковъ господина, нечаянно облившаго водой прохожаго. Изъ Palais de Justice выйдешь по одной изъ улицъ прямо передъ собою къ *Церкви Парижской Богоматери*, стоящей на восточномъ концѣ острова и представляющей одно изъ древнѣйшихъ и капитальнѣйшихъ украшеній Парижа. По поводу Страсбургскаго Собора я говорилъ уже о впечатлѣніи, произведенномъ на меня готическими памятниками. Всѣ эти головы крылатыхъ чертей, виднѣющихся по угламъ карнизовъ, всѣ тонко задуманныя и грубо исполненныя фигуры рыцарей и аскетовъ умиляютъ и переносятъ въ наивный періодъ непосредственности такъ же неизбѣжно, какъ неизбѣжно злятъ и отвращаютъ всѣ современные пластическіе памятники, тонко и тщательно исполненные и плоско задуманные. До какой степени современное искусство утратило не только инстинктъ художественной правды, но даже чувство художественнаго приличія, можно наглядно убѣдиться, посѣтя въ St. Denis склепы французскихъ королей, гдѣ всѣ могилы украшены скульптурными изображеніями покоящихся въ нихъ усопшихъ отъ Хлодовика до Людовика XVI.

Въ грубыхъ статуяхъ древнихъ царей и рыцарей набожный и неискусный художникъ почтилъ усопшаго, заклеймивъ свой несовершенный мраморъ той строгой печатью, которую смерть налагаетъ на самого простаго человѣка. Посмотрите, какъ современный художникъ понялъ тайну смерти и какъ онъ отличился на отроческой могилѣ Маріи Антуанеты. Подъ его непристойнымъ,—чтобы не сказать циническимъ—рѣзцомъ, несчастная королева похожа на парикмахерскую куклу или бульварную dame de comptoire. Полиція не позволитъ плясать въ присядку за траурной колесницей погребальнаго шествія, а за подобную статую произведутъ въ академики. Архитектура церкви Nôtre Dame строже и проще архитектуры Страсбургскаго Собора и каменная масса тяжело гнететъ зрителя. Сверху башенъ Парижъ какъ на ладони. Нечего прибавлять, что и эту церковь поправляютъ, возстановляя отбитыя башеньки и украшенія въ общемъ тонѣ зданія. Но зачѣмъ за ново расписали внутренность храма?—непо-

нятно. Пономарь таки заставилъ меня взглянуть на чудовищный по его мнѣнію и по мнѣнію Виктора Гюго, колоколъ, но русскаго не удивишь; колоколъ не превосходитъ величиной любаго соборнаго въ губернскомъ, или пожалуй въ уѣздномъ городѣ. Между Nôtre Dame и Palais de Justice, на лѣвомъ берегу острова, небольшое зданіе,—la morgue, въ которомъ лѣвая сторона, отдѣленная отъ зрителей стеклянными дверями, предназначена для выставки скоропостижно умершихъ, найденныхъ полиціей. Какъ ни опрятны наклонные прилавки, на которыхъ кладутъ утопленниковъ всякаго рода, самоубійцъ, зрѣлище тѣмъ не менѣе грустно и непріятно. Поведя рѣчь объ утопшихъ, мы съ товарищемъ французомъ, обязательно взявшимъ на себя роль руководителя, рѣшились посѣтить знаменитое кладбище Père La Chaise, представляющее одинъ изъ важныхъ источниковъ городскихъ доходовъ. Воротясь по *Аркольскому мосту* на правый берегъ Сены, мы очутились противъ знаменитаго, стариннаго Hôtel de Ville, взяли карету и пустились въ путь черезъ площадь Бастиліи, по улицѣ de la Roquette, въ концѣ которой находится тюрьма, устроенная по американской методѣ келейнаго заключенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Недалеко отъ :юда другая тюрьма, по той же методѣ, для взрослыхъ, но ме- 'ода, производящая благотворное дѣйствіе на флегматическаго мериканца — здѣсь не приложима. Французъ, лишенный сообщенія съ людьми, въ самое короткое время сходитъ съ ума. По ѣрѣ приближенія къ кладбищу, по обѣимъ сторонамъ улицъ, аще и чаще попадаются лавки съ надгробными памятниками и ѣнками, приносимыми родственниками на могилы усопшихъ. та значительная въ своемъ родѣ отрасль торговли ни чуть не енѣе другихъ умѣетъ показать товаръ лицомъ. Первое, что кидается въ глаза на парижскихъ надгробныхъ камняхъ, чисто- ı и глубина надписей, могущихъ такимъ образомъ долго ›отивостоять разрушительному дѣйствію времени. Но вотъ и мое кладбище, расположенное на полугорѣ и изрѣзанное мо- еными дорогами, по которымъ во всѣхъ направленіяхъ могутъ дыматься печальные поѣзды. Сколько богатыхъ, великолѣпыхъ гробницъ! Къ сожалѣнію, общее впечатлѣніе лишено велиѣвости, которой мы вправѣ ожидать въ царствѣ смерти. Малые больпіе камни толпятся и жмутся другъ къ другу съ мѣщанэй скупостью. Смотря на эти мѣстечки, купленныя на вѣчныя емена, вспоминаешь о восточной части кладбища, гдѣ мѣста

покупаютъ на пять лѣтъ, по истеченіи которыхъ памятникъ снимается, а кости усопшаго зарываютъ въ общую могилу.

Мы подошли къ старинному мавзолею, обнесенному желѣзной рѣшеткой и укрытому навѣсомъ. На каменномъ подобія гробницы лежатъ рядомъ два мраморныхъ изображенія—монахиня и монахъ съ изнеможеннымъ лицомъ. Руки ихъ, какъ у всѣхъ средневѣковыхъ изваяній усопшихъ, сложены для молитвы.

— Это памятникъ Абеляра и Элоизы, шепнулъ мнѣ на ухо товарищъ:—несчастные любовники до сихъ поръ не забываютъ поэтической могилы и грустные посѣтители, которые, какъ видите, ходятъ кругомъ насъ, непремѣнно изъ этой категоріи. Я шепчу, боясь оскорбить ихъ.

Незнаю, были ли окружающіе насъ въ самомъ дѣлѣ несчастныя жертвы любви, но безчисленные вѣнки, украшающіе трагическую могилу, достаточно говорятъ о симпатіи парижанъ къ безпримѣрнымъ жертвамъ дикости XI вѣка. Абеляръ, родившійся въ 1079 году близь Нанта, происходилъ изъ хорошей фамиліи; онъ, несмотря на свое первородство, раздѣливъ имѣніе между меньшими братьями, отправился въ Парижъ заниматься науками и читать лекціи. Слава его достигла до слуха необыкновенно ученой Элоизы, дочери тупаго и развратнаго каноника Фульберта, воспитывавшаго ее подъ именемъ племянницы. Эксцентрическая Элоиза захотѣла видѣть славнаго ученаго и заставила Фульберта пригласить его въ домъ. Абеляръ отказался, давъ замѣтить, что ученые предметы не женское дѣло. Но въ отсутствіе Фульберта, Элоиза написала къ Абеляру письмо. На этотъ разъ онъ явился на свиданіе и два существа, высоко стоявшія надъ толпой, почувствовали другъ къ другу роковую страсть. Завистники выгнали Абеляра изъ Парижа, и Фульбертъ, не знавшій еще о связи его съ Элоизой, предложилъ ему мѣсто въ Корбельи, гдѣ онъ снова вступилъ на каѳедру. Одинъ изъ учениковъ, по имени Альберикъ, страстно влюбился въ Элоизу, посѣщавшую лекціи Абеляра, и Абеляръ, заставъ Альберика, объясняющимся въ любви, выгналъ его изъ аудиторіи. Фульбертъ узналъ тайну любовниковъ. Нужно было поправить бѣду свадьбой, тѣмъ болѣе, что Элоиза была беременна. Но дѣвушка рѣшительно отказалась съ одной стороны отъ руки Альберика изъ равнодушія, съ другой отъ руки Абелара изъ опасенія погубить жгучую страсть неразрывными узами. Абеляръ отправилъ ее въ Бретань, гдѣ она разрѣшилась отъ бремени сыномъ, а Альберикъ, узнавъ

о происхожденіи Элоизы, отказался отъ ея руки. Раздраженный Фульбертъ принудилъ любовниковъ къ браку, но во избѣжаніе соблазнительныхъ толковъ они положили разойтись на нѣкоторое время. Элоиза, не произнося обѣта, отправилась въ монастырь близъ Парижа, въ которомъ провела дѣтство. Но подобное рѣшеніе было выше силъ любовниковъ. Однажды монахини увидѣли Абеляра, возвращавшагося изъ ночнаго свиданія съ Элоизой. Этого уже Фульбертъ не вынесъ. Звѣрь пробудился во всей дикости и съ помощію друзей соумышленниковъ онъ проникнулъ въ спальню Абеляра съ ножомъ въ рукахъ; молодой, страстный любовникъ на всю жизнь остался только жалкой тѣнью человѣка. Если бы грубая страсть связывала Абеляра и Элоизу, они неминуемо отвернулись бы другъ отъ друга послѣ ужасной катастрофы. Надо любить, какъ они любили, чтобы страстное чувство перешло въ то безплодное и деликатное состраданіе другъ къ другу, въ ту слѣпую преданность, которыми дышатъ ихъ, дошедшія до насъ латинскія письма. Но я распространяюсь объ обще-извѣстной кровавой драмѣ. Уединясь въ пустыню, Абеляръ основалъ монастырь *Параклетъ* и передалъ его, какъ игуменьѣ, Элоизѣ, которую изъ ревности принудилъ постричься, прежде чѣмъ самъ поступилъ въ иноки. Абеляръ умеръ въ 1142 году въ монастырѣ *Клуньи*, на 63-мъ году отъ рожденія. Тѣло его перенесли ночью въ *Параклетъ* и положили въ могилу, заранѣе приготовленную Элоизой. 22 года неутѣшная Элоиза томилась надъ прахомъ обожаемаго супруга и умерла въ 1164 году, тоже шестидесяти трехъ лѣтъ отъ роду. Въ 1817 году, по закрытіи *Музея Французскихъ Памятниковъ* (Musée des Monuments Français), сенскій префектъ, графъ Шаброль, приказалъ находившіеся въ немъ прахъ и памятникъ Абелара и Элоизы, перенести на кладбище Pére la Chaise. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ повѣсть двухъ страдальцевъ, но нѣтъ человѣка, который бы могъ подумать о ней безъ содроганія.

Съ кладбищемъ Père la Chaise мы достигли крайней восточной точки правой стороны Парижа, въ противоположность Булонскому лѣсу, составляющему крайнюю западную. Перейдемъ на лѣвый берегъ Сены и взглянемъ еще разъ на часть Парижа, котораго западную оконечность мы уже посѣщали, выходя на *Марсово Поле*. На немъ въ настоящую минуту начались призовыя скачки, привлекающія, отъ двухъ до пяти часовъ по полудни, несмѣтныя толпы любопытныхъ. Довольно значительные ка-

зенные призы и частные пари сообщаютъ скачкамъ особенный интересъ въ глазахъ людей, принимающихъ въ нихъ существенное участіе, но для равнодушнаго зрителя картина мало привлекательна. Когда мимо васъ, довольно флегматически, скачутъ два жокея, одинъ красный, другой синій, вы забываете, что обскакать все Марсово Поле, значитъ сдѣлать по крайней мѣрѣ двѣ версты и что нельзя принуждать лошадей къ быстротѣ, возможной только, какъ говорится, на короткѣ. Но оставимъ западную часть лѣвой половины Парижа и отправимся съ острова Парижской Богоматери, черезъ Petit Pont, по улицѣ St. Jaques, къ центру южной половины города. Въ концѣ улицы найдемъ въ недальнемъ другъ отъ друга разстояніи два памятника, мимо которыхъ нельзя пройти безъ вниманія. По лѣвую руку *Пантеонъ*, а по правую *Люксамбургскій Дворецъ* и садъ того же имени. Пантеонъ, построенный Людовикомъ XV для католическаго служенія, превращенъ во время первой революціи въ храмъ славы, какъ о томъ гласитъ, сохранившаяся до сихъ поръ на фронтонѣ, золотая надпись: «Aux grands hommes la patrie reconnaissante». Слѣдя за ходомъ политическихъ событій, Пантеонъ мѣнялъ эти два назначенія, т. е. попеременно принималъ въ свой куполъ, изображеніе Людовика XVIII, дающаго хартію, а въ катакомбы мраморныя гробницы Вольтера и Руссо (единственные великіе люди, передъ которыми Пантеонъ сдержалъ обѣщаніе) или украшалъ стѣны свои плохими копіями рафаэлевскихъ фресковъ. Наконецъ въ 1852 году онъ окончательно принялъ прежнее назначеніе, превратясь въ католическую церковь. Какъ бы то ни было, внутренность храма не соотвѣтствуетъ надписи, красующейся на фронтонѣ, да и самому названію: *Пантеонъ*. Въ архитектурномъ отношеніи это опять снимокъ съ церкви Св. Петра; только въ одномъ отношеніи зданію вполнѣ принадлежитъ первое мѣсто. Съ его верхней, наружной галлереи панорама Парижа видна во всѣхъ подробностяхъ еще лучше и яснѣе, чѣмъ съ колокольни Nôtre Dame. О *Люксамбургскомъ дворцѣ* и его садѣ могу сказать одно, что я на столько же не люблю новѣйшихъ французскихъ живописцевъ, произведеніями которыхъ украшены залы дворца, на сколько равнодушенъ къ напудреннымъ красотамъ городскихъ садовъ. Намъ предстоитъ еще одно не близкое странствованіе, но за то оно будетъ послѣднимъ. Воротясь на набережную лѣваго берега, пойдемъ противъ теченія рѣки на

востокъ, до самого Аустерлицкаго моста. Деревья вправо за каменной оградой укажутъ конецъ странствованія. Еще нѣсколько шаговъ до воротъ, и мы въ Jardin des Plantes. Какъ садъ для прогулки, Jardin des Plantes долженъ уступить мѣсто всѣмъ безъ исключенія парижскимъ садамъ, развѣ однѣ Елисейскія Поля еще бѣднѣе растительностію. Въ право и въ лѣво отъ дорожекъ небольшіе клочки земли отгорожены проволочными рѣшетками, за которыми гуляютъ образцы различныхъ животныхъ. Вотъ гдѣ, думаете вы, увижу четвероногихъ и птицъ всѣхъ странъ. Ничего не бывало. Въ одномъ мѣстѣ ходятъ обыкновенные мериносы, въ другомъ, ослы и лошаки, далѣе разнаго рода олени и козы, простые кролики и ручныя чайки, и все въ такомъ же родѣ рѣдкости. Животныя болѣе рѣдкія содержатся въ каменной ротондѣ и только въ извѣстные часы дня выпускаются за наружную проволочную рѣшетку. Но такихъ экземпляровъ въ ротондѣ немного. Первое мѣсто по важности занимаютъ два гиппопотама. Бассейнъ, въ которомъ они нѣжатся, частію въ ротондѣ, частію внѣ ея, такъ, что животныя по произволу могутъ показываться любопытнымъ или укрываться отъ нихъ. Во время моего посѣщенія, гиппопотамы вышли во внѣшнюю часть бассейна, но какъ на зло выставляли изъ воды однѣ безобразныя головы. Я набралъ медовыхъ лепешекъ и сталъ кидать въ бассейнъ, стараясь попасть въ чудовищъ по головамъ. — Не поднимутся, раздалось вокругъ меня въ сгустившейся толпѣ. Долго и безуспѣшно продолжалъ я свой маневръ, вдругъ восторженный крикъ: le voilà, le voilà! раздался въ толпѣ. Зарычавъ страшно—пронзительно, одинъ изъ гиппопотамовъ приподнялся и двинулся съ разинутой пастью къ качающейся на мутныхъ струяхъ лепешкѣ, выставя изъ воды свою голую спину мѣдно-розоваго цвѣта. Кромѣ гиппопотамовъ, въ ротондѣ живутъ: слонъ, двѣ жирафы, двѣ зебры и два дромадера. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ротонды еще два каменныхъ помѣщенія для звѣрей, какихъ обыкновенно показываютъ въ звѣринцахъ, съ тою разницей, что мнѣ случалось видѣть гораздо лучшіе экземпляры львовъ, тигровъ, леопардовъ и пантеръ, не говоря уже о медвѣдяхъ и волкахъ; интереснѣе прочихъ пара годовалыхъ львятъ, ручныхъ до смѣшнаго. Въ большой воздушной, проволочной клѣткѣ содержатся обезьяны, а единственный экземпляръ орангутанга сидитъ скучая въ одиночествѣ и дружески пожимаетъ руку, подающую морковь или палочку ле-

деицу. Дѣти главные посѣтители Jardin dès Plantes и промышленность у воротъ предлагаетъ новое удовольствіе, отъ котораго едва ли кто изъ нихъ добровольно откажется. Нарядные козлы, запряженные парами, возятъ по асфальтовымъ дорожкамъ небольшія колясочки и фаэтоны, и блузникъ за нѣсколько копѣекъ передаетъ возжи счастливому малюткѣ. — Если въ новомъ, блистательномъ Парижѣ, мы посѣщали великолѣпный балъ Мабиля, почему же хотя на минуту, для контраста, не взглянуть на студенческій балъ стараго Парижа? Такой же садикъ съ боскетами по сторонамъ и асфальтовымъ кружкомъ для танцующихъ по срединѣ. Тотъ же грибокъ для музыкантовъ, тоже газовое освѣщеніе какъ у Мабиля, но все безъ сравненія бѣднѣй и проще. Тамъ нелѣпая роскошь, прикрывающая — хуже чѣмъ пустоту и нищету,—нарядную безнравственность, здѣсь простое, быть можетъ нѣсколько шумное веселье на распашку. Тутъ никто ни кого не обманываетъ, а просто угощаютъ дешевымъ виномъ и пивомъ и пляшетъ не помышляя о завтрашнемъ днѣ. Тамъ романы Александра Дюма сына, здѣсь разсказъ Поль-де-Кока, даже пѣсня Беранже. Тамъ шумно проходятъ куклы причесанныя, распомаженныя, надутыя кринолинами, здѣсь встрѣтите типы веселыхъ, беззаботныхъ француженокъ, не лишенныхъ неподдѣльной граціи. Что можетъ быть легче, отважнѣе и лукавѣе вотъ этой блондинки съ черными, умными глазами, съ темными бровями и рѣсницами, съ волосами остриженными до плечъ и безъискуственно откинутыми назадъ? Пепельнаго цвѣта блуза совершенно подъ цвѣтъ чудныхъ волосъ схвачена широкимъ поясомъ изъ той же недорогой матеріи, хорошенькій башмачокъ кокетливо выглядываетъ изъ-подъ вольно-разбѣгающихся складокъ, немного вздернутый носикъ придаетъ миловидному и блѣдному лицу дѣвушки насмѣшливо-увѣренный видъ. Подпершись одной рукою въ бокъ, другою она придерживаетъ у рта дымящуюся папиросу. Вотъ уже третій студентъ приходитъ ангажировать ее, но легкимъ движеніемъ стана дѣвушка каждый разъ уклоняется отъ рукъ претендента и продолжаетъ докуривать папироску, время отъ времени отбрасывая назадъ движеніемъ головы роскошныя пряди волосъ. Папироска докурена, и блондинка, проскользнувъ между танцующими, безцеремонно подкралась къ какому-то студенту, стоящему лицомъ къ буфету и неожиданно закрыла ему сзади глаза руками. Долго озадаченный студентъ не могъ ни освободиться, ни отгадать,

кто его мистифируетъ, и когда онъ вырвался, блондинка уже упорхнула и пустилась носиться въ вальсѣ.

III.

Столбы театральныхъ аффишъ и торговля билетами. — Кофейни и полынная водка. — Рестораны и обѣды. — Общій взглядъ на современный французскій театръ; «La dame aux Camélias, Alex. Dumas fils.» — Парижскій партеръ и его права. — Гг. Самсонъ, Брессанъ и г-жи Плесси, Rose-Chéri, Cabel и Ugalde.

До сихъ поръ мы бродили по Парижу нигдѣ не останавливаясь и не принимая участія въ его ежедневной уличной жизни, теперь исполнивъ долгъ туристовъ, можемъ хотя на одинъ день пожить, какъ живутъ здѣсь всѣ или по крайней мѣрѣ большая часть жителей. Если погода хороша, то въ двѣнадцать часовъ надо почти толкаться по бульварамъ, осматривая находящіеся по обѣимъ сторонамъ улицы между липками столбы объявленій. Кто не знаетъ навѣрное столба театральныхъ аффишъ, тому придется долго обманываться, подходя къ пестрымъ столбамъ, попадающимся шаговъ черезъ двѣсти. Большая ихъ часть откуплены навсегда и росписаны неизмѣнными объявленіями магазиновъ, кофеенъ и ресторановъ, а главное шеколадныхъ фабрикъ. Но вотъ вожделѣнный столбикъ театральныхъ аффишъ. Выбирайте, куда итти вечеромъ. И оперъ и раздирательныхъ драмъ и балаганныхъ фарсовъ и классической комедіи,—чего хочешь, того просишь! Теперь часъ кофеенъ, а въ ресторанахъ народу мало. Ихъ жатва созрѣетъ въ пять часовъ. Незабудьте взять билетъ, если выбрали пьесу, производящую фуроръ. Кажется, чего проще заплатить деньги и взять билетъ?—не тутъ-то было. Иностранецъ, незнакомый съ парижскими продѣлками, рискуетъ не получить его или получить не такой, какого желаетъ. У большей части театровъ касса открыта днемъ въ извѣстные часы, и кромѣ того ее отворяютъ за часъ до представленія. Тутъ же надо пускаться въ критскій лабиринтъ, т. е. между деревянныхъ загородокъ, завитыхъ по коридору или по площадкѣ лѣстницы такимъ гордіевымъ узломъ, что у одного пункта по бываешь пять разъ, прежде чѣмъ доберешься до кассы. Эта адская машина—извѣстный «хвостъ» (la queue). Кромѣ такого способа добыванія билетовъ, есть другой. У каждой кассы по троту-

ару снуютъ продавцы, неотразимымъ краснорѣчіемъ склоняющіе неофита на покупку билетовъ изъ ихъ рукъ. Когда въ кассѣ нѣтъ билетовъ, продавецъ неумолимъ и дорожится, а когда видитъ, что вы на пути къ источнику, онъ уступаетъ билетъ дешевле театральной цѣны. Надо сказать, что въ парижскихъ театрахъ купленный вами билетъ берутъ при входѣ, а на мѣсто его выдаютъ другой, отбираемый въ свою очередь при входѣ въ кресла капельдинеромъ, а при входѣ въ ложи и остальныя мѣста женщиной (ouvreuse). Французъ, хорошо знакомый съ театральными мѣстами, можетъ экономничать на франкъ, покупая билетъ у тротуарнаго продавца. Онъ заранѣе знаетъ, какая его ждетъ участь,—но вы купили подобный билетъ и не постигаете, какимъ образомъ продавецъ уступилъ его ниже театральной цѣны. Дѣло объясняется у входа, когда вамъ дадутъ взамѣнъ билета другой, съ надписью: auteur и помѣстятъ вмѣсто первыхъ рядовъ оркестра, т. е креселъ, на послѣдніе т. е. скамьи, хотя и то и другое обито малиновымъ бархатомъ. Вамъ не ловко, вы хотите перемѣнить мѣсто, приплатя франкъ или два, приходите къ supplement, гдѣ всѣ, находящіеся въ вашемъ положеніи, получаютъ лучшія мѣста, но вамъ объявляютъ, взглянувъ на билетъ, что съ нимъ, купленнымъ за дверями театра supplement невозможно. За то въ конторѣ театра, если застанете ее отпертой, не только самымъ вѣжливымъ образомъ выдадутъ билетъ, но покажутъ на картонномъ подобіи амфитеатра ваше мѣсто въ ложѣ, креслахъ, партерѣ или на балконѣ. Такъ или иначе, билетъ въ карманѣ и вы можете отправляться снова на бульваръ или въ одинъ изъ кабинетовъ для чтенія. Я говорилъ уже о бульварной и вообще парижской промышленности, поставившей себѣ цѣлію скорое обогащеніе, и девизомъ: *новизна* (nouveauté). На бездѣлицахъ это еще замѣтнѣй. Давно ли мы видѣли у дверей бульварныхъ магазиновъ пестрые бумажные парашюты, доставившіе изобрѣтателю капиталъ въ двѣсти тысячъ франковъ? Въ настоящую минуту парашюты сошли со сцены и мѣсто ихъ заняли воздушные шары. У каждой игрушечной лавки ихъ привязано по нѣскольку и всѣ въ качествѣ воздушныхъ шаровъ натягиваютъ шнурокъ не къ низу, какъ прочія вывѣшенныя вещи, а къ верху. Дѣтямъ праздникъ, а изобрѣтателю вдвое, пузырь наполненъ газомъ, заставляющимъ его свободно подымъ въ ожиданіи нажить въ свою очередь двѣсти, или четыреста тысячъ франковъ. Отъ трехъ до пяти часовъ по полудня уличныя

Парижъ пьетъ полынную водку (absinthe) съ водой и пьетъ эту противную смѣсь такъ усердно, что всѣ стулья и столики подъ холстинными навѣсами кофеенъ заняты. Въ пять часовъ стулья начинаютъ пустѣть, и всякій ищетъ обѣда по карману. Плата за обѣдъ восходитъ отъ двухъ франковъ до желаемо дорогихъ цѣнъ. Въ ресторанахъ, у которыхъ платятъ при входѣ, за обѣдъ цѣны мѣняются между двумя и четырьмя франками, и разумѣется, помѣщеніе и самый обѣдъ незавидны. За то въ каждомъ отелѣ за табль-д'отомъ, въ извѣстный часъ дня, кормятъ прекрасно и берутъ не дороже пяти франковъ съ виномъ, безъ котораго за границей не обѣдаютъ.

За табль-д'отъ вы должны, по крайней мѣрѣ, явиться въ черномъ галстухѣ. Англичанки разодѣты, а англичане не только въ черныхъ, но въ бѣлыхъ галстухахъ. Лучшій, однако же, способъ хорошо и не дорого пообѣдать въ двоемъ, — пойдти въ ресторанъ и спрашивать кушанье порціями по картѣ. У Frères Provenceaux, у Véry и въ тысячѣ хорошихъ ресторановъ кушанье прекрасно и порціи до того велики, что болѣе двухъ нѣтъ возможности съѣсть человѣку съ обыкновеннымъ аппетитомъ. Взявши обѣдъ изъ пяти блюдъ, заплатите около десяти франковъ, и двое наѣдятся и дешево и хорошо. Помѣщеніе великолѣпно, прислуга внимательна и не заставляетъ ждать, какъ милости, того, за что платятся деньги. Но обѣдъ конченъ, пробило 7 часовъ, пора въ театръ. При торжественныхъ словахъ: парижскіе театры, я въ состояніи забыть скромную роль разсказчика и обратиться съ воззваніемъ къ эпической музѣ, прося помощи для передачи всего мною слышаннаго и видѣннаго самымъ правдивымъ образомъ, какъ бы дика ни показалась моя правда. За весьма малыми исключеніями, я побывалъ во всѣхъ парижскихъ театрахъ и съ самымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ въ это зеркало народной жизни. Мало того, въ первое время я входилъ во французскіе театры съ тѣмъ предубѣжденіемъ въ ихъ пользу, съ какимъ въѣзжалъ во Францію и въ Парижъ.... и.... и.... Но лучше разскажу про видѣнное и слышанное. Что такое театръ и мимическое искусство? или проще, что такое актеръ? По моему мнѣнію, актеръ умный и тонко-художественный толкователь красотъ, которыя ускользаютъ отъ читателя, неодареннаго сильнымъ воображеніемъ и тонкимъ поэтическимъ чутьемъ. Дѣло актера-художника отыскать въ душѣ зрителя тайную струну, по которой хотѣлъ ударить авторъ, но до

которой мертвое, печатное слово не всегда достигаетъ. Слово — тѣло мысли и чувства, но тѣло тончайшее, осязаемое только для развитыхъ. Движеніемъ, интонаціей, взглядомъ, актеръ долженъ вторично возродить мысль и облечь ее въ плоть и кровь, осязаемыя для каждаго. Если онъ этого не дѣлаетъ, если онъ не заставляетъ меня трепетать, открывая оттѣнки красоты, которыхъ я до сихъ поръ не замѣчалъ, онъ для меня безполезенъ, я самъ прочту пьесу и получу тоже наслажденіе, а если онъ замазываетъ, извращаетъ, искажаетъ образъ, созданный поэтомъ, онъ не только безполезенъ, а вреденъ и противенъ, какъ глупая клевета. Съ этой точки зрѣнія, французскіе театры, за рѣдкими исключеніями, нестерпимо плохи. Можно указать на двухъ-трехъ актеровъ-стариковъ, понимающихъ свое призваніе,—но я не говорю о личностяхъ, а о цѣломъ впечатлѣніи. Нигдѣ сценическія преданія псевдоклассицизма не сохранились въ такой силѣ, какъ на парижскихъ сценахъ. Это та же адвокатская мантія съ манишкой и беретомъ. Дикція, самая походка, ни на минуту не позволяетъ забыть, что передъ вами не дѣйствительность, а театральныя подмостки. Король и дворянинъ ходятъ пѣтухами, съ ногой, оставшейся назади, а первые любовники кобенятся и неистово кричатъ такія слова, которыхъ въ жизни никто не говоритъ съ паѳосомъ. Кто, напримѣръ, уходя изъ комнаты, крикнетъ: «je pars!» такимъ тономъ, какимъ объявляютъ о государственной тайнѣ. Къ этому ложному паѳосу присоединяется еще болѣе грустное явленіе. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ самое положеніе исполнено страстности и скрытой драмы, большая часть актеровъ холодны и неодушевленны, по той простой причинѣ, что они не чувствуютъ внутренней драмы. Особенно замѣтно это въ «Большой Оперѣ» (Théatre Imperial de l'Opera).

По всѣмъ соображеніямъ должно бы ожидать великолѣпнаго исполненія пьесъ Мейербера. А посмотрите, какъ апатически даютъ самую драматическую его оперу, «Роберта». Что бы имъ хотя поучиться у итальянцевъ, но, къ несчастію, этому выучиться нельзя. Все, чему можно научиться, доведено на парижскихъ театрахъ до возможнаго совершенства. Я говорилъ уже о декораторскомъ искусствѣ французовъ, но по поводу театровъ, вынужденъ къ нему возвратиться. Внѣшность доведена въ парижскихъ театрахъ до возможнаго совершенства. Говорю не объ уличной ихъ внѣшности, она за малыми исключеніями не бли-

стательна и не заставляетъ даже предполагать театральныхъ залъ въ домахъ, ничѣмъ не отличающихся отъ сосѣднихъ, исключая доски, на которой написано: «Vaudeville», «Gymnase dramatique», «Gaîté» и такъ далѣе. Зато изъ предназначеннаго въ театральномъ залѣ выгодно дѣйствовать на зрителя, извлечено все, что было возможно. Небольшіе, душные залы и тѣсныя мѣста декорированы со вкусомъ и претензіей на роскошь. (Большихъ театровъ нѣтъ, въ самомъ огромномъ: «Th. Imp. de l'Opera», и зала и сцена безъ сравненія меньше нашихъ большихъ петербургскихъ и московскихъ сценъ.) Декораціи написаны съ большимъ вкусомъ и тщаніемъ, на постановку пьесъ обращено все вниманіе, и при самыхъ многочисленныхъ выходахъ дѣйствующія лица строго наблюдаютъ группировку живописную и въ то же время соотвѣтствующую данной минутѣ дѣйствія. На всѣ подобныя вещи директоръ не смѣетъ не обратить надлежащаго вниманія, — въ партерѣ третій человѣкъ декораторъ, привыкшій убирать окна и прилавки магазина, стало быть, въ дѣлѣ сочетанія цвѣтовъ, освѣщенія и общаго эффекта строгій судья. Но на этихъ внѣшностяхъ и останавливается требовательность публики, а съ тѣмъ и заслуги дирекціи. Можно сказать: нѣтъ француза невѣжды, все равно, красильникъ ли онъ, или медикъ, и нѣтъ француза образованнаго. Спеціалистъ смотритъ на все, не принадлежащее къ кругу его дѣятельности, глазомъ, ограниченнымъ безконечно узкимъ горизонтомъ, и чѣмъ уже горизонтъ, тѣмъ самонадѣяннѣе и строже приговоръ обо всемъ постороннемъ. Эта умная ограниченность, эта стойкая рутинность, это самодовольное презрѣніе ко всему чуждому, не французскому, свѣтится въ каждомъ мускулѣ француза. Онъ дышитъ ограниченной самоувѣренностію. У насъ на Руси писатель пока еще не ремесленникъ, вынужденный подмалевывать свою куклу въ угоду дѣтямъ, для которыхъ румяная, московская кукла съ голубыми кружками вмѣсто глазъ безконечно привлекательнѣе Амура Праксителя. Нашъ писатель еще хлопочетъ объ обнародованіи того, что считаетъ непреложной истиной, и поэтому литература занимаетъ мѣсто, которое ей вполнѣ принадлежитъ. Она поучаетъ устами таланта. Хорошо ли учитъ тотъ или другой — дѣло частное и случайное, но только при такомъ положеніи вещей возможно развитіе вкуса и ширины взгляда. Во Франціи въ настоящее время дѣло наоборотъ. Литература та же модистка, обя-

ванная выбирать матерію и покрой платья, сообразуясь съ общимъ вкусомъ покупателей, безъ того магазинъ будетъ пустъ и магазинщикъ умретъ съ голоду. Журнальная критика, по причинѣ своей продажности и пристрастности, давно вышла у читателей изъ вѣры и окончательнымъ судьей осталось большинство. Роли перемѣнились: масса безвкусничаетъ, а писатели прислушиваются къ ея послѣобѣденнымъ причудамъ. Наслажденіе «Гамлетомъ» или «Фаустомъ» требуетъ усилія, труда, а скачка въ Гипподромѣ или балаганный фарсъ всякому понятны. Автору прежде всего нужно доставить успѣхъ своей пьесѣ, а успѣхъ пьесы, замѣчательной со стороны эстетическаго вкуса, положительно невозможенъ передъ парижскимъ партеромъ, необразованнымъ, одностороннимъ, безъапелляціоннымъ судьей. Авторы до того боятся напряженіемъ умственныхъ способностей разстроить послѣобѣденное пищевареніе партера, что извѣстный литераторъ, любимецъ парижской публики, хвасталъ уловкой, доставляющей успѣхъ его пьесамъ, и состоящей въ томъ, чтобы заставлять дѣйствующее лицо говорить не то, что оно должно чувствовать, а что зрители безъ малѣйшаго труда видятъ простыми глазами. Топитъ ли человѣкъ каминъ, пусть онъ не говоритъ: «экой холодъ!» а скажетъ, кладя дрова: «теперь я топлю печь.» Входитъ ли дѣвичій хороводъ, пусть онъ поетъ не деревенскую пѣсню, а восклицаетъ: «вотъ идутъ дѣвушки-крестьянки», и т. д. Затрудненія удалены, все ровно и плоско, катись, какъ по желѣзной дорогѣ. Пьесы, какъ сапоги, дѣлаются на извѣстную колодку, и сотрудники принимаютъ работу изъ рукъ ловкаго закройщика. Одинъ точаетъ голенище, другой пришиваетъ рантъ, третій подошву. Удобно, скоро и гладко. Каждый въ своемъ дѣлѣ набилъ руку. Кромѣ того, самый сапогъ шитъ на мозолистую, узкою обувью изуродованную ногу. Актеры (артистами ихъ назвать невозможно) представляютъ результаты того же безвыходнаго положенія и распадаются: старики на сухихъ и тупыхъ резонеровъ или рутинныхъ декламаторовъ, а молодые на типы уличныхъ зѣвакъ (gamins), портныхъ вывѣсокъ съ хлыстомъ въ рукахъ, съ безукоризненнымъ проборомъ и брюками съ лампасами, и гулякъ дурнаго тона, или смѣшиваютъ въ одномъ лицѣ всѣ помянутые оттѣнки. Изъ этихъ только данныхъ объясняется появленіе такой сценической диковинки, какою Vaudeville услаждаетъ свою публику въ видѣ «La dame aux Camelias, par Alex. Dumas fils», которая всякаго

человѣка не поражаетъ, а оглушаетъ невѣроятнымъ безобразіемъ. На меня она произвела то же впечатлѣніе, какъ если бы выдумали самую пошлую нелѣпость, дали ее обработать бездарнѣйшему поэту-горемыкѣ и заставили Ноздрева продекламировать на публичномъ актѣ. Такая нелѣпость уже не бѣситъ, а истерически смѣшитъ. Трудно повѣрить, что въ отвратительно смѣшномъ актѣ смерти героини, во всѣхъ ложахъ дамы начали усердно сморкаться и утирать невольныя слезы. Къ счастію, мы съ товарищемъ сидѣли въ первомъ ряду креселъ, и я могъ, склонясь на рампу, предаваться взрывамъ неудержимаго смѣха. «Боже! что бы сказалъ Шекспиръ, глядя на всѣ эти штуки», восклицалъ мой товарищъ, скрестивъ руки на груди и стоически ожидая послѣ каждой новой нелѣпости, чѣмъ все разъиграется. Это не мѣшало ему давать мнѣ шепотомъ знать, что многіе недовольные взоры обращены на меня и что если я буду продолжать смѣяться, грозное à la porte! не заставитъ ждать себя. Въ этомъ отношеніи съ парижской публикой шутить нечего. Несмотря на постоянное вмѣшательство полиціи, партеръ умѣлъ во всѣ времена отстоять за собой извѣстныя привилегіи. Свистки запрещены, но если пьеса падаетъ и публика недовольна, свистки мало по малу вступаютъ въ свои права и раздаются со всѣхъ сторонъ. Въ залѣ шумъ, говоръ, клакеры выбиваются изъ силъ, но ихъ никто не слушаетъ; блѣдные, потерянные актеры ходятъ какъ привидѣнія по сценѣ и бормочатъ роль про себя. Власть партера распространяется не на одну сцену, онъ и въ залѣ беретъ на себя роль блюстителя извѣстнаго театральнаго этикета. Въ антрактахъ мужчины надѣваютъ шляпы и каждый можетъ ходить, сидѣть или стоять съ покрытой головой, обращенной въ какую бы то ни было сторону. Только вольность эта не вполнѣ распространяется на сидящихъ въ ложахъ. Въ ложахъ дамы непремѣнно должны сидѣть на переднихъ мѣстахъ, въ противномъ случаѣ партеръ мало по малу забунтуетъ и поднявшійся въ какомъ либо углу одинокій голосъ: «les dames en avant!» перейдетъ въ оглушительный вопль. Тоже самое, если мужчина, надѣвшій въ ложѣ во время антракта шляпу, обернется къ сценѣ спиной: la face au parterre! la face au parterre! закричатъ ему. Въ одно изъ представленій «Гимназіи», въ антрактѣ за моей спиной поднялся шумъ, и затѣмъ раздалось: «à la porte!» Спрашиваю сосѣда-француза о причинѣ шума. «Не знаю, отвѣчалъ сосѣдъ: — кажется, одинъ изъ зрителей позволилъ

себѣ неучтивость въ отношеніи къ дамѣ». Между тѣмъ, около балкона, на спинкахъ стульевъ образовался живой амфитеатръ, обращенный лицомъ къ одной изъ ложъ бенуара и грозное à la porte! раскатывалось немолкающей волной. «A la porte! à la porte!» раздалось снова. Коммиссаръ пришелъ попросить виновнаго оставить театръ. «A la porte! à la porte!» загремѣло по слѣдъ уходящему, и неумолимый ареопагъ умолкъ и разсѣлся по мѣстамъ.

Лучшіе актеры, сохранившіе, по крайней мѣрѣ, преданія болѣе благородной сцены, безъ сомнѣнія, все-таки въ «Comédie Française». У гг. Самсона и Брессана есть минуты творчества, но онѣ рѣдки и не вознаграждаютъ за скуку видѣть впродолженіе цѣлаго вечера такихъ кривлякъ, какъ г-жа Плесси. Что касается до актрисъ, онѣ въ сущности нисколько не лучше актеровъ. Правда, въ бóльшей или мéньшей степени всѣ онѣ владѣютъ искусствомъ, рѣдкимъ на другихъ сценахъ, держать себя ловко и непринужденно, но и это перешло въ манеру: поправлять воланы, отстегивать и застегивать браслетъ, чистить брильянты и т. п. Въ Парижѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, всѣ женщины до извѣстной степени равны и пользуются тѣми знаками внѣшняго уваженія, въ которыхъ парижанинъ никогда не откажетъ дамѣ. Поэтому въ школу приличныхъ манеръ парижанкѣ ходить недалеко; но жару, смыслу, инстинкту научиться нельзя, его надо принести съ собой, и этихъ-то главныхъ качествъ у здѣшнихъ артистокъ нѣтъ и подобія. Даже на сценѣ «Французской Комедіи» такія королевы и наперстницы, что вамъ за нихъ вчужѣ неловко. Лучшая артистка, какую мнѣ удалось видѣть въ Парижѣ, безъ сомнѣнія Rose-Chéri, на сценѣ «Гимназіи». Она хороша, граціозна, но все-таки переходитъ въ манеру, о которой я говорилъ. Объ Итальянской Оперѣ ни слова, имена репертуара говорятъ сами за себя. Но съ этими чудными голосами, Верди обходится какъ своенравный мальчикъ съ барабаномъ. Бьетъ, бьетъ, пока барабанъ не лопнетъ. Французская Опера *Большаго Театра* и особливо Opera Comique съ ея m-mes Cabel и Ugalde просто плохи. Въ каждомъ нотномъ магазинѣ выставлены статуэтки этихъ знаменитостей. Оркестры съ французской самоувѣренностью разыгрываютъ на визгливыхъ скрипкахъ какой-то непроходимый ералашъ. Вообще француза-артиста не скоро собьешь съ толку, и такихъ артистовъ въ Парижѣ на каждомъ шагу. Передъ кофейнями ходитъ господинъ,

играющій на скрипкѣ наканифоленнымъ стеклянымъ попономъ; по угламъ улицъ, на мостахъ и въ садахъ сидятъ слѣпые мужчины и женщины и водятъ смычкомъ по копѣечной скрипкѣ, недавая даже себѣ труда перебирать пальцами по грифу.

IV.

Поѣздка въ провинцію и французская деревенская жизнь. — Трактиръ въ Розе и капитанъ первой Имперіи. — Повѣрка общаго впечатлѣнія въ Парижѣ.

На прошедшей недѣлѣ я получилъ письмо отъ Л. слѣдующаго содержанія: «Съ послѣдняго свиданія нашего въ Парижѣ, я поселился у добрыхъ пріятелей и почти ежедневно таскаюсь съ хозяиномъ дома на охоту, хотя куропатокъ этотъ годъ весьма мало. Не знаю, когда буду въ Парижѣ. Если вамъ скучно, садитесь на желѣзную дорогу, взявъ предварительно билетъ въ дилижансъ, отходящій въ Rozoy en Brie, куда къ вамъ вышлютъ на встрѣчу экипажъ. По крайней мѣрѣ получите понятіе о французской деревенской жизни.» Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, отчегожь не проѣхаться и не взглянуть, — и вслѣдъ затѣмъ написалъ, что въ будущій понедѣльникъ выѣду. Въ понедѣльникъ, набравъ небольшую лукошку персиковъ и фонтенеблѣскаго винограду, до котораго Л. большой охотникъ, я рано утромъ отправился на желѣзную дорогу. Въ вагонѣ мѣста много, да и ѣхать пришлось только полчаса, слѣдовательно съ плодами и зонтикомъ возня не велика. За то при перемѣщеніи въ дилижансъ, въ которомъ пришлось просидѣть четыре часа, дѣло оказалось хоть брось. Въ купэ мѣста заняты. Заглянулъ въ карету — полна старухами, а небо хмурится, того и гляди нальетъ дождя. Кондукторъ объявилъ, что я могу выбирать между каретой и имперьялемъ. Я подумалъ: лучше вымокнуть, нежели задохнуться, и полѣзъ на верхъ. Но куда дѣвать коробку съ плодами, чтобы они не превратились въ морсъ? Всѣ усѣлись, а я стоялъ на колесѣ съ вопросительнымъ видомъ Пандоры. «Дайте мнѣ вашу коробку! крикнула одна изъ сидящихъ въ каретѣ старухъ:—я ее буду держать на колѣняхъ.» Ну, не милая-ли эта старуха?—Бичъ хлопнулъ по запылённой, но доброй, бѣлой лошади, запряженной на выносѣ передъ парой караковыхъ дышловыхъ, и дилижансъ покатился со скоростью 10 верстъ въ часъ. На имперьялѣ ожидало меня новое

удобство. Рядомъ со мной помѣстились какіе-то мальчишки, оспоривавшіе другъ у друга мѣста, не безъ того, чтобы встрѣча двухъ отталкивающихся тѣлъ не отзывалась и на моихъ бокахъ. Къ этому сидящій со мною рядомъ прибавлялъ огромнаго бумажнаго змѣя, который во всю дорогу танцовалъ передъ моимъ носомъ, заслоняя неживописную мѣстность, въ родѣ той, съ которой я познакомился на Страсбургской желѣзной дорогѣ. За мной и подо мной, рядомъ съ почтареъ, сидѣли синія блузы. На половинѣ дороги, около трактира или, лучше, шинка, слѣзли неугомонные мальчишки и унесли неукротимаго змѣя. Я вздохнулъ свободнѣе. Дорога пошла лѣсами.

— Вы, смѣю спросить, въ Розе? обратился ко мнѣ, сидѣвшій на козлахъ блузникъ.

— Нѣтъ, далѣе, — я назвалъ зàмокъ.

— А! вы къ г-ну R?

— Да.

— Поздравляю васъ! Премилые люди. Г–нъ R. пользуется большимъ уваженіемъ въ нашемъ околодкѣ. У него прекрасное состояніе. Къ нему пріѣхалъ землемѣръ разбивать лѣса на лѣсочки,»... и пошелъ.... и пошелъ.... такъ что въ полчаса я узналъ денежныя обстоятельства R. гораздо лучше, чѣмъ свои собственныя, съ условіемъ, надо прибавить, если въ словахъ синей блузы, было хотя половина истины.—За вами изъ зàмка вышлютъ экипажъ, продолжалъ онъ, но если этого не будетъ, позвольте, я васъ довезу. Моя лошадь дожидается въ Розе, а въ этомъ городишкѣ экипажа нанять не найдете.

Я поблагодарилъ, съ полной увѣренностію, что блуза подпускаетъ всѣ эти турусы, съ намѣреніемъ взять съ меня подороже за доставку въ зàмокъ. Лошадей перемѣнили, народу въ дилижансѣ убыло и старуха закричала изъ окна, чтобы я взялъ коробку, а то она одинъ персикъ уже съѣла. Мѣста опростались, нашлось и коробкѣ мѣстечко. Вотъ и небольшой городишко Розе показался не вдалекѣ. Блузникъ повторилъ приглашеніе. Экъ его хлопочетъ! подумалъ я.

— Далеко ли отъ города до зàмка?

— Тринадцать, четырнадцать километровъ (т. е. около 12 верстъ).

Дилижансъ остановился передъ мелочной лавкой, замѣняющей въ Розе контору. Около дверей стояла прекрасная коляска, запряженная парой вороныхъ, и кучеръ, въ шляпѣ съ галуномъ,

прохаживался по мостовой. Я поспѣшилъ выпросить у кондуктора свой чемоданъ и сложилъ на него зонтикъ, пальто и коробку, вполнѣ увѣренный, что присланный кучеръ сейчасъ же освободитъ меня отъ этихъ скучныхъ предметовъ. Подхожу, спрашиваю, оказывается, что это извощикъ, подряженный везти часть пассажировъ въ совершенно противоположную сторону той, въ которую мнѣ нужно ѣхать.

— А гдѣ бы нанять лошадь?

— Здѣсь не найдете, говоритъ лавочница, она же и управляющій конторою дилижансовъ.

— Видите, тутъ нѣтъ лошадей, замѣтилъ снова мой знакомый блузникъ: — я предлагаю свои услуги, и вамъ выбора не остается. Лошадь моя ожидаетъ недалеко отсюда у постоялаго двора, и я повторяю предложеніе. Пойдемте. А! васъ безпокоитъ чемоданъ? Позвольте, я его донесу!»

И съ этимъ словомъ онъ ловко закинулъ себѣ на плечи мой, довольно увѣсистый, чемоданъ. Мы тронулись въ путь. Не смотря на увѣреніе блузника, что итти нѣсколько шаговъ, мы прошли около полуверсты по дурной мостовой и наконецъ добрались до небольшаго трактира, далеко не блистательнаго ни въ какомъ отношеніи. У дверей стояла рессорная одноколка, и небольшая буланая лошадка нетерпѣливо помахивала головой. Въ кабріолетѣ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ шести и дѣвочка помоложе.

— Это дѣти пріѣхали за мной. Лошадь такъ смирна, что ребенокъ можетъ безопасно управлять ею, сказалъ словоохотный блузникъ, устанавливая въ ноги мой чемоданъ. — Теперь готово, прибавилъ онъ: — не угодно ли садиться? Мы тронемся, а черезъ часъ и даже менѣе вы будете у воротъ зàмка. Я замѣтилъ, что желалъ бы кончить тутъ же на мѣстѣ наши разсчеты.

— Какіе разсчеты?

— Я бы не желалъ остаться въ долгу за причиняемое вамъ безпокойство, проворчалъ я, замѣчая, что дѣло что-то не ладно.

Черные глаза француза покрылись масломъ и покосились въ мою сторону.

— То есть вы хотите мнѣ заплатить! Нѣтъ, милостивый государь, я предложилъ вамъ ѣхать со мной единственно изъ удовольствія оказать услугу вамъ и господину R, моему сосѣду, которому, я увѣренъ, особенно пріятно будетъ ваше посѣщеніе.

Моя ферма за шесть километровъ не доѣзжая до его замка, но лошадка проворна, а вамъ выбора нѣтъ.

Я былъ уничтоженъ. Вотъ тебѣ и синяя блуза! Нѣтъ, ни за что бы не хотѣлъ быть въ такомъ нелѣпомъ, жалкомъ положеніи. Человѣкъ предложилъ самую любезную услугу, какъ поденщикъ тащилъ полверсты мой чемоданъ, и въ награду за все, я его обидѣлъ, правда, неумышленно, — но отъ этого ни ему, а главное, ни мнѣ ни на волосъ не легче. Не помню, какой вздоръ ворчалъ я въ свое извиненіе. Нельзя же было молча сѣсть въ кабріолетъ. Бичъ хлопнулъ и буланенькая пустилась по шоссе. Слава Богу! быстрота рысачка помогла мнѣ перемѣнить тэму, воздавая должную дань удивленія неутомимо рѣзвой лошадкѣ. Черезъ три четверти часа кабріолетъ остановился у старинныхъ сквозныхъ воротъ, между желѣзныхъ прутьевъ которыхъ изъ-за деревьевъ выглядывалъ сѣрый фасадъ древняго каменнаго дома.

— Позвоните; вотъ ваши вещи и желаю вамъ пріятно провести время, сказалъ мой неизвѣстный благодѣтель, кивая головой и заворачивая буланую назадъ.

Черезъ минуту кабріолетъ умчался изъ глазъ подъ учащенные звуки проворныхъ копытъ. Позвонивъ и не замѣчая никакого движенія ни передъ фасадомъ дома, ни по дорожкамъ, ведущимъ вокругъ цвѣточныхъ клумбъ и деревьевъ къ воротамъ, я сталъ разсматривать мое будущее пристанище. Пепельно-сѣрый домъ, или, вѣрнѣе, зàмокъ, съ большими окнами, старой, мѣстами мхомъ поросшей кровлей глядѣлъ на меня изъ-за каштановъ и тополей съ тѣмъ сурово-насмѣшливымъ выраженіемъ старика, свойственнымъ всѣмъ зданіямъ, на которыхъ не сгладилась средне-вѣковая физіономія, съ выраженіемъ, явно говорящимъ: эхъ, вы, молодежь! Вамъ бы все покрасивѣй да по легче, а по нашему, попрочнѣе, да потеплѣе. У васъ стѣнки въ два кирпичика, а у насъ въ два аршина. Посмотрите, какими широкими канавами мы себя окапываемъ; коли ты изъ нашихъ, опустимъ подъемный мостъ, и милости просимъ, а то походи около каменнаго рва, да съ тѣмъ и ступай. Вѣдь теперь у васъ, говорятъ, просвѣщеніе да земская полиція не даютъ воли лихому человѣку. А кто васъ знаетъ? оно все-таки лучше, какъ въ канавѣ-то вода не переводится.» Кромѣ цвѣтовъ, пестрѣвшихъ по клумбамъ вдоль фасада, подъ окнами выставлены изъ оранжерей цвѣты и деревья странъ болѣе благосклонныхъ.

Насмотрѣвшись на эспланаду, на каменный ровъ, въ зеленую воду котораго вѣтерокъ ронялъ безпрестанно листы тополей и акацій, позлащенные дыханіемъ осени, на самый фасадъ замка, я позвонилъ снова и на этотъ разъ навстрѣчу мнѣ вышелъ лакей.

— Дома господинъ R?

— Нѣтъ.

— А Л?

— Тоже нѣтъ.

— Гдѣ же они?

— На охотѣ.

— Когда же они вернутся?

— Теперь часъ; они непремѣнно должны быть къ обѣду, то есть къ шести часамъ.

— Ну, а madame R. дома?

— Madame дома, только она еще не выходила. Вы желаете видѣть господина Л.? позвольте, я снесу пока ваши вещи въ его комнату. Пожалуйте.

По каменнымъ ступенямъ низенькой лѣстницы главнаго входа мы вошли въ высокій свѣтлый корридоръ, выходившій въ пріемную комнату. Здѣсь встрѣтила меня женщина среднихъ лѣтъ, но кто она: хозяйка ли дома, родственница или знакомая хозяевъ? Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Отрекомендовавшись, я намекнулъ на желаніе видѣть Л.

— Неугодно ли пожаловать въ гостиную, пока вамъ приготовятъ комнату? Сестра еще не выходила, а братъ и Л. на охотѣ.

Ну, слава Богу! по крайней мѣрѣ, знаю, съ кѣмъ говорю. Въ высокой и просторной, во всю глубину дома проходящей угольной гостиной, въ два свѣта, стоялъ по срединѣ, противъ камина, круглый столъ, обставленный диванчиками, кушетками и креслами. Въ окна, противоположныя главному фасаду, смотрѣли клены, каштаны и тополи парка. Въ простѣнкѣ тѣхъ же оконъ стоялъ ройяль, а у стѣны, противоположной камину, на диванѣ, передъ которымъ разложена была медвѣжья шкура, сидѣли молодыя дѣвушки, вѣроятно, дѣти хозяевъ. Я помѣстился на кушеткѣ у круглаго стола и завязалъ одинъ изъ спасительныхъ разговоровъ, впродолженіе которыхъ мучитъ одна забота, какъ бы его хилой нитки хватило на возможно долгое время.

— Теперь ваша комната готова, сказала дама, взглянувъ на вошедшаго слугу: — и если угодно отдохнуть или устроиться съ дороги, дѣлайте, какъ найдете удобнымъ.

Я поклонился и пошелъ за слугой по знакомому корридору. Поднявшись по широкой лѣстницѣ во второй этажъ, мы снова очутились въ длинномъ корридорѣ, съ дверями направо и налѣво. Въ концѣ, направо у двери, лакей остановился и отворилъ ее.

— Вотъ ваша комната! Не прикажете ли горячей воды? Madame приказала спросить, не угодно ли вамъ завтракать. Здѣсь завтракаютъ въ двѣнадцать часовъ, время прошло, а до обѣда еще четыре часа.

Я отказался и лакей вышелъ. Взятую съ собою на всякій случай книгу читать не хотѣлось; — дай хоть разсмотрю, гдѣ я. Въ окно виднѣлся тотъ же паркъ, который я мелькомъ замѣтилъ изъ гостиной. Внизу у самой стѣны свѣтился глубокій каменный ровъ, огибающій весь зàмокъ. Легкіе, очевидно въ позднѣйшее время черезъ него переброшенные мостики вели подъ своды деревъ парка. Тишина, невозмущаемая ничѣмъ. Я закурилъ сигару и отворилъ окно — все та же мертвая тишина. Лягушки тихо двигались въ канавѣ по пригрѣтой солнцемъ зеленой поверхности стоячей воды. Съ полей, прилегающихъ къ зàмку, осень давно разогнала всѣхъ рабочихъ. Ни звука.

— Madame приглашаетъ васъ въ гостиную, если вамъ угодно, проговорилъ лакей, не прося позволенія войти въ комнату.

«Слава Богу! наконецъ-то», подумалъ я и пошелъ.

Въ гостиной, кромѣ знакомыхъ уже лицъ, я замѣтилъ женщину, присѣвшую у камина и передвигавшую бронзовую рѣшетку. При шумѣ моихъ шаговъ, она обернулась, встала, и по свободной граціи и той любезно-привѣтливой улыбкѣ, которой образованныя женщины умѣютъ встрѣчать гостя, не было сомнѣнія, что передо мной хозяйка дома. Я извинился въ хлопотахъ, причиненныхъ моимъ пріѣздомъ, на который Л., безъ сомнѣнія, испросилъ позволеніе хозайки.

— Очень рада случаю съ вами познакомиться, но Л., по обычной разсѣянности, ни сказалъ ни слова, и вотъ почему вы должны были ожидать, пока приготовятъ вашу комнату. Но теперь все улажено, садитесь пожалуйста.

Завязался разговоръ, и въ десять минутъ хозяйка вполнѣ успѣла, хотя на время, изгладить изъ памяти моей миньятюрную Одиссею этого дня.

— Теперь обычное время нашихъ прогулокъ. Не хотите ли пойдти съ нами?

День былъ прекрасный. Острыя вершины тополей дремали въ пригрѣвающихъ лучахъ сентябрскаго солнца, падалица пестрѣла вокругъ толстыхъ стволовъ яблонь, образующихъ старую аллею проселка, которою замокъ соединенъ съ шоссе. Изъ-подъ скошеннаго жнивья начиналъ, зеленѣя, выступать пушистый клеверъ; вдалекѣ въ лощинѣ, около канавы, усаженной вербами, паслись мериносы; на пригоркѣ два плуга, запряженные парами дюжихъ и сытыхъ лошадей, медленно двигались другъ другу навстрѣчу, оставляя за собою свѣжія темнобурыя полосы. Когда мы обошли по полямъ и небольшимъ лѣскамъ весь замокъ, солнце уже совершенно опустилось къ вершинамъ лѣса, разордѣвшись тѣмъ яркимъ осеннимъ румянцемъ, которымъ горитъ лицо умирающаго въ чахоткѣ.

— Какъ вамъ нравится здѣшняя природа? спросила меня хозяйка.

— Природа вездѣ хороша.

— Вы снисходительнѣе другихъ къ нашимъ мѣстамъ. M-me Дюдеванъ, гостя у меня, постоянно находила, что здѣсь почти жить нельзя, такъ пустынны наши окрестности.

Версты за полторы раздались выстрѣлы. «А! это наши охотники возвращаются. Пойдемте домой черезъ садъ, тогда вы будете имѣть полное понятіе о здѣшнемъ хозяйствѣ.» Мы подошли къ лощинкѣ, около которой паслись стада мериносовъ. «Babette! Babette!» закричала одна изъ дѣвочекъ, шедшихъ съ англичанкой. На голосъ малютки изъ стада выбѣжала бѣлая коза и довѣрчиво подошла къ своей пяти-лѣтней госпожѣ. Около оранжерей вся дамская компанія разсѣялась вдоль шпалеръ искать спѣлыхъ персиковъ къ обѣду. Опять раздались выстрѣлы, но на этотъ разъ ближе къ дому. Увѣренный, что Л. забылъ о своемъ приглашеніи и во всякомъ случаѣ неожидаетъ моего пріѣзда, я предложилъ дамамъ не говорить обо мнѣ ни слова, предоставляя ему самому найдти меня у себя въ кабинетѣ. Заговоръ составился, и какъ только завидѣли охотниковъ, я

отправился въ комнату Л. Но судьба отмѣтила этотъ день строгой чертой неудачъ. Кто-то изъ прислуги, неучаствовавшій въ заговорѣ, объявилъ о моемъ пріѣздѣ и Л. встрѣтилъ меня вопросомъ:

— Развѣ вы не получали моего письма?

— Какого письма?

— Я писалъ, что хозяева ожидаютъ на нѣсколько дней пріѣзжихъ дамъ и въ домѣ всѣ лишнія комнаты будутъ заняты. По этому я совѣтывалъ вамъ пріѣхать дней черезъ десять.

Итакъ опять неудача. Уѣхать сейчасъ же неловко — сидѣть дома тоже не ловко. Я рѣшился уѣхать пробывъ еще день. Раздался звонокъ къ обѣду, и все общество, довольно многочисленное, собралось въ угольной залѣ, въ противоположномъ отъ гостиной концѣ дома. Напрасно говорить о вѣжливости хозяина—онъ французъ. Разговоръ переходилъ отъ ежедневныхъ событій собственнаго семейнаго круга, къ вопросамъ общимъ политическимъ и литературнымъ. Зашла рѣчь о послѣднихъ стихотвореніяхъ Гюго и хозяинъ въ подтвержденіе своихъ словъ, касательно силы, которую поэтъ проявилъ въ нѣкоторыхъ новыхъ пьесахъ, прочелъ на память нѣсколько стиховъ. Смѣю увѣрить моихъ читательницъ, что впродолженіе почти трехъ дней, проведенныхъ въ замкѣ, я ни разу не слыхалъ насмѣшливыхъ сужденій о сосѣдствѣ, безъ которыхъ не обойдется у насъ ни одинъ общій разговоръ. Изъ-за стола всѣ отправились въ гостиную. Пріѣхалъ домашній докторъ, составился вистъ, хозяйка сѣла за рояль и долго чудные звуки Моцарта и Бетховена раздавались въ комнатѣ. Такъ прошелъ день. На другой почти тоже самое, слѣдуетъ только прибавить утреннія партіи на бильярдѣ, а въ вечеру, кромѣ музыки и виста, серебряные голоски дѣвицъ, прочитывающихъ въ слухъ роли изъ Мольера, приготовляемаго къ домашнему театру.

На третій день я объявилъ желаніе возвратиться въ Парижъ и такъ какъ нужно было поспѣть въ Розе къ шести часамъ пополудни, времени отправленія дилижанса, то я долженъ былъ уѣхать изъ дому не позже четырехъ часовъ. Хозяева, несмотря на сытный завтракъ, всхлопотались кормить меня на дорогу. Но я отказался на отрѣзъ. Подали кабріолетъ и черезъ часъ я былъ уже въ Розе.

— Скоро ли пойдетъ дилижансъ?

— Да черезъ полчаса, а самое позднее черезъ три-четверти.

Хлопотать было нечего, любезный R. еще съ-утра приказалъ взять для меня мѣсто въ купэ. Теперь пять часовъ, дилижансъ пойдетъ черезъ часъ, будетъ шесть, да пройдетъ четыре, будетъ десять, да по желѣзной дорогѣ тридцать-пять минутъ, — слѣдовательно мнѣ не придется обѣдать раньше одиннадцати. Это что-то поздно!

— Нѣтъ ли тутъ гостинницы?

— Есть, отличная!

Я отправился въ отличную гостинницу и она оказалась точно вполнѣ отличной ото всѣхъ гостинницъ въ мірѣ, исключая нашихъ почтовыхъ. Какъ я ни бился, не могъ достать ни супу, ни прочаго.

— Нѣтъ ли мяса?

— Есть.

— Что такое?

— Голубенокъ.

— Одинъ!!?

— Одинъ.

— Дайте пожалуйста голубенка, и съ этимъ словомъ я вышелъ въ небольшую обѣденную залу. За круглымъ столомъ сидѣла дама и рядомъ съ ней пожилой господинъ, по осанкѣ и щетинистымъ усамъ котораго легко можно было узнать стараго солдата первой Имперіи, если бы даже въ петлицѣ не алѣла неизбѣжная розетка Почетнаго Легіона. Передъ ними стояла бутылка краснаго вина и блюдо сочной телятины, а подлѣ на стулѣ лежалъ бѣлый хлѣбъ, похожій на двухаршинный отрубокъ березоваго бревна. Что дѣлать? ѣсть нечего: принесенный голубенокъ, подпахивавшій пережаренным масломъ, исчезъ, оставивши жалкіе слѣды своего существованія. Я потребовалъ сыру и полбутылки шампанскаго.

— Шампанскаго нѣтъ!

— Какъ нѣтъ? сказалъ обиженнымъ тономъ наполеоновскій капитанъ.—Спросите въ лавкѣ у такого-то.

— У него нѣтъ.

— Ну такъ у такого-то.

— Я послала, отвѣчала хозяйка, да не знаю, есть ли.

Ну, Розе. Въ двухъ шагахъ отъ Шампаньи, и не достанешь полубутылки вина. Наконецъ явилась полубутылка, сомнительнаго вида, и хлопнула, какъ изъ ружья. Я предложилъ по бокалу капитану и его дамѣ. Капитанъ поблагодарилъ и подвинулъ ко мнѣ блюдо телятины, а вслѣдъ за тѣмъ сталъ разсказывать о великой ретирадѣ изъ сгорѣвшей Москвы, хваля русскихъ на чемъ свѣтъ стоитъ. За что бы уже ему хвалить?—не знаю. Между тѣмъ кондукторъ затрубилъ, и въ купэ у меня не нашлось товарищей. Воспользовавшись просторомъ, я закурилъ сигару, легъ черезъ всѣ три или четыре мѣста и пріѣхалъ на станцію желѣзной дороги сонный. На другой день за завтракомъ, въ кофейнѣ Пале-Рояльской Ротонды, попался мнѣ на глаза знакомый французъ, бывшій моимъ руководителемъ въ странствованіяхъ по Парижу. Онъ уѣзжалъ на мѣсяцъ въ деревню и по этому случаю мы давно не видались. Приказавъ поставить приборы на одинъ столикъ, мы пустились во взаимные распросы.

— Ну, теперь вы огляделись въ Парижѣ, замѣтилъ французъ: —скажите, какое онъ на васъ произвелъ впечатлѣніе? Мы парижане ко всему присмотрѣлись — интересно сужденіе человѣка свѣжаго. Со мной можете быть совершенно откровенны, на столько вы меня знаете.

— Очень радъ, что вы навели меня на эту тэму, у меня у самого она вертѣлась въ головѣ и я не разъ припоминалъ ваше выраженіе касательно нѣмецкихъ книгъ. Вы говорили, что онѣ непостижимо дурно сдѣланы (mal-faits), въ сравненіи съ французскими, изъ которыхъ каждая, самая дрянная и пустая такъ уложена, что читается легко, безъ сучка, безъ задоринки.

— Помню, помню. У насъ вообще думаютъ плохо и трудно, а писать гладко великіе мастера; но къ чему вы это вспомнили?

— Къ тому, что отношу это ко всей парижской жизни, отъ улицы Риволи до Гипподрома, отъ послѣдняго винтика въ экипажѣ до первыхъ брильянтовыхъ серегъ за стекломъ магазина, отъ художественной выставки до Большой Оперы, все гладко, ловко, блистательно (bien-fait), а цѣлое прозаично, мишурно и безсочно, какъ нарядный вѣнскій пирогъ, простоявшій мѣсяцъ за окномъ кандитерской.

— Это горькая правда, подхватилъ французъ, и тѣмъ болѣе горькая, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Чтобы

создавать великое, нужно жить внутренней жизнью, и образоваться, а намъ ни того, ни другаго дѣлать нѣкогда. Мы не живемъ, а ищемъ пропитанія, насъ, за малыми счастливыми исключеніями, не воспитываютъ, а дрессируютъ, и всѣхъ увлекаетъ могучій водоворотъ лихорадочнаго движенія. Не думайте, чтобы всѣ были слѣпы, хотябъ ко внѣшнимъ событіямъ. Многіе, напримѣръ, видятъ, что новыя широкія улицы нисколько не украшенія Парижа, а удобные стратегическіе пути, что мало по малу огромные дома, все болѣе и болѣе вытѣсняя мелкія квартиры, превратятся въ богатые отели для иностранцевъ, и Парижъ, переставъ быть французскимъ городомъ, будетъ мѣстомъ свиданія всѣхъ народовъ. Но мы съ вами измѣнить этого не въ силахъ, а между тѣмъ я хотѣлъ о чемъ-то васъ спросить, да забылъ. — Да, вспомнилъ. Знаете ли вы, что завтра первый воскресный день этого мѣсяца?

— Нѣтъ, забылъ. Чтожь изъ этого?

— То, что каждый мѣсяцъ, въ первое воскресенье, пускаютъ въ Версалѣ воду, и тамъ толпы народа. Въ обыкновенные дни еще можно не побывать въ Версалѣ. а имѣть возможность видѣть всѣ фонтаны и не воспользоваться ею, непростительно.

— Стало быть мы завтра идемъ?

— Идемъ. Главныя воды пускаютъ отъ четырехъ до пяти пополудни, а желѣзная дорога отходитъ и приходитъ въ подобные дни черезъ каждые полчаса. Приходите ровно въ два часа къ фонтану Тюльерійскаго сада, и мы отправимся.

— Прекрасно! Прощайте. Благодарю васъ.

V.

ряпичники. — Ручные дикіе голуби. — Поѣздка въ Вереаль. — Передній фасадъ дворца; малыя и большія воды. — Г-жи Перцова и Зайцова. — Отъѣздъ въ Марсель. — Дорога и дижонскіе туннели. — Охота за утками. — Городъ Марсель. — Пароходъ *Капитолій* и южный берегъ Франціи съ моря.

Разставшись съ пріятелемъ, и протаскавшись кое-какъ до бѣда, я рано возвратился домой и взялъ книгу. Лѣнь и дремота ачали одолѣвать меня. Я прилегъ на постель и, продолжая читть какія-то небывалыя, ни съ чѣмъ не сообразныя строки, уро-

нялъ книгу и окончательно заснулъ. Когда открылъ глаза, въ комнатѣ было свѣтло и нестерпимо холодно. Я взглянулъ на часы — пять часовъ. Заснуть снова нѣтъ возможности. Затоплю, по крайней мѣрѣ, каминъ и почитаю. Когда сухія дрова, схваченныя пламенемъ, стали трескаться, и хотя ногамъ стало потеплѣе, я всталъ и началъ ходить по комнатѣ, время отъ времени останавливаясь у окна, выходившаго на улицу. Если въ Парижѣ бываетъ пора отдохновенія, то это въ часы ранняго утра. Экипажи перестаютъ гремѣть и пѣшеходы мелькаютъ все рѣже и рѣже. — На противоположной сторонѣ улицы, какъ разъ противъ моего окна, лежали три кучи сору, которыя я свободно могъ обозрѣвать, не смотря на довольно значительное между нами разстояніе. Парижскій уличный соръ имѣетъ свою особенную физіономію. Его пестрыя кучи напоминаютъ взъерошенную голову деревенскаго мальчишки, надъ которою ученики въ цирюльнѣ учатся закладывать папильотки. Только безчисленнымъ множествомъ товаровъ, которые нетерпѣливые покупатели разворачиваютъ на улицѣ, бросая тутъ же обертку, можно объяснить массу бумажныхъ обрывковъ, составляющихъ двѣ трети парижскаго сору. На эти-то лоскутки бумаги ведется по ночамъ правильная, систематическая охота тряпичниковъ (chiffoniers). Сколько разъ, возвращаясь домой послѣ десяти часовъ вечера, я натыкался на какихъ-то черныхъ казуаровъ. Никогда не удавалось мнѣ разсмотрѣть ни лица, ни костюма этихъ мрачныхъ, долговязыхъ фигуръ. Видишь только за ихъ спиной большую плетеную корзинку, фонарь въ лѣвой рукѣ и желѣзный прутъ съ крючкомъ на концѣ — въ правой. Я удивлялся инстинкту и ловкости, съ какой эта ночная птица подойдетъ къ кучѣ, освѣтитъ ее фонаремъ, и быстро разшвырявъ соръ желѣзнымъ прутомъ, торопливо клюнетъ крючкомъ. Глазъ наблюдателя едва можетъ услѣдить за движеніемъ. Прутъ, повидимому, не высоко подымается отъ земли, а между тѣмъ грязная корзина уже поглотила крючкомъ подхваченную находку. Въ нынѣшнее утро судьбѣ угодно было показать мнѣ *тряпичниковъ* во всей красотѣ. Охотникамъ за птицами извѣстно выраженіе: *тяга*. Весной, при захожденіи солнца, на полянахъ березовыхъ лѣсовъ, вальдшнепы съ хриповатымъ скрипомъ начинаютъ летать (*тянутъ*) въ извѣстномъ направленіи. Черезъ часъ, когда почти совершенно смеркнется, они тянутъ въ противоположную сторону.

Въ это утро я пошелъ на *тягу* шиофньеровъ, въ ту минуту, когда они изъ центра города возвращались къ предмѣстьямъ. Тяги продолжались не болѣе десяти минутъ. Первый тряпичникъ, остановившійся у ближайшей къ бульвару кучи, былъ огромный широкоплечій мужчина. Порванные, рыжіе сапоги, полосатые, полные, заплатами покрытые брюки, черный короткій плащъ, висящій по плечамъ, какъ сальная ветошка трубочиста, и черная измятая шляпа, нахлобученная на красное лицо съ багровымъ орлинымъ носомъ, придавали этому человѣку, даже при дневномъ свѣтѣ, какой-то фантастическій видъ. Онъ шелъ бодро, большими шагами, самоувѣренно, чтобы не сказать надменно. Большая корзина за плечами была почти полна. Онъ раздвигалъ кучу однимъ движеніемъ прута, и, небрежно клюнувъ крупную бумажку, быстро переходилъ къ слѣдующей кучѣ. Не успѣлъ онъ скрытся изъ глазъ моихъ, какъ у первой кучи показалась грязно-сѣрая фигура приземистаго старика. Въ немъ уже не было и тѣни гордой удали его предшественника, а замѣтна была какая-то старческая копотливость. Онъ гораздо долѣе останавливался у каждой кучки, долго переворачивалъ соръ, клевалъ бумажки съ разборчивостью и самъ, повидимому, сознавалъ, что ему за молодежью не угнаться. Когда старикъ прошелъ, у первой кучи показалась толстая, безобразная, грязносѣрая, хромая женщина. Вся она съ головы до ногъ скорѣе походила на толстую связку грязныхъ тряпокъ, чѣмъ на живое существо. Хромая, съ почти пустою корзиной, она подвигалась весьма медленно, съ каждымъ шагомъ раскачивая свои тяжелыя тряпки. Желѣзный прутъ ея какъ-то сиротливо-задумчиво раздвигалъ опустѣвшія кучи, словно желая сказать: нѣтъ! благо міра сего не для меня. Когда раскачивающійся пукъ лохмотьевъ пропалъ за угломъ, я все еще не отходилъ отъ окна, выжидая новаго явленія. Дѣйствительно, минуты черезъ двѣ послышался тяжелый стукъ и пара дюжихъ лошадей, запряженныхъ цугомъ въ огромную двухколесную фуру, остановились передъ окнами. Въ одинъ мигъ рабочіе побросали соръ въ телѣгу и очистили улицу. Стало быть тяга кончена. На другой день, безъ четверти въ два часа, я стоялъ въ Тюльерійскомъ саду у фонтана, подлѣ маленькаго деревяннаго домика, построеннаго у круглаго бассейна. Домикъ этотъ ночной пріютъ лебедя, плавающаго цѣлый день по бассейну и потѣшающагося надъ деревянными

обручами и корабликами, спущенными на воду дѣтьми. Къ бассейну подошелъ мальчишка блузникъ лѣтъ двѣнадцати и сталъ манить рукой красивую птицу, не обращавшую на его пантомимы ни малѣйшаго вниманія. Въ это время два дикихъ голубя, которыхъ я нѣсколько разъ видалъ проходя Тюльерійскій садъ, прилетѣли и сѣли посреди бассейна пить изъ мраморной воды, такъ же мало какъ лебедь обращая вниманіе на присутствіе людей.

— Что это за голуби? спросилъ я мальчика.

— Императорскіе.

— Гдѣ же ихъ содержатъ?

— Они ручные и живутъ вонъ тамъ (мальчикъ показалъ на Тюльерійскіе каштаны), а зимой, когда холодно, ночуютъ въ домикѣ лебедя.

Какимъ образомъ сдѣлали ручными дикихъ голубей?—мальчикъ не могъ мнѣ объяснить.

— Вы чрезвычайно исправны! Идемте, сказалъ подошедшій пріятель-французъ, приближенія котораго я не замѣтилъ, занятый лебедемъ и голубями.

— Идемте. Я готовъ. Только на чемъ: въ омнибусѣ или на извощикѣ?

— Разумѣется въ омнибусѣ, зачѣмъ платить два франка тамъ, гдѣ можно заплатить франкъ? Cocher!

Карета подкатила. — На западную желѣзную дорогу! Кучеръ кивнулъ головою въ знакъ согласія, подалъ мнѣ въ окно номерной билетикъ съ тарифомъ и хлопнулъ бичемъ.

Черезъ двадцать пять минутъ поѣздъ желѣзной дороги привезъ насъ въ *Бель-Вю*, небольшой городокъ, съ террасы котораго видна прекрасная панорама Парижа, въ родѣ той, какую представляетъ Москва, если на нее смотрѣть съ Воробьевыхъ горъ. По обѣимъ сторонамъ дороги вывѣски водолечебницъ, и по этой причинѣ въ Бель-Вю проводятъ лѣто многіе иностранцы и парижане, врачующіеся по методѣ Присница. Поѣздъ тронулся снова и черезъ полчаса мы были въ Версалѣ.

— Теперь какъ разъ половина четвертаго. Пойдемте! До дворца всего минутъ десять ходьбы, а въ четыре пожалуй пустятъ *большія воды*.

Французъ былъ правъ. Повернувъ со станціи желѣзной дороги въ право, по длинной липовой аллеѣ, мы вышли на широ-

кую площадь, по которой пришлось таки порядочно подыматься на пригорокъ. Вотъ мы на срединѣ площади; направо, выстроенныя *покоемъ*, огромныя кавалерійскія казармы, а на лѣво, насупротивъ, такимъ же *покоемъ*, во вкусѣ *возрожденія*, выстроенный Версальскій дворецъ, огромный дворъ котораго обнесенъ желѣзной рѣшеткой, съ золочеными воротами. Передъ дворцомъ, къ нему спиной и лицомъ къ воротамъ, конная бронзовая статуя *Людовика XIV*, а вдоль внутренней стороны рѣшетка, съ обѣихъ сторонъ мраморныя статуи генераловъ. Къ этому *Людовикъ-Филиппъ* прибавилъ два флигеля въ греческомъ вкусѣ, симметрически расположивъ ихъ внутри *покоя*, параллельно обоимъ старымъ флигелямъ. Надпись на наружныхъ фронтонахъ новыхъ флигелей указываетъ на ихъ предназначеніе. На томъ и на другомъ золотыми буквами написано: A toutes les gloires de la France. Это музей. Не смотря на сѣренькій, дождливый денекъ, пестрыя толпы вереницей тянутся на право подъ арку, соединяющую главный флигель дворца со второстепенными пристройками. Каждый спѣшитъ пробраться къ заднему фасаду, тамъ-то садъ и всѣ диковинки, воспѣтыя поэтами. Мы въ свою очередь спѣшили на огромную, пескомъ усыпанную площадку, и яркая зелень обстриженныхъ и угольчатыхъ деревьевъ тѣмъ рѣзче бросалась въ глаза, что изъ-за нея выглядывали каштаны, тополи и акаціи, которыя приближеніе осени заставило и поблѣднѣть, и покраснѣть. На право и на лѣво партеры съ цвѣтами, содержать которые французы такіе мастера. Черезъ нѣсколько шаговъ еще, съ лѣва и съ права, сидящія и лежащія божества опрокидываютъ свои неистощимыя урны надъ широкими каменными бассейнами. Прямо передъ нами пестрая, густая толпа. Тамъ-то открывается главный видъ на *малыя воды*. Тамъ возвышенность, на которой стоитъ дворецъ, оканчивается рѣзкимъ уступомъ, обсаженнымъ живыми шпалерами, и оправленнымъ по серединѣ ступенями широкой лѣстницы, ведущей на обширную, посреди красиваго лѣса расчищенную полукруглую долину. Лѣсъ поддержанъ со всевозможною щеголеватостью, долина пестрѣетъ клумбами, партерами и несмѣтной толпой, надъ которой тамъ и сямъ по всему пространству едва замѣтно дрожатъ молочно-пѣнистые фонтаны, какъ гигантскіе пуки страусовыхъ перьевъ. По самой срединѣ дугообразной опушки лѣса, противъ каменной лѣстницы террасы — каналъ прямолинейной просѣки, въ томъ же ро-

дѣ, какъ петергофскій отъ Самсона, открываетъ въ перспективѣ огромную водяную равнину, по которой движутся лодки и катеры, убранные флагами. Кромѣ главной просѣки, на поляну, какъ радіусы, выходятъ и другія, и на каждой, въ густой зелени, прядаетъ пыльный водопадъ. Я уже не разъ говорилъ о своемъ равнодушіи и даже ненависти къ подстриженнымъ деревьямъ и подмалеванной природѣ вообще, но въ Версалѣ, она до того подмалевана, что даже пріятно дѣйствуетъ на зрѣніе. Это уже не природа и не робкое ей подражаніе, а смѣло расписанная декорація, не лишенная самобытной прелести, живая, широкая діорама. Робко и слегка подрумяненная женщина жалка и смѣшна, но бываютъ минуты, когда отважно разрумяненныя ланиты могутъ нравиться. Такъ мы любовались живою діорамой, пестрыя толпы гуляющихъ стали сбираться къ лѣстницѣ и дружно потянулись къ другой просѣкѣ, въ право отъ дорожки, по которой мы пришли. Въ этой сторонѣ слава Версаля: *большія воды*. Вслѣдъ за другими, внизъ по широкой просѣкѣ, сошли и мы къ большому пруду, высокій берегъ котораго, съ нагорной стороны, уставленъ мраморными урнами. Покамѣстъ никакихъ фонтановъ не видать. За то весь противоположный, отлогій берегъ пруда обрамленъ плотной толпою зрителей, разсѣвшихся на стульяхъ, надъ самой водой, въ ожиданіи минуты, въ которую пустятъ фонтаны. Стало быть и намъ надо пойти на ту сторону и взять пару наемныхъ стульевъ.

— Ахъ! какъ я рада, что васъ вижу! Давно ли вы здѣсь, т. е. въ Версалѣ? Comme c'est beau! прощебетала надъ моимъ ухомъ знакомая русская барыня, у которой на морщинистомъ лицѣ глаза при этихъ словахъ засіяли, какъ двѣ спѣлыя вишни, окунутыя въ масло. — Вообразите, какое несчастіе! продолжала она, не дожидая моего отвѣта: — мы съ Жюли дали слово M-me Pertzoff свидѣться сегодня у большихъ водъ. Искали, искали, нигдѣ не нашли. Долго вамъ разсказывать, какимъ образомъ составилось это partie de plaisir, замѣтила мимоходомъ и скороговоркой моя знакомая, по тѣмъ не менѣе не избавила отъ малѣйшей изъ высоко для нея интересныхъ подробностей.— Я увѣрена, продолжала она, что и вамъ доставитъ удовольствіе видѣть M-me Pertzoff. Она третьяго дня меня спрашивала. Отчего вы, говоритъ, милая, добрая m-me Saitzoff, не попросите его къ намъ? Онъ насъ совсѣмъ забылъ. Какъ она вамъ обра-

дуется! Пожалуйста, потрудитесь ихъ найти и сказать, что мы здѣсь, а мы васъ подождемъ. Ее легко отыскать. Правда, у нея четыре шляпки и я не знаю, которая на ней сегодня, но вы, я увѣрена, не затруднитесь.

Что было дѣлать, какъ не пускаться въ поиски? Но едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ уже началъ раскаяваться въ обѣщаніи, данномъ мной m-me Saitzoff. Плохое шоссе на низменномъ мѣстѣ, вслѣдствіе утренняго дождя и ходьбы многочисленной толпы превратилось въ глиняный кисель, въ которомъ ноги увязали по щиколдку. Обошедъ весь берегъ, а это не близко, и измаравшись до нельзя, я возвратился къ дамамъ съ однимъ сожалѣніемъ о безплодности поисковъ, и, отойдя къ товарищу, сѣлъ на прибереженный для меня стулъ. Неужели тутъ каждый мѣсяцъ такая толкотня и невылазная грязь, и неужели французы не догадаются сдѣлать асфальтовое шоссе, щадя мужскую обувь и дамскія платья? Черезъ нѣсколько минутъ послышался отрывистый ревъ и вода стала бѣлыми клубами вырываться изъ трубокъ. Около колоссальной статуи *Нептуна* брызнули въ прудъ дугообразныя струи, вслѣдъ затѣмъ съ набережной и на поверхности самаго пруда забрызгали такія же, изъ мраморныхъ вазъ полилась вода, и фонтанъ у подошвы наклонной просѣки, по которой мы пришли, поднялся почти въ уровень съ деревьями. Правда, мы глядѣли на него съ низу. Общее недурно, но мнѣ гораздо болѣе нравятся *Малыя Версальскія Воды*. Тамъ декорація шире и пестрѣй, что же касается до силы и высоты водъ, сами французы отдаютъ въ этомъ случаѣ предпочтеніе нашему Самсону передъ своимъ Нептуномъ. Мелкій дождикъ сталъ между тѣмъ накрапывать, и публика, распустя зонтики, повалила къ дебаркадеру. Усѣвшись съ пріятелемъ французомъ въ вагонѣ, я спросилъ его о времени отправленія экстреннаго поѣзда изъ Парижа въ Марсель.

— Ежедневно въ одиннадцать часовъ утра, отвѣчалъ пріятель: — но на что вамъ это знать?

— Я послѣ завтра уѣзжаю.

— Въ Марсель?

— Да — и оттуда въ Римъ и Неаполь.

— Куда же вы спѣшите? Еще успѣете.

— Нѣтъ! покорнѣйше благодарю. Время наступило холод-

ное, а съ вашими каминами безъ вьюшекъ плохо зимовать, они только холодятъ комнату. Въ окна дуетъ, двойныхъ рамъ нѣтъ.

— Правда, у насъ зимой холодно, и для бѣднаго народонаселенія зимніе мѣсяцы бѣдственны.

— Помилуйте, — не въ однихъ мансардахъ холодно. Я плачу двѣсти франковъ за квартиру, вѣдь это слишкомъ шестьсотъ рублей въ годъ, а хоть волковъ морозь.

— Если вы непремѣнно рѣшились выѣхать послѣ завтра, то я пріѣду васъ провожать.

— Пожалуйста.

Въ назначенный день пріятель сдержалъ слово. Дружески пожали мы другъ другу руки, и снова въ глазахъ моихъ замелькали полосатыя нивы и виноградники, рѣчки, пригорки и долины. Напрасно, по мѣрѣ приближенія къ южному берегу, я приникалъ нетерпѣливымъ взоромъ къ окнамъ ваггона, стараясь уловить, не говорю привлекательную, но хотя бы милую мѣстность. Пустынно, голо, такъ до самыхъ сумерекъ и ночнаго мрака. За то быстрота ѣзды такая, какой мнѣ нигдѣ не приходилось испытывать,—60 километровъ въ часъ, т. е. около 55-ти верстъ. За двѣ станціи до *Дижона*, т. е. почти на половинѣ пути между Парижемъ и Ліономъ, мѣстность совершенно дичаетъ, и, отказавшись на отрѣзъ вознаграждать трудъ земледѣльца, употребила всѣ усилія преградить пути сообщенія. Переѣздъ между станціями *Блези-Ба* (Blaisy-Bas) и *Маленъ* (Malain) представляетъ интереснѣйшій образчикъ побѣды человѣка надъ природой. Желѣзная дорога углубляется въ кремнистую почву почти на протяженіи версты и, врѣзавшись въ нее на одиннадцать саженъ, пропадаетъ въ горѣ на пять минутъ, т. е. пробѣгаетъ прямолинейнымъ туннелемъ около пяти верстъ. Три года двѣ тысячи человѣкъ неусыпно трудились надъ этой циклопической работой, и одинъ этотъ тунель стоитъ десять мильоновъ франковъ. До самого *Малена* дорога не перестаетъ бѣжать изъ *туннелей* на *віадуки* и съ *віадуковъ* подъ *туннели*. Въ Ліонъ мы пріѣхали въ полночь. За темнотой нельзя было рѣшительно ничего разсмотрѣть, кромѣ яркаго газоваго освѣщенія мостовъ, переброшенныхъ черезъ Рону. Поѣздъ остановился на полчаса и желающіе продолжать ночное путешествіе пересѣли въ новые

вагоны. Я былъ въ числѣ послѣднихъ, и, усѣвшись въ углу вагона, заснулъ подъ равномѣрно-безконечный, изъ однихъ дактилей состоящій, гекзаметръ паровой машины. Когда я открылъ глаза, было уже свѣтло, хотя утренній холодъ задернулъ окна вагона нашимъ дыханіемъ. Сидѣвшій противъ меня англичанинъ, безсознательно забывая этикетъ, сдвинулъ себѣ сѣрую шляпу на носъ, и, наклоняя безпрестанно голову, принималъ враждебный видъ бодливаго быка.

Я протеръ окно. — что за чудо? Красная, сургучнаго цвѣта земля. Я протеръ глаза, нѣтъ точно такъ! Вотъ и мужикъ пашетъ и за нимъ раскрывается свѣжая, сургучнаго цвѣта полоса. Ну, вѣрно такъ тому и слѣдуетъ быть. А каково-то мѣстоположеніе? Пусто, голо. Вотъ вправо горы и на нихъ старые зàмки да бѣдные остатки древне-римскихъ зданій. Черезъ часъ и прочіе обитатели вагона проснулись, англичанинъ поправилъ шляпу и сѣлъ прямо, а рядомъ съ нимъ сидѣвшій французъ сталъ осматриваться кругомъ, видимо желая завязать разговоръ. Мѣстность измѣнилась. Мы уже вторую станцію проѣзжали мимо огромнаго озера, которое справа то приближалось къ самой дорогѣ, то пряталось за крутые берега, то широко сверкало на значительномъ разстояніи. Поѣздъ остановился.

— Чтò случилось? спросили мы у проходящаго кондуктора.

— Пережидаемъ охотниковъ.

— Какихъ охотниковъ? крикнулъ я ему вслѣдъ.

— За утками, подхватилъ французъ, которому давно хотѣлось поговорить. Ихъ вѣроятно будетъ человѣкъ четыреста или пятьсотъ и они набьютъ на этомъ озерѣ тысячи утокъ. Утки слетаются объ эту пору большими стадами и марсельскіе жители объявляютъ имъ генеральную битву. Часть охотниковъ садится на лодки, взявши по два ружья, а часть остается на берегу, и когда испуганныя птицы бросаются къ берегу, ихъ встрѣчаютъ новыми залпами. Убитыхъ подбираютъ уже послѣ. Мясо этихъ утокъ считается постнымъ и жиръ ихъ, какъ рыбій, не застываетъ.

Не знаю, до какой степени безукоризненно вѣрны слова француза, но часть его разсказа оправдалась чрезъ нѣсколько минутъ самымъ блистательнымъ образомъ. Мимо насъ пронесся огромный поѣздъ третьеклассныхъ вагоновъ, набитыхъ биткомъ

охотниками, изъ которыхъ большая часть держала передъ собою по два ружья. Когда эти господа пролетѣли, мы тронулись въ свою очередь. Отлогіе, песчаные берега озера стали пестрѣть низкими въ двѣ, три и четыре шеренги насаженными деревьями, съ темнозелеными, серебромъ отливающими коронами. Это масличныя деревья, которыя, повидимому, не нуждаются въ черноземѣ. Не обращая вниманія на болтовню сосѣдей и почти не замѣчая мимо бѣгущихъ оливъ, я пристально смотрѣлъ впередъ, нѣсколько вправо. Я ждалъ. Вотъ наконецъ между темно-красной землей и темно-синимъ небомъ блеснула бѣлая полоса. Нечего было спрашивать: ясно, что это *Средиземное Море*. Бѣлая полоса стала быстро разрастаться въ ширину и въ длину, покрываясь голубыми струями. Тамъ и сямъ на ней мелькали еще бѣлѣйшія пятна и наконецъ совершенно ясно обозначился корабль. Черезъ полчаса мы были въ Марсели. Не буду никому, ни даже самому себѣ, досаждать воспоминаніями о Марсели, какъ городѣ. Это грустный провинціалъ, не смотря на свои площади, жалкіе фонтаны, четырехъ и пяти-этажные дома, старинныя аллеи и сто пятьдесятъ тысячъ жителей. Вы чувствуете себя въ провинціи. Отели плохи, черномазые люди лишены парижской ловкости, хотя въ суровыхъ чертахъ гораздо болѣе энергіи. Толпы еще разнороднѣе и пестрѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Турки, греки и англійскіе матросы на каждомъ шагу, но толпа снуетъ безъ шума и безъ лихорадочной суеты. Непривлекательные магазины наполнены мануфактурными товарами низкаго качества.

— Гдѣ контора Императорскаго пароходства? спросилъ я перваго прохожаго.

— А вотъ сейчасъ направо на площади, большая красная вывѣска.

— Когда отходитъ пароходъ въ *Римъ*, т. е. въ *Чивита-Векію?* крикнулъ я въ окошко чиновника, выдающаго билеты.

— Завтра, въ десять часовъ, отходитъ *Капитолій*.

— Онъ прямо пойдетъ въ Римъ?

— Нѣтъ, зайдетъ въ *Геную*, въ *Ливорно*, а уже оттуда пойдетъ въ *Чивита-Векію*.

— Этого мнѣ и нужно. Вотъ мой паспортъ. Онъ въ порядкѣ: осмотрѣнъ въ Парижѣ у нашего посольства и въ римскомъ взяли деньги за право въѣзда въ Церковную Область.

— А здѣшній консулъ видѣлъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ мы не можемъ выдать билета.

— Гдѣ живетъ консулъ?

— Да сегодня воскресенье, вамъ ничего не сдѣлаютъ, а завтра до десяти часовъ не отпираютъ канцелярію; да вамъ еще нужно свидѣтельство генуезцевъ, а то еще въ Геную не пустятъ.

— Слѣдовательно я упущу пароходъ.

— Да, если не будете на немъ въ половинѣ десятаго, то опоздаете. Въ десять онъ уходитъ.

На другой день, послѣ долгихъ и безплодныхъ попытокъ засвидѣтельствовать паспортъ, я въ десять часовъ прилетѣлъ вскачь, на извощикѣ, къ темному лѣсу мачтъ, заслоняющихъ на марсельскомъ рейдѣ морскую даль.

— Гдѣ *Капитолій?*

— Вотъ, вотъ дымится. Уже прозвонили во второй разъ. Пожалуйте чемоданы, а то трапъ сейчасъ подымутъ.

Я рванулся впередъ и чрезъ минуту стоялъ уже на палубѣ, окруженный своими пожитками. Лейтенантъ разсмотрѣлъ мои бумаги и окончательно меня успокоилъ, объявивъ, что все въ надлежащемъ порядкѣ.

— Скоро ли мы пойдемъ?

— Черезъ пять минутъ.

И такъ, я почти въ Италіи. Еще надежда, еще плѣнительный образъ впереди. Какимъ-то предстанетъ онъ на яву? — Прозвонили въ третій разъ, ревущій паръ замолкъ и мачтовый лѣсъ началъ тихо двигаться, уходя за корму *Капитолія*. Вотъ и синяя бухта, и синее, совершенно безоблачное небо. Впереди въ морѣ желтыя, пустынныя, но тѣмъ не менѣе живописныя скалы. Корабль все шибче и шибче подается впередъ, онъ вышелъ уже изъ голубой бухты, которую зданія Марселя, окруженныя высокими береговыми уступами, обстали какъ цѣлое стадо, сошедшее съ горъ напиться изъ лазурнаго озера. Направляясь къ Генуѣ, *Капитолій* не отдалялся отъ южныхъ береговъ Франціи, и мы вполнѣ могли на нихъ насмотрѣться. Каково на нихъ жить? другой вопросъ, но дикою красой эти берега могутъ поспорить съ какими хотите скалами. Формы красныхъ, съ вершинъ до-

подножія обнаженныхъ утесовъ, причудливы и могучи. Яркое полуденное солнце, преломляясь по излучистымъ гранямъ, вызываетъ самую разнообразную игру цвѣтовъ. Рѣдко, рѣдко надъ обнаженной каменной стремниной зазеленѣетъ бѣдный, приземистый кустарникъ, засѣрѣетъ развалина или забѣлѣетъ уединенный домикъ. Волны моря, прозрачно лазурныя въ заливѣ, все болѣе и болѣе принимаютъ блескъ зеленоватаго стекла, и массы ихъ, двигаясь все тяжеле и тяжеле, дружными грядами бѣгутъ разбиваться у подножія скалъ. Прощай, Франція. Завтра буду въ Италіи!

А. ФЕТЪ.

ЗАПИСКИ УЧИТЕЛЯ МУЗЫКИ.

II. (*)

КОМПАНЬОНЪ.

I.

Богатый помѣщикъ пригласилъ меня для музыкальныхъ уроковъ и назначилъ жалованье выше моихъ ожиданій. Я немедленно отправился къ нему въ деревню, и теперь познакомлю читателя съ новыми моими знакомыми.

Иванъ Александрычъ Кузовлевъ, лѣтъ пятидесяти, съ очевидными остатками прежней красоты, уѣздный предводитель дворянства и счастливый обладатель пяти тысячъ душъ крестьянъ, съ огромнымъ количествомъ хлѣбородной земли и превосходнаго лѣса. Онъ привѣтливъ, но съ примѣсью горделивой важности; онъ общителенъ, но съ каждымъ на размѣренное разстояніе; въ вѣжливости его видна снисходительность, просьбы его похожи на приказанія.

Жена его, Анна Петровна, принадлежитъ къ разряду тѣхъ женщинъ, о которыхъ съ перваго взгляда говорятъ: сколько доброты написано на лицѣ ея! Я слышалъ, что она была красавица; но теперь самый опытный взглядъ едва ли отъискалъ бы

(*) См. «Совр.» 1856 года, № VIII.

въ ея лицѣ какой нибудь остатокъ прежней красоты. Анна Петровна лѣтъ десять страдаетъ мучительной болѣзнью, непонятою ни однимъ докторомъ. Эта болѣзнь, изнуряя тѣло, еще сильнѣе терзаетъ нравственно несчастную мать семейства, лишенную возможности лично наблюдать за воспитаніемъ дѣтей своихъ.

Сынъ ихъ Петръ, лѣтъ пятнадцати, очень похожій на отца; старшая дочь Лиза, лѣтъ двѣнадцати, и меньшая Оля, лѣтъ десяти—обѣ прехорошенькія.

Щеголеватый французъ-гувернеръ и кокетливая супруга его — madame et monsieur Дулье, учили дѣтей французскому языку, исторіи, географіи, математикѣ и проч. Обрусѣвшій докторъ-нѣмецъ, Карлъ Карлычъ Янъ, лечилъ больныхъ и давалъ дѣтямъ уроки языковъ русскаго и нѣмецкаго. Заматорѣвшая дѣва Настасья Ивановна Кошкина, жила въ качествѣ милой тетушки. Кажется, двоюродная бабушка ея была троюродной сестрицей бабушки Анны Петровны Кузовлевой. Это не совсѣмъ близкое родство было причиною того, что Кошкина поселилась въ нѣдрахъ богатаго семейства; а дѣти, сначала шутя, а потомъ по привычкѣ, стали величать ее почетнымъ титломъ тетушки.

Болѣе всѣхъ обратилъ на себя мое вниманіе компаньонъ Кузовлева, Алексѣй Николаичъ Арбовъ. Съ перваго дня моего пріѣзда, онъ принялъ меня подъ свое особенное покровительство. Онъ внимательно осмотрѣлъ отведенную мнѣ комнату, отдавалъ людямъ приказанія, выговаривалъ за неисправность, понуждалъ непроворныхъ и все ему благоговѣйно повиновалось. Такъ какъ Алексѣй Николаичъ Арбовъ занимаетъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ моихъ запискахъ, то я спѣшу познакомить съ нимъ читателей.

II.

Еще и въ наше время есть богачи, имѣющіе при себѣ шутовъ; но при успѣхахъ образованія имя шута, какъ неблагозвучное, не могло удержаться; его замѣнили другимъ, болѣе мягкимъ и пріятнымъ для слуха, взятымъ съ иностраннаго, — именемъ *компаньона*. Перемѣна имени шута не перемѣнила его обязанностей, а только сгладила нѣкоторыя шероховатости его званія. Шутъ питался крупицами, падавшими отъ стола госпо-

дина, компаньонъ кушаетъ вмѣстѣ съ своимъ патрономъ; шута за неудачную остроту наказывали палкой, компаньона наказываютъ ѣдкимъ сарказмомъ, или краснорѣчивымъ пожатіемъ плечъ; шутовъ наряжали въ пестрые кафтаны и въ колпаки съ погремушками, компаньоны щеголяютъ въ сюртукахъ и фракахъ послѣдняго фасона. Шуты выбирались изъ всякаго класса людей, а компаньоны по бо̀льшей части, изъ иностранцевъ ли они, или изъ русскихъ, дѣти бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Поступаютъ еще въ компаньоны несчастливо служившіе и удалившіеся отъ службы, во избѣжаніе большаго зла, при самомъ началѣ труднаго поприща.

Начиная исторію о компаньонѣ Алексѣѣ Николаичѣ Арбовѣ, я нахожу необходимымъ предувѣдомить читателя, что начало біографіи моего героя почерпнуто мною изъ достовѣрныхъ источниковъ и частію изъ его собственныхъ разсказовъ; а полное драматическое развитіе его дѣяній совершалось предъ моими глазами.

Алексѣй Николаичъ Арбовъ не отличался въ дѣтствѣ ни способностями, ни прилежаніемъ; но этотъ недостатокъ онъ съ избыткомъ замѣнялъ игривостью и остротою ума.

Дядька изъ дворовыхъ людей, Ульянъ Федосѣевъ, заложилъ первый камень образованія юнаго Арбова. Чрезъ три года Алеша читалъ уже довольно бѣгло *по толкамъ* и каѳедру Ульяна Федосѣева занялъ приходскій дьяконъ, мужъ весьма ученый, доходившій даже до реторики.

Алеша былъ геніаленъ на выдумки. Чтобъ дать ему вполнѣ блистательное воспитаніе, отецъ задумалъ пріискать ему учителя-француза. Извѣстно, что дипломы на званіе домашнихъ учителей выдуманы недавно. И къ чему, кажется, эти дипломы? Ученый ли французъ, не ученый ли, все говоритъ по французски, а не по татарски; зато прежде, за двѣ за три сотни, французами хоть прудъ пруди. Конечно и теперь бездипломнаго француза можно нанять за бездѣлицу, да вотъ бѣда: учить-то онъ не имѣетъ права. Родитель Алексѣя Николаича жилъ въ блаженное бездипломное время, къ тому же счастье покровительствовало старику и вовсе неожиданно привело къ нему какого-то странствующаго мусье Коко́, ремесломъ фокусника, — одного изъ тысячи учениковъ великаго Пинетти. Когда всѣ удивительныя штуки съ картами, механическими стаканами, замками и пистолетами кончились, отецъ подозвалъ къ себѣ артиста.

— А что, любезный, не французъ ли ты? спросилъ онъ.

— Oui, monsieur, отвѣчалъ мудрецъ:—я франсъ изъ Анверсъ.

— А не обманываешь ли ты меня? побожись-ка, французъ ли ты?

— Parole d' honneur, я франсъ изъ Анверсъ.

— И читать и писать умѣешь?

Отвѣты странствующаго артиста были удовлетворительны. Оказалось, что французъ умѣлъ и говорить, и читать, и писать по французски; а старикъ держался того мнѣнія, что умѣющій читать по книгѣ, можетъ научить всякимъ наукамъ, — была бы у ученика память. Дѣло кончилось тѣмъ, что мусье Кокò изъ ученика великаго Пинетти сдѣлался учителемъ маленькаго Алеши, за триста рублей въ годъ, и съ тѣмъ еще, чтобъ лошадь его кормилась на господскій счетъ. Послѣднее обстоятельство ясно доказывало, что мусье Кокò не совсѣмъ полагался на прочность учительскаго званія и весьма благоразумно разсчитывалъ на прежнее ремесло свое. Алешѣ правились фокусы Карла Адамыча; но, какъ истинному патріоту, вовсе не нравилось предстоящее изученіе языка чужеземнаго. Однако такъ какъ ничего не оставалось болѣе, кромѣ покорности обстоятельствамъ, то бѣдный мальчикъ утѣшалъ себя надеждою—непремѣнно понять хитрые фокусы наставника. Надежда его вполнѣ оправдалась: мусье Кокò предпочелъ практическій способъ ученія теоретическому и началъ учить, забавляя ученика. По немногу открывалъ онъ любознательному мальчику нѣкоторыя тайны своего искусства, училъ его передергивать карты, обманывать глаза проворствомъ и вообще всему, чтò самъ пріобрѣлъ отъ Пинетти. Весь курсъ продолжался на французскомъ языкѣ; но Карлъ Адамычъ былъ чрезвычайно остороженъ въ своихъ урокахъ. По его соображеніямъ, Алеша не менѣе, какъ въ два года, долженъ былъ окончательно изучить секреты волшебной науки; иначе своенрàвный мальчикъ слишкомъ рано отказался бы отъ французскаго языка къ явному ущербу учителя. Тактика артиста удалась вполнѣ: два года онъ блаженствовалъ въ домѣ Арбова, а Алеша между тѣмъ попривыкъ объясняться кое-какъ на антверпенскомъ нарѣчіи къ полному удовольствію своего родителя.

Алеша понялъ и исполнялъ всѣ фокусы очень удовлетворительно; а потому и сталъ смотрѣть на учителя, какъ на соперника, который мѣшалъ ему пользоваться нераздѣльно удивленіемъ дворни. Къ тому же добрый отецъ накупилъ ему множе-

ство французскихъ книгъ, угрожавшихъ ученіемъ и скукою. Умный мальчикъ не потерялъ присутствія духа: онъ поцаловалъ родительскую руку, обѣщалъ учиться прилежно, а самъ задумалъ думу. Вечеромъ явился Алеша въ комнату Карла Адамыча, вооруженный бутылкою рома и бутылкою цимлянскаго.

— Que c'est que celà? спросилъ удивленный и взволнованный французъ, любившій выпить.

— Развѣ вы забыли, что нынче день моего рожденія,—будемъ праздновать.

— Et votre papa?

— Онъ позволилъ, parole d'honneur.

Нетрудно увѣрить человѣка, желающаго вѣрить. Учитель съ ученикомъ скоро приступили къ пирушкѣ; одинъ пилъ ромъ, другой цимлянское и чрезъ часъ оба были въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Учитель мертвецки заснулъ, а ученикъ отправился къ батюшкѣ. Бѣдный отецъ пришелъ въ ужасъ, взглянувъ на сына.

— Алеша! вскричалъ онъ, и не могъ удержаться отъ слезъ.

Сынъ упалъ предъ отцомъ на колѣни и также заплакалъ.

— Папенька, милый папенька, говорилъ онъ:—простите, никогда не буду.... въ первый и въ послѣдній разъ. Накажите меня, я кругомъ виноватъ; Карлъ Адамычъ научилъ меня взять потихоньку бутылку рома и бутылку цимлянскаго,—виноватъ. Наказывайте меня, но лгать и запираться не хочу.

— Встань, мой другъ, сказалъ растроганный отецъ:—твоя откровенность миритъ меня съ тобою. Эй, Ульянъ! Сейчасъ запрягать французову лошадь, уложить француза въ телѣгу со всѣмъ его хламомъ и проводить до первой станціи.

При всей дальновидности, Алеша никакъ не предвидѣлъ столь быстраго и блестящаго успѣха своей продѣлки.

Мирно и счастливо текли дни Алеши подъ родительскимъ кровомъ до семнадцатилѣтняго возраста. Тогда старикъ опредѣлилъ сына въ какой-то полкъ юнкеромъ; но чрезъ годъ опасно занемогъ и вызвалъ его принять послѣднее родительское благословеніе.

— Алеша, говорилъ умирающій отецъ сыну:—оставляю тебѣ порядочное состояніе, нажитое, слава Богу, честными трудами. Еще оставляю тебѣ честное имя, что всего дороже. Служи, не лѣнись; неслужащій дворянинъ посрамленіе самому себѣ. Пуще

всего не забывай церковь Божію и молись о грѣшной душѣ отца, который всегда любилъ тебя.

Старикъ умеръ. Алексѣй Николаичъ думалъ совсѣмъ различно съ покойнымъ отцомъ своимъ. Какъ истинный философъ, онъ разсудилъ, что дорога къ почестямъ весьма неровная и даже опасная, что слава дымъ; что, при помощи нигдѣ незаложенныхъ двухъ-сотъ душъ и порядочнаго капитала, можно жить прекрасно и безъ службы. Притомъ, на псарномъ дворѣ отличныя борзыя, а въ дѣвичьей хорошенькія кружевницы,— чего же еще искать въ службѣ?

Основываясь на такихъ заманчивыхъ фактахъ, Алексѣй Николаичъ отрапортовался больнымъ; но болѣзнь была упорна и онъ, къ полному своему удовольствію, былъ исключенъ, за неявкою, изъ службы.

О томъ, какъ Арбовъ жилъ въ блаженномъ far niente и о томъ, какъ онъ промоталъ до послѣдней крохи отцовское наслѣдіе, я не буду разсказывать: пусть читатель прочтетъ одну изъ современныхъ повѣстей, или пусть внимательнѣй посмотритъ вокругъ себя, иногда и на себя.

Оставшись безъ куска хлѣба, Алексѣй Николаичъ поселился въ домѣ двоюроднаго дядюшки; но дядюшка, ссылаясь на тѣсноту своего дома, поспѣшилъ рекомендовать племянника Ивану Александрычу Кузовлеву, какъ бѣднаго дворянина и остроумнаго компаньона.

Здѣсь Арбовъ началъ тѣмъ, что *откровенно* разсказалъ исторію своего несчастія: ложные друзья пользовались его неопытностью, плутъ староста кругомъ обиралъ его, воры украли наличныя деньги, пожаръ истребилъ векселя и билеты, и проч. Но воспѣвая свою Одиссею, Алексѣй Николаичъ былъ веселъ, сыпалъ шутки и остроты. Ясно, что Арбовъ понималъ людей: говори онъ съ примѣсью вздоховъ и жалобъ, — непремѣнно показался бы скучнымъ; но веселый до наивности разсказъ его о прошлыхъ бѣдахъ произвелъ эффектъ и доставилъ разсказчику названіе добраго малаго. Продолженіе оказалось лучше начала; простосердечіе Арбова не имѣло границъ: онъ удивлялся Кузовлеву, какъ дѣятельному предводителю и проницательному хозяину; онъ падалъ въ прахъ предъ колоссальной ученостью своего патрона, члена Обществъ сельскаго хозяйства и испытателей природы, а на дипломы этихъ Обществъ, данные Кузовлеву, смотрѣлъ съ благоговѣйнымъ восторгомъ. Онъ простодушно не

скрывалъ слезъ при видѣ страданій Анны Петровны и весело прыгалъ, когда она получала облегченіе.

Путешествія на псарню и на конюшню, и выѣзды на охоту доставили Арбову искреннюю дружбу сына Кузовлева Петра Иваныча; а дочерямъ онъ понравился, отпустивъ нѣсколько остротъ насчетъ ихъ гувернантки, которую онѣ терпѣть не могли и которую Алексѣй Николаичъ копировалъ до того похоже, что всѣхъ рѣшительно морилъ сò смѣху.

Время не ослабляло, а увеличивало общую пріязнь къ счастливому компаньону, и когда я вступилъ въ домъ Кузовлева, Арбовъ былъ уже другомъ дома и пользовался настоящимъ положеніемъ, какъ нельзя лучше. Все въ домѣ ему повиновалось, отъ поваренка до управляющаго; даже горделивый французъ и молчаливый нѣмецъ, при утренней встрѣчѣ, предупреждали его поклономъ, хотя въ душѣ терпѣть его не могли. Алексѣй Николаичъ успѣлъ завестись и хозяйствомъ:—Кузовлевъ подарилъ ему тройку лошадей, а управляющій очень дешево сдалъ ему значительное количество излишней господской земли, одолжилъ заимообразно сѣмянъ и много помогалъ въ пашнѣ, посѣвѣ и уборкѣ хлѣба. И счастливъ былъ Алексѣй Николаичъ,—всегда у него урожай былъ превосходный.

III.

Дружеское расположеніе ко мнѣ Арбова увеличивалось съ каждымъ днемъ. Когда я бывалъ свободенъ отъ уроковъ, онъ часто заходилъ ко мнѣ и подòлгу бесѣдовалъ со мною. Почему-то казалось мнѣ, что онъ испытывалъ меня подобно воину, пробующему орудіе, — годно ли оно къ употребленію. Какъ будто сочувствуя Арбову, Кузовлевы и дѣти ихъ день ото дня становились со мною любезнѣе и наконецъ въ одно прекрасное утро я былъ приглашенъ къ туалету хозяина, а это значило, что я сдѣлался домашнимъ человѣкомъ, — почти семьяниномъ. Туалетъ Кузовлева былъ столько же продолжителенъ, сколько оригиналенъ. Онъ никогда не употреблялъ бритвы, но каждый день выстригалъ бороду ножницами, и эта операція продолжалась около двухъ часовъ. Волосы на головѣ были тщательно всегда завиты и выкрашены черною помадой. При туалетѣ обыкновенно присутствовали дѣти, Арбовъ и впослѣдствіи я.

Анекдоты, остроты и плоскости изобильно сыпались для развлеченія Ивана Александрыча, утомленнаго однообразіемъ и продолжительностью стриженія и завиванія. Часто дѣтей удаляли изъ уборной, — и тогда догадливый компаньонъ пускалъ въ ходъ неистощимый запасъ соблазнительныхъ и казарменныхъ анекдотовъ. Нерѣдко дѣлалъ онъ тонкіе намеки насчетъ самого Кузовлева, и такъ умно, такъ кстати упоминалъ о побѣдахъ его, что довольный патронъ улыбался, а иногда благосклонно возражалъ: «Полно вамъ клеветать на меня, Алексѣй Николаичъ; бывало, можетъ быть, кое-что встарину, а теперь куда мнѣ старику—до проказъ ли?» На такое возраженіе Арбовъ или значительно покашливалъ, или очень простодушно заливался громкимъ смѣхомъ.

Постепенно компаньонъ дѣлался со мною откровеннѣе, высказывался яснѣе и между прочимъ довольно отчетливо обрисовалъ мнѣ жизнь и характеръ Кузовлева.

Иванъ Александрычъ Кузовлевъ началъ службу подъ покровительствомъ вельможи высокообразованнаго, опытнаго и дѣятельнаго. Отличаясь блестящими способностями, Кузовлевъ не отличался стойкостью своего характера. Дурное товарищество увлекло его въ разгульную жизнь и охладило къ службѣ. Онъ вышелъ въ отставку и удалился въ наслѣдственное имѣніе, гдѣ буйная и расточительная жизнь скоро разстроила дѣла его. Красавецъ собою, образованный и вкрадчивый, — онъ умѣлъ понравиться богатѣйшей во всей губерніи дѣвушкѣ и не замедлилъ жениться на ней. Анна Петровна отличалась красотою столько же, сколько и удивительной добротою сердца; но эти качества не имѣли никакой цѣны въ глазахъ Кузовлева. Очистя капиталами жены, благородной и довѣрчивой, онъ выкупилъ свое имѣніе, и возвратился къ прежнимъ привычкамъ; а бѣдная жена страдала тѣмъ болѣе, что не умѣла разлюбить его. Сдѣлавшись матерью, она надѣялась, что новое чувство къ ребенку исправитъ его,—но надежда была напрасна. Онъ не позволялъ ей выходить изъ своихъ комнатъ по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ и часто неистовый громъ пирушекъ пробуждалъ и заставлялъ трепетать бѣдную жену и дѣтей среди ночи. Легкій ударъ паралича, поразившій Кузовлева, сдѣлалъ впрочемъ рѣзкую перемѣну въ образѣ жизни его. Докторъ, возвратя ему здоровье, рѣшительно объявилъ, что только строго-трезвая жизнь можетъ

отсрочить на неопредѣленное время послѣдній часъ его. Кузовлевъ навсегда разстался и съ горькою чашей, и съ товарищами пировъ своихъ. Жизнь Анны Петровны стала покойнѣе; но о возможности счастія и думать она отказалась. Она поняла, что не только ей нечего ждать любви отъ мужа, но и дѣтямъ ея нельзя разсчитывать на любовь отца. Сердце Кузовлева умерло для всякой любви: о больной женѣ онъ вспоминалъ только тогда, какъ случайно встрѣчался съ ней; къ дѣтямъ онъ привыкъ также, какъ привыкъ къ ножницамъ и къ черной помадѣ; Арбовъ служилъ ему потѣхой и развлеченіемъ, учители и гувернеры необходимой мебелью. Онъ даже не былъ привязанъ ни къ одной изъ своихъ любовницъ и мѣнялъ ихъ также охотно, какъ прихотливый франтъ мѣняетъ гардеробъ свой. Трудно опредѣлить, скука или честолюбіе понудили его принять на себя должность предводителя; еще труднѣе рѣшить, какой тайный двигатель возбуждалъ въ немъ усердіе къ строгому исполненію своей обязанности,—усердіе, столь несообразное съ прежнимъ его нерасположеніемъ къ службѣ. Хотѣлъ ли онъ заставить людей говорить о себѣ, или усиливался обманывать время, переходя отъ бездѣлья къ дѣлу и отъ дѣла къ бездѣлью? — Кошелекъ его былъ открытъ бѣднымъ; но ни взглядъ, ни слово сострданія не сопровождало милостыню. Онъ не искалъ любви людей, онъ торговался только на ихъ покорность своимъ прихотямъ и щедро платилъ за ловкую лесть, а льстить ему было не трудно, потому что болѣе всего онъ гордился своими пороками. Величали его примѣрнымъ отцомъ, дѣятельнымъ хозяиномъ, ученымъ, великодушнымъ и благороднымъ, — онъ улыбался и тотчасъ перемѣнялъ предметъ разговора; спрашивали его, сколько промоталъ онъ мильоновъ, сколько погубилъ женщинъ и какими чарами сохранилъ силы духа и тѣла,—онъ явно приходилъ въ восторгъ и двусмысленно возражалъ, что слухи все преувеличиваютъ. Онъ былъ уменъ; но очень глупо вѣрилъ лести и достоинствамъ и порокамъ своимъ, онъ не обсуживалъ ни прошлаго своего, ни настоящаго.

Дѣти обожали Анну Петровну, а потому чуждались отца и, ласкаясь по обязанности, питали къ нему только чувство боязни и недовѣрчивости. Они смутно помнили и шумъ пирушекъ, и грубыя выходки пьянаго отца противъ страдающей матери. Къ несчастію, неосторожная мать не только не усыпляла памяти

дѣтей, но въ минуты болѣзненной раздражительности напоминала многое, забытое ими.

— Какъ жаль, Алексѣй Николаичъ, говорилъ я Арбову: — что дѣти знаютъ объ отцѣ гораздо болѣе, чѣмъ слѣдуетъ знать дѣтямъ.

— О чемъ тутъ жалѣть? возражалъ онъ: — дѣти давно ужь вышли изъ пеленокъ и глаза ихъ едва ли не болѣе зорки, чѣмъ мои и ваши; вы еще не знаете этихъ дѣтей, особенно Петрушу. Петруша, можетъ быть, ждетъ не дождется той минуты, когда получитъ возможность идти по стопамъ своего родителя.

IV.

Благодаря удачному выбору кормилицъ и нянекъ, дѣти развились въ цвѣтѣ здоровья и силы. Какъ бы наперекоръ русской пословицѣ: «*у семи нянекъ, дитя всегда безъ глаза*», — всѣ тѣлесные члены дѣтей Кузовлевыхъ сохранились въ цѣлости, не смотря на изобиліе нянюшекъ русскихъ и нѣмецкихъ. Не менѣе удаченъ былъ выборъ и просвѣтителей ума ихъ.

Густавъ Львовичъ Дулье обладалъ обширными и разнообразными свѣдѣніями и прекрасной методой преподаванія. Въ четыре года онъ обогатилъ дѣтей, сообразно съ ихъ возрастомъ, довольно основательными познаніями въ исторіи, географіи, математикѣ и французскомъ языкѣ. Нѣмецъ докторъ тоже не потерялъ напрасно времени: Карлъ Карлычъ Янъ родился въ Россіи, росъ подъ надзоромъ русской няньки, учился въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ; а потому очень естественно, что онъ сроднился съ языкомъ русскимъ и любилъ его едва ли не болѣе отечественнаго. Очень понятны теперь причины успѣшнаго изученія языковъ нѣмецкаго и русскаго. Приходскій священникъ читалъ дѣтямъ Законъ Божій и Св. Исторію; въ томъ и другомъ успѣхи были весьма удовлетворительны. Однимъ словомъ, безъ всякаго участія со стороны родителей, дѣти учились многому и обѣщали еще болѣе въ будущемъ, обладая счастливыми способностями и имѣя учителей свѣдущихъ и добросовѣстныхъ.

Но какъ замѣтно было отсутствіе родительскаго участія въ разработкѣ ума и сердца дѣтей! Всѣ знанія ихъ были вѣрны и точны, но безплодны; они учились и съ охотою, и съ успѣхомъ,

но не постигали истинной цѣли ученія. Такъ принято, такъ должно, смѣшно и стыдно быть невѣждою, — вотъ все, что подстрекало ихъ прилежаніе. Изучая Св. Исторію, они питали жадное любопытство, простодушно удивлялись чудесному; но нисколько не сочувствовали умилительнымъ дѣяніямъ надѣявшихся, любившихъ и вѣровавшихъ. Правда, что священникъ много говорилъ имъ о подражаніи святымъ примѣрамъ; но дѣти не догадывались, что можно подражать святымъ, не нося хитоновъ, не питаясь одними овощами и не удаляясь въ пустыни. Они знали наизусть Катихизисъ и Священную Исторію, но истинно-религіознаго чувства въ нихъ не было, потому что не мать учила ихъ молиться. Учитель успѣшно дѣйствовалъ на умъ дѣтей; но сердца ихъ мужали вдали отъ сердца матери, не согрѣваясь теплотою ея внушеній. Убитая нравственно и физически, Анна Петровна рѣдко и, слѣдовательно, неуспѣшно дѣйствовала на сердца дѣтей своихъ; а отецъ и то хорошо дѣлалъ, что таилъ отъ нихъ свои понятія. Естественнымъ результатомъ подобнаго положенія дѣлъ былъ ощутительный недостатокъ и опасный холодъ нравственнаго воспитанія.

Постоянная общительность съ мужчинами, при отсутствіи женщинъ, наложила рѣзкій отпечатокъ на образъ мыслей, слова и манеры дѣвочекъ. Madame Дульс была женщиной только по виду, а не по чувствамъ; въ манерахъ ея было много кокетства при явномъ отсутствіи изящества; а потому она, еслибъ и желала, не могла ослабить вліянія мужчинъ на манеры ввѣренныхъ ей воспитанницъ. Голосъ ихъ былъ громокъ, взглядъ черезъ чуръ смѣлъ, разговоръ ихъ не рѣдко даже смущалъ меня своимъ цинизмомъ. Удалой компаньонъ очень любилъ вызывать ихъ на смѣлыя выходки и очень радовался, что онѣ не принадлежатъ къ числу тѣхъ старинныхъ скромницъ, которыми и досихъ поръ еще изобилуетъ наше отечество. Дѣвочки били *коварнаго льстеца* по рукамъ, но охотно вѣрили ему и съ гордостью называли себя амазонками. Только сильное потрясеніе ума или сердца могло дать другое, болѣе счастливое направленіе страннымъ убѣжденіямъ неопытныхъ дѣвочекъ.

V.

Петру Иванычу минулъ семнадцатый годъ, и начались приготовленія къ его отъѣзду въ Петербургъ для поступленія въ Юнкерскую школу. Чѣмъ ближе подходило время отъѣзда, тѣмъ грустнѣе дѣлалась мать; но отецъ съ сыномъ или не хотѣли обнаружить тайныхъ чувствъ своихъ, или близкая разлука казалась имъ недостаточнымъ поводомъ печалиться. Наканунѣ отъѣзда мать почти не отпускала отъ себя милаго Петрушу и слезы не высыхали па болѣзненномъ лицѣ ея; но Петруша былъ твердъ и съ холодной разсудительностію доказывалъ необходимость разлуки, къ которой должно было готовиться заранѣе. Сестры громко мечтали о томъ, какъ брату ихъ будетъ весело въ столицѣ. Отецъ сидѣлъ за вистомъ и горячо доказывалъ доктору важность ошибки сдѣланнаго имъ хода. Сильный припадокъ болѣзни заставилъ Анну Петровну удалиться въ свою комнату; а Петръ Иванычъ пригласилъ Арбова и меня сдѣлать послѣднюю прогулку въ конюшню и на псарный дворъ. Очень краснорѣчиво просилъ молодой Кузовлевъ Арбова беречь его любимыхъ собакъ и лошадей и обѣщалъ за то полную свою признательность.

— Вы знаете, Алексѣй Николаичъ, заключилъ онъ рѣчь свою: — вы знаете, что собаки и лошади страсть моя, вотъ почему я такъ усердно и прошу васъ позаботиться о нихъ.

Арбовъ съ чувствомъ увѣрялъ въ своей готовности сдѣлать все угодное Петру Иванычу и охотники пожали другъ другу руки. При уходѣ съ псарнаго двора, мнѣ послышалось, что Петръ Иванычъ вздохнулъ и, кажется, я не ошибся, нѣсколько разъ онъ оглядывался назадъ, пока псарня не скрылась изъ виду. На другой день Петръ Иванычъ, простясь безъ слезъ и вздоховъ съ родителями и сестрами, уѣхалъ изъ отчаго дома. Дулье отправился съ нимъ въ качествѣ ментора до вступленія его въ школу.

Много дней послѣ того никто не видалъ Анну Петровну, — она уединилась въ свою комнату, чтобъ молиться и плакать. Бѣдная мать!... не начинала ли она разгадывать своего сына?...

Иванъ Александрычъ былъ вѣренъ себѣ и очень рѣдко вспоминалъ объ отсутствующемъ сынѣ; да впрочемъ ему было вовсе не до того. Разъ, во время завтрака, онъ очень внимательно

смотрѣлъ на мадамъ Дюльо и, когда она съ дѣвицами удалилась, сказалъ съ одушевленіемъ.

— Да гдѣ же были, чортъ возьми, глаза-то мои? Вѣдь Клариса Ѳедоровна очень не дурна.

Клариса Ѳедоровна была дѣйствительно не дурна: свѣжій цвѣтъ лица, пурпуровыя губы, прекрасныя плечи и высокая, не совсѣмъ скромно закрытая грудь, — все это давало ей справедливое право стать въ ряду очень красивыхъ тридцатилѣтнихъ женщинъ. Скоро Клариса Ѳедоровна приняла значительный видъ и голосъ ея, болѣе, чѣмъ на цѣлый тонъ, поднялся выше. Отношенія ея къ доктору и ко мнѣ остались прежними; но съ Арбовымъ начала она обходиться горделиво и холодно.

— Чѣмъ разсердили вы француженку? спросилъ я Арбова.

— Я очень рѣдко говорю съ ней, отвѣчалъ онъ.

— Но она очень перемѣнилась къ вамъ.

— Она постоянно меня ненавидѣла.

— Я этого не замѣчалъ.

— Вы немножко близоруки: и француженка, и мужъ ея, и докторъ, и управляющій, и всѣ, отъ камердинера до поваренка, всѣ готовы съѣсть меня.

— Но что̀ вы сдѣлали имъ?

— Ничего. Я пользуюсь расположеніемъ и довѣренностію хозяевъ, вотъ причина всеобщей ненависти ко мнѣ. Теперь смотрятъ на меня, кто ласково, кто подобострастно; при другихъ обстоятельствахъ всѣ сейчасъ отвернутся отъ меня, да еще и оскорбятъ въ добавокъ. Француженка высказалась первая: двѣ, три секретныя прогулки съ Иваномъ Александрычемъ въ китайскую бесѣдку подняли ее на дыбы; но она глупа, не понимаетъ ни меня, ни Кузовлева. Часъ ея близокъ, — увидите.

— О чемъ такое жаркое объясненіе?... спросила Елизавета Ивановна, подойдя къ намъ.

— Мы говорили о Кларисѣ Ѳедоровнѣ, отвѣчалъ Арбовъ.

— Правду сказать, есть о чемъ говорить, замѣтила дѣвушка съ пренебреженіемъ.

— Тише, тише, сказалъ Арбовъ: — она можетъ услышать.

— Пусть слышитъ, — чтожь такое! мнѣ кажется, что я ужь не ребенокъ.

И дѣйствительно — она была ужь не ребенокъ: ей было пятнадцать лѣтъ; а на видъ казалось гораздо болѣе. Ни малѣйшихъ признаковъ дѣтства не оставалось на прекрасномъ лицѣ

ея: глаза метали искры, щеки горѣли, но не румянцемъ ребячества, а огнемъ будущихъ страстей. Высокая грудь ея неохотно покорялась корсету и рвалась на свободу.

— И вамъ, и мнѣ кажется, что вы ужь не ребенокъ, сказалъ Арбовъ, пожирая ея глазами: — но Клариса Ѳедоровна думаетъ иначе.

— Не говорите мнѣ о ней, замѣтила Елизавета Ивановна: — я очень зла на нее.

— А смѣю ли спросить, за что такая немилость?

— Вовсе не секретъ: она вздумала дѣлать мнѣ наставленія и говорить, что я позволяю себѣ слишкомъ вольное обращеніе съ вами.

— Исправьтесь, — и не будете получать выговоровъ.

Иронія Арбова была искрой, брошенной въ порохъ: Елизавета Ивановна вздрогнула, въ глазахъ ея сверкнулъ огонь гнѣва. Въ душѣ я соглашался съ справедливостью замѣчанія гувернантки; но эти замѣчанія произнесены были, кажется, поздно. Вечеромъ того же дня во время чая, котораго Кузовлевъ никогда не пилъ и часъ котораго обыкновенно проводилъ въ уединеніи, Елизавета Ивановна была необыкновенно любезна съ Арбовымъ, любезнѣе чѣмъ когда нибудь. Но эта любезность замѣтно не нравилась гувернанткѣ, догадавшейся, вѣроятно, что ее хотятъ побѣсить. Шутки Елизаветы Ивановны съ каждой минутой становились свободнѣй, и начали пугать даже неробкаго компаньона нескромной рѣзкостью. Долго крѣпилась разгнѣванная гувернантка, она то краснѣла, то блѣднѣла; наконецъ не выдержала и съ холодной важностью подошла къ Елизаветѣ Ивановнѣ.

— M-lle Lise, сказала она ей по французски: — вы ведете себя неприлично.

Своенравная дѣвушка вспыхнула, — она только и ждала выговора.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, отвѣчала она.

— Я говорю, что вы ведете себя несообразно съ правилами благовоспитанной дѣвушки.

— А я прошу васъ однажды навсегда въ мои дѣла не вмѣшиваться.

— И это вы говорите мнѣ, — вашей гувернанткѣ, — мнѣ?

— Да. Прошу васъ помнить, что съ этой минуты я не признаю васъ болѣе своей гувернанткой и навсегда отказываюсь отъ вашихъ уроковъ и трогательныхъ поученій.

— Но такое распоряженіе должна я выслушать отъ кого нибудь по старше васъ.

— Дѣлайте, что знаете, мадамъ Дулье; не забудьте только моего честнаго слова, что никакая сила не измѣнитъ моего намѣренія оставить васъ въ покоѣ. Впрочемъ, попробуйте на меня пожаловаться: можетъ быть, въ настоящее время, вы будете имѣть успѣхъ.

— Жаловаться на васъ я считаю недостойнымъ самой себя; но я должна буду вовсе отказаться отъ чести жить въ вашемъ домѣ.

— Это до меня нисколько не касается и я бы солгала, еслибъ стала увѣрять васъ, что приду въ отчаяніе разставаясь съ вами. Но я не имѣю болѣе времени продолжать съ вами пріятный разговоръ, у меня теперь музыкальный урокъ; да и вы въ воинственномъ расположеніи противъ меня позабыли о вашей вечерней прогулкѣ,—посмотрите-ка въ окно: папа давно ужъ ждетъ васъ на дорожкѣ къ китайской бесѣдкѣ, отъ которой ключъ у васъ въ карманѣ; не заставляйте же его ждать, мадамъ Дулье.

Этотъ неожиданный ударъ ошеломилъ Кларису Θедоровну. Нѣсколько минутъ она оставалась неподвижною и не мигнула глазомъ; только ея могучая грудь усиливалась разорвать легкія складки корсажа. Никто, кромѣ Арбова, не могъ передать дочери свѣдѣнія о соблазнительныхъ прогулкахъ отца съ гувернанткой. Меня поразила дерзость компаньона, но не знаю, жалѣлъ ли я, или осуждалъ Елизавету Ивановну, шагнувшую слишкомъ далеко за черту дѣвической стыдливости.

Скоро явился Иванъ Александрычъ, замѣтно чѣмъ-то недовольный. Всегда и во всемъ онъ былъ деспотъ: Клариса Θедоровна не вышла на условленную прогулку и зато разрывъ съ нею былъ рѣшенъ въ головѣ Кузовлева, непризнававшаго никакихъ препятствій, когда дѣло касалось его прихоти.

— Разговоръ вашъ былъ, вѣроятно, очень занимателенъ, сказалъ онъ, ни къ кому собственно не обращаясь.

— Мы разсуждали и даже немного поспорили съ Кларисой Θедоровной, отвѣчала Елизавета Ивановна.

— Очень интересно узнать — о чемъ?

— О скукѣ и однообразіи деревенской жизни; мы очень несчастливы, — въ пять лѣтъ не умѣли заставить Кларису Ѳедоровну хоть немного забыть о Петербургѣ.

— Такъ Клариса Ѳедоровна скучаетъ о Петербургѣ?

— Быть можетъ, и о мужѣ вмѣстѣ съ Петербургомъ, отвѣчала Елизавета Ивановна съ ироніей.

Кузовлевъ позвонилъ и отрывисто проговорилъ вошедшему лакею.

— Завтра долженъ быть готовъ дорожный экипажъ. Ты на почтовыхъ проводишь Кларису Ѳедоровну въ Петербургъ, или — куда она прикажетъ.

Блѣдная, полуживая гувернантка удалилась въ свою комнату. Я не хотѣлъ и не могъ разсуждать, кто былъ правъ и кто виноватъ; но сцена, разъигранная передо мною, непріятно перепутала всѣ мысли мои. Чтобъ освѣжить голову, я ушелъ въ садъ и долго бродилъ тамъ безъ цѣли. Вдругъ кто-то взялъ меня за руку и я съ изумленіемъ увидѣлъ передъ собою Кларису Ѳедоровну.

— Ради Бога, сказала она, вручая мнѣ запечатанное письмо: — отдайте это г. Кузовлеву тотчасъ послѣ моего отъѣзда.

И не дожидаясь отвѣта, торопливо ушла.

На другой день она уѣхала и никто ни слова не сказалъ о ней.

Клариса Ѳедоровна, словно, не существовала въ домѣ Кузовлева.

VI.

Что̀ мнѣ дѣлать съ этимъ письмомъ, думалъ я, повертывая его въ рукахъ; имѣю ли я право передать его по назначенію, и захочетъ ли еще Кузовлевъ читать его, и не сдѣлаетъ ли мнѣ справедливаго выговора за неумѣстную услужливость женщинѣ, которой онъ отказалъ отъ дома? Что̀ можетъ содержать въ себѣ это таинственное письмо?... Какую нибудь глупую сплетню разсерженной женщины. Мысли мои были прерваны внезапнымъ приходомъ Арбова.

— Что вы такъ задумались надъ этимъ письмомъ? спросилъ онъ, пристально смотря на адресъ: — ба! почеркъ мнѣ кажется знакомъ.

— Долго думать тутъ нечего, сказалъ Арбовъ, взявъ изъ рукъ моихъ письмо и съ хладнокровной осторожностью распечатывая его: — вмѣсто Ивана Александрыча мы прочтемъ его сами.

— Но какое же право....

— Перестаньте, любезный Александръ Васильичъ, говорить пустяки; прочесть романическія бредни съумасшедшей женщины вовсе не преступленіе, а кромѣ глупостей тутъ вѣрно ничего нѣтъ.

Алексѣй Николаичъ вслухъ прочелъ слѣдующее, написанное, разумѣется, по-французски: «Милостивый государь! оставляя почтенный домъ вашъ совершенно неожиданно, я не успѣла сказать вамъ и двухъ словъ. Благодарю васъ за все. Мнѣ остается жалѣть, что я худо васъ знала; а вамъ скоро придется раскаяваться въ потерѣ преданной вамъ женщины, присутствіе которой, въ настоящее время, болѣе для васъ необходимо, чѣмъ вы думаете. К. Д.».

— Не говорилъ ли я вамъ, что въ письмѣ, кромѣ вздора, ничего быть не можетъ, сказалъ Арбовъ, улыбаясь: — но если совѣсть ваша слишкомъ деликатна, то я постараюсь ее успокоить,—увидите.

На слѣдующее утро во время туалета, Кузовлевъ спросилъ календарь, въ которомъ часто записывалъ кое-что на память. Развернувъ его, онъ былъ очень изумленъ найденнымъ въ немъ письмомъ, которое я тотчасъ узналъ, и которое, благодаря искусству Арбова, было запечатано какъ нельзя исправнѣй. Кузовлевъ тотчасъ узналъ почеркъ адреса, сорвалъ печать и, не взглянувъ на письмо, передалъ его парикмахеру: это было безмолвное приказаніе употребить письмо на папильотки, что и было немедленно исполнено. Арбовъ съ улыбкой взглянулъ на меня и началъ очень занимательный разсказъ о томъ, какъ нѣкто Семенъ Семенычъ и нѣкто Карпъ Карпычъ путешествовали въ разныя страны свѣта, не выходя изъ комнаты. Путешествіе совершалось очень замысловато вокругъ разставленныхъ столовъ, изъ которыхъ каждый носилъ названіе или государства, или провинціи, или острова, или города. Столъ съ русской водкой назывался Россіей, съ чаемъ — Китайской имперіей, съ ромомъ — Ямайкой, съ портеромъ — Англіей и т. п. Путешественники рыскали по бѣлу свѣту неутомимо и очень весело до

тѣхъ поръ, пока ноги не отказывались служить имъ. Оканчивалось путешествіе обыкновенно въ Константинополѣ, то-есть на турецкихъ диванахъ; но иногда встрѣчались на пути непобѣдимыя препятствія, или ноги отказывались служить по причинѣ усталости, въ такомъ случаѣ путешественники предавались крѣпкому отдохновенію, или подъ сѣнію Ямайки, или подъ туманами Англіи, — рѣдко подъ чайнымъ деревомъ.

VII.

Съ нѣкотораго времени Кузовлевыхъ началъ очень часто посѣщать Андрей Петровичъ Щетининъ. Онъ сдѣлался чуть не каждодневнымъ ихъ гостемъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, ротмистръ въ отставкѣ, съ прекраснымъ состояніемъ; онъ былъ высокъ ростомъ, хорошъ собою, говорилъ вообще мало и слушалъ внимательно. Хозяинъ былъ всегда радъ ему, какъ хорошему партнеру въ вистѣ; Анна Петровна отличала его, какъ умнаго, образованнаго и богатаго молодаго человѣка и, можетъ быть, надѣялась пріобрѣсть въ немъ добраго мужа для старшей дочери своей. Елизавета Ивановна очень часто говорила съ нимъ, но смѣлая всегда и со всѣми, она какъ будто боялась его. Когда онъ, занятый чѣмъ нибудь, не обращалъ на нее вниманія, она смотрѣла на него съ такимъ жаднымъ любопытствомъ, съ какимъ развѣ только Лафатеръ изучалъ замѣчательныя физіономіи; но при первомъ взглядѣ, при первомъ словѣ его приходила въ смущеніе.

Отношенія Щетинина къ Арбову были очень загадочныя. Оба они неутомимо наблюдали другъ за другомъ. Я понималъ, что между ними существуетъ какая-то скрытная борьба; но какая?—рѣшить было невозможно. Если Щетининъ имѣлъ виды на Елизавету Ивановну, то ни по какимъ даннымъ не могъ подозрѣвать въ Арбовѣ соперника. Арбову за сорокъ лѣтъ, Арбовъ, промотавшійся помѣщикъ, жалкій компаньонъ, почти недоросль, слѣдовательно, Арбовъ лишенъ всѣхъ правъ простирать дерзкіе виды на богатую, молодую и прекрасную дочь Кузовлева. Чѣмъ болѣе старался я разгадать, какое яблоко раздора лежитъ между людьми, идущими совершенно по различнымъ дорогамъ, тѣмъ болѣе терялся въ догадкахъ.

Старинный процессъ требовалъ присутствія Кузовлева въ Москвѣ и Петербургѣ. Арбовъ долженъ былъ слѣдовать за нимъ; но ему не хотѣлось разстаться съ деревней, онъ сказался больнымъ. Кузовлевъ просилъ доктора заняться внимательнѣй болѣзнью; но докторъ пожималъ плечами.

— Такъ болѣзнь его опасна? спросилъ Кузовлевъ.

—Она не опасна, отвѣчалъ докторъ;—но можетъ быть продолжительна.

— А какого рода это болѣзнь? спросилъ Щетининъ, когда Кузовлевъ вышелъ.

— Желаніе остаться въ деревнѣ, отвѣчалъ Янъ, улыбаясь.

— Въ такомъ случаѣ будьте покойны, сказалъ Щетининъ: — я вылечу его очень скоро; Александръ Васильичъ, навѣстимте больнаго.

Арбовъ лежалъ, закутавшись въ одѣяло, и охалъ. На вопросъ Щетинина о состояніи его здоровья, онъ слабымъ голосомъ отвѣчалъ: «худо».

— Но, почему же вы не требуете помощи доктора?

— Что дѣлать, не могу побѣдить глупаго предубѣжденія противъ ихъ теорій.

— Но вашу болѣзнь и я даже понимаю.

— Право?... Какъ же такъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что ее понять легко, а объяснять трудно; но могу увѣрить васъ, что если я, по дружбѣ къ вамъ, предложу доктору порядочную плату, онъ не замедлитъ объяснить вашу болѣзнь всѣмъ.

— Не понимаю, чтò вы хотите сказать, возразилъ Арбовъ.

— Я хочу сказать, что Янъ, какъ нельзя лучше, понимаетъ вашу болѣзнь, и за хорошую плату не откажется быть съ Кузовлевымъ откровеннѣе, чѣмъ теперь. Вотъ и все. До свиданія.

Щетининъ ушелъ. Арбовъ долго молчалъ, о чемъ-то думалъ, на что-то рѣшался, и наконецъ сказалъ мнѣ:

— Александръ Васильичъ, нечего дѣлать, я поѣду въ Москву; но если вы заботитесь о своихъ выгодахъ, то для этого позаботьтесь сначала о моихъ — и вы не раскаетесь.

— Что вы хотите сказать? спросилъ я.

— Я скажу вамъ много въ немногихъ словахъ, только не будьте ребенкомъ и выслушайте меня. Вѣдь вы человѣкъ не богатый?

— Да.

— Продайте же мнѣ одну неважную услугу, я заплачу за нее дорого.

— Что жь это за услуга, и въ состояніи ли я....

— Разумѣется, иначе я не просилъ бы васъ: дѣло только въ томъ, чтобъ Щетининъ въ мое отсутствіе не слишкомъ сближался съ Лизаветой Ивановной. — Понимаете?

— Но, кажется, не только мнѣ, и вамъ-то вовсе нѣтъ дѣла до Щетинина и до Лизаветы Ивановны; и какъ же могу я мѣшать имъ сблизиться, если они вздумаютъ сблизиться?

— Вамъ не нужно разгадывать тайныя причины моего страннаго желанія, разсчитывайте только собственныя выгоды; а маленькіе труды ваши не пропадутъ даромъ.

— Какіе же труды?

— Возьмите на себя терпѣніе раздѣлять уединенныя бесѣды Щетинина съ Лизаветой Ивановной.

— Но вѣдь это шпіонство?

— Это услуга, за которую вамъ будутъ вполнѣ благодарны. Говорите же, на что̀ вы рѣшились?

Я рѣшился сказать: — я хоть бѣднякъ, но, кажется, почестнѣе васъ.

— Это послѣднее ваше слово?

— Послѣднее, до свиданія!

— Ну хорошо же, мы сочтемся съ вами, проворчалъ мнѣ вслѣдъ Арбовъ.

На другой день Арбову стало лучше, а чрезъ недѣлю онъ уѣхалъ съ своимъ патрономъ въ Москву.

VIII.

По отъѣздѣ Кузовлева, Щетининъ имѣлъ болѣе случаевъ говорить съ Елизаветой Ивановной, и не терялъ времени даромъ. Хотя они ни сколько не избѣгали постороннихъ, но послѣ страннаго предложенія Арбова, опасаясь сдѣлаться, хотя нечаянно, шпіономъ, я вовсе не наблюдалъ за ними. Однакожь я успѣлъ замѣтить, что Елизавета Ивановна неравнодушна къ Щетинину. Но, странно, съ каждымъ днемъ она дѣлалась задумчивѣй и печальнѣй. Она не имѣла причинъ думать, что Щетининъ не со-

чувствуетъ ей, — его глаза краснорѣчиво говорили противное. Гдѣ же таился зародышъ ея непонятной грусти?

Я часто пытался разрѣшить этотъ вопросъ, но не находилъ ни одной точки, на которой могли бы опереться мои сбивчивыя догадки.

— Сестра моя постоянно о чемъ-то груститъ, сказала мнѣ сестра Елизаветы Ивановны, Ольга Ивановна, о которой я до сихъ поръ не сказалъ почти ни слова читателю.

— Грусть Лизаветы Ивановны очевидна, отвѣчалъ я.

— А замѣчаете ли вы, что и мнѣ не весело?

— Иначе и быть не можетъ, — вы любите сестру свою,

— Правда, я отъ всего сердца люблю Лизу, и хотѣла бы развеселить ее; но у меня, какъ и у ней, есть свое горе.

Ольга Ивановна сквозь слезы договорила послѣднія слова и ушла.

Кто бы узналъ теперь двухъ сестеръ-амазонокъ, беззаботныхъ и непокорныхъ? Куда дѣвалась ихъ буйная веселость? Отчего измѣнилась ихъ смѣлая поступь? Гдѣ эти глаза, незащищавшіеся рѣсницами ни отъ одного наглаго взгляда? Какой-то таинственный переворотъ совершился въ духовной организаціи обѣихъ сестеръ, и рѣшительно измѣнялъ ихъ характеръ и наружность.

Между тѣмъ, Анна Петровна Кузовлева получила очень странное письмо отъ Арбова изъ Москвы. Арбовъ, «безгранично преданный Аннѣ Петровнѣ и дѣтямъ ея, поставилъ себѣ въ святую обязанность» предупредить, что Иванъ Александрычъ слишкомъ коротко познакомился въ Москвѣ съ молоденькой вдовою, не разстается съ ней, дѣлаетъ огромныя траты и даже рѣшился купить ей въ уѣздномъ городѣ домъ, чтобъ изъ деревни ѣздить къ ней и дѣлить съ ней свои досуги, и проч., и проч.

Это письмо привело въ страхъ и недоумѣніе бѣдную Анну Петровну. Арбову она вѣрила, считая его однимъ изъ честнѣйшихъ и преданнѣйшихъ ей людей; но извѣстная непостоянность Ивана Александрыча въ сердечныхъ связяхъ дѣлала донесеніе Арбова почти невѣроятнымъ.

Люди мѣняются часто подъ старость, особенно въ дѣлахъ волокитства: съ потерей силъ и цвѣтущей наружности, они легко поддаются обаянію хитрыхъ женщинъ, возбуждающихъ въ нихъ наглымъ кокетствомъ полуумершія желанія, и умѣющихъ

тонко льстить ихъ пошлому самолюбію. Старикъ съ развращеннымъ воображеніемъ наслаждается каждое изъ своихъ возбужденій и почти всегда дѣлается рабомъ хитрой кокетки, умѣющей разжигать утухающую чувственность. Предъ обнаженнымъ соблазномъ онъ преклоняетъ колѣни.

Письма знакомыхъ къ Щетинину подтверждали справедливость донесенія Арбова; но въ этихъ письмахъ Арбова обвиняли въ сближеніи Кузовлева съ московскою кокеткою. Щетининъ показалъ мнѣ письма, явно обвинявшія въ этомъ компаньона; но Щетининъ ни слова не сказалъ о нихъ Аннѣ Петровнѣ, онъ зналъ ея вѣру въ честность Арбова.

— Только время и очевидныя обстоятельства могутъ сорвать съ него маску, говорилъ мнѣ Щетининъ:—онъ человѣкъ, готовый, можетъ быть, на злодѣйство, но обвинять его теперь—значитъ укрѣплять его въ довѣріи бѣдной матери семейства.

— Въ какомъ же злодѣйствѣ вы подозрѣваете его? спросилъ я.—Онъ лукавъ, корыстолюбивъ, низокъ; но едва ли довольно рѣшителенъ, чтобъ сдѣлаться злодѣемъ.

— Можетъ быть, отвѣчалъ Щетининъ:—вы и правы; но мнѣ сдается, что въ головѣ его растутъ большіе замыслы, и что для достиженія своихъ цѣлей онъ готовъ употребить, если не употребилъ уже, всевозможныя средства.

— Не слишкомъ ли далеко простираете вы свои подозрѣнія?

— Дай Богъ, чтобъ я обманулся!

IX.

Процессъ кончился скорѣе, чѣмъ надѣялся Кузовлевъ, и кончился въ его пользу. Стали ожидать его возвращенія. Между тѣмъ въ уѣздный городъ пріѣхала какая-то молодая вдова Татьяна Григорьевна Щемина, купила домъ, великолѣпно его украсила, и зажила роскошно. Уѣздная сплетница Марина Михайловна Ковылина успѣла съ ней познакомиться и не замедлила всѣмъ разгласить, что Татьяна Григорьевна очаровательная женщина, красавица, любезная хозяйка, умѣетъ принять, умѣетъ угостить и можетъ служить примѣромъ во всѣхъ отношеніяхъ. Наконецъ возвратился и Кузовлевъ. Семейная жизнь его и всѣ привычки остались прежнія; онъ только очень часто сталъ

ѣздить въ городъ, чего прежде не дѣлалъ. Мы скоро увидимъ причины и слѣдствія этихъ поѣздокъ.

Я не люблю ужасающихъ сценъ въ романахъ, когда они сочинены и выдуманы, но то, что я долженъ разсказывать, не моя фантазія. Все это случилось въ дѣйствительности, — все это сущая истина, и читатель не имѣетъ ни малѣйшаго права упрекнуть меня въ желаніи мелодраматизировать мой разсказъ. Я далекъ отъ этой мысли....

Однажды (вскорѣ послѣ возвращенія Кузовлева изъ Москвы), мы съ Щетининымъ отправились удить рыбу. Въ серединѣ сада протекала рѣчка, чрезъ которую переброшенъ былъ мостъ, съ китайской бесѣдкой. Подъ этимъ мостомъ изобильно ловилась разнаго рода мелкая рыба, и мы съ Щетининымъ очень часто удили тутъ. Такъ случилось и теперь. Уженье наше шло удачно, намъ было весело и мы никакъ ничего не предчувствовали.

На мосту послышались шаги, и мы услышали голосъ Елизаветы Ивановны. Щетининъ, при первыхъ словахъ, произнесенныхъ ею, блѣдный и взволнованный, помертвѣлъ, какъ будто она произнесла его смертный приговоръ.

— Вы хотѣли со мною видѣться, сказала Елизавета Ивановна: — вы хотѣли со мною говорить, ну вотъ я пришла — говорите.

— Вы услышали мою просьбу, отвѣчалъ Арбовъ: — и это даетъ мнѣ надежду, что вы не навсегда разсердились на меня.

— Я сама безъ вашей просьбы искала случая сказать вамъ, что вы... подлецъ!

— Лизавета Ивановна!

— Вы болѣе, чѣмъ подлецъ: можетъ быть ни одинъ языкъ въ мірѣ не имѣетъ довольно сильнаго слова, которое могло-бы, выразить всю степень вашей низости.

— Но отчего такая перемѣна? — Предъ отъѣздомъ моимъ въ Москву....

— Предъ отъѣздомъ вашимъ въ Москву и прежде я была дѣвочка, которую вы могли обманывать, сколько хотѣли; а теперь я женщина, вполнѣ понимающая вашу низость и свой позоръ.

— Понятно, что нерасположеніе ко мнѣ Щетинина.... забормоталъ Арбовъ.

— Не смѣйте говорить мнѣ о Щетининѣ; онъ такъ же благороденъ, какъ вы низки. Вы встрѣтили дѣвочку, лишенную надзора матери. Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ вы старались убить въ этой дѣвочкѣ всякое чувство стыда. Вы возбуждали ея любопытство, разжигали ея страсти, — безъ участія сердца, и я, не понимая ничего, улыбалась вамъ....

Щетининъ крѣпко прижался лицомъ къ густой травѣ, чтобъ заглушить стонъ.

— Но поймите покрайней мѣрѣ, сказалъ Арбовъ: — что если я виноватъ, то причиной тому моя необузданная любовь.

Елизавета Ивановна захохотала.

— Это вы говорите въ первый разъ, сказала она; — еслибъ я тогда любила кого-нибудь, хоть бы даже васъ, то вѣрно теперь не стыдилась бы самой себя. Повторяю вамъ, что я ужь не дѣвочка. Я поняла всю вашу низость въ отношеніи меня. Я была еще ребенкомъ, а вы ужь мысленно назначили меня себѣ женою. Вамъ нужно было мое приданое. У васъ много предусмотрительности, еще болѣе терпѣнія, въ достиженіи вашихъ плановъ; но, погубя меня, вы ничего не выиграли. Вы успѣли бы, можетъ быть, еслибъ я не встрѣтила человѣка, къ которому привязалась всѣми силами души: любовь-то и сдѣлала меня женщиной. Тогда-то мнѣ представилось ясно все. Надо же было судьбѣ натолкнуть меня на такого бездушнаго человѣка!... о, Боже мой! страшно подумать, въ какомъ я положеніи.

Елизавета Ивановна зарыдала.

— Послушайте, сказалъ Арбовъ послѣ долгаго молчанія: — повѣрьте, что всѣ мы ко всему на свѣтѣ привыкаемъ, — и вы можете привыкнуть даже ко мнѣ; а я увѣряю васъ честью, что удовольствія свѣта и свобода замужней женщины, свобода, которую я вполнѣ вамъ обѣщаю, — все это вмѣстѣ скоро исцѣлитъ скорбь вашу. Подумайте и убѣдитесь, что вамъ осталось одно только средство выйти изъ вашего положенія: пріобрѣсть снисходительнаго мужа, который бы, за цѣну своихъ личныхъ выгодъ, продалъ вамъ полное право наслаждаться согласно съ потребностями вашего сердца.

— Говорите, говорите, я заслужила все это, рыдая сказала несчастная дѣвушка: — но вотъ вамъ мое послѣднее слово: если звукомъ, или взглядомъ вы выразите мнѣ ваши надежды, я тотчасъ все разскажу отцу, а тамъ пусть будетъ, чему должно

быть. Вы хорошо знаете, что мои обѣщанія не на водѣ пишутся, подите же отъ меня прочь!

Арбовъ молча ушелъ, а Щетининъ, сдѣлавши мнѣ знакъ, чтобъ я оставался на мѣстѣ, выбѣжалъ изъ-подъ моста въ бесѣдку.

— Лизавета Ивановна, сказалъ онъ ей: — позвольте мнѣ сказать вамъ два слова.

— Я слушаю, отвѣчала она голосомъ, выражавшимъ ея тревожное состояніе и испугъ отъ такого нечаяннаго появленія.

— Я люблю васъ, продолжалъ Щетининъ:—давно люблю васъ, я умоляю васъ о счастіи назваться вашимъ мужемъ.

Чрезъ минуту молчанія послышался голосъ:

— Это невозможно, Андрей Петровичъ.

— Это должно быть, потому что вы и сами любите меня.

Опять послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія, дыханіе ея было такъ сильно, что даже я слышалъ его.

— Развѣ я вамъ что-нибудь сказала?

— Но я убѣжденъ въ томъ.

Опять нѣсколько минутъ молчанія.

— Андрей Петровичъ, сказала дѣвушка твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ:—вы слышали разговоръ мой съ Арбовымъ?

— Слышалъ.

— Послѣ этого... вы поймете... чѣмъ бы я была въ вашихъ глазахъ, въ своихъ собственныхъ, еслибъ рѣшилась....

— Вы говорите отъ сердца и благородно, прервалъ Щетининъ:—я благословляю случай, открывшій мнѣ вполнѣ чистоту души вашей, ваше благородство, вашъ характеръ. Дайте же мнѣ вашу руку и повѣрьте, что я достоинъ васъ.

— Андрей Петровичъ, отвѣчала Елизавета Ивановна:—я люблю васъ, но о возможности нашего счастія забудьте и думать,— я уже осудила себя. Прощайте, другъ мой, мысль о васъ будетъ моимъ утѣшеніемъ въ горькія минуты.

Я слышалъ поцалуй и скорые шаги уходящей дѣвушки....

На другой день Щетининъ уѣхалъ въ Петербургъ, а чрезъ нѣсколько времени мы прочли въ газетахъ его имя въ числѣ отъѣзжающихъ за границу....

X.

Немного спустя послѣ отъѣзда Щетинина за границу, Анна Петровна Кузовлева кончила свое безотрадное земное поприще. Нѣтъ словъ для выраженія той глубоко-трогательной сцены, когда умиравшая мать давала послѣднее свое благословеніе дочерямъ, лишавшимся единственной своей опоры.

— Лиза, сказала Анна Петровна, старшей своей дочери:— Щетининъ любилъ тебя и ты его любила.... я умерла бы покойнѣе; но, видно, Богу не угодно, — молитесь!

Слово «молитесь» было послѣднимъ словомъ ея, словомъ, проговореннымъ едва внятно, но выражавшимъ всю теплоту вѣры покойницы.

Кузовлевъ не былъ свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ жены своей. Онъ почти постоянно жилъ въ городѣ съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ поселилась вдова.

Кузовлевъ не былъ и на похоронахъ жены своей, потому что не могъ видѣть мертвыхъ, по разстройству нервъ.

Музыкальные уроки мои должны были прекратиться если не навсегда, то надолго. Сообразя это, я рѣшился исполнить мое давнее желаніе *поучиться музыкѣ*. Грустно простился я съ моими ученицами и отправился въ Москву, гдѣ около года дѣятельно занимался изученіемъ законовъ гармоніи, подъ руководствомъ добросовѣстнаго и ученаго преподавателя Ф....

Читателю не могутъ быть интересны отчеты о моихъ музыкальныхъ занятіяхъ, успѣхахъ и неудачахъ,—а потому записки объ этомъ періодѣ своей жизни, я сберегу для самого себя.

XI.

Прошло много времени послѣ того, какъ я вздумалъ навѣстить Кузовлевыхъ.

Сколько воды утекло въ это время, сколько измѣнилось въ семействѣ Кузовлева, въ городѣ и въ уѣздѣ, съ моего отъѣзда!

Иванъ Александрычъ Кузовлевъ разлюбилъ деревню, и жилъ почти постоянно въ городѣ, гдѣ, по общему голосу, очень дорогой цѣной покупалъ ласки вдовы Щеминой.

Елизавета Ивановна и сестра ея Ольга постоянно задумчивы и молчаливы.

Тетушка Настасья Ивановна Кошкина въ самой тѣсной дружбѣ съ компаньономъ Арбовымъ и съ ожесточеніемъ преслѣдуетъ Лизу и Олиньку за ихъ *романическую мечтательность*.

Арбовъ сдѣлался почти другомъ Кузовлева, деспотически распоряжается въ домѣ и имѣетъ какія-то таинственныя сношенія съ Щеминой.

Кузовлевъ болѣе по старой привычкѣ ко мнѣ, чѣмъ по желанію дочерямъ музыкальныхъ успѣховъ, пригласилъ меня остаться у него на очень выгодныхъ для меня условіяхъ.

Арбовъ поладилъ со мной по старому. Ученицы были очень расположены ко мнѣ. Тетушка каждый день просила меня сыграть: «*Я въ пустыню удаляюсь*», съ варьяціями, экосезъ и матрадуру. Я употребилъ всѣ усилія, чтобъ увѣрить Арбова въ моемъ дѣтскомъ простодушіи и усыпить его осторожность. Мнѣ хотѣлось изслѣдовать его тайные ковы и проникнуть его замыслы. Для чего?

Я любилъ ученицъ моихъ, чтилъ память покойной матери ихъ и рѣшился, какимъ бы то путемъ ни было, сдѣлать добро этимъ дѣвушкамъ. Я убѣжденъ былъ, что Арбовъ, въ союзѣ съ любовницей Кузовлева, замышляетъ противъ нихъ зло и близокъ къ успѣху. Слухи, собранные мною въ городѣ, совершенно согласовались съ тѣмъ, что я узналъ отъ ученицъ моихъ; но свѣдѣнія эти были еще недостаточны. Кузовлевъ самъ неожиданно подвинулъ меня къ предположенной цѣли.

Въ городѣ составился домашній театръ. Устроителемъ театра былъ нѣкто Арбузовъ, актерами его дворовые люди, актрисами швеи и кружевницы. Всѣ мы отправились на любопытное зрѣлище. Давали «Эдипа въ Аѳинахъ». Зала была наполнена зрителями. Оркестръ помѣщика Цейнова прогремѣлъ увертюру изъ «Калифа Багдадскаго». Пологá, закрывавшіе сцену, раздвинулись. Несчастный Эдипъ лежалъ передъ зрителями повергнутый на полъ, а разгнѣванный Арбузовъ сидѣлъ на немъ верхомъ и колотилъ его нещадно. Громъ апплодисментовъ привѣтствовалъ ихъ; кто апплодировалъ ради шутки, кто по примѣру

другихъ, а иные вполнѣ были увѣрены, что трагедія необходимо должна начаться такой выходкой и нисколько не принимали въ разсчетъ, что Эдипъ въ тогѣ, а Арбузовъ во фракѣ.

Дѣло было вотъ въ чемъ: Эдипъ, для храбрости, выпилъ чарку, потомъ другую, третью и, уничтоживши наконецъ десятую, дѣйствительно ослѣпъ и почувствовалъ сильную слабость въ ногахъ. Арбузовъ замѣтилъ это предъ самымъ началомъ спектакля и, не смотря на свою примѣрную терпѣливость, сдѣлалъ виновному строжайшій выговоръ, а виновный наговорилъ ему дерзостей. Арбузовъ однимъ толчкомъ повалилъ виновнаго Эдипа на полъ и, сѣвши на него верхомъ, принялся давать ему самыя трогательныя наставленія. Между тѣмъ конюхи, приставленные къ пологамъ, кивнули другъ другу головой въ знакъ того, что представленіе началось и, дружно потянувши веревки, открыли эту сцену передъ зрителями.

Болѣе ничего любопытнаго не было во все продолженіе спектакля.

— Александръ Васильичъ, сказалъ мнѣ Кузовлевъ на другой день утромъ: — вы часто стали бывать въ городѣ; не оставили ли вы здѣсь своего сердечка?

— Почти что такъ, отвѣчалъ я простодушно.

— А надежда есть?

— Нѣтъ. Я бываю въ городѣ только для того, чтобъ хоть издали ею любоваться.

— А нельзя ли узнать кто это?

— Я и самъ не знаю кто. Я ее вижу только или подъ окномъ ея дома, или въ великолѣпномъ экипажѣ на улицѣ.

— А гдѣ она живетъ?

Когда я сказалъ это Кузовлеву, онъ захохоталъ въ порывѣ удовольствія.

— Благословите же несчастный спектакль Арбузова, сказалъ онъ мнѣ: — этотъ несчастный спектакль счастливъ для васъ, потому что доставилъ вамъ случай быть въ городѣ вмѣстѣ со мною; а я найду способъ сегодня же представить васъ красавицѣ, о которой вы мечтаете.

— Благодарю васъ, но я не хочу....

— Это почему?

— Боюсь.

— Пустяки, любезный другъ, я васъ непремѣнно познакомлю съ ней.

Несмотря на мои отговорки, я въ тотъ же день былъ представленъ Татьянѣ Григорьевнѣ Щеминой.

Щемина дѣйствительно была очень хороша и соблазнительна. Въ ея красотѣ было что-то вакхическое.

Она приняла меня очень радушно, просила быть у нея домашнимъ человѣкомъ и непремѣнно хотѣла пріобрѣсть фортепьяно, чтобъ восхищаться моимъ искусствомъ. Я благодарилъ, старался быть любезнымъ, осмѣлился поцаловать на прощанье руку и ѣхалъ домой очень довольный, что проникъ въ этотъ таинственный домъ, изъ котораго должна была выйти гибель Кузовлевыхъ. Я ничего не сказалъ моимъ ученицамъ о моемъ посѣщеніи; имъ и въ голову не могло прійти, что̀ я задумалъ.

— Теперь вы стали *нашимъ*, сказалъ мнѣ Арбовъ.

— Вѣдь я ужь не мальчикъ, отвѣчалъ я,

— Пора перестать быть мальчикомъ, мудро замѣтилъ Арбовъ:—особенно пора перестать быть педантомъ.

— Желаю, чтобъ представился только случай, сказалъ я:— я постараюсь доказать вамъ, что я немножко поумнѣлъ.

— Случай есть: помогите мнѣ въ одномъ дѣлѣ, — въ проигрышѣ не будете.

— Въ какомъ?

— Погодите немного. Потомъ узнаете.

Прошло недѣли двѣ. Арбовъ ни слова не говорилъ мнѣ о своемъ дѣлѣ и я молчалъ, какъ будто забылъ о немъ. Я боялся разбудить осторожность негодяя. Между тѣмъ я продолжалъ ѣздить къ Щеминой часто, и велъ себя съ нею очень развязно, шалилъ и дурачился какъ школьникъ.

— Влюбленные такъ не шалятъ, говорилъ мнѣ Кузовлевъ:— а вѣдь вы влюблены по уши.

— Извините, отвѣчалъ я:—я вылечился отъ любви съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ Татьяной Григорьевной.

— Какъ это? Я не понимаю.

— Несбыточность надежды, отвѣчалъ я: — славное лекарство отъ безумія.

Между тѣмъ Арбовъ замѣтно испытывалъ меня и, кажется, остался доволенъ результатомъ своихъ наблюденій надо мною:

онъ рѣшился наконецъ объяснить мнѣ дѣло, въ которомъ я могъ быть ему полезенъ.

— Послушайте, сказалъ онъ мнѣ, вмѣсто предисловія: — если вы будете *съ нами заодно* и сдѣлаете для насъ бездѣлицу, то при успѣхѣ обдѣлены не будете.

— Я готовъ сдѣлать, что могу, отвѣчалъ я.

— Но вы отказали мнѣ разъ въ сущихъ пустякахъ,—помните, когда я просилъ васъ немножко поприглядѣть за Щетининымъ и за Лизаветой Ивановной?

— Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, Алексѣй Николаичъ; съ тѣхъ поръ я успѣлъ пожить и многому понаучиться; — да и желанія мои, послѣ московской жизни, значительно расширились. Поймите это, Алексѣй Николаичъ, и примите къ свѣдѣнію, что я даромъ ни для кого ничего не сдѣлаю.

— Откровенность вещь хорошая, мудро замѣтилъ Арбовъ:— ничего не можетъ быть лучше дружеской откровенности; изъявивъ прямо ваше желаніе имѣть выгоду, — вы этимъ душевно порадовали меня. Нѣтъ связей между друзьями крѣпче общихъ выгодъ и, какъ только вы начали со мной торговаться, довѣренность моя къ вамъ поднялась на нѣсколько градусовъ; но къ дѣлу: читайте это письмо — оно къ вамъ.

Я взглянулъ на распечатанное письмо, и сердце мое вздрогнуло: письмо отъ Щетинина изъ Парижа. Щетининъ писалъ ко мнѣ коротко и ясно:

«Любезный Александръ Васильичъ! Не могу и не смѣю писать къ Елизаветѣ Ивановнѣ; но прошу васъ показать ей эту записку. Всю Европу изъѣздилъ я, но ни капли горечи не убавилось въ душѣ моей. Теперь я въ Парижѣ около года, а не видалъ еще Парижа, точно такъ какъ ничего не видалъ въ цѣлой Европѣ. Сижу пустынникомъ въ своей квартирѣ и прошу у Бога или тихаго съумасшествія, или скорой смерти; то, или другое, надѣюсь, случится, потому что страданіе мое слишкомъ велико. Не смѣйтесь; вамъ, можетъ быть, не понятны мои чувства, — вы, можетъ быть, и не вѣрите возможности подобныхъ чувствъ; но я ихъ испытываю — и мучительно испытываю. Послѣ столь продолжительной разлуки я нахожу себя вправѣ просить у Елизаветы Ивановны сострадания; къ тому же сердце говоритъ мнѣ, что она страдаетъ не меньше меня и имѣетъ на то гораздо больше меня причинъ. Надѣюсь, что дружба ваша ко мнѣ убѣдитъ

васъ отвѣчать мнѣ откровенно, чего могу я надѣяться. Вашъ, Щетининъ.»

— Когда вы получили это письмо? спросилъ я.

— Съ недѣлю, отвѣчалъ Арбовъ.

— И не призадумались перехватить?

— Въ важныхъ дѣлахъ совѣсть въ сторону, а вы — развѣ сердитесь?

— На самого себя.

— За что?

— За то, что не позаботился быть прежде васъ на почтѣ.

— Причина дѣльная, но все-таки вы ничего не потеряете, если....

— Что, если?...

— Если согласитесь написать нѣсколько строчекъ подъ мою диктовку.

— Что же вамъ нужно, спросилъ я Арбова очень хладнокровно, потому что выучился быть хладнокровнымъ и тогда, какъ вся кровь во мнѣ кипяткомъ кипѣла.

— Отвѣчайте Щетинину такъ, чтобъ убить въ немъ всякую надежду; увѣрьте его, что о немъ и не думаютъ.

— Убить надежду въ сердцѣ Щетинина не мудрено; но согласитесь, что мнѣ-то самому необходимо на что нибудь надѣяться.

— Вы будете довольны, положитесь на мое честное слово.

Я взялъ бумагу и написалъ все по желанію Арбова. «Молодецъ!» вскричалъ онъ съ восторгомъ, схвативши письмо, — и чрезъ полчаса ускакалъ въ городъ.

Письмо Щетинина чрезъ нѣсколько минутъ было въ рукахъ Елизаветы Ивановны. Долго она плакала на взрыдъ.

— Такъ Богу угодно, сказала она наконецъ и дрожащей рукой написала:

«Пріѣзжайте, Щетининъ, васъ ждетъ несчастная, счастливая только любовію вашей, остальное предоставимъ Богу. Е. К.»

И я ускакалъ въ городъ. Такимъ образомъ Щетининъ получитъ въ одно время два письма, — которое-то прежде распечатаетъ онъ?

. . . .

XII.

Дѣла мои относительно Щеминой шли удачнѣй, чѣмъ я надѣялся. Разъ я до того разъигрался на фортепьяно, до того болталъ и бѣсился, до того смѣшилъ ея, что она вдругъ обратилась ко мнѣ:

— Послушайте, сказала она: — вы непремѣнно хотите довесть меня до того, чтобъ я въ васъ влюбилась?

— А развѣ это было бы дурно? возразилъ я, цалуя ея руку; — тогда бы я вмѣсто руки поцаловалъ......

Щемина зажала мнѣ ротъ рукою. Я задумался и долго не говорилъ ни слова.

— Зачѣмъ вы задумались, сказала она: — вы знаете, что я не люблю мечтателей.

Я не отвѣчалъ ни слова.

— Что съ вами, мой непослушный школьникъ?

— Татьяна Григорьевна, сказалъ я серьёзно: — если вы хотите, чтобъ я всегда оставался для васъ школьникомъ, не рискуйте шутить со мною словами любви, — огнемъ опасно шутить. Зачѣмъ вамъ возбуждать во мнѣ чувства, которыя вамъ такъ легко возбудить въ комъ угодно, зачѣмъ заставлять меня страдать?

— А развѣ любить меня значитъ страдать? спросила Щемина.

— Любить васъ, значитъ быть счастливымъ, возразилъ я съ жаромъ: — но голодному легче, когда онъ не видитъ хлѣба.

Не успѣла еще Щемина отвѣчать на это, какъ меня уже не было въ комнатѣ. Дня три или четыре я оставался дома. Кузовлевъ насильно отправилъ меня къ ней.

— Мы сошлись съ ней очень близко.

Щемина, по прежнему, стала восхищаться моими веселыми выходками, болтовствомъ и балагурствомъ.

Однако я счелъ нужнымъ для своихъ видовъ прикинуться мрачнымъ ревнивцемъ. Вѣроятно роль свою игралъ я недурно, потому что Щемина сказала мнѣ:

— Ты ревнивъ, — это мнѣ нравится.

— Кажется, я имѣю право ревновать, отвѣчалъ я холодно.

— Не бойся, старикъ Кузовлевъ не много отнимаетъ у тебя.

— Да я говорю не о Кузовлевѣ.

— О комъ же?

— О томъ, съ кѣмъ ты имѣешь привычку уединенно бесѣдовать по цѣлому часу.

Щемина захохотала, и смѣхъ ея былъ такъ чистосердеченъ и искрененъ, какъ смѣхъ ребенка.

— Видишь что, сказала она, переставъ смѣяться: — у насъ съ Арбовымъ есть дѣла, вовсе не похожія на любовныя.

— Отговорка изношенная, возразилъ я: — что же можетъ быть у васъ съ нимъ общаго?

— Дѣла очень серьёзныя.

— Желалъ бы я знать, что это за дѣла, замѣтилъ я иронически.

Я очень хорошо понималъ, что привязанность такой женщины, какъ Щемина, не можетъ быть прочною, а потому рѣшился ковать желѣзо, пока оно горячо. Мнѣ не хотѣлось потерять превосходный случай открыть тайну, и потому я рѣшился не отступать до послѣдней крайности.

— Послушайте, Татьяна Григорьевна, сказалъ я: — не считаете ли вы меня игрушкой, годной только для вашей забавы?

— Нисколько, но я не хочу наводить на тебя скуку разсказомъ о коммерческомъ планѣ, которымъ мы занимаемся съ Арбовымъ.

— Вотъ прекрасно, да я хочу не только знать всѣ ваши дѣла, но и доказать еще вамъ, что я могу быть полезенъ.

— Ты ужь помогъ намъ, милый, сказала она съ пріятною улыбкою.

— Какимъ образомъ?

— Письмомъ своимъ къ Щетинину.

— Да что жь это за тайна, чортъ возьми!.... вскрикнулъ я: — я хочу знать ее во что бы то ни стало. Я хочу помогать себѣ.

— Вѣрь, что ты безъ всякихъ хлопотъ получишь свою долю, если....

— Но я не хочу ничего получать даромъ.

— Гордецъ!

Мое отчаяніе, моя ревность, мое бѣшенство привели въ восхищеніе Щемину. Она очень разнѣжилась со мною и передала

мнѣ въ эти минуты нѣжности всѣ свои замыслы и планы, составленные ею и Арбовымъ, касательно семейства Кузовлевыхъ.

Вотъ въ чемъ они состояли:

Всѣ капиталы Кузовлева должны были перейти въ руки Арбова и Щеминой.

Арбовъ долженъ былъ жениться на старшей дочери Кузовлева.

Кузовлевъ долженъ былъ жениться на Щеминой.

— Планъ превосходный, сказалъ я: — не достаетъ только одного....

— Чего?

— А меня то вы забыли!

— Вовсе не забыли, ты будешь награжденъ по достоинству, — ты будешь управляющій имѣніемъ моего мужа.

— Но какимъ образомъ, замѣтилъ я съ важностью: — надѣетесь вы привесть въ исполненіе ваше предпріятіе?... Приступили ли вы хоть къ чему нибудь? Ты плохая дипломатка, ты только можешь любить.

— Ты настоящій ребенокъ; если умная женщина обдумала планъ, то она вѣрно найдетъ средство привесть его въ исполненіе.

Я пожалъ плечами и улыбнулся недовѣрчиво. Щемина не на шутку разсердилась.

— Что жь, ты меня считаешь за дуру? сказала она раздражительно.

— За прелестнѣйшую изъ женщинъ, хладнокровно отвѣчалъ я.

— Такъ слушай же, мой мудрецъ, возразила она, — и въ пылу затронутаго самолюбія разсказала все, что мнѣ хотѣлось знать.

Вотъ что я узналъ:

Кузовлевъ хлопоталъ о полученіи необходимаго свидѣтельства для заклада всего имѣнія, и немедленно хотѣлъ отправить Арбова въ Москву съ полной довѣренностью.

Весь полученный капиталъ долженъ былъ остаться въ рукахъ Арбова и Щеминой.

Влюбленный до безумія старикъ долженъ былъ жениться на Щеминой, которая имѣла возможность еще напугать его разстройствомъ его дѣлъ.

Мачиха, имѣя неограниченное вліяніе на деспота-отца, легко убѣдитъ его женить Арбова на своей старшей падчерицѣ.

Опасенъ былъ только одинъ Щетининъ, но письмо мое должно было удержать его за границей.

«Надѣйтесь на это письмо», подумалъ я, внутренно улыбаясь; Щетининъ въ одно съ нимъ время получитъ другое, которое гораздо сильнѣе подѣйствуетъ на него, и вѣрно онъ скорѣе будетъ здѣсь, чѣмъ вы предполагаете, милые прожектёры.

— Ну, что теперь ты скажешь, сказала мнѣ Щемина съ торжествующей улыбкой.

— Ты удивительная женщина!.... вскрикнулъ я, обнимая ее. Въ эту минуту мнѣ хотѣлось задушить ее.

XIII.

Страшный замыселъ и почти вѣрныя средства къ приведенію его въ исполненіе, были мнѣ, наконецъ, извѣстны; но какую возможность имѣлъ я уничтожить это дѣло, шедшее къ развязкѣ? Голова моя кружилась.

Если все открыть Кузовлеву, думалъ я, — повѣритъ ли онъ?

Разумѣется, нѣтъ, — я не могу представить никакихъ доказательствъ, и только безполезно прослыву клеветникомъ.

Оставалась одна надежда. Щетининъ скоро возвратится, — можетъ быть, онъ будетъ находчивѣе меня.

Когда я возвратился домой, меня встрѣтили мои ученицы, и въ одинъ голосъ спросили:

— Правда ли, Александръ Васильичъ, что въ городѣ вы часто бываете у одной.... у одной женщины?...

— У какой?

— Вы понимаете, у какой, сказала старшая сестра: — и если вы еще не потеряли совѣсть, то отвѣчайте прямо.

— Да, я бываю у нея.

Елизавета Ивановна съ презрѣніемъ отвернулась отъ меня, у Ольги на глазахъ сверкнули слезы. Обѣ онѣ ушли въ свою комнату.

Вечеромъ, во время чая, произошла другая сцена.

— Не угодно ли вамъ еще чаю, спросила тетушка Настасья Ивановна старшую Кузовлеву.

— Благодарю васъ, я не хочу, отвѣчала Елизавета Ивановна холодно.

— У васъ что-то пропалъ аппетитъ, продолжала тетушка:— здоровы ли вы?

— Пожалуйста, Настасья Ивановна, не заботьтесь обо мнѣ.

— Не могу же я не заботиться о родной, которую люблю всей душою.

— Настасья Ивановна, сказала дѣвушка энергически:—я благодарила бы Бога, еслибъ вы были ко мнѣ равнодушны.

— Такъ вы не хотите, чтобъ васъ любили? вмѣшался въ разговоръ Арбовъ.

Елизавета Ивановна презрительно улыбнулась.

— Я не такъ глупа, отвѣчала она: — чтобъ разсчитывать на любовь всѣхъ и каждаго; но на столько самолюбива, чтобъ дорожить любовью только тѣхъ, кого сама люблю.

— Такъ вы меня не любите, милая! подхватила тетушка:—покорно васъ благодарю.

Елизавета Ивановна промолчала.

Глаза ея сверкнули, и лучъ ихъ упалъ на меня. Ясно было: она подозрѣвала меня въ предательствѣ.

Поутру я отправился въ городъ и явился къ Щеминой. У нея была Ковылина. Ковылина пила кофе и вмѣстѣ съ тѣмъ сплетничала.

— Повѣрьте, матушка, я не лгу, говорила Ковылина:—скандалъ такой, что ужасти: Марфа-то, по милости барина, надѣла новое платье, а барыня кричитъ, какъ и что, и откуда, и въ полицію посажу, и высѣку. Мужъ-то было вступился за Марфу, а жена-то цапъ-царапъ ее; да и не знаю, чѣмъ бы кончилась эта исторія, еслибъ я кстати не навернулась, — при мнѣ посовѣстились продолжать. А слышали вы, матушка, городничій подъ судъ идетъ, да и исправнику тоже какъ бы худо не было?

— За что же, Марина Михайловна? спросила Щемина.

Марина Михайловна медленно допила чашку кофе, отерла губы платкомъ, и потомъ уже отвѣчала:

— У городничаго задаромъ служилъ безпаспортный кучеръ, а исправникъ затравилъ на охотѣ мужика собаками.

— Какъ, до смерти?

— Ну, нѣтъ, — не то что до смерти.

— И порядочно его искусали?

— Нѣтъ, — псари то проворны, какъ псы же, скоро отбили, да все-таки мужикъ со страха чуть-чуть не умеръ. А слышали вы, Татьяна Григорьевна, Харину Богъ дочку далъ?

— Помилуйте, вѣдь онъ холостой.

— Холостой-то, пускай холостой, да живетъ-то какъ женатый: Лаванскаго къ себѣ въ управляющіе послалъ, а у жены-то его мѣсто занялъ,—такія, право, дѣла. А слышали вы, къ намъ въ городъ гость пріѣхалъ?

— Кто такой?

— Издалеча.

— Да кто же?

— Вотъ его знаетъ Александръ Васильичъ.

— Да кто такой?

— Ему вишь хочется, чтобъ никто не зналъ, что онъ пріѣхалъ,—какъ бы не такъ, я все пронюхала,— мудренъ больно некстати.

— Да кто такой?

— Андрей Петровичъ Щетининъ.

Я едва усидѣлъ на мѣстѣ, Щемина поблѣднѣла, но скоро оправилась и хладнокровно сказала:

— Я его не знаю.

— Какъ же не знать Андрея Петровича Щетинина?... Прямо изъ-за границы, и заперся въ своемъ домѣ и живетъ затворникомъ—и окна закрыты. Ей Богу. Однако я засидѣлась у васъ, матушка; прощайте, покорно благодарю за ласку.

И за тѣмъ, расцаловавшись съ Щеминой, она отправилась.

XIV.

— Что, дѣло наше плохо? — сказала мнѣ Щемина.

— Худо очень.

— Нужно узнать, точно ли Щетининъ здѣсь?

— Это не мудрено, я съ нимъ знакомъ.

— Такъ сейчасъ же узнай, я прошу тебя.

Я отправился. Дѣйствительно, всѣ окна въ домѣ Щетинина были закрыты и все кругомъ заперто. Я подумалъ, что Ковынина солгала, однако постучался.

— Кто тутъ? спросили меня.

— Майдановъ, отвѣчалъ я.

Въ минуту мнѣ отперли дверь и ввели въ комнату, освѣщенную окномъ со двора. Щетининъ встрѣтилъ меня вѣжливо. Онъ былъ серьёзенъ и блѣденъ, и смотрѣлъ на меня пристально.

— Александръ Васильичъ, сказалъ онъ мнѣ: — я писалъ къ вамъ изъ Парижа и, по письму Лизаветы Ивановны вижу, что вы честно исполнили мое порученіе; но въ то же время я получилъ письмо отъ васъ—письмо, наполненное ложью и клеветою. Повѣря болѣе Лизаветѣ Ивановнѣ, чѣмъ вамъ, я возвратился сюда и нахожу васъ въ тѣсной дружбѣ съ негодяемъ Арбовымъ и съ женщиной, недостойной имени женщины. Прошу васъ, объясните ваше поведеніе, — мнѣ горько думать, что я въ васъ ошибся.

— Не хорошо думаютъ обо мнѣ теперь и Елизавета Ивановна съ сестрою, отвѣчалъ я: — но онѣ ошибаются точно также, какъ и вы.

Я разсказалъ Щетинину все, что уже извѣстно читателю. Щетининъ пожалъ мнѣ руку.

— Но надѣетесь ли вы это доброе дѣло благополучно довести до конца? спросилъ онъ послѣ долгаго размышленія.

Счастливѣйшія мысли приходятъ вдругъ, мгновенно и неожиданно. И я, озаренный внезапной мыслью, отвѣчалъ Щетинину:

— Вашъ пріѣздъ сюда, Андрей Петровичъ,—истинное счастіе. Этимъ вы спасаете семейство Кузовлевыхъ отъ неизбѣжной гибели и я сегодня же буду имѣть въ рукахъ вѣрное орудіе противъ негодяевъ. До свиданія. Завтра я буду у васъ; но покуда оставайтесь затворникомъ, хоть это и тяжело для васъ. Между тѣмъ я желалъ бы знать, какимъ образомъ пришла вамъ въ голову счастливая мысль скрываться?

— Очень просто:—мнѣ хотѣлось прежде увидѣться и объясниться съ вами и хоть сколько нибудь понять настоящее положеніе дѣла. Благодарю Бога, что я не обманулся въ васъ. Погодите, я напишу вашимъ ученицамъ два слова.

И Щетининъ написалъ:

«Вѣрьте Майданову и будьте благодарны ему, это совѣтуетъ вамъ Щетининъ.»

Не нужно говорить, что распросамъ Щетинина о Елизаветѣ Ивановнѣ не было бы конца, и потому я поторопился уѣхать. Щемина ждала меня съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, бросилась ко мнѣ и могла только съ усиліемъ проговорить:

— Ну что?

— Онъ здѣсь.

— Чтожь намъ дѣлать?... Ты не можешь понять всю мою потерю, мнѣ подумать страшно, всѣ наши планы разрушатся.

— Потеря будетъ только въ томъ, что ты останешься по прежнему Щеминой.

— А еслибъ было такъ?

— Да чтожь ты еще потеряешь?

— Что теряетъ утопающій, возразила она:—когда доска, за которую онъ держался и которая составляла его единственную надежду, выскользнетъ изъ рукъ его?,..

Въ словахъ Щеминой было столько горести и отчаянія, что я невольно убѣдился, что не одна только корысть, — но еще другой сильнѣйшій двигатель управлялъ ея дѣйствіями. Позднѣйшія обстоятельства оправдали мое предположеніе.

— Можно помочь горю, сказалъ я.

— Правда ли?

— Правда. Пиши сейчасъ къ Арбову, чтобъ онъ, немедля ни минуты, отправлялся въ Москву, потому что и довѣренность Кузовлева и свидѣтельство на залогъ имѣнія ужь въ его рукахъ, иначе Кузовлевъ выскользнетъ у васъ какъ синица; а, захватя огромный капиталъ въ свои руки, чего ты не сдѣлаешь! Да напишите Арбову только, чтобъ онъ не медлилъ ни минуты.

— Зачѣмъ писать, — онъ самъ пріѣдетъ ко мнѣ.

— Проститься, что ли, ты хочешь съ нимъ? Очень нужно, когда дѣло виситъ на волоскѣ; онъ долженъ, нетеряя ни минуты, ѣхать, потому что время дорого; а ты знаешь, что заѣзжать сюда—значитъ потерять сутки,—да сверхъ того Арбовъ не поворотливъ, какъ ёжъ — пугни его хорошенько.

Въ моихъ совѣтахъ Щеминой не было ни связи, ни правдоподобія; но я понималъ, что растерявшаяся женщина не въ состояніи разсуждать, — и не ошибся: Щемина вполнѣ согласилась со мною и даже нѣсколько ободрилась.

— Ты правъ, мой добрый другъ, сказала она: — только я боюсь Щетинина.

— Не бойся, я спроважу его далеко, — онъ вѣритъ мнѣ.

И Щемина написала письмо, въ которомъ высказала весьма многое—такъ, что и не Кузовлеву легко было догадаться о сущности дѣла. Я взялъ письмо, поцаловалъ ея руку и поскакалъ въ деревню, сломя голову.

Разумѣется, я не отдалъ письма Арбову; но извѣстилъ его о возвращеніи Щетинина и о томъ, чтò я видѣлъ его. Арбовъ нѣсколько минутъ не могъ произнести ни слова и покраснѣлъ такъ, что я думалъ, что съ нимъ сдѣлается апоплексическій ударъ.

— Какъ же это случилось, что онъ возвратился, спросилъ Арбовъ.

— Онъ уѣхалъ прежде полученія моего письма, отвѣчалъ я:— и спѣшилъ лично узнать, чего можетъ надѣяться:—остаться ли счастливымъ здѣсь, или опять отправиться на край свѣта.

— Чтожь вы ему сказали?

— Ничего.

— Но что вы ему обѣщали?

— Обѣщалъ передать письмо его, которое у меня въ карманѣ, Лизаветѣ Ивановнѣ, и завтра дать ему отвѣтъ.

— Конечно вы этого не сдѣлаете?

— Не знаю.

— Что вы хотите сказать? — Вы хотите измѣнить нашему дѣлу?

— Я не говорилъ этого.

— Такъ говорите же яснѣе.

— Я надѣюсь, что Лизавета Ивановна не будетъ глуха къ мольбамъ Щетинина, надѣюсь также, что Щетининъ заплатитъ мнѣ не одними обѣщаніями.

— А, понимаю, вы не довѣряете мнѣ.

— Я довѣрялъ нѣсколько мѣсяцовъ.

— Ну такъ довѣрьтесь теперь на нѣсколько дней.

— Благодарю покорно, Алексѣй Николаичъ, пропустя лѣто въ лѣсъ по малину не ходятъ: вы что-то плохо помните свои обѣщанія, а я не глупъ, я знаю, что надо удить рыбу вò время, а потому я рѣшился имѣть удовольствіе помѣшать вашему блистательному успѣху,—извините за откровенность.

Арбовъ пристально посмотрѣлъ на меня и отвѣчалъ, чуть-чуть не задыхаясь:

— Напротивъ, я люблю откровенность и аккуратность въ дѣлахъ; только знаете ли... одно обстоятельство скверно: теперь у меня въ наличности очень не много.

— За то у Щетинина достаточно.

— И вы рѣшитесь....

— Я ужъ рѣшился — до свиданья.

— Да подождите, человѣкъ недовѣрчивый, вскричалъ Арбовъ, схвативъ меня за руку:—можетъ быть мы какъ нибудь съ вами сойдемся,—напримѣръ не возьмете ли вы съ меня росписку?

— Охотно, если вы возьмете у меня тысячъ пятнадцать подъ сохраненіе.

— Какъ, вы требуете отъ меня сохранную росписку въ пятнадцать тысячъ?

— Ни больше, ни меньше.

— Но это *безчеловѣчно?*

— Ну, какъ хотите.

— Э, батюшка, *да вы многому поиаучились*?

— Дѣйствительно многому, такъ, что и васъ кой-чему поучу; напримѣръ хоть тому, что дѣйствіями Щетинина могу я управлять по своему усмотрѣнію. Онъ мнѣ вѣритъ. И еще пожалуй, я поучу васъ тому, что, имѣя въ карманѣ довѣренность на полученіе мильона, вы не имѣете права требованія пятнадцати тысячъ считать *безчеловѣчнымъ* требованіемъ.

— Такъ вы и это знаете?

— Я знаю больше, чѣмъ вы думаете; но слова, какъ и сны, ничего не значатъ и ничего не стоятъ; а я съ нѣкотораго времени люблю существенное. Желаю вамъ успѣховъ.

— Будь, что̀ будетъ, вскричалъ Арбовъ—я согласенъ; но и вы не измѣните чести.

— Будьте увѣрены, что честь свою я ни за что не продамъ и все исполню, какъ слѣдуетъ человѣку благородному.

Арбовъ написалъ на мое имя сохранную росписку въ пятнадцать тысячъ рублей и передалъ мнѣ.

— Теперь я удовлетворилъ вашему требованію, сказалъ, онъ:—но вы исполните ли вашу обязанность?

— Исполню все, что долженъ исполнить честный человѣкъ— даю вамъ слово.

— Щетининъ вамъ вѣритъ, и слѣдовательно вы имѣете вѣрное средство все устроить превосходно.

— Надѣюсь.

XV.

— Лизавета Ивановна, сказалъ я при первой встрѣчѣ съ нею:—не угодно ли вамъ прочесть записку, которую поручили мнѣ отдать вамъ?

— Нѣтъ, Бога ради только не отъ васъ. Я съ вами не могу имѣть дѣла, отвѣчала она.

— Во всякомъ случаѣ я обязанъ исполнить то, что мнѣ поручено.

Я положилъ записку Щетинина на рабочій столикъ Елизаветы Ивановны и ушелъ. Въ то время я зналъ уже очень хорошо, что женщина съ самымъ упорнымъ характеромъ непремѣнно имѣетъ одну слабую сторону—любопытство. И не ошибся: чрезъ четверть часа я возвратился въ ту же комнату, и мои ученицы, какъ будто сговорясь, подошли ко мнѣ и протянули мнѣ свои ручки.

— Не сердитесь на насъ, Александръ Васильичъ, сказала Елизавета Ивановна.

— Мы виноваты, примолвила Ольга:—но вы добры и все забудете.

— Не обвиняйте себя ни въ чемъ, отвѣчалъ я:—всѣ видимыя обстоятельства говорили противъ меня; скоро все будетъ вамъ ясно; но сюда идетъ Иванъ Александрычъ, — уйдите, мнѣ нужно поговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ.

Сестры ушли — явился Кузовлевъ.

— Александръ Васильичъ, сказалъ онъ мнѣ:—я ѣду въ городъ; не хотите ли и вы со мною?

— Благодарю васъ, я останусь дома.

— Что за фантазія скучать, когда можно повеселиться?

— Увѣряю васъ, что городъ мнѣ наскучилъ.

— Прекрасно! Я непремѣнно скажу Татьянѣ Григорьевнѣ, какъ вы стали любезны.

— Чтобъ вы ей ни говорили, — мнѣ все равно; я теперь богатъ, и во мнѣ вѣсу прибавилось.

Кузовлевъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ.

— Ужь въ самомъ дѣлѣ не разбогатѣли ли вы, сказалъ онъ насмѣшливо:—вы какъ будто немножко помѣшались отъ радости?

— Можетъ быть и такъ. Да, я разбогатѣлъ — не угодно ли вамъ въ этомъ удостовѣриться? и я подалъ ему росписку Арбова.

Кузовлевъ прочелъ ее нѣсколько разъ, какъ будто не вѣря глазамъ своимъ, и долго молчалъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня.

— Дѣйствительно, вы какимъ-то чудомъ пріобрѣли немаловажный капиталъ, сказалъ онъ наконецъ: — но вы великій чудакъ и самый неосторожный изъ всѣхъ неосторожныхъ.

— Почему же?

— Какъ можно отдать все свое состояніе Арбову!

— Почему же нѣтъ?

— Потому, что Арбовъ самъ ничего почти не имѣетъ.

— Вы правду сказали.

Я взялъ росписку изъ рукъ Кузовлева и изорвалъ ее въ мелкіе лоскутки.

— Это что значитъ?

— Это то значитъ, что за пятнадцать тысячъ рублей хотѣли купить мою совѣсть.

— Теперь я ужь ровно ничего не понимаю.

— А вотъ вамъ объясненіе, сказалъ я, подавая Кузовлеву письмо Щеминой къ Арбову.

Кузовлевъ прочелъ, поблѣднѣлъ, а потомъ вспыхнулъ.

Долго ходилъ онъ по комнатѣ неровными шагами, потомъ сказалъ мнѣ:

— Александръ Васильичъ, я хочу знать подробно все дѣло, говорите безъ церемоніи, не щадите меня—старый глупецъ долженъ быть наказанъ за свои глупости.

Я разсказалъ Кузовлеву о надеждѣ Щеминой сдѣлаться Кузовлевой, о надеждѣ Арбова разбогатѣть и сдѣлаться мужемъ Елизаветы Ивановны, — умолчалъ только о Щетининѣ.

Кузовлевъ позвонилъ.

— Позови ко мнѣ Арбова, сказалъ онъ вошедшему человѣку.

Арбовъ явился.

— Алексѣй Николаичъ, сказалъ ему Кузовлевъ, указывая на изорванную мною росписку:—потрудитесь подобрать эти лоскутки изорванной бумаги.

Арбовъ, привыкшій къ подобнымъ выходкамъ своего патрона, съ усердіемъ принялся за дѣло; но вдругъ остановился,

какъ безумный; на лицѣ его выступили крупныя капли пота, — онъ не зналъ, куда смотрѣть и что начать.

—А ! эта росписка знакома вамъ? сказалъ Кузовлевъ, злобно улыбаясь:—Алексѣй Николаичъ, рано ли, поздно ли, все всплываетъ на верхъ; я думаю, вамъ знакомъ и почеркъ этого письма, адресованнаго на ваше имя?

Арбовъ взялъ машинально письмо, долго читалъ и рѣшительно растерялся. Кузовлевъ строго наблюдалъ за всѣми движеніями Арбова. Истина обнажилась. Кузовлевъ позвонилъ и сказалъ вошедшему лакею:

— Тройку лошадей въ тарантасъ и телѣгу подъ багажъ Алексѣя Николаича; онъ сейчасъ ѣдетъ; да чтобъ въ десять минутъ все было готово.

Арбовъ черезъ нѣсколько минутъ навсегда разстался съ семействомъ Кузовлева.

XVI.

Нѣсколько дней Кузовлевъ не выходилъ изъ своего кабинета и никого къ себѣ не принималъ, даже дочерей. Явился Щетининъ, и Иванъ Александрычъ вышелъ изъ своего добровольнаго заключенія. Онъ встрѣтилъ гостя вѣжливо, но холодно и церемонно. Щетининъ, увѣренный въ согласіи Елизаветы Ивановны, прямо приступилъ къ дѣлу.

— Иванъ Александрычъ, сказалъ онъ: — очень долго испытывалъ я свои чувства и убѣдился, что они остаются неизмѣнными. Я люблю Лизавету Ивановну и прошу у васъ руки ея.

— Вы хотите жениться на моей дочери? отвѣчалъ Кузовлевъ холодно: — это до меня нисколько не касается. Лизавета Ивановна въ тѣхъ лѣтахъ, когда сама можетъ обсуждать свои поступки; а я мѣшать, или давать совѣты не берусь и не желаю.

Въ это время вошла Елизавета Ивановна, блѣдная и смущенная.

— Лизавета Ивановна, сказалъ ей отецъ, вовсе не по отцовски: — Андрей Петровичъ дѣлаетъ вамъ предложеніе, отвѣчайте же ему, — это ваше дѣло, а не мое.

Глаза дѣвушки загорѣлись негодованіемъ. Молча, подала она Щетинину руку, которую тотъ поцаловалъ съ жаромъ и подошелъ вмѣстѣ съ нею къ отцу.

— Прошу васъ, безъ всякихъ сценъ, замѣтилъ невозмутимый Кузовлевъ:—сами назначайте время брака; сами распоряжайтесь; мое дѣло только увѣрить васъ, Андрей Петровичъ, что дочь моя будетъ награждена сообразно съ моимъ состояніемъ.

— Не безпокойтесь, гордо отвѣчалъ Щетининъ, смотря на свою невѣсту: — я объ этомъ не забочусь.

— Отъ всего сердца желаю вамъ счастья, Андрей Петровичъ, сказалъ иронически Кузовлевъ:—надѣюсь, мы останемся пріятелями, вы славный товарищъ, и славно играете въ вистъ. Но, вѣроятно, вамъ нужно о многомъ переговорить съ своей невѣстой, я не мѣшаю вамъ. До свиданія.

Кузовлевъ ушелъ въ свой кабинетъ.

Черезъ мѣсяцъ Щетининъ сталъ мужемъ Елизаветы Ивановны. Бракъ былъ совершенъ тихо и скромно, въ присутствіи весьма немногихъ родныхъ и знакомыхъ....

Что̀ сказать объ Иванѣ Александровичѣ Кузовлевѣ?

Съ того дня, какъ Щетининъ сталъ женихомъ Елизаветы Ивановны, Кузовлевъ не выходилъ изъ своего кабинета и никого къ себѣ не допускалъ.

Что̀ онъ тамъ дѣлалъ?— неизвѣстно.

Въ день свадьбы онъ сказался больнымъ, и только появился на слѣдующій день. Онъ былъ блѣденъ, въ глазахъ его былъ лихорадочный блескъ. Онъ пожалъ руку Щетинину и сказалъ ему:

— Андрей Петровичъ! будьте добры, возьмите къ себѣ сестру вашей жены, — все нужное она̀ будетъ получать съ излишествомъ. Впрочемъ, я не замедлю сдѣлать распоряженіе, чтобъ дочери мои имѣли, каждая, свою неотъемлемую собственность. Васъ я прошу быть опекуномъ и попечителемъ Ольги: я вполнѣ увѣренъ въ васъ.

И. не дожидаясь отвѣта Щетинина, Кузовлевъ взялъ меня за руку и увелъ въ свой кабинетъ.

XVII.

Кузовлевъ усадилъ меня около себя и, крѣпко пожавъ мнѣ руку, сказалъ:

— Александръ Васильичъ, я постоянно былъ доволенъ вами.

Я всталъ и поклонился.

— Однажды только, признаться, вы досадили мнѣ, продолжалъ онъ, снова усаживая меня.

— Чѣмъ же, и когда же? спросилъ я.

— Вотъ чѣмъ, отвѣчалъ Кузовлевъ, глубоко вздохнувъ:—вы открыли мнѣ глаза, а я лучше бы желалъ оставаться слѣпымъ; но полно говорить о томъ, что̀ неисправимо. Вотъ вамъ ваше жалованье,—а это вамъ награда за ваше усердіе. Ни слова... Бога ради.... возьмите все. Вѣрьте, что̀ я считаю васъ благороднымъ человѣкомъ и уважаю васъ. Прощайте.... Время отъѣзда зависитъ отъ васъ самихъ.

Кузовлевъ пожалъ мнѣ руку и знàкомъ простился со мною. Разумѣется, я рѣшился ѣхать въ тотъ же день, хотя Щетинины и просили меня убѣдительно побыть съ ними.

Для чего же?... ѣхать—такъ ѣхать!... Куда же ѣхать?... Но что за вопросъ? Святая Русь велика. Есть чего посмотрѣть, есть чего послушать, есть чему научиться. Итакъ, съ Богомъ въ путь!

А. НАДЕЖДИНЪ.

———

ДОНОСЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Не было ни одного человѣка въ губернскомъ городѣ Покорскѣ, который бы могъ оставаться хладнокровнымъ, когда заходила рѣчь о Петрѣ Спиридонычѣ Ошарскомъ, секретарѣ Гражданской Палаты. Отзывы о немъ были очень разнообразны, но тонъ ихъ былъ всегда самый горячій и восторженный. Петръ Спиридонычъ былъ едвали не единственнымъ предметомъ, на которомъ по цѣлымъ часамъ могъ держаться у покорскихъ гражданъ одушевленный разговоръ. Старички спорили о немъ съ молодыми, женщины интересовались имъ наравнѣ съ мужчинами, даже дѣти оставляли свои игрушки и внимательно прислушивались, какъ скоро въ разговорѣ упоминалось имя Петра Спиридоныча. И въ самомъ дѣлѣ, Ошарскій былъ, можетъ быть, самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ цѣлой Покорской губерніи. Онъ былъ еще молодой человѣкъ, всего лѣтъ тридцати съ небольшимъ, но уже носилъ пряжку за пятнадцатилѣтнюю безпорочную службу. Лѣтъ пятнадцати, исключенный изъ семинаріи, поступилъ онъ писцомъ въ Духовную Консисторію, оттуда перешелъ въ Полицію, затѣмъ въ Уѣздный Судъ и наконецъ втерся въ Гражданскую Палату. Красивымъ почеркомъ, а всего болѣе почтительностію къ начальству и точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, онъ скоро заслужилъ расположеніе своего столоначальника и даже обратилъ на себя милостивое вниманіе секретаря. Года черезъ два

онъ былъ помощникомъ столоначальника, черезъ четыре столоначальникомъ, а черезъ десять секретаремъ. Въ пять лѣтъ своего секретарства онъ успѣлъ выстроить себѣ два дома, выгодно жениться, купить на имя жены деревеньку и еще положить, какъ говорили, порядочный капиталъ въ ломбардъ (по понятіямъ покорскихъ жителей всякій достаточный человѣкъ непремѣнно долженъ имѣть деньги *въ ломбардѣ*). Съ этой стороны обыкновенно и разсматривался Ошарскій своими согражданами. Личныя его качества менѣе возбуждали общее вниманіе, и многіе даже удивлялись, что отчего такое счастье во всемъ человѣку, не имѣющему въ себѣ ничего необыкновеннаго. Вообще многіе отзывались о немъ съ завистливымъ негодованіемъ, другіе съ почтительной завистью, а трети, съ безкорыстнымъ сознаніемъ его превосходства, ставили его въ примѣръ своимъ дѣтямъ и племянникамъ.

Но исторія о томъ, какъ Петръ Спиридонычъ сдѣлался секретаремъ, заслуживаетъ особаго описанія. Онъ достигъ этого сана самъ собою, своими личными достоинствами. Достоинства эти были дѣйствительно замѣчательны. Онъ выставлялъ себя человѣкомъ очень образованнымъ, говорилъ, что никакихъ отвлеченностей не признаетъ и создавать для себя призраки не имѣетъ ни малѣйшей охоты. Нерѣдко сбивалъ онъ съ толку ученѣйшихъ людей, учившихся въ семинаріи и даже въ Духовной академіи, своими положительными вопросами. «Да гдѣ же граница между побужденіями чувственными и духовными, возвышенными, какъ вы называете? говорилъ онъ. Что же такое честность, если она, по вашему, имѣетъ безусловный смыслъ? Объясните мнѣ, пожалуйста, чего ради долженъ я о себѣ заботиться меньше, чѣмъ о другихъ, и своей выгодѣ предпочитать чужую?...» И задавши подобный вопросъ, Петръ Спиридонычъ выставлялъ впередъ одну ногу, лѣвую руку упиралъ себѣ въ бокъ, а правой поправлялъ очки на своемъ прямомъ и востромъ носу, и затѣмъ устремлялъ дерзкій взглядъ на своего собесѣдника. Этого взгляда никто не выдерживалъ; ученые мужи принимались иногда за метафизическія объясненія, но Ошарскій мгновенно поражалъ ихъ діалектикой здраваго смысла, какъ называлъ онъ свое краснорѣчіе. И любо было посмотрѣть на него, когда онъ торжествовалъ свою побѣду надъ «семинарской софистикой», какъ говорилъ онъ самъ. Рѣчь его текла свободно и живо, глаза такъ и сверкали, кровь такъ и переливалась въ

крупныхъ очертанiяхъ его рябоватаго лица. Подумаешь, что стоитъ передъ тобой энтузiастъ и пропагандистъ какихъ нибудь новыхъ идей, а онъ просто—секретарь Гражданской Палаты... Его рѣзкость и гордый видъ были прiобрѣтены долговременной привычкой властвовать и непривычкой встрѣчать неудачи. Во всей Палатѣ не было человѣка, который бы сколько нибудь сносно зналъ законы; Ошарскiй же зналъ отлично не только то, что есть въ законахъ, но и то, чего совсѣмъ нѣтъ въ нихъ. Онъ могъ кого угодно запутать и нѣсколько разъ заставлялъ старика предсѣдателя отказаться отъ мнѣнiя, уже утвержденнаго и подписаннаго имъ, пугая его слѣдствiемъ и Сибирью. Полный сознанiя собственнаго достоинства, онъ не унижался передъ всякимъ, кто только былъ повыше его чиномъ или побогаче сотней рублей дохода. Напротивъ, онъ даже отличался особенной самоувѣренностью въ обращенiи съ такими людьми и большую часть ихъ держалъ въ рукахъ. Дерзкое самовольство было въ характерѣ Ошарскаго. За него изгнали несноснаго мальчишку изъ семинарiи, за него же терпѣлъ онъ множество непрiятностей въ первое время своей службы. Горькiй опытъ научилъ наконецъ Ошарскаго смиренiю, и онъ смирился, но и смирился по своему. Вмѣсто того, чтобы замолчать и превратиться въ безсловеснаго слушателя и исполнителя чужихъ приказанiй, онъ заговорилъ еще громче прежняго, только совершенно въ другомъ родѣ. Онъ замѣтилъ, что столоначальникъ его не любитъ французскаго табаку и чиновниковъ изъ университета, и принялся наповалъ ругать французскiй табакъ и университеты. Онъ узналъ, что одинъ изъ писцовъ—племянникъ секретаря и пользуется его протекцiей, и постарался сблизиться съ племянникомъ, чтобы выразить предъ нимъ свое удивленiе и благоговѣнiе къ дядюшкѣ. Предсѣдатель обращалъ особенное вниманiе на то, что бы у прописныхъ буквъ головки дѣлались самыя маленькiя, и Ошарскiй, скрѣпя сердце, сталъ писать такъ, что его глаголи и рцы походили на огромнѣйшiй шестъ, съ едва замѣтною на верху скворечницей. Мало того, онъ громко принялся спорить и доказывать, что такой способъ написанiя буквъ, дѣйствительно, самый удобный и красивый. Такимъ образомъ Петръ Спиридонычъ былъ постоянно на виду у начальства и обращалъ на себя его вниманiе съ самой отличной стороны. Для него же самаго такой переворотъ въ дѣятельности не представилъ особенныхъ затрудненiй. Онъ воображалъ себя въ положенiи охотника, разставля-

ющаго силки для птичекъ, и про себя потѣшался глупостію своихъ жертвъ. Скоро, однакожь, натура взяла свое, и сдѣлавшись столоначальникомъ, Петръ Спиридонычъ началъ изподтишка утирать носъ своему секретарю, а предсѣдателю и въ усъ не дулъ, хотя, по привычкѣ, и продолжалъ выводить скворечницы на прописныхъ буквахъ. Черезъ нѣсколько времени секретарь убѣдился, что съ Ошарскимъ ссориться опасно, и заключилъ съ нимъ союзъ, сдѣлавши его своимъ помощникомъ. Это соединеніе было тѣмъ необходимѣе, что тогда приближались выборы и поговаривали, что на слѣдующее шестилѣтіе старый предсѣдатель не будетъ выбранъ. Слухи, впрочемъ, не оправдались; дворяне привыкли уже къ старику и опять его выбрали, тѣмъ болѣе, что и не за что было забалотировать его: онъ никому не сдѣлалъ зла, — «здоровьемъ былъ онъ слабъ и всѣ дѣла секретарю оставилъ», а секретарь былъ человѣкъ благонамѣренный и даже честный, на сколько дозволяло ему его положеніе. За товъ Палату присланъ былъ новый товарищъ предсѣдателя, молодой человѣкъ, весьма горячо хлопотавшій о честности. Петръ Спиридонычъ тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, и рѣшился сдѣлать хорошее употребленіе изъ добрыхъ расположеній новаго поборника честности. Случай къ этому представился очень скоро. Однажды по утру, Ошарскій сидѣлъ въ своей комнатѣ, допивая чай и просматривая дѣла, которыя были на очереди въ тотъ день, какъ вдругъ отворилась дверь и предъ нимъ предсталъ стройный молодой человѣкъ въ гусарскомъ мундирѣ.

— Не вы ли господинъ Ошарскій, обратился онъ къ Петру Спиридонычу, не снимая фуражки.

— Къ вашимъ услугамъ-съ.... Что вамъ угодно? — отвѣчалъ хозяинъ, не вставая съ мѣста.

— Мнѣ посовѣтовали обратиться къ вамъ по этому чертовскому дѣлу, которое вы вѣрно знаете, — ну, объ этомъ глупомъ балакаевскомъ наслѣдствѣ, продолжалъ гость, разваливаясь въ креслахъ.

— Ахъ, такъ вы — г. Балакаевъ!... Не угодно ли чаю?

— Ну его къ чорту!... Какой Балакаевъ... Не дай Богъ быть Балакаевымъ. Я просто Струшинъ....

— Струшинъ!... Такъ вамъ чего же отъ меня угодно? Я для васъ ничего сдѣлать не могу ...

— То-есть — это значитъ, что Балакаевъ успѣлъ уже васъ купить ... Да вѣдь я самъ человѣкъ понимающій эти дѣла.... Не съ пустыми руками пришелъ къ вамъ....

— Я вамъ совѣтую прежде всего, г. Струшинъ, не забывать, что вы говорите съ чиновникомъ и что вы находитесь въ моей квартирѣ, откуда я могу попросить васъ выдти.

— А вы думаете, что я васъ такъ и послушаюсь.... Мнѣ чортъ съ вами, и съ вашей квартирой, и съ вашимъ чиновничествомъ.... Пошелъ бы я къ вамъ, кабы не это проклятое наслѣдство....

— Да и теперь напрасно пожаловали. Наслѣдства этого вамъ не видать, какъ ушей своихъ.... Помилуйте,—Балакаевъ родной братъ покойницы, а вы-то что же такое?... Двоюродный или троюродный племянникъ....

— Э, что за вздоръ вы мнѣ говорите.... Я этого ничего не хочу слышать.... Я знаю, что вы можете сдѣлать все, что̀ нужно. Вамъ только отговорка нужна.... Ну, тамъ, расходы что ли какіе.... Чортъ ихъ знаетъ,—разумѣется,—это все будетъ заплачено.... Вотъ на первый разъ на расходы вамъ тысяча рублей.... Возьмите.

— О какихъ расходахъ вы говорите? и съ какой стати меня дѣлаете повѣреннымъ вашимъ? Деньги на веденіе дѣла нужны тамъ писцамъ, столоначальникамъ, секретарю, мало ли кому! Подите, да и дайте имъ всѣмъ.

— Стану я еще ко всѣмъ имъ ходить.... Да и почему я знаю, кому сколько дать. Мнѣ васъ рекомендовали, какъ дѣльнаго и расторопнаго человѣка.... Да мнѣ и ѣхать нужно скоро.... Вѣдь ваши труды будутъ вознаграждены.... Я ничего не пожалѣю ... Помилуйте — дѣло идетъ о семидесяти тысячахъ годоваго доходу.... Я всего недѣлю тому назадъ занялъ въ Москвѣ десять тысячъ подъ залогъ этого наслѣдства. Нужно же мнѣ получить его.... Теперь у меня осталось всего пять тысячъ, — хотите три?...

— Если вы хотите поручить мнѣ хлопоты по вашему дѣлу, то, разумѣется, я могу согласиться, на нѣкоторыхъ условіяхъ, и сдѣлаю все, что̀ нужно. Но я ничего не могу вамъ обѣщать, я даже напередъ говорю вамъ, что, вѣроятно, ваше дѣло будетъ проиграно.

— Такъ за какимъ же чортомъ и хлопотать тогда? Чортъ съ вами, я отправлюсь и дамъ три тысячи секретарю.

— И онъ все-таки ничего не сдѣлаетъ, потому что еще столько же нужно дать предсѣдателю, да чиновникамъ еще....

— Да я послѣ все заплачу.... Теперь у меня денегъ нѣтъ... Возьмитесь, пожалуйста, хлопотать. Я предоставлю пока три тысячи въ ваше распоряженіе.... А мнѣ, право, некогда.... Въ Петербургѣ давно балы, маскарады начались, — а я тутъ провозился съ вашими глупыми выборами, да съ этимъ подлѣйшимъ наслѣдствомъ.... Ну, такъ беретесь?

— Видите, въ чемъ дѣло: намъ нужно, если ужь такъ, исполнить нѣкоторыя формальности. Вы напишите, что поручаете мнѣ передать деньги, кому слѣдуетъ, за рѣшеніе вашего дѣла, и что требуете отъ меня росписки въ полученіи.... Я вамъ дамъ росписку, и по ней возьму росписки съ секретаря и другихъ, кто будетъ получать, тогда мы съ вами и сведемъ свои счеты.

— Ну, что же, это можно, я думаю, сейчасъ сдѣлать, пожалуй, хоть съ приложеніемъ моей печати. Диктуйте, я буду писать.... Всѣмъ чиновникамъ вмѣстѣ, или каждому особо?... Пожалуйста, вмѣстѣ.... А то провозишься чортъ знаетъ сколько времени.

— Нѣтъ-съ, какъ же можно всѣмъ вмѣстѣ.... Впрочемъ, знаете, что?—можно написать только для секретаря. Остальные,— народъ добросовѣстный и сговорчивый.... Пишите секретарю.... на тысячу рублей....

— Какъ на тысячу?... На три....

— Да вѣдь у васъ всего три? такъ ихъ нужно раздѣлить, я думаю.... пока вы не пришлете остальныхъ....

— Ахъ, да, разумѣется, такъ я пишу-съ.... Диктуйте.

Петръ Спиридонычъ сѣлъ къ столу возлѣ Струшина и принялся писать росписку въ полученіи денегъ, диктуя въ тоже время, что слѣдовало, своему просителю. Черезъ десять минутъ все было готово. Гусаръ отдалъ деньги и ушелъ, очень довольный собою, позабывъ даже взять съ собою росписку Ошарскаго.

По уходѣ его, Петръ Спиридонычъ замѣтилъ сквозь зубы, посмотрѣвъ ему вслѣдъ: «Вотъ дуракъ-то!... думаетъ тремя тысячами отдѣлаться, когда Балакаевъ, законный наслѣдникъ, десять ужь заплатилъ.... А, впрочемъ, секретарю я насолю, прибавилъ онъ, немного подумавъ, и принялся отсчитывать тысячу рублей изъ полученныхъ денегъ. Отсчитавши, онъ бережно завернулъ ее въ бумажку, а потомъ спряталъ въ свой

портсигаръ. Остальныя деньги заперты были въ шкатулку, находившуюся въ сундукѣ, подъ кроватью Ошарскаго. Окончивъ эту операцію, онъ позвалъ кухарку Акулину и велѣлъ ей убирать чай, а самъ принялся писать росписку отъ имени секретаря въ полученіи тысячи рублей на веденіе струшинскаго дѣла.

— Ты что̀ сегодня обѣдать мнѣ дашь? спросилъ онъ, между писаньемъ, Акулину, которая вытирала стаканъ.

— Да что̀ вамъ дать-то? Что прикажете, то и будетъ.

— А ты варила, что-ли, что нибудь?

— Что варить-то! Ничего не варила.... Супъ только вамъ.

— Супъ какой у тебя?

— Какому быть-то ему? Картофельный будетъ, телячій.... хорошій супъ.

— Ну, хорошо.... А еще что?

— Да что еще?... Ничего больше.... Каша будетъ.

— Не надо каши.... А ты вотъ что сдѣлай.... Приготовь котлеты къ обѣду на трехъ человѣкъ, чтобы было всего .... Да сходи, сладкихъ пирожковъ возьми въ кандитерской, что ли, на двугривенный. Теперь вѣдь и ужь самой ничего нельзя сдѣлать, ни пирога сладкаго, ни блинчиковъ, ничего этакого?...

— Отчего не сдѣлать?... Можно бы все сдѣлать, кабы съ вечера сказали.

— Да тутъ ужь нѐчего «съ вечера», я про теперешнее говорю.... Теперь-то нельзя, вѣдь?

— Теперь-то ужь какъ можно... Теперича, извѣстно, ничего не сдѣлаешь.

— Ну, такъ, вотъ такъ и сдѣлай. Вотъ и денегъ тебѣ.

Петръ Спиридонычъ далъ кухаркѣ полтинникъ. Сдѣлавъ эти распоряженія, Петръ Спиридонычъ отправился на поприще общественной дѣятельности. Въ Палатѣ онъ занялся дѣлами съ обычнымъ усердіемъ, и только одинъ разъ между дѣлъ позволилъ себѣ поговорить съ молодымъ помощникомъ столоначальника, недавно еще учившимся въ университетѣ и до сихъ поръ не успѣвшимъ утратить своихъ юношескихъ вѣрованій.

— Да, хорошо вамъ мечтать, пока еще молоды, говорилъ Ошарскій, незамѣтно отходя къ окну, гдѣ никто не могъ слышать ихъ разговора А какъ послужишь, да посмотришь на людей, такъ и видишь, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности сдѣлать что нибудь порядочное....

— Зачѣмъ? Развѣ нельзя вооружиться энергіей правды и съ сознаніемъ правоты дѣла, гордо и смѣло идти на борьбу....

— Полноте, — гордо и смѣло.... Потихоньку-то борешься, такъ и то, того и гляди, что пропадешь, какъ червякъ. А поднимись-ко гордо и смѣло-то.... въ ту же минуту раздавятъ....

— Неужели вы считаете негодяевъ столько твердыми, что они рѣшатся итти противъ открытой силы? Никогда. Они сильны только безсиліемъ другихъ.

— Такъ-то оно такъ, да все же осторожность нужна, хоть сначала, по крайней мѣрѣ. Да вотъ, чего далеко ходить, секретарь нашъ, вѣдь ужь мошенникъ отъявленный (Петръ Спиридонычъ понизилъ голосъ), а подите, сладьте съ нимъ. Вотъ сегодня у меня съ нимъ должна быть исторія. Я васъ хотѣлъ пригласить къ себѣ, чтобы вы были свидѣтелями, вотъ тотчасъ послѣ Палаты.

— Извините, мнѣ сегодня нужно въ одно мѣсто.... еслибъ вечеромъ....

— Ха, ха, ха, вотъ вы, проповѣдники-то борьбы.... На словахъ-то вы всѣ хороши, а какъ до дѣла дойдетъ, такъ и прочь сейчасъ.... Даже и посмотрѣть боитесь....

— Что же, вы думаете, что я трушу.... этого?...

— Ну, разумѣется.... какъ же иначе....

— Извольте, я у васъ буду.... Въ которомъ часу? театрально-рѣшительнымъ голосомъ воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Ну, вотъ хорошо.... давно бы такъ, отвѣчалъ Ошарскій примиряющимъ тономъ, подавая руку увлеченному имъ юношѣ. —Такъ сегодня тотчасъ, какъ присутствіе кончится, отправимся обѣдать ко мнѣ. Тутъ и секретарь будетъ.... Вы увидите вещь очень интересную. Только предупреждаю васъ — ни во что не вмѣшивайтесь, молчите и ожидайте, пока я попрошу вашего содѣйствія. Оно будетъ нужно, но ежели вы сунетесь раньше, чѣмъ слѣдуетъ, вы все дѣло испортите. Смотрите же.... Дѣло идетъ о торжествѣ нашихъ стремленій.

Послѣ присутствія Ошарскій приступилъ къ секретарю съ убѣдительнѣйшею просьбою зайдти къ нему. Послѣ многихъ отговорокъ, секретарь согласился, услышавъ, что посѣщеніе это имѣетъ цѣлію разговоръ объ одномъ *интересномъ* дѣльцѣ.... Съ ними вмѣстѣ пошелъ и Аменскій, молодой помощникъ столоначальника. Увидавши его, секретарь спросилъ съ неудовольствіемъ:

— А этотъ что?. .

— А этотъ тоже намъ нуженъ будетъ, успокоительнымъ тономъ отвѣчалъ Ошарскій, и секретарь успокоился.

Секретарь былъ уже человѣкъ старый и принадлежалъ къ породѣ тѣхъ простодушныхъ чиновниковъ, которые никакъ не могутъ понять, почему же имъ не слѣдовало бы брать денегъ за дѣло, которое они сдѣлаютъ. Инстинктивно онъ не терпѣлъ Аменскаго, какъ человѣка, по его мнѣнію, пустаго и вреднаго; но инстинктивно же онъ понималъ и то, что этотъ человѣкъ не можетъ быть очень опасенъ. Такимъ образомъ втроемъ дошли они до квартиры Ошарскаго, разсуждая о томъ, что нынѣшній годъ зима сиротская, и что ежели лѣто по зимѣ будетъ, то оно будетъ жаркое, а если зима по лѣту, то до весны еще сильные холода будутъ....

Пріятный разговоръ продолжался и на квартирѣ Петра Спиридоныча до самого обѣда. Передъ обѣдомъ, по обычаю, выпили и закусили, на столъ тоже поставлены были графинъ водки и бутылка лафита, при чемъ хозяинъ замѣтилъ:

— Это вотъ вамъ, молодой человѣкъ, если хотите.... А мы съ Петромъ Кирилычемъ русскаго хватимъ....

— А вы-то что за старикъ, возразилъ Аменскій....

— Э, батюшка, какъ это говорится-то: не годы старятъ— заботы.... Вамъ что:—разсуждаете себѣ на досугѣ, какъ человѣчество переработать, а устанете, такъ въ деревню отдохнуть отправитесь.... А вотъ какъ намъ нужно о кускѣ насущномъ позаботиться, такъ другое запоешь.... Да еще мнѣ сполагоря.... а вотъ Петру-то Кирилычу — трое дѣтей малолѣтнихъ.... выростить надо, воспитать, да и за-мужъ отдать.... На жалованье-то далеко не уѣдешь....

Говоря это, Петръ Спиридонычъ значительно посматривалъ на Аменскаго, какъ бы увѣдомляя его, что интересное представленіе начинается.

— Да подлецъ и народишко-то сталъ, говорилъ секретарь:— никуда не годится.... Дрянь такая, ни на что не похоже.... Нѣтъ, чтобы эдакъ честненько, да смирненько поплатиться за дѣло-то.... Куда-тебѣ, всякая свинья еще шумитъ, лѣзетъ съ рыломъ-то.... Вотъ хоть бы этотъ дуракъ — еще графъ—Рѣшетиловъ-то.... Какъ посмотрѣлъ я у него въ деревнѣ, такъ цѣлый домъ книгами однѣми заваленъ.... Управляющій говоритъ, что тысячъ на десять каждый годъ всякаго хламу покупаетъ....

И на кой прахъ онѣ ему?... и не прочитаетъ половины. А случилось намеднись плевое дѣло,—все-то какихъ нибудь пять-сотъ рублей стоитъ,—такъ не по губѣ рѣшили,— на апелляцію въ Сенатъ взялъ, да еще бѣды отъ него жди себѣ, отъ болвана....

— Какъ, вы хотите отнять право голоса у подсудимаго?... началъ было Аменскій; но хозяинъ прервалъ его:

— Чего тутъ хотѣть, любезнѣйшій Андрей Васильичъ,—надобно просто смотрѣть вездѣ на обстоятельства. Вѣдь дѣло дѣлу рознь. Вотъ хоть бы теперь у насъ Балакаевское дѣло, о которомъ я и говорить хотѣлъ съ вами сегодня, Петръ Кирилычъ....

— Ну, да, Балакаевъ-то еще туда, сюда.

— Что же такое, видно, что стариннаго вѣка человѣкъ....

— Дѣло-то ужь его, такъ его, что и запутать трудно,—а все-таки тысченку-другую перепустилъ.... Нельзя же оставаться скотомъ неблагодарнымъ за добро, которое намъ люди дѣлаютъ. А тотъ вертопрахъ-то носу, небось, не показалъ.... А вѣдь, чай, тоже нарохтился выиграть дѣло.

— Безъ всякаго сомнѣнія, замѣтилъ Петръ Спиридонычъ, думавшій между тѣмъ: «Вишь, старый мошенникъ, прикидывается какъ!... Тысченку-другую.... Какъ будто я не знаю, сколько денегъ разсорилъ Балакаевъ!... Ну, да мы тебя выведемъ на свѣжую воду.»

— Да-съ, безъ всякаго сомнѣнія, повторилъ онъ. — Онъ вѣдь самъ и процессъ-то началъ.... Впрочемъ, не хлопоталъ онъ по своимъ дѣламъ скорѣе по недосугамъ и по незнанію, чѣмъ по неблагородству мыслей. Онъ всего только на два дня пріѣзжалъ сюда и сегодня поутру былъ у меня...

— У васъ былъ-съ?.. Что же онъ, какъ?.. Вѣдь дѣло-то его въ ходу.

— Онъ это очень хорошо понимаетъ... Вообще, хоть гусаръ и молодой человѣкъ, а, должно быть, дока. Онъ знаетъ, къ кому и какъ прибѣгнуть, понимаетъ въ комъ сила... Ко мнѣ заѣхалъ только на минуту,—по дорогѣ, говоритъ, съ тѣмъ, чтобы я передалъ вамъ тысячу рублей... Для сообщенія *начальнаго* движенія дѣлу, какъ онъ говоритъ...

— Тысячу рублей, повторилъ секретарь, искоса поглядывая на Аменскаго.

— Да, продолжалъ Петръ Спиридонычъ: — тысячу рублей собственно для васъ, на начальные расходы. Натурально, что

онъ и другихъ не забылъ. И вотъ Андрей Васильичъ свидѣтелемъ былъ...

— Кто?.. я-съ? съ изумленіемъ воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Чего же вы испугались, значительно подмигнувъ, продолжалъ Ошарскій.—Не бойтесь, мы васъ никогда не выдадимъ. Но вѣдь для порядка дѣла нужно же. Онъ такой законникъ... не отдалъ мнѣ просто денегъ, а подъ росписку, хоть и при свидѣтелѣ... И самъ мнѣ далъ сохранную запись, что даетъ мнѣ тысячу рублей для передачи секретарю на первоначальное веденіе дѣла... Такъ и самъ написалъ, и мнѣ велѣлъ написать: на первоначальное веденіе дѣла... Видно, что надувать не хочетъ...

— Однако вы маху дали, Петръ Спиридонычъ... Какъ-же это бѣсъ-то васъ угораздилъ дать росписку?... А какъ онъ возьметъ да предъявитъ ее, куда слѣдуетъ?..

— Экая ему выгода будетъ, Петръ Кирилычъ! Во-первыхъ процессъ проиграетъ, во-вторыхъ въ Палату потомъ ужь ни за какимъ дѣломъ не показывайся,—а въ-третьихъ вы, я думаю, знаете постановленіе, что всякаго, уличеннаго въ томъ, что даетъ взятку и хочетъ подкупить судью, — судить по строгости законовъ, такъ же, какъ самого подкупленнаго... Что же ему за выгода?.. нѣтъ, это онъ просто изъ опасенія, чтобы я не надулъ его, да не замоталъ его денегъ...

— Такъ ли полно, Петръ Спиридонычъ?..

— Именно такъ, Петръ Кирилычъ. Это доказывается тѣмъ, что онъ настоятельно требовалъ, чтобы я и отъ васъ взялъ росписку въ полученіи, и ему переслалъ въ Москву...

— Какъ, и отъ меня росписку? Что вы городите-то!

— Вотъ—спросите Андрея Васильича.—Да и въ роспискѣ-то я долженъ былъ написать: «въ чемъ обязуюсь въ непродолжительномъ времени отъ онаго секретаря представить вышерѣченному Струшину росписку, въ противномъ же случаѣ неустойку всей суммы принять на себя».

— Ну, что же это вы набѣдокурили тутъ, Петръ Спиридонычъ?... Чортъ знаетъ, — умный человѣкъ, кажется, а всегда пакость какую нибудь сочинитъ.... Не могу же я вамъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, такой росписки давать.... Не прежнія времена. Въ такую впутаешься исторію.... и какъ не сообразить было....

— Какъ вамъ угодно, Петръ Кирилычь, мое дѣло тутъ сторона.... А только, что я думалъ, что вы этимъ дѣломъ брезговать не будете. Тутъ вѣдь десятками тысячъ пахнетъ. Можно его на пять лѣтъ протянуть; оно вѣдь только еще начато. И Струшинъ такой молодецъ, что знаетъ, кѣмъ и какъ взяться.... Такія дѣла не часто и у насъ случаются.... А коли не хотите, такъ я ему такъ и напишу. Назадъ ли онъ деньги возьметъ, или передать кому другому велитъ, мнѣ вѣдь все равно, я только по расположенію къ вамъ, зная вашъ характеръ.

— Что тутъ мой характеръ. Дѣло-то дрянь ты сдѣлалъ. Само собой, что за молодца надо взяться; само собой, что такого дѣльца мы съ тобой, можетъ, еще-то и не дождемся. Да неужто нельзя безъ росписки было? Самъ-то далъ, да и меня втюрилъ тутъ же, — въ чужомъ пиру похмѣлье.

— Я ужь, Петръ Кирилычь, отговаривался, отговаривался, ничто не беретъ-съ, отвѣчалъ Ошарскій, а самъ посмотрѣлъ на Аменскаго, какъ бы говоря глазами: «подивитесь-ка безсовѣстности; говоритъ, что ему тутъ похмѣлье въ *чужомъ* пиру.

Аменскій отвѣчалъ взоромъ, полнымъ негодованія, и жестомъ, выражавшимъ желаніе плюнуть въ глаза гнусному секретарю.

— Этакая, вѣдь, исторія, подумаешь. Ну что тутъ станешь дѣлать. Просто, сообразить никакъ не могу.

Соображеніе Петра Кирилыча, въ это время, дѣйствительно, нѣсколько притупилось, потому что обѣдъ подходилъ уже къ концу, а гостепріимный хозяинъ не забывалъ, въ промежуткахъ разговора, подчивать своего гостя очищеннымъ. Когда встали изъ-за стола, секретарь велѣлъ Ошарскому написать росписку и дать ему подписать, вмѣстѣ съ деньгами. Росписка была уже готова, и все дѣло слажено въ нѣсколько минутъ. Аменскій, по просьбѣ Петра Спиридоныча, подписался, какъ свидѣтель. Послѣ этого Ошарскій завелъ рѣчь о преимуществахъ русской водки передъ заморскими винами, а Андрей Васильичъ вступилъ съ нимъ въ горячій споръ, упрекая его въ квасномъ патріотизмѣ.

Видя, что дѣлать тутъ болѣе нечего, секретарь всталъ, покачиваясь, отъискалъ кое-какъ шляпу и палку, и простился съ хозяиномъ. Ошарскій его не удерживалъ.

— Вотъ гадина-то, сказалъ Аменскій, какъ только секретарь вышелъ изъ комнаты.

— Подите же и боритесь съ такими врагами, замѣтилъ Петръ
ıиридонычъ.

— А вашему поведенію я удивляюсь, снова началъ разгоря-
ıвшійся поборникъ честности. Какъ, участвовать въ низостяхъ,
ıть посредникомъ между негодяями, помогать неправому дѣлу,
милуйте, это стыдно, это... это...

— А чтобы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

— Я?... Я просто бы кинулъ въ рожу этому Струшину его
ıьги...

— Ну, онъ бы отправился самъ къ секретарю, да и сладился
нимъ.

— По крайней мѣрѣ, вы тутъ не были бы замѣшаны. Ваша
ѣсть была бы чиста.

— За то правое дѣло было бы проиграно навѣрное. А теперь
ıѣю возможность спасти его, начавши ту борьбу, о которой
ıавеча говорили.

— Какъ это?

— Очень просто: идти съ этими росписками къ товарищу
ıсѣдателя, и разсказать ему все дѣло. Онъ человѣкъ благо-
ѣренный, и участвовать въ дѣлѣ благородномъ никогда не
жется. Съ нимъ вмѣстѣ можно отправиться къ предсѣдате-
Тотъ слабъ и глупъ, такъ его можно застращать оглаской,
ъ передастъ дѣло губернатору, чтобы нарядили слѣдствіе.
мъ ужь вѣрная отставка этому мошеннику, ежели еще подъ
не отдадутъ... Вы не откажетесь отъ этого?

- Но какъ же вы хотите? Доносъ.... вѣдь это подло.

- Вотъ тебѣ и разъ!... Вотъ вамъ и европейскія понятія...
по вашему, если вы видѣли, что разбойникъ въ лѣсу чело-
зарѣзалъ, а потомъ вы его встрѣтили въ обществѣ, — по-
удетъ сказать, что это разбойникъ, что нужно схватить
Іо вашему только два пути — укрывательство, да дуэли,
ужь на расправу пошло.... А законнымъ порядкомъ дѣй-
ıть подло.... Хорошъ взглядъ!... Самый просвѣщенный!...
о сказать....

А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ. Мнѣ только показалось какъ-
я не знаю.... У насъ весь порядокъ такой, что.... знаете....
ь.... шпіонство.... все какъ-то смѣшивается....

Такъ не смѣшивайте же, умный вы человѣкъ.... Отправ-
ı, что ли, къ товарищу?

Отправимтесь, и сейчасъ же....

— Ну, разумѣется, сейчасъ же... Вы будете моимъ свидѣтелемъ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано: отправились къ товарищу предсѣдателя. Это былъ молодой человѣкъ въ родѣ Аменскаго, либералъ отчаянный, нѣсколько лѣтъ писавшій уже проэктъ о немедленномъ искорененіи взяточничества въ цѣлой Россіи. Онъ предполагалъ: изъ коренныхъ дворянъ и состоятельныхъ людей выбрать особенныхъ чиновниковъ, которыхъ обязанность состояла бы въ томъ, чтобъ неусыпно слѣдить, какъ за чиновниками, такъ и за просителями и всячески препятствовать имъ видѣться и условливаться между собою. Всякій проситель, уличенный въ томъ, что далъ взятку, неизбѣжно лишался за то права выиграть свое дѣло; а чиновникъ, пойманный во взяточничествѣ,—на первый разъ лишался годоваго жалованья, съ занесеніемъ въ формуляръ, на второй—платилъ штрафъ въ десять разъ болѣе полученной взятки, а на третій — исключался изъ службы съ лишеніемъ состоянія. Чтобы облегчить должность особыхъ чиновниковъ, которыхъ товарищъ предсѣдателя хотѣлъ назвать цензорами, предполагалось выстроить особенное зданіе, гдѣ должны были жить всѣ чиновники, и куда слѣдовало приставить особую стражу, съ тѣмъ, чтобы она никого изъ постороннихъ въ этотъ домъ не пускала безъ предъявленія особаго удостовѣренія начальства, что этотъ человѣкъ никакого дѣла въ судахъ и палатахъ не имѣетъ. Этимъ способомъ прерывались всякія сношенія чиновниковъ съ просителями на дому, и слѣдовательно вполнѣ устранялась всякая возможность брать взятки. Проэктъ этотъ начатъ былъ товарищемъ предсѣдателя еще въ школѣ, и онъ чрезвычайно сожалѣлъ, что не успѣлъ кончить его къ выборамъ, чтобы предложить на разсмотрѣніе благороднаго и просвѣщеннаго дворянства. Главное затрудненіе, котораго авторъ смѣлаго проэкта никакъ не могъ рѣшить, состояло въ томъ, къ какой службѣ причислить цензоровъ, — къ полицейской, или къ тому вѣдомству, при которомъ они состоять будутъ, и дать ли имъ военную форму или гражданскую. Думалъ было онъ составить изъ нихъ нѣчто въ родѣ прокуроровъ и стряпчихъ и учредить особенное министерство цензуры нравовъ; но это казалось ему самому уже слишкомъ смѣлымъ. Не разрѣшатъ, думалъ онъ, и, пожалуй, еще изъ-за этого цѣлый проэктъ остановятъ.... Петръ Спиридонычъ съ Аменскимъ застали его именно въ этихъ размышленіяхъ.

— А, m-r. Ошарскій, m-r. Аменскій, пожалуйте... сдѣлайте одолженіе.... Какъ ваше здоровье?... говорилъ онъ, усаживая гостей, которымъ во глубинѣ души чрезвычайно обрадовался, хотя и старался внутренно увѣрить себя, будто очень недоволенъ тѣмъ, что они помѣшали его соображеніямъ.

— Благодарю васъ, Николай Владимірычъ.... Вы насъ извините, что мы безпокоимъ васъ въ такое время, — началъ Ошарскій, но хозяинъ перебилъ его.

— О, нѣтъ, ничего-съ. Вѣдь я всегда занятъ, слѣдовательно у меня нѣтъ неурочныхъ часовъ....

И онъ пріятно улыбнулся.

— У насъ дѣло....

— Я все съ своимъ проэктомъ хлопочу, снова перебилъ прожектеръ. Кажется, онъ пойдетъ хорошо.... я вамъ разсказывалъ содержаніе....

— Да-съ, особые чиновники....

— Да, цензоры.... Это будетъ, по моему мнѣнію, радикальная мѣра... радикальная уже и потому, что она гарантирована со всѣхъ сторонъ, чего нѣтъ обыкновенно въ полумѣрахъ, принимаемыхъ разными частными начальниками. Во-первыхъ, цензоры будутъ всѣ богатые люди, слѣдовательно, будутъ свободны отъ всякаго искушенія; во-вторыхъ, столбовые дворяне, слѣдовательно, съ честностью неподкупною.... Затѣмъ, всякое нарушеніе чести будетъ влечь за собою наказаніе, совершенно сообразное съ поступкомъ. Если проситель даетъ взятку, значитъ, онъ сознаетъ, что его дѣло не право, что его нельзя выиграть безъ подкупа; слѣдовательно — ясно, что дѣло должно быть рѣшено въ пользу противника тотчасъ, какъ только одинъ изъ просителей уличенъ въ намѣреніи подкупить чиновниковъ..

— А ежели оба уличены будутъ-съ?

— Нѣтъ-съ, это невозможно.

— Нѣтъ-съ, бывали случаи....

— Ну, развѣ чрезвычайно рѣдко... И притомъ, — это не ѣда-съ. Во-первыхъ одинъ изъ нихъ прежде подкупаетъ, ругой послѣ, — можетъ быть изъ опасенія, по сомнѣніямъ, мотря на своего противника.... Очевидно, что первый, кто одкупилъ, долженъ терять свой процессъ. Но если уже слуится такъ, что двое подкупаютъ въ одинъ день, въ одинъ часъ, ь одну минуту, — то дѣло теряетъ тотъ, кто подкупалъ стараго чиновника и чья взятка больше. Согласитесь, что не мо-

гутъ же они сойтись въ количествѣ денегъ, и,—главное, не могутъ придти въ одно и тоже время къ одному и тому же чиновнику....

— Да-съ, конечно, это такъ-съ....

— Я давно предвидѣлъ всѣ эти возраженія и на все приготовилъ отвѣтъ. Только вотъ теперь остается затрудненіе, какъ съ чиновниками устроиться, куда ихъ причислить....

— То есть, — откуда имъ жалованье требовать?

— О, нѣтъ, жалованья имъ совсѣмъ не нужно.... Они будутъ все богатые люди и станутъ служить изъ чести.... Они даже станутъ жертвовать сами на поддержку бѣдныхъ чиновниковъ, на устройство даже общаго зданія для нихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это превосходно-съ.... А тутъ можно еще прибавить и тѣ деньги, которыя будутъ собираться со штрафовъ и вычетовъ жалованья за взятки. Да и самыя взятки, я думаю, будутъ отниматься, и тоже могутъ быть причисляемы къ этой суммѣ.

— Да, видите ли, я думалъ объ этомъ.... Но мнѣ кажется, это будетъ немножко.... знаете.... неделикатно... помѣстить въ проэктѣ статью, прямо разсчитывающую на выгоду отъ нарушенія правилъ....

— Чтоже дѣлать-съ? Вѣдь ужь не вы въ этомъ виноваты.... Да можно это такъ выразить, что на первое устройство всего этого пойдутъ деньги, нами такимъ образомъ открытыя, въ здѣшней Палатѣ....

— Какъ же это можно? Что вы это? Да наша Палата пользуется образцовой репутаціей.... и вдругъ написать такую вещь....

— Въ томъ и дѣло-съ, что надобно уничтожить тѣхъ, которые могутъ вредить этой образцовой репутаціи.... А то вотъ теперь у насъ.... графъ Рѣшетиловъ взялъ свое дѣло на апелляцію.... дѣло-то совершенно правое, а секретарь его покривилъ-таки порядочно.

— Полноте, что вы говорите? Неужели Петръ Кирилычъ?...

— Да разумѣется Петръ Кирилычъ... Кому же больше.

— Скажите, пожалуйста.... Я какъ-то, знаете, чувствовалъ всегда, что онъ долженъ быть взяточникъ, и мнѣ всегда было непріятнó смотрѣть на него.... А между тѣмъ, кого я ни спрашивалъ, всѣ имъ очень довольны; говорятъ, что это человѣкъ честный и добрый....

— Да-съ, добрый человѣкъ, а вотъ онъ какія штуки выдѣлываетъ... Я сегодня нарочно къ вамъ пришелъ, вотъ съ Андреемъ Васильичемъ, чтобы попросить вашего совѣта въ одной исторіи... Мнѣ удалось сегодня поймать Петра-то Кирилыча.... Такъ теперь какъ поступить съ нимъ?

— Какъ поймать?... Какимъ это образомъ?

— Да вотъ видите, — собираюсь я сегодня въ Палату, — вдругъ влетаетъ Струшинъ, что по Балакаевскому дѣлу....

— Какое это Балакаевское дѣло?... Я что-то не помню...

— Да оно еще не такъ давно. У васъ по нему всего двѣ или три бумажонки было. Значительное, впрочемъ, дѣло. Такъ Струшинъ вздумалъ подкупить меня и секретаря. Я, натурально, отказался и прогналъ было его. Только онъ у меня спрашиваетъ, гдѣ живетъ секретарь, или, говоритъ, вы ему, можетъ быть, возьметесь передать. Я понимаю, что это опять уловка, и говорю ему: извольте, я передамъ, и, пожалуй, росписку вамъ дамъ. Очень хорошо, говоритъ, только ужъ вы мнѣ и отъ секретаря росписочку доставьте, что онъ получилъ отъ васъ. Хорошо, говорю. Такъ и сладили. Послѣ присутствія я позвалъ Петра Кирилыча къ себѣ, да вотъ, при Андреѣ Васильичѣ, передалъ ему деньги, тысячу рублей, и росписку взялъ, что получилъ онъ деньги на первоначальные расходы по дѣлу.

— Неужели такъ и въ роспискѣ написалъ? Вотъ сплошалъ-то человѣкъ.

— Не сплошалъ бы, если бы въ головѣ не шумѣло-съ. Да и то едва могъ уговорить. Нѣтъ, никакъ не хочетъ. Только и рѣшился, когда я сохранную запись Струшина показалъ, въ которой онъ требуетъ, чтобы я взялъ деньги для передачи секретарю и представилъ отъ него росписку. Такъ вотъ теперь что дѣлать намъ? Вѣдь, я думаю, дѣло пустить законнымъ порядкомъ, чтобы на совѣсти не было.

— То есть какъ же-съ? Неужели вы рѣшились донести на своего сослуживца? А вѣдь тутъ, какъ дѣломъ ни верти, оно все будетъ имѣть видъ доноса.

— Безъ всякаго сомнѣнія. Но что же дѣлать? Нужно только пожалѣть о томъ, что имѣешь несчастіе служить съ такими людьми. А вѣдь какъ же иначе? Злоупотребленія не могутъ быть открыты иначе. Да хоть теперь вотъ ваши цензоры. Какъ они будутъ открывать злоупотребленія? Вѣдь ужь, конечно, доносить будутъ о всякомъ нарушеніи правилъ чести.

— Конечно, такъ. Вы правы. Но знаете, нельзя ли какъ-нибудь вразумить человѣка, наставить тамъ.... Вѣдь это, знаете,— ну, можетъ быть, по увлеченію, по затмѣнію какому-нибудь.

— Нѣтъ, Николай Владиміричъ, ужь ежели предпринимать радикальное истребленіе зла, то и мѣры должны быть радикальныя. Всякій плутъ съумѣетъ оправдаться, когда дашь ему возможность оправдываться. Ему ничего не стоитъ сказать, что онъ поступалъ такъ по увлеченію, по неопытности. Но не надобно же забывать, что какой-нибудь Петръ Кирилычъ сорокъ лѣтъ вѣдь ужь такъ поступаетъ, — сорокъ лѣтъ позоритъ званіе чиновника и честь дворянина.... Нѣтъ-съ, тутъ надо дѣйствовать рѣшительно, строго, безпощадно.

И глаза Петра Спиридоныча засверкали, одна нога выставилась впередъ, правая рука поднялась, чтобы поправить очки, запрыгавшія на носу доблестнаго оратора во время его рѣчи. Товарищъ предсѣдателя посмотрѣлъ на него и умилился.

— Вы правы, сказалъ онъ глубоко-разстроганнымъ голосомъ: — въ васъ больше энергіи, чѣмъ у меня. Посовѣтуемтесь же, что̀ намъ дѣлать.

И доблестный тріумвиратъ принялся совѣтоваться. Аменскій предлагалъ собрать завтра всѣхъ чиновниковъ Палаты, и предъ всѣми изложить дѣло со всѣми подробностями, приготовивъ для секретаря «скамью обвиненныхъ», каковой въ Гражданской Палатѣ, къ сожалѣнію, не водилось. Товарищъ предсѣдателя, одобряя эту мѣру, находилъ, однако, что она не достаточно широка, и предлагалъ, кромѣ того, написать статью о секретарѣ и помѣстить во всѣхъ губернскихъ и столичныхъ вѣдомостяхъ, а если можно, то перевести ее и на иностранные языки. Но противъ этого Аменскій горячо возсталъ, доказывая, что намъ не слѣдуетъ стыдить себя передъ Европой. Товарищъ предсѣдателя возразилъ, что онъ объ этомъ думалъ и все предвидѣлъ, и нашелъ средство предотвратить всякіе невыгодные толки. Средство это очень простое: придать фамиліи секретаря нѣмецкое окончаніе и начать статью размышленіями о томъ, что поговорка о германской честности совершенно лишена основанія. Аменскій началъ соглашаться съ этимъ, и дѣло совершенно было устроилось къ общему удовольствію, но Петръ Спиридонычъ, почти все время молчавшій, напомнилъ имъ, что фамилію Петра Кирилыча довольно трудно передѣлать на нѣмецкій ладъ, потому что онъ прозывался Христорождественскій. Юные патріоты съ горестью

должны были согласиться, что россійское происхожденіе секретаря ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть скрыто. Ошарскій воспользовался, какъ искусный тактикъ, минутою ихъ унынія, стремительно краснорѣчивой рѣчью убѣдилъ, что самое лучшее отправиться сейчасъ же къ предсѣдателю и представить ему необходимость нарядить слѣдствіе для разсмотрѣнія гнусныхъ поступковъ г. Христорождественскаго. Застигнутые врасплохъ, юноши согласились, и вмѣстѣ съ Петромъ Спиридонычемъ отправились къ предсѣдателю. Этотъ почтенный старецъ необычайно изумленъ былъ ихъ повѣствованіемъ, но сначала довольно хладнокровно и даже съ нѣкоторой самоувѣренностью рѣшился было замѣтить, что это вздоръ и пустяки. При такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла, Николай Владимірычъ притно смутился и заикнулся на полсловѣ, а Аменскій началъ же что-то въ родѣ оправданія въ своей дерзости. Но Петръ Спиридонычъ разразился такой жолчной филиппикой противъ чиновничества, какой позавидовалъ бы самый задорный театральный чиновникъ, и заключилъ іереміадой объ участи бѣдной братьи.

— Назначатъ ревизора, говорилъ онъ плачевнымъ голосомъ: — наряд[ятъ] слѣдствіе, отдадутъ подъ судъ и праваго, и виноватаго. Бѣдные чиновники останутся безъ куска хлѣба, оплеван[ные], опозоренные. Тѣхъ, которые поничтожнѣе, выгонятъ и ошт[р]афуютъ, а тѣхъ, кто повыше, истиранятъ судомъ и ошельмуютъ навѣки. Можетъ и Сибири не миновать кому-нибудь.

[Н]апоминаніе о Сибири какъ-то особенно непріятно дѣйствовало на почтеннаго старца. Онъ начиналъ ёжиться, озираться и [ог]ниваться, весьма напоминая видомъ своимъ кошку, которая [чует]ъ что задавила барскую канарейку, и замѣчаетъ за собой [сл]ѣдованіе. Не успѣлъ еще Петръ Спиридонычъ окончить [своихъ] зловѣщихъ разсужденій, какъ предсѣдатель былъ уже [согласе]нъ передать дѣло въ руки губернатора и просить его о [назнач]еніи слѣдствія. Довольный результатомъ своего красно[рѣчія] Ошарскій удалился, вмѣстѣ съ юными сподвижниками [и] захвативъ съ собою, для безопасности, всѣ росписки, [которы]я онъ бралъ съ собою и показывалъ предсѣдателю. [Пре]досторожность оказалась не лишнею. Тотчасъ по уходѣ [ихъ] предсѣдатель послалъ за секретаремъ и передалъ ему все. [П]етръ Кирилычъ пришелъ въ крайнее негодованіе и, ска[залъ ру]шительно, что онъ уничтожитъ доносчика, тотчасъ

спросилъ свою росписку. Но, узнавъ, что она осталась въ рукахъ у Ошарскаго, онъ до того вышелъ изъ себя, что вслухъ назвалъ предсѣдателя бабой, чѣмъ престарѣлый сановникъ, имѣвшій претензію на воинственную осанку, не мало оскорбился. Объясненіе вышло довольно крупное, такъ что предсѣдатель два раза назвалъ даже Петра Кирилыча милостивый государь. Кончилось оно тѣмъ, что секретарь, подумавъ и сообразивъ что-то, объявилъ, что онъ завтра же подастъ въ отставку. На другой день, дѣйствительно, въ присутствіе поступилъ рапортъ секретаря о болѣзни, и вмѣстѣ съ тѣмъ просьба объ увольненіи отъ службы по разстроенному здоровью. Просьба заслушана, помѣчена, и отправлена куда слѣдуетъ. Должность Петра Кирилыча сталъ исправлять Петръ Спиридонычъ.

Въ тотъ же день весь городъ узналъ о продѣлкѣ Ошарскаго, и на всѣхъ перекресткахъ раздавались проклятія его подлости. О немъ сочиняли легенды, ему приписывали вещи, о которыхъ онъ и понятія не имѣлъ, — напримѣръ болѣзнь маленькой дочери соляпаго пристава, приключившуюся *съ глазу*, смерть замерзшаго объ Рождествѣ дворника изъ того дома, въ которомъ жилъ Ошарскій, уродство квартальнаго, сломавшаго себѣ ногу о чье-то костлявое туловище, и т. п. Противъ него составляли заговоръ, какъ противъ человѣка, вреднаго для общественнаго спокойствія. Въ Палатѣ никто на него смотрѣть не хотѣлъ и даже писцы, собравшись рано утромъ, толковали о томъ, что надо грубить Ошарскому и выгнать его, наконецъ, изъ службы. Толки эти были, противъ обыкновенія, шумны и рѣшительны, и прекращались только съ приходомъ Аменскаго, котораго опасались, какъ сообщника Ошарскаго въ злодѣйскомъ доносѣ. Дѣла, впрочемъ, шли прежнимъ порядкомъ; никакихъ покушеній на личное спокойствіе Петра Спиридоныча не было, и всѣ его приказанія исполнялись безпрекословно, даже еще скорѣе, чѣмъ у прежняго секретаря. За то, по окончаніи присутствія, Ошарскому доставалось. У нѣкоторыхъ чиновниковъ открылись сходки, имѣвшія спеціальное назначеніе разсуждать о подломъ его поступкѣ, и пріискивать средства всячески вредить ему.

— Сегодня встрѣтился я съ Петромъ Кирилычемъ, говоритъ одинъ совѣтникъ Правленія на вечерѣ у другаго совѣтника.— Въ какомъ онъ жалкомъ положеніи теперь. И какъ благодушно, истинно по христіански, переноситъ онъ свое горе. Что, говорю, Петръ Кирилычъ, какъ это такъ, внезапно, такой ударъ.

Что дѣлать, говоритъ, Богъ далъ, Богъ и взялъ.... Такъ и сказалъ....

— Да какъ и не сказать, заговорилъ губернскій казначей.— Я не знаю, это какое-то дьявольское навожденіе было. Съ кѣмъ онъ на своемъ вѣку не тягался? Лѣтъ двадцать-пять тому, я думаю, я еще мальчишкой былъ, такъ помню все толковали, что какой-то страшный слѣдователь пріѣхалъ. Тогда губернатора перевели куда-то, вице губернатора смѣнили, предсѣдателя головной Палаты отставили, всѣхъ чиновниковъ почти раскассировали. А Петръ Кирилычъ тогда цѣлую Палату отстоялъ. Никого не тронули. Одного только столоначальника тогда прогна за небрежность. Ну, да ужь тотъ самъ виноватъ. Подалъ докладъ предсѣдателю, а въ немъ писецъ вмѣсто Семену Иванычу написалъ Сену Иванычу. Докладъ-то и попадись въ руки визору. Сейчасъ обратилъ вниманіе. Тонкая такая бестія была. кь не прорвется ничто у него. Что это, говоритъ, Семенъ Иваычъ, у васъ чиновники правописанія не знаютъ. Называютъ они ъ сѣномъ, да *есть* пишутъ. Писали бы ужь, по крайней мѣ*ять*. Да этакъ въ полномъ-то присутствіи. Ну, натурально, лоначальникъ на другой же день въ отставку долженъ былъ ать, а писецъ-то уцѣлѣлъ какъ-то. Такъ вотъ противъ какихъ ей Петръ-то Кирилычъ устоять съумѣлъ. Ему, можно ска-, вся Палата вѣчной признательностью обязана. Да, въ то я-то ужь не такія исторіи были, что теперь. Хоть бы и свиься-то, такъ не диво было. А теперь, посудите сами.... отъ чишки. Вѣдь Ошарскій-то противъ него еще мальчишка, ься бы у него долженъ. А тутъ приходится эдакій срамъ ѣть.

- Но какъ же это можно, вступилась жена ассессора Прав: — это надо не допустить, — просто не позволить, остаь эту отставку, сказать, что мы всѣ не хотимъ, что Ошарвмѣсто того нужно отставить.

Да, останови поди, больно бойка, отвѣчалъ мужъ ея.— Кирилычъ-то самъ сплоховалъ, такъ не поможешь. Потоя онъ подать просьбу. Боялся, говоритъ, что передадутъ, эмъ дѣлѣ, губернскому начальству для изслѣдованія. А ему, дураку, испугаться-то было. Что за бѣда, нарядили дствіе, да и оправдали его.... и этого выскочку самого а бы согнали.

— И еще сгонимъ, началъ хозяинъ дома. — Петръ Кирилычъ, разумѣется, человѣкъ старый, много-то возиться ужь и не рѣшается. Куда же ему съ эдакимъ мошенникомъ тягаться.

— Полноте, пожалуйста, Иванъ Ѳомичъ, перебилъ ассессоръ. — Только-то вѣдь и есть развѣ, что мошенникъ, этотъ Ошарскій.... а въ дѣлахъ-то онъ никуда не годится.... Рѣшетиловское-то дѣло онъ испортилъ, всѣ говорятъ. Петръ Кирилычъ такъ его чисто обдѣлалъ, что иголки подточить нельзя было. Балакаева тоже Петръ Кирилычъ заставилъ поплатиться. Тотъ было и не хотѣлъ. Дѣло, говоритъ, ясное. Такъ ему Петръ Кирилычъ-то такой ясности задалъ, что онъ свѣту Божьяго не взвидѣлъ. Ну, и раскошелился, разумѣется.... Нѣтъ-съ, до Петра Кирилыча и нашему брату, опытнымъ людямъ, далеко еще, а не то что этому молокососу....

— Да-съ, это истинно такъ. Жаль, отъ души жаль почтеннаго Петра Кирилыча. Рѣдкій былъ человѣкъ. И мнѣ, бывало, сколько онъ совѣтовъ хорошихъ давалъ, съ прискорбіемъ замѣчалъ хозяинъ дома.

Въ это же самое время, въ другомъ концѣ города, собрались столоначальники палатскіе съ женами и чадами, къ одному изъ своихъ товарищей. Здѣсь тоже цѣлый вечеръ разговоръ вертѣлся на подлости, сдѣланной Ошарскимъ.

— Послѣ этого жить нѣтъ возможности, говорилъ одинъ изъ гостей, пожилой человѣкъ, очень худощавый и жолчный. — Этакого мальчишку, свинью, можно сказать, посадили за столъ, а онъ и ноги на столъ. Да вѣдь важничать-то нечего передъ нами. На нашей памяти въ люди-то вышелъ.... у меня въ столѣ былъ лѣтъ десять тому назадъ, такъ только тѣмъ и бралъ, что все мнѣ перья чинилъ. Только и дѣлать-то умѣлъ.... Бывало, не пикнетъ. Дашь что изъ стола, коли придется, такъ радъ, кланяется въ поясъ, а не дашь, такъ и безъ него раздѣлишь. Слова выговорить не смѣетъ, бывало. А тутъ вдругъ полѣзъ, и чортъ ему не братъ.

— Да чего далеко ходить, Василій Никифорычъ, отвѣчалъ другой столоначальникъ, помоложе: — я самъ вѣдь помощникомъ былъ, какъ онъ поступилъ-то къ намъ. Гривенниками, бывало, бралъ за то, чтобы нумерочикъ выставить. Ужомъ извивался передъ всѣми. Задавить можно было, какъ гадину. Кто зналъ тогда, что онъ этакъ пойдетъ?

— И чего онъ хочетъ наконецъ? заговорилъ третій, очень молодой, съ претензіями на щегольство и высшій тонъ. — Я всегда считалъ его по крайней мѣрѣ не дуракомъ. А онъ вдругъ увлекается въ эти химерическія мечтанія, связывается съ товарищемъ председателя, дѣлается фискаломъ, грозитъ общему спокойствію, потому что наконецъ и мы не можемъ быть спокойны.

— Чортъ бы его взялъ, мошенника. Будешь съ нимъ спокоенъ, снова вступился жолчный Василій Никифорычъ. — Да до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока съ лица земли не сотру этой адины. Вишь, какія дѣла задумалъ.... Да что онъ, передѣлать, то ли, всѣхъ хочетъ?... Нѣтъ, братъ, шутишь.... поздненько.... [о сѣдыхъ волосъ дожили, такъ ужъ мальчишкѣ этакому покояться не станемъ, не будемъ по твоей дудкѣ плясать.

— Ахъ, ты Господи Боже мой, со вздохомъ начала жена асилья Никифорыча. И правда, видно, что послѣднія време приходятъ. Тогда вѣдь, написано, возстанутъ братъ на бра и сынъ на отца.... А ужъ истинно Петръ-то Кирилычъ могъ л отцомъ считаться этому лиходѣю, прости Господи....

— Полно, матушка, онъ самъ-то антихристъ и есть.... Отго у него и рожа-то такъ изрыта.... Дьяволы рогами искорляли.

Это замѣчаніе Василья Никифорыча возбудило общій воргъ и вызвало новыя остроты на счетъ Опарскаго. Говорили, о онъ еще и въ семинаріи ябедникомъ былъ, и выгнанъ пому, что въ Семинаріи ректоромъ сдѣлался инспекторъ, на которого онъ прежде наушничалъ ректору. Говорили, что онъ соітываетъ, кто сколько разъ плюнетъ, чихнетъ, высморкается все это записываетъ, чтобы донести при случаѣ. Посреди хъ тонкихъ намековъ и остротъ раздался вдругъ дребезжаі голосъ стараго, престараго, архиваріуса, все время сиішаго молча и думавшаго какую-то глубокую думу....

— Нѣтъ, заговорилъ онъ на распѣвъ: — помяните мое сло.. Онъ не для честности это сдѣлалъ... Человѣкъ онъ неный.... Нѣтъ, — онъ просто весь вашъ доходъ къ рукамъ брать хочетъ.... Вотъ что.... Помяните мое слово.... Онъ съ у всѣхъ хлѣбъ отобьетъ.... А самъ-то онъ себѣ на умѣ....

— Ну, ужъ это, Тихонъ Ильичъ, извините.... Доходовъ нашъ никогда онъ не уничтожитъ, хоть еще двадцать проэкъ напиши съ товарищемъ председателя-то.... Только что на-

костить будетъ, а толку-то все также не выйдетъ ни какого... Ни себѣ, ни людямъ, — и будетъ, что собака на сѣнѣ.... Куда ему себѣ на умѣ быть.... Что вы говорите.... Ка-бы себѣ на умѣ-то былъ, такъ бы такихъ глупыхъ штукъ не выкидывалъ.... Просто вздурился, бестія.... Еще прежде-то туда и сюда былъ, а теперь ужь совсѣмъ спятилъ....

— Нѣтъ, помяните мое слово, повторилъ на распѣвъ архиваріусъ, но его никто не хотѣлъ слушать, потому что никто не хотѣлъ допустить ни малѣйшаго *смягчающаго обстоятельства* въ пользу Петра Спиридоныча....

Мало по малу городскіе толки приняли фантастическій колоритъ, а разсужденія чиновниковъ угрожающій характеръ. Черезъ нѣсколько дней, городовой разсказывалъ горничной полицеймейстера, что Ошарскій явился къ секретарю переодѣтый въ гусарскій костюмъ и, приставивши ему пистолетъ ко лбу, заставилъ подписать просьбу объ отставкѣ и вексель въ десять тысячъ рублей. А двѣ нищія старухи, стоявшія у церковныхъ дверей въ ожиданіи конца обѣдни, при видѣ Ошарскаго, входившаго въ церковь, съ ужасомъ начали разсказывать другъ другу подробную исторію о томъ, какъ онъ въ видѣ огненнаго змѣя спустился въ трубу къ секретарю и заставилъ его подписать отреченіе отъ вѣры, заплативши за каждое слово по золотому, — какъ потомъ отреченіе это появилось гдѣ то, а деньги разсыпались черепками, какъ потомъ оборотень, возвращаясь отъ секретаря, наткнулся на жену старика предсѣдателя и проскользнулъ у ней подъ ногами, оборотившись кошкой, и т. д. Въ Палатѣ же негодованіе со дня на день шло все crescendo. Къ концу недѣли стали ругать Петра Спиридоныча уже и при Аменскомъ. Простодушный юноша принялся было защищать его, выставляя на видъ какіе-то принципы, понятіе о долгѣ, и т. п. Но скоро онъ долженъ былъ замолчать.... Для чиновниковъ дѣло шло о личности, а не о принципѣ. Принципъ стоялъ у нихъ уже выше всякаго сомнѣнія и понятіе о долгѣ просителя въ отношеніи къ чиновнику было у всѣхъ ясно и непоколебимо.... Самъ Ошарскій уклонялся отъ всякихъ разговоровъ и объясненій; это придало смѣлости чиновникамъ, и Василій Никифорычъ, замѣтивъ издали, что онъ идетъ въ комнату, нарочно крикнулъ однажды какому-то просителю: «Чего вы пристаете? Ступайте къ секретарю.... А мы что!... Мы, чай, не благодарность беремъ съ васъ, что станемъ скорѣе-то дѣлать, чѣмъ

надобно.... Скоро-то при прежнемъ секретарѣ дѣлалось, а при этомъ и подождете....» Ошарскій услышалъ пазидавіе, но не смутился, какъ ожидали чиновники, а совершенно спокойно подошелъ къ жолчному столоначальнику и съ ласковой улыбкой сказалъ: — Я не понимаю, господа, почему вы думаете, что я стану противиться полученію законнаго вознагражденія за ваши труды. Поступайте, пожалуйста, во всемъ, какъ прежде... Только росписокъ не давайте, — потому что это можетъ компрометировать цѣлое учрежденіе....

Эта выходка повергла въ сильное недоумѣніе всѣхъ чиновниковъ. Толки возобновились еще съ бо̀льшею силою, хотя уже безъ прежняго ожесточенія, и нѣкоторые припомнили слова стараго архиваріуса, которымъ прежде никто не хотѣлъ вѣрить....

Петръ Спиридонычъ, между тѣмъ, шелъ исполинскими шагами къ своей цѣли — къ примиренію со своими сослуживцами Сначала многіе просители, услышавъ о новомъ неслыханномъ дивѣ, честномъ секретарѣ, и проникшись очень быстро новыми понятіями о правосудіи, стали являться съ пустыми руками; но Ошарскій такъ ловко проводилъ ихъ, такъ явно дѣлалъ всякаго рода прижимки, что скоро всѣ возвратились къ прежнимъ убѣжденіямъ, оставивши аркадскія мечтанія. Чиновники стали поговаривать, что, дѣйствительно, новый секретарь понимаетъ дѣла и совсѣмъ не такъ глупъ, какъ казалось имъ прежде... Балакаевское дѣло Петръ Спиридонычъ круто повернулъ въ пользу Струшина и еще разъ заставилъ Балакаева пріѣхать и поплатиться съ Палатой, послѣ этого дѣло рѣшено въ пользу Балакаева, и чиновники стали говорить, что Ошарскій — человѣкъ, повидимому, благонамѣренный.... Аменскій разъ забылся въ присутствіи Петра Спиридоныча и обругалъ одного изъ столоначальниковъ за взяточничество; черезъ недѣлю ретивому юношѣ велѣно было подать въ отставку. Это многихъ окончательно примирило съ новымъ секретаремъ, особенно когда многіе достовѣрные люди стали разсказывать, что онъ принимаетъ у себя на дому просителей, и отъ просителей принимаетъ все предлагаемое ими, внушая при томъ, чтобъ они не забыли и остальныхъ.

Прошло мѣсяца три или четыре. Петръ Спиридонычъ утвержденъ былъ въ должности секретаря и устроилъ у себя вечеринку. Всѣ его товарищи по службѣ и многіе яростнѣйшіе непріятели его изъ другихъ вѣдомствъ явились на его приглашеніе съ

искреннимъ радушнымъ привѣтомъ и отъ всего сердца пожелали ему долгаго житья и успѣха въ дѣлахъ.

— А молодецъ Петръ Спиридонычъ,—нечего сказать, говорилъ губернскій казначей стряпчему, возвращаясь съ пирушки. Какъ онъ теперь, говорятъ, дѣлами заправляетъ, такъ просто любо посмотрѣть, да и только.

— Ну, все, вѣрно, противъ прежняго не будетъ, возразилъ стряпчій.

— Противъ Петра-то Кирилыча?... Да помилуйте,—вѣдь тотъ ужь былъ совсѣмъ старый человѣкъ, изъ ума выживалъ.... Да чего лучше вамъ — эта самая послѣдняя-то исторія, какъ онъ въ просакъ-то попался.... Вѣдь это смѣшно подумать.... Только и скажешь, что простота хуже воровства....

— А нечего сказать—изъ молодыхъ, да ранній, Петръ Спиридонычъ-то, замѣтилъ догнавшій ихъ ассессоръ. —Вѣдь что, ему еще тридцать лѣтъ есть ли, а этакое мѣсто получилъ. И продувной, вѣдь, бестія. Все у него шито да крыто.... Посмотрите, какъ онъ тутъ себѣ гомзульку-то набьетъ....

Въ такомъ родѣ были всѣ отзывы объ Опарскомъ въ этотъ замѣчательный вечеръ. Всѣ его ругали, правда, и даже если бы онъ слышалъ самыя похвалы, какія воздавались ему, то, можетъ быть, ему бы не поздоровилось отъ этакихъ похвалъ; но при всемъ томъ замѣтно было, что общее мнѣніе измѣнилось въ его пользу. Похвалы были искренни, безъ малѣйшаго оттѣнка ироніи, а брань была какая-то мирная, патріархальная и напоминала идиллическую картину, какъ добрый папенька, откормивши своего сынка, бранитъ его толстякомъ, пузаномъ, бутузкой, бычкомъ и тому подобными названіями, которыя хотя въ сущности обидны, но тѣмъ не менѣе всѣми принимаются за ласку. Примиреніе было полное; даже самъ Василій Никифорычъ смягчился, убѣдившись въ истинѣ словъ архиваріуса и придавъ имъ даже болѣе обширный и болѣе опредѣленный смыслъ.

— Какой вѣдь, кажется, милый человѣкъ, говорила жена его въ тотъ же вечеръ, возвращаясь съ мужемъ отъ Опарскаго:—а эдакую подлость позволилъ себѣ сдѣлать съ старикомъ.

— Съ какимъ старикомъ? спросилъ Василій Никифорычъ, давно позабывшій ужь и думать о доносѣ.

— Съ Петромъ Кирилычемъ то.

— Э, матушка, ты этого ничего не понимаешь.... Какая тутъ, чортъ, подлость, гдѣ ты тутъ подлость нашла? Это просто раз-

счетъ.... Ему самому хотѣлось мѣсто секретарское получить, — онъ для этого и подвелъ все.... Говорятъ, что онъ и Струшина-то самъ уговорилъ росписки-то эти писать.... Тому и горя мало было.... Да и денегъ-то, говорятъ, привезъ тотъ не одну тысячу, а три.... Такъ вотъ тутъ и разбирай, кто кому зубы-то во рту пересчиталъ.... Въ то время всѣ кричали, и я самъ тоже думалъ, что подлость, подлость.... Анъ вотъ оно какъ дѣло-то вышло наружу, такъ и выходитъ, что больше ничего, какъ разсчетъ.... Секретарскаго мѣста добивался, — вотъ и все.... Отъ этого бы и мы съ тобой, матушка, не отказались....

Н. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

ПОЛУЧЕНІЕ ДОЛГА.

УѢЗДНАЯ СЦЕНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ИВАНЪ ДМИТРИЧЪ СКРОМНИКОВЪ, бѣдный помѣщикъ, 24 лѣтъ, заимодавецъ.
КУПЕЦЪ КРИВОБРЮХОВЪ, должникъ, 50 лѣтъ.
ПЕТРЪ ѲЕДОРЫЧЪ ШАКОЛЬНИКОВЪ, исправникъ, 30 лѣтъ.
ИЛЬЯ ИЛЬИЧЪ СЕВИРЯКОВЪ, стряпчій, 35 лѣтъ.
Непремѣнный засѣдатель, 40 лѣтъ, безъ рѣчей.
ПАВЕЛЪ НИКОЛАИЧЪ ЛЫСЬКОВЪ, становой, 35 лѣтъ.
Хозяева квартиры Скромникова; мальчикъ—слуга Шакольникова,—безъ рѣчей.

Дѣйствіе происходитъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, стоящемъ при судоходной рѣкѣ, по которой ежегодно сплавляются барки съ хлѣбомъ, льномъ, дровами и т. п.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Бѣдно убранная комната квартиры Скромникова. Скромниковъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, купецъ Кривобрюховъ стоитъ недалеко отъ двери, подавшись корпусомъ нѣсколько впередъ; одна рука заложена за спину, другою поглаживаетъ бороду. — Хозяйка квартиры Скромникова, мѣщанка лѣтъ 50, бѣдно одѣтая по-русски, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ, и сынъ ея, парень лѣтъ 25, остриженный въ кружокъ, въ долгополомъ сюртукѣ, — проходятъ по-часту по комнатѣ, то за самоваромъ, то за щетами и т. п., и слышатъ весь разговоръ Скромникова съ Кривобрюховымъ.

Кривобрюховъ. Такъ выходитъ-съ, что я вашему благородію долженъ остаюсь двѣсти цѣлковыхъ?

Скромниковъ. Ну, да. Срокъ съ сегодняшняго числа мѣсячный.

Кривобрюховъ. Такъ точно-съ. Векселекъ или росписку желаете получить?

Скромниковъ. Вексель лучше.

Кривобрюховъ. Намъ это все единственно-съ. Только ужь издержки-съ какія слѣдуетъ, и кому слѣдуетъ за труды — сами знаете-съ — ужь это, ваше благородіе, на вашъ счетъ-съ примите-съ.

Скромниковъ. Нѣтъ, и издержки всѣ твои.

Кривобрюховъ. Уговору такого-съ первоначально не было... Развѣ пополамъ-съ... Для уваженія вашего благородія извольте-съ, я уплачу половину. А впрочемъ, ваше благородіе, деньжонки не важныя; сумма такая-съ, что и на слово повѣрить можно-съ...

Скромниковъ. Кому не важная, а кому и важная...

Кривобрюховъ. Знаемъ-съ, что вы капиталовъ не имѣете; да вексель хлопотливѣе-съ, а росписка святое дѣло: хлопотъ никакихъ-съ, тутъ же бы на вашей квартирѣ и покончили. Вѣдь-съ на людяхъ все; вотъ тутъ и хозяюшка ваша и сынокъ ея — люди живые-съ... Намъ не эдакія суммы на слово вѣрятъ-съ... А въ эдакой бездѣлицѣ будьте, ваше благородіе, безъ сумленія...

Скромниковъ. Да ты, кажется, и писать не умѣешь?

Кривобрюховъ. Помилуйте, ваше благородіе, мы люди торговые; росписокъ многонько давали, и всякія бумажныя сдѣлки дѣлали... Дѣло извѣстное: по неумѣнію грамоты, по личной просьбѣ моей, другой подписываетъ. А если сумнительно вашему благородію, то мы двухъ свидѣтелей грамотныхъ-съ подберемъ — все едино, что вексель будетъ.

Скромниковъ. Ну, пожалуй, росписку такъ росписку; только чтобъ не меньше двухъ свидѣтелей было...

Кривобрюховъ. Это сейчасъ-съ; дѣло пустое-съ... Не извольте безпокоиться...

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ЧЕРЕЗЪ ЧЕТЫРЕ МѢСЯЦА.

Квартира Шакольникова, убранная съ претензіями на роскошь.

ШАКОЛЬНИКОВЪ сидитъ за письменнымъ столомъ, погруженный въ разсчеты. Непремѣнный засѣдатель сидитъ поодаль. СИБИРЯКОВЪ стоитъ близь стола На другомъ столѣ стоитъ водка и вина съ закусками.

Шакольниковъ. На канцелярію, господа, я положилъ триста рублей; секретарю полтораста рублей. — Въ прошлую весну,—чтожъ, я еще тогда первый годъ служилъ,—даю я ему семьдесять пять цѣлковыхъ—вѣдь не взялъ, шельма!.. долженъ былъ еще пятьдесятъ прибавить... Взялъ, и то кислую рожу состроилъ... Ноныче сборъ, слава Богу, лучше—пусть ему полтораста.... Вамъ, г. непремѣнный засѣдатель, позвольте предложить двѣсти.... (*Непремѣнный засѣдатель молча беретъ деньги, кладетъ въ карманъ, раскланивается и уходитъ*)... Вамъ, Илья Ильичъ, большой кушъ, батюшка!... Пятьсотъ цѣлкачей!... Только ужь пожалуйста, батюшка, не тревожьте больше... Сами знаете, ноныче откупщикъ, бестія, убавилъ...

Сибиряковъ (*принимая деньги*). Да вѣдь вольно вамъ, Петръ Ѳедорычъ, потачку давать.... На него бы набавить слѣдовало, а вы...

Шакольниковъ (*съ жаромъ*). Батюшка, Илья Ильичъ, вѣрьте совѣсти, ей Богу невозможно... Онъ что говоритъ...

Входитъ ЛЫСЬКОВЪ (*размашисто.*)

Шакольниковъ и Сибиряковъ (*въ разноголосицу*): Павелъ Николаичъ!...

(Жмутъ руки, раскланиваясь.)

Шакольниковъ (*къ Лыськову*). Садитесь, пожалуйста... Милости просимъ (*подаетъ стулъ*). Эй, мальчикъ, трубку Павлу Николаичу!

Лыськовъ (*не садясь*). Благодарю... Трубку выкурю.... а сидѣть не хочу.

(Ходитъ размашисто по комнатѣ.)

Шакольниковъ (*Лыськову*). Водки, хересу—чего угодно? Пожалуйста.

Лыськовъ. Выпью... (*подходитъ къ столу съ закусками, пьетъ сряду три рюмки водки и ничѣмъ не закусываетъ. Мальчикъ подаетъ ему трубку; Лыськовъ беретъ и куритъ*).

Шакольниковъ (*садясь снова за столъ, Лыськову*). А у насъ, батюшка, вотъ тутъ разсчеты идутъ... Дѣлишки...

Лыськовъ. Вижу... Барки.

Шакольниковъ. Да, барки... да, знаете, все это не такъ, какъ хочется. Я люблю по товарищески, чтобъ всѣ это весело были... Служимъ вмѣстѣ, надо пособлять другъ другу, и горевать и радоваться вмѣстѣ.... Вотъ когда у Ильи Ильича жена ушла—я всякій день ходилъ утѣшать его (*глядя умильно на Сибирякова.*) Шибко вы изувѣчили ее, Илья Ильичъ! Просто котлетку сдѣлали... Дивлюсь, какъ она жива до сихъ поръ...

Сибиряковъ (*злобно*). Я, Петръ Ѳедорычъ, въ ваши семейныя дѣла не вмѣшиваюсь...

Шакольниковъ (*перебивая*). Да вѣдь я не къ осужденію вашему говорю!... Мнѣ чортъ съ ней совсѣмъ.... Мужъ бьетъ, значитъ жена стòитъ этого... Я за васъ, Илья Ильичъ! Вы тогда сильно разстроены были... Женщина беременная... могла бы умереть, ну все, знаете, непріятность.... Мы тогда все навѣщали васъ, жалѣли васъ, развлечь старались....

Лыськовъ (*перебивая, Шакольникову*). А что нонече сборъ?

Шакольниковъ. Съ барокъ-то? Да сборъ ничего: три тысячи цѣлковыхъ съ хвостикомъ...

Лыськовъ. Эхъ, господа, господа! Мнѣ эдакихъ кушей и вѣкъ прослужить, не увидишь! (*Вздыхаетъ*). А вы недовольны...

Сибиряковъ (*Лыськову*). Да вы посудите, Павелъ Николаичъ, я два мѣсяца боленъ былъ, Временное Отдѣленіе безъ меня ѣздило...

Лыськовъ (*перебивая*). Да, что ѣздило? Я самъ съ нимъ ѣздилъ.... Тутъ хоть два года ѣзди, а трехъ тысячъ не нагонишь.

Сибиряковъ. Ну, оно по немножку, а наберется.... Вѣдь я знаю.... Павелъ Николаичъ!... Во время моей болѣзни па слѣдствіи у Орфича, что мужикъ мужика нечаянно убилъ, на одну вашу часть пришлось сорокъ цѣлковыхъ....

Лыськовъ (*горячо*). Ну, сорокъ. Да вѣдь, Иванъ Ильичъ, дѣло-то уголовное!... То ли бы слѣдовало....

Сибиряковъ. Знаю, уголовное.... Да вѣдь дѣло было о праздникѣ, человѣкъ тридцать свидѣтелей было при убійствѣ; всѣ видѣли, что нечаянно.... Теперь-съ, въ погостѣ Либцахъ бѣглаго похоронили безъ вѣдома полиціи — сто рублей....

Лыськовъ (*благородно*). Туда батюшка, не я ѣздилъ—Петръ Ѳедорычъ самъ туда ѣздилъ, а меня не было....

Шакольниковъ. Что это?... Въ Либцахъ? на слѣдствіи? Я самъ былъ.... (*перебираетъ бумаги*).

Сибиряковъ (*Лыськову*). Ну-съ, въ деревнѣ, какъ её?—Берёстово — мужикъ жену застрѣлилъ нечаянно, и повальный обыскъ одобрилъ его, — шестьдесятъ рублей....

Лыськовъ (*озлобленно*). Ну, шестьдесятъ рублей....

Сибиряковъ. Въ Логовскомъ погостѣ у дьячка теща старуха умерла скоропостижно въ банѣ: лошадь, двѣ коровы и деньгами тридцать рублей....

Лыськовъ (*озлобленно*). Ну, тридцать рублей. Такъ чтожь?

Сибиряковъ. Да-съ. Это все во время болѣзни моей, и что ужь всѣ знаютъ, а что по мелочи....

Лыськовъ. Что по мелочи?... Эдакъ вы и овесъ лошадямъ и водку съ закусками, и куръ, да поросятъ — все въ доходъ поставите? Эхъ, вы!...

Сибиряковъ. Нѣтъ-съ, я не про поросятъ.... Про это кто говоритъ!... а вотъ въ тѣ же два мѣсяца выдали вы три свидѣтельства на залогъ, да произвели шесть описей....

Лыськовъ. Это вы что считаете? Это—больны вы не больны—все равно; это не ваша часть....

Входитъ СКРОМНИКОВЪ, со всѣми раскланивается; всѣ жмутъ ему руку, произнося взаимно имена и отчества

Шакольниковъ (*радушно, Скромникову*). Ну, что, батюшка, Иванъ Дмитричъ, какъ поживаете? Прошу покорно садиться.... Не прикажете ли водки? трубку....

Скромниковъ (*постоянно серьёзный*). Нѣтъ, благодарю. Я къ вамъ, Петръ Ѳедорычъ, съ просьбой....

Шакольниковъ (*обязательно*). Все, что угодно.... Мы ваши слуги!... Общество дворянъ сдѣлало мнѣ честь выборомъ въ исправники и вѣрьте, Иванъ Дмитричъ, всѣ силы кладу.... боленъ, батюшка, ей Богу боленъ! на груди пластырь ношу, но

за то — благодареніе Господу!... съ гордостію могу сказать: всѣ, всѣ господа дворяне, всѣ семьдесятъ господъ помѣщиковъ — всѣ чрезвычайно довольны мною.... (*Съ злою досадою*). Все, знаете, противъ взятокъ кричатъ, требуютъ законности.... Какъ будто мы что нибудь противъ закона дѣлаемъ!... Просьбы, знаете, письма на нашего брата губернаторамъ пишутъ: что, дескать, притѣсняемъ мужиковъ ихнихъ.... Что какому нибудь хаму прогоновъ, что ли, не выдали, или тамъ подводу не въ очередь взяли.... за всякаго мужика сиволдая заступаются.... и, знаете, такъ росписываютъ.... ну, словомъ (*съ злою ироніею*), — литераторы.... Эдакихъ бы надо, знаете, по шеямъ изъ благороднаго общества!... Не вольнодумствуй!... Ну, да чортъ съ ними!... Пусть ихъ умничаютъ.... Противъ всѣхъ не пойдутъ... Мы ихъ отдѣлаемъ.... А то (*съ жаромъ*), какъ честный и благородный человѣкъ говорю вамъ: я со всѣхъ сторонъ отъ благонамѣренныхъ дворянъ безпрестанно слышу о себѣ самые лестные отзывы и благодарность.... Они, знаете, дѣло понимаютъ: нашъ братъ, тоже, пить, ѣсть хочетъ....

Скромниковъ. Но, вѣдь вы получаете такое большое жалованье!...

Шакольниковъ. Что, батюшка, большое! Оно, точно, больше другихъ.... Но.... мало, вѣрьте Богу, мало!...

Скромниковъ (*оглядывая комнату*). Но вѣдь это какъ жить будете....

Шакольниковъ. Да какъ же жить-то? Я не могу жить какъ нибудь, по свински.... Я.... хозяинъ уѣзда! Мнѣ необходимо за столомъ бутылка добраго вина, шампанское изрѣдка.... Вѣдь благородное общество удостоило меня избраніемъ.... Пріѣзжаютъ ко мнѣ.... Я хочу быть признательнымъ.... Я, батюшка, не нѣмецъ, не чухна какой нибудь, — я привыкъ жить на широкую ногу.... Дворянство понимаетъ это и благодаритъ меня.... а я цѣню этимъ, Иванъ Дмитричъ! Я не щажу ни трудовъ, ни здоровья; всякому служу, изъ кожи лѣзу!... Вотъ вы пришли.... весь вашъ! располагайте мною... Теперь-то мы заняты.... дѣлъ множество.... срочныя....

Скромниковъ. Пожалуйста, кончите, что вамъ нужно.... Я могу подождать, если не очень долго....

Шакольниковъ (*съ жаромъ*). Ахъ, батюшка, вы не повѣрите, сколько хлопотъ и заботъ мнѣ!... Я принялъ Судъ въ страшномъ хаосѣ — вездѣ и во всемъ безпорядки были.... Вотъ

хоть бы (*указывая на столь съ бумагами*) барки,... Этого, чтожь? скрывать нечего.... Это безгрѣшный доходь!... Это всѣ знаютъ!..

Скромниковъ. Это, конечно....

Шакольниковъ (*перебивая*). Ну, вотъ и вы согласны со мною!... Но вы не можете представить себѣ, что тутъ до меня дѣлалось! Земскій судъ—это былъ грабежъ и кабакъ вмѣстѣ!.. Я (*ударяя себя кулакомъ въ грудь*) все въ порядокъ привелъ! Барки напримѣръ (*съ увлеченіемъ и жаромъ*): для барочнаго сбора особую квартиру нанялъ, своего писаря туда посадилъ— одного только,—все это, знаете, въ систему привелъ!... Сборъ правильный, а канцелярія—недовольна мной!... Какой-то негодяй изъ писцовъ на меня пасквиль сочинилъ.... Что я будто бы у нихъ хлѣбъ отнимаю... Ну и расписалъ тамъ эдакъ подъячески, какъ я попалъ въ исправники, что будто передъ выборами я спинную кость сломалъ, кланяясь, и что съ тѣхъ поръ у меня поясница болитъ и на ноги разбитъ будто бы оттого, что по лѣстницамъ много бѣгалъ.... ну, и долги мои всѣ расписалъ....

Скромниковъ. Да, я читалъ что-то.... по рукамъ ходитъ....

Шакольниковъ. Мнѣ только бы узнать, кто это....

(Сибиряковъ язвительно улыбается)

Шакольниковъ (*Сибирякову*). Ужь не вы ли, Илья Ильичъ?... Мнѣ говорили, что вы, да я вѣрить не хочу....

Сибиряковъ. Помилуйте, Петръ Ѳедорычъ! Стану ли я заниматься этимъ! Вѣдь за пасквиль подъ уголовный попадешь! Это изъ писцовъ кто нибудь: изъ вашей же канцеляріи, по злобѣ на васъ....

Шакольниковъ (*Скромникову*). Да вѣдь за что, батюшка? Именно за то, что я въ Судѣ кабакъ уничтожилъ! Вотъ — барки.... Вы знаете, какъ тутъ прежде дѣлалось? Вѣдь весна — время барочнаго сбора — сами знаете — это вѣдь для нашего Суда, то есть я про канцелярію говорю, это вѣдь жатва, батюшка!... это все одно.... какъ это говорится? — сборъ винограда въ.... землѣ какой-то.... какъ ее?... еще тамъ Чортовъ мостъ есть? слышалъ, да забылъ.... Тамъ, знаете, всѣ это жители во время сбора наряжаются, вездѣ пѣсни, вѣнки, веселье, пиршество!... Ну, вотъ и у насъ въ Судѣ весною—тоже пиршество.... Приказные, знаете, ходятъ такіе веселые, все это въ-росхмѣль...

Но вѣдь какъ это до меня дѣлалось! вы послушайте: какъ наступаетъ, знаете, это время сбора, то всѣ дѣла въ сторону! Изъ шкаповъ даже всѣ дѣла повыбросаютъ въ уголъ куда нибудь, а на мѣсто ихъ разставятъ по полкамъ все штофы, все штофы съ водкой... и ждутъ.... Являются барочные хозяева.... Ну, знаете, имъ къ-спѣху, надо торопиться, чтобы вода не спала.... торговля.... билеты надобны, — а приказные стоятъ у дверей поочереди: въ Судъ не пускаютъ!.. Этакіе молодцы!... Ну, народъ, знаете, хмѣльный—давай! говорятъ, кто хочетъ войти прежде! Ну, и по мелочи — четвертачокъ какой нибудь—что купцу или мужику-барочнику дать это — пустякъ! Всѣ ужь и знали это, и готовили заранѣе,—а приказнымъ хорошо: вѣдь человѣкъ до семисотъ перебываетъ! не одни городскіе и уздные — всѣ, у кого лѣсныя дачи есть.... Потомъ-съ въ присутствіе.... Ну, здѣсь, извѣстно, казенная пошлина и членамъ, что слѣдуетъ — больше четырехъ цѣлковыхъ рѣдко кто бралъ съ билета. Изъ присутствія въ канцелярію — печать приложить, расписаться и прочее, все это, знаете, особый отдѣлъ былъ, вездѣ — давай! За скрѣпу — давай! за приложеніе печати — давай! за роспиcку — давай!... Все это рвутъ, знаете,—успѣвай только кошель развязывать.... Просто, безобразіе!... Приказные берутъ и пьютъ.... барочники — платятъ и пьютъ.... все это по дружески, по домашнему: одинъ другаго по имени и отечеству... Ну, а изъ Суда тоже не пускаютъ: хоть малость какую, а — давай! Выходитъ наконецъ барочникъ изъ Суда, какъ липка ободранный, — нѣтъ, и то мало!... Приказный по бойчѣе — догонитъ его на улицѣ — хвать за плечи: стой! давай! да и наровитъ какъ бы билетъ изъ рукъ выхватить.... Ну, иной не робкаго десятка — отмахнется, а другой, особенно изъ мужичья, дастъ, — ужь это въ послѣдній разъ. Такъ вотъ-съ, какія дѣла дѣлались!... Сами посудите: это вѣдь развратъ чистый! Да и выгоды имъ же, приказнымъ, мало: не столько соберутъ, сколько пропьютъ.... Ну, я это все уничтожилъ.... У меня все въ порядкѣ.... Даетъ хозяинъ барки одному лицу — и имъ же, приказнымъ, лучше: они теперь больше получатъ.... Да еще я какъ сдѣлаю: я не всѣ деньги имъ на руки отдамъ.... Они вѣдь, батюшка, съ этихъ денегъ одѣваются!... Вѣдь у насъ канцеляріи взять не откуда, это не то, что въ Уѣздномъ Судѣ.... Тутъ ни купчихъ, ни закладныхъ, ни довѣренностей, а главное — тяжебныхъ дѣлъ — ничего этого

нѣтъ.... То я, какъ куплю сукна гуртомъ, кожи и прочаго, призову портнаго, сапожника, велю мѣрки снять и — самъ обошью канцелярію.... А то, знаете, деньги пропьютъ, а сами ходятъ оборванными, сапоги дирявые, — просто, срамъ, — еще отъ начальства за нихъ можно выговоръ получить.... Такъ видите ли: имъ же лучше, объ нихъ же забочусь — такъ нѣтъ! не довольны мною! сѣмя крапивное! Намъ чтó, говорятъ, одежда! чтó деньги! намъ не однѣ деньги дóроги, — вы, дескать, насъ разгула-то этого, пиршества весенняго лишаете!... Ну, да на нихъ нечего смотрѣть: мнѣ порядокъ дóрогъ. Я хочу, чтобъ и господамъ дворянамъ угодить и начальство чтобъ было довольно мною.... Прежній-то губернаторъ не благоволилъ ко мнѣ, — не тѣмъ будь помянутъ, — и совсѣмъ ужь я, знаете, на волоскѣ висѣлъ. Повѣрите ли: съ каждою почтою выговоръ.... Ну да, слава Богу, умеръ.... Я, батюшка, въ полпуда свѣчу Богу поставилъ, молебенъ отслужилъ, какъ узналъ, что онъ отправился въ елисейскія....

Скромниковъ. Ну, а новый каковъ?

Школьниковъ. Новый-то? Вотъ это вопросъ, батюшка!... Я хочу ѣхать въ губернію.... Я новому-то постараюсь въ душу влѣзть!... Ну, съ секретаремъ его знаю, какъ сдѣлаться... Нонече барки.... слава Богу, хорошо! Вотъ только это проклятое Губернское Правленіе — просто, раззоряетъ! Чуть не пошлешь кому слѣдуетъ къ сроку — тотчасъ нарочный летитъ... Губернатора-то новаго не знаемъ: всего двѣ недѣли, какъ поступилъ.... Строгъ, говорятъ. Онъ, знаете, ужь въ пятую губернію посылается для приведенія дѣлъ въ порядокъ.... Вы слышали, какъ онъ отвѣтилъ министру-то?

Скромниковъ. Министру? нѣтъ, ничего не слыхалъ.

Школьниковъ. Можетъ ли быть?... Эхъ, вы!... Ну, такъ я разскажу вамъ. Приходитъ онъ къ министру, уже послѣ назначенія въ нашу губернію, чтобы раскланяться.... Министръ говоритъ ему: «вы, ваше превосходительство, въ Крутогорской губерніи въ одинъ годъ до семидесяти человѣкъ отъ должностей отставили.... Надѣюсь, что къ Круторѣцкой будете снисходительнѣе.» А онъ ему, какъ бы вы думали, что отвѣтилъ? — «Я, говоритъ, ваше превосходительство, въ Крутогорской семьдесятъ отставилъ, а въ Круторѣцкой сто-семьдесятъ отставлю, если достойны будутъ.... Я, говоритъ, ваше выс-пр-ство съ негодяями и взяточниками служить не стану.» Съ тѣмъ и раскла-

нялся. Каковъ?... А въ нашу губернію пріѣхалъ, созвалъ чиновниковъ, да и говоритъ имъ: «У меня, говоритъ, господа, чтобъ взяточниковъ не было.... Если есть между вами такіе, то пусть заранѣе подаютъ въ отставку. Всѣхъ васъ, говоритъ, прошу, господа не забывать, что не губернія для насъ, а мы для губерніи....» Вотъ какой, батюшка! Подите, служите вы съ эдакимъ, прости Господи, чортомъ!...

Сивиряковъ (*перебивая*). Позвольте, Петръ Ѳедорычъ. Это ничего-съ.... Краснорѣчіе любятъ.... Нѣтъ-съ, съ эдакимъ служить можно. Гдѣ же у насъ взяточники?... Благодарность берутъ не на площади при народѣ.... Развѣ простофиля, дуракъ какой нибудь попадется-съ.... Ну, такъ такому и подѣломъ.... Дураковъ и намъ не надобно.... Они и дѣла не знаютъ-съ.... А умный человѣкъ — зачѣмъ ему попадаться-то? Притомъ же, извольте сообразить: его превосходительство, говорятъ, что сто-семьдесять отставятъ.... Ну, а на ихъ мѣста кого же опредѣлятъ? Гдѣ же нынче безсребренники?... Эдакое количество!...

Лыськовъ (*ударивъ по плечу Сибирякова*). Люблю Илью Ильича! Что скажетъ — то умно!...

Скромниковъ (*къ Шакольникову*). Такъ, вотъ-съ, Петръ Ѳедорычъ, на счетъ моего дѣла....

Шакольниковъ (*съ поклономъ*). Все, что прикажете!...

Скромниковъ. Купецъ Кривобрюховъ....

Шакольниковъ. Ахъ, батюшка, извѣстный мошенникъ!...

Скромниковъ. Долженъ онъ мнѣ двѣсти рублей; обязался отдать черезъ мѣсяцъ, росписку далъ, три свидѣтеля подписалось, кромѣ того четверо постороннихъ при этомъ было ... Теперь уже четыре мѣсяца прошло, а онъ отпирается вовсе отъ долгу.... Три мѣсяца назадъ подалъ я въ вашъ Судъ просьбу объ этомъ....

Шакольниковъ. Знаю, батюшка! Дѣло ваше мы отослали въ станъ — оно теперь у Павла Николаича, (*указывая на Лыськова*), — не угодно ли къ нимъ обратиться!

Скромниковъ (*нѣсколько озадаченный, къ Лыськову*). Какъ же, Павелъ Николаичъ? а вы мнѣ говорили, что оно въ Судѣ.... Такъ оно у васъ? Сдѣлайте одолженіе.

(Сибиряковъ взялъ фуражку, собираясь уйти).

Лыськовъ (*Скромникову*). Я читалъ ваше дѣло, Иванъ Дмитричъ. Оно, видите ли, по совѣсти вы правы, но по закону въ вашу пользу ничего нельзя сдѣлать!...

Скромниковъ. Помилуйте, Павелъ Николаичъ, да вы хоть по крайней мѣрѣ допросите свидѣтелей! Вѣдь семь человѣкъ свидѣтелей.

Лыськовъ. Да что допрашивать свидѣтелей? Кривобрюховъ въ объясненіи на вашу просьбу ихъ всѣхъ отводитъ подозрѣніемъ;—съ тремя, что подписались въ роспискѣ, онъ имѣлъ когда-то тяжбы; другіе—родственники подписавшимся; а хозяева ваши — вѣдь вы у нихъ въ домѣ жили? — нельзя-съ.

Скромниковъ. Помилуйте, какъ нельзя! Неужели деньги мои пропадутъ за этимъ мошенникомъ?! Какъ всѣхъ семерыхъ подозрѣніемъ отвести?!.. Нѣтъ, Павелъ Николаичъ, вы извините меня, я буду жаловаться!,..

Лыськовъ (*холодно*). Это ваше дѣло.

Сибиряковъ (*Скромникову*). Вы напрасно изволите горячиться, Иванъ Дмитричъ; тутъ не на что жаловаться: Павелъ Николаичъ не могутъ взыскать съ Кривобрюхова; дѣло должно прежде идти на судебное разсмотрѣніе, и какъ Судъ рѣшитъ. Полиція дѣлаетъ взысканія только по дѣламъ безспорнымъ; вотъ-съ, если бы Кривобрюховъ не отрицалъ долга, или былъ бы доведенъ полиціею до сознанія, — тогда такъ, — а на вашъ искъ-съ должникъ споръ предъявитъ....

Лыськовъ (*ласково взглянувъ на Сибирякова*). Ну, видите, Иванъ Дмитричъ?

Скромниковъ. Право, господа, я этого понять не могу.... Что это дѣлается? Судебное разсмотрѣніе.... Да вѣдь это, я знаю, года два протянется....

Сибиряковъ. Пожалуй, что и три набѣжитъ....

Скромниковъ. Войдите, господа, въ мое положеніе! Я человѣкъ бѣдный! Имѣніе у меня, какъ вамъ извѣстно, маленькое.... Я и то едва перебиваюсь.... Имѣніе заложено.... Срокъ платежа прошелъ уже.... Въ долгъ мнѣ не дадутъ. Мое имѣніе продадутъ съ аукціона.... Я послѣдняго угла лишусь!... Эти деньги необходимо мнѣ получить скоро.... (*Къ Лыськову съ упрекомъ*). Я вѣдь, Павелъ Николаичъ, вы знаете, готовъ былъ благодарить васъ....

(Сибиряковъ уходитъ).

Лыськовъ (*Скромникову.*) Мнѣ жаль васъ, Иванъ Дмитричъ, да дѣлать нечего! Вы слышали, что говорилъ Сибиряковъ: онъ дока. Никакъ нельзя! Законъ, батюшка!...

Скромниковъ (*озлобленно*). Но, помилуйте....

Лыськовъ (*перебивая.*) Послушайте, Иванъ Дмитричъ, я вотъ откровенно скажу: Кривобрюховъ—это извѣстная бестія: онъ не съ вами первымъ такія штуки дѣлаетъ ... Бѣглыхъ пристань—это у него.... Но за продѣлку съ вами я наказалъ его: эдакой канальи нельзя прощать.... Я взялъ съ него, я не скрываю, по вашему дѣлу тридцать цѣлковыхъ. Вы предлагали мнѣ двадцать-пять, но я не взялъ съ васъ, потому что по закону въ вашу пользу ничего нельзя сдѣлать.... А я даромъ брать денегъ не хочу!... (*Съ благороднымъ увлеченіемъ*). Я не грабитель какой нибудь!...

Школьниковъ (*слушавшій весь разговоръ съ добродушною улыбкой, тономъ разумнаго примирителя, къ Скромникову*). Послушайте, Иванъ Дмитричъ, моего совѣта. Я скажу вамъ, какъ сдѣлать: согласитесь взять половину съ Кривобрюхова? Я беру на себя уговорить его; я ручаюсь вамъ, что онъ отдастъ половину.... А вы уничтожите росписку — и дѣло съ концомъ!

Скромниковъ (*обидѣвшись.*) Помилуйте, половину! Онъ долженъ мнѣ отдать моихъ кровныхъ двѣсти цѣлковыхъ — я вѣдь ему отцовскую землю продалъ, располагалъ долги уплатить.... Половину!... Мнѣ обидно слушать слова ваши, Петръ Ѳедорычъ!

Школьниковъ (*убѣдительно.*) Иванъ Дмитричъ, подумайте! Лучше получить что нибудь, чѣмъ ничего.... «Съ худой овцы хоть клочекъ шерсти», какъ говаривалъ, вотъ предмѣстникъ Ивана Николаевича — про бѣдныхъ просителей.... Вѣрно говорю вамъ, Кривобрюховъ отдастъ половину, теперь же отдастъ.... Онъ отдастъ и потому, что разсчетъ вѣрный: сами посудите: дѣло пойдетъ къ судебному разсмотрѣнію, откуда опять къ намъ вернется.... Это вѣдь долга̂ пѣсня: Кривобрюховъ не дуракъ: тридцать цѣлковыхъ, какъ изволите слышать, онъ уже подарилъ Павлу Николаичу; дѣло пойдетъ дальше — не тридцати цѣлковыхъ стоить будетъ, сами знаете. Кривобрюховъ чечеловѣкъ денежный: Судъ можетъ признать правильность отвода свидѣтелей.... Но издержки Кривобрюхову станутъ болѣе ста рублей, не считая хлопотъ: онъ разсчитаетъ.... Я у него

похлопочу за васъ: возьмите половину, да и миръ!... А насъ бы на мировой шипучимъ поподчивали?... И хлопотъ никакихъ!

Лыськовъ (*Скромникову.*) Ну, вотъ вамъ Петръ Өедорычъ дѣло говоритъ, чего еще? Иначе ничего не получите....

Скромниковъ (*раздражаясь.*) Я удивляюсь вамъ, господа! Какъ вы можете предлагать мнѣ такія вещи! (*къ Шакольникову*). Петръ Өедорычъ! Вы начальникъ, вы слышали, что Павелъ Николаичъ взялъ взятку съ Кривобрюхова!... Прошу засвидѣтельствовать!

Лыськовъ (*съ хохотомъ.*) Ужь не доносить ли вы хотите? Дѣла, батюшка, не понимаете! Одинъ свидѣтель — не свидѣтель.... Да и Петръ Өедорыча я всегда отведу подозрѣніемъ... Эхъ, вы, молодой человѣкъ! Я извиняю вашей молодости.... и добра вамъ желаю; такъ ничего не получите. Успокойтесь, и примите нашъ добрый совѣтъ: соглашайтесь на половину.

Скромниковъ (*мрачно и холодно раскланиваясь*) Прощайте, господа!...

Занавѣсъ опускается.

А. Э.

ВЪ ОЖИДАНІИ ПАРОМА.

РАЗСКАЗЪ.

Кого хоть разъ въ жизни не застигали на нашихъ дорогахъ продолжительное ненастье, весенняя распутица или позднее осеннее время, — тому, можетъ быть, лишнее описывать все, чтò претерпѣваетъ въ такихъ случаяхъ путешественникъ. Достаточно сказать, что курная изба, со всею ея грязью, вонью и духотою, привѣтствуется тогда съ величайшею радостію.

На мою долю выпали и грязь и ненастье. Апрѣль стоялъ на половинѣ; зимній путь прекратился; но ѣхать пока еще можно было: почва, благодаря возвратившимся морозамъ и постоянному холодному вѣтру, держалась довольно твердо. Вдругъ вѣтеръ повернулъ съ юга; по прошествіи какого нибудь часа, небо покрылось тучами и частый, теплый дождь зашумѣлъ со всѣхъ сторонъ. Воздухъ сдѣлался такъ мягокъ, что земля видимо почти распускалась; низменныя мѣста дороги и колеи наливались водою; въ ровныхъ мѣстахъ было еще хуже: глина навивалась на колеса цѣлыми ворохами и мѣшала двигаться. Я торопилъ, однакожь, ямщика. Намъ предстоялъ переѣздъ черезъ Оку. Принимая въ соображеніе время и погоду, мы легко могли засѣсть на этомъ берегу, въ случаѣ, если замѣшкаемъ.

До перевоза оставалость верстъ шестнадцать, — сущая бездѣлица, кажется! По желѣзной дорогѣ проѣхать такое пространство полчаса, по шоссе — часъ, много полтора; но надо

замѣтить, мы пробирались такъ называемымъ большимъ почтовымъ трактомъ; какъ всѣ пути такого рода, дорога наша отличалась отъ полей кое-гдѣ торчавшими по сторонамъ ветелками. Тутъ уже нѣтъ возможности расчислить время, соображаясь съ числомъ верстъ; можете благополучно проѣхать отъ станціи до станціи; можете также просидѣть въ какой нибудь котловинѣ и всего чаще, подъ какимъ нибудь мостомъ, цѣлые сутки.

Мы едва тащились.

Время отъ времени попадались подводы съ мукою, которыя безнадежно бились посреди дороги; мы подсобляли имъ выкарабкаться и продолжали путь, чтобы полверсты далѣе засѣсть, въ свою очередь, и ждать, пока не выручатъ оставшіеся позади и только что нами же выученные люди. Въ такомъ обмѣнѣ услугъ заключались, можно сказать, путевыя впечатлѣнія и развлеченія.

Гладкая, пустынная какъ степь, мѣстность убѣгала во всѣ стороны; всюду мелькала темная взбудораженная почва, по которой хлесталъ ливень; встрѣчались сломанныя оси, чахлыя ветлы и стаи галокъ, которыя, какъ бы въ контрастъ грустной неподвижности всего остальнаго, проносились стрѣлою надъ нашими головами.

Не помню, чтобы было когда нибудь такъ печально на землѣ и на небѣ! Весеннее время года перемежается въ средней полосѣ Россіи періодами, гдѣ рѣшительно не разберешь, что происходитъ въ природѣ: признаки весны исчезаютъ совершенно; кажется скорѣе, наступила суровая, опустошительная осень; птицы, прилетѣвшія при первомъ тепломъ вѣтрѣ, Богъ вѣсть куда всѣ попрячутся; сѣрый туманъ застилаетъ окрестность; отчаянная глушь воцаряется всюду; обнаженныя деревья, обливаемыя дождемъ и колеблемыя вѣтромъ, уныло гудятъ, дополняя тоску, которая сама собою вливается въ душу....

Былъ уже часъ восьмой вечера, когда, сквозь частую сѣть дождя и начинающіеся сумерки, блеснулъ въ отдаленьи одинъ изъ поворотовъ Оки. Но прежде, чѣмъ попасть на перевозъ, слѣдовало проѣхать длинную-длинную деревню, раскинутую по низменному берегу. Улица буквально запружена была лошадьми, подводами и народомъ, ждавшимъ очереди. Нечего было думать ѣхать далѣе; надо было остановиться при самомъ въѣздѣ въ деревню.

— Гдѣ паромъ, на той или на этой сторонѣ? спросилъ я, какъ только выровнялся съ ближайшими возами.

— Паромъ ушелъ.... отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Давно ли?

— Съ утра ушелъ!

— Какъ съ утра?!...

— Съ утра.... Канатъ порвался у парома.... онъ и ушелъ!...

Дождь промочилъ во многихъ мѣстахъ мое платье и я продрогъ до костей; но при этомъ извѣстіи меня въ жаръ кинуло. Кромѣ того, что я спѣшилъ достигнуть цѣли своей поѣздки, мнѣ слишкомъ хорошо было извѣстно, что значитъ дожидаться возстановленія порядка, когда наблюденіе за порядкомъ, передаваясь отъ одного лица къ другому, переходитъ наконецъ къ мелкимъ властямъ, а мелкія власти, послѣ дружескаго объясненія съ содержателемъ перевоза, предоставляютъ послѣднему полную свободу дѣйствовать и распоряжаться по своему произволу.

Я рѣшился оставить лошадей, взять чемоданъ и попытаться переѣхать на лодкѣ. Съ такою мыслію направился я къ рѣкѣ.

Съ каждымъ шагомъ впередъ, труднѣе было двигаться. Улица, окутанная уже полумракомъ, представляла совершенную кашу изъ подводъ, людей и лошадей; все это располагалось зря, безъ всякаго порядка, тискалось и сбивалось, уходя въ грязь по колѣно и по ступицу; иная телѣга стояла прямо, другая поперекъ; въ одномъ мѣстѣ голова лошади упиралась въ возъ, въ другомъ, — заднія ноги животнаго тѣсно жались къ сосѣднимъ колесамъ; трудно было понять, какъ все это могло уставиться такимъ образомъ; но еще труднѣе было понять, какъ все это разъѣдется, какъ отцѣпится одна ось отъ другой, какъ двинутся колеса безъ того, чтобы не переломать ноги бѣднымъ клячамъ. Нескончаемый этотъ лабиринтъ неожиданно прерывался гуртомъ воловъ, которые неподвижно лежали подъ дождемъ и смутно обозначались въ сѣдомъ парѣ, клубившимся надъ ними. На самомъ берегу, у спуска къ косогору, стояли толпы народа. Крики, говоръ и шлепанье по грязи, все это мѣшалось съ громомъ рѣки, шумѣвшей отъ падавшаго на нее дождя, и плескомъ волнъ. Не было возможности разобрать цѣлой рѣчи; посреди говора, ясно только слышалось: «куда лѣзешь! народъ! начальство не позволяетъ!... слышь: начальство!...» слова эти, произносимыя съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ, принадлежа-

ли сухопарому, рябому инвалиду очень мирнаго вида, который тутъ и тамъ появлялся съ тоненькой хворостинкой въ рукѣ. Этотъ же самый инвалидъ, на вопросъ мой: можно ли проѣхать въ лодкѣ? отвѣчалъ, что это никакъ невозможно, что лодка была привязана къ парому и ее унесло вмѣстѣ съ нимъ; а что вотъ какъ пріѣдетъ паромъ, тогда, пожалуй, можно и на лодкѣ переѣхать....

Скрѣпивъ сердце, я отправился назадъ искать ночлега.

Сколько ни странствуйте по нашимъ дорогамъ, сколько ни испытывайте всякаго рода дорожныхъ бѣдствій, при каждой новой поѣздкѣ вамъ непремѣнно встрѣтится новый, еще не извѣданный случай. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, ни разу не приводилось быть жертвой порваннаго каната, хотя я много разъ слышалъ о подобныхъ случаяхъ. Этотъ канатъ не выходилъ у меня изъ головы: «Отчего бы ему оборваться?... разсуждалъ я мысленно: — отчего могло произойти все это?... надо думать, вотъ какъ было: конторщикъ или управитель какого нибудь помѣщика купилъ дешевенькія сѣмена конопли (въ расходной книгѣ выставлены были, разумѣется, сѣмена первѣйшаго сорта и самые дорогія): уродилась плохая конопель; изъ нея вышла плохая пакля; управитель или конторщикъ ловко подсунулъ ее купцу-поставщику, который, въ свою очередь, ловко подсунулъ ее канатному фабриканту. Фабрикантъ началъ вить изъ нея особеннаго рода дешевенькіе канаты, предназначаемые на продажу лицамъ, не больно свѣдущимъ въ дѣлѣ веревочнаго производства. Содержатель парома былъ не на столько дуракъ, чтобы покупать дорогой канатъ, когда подъ руками находится дешевый. «Авось сдержитъ!» думалъ онъ, не видя даже лично для себя никакой потери, въ случаѣ, если и не сдержитъ; народу, съѣзжающемуся къ его перевозу, все-равно, дѣваться больше вѣдь некуда, — хочешь не хочешь, переѣзжай здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ; ближе сорока верстъ въ обѣ стороны нѣтъ парома: потери слѣдовательно никакой нѣтъ для содержателя перевоза; бояться ему также нечего, послѣ предварительнаго переговора съ мелкими властями.

Восходя такимъ образомъ къ источнику безпорядка, я мысленно говорилъ: «но отчего же наконецъ такая круговая порука взаимнаго надувательства и недобросовѣстности?... Отчего же все это?... Отчего?!..»

Совсѣмъ уже стемнѣло и въ окнахъ зажигались огни, когда возвратился я къ своему ямщику. Мы направились къ ближайшей избѣ. Но такъ уже видно суждено было, чтобы въ этотъ день испытывать однѣ неудачи: въ избѣ скопилась цѣлая орда; не оставалось свободнаго уголка. Насъ отправили въ избу насупротивъ, увѣряя, что тамъ найдемъ много свободнаго мѣста: изба принадлежала бурмистру; онъ держалъ *горницу* и пускалъ однихъ купцовъ и помѣщиковъ.

На этотъ разъ дѣйствительность далеко даже превзошла ожиданія. У бурмистра нашелъ я трехъ человѣкъ; съ первыхъ словъ оказалось, что то были проѣзжіе помѣщики, претерпѣвавшіе одинаковую со мною участь. Всѣ трое сидѣли вокругъ стола, уснащеннаго стаканами и блюдечками; тутъ же возносился самоваръ, шипѣвшій самымъ привлекательномъ образомъ. Минутъ черезъ десять, переодѣтый и обогрѣтый сидѣлъ я между ними со стаканомъ чая, радушно предложеннымъ мнѣ сосѣдомъ, человѣкомъ среднихъ лѣтъ, весьма симпатической наружности, закутаннымъ въ коричневое пальто, повязаннымъ черным галстухомъ, пропускавшимъ бѣлые и тонкіе воротнички рубашки. Второй сосѣдъ былъ миньятюрный, худенькій, но живой и веселый господинъ съ крошечнымъ бѣлокурымъ лицомъ, отличавшимся необыкновенною подвижностію. Третій представлялъ изъ себя толстяка лѣтъ шестидесяти, съ шарообразною сѣдоватою головою, сѣрыми глазами на выкатѣ и коротенькой шеей; онъ сидѣлъ безъ галстуха, въ халатѣ и туфляхъ, покуривая изъ коротенькаго чубука, залѣпленнаго сургучомъ, — онъ страшно хрипѣлъ, пыхтѣлъ и закашливался, — обстоятельство, заставлявшее его поддерживать свободною рукою животъ, который, отъ чрезмѣрнаго сотрясенія туловища, приходилъ всякій разъ въ сильное колебаніе. Повидимому, ему тѣсно было даже въ халатѣ; онъ ѣхалъ, видно, на своихъ: подъ ногами его стоялъ тяжеловѣсный поставецъ, а шагахъ въ двухъ подымалась широкая, пышно взбитая перина съ ситцевымъ одѣяломъ и подушками.

Въ промежутокъ этихъ десяти минутъ, какъ я вошелъ въ избу, онъ слова не промолвилъ; во все время сохранялъ онъ какой-то неловкій, сконфуженный видъ, пыхтѣлъ и краснѣлъ, бросая, особенно на меня, недовѣрчивые, косые взгляды; компанія очевидно стѣсняла его.

Первымъ поводомъ къ бесѣдѣ послужилъ, разумѣется, безпорядокъ, которому обязаны мы были нашимъ столкновеніемъ.

— Мошенники! неожиданно пробурчалъ толстякъ, къ совершенному удовольствію маленькаго живаго господина, который, казалось, только и ждалъ, чтобы разразиться смѣхомъ.

Замѣчаніе толстяка произнесено было такимъ мрачнымъ, такимъ недовольно-комическимъ тономъ, что дѣйствительно трудно было удержаться.

— Чего вы смѣетесь? Конечно, мошенники! повторилъ онъ, дико поглядывая на весельчака.

— Еще бы не мошенники!!... Развѣ я заступаюсь? возразилъ тотъ, продолжая надрываться: — впрочемъ намъ съ вами нечего много жаловаться, подхватилъ онъ преднамѣреннымъ какимъ-то тономъ и какъ бы желая подразнить старика: — намъ съ вами грѣхъ роптать; одно развѣ: домой позже пріѣдемъ! Чтожь касается до всего остальнаго, — мы здѣсь блаженствуемъ; — именно блаженствуемъ! видите: сидимъ въ теплой избѣ, пьемъ чай... вашъ человѣкъ даже вамъ перину послалъ. — Чего жь еще?!.. Нѣтъ, скажите-ко лучше, каково-то теперь бѣдному мужичонку, что стоитъ на улицѣ, вотъ что? Каково этому мужичонку, который, не только не пьетъ теперь чаю и не уснетъ на перинѣ, но которому нечѣмъ даже за ночлегъ отдать, чтобы отъ дождя спрятаться? Скажите-ка лучше, — ему каково?... Вотъ, добавилъ маленькій господинъ живо обратясь ко мнѣ и насмѣшливо прищуривая глазки по направленію къ толстяку: — вотъ они говорили намъ, что все это ровнехонько ничего не значитъ; что мужикъ привыкъ ко всему этому...

— Разумѣется, привыкъ! произнесъ толстякъ нахмуривая брови и какъ то бокомъ пятясь на своемъ стулѣ.

— Ну, а какъ вы думаете, заговорилъ въ свою очередь господинъ въ коричневомъ пальто, холодно поглядывая на толстяка, — думаете-ли вы, что этотъ мужикъ, у котораго, по вашему мнѣнію, кожа должна быть дубовая, привыкъ-ли онъ, напримѣръ, платить за хлѣбъ для себя собственно, и за овесъ и сѣно для своей лошади, привыкъ-ли онъ платить въ три-дорога противъ того, что въ самомъ дѣлѣ стоитъ овесъ, сѣно и хлѣбъ? Не думаю, чтобы это было ему нипочемъ!... А между тѣмъ, могу васъ увѣрить, весь этотъ народъ, который вы видѣли здѣсь на улицѣ, находится въ такомъ положеніи! присовокупилъ онъ перемѣняя голосъ и обратясь ко мнѣ: — я самъ спрашивалъ; тутъ

есть бѣдняки, которые ужъ третьи сутки дожидаются; извѣстно; человѣку надо ѣсть, надо, чтобъ и лошадь сыта была; какже невоспользоваться такимъ случаемъ: ломи съ него за все въ три-дорога! Такихъ случаевъ, какъ тотъ, которому обязаны мы нашей встрѣчѣ, только и ждутъ обыватели приpѣчныхъ деревень! Надо было видѣть, что происходило въ этой самой деревнѣ (и нѣтъ причинъ, чтобы въ другихъ не было того же самого), во время половодья, недѣли двѣ назадъ: я давно привыкъ ко всему этому, но, признаюсь, послѣдній разъ, пришелъ въ ужасъ: подводъ съѣхалось, я думаю, больше, чѣмъ теперь; большая часть возвращалась изъ Москвы послѣ обоза; Ока восемь дёнъ стояла въ разливѣ, восемь дёнъ не было возможности попасть на ту сторону! Хлѣба, сами полагаю знаете, весною остается уже немного; у другаго, если семья большая, въ февралѣ уже весь вышелъ; объ овсѣ и сѣнѣ говорить нечего! И наконецъ, не напасешься всего этого дней на десять, которые необходимы для переѣзда изъ деревни въ Москву и обратно. Вотъ тутъ-то поглядѣли-бы вы, что здѣсь происходило: кто продавалъ одежду для того, чтобы прокормиться, а время, надо замѣтить, было самое холодное и дождливое; кто продавалъ лошадь, чтобы не дать ей издохнуть съ холоду, кто сани сбывалъ... Всѣ эти предметы отдавались, разумѣется, за самую бездѣлицу; проѣзжающій находился въ рукахъ обывателей, которые, ни мало не стѣсняясь совѣстью, просто грабили! Я вамъ говорю: такая картина, что не приведи Богъ во второй разъ видѣть!... а придется, непремѣнно придется, потому что я каждую весну и осень проѣзжаю по этой дорогѣ...

Разговоръ, къ которому тотчасъ же присталъ маленькій живой господинъ, завязался на эту тему. Мы совсѣмъ почти забыли толстяка; онъ, впрочемъ, молчалъ; казалось, онъ не доволенъ былъ предметомъ бесѣды.

Переходя отъ одного вопроса къ другому, мы невольно коснулись быта народа и нравственныхъ его свойствъ. Мнѣнія были очень различны; мы вообще такъ мало обращаемъ вниманія на народъ, такъ мало знаемъ его, что иначе быть не могло; перебравъ хорошія качества нашего простолюдина, мы пришли къ его недостаткамъ; тутъ мнѣнія еще рѣзче стали отличаться одно отъ другаго. Одного болѣе всего возмущала жадность къ барышу, часто даже заглушающая совѣсть и религіозное чувство; другой нападалъ на отсутствіе крѣпкаго нравственнаго на-

чала, на малодушіе и безхарактерность; маленькій господинъ съ жаромъ обвинялъ мужика въ лѣности и внутренней распущенности, которую часто даже прикладываетъ онъ къ личнымъ своимъ интересамъ. Хотя маленькій господинъ очевидно увлекался собственными словами и черезъ чуръ горячился, сужденія его показывали человѣка не лишеннаго наблюдательности и много обращавшагося съ народомъ. По мѣрѣ того какъ говорилъ онъ, толстякъ замѣтно дѣлался внимательнѣе; онъ началъ даже поддакивать, утвердительно потряхивалъ головою и время отъ времени бросалъ на меня и моего сосѣда торжествующіе взгляды.

Слово за словомъ, рѣчь коснулась той роли, которую играютъ страсти въ душѣ простолюдина.

— Я имѣю основаніе думать, что страсти вообще, т. е. какъ благородныя, такъ и неблагородныя, одинаково свойственны всему человѣческому роду безъ различія состояній... сказалъ собесѣдникъ въ коричневомъ пальто:—на мои глаза (думаю и на ваши точно также), не существуетъ между людьми другой разницы, какъ та, которую даютъ бòльшая или мèньшая степень развитія и образованія; но въ дѣлѣ страстей, мнѣ по крайней мѣрѣ такъ кажется, образованіе и развитіе не имѣютъ большаго значенія; онѣ помогаютъ только страсти иначе выразиться, смягчаютъ форму; дѣйствіе страсти, сущность нравственнаго процесса остается все та же....

Такое мнѣніе не встрѣтило возраженія ни съ моей стороны, ни со стороны маленькаго господина. Казалось, это удивило толстяка; до настоящей минуты, онъ не переставалъ моргать намъ обоимъ съ видомъ взаимнаго соучастія, какъ бы ожидая, что вотъ-вотъ оба мы разразимся смѣхомъ; обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, онъ раздулъ губы и отвернулся съ видомъ пренебреженія, какъ будто хотѣлъ сказать:

— «Ну, опять запороли чепуху!...»

— Мнѣ извѣстно изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, продолжалъ между тѣмъ господинъ, начавшій разговоръ:—знаю вѣрно, что въ нашихъ тюрьмахъ, напримѣръ, на три тысячи преступниковъ среднимъ числомъ находится около восьмисотъ такихъ, которыхъ страсти, я разумѣю сердечныя страсти, довели до преступленія; такая пропорція что нибудь доказываетъ въ пользу нашего общаго мнѣнія! Я убѣжденъ въ этомъ. Постоянно живу въ деревнѣ, постоянно наблюдаю; всего насмотрѣлся. Не далѣе какъ прошлою осенью былъ у меня случай съ однимъ изъ

этихъ вялыхъ и апатичныхъ, какъ вы ихъ называете... Пожалуй, я разскажу вамъ, если не скучно?..

Я и маленькій сосѣдъ мой выразили готовность слушать. Толстякъ ничего не сказалъ; онъ явно предупрежденъ былъ противъ разсказчика; щетинистыя брови его выпрямились однакожь и пухлое лицо повернулось въ нашу сторону.

Господинъ въ коричневомъ пальто обрѣзалъ сигару, налилъ новый стаканъ чаю и началъ такимъ образомъ:

— Я замѣтилъ, кажется, что происшествіе, о которомъ пойдетъ рѣчь, случилось осенью; но осенью оно собственно только кончилось; началось гораздо раньше: весною прошлаго года.— Верстахъ во ста отсюда, за Окою, находится у меня деревушка, вѣрнѣе, выселки изъ другой деревни, гдѣ я провожу обыкновенно лѣто; выселки отъ меня версты двѣ; народъ на оброкѣ; но ни разстояніе, ни оброчное положеніе не мѣшаетъ мнѣ знать очень хорошо, что тамъ дѣлается. Надо вамъ сказать, я самъ занимаюсь своимъ хозяйствомъ; это не весело, если хотите; куда какъ не весело! но я дѣлаю это изъ убѣжденія; дѣйствуя такимъ образомъ, мнѣ кажется, я исполняю свой долгъ, это разъ; и наконецъ я приношу этимъ дѣйствительную, существенную пользу моимъ крестьянамъ, такую пользу, какой не могъ бы принести самый лучшій, самый добросовѣстный управитель...

— Ужъ это точно! вымолвилъ толстякъ съ увѣренностію:— эти управители — всѣ мошенники; кругомъ тебя обворуютъ.

— Совершенно справедливо! произнесъ разсказчикъ, посылая ему самый серьёзный поклонъ:—вы угадали мою мысль!—Но все это, господа, дѣло постороннее; я коснулся всего этого съ тою только цѣлью, чтобы понятнѣе было, какимъ образомъ могъ я извѣдать подробности моего разсказа. — И такъ, я зналъ болѣе или менѣе всѣхъ выселовскихъ мужиковъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ, который особенно всегда возбуждалъ мое любопытство; это потому, можетъ быть, что я зналъ его менѣе другихъ. Такого рода личность легко впрочемъ могла ускользнуть отъ самого наблюдательнаго глаза: въ жизнь мою не видалъ я человѣка болѣе безцвѣтнаго; не было ни наружной черты, ни факта изъ жизни, которые могли бы служить для поясненія его характера. Представьте себѣ жидкую, въ высшей степени разварную фигуру, съ подслѣповатымъ бѣлокурымъ лицомъ, усыпаннымъ веснушками, длинною головою, странно какъ-то приплюснутою на лбу,—головою, которая держалась всегда на сторону и сон-

ливо клонилась къ землѣ. Глядя издали, вы бы непремѣнно сказали: — «Надъ чѣмъ такъ крѣпко задумался этотъ мужичокъ? вѣрно пришибло его какимъ нибудь горемъ....» Вблизи оказывалось, что какъ въ глазахъ его, такъ и во всѣхъ чертахъ царствовало полнѣйшее отсутствіе жизни и даже мысли. Непомѣрная апатія и вялость еще рѣзче проявлялись, когда онъ ходилъ или принимался дѣло дѣлать: длинныя руки болтались словно сами собою; ноги, не смотря на худобу, тяжело передвигались, подгибались въ колѣнахъ, переплетались какъ у пьянаго; онъ не пилъ однакожъ, капли въ ротъ не бралъ, не на что было. Присоедините къ этому страшную неряшливость; она какъ бы дополняла жалкій видъ наружности. Не помню, чтобы явился онъ когда нибудь безъ прорѣхи или зацѣпины; въ одеждѣ его непремѣнно чего нибудь да недоставало: или мѣховой обшивки вокругъ шапки, или веревочки на одномъ лаптѣ, или цѣлаго плеча на полушубкѣ; и сколько бы ни пропекало его морозомъ въ прорванное мѣсто, — онъ, на другой день, выходилъ съ тою же прорѣхой какъ и наканунѣ. Та же самая распущенность была и въ домашнемъ быту его, и въ хозяйствѣ и въ полѣ; у другихъ, напримѣръ, озими или яровое бархатомъ стелится; у него, смотришь, на десятинѣ тѣ же прорѣхи, что на рубахѣ: вездѣ плѣшины; гдѣ густо, гдѣ нѣтъ ничего.... И между тѣмъ, не было возможности взыскивать съ него, заставить его быть расторопнѣе, дѣятельнѣе, — заставить, чтобъ дѣло шло иначе....

На этомъ мѣстѣ разсказа, хрипѣнье толстяка перешло въ удушье и онъ началъ выказывать сильнѣйшіе знаки нетерпѣнья.

— Вамъ, кажется, угодно что-то сказать?... обратился къ нему разсказчикъ.

— Что ужь тутъ говорить! комически-безнадежнымъ тономъ промолвилъ толстякъ: — а вотъ я вамъ скажу, подхватилъ онъ съ сердцемъ: — посѣчь бы его хорошенько, этого мужика, — такъ ничего бы этого не было.... отличный былъ бы мужикъ.

— Вотъ оно что значитъ, настоящій-то хозяинъ! воскликнулъ весельчакъ, стараясь сохранить серьёзный и даже почтительный видъ: — вашу руку, милостивый государь, вашу руку! я всегда питалъ искреннее, глубочайшее уваженіе къ практическимъ людямъ; — всегда! заключилъ онъ, потрясая жирную руку толстяка, который, повидимому, недоумѣвалъ, какъ принять все это: за настоящую ли монету или за насмѣшку.

— Теперь, довершилъ веселый господинъ, обратившись къ разсказчику, — позвольте просить васъ продолжать; вы сказали, что нельзя было прицѣпиться къ этому мужику....

— Я, по крайней мѣрѣ, не могъ этого сдѣлать, подхватилъ разсказчикъ: — духу не доставало. Онъ рѣшительно, хоть кого бы впрочемъ, обезоружилъ своею кротостію. Иной разъ идешь мимо его поля, невольно возметъ досада: такъ бы вотъ кажется и разругалъ его и тотчасъ же заставилъ передѣлать, перепахать; но при видѣ несчастной этой фигуры, покрытой заплатами, при видѣ этого смиреннаго лица, опущеннаго къ землѣ, только отвернешься да пройдешь поскорѣе мимо. Вся эта распущенность слишкомъ уже очевидно происходила скорѣе отъ внутренняго безсилія, отъ врожденной, свойственной его природѣ лѣности и апатіи, чѣмъ отъ преднамѣренности, лѣности или вообще порочнаго какого нибудь свойства.

«Имъ, наконецъ, и безъ того уже много помыкали. Если безотвѣтные, кроткіе люди играютъ жалкую роль въ образованномъ обществѣ, можете судить, въ какое положеніе ставятъ такія свойства въ кругу народа! Онъ находился во всеобщемъ пренебреженіи; каждый надъ нимъ трунилъ, подсмѣивался. Не было примѣра однакожь, что бы онъ, съ своей стороны, кого нибудь облаялъ; онъ не подавалъ голоса даже въ такомъ дѣлѣ, когда очевидно приходило ему въ накладъ; онъ всегда молча повиновался. Надо думать, что кроткій и смирный по природѣ своей, онъ въ дѣтствѣ былъ сильно загнанъ или запуганъ. Тѣмъ только и обозначалось присутствіе его въ выселкахъ, что поле его и изба занимали тамъ мѣсто; на самомъ дѣлѣ, онъ какъ будто не существовалъ. Возьмите также въ разсчетъ, дѣйствительно самую безотрадную домашнюю обстановку: дѣтей куча; ни брата въ домѣ на подмогу, ни старика; по неволѣ упадешь духомъ и одурѣешь! Тутъ же, кстати, одно къ одному, жена попалась ему такая же ничтожная, какъ и самъ онъ. Попадись баба смѣтливая, расторопная, смышленая, — дѣло, разумѣется, шло бы другимъ порядкомъ. У насъ часто встрѣчаются бабы, которыя вертятъ и хозяйствомъ и мужемъ; любо смотрѣть какъ распоряжаются! Мнѣніе, будто въ домашнемъ быту народа жена играетъ второстепенную роль и всегда подчинена мужу, — ошибочное мнѣніе; второстепенная роль точно присуждена ей обычаемъ; но обычай существуетъ только въ памяти народа, на словахъ существуетъ; это ничего, что мужъ иной разъ поколо-

титъ; онъ поколотилъ, а она все-таки свое возьметъ. Бываетъ даже, что цѣлой деревней управляютъ бабы: заведется какая нибудь тетка Маланья, да въ дворнѣ еще Аграфена, да къ нимъ присоединится еще мельничиха; одна къ старостѣ подольщается, другая къ конторщику, третья за носъ водитъ мужа, который въ свой чередъ имѣетъ вліяніе на конторщика и на старосту. Староста, конторщикъ и мельникъ воюютъ на міру, надрываются; Маланья, Аграфена и мельничиха виду не подаютъ, такъ только какъ бы невзначай встрѣчаются и шепчутся,—а дѣло,—смотришь,—дѣло дѣлается по ихнему.

«Къ несчастію, жена Якова (такъ звали моего мужика) не изъ такихъ была. Она принадлежала къ разряду такъ называемыхъ плаксъ, канючекъ. Пустѣйшая была баба. Вотъ ее смѣло можно было упрекнуть въ лѣности! Она положительно высказывала явное нерасположеніе къ труду; даже дома рѣдко чѣмъ нибудь занималась; вѣчно сидитъ бывало у сосѣдокъ или шляется по окрестнымъ деревнямъ, навѣщая кумушекъ; жалобы на бѣдность и сѣтованія на судьбу, служили только придиркою къ тому, чтобы поболтать, языкъ поточить. Съ мужемъ жила она однакожь смирно; мнѣ сказывали только, будто они никогда другъ съ другомъ не разговаривали; онъ молчитъ и она молчитъ, и все это не потому, чтобы имѣли они что нибудь другъ противъ друга,—вовсе нѣтъ; такъ просто: говорить, видно, не о чемъ было.

«Меня всегда удивляло, какъ, при такихъ странныхъ отношеніяхъ, могли у нихъ ежегодно рождаться дѣти;—ежегодно рождались, семеро ребятишекъ было. Въ домѣ находилась еще мать Якова; но ее пока считать нечего; все равно, что была она, что нѣтъ. Она уже пятый годъ не сходила съ печки; параличъ свелъ ей лѣвую руку и ногу. Казалось бы, что при такой обстановкѣ, особенно, при такихъ характерахъ, трудно ожидать въ этой семьѣ драматическаго эпизода; по всѣмъ даннымъ, этотъ Яковъ, поживши своею жалкою жизнію, долженъ бы сойти въ могилу не оставивъ послѣ себя малѣйшаго слѣда, даже воспоминанія.... Случилось, однакожь, иначе; вотъ какъ это было:

«Одинъ изъ выселовскихъ мужиковъ, который былъ позажиточнѣе, нанялъ работницу. Взялъ онъ ее изъ за рѣки, верстъ за десять, на какой-то миткалевой фабрикѣ. Женщина эта (она, забылъ вамъ сказать, была вдова и бездѣтна) пользовалась даже между фабричными не совсѣмъ благонадежной репутаціей:

значитъ, ужь хороша была. Ее знали въ околодкѣ подъ именемъ рябой Мароутки.

«Послѣ того, какъ кончилась исторія, которую вамъ разсказываю, я имѣлъ случай ее видѣть; трудно представить наружность болѣе непривлекательную: лицо пухлое, рябое; носъ комомъ; изъ себя коротышь какой-то; ктому же, было ужь ей лѣтъ сорокъ, можетъ даже и съ хвостикомъ. Но не смотря на все это, въ выселкахъ нашлись поклонники. Мароутка эта была, впрочемъ, баба бойкая, разбитная; она отлично играла на гармоніи, могла выплясывать часа по три безъ отдыха, знала на перечетъ всѣ мѣстныя пѣсни и обладала такимъ звонкимъ, пронзительнымъ голосомъ, что за версту отличишь его въ хороводѣ.

«Съ первыхъ же дней стала она какъ бѣсъ въ выселкахъ: съ одними вступила въ тѣснѣйшую дружбу, съ другими успѣла поссориться. Число поклонниковъ замѣтно возростало. Недѣли черезъ три послѣ ея прибытія, произошла даже маленькая свалка: она подралась съ одною изъ бабъ, которая, не знаю основательно или неосновательно, но только приревновала ее къ мужу.

«Прошла Святая, наступила и пахота. Мужики стали выѣзжать въ поле; отправлялся и нашъ Яковъ съ ними.

«Въ одинъ изъ этихъ дней, мужикъ, нанимавшій Мароу, послалъ ее зачѣмъ-то въ сосѣднюю деревню; дорога лежала черезъ тѣ самыя поля, на которыхъ работалъ народъ; нива Якова примыкала къ дорогѣ. Проходя мимо, Мароа остановилась. До того времени, нужно замѣтить, Мароа слова не сказала съ Яковомъ; по всей вѣроятности, рѣдко даже съ нимъ встрѣчалась; но вѣроятно она имѣла о немъ нѣкоторое понятіе, слышала по-крайней мѣрѣ какъ надъ нимъ подтрунивали, и проходя мимо, вздумалось ей въ свою очередь побалагурить. Бѣдность мужика, его вялая, кислая наружность, служатъ вѣрнымъ подтвержденіемъ, что у Мароы, кромѣ балагурства, не было другаго повода вступать съ нимъ въ бесѣду. Какъ начался разговоръ, въ чемъ состоялъ онъ, неизвѣстно; по послѣ этой встрѣчи, бесѣды ихъ стали повторяться. Хотя встрѣчи происходили какъ бы случайно, онѣ не ускользнули отъ глазъ любопытныхъ; это дало новую пищу смѣяться надъ Яковомъ. Мароа сама, казалось, потѣшалась надъ нимъ вмѣстѣ съ другими; а между тѣмъ, ловила случаи попадаться ему на дорогѣ. Многіе видѣли, какъ иной разъ Яковъ торчалъ гдѣ нибудь за угломъ или подлѣ рощи, переминался на одномъ мѣстѣ нѣсколько часовъ сряду и очевид-

но ждалъ чего-то; при встрѣчѣ съ кѣмъ нибудь изъ крестьянъ, онъ вдругъ раскисалъ, щурился и съ пристыженнымъ, крайне жалкимъ и неловкимъ видомъ направлялся домой.

«Не могу сказать вамъ, какіе способы пустила въ ходъ Мароа, чтобы приворожить къ себѣ, сбить съ толку и наконецъ совершенно погубить этого человѣка; послѣ говорили, будто все это случилось по наговору; она, говорили, опоила его какимъ-то зельемъ; но это пустяки, разумѣется. Еще труднѣе объяснить какимъ образомъ страсть,—я говорю: страсть, потому что нельзя дать другаго названія чувству, которое овладѣло Яковомъ; и наконецъ, по заключенію этой исторіи, сами вы увидите, что одна безумная страсть въ силѣ одурманить до такой степени человѣка,—какимъ образомъ, повторяю вамъ, это вялое, повидимому совершенно безжизненное, кислое и робкое существо, могло такъ сильно привязаться къ женщинѣ, которая явно вела постыдную жизнь, — словомъ, отвратительная была во всѣхъ отношеніяхъ.

«Началось съ того, что Яковъ пришелъ однажды домой безъ полушубка; онъ разсказалъ, что снялъ его и положилъ на межу передъ тѣмъ, чтобы сѣять; вернувшись къ межѣ, полушубка уже не было: его украли. Это случилось въ началѣ недѣли; въ слѣдующее затѣмъ воскресенье, Мароа явилась въ новомъ, красномъ, какъ маковъ цвѣтъ, платкѣ и новыхъ котахъ.

«— Фу ты, какъ расфрантилась! говорили бабы: — откуда у тебя все это?...

«— Давно было; въ сундучкѣ лежало! возразила безъ малѣйшей запинки Мароа; пухлое лицо ея лоснилось отъ удовольствія и багровѣло какъ красный сафьянъ.

«Въ этотъ день голосъ ея немолчно дребезжалъ на выселовской улицѣ; она превзошла самое себя и въ пляскѣ и въ пѣсняхъ. Въ скоромъ времени, со двора Якова, ночью, унесены были корыто, чугунокъ и лошадиная сбруя. Съ женою своею Яковъ не вступалъ почти въ объясненіе по этому предмету; но въ разговорѣ со старухой матерью, выказалъ рѣшительное недоумѣніе касательно того, какъ могли пропасть эти вещи: онъ въ эту ночь, какъ нарочно, спалъ на дворѣ. Спустя нѣсколько дней, у Мароы завелся новый передникъ, запонка, серьги и позументъ на подолѣ поневы. Короче сказать, по мѣрѣ того, какъ у Якова происходили пропажи, — а такіе случаи повторялись чаще и чаще, — Мароа покрывалась обновками.... Ясно, что въ

выселкахъ завелся воръ, который преимущественно избралъ домъ Якова, хотя, надо признаться, — въ этомъ домѣ меньше было чего взять, чѣмъ въ другихъ...

— Какой тутъ воръ! нетерпѣливо перебилъ толстякъ, поглядывая съ пренебреженіемъ на разсказчика: — какой воръ! Вамъ сказали: воръ! — вы этому и повѣрили.... Этотъ же самый Яковъ, котораго вы такъ жалѣете, — онъ самъ таскалъ у себя! Утащитъ мерзавецъ, продастъ, да Мароѣ этой и купитъ обнову.

— Можетъ ли быть?! спросилъ съ напряженнымъ изумленіемъ весельчакъ, переглядываясь со мною и разсказчикомъ.

— Разумѣется! возразилъ толстякъ.

— Они совершенно правы! подхватилъ разсказчикъ, сдерживая улыбку: — воръ точно былъ никто другой, какъ Яковъ; объ этомъ давно даже догадались всѣ бабы; всѣмъ рѣшительно извѣстно было, что Яковъ тащитъ все изъ своего дома, закладываетъ у цаловальника, — и на вырученныя деньги наряжаетъ Мароу. Нашлись люди, — стали ему выговаривать; но больше, проходу не было отъ насмѣшекъ: стоило Якову на улицу высунуться, — изъ за угла ужь непремѣнно кто нибудь кричитъ: — «Яковъ, ступай скорѣй. Мароа дожидается!...» и тому подобное. Смѣялись также и надъ Мароой; но вообще, она держала себя такъ бойко, такъ осаживала тѣхъ, кто приступалъ къ ней, что насмѣшки никогда не переходили за предѣлъ шутки; даже мужикъ, нанимавшій ее, не дѣлалъ ей замѣчаній; его останавливало вѣроятно опасеніе лишиться дешевой и ловкой работницы; потому что, надо сказать, Мароа, мимо продѣлокъ своихъ, могла, когда хотѣла, заткнуть за поясъ самого здоровеннаго батрака. Замѣчательнѣе всего, что Яковъ не встрѣчалъ малѣйшаго препятствія со стороны домашнихъ; жена словомъ не обмолвилась, — виду не показывала, что что нибудь знаетъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ открылись отношенія между Мароой и Яковомъ, — жена совсѣмъ почти дома не сидѣла; уйдетъ въ поле или къ рѣкѣ, ляжетъ ничкомъ на земь и давай выть; голоситъ словно по покойникѣ. Но чаще всего забиралась она къ дальнимъ родственникамъ и сосѣдямъ; тамъ уже выгружала она свои горести и, казалось, тѣмъ охотнѣе это дѣлала, чѣмъ больше находилось слушателей. Мало, или, вѣрнѣе сказать, вовсе почти не заботясь о дѣтяхъ, она колотилась теперь головою, говоря о нихъ; говорила, что вотъ пустилъ-де разбойникъ по міру сиротинокъ горькіихъ; остались они, черви малые, одни какъ

нива безъ огорода,—и проч. и проч. Дѣти, между тѣмъ, бѣгали по улицѣ оборванные, неумытые; весьма вѣроятно, часто даже бывали голодны.... Разъ только, одинъ единственный разъ, старуха-мать Якова попрекнула сыну. Приходитъ онъ въ избу; никого тамъ не было кромѣ старухи; по обыкновенію, лежала она на печкѣ.

«— Яковъ! говоритъ она.

«Онъ подошелъ.

«— Что, матушка?...

«Надъ верхней перекладиной печки показалась сѣдая косматая голова и два мутные глаза пристально на него устремились.

«— Яковъ, произнесла старуха, не спуская съ него глазъ:— Яковъ, что ты это затѣялъ,—разбойникъ, а?!...

«Больше ничего не сказала она; но самъ Яковъ признавался потомъ, что весь этотъ день ходилъ какъ шальной; словно тоска давила его и онъ нигдѣ не находилъ себѣ мѣста. Но минулъ день, и все пошло опять своимъ порядкомъ.

«Передъ людьми и міромъ Яковъ оставался тѣмъ же робкимъ, безотвѣтнымъ, смирнымъ человѣкомъ; онъ постоянно молчалъ; знака сопротивленія не показывалъ, когда староста, не зная ужь чѣмъ остановить его, переговоривъ предварительно со стариками, началъ водить его въ пустой сѣнной сарай и наказывать. Все это рѣшительно, однакожь, ни къ чему не послужило. Стыдъ, совѣсть, самый страхъ,—все заглушала несчастная привязанность; это было что-то похожее на запой, противъ котораго всѣ средства оказывались безсильными. Въ домѣ его постепенно, одна за другою исчезли: телка, двѣ овцы, горшки, словомъ, все, что̀ могло превращаться у целовальника въ наличныя деньги. Мароа выходила по воскресеньямъ великолѣпная какъ пава, день деньской грызла орѣхи; начали даже часто замѣчать ее на-веселѣ.

«Наступило подъ конецъ совершенное раззореніе; въ избѣ остались только лавки, стѣны, оборванные ребятишки, да старуха, которая, съ того дня, какъ сдѣлала первый намекъ сыну, дала словно обѣтъ молчанія: слова не произносила она, хотя все видѣла, все замѣчала. Придутъ къ ней сосѣдки и родственницы, принесутъ ей и внучатамъ творожку или хлѣба, начнутъ разсказывать про сына, ругаютъ его, соболѣзнуютъ о дѣтяхъ,— старуха слова не промолвитъ: сидитъ понуря голову, молчитъ,

точно дѣло не до нея совсѣмъ. Она представляла совершенную противуположность снохѣ, которая всѣмъ уже надоѣла своими слезами и жалобами....

— Позвольте, почтеннѣйшій, позвольте, прервалъ толстякъ, насмѣшливо прищуривая заплывшіе свои глазки: — какъ же вы-то, вы, сударь мой, никакихъ мѣръ не принимали противъ такого безпорядка?....

— Признаюсь, я самъ хотѣлъ сдѣлать вамъ тотъ же вопросъ, замѣтилъ маленькій господинъ.

— Къ сожалѣнію, меня въ ту пору не было. Я пріѣхалъ домой къ концу уборки, когда Яковъ дошелъ уже до того положенія, о которомъ я говорилъ вамъ. Первымъ распоряженіемъ моимъ было отдать приказаніе, чтобы Мареу непремѣнно выслали изъ выселокъ; потомъ велѣлъ я призвать Якова. Сначала я сильно было на него напустился; но подумавъ, въ ту же минуту, что всѣ эти разсказы о его продѣлкахъ могли быть преувеличены (мысль, которая невольно раждалась при воспоминаніи о его жизни и характерѣ), обезоруженный, сверхъ того, робкимъ, совершенно потеряннымъ видомъ этого человѣка, который стоялъ передо мной съ опущенною головою, дрожалъ, какъ осиновый листъ и обливался холоднымъ потомъ, — я перемѣнилъ грозный тонъ на увѣщательный; всячески началъ я его усовѣщивать; говорилъ о грѣхѣ, о семействѣ, о голодныхъ дѣтяхъ, и такъ далѣе. Во все время онъ не проронилъ слова, не сдѣлалъ движенія; онъ казался убитымъ, подавленнымъ совѣстью и раскаяньемъ; изъ-подъ жиденькихъ волосъ, на половину закрывавшихъ лицо его, я замѣтилъ слезы, которыя текли по щекамъ и разбѣгались по морщинамъ. Я выслалъ его, строго наказавъ старостѣ докладывать мнѣ о томъ, какъ пойдетъ теперь житье Якова.

«Прошелъ мѣсяцъ; я не слышалъ малѣйшей жалобы. Между нимъ и Мареой, которая перешла версты за двѣ въ сельцо Лысково, прекратились, казалось, всѣ сношенія. Я начиналъ уже радоваться такой перемѣнѣ, какъ вдругъ узнаю, что все пошло опять на прежній ладъ; узнаю, что Яковъ продалъ свою единственную лошадь, а деньги дѣвалъ неизвѣстно куда; должно быть Мареѣ отдалъ.

«Теперь необходимо слѣдовало уже рѣшиться на энергическую мѣру; но признаюсь, въ чемъ должна была состоять эта

мѣра, я не могъ придумать. Отдать въ солдаты человѣка сорока-пяти лѣтъ, не было возможности; посадить въ острогъ, хотя бы временно, нельзя безъ причины, установленной закономъ; не говоря уже объ отвращеніи подвергнуть его домашнему наказанію (наказанію, къ счастью, ограниченному правительствомъ), но и эта мѣра была уже приведена въ дѣйствіе безъ малѣйшей пользы. Отправилъ бы его на поселенье,—не принесъ бы я ровно никакой пользы его семейству. Кромѣ того, каждая изъ этихъ мѣръ казалась мнѣ черезъ-чуръ уже сильною для человѣка, который хотя и служилъ худымъ примѣромъ остальнымъ крестьянамъ, хотя требовалъ наказанія, но самъ по себѣ не сдѣлалъ ничего особенно-рѣзко преступнаго. Съ нашей пошлой привычкой судить легко или рутинно о нравственныхъ свойствахъ простаго класса, я вѣрить не хотѣлъ въ искренность Якова; я не предвидѣлъ, чѣмъ все это могло кончиться; напротивъ, хотя было не до смѣху, — мнѣ смѣшнымъ казался этотъ новый кавалеръ Дегріе, явившійся у меня въ выселкахъ. Какъ бы то ни было, я не зналъ на что рѣшиться. Вотъ, однакожь, чѣмъ все это кончилось.

«Впослѣдствіи объяснилось, что въ этотъ послѣдній мѣсяцъ, между Маѳой и Яковомъ вышла разладица. Причиной была, разумѣется, Марѳа; ей, безъ сомнѣнія, въ голову не приходило, не могла даже понимать она и думать о томъ, какого рода чувство влекло къ ней бѣднаго мужика; видя, что взять съ него больше нечего, она стала вдругъ отъ него отбиваться. Кроткій нравъ мужика поощрялъ ее дѣйствовать грубо и безцеремонно. Она усвоилась въ деревнѣ Лысковѣ такъ же скоро, какъ въ выселкахъ, и также скоро нашла тамъ обожателей. Она попалась Якову въ рощѣ (роща отдѣляла Лысково отъ выселокъ), попалась ему съ работникомъ лысковской мельницы. Раза два потомъ, Яковъ, слѣдившій за нею, украдкой, видѣлъ, какъ входила она въ кабакъ вмѣстѣ съ тѣмъ же работникомъ. Обращеніе ея съ Яковомъ, когда онъ началъ упрекать ее, проникнуто было дерзостью и наглостью, самою возмутительною; то какъ бы не понимала она, чего хотѣлъ отъ нея мужикъ, съ чего онъ къ ней привязывался. Яковъ, между тѣмъ, день ото дня дѣлался сумрачнѣе. Это замѣтила его жена, мать и многіе; даже изъ постороннихъ людей. Всѣ они сами потомъ говорили объ этомъ. Въ такомъ-то положеніи, вѣроятно, онъ и рѣшился продать ло-

щадь. Можетъ быть тутъ ревность дѣйствовала; но всего вѣроятнѣе, какъ человѣкъ слабый, безхарактерный, не могъ онъ совладать съ собою, не могъ перенести мысли о разлукѣ. Ослѣпленный страстью, онъ впередъ не загадывалъ; страхъ и послѣдствія, ожиданія его послѣ продажи лошади, все это исчезло при одной надеждѣ, что авось-либо Мароа снова съ нимъ сойдется, авось-либо пойдетъ у нихъ, хоть навремя, да пойдетъ попрежнему; а тамъ, послѣ.... но о томъ, что послѣ будетъ, онъ, вѣроятно, даже и не думалъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется все это теперь, когда дѣло уже кончено.

«Кончилось это, какъ я вамъ сказывалъ, прошлою осенью.

«Выселковскіе мужики пилили въ Лысковѣ десятину лѣсу для топлива. Пришли они ко мнѣ проситься на рубку. Я совѣтовалъ повременить, потому что день, выбранный ими, вовсе не отвѣчалъ такому дѣлу: вѣтеръ ревѣлъ въ поляхъ, какъ голодный волкъ, и безъ пощады рвалъ послѣднія листья; на горизонтѣ видимо росли тяжеловѣсныя тучи; даль застилалась сумракомъ; холодно не было, но рука стыла на воздухѣ; все предвѣщало или грозу, или продолжительное ненастье. Я представлялъ имъ всевозможные резоны, говорилъ, что дорога изъ лѣсу идетъ въ гору, и что въ случаѣ дождя, лошадямъ тяжко будетъ тащить возы, навьюченные лѣсомъ; говорилъ, что самыя дрова, смоченныя подъ дождемъ, не просохнутъ до самаго снѣга; но нашъ мужикъ, если ужь что заломитъ, ничѣмъ его не удержишь: поставили на своемъ, поѣхали. Такъ какъ дѣло было мірское, съ ними отправился Яковъ. Началась рубка. Въ то же время, и въ томъ же лѣсу, лысковскія бабы собирали валежникъ; тутъ также и Мароа была. Подсмотрѣвъ, когда она осталась одна, Яковъ подошелъ къ ней. Съ чего началось у нихъ, никто не знаетъ; надо думать, обращеніе Мароы было черезъ чуръ уже грубо и жестоко, потому что самъ Яковъ возвысилъ голосъ; отъ словъ перешло у нихъ къ брани, и наконецъ, Яковъ, потерявъ, видно, терпѣніе, замахнулся и ударилъ ее въ лицо. Мароѣ ничего не стоило отвѣтить тѣмъ же; но тутъ, она вдругъ, ни съ того, ни съ сего повалилась на земь и стала звать на помощь; она кричала во всю мочь, что Яковъ убилъ ее до смерти. Когда прибѣжали на голосъ, Яковъ стоялъ у дерева; на разспросы товарищей онъ ничего не отвѣчалъ; у него точно языкъ отнялся. Мароа, между тѣмъ, продолжала кататься по землѣ и кричала, что ее

убили. Видя, что никакого толку изъ этого не выходитъ, только народъ смѣется, она встала, разразилась бранью и пошла своею дорогой; ее проводили насмѣшками, добрая часть которыхъ выпала, конечно, на долю Якова.

«Въ мірскомъ дѣлѣ, какъ и слѣдуетъ, впрочемъ, быть, не то, что на барщинѣ: время терять не любятъ, посмѣялись и опять за работу. Но то, что я предсказывалъ мужикамъ, поневолѣ укоротило ихъ дѣятельность; къ полудню тучи окончательно заволокли небо, и дождь пошелъ, какъ изъ ведра. Нечего было думать продолжать работу.

«Обернувшись домой, Яковъ показался домашнимъ *чуднымъ какимъ-то*; такъ они сами потомъ выразились. Не касаясь уже того, что онъ ни съ кѣмъ слова не молвилъ, ему не сидѣлось на мѣстѣ: то встанетъ, то сядетъ, то выйдетъ въ сѣни, то обойдетъ вокругъ двора, и снова прійдетъ въ избу; и все это дѣлалъ онъ безо всякой причины, самъ, повидимому, не сознавая даже того, что дѣлалъ. Рѣка у насъ не очень далеко: стóитъ обогнуть крестьянскія риги и пройти лугъ. Яковъ нѣсколько разъ отправлялся на рѣку. Движимая любопытствомъ, возбуждаемымъ загадочнымъ поведеніемъ мужа, жена выходила изъ избы и за нимъ наблюдала: подойдетъ Яковъ къ рѣкѣ и начнетъ ходить взадъ и впередъ по берегу; или спустится къ водѣ, постоитъ-постоитъ, словно въ раздумьѣ какомъ-то, и снова на верхъ подымется. Разъ быстрыми шагами направился онъ къ рощѣ, совсѣмъ уже подошелъ къ деревнѣ. Во все время дождь лилъ, непереставая, вѣтеръ ревѣлъ съ тою же силой, какъ и утромъ. Яковъ ничего не замѣчалъ, какъ будто; онъ продолжалъ бродить у себя по двору и по окрестности.

«Наконецъ наступила ночь. Въ выселкахъ всѣ полеглись и заснули. Несмотря на то, что дождь и вѣтеръ превратились съ наступленіемъ ночи въ бурю, — Яковъ все еще не возвращался. Онъ пришелъ домой около полуночи; жена и дѣти давно спали. Онъ вошелъ въ избу тихо и сѣлъ на лавку.

«По прошествіи нѣкотораго времени, онъ всталъ, бережно подобрался къ печкѣ, нащупалъ въ потемкахъ стремечки, по которымъ взбираются на печь, и сѣлъ подлѣ матери. Она не спала; но Яковъ не могъ разобрать этого: старуха лежала неподвижно и молчала. Руки Якова дрожали такъ сильно, что

нѣсколько разъ провелъ онъ ими по воздуху прежде, чѣмъ нащупалъ старуху.

«— Кто тутъ? спросила она, какъ бы пробуждаясь отъ сна.

«— Я, матушка!...

«— Что ты?...

«— Матушка, произнесъ Яковъ: — нѣтъ больше моей моченьки.... Матушка, я убью ее!...

«— Кого? спросила старуха, сохраняя прежнюю свою неподвижность; только голосъ ея, какъ словно нѣсколько оживился.

«— Ты, матушка, продолжалъ Яковъ: — ты хоша ничего не говорила, ты все видѣла, — видѣла все мое раззоренье.... мою погибель.... Заѣла она всю мою жизнь, змѣя подколодная.... Моченьки моей нѣту... я убью ее!...

«Выраженія Якова, при объясненіи съ матерью, были вѣроятно энергичнѣе, можетъ статься совсѣмъ даже другія; приблизительно, въ общихъ словахъ передаю то, что слышалъ, что показала потомъ сама старуха. Вообще во всей этой исторіи нѣтъ ничего вымышленнаго; точь-въ-точь разсказываю, какъ дѣло происходило въ дѣйствительности; слѣдствіе, которое при мнѣ происходило, и показанія дѣйствующихъ лицъ при допросѣ, доставили мнѣ всѣ свѣдѣнія.

«Старуха-мать осталась, повидимому, совершенно безчувственною къ словамъ сына; она не сдѣлала малѣйшаго замѣчанія, слова не промолвила. Но когда Яковъ въ третій разъ повторилъ: «Матушка, я убью ее!....» она медленно приподнялась на локтѣ, кряхтя и охая, слѣзла съ печки и принялась суетливо шарить въ углу, гдѣ стоялъ столъ. Яковъ слѣзъ также съ печки и слѣдовалъ за матерью. Старуха нащупала въ ящикѣ ножъ и молча сунула его сыну, который тотчасъ же бросился изъ избы.

«По прошествіи часу, выселовскій народъ пробужденъ былъ страшными криками; всѣ въ попыхахъ высыпали на улицу. У околицы нашли Якова; онъ лежалъ ничкомъ на дорогѣ, страшно билъ себя кулаками въ грудь и голову, и кричалъ во весь голосъ: «Батюшки, вяжите меня!... Я убилъ ее!... Батюшки, вяжите! убилъ ее, убилъ!...» Выбѣжавъ тогда съ ножемъ изъ избы, онъ пустился сломя голову въ Лысково, ворвался въ клѣть, гдѣ спала Мароа, и нанесъ ей сряду, одну за другою, восьмнадцать ранъ!... каждая была смертельна....»

Съ послѣдними словами толстый господинъ, слушавшій разсказъ очень равнодушно, разразился вдругъ противъ Якова самою энергическою, крупною бранью. Онъ какъ будто давно уже вывелъ свое заключенье объ этомъ человѣкѣ и ждалъ только окончанія исторіи, чтобы высказаться. Но къ великому удивленію нашему, тотчасъ же открылось, что помѣщикъ выходилъ такъ сильно изъ себя вовсе не потому, чтобы возмущалъ его поступокъ Якова: преступленіе само по себѣ было въ глазахъ его самою обыкновенною вещью: такіе случаи часто встрѣчаются, чего же и ждать отъ полудикаго человѣка!—негодованіе толстяка выходило совсѣмъ изъ другаго источника: Яковъ на столько заслуживалъ вниманія и возбуждалъ негодованія, на сколько шашни его и потомъ убійство, навлекли хлопотъ, безпокойствъ и неудовольствій барину: шутка платить теперь за него я семейство его подушныя до слѣдующей ревизіи! А слѣдствіе-то! — слѣдствіе, котораго не было бы безъ этого мошенника Якова и которое такъ убыточно для вотчины и слѣдственно для помѣщика! Словомъ, во всей этой исторіи толстякъ видѣлъ одного только барина; у него не было другой точки зрѣнія. Мораль его объясненій состояла въ томъ, что послабленія никуда не годятся и ведутъ только, неминуемо ведутъ помѣщика къ убыткамъ и непріятностямъ.

— У васъ, сударь мой, заключилъ онъ: — у васъ, судя по тому, какъ вы о народѣ судите, люди попросту отъ жиру бѣсятся, именно отъ жиру бѣсятся, — именно отъ жиру! У меня бы этого не случилось; нѣтъ, шутишь! Заведись такой мужикъ, я бы далъ ему Марсу!... Этотъ вашъ Яковъ просто мошенникъ, я вамъ скажу: бестія продувная, сударь мой!... да-съ, продувная бестія, который такъ только смирнячкомъ прикидывался! А вы еще заступаетесь, сударь мой, да еще жалѣете....

— Конечно, жалѣю, какъ и слѣдуетъ жалѣть всякаго человѣка, который по чему бы то ни было гибнетъ; но не знаю, съ чего вы берете, что я заступаюсь! возразилъ разсказчикъ: — я привелъ этотъ фактъ единственно потому, что рѣчь, если помните, зашла у насъ о страстяхъ въ простомъ классѣ народа....

— Какія тутъ страсти, сударь мой! какія страсти! нетерпѣливо перебилъ толстякъ тономъ пренебреженія: — все это баловство одно.... Какія нашли вы еще страсти!...

— Полноте, господа! ну, стоитъ ли спорить объ этомъ! воскликнулъ маленькій собесѣдникъ: — повѣрьте, вы ихъ не убѣдите! подхватилъ онъ, обратившись къ разсказчику и мигая на толстяка: — пусть каждый остается при своемъ мнѣніи.... Знаете ли что? чѣмъ спорить, разскажу-ко я вамъ лучше другую исторію. .. Она отчасти идетъ подъ ладъ той, которую мы сейчасъ слушали.... Тутъ, съ одной стороны, дѣйствуетъ крестьянка, простая деревенская дѣвушка; съ другой — сынъ богатаго фабриканта: малый грамотный, взросшій посреди достатка, даже нѣкоторымъ образомъ шлифованный. Вы говорили, что развитіе и образованіе умягчаетъ человѣческую природу, что страсти человѣка образованнаго, невольно уже какъ-то принимаютъ облагороженную форму.... Предстоитъ увидѣть, на сколько внѣшняя шлифовка или полуразвитіе лучше, въ нравственномъ смыслѣ, на сколько лучше они самого полнаго невѣжества.... промолвилъ онъ, украдкой взглянувъ на толстяка. — Предупреждаю васъ, происшествіе, о которомъ пойдетъ рѣчь, еще трагичнѣе того, которое вы разсказывали.... оно такого рода, что будь здѣсь барышня, я бы не сталъ передавать его.... Хотите слушать? Вѣдь все равно, въ ожиданіи парома намъ нечего дѣлать?...

Одинъ толстякъ не согласился, казалось, съ такимъ мнѣніемъ; онъ предпочиталъ, повидимому, возлечь на перину и предаться сладкому отдыху. Увидѣвъ, однакожь, что я и господинъ въ коричневомъ пальто просили начать исторію и приготовлялись слушать, онъ остался на своемъ стулѣ.

— Дѣло, господа, происходило въ Ярославской губерніи, началъ маленькій господинъ, откашливаясь: — тамъ, какъ вы вѣроятно знаете, сплошь и рядомъ попадаются деревни, въ которыхъ почти совсѣмъ нѣтъ мужиковъ: они не живутъ дома. Большая часть молодцовъ, которые въ Москвѣ, Петербургѣ и и губернскихъ городахъ: покрикиваютъ: «Пельсины, лимоны хорошъ!...» — «Вотъ садова ма-а-лина!...» и проч.; большая часть того народа, который погуливаетъ по городскимъ улицамъ съ лотками на головѣ, а по проселкамъ — съ коробами за спиною; всѣ почти лавочники, зеленщики, пивовары, цаловальники, мелкіе торгаши,—спросите у любаго изъ нихъ: откуда?— онъ почти навѣрное скажетъ: ярославецъ! Домой, на побывку, приходятъ они по большей части въ зиму. Въ деревняхъ оста-

ются однѣ бабы, дѣвки, ребята да старики, которымъ бродячая жизнь уже не подъ силу.

«Въ одной изъ такихъ деревень жило, между прочимъ, семейство, состоявшее изъ бабы и ея дочери-дѣвушки лѣтъ семнадцати; мужъ бабы, — отецъ дѣвушки, торговалъ въ Петербургѣ. Мать держала дочь въ большой строгости; это бы еще куда ни шло: но дѣло въ томъ, что строгость эта имѣла характеръ самый безсмысленный и безтолковый; сама мать, впрочемъ, была женщина въ высшей степени взбалмошная, отчасти даже глуповатая, — съ придурью, какъ въ деревняхъ говорится. Сегодня, напримѣръ, привязывается ко всякой бездѣлицѣ; дочь шагу не смѣй ступить безъ спросу, не смѣй выйти на улицу, — ругаетъ ее наповалъ, какъ съ дубу рветъ; упрекаетъ ее въ такихъ вещахъ, которыя дѣвушкѣ даже во снѣ не грезились; иной разъ даже и поколотитъ; и все это безъ всякаго основанія, такъ себѣ, здорово живешь! Въ другое время, опять-таки безъ причины, ластится къ дочери, сама съ ней заговариваетъ и всячески выхвалять станетъ. Бѣдная дѣвушка рѣшительно сбивалась съ толку и не знала, какъ приноровиться къ матери. Такая безтолковщина въ обращеніи съ дѣтьми безпрерывно встрѣчается въ простонародьѣ; живя въ деревнѣ, на каждомъ шагу видишь такого рода сцены: положимъ, ребенокъ заплакалъ, мать сломя голову кидается на него съ вѣникомъ: «Ахъ ты, пострѣлъ окаянный! Уймешься ли ты?!.. вотъ же тебѣ! вотъ тебѣ!... Перестань, говорятъ! перестань!... Ну, на пирожка.... на пирожка.... А, такъ ты вотъ какъ! не унимаешься!... Вотъ же тебѣ! вотъ тебѣ!...» и вѣникъ снова пускается въ ходъ; потомъ опять слышно: «Ну, уймись!... ну, на пирожка....» и т. д.

«Въ серединѣ лѣта, когда случилась исторія, мать удвоила вдругъ строгость; покажись ей, что между дочерью и однимъ очень молоденькимъ парнемъ, который доживалъ послѣднее лѣто въ деревнѣ, завелись шашни. Собственно говоря, особенныхъ шашней не было; дѣвушка находилась неотлучно при матери, и если встрѣчалась съ парнемъ, такъ только на улицѣ и при народѣ. Могло статься, что парень часто торчалъ подлѣ дѣвушки; чаще другихъ ловилъ ее, играя въ горѣлки. Но глупой, взбалмошной бабѣ довольно было подозрѣній; не разспросивъ, не вывѣдавъ дѣла, она накинулась на дочь, и съ того же дня стала запирать ее на ночь въ лѣтничекъ, родъ клѣти, которая

примыкала съ сѣнямъ. Какъ только пригонятъ скотину, отдоятъ коровъ, отъужинаютъ и уберутся, старуха ведетъ дочь въ лѣтникъ и запираетъ ее тамъ на запоръ вплоть до зори.

«Около этого времени въ деревнѣ явилось новое лицо, сынъ фабриканта изъ той же губерніи. Явился онъ вотъ по какому случаю: отецъ его купилъ у владѣтеля деревни нѣсколько десятинъ земли, съ цѣлью выстроить фабрику для тканья полотенъ. Началась стройка; но вскорѣ другія заботы отозвали старика и онъ послалъ на свое мѣсто сына; хотѣлось видно ему начать пріучать парня къ дѣлу. Парню стукнуло уже двадцать-два года; до настоящей минуты онъ сидѣлъ въ лавкѣ, отмѣривалъ холстъ и ситецъ и перемигивался съ мѣщанками. Основываясь, вѣроятно, на томъ, отецъ далъ ему въ руководители и помощники своего прикащика.

«Пріѣхавъ въ деревню, хозяйскій сынъ и прикащикъ помѣстились наймомъ въ избѣ одного крестьянина.

«Отношенія между молодымъ человѣкомъ и прикащикомъ были такого рода: послѣдній, постепенно въ тихомолку отъ родителей, потакалъ дурнымъ наклонностямъ перваго; этимъ способомъ, онъ совершенно овладѣлъ молодымъ человѣкомъ; онъ влѣзъ къ нему въ душу и какъ хотѣлъ, такъ и вертѣлъ имъ. Все это дѣлалось, разумѣется, не съ проста; прикащикъ имѣлъ свои виды; хозяинъ былъ старъ; сынъ долженъ былъ наслѣдовать всѣмъ имѣньемъ. Вообще, этотъ прикащикъ былъ мошенникъ и плутъ первой руки; кромѣ того, что онъ развращалъ сына, онъ и отца обкрадывалъ; впрочемъ, хорошъ былъ также и молодой купчикъ; они другъ друга стоили, несмотря что послѣднему минуло только двадцать-два года.

«Дня два-три послѣ пріѣзда въ деревню, прикащикъ выводитъ купчика на улицу и говоритъ: — «Ну, говоритъ, какая только здѣсь есть дѣвушка, — чудо! говоритъ. Передъ ней всѣ эти бабы, что вы вечоръ выхваляли, самая, то есть, выходитъ мразь, — сволочь не стоющая!....» — «Какая дѣвушка? Гдѣ?...» спрашиваетъ купчикъ. Прикащикъ указываетъ на избу бабы, которая жила съ дочерью и о которой я вамъ сказывалъ. Купчикъ случайно увидѣлъ дѣвушку; она ему очень понравилась. Началъ онъ ухаживать: караулилъ ее на улицѣ, старался заговаривать при встрѣчахъ, прохаживался мимо оконъ; изо всего этого вы-

было только то, что юноша чаще видѣлъ кулакъ матери, высунутый изъ окошка, чѣмъ самую дочку. Дѣвушка со своей стороны, или пряталась или по просту отворачивалась. Быть можетъ, поступала она такимъ образомъ изъ страха; скромность, робость, также можетъ быть тутъ дѣйствовали; безъ этихъ послѣднихъ свойствъ не могла бы она выносить такъ безропотно обращеніе взбалмошной матери. Ничего нѣтъ мудренаго, если невниманіе дѣвушки происходило также отъ того, что въ самомъ дѣлѣ нравился ей молодой парень, за котораго такъ доставалось ей отъ матери. Какъ бы тамъ ни было, купчикъ отъѣзжалъ ни съ чѣмъ, какъ говорится. Онъ передалъ свои неудачи прикащику. «Ничего, говоритъ тотъ: — это значитъ не такъ взялись за дѣло; манера не годится; надо взять дѣло въ другую сторону; ничего, наша будетъ; не извольте ничего себѣ безпокоиться! Вы, говоритъ, главное, виду теперь не показывайте.: дайте мнѣ уладить дѣло... Практика эта намъ знакома!...» Узнавъ отъ хозяйки, а также и отъ другихъ бабъ, подробности о житьѣ бытьѣ матери и дочери, прикащикъ выдумалъ такую штуку: молодой человѣкъ долженъ былъ пробраться въ лѣтничекъ до того времени, пока мать не запретъ тамъ дочку; ему слѣдовало завалиться куда нибудь за лавку, за сундукъ и во всю ночь пролежать такъ смирно, чтобы дѣвушка никакъ не могла подозрѣвать его присутствія; онъ долженъ былъ показаться тогда только, когда мать отворитъ лѣтникъ, чтобы выпустить дѣвушку. Купчикъ рѣшительно не понималъ, къ чему поведетъ такая штука; прикащикъ сказалъ, чтобъ онъ только слушался; слушаться будетъ, увидитъ, къ чему поведетъ выдумка. Въ тотъ же вечеръ купчикъ и его товарищъ прокрались къ ригѣ матери; выждавъ минуту, когда старуха и ея дочь вышли на улицу встрѣчать стадо, — купчикъ бросился въ лѣтникъ и спрятался; прикащикъ повторилъ ему свои наставленія и скрылся.

«Съ наступленіемъ ночи, мать, какъ это обыкновенно дѣлалось, запираетъ дѣвушку; молодой человѣкъ слышитъ, какъ она раздѣвается и ложится спать; онъ находился отъ нея въ какихъ нибудь двухъ-трехъ шагахъ; но не отступилъ онъ однакожъ на волосъ отъ того, что̀ говорилъ прикащикъ: во всю ночь не повернулся, не кашлянулъ. На зорѣ дѣвушка одѣлась и стала стучаться въ дверь. Въ ту самую секунду, какъ старуха отворила лѣтникъ, купчикъ ловко вышелъ изъ своей засады и показался подлѣ дѣвушки....

«Предоставляю вамъ самимъ судить объ изумленіи матери и особенно дочери.

«Не успѣла бѣдная дѣвочка притти въ себя, мать яростно на нее бросилась и принялась колотить ее на смерть; послѣ этого старуха какъ бы вдругъ очнулась, повернулась къ купчаку и повалилась ему въ ноги:—«Батюшка, говоритъ, не погуби только! взмилуйся, косатикъ!!. Мужъ узнаетъ,—убьетъ меня до смерти! Ужъ коли грѣхъ такой случился, такъ по крайности, чтобы мужъ незналъ!... не разславляй, батюшка, объ этомъ дѣлѣ! не срами, косатикъ! никому не разсказывай!!..»

«Молодой человѣкъ, смекнувши къ чему могла повести выдумка прикащика, поспѣшилъ успокоить старуху; онъ клялся, что ничего никому не скажетъ и съ того же утра смѣлѣе приступилъ къ дѣвушкѣ. Въ отвѣтъ на это, она только заливалась-плакала и осыпала его проклятіями. Жизнь ея сдѣлалась окончательно невыносимою: съ одной стороны неотступно приставалъ купчикъ, который внушалъ ей страхъ и ужасъ, съ другой не было житья отъ матери, которая била ее съ утра и до вечера. Прикащикъ между тѣмъ не переставалъ разспрашивать, какъ идутъ дѣла. Купчикъ сначала лгалъ; говорилъ, что все идетъ превосходно, что дѣло увѣнчалось блистательнѣйшимъ успѣхомъ; но разъ какъ то, послѣ сотаго неудачнаго приступа,—передалъ ему всю правду.—«О чемъ же вы думаете? говоритъ прикащикъ:—развѣ не знаете: онѣ всѣ таковы: сначала слышать не хотятъ, плачутъ, манерничаютъ, а тамъ, посмотрите-ко, сама начнетъ бѣгать да ластиться, отбою даже не будетъ... Объ ней нечего много думать; главная статья,—больше на мать напирайте; постращайте хорошенько старуху-то; скажите, что обо всемъ разсловите по деревнѣ; увидите,—дѣло тогда само собою сладится.»

«Молодой человѣкъ согласился, что дѣло точно пойдетъ тогда вѣрнѣе; но прежде, однакожь, чѣмъ исполнить совѣтъ, попытался онъ обратиться сначала снова къ дѣвушкѣ и взять лаской.

«Дѣвушка, какъ и прежде, слышать ничего не хотѣла; она плакала и проклинала его. Юноша приходитъ разъ къ старухѣ и говоритъ:

«— Послушай, говоритъ, тетка: — чтожь она?... Коли денегъ понадобится, мы въ этомъ не постоимъ; и подарки и все

такое.... я хоть сейчасъ. А только не вели ей ломаться.... Теперь ужь поздно, говоритъ.

«Старуха опять бухъ въ ноги:

«— Кормилецъ, молчи только, не сказывай! Мужъ узнаетъ убьетъ до смерти... Ахъ она, дура этакая проклятая!...

«Накидывается она опять на дѣвушку и давай бить. Та только рыдаетъ, да головой о стѣны стукается. Такого рода сцены повторялись разъ и два; дѣло все-таки не двигалось, вопреки обѣщаніямъ совѣтчика. Потерявъ наконецъ терпѣніе, юноша объявляетъ напрямикъ матери, что если дочь станетъ еще ломаться, — онъ рѣшительно начнетъ разсказывать по деревнѣ обо всемъ случившемся. Малый, какъ видно, былъ съ характеромъ. Объясненіе это происходило вечеромъ, послѣ пригона скотины. Купчикъ, дѣйствуя вѣроятно по совѣту прикащика, — нарочно выбралъ такое время; онъ какъ будто не сомнѣвался уже въ успѣхѣ и билъ навѣрняка. Началось съ того, что мать снова бросилась таскать дѣвушку; она пришла въ такое бѣшенство, что не случись тутъ купчика, она сдѣлала бы дочь калекой. Послѣ этого, старуха силою втаскиваетъ дочь въ лѣтникъ, кланяется въ ноги купчику, умоляетъ его молчать, сама ведетъ въ лѣтникъ и запираетъ съ дочерью....

«Очутившись наединѣ съ дѣвушкой, купчикъ замѣтилъ не безъ удивленія, что она уже болѣе не плачетъ. Ободренный этимъ, начинаетъ онъ разговаривать. Она не бранитъ его, не проклинаетъ какъ прежде; она даже не отворачивается. Какъ окаменѣлая стоитъ она подлѣ постели; изрѣдка, подъ платкомъ накинутымъ на плечи и совсѣмъ почти заслоняющимъ лицо ея, пробѣгаетъ судорожная дрожь; юноша объясняетъ себѣ это робостію, и ободренный болѣе и болѣе, садится онъ подлѣ; она не дѣлаетъ даже сопротивленій, когда онъ начинаетъ обнимать ее. Не отвѣчая на его ласки, не смотря на него, не произнося слова, она совершенно ему покоряется. Одного только никакъ не могъ онъ добиться: не могъ онъ добиться отъ нея живаго слова; она точно онѣмѣла. Впрочемъ, не много заботился онъ объ этомъ. На зорѣ, когда старуха отворила лѣтникъ, торжествующее лицо купчика доказывало, что онъ былъ собою очень доволенъ. Оставивъ дѣвушку въ лѣтникѣ, онъ отозвалъ старуху въ избу; ему хотѣлось сдѣлать ей подарокъ. Въ ту минуту, какъ онъ полѣзъ

въ карманъ за деньгами, — въ дверяхъ неожиданно показалась дѣвушка. Лицо ея было блѣдно, растрепанные волосы разсыпались по плечамъ, въ чертахъ проступало такое отчаяніе, что мать и самъ купчикъ испугались. Дѣвушка сдѣлала два шага, взглянула на мать, произнесла проклятіе, схватила, какъ бы въ безпамятствѣ какомъ-то, — схватила себя руками за голову и кинулась изъ избы. Мать пустилась за нею въ догонку; дѣвушка какъ словно исчезла; купчикъ присоединился къ старухѣ; стали искать; обошли всѣ закоулки, обшарили ригу, нигдѣ нѣтъ, начали разспрашивать у сосѣдей: не видалъ ли кто? — Никто невидалъ... Словомъ, искали весь день и нигдѣ не нашли. Къ вечеру только отыскалась она.... Отъискалась на днѣ пруда, который тянулся за деревней.... Ну, какъ вы объ этомъ скажете? заключилъ разсказчикъ неожиданно обращаясь къ толстяку: — какъ вы скажете: съ чего утопилась эта бѣдная дѣвушка? Что заставило ее поступить такимъ образомъ?...

— Съ чего утопилась? возразилъ толстякъ съ невыразимымъ спокойствіемъ: — извѣстно съ чего утопилась: — съ дуру!...

— Вы рѣшительно стало быть отвергаете въ простомъ человѣкѣ всякаго рода благородныя движенія души и даже чувство честности? — воскликнулъ господинъ въ коричневомъ пальто, вдругъ разгорячаясь, такъ, что краска выступила на лицѣ его: — по вашему, надо думать, человѣки только тѣ, которые, какъ мы съ вами, носимъ халаты, куримъ табакъ, земли непашемъ, въ избѣ не живемъ, нужды не терпимъ, да знаемъ, что есть на свѣтѣ Франція и были когда-то римляне?... Мы одни стало быть, подхватилъ онъ не замѣчая нашихъ взглядовъ, которые ясно говорили ему о безполезности такихъ объясненій: — одни мы можемъ чувствовать благородно и думать по человѣчески?... На чемъ же вы все это основываете? Вы человѣкъ уже пожилой, не можете же вы говорить безъ основанія....

— Эхъ, господа, перестаньте Бога ради! охота же вамъ! снова вмѣшался, и съ тою же поспѣшностью, какъ и прежде, маленькій господинъ: — такого рода разговоры рѣшительно ни къ чему не ведутъ; вы ихъ не убѣдите, они васъ; убѣждать слѣдовательно безполезно... Не лучше ли, право, что бы кто нибудь изъ насъ разсказалъ еще какую нибудь исторію? Самое краснорѣчивѣйшее разсужденіе, какъ сказалъ одинъ изъ нашихъ писателей: — не стоитъ самого мелкаго разсказа, взятаго только изъ

дѣйствительной жизни и который могъ бы служить фактомъ.... Только фактъ что нибудь значитъ, остальное все туманъ.... Основываясь на этомъ, позвольте я разскажу вамъ происшествіе, которое пришло мнѣ на память. Я разсказываю плохо, но вы простите неловкость, мѣшковатость слога за смыслъ.... Къ тому же, я нахожу, мы довольно уже говорили о мужикахъ.... Кромѣ того, все, что ни говорилось, проникнуто было какимъ-то мракомъ, чѣмъ-то дикимъ, грубымъ, необузданнымъ.... Для разнообразія разскажу исторію изъ другаго быта; начать съ того, что исторія эта не мрачнаго свойства; и потомъ, тутъ идетъ рѣчь о людяхъ, которые.... ну, да вы сейчасъ увидите.... присовокупилъ онъ, окидывая насъ лукавымъ взглядомъ и какъ бы приглашая не спускать глазъ съ толстяка, къ которому, какъ казалось, преимущественно хотѣлъ онъ обратить рѣчь. — Вотъ въ чемъ дѣло: верстахъ въ трехъ отъ меня жили, и теперь еще слава Богу живутъ и благоденствуютъ два помѣщика; одного зовутъ Кондѣй Ильичъ, другаго Михайло Васильичъ; фамиліи ихъ вамъ знать не для чего; онѣ не громки и при томъ не придадутъ интереса разсказу; безъ нихъ обойдемся. Кондѣй Ильичъ человѣкъ вида могущественнаго, сановитаго, ростъ богатырскій, косая сажень въ плечахъ; весь онъ точно цѣликомъ изъ дубоваго пня вырубленъ; въ жизнь не видалъ я такихъ огромныхъ ступней, такихъ кулаковъ и мускуловъ, какъ у Кондѣя Ильича; его кажется ядромъ не убьешь. Михайло Васильичъ представляетъ изъ себя человѣка то же коренастаго, но коротенькаго, съ глазами, которые какъ словно чему-то изумились и застыли навсегда въ такомъ видѣ. Въ характерѣ Кондѣя Ильича есть что-то героическое, соотвѣтствующее его осанкѣ: онъ смѣлъ, отваженъ, дѣйствуетъ всегда на проломъ и рѣшителенъ въ высшей степени. Случается ли ему, напримѣръ, разсердиться на Михайлу Васильича, — а это случается часто, — онъ тотчасъ же отъискиваетъ его, идетъ къ нему, и съ прямотою, свойственною благороднымъ людямъ, говоритъ: — «Ты подлецъ и скотина!» Михайло Васильичъ обыкновенно ничего на это не отвѣчаетъ; не можетъ онъ вообще похвастать храбростію и прямизною нрава: онъ скорѣе беретъ умомъ и хитростію. Разсердившись на сосѣда, онъ тщательно всегда скрываетъ настоящія свои чувства, старается даже избѣгать его; но съ той же минуты, бѣжитъ на мельницу, къ прикащику сосѣдней деревни, къ пономарю и дру-

гимъ лицамъ и наскажетъ всегда такихъ ужасовъ про Кондѣя Ильича и его семью, что у робкихъ людей пробѣгаетъ холодъ въ затылкѣ. У Кондѣя Ильича девять душъ; у Михайла Васильича семь; каждому изъ этихъ мужей уже около пятидесяти лѣтъ; словомъ, оба почтеннаго возраста.

«Съ лѣтами, враждебныя чувства, которыя питаютъ они другъ противъ друга, ни мало не умягчаются; напротивъ: съ годами вражда только усиливается; она, надо думать, перешла къ нимъ по наслѣдству отъ родителей, которые точно также ненавидѣли другъ друга и разъ такъ даже шибко схватились, что сбѣжавшіеся шестьнадцать мужиковъ того и другаго никакъ не могли разнять ихъ.

«Впрочемъ, сама обстановка двухъ помѣщиковъ такого рода, что неминуемо должна разжигать ихъ другъ противъ друга; дома ихъ, поставленные еще покойными родителями, находятся на разстояніи шести сажень; они обращены лицомъ другъ къ другу и раздѣляются дворикомъ. До сихъ поръ не рѣшено, кому принадлежитъ дворикъ. Объ этомъ обстоятельствѣ спорили одинаково безуспѣшно отцы и теперь спорятъ дѣти; какъ тѣ, такъ и эти сотни разъ прибѣгали къ мѣстному начальству и подавали несчетное число прошеній о томъ, чтобы разъ навсегда опредѣлили, кому владѣть дворикомъ; мѣстное начальство являлось; но всякій разъ, какъ между родителями, такъ и между настоящими владѣльцами, подымалась такая война, что начальство отказывалось напрямикъ отъ всякаго посредничества; оно уже радо-радо было, когда могло растащить ссорившихся. Какъ Кондѣю Ильичу, такъ и Михайлу Васильичу нѣтъ малѣйшей надобности въ этомъ дворикѣ; ими въ этомъ случаѣ управляетъ та мысль, что тотъ, кто уступитъ дворикъ, дастъ случай восторжествовать надъ собою врагу; другой причины не существуетъ. Какъ бы тамъ ни было, несчастный дворикъ служилъ и служитъ основою и театромъ всѣхъ событій, совершающихся въ этомъ уголку нашего уѣзда, который, не мѣшаетъ замѣтить, богатъ такими уголками. Раздраженіе одного семейства противъ другаго такъ сильно, что самое неуловимое обстоятельство способно подлить масло въ огонь. Бываетъ вотъ какъ: индѣйскій пѣтухъ Кондѣя Ильича, прогуливаясь по двору, станетъ, напримѣръ, противъ оконъ Михайла Васильича, распушитъ хвостъ и буркнетъ свою пѣсню; Михайло Васильичъ принимаетъ это тотчасъ же въ обидную для себя сторону.

«— Мошенники, говоритъ, нарочно подучили его!

«Въ ту же секунду, изъ–за угла летитъ на пѣтуха палка; супруга Кондѣя Ильича стремится на выручку пѣтуха; супруга Михайла Васильича выбѣгаетъ къ ней на встрѣчу; на крикъ, изъ обоихъ домовъ вылетаютъ какъ пули, одинъ за другимъ: Кондѣй Ильичъ и Михайло Васильичъ; за ними бѣгутъ дѣти, потомъ золовки, свояченицы (у обоихъ число душъ собственной семьи втрое превышаетъ число душъ крестьянъ). Черезъ минуту, дворъ представляетъ одну движущуюся кучу людей, изъ которой во всѣ стороны торчатъ и болтаются руки, ноги и головы. И хорошо еще, еслибъ одинъ дворикъ служилъ театромъ и поводомъ для такихъ сценъ! Управляемые тѣмъ же чувствомъ, которое мѣшаетъ имъ покончить съ раздѣломъ дворика, — они до сихъ поръ еще остаются черезполосными; ихъ, если хотите, давно размежевали, вырыли даже межевыя ямы и столбы поставили; но это ни къ чему не служитъ; такъ бываетъ, впрочемъ, у многихъ помѣщиковъ, которые не чета Кондѣю Ильичу и Михайлу Васильичу. Кондѣй Ильичъ подозрѣваетъ, что Михайло Васильчъ подкупилъ землемѣра; Михайло Васильичъ питаетъ съ своей стороны тѣ же подозрѣнія; оба владѣютъ тѣми же участками, какими владѣли ихъ отцы и прадѣды. Рига Кондѣя Ильича до сихъ поръ открывается на землю Михайла Васильича; бабы Михайла Васильича полощутъ бѣлье въ пруду сосѣда; народъ и семья Кондѣя Ильича пользуется водою изъ колодца Михайла Васильича. При малѣйшей ссорѣ, Михайло Васильичъ ставитъ у колодца мужика съ дубиной; Кондѣй Ильичъ бѣжитъ къ пруду, принимаетъ героическую позу, машетъ кулаками и кричитъ:

«— Подойди только, — разобью въ дребезги!!

«Однимъ словомъ, вражда, существовавшая нѣкогда между Иваномъ Иванычемъ и Иваномъ Никифорычемъ Гоголя, ровно ничего не значитъ противъ той, которая существуетъ между Кондѣемъ Ильичемъ и Михайломъ Васильичемъ.

— Что это вы, сударь мой, разсказываете! позвольте вамъ замѣтить! промолвилъ толстякъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ: — гдѣ вы видѣли такихъ помѣщиковъ?...

— Если вамъ не угодно вѣрить, что во всемъ этомъ не прибавлено ни одного слова, не выдумано ни одной черты, — не

хотите ли сдѣлать мнѣ честь отправиться со мною ко мнѣ въ деревню; мы отсюда всего шестьдесятъ верстъ; намъ даже можетъ быть по дорогѣ; я сочту за особенное удовольствіе познакомить васъ съ Кондѣемъ Ильичемъ и Михайломъ Васильичемъ; пожалуй, познакомлю васъ и съ другими, которые ни въ чемъ имъ не уступаютъ.... Господи, примолвилъ маленькій разсказчикъ обратясь къ намъ:—неужто вы также не даете вѣры моему разсказу? Неужто вамъ не случалось встрѣчать такихъ помѣщиковъ, какъ мои сосѣды?

Господинъ въ коричневомъ пальто вѣрилъ совершенно; мало того: онъ насчиталъ до десятка Кондѣевъ Ильичей въ своемъ уѣздѣ; я съ своей стороны вызвался познакомить присутствующихъ также съ десяткомъ лицъ, которыя шли совершенно подъ стать героямъ, описаннымъ разказчикомъ.

— Можетъ и есть такіе, только я не видалъ, не приводилось!... пробормоталъ толстякъ: — и наконецъ, какіе же это помѣщики?.. такъ мелюзга какая-то....

— Конечно мелюзга, но все они помѣщики!...

— Семь душъ всего! какіе помѣщики! упорствовалъ толстякъ:—это тоже мелочь, которую вотъ этотъ вашъ Гоголь описывалъ.... они не идутъ въ счетъ....

— Ну, нѣтъ: сосчитайте-ка ихъ, — купъ выйдетъ порядочный! перебилъ господинъ въ коричневомъ пальто:—и вы Гоголя читали? прибавилъ онъ.

— Читалъ; также все преувеличиваетъ и во всемъ прибавляетъ.... Такихъ людей, какъ онъ описываетъ, никогда не было...

— Ну, этого опять также нельзя сказать! подхватилъ господинъ въ коричневомъ пальто, который обращался теперь къ толстяку неохотно, и явно раздражался, когда говорилъ съ нимъ:— по моему, напротивъ, нельзя не согласиться, что Гоголь не только не увеличивалъ, но даже смягчалъ, значительно смягчалъ каждое лицо, которое описывалъ; это особенно относится къ помѣщикамъ. Выставляя Собакевичей и Ноздревыхъ, онъ, если смѣю такъ выразиться, беретъ только одну сторону своихъ героевъ; они гадки и пошлы, какъ частныя личности. Описывая нашего брата, русскаго помѣщика, — одной этой стороны мало. Представьте себѣ, во сколько разъ Собакевичи и Ноздревы показались бы намъ гаже, еслибъ Гоголь захотѣлъ выста-

вить ихъ не только какъ мужей, отцовъ семейства, слѣдомъ какъ частныхъ лицъ, — но еще и какъ помѣщиковъ? Всякій изъ насъ помѣщикъ. Въ этомъ отношеніи мы находимся въ исключительномъ положеніи; положеніе это такъ тѣсно вяжется съ нашимъ существованіемъ, отъ него въ такой зависимости наша жизнь, что, описывая одно, необходимо коснуться другаго, чтобы описаніе было полно. Я могу быть отличнымъ отцомъ и скверньмъ помѣщикомъ; примѣрнымъ мужемъ, и, изъ любви къ женѣ, раззорять крестьянъ, покупая женѣ шляпки и шали, и т. д. Гоголь не трогалъ этой стороны своихъ героевъ по многимъ причинамъ. Выставь-ко онъ Собакевича и Ноздрева, какъ помѣщиковъ, — они, можетъ быть, превратились бы въ злодѣевъ; Гоголю не хотѣлось этого.... Мнѣ, признаться, всегда жаль, что онъ не дѣлалъ этого.... Повторяю: наша жизнь слишкомъ тѣсно связывается съ этимъ помѣщичьимъ положеніемъ, оно играетъ въ нашемъ обществѣ слишкомъ большую роль, чтобы можно было выпускать его изъ виду, описывая нашего брата! По моему, невозможно даже имѣть вѣрнаго понятія о комъ нибудь изъ насъ, не руководствуясь въ отношеніи другъ къ другу такимъ соображеніемъ, или, пожалуй, пословицей: покажи на дѣлѣ, каковъ ты помѣщикъ, — и я скажу тебѣ, что ты за человѣкъ!...

— Совершенно справедливо! подхватилъ маленькій господинъ: — именно: дай мнѣ только понять, каковъ ты, какъ помѣщикъ, — и я скажу, что ты за человѣкъ! присовокупилъ онъ, украдкою взглянувъ на толстяка: — но, послушайте, хотя я скажу теперь общее мѣсто, истину, давно уже всѣмъ извѣстную, заслуга Гоголя останется все таки неизмѣримо-огромна! Уже одно то, что онъ внесъ въ нашу литературу правду! — Правду, которой до него не было, и которая не мѣшаетъ Гоголю быть великимъ поэтомъ! Положимъ, выставилъ онъ частныхъ лицъ, какъ вы говорите, но за то, какъ поразительно они вѣрны въ смыслѣ обще-человѣческомъ! Что ни лицо — то типъ! Онъ точно собралъ всю нашу братію, раздѣлилъ по кучкамъ, каждую кучку посадилъ въ особую клѣтку, и сказалъ: это Собакевичи, это Маниловы, это Чичиковы, и т. д. — просто клеймо положилъ! Многіе до сихъ поръ еще не любятъ Гоголя, именно, кажется, за эту сортировку! У меня, напримѣръ, тысяча душъ, я задаю обѣды, задираю свой глупый носъ, кричу на выборахъ;

Гоголь объяснилъ каждому, что я никто другой, какъ Собакевичъ; меня иначе не зовутъ, какъ Собакевичемъ; согласитесь, это очень вѣдь непріятно!... добавилъ маленькій господинъ, — засмѣялся и снова бросилъ косвенный взглядъ на толстяка, который сидѣлъ, мрачно насупивъ брови, и дышалъ особенно тяжело какъ-то; — но мы, однакожъ, далеко зашли, господа! Позвольте кончить мою исторію. Кондѣй Ильичъ и Михайло Васильичъ, точно также, какъ жены ихъ, свояченицы, тещи и проч., чрезвычайно, между тѣмъ, заботились о томъ, какъ думаютъ, и что говорятъ объ нихъ сосѣди: дома дрались они, какъ какіе нибудь бойцы и мясники; внѣ дома, оба лѣзли изъ кожи, чтобы казаться настоящими помѣщиками. Съ семью и девятью душами не уѣдешь далеко по части важности; тщеславіе,—плохая пожива! Для поддержки общественнаго мнѣнія, Кондѣй Ильичъ держитъ пару кобылъ, на которыхъ подкатываетъ къ церковной паперти, или является на ярмарки со своимъ семействомъ; у Михайла Васильича одна только лошадь, и, вмѣсто тарантаса, тележка; но къ тележкѣ своей придѣлалъ онъ складныя подножки, какъ у тарантаса, и выкрасилъ ее темнобурою краской; на лошади щегольская сбруя, съ мѣдною оковкою, которая такъ сіяетъ на солнцѣ, что рѣшительно ослѣпляетъ глаза. Оба, на ярмаркахъ и на городскихъ праздникахъ, поминутно выходятъ изъ своихъ экипажей, забѣгаютъ на видныя мѣста и кричатъ кучеру: «Эй, подавай!!» Особенно надо любоваться Кондѣемъ Ильичемъ и Михаиломъ Васильичемъ, когда они входятъ въ церковь, сопровождаемые своимъ семействомъ; Кондѣй Ильичъ гордо, важно проходитъ всегда мимо помѣщиковъ; нужно видѣть, какъ, ведя свое семейство, расталкиваетъ онъ вправо и влѣво народъ, заслоняющій дорогу, и съ какимъ озабоченнымъ видомъ говоритъ: «Посторонись! посторонись!!» Михаилъ Васильичъ ведетъ себя гораздо деликатнѣе: при входѣ въ церковь, онъ оставляетъ семью, протискивается къ каждому помѣщику, и все равно, знакомъ ли онъ съ нимъ, или нѣтъ, протягиваетъ на отмашь руку и освѣдомляется о здоровьѣ. Онъ старается внушить всѣмъ, что онъ свой братъ. Онъ и жена его ведутъ тѣсную дружбу съ дьячкомъ и дьякономъ, нарочно съ тою цѣлію, чтобъ въ концѣ обѣдни, имъ, время отъ времени, подносили просвиру. Когда въ первый разъ удостоились они этой чести, жена Кондѣя Ильича вошла тотчасъ же въ тѣснѣйшія сношенія съ по-

падьей; теперь просвиру подносять, какъ женѣ Кондѣя-Ильича, такъ и женѣ Михайла Васильича.

«Не смотря, однакожь, на толчки свои и величавый видъ, Кондѣй Ильичъ пользуется въ народѣ несравненно бо̀льшею популярностію, чѣмъ сосѣдъ его. Кондѣй Ильичъ держитъ себя такъ гордо передъ мужиками и бабами только при постороннихъ, — особенно передъ помѣщиками; дома живетъ онъ за панибрата со своими мужиками: ходитъ къ нимъ въ избу, пируетъ у нихъ на крестинахъ и свадьбахъ, хлѣбаетъ съ ними щи изъ одной чашки и проч.; онъ вообще не взыскателенъ въ работѣ и если иной разъ котораго изъ нихъ поколотитъ, то это скорѣе потому, что онъ не въ духѣ, чѣмъ на основаніи какой нибудь другой причины; мужики не ставятъ ему этого въ укоръ; они любятъ Кондѣя Ильича. Михайло Васильичъ никогда не дерется; но за то, обращеніе его сухо и холодно; фамильярность съ крѣпостными считаетъ онъ несовмѣстною съ достоинствомъ дворянина и помѣщика; онъ требуетъ, главное, чтобы мужикъ и баба уважали его; требуетъ, чтобы называли его бариномъ, жену его барыней, дѣтей барченками; любитъ, чтобы мужикъ, при видѣ его, снималъ издали шапку, а баба отвѣшивала низкій поклонъ. Мужикъ и баба терпѣть его не могутъ, называютъ его гордецомъ, чуфа̀рой.

«Но оставимъ все это; надо вамъ передать теперь одно маленькое событіе, которое случилось прошлою осенью; въ событіи этомъ нѣтъ ничего, кромѣ самого обыкновеннаго.

«Это было въ сентябрѣ; не помню, они изъ за чего-то опять поссорились. Михайло Васильичъ, по принятому издавна правилу, пустился тотчасъ же къ мельнику, управителю и пономарю; но потому ли, что злоба бушевала въ немъ сильнѣе обыкновеннаго, или находился онъ въ особомъ припадкѣ вдохновенія, — онъ наговорилъ такихъ ужасовъ про сосѣда, что подъ конецъ самъ даже испугался. Разсказы легко могли дойти до слуха Кондѣя Ильича; съ нимъ, какъ извѣстно, шутить было не совсѣмъ выгодно. Михайло Васильичъ, съ дѣтства, можно сказать, питалъ къ нему непобѣдимый страхъ и чувство это, хотя тщательно имъ скрываемое, служило главнымъ основаніемъ ненависти къ сосѣду; чтожь мудренаго? — отъ одного взгляда Кондѣя Ильича могъ бы, кажется, вскочить волдырь на лицѣ врага; ударъ долженъ былъ превращать врага въ блинъ! Подъ вліяніемъ своихъ опасеній, Михайло Васильичъ цѣлые трое сутокъ

не выходилъ изъ дому; онъ передалъ женѣ свои мысли; на общемъ семейномъ совѣщаніи рѣшено было, прекратить разъ навсегда всѣ сношенія съ злодѣемъ (такъ звали могучаго Кондѣя Ильича). Для этой цѣли, Михайло Васильичъ, въ туже ночь, собралъ своихъ семерыхъ мужиковъ, настрогалъ кольевъ, нарубилъ хворосту, и до зари воздвигъ плетень, который заслонилъ домъ его отъ дома врага. Все это было превосходно придумано; оставалось удивляться, какъ до сихъ поръ подобная мысль не приходила въ голову хитрому Михайлу Васильичу; но, къ несчастію, въ горячкѣ своей, Михаилъ Васильичъ не сообразилъ одного обстоятельства: плетень какъ разъ пришелся противъ риги врага! Иначе, впрочемъ, нельзя было устроить; заднія ворота риги Кондѣя Ильича отворялись на землю сосѣда; рига стояла подлѣ дома.

«На другое утро, Кондѣй Ильичъ выходилъ съ мужиками вѣять рожь; отворяютъ ворота риги, чтобы дать ходъ вѣтру: — «что за чортъ,—плетень!» Не сомнѣваясь, что это было сдѣлано съ цѣлію досадить ему, Кондѣй Ильичъ подошелъ къ плетню, приперъ плечомъ и своротилъ его; но усиліе, употребленное имъ, не было разсчитано; онъ потерялъ балансъ и рухнулся вмѣстѣ съ плетнемъ на земь. Не успѣлъ онъ очнуться, какъ Михаилъ Васильичъ налетѣлъ на него со всѣхъ ногъ и далъ ему оплеуху. Такая необычайная рѣшимость и храбрость со стороны Михайла Васильича объясняется тѣмъ, что уже слишкомъ много, вѣроятно, накипѣло злобы въ его сердцѣ; имъ овладѣло, надо думать, что-то въ родѣ корсиканской вендетты, какая-то необузданная жажда мести и бѣшенства. Кондѣй Ильичъ вскочилъ на ноги, взглянулъ, замахнулся, и Михаилъ Васильичъ лежалъ уже разбитый въ дребезги у ногъ врага, на крикъ сбѣжались жоны, золовки, свояченицы и дѣти; картина, какъ можете судить, была торжественная; вскорѣ все умолкло; наступила тишина; но это только была тишина передъ грозою. Полчаса спустя, Михаилъ Васильичъ, перевязанный и упакованный сидѣлъ въ росписной телѣжкѣ своей и катилъ во всю мочь по дорогѣ къ уѣздному городу; за нимъ поспѣвалъ во всѣ лопатки Кондѣй Ильичъ въ своемъ тарантасѣ. Оба стремились къ губернскому предводителю, который жилъ въ деревнѣ, подлѣ самого города. Каждый выбивался изъ силъ, чтобы поспѣть первымъ. Они пріѣхали вмѣстѣ однакожь; вмѣстѣ ворвались въ прихожую предводителя

и оттуда, послѣ доклада, вмѣстѣ бросились къ дверямъ, гдѣ и завязли.

«— Господа, сказалъ предводитель, смѣкнувъ въ чемъ дѣло, что, мимоходомъ сказать, было не легко, потому что оба помѣщика говорили въ одно время, опровергали клятвенно другъ друга, и раза два даже чуть было не сцѣпились: — господа, я право не знаю, что мнѣ дѣлать!... Отъ всѣхъ этихъ исторій, я начинаю уже терять голову.... Не говоря уже о срамѣ, потому что, господа, вы все-таки дворяне.... но.... но такого рода исторіи служатъ еще сверхъ того дурнымъ примѣромъ.... Ей Богу, это ужасно!...

«Предводитель обратился къ Михайлу Васильичу и просилъ разсказать обстоятельно, какъ было дѣло. Кондѣй Ильичъ тотчасъ же было вмѣшался; но предводитель попросилъ его помолчать до времени.

«— Помилуйте, ваше превосходительство, сказалъ Кондѣй Ильичъ: — за что же ему такое предпочтеніе?... за что? вы прежде меня должны выслушать; я первый получилъ оскорбленіе!...

«— Можетъ быть, можетъ быть, возразилъ предводитель: — но только я сужу по тому, что вижу.... Вашъ сосѣдъ разбитъ совершенно.... тогда какъ вы невредимы.... тутъ уже улика на лицо....

«При этомъ, Кондѣй Ильичъ отступилъ три шага; сердце его закипѣло и переполнилось негодованіемъ; онъ скрестилъ руки на могучей груди своей и произнесъ голосомъ человѣка, сраженнаго несправедливостію судьбы и людей:

«— Ваше превосходительство, гдѣ же справедливость!...

«— Ваше благородіе, паромъ пригнали!... неожиданно прокричалъ бородастый хозяинъ избы, появляясь въ дверяхъ.

Трудно передать дѣйствіе, которое произвело на всѣхъ насъ такое извѣстіе. Разсказчикъ остановился посреди своей фразы. Впрочемъ, и то надо сказать, вздумай онъ продолжать, никто, конечно, не сталъ бы его слушать; всѣ бросились къ шапкамъ, шинелямъ и галошамъ. Толстякъ, кряхтя и задыхаясь отъ суетливости, въ одно и то же время запахивалъ халатъ, убиралъ чайныя ложечки, запиралъ поставецъ и звалъ во весь голосъ лакея. Тишина въ избѣ, прерываемая только голосомъ разсказчика и рѣдкими возраженіями слушателей, уступила мѣсто страшной вознѣ, нетерпѣливымъ возгласамъ и суматохѣ.

Но что значитъ этотъ переходъ отъ тишины къ вознѣ и шуму, сравнительно съ тою перемѣною, которая произошла между отношеніями присутствующихъ? Минуту назадъ, троихъ изъ насъ тѣсно какъ будто связывала одна общая мысль; мы невольно тянулись внутренно другъ къ другу; силою этой мысли чувствовали другъ къ другу что-то близкое, родственное; одинъ мигъ, одно слово, одно пустое восклицаніе: «Паромъ пригнали» — и все это сродство такъ же неизгладимо исчезло, какъ дымъ, когда дунетъ вѣтеръ: мы были уже чужими, перестали существовать даже одинъ для другаго; самая мысль, которая сродняла насъ, была забыта. У всѣхъ была теперь одна мысль: какъ бы опередить другъ друга, поспѣть скорѣе на паромъ и занять тамъ удобное, покойное мѣсто. Что же осталось бы отъ этой мысли и куда дѣлось бы то святое сочувствіе, которое пробудила въ насъ мысль, еслибъ вмѣсто перспективы занять мѣсто на паромѣ,—передъ нами открылась бы другая, болѣе важная выгода?...

Минутъ черезъ пять, мы уже ощупью пробирались между возами и, завязая въ грязи, перегоняли другъ друга, съ такимъ же комическимъ усердіемъ, какъ Кондѣй Ильичъ и Михаилъ Васильичъ, когда поспѣшали они къ предводителю.

Извѣстіе о приходѣ парома привело улицу въ сильное движеніе. Посреди непроницаемаго мрака бурной, ненастной ночи, раздавались крики, брань, скрыпъ телѣгъ и нескончаемое шлепанье по лужамъ, все рвалось къ рѣкѣ; безпорядокъ былъ невообразимый. Съ помощію локтей, иногда даже пинковъ, мы подвигались, однакожь, благополучно. Никто изъ насъ, не думалъ теперь о бѣдномъ мужичкѣ, который стоялъ подъ дождемъ; никому уже въ голову не приходило уступить этому мужичку то мѣсто на паромѣ, котораго ждалъ онъ нѣсколько сутокъ, — каждый изъ насъ, безъ сомнѣнія, встрѣтилъ бы съ насмѣшкой и негодованіемъ того, кто не шутя сдѣлалъ бы намъ такое предложеніе. А сколько между тѣмъ истиннаго, неподдѣльнаго жару было въ словахъ господина въ коричневомъ пальто! Какъ горячо мы ему сочувствовали и какъ готовы были распинаться за наши убѣжденія! Какой же толкъ въ этомъ жарѣ и убѣжденіяхъ?

Первымъ нашимъ дѣломъ, какъ только вошли мы на паромъ, было сунуть скорѣе перевощикамъ денегъ, чтобы они поскорѣе

только отчаливали (въ этомъ случаѣ мы дѣйствовали, надо сказать, съ замѣчательнымъ единодушіемъ и снова, казалось, одна общая мысль насъ на секунду связала). Причалъ ловко отняли и мы благополучно отвалили отъ берега.

Дождь лилъ ливмя. Уныло гудѣлъ вѣтеръ, всплескивая волны рѣки, едва отдѣлявшейся отъ темныхъ, пустынныхъ береговъ и еще болѣе темнаго неба, которое облегало, казалось, всю землю и мрачно смотрѣло....

Д. ГРИГОРОВИЧЪ.

———

О ТУРЦІИ И ПЕРСІИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

VII.

МУХАММЕРА, ТУРКИ, ПЕРСІЯНЕ И АРАВЫ.

Опять Мухаммера и пальмовыя рощи и важные шейхи въ громадныхъ чалмахъ и верхомъ на своихъ ненаглядныхъ кобылахъ, и живописныя толпы арабовъ съ стройными ногами, голыми выше колѣнъ, и съ чуть ли не саженнымъ ружьемъ за плечами; и оттоманское воинство, преважно обучающееся эволюціямъ на степи передъ лагеремъ; и отчаянный вой чекалокъ; и зыкъ горновъ персидскаго Низама, еще отчаяннѣе перваго; и зоревая пушка; и часовые обоихъ воинствъ, шагающіе съ необыкновеннымъ чувствомъ и выдѣлывающіе покоя прекурьёзные темпы ружьемъ и руками.

Кстати объ этихъ господахъ: персидскій часовой не имѣетъ въ этихъ неоцѣненныхъ продѣлкахъ себѣ равнаго; оттоманскій же особенно отличается набожностью и не пропускаетъ ни одной изъ пяти молитвъ; бережно кладетъ онъ ружье свое на землю и преусердно опускаетъ къ нему перпендикуляры земныхъ поклоновъ, пренебрегая опасностями во славу великаго пророка. А и тѣ и дру-

гіе подкрѣпляютъ по временамъ силы свои, то краюшечкой хлѣба, то кружечкой воды.

Въ оттоманскомъ лагерѣ примѣрная чистота и порядокъ; по крайней мѣрѣ такъ кажется издали; но не проникайте въ самый лагерь; тамъ ждетъ васъ другое. Командиръ и офицеры отличнаго поведенія; всѣ они постоянно чѣмъ нибудь заняты: офицеры ходятъ охотиться и продаютъ намъ дичину. Одинъ юзбаши, взводный командиръ, искусный портной и преловко сшилъ намъ нѣсколько паръ лѣтнихъ панталонъ и пальто.

За командиромъ, бимбашѝ, во время ученья, чубукчи несетъ трубку и даетъ барину затянуться между двухъ темповъ.

Въ лагерѣ персидской гвардіи чистоты не много, а порядку и того меньше. Солдатики одѣты не завидно; на ученье выходятъ рѣдко. Барабанщики и горнисты, занятые однимъ искусствомъ, не заботятся о формѣ и бьютъ зорю одѣтые кто въ чемъ попало: архалукъ или або̀, широкій персидскій плащъ съ рукавами, босыя ноги, или лапти, баранья шапка или курдская войлочная скуфья, а иногда къ этому примѣшанъ, какъ нибудь нечаянно, изо всей формы одинъ разстегнутый мундиръ, и за то какой содомъ подымаютъ, не приведи Боже!—фейерверкеръ подноситъ фитиль къ заревой пушкѣ, одѣтый въ тулупъ или что̀ другое, однимъ словомъ такъ, какъ его застанетъ закатъ солнца. О персидскихъ офицерахъ нечего и говорить: они едва ли еще не скромнѣе оттоманскихъ, а не то сейчасъ пятки къ верху.

Строй турецкаго войска, если особенно смотрѣть на него издали, не наводитъ, что называется, дури. Шеренги выравнены удовлетворительно, и хоть ружья и головы поплясываютъ, но ружейные пріемы нашей школы, которымъ ихъ учили пруссаки и французы, доведены у нихъ до сноснаго.

Отъ взгляда на персидское ученье не поздоровится нашему фронтовщику. Ихъ учили прежде, т. е. во времена Аббасъ-Мирзы, русскіе,—но послѣ, какъ то англичане принялись обучать ихъ искусству и посвятили ихъ въ таинства своихъ ружейныхъ пріемовъ, съ которыми войска наши распростились тридцать лѣтъ тому назадъ. *На караулъ!* въ четыре темпа, сопровождается отставленіемъ лѣвой ноги, и вздергиваньемъ головы при послѣднемъ темпѣ, при чемъ тоже таращится глазъ и открывается ротъ,—и остальное того же періода и съ тѣми же прибавленіями. Скорому шагу они не учатся. Подходя къ старшему, или встрѣчая его на улицѣ, отдаютъ ему по англійски честь: диво отбрасываютъ руку въ поле и потомъ, не опуская локтя, прикладываютъ пальцы къ фуражкѣ; при этомъ

молодецки хмурится бровь. Впрочемъ, съ европейцами въ Персіи всѣ такъ выучились кланяться, старый хрычь и молодое дитя, даже маленькія дѣвочки.

Турецкій солдатъ сосетъ съ утра до вечера трубку, не встанетъ ни когда передъ европейцемъ, глядитъ на него съ презрѣніемъ и не даетъ ему дороги. Персидскій солдатъ сосетъ цѣлый день кальянъ, кашляетъ ужасно, отдаетъ честь встрѣчному и поперечному и крадетъ немилосердно, даже посреди бѣлаго дня.

Первый одѣтъ въ куртку; подобравшіяся панталоны, подходящія ему под-мышки, на вязаныхъ бѣлыхъ подтяжкахъ, и съ побѣлѣвшими колѣнками; фесъ на затылкѣ, а изъ подъ него клокъ волосъ непремѣнно спускается къ глазамъ, и галоша, часто стоптанная, на босую ногу. Перевязи, рѣдко бѣленыя, скрещиваются по серединѣ груди и сзади расходятся.—На второмъ, папаха или круглая войлочная скуфья или просто войлокъ въ видѣ папахи, куртка, широкія шаровары, стянутыя надъ щиколкой, грязныя, и лапти. Перевязи въ ужасномъ видѣ. Изъ-за ушей торчатъ локоны. Почти всѣ батальоны съ бородами, если не считать дѣтей по четырнадцати лѣтъ.

Первыхъ набираютъ гдѣ и какъ попало; вторые выставляются владѣльцами въ составѣ полубатальона или батальона.

Тѣмъ платятъ худо, но кормятъ отлично. Этимъ почти вовсе не платятъ, за то не даютъ и ѣсть. И потому персидскіе солдаты, волею или неволею, на походѣ ли, или на стоянкѣ, забираютъ у обывателей силою все, что попадется подъ руку; оттого-то они и славятся неутомимыми ходоками: каждая деревня по дорогѣ откупается у офицеровъ, которые и ведутъ команду далѣе и далѣе не останавливаясь. Батальоны называются по имени округа, отъ котораго они поставлены.

Негровъ въ строю больше у турокъ; арабовъ нѣтъ вовсе. Египетское войско, составленное изъ послѣднихъ, во время Мегмедъ-Али-Паши обучалось прилежно, но дурно, одѣто было, въ мое время (отъ 1841 — 1844 г.), грязно и жалко, хотя форма ихъ и красивѣе первыхъ двухъ. Гарнизонной дисциплины не было вовсе. На примѣръ я никогда не проходилъ ворота Каира и Александріи безъ того, чтобы не увидѣть часоваго съ чулкомъ въ рукахъ, который онъ вязалъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, уставивъ только одинъ глазъ въ петли, потому что былъ или косъ, или кривъ, или въ офтальміи; ружье же его прислонялось обыкновенно гдѣ нибудь въ уголку.

Иногда въ одно и то же время разыгрывались на степи мухаммерской передъ лагеремъ три совершенно различныя сцены. Тамъ, турецкая кавалерія несется въ атаку, и какъ то всегда случалось,

въ сторону персидскаго лагеря. Тутъ, персы, подымая носки къ небесамъ, выводятъ тихій шагъ, покачиваясь въ рядахъ какъ колосья отъ вѣтру; а еще далѣе, дикія, тѣсныя толпы арабовъ вихремъ крутятся около одного центра въ воинской пляскѣ, держа надъ головами ружья, сабли и палки, и вытягивая бурную ноту импровизируемой пѣсни; чалмы и абы развѣваются вѣтромъ, пыль крутится облакомъ, круглые, маленькіе щиты, стволы и клинки сабельные сверкаютъ въ лучахъ солнца, а миражъ подымаетъ всѣ три партіи высоко на воздухъ, который какъ вода зыблется подъ ихъ ногами.

Да; опять Мухаммера! но въ этотъ разъ она уже была вооружена всѣми своими утѣснительными иглами и оставаться въ ней долѣе не было возможности. Раскаленные, безконечные дни, удушливыя ночи, песчаныя вьюги горячаго самума, несмѣтные рои комаровъ чудовищной величины, сомкнутымъ строемъ,—какъ тѣ пляшущіе арабы,—крутившіеся въ воздухѣ и въ одно мгновеніе покрывавшіе столъ и кушанье на пол-вершка... право, съ трудомъ можно было удовлетворить позывъ на пищу, и безъ того уже едва ощущаемый отъ тягости и духоты въ воздухѣ. Со всѣхъ сторонъ окруженные водою и даже тѣснимые глубокими разливами, мы не могли однако позволить себѣ отдохновенія купаньемъ, хотя и въ разогрѣтой рѣкѣ: хищныя акулы сторожатъ въ своей зыбкой засадѣ неосторожнаго. Въ нашихъ глазахъ, на берегу Хаффара, были два ужасные случая. Акула сорвала у мальчика, мывшагося на берегу, все мясо съ ноги до самой кости, и мальчикъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ. Другая милая шалунья вздумала полакомиться побѣдоносным оттоманскимъ воиномъ, мывшимъ бѣлье; его успѣли оттащить, но съ оборванными до костей бокомъ и ногою. Этотъ не поддался, остался жить, но разумѣется калѣкою.

За чѣмъ въ Мухаммерѣ есть свои пріятныя стороны? За чѣмъ не могу я имѣть къ ней полнаго омерзенія? За чѣмъ воспоминанія о ней не всѣ одинаково отвратительны? Есть такого рода лица; дурныя, даже уродливыя, со злостью въ глазахъ, они васъ невольно привлекаютъ нѣкоторыми чертами своими, рѣзкимъ, необыкновеннымъ выраженіемъ; и васъ бѣситъ эта смѣсь: видъ ихъ возмущаетъ и пугаетъ васъ, а между тѣмъ вы поневолѣ на нихъ засматриваетесь. . . . .

Кажется, я говорю о предметѣ, отъ описанія котораго я было отказался; но нечего дѣлать, заговорилъ, надо кончить, тѣмъ болѣе, что этотъ уголокъ мало извѣстенъ.

Карунъ, передъ впаденіемъ своимъ въ Персидскій заливъ, подходитъ очень близко къ Шатъ-эль-арабу, какихъ нибудь версты на

двѣ, и соединенъ съ нимъ въ этомъ мѣстѣ широкимъ каналомъ *Хаффаръ*. Отрѣзанный такимъ образомъ ломоть Хузистана составляетъ длинный и узкій островъ *Хыдръ*, или *Хидръ*, врѣзавшійся южнымъ концомъ своимъ въ мутныя воды залива. Оба берега Хаффара оживлены чѣмъ-то въ родѣ построекъ, грязною и пыльною грудою развалинъ, лежащихъ посреди пальмъ. Эта точка освящена воспоминаніемъ о соединеніи Александра Македонскаго съ Неархомъ, возвратившимся изъ Индѣйскаго похода; но вотъ и все.

Со стороны твердой земли Мухаммера, арабскій городъ одного изъ шейховъ *Чябскаго*, или собственно *Кябскаго* племени, и самаго значительнаго; на острову укрѣпленныя мазанки *Идрисовъ*, колѣна этого племени.

Зимою, когда этотъ уголокъ земли покрытъ густою, высокою зеленью, когда днемъ не жарко, а ночью даже холодновато, берега Хаффара не лишены нѣкоторой прелести. Пространство между городомъ и Шатъ-эль-арабомъ занято нѣсколькими, расположенными въ связи одинъ съ другимъ, огромными четыре-угольниками зеленѣющихъ посѣвовъ; они обнесены выровненными рядами пальмъ, какъ бы кареями великановъ, поставленныхъ на руку дистанціи;— сквозь ихъ ряды, какъ сквозь колоннаду какой нибудь громадной развалины древнихъ храмовъ, любуешься лентою арабской рѣки, парусомъ белама на водахъ ея, и пламеннымъ заревомъ заката въ самыя лучшія минуты до этой картины. Обширныя пальмовыя рощи тянутся вдоль береговъ обѣихъ рѣкъ и канала; повсюду живыя струйки въ канавкахъ, благорастворенный воздухъ; все въ это время года, особенно, когда глазъ приглядится и мысль успокоится долгимъ пребываніемъ, все это пріятно поражаетъ и поневолѣ вспадаетъ на мысль: что бы это было, если бъ берега эти оживлены были присутствіемъ людей, способныхъ воспользоваться однимъ изъ удобнѣйшихъ въ свѣтѣ мѣстъ для цвѣтущаго населенія, однимъ изъ выгоднѣйшихъ въ мірѣ положеній для торговли!

Стоя на самомъ распутьи торговли съ Индіею, Мухаммера имѣетъ надъ Басрой, своей близкой сосѣдкой, еще и то преимущество, что Хаффаръ представляетъ судамъ отлично удобную и покойную гавань, а берега его пользуются здоровымъ климатомъ, тогда какъ Басра, не сохранившая и тѣни своей прежней славы, доживаетъ свой чахлый вѣкъ на берегѣ Шатъ-эль-араба, котораго страшные разливы тѣснятъ ее со всѣхъ сторонъ и гонятъ съ лица земли. У турокъ была мысль, — не знаю цѣла ли она еще, — перенести Басру нѣсколько выше по рѣкѣ.

Басры съ рѣки не видно; она глубоко, часа на два, зарылась отъ берега въ сторону, и оттуда протянула за водою къ Шатъ-эль-арабу грязную тощую канавку, два раза въ сутки наполняющуюся водами прилива. Во время половодья, посреди канавки, окаймленной зимою густою зеленью, — въ тѣни пальмъ и фруктовыхъ деревьевъ, склонившихъ къ водамъ свои вѣтви, шевелятся узкіе и длинные *беллямы*. Полунагой лодочникъ стоитъ на самомъ концѣ и ловко управляетъ багромъ своимъ. Но голоса его не слышно. Жизнь едва теплится въ полуизсохшихъ желтыхъ жителяхъ Басры; безъ преувеличенья, ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ лица человѣческаго. Это напоминало мнѣ укрѣпленіе Бѣлоканъ, нынѣ упраздненное, на Кавказѣ, гдѣ въ 1832 году изъ тысячи человѣкъ гарнизона, я не засталъ ни одного здороваго человѣка, кромѣ коменданта, и на другой же день моего прибытія самъ схватилъ жестокую горячку.

Цѣлыя моря роковыхъ разливовъ подступаютъ подъ самыя стѣны Басры. Но загляните въ самый городъ! Сердце сжимается: груды строеній, посреди которыхъ есть хорошія, почти цѣльные дома, бани, караван-сераи; но три четверти изъ нихъ, если не болѣе, пусты, и даже двери ихъ заколочены. Купеческія предпріятія ежедневно спотыкаются о свѣжія могилы, и летятъ на воздухъ; городъ пустѣетъ, торговля падаетъ; — да, Басра отживаетъ свой чахлый вѣкъ на берегу Шатъ-эль-араба. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ устья канавы, на берегу рѣки, въ мѣстѣ, называемомъ *Магилъ*, видно какое-то уродливое кирпичное строеніе, — это морской магазинъ Остъ-Индской Компаніи для судовъ, приходящихъ сюда изъ Бушира, и для парохода багдадской резиденціи, приносящей разъ въ мѣсяцъ такъ называемую дамасскую почту. Это почты, посылаемыя изъ Европы въ Индію черезъ Дамаскъ и Багдадъ.

Въ этомъ мѣстѣ, на Шатъ-эль-арабѣ можно видѣть также два прелюбопытныя судна, захваченныя турками у Шейха Хаджи Джабера, во время разграбленія Мухаммеры въ 1842 году. Изъ этихъ жалкихъ арабскихъ судовъ, оттоманы сочинили военные корабли, посадили на каждый человѣкъ шесть албанцевъ, (*) дали каждому по одному чугунному заржавлённому единорожку и поставили ихъ у Басры наблюдать за контрабандою. Суда эти, въ которыхъ погнившія или поломавшіяся части заложены кирпичами или просто за-

---

(*) Изъ отряда баши-бозуковъ, а не бузуковъ, какъ пишутъ у насъ. Слова этого въ Европѣ не умѣютъ переводить. *Баши-Бозукъ* вовсе не значитъ сорванецъ, разбитная голова, un écervelé, tête fêlée и пр., какъ переводятъ его книги и газеты, хотя молодцы и вполнѣ заслуживаютъ всѣ эти названія. Слово это просто выражаетъ нерегулярнаго воина, въ противоположность *низаму*, регулярному.

мазаны грязью, или захвачены бараньими шкурами, на видъ какъ будто тоже замучены климатомъ Басры. Тощія, грязныя, обломанныя, покоробившіяся, они особенно хороши, когда принимаются салютовать. Во время нашего прихода въ Мухаммеру, эти суда были тамъ; слышимъ, выстрѣлъ; смотримъ, съ боковъ одного изъ этихъ чудовищъ валятъ густые клубы дыма. Готовимся считать число выстрѣловъ, но не тутъ то было! Проходитъ пять, десять, двадцать минутъ, полчаса, раздается снова что то въ родѣ выстрѣла съ того же судна, а тамъ?... а тамъ видно духу не хватило; учтивость оборвалась на второмъ привѣтствіи.

Надо видѣть бѣлобородаго албанца, командующаго этимъ флотомъ: сколько важности въ поступи, осанкѣ, разговорѣ! и какъ ярка его оранжевая куртка! и какъ бѣлоснѣжна его кругло обстриженная борода!

Тамъ и сямъ между пальмъ виднѣются приземистые арабскіе куты (дачи) и деревушки или изъ нежженнаго кирпича, или просто изъ земли... Вотъ и арабъ стоитъ на берегу и, заложивъ за шею свою дубинку, держитъ ее за оба конца, тамъ другой стоитъ опершись на длинное ружье, и тряпье ихъ развѣвается по вѣтру.... а вотъ и арабка, окутавшись съ головою въ свой темносиній саванъ, сѣменитъ подъ ношею мѣха, полнаго водою. Скучно, бѣдно, мертво! Такова Басра съ ея окрестностями; но и она была нѣкогда городомъ, и какимъ еще! Построенная, одни говорятъ Халифомъ Омаромъ, другіе, Траяномъ, она была долгое время богатою столицею и вмѣщала будто бы до 600,000 жителей; но съ тѣхъ поръ, какъ столица была перенесена въ Багдадъ, Басра стала падать быстро. По свидѣтельству капитана Кеппеля, посѣщавшаго Басру еще въ 1824 году, было въ ней до 60,000 жителей; въ настоящее же время много, если ей дадутъ 15,000. Но климатъ этотъ, столь пагубный для человѣка, благопріятствуетъ пальмамъ. Нигдѣ финики не бываютъ такого высокаго качества и такого множества породъ; ихъ тамъ, кажется, 92.

Послѣдній часъ Басры видимо близится, и на берегахъ Хаффара, заключающихъ въ себѣ всѣ условія для этого, едва ли не скоро долженъ возникнуть и процвѣсти преемникъ этого города.

Я было началъ набрасывать очеркъ араба... и отвлекся. Считаю не лишнимъ окончить его, потому что я нашелъ сына пустынь не такимъ, какимъ описываютъ его обыкновенно.

Понимая языкъ мѣстный и имѣвъ много времени для изученія описываемаго мною предмета, я былъ въ возможности осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, и истина безъ всякихъ румянъ, безъ вся-

кихъ подмалевокъ и вычурныхъ прикрасъ, на которыя такъ тароважто рѣзвое, кокетливое перо путешественниковъ, хватающихъ впечатлѣнія на лету, — изъ одного живописнаго облика, изъ одной рѣзкой черты составляющихъ цѣлыя картины, изъ одного мимолетнаго звука сочиняющихъ цѣлыя оперы, — истина, во всемъ своемъ разоблаченіи, не могла ускользнуть отъ меня.

Арабъ сложенъ превосходно; объ этомъ говорится съ покон вѣку; но въ самомъ ли дѣлѣ складъ его заслуживаетъ особеннаго удивленія? Во-первыхъ, это относится только къ жителямъ пустыни; въ городахъ же, — исключая Мосула, гдѣ мы на пристаняхъ Тигра видѣли ноги необыкновенно полнаго и статнаго развитія, — въ городахъ же вообще рабочій народъ не имѣетъ въ тѣлосложеніи ничего особеннаго. Бейдауи, или, какъ мы ихъ называемъ, бедуинъ, не знаетъ пеленокъ; живетъ, старѣетъ и умираетъ едва прикрытый какою нибудь тряпкою, и члены его развиваются на свободѣ. Онъ ѣстъ мало, не потому вовсе чтобы онъ былъ, какъ увѣряютъ, воздерженъ, — иначе и умѣренность въ пищѣ верблюда можно бы было также величать добродѣтелью; — а потому что воздухъ пустыни и палящее солнце не развиваютъ въ немъ этой потребности къ пищѣ, которою такъ богато снабжены жители умѣренныхъ климатовъ, и потому бедуинъ не заплываетъ жиромъ; онъ поджаръ, упругъ, легокъ на ходу, бодръ и переносчивъ. Движенія его смѣлы, открыты; поступь тверда; постановка — картина. Широкія складки грубаго холста, небрежно его обвившаго, шоколадный цвѣтъ и лоскъ его закаленнаго тѣла, черныя косички, торчащія тамъ и здѣсь посреди складокъ тряпья, бѣлые зубы, почти всегда оскаленные, черные глаза, то сверкающіе какъ звѣзды, то томные, короткая и рѣдкая борода, разумѣется тоже черная, а иногда рыжая, сабля на ремнѣ или на пальмовой веревкѣ, повязанная часто по голому тѣлу, ружье необыкновенной величины съ фитильнымъ замкомъ, или маленькая дубинка съ желѣзнымъ набалдашникомъ, или копье на длинномъ камышѣ и поджарая кобыла безъ сѣдла и уздечки.... Если на копьѣ у него торчитъ подъ желѣзкомъ клокъ черныхъ страусовыхъ перьевъ, это означаетъ удальца, погубившаго въ стычкахъ нѣсколько душъ. Не у всѣхъ наголовѣ увидите обмотанный чалмою изъ бурыхъ нитокъ верблюжьей шерсти, классическій платокъ съ широкими полосами, желтыми съ малиновыми, болтающійся по спинѣ и плечамъ, съ длинными нитями тѣхъ же цвѣтовъ по окраинамъ, или съ заткнутыми за чалму концами его, — платки эти въ старину выдѣлывались въ Азіи; но теперь поставляютъ ихъ арабамъ англійскія и нѣмецкія фабрики, и охотно покупаются эти издѣлія во

дешевизнѣ своей. Дешевы же они потому, что въ нихъ больше бумаги, чѣмъ шелка.

Вотъ наружность пустыннаго араба.

Вѣчная *кровь* между племенами и семействами держитъ ихъ постоянно на сторожѣ противъ нечаянныхъ нападеній, засадъ, выстрѣловъ изъ-за аула, и развиваетъ и поддерживаетъ въ нихъ чувство ненависти, жажду крови, главныя побужденія араба. За ними слѣдуетъ жадность къ чужому добру, падкость къ грабежу въ большихъ размѣрахъ, и къ мелкому ночному воровству, искусству, доведенному у нихъ до высшей степени совершенства. Между прочими сноровками, онъ прибѣгаетъ часто къ одной довольно забавной: ставъ на четвереньки, подымаетъ одну ногу къ верху, для изображенія хвоста, чтобы, ночью особенно, приняли его за собаку или чекалку, и по временамъ преискусно воетъ, поддѣлываясь подъ голоса этихъ шальныхъ звѣрковъ. Я самъ видалъ эти продѣлки. На этихъ то страстяхъ, исключая разумѣется послѣдней, основана у него и извѣстная страсть къ лошадямъ. Настичь врага, — а главное, уплести отъ него ноги, когда онъ окажется посильнѣе, скакать такимъ образомъ безъ остановки по тридцати, по сорока часовъ, по увѣренію самыхъ арабовъ, заставляетъ его дорожить достоинствами добрыхъ бѣгуновъ, и стараться развивать ихъ голодомъ. У арабской кобылы чѣмъ виднѣе ребра, тѣмъ она болѣе уважается. Вы бы за иную не дали и рубля, а хозяинъ не продастъ ее и за 5,000. Вообще арабы только въ крайности разстаются съ кобылами. Арабы Неджда, Анизе, Шамары подходятъ осенью изъ пустынь своихъ къ Мосулу, Багдаду, покупать финики, хлѣбъ въ зернѣ, но для этого надо денегъ, и они чего не возьмутъ силою, то вымѣниваютъ на награбленные ими товары или деньги. Безчисленныя стада свои они не могутъ называть собственностью, потому что отогнатъ скотъ другъ у друга считается у нихъ пріятнымъ препровожденіемъ времени между разграбленіемъ каравана, убійствомъ кровнаго врага и между газу, газаватъ, изъ котораго картавые французы сдѣлали слово razzia.

На воспѣваемое всѣми народами гостепріимство ихъ полагаться нельзя; они примутъ ласково, защитятъ отъ сосѣдей, но ограбятъ, только что отодвинешься на нѣкоторое разстояніе отъ ихъ кочевья. «На слово и честность араба никогда не разсчитывайте», говоритъ Е. П. Ковалевскій въ своемъ «Путешествіи по Египту и Внутренней Африкѣ». Впрочемъ, говорятъ, есть и исключенія.

Бедуины почти никогда не моются, потому что большую часть жизни проводятъ въ безводныхъ пустыняхъ, персіянами хорошо называемыхъ однимъ словомъ *би-абань* — безводья. Нѣсколько напель

верблюжьяго молока достаточны, чтобъ утолить ихъ жажду; туалетъ женщинъ производится съ помощью средствъ, представляемыхъ тѣми же животными. «Вотъ», скажу я съ Геродотомъ, «что утверждаютъ; я это считаю невѣроятнымъ. Но можетъ быть и найдутся люди, которые этому повѣрятъ.» Бедуинъ можетъ назваться разсадникомъ извѣстнаго отвратительнаго насѣкомаго, порождаемаго нечистоплотностью. Если въ арабѣ при всемъ этомъ и есть нѣкоторыя хорошія достоинства, то они далеко не выкупаютъ черныхъ сторонъ, описанныхъ мною выше. На картинѣ Ораса Верне́, даже въ дѣйствительности, на нѣкоторомъ разстояніи, взятые ли по одиночкѣ, или цѣлою гурьбою, на кочкѣ ли верблюда или на кобылѣ, въ неподвижномъ положеніи, или въ вихрѣ воинской пляски вокругъ важнаго шейха въ огромной чалмѣ и верхо́мъ на конѣ, арабы живописны до высочайшей степени; и тѣмъ живописнѣе, что они и не подозрѣваютъ этого. По моему поэзія, связанная съ понятіемъ о бедуинѣ, большею частію заключается въ обстановкѣ, въ условіяхъ пустыни. И цыгане хороши въ поэмѣ Пушкина. Арабы, живущіе въ городахъ, и того не имѣютъ. Вялые, жалкіе, безцвѣтные, въ особенности жители Багдада и Басры, они лишены и той удали и того относительнаго благородства, которыя проливаютъ на бедуиновъ лучъ поэзіи.

Нильскіе феллахи казались мнѣ болѣе похожими на людей; правда, я ихъ видѣлъ подъ желѣзною лапою грознаго и знаменитаго албанца. Но на нихъ есть какая-то особенная печать, рѣзко отличающая этихъ феллаховъ отъ прочей ихъ братіи; воспріимчивость, живость въ движеніяхъ замѣчательны. Синяя, широкая рубашка, общая обоимъ поламъ,—у мужчинъ попорченные глаза и темно-каштановый цвѣтъ кожи, — у женщинъ пластическая красота, твердость и развитость членовъ, особенно груди, картинная походка, — вѣчное напѣванье во время работы, съ мѣрнымъ хлопаньемъ въ ладоши, веселость и чрезмѣрная легкость нравовъ. Въ то время, не знаю какъ теперь, а въ то время даже наглость бедуина долины *прѣсного моря*, какъ называютъ египтяне *свой священный Нилъ*, трепетала подъ дубинкою албанскаго пройдохи.

Почтеніе въ дѣтяхъ къ родителямъ (сынъ не сядетъ передъ отцомъ) ничто иное, какъ этикетъ, который не мѣшаетъ сыну враждовать противъ отца, волочиться за его женами, покушаться на жизнь его. Про братьевъ нечего и говорить; жадность власти вооружаетъ ихъ ежедневно другъ противъ друга; козни, убійства въ нѣдрахъ начальствующихъ семействъ связаны почти съ каждымъ помысломъ, съ каждымъ дѣйствіемъ араба. Турецкія и персидскія власти находятъ свою выгоду въ поддержкѣ и разжиганіи ихъ не-

ждоусобной ненависти. «Divide et impera» нигдѣ такъ буквально не примѣняется къ дѣлу, какъ въ администраціи этихъ двухъ правительствъ въ отношеніи къ необузданнымъ племенамъ, кочующимъ въ ихъ владѣніяхъ. Да; желчь и кровь, козни, вражда и убійства, одни наполняютъ лѣтописи арабскихъ племенъ.

Самъ пророкъ мусульманскій, на своемъ несравненномъ языкѣ, которымъ арабы по справедливости могутъ гордиться, сказалъ въ Куранѣ про свое племя *у-эль а'хабъ ашадду куфранъ уа нефаканъ* (*) (и арабы превосходятъ (всѣ народы) невѣріемъ и раздорами). Впрочемъ, Мухаммедъ, или Магометъ, какъ у насъ пишутъ, подъ благовиднымъ предлогомъ распространенія своего ученья, самъ подавалъ примѣръ семейныхъ раздоровъ и кровавой вражды. Не онъ ли дрался на смерть и до своей смерти съ собственнымъ своимъ племенемъ, корейшитами? Итакъ, бедуинъ заслуживаетъ названія или ловкаго вора или удалаго разбойника, или, пожалуй, наѣздника; они презираютъ феллаха и всякаго араба, живущаго въ городахъ, называя ихъ невольниками, плебеями; а себя считаютъ свободными людьми, благородною кастою.

Какъ бы то ни было, а въ мусульманскомъ мірѣ, прозябающемъ подъ тѣнями невѣжества, арабы все-таки одни представляютъ моему глазу нѣкоторыя свѣтлыя стороны.

VIII.

ПОХОДЪ ВЪ КОЧЕВЬЕ МУНГЕРРЕ.

Теперь я поведу читателя въ глушь Луристанскихъ горъ, въ первое лѣтнее кочевье наше, *Мунгерре*.

Мѣшкать долѣе было невозможно. Турки поднялись первые; они посадились на суда и потянулись къ Багдаду, гдѣ должны были лѣтовать. 22 мая ударили подъемъ и въ англійскомъ лагерѣ. Къ закату солнца караванъ ихъ потянулся; а когда стемнѣло, они зажгли шалаши свои и, освѣщаемые заревомъ пожара, двинулись въ путь вслѣдъ за пѣшимъ проводникомъ. На другой день ушли и персіяне. Мы оставались для отправленія почты.

Страшная пустота воцарилась вокругъ нашего стана. Днемъ чернѣлись на желтой степи огромными пятнами три пепелища снявшихся лагерей и только бѣлый зіаретъ (памятникъ надъ моги-

(*) Куранъ, гл. Бераатъ, стихъ 98.

лой) глядѣлъ на насъ издали; жара была нестерпимая. Мухаммера млѣла, окутанная своею дырявою стѣною и рѣдко показывалась изъ-за нея человѣческая фигура.... Къ закату солнца, когда уже начинало позывать на пищу, слетались миріады комаровъ и всякая крылатая гадина; нельзя было думать объ отдыхѣ; одни лѣзли къ намъ въ уши, въ глаза, въ носъ, другія вмѣстѣ съ супомъ или пилавомъ отправлялись въ ротъ. Съ первой звѣздой новый непріятель осаждалъ насъ невыносимою музыкою, это стаи чекалокъ, пировавшихъ на лагерныхъ пепелищахъ.... Но вотъ на востокѣ бѣлѣетъ, разгорается зарево, и багровая необыкновенной величины луна высовывается изъ-за пальмовыхъ вершинъ. Сначала сплющенная, какъ бы вытянутая за уши, какая-то безобразная, обгрызанная, Богъ знаетъ на что похожая, колеблется она, волнуемая парами, потомъ, какъ бы выкупавшись въ нихъ, мало по малу стягивается, выправляется, облекшись въ свою серебрянную броню и отдѣляясь отъ пальмъ, она всплыла надъ замученною землею и течетъ во всемъ своемъ величіи по пути, какъ бы усыпанному алмазами и яхонтами.... Потемнѣвшее небо озарилось.

Бѣлый зіаретъ сбросилъ на поле тѣнь, въ которую ночь было его окутала; нашъ лагерь весело переглядывается съ ближайшими садами. Желѣзныя кровати съ кисейными пологами, поставленныя въ степи около палатокъ, манятъ насъ на отдохновеніе.... Послѣдняя трубка докурена; уголокъ полога съ осторожностью вытаскивается изъ-подъ тюфяка, и пропустивъ насъ подъ прозрачную сѣнь свою, поспѣшно подкладывается подъ него снова.... всѣ улеглись. Только косолапые часовые оттоманскаго воинства, обнявъ ружья и разинувъ рты, глядятъ на луну, да бодрствуетъ еще неутомимый Ставри Байко. Въ его открытой палаткѣ мерцаетъ свѣча на сундукѣ; согнувшись надъ нимъ въ три погибели, онъ заноситъ счеты въ узкую и длинную книгу.... Богъ его знаетъ, когда онъ успѣваетъ спать!... Заспорятъ ли два жеребца на коновязи, нарушая воцарившуюся тишину, Ставри стрѣлой несется съ ногайкой мирить ихъ... Зашелеститъ ли что нибудь подозрительное около кухни, Ставри хватается за ружье и крадется въ надеждѣ подкузмить шалунью чекалку—и всегда напрасно. А утромъ, глядь!—или торбочки съ масломъ, или куска баранины, или жирно смазаннаго сапога и не досчитается.

25 мая, нагрузивъ судно тяжестями нашего лагеря, пустили его вверхъ по Каруну. Къ закату солнца остальное добро навьючено на муловъ и караванъ тронулся. Стемнѣло. Шалаши наши затрещали, объятые пламенемъ; кони подведены, проводникъ глядитъ на насъ опершись обѣими руками на палку. Мы наконецъ двинулись въ до-

рогу. До свиданія, Мухаммера и Хаффаръ, съ твоими пальмовыми рощами и могилою Жилѐ. Мы здѣсь похоронили этого бѣдняка. Онъ былъ французскимъ консуломъ въ Мосулѣ, въ то время, когда мы посѣщали этотъ городъ. Послѣ насъ онъ заболѣлъ водяной и, получивъ позволеніе возвратиться во Францію, сѣлъ въ Багдадѣ на «Нитокрису», чтобы на одномъ изъ судовъ Компаніи плыть изъ Басры черезъ Бомбей, въ Европу. Онъ былъ очень плохъ, когда пришелъ въ Мухаммеру, и не могъ встать съ постели. Мы посѣтили его на пароходѣ; онъ не думалъ о смерти и говорилъ намъ, какъ счастливъ, что возвращается въ отечество, гдѣ родной воздухъ, конечно, возвратитъ ему здоровье. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этой бесѣды, его уже несли закапывать въ землю не подалеку отъ лагеря. Французъ, бывшій частнымъ кассиромъ у коммиссара Вильямса (*), прочелъ надъ нимъ отходную. Въ ту же ночь чекалки подымали страшный содомъ надъ сыномъ Франціи, схороненнымъ въ пустынѣ Шатъ-эль-араба и на утро мы увидѣли могилу его всю развороченную; тѣло, однако, не было тронуто и могилу снова засыпали и утоптали прочнѣе прежняго.

Казалось намъ, пустыня ожидала насъ съ нетерпѣніемъ и далекія горы манили изъ-за горизонта на свои прохладныя вершины. Вотъ зіаретъ, съ розовымъ отблескомъ пожара на лѣвомъ плечѣ, пропустилъ насъ мимо себя, вотъ и темныя пальмовыя рощи остались за нами; впереди гладкая степь, окутанная мракомъ ночи, надъ нами звѣздное небо, кругомъ неизвѣстность и торжественная таинственность.

Не прошло и часу по выступленіи нашемъ изъ-подъ Мухаммеры, какъ мы стали замѣчать, что нашъ арабскій путеводитель (path finder) что-то барахтается и заставляетъ насъ писать мыслете; то вдругъ остановится, припадетъ къ землѣ и рванется направо, то задеретъ голову къ небу, пошатается и ударится налѣво. Злодѣй, кажется, сбился съ настоящаго направленія? А между прочимъ, мы настигли свой караванъ. Видя нерѣшительность проводника, мы пріостановились и положили болѣе не отдѣляться отъ каравана, который велъ другой арабъ; во-первыхъ, для того, чтобы не растеряться, и во-вторыхъ, чтобы проводники могли повѣрять другъ друга и направлять на путь истинный. Одна голова, полагали мы, хороша, а двѣ лучше; на повѣрку же оказалось, что одна голова была не хороша, а двѣ и того хуже. Видно, наша пословица не пристаетъ къ головамъ арабскихъ проводниковъ. Съ той минуты, какъ мы поѣхали на этой парѣ арабскихъ молодцовъ, терзанія наши рос-

---

(*) Генералъ, сдавшій Карсъ Муравьеву въ 1855 году.

ли не по часамъ, а по минутамъ. Одинъ арабъ тащитъ насъ, какъ говорится, въ Рязань, другой въ Казань. Наказанье невѣроятное! Смотримъ, Али идетъ на сѣверъ, а Мемедъ на югъ, и вдругъ останавливаются, сходятся и подымаютъ крикъ, размахиваютъ руками, тыкаютъ пальцемъ въ разныя стороны, согласятся на минуту, и караванъ двинется, а потомъ опять кружатъ и тараторятъ.... Сверхъ того, то и дѣло въ хвостѣ колонны раздается: «стой! вьюкъ упалъ!» Сѣдла новыя, ремни не обтянулись, погонщики еще не приноровились, вьюки скользятъ, падаютъ, мулы брыкаются, мычатъ, и, вырвавшись, бѣгутъ въ степь, какъ обожженные горячимъ желѣзомъ; люди бросаются ловить ихъ, исчезаютъ во мракѣ; черезъ пять, десять минутъ бѣглый приведенъ, навьюченъ, караванъ трогается, а нѣсколько шаговъ далѣе, передъ нами опять развьюченный мулъ, вьюкъ на землѣ, и около нихъ возятся три погонщика и Ставри. Ставри вездѣ и всегда; то онъ опережаетъ насъ, сгорбившись надъ иноходцемъ своимъ, ружье за спиною не вѣсть для чего, то бросается къ хвосту колонны понукать отсталыхъ или помогать навьючиванью, то опять прыснетъ впередъ, дымя сигарочку. И наконецъ, вѣтеръ хозяйничаетъ въ пустынѣ и назойливо забрасываетъ незваныхъ гостей пылью и пескомъ. А между тѣмъ, усталость свинцомъ вливается въ члены наши и дрема качаетъ насъ.... сигарка валится изо рта, глаза смыкаются, поводья падаютъ... Ужасъ! И мы, то идемъ, то остановимся, то опять движемся, то опять ни съ мѣста. Но вотъ уже звѣзды значительно передвинулись; уже Большая Медвѣдица касается хвостомъ горизонта; а мы не вѣдаемъ, подвинулись ли впередъ, или кружимся около одной точки. Я едва держался на сѣдлѣ, клонимый сномъ, особенно когда воздухъ нѣсколько остылъ и потянуло со стороны горъ чѣмъ-то похожимъ на прохладу. Вдругъ упали два вьюка разомъ. Проводники прилегли къ землѣ и заснули. Когда ихъ растолкали, чтобы итти далѣе, они поднялись, осмотрѣлись и объявили, что потеряли направленіе и что до разсвѣта нѣтъ возможности выбраться изъ этого хаоса. Очень пріятно! но разсуждать было нечего; мы сползли съ сѣделъ и я, гдѣ стала нога моя, высвободившись изъ стремени, тамъ и растянулся и, завернувшись съ головою въ бѣлый плащъ мой и закрывъ глаза, ждалъ.... но ждалъ напрасно; усталость была слишкомъ велика. Я никакъ не могъ заснуть. Вокругъ насъ скомкались наши вьючныя животныя и фырканьемъ своимъ и взвизгиваньемъ и чавканьемъ и побрякиваньемъ наузделными цѣпями и бубенчиками дергали и трепали разстроенные нервы наши и выводили изъ терпѣнья. Едва только забрезжилось, арабы стали приглашать насъ въ путь. Тяжело было подымать грѣшное тѣло свое и взваливать

его опять на сѣдло. Но сильна необходимость; она ворочаетъ горами, она и меня подняла и на коня посадила. Оказалось, что мы были верстахъ въ шести отъ ростаха. Итакъ, на переходѣ изъ какихъ нибудь двадцати-пяти верстъ мы употребили около семи часовъ ходу, и повалялись, сверхъ того, часа два съ половиной на песчаномъ ложѣ степи. Вотъ тебѣ и сынъ пустыни и его воспѣтая чуткость и и зоркость! вотъ его знакомство со звѣздами и вѣтрами и способность отъискивать слѣды! Мы убѣдились, какъ въ эту, такъ и въ послѣдующія ночи, что, во-первыхъ, онъ не знаетъ своего дома, а во-вторыхъ, нѣтъ ничего легче, какъ изучить эту часть пустыни. Сколько рѣкъ окаймляютъ ее! Упираясь на западъ въ Хаффаръ и Шатъ-эль-арабъ, она на сѣверъ имѣетъ значительныя рѣки: Керху, Дизъ и рѣчку Шауръ, а на югъ рѣчку Карунъ; среднее разстояніе между Каруномъ и Керхою верстъ пятьдесятъ. Все это пространство перерѣзано множествомъ высохшихъ руслъ древнихъ каналовъ, имѣющихъ каждый свое названіе, и исчерчено копытками газелей, всегда стадами и по-одному направленію бѣгающихъ къ водопою. Водопои же газелей (Ширкетъ-эль-гезаль) на рѣкахъ всѣ извѣстны. Не говорю уже я о звѣздахъ, этихъ естественныхъ и вѣрнѣйшихъ указателяхъ всѣхъ на свѣтѣ направленій. Изо всего этого нельзя не заключить, что арабъ безтолковъ, розиня; а на ногу легокъ, усталости не поддается, спитъ мало, ѣстъ и того меньше; сверхъ того, очень покоренъ. Изъ него могъ бы выйти отличный солдатъ. Если мнѣ скажутъ, что намъ попались уроды, составляющіе исключеніе, я отвѣчу, что Персидская и въ особенности Англійская Коммиссія бѣдствовали гораздо еще болѣе насъ по милости проводниковъ; такъ что на третьи сутки мы ихъ догнали, хотя вышли тремя днями позже изъ Мухаммеры. Англичанамъ два раза случилось, прошагавъ всю ночь, на разсвѣтѣ очутиться у точки своего вечерняго отправленія. Мы же отдѣлались въ первыя ночи только остановками посреди дороги до разсвѣта часа на два и на три.

Дневки были тяжкія отъ жару и пыли; мы крѣпко засыпали отъ усталости, хоть горячій вѣтеръ засыпалъ пескомъ и раскалялъ наши дорожныя койки; но ѣсть едва могли; одинъ чай освѣжалъ насъ и поддерживалъ.

Первыя три стоянки наши были на берегу Каруна: нѣсколько пальмъ, какія-то развалины, песокъ, пыль, мертвенность.

27-го мая мы дневали насупротивъ жаркой, утонувшей въ пескѣ противоположнаго берега деревушки *Исмаиліе* или *Семаніе*. Здѣсь узнали мы, что англичане и персы ночуютъ въ трехъ фарсангахъ

оттуда, около арабскихъ палатокъ. И потому, видя, что мы не далеко отстали отъ товарищей, рѣшились отдохнуть цѣлыя сутки.

Проводники предупреждали насъ, что здѣсь водятся львы и совѣтовали быть осторожными. Ночной караулъ былъ усиленъ, огни зажжены и мы проспали безъ приключеній.

28 мая, на разсвѣтѣ поднялись, чтобы сдѣлать предстоявшія двадцать верстъ и надѣялись часамъ къ семи быть на мѣстѣ; но, — увы! — этотъ дневный походъ оказался еще убійственнѣе ночныхъ, потому что неизвѣстность направленія оставалась все та же, а солнце, вѣтеръ, воздухъ, стремена раскалялись все болѣе и болѣе.... время шло вмѣстѣ съ нами, и мы напрасно допрашивали даль напряженнымъ глазомъ: никакого признака кочевья! Бѣдная голова моя была въ страшномъ положеніи, и потому я былъ впереди всѣхъ отъ нетерпѣнья. Сначала, пока было сносно, мы любовались видомъ пустыни, отороченной волнистою каймою миража и усыпанной газелями, порхавшими во всѣхъ направленіяхъ. Тутъ, несется ихъ цѣлое стадо; тамъ, стоятъ онѣ по одиночкѣ и кокетливо выпрямивъ шею, глядятъ на насъ издали, готовыя шарахнуться при малѣйшемъ поворотѣ лошади.

Красивая Абде, самарская гончая Е. И-а, увязалась за ними; степь тронулась, зарябила, разыгралась; вотъ Абде отбила двухъ-трехъ отъ стада и онѣ несутся на насъ, какъ стрѣлы; зашевелились ружья нашихъ всадниковъ, но все уже мелькнуло мимо; напрасно скачетъ вслѣдъ юный О-чъ! Онъ только разгорячаетъ своего несноснаго плясуна! На другой день, однако же, усилія Абде увѣнчались успѣхомъ, и мы были обязаны ей превосходнымъ жаркимъ. Но наконецъ и эти сцены все болѣе и болѣе теряли для насъ прелесть свою, когда часъ проходилъ за часомъ и на горизонтѣ все ничего не показывалось. Тамъ и здѣсь черныя пятна въ степи, изъ которыхъ нѣкоторыя еще дымились, свидѣтельствуя о недавнемъ присутствіи на этихъ мѣстахъ человѣка, но вотъ и все. Уже мы прошли болѣе, чѣмъ два раза то разстояніе, на которое разсчитывали по показанію жителей Исмаилійе, а кочевья не показывались. Читатель легко можетъ представить себѣ наше положеніе вообще, а мое въ особенности при моей головной боли, когда я скажу, что полдень засталъ насъ еще въ походѣ. Тутъ проводники сказали намъ, что Карунъ впереди насъ верстахъ въ пяти, и я пришпорилъ коня и несся безъ оглядки, пока не свалился съ лошади на берегу желанной рѣки чуть не безъ чувствъ. Берегъ былъ пустъ, но итти далѣе было невозможно. Черезъ часъ лагерь нашъ былъ разбитъ, и мы сами, разбитые восьми-часовымъ дневнымъ переходомъ, предались, какъ могли, отдохновенію.

Къ закату солнца опять мы были на коняхъ и опять пошла прежняя исторія. Между прочимъ одинъ изъ погонщиковъ, томимый усталостью, сползъ съ лошади и заснулъ на мѣстѣ. На него наткнулись, растолкали, подняли, но лошадь его пропала, какъ въ воду канула, вмѣстѣ съ барскимъ охотничьимъ ружьемъ. Безтолковщинѣ не было конца; проводники путались все пуще и пуще. Ночь ли была темнѣе первыхъ, мѣстность ли сбивчивѣе, только они уже до того зарапортовались, что повели было насъ назадъ; къ счастію мы это скоро замѣтили, и О-чъ, проходившій здѣсь уже два раза, взялся насъ вывести, и въ самомъ дѣлѣ къ полуночи мы были у рѣки, и онъ, первый услышавъ шумъ пороговъ Ахваза, гдѣ мы должны были остановиться, поздравилъ насъ съ окончаніемъ на этотъ разъ нашихъ бѣдствованій. Англичане и персы были тамъ, но посреди мрака нельзя было различить палатокъ. Мы велѣли провести насъ къ англійскому лагерю, и невдалекѣ отъ него разбили свой, да такъ осторожно, что джентльмены ничего не слышали и на утро удивились, увидѣвъ насъ у себя подъ бокомъ.

Эта дневка была замѣчательна, какъ по мѣстности своей, такъ и по приключеніямъ, и потому нельзя на ней не пріостановиться.

На противоположномъ берегу торчатъ изъ песку какія-то тощія развалины; между нихъ разбросаны лачужки арабовъ; это деревня *Ахвазъ*, только именемъ своимъ напоминающая великолѣпную столицу послѣдняго Аршакидскаго царя Артабана, возвышавшуюся на этомъ мѣстѣ. Но и самая область, къ которой она принадлежитъ, еще и донынѣ именуемая персіянами *Хузистаномъ*, не сохранила въ себѣ, за одно съ Вавилоніей, и слѣда тѣхъ красотъ и преимуществъ, которыми гордилась она въ древности; и тамъ, гдѣ нѣкогда не оставалось невоздѣланнымъ ни клочка земли, гдѣ посреди обширныхъ засѣвовъ сахарнаго тростника, дававшаго имя свое провинціи, процвѣтало богатое, промышленное населеніе, а въ древности возвышалась резиденція могущественнаго царя, теперь лежитъ голая безжизненная пустыня, а людей замѣнили левъ, газель, гіена, чекалка, франколинъ (дурраджъ) и знаменитые ахвазскіе скорпіоны. Нѣсколько пальмъ, забытыхъ вихремъ разрушенія, остались здѣсь, какъ бы стеречь развалины.... Ковыль замѣнилъ остальную растительность; отъ каналовъ остались одни желтѣющіе остовы. Карунъ (*) однакожь поетъ всё туже пѣсню какъ и въ былое время, — вода рѣзво кружится около пороговъ, ударяясь въ нихъ съ разбѣгу, и въ самыхъ береговыхъ скатахъ, не смотря на ихъ обнаженность, много игры и рисунка.

(*) Эвлеусъ (Eulaeus) древнихъ, имя, встрѣчаемое часто въ Библіи.

Караваны наши были замучены, особенно англійскій; половина погонщиковъ ихъ лежали больные; а между тѣмъ надо было работать, — суда ихъ пришли и уже съ самого ранняго утра ихъ перетаскивали черезъ пороги съ чрезвычайными усиліями. У насъ тоже оказались больные. День грозилъ усиленнымъ жаромъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ дошелъ до 42 градусовъ подъ палаткой.... Палатки наши качались и рвались съ кольевъ подъ напоромъ самума, неимовѣрно распалявшаго воздухъ; духота была невыносимая. Бѣлье раскалялось на кровати такъ, что ложиться не было возможности, тѣмъ болѣе, что она засыпалась пескомъ. Я, съ двумя товарищами, пріютился надъ самою рѣкою, на камнѣ, на которомъ береговой выступъ бросалъ тѣни аршина на полтора.... Въ лагеряхъ царствовали тишина и неподвижность.

Не унимались только вѣтеръ, вода, да Ставри Байко. Салоники, изъ которой онъ родомъ, въ Македоніи. Удивляться ли послѣ этого подвигамъ Александра, если войско его состояло изъ такихъ людей!... Ставри отправился въ Ахвазъ за провизіей. Часа въ три по полудни мы видимъ, онъ отчалилъ отъ противоположнаго берега; въ лодкѣ возлѣ него лежала груда куръ. Слава Богу! къ обѣду будетъ супъ! Но Ставри вышелъ на берегъ съ пустыми руками; пока онъ переправлялся, куры всѣ до одной подохли отъ жару! Да ужь коли сахаръ таялъ въ сундукахъ, чего же болѣе. Можно себѣ представить, что здѣсь бываетъ въ іюлѣ и въ августѣ.

Во время дневки насъ посѣтилъ нашъ мухаммерскій знакомецъ шейхъ-Фарисъ, глава Чябскаго племени, имѣющій свое пребываніе въ Воракѣ или Феллахіѣ на сѣверовостокъ отъ Мухаммеры. Шейху-Фарису не больше 35 лѣтъ; онъ не высокъ ростомъ и не красивъ; но умное лицо его и пріемы не лишены пріятности, огромная шалевая чалма придаетъ его облику много фантазіи и благородства. Шейхъ-Хаджи Джаберъ, начальникъ Мухаммеры, подвластный Фарису, несравненно его картиннѣе. Правильныя, классическія черты, строгое выраженіе лица; какое-то величавое спокойствіе въ осанкѣ и пріемахъ,—въ каждомъ движеніи печать властвованія и повелительства. Надо видѣть его въ его темной мухаммерской землянкѣ, возсѣдающаго на рогожкѣ въ углу пріемной залы, съ низкимъ потолкомъ, больше похожей на хлѣвъ и освѣщенной боковою дверью, выходящею на дворъ. У входа, опершись на ружья, стоитъ, обмотанная широкими складками бураго холста, живописная толпа его подвластныхъ, а впереди ихъ 14-ти лѣтній сынъ шейха, серхенгъ персидскаго воинства (этотъ чинъ дается батальоннымъ командирамъ). Сколько величія и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько простоты, сколько достоинства разлито въ этомъ человѣкѣ!

И не досадно ли подумать, что вся эта благородная личина прикрываетъ одну пустоту, глубокое невѣжество, мелкія страстишки и отсутствіе истиннаго мужества въ обширномъ смыслѣ этого слова. Говорятъ, жена его управляетъ и имъ самимъ и всѣмъ племенемъ; она же учила его слушаться во всемъ совѣтовъ и указаній посредническихъ коммисаровъ разграниченья.

Англичане въ этотъ день похоронили своего старшаго погонщика, убитаго трудами и жаромъ; а вечеромъ, когда принялись они отправлять вещи свои на суда, уже перетащенныя черезъ пороги, должны были за недостаткомъ людей стоять на часахъ около лагеря, не выключая и самого Вильямса.

По отправленіи судовъ, они попросили у насъ погонщиковъ нашихъ помогать вьючить оставшіяся ихъ вещи, и, когда стемнѣло, отправились далѣе. Лейтенантъ Гласкотъ, астрономъ англійской коммисіи, разсчитавъ по картѣ всѣ направленія, взялся вести караванъ.... Персы ушли тоже; мы остались одни ожидать судовъ нашихъ. На другой день и это было исправлено.

31-го мы оставили Ахвазъ съ закатомъ солнца.

Этотъ ночной переходъ отличался отъ прочихъ тѣмъ, что къ описанной уже мною путаницѣ, присоединился еще одинъ одурявшій насъ элементъ. Отставшіе персидскіе воины изъ конвоя коммисара шахскаго, растянувшіеся верстъ на 10, то и дѣло болтались посреди нашего каравана, кто пѣшій, кто верхомъ на ослѣ. На пять пѣхотныхъ солдатъ дается по одному изъ этихъ четвероногихъ для всякой надобности, то самому присѣсть по очереди, то сложить торбочку или ружье и проч., бѣдные ослы! что имъ достается отъ безсовѣстныхъ сарбазовъ! Одинъ изъ сарбазовъ въ эту ночь пропалъ безъ вѣсти.

Чѣмъ далѣе мы подвигались, тѣмъ безпорядокъ увеличивался, и проводники путались по обыкновенію; къ утру однако же мы стояли лагеремъ у назначеннаго мѣста. Эта была деревушка *Уэйсъ*.

Шейхъ-Фарисъ опять посѣтилъ насъ. Болтая съ нами, онъ спросилъ, что это мы пьемъ? — передъ нами стояли хересъ и вода. Мы отвѣчали, что это шербетъ. «Какое свойство этого шербета?» — «Кто пьетъ его, у того рождаются сыновья»—отвѣчали ему. «Аманъ! я этого только и добиваюсь.» И онъ протянулъ руку къ стакану; вино было ему подано. «И хорошо на вкусъ!» сказалъ онъ выпивши. «Бутылка эта — моя!» Съ этими словами онъ взялъ бутылку и положилъ къ себѣ за широкую пазуху. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ шейхъ Фарисъ писалъ къ намъ, что Богъ далъ ему сына; онъ благодарилъ за шербетъ. Теперь кто его увѣритъ, что хересъ въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ этого свойства!

Передъ разставаньемъ онъ далъ намъ проводниковъ, предупредивъ ихъ, ей Богу кажется не шутя, что если они насъ не поведутъ какъ слѣдуетъ, то будутъ казнены смертью. Забавникъ!

1-го іюня, на зорѣ, мы отправились далѣе. Дорога наша все время лежала на берегу рѣки, а потому путаться нельзя было и проводникамъ было съ-пола-горя. Но утренній воздухъ бралъ свое; Морфей прыгнулъ вмѣстѣ съ нами съ постелей нашихъ на лошадей и качалъ насъ во всѣ стороны часа два сряду; О–ча онъ просто стащилъ съ лошади и убаюкалъ посреди степи; хорошо что лошадь его запуталась въ поводьяхъ и стала неподалеку отъ него. Отставшіе, какъ-то нечаянно, открыли юнаго витязя и посадили на коня. Къ 10 часамъ утра мы стояли лагеремъ у *Бендекилля*, *Бендыкыръ* тожь (въ переводѣ «смоляная плотина»). Деревня какъ и всѣ, которыя мы видѣли на этомъ пути.

Англичанъ уже не было; они были впереди.

2-го переправлялись мы черезъ рѣку вмѣстѣ съ персіянами. Ничто не можетъ быть оживленнѣе этой картины; но ничто также не сопряжено съ такимъ трудомъ и такою возней.

Человѣкъ полтораста всѣхъ племенъ, нарѣчій и одѣяній, кишило и голосило на обоихъ берегахъ. Вещи переправляли на плотинахъ изъ прутьевъ, положенныхъ на мѣха, наполненные воздухомъ и связанные вмѣстѣ. Эти *келеки* изобрѣтены прежде Кировъ и Александровъ.

Животныхъ перегоняли вплавь. Визгу ихъ, фырканью, брыканью, побѣгамъ въ поле съ разметанною гривою и взброшеннымъ хвостомъ, конца не было. Люди, загоняя ихъ гурьбою въ воду и гоняясь за ними по степи, выбивались изъ силъ. Тамъ, присѣвъ на вещи, пирамидой сложенныя на келекъ, держатъ за поводъ двухъ, трехъ плывущихъ лошадей, теченіе вертитъ келекъ во всѣ стороны, лошади дерутся, храпя и фыркая, и толкая келекъ грудью, то двигаютъ его впередъ, то грозятъ ему потопленіемъ. Тутъ, погонщикъ, снявъ съ себя верхнее платье, садится на коня и прыгнувъ съ нимъ въ воду, сползаетъ съ крупа, ложится грудью на два связанныхъ мѣха и плыветъ вслѣдъ за лошадью, направляя ее къ противоположному берегу маханьями и крикомъ, но конь проплылъ не далеко; не желая бороться съ теченьемъ, онъ поворотилъ.... вотъ плыветъ назадъ и не смотря на усиленные крики своего вожатаго и на камешки, бросаемые въ него съ берегу погонщиками, на ихъ подъятія обѣихъ рукъ съ присѣданьемъ и гиканьемъ, онъ карабкается на крутой берегъ, и брыкнувъ направо и налѣво, летитъ въ степь, разражаясь звонкимъ ржаньемъ, очень похожимъ на насмѣш-

ливый хохотъ.... Вѣдь кончитъ же тѣмъ, что будетъ на томъ берегу!... нѣтъ! ему только чтобъ людей помучить!

Мулы и ослы послушнѣе ихъ; лавою спускаютъ ихъ въ рѣку, и лавою плывутъ они, слегка только сбиваемые теченьемъ, ровняясь выпрямленными ушами и раздувая ноздри.

Вотъ уже многое переправлено; вещи сложены на томъ берегу; персидскіе солдатики или сидятъ тамъ на корточкахъ, покуривая походный кальянъ, или помогаютъ ловить животныхъ, взнуздываемыхъ погонщиками.

Вотъ и верхъ круглой палатки нашей уже бросилъ широкую тѣнь на разостланный коверъ; милости, говоритъ, просимъ! Вотъ наконецъ переправляютъ и *мурныку*, стоящаго въ своей желѣзной клѣткѣ въ недоумѣніи. Но надо познакомить читателя съ мурныкою.

Я не натуралистъ и не могу опредѣлить фамиліи, къ которой онъ принадлежалъ. Азіатцы и европейцы причисляли его къ разнымъ породамъ. Англичане называли его то рысью (lynx), то леопардомъ; французы леопардомъ-охотникомъ (léopard-chasseur), турки—юз'омъ, пантерой, персіяне и арабы вашак'омъ (loup-cervier, lynx), кажется, конецъ концевъ, что это былъ леопардъ-охотникъ; но мы просто звали милаго звѣрка мурныкой, потому что онъ мурныкалъ какъ котъ, когда его гладили, или когда онъ задумывался. Е. И. купилъ его въ Багдадѣ; его принесли ему еще щенкомъ изъ окрестностей Багдада отъ соленыхъ озеръ. Мягкая пушистая шерсть его изжелта была покрыта пятнами темнаго цвѣта, хвостъ длинный и пушистый, мордочка миловидная. Ничего не можетъ быть рѣзвѣе и граціознѣе движеній этихъ звѣрковъ. Они забавнѣе самыхъ веселыхъ котятъ; быстрые на бѣгу, они постоянно наровятъ броситься изъ засады; то припадутъ къ землѣ, стараясь скрыться въ травѣ или за камнемъ; то присядутъ за дверь, и вдругъ прыжокъ, иногда въ сажень, и онъ на васъ. Съ людьми они скоро пріучаются играть и вреда имъ не дѣлаютъ, если не раздразнишь ихъ; хватятъ за пятку, испугаютъ и отойдутъ; языкъ у нихъ какъ терпугъ и они охотники лизать что попало; руки не давайте: долижутся до запаха крови и бѣда! Но животному никакому мурныка не давалъ спуску, хотя бы оно было въ десять разъ его больше, и чѣмъ быстрѣе оно бѣжало отъ него, тѣмъ раздражительнѣе, назойливѣе и прытче молодецъ слѣдилъ за нимъ, и коли сможетъ, царапнетъ больно; курица и всякое мелкое животное лучше и не показывайся, — непремѣнный карачунъ! Вцѣпясь въ нихъ когтями, онъ припадалъ зубомъ къ шеѣ и высасывалъ изъ животнаго кровь; остальное бросалъ какъ «ненужную посуду». Покуда мы жили въ нашемъ вели-

колѣнномъ багдадскомъ саду, мурныка былъ еще безсиленъ, хотя и шаловливъ; часто приходилось гоняться за нимъ и отъискивать его, то въ сосѣднемъ саду, то на высокомъ деревѣ; наконецъ, привязали голубчика. Случилось, что принесли намъ молодую чекалку; мы привязали обоихъ близко другъ отъ друга; надо было видѣть сцены, которыя они между собою разъигрывали! Нѣтъ животнаго поворотливѣе, зубастѣе, злѣе, коварнѣе чекалки и всѣхъ породъ, къ которымъ она принадлежитъ; мурныка одолѣть-то не могъ, такъ допекалъ ее своими играми — авось, думалъ, отплошаетъ! — съ одной стороны веревка держала его крѣпко за шею, съ другой, чекалка вертѣлась, какъ волчокъ и подпрыгивала все быстрѣе и быстрѣе, и шикала на него и свистала, показывая ему свои острые жемчужные зубы.

Мурныка, вскормленный на молокѣ и на вареной печенкѣ, росъ не по днямъ, а по часамъ, и забавлялъ насъ все болѣе и болѣе. Каждое движеніе его стоило посмотрѣть; между прочимъ, любовались мы имъ, когда, бывало, подойдетъ онъ къ бассейну, чтобы напиться, и, увидѣвъ въ чистой водѣ свое изображеніе, испугается, отскочитъ, потомъ опять осторожно, осторожно опуститъ надъ водою морду, опять испугается, пошикаетъ на свое изображеніе, и выпрямится и долго возится, пока, пересиливъ страхъ, рѣшится утолить жажду. У меня и въ Гиланѣ года два жилъ въ саду точь-въ-точь такой же мурныка, подаренный мнѣ однимъ талышинскимъ ханомъ, и составлялъ единственное мое развлеченіе.

Но въ Мухаммерѣ мурныка подросъ замѣчательно и позволялъ себѣ тамъ непростительныя проказы; сорвется съ веревки и гоняетъ по степи лошадей, то нашего, то сосѣднихъ каравановъ. Веревка была утолщена и клѣтка сдѣлана была съ желѣзными прутьями; его навьючивали въ ней обыкновенно вмѣстѣ съ казною на мула и перевозили съ мѣста на мѣсто впродолженіе двухъ лѣтъ съ половиною.

Кромѣ мурныки и Абде, о которой я уже велъ рѣчь, была еще у Е. И. борзая собака, незлобивый Лофъ, замѣчательный отсутствіемъ всякихъ охотничьихъ доблестей и неслыханною привязанностію къ своему господину, доходившею до изступленія. Наружность его была пошловата; но вѣрность ставила его на высокую степень собачьей породы.

Наконецъ, была также и газель, оставшаяся отъ пары, подаренной Е. И-у въ Багдадѣ. Ее во время переходовъ сажали на вьюкъ. Мурныка, разумѣется, постоянно къ ней прицѣливался, и коли веревка его не удерживала, задавалъ степной красавицѣ варварскую

гонку; а разъ такъ далъ отвѣдать и когтя. Милая газель до самой смерти своей носила на спинѣ штемпель мурныкиныхъ ласкъ. Я распространился объ этихъ трехъ субьектахъ не безъ цѣли; они играли не послѣднюю роль въ нашей пограничной жизни и ходъ событій можетъ меня нерѣдко заставить выводить ихъ на сцену въ моихъ описаніяхъ.

Но возвратимся къ переправѣ.

Когда мы увидѣли на томъ берегу Каруна гостиную нашу, готовую принять насъ, мы послѣдовали мурныкѣ и, возсѣвъ на сѣдла и на сундуки, расположенные на калекѣ, благополучно переправились, хотя былъ полдень и Реомюръ показывалъ 41 градусъ; но мы уже какъ будто стали привыкать къ жару, и движеніе степнаго, хотя и горячаго воздуха, дѣйствовало благодѣтельно.

Старшины города, сопровождаемые многочисленною свитою, явились къ персидскому коммиссару за приказаніями, и для сопровожденія нашего до города. «Ужь солнце сѣло, какъ выражается въ своихъ запискахъ нашъ милый лѣтописецъ, и Ставри, съ улыбкою на устахъ пришелъ доложить, что караванъ готовъ.» Намъ предстоялъ послѣдвій переходъ въ этой части пустыни. Его совершили мы благополучно и, еслибъ не безпардонное воинство, толкавшееся опять между нами, дѣло бы обошлось довольно плавно. Впрочемъ, въ этомъ безпорядкѣ мы почерпали нѣкоторое развлеченіе, отгонявшее сонъ. Во-первыхъ, позабавила насъ артиллерія; орудіе выстрѣлило на ходу для возвѣщенія солнечнаго заката, и горнисты, тоже на ходу, разразились на всѣ оглушительные тоны зорею. Ночь была темная, хотя и звѣздная; звѣздочки бѣгали и по степи; это было мельканье огоньковъ на кальянахъ сарбазовъ; ослы, на которыхъ возсѣдала эта огнедышущая рать, сѣменили по одному съ нами направленію; но, ободряемые палочными ударами своихъ нетерпѣливыхъ сѣдоковъ, издававшихъ при этомъ неизвѣстные въ Европѣ дикіе понукательные звуки, описывали по степи всевозможныя кривыя и косыя линіи.

Говорятъ, мы уже идемъ вдоль городскихъ садовъ; вотъ сарбазы забираются туда, что бы удостовѣриться, до какой степени поспѣли фрукты. Вотъ и ворота,—мы у городскихъ стѣнъ. Все скомкалось; толкотня сдѣлалась неимовѣрною. Мы ощупью вступаемъ подъ арку, ощупью идемъ впередъ, то какъ будто по крутому скалистому спуску, то какъ будто по мосту... и скользко, и узко, и шатко, и тѣсно отъ толпы; шумъ воды подъ ногами оглушаетъ насъ; — мы узнали въ послѣдствіи, что жизнь наша въ этомъ мѣстѣ была въ опасности: мостъ едва держится и весь въ провалахъ, а скалистые спуски обрывомъ висятъ надъ ревущимъ потокомъ. Вотъ и тѣсныя

улицы, одна за другою, и мы все идемъ; какъ видно, домъ для насъ еще не былъ очищенъ, потому что послѣ долгихъ проволочекъ и разглагольствованій, которыхъ мы не разслышали, между персидскимъ коммисаромъ и старшинами, насъ наконецъ пригласили расположиться на какой-то усердно вспаханной городской площади; палатокъ ставить было невозможно; кровати кое какъ расположили на комкахъ развороченной земли, и мы заснули крѣпко на открытомъ воздухѣ. Проснувшись до солнца, мы не могли удержаться отъ громкаго смѣха подъ сквозными пологами нашими, увидѣвъ, какой спектакль мы задавали шуштерскимъ жителямъ. На окрестныхъ крышахъ сидѣли кружки любопытствующихъ обоего пола, въ виду которыхъ намъ приходилось совершать и туалетъ нашъ.

Вмѣстѣ съ этимъ намъ пріятно улыбнулся, послѣ шестидневнаго странствованія въ пустынѣ, видъ высокихъ каменныхъ домовъ, мечетей, минаретовъ и пестраго населенія, насъ окружавшихъ со всѣхъ сторонъ.

Шествіе наше отъ этого замѣчательнаго ночлега по городу до отведеннаго намъ дома, въ его центрѣ, было торжественно; народъ, за неимѣніемъ для него мѣста на улицахъ, высыпалъ весь на крыши домовъ, мимо которыхъ мы текли; три четверти его были женщины въ своихъ чадрахъ изъ клѣтчатой шерстяной матеріи, желтыя полосы съ красными. Во многихъ мѣстахъ стояли кучки людей по три, по четыре; одинъ изъ нихъ склонялся съ ножомъ въ рукахъ надъ пораженнымъ уже имъ или бараномъ или быкомъ; кровь струилась къ ногамъ лошадей нашихъ; это были жертвы въ честь нашего пріѣзда.... А за нихъ намъ приходилось давать подарки, за каждаго цѣну трехъ или четырехъ животныхъ.

IX.

ШУШТЕРЪ.

Для такой глуши, городъ имѣлъ видъ почтенный; дома большіе, кирпичные, испещренные живописными овальными впадинами и воротами всѣхъ размѣровъ; но высокія стѣны загораживали большую ихъ часть; цвѣтной изразецъ, въ красивыхъ рисункахъ, мелькалъ на воротахъ мечетей и на минаретахъ, восточная сторона которыхъ озарялась лучами восходившаго солнца; улицы узки, какъ всѣ улицы восточныхъ городовъ; но смрадъ и нечистота ихъ превосходитъ всякое описаніе; то, что въ другихъ городахъ скрываег-

ся подъ землею, здѣсь.... стѣны обезображены продольными желобами для этого неслыханнаго употребленія, однимъ словомъ, какъ выражаются англичане, это нѣчто chocking.

Въ послѣдствіи мы нашли и Дизфуль въ такомъ же безобразномъ нарядѣ.

Горизонтъ уже потерялъ тутъ безбрежную неопредѣленность окраинъ пустыни, таявшихъ въ переливѣ миража. На востокѣ подымались красивыя гряды Луристанскихъ горъ и довольно близко; съ другихъ сторонъ тоже, горизонтъ представлялъ то волнистыя линіи холмовъ или развалинъ, то легкіе фестоны пальмъ, полузатертыхъ сизою далью. Почва не имѣла уже одуряющаго однообразія пройденныхъ нами пространствъ. Широкая рѣка неслась въ глубокомъ гранитномъ ложѣ, — тогда какъ въ пустынѣ, а тѣмъ болѣе въ Мухаммерѣ, за деньги нельзя было найдти ни мельчайшаго камешка. Но мы взглянемъ на городъ съ террасы высокаго дома нашего; а теперь надо описать его внутренность.

Домъ этотъ, принадлежавшій одному изъ почетнѣйшихъ горожанъ, имѣлъ только одинъ недостатокъ: онъ былъ расположенъ далеко отъ рѣки. Строеніе было замѣчательное своею обширностью и рисункомъ. Игривая фантазія восточной архитектуры положила печать свою на каждый уголокъ его; широкій, квадратный шестивершковый кирпичъ, употребляемый персіянами, лежалъ въ высокихъ стѣнахъ дома и двора прихотливыми и полными вкуса узорами, то плашмя, то ребромъ, во всѣхъ направленіяхъ, смотря по потребности узора. Кромѣ того, въ одной изъ трехъ дворовыхъ стѣнъ, узоры эти, какъ филейная работа, имѣли сквозные промежутки во всю величину кирпича. Этой милой особенности персидскаго строительнаго искусства не лишенъ здѣсь ни одинъ домъ сколько нибудь порядочный, какъ изнутри такъ и снаружи. Стрѣльчатыя окна и впадины, большія, маленькія, разбросаны по всему зданію съ живописною прихотливостью. По срединѣ большой покой; по бокамъ вышки, съ узорчатыми окнами и лѣстницей внизу; и все это поставлено на широко выдавшейся террасѣ, прекрасно выложенной плитами. Посрединѣ двора два огромные продольные бассейна, къ сожалѣнію безъ воды. Дворъ вымощенъ. На лѣвой сторонѣ большое отверстіе въ землѣ. Широкая каменная лѣстница ведетъ въ подземелье (шеводунъ или сардâбъ или зирзѐминъ).

Но прежде, чѣмъ мы въ него спустимся, взойдемъ на нижнюю террасу; тамъ разостланы ковры, а нанихъ готовится священнодѣйствіе.

Посрединѣ возвышается золотая урна причудливой формы; вершина ея дымится; фарфоровыя вазы, чаши разставлены вокругъ;

передъ урной сидитъ на коврѣ жрецъ съ черной лоснящейся бородой, въ высокой конусообразной шапкѣ чернаго цвѣта, съ важностью и величіемъ въ осанкѣ, съ поднятыми высоко бровями, съ опущенными вѣками, неподвижный, невозмутимый; казалось, онъ шепчетъ какія-то заклинанія.

Хозяинъ дома, окруженный родственниками всѣхъ возрастовъ, все красивые люди, въ прелестныхъ шуштерскихъ чалмахъ изъ пестрой полушелковой матеріи палеваго цвѣта, привѣтствовали насъ съ пріѣздомъ и, введя на террасу, пригласили садиться. Явились кальяны, пошло журчанье, и благовонный ширазъ задымился. Но жрецъ подымаетъ руку и ставитъ.... чайникъ на самоваръ! Ничто не можетъ быть забавнѣе, для перваго раза, и невыносимѣе въ послѣдствіи, какъ чайныя сидѣнья у персіанъ, возобновляющіяся при каждомъ визитѣ. Хозяинъ и гости сидятъ около стѣнъ на колѣнахъ, шопотомъ разговаривая, но болѣе всего молча, точно какъ будто разслабленные недугами, пришли они втянуть въ себя нѣсколько глотковъ цѣлительнаго дыма, испить живительнаго зелья, и.... разойтись по домамъ. Назырь, управляющій, разливаетъ чай, хозяйскіе люди разносятъ чашки, грумы гостей подаютъ каждому изъ нихъ господскій кальянъ черезъ каждыя три или четыре минуты, всѣ разомъ, соблюдая только старшинство. Отъ этого происходитъ иногда въ комнатѣ превепріятная толкотня; а на порогѣ случаются и драки между людьми за право переступить его первому и первому подать кальянъ своему господину. Не рѣдко и между гостями, особенно между муллами, происходятъ преуморительныя сцены мѣстничества. Я былъ самъ нерѣдко свидѣтелемъ ихъ.

Но солнце, проливающее лучи свои на всѣхъ одинаково, не забыло и террасы, на которой мы возсѣдали, и добиралось уже до насъ. Тогда хозяинъ, преисполнившій насъ всякаго рода угощеній, между которыми не надо забыть пилава, шербета и персидскихъ конфектъ, пригласилъ спуститься въ шеводунъ. Тридцать четыре ступени привели насъ въ этотъ подземный пріютъ, полъ котораго отстоялъ на пять саженей отъ поверхности земли. Подземелье состояло изъ одной обширной комнаты, освѣщенной полусвѣтомъ сверху, сквозь восьмиугольное отверстіе, аршина два въ діаметрѣ, служившее также и вентилаторомъ; эта комната оканчивалась другимъ небольшимъ покоемъ, продѣланнымъ въ стѣнѣ, противоположной лѣстницѣ; онъ освѣщался особеннымъ круглымъ отверстіемъ; двѣ колонны, упиравшіяся въ потолокъ, стояли на рубежѣ этихъ отдѣленій; кромѣ того, на право и на лѣво большія углубленія, сообщавшіяся между собою и составлявшія такимъ образомъ мрачные корридоры. Два главные покоя были оштукатурены; стѣ-

нья, потолокъ, колонны изукрашены разными узорами, арабесками, раскрашенною лѣпною работою; полъ былъ устланъ коврами; наши походные табуреты и столъ разставлены по мѣстамъ.... Уютство неизмѣримое! Но всего важнѣе то, что дышалось легко и отрадно послѣ духоты наружнаго раскаленнаго воздуха. Реомюръ показалъ намъ здѣсь всего восемнадцать градусовъ, тогда какъ въ комнатахъ онъ поднялся до тридцати шести. Сырости не ощущалось ни малѣйшей. Вслѣдствіе этихъ пріятныхъ условій новаго нашего кочевья, мы торопились проводить хозяина, что бы воспользоваться ими вполнѣ для возстановленія силъ своихъ, и какъ только что остались одни, пали на ковры и подушки, и были таковы. Коротко ли, долго ли мы спали, не помню, только вставъ, почувствовали себя новыми людьми; туалетъ былъ сдѣланъ и почернѣвшія, облѣзшія, растрескавшіяся лица наши, одни напоминали намъ и солнце, и вѣтеръ, и пустыню, и шестидневныя наши страданія. Особенно носы наши ободрались и лоснились такъ, что порядочному обществу никакъ бы нельзя было ихъ показать. Но стоило ли надъ носомъ своимъ задумываться въ Азіи, да еще въ Шуштерѣ! Не здѣсь же намъ кокетничать! Не здѣсь же наконецъ мы встрѣтимся съ прекраснымъ поломъ!... Но на дѣлѣ оказалось, что во все продолженіе нашихъ пограничныхъ странствованій, мы нигдѣ не были такъ близки къ нему, какъ въ Шуштерѣ и потомъ въ Дизфулѣ; я сейчасъ же представлю васъ, читатель, здѣшнимъ дамамъ.

Чай уже отпитъ; шестой часъ въ исходѣ; говорятъ, уже можно на верхъ; и мы, какъ летучія мыши, расправляемъ крылья, что бы летѣть на встрѣчу ночи. Мы поднялись; солнца надъ нами уже не было; оно пряталось за западною стѣною; но мы въ одинъ мигъ охвачены были духотой, запахомъ испарявшейся извести, и сами покрыты были испариной.... Абде еще лежала на террасѣ и повѣся длинный языкъ на сторону, дышала сильно и часто; мурныка игралъ съ колышкомъ, къ которому былъ привязанъ на длинной веревкѣ. Мы вступили на лѣстницу, ведущую на плоскую крышу дома; Лофъ, не отстававшій ни на шагъ отъ своего барина, чуть было не сбилъ меня съ ногъ, опередивъ насъ и спѣша на верхъ какъ будто тамъ бѣгали зайцы. Во все продолженіе нашихъ четырехъ-лѣтнихъ странствованій, онъ постоянно бѣсилъ меня этимъ маневромъ.

Терраса огромная и безъ всякихъ окраинъ, не такъ какъ въ Багдадѣ и Мосулѣ и вообще въ городахъ турецкой части Азіи, гдѣ съ террасъ ничего не видно изъ-за высокихъ стѣнъ. Весь городъ передъ нами какъ на ладони; городъ большой, выстроенъ на холмистой мѣстности, съ цитаделью (Наринъ-Кал'а), на самомъ видномъ

мѣстѣ надъ рѣкою; полонъ игры и пріятности въ линіяхъ, густыхъ тѣней въ стрѣльчатыхъ сводахъ, то убѣгающихъ отъ глаза и блѣднѣющихъ, то выступающихъ впередъ во всемъ своемъ величіи, со всею граціею боковыхъ кирпичныхъ узоровъ; тамъ, уголъ отрѣзанъ у нихъ откосомъ какой нибудь стѣны, тутъ, рисуется на нихъ стройный стволъ пальмы или зеленыя кудри смоковницы; минареты съ вычурными навѣсами и куполы, то бѣлые, то покрытые красивыми изразцами, то безъ всякой одежды, а иногда полуобрушенные, и на вершинѣ ихъ непремѣнно огромное гнѣздо, и аистъ рисуется на немъ передъ всѣмъ свѣтомъ: тамъ нахохлившись, опустилъ онъ длинный клювъ подъ сорока пятью градусами; тутъ забросивъ голову на спину, поднялъ его перпендикуляромъ къ небесамъ. Все это, съ уступами и выступами узорчатыхъ домовъ, образуетъ самыя живописныя и пріятныя для глазъ сочетанія; тамъ и здѣсь легкія стѣнки на террасахъ, выложенныя кирпичемъ съ сквозными промежутками, со звѣздочками изъ голубыхъ изразцевъ, разбросаны въ безпорядкѣ посреди этого гармоническаго хаоса, какъ кружевныя ширмы. А вотъ и даль! вотъ рѣка, обнимающая Шуштеръ со всѣхъ сторонъ. Древняя плотина временъ Шапура, поддержанная очень хорошо, отвела часть ея на восточную сторону города. Вотъ и древній мостъ, на тридцати двухъ аркахъ, построенный тѣмъ же царемъ. Легенда гласитъ, что Шапуръ обѣщалъ свободу плѣненному имъ при Эдессѣ императору Валеріану за сооруженіе этихъ двухъ памятниковъ и дизфульскаго моста, и что Валеріанъ возвелъ ихъ съ помощью греческихъ воиновъ и мастеровъ, взятыхъ съ нимъ вмѣстѣ въ плѣнъ. Исторія однако повѣствуетъ, что Шапуръ, истощивъ надъ царственнымъ старцемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, всевозможныя униженія,—такъ, между прочимъ, обращалъ онъ спину его въ ступень, когда садился на лошадь,—велѣлъ наконецъ содрать съ него живаго кожу и повѣсить ее въ одномъ изъ храмовъ.

Живописный мостъ этотъ посрединѣ обрушился между двухъ арокъ. Персіяне уже много лѣтъ сряду говорятъ, à qui veut les entendre, что надо, надо починить; и вѣроятно долго еще придется имъ говорить тоже. Кругомъ волнуется равнина; на югъ она напоминаетъ еще пустыню и недалеко отъ города на ней видны развалины какого-то Шемсэддина; на сѣверо-востокѣ равнина покрыта темно-зелеными пятнами посѣвовъ, и тамъ и здѣсь возвышаются, подъ сѣнью двухъ, трехъ пальмъ и сикомора, одинокій куполъ Имамзадѐ или Зіареты; еще далѣе, мѣстность все болѣе и болѣе морщится, холмится и наконецъ поднялась высокою грядою горъ въ какихъ нибудь тридцати верстахъ отъ Шуштера; заходящее солнце цалуетъ

вершины ихъ своими розовыми лучами, но тѣни все выше ползутъ по скалистымъ уступамъ, розовые оттѣнки блѣднѣютъ, подымаются, скользятъ съ хребта и наконецъ, какъ бы нехотя, уступаютъ его ночи. Надъ помертвѣвшими горами подымается безоблачный сводъ, сначала горящій яркимъ румянцемъ, но чѣмъ выше, тѣмъ румянецъ блѣднѣе и блѣднѣе, и наконецъ незамѣтно и мягко сливается невообразимыми тонами съ темно-бирюзовымъ цвѣтомъ выси.

Солнце закатилось. Аллàху-Акберъ! раздалось на всѣхъ минаретахъ и отвлекло вниманіе наше отъ дали. Мы опять занялись городомъ, и тѣмъ охотнѣе, и тѣмъ прилежнѣе, что всѣ террасы оживились пестрымъ населеніемъ, — и все женщины! Какъ бабочки самыхъ яркихъ цвѣтовъ, мелькаютъ онѣ по всѣмъ направленіямъ; то сойдутся по двѣ и по три, остановятся, разойдутся, исчезнутъ въ будкѣ, ведущей внизъ, опять покажутся, присядутъ, курятъ кальянъ; однѣ рѣзвятся, другія тащатъ на верхъ тюфяки и подушки, стелятъ постели и т. д. Это мнѣ напомнило жизнь мою въ далекомъ и незабвенномъ Тифлисѣ. Но ограничимся ближайшими террасами.

Хотя между нашимъ и сосѣдними домами съ трехъ сторонъ улица, но дома такъ близки, что можно ясно различить малѣйшія черты сосѣдей, находящихся на террасѣ, въ особенности съ помощью нашихъ биноклей.

Костюмъ сосѣдокъ живописенъ; описывать его подробно нѣтъ никакой возможности; довольно того, что онъ живописенъ. Онъ отличается отъ костюма прочихъ персіянокъ большимъ платкомъ, который у нихъ волнуется на головахъ, концы его перекидываются за спину и затянутые на затылкѣ узломъ, спускаются до пояса; головной уборъ другихъ еще красивѣе, это вязанныя филеемъ кольчуги, бѣлыя или синія, съ капюшономъ, которыя набрасываются небрежно на голову и укрѣпляются на ней повязкой. Эти женскія кольчуги безъ рукавовъ и безъ разрѣзовъ чрезвычайно красивы; намъ сказали, что ихъ носятъ только дѣвицы, а платки предоставлены женщинамъ; изъ подъ тѣхъ и другихъ лоснятся черныя косы и локоны, необыкновенно длинныя.

На ближайшей террасѣ было ихъ три, четыре и всѣ въ свѣжихъ платьяхъ блестящихъ цвѣтовъ, въ браслетахъ и кольцахъ. Нельзя же! въ сосѣдствѣ у нихъ появились гости изъ далекихъ странъ, да еще въ добавокъ *невѣрные*, которые безъ церемоніи глядятъ на нихъ въ свои трубки; какъ не пококетничать? На террасы почти не являлись старухи; онѣ осадкомъ оставались на днѣ домовъ; одна молодость всплывала на верхъ и красовалась избыткомъ жизни. Мы за-

мѣтили между ними нѣсколько замѣчательно хорошенькихъ, хотя лица ихъ едва ли были безъ румянъ, а глаза безъ сурмы. Мы должны были однако же въ заключеніе убѣдиться, что члены порядочныхъ семействъ все таки оставались за кулисами; а вертѣвшіяся передъ нами красавицы принадлежали къ мелкому слою шуштерскаго общества.

На многихъ крышахъ правовѣрные, по одиночкѣ, по два, по три, а иногда по десяти и болѣе человѣкъ, сидя на пяткахъ, рядомъ, усердно и въ темпъ отвѣшивали земные поклоны.

Мальчишки на крышахъ спускали огромнаго и изукрашеннаго змѣя, другіе гоняли голубей, которыхъ здѣсь множество, и прекрасивыхъ; между прочимъ, какъ и въ Басрѣ и въ Багдадѣ, здѣсь воспитывается большая порода *почтовыхъ* съ загнутымъ клювомъ. Въ Басрѣ и Багдадѣ въ старыя времена существовала голубиная почта; но теперь заброшена. Въ Шуштерѣ, не знаю про древность, а нынѣ ихъ гоняютъ мальчишки вмѣстѣ съ простыми голубями.

Гдѣ-то вдали, ударила палка барабана, одна; черезъ минуту другая, потомъ третья, все чаще и чаще и наконецъ посыпалась дробь, и потомъ все смолкло; черезъ полчаса фельдмаршъ этотъ повторился и потомъ опять раздавался каждые полчаса. Намъ сказали, что это былъ барабанъ ночной стражи.

Съ другой стороны, откуда-то взвилась ракета, одна, другая.... и нѣсколько ихъ, одна за другой, щолкнули въ воздухѣ. Чему это радуются? Когда стемнѣло, мальчишки привязали къ змѣю фонарь. Мельканье этихъ огней имѣетъ особенную прелесть на южномъ небѣ.

На этой же террасѣ, съ которой мы слушали минаретный концертъ, любовались панорамою города съ закатомъ солнца, потѣшными огнями, пантомимнымъ балетомъ на сосѣднихъ крышахъ, и наконецъ принимали великобританскихъ гостей, пріѣзжавшихъ пригласить насъ на завтра къ столу, намъ подали обѣдъ и потомъ поставили походныя кровати наши. Ночь была тепла; но духоты не ощущалось; на небѣ ни флероваго облачка. Луна и звѣзды однѣ видѣли съ высоты, какъ мы юркнули подъ пологà и заснули подъ легкими покрывалами нашими.

Домъ англичанъ, у которыхъ мы на другой день обѣдали, не такъ красивъ и благообразенъ, какъ нашъ, а шеводунъ его далеко уступаетъ нашему; но зато онъ можетъ похвастаться своимъ положеніемъ. Онъ возвышается на краю скалистаго обрыва, а подъ нимъ, саженей на пятьдесятъ отъ террасы, несется Карунъ; противоположный берегъ также скалистъ и крутъ. Сидя у оконъ, мы

могли любоваться видомъ рѣки, въ холодныхъ струяхъ которой безпрестанно приходили освѣжаться горожане, а съ другой стороны, горожанки; послѣднихъ было гораздо болѣе. Съ крыши видъ на городъ и окрестности былъ также прелестенъ; на дворѣ дома были двѣ пальмы.

Слѣдующіе за тѣмъ дни мы посвящали разсмотрѣнію достопримѣчательностей города.

Такъ, посѣтили мы цитадель, о которой я уже упоминалъ. По свидѣтельству историковъ и цитадель, да и самый городъ построены, будто бы также по повелѣнію Шапура, императоромъ Валеріаномъ, имѣвшимъ въ первой свое жительство. Въ ней только одинъ большой дворъ, что по мнѣнію путешественниковъ обличаетъ римское происхожденіе постройки. Не могу судить объ этомъ. Знаю только, что прочныя, и еще во многихъ мѣстахъ сохранившіяся, ея части носятъ на себѣ печать глубокой древности; она занимаетъ высочайшую точку города и стоитъ на краю круглой скалы, омываемой Каруномъ. Видъ съ террасы ея несравненный. Противоположный берегъ лежитъ почти въ уровень съ рѣкою, перепоясанною прекраснымъ шапуровымъ *Бендомъ* (плотиной) и уставленною мельницами; — а далѣе равнина, горы.... Не могъ я добиться только, почему цитадель носитъ названіе *Селясійнъ* (по-арабски тридцать). Селяси означаетъ треугольникъ, крѣпость какъ будто точно имѣетъ видъ треугольника. Не оттого ли и ея названіе?

Всходили мы и на шапуровъ мостъ. Шестнадцати-вѣковой старецъ бодро стоитъ подъ напоромъ бурливой рѣки, и только уступилъ ея упрямому прибою около двухъ арокъ; громадныя глыбы кирпича, обращенныя къ сѣверу, облизаны теченьемъ половодья, и лоснятся какъ будто были покрыты глазурью. Верхнія стѣнки его во многихъ мѣстахъ обрушились. Ставъ лицемъ къ теченью, клокотавшему подъ арками, мы вдругъ испуганы были шумнымъ паденіемъ въ него нѣсколькихъ тѣлъ.... Это были шуштерскіе ребята, желавшіе показать намъ свое удальство и заработать копѣйку. Одни бросались съ моста, подымавшагося въ то время саженей на десять надъ уровнемъ воды, другіе съ берегу и уносимые подъ арки съ быстротою стрѣлы, выплывали всѣ по другую сторону моста. Признаюсь, для этого нужна большая привычка и сноровка; а не то и до бѣды не далеко.

Потомъ мы проѣхали по берегу, гдѣ устроены изъ кирпича круглые и квадратные бассейны для приготовленія индиго. Шуштеръ производитъ и выдѣлываетъ эту краску низшаго достоинства, извѣстнаго подъ названіемъ *чамуръ* (грязнаго). Полунагіе работ-

ники, густо затертые синькою, пощадившею только глаза ихъ, возились около бассейновъ или стояли по поясъ въ темной и густой красильной хляби.

Потомъ мы прошлись по Бенду, выстроенному изъ плитъ съ желѣзными связями и такъ обтертому временемъ и водою, что онъ кажется гранитнымъ порогомъ, сглаженнымъ и выбѣленнымъ; только въ одномъ мѣстѣ замѣтна свѣжая заплатка. Мемедъ-Али-Мирза, сынъ Фетали-Шаха, правившій Керманшахомъ, послѣдній чинилъ ее въ этомъ мѣстѣ нѣсколько разъ съ похвальнымъ терпѣніемъ. Длина Бенда около ста-семидесяти сажень.

Здѣсь увидѣли мы тѣ же сцены прыганья въ воду; актеры оказались тѣ же, которые задавали намъ это зрѣлище на мосту, и потому, несмотря на все ихъ желаніе поживиться новою подачкою, намъ повтореніе бенефиса на новомъ театрѣ обошлося даромъ.

О происхожденіи имени Шуштеръ, вотъ чтó вѣщаютъ персидскіе историки: Шушъ, говорятъ они, на пехлевійскомъ языкѣ, значитъ *хорошо*, и будто бы именемъ этимъ названа была древняя столица Сузіаны или Шушана, по благорастворенію ея воздуха; но что будто впослѣдствіи одинъ изъ персидскихъ царей, найдя воздухъ и мѣстоположеніе нынѣшняго Шуштера еще лучшими, перенесъ столицу свою съ береговъ Керхи (Хоаспа), на которыхъ возвышаются холмы Сузы, на берега Каруна, давъ новому городу названіе Шуштеръ, то есть *лучше*. Это замысловатое толкованіе вполнѣ достойно эрудиціи и догадливости персіянъ. У нихъ всѣ историческія и географическія имена древности подвержены той же участи. Нѣтъ ничего забавнѣе, какъ напримѣръ нѣкоторые толкуютъ имя Семирамиды, которое на семитическихъ языкахъ произносится Шемирамъ; они увѣряютъ, что это имя составлено изъ двухъ словъ *Шем'* и *Иранъ*, то есть свѣчка, или въ обширнѣйшемъ смыслѣ, *Свѣтило Ирана*. Если уже, откинувъ стыдъ въ сторону, пускаться въ догадки, то скорѣе бы, по моему, надо было произносить названіе нашего города Шушдеръ, то есть врата, или преддверіе Шуша или Сузы; потому что великолѣпная столица эта возвышалась въ самомъ близкомъ разстояніи, всего какихъ нибудь въ пятидесяти верстахъ отъ Шуштера, на западъ. Открытія Лофтуса и Вильямса, о которыхъ я сообщалъ записку Географическому Обществу шесть лѣтъ тому назадъ, сдѣланы были въ курганахъ, составлявшихъ безъ всякаго сомнѣнія сѣверо-западную окраину города, такъ какъ Шауръ течетъ у самой подошвы ихъ, а выше ея сейчасъ же и Хоаспъ, въ какой нибудь верстѣ. Тутъ была цитадель съ царскими хоромами. Знаменитая столица имѣла до 600,000 жителей и болѣе, и должна была по этому, съ своими садами и

предмѣстьями, далеко простираться на востокъ, вдоль или по берегамъ канала, соединявшаго Хоаспъ съ Эвлеусомъ, и котораго осиротѣвшее ложе, полузасыпанное пескомъ, и теперь еще видно между Дизфуломъ и Шуштеромъ. И потому *Шушдѐръ* могъ быть главнымъ предмѣстіемъ—преддверіемъ Сузы.

Шушанъ, по-еврейски *лилія*, есть библейское названіе всей провинціи (Сузіаны), а также и имя прекрасной дочери вавилонянина Іоакима, которой честь и жизнь были чудеснымъ образомъ спасены Пророкомъ Даніиломъ, покоящимся въ нѣдрахъ Шушаны (Сузіаны).... Сближеніе этихъ именъ и обстоятельствъ, въ глазахъ моихъ, не лишено значенія. Да не подумаютъ, однакожь, чтобы я придавалъ много вѣсу догадкамъ моимъ; я пишу не ученую диссертацію.

Но оставимъ древность въ покоѣ.... Однако, нѣтъ! то, что́ мнѣ остается сказать о нашихъ шуштерскихъ похожденіяхъ, относится также къ глубокой древности. Когда узнали въ городѣ, что мы не прочь отъ древнихъ монетъ, гравированныхъ камешковъ и прочаго, хозяйскія дѣти и сосѣди стали ихъ таскать къ намъ пригоршнями; дамы и дѣвушки, которыя въ свою очередь, повидимому не прочь были *отъ новыхъ монетъ*, посылали къ намъ, черезъ своихъ сыновей и братишекъ, кольца, браслеты, амулетки, талисманы и прочія украшенія, которыя имъ надоѣли, и много очень хорошихъ вещей достались намъ за бездѣлицу.

Не обошлось однако съ нами и безъ непріятности. Лучшій погонщикъ нашъ потонулъ въ Карунѣ; онъ купался въ очень опасномъ мѣстѣ, несмотря на всѣ предостереженья жителей, и водоворотъ подсосалъ несчастнаго подъ скалу, изъ подъ которой онъ уже не показывался. А на другой день мурныка разъигралъ комедію. Сорвавшись съ веревки, онъ по крышамъ забрался къ сосѣдямъ, вѣроятно, чтобы похвастаться передъ ними своею смѣлостью; перепугалъ женщинъ и дѣтей, и наконецъ былъ пойманъ тамъ удалымъ Ставри. Женщины, отъ страха и желанія избавиться поскорѣе отъ четвероногаго гостя, даже и не покосились на косаго македонца, забравшагося къ нимъ такъ безцеремонно.

X.

ПОХОДЪ ВЪ ДИЗФУЛЬ. ДИЗФУЛЬ.

Съ 4 до 15 іюня оставались мы въ Шуштерѣ и ни сколько не соскучились.

Мы вставали до солнца и часовъ до семи наслаждались на террасѣ пробужденіемъ природы и жителей на ихъ террасахъ, упивались утреннимъ восхитительнымъ воздухомъ, засматривались на игру свѣта и отблесковъ дали, оживлявшейся подъ лучами восходящаго солнца, потомъ выѣзжали осматривать городъ, или принимали и дѣлали визиты;—потомъ роскошничали въ прохладной сѣни шеводуна и къ закату солнца взбирались опять на верхнюю террасу; и опять тотъ же пантомимный балетъ, исправленный и умноженный, на крышахъ сосѣднихъ домовъ.

15-го поднялись мы далѣе, опять послѣ англичанъ. Я не буду повторяться и избавлю васъ отъ описанія переправъ, ночныхъ переходовъ, дневокъ въ пустынѣ. Упомяну только о скалѣ съ замкомъ, который мы на разсвѣтѣ увидѣли вдали на правой отъ насъ сторонѣ. Это былъ неприступный *Дизъ* (замокъ) нѣкоего бахтіарца Джафаръ-Кули-Хана, неповинующагося правительству, и въ разбойничьемъ гнѣздѣ своемъ пренебрегающаго его угрозами. У него есть друзья въ Дизфулѣ и Шуштерѣ; въ послѣднемъ, между прочимъ, упоминаютъ хозяина дома, въ которомъ останавливалась англійская коммиссія. Эти господа извѣщаютъ бахтіарца о проходѣ значительныхъ каравановъ и получаютъ отъ него за это часть награбленной добычи. Рѣка Дизъ, протекающая оттуда, ему обязана своимъ названіемъ; а Дизфуль или вѣрнѣе Дизпуль (Дизпиль, какъ его называютъ туземцы на своемъ нарѣчіи) значитъ *мостъ на Дизъ*. Мостъ этотъ, какъ я уже упоминалъ, построенъ на немъ Валеріаномъ.

Только въ такомъ грозномъ составѣ, какъ шли мы по этимъ пустыннымъ пространствамъ, намъ можно было, и то до нѣкоторой степени, спать спокойно въ этомъ близкомъ сосѣдствѣ хищниковъ; справа отъ насъ гнѣздились кровожадные бахтіарцы, слѣва разбойничьи арабскія племена бени-ламовъ. Открытыхъ нападеній мы не испытали ни разу, но покражъ въ лагеряхъ нашихъ было много въ послѣдствіи. О нихъ упомяну я въ своемъ мѣстѣ.

Переправу черезъ рѣку Дизъ мы совершили благополучно, хотя не безъ кровопролитія. Македонецъ нашъ разбилъ голову какому-то дерзкому персу. Къ утру остановились около деревушки *Кевенекъ*; а 17-го поутру вмѣстѣ съ персидскою коммиссіею вступили въ *Дизфуль*.

Верстъ за пять отъ города городскія начальства и старшины выѣхали къ намъ на встрѣчу съ особенною торжественностью. Человѣкъ до трехъ сотъ всадниковъ окружали ихъ, гарцуя по всѣмъ направленіямъ на добрыхъ и разубранныхъ коняхъ, стрѣляя изъ ружей и пистолетовъ. Тутъ въ первый разъ увидали мы почетную снаровку всадниковъ изъ свиты лицъ, выѣзжающихъ встрѣчать именитаго госта. Она состоитъ въ томъ, чтобъ проноситься по одиночкѣ или въ составѣ нѣсколькихъ человѣкъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ морды коня, на которомъ ѣдетъ гость, и стрѣлять передъ нимъ или въ поле или даже подъ копыта его лошади, которая, разумѣется, пускается отъ этого въ плясъ, а за нею и окружающіе кони; передряга въ кавалькадѣ дѣлается общею. Сначала эти почести намъ очень не нравились, тѣмъ болѣе, что мы принимали ихъ за глупыя шутки, но потомъ мы къ нимъ привыкли.

Переправа въ бродъ черезъ широкій, глубокій и быстрый Дизъ всей конной толпы былъ живописенъ до высочайшей степени. Вода захлебывала сѣдла и мнѣ, признаюсь, приходилось отъ нея жутко на моемъ нерослымъ Монтефикѣ (конь мой родился у арабовъ этого племени, кочующихъ около Багдада); я вышелъ на берегъ почти по поясъ мокрый. При въѣздѣ въ городъ тѣже жертвенныя кровопролитія, тѣже возгласы дервишей, лути, изъ которыхъ нѣкоторые на этотъ разъ кривлялись и перебрасывались черезъ голову, все это для полученія подачекъ.

Видъ на городъ съ этой стороны былъ незамѣчательный.

Домъ, отведенный намъ, былъ не такъ красивъ и просторенъ, какъ шуштерскій, но шеводунъ еще былъ лучше; терраса его была не такъ обширна, но еще заманчивѣе первой. Сосѣдки дизфулянки были гораздо красивѣе и смѣлѣе Шуштерянокъ; бойко глядя на насъ, онѣ весело шушукали между собою, хихикали и иногда очень мужественно подчивали другъ друга тумаками по спинѣ, вѣроятно вслѣдствіе какой нибудь забавной остроты на нашъ счетъ.

Видъ оттуда на городъ немногимъ отличался отъ шуштерскаго; окрестность почти такая же, только горы отступали далѣе; а на той сторонѣ рѣки возвышался одинокій двухъэтажный кушкъ съ широкимъ дворомъ, обнесеннымъ стѣною. Онъ былъ построенъ знаме-

нитымъ евнухомъ Мотамид-эддоуле Манучеръ-Ханомъ, на лагерномъ мѣстѣ.

Жизнь наша здѣсь также ничѣмъ не отличалась отъ жизни въ Шуштерѣ. Сцены были тѣже, въ шеводунѣ, комнатахъ и на крышѣ. Только въ ночь нашего пріѣзда сосѣди угостили насъ концертомъ. Оставалось десять дней до Рамазана. Въ сумерки, въ самомъ близкомъ отъ насъ разстояніи, на одной изъ крышъ, раздавался дребезжащій речитативъ муллы, проходившаго скороговоркою, со всхлипываньемъ и икотою глубокаго огорченія, одинъ изъ эпизодовъ страданій и мученической смерти имамовъ Хасана и Хюсейна; отъ времени до времени возвышался хоръ двухъ, трехъ дѣтскихъ голосовъ, премило пѣвшихъ соотвѣтствующіе стихи; слышались удаpенія въ грудь и вздохи, и возгласы, и хныканья слушателей и все въ тактъ и по темпамъ. Концертъ этотъ далеко не лишенъ былъ своей прелести. Только изрѣдка прерывался онъ безстыднымъ мяуканьемъ кошекъ или веселымъ хохотомъ сосѣдокъ на противоположныхъ террасахъ, или наконецъ трещеткой аиста.

Дизфуль осмотрѣнъ былъ нами во всей подробности. Всѣ берега рѣки, въ иныхъ мѣстахъ очень высокіе и состоящіе изъ наносной земли, пополамъ съ голышемъ, изрыты пещерами, въ которыхъ жители иногда укрываются отъ лѣтняго жара. Вдоль рѣки съ городской стороны, также какъ и въ Шуштерѣ, берегъ уставленъ индиго-приготовительными бассейнами. Одинъ Дизфульскій рынокъ поставляетъ этой краски, по увѣренію жителей, до 60,000 пудовъ.

Мостъ такой же какъ и Шуштерскій и также провалился по срединѣ; но здѣсь его подклеили жалкою постройкою. Концы провала соединены земляною дорожкою, гораздо ниже уровня площади моста. На рѣкѣ множество мелкихъ пороговъ, уставленныхъ мельницами.

Въ какой нибудь четверти версты отъ города, съ восточной его стороны, возвышается надъ рѣкою на крутомъ обрывѣ Имамъ-задѐ *Рубѐнъ*, съ высокимъ конусообразнымъ верхомъ и нѣсколькими куполами на четыреугольной пристройкѣ, съ обширнымъ дворомъ внутри; нѣсколько домиковъ, скомкавшихся съ одной его стороны, составляютъ предмѣстье. Этотъ Имамъ-задѐ, съ рѣкою и предмѣстіемъ, чрезвычайно красивы, такъ же какъ и видъ, открывающійся съ его террасъ на городъ и на рѣку съ ея мостомъ, мельницами и противоположнымъ берегомъ. Это самая выгодная точка для снятія рисунка Дизфуля.

Въ окрестныхъ провинціяхъ Хузистана никогда не скажутъ просто Шуштеръ или Дизфуль, а оба имя вмѣстѣ *Шуштѐръ-у-Диз-*

ніль, и не поймутъ васъ, если произнесете одно имя отдѣльно. Народонаселеніе этихъ двухъ городовъ очень промышленно; главное занятіе жителей состоитъ въ извозѣ; это страна вьючнаго скота всѣхъ родовъ по преимуществу. Шуштеро-дизфульцы нанимаются перевозить товары въ самыя отдаленныя страны; и нѣтъ дороги во всей Персіи и даже въ Мессопотаміи, которой бы они не знали, какъ свои пять пальцевъ. Ихъ сейчасъ узнаешь по черной чалмѣ особой повязки, съ длиннымъ концемъ, падающимъ по спинѣ до пояса, по кроткому и доброму выраженію лица. Простой народъ не отличается красотою; за то въ высшемъ классѣ есть презамѣчательныя лица и бороды.

Съ хозяиномъ дома мы скоро сошлись. Онъ былъ почтенный и скромный человѣкъ.

Между прочими замѣчательностями нашей жизни, одни люти приводили къ намъ криваго льва рычать: «*я Али!*» другіе подъ звуки бубенъ и изступленнаго рева любовныхъ пѣсенъ, заставляли ученую козу ходить по канату. Намъ говорили также о заклинателяхъ змѣй. Но псиловъ мы видѣли много, и особенно я, встрѣчавшій ихъ каждый день на площадяхъ Каира, и потому мы не заботились о знакомствѣ съ дизфульскими. Только однажды, проходя подъ воротами, я увидѣлъ змѣю, вползшую въ отверстіе у подошвы стѣны. Я потребовалъ псила; онъ черезъ полчаса явился. Показавъ на отверстіе, я спросилъ у него, можетъ ли онъ вызвать змѣю, которую я только что видѣлъ; онъ вмѣсто отвѣта припалъ ртомъ къ отверстію. Но напрасно онъ лежалъ около получаса, не отрывая губъ отъ стѣны,—змѣя не явилась. Это доказывало, однако же, что дизфулецъ точно не боялся уязвленія ихъ, и обладалъ тою тайною, которою гордятся индѣйскіе и африканскіе псилы и марсы. Рогачей (cerastes) и Найа-Хаджей, конечно, здѣсь нѣтъ, но мѣдянокъ и другихъ родовъ ядовитыхъ змѣй множество. Мы это впослѣдствіи узнали по опыту.

XI.

ПОХОДЪ ВЪ КОЧЕВЬЕ МУНГЕРРЕ.

Наконецъ мы 29 іюня и Дизфулю откланялись, и пора была; комнаты постоянно нагрѣвались до 35 и 36 градусовъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ городѣ. Это, однакожь, не помѣшало намъ искать въ Дизфулѣ сугубаго тепла. Долгое путешествіе наше отъ

Мухаммеры посреди страшнаго жару и страшной пыли, поставляло насъ въ необходимость попробовать персидской бани.

Персидскій фанатизмъ строже турецкаго въ отношеніи бань. Персіяне не пускаютъ въ свои христіанъ, гнушаясь ихъ скверны, что, конечно, даетъ намъ отрицательное преимущество надъ иранцами и не должно очень огорчать насъ, потому что нѣтъ на свѣтѣ ничего грязнѣе, зловоннѣе, тошнѣе иранскихъ бань.

Кто изъ посѣщавшихъ большіе турецкіе города вообще и Константинополь въ особенности не восхищался тамошними банями, привѣтливостью прислуги, искусствомъ терщиковъ, опрятностью во всемъ, роскошью бѣлья, ухаживанья и угощенія, которыми окружаютъ васъ въ передбанникѣ!

Въ персидскихъ баняхъ неопрятность доходитъ до чудовищныхъ размѣровъ; довольно сказать, что вода въ бассейнахъ, въ которую персіяне погружаются безпрестанно, возобновляется только разъ въ недѣлю и тлѣетъ надъ осадками нечистоты, котораго слой иногда бываетъ въ три вершка! Зловоніе стоитъ невыносимое, мозглявые терщики обмотаны грязною тряпкою и весьма неловко управляются своимъ ремесломъ. Разумѣется, намъ не могли отказать въ позволеніи переступить черезъ завѣтный порогъ этотъ. Баня была взята на двое сутокъ, вымыта, вода въ хоузѣ возобновлена и полъ его усердно выскребенъ — все подъ надзоромъ нашихъ людей. Насъ встрѣтили съ курящимся алое въ рукахъ и съ низкими поклонами; но отъ чаду курева, боровшагося съ баннымъ смрадомъ, у насъ захватывало дыханіе. Я удерживалъ его сколько могъ, сгарая нетерпѣніемъ вырваться изъ лапъ терщика.

Когда подумаешь, что персіяне, особенно персіянки, проводятъ въ этихъ отвратительныхъ баняхъ цѣлые дни, лежатъ растянувшись по три и по четыре часа, обложенные по головѣ или по бородѣ липкою размазнею хины и краски; тамъ же полдничаютъ или обѣдаютъ и дымя кальяны бесѣдуютъ, т. е. лгутъ и хвастаютъ и стараются надуть другъ друга, и потомъ опять лежатъ и потомъ опять курятъ!... Господи! Весело послѣ этого глядѣть на ихъ мужчинъ и.... думать объ ихъ женщинахъ....

Тутъ кстати сказать нѣсколько словъ о процессѣ купанья въ азіатскихъ баняхъ. При входѣ въ азіатскую баню, — я отношу мое описаніе болѣе къ константинопольскимъ, потому что процессъ тотъ же и въ тѣхъ и въ другихъ, но здѣсь онъ полнѣе, чище, привлекательнѣе, — васъ прислуга раздѣваетъ въ особенномъ уголкѣ и складываетъ бѣлье и платье ваше въ большой и чистый платокъ, который завязывается и узелъ кладется возлѣ ложа, покрытаго чи-

стымъ бѣльемъ и на которое вы ляжете по выходѣ изъ бани. Окутавъ васъ въ три шершавыя брусскія простыни, одну вамъ повязываютъ на рединѣ тѣла, другую бросаютъ на плеча, третью свертываютъ на головѣ въ видѣ чалмы; потомъ подаютъ вамъ деревянныя высокія башмаки въ видѣ сандалій и приглашаютъ въ слѣдующій покой. Тамъ ожидаетъ васъ тюфякъ съ подушкой, покрытый чистою простынею. Мальчикъ, съ полотенцомъ, опускающимся у него отъ пояса, садится возлѣ васъ и мнетъ вамъ всѣ члены; вамъ подаютъ кофе въ финджинѣ и трубку, которую набиваютъ вашимъ табакомъ, при васъ постоянно находящимся въ кисетѣ. Черезъ какихъ нибудь четверть часа или двадцать минутъ васъ ведутъ въ баню; это обширный покой съ куполомъ, утыканнымъ круглыми толстыми стеклышками, въ четырехъ открытыхъ нишахъ, въ каждой по мраморному бассейну; а въ него смотрятъ два крана холодной и горячей воды; по обѣимъ сторонамъ бассейна, мѣстà для сидѣнья на мраморномъ полу. Сверхъ того угловыя кануры съ такою же обстановкою, туда заходятъ побриться и тогда навѣшиваютъ на входъ занавѣсъ, чтобы не входили другіе.

Подъ сводомъ, на срединѣ бани круглая или осьмиугольная мраморная настилка, на которой могутъ лежать человѣкъ десять. На эту-то настилку прежде всего мальчикъ кладетъ васъ, мнетъ, ломаетъ, дергаетъ по суставамъ, закладываетъ руки ваши то за спину вамъ, то за затылокъ, то наконецъ складываетъ ихъ къ вамъ на грудь и каждый разъ, обнявъ васъ подъ мышками сзади, сдавливаетъ у себя на груди такъ, чтобы у васъ хрустнуло въ тѣлѣ; такъ же и ноги ваши: сгибая назадъ, онъ налегаетъ на нихъ всею тяжестью тѣла пока не хруснетъ въ колѣнахъ. За тѣмъ начинается четвертое дѣйствіе; мальчикъ сажаетъ васъ къ ваннѣ, и подсѣвъ къ вамъ поближе, третъ ваше тѣло, какъ скребницей, шерстянымъ рукавомъ, надѣтымъ на правую руку; чище этого мытья нельзя нечего себѣ представить; тѣло мякнетъ и лоснится какъ выполированное; вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ ничего и здоровѣе, потому что кровь отъ этой терки полируется за одно съ тѣломъ. Пятое дѣйствіе состоитъ въ томъ, что мальчикъ приноситъ холщевой мѣшечекъ, бросаетъ въ него мыло, опускаетъ въ воду, подноситъ его себѣ ко рту, надуваетъ, и мягкая, горячая, благовонная пѣна облипаетъ васъ и ложится на тѣло ваше съ необыкновенною ласкою и нѣжностью, и наконецъ обмывъ вамъ голову обычнымъ порядкомъ, мальчикъ васъ окачиваетъ, и хлопая въ ладоши, оглашаетъ своды громкимъ требованьемъ чистаго бѣлья. Опрятный старичокъ является въ туже минуту въ дверяхъ съ чистою перемѣною; одна простыня у него

въ рукахъ, другая подъ мышкой, третья на чалмѣ. Одну изъ простынь онъ открываетъ передъ вами вмѣсто ширмы; вы сбрасываете съ себя мокрую обертку и окутываете поясъ сухою; банщикъ накидываетъ вамъ на плечи и на голову по другой и выводитъ въ первый огромный покой у входа въ баню. Тамъ васъ ждетъ чистая постель, на которую васъ кладутъ, покрывъ новою простынею; подаютъ вамъ трубку съ огромнымъ янтаремъ, или журчащій наргилле (кальянъ), кофе, лимонадъ; мальчикъ, васъ мывшій, тоже перемѣнилъ свой поясъ, онъ садится опять подлѣ васъ и третъ и гладитъ васъ уже болѣе мягкими прикосновеньями. Черезъ четверть часа, тотъ же банщикъ несетъ вамъ третью перемѣну бѣлья, разогрѣтую на жаровнѣ, надъ которою для этого ставится круглая ставка. Окупавъ васъ опять, онъ погружаетъ тѣло ваше въ сугубую нѣгу, оставивъ его опять подъ манипуляціею мальчика. Этимъ заключается весь процессъ до вашего одѣванья.

Въ этихъ покояхъ посрединѣ огромный мраморный бассейнъ, очень часто вооруженный водометомъ, котораго серебристое шептаніе навѣваетъ на васъ дрему... Ни говорить, ни думать не хочется; лежишь себѣ дымя янтарь и прищуривъ глаза и млѣешь.

За всю эту роскошь съ васъ берутъ, незнаю какъ теперь, — а я плачивалъ не болѣе полтинника. Какъ послѣ этого константинопольцамъ не изнѣжиться и не измякнуть въ конецъ! Бани по моему составляютъ единственную пріятную особенность турецкой жизни.

И какъ легко послѣ турецкой бани! Какъ неслышно становится на васъ тѣло!

Одинъ изъ восьмнадцати братьевъ Сеййдовъ, хозяевъ Мунгерскаго кочевья, насъ ожидавшаго, сопровождалъ насъ отъ города. Это *тушмалы* (старшины) горскихъ участковъ Луристана. Каждая изъ коммиссій имѣла при себѣ такого брата приставомъ; а въ случаѣ особенной надобности вдругъ являлось ихъ, какъ будто изъ-подъ земли, по два и по три. Всѣ они оказывались людьми ловкими и услужливыми, хотя болѣе походили на земледѣльцевъ, чѣмъ на хановъ, и сверхъ того краснобаями. Они говорили по персидски съ особенною чистотою и щеголеватостью.

Горожане разсказывали чудеса про мунгерскіе воздухъ и воды, но пугали насъ дорогою. Мы должны были прежде всего пройдти семьдесятъ верстъ по пустынѣ, извѣстной подъ названіемъ *Сехрай-Луръ*, и знаменитой злокачественностью своего самума. Нѣтъ года, утверждали намъ, чтобы въ ней не погибало нѣсколько человѣкъ, и совѣтовали пройти ее всю въ одну ночь, «потому что, говорили,

если насъ застанетъ на ней солнце, намъ не миновать бѣды.» Мы послушались, и, сдѣлавъ у какой-то водички, въ мѣстѣ, называемомъ *Доуледъ-абадъ*, маленькій привалъ, къ восходу солнца были уже у подошвы горъ. Передніе гряды ихъ намъ издали казались громадными развалинами крѣпости съ высокими башнями, колоннами и зубчатыми стѣнами: такъ причудливы облики этихъ окраинъ Луристана, называемыхъ *Тени-Вунъ*.

Первая стоянка наша, къ которой сползали мы и вползали съ усиліями по скользкимъ крутямъ, то верхомъ, то пѣшкомъ, была въ *Килабѣ* или *Кырь-абѣ* (смоляныя воды). У истоковъ рѣчки, на которой мы расположились, добывается смола. Здѣсь уже было днемъ сносно, разумѣется въ сравненіи съ пустыней.

Слѣдующая дневка въ *Сердарѣ* была восхитительна. Но къ ней мы должны были пробираться по невообразимой дорогѣ, безпрестанно слѣзая съ лошадей, карабкаясь на огромныя и скользкія камни, высоко торчавшія въ безпорядкѣ.... Довольно, если я скажу, что она была дѣйствительно несравненно труднѣе и опаснѣе ширазскихъ кутелей. Бѣдныя животныя, особенно вьючныя, безпрестанно падали, скользили или завязали въ промежуткахъ каменника и съ трудомъ были высвобождаемы съ окровавленными ногами. Обрывъ, по карнизу котораго мы лѣпились нѣкоторое время, висѣлъ надъ черною пропастью, и грозился насъ сбросить въ нее ежеминутно. Далѣе, мы подошли къ крутому откосу скалы, лежавшему поперегъ дороги, посреди каменнаго хаоса, гладкою плитою аршина въ четыре... Тутъ, казалось, ни верхомъ, ни пѣшкомъ! Какъ мы очутились на той сторонѣ камня живыми и даже цѣлыми, я до сихъ поръ не понимаю. Лошадей спускали держа крѣпко каждую за хвостъ, и онѣ, и кучера, державшіе ихъ на этихъ новаго рода вожжахъ, скользили какъ съ ледяной горы. Муловъ развьючивали, потому что первые, которыхъ спускали, не взявъ этой предосторожности, обрывались, щолкались о камни и нѣсколько сундуковъ были разбиты въ дребезги. Англичане не такъ счастливо отдѣлались отъ этого мѣста: у нихъ нѣсколько лошадей было здѣсь попорчено и двѣ изъ нихъ пали.

Однако перемѣна декорацій и воздуха и видъ этихъ горъ, хотя дикихъ, но тамъ и здѣсь разубранныхъ зеленью и отражавшихъ игру восходящаго солнца, мирили насъ, послѣ однообразія пустыни, съ этою адскою дорогою; а *Сердери* (порогъ или преддверіе), прелестное мѣсто на днѣ ложбины, убранное густою растительностью, розовымъ лавромъ, гранатными деревьями, съ огромнымъ бассейномъ холодной и прозрачной воды, подъ скалою, перевитою плющемъ, показалось намъ раемъ.

На другой день, по такой же *не-дорогѣ*, извивавшейся на скалахъ, между зеленыхъ дубковъ, докарабкались мы наконецъ до Мунгерре, висѣвшей почти на вершинѣ горы на 4,500 футовъ надъ Дизфулемъ.

Мы съ трудомъ нашли мѣсто для стана нашего и должны были удовольствоваться весьма тѣснымъ и жалкимъ, въ сосѣдствѣ персидскаго, не щеголявшаго также своею мѣстностью. Англичане пришли, съ намѣреніемъ, первые и заняли относительно лучшее мѣсто. Вокругъ все были крути, каменныя глыбы, узенькія террасы, по которымъ лѣпились фруктовые сады и малорослые тощіе дубки; подъ нами зіяли пропасти, съ красивыми ложбинами, а по ту сторону ихъ на западъ подымалась стѣною высокая скалистая гора *Асфалунъ*.

Мы утыкали небольшое ровное пространство, доставшееся намъ въ удѣлъ, палатками, а дня черезъ три построили намъ луры, подъ предводительствомъ тушмала, шалаши изъ прутьевъ или вѣрнѣе навѣсы, потому что они открыты были на всѣ четыре вѣтра. Мой навѣсъ былъ прислоненъ къ большому камню, нависшему надъ пропастью, и вскорѣ убранъ походною арматурою: съ одной стороны бронзовая кровать съ пологомъ; съ другой столъ съ письменнымъ и туалетнымъ приборомъ. На каменной лежанкѣ, выстроенной тутъ же, положенъ былъ коверъ, а на немъ походная библіотека; на камнѣ развѣшаны двѣ турецкія сабли и пара пистолетовъ.

Градусникъ показалъ въ первый день тридцать три градуса, но жару вовсе не ощущалось отъ постояннаго вѣтерка. Въ послѣдующіе дни онъ не подымался выше тридцати одного градуса. Холодные ключи окружали лагерь. По *Мунге*, обильнѣйшему изъ нихъ, и самая мѣстность получила свое названіе. *Мунге-ррѐ*, на луристанскомъ нарѣчіи, значитъ дорога къ Мунге. Въ виду у насъ, черезъ глубокую рытвину, виднѣлось кочевье англичанъ, на разстояніи двадцати-пяти минутъ ходу. Мы сообщались, ползкомъ переходя раздѣлявшіе насъ обрывы. Ни на аршинъ не оставалось болѣе нигдѣ ровнаго пространства и мы въ прогулкахъ своихъ должны были перескакивать съ камня на камень, то взбираясь до самого гребня пріютившей насъ горы, то сбѣгая къ нижнимъ террасамъ и цѣпляясь, чтобы не оборваться, за сучья деревьевъ или за сухія растенія.

Мунгерре, какъ можно заключить изъ сказаннаго, не представляла особенныхъ прелестей, и сверхъ того кишила всякими ядовитыми гадами, особенно змѣями и скорпіонами. Послѣдніе лежали непремѣнно подъ каждымъ камнемъ или по одиначкѣ, или попарно.

Мы всѣ были ими перекусаны по очереди; но примочки амоніака, часа черезъ три или четыре, унимали боль, напоминающую

ужаленье пчелы, и уничтожали опухоль. Тамъ водится злостная рыжая порода *джеррaровъ*, скорпіоновъ, волочащихъ хвостъ свой по землѣ, вмѣсто того, чтобъ подымать его крючкомъ, какъ черные. Мы и тутъ, какъ въ Багдадѣ, занимались отъ бездѣлья опытами надъ самоубійствомъ скорпіона. Положивъ на землѣ кольцомъ горячіе уголья, бросали врага въ середину; онъ метался, чтобы выползти изъ этого палившаго его круга, натыкался на уголья, корчился, и въ судорогахъ наносилъ себѣ хвостомъ рану въ спину; бѣлая пѣнка вскипала на ранѣ и скорпіонъ протягивался бездыханнымъ. Сажали мы его также въ стклянку, вмѣстѣ съ его врагомъ, фалангой. Бой продолжался долго, послѣдній погибалъ; но и скорпіону что-то послѣ нездоровилось.

Старый ханъ однажды разсказалъ намъ, что наканунѣ вечеромъ сидѣлъ онъ въ палаткѣ своей и читалъ куранъ, положенный между двухъ свѣчей; вдругъ слышитъ шелестъ, подымаетъ голову и видитъ змѣю, которая стояла на хвостѣ надъ самою книгою и глядѣла на него мотая языкомъ.

— Я такъ, говорилъ онъ, обомлѣлъ отъ испуга, что хотѣлъ кликнуть человѣка, но нехватило голоса; однако гость скрылся какъ только я махнулъ на него рукою.

Но главная непріятность Мунгерре состояла въ затрудненіи доставлять намъ провизію и провіантъ, обходившіеся по этому очень дорого.

Въ августѣ бродящіе иранцы, на возвратномъ пути изъ Исфагана, куда они пошли разставшись съ нами въ Ширазѣ, открыли насъ въ нашей глуши и разбили свой шатеръ возлѣ англичанъ.

Мы провисѣли на этихъ высотахъ четыре мѣсяца и все время были здоровы и покойны.... но не очень веселы: секретарь Вильямса, Вудъ, былъ красивъ собою, полонъ жизни и отваги, веселости и доброты, отлично образованъ и хорошій оріенталистъ. Въ шеводунахъ онъ сталъ кашлять; въ Мунгерре не поберегся, весь въ испаринѣ выкупался въ холодномъ бассейнѣ, схватилъ горловую чахотку, которая душила его и морила голодомъ. Два дня послѣ нашего выхода изъ Мухаммеры, въ концѣ октября, Вильямсъ похоронилъ нашего друга возлѣ ихъ кочевья. Дикая трущоба Луристанскихъ горъ, въ которую едва ли когда нибудь опять забредетъ нога европейца, приняла въ свои нѣдра самого бодраго и блестящаго изъ среды нашей.... Какая, быть можетъ, блистательная будущность разбилась объ эти постылыя мунгерскія скалы, неслышно, незамѣтно!

Больной уже, блуждалъ онъ какъ-то одинъ по вершинамъ сосѣднихъ скалъ.... вдругъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него, по дру-

гой сторонѣ обвала, на которомъ онъ стоялъ, какъ будто изъ-подъ камня, выросла молодая горянка и, глядя на него съ задумчивостью, воскликнула: «О чужестранецъ! куда это судьба закинула тебя изъ твоей родины!» Сказавъ эти слова, она скрылась за утесомъ.... Вудъ странно улыбался, передавая мнѣ этотъ случай. Англичане разсказывали, что онъ до послѣдняго вздоха сохранилъ бодрость, писалъ карандашомъ письмо къ своей бѣдной матери, велѣлъ обмыть себя, одѣть въ чистое бѣлье, предложилъ сопровождавшему насъ молодому доктору Олгину вскрыть его тѣло, и спокойно глядѣлъ на открывавшуюся передъ нимъ могилу!

Мы хотѣли воспользоваться временемъ, остававшимся намъ до возможности возвратиться къ работамъ въ Мухаммеру, чтобы посѣтить Исфаханъ, и когда жары начали спадать, стали выбираться изъ этого лабиринта; а это оказалось не легкою задачею.

Прежде, однакожь, чѣмъ описывать этотъ походъ, я полагаю не лишнимъ возвратиться назадъ и разсказать, какъ добрались мы изъ Цареграда до Персидскаго залива, что видѣли и испытали на этомъ пути; а испытали и видѣли мы многое.

И. ГАМАЗОВЪ.

АНАКРЕОНЪ.

Въ VI столѣтіи до Р. Х. іоническая лирика достигла уже полнаго развитія въ трехъ главныхъ видахъ ея: элегія, ямбъ и мелосъ. Первые два вида имѣли предметомъ своимъ общественную жизнь: гражданскія добродѣтели и пороки. Послѣ воинственнаго Тиртея, мудраго Солона, пѣвца законности, Ѳеогниса, и пѣвца грусти, Мимнерма, элегія у одного изъ современниковъ Анакреона, Ксенофана, поставляетъ себѣ цѣлію защищать превосходство красоты нравственной надъ тѣлесною. Ксенофанъ возстаетъ противъ жителей своего роднаго города, Колофона, за ихъ лидійскую роскошь, за великолѣпное убранство пурпуровыхъ одеждъ и расточительность среди богатыхъ пировъ. Онъ даже осмѣливается хулить греческій обычай, по которому развитіе физическихъ силъ предпочиталось умственному, игры атлетовъ философіи. Съ такимъ направленіемъ Ксенофанъ не могъ долго ужиться посреди своихъ согражданъ: онъ удаляется въ Великую Грецію, гдѣ 92-хъ лѣтнимъ старикомъ еще пишетъ элегіи: въ одной изъ нихъ между прочимъ такъ осмѣивается ученіе Пиѳагора о переселеніи душъ: «Гуляя, недавно увидѣлъ онъ, что били собаченку, и, говорятъ, вскричалъ жалостнымъ голосомъ:—остановись, не бей! Здѣсь душа родственнаго тебѣ человѣка, какъ узналъ я по голосу.»

Вслѣдъ за тѣмъ у Симонида Аѳинскаго элегія представляетъ плачевную пѣснь объ умершемъ (какова, напр., элегія въ честь павшихъ при Мараѳонѣ, которою онъ состязался съ Эсхиломъ); а у Іона Хіосскаго уже имѣетъ противоположный характеръ веселаго стихотворенія, воспѣвающаго дары Бахуса и Киприды. Безъ вся-

каго сомнѣнія, свѣтлое наслажденіе жизнію было предметомъ и элегій Анакреона, отъ которыхъ намъ ничего не осталось, кромѣ небольшаго, извѣстнаго отрывка, сохранившагося въ древней Антологіи: «Нѣтъ, не люблю я того, кто, сидя въ кругу гостей при полномъ покалѣ, говоритъ о распряхъ и тревогахъ плачевной войны; но милъ мнѣ, кто, сочетая въ дружескомъ союзѣ прекрасные дары Музъ и Киприды, имѣетъ въ мысляхъ душевную радость.» Нѣсколько антологическихъ эпиграммъ (въ древнемъ смыслѣ этого слова), составляющихъ тотъ родъ стихотвореній, въ который постепенно перешла элегія у грековъ, также приписываютъ Анакреону.

Ямбическая поэзія получила первое развитіе у Архилоха Паросскаго, ѣдкая, безпощадная сатира котораго вошла у древнихъ въ пословицу. Ямбическій триметръ (по нашему, шестистопный ямбъ), по самому сходству съ живою, разговорною рѣчью, наиболѣе приличный содержанію, взятому изъ внѣшней дѣйствительности, сталъ впослѣдствіи драматическимъ размѣромъ. Послѣ Архилоха, котораго осуждали и древніе за излишнюю желчь насмѣшки, является Симонидъ изъ Аморгоса со своей знаменитою сатирою на женщинъ. Подражая стариннымъ миѳамъ о созданіи человѣка, онъ изображаетъ разныя качества женщинъ, созданныхъ изъ свиньи, лисицы и собаки, изъ земли и моря, изъ осла, кошки, коня и обезьяны. Легко представить себѣ, каковы эти качества! Вотъ характеристика пятой, морской женщины:

«Сегодня она весела, смѣется; гость, видящій ее въ дому, не знаетъ, какъ похвалить ее: лучше, прекраснѣе нѣтъ на свѣтѣ женщины! Завтра она невыносима; видѣть ее, приблизиться къ ней нѣтъ силы: она неистовствуетъ также неукротимо, какъ собака около своихъ щенковъ. Другъ ли, врагъ ли, на всѣхъ она ворчитъ и злится, подобно морю, которое въ лѣтнее время такъ прекрасно, спокойно и ровно, такъ живо радуетъ мореходцевъ, — и вдругъ забушуетъ, вспѣнитъ свои волны!»

Но есть еще десятая женщина. По своему происхожденію отъ пчелы, она трудолюбива, заботлива о счастьи супруга. Она обходительна, ласкова, лучшее украшеніе дому. Счастливъ тотъ изъ мужчинъ, кто на свою долю получитъ такую; но всѣхъ счастливѣе, по словамъ Симонида, человѣкъ, никогда не имѣвшій близкаго сношенія съ женщинами.

Наконецъ, современный Анакреону, Гиппонаксъ прославился также въ особенности личною сатирой, и также не былъ обожателемъ женщинъ, что́ можно видѣть изъ его шутки, не разъ повторенной древними комиками: «Два дня въ жизни жена болѣе всего

счастливитъ мужа: въ день свадьбы, и когда онъ провожаетъ ее къ могилѣ.»

Дидактическое или политическое направленіе элегіи вмѣстѣ съ комизмомъ ямбовъ составляетъ только одну сторону іонической лирики; другая сторона ея, сладкозвучный мелосъ, чистѣйшее выраженіе въ поэзіи музыкальнаго чувства, какъ отзыва души на свѣтлыя радости жизни — составитъ теперь предметъ особеннаго нашего изслѣдованія. Единственнымъ и лучшимъ для насъ представителемъ этого вида поэзіи, который можно назвать лиризмомъ по преимуществу, служитъ Анакреонъ. Его пѣсни не имѣли цѣли наставлять людей, или казнить пороки, а пѣлись въ счастливую минуту веселья.

О жизни Анакреона извѣстно намъ очень немногое. Онъ родился, какъ полагаютъ, около 554 и умеръ въ 469 году до Р. Х., слѣдовательно, жилъ въ то самое время, когда Малая Азія, вмѣстѣ съ іоническими колоніями, подпала подъ власть Кира, и греки, непривычные къ рабству, цѣлыми толпами удалялись изъ отчизны. Эти политическія обстоятельства и самый характеръ народа, вѣчно неспокойнаго и пламеннодѣятельнаго, были причинами постоянныхъ переселеній. Подвижная натура грека болѣе всего выразилась въ іонянахъ. Всѣ писатели ихъ образовались среди шума и тревогъ житейскихъ, среди опыта многолѣтнихъ странствій. У аѳинянъ одинъ Софоклъ составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе: онъ, какъ крѣпкій дубъ, приросъ глубокимъ корнемъ къ родной почвѣ; но зато изъ этого корня извлекалъ онъ такія силы, какихъ не удалось извлечь ни одному поэту. Лазурное море отовсюду манило іонянъ въ даль; а радушный, восторженный пріемъ, вездѣ готовый таланту, жаркое соревнованіе, съ которымъ города Сициліи, Южной Италіи, Ѳракіи, собственной Греціи и цвѣтущихъ острововъ ея жаждали видѣть въ своихъ стѣнахъ каждаго мужа, прославленнаго на играхъ Олимпійскихъ или въ литературныхъ состязаніяхъ, — все это внушало греческимъ поэтамъ полную беззаботность на счетъ судьбы своей и бодрую отвагу для пѣсней.

Анакреонъ, какъ должно полагать, еще 20-ти лѣтнимъ юношей, со всѣми жителями, переселился изъ роднаго города, Теоса, въ Абдеры, колонію, основанную незадолго передъ тѣмъ во Ѳракіи клазоменцемъ Тимезіемъ. Но скоро роскошный Дворъ царя Самосскаго, гдѣ преобладала любовь къ музыкѣ и пѣснямъ, привлекъ его на славный островъ, властвовавшій въ то время надъ всѣмъ Эгейскимъ моремъ. Вѣроятно, еще отецъ Поликрата, Эакъ, призывалъ Анакреона для образованія сына въ музыкальномъ искусствѣ, составлявшемъ одну изъ главнѣйшихъ частей греческаго воспитанія. Теос-

скій пѣвецъ могъ быть въ то время извѣстенъ не столько своими стихотвореніями, сколько искусной игрою на флейтѣ и арфѣ. Поликратъ вступилъ на престолъ въ 540 году до Р. Х. и правилъ одиннадцать лѣтъ. По извѣстію древнихъ (*), эти годы принадлежатъ къ самымъ цвѣтущимъ годамъ жизни Анакреона. Сначала воспитатель, потомъ совѣтникъ царя, онъ умѣлъ смягчать суровый духъ Поликрата: этому содѣйствовали красота Смердія, кудри Клеобула, звуки Ваѳиловой флейты и іоническая пѣснь (**). Разъ только правитель разгнѣвался за предпочтеніе, оказанное любимцемъ его, Смердіемъ, поэту; но гнѣвъ этотъ кончился тѣмъ, что предметъ общей ихъ страсти лишился прекрасныхъ волосъ своихъ, которые обрѣзаны по приказанію ревниваго тирана. Кромѣ трехъ названныхъ нами юношей, Мегистей и Эврипилъ особенно удостоились пѣсней Анакреона. Чтобъ понять это, странное по нашимъ понятіямъ, отношеніе къ юношамъ, надо вспомнить обожаніе пластичной красоты, свойственное грекамъ. Самъ великій Сократъ имѣлъ между молодыми людьми своихъ фаворитовъ. Это было чистое, артистическое чувство, утонченное наслажденіе ваятеля передъ чуднымъ изяществомъ формы, и Поликратъ, отнимая волоса у Смердія въ знакъ рабства, также жестоко мстилъ Анакреону, какъ еслибы у современнаго намъ живописца чѣмъ нибудь исказили избранную имъ съ великимъ трудомъ натуру для ландшафта.

Анакреонъ съ полной безпечностью предавался веселью при дворѣ самосскомъ. Счастливая природа Цикладъ, вѣчно-ясное небо, роскошь іонической жизни, носившей на себѣ отпечатокъ восточной нѣги — все это, при разнообразномъ творчествѣ греческаго генія, при крѣпости и здоровьи тѣла, избавленнаго отъ всякихъ недуговъ строгимъ, гимнастическимъ образованіемъ, естественно располагало душу къ постоянному довольству, къ наслажденію прекраснымъ міромъ, дѣлая изъ бремени жизни легкую, отрадную ношу. Пиры, любовь и пѣсни въ одно время услаждали поэта; но во всемъ, конечно, соблюдалъ онъ ту мудрую умѣренность, съ которою сохранялась и ясность ума, и всегдашняя свѣжесть чувства. Онъ не искалъ ни почестей, ни денегъ: милая беззаботность была всего дороже душѣ его, чуждой зависти и злобы. Къ этому періоду юности принадлежатъ, безъ сомнѣнія, лучшія созданія Анакреона.

(*) Извѣстія объ Анакреонѣ встрѣчаемъ мы у многихъ древнихъ писателей; въ этомъ отношеніи особенно важны: Платонъ, Максимъ Тирскій, Эліанъ, Атеней и Свидасъ, и кромѣ того антологическіе поэты.

(**) Maxim. Tyr. Dissert. XXI.

По смерти Поликрата Гиппархъ, сынъ Пизистрата, посылаетъ въ Самосъ корабль съ 50-ю гребцами, и Анакреонъ переѣзжаетъ на немъ въ Аѳины (1). Такая почесть оказана поэту городомъ, который въ то время уже становился средоточіемъ греческой образованности. Умные его правители болѣе всего льстили поэтическимъ наклонностямъ народа. Мы знаемъ о Пизистратѣ, какъ о собирателѣ пѣсенъ Гомера; его сынъ старается привлечь въ домъ свой знаменитыхъ поэтовъ: вмѣстѣ съ Симонидомъ, урожденцемъ Кеоса, находимъ здѣсь и Анакреона. Теосскій пѣвецъ по прежнему восхваляетъ любовь и вино, и чтитъ пѣснію то благородное семейство, изъ котораго происходилъ Хармидъ, другъ Платона (2). Можно полагать, что онъ жилъ въ Аѳинахъ еще во время Мараѳонскаго сраженія, и зналъ Эсхила и Пиндара. Послѣ убіенія Гиппарха, Анакреонъ возвратился въ свой родной городъ, и умеръ здѣсь въ глубокой старости. Нѣкоторые относятъ къ послѣднему періоду жизни переселеніе его въ Абдеры; достовѣрно одно только, что нашелъ онъ могилу въ родимомъ Теосѣ (3). Сограждане почтили память своего поэта, выбивъ изображеніе его на монетѣ, представлявшей фигуру бородатаго старца, который ударяетъ плектромъ по лирѣ. И въ самомъ Акрополисѣ Аѳинскомъ также, по извѣстію Павзанія, стояла его статуя, въ видѣ поющаго подъ вліяніемъ вина человѣка (4).

Старость не оказала своего разрушительнаго дѣйствія на Анакреона: онъ до конца сохранилъ юную бодрость для наслажденій и пѣсенъ, такъ что многіе всю лучшую его поэтическую дѣятельность относили къ послѣднему періоду жизни. Это неосновательное мнѣніе находитъ нѣкоторую опору въ свидѣтельствахъ древнихъ поэтовъ, которые любили изображать теосскаго пѣвца старцемъ, исполненнымъ свѣжихъ силъ молодости. Въ такомъ представленіи лучше всего высказалась любимая мысль грековъ о неувядаемой красотѣ поэзіи. Его оправдывала самая дѣйствительность: сколько мы знаемъ, всѣ греческіе пѣвцы, достигнувъ са-

(1) Plat. Hipparch. (Стр. 331, С. изд. Германа, томъ II), гдѣ говорится также, что Гиппархъ первый ввелъ обычай читать пѣсни Гомера на Панаѳинейскихъ праздниствахъ. Его цѣль была *воспитать гражданъ*, и въ память его аѳиняне сдѣлали надписи на многихъ гермахъ (придорожныя колонки съ бюстами боговъ), изъ которыхъ одинъ такъ увѣщевалъ прохожаго: «Это памятникъ Гиппарха; пройди, мысля о справедливомъ.»

(2) Plat. Charmid. (Томъ III, стр. 7. изд. Герм.). гдѣ сказано, что домъ Хармида прославленъ Солономъ, Анакреономъ и другими поэтами за красоту, доблесть и другія счастливыя качества.

(3) Anthol. Pal. VII, 25. *πάτρης τύμβος ἔδεκτο Θέω.*

(4) Pausan. I. 25.

ныхъ преклонныхъ лѣтъ, нисколько не утратили ни пылкости воображенія, ни разумной силы творчества; Софоклъ даже радовался тому, что старческій возрастъ избавилъ его отъ несиокойныхъ, безполезныхъ страстей, которыя только нарушали гармонію и ясность духа. Древніе греки не знали того жалкаго истощенія всего человѣческаго организма, которое, подобно долгой, предсмертной агоніи, постепенно отнимаетъ силы, и гдѣ природа дѣйствуетъ обратнымъ путемъ, дѣлая изъ старца безсмысленнаго ребенка. О Софоклѣ разсказываютъ, что онъ принялъ легкую смерть, вкусивъ сочныхъ гроздій винограду. Тоже самое преданіе сохранилось объ Анакреонѣ. Въ этомъ вымыслѣ выразилась съ одной стороны благочестивое чувство грека, опредѣляющее участіе самого милостиваго изъ боговъ, Діонисія, въ кончинѣ любимыхъ поэтовъ; съ другой стороны здѣсь видна все таже поэтическая мысль представить самую смерть прекрасною.

Если Софоклъ служилъ для театральной тимелы (*), какъ вѣрный жрецъ Вакха, то Анакреона можно бы назвать неизмѣннымъ спутникомъ бога-покровителя земныхъ радостей. Его пѣсни, какъ сохранились онѣ въ самомъ древнемъ изданіи 1554 года и въ Палатинской рукописи Антологіи, (**) свидѣтельствуютъ въ немъ по преимуществу пѣвца прекрасныхъ музъ, Эрота и безпечнаго веселья (***). Іоническою мягкостью исполнены стихи его, и потому древніе называли его сладчайшимъ (ὁ ἥδιστος), прекраснымъ (ὁ καλός), медоточивымъ (ὁ μελιχρός), плѣнительнымъ (ὁ χαρίεις), и наконецъ мудрымъ (ὁ σοφός) поэтомъ. Въ чемъ состояла эта сладость и мудрость Анакреона, мы увидимъ при разборѣ его пѣсней, а теперь упомянемъ вообще о его сочиненіяхъ.

Кринагоръ въ одной изъ эпиграммъ, сохранившихся въ Палатинской Антологіи, говоритъ о пяти книгахъ лирическихъ пьесъ, сочиненныхъ поэтомъ или *за покаломъ*, или *въ любовномъ вожделѣніи*. Онѣ и составляли собственный мелосъ, которымъ преимущественно прославился Анакреонъ. У Свидаса эти пѣсни названы застольными (παροίνια μέλη) и анакреонтическими (τὰ καλούμενα Ἀνακρεόντεια. Отъ нихъ осталось намъ около 50 пьесъ, кото-

(*) Тимелой (θυμέλη) назывался олтарь въ театрѣ, около котораго становился хоръ.

(**) Древніе манускрипты, которыми пользовался Генрихъ Стефанъ, издавая въ Парижѣ въ 1554 году пьесы Анакреона, уже не существуютъ. Говорятъ, что самъ издатель на старости лѣтъ въ помѣшательствѣ уничтожилъ два главнѣйшіе изъ нихъ; намъ теперь остается кодексъ Палатинскій, писанный около X-го вѣка и заключающій вмѣстѣ съ 62-мя пьесами Анакреона Антологію Константина Кефала.

(***) Такъ говорятъ о немъ и Антипатръ Сидонскій въ своихъ эпиграммахъ.

рыя могутъ съ достовѣрностью быть приписаны теосскому пѣвцу; въ Палатинскомъ кодексѣ ихъ 62., но еще въ древнее время ни одинъ поэтъ не имѣлъ такихъ многочисленныхъ подражателей, какъ Анакреонъ: многіе изъ греческихъ пѣвцовъ умѣли усвоить вполнѣ характеръ его стихотвореній, и, рѣшая, что подлинно принадлежитъ ему, мы должны преимущественно пользоваться указаніями древнихъ писателей: Аристофана, Атенея, Страбона и проч. Анакреонъ писалъ на іоническомъ нарѣчіи, и встрѣчающіяся дорическія формы служатъ также иногда признакомъ неподлинности. Такимъ образомъ около 50 пьесъ, и то частію заподозрѣнныхъ, составляютъ все сокровище, пощаженное вѣками. Но Свидасъ упоминаетъ еще объ элегіяхъ и ямбахъ Анакреона. Мы уже имѣли случай кое что сказать объ элегіяхъ поэта; къ нимъ принадлежатъ нѣсколько эпиграммъ, сохраненныхъ въ Антологіи: надпись на могилѣ храбраго Абдерита, Агаѳона, павшаго въ сраженіи, стихи въ память юноши, утонувшаго въ морѣ, и проч. Отъ ямбовъ намъ ничего почти не сохранилось; по извѣстію древнихъ, они отличались вольностью и ѣдкостью сатиры, свойственной Архилоху; но добродушный пѣвецъ веселья и мира врядъ ли часто употреблялъ этотъ родъ стихотвореній, какъ орудіе противъ враговъ, и, по свидѣтельству самихъ грековъ, людскіе недостатки не составляли главнаго предмета его поэзіи.

Особенный родъ пьесъ Анакреона составляли гимны съ воззваніемъ къ богамъ. Образецъ ихъ сохранился въ одномъ стихотвореніи, гдѣ поэтъ умоляетъ Діану придти на помощь гражданамъ Магнезіи, вѣроятно, пострадавшимъ отъ персовъ.

«Молюсь тебѣ, стрѣляющая ланей (ἐλαφηβόλε), русая дочь Зевса, Артемида, владычица надъ дикими звѣрями! Приди нынѣ къ потокамъ Летея, (*) взгляни милостиво на городъ мужей, отважныхъ сердцемъ. Въ твоей паствѣ нѣтъ неукрощенныхъ гражданъ» (**).

Изъ предъидущаго видно уже, что многія изъ пѣсенъ Анакреона сочинены были на извѣстные случаи: для прославленія нѣкоторыхъ гражданъ, въ память объ умершихъ, на событія вѣка и также для свадебныхъ торжествъ. Изъ числа послѣднихъ сохранился одинъ эпиталамій на бракъ старика Стратокла съ молодою, прекрасною Мериллой. Стихи эти отличаются необыкновенною звучностью. Вотъ ихъ содержаніе:

(*) Рѣка Летей (ὁ ληθαῖος) впадала въ Меандръ, при которомъ находилась Магнезія. Поклоненіе Артемидѣ могло перейти сюда изъ Ефеса.

(**) «Неукрощенный» значитъ здѣсь: «непокорный, неблагодарный». Сравненіе гражданъ, поклоняющихся богинѣ, со стадомъ ясно и безъ объясненій.

Ты теперь въ лугахъ пасешься,
Бойко прыгая, рѣзвишься....
Не смирялъ тебя покуда
Ловкій, опытный ѣздокъ!

Четвертый стихъ каждой строфы оканчивается здѣсь долгимъ слогомъ и называется каталектическимъ; въ другихъ стихахъ, какъ, напримѣръ, въ описаніи подруги и Ваѳилла, находимъ вездѣ послѣ двухъ краткихъ слоговъ (anacrusis disyllaba) три полныхъ хорея:

«Знаме | нитый мой художникъ,

Нари | суй, художникъ славный» и проч.

Часто также у Анакреона встрѣчается хорей въ соединеніи съ дактилемъ или съ анапестомъ и стихомъ іоническимъ (◡ ´— ´— ◡ ◡ — —); но не приводимъ такихъ стиховъ, потому что трудно было бы подражать имъ на русскомъ посредствомъ слоговъ съ удареніями и безъ удареній.

По извѣстію древнихъ, Анакреонъ не любилъ флейты, и употреблялъ для своихъ пѣсенъ преимущественно струнные инструменты: лиру, киѳару (цитру) и въ особенности барбитонъ. Лира имѣла семь струнъ, натянутыхъ на черепаховомъ черепѣ (χέλυς, testudo) наибольшей величины и глубоко вогнутомъ, отчего она давала тонъ полнѣе, громозвучнѣе. Ее употребляли особенно при большихъ торжествахъ, и во время игры клали на колѣни. Цитру же становили прямо: этотъ инструментъ съ двумя выгнутыми ручками, имѣя также семь струнъ, производилъ, по малости своего станка, болѣе слабые звуки. Напротивъ барбитонъ (иначе магадисъ или пектисъ), любимый въ особенности Анакреономъ, сходствовалъ съ арфою, обнимая своими двадцатью струнами цѣлыхъ двѣ октавы. Игривость и легкость стиховъ Анакреона естественно требовали живой лидійской музыки, которою преимущественно и пользовался поэтъ для своихъ пѣсней. Простота и *разговорность* ритма (отчего назывался онъ у древнихъ логаодійскимъ) видна болѣе всего въ хоріямбахъ и дактиляхъ, соединенныхъ съ хореями по примѣру слѣдующей пьески:

«Музы взяли Эрота;
Былъ онъ, связанъ вѣнками,
Въ плѣнъ Красѣ ими отданъ.
Нынѣ ищетъ Киѳера,
Какъ бы выкупить сына,
Щедрый выкупъ даруя.

Пусть его выкупаютъ;»
Самъ, Красой пріученный
Къ рабству, онъ не захочетъ
Быть ужь больше свободнымъ.»

До сихъ поръ мы сообщали извѣстія древнихъ о жизни и дѣятельности Анакреона; заглянемъ теперь въ душу поэта, чтобы видѣть, какъ онъ высказываетъ себя самъ въ своихъ сочиненіяхъ. Эта часть изслѣдованія и была главною цѣлію нашей статьи.

Въ Анакреонѣ выражается со всею полнотою счастливое настроеніе поэта, чуждаго всякихъ житейскихъ заботъ, погруженнаго вѣчно въ музыку собственной души и живущаго единственно для наслажденія прекрасными образами своего творчества. Въ разное время сравнивали поэтовъ съ вольными птицами: такое сравненіе болѣе всего примѣнимо къ Анакреону. Но въ самыхъ стихотвореніяхъ нашего пѣвца мы находимъ еще ближе рисующій его образъ. То воздушная, беззаботная, любимица боговъ, цикада.

«Блаженна ты, цикада! — говоритъ поэтъ. На вершинѣ деревьевъ, испивъ немножко росы, поешь ты, какъ царица. Твое все, что ни видишь ты на поляхъ, что приносятъ намъ Горы. Ты мила земледѣльцамъ, и никто не вредитъ тебѣ; тебя чтутъ смертные, сладкую провозвѣстницу весны. Тебя любятъ музы, любитъ и самъ Фебъ: онъ далъ тебѣ звучный голосъ. И старость не изнуритъ тебя.... мудрая, рожденная землею, любимица пѣсней, своимъ безболѣзненнымъ, безкровнымъ тѣломъ почти подобна ты богамъ (*).»

Эта легкая жизнь цикады болѣе всего плѣняетъ поэта, и онъ гонитъ отъ себя все, что наводитъ тяжелую думу среди веселья: онъ совершенно не знаетъ заботы, этой (по выраженію современнаго поэта) костлявой старухи въ ночной кофтѣ и со скрипучею табакеркою въ рукахъ.

«На мягкомъ ложѣ изъ нѣжныхъ миртъ и лотосовыхъ листьевъ хочу распивать вино. Пусть Эротъ, застегнувъ на плечахъ хитонъ свой папирусомъ, мнѣ прислуживаетъ. Крутится быстро жизнь, какъ въ бѣгѣ колесница: распадутся кости, и отъ насъ останется одинъ ничтожный прахъ. Что же пользы умащать камень? Къ чему

(*) Цикадою (τέττιξ) у древнихъ назывался родъ древеснаго кузнечика, который въ жаркое лѣтнее время производитъ ясные звуки чрезъ треніе о грудь крылышкомъ. Древніе очень любили цикаду и держали ее въ своихъ спальняхъ: еще Гомеръ упоминаетъ о сладостной ея пѣснѣ (Hom. Il. III, 151). Она посвящена была Музамъ и Аполлону, и не знала старости, мѣняя, по повѣрію старины, каждый годъ свою кожицу. Цикада, какъ насѣкомое, не имѣетъ красной крови, и потому называлась *безкровною*. Этотъ эпитетъ у Гомера носятъ и боги (Hom. Il. V, 342. ἀναίμονες). Горами (αἱ ὧραι) назывались привратницы неба, богини годовыхъ временъ.

напрасныя возліянія землѣ (*)? Лучше, пока живу, умасти меня, и обвей мнѣ голову розами, и призови подругу. Эротъ! прежде чѣмъ отойду къ хорамъ подземныхъ тѣней, хочу разсѣять заботы.»

Анакреонъ не завидуетъ сокровищамъ Гигеса или Креза, царей Лидійскихъ. Что пользы въ богатствѣ, собираемомъ съ тяжкимъ трудомъ? Если бы оно прибавляло хоть день къ жизни, то поэтъ сталъ бы собирать его, чтобы, когда придетъ смерть, откупиться. Но умереть всѣмъ суждено, и золото тутъ не поможетъ: лучше же истратить его на пиры съ милыми друзьями. Вотъ обыкновенная философія Анакреона, который хотѣлъ бы прожить вѣкъ въ безмятежныхъ радостяхъ, въ мирѣ и дружелюбномъ согласіи со всѣми.

«Милы мнѣ веселые, игривые хоры Діонисія; люблю играть на лирѣ съ юнымъ собесѣдникомъ пира. Но, одѣвъ чело вѣнками изъ гіацинтовъ, рѣзвиться съ дѣвами милѣе всего мнѣ на свѣтѣ. Моя душа не знаетъ зависти, не знакома мнѣ убійственная зависть. Бѣгу я и тупыхъ стрѣлъ злорадостной, бранчивой рѣчи. Я ненавижу ссоры за виномъ на шумныхъ пирахъ. Веселясь подъ звуки барбитона въ хорахъ съ цвѣтущими дѣвами, спокойно проведу я вѣкъ свой.»

И самая старость не одолѣетъ этой свѣтлой бодрости душевной въ поэтѣ. Онъ свѣжъ, крѣпокъ и разгульно-веселъ, какъ въ первые года юности.

«Я старикъ, да пью больше юношей, — а иду въ пляску, то вмѣсто палки беру мѣхъ! Никакой трости мнѣ не нужно. Хочетъ кто со мной драться, выходи и дерись. Эй, мальчикъ! принеси мнѣ бокалъ, приготовь сладкаго, какъ медъ, вина.... Я старикъ, да пропляшу передъ всѣми не хуже Силена!» Напрасно дѣвушки подставляютъ Анакреону зеркало, указывая на его лысый лобъ и лишенную волосъ голову, — поэтъ отвѣчаетъ: «О волосахъ и знать не хочу: есть они, или исчезли; а знаю, что старику еще больше нужно рѣзвиться, чѣмъ ближе онъ къ смерти.» И этотъ безпощадный старикъ, нисколько не смутясь, съумѣетъ еще сказать веселую шутку бѣгущей отъ него красавицѣ: «Не бѣги, не пугайся моихъ бѣлыхъ волосъ, ты, цвѣтущая роза! Посмотри, какъ прекрасенъ вѣнокъ, гдѣ розы переплетены вмѣстѣ съ лиліями!»

Такимъ образомъ содержаніемъ пѣсенъ Анакреона, какъ видимъ, служатъ: красота, любовь, розы, вино, пиры, съ ихъ легконогими дѣвами, держащими въ рукахъ обвитый плющемъ тирсъ, и роскошнокудрыми юношами, веселыя пляски подъ звукъ барбитона

(*) У грековъ былъ обычай обливать или мазать духами надгробный камень и дѣлать надъ могилой возліянья изъ воды, молока, меду, масла и вина.

и сладкозвучныя пѣсни, златовласый Эротъ, прекрасный Ліэй и прекрасная Киѳера.

Но прежде всего красота одушевляетъ пѣвца, красота въ ея чудной, безсмертной граціи, какую сохранилъ намъ пластично идеальный образъ Венеры. Напрасно стремится Анакреонъ настроить струны на героическій ладъ, чтобы воспѣть героевъ троянскихъ или подвиги Геркулеса: своенравная арфа звучитъ только объ Эротахъ. Этою поэтической любовью къ изящной прелести формы, какъ мы уже замѣтили, объясняется и его пристрастіе къ прекраснымъ юношамъ, изъ которыхъ Ваѳиллъ еще донынѣ можетъ плѣнять насъ въ портретѣ, нарисованномъ самимъ поэтомъ. Анакреонъ даетъ наставленія живописцу, какъ изобразить своего любимца:

«Сдѣлай волосы, блестящіе мирромъ, изнутри черные, а на концахъ солнечно цвѣтные (1). Пусть вьющіеся кудри падаютъ свободно и небрежно, безъ всякаго убора. Пускай нѣжное, влажное чело украшено будетъ рѣсницами темнѣе морской лазури (2). Въ черныхъ очахъ вырази суровость, смѣшанную съ веселостью— свойства Ареса (Марса) и прекрасной Киѳеры, — чтобы въ одно время они и смущали и проясняли душу то страхомъ, то надеждой. Сдѣлай щеку розовою, пушистою, какъ груша, и пролей, сколько можешь, стыдливаго румянца. Ужь не знаю, какъ создашь ты уста, нѣжныя, полныя убѣжденья. Словомъ, пусть говоритъ безмолвный воскъ (3). Съ лицомъ соедини шею Адониса, бѣлую, подобно слоновой кости; сдѣлай междугрудіе и руки Гермеса, лядвеи Поллукса, желудокъ Діонисія (4).»

Далѣе Анакреонъ рисуетъ и другіе члены тѣла съ тѣми подробностями, которыя нисколько не оскорбляли наивнаго греческаго чувства, но совершенно противорѣчатъ нашимъ понятіямъ и приличію.

Поэтъ въ заключеніе желаетъ видѣть Ваѳилла Аполлономъ. Привязанность къ прекрасному юношѣ вдохновила его и для многихъ другихъ стихотвореній, полныхъ неподражаемой граціи. Сколько теплой искренности въ его разговорѣ съ голубкою, кото-

---

(1) Въ подлинникѣ *ἡλιῶσας*; т. е. цвѣтомъ подобные солнцу, имѣющіе желтоватый блескъ (русые).

(2) Словами подлинника: *κυανωτέρη δρακόντων*, изображенъ фіолетовый цвѣтъ моря; пурпурный оттѣнокъ волосъ считался у грековъ особенной красотою.

(3) Греки особеннымъ образомъ *нажигали* краски на восковыхъ дощечкахъ: отъ того искусство это называлось энкаустика.

(4) Здѣсь живопись уже совсѣмъ переходитъ въ скульптуру. Меркурій изображался въ статуяхъ съ высокими грудными частями; Поллуксъ, какъ искусный кулачный боецъ, имѣлъ мускулистыя бедра; Бахусъ, какъ самый нѣжный изъ боговъ, — прекрасный желудокъ.

рую посылаетъ онъ сказать привѣтъ возлюбленному! Такіе крылатые гонцы обыкновенно употреблялись у грековъ въ дѣлахъ сердечныхъ; голубка тѣмъ скорѣе могла служить для этого, что она была посвящена Венерѣ: съ любезностью, не уступающею этикету нашего времени, ее въ этомъ случаѣ умащали духами.

«Милая голубка! — спрашиваетъ поэтъ — откуда, откуда летишь ты? Откуда столько благовоній, которыми вѣетъ и брызжетъ отъ тебя въ воздушномъ бѣгѣ? Кто ты? Какая у тебя забота? — Анакреонъ посылаетъ меня къ своему юношѣ, Ваѳиллу, властному нынѣ повелителю сердецъ. Пѣвцу подарила меня Киѳера за маленькій гимнъ; съ тѣхъ поръ служу я Анакреону, и теперь, вотъ видишь, несу его письмо. Онъ говоритъ, что, какъ честный человѣкъ, дастъ мнѣ свободу; а я, хоть и отпуститъ, останусь въ его службѣ. Что пользы мнѣ летать по горамъ и доламъ, сидѣть на деревьяхъ, да ѣсть какую нибудь дикую траву? Теперь я клюю хлѣбецъ изъ рукъ самого Анакреона; онъ даетъ мнѣ пить и вина, какое самъ пьетъ.... Попью, и стану прыгать, и своими крыльями прикрою господина.... а устану, то лягу спать къ нему на арфу. Вотъ тебѣ все. Ступай.... Итакъ чрезъ тебя, дружокъ, я стала болтливѣе вороны!»

Образъ милаго друга и во снѣ не оставляетъ поэта; онъ негодуетъ на ласточку, его разбудившую: «Что сдѣлать съ тобою, болтунья? Оборвать ли легкія крылья, вытянуть ли изъ самого горла твой докучный языкъ?»

Въ другой разъ приглашаетъ онъ неразлучнаго Ваѳилла присѣсть въ тѣни прекрасной зелени, которая со сладостнымъ шелестомъ колышетъ свои нѣжныя кудри, куда манитъ убѣдительнымъ журчаніемъ ручей.

Можно ли сомнѣваться послѣ этого, что глубокое чувство красоты вездѣ облагораживаетъ его душу, всегда уноситъ его въ міръ чистыхъ гармоническихъ видѣній и звуковъ? Но за красоту не мало пришлось и пострадать ему. Какъ быть? Поэтъ самъ сознаетъ свое бѣдствіе. «Ты поешь дѣла Ѳивъ и Троянскія битвы, а я мои сраженья. Меня губилъ не всадникъ, не пѣшій, не мореходецъ: совсѣмъ другое войско сражало меня стрѣлами изъ очей!»

Пылъ южной страсти, мало понятный намъ, сынамъ сѣвера, долженъ былъ высказаться съ полною силою въ Анакреонѣ; съ другой стороны въ преувеличенномъ описаніи любовныхъ его похожденій нельзя видѣть ничего другаго, кромѣ шутки.

Мы это говоримъ для тѣхъ, которые могли бы составить понятіе о нашемъ пѣвцѣ по Анакреонамъ новѣйшаго времени. Слѣдующее стихотвореніе игриво рисуетъ намъ страстныя томленія поэта:

«Милая ласточка! ты прилетаешь съ каждымъ годомъ, вьешь лѣтомъ гнѣздышко, а въ зиму умчишься вновь къ Нилу или Мемфису. Въ моемъ же сердцѣ вѣчно вьетъ Эротъ свои гнѣзда. Одна страсть расправила крылья, другая еще зрѣетъ въ яичкѣ, а эта уже на половину вышла изъ скорлупки: пищатъ вѣчно, разинувъ ротъ, малютки. Маленькихъ Эротиковъ кормятъ взрослые, а тѣ, чуть вскормлены, тотчасъ зарождаютъ новыхъ! Какоежь найти средство? Столько Эротовъ не въ силахъ я разогнать пѣснею!»

Какъ много неподдѣльной прелести въ этой психологической картинѣ, которая вѣрна не только въ примѣненіи къ любви, но и ко всякому человѣческому чувству. Другая пѣсенка о томъ же предметѣ отличается болѣе удалою веселостью, чѣмъ граціей: поэтъ, какъ видно, сочинилъ ее для дружескаго пира.

«Если бы ты могъ сосчитать, говоритъ онъ, сколько листьевъ въ лѣсу, если бы могъ узнать, сколько волнъ въ цѣломъ морѣ, то тебѣ одному поручилъ бы я исчислить мои любовныя связи».

Въ Аѳинахъ, по словамъ пѣвца, ихъ было сначала двадцать, а потомъ еще пятнадцать; въ Коринѳѣ неопредѣленное множество, въ Ахайѣ, Лесбосѣ, Іоніи и проч. десять тысячъ. Къ той же ариѳметикѣ далѣе принадлежатъ Сирія, Канопъ, Критъ и даже крайніе предѣлы древняго міра: Индія и нынѣшній Кадиксъ. Вотъ единственное стихотвореніе изо всѣхъ дошедшихъ до насъ, гдѣ поэтъ дозволяетъ себѣ наибольшую вольность въ шуткѣ; въ другихъ случаяхъ этого не встрѣтите. Анакреонъ — пѣвецъ строгихъ грацій.

Читателю, конечно, любопытно знать, каковы были предметы страсти у Анакреона. Мы имѣемъ изображеніе одной изъ его подругъ, начерченное имъ самимъ, подобно образу Ваѳилла, въ наставленіяхъ живописцу.

«Слушай, славный живописецъ! нарисуй, живописецъ славный, царь родійскаго искусства, мою отсутствующую подругу, какъ опишу тебѣ. Сперва изобрази нѣжные и темные волоса, и если дозволитъ воскъ, пусть они дышутъ благоуханьемъ. Пусть подъ пурпурною косою, начинаясь отъ цѣлой щеки, сіяетъ чело бѣлизною слоновой кости. Бровей не своди и не раздѣляй: пусть черныя дуги ихъ сходятся, какъ и у ней, незамѣтно. Очи сдѣлай теперь совершенно изъ огня — лазурныя, какъ у Аѳины, и влажныя, какъ у Киѳеры. Нарисуй носикъ и щечки, смѣшавъ розы съ молокомъ; нарисуй уста, какъ у богини убѣжденья, вызывающія поцалуй. Подъ нѣжнымъ подбородкомъ и около шеи, бѣлой, какъ паросскій мраморъ, пусть летаютъ всѣ Хариты. Одѣнь ее наконецъ въ свѣтлопурпурное платье; но пусть немного видно тѣла, чтобы знали красоту его.

Довольно. Ужь вижу ее передъ собою. Воскъ, ты скоро заговоришь».

И здѣсь, какъ въ изображеніи Ваѳилла, тотъ же художественный идеалъ, но уже представленный въ мягкихъ женственныхъ чертахъ, и чувство стыдливой граціи водитъ рукою поэта; тогда, какъ юноша является, подобно олимпійскому борцу, въ пластичной красотѣ обнаженныхъ формъ, подруга одѣта въ длинный, величественный пеплумъ, какъ жрица (*); лишь немного тѣла осталось открытымъ. Эта послѣдняя черта прямо характеризуетъ поэзію Анакреона, совершенно чуждую той изысканной чувственности, которою отличаются пѣсни его подражателей. Отъ того съ полною справедливостью приписываютъ другому поэту стихи на дискъ Афродиты, сохранившіеся въ собраніи его сочиненій. Въ нихъ изображена Венера, выходящая изъ водъ, и авторъ, подобно Овидію, заставляетъ ее скрывать *только то*, чего не должно видѣть.

Женская красота часто одушевляетъ Анакреона для пѣсней. Можно сказать, что лучшія его стихотворенія посвящены прославленію Эрота, отъ стрѣлъ котораго не избавятся ни смертные, ни жители Олимпа. Красота — вѣрнѣйшее оружіе женщинъ.

«Природа дала быкамъ рога, конямъ копыта, быстроту ногъ зайцамъ, зубастый зѣвъ львамъ, плавательныя перья рыбамъ, птицамъ полетъ и разумъ мужчинѣ. Для женщины ничего у нея не осталось. Какъ же быть? Вмѣсто щитовъ и всякихъ мечей она дала ей красоту: прекрасная побѣдитъ и огонь и желѣзо».

Въ игривыхъ разсказахъ, исполненныхъ чистѣйшей граціи, переданы у поэта разнообразныя впечатлѣнія сердца и сны любви, конечно, вовсе не сходные съ романтическими снами. Анакреонъ, убаюканный Ліэемъ (Вакхомъ), засыпаетъ на пурпурныхъ коврахъ. Въ счастливомъ сновидѣніи гоняется онъ легкокрылой стопою за дѣвушками. Юноши раздражаютъ его веселыми шутками. Но вотъ, уже онъ поймалъ и хочетъ цаловать.... какъ вдругъ, вмѣстѣ со сномъ, все исчезло! Бѣдный! какъ тогда хотѣлось ему уснуть снова!

Въ другой разъ, также во снѣ, спасается онъ отъ любви съ крыльями на плечахъ. Эротъ бѣжитъ за нимъ со свинцомъ на прекрасныхъ ножкахъ, и все-таки нагоняетъ. Что же означаетъ этотъ сонъ? Поэтъ думаетъ такъ: «Много разъ ускользалъ я отъ бѣды, но теперь, видно, не избавлюсь».

Эротъ и на яву не даетъ Анакреону пощады.

(*) Въ подлинникѣ ὑποπορφύροισι πέπλοις — длинная одежда со множествомъ складокъ.

«Эротъ, сердито погнавъ меня гіацинтовой тростью, велѣлъ бѣжать съ нимъ вмѣстѣ. Мы пустились черезъ быстрые, бурные потоки, чрезъ овраги и утесы: потъ лилъ съ меня, дыханье занялось, я чуть не умеръ. Эротъ же, вѣя въ лицо нѣжными крылами, сказалъ: «Ты не съумѣлъ бы любить».

Мысль, что коварная любовь неожиданно овладѣетъ всѣмъ сердцемъ, чуть только дай ей потачку, прекрасно высказана въ извѣстномъ стихотвореніи о ночномъ посѣщеніи Эрота.

«Въ полуночное время, какъ медвѣдица обращалась о руку съ Боотомъ, и все племя говорящихъ людей почило, утомленное трудами, пришелъ Эротъ и сталъ стучать мнѣ въ двери. «Кто тамъ стучитъ? спросилъ я — что нарушаешь мой сонъ?» — «Отопри, отвѣчалъ Эротъ, я малютка, не бойся.... совсѣмъ измокъ, все блуждаю въ безлунной ночи». Услышавъ это, я сжалился, и тотчасъ зажегши свѣтильникъ, отперъ двери. Вижу: малютка съ лукомъ, крыльями и колчаномъ. Посадивъ его у очага, я въ своихъ рукахъ отогрѣлъ его руки и выжалъ изъ кудрей влажную воду. Когда прошелъ его ознобъ, сказалъ онъ: «Стой, испытаемъ этотъ лукъ.... не повреждена ли теперь тетива отъ сырости?». Онъ натянулъ лукъ, и ужалилъ меня, какъ оводъ, въ самую средину печени. Потомъ вспрыгнулъ онъ громко засмѣявшись, и молвилъ: «Поздравляю тебя, хозяинъ.... мой лукъ невредимъ, а ты будешь страдать сердцемъ (*)».

Лукавство, рѣзвость, неблагодарность и дерзкое своеволье безжалостнаго сына Киѳеры не знаютъ границъ. Онъ въ самодовольной безпечности, для новой своей забавы, язвитъ стрѣлами каждаго; ему легка всякая тяжесть; крылатый, онъ всюду настигнетъ смертнаго, и въ бѣдномъ домикѣ, и въ великолѣпныхъ палатахъ, и среди спокойнаго сна, и въ неутомимомъ бѣгствѣ по горамъ и оврагамъ — ранилъ, и съ обиднымъ смѣхомъ мчится далѣе, чтобы снова тѣшиться надъ слабостью людскою. Между тѣмъ, какъ избалованное дитя, онъ чувствителенъ къ малѣйщей собственной боли, и сама его мать, Киѳера, не могла однажды не упрекнуть сына въ эгоистичной раздражительности. Это случилось слѣдующимъ образомъ:

«Эротъ не замѣтилъ однажды скрывавшуюся въ розахъ пчелу, и былъ ужаленъ въ пальчикъ. Почувствовавъ боль въ рукѣ, онъ громко заплакалъ.... бѣжитъ, летитъ къ прекрасной Киѳерѣ. «Погибъ—кричитъ—матушка! погибъ... умираю! Меня укусилъ маленькій, крылатый змѣй, что земледѣльцы зовутъ пчелой». Она же

(*) Въ началѣ этихъ стиховъ созвѣздіями означено 12 часовъ ночи, когда Большая Медвѣдица уже закатывается, прикасаясь хвостомъ своимъ къ Бооту (къ созвѣздію Тельца). Эротъ поражаетъ Анакреона въ печень, которую, какъ извѣстно, считали мѣстомъ, гдѣ пребываетъ любовь и другія страсти.

сказала: «Если жало пчелы такъ тебѣ чувствительно, какъ, думаешь ты, страдаютъ тѣ, которыхъ самъ ты жалишь?»

Таже свѣтлая, плѣнительная грація въ стихахъ, гдѣ описываются стрѣлы Эрота, сладостныя и горестныя вмѣстѣ.

«Мужъ Киѳеры, въ Лемносской печи (*), взявши желѣза, сковалъ Эроту стрѣлы. Киприда окунула ихъ острее въ сладкій медъ, Эротъ примѣшалъ желчи. Аресъ возвращался тогда съ битвы, вращая въ рукахъ тяжкое копье, и взглянулъ съ презрѣніемъ на стрѣлы Эрота. «Онѣ не легки, сказалъ Эротъ: — испытай, такъ узнаешь». Аресъ взялъ стрѣлу. Киприда улыбнулась. — «Нѣтъ! тяжело.... возьми назадъ», сказалъ застонавъ Аресъ. —«Взялъ, такъ носи!» отвѣчалъ Эротъ».

Однако это стихотвореніе по несовершенству ритма и позднѣйшимъ формамъ языка приписываютъ другому поэту. За то безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ Анакреону пьеска, изображающая собственную борьбу его съ Эротомъ. Смыслъ ея все тотъ же: любовь неотразима, бороться съ нею значитъ вступать въ битву съ самимъ собою, а разгнѣванный Эротъ, гдѣ не возьметъ хитрость, все рѣшитъ смѣлымъ ударомъ.

«Хочу, хочу любить. Эротъ убѣждалъ меня любить, а я, безразсудный, его не послушалъ. Онъ тотчасъ взялъ лукъ и золотой колчанъ, и вызвалъ меня на битву. Я вздѣлъ на плеча панцырь, подобно Ахиллесу, взялъ и копье, и щитъ, и сразился съ Эротомъ. Ударилъ онъ, и я бѣжать.... Растративъ всѣ стрѣлы, гнѣвный, онъ пустился самъ, вмѣсто стрѣлы, — ворвался въ самую средину моего сердца и одолѣлъ меня. Безполезенъ теперь щитъ. Какъ сражаться извнѣ, когда мой врагъ внутри?»

Анакреонъ сознаетъ наконецъ, что всякая борьба съ подобнымъ врагомъ напрасна: онъ отдаетъ себя во власть любви, онъ ищетъ сладостныхъ ея томленій, чтобы для гармоническихъ звуковъ арфы найти звуки въ собственномъ сердцѣ.

Поэтъ покупаетъ маленькую восковую статую Эрота у дорійца, который, по суровому характеру племени, радъ избавиться отъ неспокойнаго собесѣдника. Анакреону же милъ слѣпой божокъ. «Отдай, говоритъ онъ, отдай мнѣ его за драхму, прелестнаго дружка. А ты, Эротъ, воспламени меня, какъ слѣдуетъ.... не то самъ на огнѣ растаешь.»

Рядомъ съ красотою и любовью, роза, ихъ символъ, должна необходимо явиться въ пѣсняхъ Анакреона, тѣмъ болѣе, что она, посвященная богамъ, служила украшеніемъ пировъ. Роза у древнихъ

(*) Мужъ Венеры, Вулканъ, имѣлъ главную кузницу на островѣ Лемносѣ, гдѣ были огнедышащія горы.

имѣла разнообразное значеніе, какъ увидимъ изъ содержанія слѣдующихъ двухъ стихотвореній:

«Розу Эрота соединимъ съ Діонисіемъ. Одѣвъ прекраснолистною розой виски, будемъ пить, радостно смѣяться. Роза прелестнѣйшій цвѣтокъ! Роза первая забота весны; роза мила и богамъ; розами украшаетъ прекрасныя кудри сынъ Киѳеры въ хорахъ съ Харитами. Увѣнчай меня, и обвитый весь розовыми гирляндами, передъ твоимъ храмомъ, Діонисій, поведу я хоръ съ высокогрудою дѣвою»

Итакъ, роза прежде всего употреблялась для весеннихъ праздниковъ Діонисія; наровнѣ съ Бахусомъ, она была цвѣткомъ Эрота, Харитъ, Афродиты и Музъ; изъ нея также, какъ изъ гіацинта и плюща, плели вѣнки для домашнихъ пировъ. Другая прекрасная пьеса разскажетъ намъ полнѣе о назначеніи розы.

«Хочу звонко пѣть о нѣжной розѣ, цвѣткѣ вѣнценосной весны, подругѣ пировъ. Ею дышутъ боги и наслаждаются смертные; она украшенье Харитъ въ пору многоцвѣтныхъ Эротовъ (*), и радость Афродиты. Сладостный цвѣтокъ Музъ, она драгоцѣнна для пѣсней. Мило встрѣтить ее на тернистой тропинкѣ, мило лелѣять ее въ мягкихъ, легкихъ рукахъ, вдыхая запахъ цвѣтка Эрота. Она услажденье и чуждому Музъ (**) на общественныхъ пирахъ и трапезахъ домашнихъ, и во время празднествъ Діонисія. Что было бы безъ розъ? Поэты даютъ розовые пальчики Зорѣ, розовыя руки Нимфамъ, розовый цвѣтъ тѣла Афродитѣ (***). Она помогаетъ и въ болѣзняхъ, она умащаетъ и усопшихъ, ей не вредитъ и время: роза, и старѣя, сохраняетъ пріятный запахъ юности. Скажемъ же теперь о происхожденіи цвѣтка. Когда изъ пѣны тихоструйнаго моря породилъ Понтъ влажную Киѳеру и Зевесъ изъ главы своей явилъ міру грозную богиню Олимпа, воинственную Аѳину — тогда земля дала процвѣсть и молодому стеблю дивныхъ розъ, искуснѣйшему созданію. Сонмъ блаженныхъ боговъ, чтобъ родилась роза, оросилъ его нектаромъ, и вышелъ среди шиповъ блистательный, безсмертный цвѣтъ Ліэя.»

Если красота человѣческая внушила поэту самыя страстныя пѣсни, то красота природы, наполняя тихой гармоніей душу, могла быть выражена только въ плѣнительно-стройныхъ образахъ, сладко успокоивающихъ чувство. Прелесть южной весны, столь богатой

(*) Т. е. весною и лѣтомъ, во время Амуровъ и Грацій.

(**) Въ подл. ἀσόφῳ (немудрому, незнающему), потому что σόφος (мудрый) назывался поэтъ.

(***) Въ подл. все это выражено тремя эпитетами: ῥοδοδάκτυλος (розоперстый), ῥοδόπηχυς (розорукій) и ῥοδόχροος (розоцвѣтный).

роскошною жизнью, представлена въ одномъ чудномъ стихотворенiи, — одномъ только, оставшемся намъ изъ тѣхъ, какихъ, вѣроятно, много написано было поэтомъ.

«Смотри, какъ съ появленiемъ весны Хариты обильно рождаютъ розы. Смотри, какъ уравнялись морскiя волны въ затишьи. Смотри, какъ ныряетъ утка. Смотри, какъ совершаетъ путь свой журавль. Ясно блеснулъ Титанъ; двинулись тѣни облаковъ, и дѣла смертныхъ просiяли. Выглянули на землѣ плоды. Лозы Бромiя увѣнчаны гроздьями: подъ листомъ, подъ вѣткою разцвѣлъ тяготѣющiй плодъ» (1).

Этотъ переводъ по возможности букваленъ; но, конечно, не передаетъ живой прелести подлинника, состоящей въ наивной простотѣ изображенья, въ звучности и разнообразiи ритма.

Хариты сыплютъ на землю розы, Хариты сопутницы всего наивно прекраснаго, всякой молодой, цвѣтущей радости и того наслажденiя, которое происходитъ отъ полноты душевныхъ силъ, не растраченныхъ въ грязныхъ мелочахъ жизни: онѣ сопутствуютъ вездѣ и Анакреону, создающему веселыя пѣсни. Поэтъ служитъ двумъ божествамъ, двумъ вѣчно-юнымъ, смѣющимся божествамъ, добрымъ покровителямъ смертныхъ: Венерѣ и Бахусу. Мы уже видѣли, что такъ-называемыя эротическiя пѣсни Анакреона прославляютъ преимущественно неотразимую силу любви и красоты. Тоже самое имѣютъ предметомъ древнiе гимны, посвященные Венерѣ, которая даруетъ сладостныя награды смертнымъ, вѣчно улыбается своимъ плѣнительнымъ лицомъ и несетъ съ собою плѣнительные цвѣты (2). Златопоясная богиня, на влажныхъ крыльяхъ Зефира, мчится она по нѣжной пѣнѣ волнъ многошумнаго моря; горы одѣваютъ ее въ блестящiй нарядъ, покрываютъ безсмертную главу красивой короной, кладутъ на сребристую грудь златое ожерелье, и приводятъ на Олимпъ, въ сонмъ боговъ. Боги, пораженные красотой ея, простираютъ къ ней руки, и каждый желаетъ ее ввести въ домъ свой и имѣть супругой (3). Такъ, внушивъ сладкое вожделѣнiе богамъ, смиряетъ она племена смертныхъ, и летающихъ по воздуху птицъ, и всѣхъ звѣрей, сколько ихъ питаетъ обширная земля и море (4). Бѣлые волки, свирѣпые львы, быстрые леопарды мирно слѣдуютъ за нею толпами. Все покорно ей, разливающей

(1) Сдѣлаемъ замѣтки, необходимыя для уразумѣнiя разныхъ мѣстъ въ этихъ стихахъ. Журавли являются весною въ Грецiи, переселяясь изъ холодныхъ странъ въ теплыя. Подъ Титаномъ разумѣется солнце. Дѣла смертныхъ означаютъ посѣвъ и жатву. Бромiемъ называется Бахусъ.

(2) См. гимнъ IX, стр. 568, въ изд. Гомера Дидо.

(3) См. Гимнъ V, стр. 565, тамъ же.

(4) См. Гимнъ III, стр. 530 и слѣд. тамъ же.

вокругъ себя радость, богинѣ. Только лазурноокая Аѳина, избравшая въ свой удѣлъ суровыя битвы и строгую мудрость, да Артемида, которой милѣе всего ея златыя стрѣлы, лукъ и лѣсистыя горы, да, обрекшая себя на вѣчное дѣвство, Гистія (Веста) не признаютъ власти любящей смѣхъ Афродиты. Но тѣ имѣютъ свою долю благаго труда, эта же златою цѣпью любви связываетъ боговъ со смертными. Она успѣваетъ обольстить умъ и самого Зевса, метателя молній, заставляя его увлекаться страстью къ смертнымъ женщинамъ. Въ отплату за это, повелитель боговъ внушаетъ ей вожделѣніе къ прекрасному Анхизу. Оставивъ благовонный Кипръ, омытая и умащенная Граціями, Венера переносится къ богатой пастбищами Идѣ, и вся, сіяюшая золотомъ, въ одеждѣ огненнаго цвѣта, является въ хижинѣ пастуха, будущаго родителя Энея. Такъ уступаетъ богиня той самой власти, которою величалась передъ олимпійцами.

Читатель замѣтилъ, что стихотворенія Анакреона, имѣющія предметомъ торжество любви, всѣ облечены въ леглую эпическую форму игриваго разсказа; они страстно, но безъ особеннаго порыва повѣствуютъ исторію сердца, внимательнаго къ маленькимъ событіямъ собственной жизни. Напротивъ, пѣсни, посвященныя Бахусу, отличаются сильнымъ лирическимъ движеніемъ: ихъ живость во всемъ напоминаетъ бога, покровителя драмы.

Служеніе Діонисію у грековъ имѣло высокое значеніе. Вспомнимъ, что съ нимъ соединялось не просто только понятіе о винѣ, какъ въ наше время, но и о нравственныхъ наслажденіяхъ, проистекающихъ отъ избытка разумныхъ, творческихъ силъ въ человѣкѣ; въ немъ преобладала не одна чувственность, но и побѣда надъ чувственностью въ силу прекрасныхъ человѣчныхъ стремленій.

Вакханки, столь удалыя женщины по нашимъ понятіямъ, заимствованнымъ изъ римско-французскихъ преданій, у грековъ, какъ жрицы, строго охраняли свою дѣвственность. Вино, не двойное, какъ у насъ, а смѣшанное съ водою, употреблялось на праздникахъ Діонисія съ бо́льшею умѣренностью. Цвѣтущая роскошь южной природы и пламя эллинскаго генія уже безъ всякихъ искусственныхъ средствъ одушевляли до безумія. Читая разгульно веселые стихи Анакреона, мы, пожалуй, готовы предположить, что пѣвецъ, сочиняя ихъ, не мало вкушалъ даровъ Вакха,—и вдругъ поражены восклицаніемъ: «влей воды!» Мы съ улыбкою спросимъ только: изъ чего же такъ старикъ расходился?

Слѣдовательно, представивъ себѣ служеніе Діонисію даже съ одной чувственной стороны, мы все-таки найдемъ въ немъ много прекраснаго. Взгляните на барельефы, на изображенія древнихъ

вазъ и саркофаговъ. Вотъ молодой, прекраснокудрый Діонисій, съ тирсомъ въ рукахъ, небрежно сидитъ на колесницѣ, везомой пантерами, тиграми или львами. Въ его веселыхъ очахъ безпечное самодовольство, сознаніе могущества, покорившаго дикую, необузданную природу; сзади слѣдуетъ свита юношей и дѣвъ, играющихъ на флейтахъ или сплетающихъ руки въ пляскѣ; дѣти тащутъ корзину съ цвѣтами, одинъ ведетъ за рога козла; тамъ Сатиръ гонится за рѣзвою Нимфой, здѣсь стройная жрица ударяетъ въ бубны или тимпаны. Все ликуетъ, смѣется посреди поднятыхъ тирсовъ и цвѣтущаго убранства изъ плюща и виноградныхъ листьевъ. Не есть ли это сама подательница жизни, природа, въ кроткомъ веселіи торжествующая свѣтлый свой праздникъ? Застольныя пѣсни Анакреона исполнены этаго внушеннаго природою веселья.

Въ нихъ поэтъ воспѣваетъ особеннаго рода безумство, происходящее не отъ опьяненія, а отъ избытка восторженныхъ чувствъ, которыя находятъ себѣ полное удовлетвореніе въ избыткѣ земныхъ наслажденій.

«Говорятъ, безумствовалъ женоподобный Аттисъ, съ воплемъ призывая въ горахъ прекрасную Цибелу. Говорятъ, что люди, испивъ изъ Кларійскаго ключа священной воды лавроноснаго Феба (*), вопятъ въ безумствѣ. Я же, удовольствованный Ліэемъ, благоуханіями мирра и моей подругою, хочу, хочу безумствовать».

Другое стихотвореніе еще лучше изображаетъ намъ это самозабвеніе радости.

«Дозволь мнѣ, заклинаю богами, пить, пить безъ отдыха. Хочу, хочу я безумствовать. Безумствовалъ и Алкмеонъ, и бѣлоногій Орестъ, убившіе матерей. Я же, никого не убивъ, испивъ темнокраснаго вина, хочу, хочу безумствовать. Безумствовалъ нѣкогда Гераклъ, потрясая въ рукахъ ужасный колчанъ и лукъ Ифита; безумствовалъ Аяксъ, отбивая щитомъ мечь Гектора. Я же, имѣя не лукъ и не мечь, а покалъ и этотъ вѣнокъ на волосахъ, хочу, хочу безумствовать (**)!»

(*) Кларонъ былъ одинъ изъ іоническихъ городовъ, близь котораго находился ключъ Аполлоновъ. Пившіе изъ него воду, подобно Пиѳіямъ, получали даръ пророчества.

(**) Извѣстна исторія Алкмеона, сына Амфіарая и Эрифилы, который, подобно Оресту, былъ преслѣдуемъ фуріями за убійство матери. *Бѣлоногій* Орестъ означаетъ босоногій; необутыя ноги были у грековъ признакомъ поспѣшнаго бѣгства и безумства. Геркулесъ стрѣлами, добытыми у Ифита, умертвилъ жену свою и дѣтей въ безумствѣ, насланномъ Юноною, гнѣвною за умерщвленіе Лика. Аяксъ, неистовый оттого, что оружіе Ахиллеса досталось Одиссею, умертвилъ себя мечомъ, полученнымъ отъ Гектора, послѣ битвы съ героемъ.

Мы видимъ, что вино здѣсь не причина, а только выраженіе веселья. Причина же его скрыта въ глубинѣ души, безпечной, незлобной, живо-сочувствующей прекрасному. Кто не имѣетъ этой свѣтлой, плѣнительной гармоніи духа, этой счастливой игривости чувства, того не пробудишь отъ тупой сонливости даже нектаромъ боговъ.

Для упомянутаго въ приведенныхъ нами стихахъ *питья безъ отдыха* (въ подлинникѣ: «не замыкая устъ») употребляли особенный родъ большихъ, ѳракійскихъ покаловъ, какой описываетъ самъ поэтъ въ одной пѣсенкѣ.

«Чеканя серебро (1), сдѣлай мнѣ, Гефестъ, — не полное оружіе (какое мнѣ дѣло до битвъ!)—а вогнутый покалъ, сколько можешь, глубже. На немъ вырѣжи не звѣзды, не возницъ, не свирѣпаго Оріона (2),—что мнѣ въ Плейядахъ? что мнѣ въ созвѣздіи Боота?— а изобрази вѣтви винограда съ гроздьями, и Менадъ, его собирающихъ. Сдѣлай винный чанъ и, давящихъ виноградъ, золотыхъ Эрота и Ваѳилла вмѣстѣ съ Ліэемъ».

Поэтъ находитъ остроумную причину, по которой пить необходимо:

«Пьетъ черная земля, деревья пьютъ землю; морю даетъ пить воздухъ, море солнцу (3), а солнце лунѣ. Чтожь возстаете на меня, друзья, что и я хочу пить?»

Подобныя призванія къ веселью должны были возбуждать радостный смѣхъ во всѣхъ собесѣдникахъ пира. Другая пѣсня, не менѣе игривая, не имѣетъ однако утонченной граціи Анакреона, хотя и выражаетъ свойственное ему чувство.

«Когда придетъ Вакхъ, то уснутъ всѣ заботы. Хочу сладко пѣть, какъ будто бы владѣлъ всѣми богатствами Креза. Возлягу, увѣнчанный плющемъ, и все мнѣ ни по чемъ. Вооружайся ты, а я буду пить. Принеси мнѣ, мальчикъ, покалъ. Лучше лежать мнѣ упитымъ, чѣмъ убитымъ».

Мы, напротивъ, увѣрены, что Анакреонъ никогда не лежалъ и не желалъ лежать *упитымъ*, и потому охотнѣе припишемъ ему, вмѣстѣ съ Атенеемъ, слѣдующее стихотвореніе.

«Эй, мальчикъ, принеси мнѣ большой покалъ, чтобъ могъ пить я безъ перерыва; *влей десять ціатовъ воды и пять вина* (4), чтобы,

---

(1) Въ подл. τορεύω, слово, означающее чеканку или гравированіе на металлѣ. Искусство это, какъ полагаютъ, изобрѣтено Фидіемъ. Гефестъ (Вулканъ) былъ богомъ всякихъ металлическихъ издѣлій.

(2) Оріонъ, звѣзда, при восхожденіи которой (вскорѣ послѣ лѣтняго солнцестоянія) бываютъ на югѣ Европы сильныя бури.

(3) По понятію стоиковъ, свѣтъ солнца питался влагою океана.

(4) Ціатомъ назывался маленькій мѣдный или глиняный сосудъ, которымъ переливались вода и вино изъ кратера.

одушевленный Вакхомъ, не затѣялъ я спора. Друзья, послушайте меня: не будемъ, по скиѳскому обычаю, съ шумомъ и криками проводить время за виномъ, а станемъ попивать среди прекрасныхъ гимновъ».

Въ противуположность однако этой разсудительно-спокойной пѣсни, возбужденный виномъ, поэтъ пылко взываетъ къ дѣвамъ:

«Дайте мнѣ, дѣвы, дайте пить влаги Бромія, не замыкая устъ! Оставленный вами, ужь вотъ, томлюсь я отъ жару. Дайте мнѣ плющевыхъ вѣнковъ, чтобы прикрыть голову. Горитъ мое лицо. Пламя же Эрота, сердце, чѣмъ потушу я?»

Итакъ, общій смыслъ всѣхъ этихъ пьесъ: поэтъ съ мудрою умѣренностью ищетъ однихъ мирныхъ, безвредныхъ удовольствій; вино окрыляетъ его душу, возбуждая къ любви и пѣснямъ, но не омрачаетъ ума, не разрушаетъ въ немъ наивной прелести чувства.

Приведемъ въ заключеніе еще два стихотворенія, не принадлежащія Анакреону, но любопытныя: одно, какъ образчикъ сколій, раздѣленныхъ на четырехстишія, изъ которыхъ каждое пѣлось по очереди собесѣдниками; другое, какъ гимнъ въ честь Діонисія при собраніи винограда.

«Когда я пью вино, то радостное сердце велитъ мнѣ звонко славить Музъ.

«Когда я пью вино, то всѣ заботы и тревожныя думы улетаютъ во слѣдъ бурнымъ морскимъ вѣтрамъ.

«Когда я пью вино, то Вакхъ, разрѣшитель игръ, радуясь многому питью, зыблетъ меня въ воздухѣ, полномъ благоуханіемъ цвѣтовъ.

«Когда я пью вино, то, свивши вѣнки изъ цвѣтовъ, и возложивъ ихъ себѣ на голову, пою о спокойной радости жизни.

«Когда я пью вино, то, умастивъ тѣло благоуханнымъ мирромъ, держу на рукахъ дѣву и воспѣваю Киприду.

«Когда я пью вино, и при глубокихъ чашахъ распахнется душа моя, то веселюсь въ кругу юношей.

«Когда я пью вино, то въ этомъ мнѣ одному выгода: ее беру и несу я — а смерть мой общій удѣлъ со всѣми.»

Въ этой пѣснѣ находимъ мы такимъ образомъ семь куплетовъ для семи участниковъ пира. Въ другой застольной пѣсни два стиха:

«Будемъ пить вино съ весельемъ,
Будемъ Вакха воспѣвать,»

повторяются въ началѣ и концѣ пьесы, какъ назначенные для цѣлаго хора пирующихъ; въ срединѣ между ними шесть куплетовъ для каждаго изъ собесѣдниковъ.

Гимнъ такъ извѣщаетъ о прибытіи бога, въ честь котораго совершается торжество:

«Явился богъ, дѣлающій юношу неутомимымъ въ трудахъ, безтрепетнымъ въ дѣлахъ любви, прекраснымъ хороводцемъ на пиру. Онъ съ собою принесъ смертнымъ нѣжное возбужденіе къ любви, безпечальную радость пировъ, вино, сладкое дитя лозы, и будетъ хранить его на виноградныхъ вѣткахъ, заключенное въ гроздьяхъ, чтобы, когда разданятъ кисти, оно было безвредно для всѣхъ, безвредно для здороваго тѣла, безвредно для радостной души до самыхъ новолѣтнихъ сборовъ (*)».

Какой же общій выводъ изъ всего, разсказаннаго нами объ Анакреонѣ? Повторять ли еще разъ то, что уже нѣсколько разъ мы повторяли? Поэзія Анакреона не такъ многосложна, чтобы нужно было пространно объяснять ее: два, три стихотворенія, и душа пѣвца ясно выскажется передъ вами. Но простота его пѣсней тѣмъ не менѣе плѣнила всѣхъ; отъ него начался особенный родъ поэзіи, названной по его имени анакреонтическою. Много ли подражатели успѣли придать своимъ стихамъ свѣтлой его граціи? Мы видимъ, что это не вполнѣ удалось даже поэтамъ, близкимъ его вѣку, можетъ быть, ему современнымъ. Вино и дѣвъ воспѣвали всѣ, но ни нѣжный Ліэй, ни прелестныя Хариты не увѣнчали этихъ пѣсней. О римскихъ сладострастныхъ поэтахъ уже и говорить нечего: только въ греческой литературѣ могли вырости эти цвѣты, взлелѣянные безъ всякихъ прививокъ, одною чистою природой. Древніе называли Анакреона мудрымъ, не въ смыслѣ только искуснаго художника, какой также имѣло это слово у грековъ, но и въ смыслѣ разумнаго философа. Былъ ли этотъ разумный философъ, по духу, ближе къ эпикурейцамъ или стоикамъ, намъ нѣтъ дѣла: мудрость Анакреона вполнѣ самостоятельна и мало похожа на Гораціево: Beatus ille. Она отъискана имъ не въ школахъ риторовъ, а въ самой жизни. Она внушена ему вѣчно голубымъ небомъ, свѣжимъ благоуханіемъ цвѣтовъ, милой пѣснію безпечной цикады и шумнымъ веселіемъ народныхъ празднествъ. «Дайте мнѣ отъ каждой цвѣтущей радости самый сочный плодъ; дайте мнѣ сіяющаго солнца, чтобы разогнать

(*) Извѣстно, что виноградъ оставляютъ дозрѣвать на солнцѣ, чтобы собиратели не заболѣли отъ плодовъ во время гола, когда наиболѣе господствуютъ лихорадки.

всѣ черныя тѣни заботъ» — вотъ обыкновенный девизъ ея. Для такой юности душевной не существуетъ тѣлесная старость.

«Люблю веселаго старца,
Люблю и юношу въ пляскѣ:
Старикъ же въ пляску пойдетъ,
На немъ лишь волосы старца,
А свѣжее юноши сердце.»

Но неужели ни разу печальная дума не осѣнила беззаботнаго пѣвца? Онъ не былъ бы человѣкомъ, еслибъ остался безчувственнымъ къ тому, что̀ тревожитъ невольно всякаго смертнаго. Анакреонъ, конечно, не создавалъ себѣ искуственныхъ печалей, не терзалъ свою душу призраками, по обычаю пѣвцовъ новѣйшихъ, и если онъ грустилъ, то на это безъ сомнѣнія была основательная причина. Дѣло въ томъ, что мысль о смерти наконецъ толкнулась и къ нашему пѣвцу; неотразимая, грозная, она поколебала и его душу. Съ обычной простотою высказываетъ онъ свои горькія думы:

«Ужь виски мои посѣдѣли,
Побѣлѣла вся голова,
Ужь умчалась веселая юность,
И у старца зубы плохи̇.

Остается сладостной жизни
Малый срокъ на долю мою,
И объ этомъ я тяжко рыдаю,
Мнѣ такъ страшенъ Тартара мракъ!

Ахъ! ужасна бездна Аида....
Спускъ въ нее и крутъ и тяжелъ,
А тому, кто сошелъ ужь однажды,
Никогда не выйти на свѣтъ.»

Долго ли занимала эта мрачная мысль поэта? Какъ съ нею мирился онъ, привыкшій отгонять отъ себя тяжкія заботы, въ послѣдніе дни своей жизни, и какъ умеръ? Обо всемъ этомъ намъ ничего неизвѣстно. Древніе приписываютъ ему легкую смерть, а мы готовы думать, что мирно уснувши на розахъ, тихо отошелъ въ область тѣней любимецъ веселья. Но каковы бы ни были его послѣднія думы и смерть, вѣчно юная жизнь цвѣтетъ надъ могилой Анакреона. До тѣхъ поръ, пока существуютъ на свѣтѣ юность и красота, имя теосскаго пѣвца будетъ поставлено рядомъ съ ними.

Древніе имѣли обычай соединять съ представленіемъ объ Анакреонѣ идею о всякомъ нѣжномъ и пламенномъ чувствѣ, и потому приписываютъ ему въ числѣ другихъ привязанностей также любовь къ Сафо. Страстная душа Эолійской пѣвицы, дѣйствительно, была родственна душѣ нашего поэта, и мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ объ ней, давая окончательную характеристику той отрасли поэзіи, которую называютъ эротическою.

Сафо жила нѣсколько прежде Анакреона, въ царствованіе Аліатта, отца Креза. Она была родомъ изъ Митилены, извѣстнаго въ древности города на островѣ Лесбосѣ, и около 592 года до Р. Х. переселилась отсюда въ Сицилію. Преданіе повѣствуетъ о безнадежной любви ея къ прекрасноту юношѣ, Фаону, которая будто бы довела ее до такого безумія, что она бросилась въ море съ мыса Левкате. Больше ничего не знаемъ мы о жизни Сафо. Въ древности называли ее за мудрость десятою Музою, за пѣсни соловьемъ и женскимъ Гомеромъ. Ни одна изъ женщинъ не могла бы сравниться съ чудною пѣвицей, по мнѣнію Страбона (*). Другіе представляли ее вдохновенной Пиѳіей или Сибиллою, чрезъ пѣсни которой звуки флейты вѣчно горятъ и дышатъ любовью. Сафо могла оправдывать эту славу многочисленными своими твореніями: элегіями, гимнами, ямбами, сколіями и тѣми девятью книгами лирическихъ пѣсней, которыя были извѣстны Плутарху и Атенею. Отъ всего этого богатства намъ осталось только два стихотворенія, да два или три какихъ нибудь отрывка. Но и по этимъ отрывкамъ, какъ по долетѣвшимъ откуда-то издалека неяснымъ воплемъ, узнаемъ гордую, неукротимую сожигаемую огнемъ страстей, душу Сафо. Если въ Анакреонѣ пылкость чувства умѣрялась игривостью ума, Лесбійская пѣвица вся предана этому чувству, вся объята его томительнымъ пыломъ. Самая привязанность къ любимой, прекрасной подругѣ становится для нея мучительнымъ недугомъ любви. Кто повѣрилъ бы, что слѣдующіе стихи могла писать женщина.

«Блаженъ, подобится богамъ,
Съ тобой сидящій въ разговорахъ,
Сладчайшимъ внемлющій устамъ,
Улыбкѣ нѣжной въ страстныхъ взорахъ.
Увижу ль я тебя — и въ мигъ
Трепещетъ сердце, грудь тѣснится,
Нѣмѣетъ рѣчь въ устахъ моихъ
И молнія по мнѣ стремится,

(*) Strab. XIII.

По слуху шумъ, во взорахъ мракъ,
По жиламъ холодъ ощущаю:
Дрожу, блѣднѣю, — и какъ злакъ
Упавшій, вяну, умираю.»

Представляемъ эту прекрасную пѣсню, сохраненную намъ въ разсужденіи Лонгина о высокомъ, въ переводѣ Державина, сдѣланномъ, конечно, не съ подлинника, и для сравненія передаемъ буквально греческій текстъ:

«Кажется мнѣ подобенъ богамъ тотъ мужчина, который сидитъ противъ тебя и вблизи внимаетъ сладкому твоему голосу и любовному смѣху. Они заставляютъ трепетать сердце въ груди, и вдругъ исчезаетъ мой голосъ. Языкъ связанъ, и тонкій огонь тотчасъ пробѣгаетъ по моему тѣлу, я ничего не вижу очами, звенитъ у меня въ ушахъ, льется съ меня холодный потъ, всю обнимаетъ меня трепетъ, я блѣднѣе вянущей травы; бездыханная, я готова думать, что умру черезъ минуту.»

Намъ, конечно, теперь не покажется странною излишняя пылкость чувства, высказанная Сафо въ отношеніи къ подругѣ: это тоже самое страстное увлеченіе красотою, которое мы уже имѣли случай видѣть въ привязанности Анакреона къ Ваѳиллу. Но между тѣмъ, какъ поэтъ, мечтая объ Аполлонѣ, созерцаетъ, подобно художнику, прелестныя формы юноши, Сафо не въ силахъ спокойно созерцать: ея нѣжная душа потрясена, взволнована до глубины плѣнительнымъ видѣніемъ и подруга заставляетъ ее чувствовать то, что̀, по нашимъ понятіямъ, сродно только чувствамъ человѣка сластолюбиваго. Но въ Сафо именно и выразилась идеальная сторона любви, разумѣется, какъ она могла быть воспринята греками. Эротъ Анакреона прелестный шалунъ, вѣчно играющій любовью. Блуждая по свѣту съ лукомъ и колчаномъ, охотится онъ за молоденькими, неопытными сердцами. Мы видимъ само чувство, во всемъ его безконечномъ разнообразіи, мелькающее тамъ и сямъ, подобно мгновеннымъ, цвѣтистымъ искрамъ, въ столкновеніяхъ жизни. Его выраженіе — грація.

Напротивъ, любовь Сафо, строга и величественна. То не мгновенная вспышка, не порханье веселой бабочки по весеннимъ цвѣтамъ, а неизмѣнное, насквозь прожигающее пламя. Его властелинъ не легкокрылый, непостоянный божокъ, а неумолимая, высокотронная богиня.

Чувство Сафо съ постояннымъ влеченіемъ обращено къ одному человѣку: оно служитъ ей не забавою, а тяжелою пыткой. Милый ея не любитъ; она не будетъ, подобно теосскому пѣвцу, шутить

надъ своей неудачей, а съ растерзанной душою обратитъ умоляющіе взоры къ богамъ. Въ этомъ отношеніи въ ней много сходства съ римскимъ поэтомъ, Катулломъ, который также оставилъ прекрасный переводъ стиховъ ея.

Тому, что мы сказали сейчасъ о Сафо, служитъ свидѣтельствомъ другое сохранившееся ея стихотвореніе: знаменитый гимнъ Афродитѣ. Въ немъ достаточно выразилась прекрасная душа Лесбійскаго соловья, и намъ остается только, вмѣсто излишнихъ объясненій, представить переводъ этого гимна. Пусть благосклонный читатель не подумаетъ, что мы мечтали состязаться съ подлинникомъ, представляя стихи Сафо въ поэтической формѣ; наша мысль была только ближе сохранить ихъ истинный колоритъ.

«Златотронная, юная, вѣчно-прекрасная,
Дочь Зевеса, плетущая ковы любви!
Я взываю къ тебѣ: пощади....
Не терзай, Афродита всевластная,
Истомленной страданьемъ груди.

Но явися и нынѣ могучей царицею....
Прежде часто, на зовъ моей грустной мольбы,
Домъ отцовскій оставивши, ты
Со златою своей колесницею
Прилетала ко мнѣ съ высоты.

Быстролетною стаей воробышки нѣжные
На трепещущихъ крыльяхъ богиню любви
Къ низкимъ жилищамъ темной земли
Чрезъ пространства эѳира безбрежныя
Съ олимпійскаго трона везли.

Отпустивъ ихъ назадъ, вопрошала, блаженная,
Ты меня, улыбаясь безсмертнымъ лицомъ:
Что случилось? тоскую ль о чемъ,
Или новой бѣдой угнетенная,
Я зову тебя въ горѣ моемъ?

И чего я съ такимъ безразсуднымъ томленіемъ
Все ищу и прошу, и кого, полюбя,
Сѣтью нѣжною думала я
Уловить, — кто холоднымъ презрѣніемъ
Оскорбляетъ, о Сафо, тебя?

Пусть теперь онъ бѣжитъ, но съ тревогою страстною
Скоро будетъ вездѣ за тобою слѣдить;

Пусть не принялъ даровъ, но дарить
Будетъ самъ онъ подругу прекрасную, —
Онъ не любитъ, но будетъ любить!»

О, приди же и нынѣ, и въ тяжкомъ томленіи
Изнывающей дай мнѣ свободно вздохнуть,
И чего исполненія грудь
Жаждетъ такъ, дай тому исполненіе, —
И сама мнѣ помощницей будь. (*)

(*) Стихи эти старались мы передать съ возможною точностью, сохраняя даже разстановку словъ подлинника. Въ двухъ, трехъ мѣстахъ не обошлось однако безъ небольшихъ распространеній. Сдѣлаемъ теперь необходимыя объясненія.

Златотронная.—Χρυσόθρονος также какъ εὔθρονος (прекраснотронная), обыкновенный эпитетъ боговъ; но въ подлин. непереводимое: ποικιλόθρονος, сѣдящая на *разноцвѣтномъ* тронѣ, т. е. украшенномъ золотомъ, слоновою костью, мѣдью и проч.

Со златою своей колесницею. Въ подл. — запрягши златую колесницу. Воробьи, на которыхъ ѣздила Венера, посвящены были ей по причинѣ необыкновеннаго своего плодородія.

Темная земля (γῆ μέλαινα) — темная, обыкновенный эпитетъ земли еще у Гомера, здѣсь въ противоположности съ яснымъ эѳиромъ.

Онъ не любитъ, но будетъ любить. Въ подл. прибавлено: еслибъ даже ты не хотѣла.

СОЧИНЕНІЯ И ПИСЬМА Н. В. ГОГОЛЯ. *Изданіе* П. А. Кулиша. *Шесть томовъ. Спб. 1857.*

Очень долго наша критика, при каждомъ новомъ изданіи сочиненій того или другаго знаменитаго писателя, должна была жаловаться на неполноту и неудовлетворительность этого изданія. Наконецъ дожили мы до хорошихъ изданій, составленныхъ внимательно людьми знающими. Изданіе сочиненій Гоголя, сдѣланное г. Кулишемъ, конечно, не свободно отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Многіе изъ нихъ уже указаны г. Лонгиновымъ, другіе, вѣроятно, будутъ указаны другими нашими библіографами. Но всѣ эти недостатки— опущеніе нѣкоторыхъ, впрочемъ вовсе неважныхъ, мелкихъ статеекъ, нѣкоторыя отступленія отъ хронологической системы, нѣкоторыя опечатки и т. п.—совершенно незначительны въ сравненіи съ достоинствами изданія, за которое нельзя не благодарить г. Кулиша. Оно уже извѣстно большей части нашихъ читателей и нѣтъ надобности описывать его. Читатель знаетъ, что въ четырехъ первыхъ томахъ собраны сочиненія, бывшія до сихъ поръ разсѣянными въ одиннадцати книгахъ (шесть томовъ сочиненій въ изданіи г. Трушковскаго, два тома «Мертвыхъ Душъ», два тома «Арабесковъ» и «Переписка съ друзьями»); два послѣдніе тома составились изъ писемъ Гоголя, и о нихъ то мы преимущественно будемъ говорить въ этой статьѣ, замѣтивъ только, что г. Кулишъ сдѣлалъ очень хорошо, помѣстивъ въ обѣихъ редакціяхъ тѣ сочиненія Гоголя, которыя были въ значительной степени передѣланы авторомъ, именно: «Тараса Бульбу», «Портретъ» и сохранившійся отрывокъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ.» «Тарасъ Бульба» и «Портретъ» равно извѣстны публикѣ, какъ въ первоначальномъ, такъ и въ исправленномъ своемъ видѣ; но отрывокъ «Мертвыхъ Душъ» въ первый разъ является теперь въ двухъ редакціяхъ, сравненіе которыхъ чрезвычайно интересно. Оно показываетъ, какимъ образомъ

Гоголь давалъ все больше и больше развитія тому, что называлъ въ послѣдніе годы своей жизни высокимъ лирическимъ порывомъ и что казалось довольно неловкою напыщенностію людямъ, сожалѣвшимъ о томъ болѣзненномъ направленіи Гоголя, изъ котораго возникла «Переписка съ друзьями» и «Развязка Ревизора.»

Неумѣстный и неловкій идеализмъ, столь сильно отразившійся на второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» и бывшій главной причиной не только потери Гоголя для искусства, но и преждевременной кончины его, до сихъ поръ составляетъ интереснѣйшій вопросъ въ біографіи нашего великаго поэта. «Записки о жизни Гоголя», изданныя въ прошедшемъ году, доставили людямъ, не знавшимъ лично Гоголя, первые матеріалы для того, чтобы судить о причинахъ и характерѣ этого направленія, столь прискорбнымъ образомъ изумившаго публику при изданіи «Переписки съ друзьями.» «Письмами Гоголя», нынѣ изданными, число этихъ матеріаловъ значительно увеличивается, но и въ настоящее время публика далеко еще не имѣетъ всѣхъ біографическихъ данныхъ, нужныхъ для совершенно точнаго рѣшенія сомнѣній и подозрѣній, возбужденныхъ тѣмъ настроеніемъ, какое обнаруживалъ Гоголь въ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни. Воспоминаній о Гоголѣ напечатано довольно много, но всѣ они объясняютъ только второстепенныя черты въ многосложномъ и чрезвычайно оригинальномъ характерѣ геніальнаго писателя. Мы знаемъ теперь изъ этихъ воспоминаній, что въ молодости онъ былъ большимъ забавникомъ и балагуромъ; мы знаемъ, что уже и въ молодости, онъ не любилъ говорить о мысляхъ и чувствахъ, наиболѣе занимавшихъ его душу, стараясь шутками придать разговору легкое, смѣшное направленіе, отклонить разговоръ отъ такихъ предметовъ, говорить о которыхъ не могъ бы безъ волненія; мы знаемъ, что въ молодости онъ любилъ франтить и франтилъ очень неудачно; мы знаемъ, что въ молодости онъ два или три раза испытывалъ чувство страстной любви, въ способности къ которому иногда отказывали ему до изданія записокъ о его жизни; мы знаемъ, что болѣзненность его, происходившая главнымъ образомъ отъ геморроидальнаго расположенія и отъ хроническаго разстройства желудка. Всѣ эти свѣдѣнія, конечно, не совершенно ничтожны, но они совершенно недостаточны для разрѣшенія вопросовъ, имѣющихъ наиболѣе важности въ нравственной исторіи Гоголя. «Писемъ Гоголя» напечатано г. Кулишемъ уже очень много. Корреспонденція самого Пушкина, собранная полнѣе, нежели переписка какого бы ты ни было другаго русскаго литератора, далеко уступаетъ своимъ объемомъ собранію «Писемъ Гоголя», напечатанному въ нынѣшнемъ изданіи. Но эти

письма, во многихъ случаяхъ, остаются еще непонятными отчасти потому, что мы все еще очень мало знаемъ факты жизни Гоголя, отчасти потому, что отвѣты его друзей, долженствующіе служить необходимымъ дополненіемъ къ его собственнымъ письмамъ, остаются до сихъ поръ и, вѣроятно, довольно долго еще останутся ненапечатанными; отчасти, наконецъ, потому что эти письма напечатаны по необходимости очень не полно: въ изданіи пропущены многіе отрывки, изъ которыхъ иные должны быть интереснѣе всего напечатаннаго, — пропущены, кажется, и нѣкоторыя письма. Надобно также прибавить, что о людяхъ, бывшихъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Гоголемъ, кромѣ одного Пушкина, не напечатано до сихъ поръ почти ничего; почти ничего не напечатано до сихъ поръ и объ общемъ характерѣ тѣхъ кружковъ, къ которымъ принадлежалъ Гоголь, и тѣхъ сословій, среди которыхъ онъ жилъ. Такимъ образомъ матеріалы для біографіи Гоголя, хотя и имѣютъ объемъ очень обширный, далеко недостаточны. Публика до сихъ поръ почти ничего прямымъ образомъ не знаетъ о томъ, какими именно стремленіями руководился Гоголь. «Желаніе изобличать общественныя раны», — по выраженію, осмѣянному самимъ Гоголемъ, — это желаніе слишкомъ неопредѣлительно. Тутъ нужно бы знать, что̀ именно казалось Гоголю дурнымъ въ современномъ обществѣ. «Но, кажется, мы это очень хорошо знаемъ: ему казалось дурно, что у насъ существуетъ взяточничество и неправосудіе, апатія, развлекаемая только сплетнями и преферансомъ и такъ далѣе, и такъ далѣе.» Все это такъ, но изъ всего этого еще ничего не слѣдуетъ. На взяточничество и тому подобные пороки нападалъ не одинъ Гоголь, нападали чуть ли не всѣ наши писатели отъ Державина (чтобъ не заходить слишкомъ далеко въ древность) до г. Бенедиктова. Щедрину и графу Соллогубу одинаково непріятно, что у насъ существуетъ взяточничество. Оба они нападаютъ на этотъ порокъ, но между тѣмъ какъ Щедрина всѣ прославляютъ, надъ графомъ Соллогубомъ всѣ посмѣялись; почему такъ? потому, что вражда противъ взяточничества возникаетъ у этихъ двухъ писателей изъ убѣжденій совершенно различныхъ; потому что порокъ, на который нападаютъ эти писатели, понимаютъ они совершенно различно. Мало того, чтобы знать, что̀ нравится или что̀ не нравится писателю, — важно также знать, на основаніи какихъ убѣжденій этотъ предметъ ему нравится или не нравится; нужно знать, отъ какихъ причинъ производитъ онъ недостатокъ, на который нападаетъ, какими средствами считаетъ онъ возможнымъ истребить злоупотребленіе и чѣмъ предполагаетъ онъ замѣнить то, что хочетъ искоренять. Нужно знать образъ мыслей писателя. Каждый знаетъ образъ мыс-

лей Пушкина, Жуковскаго; но образъ мыслей Гоголя до сихъ поръ еще недостаточно извѣстенъ. «Какъ не извѣстенъ? по крайней мѣрѣ, очень хорошо извѣстно то направленіе, какое получила его мысль въ послѣдніе годы. Аскетизмъ подавилъ въ немъ всякія другія начала.» Будто и довольно знать это? повторимъ: все это слишкомъ неопредѣлительно; аскетизмъ выраженіе слишкомъ общее; аскетическое направленіе имѣетъ совершенно различный смыслъ, смотря потому изъ какихъ идей и стремленій вытекаетъ. Аскетизмъ проповѣдывалъ Іоаннъ Златоустъ, и каждый благомыслящій человѣкъ отдаетъ полную справедливость здравости его проповѣди, возникавшей изъ благороднаго негодованія на развратную и пустую роскошь тѣхъ людей, къ которымъ была обращена она. Этимъ людямъ, губившимъ родину и тиранившимъ свой народъ для удовлетворенія своихъ пошлыхъ страстей, дѣйствительно нужно было напоминаніе о власяницѣ и чорствомъ хлѣбѣ. Аскетизмъ проповѣдывалъ также Массильонъ при дворѣ Людовика XIV, и каждый согласится, что проповѣдь Массильона была благородна и справедлива: дѣйствительно нужно было говорить этимъ развратнымъ и жестокосердымъ вельможамъ объ огнѣ вѣчномъ и скрежетѣ зубовъ. Такихъ проповѣдниковъ аскетизма нельзя смѣшивать съ какими нибудь іезуитами, у которыхъ цѣль проповѣди объ аскетизмѣ состоитъ въ пріученіи несчастныхъ и голодныхъ къ мысли, что они вѣчно должны быть голодны и должны радоваться тому, что такова ихъ судьба. Вы сказали «аскетизмъ» и думаете, что этимъ уже все рѣшено. Одно слово само по себѣ ничего не значитъ. Скрываются часто самыя пагубныя стремленія подъ самымъ прекраснымъ словомъ. Прочитайте рѣчи южныхъ ораторовъ Сѣверной Америки: они отвергали выборъ Фримонта во имя законности, воимя отцовской любви, во имя просвѣщенія. Впрочемъ, къ чему намъ ходить далеко? Такіе случаи бываютъ вездѣ и всегда. Съ другой стороны, еще чаще стремленія благородныя и дѣйствительно полезныя были въ глазахъ многихъ унижаемы тѣми неблаговидными словами, къ которымъ защитники этихъ стремленій прибѣгали, или по одностороннему увлеченію, или по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Какъ часто говорили объ ожесточенной враждѣ и кровавыхъ распряхъ и насильственныхъ переворотахъ люди, всей цѣлью жизни которыхъ было всеобщее примиреніе, любовь и тишина! Слова еще ничего не значатъ: нужно знать, изъ какихъ стремленій возникаютъ слова.

«Письма Гоголя» и напечатанныя до сихъ поръ воспоминанія о немъ людей къ нему близкихъ не знакомятъ насъ съ его образомъ мыслей на столько, чтобы можно было прямымъ образомъ рѣшить

по нимъ каковъ именно былъ этотъ человѣкъ, одаренный характеромъ, исполненный, повидимому, противорѣчій, какою общею идеею была проникнута его нравственная жизнь, представляющаяся на первый взглядъ столь нелогическою, безсвязною и даже нелѣпою. Мы хотимъ попробовать, нельзя ли за недостаткомъ положительныхъ свидѣтельствъ сколько нибудь приблизиться къ рѣшенію вопроса о нравственной жизни Гоголя путемъ соображеній.

Догадки и соображенія никогда не должны имѣть притязанія на безусловную основательность. Гипотеза остается гипотезою, пока факты не подтвердятъ ее и, надобно сказать, рѣдко гипотеза подтверждается фактами во всѣхъ своихъ подробностяхъ, такъ, чтобы не измѣниться при переходѣ въ достовѣрную фактическую истину. Довольно уже и того, если она близка къ истинѣ.

За недостаткомъ прямыхъ свѣдѣній о нравственной жизни Гоголя, мы прежде всего постараемся отгадать, съ какими вліяніями могъ онъ встрѣчаться въ тѣхъ обществахъ, среди которыхъ жилъ.

Мы не будемъ много говорить о жизни Гоголя до самого переселенія въ Петербургъ. Онъ скоро вышелъ изъ-подъ вліяній, которыми окруженъ былъ въ домашнемъ быту и потомъ въ школѣ. Переѣхавъ въ Петербургъ, онъ съ самого начала, какъ человѣкъ совершенно темный, не нашелъ близкихъ знакомыхъ ни въ комъ, кромѣ нѣсколькихъ бывшихъ сотоварищей по школѣ и знакомой съ ними вообще молодежи, бѣдной и безвѣстной. Этотъ кружокъ юношей, оживленныхъ веселостью среди житейскихъ недостатковъ, жившихъ на распашку, былъ безъ сомнѣнія наилучшимъ изъ всѣхъ тѣхъ кружковъ, къ которымъ впослѣдствіи примыкалъ Гоголь. Но кромѣ веселости, соединенной съ молодостью, едва ли могъ найти что нибудь Гоголь между этими людьми.

За десять лѣтъ передъ тѣмъ, десятью годами позже того, въ петербургской молодежи было одушевленіе такъ называемыми возвышенными идеями. Около 1830 года ничего такого не оказывалось. Молодежь восхищалась Пушкинымъ, да и то безъ прежняго энтузіазма; кромѣ восхищенія Пушкинымъ, едва ли можно было найти въ ней какія нибудь стремленія, переходившія за границу молодыхъ развлеченій. Въ Москвѣ молодежь съ жадностію читала «Телеграфъ», въ Петербургѣ вмѣсто «Телеграфа» были «Сынъ Отечества» и «Отечественныя Записки» Свиньина. Было время, когда «Сынъ Отечества» имѣлъ въ себѣ живую струю, но это время кончилось за долго до 1829 года и «Сынъ Отечества» былъ пустъ и бездушенъ. «Отечественныя Записки» Свиньина съ самого начала до самого конца были бездушны. Таково было чтеніе, болѣе или менѣе удовлетворявшее тогдашнюю петербургскую молодежь. Нельзя было

услышать въ кругу ея ни одного изъ тѣхъ громкихъ словъ, надъ которыми такъ легко смѣяться, но безъ увлеченія которыми бѣдно и пусто сердце юноши. Конечно, и тогдашняя молодежь не была бы враждебна къ заоблачнымъ мыслямъ о судьбахъ человѣчества, о міровыхъ вопросахъ, о благѣ Россіи и т. п., еслибъ что нибудь услышала объ этихъ идеяхъ. Но дѣло въ томъ, что не откуда и не отъ кого было ей слышать о подобныхъ предметахъ. Она знала только, что Пушкинъ прежде писалъ превосходныя поэмы въ родѣ «Кавказскаго Плѣнника», а теперь пишетъ поэмы въ родѣ «Графа Нулина», которымъ нельзя такъ восхищаться, но что впрочемъ тотъ, кто не восхищается и теперь Пушкинымъ, есть презрѣнный зоилъ. Она думала также, что Языковъ, Баратынскій, Дельвигъ и т. д. и т. д., пишутъ стихи ни чуть не хуже Пушкина, но знала также, что они не должны быть считаемы такими великими поэтами, какъ онъ, хотя и они также великіе поэты. Что хорошаго въ стихахъ Пушкина, кромѣ звучности и легкости, этого никто въ Петербургѣ и не зналъ около 1830 года; прежде находили въ немъ какой-то романтизмъ, который во времена критики Марлинскаго объяснялся какъ что-то живое; но къ 1830 году въ Петербургѣ забыли даже о критикѣ Марлинскаго и романтизмъ казался чуть ли не просто причудливостію. Если таковы были литературныя понятія тогдашней петербургской молодежи, легко себѣ вообразить каково было ея отношеніе къ другимъ живымъ идеямъ: она, бѣдная, и не подозрѣвала ихъ существованія.

Скоро Гоголь сдѣлался литераторомъ, и случайность, которая до сихъ поръ называется необыкновенно счастливой и благотворной для развитія творческихъ силъ Гоголя, ввела его въ кружокъ, состоявшій изъ такъ избраннѣйшихъ писателей тогдашняго Петербурга. Первымъ былъ въ этомъ кружкѣ человѣкъ съ талантомъ дѣйствительно великимъ, съ умомъ дѣйствительно очень быстрымъ, съ характеромъ дѣйствительно очень благороднымъ въ частной жизни. Пушкинъ ободрялъ молодаго писателя и внушалъ ему, какимъ путемъ надобно итти къ поэтической славѣ. Но каковъ могъ быть характеръ этихъ внушеній? Извѣстенъ образъ мыслей, вполнѣ развившійся въ Пушкинѣ, когда прежніе его руководители смѣнились новыми друзьями и прежняя неприятная обстановка замѣнилась благосклонностью со стороны людей, третировавшихъ Пушкина нѣкогда, какъ дерзкаго мальчишку. До конца жизни Пушкинъ оставался благороднымъ человѣкомъ въ частной жизни; человѣкомъ современныхъ убѣжденій онъ никогда не былъ; прежде, подъ вліяніями, о которыхъ вспоминаетъ въ Аріонѣ,—казался, а теперь даже и не казался. Онъ могъ говорить объ

искусствѣ съ художественной стороны, ссылаясь на глубокомысленнаго Катенина; могъ прочитать молодому Гоголю прекрасное стихотвореніе «Поэтъ и Чернь» съ знаменитыми стихами:

«Не для житейскаго волненья,
«Не для корысти, не для битвъ и т. д.

могъ сказать Гоголю, что Полевой — пустой и вздорный крикунъ; могъ похвалить непритворную веселость «Вечеровъ на Хуторѣ». Все это пожалуй и хорошо, но всего этого мало; а по правдѣ говоря, не все это и хорошо.

Если мы предположимъ, что въ общество, занятое исключительно разсужденіями объ артистическихъ красотахъ, вошелъ человѣкъ молодой, до того времени неимѣвшій случая составить себѣ твердый и систематическій образъ мыслей, человѣкъ, не получившій хорошаго образованія, должны ли мы будемъ удивляться, когда онъ не пріобрѣтетъ здравыхъ понятій о метафизическихъ вопросахъ и не будетъ приготовленъ къ выбору между различными взглядами на государственныя дѣла?

Привычки, утвердившіяся въ обществѣ, имѣютъ чрезвычайную силу надъ дѣйствіями почти каждаго изъ насъ. У насъ еще очень сильно то мелкое честолюбіе, которое мѣшаетъ человѣку находить удовольствіе въ средѣ людей менѣе высокаго ранга, какъ скоро открывается ему доступъ въ кружокъ, принадлежащій къ болѣе высокому классу общества. Гоголь былъ похожъ почти на каждаго изъ насъ, когда пересталъ находить удовольствіе въ обществѣ своихъ прежнихъ молодыхъ друзей, вошедши въ кружокъ Пушкина. Пушкинъ и его друзья съ такимъ добродушіемъ заботились о Гоголѣ, что онъ былъ бы человѣкомъ неблагодарнымъ, если бы не привязался къ нимъ какъ къ людямъ. «Но можно имѣть расположеніе къ людямъ и не поддаваться ихъ образу мыслей». Конечно, но только тогда, когда я самъ уже имѣю твердыя и приведенныя въ систему убѣжденія; иначе откуда же я возьму основаніе отвергать мысли, которыя внушаются мнѣ цѣлымъ обществомъ людей, пользующихся высокимъ уваженіемъ въ цѣлой публикѣ, — людей, изъ которыхъ каждый гораздо образованнѣе меня? Очень натурально, что если я, человѣкъ мало образованный, нахожу этихъ людей честными и благородными, то мало по малу привыкну я и убѣжденія ихъ считать благородными и справедливыми.

Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что до того времени, когда начало въ Гоголѣ развиваться такъ называемое аскетическое направленіе, онъ не имѣлъ случая пріобрѣсти ни твердыхъ убѣжденій, ни опредѣленнаго образа мыслей. Онъ былъ похожъ на большинство полуобра-

вованныхъ людей, встрѣчаемыхъ нами въ обществѣ. Объ отдѣльныхъ случаяхъ, о фактахъ, попадающихся имъ на глаза, судятъ они такъ, какъ велитъ имъ инстинктъ ихъ натуры. Такъ и Гоголь, отъ природы имѣвшій расположеніе къ болѣе серьёзному взгляду на факты, нежели другіе писатели тогдашняго времени, написалъ «Ревизора», повинуясь единственно инстинктивному внушенію своей натуры: его поражало безобразіе фактовъ и онъ выражалъ свое негодованіе противъ нихъ; о томъ, изъ какихъ источниковъ возникаютъ эти факты, какая связь находится между тою отраслью жизни, въ которой встрѣчаются эти факты, и другими отраслями умственной, нравственной, гражданской, государственной жизни, онъ не размышлялъ много. Напримѣръ, конечно рѣдко случалось ему думать о томъ, есть ли какая-нибудь связь между взяточничествомъ и невѣжествомъ, есть ли какая-нибудь связь между невѣжествомъ и организаціей различныхъ гражданскихъ отношеній. Когда ему представлялся случай взяточничества, въ его умѣ возбуждалось только понятіе о взяточничествѣ и больше ничего; ему не приходили въ голову понятіе безправность, и т. п. Изображая своего городничаго, онъ конечно и не воображалъ думать о томъ, находятся ли въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ чиновники, кругъ власти которыхъ соотвѣтствуетъ кругу власти городничаго и контроль надъ которыми состоитъ въ такихъ же формахъ, какъ контроль надъ городничимъ. Когда онъ писалъ заглавіе своей комедіи «Ревизоръ», ему вѣрно и въ голову не приходило подумать о томъ, есть ли въ другихъ странахъ привычка посылать ревизоровъ; тѣмъ менѣе могъ онъ думать о томъ, изъ какихъ формъ вытекаетъ потребность посылать въ провинціи ревизоровъ. Мы смѣло предполагаемъ, что ни о чемъ подобномъ онъ и не думалъ, потому что ничего подобнаго не могъ онъ и слышать въ томъ обществѣ, которое такъ радушно и благородно пріютило его, а еще менѣе могъ слышать прежде, нежели познакомился съ Пушкинымъ. Теперь, напримѣръ, Щедринъ вовсе не такъ инстинктивно смотритъ на взяточничество: прочтите его разсказы: «Неумѣлые» и «Озорники», и вы убѣдитесь, что онъ очень хорошо понимаетъ, откуда возникаетъ взяточничество, какими фактами оно поддерживается, какими фактами оно могло бы быть истреблено. У Гоголя вы не найдете ничего подобнаго мыслямъ, проникающимъ эти разсказы. Онъ видитъ только частный фактъ, справедливо негодуетъ на него, и тѣмъ кончается дѣло. Связь этого отдѣльнаго факта со всею обстановкою нашей жизни вовсе не обращаетъ на себя его вниманія.

Виноватъ-ли онъ въ этой тѣснотѣ своего горизонта? Мы не вздумаемъ оправдывать его избитою фразою, что онъ дескать былъ

художникъ, а не мыслитель: не далеко уйдетъ тотъ художникъ, который не получилъ отъ природы ума, достаточнаго для того, чтобы сдѣлаться и мыслителемъ. На одномъ талантѣ въ наше время не далеко уѣдешь; а дѣятельность Гоголя была, кажется, довольно блистательна и, вѣроятно, было у него хотя столько ума, сколько найдется у каждаго изъ насъ, такъ прекрасно разсуждающихъ о вещахъ, на которыхъ запнулся Гоголь. Дѣло въ томъ, что мы съ вами, читатель, воспитались въ обществѣ гораздо болѣе развитомъ, нежели Гоголь. Вспомните, было ли въ вашей жизни время, когда не знакомо было вамъ, напримѣръ, хотя бы слово «принципъ»? А Гоголь, въ то время, когда писалъ «Ревизора», по всей вѣроятности, и не слыхивалъ этого слова, хотя былъ знакомъ уже нѣсколько лѣтъ и съ Пушкинымъ и со многими другими знаменитыми людьми тогдашняго времени. Или другой примѣръ: вѣроятно съ незапамятныхъ лѣтъ, вы, читатель, наслышались, что префектъ во Франціи не имѣетъ никакого участія въ судебной власти; а имѣетъ только административную; а Гоголь, когда писалъ «Ревизора», очень можетъ быть, и не слышалъ о существованіи французскихъ префектовъ, а если и слышалъ, то, вѣроятно, предполагалъ, что кругъ власти префекта тотъ же самый, какъ кругъ власти губернатора; а не подлежитъ ни какому сомнѣнію то, что онъ рѣшительно не зналъ о такъ называемой теоріи раздѣленія судебной власти отъ административной. Слышали ли вы о трудолюбивомъ и почтенномъ нашемъ историкѣ Ертовѣ? Онъ написалъ Всеобщую Исторію во множествѣ томовъ, руководствуясь исключительно русскими источниками. Факты изложены у него точно такъ же, какъ и у всякаго другаго историка. И у него римляне раззоряютъ Карѳагенъ, а не карѳагеняне Римъ, и у него трогательными красками описанъ героическій патріотизмъ карѳагенянъ во время осады. И все это очень подробно и вѣрно. Но есть у него цѣлые періоды, оставшіеся какъ будто бы пробѣломъ — чтожь дѣлать, онъ не виноватъ: не нашлось для этихъ періодовъ матеріаловъ въ русскихъ книгахъ. Но интереснѣе всего его разсужденія о причинахъ и послѣдствіяхъ событій; мало онъ говоритъ объ этомъ, за то чрезвычайно оригинально. Тутъ вы у него найдете такія соображенія, отъ которыхъ не поздоровилось бы ни Маколею, ни Шлоссеру: путаница невообразимая. А между тѣмъ, какъ по всему видно, самъ по себѣ, Ертовъ былъ ли чуть не глупѣе многихъ французскихъ или нѣмецкихъ историковъ; но чтожь желать, когда у него подъ руками не было основныхъ мыслей о причинахъ и послѣдствіяхъ историческихъ событій, и когда начитался онъ въ единственныхъ доступныхъ ему книгахъ

такого вздора, котораго не въ состояніи былъ бы разпутать и самъ Нибуръ.

«Но какимъ же образомъ Гоголь, при своемъ геніальномъ умѣ, могъ останавливаться на отдѣльныхъ фактахъ, не возводя ихъ къ общему устройству жизни? Какимъ образомъ могъ онъ удовлетвориться вздорными и поверхностными объясненіями, какія мимоходомъ удавалось ему слышать? Наконецъ, какимъ образомъ не сошелся онъ съ людьми, серьёзность взгляда которыхъ,по видимому, болѣе гармонировала съ его собственною натурою?»

На послѣдній вопросъ было бъ очень затруднительно отвѣчать, если бъ во время своей молодости Гоголь могъ знать какихъ нибудь людей, имѣвшихъ образъ мыслей, болѣе соотвѣтствовавшій инстинктивному направленію его натуры, нежели взгляды, господствовавшіе въ пушкинскомъ кружкѣ; но въ томъ и дѣло, что около 1827—1834 годовъ (когда Гоголю было 18—25 лѣтъ), никто и не слышалъ въ Петербургѣ о существованіи такихъ людей, да вѣроятно ихъ и не существовало. Въ Москвѣ былъ, правда, Полевой; но Полевой тогда находился въ разладѣ съ Пушкинымъ, и надобно по всему заключать, что въ кругу Пушкина считался онъ человѣкомъ очень дурнымъ и по своимъ личнымъ качествамъ и по образу мыслей, такъ что Гоголь съ самого начала проникся нерасположеніемъ къ нему; правда, былъ тогда въ Москвѣ Надеждинъ, но Надеждинъ выступилъ злымъ критикомъ Пушкина и долго внушалъ негодованіе всему пушкинскому кружку. Если бы Полевой и Надеждинъ жили въ одномъ городѣ съ юношею Гоголемъ, быть можетъ къ личныхъ сношеніяхъ онъ научился бы цѣнить ихъ личности и научился бы сочувствовать ихъ понятіямъ. Но онъ зналъ ихъ въ то время только по статьямъ, которыя каждый день пріучался считать нелѣпыми и отвратительными.

Черезъ много лѣтъ, — въ тѣ годы, когда уже готовъ былъ первый томъ «Мертвыхъ Душъ» (1840—1841) сдѣлались извѣстны массѣ публики, — вѣроятно, только теперь сдѣлались извѣстны и Гоголю, — люди другаго направленія; но въ то время Гоголю было уже тридцать лѣтъ; въ то время онъ уже былъ окруженъ ореоломъ собственнаго величія, былъ уже великимъ учителемъ русской публики, — ему поздно было учиться у людей, нѣсколько младшихъ его по лѣтамъ, стоявшихъ въ тысячу разъ ниже его и по общественному положенію и по литературному авторитету. Еслибъ даже Гоголь не примыкалъ къ пушкинскому кружку, онъ не сталъ бы заботиться о сближеніи съ ними; а для человѣка, принадлежавшаго къ пушкинскому кружку, это было рѣшительно невозможно.

Но главное, съ 1836 года, почти постоянно Гоголь жилъ за границею и конечно могъ только продолжать сношенія съ тѣми людьми въ Россіи, съ которыми былъ уже знакомъ прежде.

Какъ онъ могъ, при сильномъ умѣ, останавливаться на частныхъ явленіяхъ, не отъискивая ихъ связи съ общею системою жизни? Какъ могъ довольствоваться объясненіями, ходившими въ кругу, среди котораго онъ жилъ въ Петербургѣ?» Но вспомнимъ, что когда Гоголь переселился за границу (1836), ему не было еще двадцать-семь лѣтъ, а жилъ онъ въ этомъ кругу съ 20-лѣтняго возраста. Удивительно ли, что какъ ни геніаленъ и проницателенъ юноша, вступающій въ кругъ знаменитыхъ людей, далеко превосходящихъ его образованностью, онъ на нѣкоторое время остается при томъ мнѣніи, что эти люди, признанные всѣмъ образованнымъ обществомъ своей страны за передовыхъ людей вѣка, дѣйствительно передовые люди, и что образъ ихъ мыслей соотвѣтствуетъ требованіямъ современности? Даже люди, получившіе философское образованіе, не въ 20 — 25 лѣтъ дѣлаются самостоятельными мыслителями; даже люди, наиболѣе расположенные отъ природы пренебрегать частными фактами изъ любви къ общимъ принципамъ, не въ 20 — 25 лѣтъ самобытно возводятъ къ общимъ принципамъ впечатлѣнія, производимыя на нихъ отдѣльными фактами. Юность — время жизни, а не теорій; потребность теоріи чувствуется уже позднѣе, когда прошло первое, поглощающее всю энергію мысли увлеченіе свѣжими ощущеніями жизни.

Но вотъ Гоголь за границею; вотъ онъ уже близокъ къ тридцатому году жизни, изъ молодаго человѣка онъ становится мужемъ, чувствуетъ потребность не только жить и чувствовать, но и мыслить; ему нужна уже теорія, нужны общія основанія, чтобы привести въ систематическій взглядъ на жизнь тѣ ощущенія, которыя влагаются въ него инстинктивными внушеніями природы и отдѣльными фактами. Каково-то будетъ его сознательное міросозерцаніе?

Мы говорили, что эту часть нашей статьи читатель можетъ считать, пожалуй, гипотезою; но эта гипотеза очень точно сходится съ тѣми свидѣтельствами, которыя оставилъ о себѣ Гоголь въ «Авторской Исповѣди». Мы приведемъ изъ этой статьи одно мѣсто.

«Причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочи-«неніяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣ-«которой душевной потребности. На меня находили припадки «тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ «быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя «самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выду-«мать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поста-

«вляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія....» (Изд. П. А. Кулиша, томъ III, стр. 500).

Гоголь тутъ воображаетъ, что разсказываетъ о себѣ что-то необыкновенное, неправдоподобное; а на самомъ дѣлѣ комическіе писатели большею частью были люди съ грустнымъ настроеніемъ духа; въ примѣръ укажемъ на Мольера. Они прибѣгали къ шуткѣ, къ насмѣшкѣ, чтобы забыться, заглушить тоску, какъ другіе заглушаютъ ее житейскимъ разгуломъ. Чему приписать свою тоску, Гоголь не знаетъ; болѣзнь самъ онъ считаетъ объясненіемъ недостаточнымъ. Не ясно ли ужь изъ одного этого, что онъ не былъ похожъ на людей нынѣшняго времени, очень хорошо понимающихъ причину своей грусти? Онъ, создавшій Чичикова, Сквозника-Дмухановскаго и Акакія Акакіевича, не знаетъ, что грусть на душу благороднаго человѣка навѣвается зрѣлищемъ Чичиковыхъ и Акакіевъ Акакіевичей! Это странно для насъ, привыкшихъ думать о связи отдѣльныхъ фактовъ съ общею обстановкою нашей жизни; но Гоголь не подозрѣвалъ этой связи.

«.... выдумывать цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, по«ставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не «заботясь о томъ, для чего это и кому отъ этого произойдетъ ка«кая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ ни«какіе вопросы, подталкивала.»

Нѣкоторые вздумали говорить, что Гоголь самъ не понималъ смысла своихъ произведеній, — это нелѣпость, слишкомъ очевидная; но то справедливо, что негодуя на взяточничество и самоуправство провинціальныхъ чиновниковъ въ своемъ «Ревизорѣ», Гоголь не предвидѣлъ, куда поведетъ это негодованіе: ему казалось, что все дѣло ограничивается желаніемъ уничтожить взяточничество; связь этого явленія съ другими явленіями не была ему ясна. Нельзя не вѣрить ему, когда онъ говоритъ, что испугался, увидѣвъ, какія далекія слѣдствія выводятся изъ его нападеній на плутни провинціальныхъ чиновниковъ.

Стройныя и сознательныя убѣжденія развиваются въ человѣкѣ не иначе, какъ или подъ вліяніемъ общества, или при помощи литературы. Кто лишенъ этихъ вспомогательныхъ средствъ, тотъ обыкновенно на всю жизнь остается при отрывочныхъ мнѣніяхъ объ отдѣльныхъ фактахъ, не чувствуя потребности придать имъ сознательное единство. Такіе люди до сихъ поръ составляютъ большинство у насъ даже между тѣми, которые получили такъ называемое основательное образованіе. Объ отдѣльныхъ случаяхъ они судятъ болѣе или менѣе справедливо, но вы бываете поражены безсвязностію и внутреннею разладицею ихъ сужденій, какъ скоро

рѣчь пойдетъ о какихъ нибудь общихъ и обширныхъ вопросахъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ представлялось еще гораздо меньше средствъ и внѣшнихъ побужденій выйти изъ этого состоянія. Литература въ то время представляла гораздо меньше, нежели нынѣ, для развитія стройнаго образа мыслей; мнѣнія лучшихъ писателей оказывались вообще очень шаткими, какъ скоро дѣло доходило до общихъ вопросовъ, о которыхъ говорили вообще на удачу. Читая, напр., прозаическія статьи Пушкина вы удивляетесь тому какъ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ на двухъ, трехъ страницахъ соединить такъ много разнорѣчащихъ мыслей. Въ обществѣ тогда было очень мало наклонностей къ размышленію: это доказывается уже чрезвычайнымъ успѣхомъ «Библіотеки для Чтенія», неимѣвшей никакого образа мыслей. Очень извинительно было бы Гоголю, еслибъ онъ остался навсегда на той ступени умственныхъ потребностей, на какой оставались во всю жизнь почти всѣ писатели, бывшіе у насъ двадцать лѣтъ назадъ. Но онъ едва пережилъ первую пору молодости, какъ уже почувствовалъ непреодолимую потребность пріобрѣсти опредѣленный взглядъ на человѣческую жизнь, пріобрѣсти прочныя убѣжденія, неудовлетворяясь отрывочными впечатлѣніями и легкими, безсвязными мнѣніями, которыми довольствовались другіе. Это свидѣтельствуетъ о высокости его натуры. Но одного инстинкта натуры мало для того, чтобы пойти вѣрнымъ путемъ къ справедливому рѣшенію глубочайшихъ и запутаннѣйшихъ вопросовъ науки; для этого нужно также или имѣть научное приготовленіе къ тому, или надежныхъ руководителей. Припомнимъ же теперь, въ какомъ положеніи находился Гоголь, когда былъ застигнутъ потребностію создать себѣ прочный образъ мыслей.

Въ обществѣ, среди котораго онъ жилъ, пока оставался въ Россіи, онъ не находилъ заботы размышлять о тѣхъ задачахъ, которыя теперь занимали его. О нихъ говорилось такъ мало, что онъ не имѣлъ даже случая узнать, къ какимъ книгамъ слѣдуетъ ему обратиться при изслѣдованіи вопросовъ современной жизни; онъ не зналъ даже того, что какъ бы ни были достойны уваженія люди, жившіе за полторы тысячи лѣтъ до насъ, они не могутъ быть руководителями нашими, потому что потребности общества въ ихъ время были совершенно не таковы, какъ нынѣ, ихъ цивилизація была вовсе не похожа на нашу. Общество оставило его подъ вліяніемъ уроковъ и рекомендацій, какіе слышалъ онъ въ дѣтствѣ; потому что это общество никогда не занималось тѣми высокими нравственными вопросами, о которыхъ слышалъ нѣкогда ребенокъ отъ своей матери. И вотъ теперь, когда двадцати-семилѣтній человѣкъ вздумалъ искать въ книгахъ рѣшенія задачъ, его мучившихъ, онъ

не зналъ, къ какимъ книгамъ обратиться ему, кромѣ тѣхъ, какія нѣкогда совѣтывали ему читать въ родительскомъ домѣ. Положеніе странное, неправдоподобное, но оно дѣйствительно было такъ. Много лѣтъ спустя, когда случилось Гоголю, по поводу своей «Переписки съ друзьями», вступить въ споръ съ человѣкомъ иного образа мыслей, онъ наивно ссылался на авторитеты, завѣщанные ему дѣтствомъ, никакъ не предполагая, чтобы его противникъ, или кто бы то ни было въ мірѣ, могъ иначе думать о нихъ, или идти къ истинѣ не при исключительномъ ихъ руководствѣ. Еще позднѣе, когда онъ писалъ свою «Авторскую Исповѣдь», онъ столь же наивно оправдывался отъ обвиненій въ заблужденіяхъ опять таки ссылками на эти авторитеты и воображалъ, что несомнѣнно убѣдитъ всѣхъ въ истинности своего пути, какъ скоро объяснитъ, какими авторитетами онъ руководился: ясно видишь, когда читаешь «Авторскую Исповѣдь», что Гоголю не приходитъ и въ голову мысль о возможности такого возраженія: «Ты читалъ не тѣ книги, какія нужно было тебѣ читать». Онъ воображаетъ, что всѣ будутъ согласны съ нимъ, когда онъ утверждаетъ, что нѣтъ иной истины, кромѣ истины, заключающейся въ книгахъ, завѣщанныхъ ему дѣтскими воспоминаніями.

Въ настоящее время такая умственная безпомощность едва ли была возможна; но двадцать лѣтъ тому назадъ, многое было иначе. Теперь наша литература, какова бы она ни была, проникнута мыслію. Около 1835 — 37 года этого не было; теперь въ обществѣ вы очень часто слышите разговоры «о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе», тогда это случалось несравненно рѣже. Но кому покажется слишкомъ невѣроятной наивность Гоголя, тотъ можетъ присмотрѣться къ своимъ знакомымъ, и тогда повѣритъ ей: какъ часто и теперь вы встрѣчаете людей, которые и русскіе журналы и даже иностранныя газеты читаютъ, а между тѣмъ въ сомнительныхъ случаяхъ обращаются за справкою къ своимъ школьнымъ урокамъ! Разница между ними и Гоголемъ не слишкомъ значительна.

Если бы Гоголь жилъ въ Россіи, вѣроятно, онъ встрѣчалъ бы людей, противорѣчащихъ ему во мнѣніи о методѣ, имъ избранной, хотя и тутъ едва ли могло бы вліяніе этихъ людей устоять противъ громкихъ именъ, одобрявшихъ путь, на который сталъ онъ. Но онъ жилъ за границею въ обществѣ трехъ, четырехъ людей, имѣвшихъ одинакія съ нимъ понятія объ авторитетахъ, которыми вздумалъ онъ руководствоваться. Какъ видно изъ его писемъ, ближайшими его друзьями были Жуковскій и Языковъ. Тонъ писемъ показываетъ, что эти два знаменитые писателя могли только усиливать

наклонность, развивавшуюся въ Гоголѣ. Тотъ и другой далеко превосходили Гоголя своею образованностію; тотъ и другой въ частной жизни были людьми, внушавшими къ себѣ уваженіе и довѣріе. Кромѣ того, Языковъ имѣлъ много случаевъ оказывать Гоголю важныя услуги; еще больше добра сдѣлалъ Гоголю Жуковскій; человѣкъ всегда бываетъ расположенъ съ особенною симпатіею принимать мнѣнія людей, которыхъ считаетъ хорошими людьми въ частной жизни.

Изъ друзей, оставшихся въ Россіи, довѣреннѣйшимъ лицомъ Гоголя былъ г. Шевыревъ. Сочиненія этого ученаго доказываютъ, что онъ долженъ былъ ободрять наклонности, которыя овладѣвали умственной жизнію Гоголя.

Этимъ знакомствамъ надобно приписывать сильное участіе въ образованіи у Гоголя того взгляда на жизнь, который выразился «Перепискою съ друзьями». По всѣмъ соображеніямъ, особенно сильно должно было быть въ этомъ случаѣ вліяніе Жуковскаго.

Направленіе, принятое мыслями Гоголя, давно охарактеризовано словомъ: «аскетизмъ.» Въ благородной душѣ наклонность къ аскетизму развивается скорѣе всего при зрѣлищѣ праздной роскоши. Именно въ этомъ случаѣ получаетъ справедливый смыслъ проповѣдь о воздержаніи, о борьбѣ съ прихотями и страстями. Гоголь за границею былъ именно въ такомъ положеніи. Еще въ Петербургѣ, благодаря посредничеству литературныхъ друзей, началось его сближеніе съ людьми высшаго общества. За границею онъ почти исключительно встрѣчалъ русскихъ путешественниковъ изъ высшаго круга. Говорить имъ о необходимости отреченія отъ ветхаго человѣка, значило говорить имъ о сочувствіи къ бѣднымъ и страждущимъ, и если мы будемъ помнить, къ какому классу принадлежали люди, которымъ старался внушить Гоголь презрѣніе земныхъ благъ, то многіе изъ его рѣчей пріобрѣтутъ смыслъ болѣе разумный, нежели какъ могло бы показаться, если бы мы забыли, что рѣчи эти порождены были сношеніями съ счастливцами земли. Проповѣдывать умѣренность бѣдняку, и безъ того уже лишенному всякихъ излишествъ—дѣло безсмысленное, внушаемое холоднымъ сердцемъ. Но говорить о смиреніи и состраданіи людямъ знатнымъ и сильнымъ чувствуетъ наклонность каждый желающій блага обществу.

Гоголя обвиняли за то, что онъ въ послѣдніе годы жизни сближался почти исключительно съ людьми знатными и богатыми. Почти каждому изъ насъ легче упрекать въ этомъ другихъ, нежели оправдать себя. Нелѣпою клеветою было бы думать, что въ характерѣ русскаго человѣка отъ природы лежитъ черта, столько раз-

осмѣянная Гоголемъ. Но описавъ Петрушку и Селифана, Гоголь не даромъ замѣчаетъ, что «весьма совѣстится занимать такъ долго читателей людьми низкаго класса, зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній.» Дѣйствительно, эта страсть до того распространена въ обществѣ, что обвинять за нее того или другаго отдѣльнаго человѣка почти также несправедливо, какъ негодовать на Даму, прекрасную во всѣхъ отношеніяхъ, зато, что она носила корсетъ. Быть можетъ, носить корсеты вредная привычка; быть можетъ, имѣть страсть къ знатнымъ знакомствамъ — дурная привычка. Но какъ осуждать отдѣльнаго человѣка за то, въ чемъ виновато все общество?

Была въ характерѣ Гоголя другая черта, имѣющая довольно тѣсное отношеніе съ наклонностію къ знатному кругу и также несообразная съ идеаломъ человѣческаго характера. Тѣ, которые говорили о Гоголѣ дурно, называли его человѣкомъ подобострастнымъ, искательнымъ. Безпристрастный судья едва ли согласится на такой рѣзкій отзывъ. Но то справедливо, что замѣтна въ Гоголѣ какая-то гибкость, какое-то излишнее желаніе избѣгать противорѣчій, говорить съ каждымъ въ его тонѣ, вообще приноровляться къ людямъ болѣе, нежели слѣдовало бы. Но и эта слабость принадлежитъ не отдѣльному человѣку, а всему обществу. Избитая латинская поговорка Saeculi vitia, non hominis, — «пороки эпохи, а не человѣка», — эта поговорка можетъ быть очень полезна не только для оправданія личностей, но, что гораздо важнѣе, для исправленія нравовъ общества. Совершенно напрасно подражать тому, который, увидѣвъ своего знакомаго, имѣющаго часть любезности и оборотливости Павла Ивановича «толкнетъ (по выраженію Гоголя) подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: «Смотри, смотри, вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!» и потомъ, какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ въ-догонку, поддразнивая сзади и приговаривая: «Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!» Вмѣсто этого напраснаго глумленія, Гоголь предлагаетъ каждому изъ насъ посмотрѣть на себя съ запросомъ: «А нѣтъ ли и во мнѣ какой нибудь части Чичикова?» Это дѣло, конечно, очень хорошее, но, опять, едва ли не безполезное: пока не измѣнятся понятія и привычки общества, едва ли удастся кому нибудь изъ насъ, при всѣхъ возможныхъ анализахъ собственной души, измѣнить и собственныя привычки: онѣ поддерживаются требованіями общества, обстановкою нашей жизни;

отказаться отъ дурныхъ привычекъ, господствующихъ въ обществѣ, точно также трудно, какъ и нарушать хорошія привычки, утвердившіяся въ обществѣ. Никто изъ насъ не рѣшится отравить своего непріятеля, какъ отравляли въ-старину; едва ли многіе изъ насъ въ состояніи много превзойти Гоголя стоицизмомъ въ обращеніи съ людьми, пока общество не будетъ требовать благородной прямоты въ обращеніи. И такъ, лучше всего подумать о томъ, какими обстоятельствами и отношеніями порождены и поддерживаются въ нашемъ обществѣ пороки, которыми мы недовольны, и какимъ образомъ можно было бы отстранить эти обстоятельства и улучшить эти отношенія.

Какъ развитіемъ всѣхъ хорошихъ своихъ качествъ человѣкъ бываетъ обязанъ обществу, точно такъ и развитіемъ всѣхъ своихъ дурныхъ качествъ. На удѣлъ человѣка достается только наслаждаться или мучиться тѣмъ, что даетъ ему общество. Съ этой точки мы должны смотрѣть и на Гоголя. Напрасно было бы отрицать его недостатки: они слишкомъ очевидны; но они были только отраженіемъ русскаго общества. Лично ему принадлежитъ только мучительное недовольство собой и своимъ характеромъ, недовольство, въ искренности котораго невозможно сомнѣваться, перечитавъ его «Авторскую исповѣдь» и письма; это мученіе, ускорившее его кончину, свидѣтельствуетъ, что по натурѣ своей онъ былъ расположенъ къ чему-то гораздо лучшему, нежели то, чѣмъ сдѣлало его наше общество. Лично ему принадлежитъ также чрезвычайное энергическое желаніе пособить общественнымъ недостаткамъ и своимъ собственнымъ слабостямъ. Исполненію этого дѣла онъ посвятилъ всю свою жизнь. Не его вина въ томъ, что онъ схватился за ложныя средства: общество не дало ему возможности узнать во время о существованіи другихъ средствъ.

Мало мы знаемъ о нашихъ геніальныхъ людяхъ прошлыхъ поколѣній, но вообще все, что мы знаемъ о нихъ, наполняетъ насъ какимъ-то неудовольствіемъ. Ни одному изъ нихъ не доставалось счастья, такъ часто замѣчаемаго въ исторіи людей другихъ странъ: соединить безукоризненность частнаго характера съ великими заслугами обществу, и тѣ недостатки, которые прискорбнѣе всего въ характерѣ Гоголя, принадлежали почти всѣмъ другимъ геніальнымъ людямъ прошлыхъ поколѣній. Примѣромъ этого пусть служитъ Суворовъ; въ немъ также слишкомъ много было гибкости характера. Мы не хотимъ приводить другихъ примѣровъ, но ихъ можно набрать десятки. Только въ самое послѣднее время стали являться у насъ между людьми, замѣчательными по уму, такіе, которые не дѣлаютъ уступокъ въ своихъ словахъ, которые говорятъ всегда

дѣйствительно то, что́ думаютъ, безъ всякихъ умолчаній и хитрыхъ оговорокъ. До послѣдняго времени въ устахъ умнаго человѣка «да» значило у насъ не то, что значитъ во всей остальной Европѣ: «*Я въ душѣ согласенъ съ вами*», эти слова значили только: «*Я не считаю приличнымъ, или удобнымъ, противорѣчить вамъ.*»

Общность этого недостатка прямоты доказываетъ, что были какія-то общія обстоятельства, подчинявшія своему вліянію всѣ личности, за очень немногими исключеніями.

Но мы далеко уклонились отъ рѣчи объ аскетизмѣ, которому предался Гоголь. Людямъ того поколѣнія, которое пріобрѣло господство въ нашей литературѣ послѣ отъѣзда Гоголя за границу, аскетизмъ этотъ казался такъ несообразенъ съ ихъ понятіемъ о слѣдствіяхъ, естественно вытекающихъ изъ прежнихъ сочиненій Гоголя, что вообще распространилась мысль, будто Гоголь «Переписской съ друзьями» отказывается отъ своей прежней дѣятельности и даже долженъ осуждать тотъ огонь негодованія противъ общественныхъ пороковъ, который давалъ жизнь «Ревизору» и первому тому «Мертвыхъ Душъ». Многія неловкія выраженія о прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, со стороны самого Гоголя, подтверждали эту догадку. Но чтеніе писемъ, теперь изданныхъ, заставляетъ насъ согласиться съ увѣреніями Гоголя, что новое направленіе не помѣшало ему сохранить свои прежнія мнѣнія о тѣхъ предметахъ, которыхъ касался онъ въ «Ревизорѣ» и первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ». Сущность перемѣны, происшедшей съ Гоголемъ, состояла въ томъ, что прежде у него не было опредѣленныхъ общихъ убѣжденій, а были только частныя мнѣнія объ отдѣльныхъ явленіяхъ; теперь онъ построилъ себѣ систему общихъ убѣжденій. При этомъ дѣлѣ человѣкъ обыкновенно сохраняетъ тѣ частныя мнѣнія, какія имѣлъ прежде, и если они логически не подходятъ подъ общій принципъ, имъ вновь принимаемый, онъ скорѣе обманетъ себя, допуститъ логическую непослѣдовательность, допуститъ очевидное противорѣчіе, нежели найдетъ нужнымъ отказаться отъ прежнихъ мнѣній. Съ такъ называемыми нравственными обращеніями почти такая же исторія, что съ промѣномъ одного языка на другой. Эльзасскій нѣмецъ вздумалъ быть французомъ, и дѣйствительно употребляетъ французскія слова, но выговоръ остался у него прежній, весь складъ рѣчи прежній, и по одной фразѣ, по одному слову, вы тотчасъ узнаете, что передъ вами все-таки нѣмецъ, а не французъ. Идолопоклонники — китайцы вздумали быть буддистами, и по общимъ фразамъ ихъ кажется, будто они стали монотеистами; но они сохранили всѣхъ своихъ идоловъ и всѣ свои прежнія понятія.

Съ того времени, какъ Гоголемъ овладѣло аскетическое направленіе, письма его наполнены разсужденіями о такихъ предметахъ, которыми прежде онъ мало занимался. Но если вы, преодолѣвъ скуку, наводимую однообразіемъ этихъ писемъ, всмотритесь въ нихъ ближе и точнѣе, сравните ихъ съ письмами прежнихъ годовъ, вы увидите, что во второмъ періодѣ сохранилось, кромѣ молодой веселости, все то, что было въ письмахъ перваго періода, и на оборотъ въ письмахъ перваго періода вы найдете уже тѣ черты, которыя, по видимому, должны были бы принадлежать второму періоду. Это убѣжденіе намъ самимъ долго казалось сомнительно; предполагая, что оно можетъ показаться сомнительно и читателю, мы считаемъ нужнымъ подтвердить его выписками довольно многочисленными. Если читатель найдетъ ихъ излишними, тѣмъ лучше: значитъ онъ уже убѣжденъ, что Гоголь, если и заблуждался, то не измѣнялъ себѣ, и что если мы можемъ жалѣть о его судьбѣ, то не имѣемъ права не уважать его.

Одною изъ самыхъ странныхъ особенностей, которыми поразила «Переписка съ друзьями» и предисловіе ко второму изданію перваго тома «Мертвыхъ Душъ», была просьба, съ которою обращался Гоголь къ своимъ читателямъ: присылать ему замѣчанія о русскихъ нравахъ. Это желаніе казалось такъ странно, что многіе сомнѣвались въ его искренности. Но послѣ изданія писемъ она не подлежитъ сомнѣнію: всѣхъ своихъ друзей Гоголь заклинаетъ доставлять ему замѣчанія о русской жизни. Иногда предметъ требованій страненъ до невѣроятности; такъ напримѣръ, одну даму, живущую въ провинціи, онъ проситъ составить для него записку о раскольникахъ той губерніи, совершенно забывая, что дама эта совершенно не имѣетъ понятія о дѣлѣ, которое на нее возлагается. И мы ошиблись бы, если бы приписали только послѣднему періоду жизни Гоголя требованіе матеріаловъ для своихъ сочиненій. Эта привычка была у него съ самого начала и только развилась въ послѣдствіи. Вотъ напримѣръ отрывокъ изъ письма къ матери, посланнаго еще въ 1829 году, при самомъ началѣ литературной карьеры Гоголя, когда онъ приготовлялъ «Вечера на Хуторѣ.»

1829 г. апрѣля 30.

«Теперь, почтеннѣйшая маменька, мой добрый ангелъ-хранитель, теперь васъ прошу въ свою очередь сдѣлать для меня величайшее изъ одолженій. Вы имѣете тонкій наблюдательный умъ, вы много знаете обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщать мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. Это мнѣ очень, очень нужно. Въ слѣдующемъ письмѣ я ожидаю отъ васъ описанія полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до

самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ; равнымъ образомъ названія платья, носимаго нашими крестьянскими дѣвками, до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками. Вторая статья: названіе точное и вѣрное платья, носимаго до временъ гетманскихъ. Вы помните, разъ мы видѣли въ нашей церкви одну дѣвку, одѣтую такимъ образомъ. Объ этомъ можно будетъ разспросить старожиловъ: я думаю, Анна Матвѣевна, или Агаѳія Матвѣевна много знаютъ кое-чего изъ давнихъ годовъ. Еще обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская наималѣйшихъ подробностей. Объ этомъ можно разспросить Демьяна (кажется, такъ его зовутъ, прозванія не вспомню), котораго мы видѣли учредителемъ свадебъ и который зналъ, по видимому, всѣ возможныя повѣрья и обычаи. Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть, кромѣ того, какіе либо духи или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ, и проч. и проч. и проч. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно. На этотъ случай и чтобы вамъ не было тягостно, великодушная, добрая моя маменька, совѣтую имѣть корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ нашего повѣта. Александра Ѳедоровна, которой смѣтливости и тонкимъ замѣчаніямъ я всегда удивлялся, можетъ въ этомъ случаѣ оказать вамъ очень большую помощь.» (Томъ V, стран. 81.)

Въ этомъ отрывкѣ тотъ же патетическій тонъ, какъ и въ просьбахъ о «Мертвыхъ Душахъ», будто бы дѣло идетъ о предметѣ первой необходимости, будто безъ присылки замѣчаній отъ матери Гоголь не въ состояніи описывать малорусскую жизнь. Таже самая странность и въ томъ, что свѣдѣнія, требуемыя Гоголемъ, кажутся иногда излишними не только человѣку, проведшему все дѣтство въ Малороссіи, но прожившему хотя недѣлю въ этой странѣ. Напримѣръ, неужели Гоголь могъ не знать «полнаго наряда сельскаго дьячка»? Наконецъ та же самая обширность обязанностей, налагаемыхъ Гоголемъ: онъ проситъ мать набрать особенныхъ корреспондентовъ по разнымъ мѣстамъ, для доставленія ему свѣдѣній. Разница только въ одномъ: пока Гоголь думаетъ, что достоинство его сочиненій важно только для людей близкихъ къ нему, онъ обращается съ просьбою только къ людямъ близкимъ; потомъ онъ проситъ безъ различія всѣхъ своихъ читателей,—но за то вѣдь онъ уже полагаетъ, что достоинство его сочиненій важно для каждаго читателя.

Странною чертою въ «Перепискѣ съ друзьями» казалось увѣреніе, что нужно только укрѣпиться въ вѣрѣ и тогда легко будетъ

переносить самыя прискорбныя утраты. Это было принято даже за лицемѣріе, по пословицѣ «чужую бѣду по пальцамъ разведу». Но вотъ что пишетъ Гоголь на семнадцатомъ году жизни, получивъ извѣстіе о смерти отца.

1825 г. апрѣля 23 дня.

«Не безпокойтесь, дражайшая маменька! Я сей ударъ перенесъ съ твердостію истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ; однакожь не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ. Оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего; и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая наконецъ превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему.» (Томъ V. стран. 19.)

За тѣмъ Гоголь продолжаетъ разсуждать, что «благословляетъ священную вѣру, въ которой находитъ утоленіе своей горести», такъ что «теперь онъ спокоенъ.» Неужели въ самомъ дѣлѣ не былъ опечаленъ шестнадцатилѣтній мальчикъ смертію отца?—Странна казалась въ «Перепискѣ» манера утверждать, что самыя тяжелыя потери надобно считать за радостныя событія, потому что ими очищается душа и доказывается благоволеніе Промысла. Но что это не было притворствомъ, а дѣйствительнымъ убѣжденіемъ Гоголя, видимъ изъ письма къ матери, по случаю жестокой горести, поразившей одного изъ ближайшихъ друзей Гоголя.

1838 г. мая 16.

«Я получилъ ваше письмо и уже хотѣлъ было отвѣчать на него, какъ вдругъ мнѣ принесли еще одно ваше письмо, въ которомъ вы извѣщаете о смерти Татьяны Ивановны. Мнѣ было тоже прискорбно объ этомъ слышать. Мнѣ еще болѣе было жаль, что мой добрый Данилевскій не со мною въ это время, чтобы я могъ сколько нибудь облегчить участіемъ его потерю и утѣшить его въ ней. Я, однакожь, написалъ ему объ этомъ въ Парижъ, гдѣ онъ теперь находится и гдѣ, можетъ быть, уже получилъ это печальное извѣстіе безъ меня. Частыя потери наконецъ такъ пріучаютъ сердце и умъ къ мысли о смерти, что она наконецъ не имѣетъ для насъ ничего ужаснаго. Истинный христіанинъ радуется смерти близкаго своему сердцу. Онъ, правда, разлучается съ нимъ, онъ не видитъ уже его, но онъ утѣшенъ мыслію, что другъ его уже вкушаетъ блаженство, уже бросилъ всѣ горести, уже ничто не смущаетъ его; и въ этомъ-то состоитъ глубокое самоотверженіе, какое можетъ только быть, и какое можетъ только внушить одна христіанская религія.» (Томъ V, стр. 325).

Въ письмѣ къ матери о постороннемъ человѣкѣ Гоголю не было нужды надѣвать маску; по этому можно вѣрить искренности его

мнѣнія, когда онъ въ письмѣ къ самому А. С. Данилевскому толкуетъ, что «можетъ быть, горесть, постигшая тебя, есть переломъ, который высшія силы почли для тебя нужнымъ, и эти исполненныя сильной горести слезы были для оживленія твоей души.» А надобно замѣтить, что эти письма относятся къ 1838 году, когда Гоголь еще не предавался аскетическому направленію.

Чертою лицемѣрной гордости, подъ маскою смиренія, казались разсужденія Гоголя о томъ, что въ каждомъ событіи своей жизни видитъ онъ руку Промысла; но вотъ отрывокъ изъ письма его къ матери: оно ни мало не уступитъ «Перепискѣ съ друзьями», хотя относится еще къ 1829 году.

1829 г. іюля 24.

Теперь, собираясь съ силами писать къ вамъ, не могу понять, отчего перо дрожитъ въ рукѣ моей; мысли тучами налегаютъ одна на другую, не давая одна другой мѣста, и непонятная сила нудитъ и вмѣстѣ отталкиваетъ ихъ излиться передъ вами и высказать всю глубину истерзанной души. Я чувствую налегшую на меня справедливымъ наказаніемъ тяжкую десницу Всемогущаго; но какъ ужасно это наказаніе. Безумный! я хотѣлъ было противиться этимъ вѣчно неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворивъ меня въ жажду, ненасытимую бездѣйственной разсѣянностію свѣта. Онъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспиталъ свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобъ я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра. И я осмѣлился откинуть эти Божественные помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней между сими служащими, издерживающими жизнь такъ безплодно. Пресмыкаться другое дѣло тамъ, гдѣ каждая минута жизни не утрачивается даромъ, гдѣ каждая минута—богатый запасъ опытовъ и знаній; но изжить тамъ вѣкъ, гдѣ не представляется совершенно впереди ничего, гдѣ всѣ лѣта, проведенныя въ ничтожныхъ занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ, — это убійственно!

Не смотря на это все, я рѣшился, въ угодность вамъ больше, служить здѣсь во что бы ни стало; но Богу не было этого угодно. Вездѣ совершенно я встрѣчалъ однѣ неудачи и, что всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, безъ всякой протекціи, легко получали то, чего я, съ помощью своихъ покровителей, не могъ достигнуть. Не явный ли былъ здѣсь надо мною промыслъ Божій? Не явно ли Онъ наказывалъ меня этими всѣми неудачами, въ намѣреніи обратить на путь истинный? Что жъ? я и тутъ упорствовалъ, ожидалъ цѣлые мѣсяцы не получу ли чего. Наконецъ.... какое ужасное наказаніе! Ядовитѣе и жесточе его для меня ничего не было въ мірѣ. Я не могу, я не въ силахъ

написать ... Маменька, дражайшая маменька! я знаю, вы однѣ истинный другъ мнѣ. Повѣрите ли? и теперь, когда мысли мои уже не тѣмъ заняты, и теперь, при напоминаніи, невыразимая тоска врѣзывается въ сердце. Однѣмъ вамъ я только могу сказать.... Вы знаете, что я былъ одаренъ твердостію, даже рѣдкою въ молодомъ человѣкѣ.... Кто бы могъ ожидать отъ меня подобной слабости? Но я видѣлъ ее.... нѣтъ, не назову ее.... она слишкомъ высока для всякаго, не только для меня. .. Лицо, котораго поразительное блистаніе въ одно мгновеніе печатлѣется въ сердцѣ; глаза быстро пронзающіе душу; но ихъ сіянія, жгучаго, проходящаго насквозь всего, не вынесетъ ни одинъ изъ человѣковъ. О, если бы вы посмотрѣли на меня тогда!.... правда, я умѣлъ скрывать себя отъ всѣхъ, но укрылся ли отъ себя? Адская тоска, съ возможными муками, кипѣла въ груди моей. О, какое жестокое состояніе! Мнѣ кажется, если грѣшникамъ уготованъ адъ, то онъ не такъ мучителенъ. Нѣтъ, это не любовь была.... Я по крайней мѣрѣ не слыхалъ подобной любви. Въ порывѣ бѣшенства и ужаснѣйшихъ душевныхъ терзаній, я жаждалъ, кипѣлъ упиться однимъ только взглядомъ, только одного взгляда алкалъ я.... Взглянуть на нее еще разъ—вотъ бывало одно единственное желаніе, возраставшее сильнѣе и сильнѣе, съ невыразимою ѣдкостью тоски. Съ ужасомъ осмотрѣлся и разглядѣлъ я свое ужасное состояніе. Все совершенно въ мірѣ было для меня тогда чуждо, жизнь и смерть равно несносны, и душа не могла дать отчета въ своихъ явленіяхъ. Я увидѣлъ, что мнѣ нужно бѣжать отъ самого себя, если я хотѣлъ сохранить жизнь, водворить хотя тѣнь покоя въ истерзанную душу. Въ умиленіи, я призналъ невидимую Десницу, пекущуюся о мнѣ, и благословилъ такъ дивно назначаемый путь мнѣ. Нѣтъ, это существо, которое Онъ послалъ лишить меня покоя, разстроить шаткосозданный міръ мой, не была женщина. Если бы она была женщина, она бы всею силою своихъ очарованій не могла произвесть такихъ ужасныхъ, невыразимыхъ впечатлѣній.... Но, ради Бога, не спрашивайте ея имени. Она слишкомъ высока, высока. (Томъ V, стр. 84—86).

Въ этомъ отрывкѣ тотъ же самый мистическій тонъ, какъ и въ письмахъ аскетическаго періода.

Высокомѣрнымъ ханжествомъ казались требованія Гоголя, чтобы каждый непремѣнно читалъ его «Переписку съ друзьями» для душевной пользы своей, и предписанія, какъ именно читать ее, и приказанія передавать ее для чтенія другимъ. Каковы бы ни были эти совѣты и требованія, но Гоголь давалъ ихъ отъ чистаго сердца, по твердому убѣжденію въ ихъ великой пользѣ; это доказывается письмами къ матери, изъ которыхъ вотъ отрывокъ одного:

1843 г. 1 октября.

«Письма ваши и вмѣстѣ съ ними письма сестеръ моихъ я получилъ. Сказать по истинѣ, всѣ они вообще меня нѣсколько изумили, изумили

меня именно въ слѣдующемъ отношеніи: я не ожидалъ ничего болѣе насчетъ моего письма, какъ только одного простаго увѣдомленія, что оно получено. Вмѣсто того, получилъ я цѣлыя страницы объясненій и оправданій, точно какъ будто бы я обвинялъ кого нибудь. Если кто ощущаетъ желаніе оправдаться въ чемъ либо, пусть оправдывается передъ своею совѣстью, или передъ духовникомъ своимъ. А я не могу и не хочу быть обвинителемъ никого. Многіе даже позабыли, что все до послѣдняго слова въ письмѣ слѣдуетъ взять на свой счетъ, а не одно то, что болѣе забираетъ за живое. Другимъ вообразилось, что я вслѣдствіе неудовольствія написалъ это письмо. На это скажу вамъ, что ни одно письмо не было къ вамъ въ духѣ такой душевной любви, какъ это письмо. Но оставимъ объ этомъ всякія изъясненія. Исполните теперь мою просьбу, о которой васъ буду просить: оставьте мое письмо, не читайте его, не заговаривайте о немъ, даже между собою, до самого Великаго поста. Но зато дайте мнѣ всѣ слово во все продолженіе первой недѣли Великаго поста (мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы говѣли на первой недѣлѣ) читать мое письмо, перечитывая всякій день по одному разу, и входя въ точный смыслъ его, который не можетъ быть доступенъ съ перваго разу. Кто меня любитъ, тотъ долженъ все это исполнить. Послѣ этого времени, то-есть, послѣ говѣнія, если кому нибудь придетъ душевное желаніе писать ко мнѣ по поводу этого письма, тогда онъ можетъ писать и объяснять все, что ни подскажетъ ему душа его.

«Теперь я долженъ еще вамъ сдѣлать замѣчанія насчетъ двухъ выраженій въ письмѣ вашемъ. Въ одномъ вы говорите, что я теперь истинный христіанинъ. Прежде всего — это неправда. Я отъ этого имени далѣе, чѣмъ кто либо изъ васъ, и всѣ эти упреки, которые каждая нашла въ письмѣ моемъ, какъ направленные собственно на нее, всѣ эти упреки, собравъ вмѣстѣ, можно сдѣлать одному мнѣ, и такое дѣйствіе будетъ справедливо вполнѣ. Въ другомъ мѣстѣ вы говорите, что рѣдкій братъ сдѣлалъ столько для сестеръ, какъ я. На это я вамъ скажу искренно: истинно полезнаго я не сдѣлалъ ничего для моихъ сестеръ. Одно только я сдѣлалъ истинно полезное дѣло, написавши это письмо. Но и тутъ не мой подвигъ: безъ помощи иной, я бы не могъ этого сдѣлать. Къ тому же это письмо, въ истинномъ смыслѣ своемъ, осталось не понятно. Стало быть я ничего не сдѣлалъ. Но ни слова больше объ этомъ предметѣ, какъ бы ни зашевелился у кого нибудь языкъ заговорить о немъ. Только этими словами отвѣчайте на письмо это: *Просьба насчетъ письма будетъ исполнена*, и ничего болѣе. Предметовъ у васъ, вѣрно, найдется поговорить, и кромѣ этого письма. (Томъ VI, стр. 27—28).

Удивительны распоряженія о томъ, какъ читать письмо; не менѣе удивительно и чрезвычайно высокое мнѣніе о необыкновенномъ благодѣяніи, которое онъ оказываетъ матери и сестрамъ этимъ письмомъ. Для родныхъ своихъ, Гоголь сдѣлалъ, въ самомъ

дѣлѣ, много: онъ воспиталъ своихъ сестеръ, онъ уступилъ имъ свое имѣнье, мать хвалитъ его за это. «Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, это все пустяки, а вотъ за письмо это, вы дѣйствительно можете считать меня своимъ благодѣтелемъ, но я не горжусь тѣмъ: не самъ собою, а по внушенію высшей силы написалъ я это, да и не можетъ человѣкъ сотворить такого великаго дѣла безъ помощи высшей силы.»

Много у Гоголя во второмъ періодѣ писемъ, производящихъ очень невыгодное впечатлѣніе; но изъ всѣхъ, самое тяжелое чувство наводится тѣми, въ которыхъ онъ своей матери проповѣдуетъ правила жизни хозяйственной и даже нравственной. Мы защищаемъ добрую славу великаго писателя, но не будемъ молчать о фактахъ, даже наиболѣе способныхъ поколебать довѣріе къ его сердцу. Вотъ отрывки изъ этихъ писемъ, передъ которыми очень слабымъ свидѣтельствомъ противъ Гоголя кажутся всѣ остальныя его слова и поступки:

1847 г. января 25.

«Пишу къ вамъ вновь, по поводу вашихъ писемъ, перечитавши ихъ снова. Сначала мнѣ было очень непріятно, что письмо мое, пришедши не вмѣстѣ съ книгой, ввело васъ въ заблужденіе и тревожное состояніе духа. Теперь я вижу, что случилось это не безъ воли Божіей. Письмо мое нечаяннымъ образомъ послужило пробою вашего состоянія душевнаго и обнаружило предо мною, на какой степени любви и вѣры и вообще на какой степени христіанскихъ познаній и добродѣтелей находитесь вы всѣ, тѣмъ болѣе, что по письмамъ, писаннымъ по пріѣздѣ изъ Кіева, мнѣ уже было показалось, что сестры мои поняли, что̀ такое христіанство и чѣмъ оно необходимо въ дѣлахъ жизни. Я обманулся. Духовное распоряженіе, которое я сдѣлалъ во время тяжкой болѣзни, отъ которой меня Богъ Своею милостью избавилъ,—распоряженіе, которое дѣлаетъ въ такія минуты всякъ,—распоряженіе, которое, по настоящему, всякъ христіанинъ долженъ сдѣлать заблаговременно и безъ болѣзни, хотя бы надѣялся на свои силы и совершенное здоровье, потому что не мы правимъ днями своими—человѣкъ сегодня живъ, а завтра его нѣтъ,—это самое распоряженіе сдѣлало такое впечатлѣніе на васъ всѣхъ, кромѣ одной Ольги, какъ бы я уже умеръ, и меня нѣтъ на свѣтѣ. Я изумился только тому, какъ могутъ упасть духомъ тѣ, которые только молятся Богу, а не живутъ въ Немъ, какъ Богъ наказываетъ ихъ помраченіемъ разсудка; потому что такъ перетолковать строки письма моего можетъ одинъ тотъ, у котораго въ затмѣніи разсудокъ. (Томъ VI, стр. 330—331).

1847 г. февраля 16.

«Повторяю вамъ всѣмъ вновь, что, относительно денежныхъ расходовъ, нужно, болѣе, чѣмъ когда либо, наблюдать бережливость и бла-

горазумiе, чтобы умѣть не только содержать самихъ себя, но еще прiйти въ возможность помогать другимъ, потому что теперь болѣе, чѣмъ когда либо прежде, нуждающихся. Если вамъ вообразилось, что вы уже распоряжаетесь очень умно и хозяйничаете совершенно, такъ, какъ слѣдуетъ истинно хорошимъ хозяйкамъ, и достигнули уже такой мудрости, что умѣете чувствовать границу между излишнимъ и необходимымъ, и не издерживаете ни на что, какъ только на самое нужное; то знайте, что духъ гордости овладѣлъ вами и самъ сатана подсказываетъ вамъ такiя рѣчи, потому что и наиопытнѣйшiй хозяинъ и наиумнѣйшiй человѣкъ дѣлаетъ ошибки. Счастливъ тотъ, кто видитъ свои ошибки и перебираетъ въ мысляхъ всѣ сдѣланныя дѣла свои именно затѣмъ, чтобы отъискать въ нихъ ошибки: онъ достигнетъ совершенства и во всемъ успѣетъ. Горе тому, кто самоувѣренъ и не разсматриваетъ прежнихъ поступковъ, въ убѣжденiи, что они всѣ умны: ему никогда не добыть разума; Богъ его оставитъ. (Томъ VI, стр. 342).

1847 г. февраля 16.

«Пишу къ вамъ такъ часто теперь потому, что мнѣ случилось имѣть свободное время, и потому, что вижу надобность хоть сколько нибудь васъ укрѣпить въ *дѣлѣ жизни*. Я никогда не думалъ до сихъ поръ, чтобы вы были такъ мало христiанки. Я думалъ, что вы все-таки хоть сколько-нибудь понимаете существо христiанства. А вы, какъ видно, мастерицы только исполнять наружные обряды, не пропускать вечерни, поставить свѣчку, да ударить лишнiй поклонъ въ землю. А на практикѣ и въ дѣлѣ, гдѣ нужно именно показать человѣку, что онъ живетъ точно во Христѣ, вы, какъ говорится, *на попятный дворъ*. Вотъ почему я написалъ къ вамъ сряду два длинныхъ письма, нынѣшнее и предъидущее, еще не получивши отвѣта на прежнiя, чтобы мнѣ не быть за васъ въ отвѣтѣ передъ Богомъ. Но теперь, въ продолженiе цѣлаго года, вы не будете отъ меня получать писемъ, кромѣ развѣ изрѣдка самыхъ маленькихъ, съ извѣщенiемъ, что, слава Богу, живъ, потому что у меня есть дѣло, которымъ слѣдуетъ заняться, и которое важнѣй нашей переписки. А потому совѣтую вамъ почаще перечитывать мои прежнiя письма во все продолженiе года, такъ какъ бы новыя.» (Томъ VI, стр. 344).

При чтенiи такихъ писемъ трудно было бы удержаться отъ негодованiя, если бы самая неумѣстность и неприличность ихъ не свидѣтельствовала о томъ, что они порождены совершенно особеннымъ настроенiемъ духа: экстазъ тутъ доходитъ до совершеннаго самоослѣпленiя; весь проникнутый идеею о томъ, что «всякъ человѣкъ есть ложь», нуждается въ обличенiяхъ и укоризнахъ нравственныхъ, Гоголь забываетъ для идеи, его ослѣпляющей, о естественныхъ отношенiяхъ сына къ матери, о томъ, что какъ бы то

ни было и что бы то ни было, не сыну быть обличителемъ матери.... Состояніе ужасное, нечеловѣческое.... Но въ чемъ же заключается особенность, которою такъ тяжело дѣйствуютъ эти письма? Въ томъ ли, что сынъ оскорбляетъ мать? Нѣтъ, примѣровъ тому такъ много видимъ мы на свѣтѣ, что они не изумляютъ насъ; если бы Гоголь только оскорблялъ мать, мы сказали бы, что онъ былъ дурной сынъ, и вниманіе наше не остановилось бы на этомъ грустномъ замѣчаніи: мало ли на свѣтѣ дурныхъ сыновей? Ужасно здѣсь то, что Гоголь вовсе не думаетъ нарушать своихъ обязанностей относительно матери; напротивъ, онъ воображаетъ, что исполняетъ ихъ самымъ доблестнымъ образомъ: видите ли, онъ воображаетъ, что заботится о спасеніи души ея, что ведетъ ее къ вратамъ Царства Небеснаго. Слышали ли вы когда нибудь на рынкѣ пѣсню убогихъ слѣпцовъ о томъ сынѣ, который скрылся изъ отцовскаго дома, пришелъ назадъ одѣтый во вретище и поселился, какъ незнаемый нищій, въ конурѣ подъ порогомъ родительскаго дома, и каждый день слышалъ вздохи отца, стоны матери о погибшемъ возлюбленномъ сынѣ, и укрѣпляясь духомъ молчалъ, и только чрезъ много лѣтъ, въ минуту смерти, открылся имъ, что онъ сынъ ихъ? Читали ль вы недавно въ нашихъ газетахъ разсказъ о томъ, какъ одна мать зарѣзала двухъ своихъ дѣтей, зарѣзала съ любовью, съ ласкою, чтобы сдѣлать двухъ мучениковъ и самой спасти душу спасеніемъ двухъ душъ отъ земнаго соблазна? Въ аскетическихъ письмахъ Гоголя вѣетъ тотъ же самый духъ ослѣпленнаго экстаза, — духъ побуждавшій нѣкогда сибирскихъ раскольниковъ сожигаться добровольно въ домахъ своихъ, съ восторженными гимнами о спасеніи, ими пріобрѣтаемомъ чрезъ муки смертныя? Страшно именно это изувѣрство въ письмахъ, отрывки изъ которыхъ привели мы. Невозможно не удивляться силѣ души этихъ сожигавшихъ себя изувѣровъ, этой несчастной женщины убійцы дѣтей своихъ; но невозможно и не проклинать лжеученія, давшаго такое противоестественное, такое пагубное направленіе энергіи, которая могла бы совершить столько прекраснаго и великаго, если бы направлена была къ разумнымъ цѣлямъ. Эти люди, сожигавшіе себя, имѣли въ себѣ всѣ качества души, которыми прославляли себя и спасали отечество Муцій Сцевола и Децій Мусъ или тѣ страдальцы новой цивилизаціи, которые погибали, прививая къ себѣ чуму для испытанія средствъ спасать людей отъ чумы, которые поражаемы бывали молніею, устроивая громоотводы. И не вздумайте говорить, что Гоголь только другихъ училъ страдать, не прилагая къ себѣ своихъ изувѣрскихъ ученій; послѣ описанія его предсмертной болѣзни, напечатанной докторомъ,

его лечившимъ (*), невозможно сомнѣваться въ томъ, что онъ уморилъ себя. Въ одномъ человѣкѣ, какія несообразныя крайности! Человѣкъ мучитъ себя и моритъ, какъ дикій изувѣръ Брынскихъ лѣсовъ! — Да, пришли годы, въ которые человѣкъ, вмѣсто инстинкта природы, долженъ принять своимъ руководителемъ разумъ, когда пришло время разуму овладѣть инстинктомъ, когда по настоящему должна была бы начаться плодотворнѣйшая эпоха его дѣятельности, — оказалось, о горе, о стыдъ намъ! — оказалось, что жизнь среди насъ исказила свѣтлый даръ его разума такъ, что онъ послужилъ только на погибель ему! Страшна и нелѣпа эта жизнь!

И не вздумайте сказать, что примѣръ Гоголя — одинокое явленіе; нѣтъ. Правда, ни въ комъ не было столько энергіи какъ въ немъ, потому ничья погибель и не была такъ страшна, какъ его погибель. Но лучшіе люди, такъ или иначе, изнемогали подъ тяжестію жизни, когда пришла имъ пора, опомнившись отъ страстнаго увлеченія свѣжею молодостью, обозрѣть проницательнымъ взглядомъ мужа жизнь. Легокъ и веселъ былъ характеръ Пушкина, а на тридцатомъ году, подобно Гоголю, изнемогаетъ онъ нравственно, и умираетъ черезъ нѣсколько лѣтъ потому, что невыносимо было ему оставаться на свѣтѣ и онъ искалъ смерти. Лермонтовъ? — Лермонтовъ радъ былъ разстаться поскорѣе съ жизнью:

За все, за все тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцалуя,
За ложь враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ....
Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
Не долго я еще благодарилъ...

Какъ вы думаете, напрашивался ли бы онъ на ссоры и дуэли, еслибы не легче казалась ему жизнь, нежели смерть? А Кольцовъ? — О, у этого судьба была заботлива, она хотѣла избавить его отъ желанія смерти, предупредивъ всякія желанія: желѣзнаго здоровья былъ человѣкъ, а не хватило его желѣзнаго здоровья больше, чѣмъ на

(*) Докторъ этотъ, г. А. Т. Тарасенковъ, находитъ (Моск. Вѣдом. № 89), что мы «вывели изъ его разсказа заключенія, чрезвычайно далекія отъ выводовъ, какіе бы должно сдѣлать, когда сказали въ январской книжкѣ нынѣшняго года («Замѣтки о Журналахъ»), что изъ фактовъ, представленныхъ имъ, слѣдуетъ: «Гоголь уморилъ себя голодомъ». По мнѣнію г. Тарасенкова слѣдуетъ сказать: «причиною смерти Гоголя было пощеніе» — эти слова дѣйствительно гораздо точнѣе, нежели выраженіе, вами употребленное.

тридцать-два года; — заботлива была судьба, хотѣла предупредить его желанія, а все-таки не успѣла:

> Въ душѣ страсти огонь
> Разгарался не разъ,
> Но въ безплодной тоскѣ
> Онъ сгорѣлъ и погасъ.
> Только тѣшилась мной
> Злая вѣдьма судьба,
> Только силу мою
> Сокрушила борьба... (и т. д.)
> Жизнь! зачѣмъ же собой
> Обольщаешь меня?
> Еслибъ силу Богъ далъ
> Я разбилъ бы тебя!

Не вспомнить ли еще Полежаева, который, по всему видно, былъ не хуже другихъ, но

> Не расцвѣлъ, и отцвѣлъ
> Въ утрѣ пасмурныхъ дней...

Но долго бы было вспоминать всѣхъ: кого ни вспомнишь изъ сильныхъ душою людей, всѣ они годятся въ этотъ списокъ. Что же вы, милостивый государь, претендуете на Гоголя за то, что былъ

> Жизнью измятъ онъ....

Такова была ужь его натура: не ему одному, всѣмъ была такая участь: нравственное изнеможеніе, ведущее за собою преждевременную, почти умышленную, во всякомъ случаѣ, желанную смерть. Миръ тебѣ, человѣкъ слишкомъ высокихъ и слишкомъ сильныхъ стремленій:

> Миръ тебѣ во тмѣ Эреба!
> Ты своею силой палъ....

Но мы уклонились отъ предмета; мы хотѣли сказать, что если нарушалъ Гоголь законы благоразумія и гуманности въ своемъ аскетизмѣ, то и не даромъ обходились ему эти нарушенія. Вотъ, напримѣръ,— едва ли онъ былъ злымъ и безчувственнымъ сыномъ, это по всему видно, даже по тѣмъ изувѣрскимъ письмамъ, въ которыхъ онъ такъ жестоко оскорбляетъ чувство сыновней почтительной любви своими назиданіями матери, — скажите же, легко ли было ему потомъ опомниться, видѣть вдругъ, какую дикую сумятицу надѣлалъ онъ, какъ грубо и неумѣстно онъ проступился, — увидѣть все это изъ

жалобъ, которыя ему на него справедливо принесла огорченная имъ мать.

1847 г. 3 мая.

«Я получилъ письмо ваше отъ 12 марта, исполненное упрековъ. Простите меня: я передъ вами виноватъ. Виноватъ также и передъ моими добрыми сестрами, которыя меня искренно и нелицемѣрно любятъ, и которымъ я показалъ, какъ бы вовсе не замѣчаю любви ихъ. У меня былъ нѣкоторый свой умыселъ: получая самъ отовсюду упреки и, находя неоцѣненную пользу для души моей отъ всякихъ упрековъ (даже и несправедливыхъ), я хотѣлъ попрекнуть васъ, и особенно сестеръ, съ тѣмъ, чтобы уже никогда ни въ чемъ не попрекать. Я не имѣлъ намѣренія оскорбить ихъ. Повѣрьте, что я совсѣмъ не думаю, чтобы кто-нибудь изъ нихъ былъ безтолковъ въ дѣлахъ жизни. Если бы я вамъ сказалъ откровенно, что я о каждой изъ васъ думаю, то слова мои могли бы даже оскорбить вашу скромность. Скажу вамъ откровенно, что я горжусь вами: вами горжусь, что вы мать моя, сестрами — что онѣ сестры мои. Но, зная по себѣ, какъ способны мы задремать, когда окружающіе насъ люди говорятъ намъ объ однихъ только нашихъ достоинствахъ и ни слова не упоминаютъ о недостаткахъ нашихъ, я принялъ на себя, на время, мнѣ не принадлежащую должность, видя, что никто другой, кромѣ меня, не отважился бы взять ее. Упрекъ мой въ распоряженіяхъ и расходахъ экономическихъ былъ совершенно несправедливъ. Это я увидѣлъ ясно изъ вашего письма, гдѣ вы означили обстоятельно, на какія именно потребности забираются товары у разносчиковъ и въ лавкахъ. Я имѣлъ въ виду не столько попрекнуть сестеръ за сдѣланное дѣло, сколько напомнить вообще объ аккуратности впредь, которой вообще у всѣхъ насъ, грѣшныхъ русскихъ людей, очень мало, начиная съ меня. Еще разъ прошу прощенія, какъ у васъ, маменька, такъ равно и у всѣхъ сестеръ. Отнынѣ, не только вы, которой, какъ матери, я не имѣю права давать упрековъ, но даже никто изъ моихъ сестеръ не получитъ отъ меня ни за что выговора. И скажу вамъ искренно, что я очень радъ, сложивши съ себя наконецъ эту непріятную и мнѣ не принадлежащую должность. Не сердитесь же на меня. Помните только то, что передъ вами вновь стоитъ благодарный и признательный сынъ вашъ. Вновь повторю вамъ, если вы думаете, что я увѣренъ въ совершенствѣ моемъ и въ томъ, что я могу учить другихъ, вы впадете въ то же самое заблужденіе, въ которое впали и другіе, Никогда еще я не чувствовалъ такъ живо, что я ученикъ, что мнѣ нужно многому учиться, и никогда еще не сгаралъ я такимъ желаніемъ учиться. Письмо ваше, исполненное мнѣ выговоровъ, я принялъ съ благодарностью. Говорю вамъ это искренно, и перечитываю его нѣсколько разъ, потому что мнѣ это очень нужно. Не сердитесь же на меня. Меня это очень огорчитъ, тѣмъ болѣе, что я и безъ того неспокоенъ. Я чувствую уже и безъ того упреки совѣсти на душѣ своей... » (Томъ VI, стран. 387—9.)

Иной скажетъ: «Это притворство, Гоголь вовсе не чувствуетъ раскаянія, онъ только притворяется смирившимся? Положимъ; но если онъ считалъ себя правымъ, тѣмъ тяжеле была ему необходимость принять на себя унизительную роль провинившагося въ нарушеніи самыхъ первыхъ обязанностей; чѣмъ меньше искренности въ просьбѣ о прощеніи, тѣмъ тяжеле просить его. Но читая письма Гоголя изъ аскетическаго періода, мало по малу отвергаешь мысль, что тутъ говоритъ лицемѣръ (какъ ни вѣроятно кажется такое предположеніе сначала), и убѣждаешься, что онъ большею частью писалъ въ состояніи увлеченія, не говоря уже о томъ, что въ самомъ тонѣ слышится часто что-то задушевное, чтобы быть притворнымъ; все свидѣтельствуетъ о томъ: совершенное забвеніе ловкости и условныхъ приличій, о которыхъ никогда не забываетъ лицемѣръ, нелогичность объясненій и оправданій и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное повтореніе одной и той же, не ловкой и не измѣнной мысли въ десяткахъ писемъ къ разнымъ лицамъ: выдумщикъ говорилъ бы связнѣе и правдоподобнѣе, и не оставался бы такъ однообразенъ въ своихъ выдумкахъ, даже самыхъ неловкихъ. Нѣтъ, видно, что въ головѣ Гоголя дѣйствительно слишкомъ упорно засѣли мысли, имъ выражаемыя.

Не относительно родныхъ только нарушалъ онъ въ своемъ аскетическомъ назиданіи всякія условія житейской осмотрительности: всѣмъ писалъ онъ такія вещи, которыми оскорблялся каждый его корреспондентъ; со всѣми своими друзьями ссорился онъ изъ-за назиданій, слишкомъ безцеремонно раздаваемыхъ отъ него всѣмъ и каждому; всѣ его пріятели бывали вынуждаемы или напоминать ему, что онъ нарушаетъ въ своемъ проповѣдничествѣ правила скромности и приличія, или прекращать сношенія съ нимъ, — и каждый разъ онъ скорбѣлъ о малодушныхъ и маловѣрныхъ, и удивлялся, что его нравственныя обличенія принимаются какъ оскорбленія. Вотъ одно небольшое письмо, которое, кажется намъ, внушено уже никакъ не притворствомъ, — въ немъ, дѣйствительно, говоритъ душевная скорбь:

1849 г.

«Какія странныя мнѣ привезъ отъ васъ Аксаковъ слова! Вы потому ко мнѣ не пишите, что не въ силахъ принять отъ меня совѣтовъ. Другъ мой, N. F., еслибъ вы знали, какъ я далекъ отъ того, чтобы съумѣть кому либо дать умный совѣтъ! Я весь изстрадался. Я такъ боленъ и душой и тѣломъ, такъ расколебался весь, что одна сострраждущая строчка вашего добраго участія могла бы быть мнѣ освѣжающей каплей; а вы вмѣсто (того) приказали передать мнѣ такія слова, точно какъ бы въ насмѣшку надо мной. Добрый другъ мой, я боленъ.... (Томъ VI, стр. 498).

Но какъ же принималъ Гоголь тѣ оскорбленія, которымъ подвергался самъ. Конечно, каковы бы ни были его убѣжденія, человѣкъ не можетъ совершенно заглушить въ себѣ самолюбія; особенно невозможно было это Гоголю, справедливо думавшему о себѣ очень высоко. Но очевидно, онъ и самъ старался подчинить свои чувства тѣмъ правиламъ смиренія, которыя внушалъ другимъ, старался принимать оскорбленія какъ справедливыя наказанія или какъ очистительныя страданія; часто ему, кажется, удавалось это. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ письма его къ Жуковскому, послѣ того, какъ онъ узналъ о строгой критикѣ, которою была встрѣчена его «Переписка съ друзьями».

1847 г. 6 марта.

«Письмо отъ 6/18 февраля, пущенное изъ Франкфурта тобою съ извѣстіемъ о книгѣ моей, получено мною только третьяго дня, то есть 4 марта. Появленіе книги моей разразилось точно въ видѣ какой-то оплеухи: оплеуха публикѣ, оплеуха друзьямъ моимъ, и, наконецъ, еще сильнѣйшая оплеуха мнѣ самому. Послѣ нея я очнулся, точно какъ будто послѣ какого-то сна, чувствуя, какъ провинившійся школьникъ, что напроказилъ больше того, чѣмъ имѣлъ намѣреніе. Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее. Но тѣмъ не менѣе, книга эта отнынѣ будетъ лежать всегда на столѣ моемъ, какъ вѣрное зеркало, въ которое мнѣ слѣдуетъ глядѣться для того, чтобы видѣть все свое неряшество и меньше грѣшить впередъ.» (Томъ VI, стран. 350.)

Эта манера рѣзкимъ образомъ отзываться о самомъ себѣ не можетъ быть сочтена ханжествомъ уже и потому, что съ самой молодости Гоголь имѣлъ привычку выражаться о себѣ подобнымъ языкомъ. Свою неудачу на университетской каѳедрѣ онъ излагалъ одному изъ своихъ друзей такъ:

1835 г. декабря 6.

«Я разстался съ Университетомъ, и черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Не узнанный, я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нее. Но въ эти полтора года — годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся — въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ, мои небесныя гостьи, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большею силою и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... и проч. и проч.... Я

тебѣ одному говорю это; другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ и больше ничего. Мимо, мимо все это!» (Томъ V, стран. 246—7.)

Тутъ (1835 г.) уже перемѣшаны презрительныя и гордыя выраженія о себѣ точно такимъ же образомъ, какъ въ письмахъ по поводу «безславія», нанесеннаго впослѣдствіи «Перепиской съ друзьями».

Въ «Перепискѣ» изумительно показалось то неуваженіе, съ которымъ Гоголь говоритъ о своихъ сочиненіяхъ—эта черта была вовсе не новостью въ его характерѣ. Изумительно въ «Перепискѣ» показалось и то, что несправедливыя и вовсе неприличныя нападенія нѣкоторыхъ журнальныхъ враговъ, на «Ревизора» и «Мертвыя Души» называетъ онъ не лишенными основательности и т. д.—все это говорилъ онъ и гораздо прежде. Въ 1838 году, за два или три года до развитія аскетическаго направленія, онъ уже писалъ своей матери:

1838 г. декабря 10.

«Мнѣ было точно пріятно читать, что вы встрѣтили тамъ своихъ старыхъ знакомыхъ и, какъ кажется, провели время не скучно. Мнѣ даже было смѣшно нѣсколько, когда я добрался до того мѣста вашего письма, гдѣ поспорили за меня съ нѣкоторыми вашими пріятелями. Пожалуйста, вы обо мнѣ не очень часто говорите съ ними, и особенно не заводите изъ-за меня никакихъ споровъ. Гораздо лучше будетъ и для васъ, и для меня, если на замѣчанія и толки о моихъ литературныхъ трудахъ вы будете отвѣчать: «я не могу быть судьею его сочиненій, мои сужденія всегда будутъ пристрастны, потому что я его мать, но я могу сказать только, что онъ добрый, меня любящій сынъ, и съ меня довольно.» И будьте увѣрены, что почтеніе другихъ усугубится и къ вамъ вдвое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ко мнѣ, потому что такой отзывъ матери есть лучшая репутація человѣку, какую только онъ можетъ имѣть.... Я объ этомъ потому заикнулся, что въ моихъ сочиненіяхъ очень, очень много грѣховъ, и тѣ, которые съ вами спорятъ, иногда бываютъ очень, очень справедливы. Я вамъ совѣтую иногда прочесть разборы въ «Библіотекѣ для Чтенія» и «Сѣверной Пчелѣ» о моихъ сочиненіяхъ, и вы увидите, что ихъ вовсе не такъ хвалятъ, какъ вы объ нихъ думаете, и почти всегда эти замѣчанія справедливы. Но когда нибудь въ другое время поговоримъ объ этой статьѣ». (Томъ V, стр. 350—51.)

Странно такъ же показалось въ «Перепискѣ» увѣреніе Гоголя, что его литературныя заслуги достойны гораздо меньшаго уваженія, нежели какого были бы достойны хорошія нравственныя качества, еслибъ имѣлъ ихъ. Но и это говорилъ онъ издавна: такъ, еще въ 1835 году, онъ писалъ матери:

1835 г. апрѣля 12.

«... Вы, говоря о моихъ сочиненіяхъ, называете меня геніемъ. Какъ бы это ни было, но это очень странно. Меня добраго, простаго человѣка, можетъ быть, не совсѣмъ глупаго, имѣющаго здравый смыслъ, и называть геніемъ! Нѣтъ, маминька, этихъ качествъ мало, чтобы составить его; иначе у насъ столько геніевъ, что и не протолпиться. И такъ я васъ прошу, маминька, не называйте меня никогда такимъ образомъ, а тѣмъ болѣе еще въ разговорѣ съ кѣмъ-нибудь. Не изъявляйте никакого мнѣнія о моихъ сочиненіяхъ и не распространяйтесь о моихъ качествахъ. Скажите только просто, что онъ добрый сынъ, и больше ничего не прибавляйте и не повторяйте нѣсколько разъ. Это для меня лучшая похвала» (Томъ V, стран. 239.)

Кстати о сочиненіяхъ Гоголя. Есть люди, воображающіе, будто онъ когда писалъ «Ревизора» вовсе не имѣлъ въ виду нападать на взяточничество, — онъ, будто бы, просто хотѣлъ написать смѣшную комедію. Это нелѣпая выдумка почти не стоитъ того, чтобы и опровергать ее; приведемъ, однако же, нѣсколько отрывковъ изъ писемъ, въ которыхъ Гоголь говоритъ о «Ревизорѣ» — изъ нихъ не видно, не только хотѣлъ ли смѣшить или заставить содрогнуться публику «Ревизоромъ», но также и то, что онъ хотѣлъ бы, если бы позволяли ему обстоятельства, брать предметами своихъ горькихъ произведеній предметы болѣе важные, нежели мелкія плутни провинціальныхъ чиновниковъ:

«Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей; но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-й степени», и сколько злости, смѣху, соли!... Но вдругъ остановился — что̀ изъ того, когда піеса не будетъ играться? Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она — какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на-показъ народу не оконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самой невинный, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. Но что̀ комедія безъ правды и злости!» (Томъ V, стран. 173—174.)

1836 г. апрѣля 29.

«... Я такое получилъ отвращеніе къ театру, что одна мысль о тѣхъ пріятностяхъ, которыя готовятся для меня еще и на Московскомъ театрѣ, въ силахъ удержать поѣздку въ Москву и попытку хлопотать о чемъ либо.... Мочи нѣтъ. Дѣлайте что хотите съ моею пьесою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святаго, когда я дерзнулъ такъ говорить о служа-

щихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Еслибы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины — и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что же было бы, если бы я взялъ что-нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная. Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ между тѣмъ братскою любовью.» (Томъ V, стран. 254.)

1836 г. мая 10.

«Ѣду за границу, тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается. Частное принимать за общее, случай за правило! Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ, трехъ плутовъ—тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: «Мы не плуты». Но Богъ съ ними! Я не оттого ѣду за границу, чтобъ не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе» (Томъ V, стран. 255—6.)

1836 г. мая 15.

«Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь, не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня, не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты; но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицу, грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ; грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него — — — и кто же говоритъ? Это говорятъ — — — опытные люди, которые должны бы имѣть на сколько нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ русской свѣтъ, называетъ образованными. Выведены на сцены плуты, и всѣ въ ожесточеніи, зачѣмъ выводить на сцену плутовъ. Пусть сердятся плуты; но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубо-

наго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы. Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ея собственные нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы; меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны; но жизнь петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея — и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники! И то, что бы приняли люди просвѣщенные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ, то самое возмущаетъ желчь невѣжества, а это невѣжество всеобщее. Сказать о плутѣ, что онъ плутъ, считается у нихъ подрывомъ государственной машины; сказать какую-нибудь только живую и вѣрную черту — значитъ, въ переводѣ, опозорить все сословіе и вооружить противъ него другихъ, или его подчиненныхъ. Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ соотечественниковъ и скажи ему, что есть небольшой кругъ, понимающій его, глядящій на него другими глазами, — утѣшитъ ли это его? Москва больше расположена ко мнѣ, но отчего? Не оттого ли, что я живу въ отдаленіи отъ ней, что портретъ ея еще не былъ видѣнъ нигдѣ у меня, что наконецъ.... но не хочу на этотъ разъ выводить всѣ случаи. Сердце мое въ эту минуту наполнено благодарностью къ ней за ея вниманіе ко мнѣ. Прощай. Ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія, и возвращусь къ тебѣ, вѣрно, освѣженный и обновленный. Все, что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой. Онъ, вѣрно, необходимъ для меня.» (Томъ V, стр. 260 — 1).

Да, мы видимъ изъ этого, что Гоголь не только понималъ необходимость быть грознымъ сатирикомъ, и понималъ также, что слаба еще и мелка та сатира, которою онъ долженъ былъ ограничиться въ «Ревизорѣ». Въ этой, оставшейся неудовлетворенною, потребности расширить границы своей сатиры надобно видѣть одну изъ причинъ недовольства его своими произведеніями. Въ періодъ аскетизма, это недовольство высказывалъ онъ страннымъ языкомъ, объясняя странными источниками; но та причина, которая высказана въ приведенныхъ нами отрывкахъ, обнаруживаетъ въ Гоголѣ то глубокое пониманіе обязанностей и предметовъ сатиры, которое только теперь начинаетъ переходить въ общее убѣжденіе.

Не знаемъ, нужно ли было въ настоящее время доказывать, что Гоголь, каковы ни были его заблужденія въ послѣдній періодъ жизни, никогда не былъ отступникомъ отъ стремленій, внушен-

пьесъ ему «Ревизора»; доказывать, что какъ бы ни были странны многія мнѣнія и поступки его съ 1840 года, онъ дѣйствовалъ вообще не по разсчетливому лицемѣрству, — если въ этомъ уже были убѣждены всѣ наши читатели, тѣмъ лучше, хотя въ такомъ случаѣ статья наша лишилась бы всякаго значенія. Но взявшись за изложеніе объ этомъ предметѣ мнѣній, давно уже подтверждавшихся «Авторскою Исповѣдью» и отрывками корреспонденціи, помѣщенными въ «Запискахъ о жизни Гоголя», и нынѣ еще болѣе подтверждаемыхъ изданіемъ его писемъ, мы должны привести изъ этихъ писемъ еще нѣсколько отрывковъ, кажущихся намъ интересными.

Въ послѣдніе годы жизни Гоголя, всѣ друзья увидѣли въ немъ меланхолика, между тѣмъ какъ прежде этого не думалъ о немъ никто. Мы уже привели изъ «Авторской Исповѣди» свидѣтельство самого Гоголя о томъ, что всегда, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, онъ былъ человѣкомъ грустнаго характера. Но быть можетъ воспоминаніе обманывало его? Неужели въ самомъ дѣлѣ только судорожною шутливостью его обманывались друзья, принимавшіе его нѣкогда за человѣка съ веселымъ характеромъ? Да, они обманывались. На 18 году, онъ уже былъ задумчивъ и печаленъ; ему уже нужно было увѣрять своихъ родныхъ, что онъ вовсе не такъ печаленъ, какъ кажется; но — среди этихъ увѣреній о веселости своего характера, онъ самъ выдаетъ себя, замѣчая, что часто думаетъ о томъ, какъ быть веселымъ. Плоха веселость того юноши, который видитъ уже надобность придумывать, какъ бы ему стать веселымъ

1827 г. февраля 26.

«...Вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго. Вы однѣ только видѣли, что подъ видомъ, иногда для другихъ холоднымъ угрюмымъ, таилось кипучее желаніе веселости (разумѣется не буйной), и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли, или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сантиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни, удивлялся, какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись съ нимъ.» (Томъ V стран. 47.)

Не надобно дивиться тому, что слишкомъ много было ошибочныхъ сужденій о характерѣ Гоголя: этотъ характеръ былъ такъ многосложенъ, что еще въ ранней молодости уже казался загадочнымъ. По выходѣ изъ Нѣжинскаго Лицея, онъ писалъ матери:

1828 г. марта 1.

«Я не говорилъ никогда, что утерялъ цѣлые 6 лѣтъ даромъ; скажу только, что нужно удивляться, что я могъ столько узнать еще. Вы изъявляли сожалѣніе, что меня въ началѣ не поручили кому; но знаете ли, что для этого нужны были тысячи? Да что бы изъ этого

было? Ежели я что̀ знаю, то этимъ обязанъ совершенно одному себѣ. И потому не нужно удивляться, если надобились деньги иногда на мои учебныя пособія. Если не совершенно достигъ того, что̀ мнѣ нужно, у меня не было другихъ путеводителей, кромѣ меня самого; а можно ли самому, безъ помощи другихъ, совершенствоваться? Но времени для меня впереди еще много; силы и старанія имѣю. Мои труды, хотя я ихъ теперь удвоилъ, мнѣ не тягостны ни мало; напротивъ, они не другимъ чѣмъ мнѣ служатъ, какъ развлеченіемъ, и будутъ также служить имъ и въ моей службѣ, въ часы, свободные отъ другихъ занятій.

Что же касается до бережливости въ образѣ жизни, то будьте увѣрены, что я буду умѣть пользоваться малымъ. Я больше поиспыталъ горя и нуждъ, нежели вы думаете; я нарочно старался у васъ всегда, когда бывалъ дома, показывать разсѣянность, своенравіе и проч., чтобы вы думали, что я мало обижался, что мало былъ прижимаемъ зломъ. Но врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ моихъ жалобъ, я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всѣхъ, никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вѣрите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ собою вмѣстѣ съ вами? Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, началомъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ — угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., въ третьемъ — болтливъ и докучливъ до чрезвычайности, у иныхъ—уменъ, у другихъ—глупъ. Какъ угодно почитайте меня, но только съ настоящаго моего поприща вы узнаете настоящій мой характеръ. Вѣрьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душѣ и что я всю жизнь свою обрекъ благу. Вы меня не называете мечтателемъ, опрометчивымъ, какъ будто бы я внутри самъ не смѣялся надъ ними. Нѣтъ, я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся на вѣки неизгладимыми, и они—вѣрная порука моего счастія. Вы увидите, что со временемъ за всѣ ихъ худыя дѣла я буду въ состояніи заплатить благодѣяніями, потому что зло ихъ мнѣ обратилось въ добро. Это непремѣнная истина, что ежели кто порядочно обтерся, ежели кому всякій разъ давали чувствовать крѣпкій гнетъ несчастій, тотъ будетъ счастливѣйшій.» (Томъ V, стр. 70—71.)

Многосложенъ былъ характеръ Гоголя. Напримѣръ, неоспоримо то, что въ немъ сильно развилась уклончивость, столь неизбѣжно поселяемая почти въ каждомъ изъ насъ обстановкою нашей жизни; но въ тоже самое время, онъ часто дѣйствовалъ съ прямо-

тою, рѣдкою въ нашемъ обществѣ; изъ множества примѣровъ этого, приведемъ только одинъ. У многихъ ли достало бы прямодушія такъ откровенно объясняться съ друзьями, которые имѣли причину быть недовольными:

1847 г 28 августа.

«Въ любви вашей ко мнѣ я никогда не сомнѣвался, добрый другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ. Напротивъ, я удивлялся только излишеству ея, — тѣмъ болѣе, что я на нее не имѣлъ никакого права: я никогда не былъ особенно откровененъ съ вами и почти ни о чемъ томъ, что было близко душѣ моей, не говорилъ съ вами, такъ что вы скорѣе могли меня узнать только какъ писателя, а не какъ человѣка, и этому, можетъ быть, отчасти способствовалъ милый сынъ вашъ, Константинъ Сергѣевичъ. Въ противность составившейся обо мнѣ сказкѣ, которой вы такъ охотно вѣрите, что я, то есть, люблю угожденія и похвалы какихъ-то знатныхъ Маниловыхъ, скажу вамъ, что я скорѣе старался отталкивать отъ себя, чѣмъ привлекать всѣхъ тѣхъ, которые способны слишкомъ сильно любить; я и съ вами обращался нѣсколько не такъ, какъ бы слѣдовало. Обольстили меня не похвалы другихъ, но я самъ обольстилъ себя, какъ обольщаемъ себя мы всѣ; какъ обольщаетъ себя всякъ, кто сколько нибудь имѣетъ свой собственный образъ мыслей и слышитъ въ чемъ нибудь свое превосходство, какъ обольщаетъ себя въ великодушныхъ мечтахъ своихъ и любезный сынъ вашъ Константинъ Сергѣевичъ, какъ обольщаемъ мы себя всѣ до единаго, грѣшные люди; и чѣмъ кто больше получилъ даровъ и талантовъ, тѣмъ больше себя обольщаетъ. А демонъ излишества, который теперь подталкиваетъ всѣхъ, раздуетъ такъ наше слово, что и смыслъ, въ которомъ оно сказано, не поймется.» (Томъ VI, стр. 418—419.)

Гоголь предался направленію, которое обыкновенно дѣлаетъ человѣка равнодушнымъ къ бѣдности другихъ. Но именно въ то время, какъ предался ему, онъ сдѣлался человѣкомъ болѣе заботливымъ и сострадательнымъ, нежели когда нибудь. Не говоримъ ни о его пожертвованіи своимъ наслѣдствомъ, ни о его намѣреніи положить въ банкъ сумму для поддержанія талантливыхъ молодыхъ людей, — эти факты знакому каждому; приведемъ два случая, изъ менѣе извѣстныхъ. Въ 1847 году, въ эпоху «Переписки съ друзьями», онъ пишетъ одному изъ московскихъ литераторовъ, который былъ его казначеемъ:

1847 г., сентября 2.

«Еще прошу особенно тебя наблюдать за тѣми изъ юношей, которые уже выступили на литературное поприще. Въ ихъ положеніе хозяйственное стоитъ, право, взойти. Они принуждены бываютъ весьма часто изъ-за дневнаго пропитанія брать работы не по силамъ, и не по здоровью. Цѣна пять рублей серебромъ за печатный листъ, просто,

безчеловѣчная. Сколько ночей онъ долженъ просидѣть, чтобъ выработать себѣ нужныя деньги. Особенно, если онъ при этомъ сколько нибудь совѣстливъ и думаетъ о своемъ добромъ имени. Не позабудь также принять въ соображеніе и то, что нынѣшнее молодое поколѣніе и безъ того болѣзненно, разстроено нервами и всякими недугами. Придумай, какъ бы прибавлять имъ отъ имени журналистовъ плату, которые будто бы не хотѣли сдѣлать это гласно, словомъ—какъ легче и лучше придумается. Это твое дѣло. Твоя добрая душа найдетъ, какъ это сдѣлать, отклоня всякую догадку и подозрѣніе о нашемъ съ тобою тепломъ личномъ участіи въ этихъ дѣлахъ.» (Томъ VI, стр. 424).

Вотъ одно изъ его писемъ 1849 года:

1849 г. мая 12.

«Посылаю, добрая матушка, полтораста рублей сер. не для васъ собственно, но для раздачи тѣмъ бѣднымъ мужичкамъ нашимъ, которые больше всѣхъ другихъ нуждаются, на обзаведеніе и возможность производить работу въ текущемъ году, и особенно тѣмъ, у которыхъ передохъ весь скотъ. Авось они помолятся обо мнѣ. Молитвы теперь очень нужны. Я скорблю и болѣю не только тѣломъ, но и душею. Много нанесъ я оскорбленій. Ради Бога, помолитесь обо мнѣ. О, помолитесь также о примиреніи со мною тѣхъ, которыхъ наиболѣе любитъ душа моя. На слѣдующей недѣлѣ буду писать къ вамъ....» (Томъ VI, стр. 585).

Эти факты не нуждаются въ коментаріяхъ. Тотъ, кто, сдѣлавшись аскетомъ, продолжаетъ быть человѣкомъ сострадательнымъ, никогда не только не былъ, но и не могъ быть дурнымъ человѣкомъ.

Сомнѣвались въ его искренности и намѣреніяхъ, ради странности его заблужденій (возвращаемся въ послѣдній разъ къ этому предмету), — но возможно ли это сомнѣніе послѣ такихъ писемъ, какъ, напримѣръ, слѣдующее:

1847 г. 25 Мая.

Статья Павлова говоритъ въ пользу Павлова, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ пользу моей книги. Я бы очень желалъ видѣть продолженіе этихъ писемъ: любопытствую чрезмѣрно знать, къ какому результату приведутъ Павлова его послѣднія письма. Покуда, для меня въ этой статьѣ замѣчательно то, что самъ же критикъ говоритъ, что онъ пишетъ письма свои за тѣмъ, чтобы привести себя въ то самое чувство, въ какомъ онъ былъ предъ чтеніемъ моей книги, и сознается самъ невинно, что эта книга (въ которой, по его мнѣнію, ничего нѣтъ новаго, а что и есть новаго, то ложь) сбила, однако же, его совершенно съ прежняго его положенія (какъ онъ называетъ) *нормальнаго.* Хорошо же было это нормальное положеніе! Онъ, разумѣется, еще не видитъ теперь, что этотъ возвратъ уже для него невозможенъ, и что даже въ этомъ первомъ своемъ письмѣ самъ онъ сталъ уже лучше того Павлова, какимъ является въ своихъ *итальянскихъ послѣднихъ повѣстяхъ.* Пожалуйста, этого

явленій не пропусти изъ виду, когда почувствуешь желаніе сказать также нѣсколько словъ по поводу моей книги.» (Томъ VI, стр. 401.)

Читатель помнитъ превосходныя письма г. Павлова; онъ знаетъ, возможно ли человѣку, хотя сколько нибудь понимающему точку зрѣнія, съ которой разбираетъ «Переписку» критикъ, полагать, что «Переписка» можетъ принести какое нибудь назиданіе г. Павлову? Развѣ не очевидно, что она кажется ему и не можетъ не казаться наборомъ пустыхъ общихъ мѣстъ, лживость которыхъ равняется только ихъ напыщенности? Каждому, сколько нибудь понимающему образъ мыслей критика, очевидно это,—Гоголю, это не приходитъ и въ голову, напротивъ, ему воображается, будто «Переписка», которая въ критикѣ вызвала только скорбь о заблужденіяхъ автора, чему-то очень многому, и очень полезному научила этого критика! Наивность этой мечты поразительна; то, что Гоголю могла прійти въ голову, подобная мысль, уже одно можетъ совершенно доказать, что заблужденія Гоголя никакъ не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ развитіемъ воспоминаній, оставленныхъ въ немъ дѣтскими уроками. Онъ, какъ видимъ, совершенно не понималъ, что могутъ быть для убѣжденій иныя основанія, кромѣ тѣхъ, которыя были вложены въ него уроками дѣтства.

Часто говорятъ: Гоголь погибъ для искусства, предавшись направленію «Переписки съ друзьями». Если это понимать въ томъ смыслѣ, что новые умственные и нравственные интересы, выраженные «Перепискою», отвлекали его дѣятельность отъ сочиненія драмъ, повѣстей и т. п., въ этомъ мнѣніи есть часть истины: дѣйствительно, при новыхъ заботахъ у него осталось менѣе времени и силы заниматься художественною дѣятельностью; кромѣ того, и органическое изнеможеніе ускорялось новымъ направленіемъ. Но когда предположеніемъ о несовмѣстности его новаго образа мыслей съ служеніемъ искусству хотятъ сказать, что онъ въ художественныхъ своихъ произведеніяхъ измѣнилъ бы своей прежней сатирической идеѣ, то совершенно ошибаются. Хотя въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ втораго тома «Мертвыхъ Душъ» встрѣчаются попытки на созданіе идеальныхъ лицъ, но общее направленіе этого тома очевидно таково же, какъ и направленіе перваго тома, какъ мы уже имѣли случай замѣтить при появленіи 2-го тома, два года тому назадъ. Кромѣ того, надобно вспомнить, что когда явился первый томъ «Мертвыхъ Душъ», Гоголь уже гораздо болѣе года, быть можетъ, года два, былъ преданъ аскетическому направленію — это обнаруживается письмами, — однакожь, оно не помѣшало ему познакомить свѣтъ съ Чичиковымъ и его свитою.

Если этихъ доказательствъ мало, вотъ прямое свидѣтельство самого Гоголя о томъ, что онъ въ эпоху «Переписки» не видѣлъ возможности измѣнять въ художественныхъ произведеніяхъ своему прежнему направленію. Странныя требованія и ожиданія относительно присылки ему замѣчаній на «Переписку съ друзьями» убѣждаютъ, что эти строки писаны во время самого преувеличеннаго увлеченія ошибочными мечтами «Переписки» и «Завѣщанія», — и тѣмъ большую цѣну пріобрѣтаютъ слова Гоголя о невозможности изобразить въ художественномъ произведеніи жизнь съ примирительной точки зрѣнія.

1847 г. 27 апрѣля.

«Появленіе моей книги, не смотря на всю ея чудовищность, есть для меня слишкомъ важный шагъ. Книга имѣетъ свойства пробнаго камня: повѣрь, что на ней испробуешь какъ разъ нынѣшняго человѣка. Въ сужденіяхъ о ней непремѣнно выскажется человѣкъ со всѣми своими помышленіями, даже тѣми, которыя онъ осторожно таитъ отъ всѣхъ, и вдругъ станетъ видно, на какой степени своего душевнаго состоянія онъ стоитъ. Вотъ почему мнѣ такъ хочется собрать всѣ толки всѣхъ о моей книгѣ. Хорошо бы прилагать при всякомъ мнѣніи портретъ того лица, которому мнѣніе принадлежитъ, если лицо мнѣ незнакомо. Повѣрь, что мнѣ нужно основательно и радикально пощупать общество, а не взглянуть на него во время бала, или гулянья: иначе у меня долго еще будетъ все не въ-попадъ, хотя бы и возрасла способность творить. А этихъ вещей никакими просьбами нельзя выманить. Одно средство: выпустить заносчивую, задирающую книгу, которая заставила бы встрепенуться всѣхъ. Повѣрь, что русскаго человѣка, покуда не разсердишь, не заставишь заговорить. Онъ все будетъ лежать на боку и требовать, чтобы авторъ попотчивалъ его чѣмъ-нибудь *примиряющимъ съ жизнью* (какъ говорится). Бездѣлица! Какъ будто можно *выдумать* это примиряющее съ жизнью. Повѣрь, что какое ни выпусти художественное произведеніе, оно не возьметъ теперь вліянія, если нѣтъ въ немъ именно тѣхъ вопросовъ, около которыхъ ворочается нынѣшнее общество, и если въ немъ не выставлены тѣ люди, которые намъ нужны теперь и въ нынѣшнее время. Не будетъ сдѣлано этого — его убьетъ первый романъ, какой ни появится изъ фабрики Дюма. Слова твои о томъ, какъ чорта выставить дуракомъ, совершенно попали въ тактъ съ моими мыслями. Уже съ давнихъ поръ только и хлопочу о томъ, чтобъ послѣ моего сочиненія насмѣялся въ волю человѣкъ надъ чортомъ.» (Томъ VI, стран. 375—6.)

Мы кончили наши извлеченія изъ «Писемъ» Гоголя, — уже слишкомъ много приведено нами выписокъ, большею частію утомительныхъ своею монотонностью и тяжелою странностью мыслей, но показавшихся намъ не лишенными важности для того, чтобы хотя нѣсколько разъяснить вопросъ о Гоголѣ, какъ о человѣкѣ. Чтеніе

писемъ его съ 1840 года чрезвычайно утомительно и очень непріятно; но мнѣніе, внушаемое ими о Гоголѣ, выгодно, на сколько можетъ быть выгодно мнѣніе о человѣкѣ, впавшемся въ заблужденія, пагубныя для него самого, грустныя для всѣхъ поклонниковъ его великаго таланта и ума. Мы уже сказали, что свѣдѣнія, до сихъ поръ обнародованныя, слишкомъ еще не полны и вовсе недостаточны для того, чтобы составить о характерѣ и развитіи Гоголя, какъ человѣка, точное понятіе безъ опасности ошибиться. Но на сколько мы можемъ судить о Гоголѣ по этимъ недостаточнымъ матеріаламъ, мы думаемъ, что наиболѣе близкое къ истинѣ мнѣніе будетъ слѣдующее.

Родившись среди общества, лишеннаго всякихъ прочныхъ убѣжденій, кромѣ нѣкоторыхъ аскетическихъ мнѣній, дошедшихъ до этого общества по преданію старины и ни мало неприлагающихся этимъ обществомъ къ жизни, Гоголь ни отъ воспитанія, ни даже отъ дружескаго кружка своихъ сверстниковъ не получилъ никакого содѣйствія или побужденія къ развитію въ себѣ стройнаго образа мыслей, нужнаго для каждаго человѣка съ энергическимъ умомъ, тѣмъ болѣе для общественнаго дѣятеля. Потомъ, проведя свою молодость въ кругу петербургскихъ литераторовъ, онъ могъ получить отъ нихъ много хорошаго для развитія формальной стороны своего таланта, но для развитія глубокихъ и стройныхъ воззрѣній на жизнь и это общество не доставило ему никакой пищи. Между тѣмъ, инстинктъ благородной и энергической натуры обратилъ его къ изображенію общественной жизни съ той стороны, которая одна могла въ то время вдохновлять истиннаго поэта, поэта идеи, а не только формы. Литературная извѣстность сблизила его съ нѣкоторыми литераторами, непринадлежавшими къ петербургскому кружку, въ которомъ онъ жилъ, но пользовавшимися въ этомъ кружку репутаціею замѣчательныхъ ученыхъ и мыслителей. Въ то время, Гоголь еще мало заботился объ общихъ теоріяхъ, и знакомство съ этими мыслителями пока еще не оказывало на него особеннаго вліянія: его мало занимали мысли, занимавшія ихъ; онѣ только западали, болѣе или менѣе случайнымъ образомъ, въ его память, въ которой хранились нѣкоторое время безъ всякаго развитія и употребленія. Какъ мнѣніе петербургскаго литературнаго кружка, въ которомъ жилъ Гоголь, содѣйствовало сближенію его съ этими учеными, такъ оно воспрепятствовало сближенію его съ другими тогдашними литераторами, которые одни могли бы имѣть полезное вліяніе на его умственное развитіе: Полевой и Надеждинъ не пользовались уваженіемъ людей, среди которыхъ жилъ Гоголь.

Юноша поглощенъ явленіями жизни; ему не время чувствовать потребность общихъ теорій, если эта потребность не развита въ немъ воспитаніемъ или обществомъ. Гоголь писалъ о тѣхъ явленіяхъ, которыя волновали его благородную натуру, и довольствовался тѣмъ, что разоблачаетъ эти вредныя явленія; о томъ, откуда возникли эти явленія, каково ихъ отношеніе къ общимъ принципамъ нашей жизни, никто ему не говорилъ, а самому ему еще рано было для такихъ отвлеченностей отрываться отъ непосредственнаго созерцанія жизни. Собственно говоря, онъ не имѣлъ тогда никакого образа мыслей, какъ не имѣли его въ то время никто изъ нашихъ литераторовъ. Онъ писалъ такъ, какъ разсуждаетъ большая часть изъ насъ теперь, какъ судили и писали тогда почти всѣ: единственно по внушенію впечатлѣнія. Но впечатлѣніе, производимое безобразными явленіями жизни на его высокую и сильную натуру было такъ сильно, что произведенія его оживлены были энергіею негодованія, о которой не имѣли понятія люди, бывшіе его учителями и друзьями. Это живое негодованіе было внѣ круга ихъ понятій и чувствъ—они смотрѣли на него довольно индифферентно, не ободряя и не осуждая его мыслей слишкомъ рѣшительно, но совершенно сочувствуя формальной сторонѣ таланта Гоголя, которымъ дорожили за живость его картинъ, за вѣрность его языка, наконецъ за уморительность его комизма.

Слабость здоровья, огорченія, навлеченныя «Ревизоромъ» и, быть можетъ, другія причины, остающіяся пока неизвѣстными, заставили Гоголя уѣхать за границу и оставаться тамъ много лѣтъ, почти до конца жизни, посѣщая Россію только изрѣдка, и только на короткое время. Вскорѣ послѣ отъѣзда за границу, начался для молодаго человѣка переходъ къ зрѣлому мужеству.

При развитіи, подобномъ тому, какое получилъ Гоголь, только для очень немногихъ, самыхъ сильныхъ умомъ людей настаетъ пора умственной возмужалости, та пора, когда человѣкъ чувствуетъ, что ему недостаточно основываться въ своей дѣятельности только на отрывочныхъ сужденіяхъ, вызываемыхъ отдѣльными фактами, а необходимо имѣть систему убѣжденій. Въ Гоголѣ пробуждалась эта потребность.

Какими матеріалами снабдило его воспитаніе и общество для утоленія этой потребности? Въ немъ ничего не нашлось изъ нужныхъ для того данныхъ, кромѣ преданій дѣтства; тѣ умственныя вліянія, о которыхъ вспоминалъ онъ, и съ которыми встрѣчался онъ въ заграничной жизни, всѣ склоняли его къ развитію этихъ преданій, къ утвержденію въ нихъ. Онъ даже не зналъ о томъ, что могутъ суще-

отвовать иныя основанія для убѣжденій, могутъ быть иныя точки воззрѣнія на міръ.

Такъ развивался въ немъ образъ мыслей, обнаружившійся передъ публикою изданіемъ «Переписки съ друзьями», передъ друзьями гораздо ранѣе, до изданія перваго тома «Мертвыхъ Душъ.»

Въ статьѣ о сочиненіяхъ Жуковскаго, мы говорили объ одномъ изъ тѣхъ людей, вмѣстѣ съ которыми, отчасти подъ руководствомъ которыхъ, жилъ теперь Гоголь. Теоретическія основанія были однѣ и тѣ же у нихъ, но результаты, произведенные этою теоріею, вовсе не одинаково отразились и на нравственной, и на литературной, и даже на органической жизни Гоголя и его сотоварищей — учителей, потому что его натура была различна отъ ихъ натуръ. То, что оставалось спокойнымъ, ничему не мѣшающимъ, и даже незамѣтнымъ во внѣшности у нихъ, стало у него бурнымъ, все одолѣвающимъ, неудобнымъ для житейской и литературной дѣятельности, и невыносимымъ для организма. Въ этомъ отношеніи, всѣ другіе, кромѣ Гоголя, были сходны съ Жуковскимъ, котораго мы и беремъ для сравненія съ Гоголемъ, ссылаясь на нашу статейку о сочиненіяхъ Жуковскаго, вышедшихъ въ нынѣшнемъ году.

Умѣренность и житейская мудрость — вотъ отличительныя черты натуры Жуковскаго по вопросу о примѣненіи теоріи къ жизни. При такихъ качествахъ, теорія оказывалась содѣйствующею у Жуковскаго мудрому устроенію своей внутренней жизни, мирныхъ отношеній къ людямъ, ни мало не стѣсняющею силъ и дѣятельности таланта.

У Гоголя было не то. Многосложенъ его характеръ и до сихъ поръ загадочны многія черты его. Но то очевидно съ перваго взгляда, что отличительнымъ качествомъ его натуры была энергія, сила, страсть; это былъ одинъ изъ тѣхъ энтузіастовъ отъ природы, которымъ нѣтъ средины: или дремать, или кипѣть жизнью; увлеченіе радостнымъ чувствомъ жизни или страданіемъ, а если нѣтъ ни того, ни другаго — тяжелая тоска.

Такимъ людямъ не всегда безопасны бываютъ вещи, которыя всѣмъ другимъ легко сходятъ съ рукъ. Кто изъ мужчинъ не волочится, кто изъ женщинъ не кокетничаетъ? Но есть натуры, съ которыми нельзя шутить любовью: стоитъ имъ полюбить, онѣ не отступятъ, и не побоятся ни разрыва прежнихъ отношеній, ни потери общественнаго положенія. Тоже бываетъ и въ отношеніи идей. — Человѣкъ «разумной середины» можетъ держаться какихъ угодно теорій, и все таки проживетъ свой вѣкъ мирно и счастливо. Но Гоголь былъ не таковъ. Съ нимъ нельзя было шутить идеями. Воспитаніе и общество, случай и друзья поставили его на путь, по кото-

рому безопасно шли эти друзья, — что онъ надѣлалъ съ собою, ставъ на этотъ путь, каждый изъ насъ знаетъ.

Но все таки, что же за человѣкъ былъ онъ въ послѣднее время своей жизни? Чему вѣрилъ онъ, это мы знаемъ; но чего теперь хотѣлъ онъ въ жизни для тѣхъ меньшихъ братій своихъ, которыхъ такъ благородно защищалъ прежде? — Этого мы до сихъ поръ не знаемъ положительно. Ужели онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что «Переписка съ друзьями» замѣнитъ Акакію Акакіевичу шинель? Или «Переписка» эта была у него только средствомъ внушить тѣмъ, которые не знали того прежде, что Акакій Акакіевичъ, которому нужна шинель, есть братъ ихъ? Положительныхъ свидѣтельствъ тутъ нѣтъ. Каждый рѣшитъ это по своему мнѣнію о людяхъ. Намъ кажется что человѣкъ, такъ сильно любившій правду и ненавидѣвшій беззаконіе, какъ авторъ «Шинели» и «Ревизора», не способенъ былъ никогда, ни при какихъ теоретическихъ убѣжденіяхъ окаменѣть сердцемъ для страданій своихъ ближнихъ. Мы привели выше нѣкоторые факты, кажущіеся намъ доказательствами того. Но — кто поручится за человѣка, живущаго въ нашемъ обществѣ? Кто поручится, что самое горячее сердце не остынетъ, самое благородное не испортится? Мы имѣемъ сильную вѣроятность думать, что Гоголь 1850 года заслуживалъ такого же уваженія, какъ и Гоголь 1835 года; но положительно мы знаемъ только то, что во всякомъ случаѣ онъ заслуживалъ глубокаго скорбнаго сочувствія:

«Спасите меня! возьмите меня!... Домъ ли то мой синѣетъ вдали, мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына! Посмотри, какъ измучили они его! Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ!»

— То, что у Алжирскаго Дея подъ самымъ носомъ шишка, вы, вѣроятно, знаете; но, быть можетъ, вы еще не читали окончанія «Повѣсти о капитанѣ Копейкинѣ?» Оно помѣщено въ новомъ изданіи. Прочтемъ же эти страницы: согласитесь, не годится кончать грустью воспоминанія о Гоголѣ.

«Можете себѣ представить, министръ вышелъ изъ себя! Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, можетъ быть, еще не было въ лѣтописяхъ міра, такъ сказать, примѣра, чтобы какой нибудь Копейкинъ осмѣлился такъ говорить съ министромъ. Можете себѣ представить, каковъ долженъ быть разсерженный министръ, такъ сказать, государственный человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ! «Грубіянъ!» закричалъ онъ. «Гдѣ фельдъегерь? Позвать, говоритъ, фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства!» А фельдъ-егерь уже тамъ, понимаете, за дверью и стоитъ: трехъ-аршинный мужчина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ, словомъ—дантистъ

эдакой.... Вотъ его раба Божія въ тележку, да съ фельдъ-егеремъ. «Ну,» Копейкинъ думаетъ, «по крайней мѣрѣ не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то.» Ѣдетъ онъ, судырь мой, на фельдъ-егерѣ, да ѣдучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: «Хорошо», говоритъ, «вотъ ты, молъ, говоришь, чтобы я самъ себѣ поискалъ средствъ и помогъ бы; хорошо», говоритъ, «я», говоритъ, «найду средства!» Ну, ужъ какъ тамъ его доставили на мѣсто и куда именно привезли, ничего этого не извѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копейкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь эдакую Лету, какъ называютъ поэты. Но позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. И такъ куда дѣлся Копейкинъ, не извѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, судырь мой, не кто другой, какъ нашъ капитанъ Копейкинъ. Набралъ изъ разныхъ бѣглыхъ солдатъ, нѣкоторымъ образомъ, банду цѣлую. Это было, можете себѣ представить, тотчасъ послѣ войны. Все привыкло, знаете, къ распускной жизни, всякому жизнь—копейка, забубенъ вездѣ такой—хоть трава не рости. Словомъ, судырь мой, у него, просто, армія. По дорогамъ никакого проѣзда нѣтъ, и все это собственно, такъ сказать, устремлено на одно только казенное. Если проѣзжающій по какой—нибудь своей надобности, спросятъ только, за чѣмъ, да и ступай своей дорогой. А какъ только какой-нибудь фуражъ казенный, провіантъ, или деньги, словомъ—все, что носитъ, такъ сказать имя казны,—спуска никакого! Ну, можете себѣ представить, казенный карманъ опустошается ужасно. Услышитъ ли, что въ деревнѣ приходитъ срокъ платить казенный оброкъ,—онъ ужъ тамъ. Тотъ же часъ требуетъ къ себѣ старосту: «Подавай, братъ, казенные оброки и подати!» Ну, мужикъ видитъ—такой безногій чортъ, на воротникѣ-то у него, понимаете, жаръ птица, красное сукно, пахнетъ, чортъ возьми, оплеухой.... «На, батюшка! вотъ тебѣ, отвяжись только!» Думаетъ: «Ужъ, вѣрно, какой нибудь капитанъ — исправникъ, а, можетъ, еще и хуже.» Только, судырь мой, деньги, понимаете, приметъ онъ, какъ слѣдуетъ, и тутъ же крестьянамъ пишетъ росписку, чтобы, нѣкоторымъ образомъ, оправдать ихъ, что деньги, точно, молъ, взяты и подати сполна всѣ выплачены, и принялъ вотъ такой-то капитанъ Копейкинъ, еще даже и печать свою приложитъ. Словомъ, судырь мой, грабитъ да и полно. Посылали было нѣсколько ротъ команды изловить его, но Копейкинъ мой и въ усъ не дуетъ. Голодеры, понимаете, собрались все такіе.... Но наконецъ, можетъ быть, испугавшись самъ, видя, что дѣло, такъ сказать, заварилъ не на шутку и что преслѣдованія ежеминутно усиливались, а между тѣмъ деньжонокъ у него собрался капиталецъ порядочный, онъ, судырь мой, за границу, и за границу-то, судырь мой, понимаете, въ Соединенные Штаты! и пишетъ оттуда, судырь мой, письмо къ Государю, краснорѣчивѣйшее, какъ только можете себѣ вообразить. Въ древности Пла-

тоны и Демосфены какіе-нибудь, все это, можно сказать, тряпка, дымокъ въ сравненіи съ нимъ: «Не подумай, Государь,» говоритъ, «чтобы я того и того ... (круглоту періодовъ запустилъ такую).... Необходимость,» говоритъ, «была причиною моего поступка. Проливалъ кровь, не щадилъ, нѣкоторымъ образомъ, жизни, и хлѣба, какъ бы сказать, для пропитанія нѣтъ теперь у меня. Не наказуй,» говоритъ, «моихъ сотоварищей, потому что они невинны, ибо вовлечены, такъ сказать, собственно мной; а окажи лучше Монаршую свою милость, чтобы впредь, то есть, если тамъ попадутся раненые, такъ чтобы, примѣромъ, за ними эдакое, можете себѣ представить, смотрѣніе»... Словомъ, краснорѣчиво необыкновенно. Ну, Государь, понимаете, былъ тронутъ. Дѣйствительно его Монаршему сердцу было прискорбно... Хотя онъ точно былъ преступникъ и достоинъ, въ нѣкоторомъ родѣ, смертнаго наказанія, но видя, такъ сказать, какъ можетъ невинно иногда произойти подобное упущеніе.... Да и невозможно, впрочемъ, чтобы въ тогдашнее смутное время все было можно вдругъ устроить. Одинъ Богъ, можно сказать, только развѣ безъ проступковъ. Словомъ, судырь мой, Государь изволилъ на этотъ разъ оказать безпримѣрное великодушіе, повелѣлъ остановить преслѣдованіе виновныхъ, а въ то же время издалъ строжайшее предписаніе составить комитетъ, исключительно съ тѣмъ, чтобы заняться улучшеніемъ участи всѣхъ, то есть, раненыхъ. И вотъ, судырь мой, это была, такъ сказать, причина, въ силу которой положено было основаніе инвалидному капиталу, обезпечившему, можно сказать, теперь раненыхъ совершенно, такъ что подобнаго попеченія дѣйствительно ни въ Англіи, ни въ разныхъ другихъ просвѣщенныхъ государствахъ не имѣется. Такъ, вотъ кто, судырь мой, этотъ капитанъ Копейкинъ. Теперь я полагаю, вотъ что. Въ Соединенныхъ Штатахъ денежки онъ, безъ сомнѣнія, прожилъ, да вотъ и воротился къ намъ, чтобы еще какъ нибудь попробовать — не удастся ли, такъ сказать въ нѣкоторомъ родѣ, новое предпріятіе...»

Да, какъ бы то ни было, а великаго ума и высокой натуры человѣкъ былъ тотъ, кто первый представилъ насъ намъ въ настоящемъ нашемъ видѣ, кто первый научилъ насъ знать наши недостатки и гнушаться ими. И что бы напослѣдокъ ни сдѣлала изъ этого человѣка жизнь, не онъ былъ виноватъ въ томъ. И если чѣмъ смутилъ насъ онъ, все это миновалось, а безсмертны остаются заслуги его.

НОВЫЯ КНИГИ.

іюнь и іюль 1857.

Мертвыя Души. *Окончаніе поэмы Н. В. Гоголя «Похожденія Чичикова.»* Ващенко-Захарченко. *Кіевъ. 1857.*

Что это за поддѣлка, являющаяся такъ нагло? Что это за г. Ващенко-Захарченко, такъ дерзко заимствующій для своего издѣлія заглавіе книги и имя Гоголя, чтобы доставить сбытъ своему никуда-негодному товару.

Г. Ващенко-Захарченко не какой нибудь несчастный, доводимый до всякихъ продѣлокъ необходимостью; —это не то, что А. А. Орловъ или Сиговъ, которымъ когда то лавочники Толкучаго рынка, торгующіе бумажнымъ товаромъ, заказывали книжечки въ два-три листа, печатавшіяся подъ заглавіемъ романовъ, имѣвшихъ успѣхъ, напримѣръ «Графиня Рославлева или супруга-героиня, отличившаяся въ знаменитую войну 1812 года» — эти поддѣлки хотя сколько нибудь извиняются крайнимъ невѣжествомъ поддѣльщика.

Но книга г. Ващенко-Захарченко приводитъ къ другимъ мыслямъ. Это довольно большой томъ, напечатанный на порядочной бумагѣ, довольно сноснымъ шрифтомъ, — видно, что г. Ващенко-Захарченко имѣетъ нѣкоторое понятіе о томъ, каковы бываютъ порядочныя книги; что всего хуже, видно, что онъ человѣкъ, имѣвшій случай посѣщать порядочное общество: онъ знаетъ, по какому

порядку происходятъ дворянскіе выборы, какія кушанья подаются на столъ у богатыхъ помѣщиковъ, онъ, кажется, имѣетъ даже нѣкоторое понятіе объ университетскомъ образованіи. Какъ же онъ, человѣкъ, имѣющій, вѣроятно, нѣкоторое понятіе о томъ, что такое литература, отважился на пошлое дѣло.

Разсчетъ г. Ващенко-Захарченко былъ не совсѣмъ ошибоченъ: мы слышали уже отъ двухъ-трехъ человѣкъ вопросъ о томъ, какова его книга; вѣроятно, найдутся такіе ловкіе продавцы, которые будутъ пытаться высылать ее въ провинціи, какъ сочиненіе Гоголя. Журналы должны предупредить этотъ обманъ, и потому мы рѣшаемся сказать нѣсколько словъ о книгѣ, написанной г. Ващенко-Захарченко.

Вотъ предисловіе, по которому читатель можетъ видѣть, что г. Ващенко-Захарченко воображаетъ владѣть юмористическимъ словомъ:

«Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, узнавъ о смерти Н. В. Гоголя и о томъ, что его поэма «Мертвыя Души» осталась неоконченною, вздохнулъ тяжело, и, давъ рукамъ и головѣ приличное обстоятельству положеніе, съ свойственною ему одному манерою, сказалъ: похожденія мои — произведеніе колоссальное касательно нашего обширнаго отечества, мануфактуръ, торговли, нравовъ и обычаевъ. Окончить его съ успѣхомъ могъ одинъ только Гоголь. Родственники генерала Бетрищева просили меня письменно уговорить васъ окончить «Мертвыя Души.» Изъ моихъ разсказовъ (т. е. *«съ моихъ разсказовъ», «по моимъ разсказамъ» — г. Ващенко-Захарченко могъ бы выучиться употребленію русскихъ предлоговъ прежде, чѣмъ писать окончаніе «Мертвыхъ Душъ»)*, вамъ легко будетъ писать, а какъ я вдвое старѣе васъ, то вы вѣрно будете видѣть, чѣмъ кончится мое земное поприще. Исполните же просьбу генерала Бетрищева и его родныхъ. Я знаю, что они первые будутъ ругать васъ; но я утѣшу васъ мыслію, что окончаніе «Мертвыхъ Душъ» будетъ не только пріятно, но и полезно въ геморроидальномъ отношеніи. А. Ващенко-Захарченко.»

Господинъ А. Ващенко-Захарченко такъ восхищенъ своею остроумною выдумкою, что на оборотѣ заглавнаго листа, подъ цензорскимъ разрѣшеніемъ печатать книгу, приложилъ свою подпись, обведенную кольцомъ въ видѣ печати. Онъ не ошибся: дѣйствительно, интересно видѣть почеркъ, интересно было бы видѣть и лицо человѣка, отважившагося на такой подлогъ.

Книга написана съ остроуміемъ и смысломъ сочиненій г. Анаевскаго; разница только въ томъ, что г. Анаевскій не ошибается въ употребленіи предлоговъ и буквы *ы*, а г. Ващенко-Захарченко пи-

шетъ «изъ моихъ разсказовъ» вмѣсто: «по моимъ разсказамъ», «бэриня», «баришня»; «рижій», «порижѣть».

Смысла въ книгѣ нѣтъ ни малѣйшаго; но если вы хотите знать, о чемъ въ ней говорится безъ смысла, то знайте, что остроумный г. Ващенко-Захарченко разсказываетъ, какъ Чичиковъ, освободившись изъ острога, куда его посадили, неизвѣстно зачѣмъ и по какому дѣлу, ѣдетъ навѣстить родственниковъ генерала Бетрищева, продаетъ свои мертвыя души на выводъ какому-то скупцу Мѣдяникову, получаетъ за нихъ до 60,000 рублей серебромъ, женится на богатой помѣщицѣ и умираетъ поглупѣвъ отъ старости. На каждой страницѣ есть нѣсколько фразъ, безграмотнымъ и безсмысленнымъ образомъ вытащенныхъ изъ «Мертвыхъ Душъ» и прикрашенныхъ остроуміемъ самого г. Ващенко-Захарченко. Такъ напримѣръ, безпрестанно упоминается о фракѣ цвѣта наваринскаго дыма съ пламенемъ, на каждой страницѣ Чичиковъ говоритъ, что онъ ѣздитъ по Россіи, навѣщая родственниковъ генерала Бетрищева и отъискивая климатъ удобный въ геморроидальномъ отношеніи; кромѣ того, авторъ отъ себя придумываетъ разныя варіаціи на фразу, что Чичиковъ кланяется съ ловкостью военнаго человѣка, — «Чичиковъ поклонился съ ловкостью танцмейстера», «Чичиковъ поклонился съ ловкостью гусара» и т. д.—въ этихъ фразахъ и состоитъ остроуміе г. Ващенко-Захарченко. Для образца таланта и смысла его, мы беремъ на удачу слѣдующій отрывокъ, исправляя грамматическія ошибки, — которыя очевидно принадлежатъ не корректору, а самому г. Ващенко-Захарченко.

«Чичиковъ приказалъ везть себя къ Распузину.

«Распузинъ былъ не богатъ, но тароватъ, и умѣлъ копѣйку на ребро ставить. Выписывалъ онъ всѣ русскіе журналы и не только читалъ ихъ съ удовольствіемъ, но ссужалъ даже ими тѣхъ, которые брали книги и газеты для тона, а не имѣли охоты заняться новостями политики и литературы, бывъ погружены въ животный сонъ и разговоры о хозяйствѣ и скотномъ дворѣ *(Что за безсмыслица? зачѣмъ же они брали книги, если не имѣли охоты читать ихъ?)* Сосѣди Распузина были два брата, богатые люди, вдовцы, толстяки, скупцы, безъ всякаго образованія и желаній. У нихъ было одно въ головѣ: какъ бы побольше уничтожить свою и покупную въ овощной лавкѣ провизію. Кулебяки и буженина были у нихъ настольными яствами. Объемистые и эластическіе ихъ желудки были постоянно полны въ противоположность головѣ, вѣчно пустой.

«— Не люблю этихъ животныхъ, ненавижу ихъ: не умѣютъ дѣтей воспитать. Это скоты и невѣжды. Такъ говорилъ Распузинъ гостю, сидѣвшему противъ него, и перелистывавшему иллюстрированное изданіе.

«— Ну, ты не зналъ ихъ женъ. Умора просто, да и конецъ. Одна изъ супругъ ходила вѣчно въ перчаткахъ, ее называли М-me Чесотье, сказалъ, положа книгу, пріятель Распузина: — а другая была зла, какъ пантера, и, къ счастію всего деревенскаго народонаселенія, все свое время свободное употребляла она на драку съ мужемъ. Прислугу оставляла въ покоѣ, а все этого барина безпокоила. Вѣчно у него были подбиты глаза, исцарапаны рожа и руки.

«— Я не могу ихъ двухъ равнодушно видѣть. Не мое дѣло, конечно, но я не утерпѣлъ, и въ разговорѣ, подошедшемъ кстати, сказалъ, что пора уже намъ стряхнуть съ себя невѣжество, а если мы въ немъ загрубѣли, окаменѣли, то станемъ воспитывать дѣтей нашихъ такъ, чтобы они сдѣлались полезными гражданами государству и человѣчеству. Поняли ли они? Я думаю, что нѣтъ.

«— Они не поняли, но были тамъ и тѣ, которые отлично все постигаютъ, но притворяются и скрываютъ свои мысли подъ видомъ простоты. А! обратился хозяинъ къ вошедшему господину, довольно серьёзной наружности: collega! — Тутъ Распузинъ пожалъ гостю руку и сказалъ, обратясь къ прежнему: рекомендую тебѣ магистра, Петра Иваныча Кулисновикова, моего товарища по естественному факультету. Ориктогнозію и ботаническую систематику мы слушали вмѣстѣ. Я былъ своекоштнымъ и учился плохо; а онъ былъ казеннымъ студентомъ и не даромъ носилъ эго имя.

«Хозяинъ взглянулъ въ окно, и увидѣлъ въѣзжавшаго на парѣ, во дворъ, Чичикова. Селифанъ какъ-то не ловко правилъ парой, и Петрушка тоже немного конфузился, сидя на козлахъ.

«— Ѣдетъ ко мнѣ еще кто-то, да не знакомый долженъ быть. Добро пожаловать! прошу покорно сюда! кричалъ хозяинъ вошедшему Павлу Ивановичу, который скидалъ галоши и шинель, и вмѣстѣ съ этимъ ловко раскланивался.

«— Я Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, сказалъ новый гость, вошедши въ столовую, гдѣ были всѣ, и, пожимая хозяину руки, прибавилъ: — ѣзжу я уже не одинъ годъ по пространной Россіи, какъ для посѣщенія родныхъ моего друга, генералъ-лейтенанта Бетрищева, такъ и для наблюденій надъ тѣмъ воздухомъ, который благорастворениѣе въ геморроидальномъ отношеніи.

«— Покорнѣйше прошу садиться, очень радъ, очень радъ, сказалъ хозяинъ, и давъ знакъ магистру глазами, чтобъ онъ занялъ новаго гостя, самъ вышелъ.

«— Должно быть вы, окончивши курсъ, еще нѣсколько лѣтъ занимались естественными науками, спросилъ прежній гость магистра: — и въ нихъ далеко подвинули всѣ новыя открытія?

«— Конечно, я былъ посылаиъ на счетъ университетскихъ суммъ за границу, и обогатилъ естественныя науки важными открытіями.

«Вотъ куда я попалъ, подумалъ Павелъ Ивановичъ: — вотъ здѣсь узнаю я многое, и многому научусь полезному и даже необходимому».

Чичиковъ съ явнымъ предпочтеніемъ смотрѣлъ на магистра, бывшаго на казенный счетъ за границей.

«— Я право не припомню, сказалъ магистръ, обратясь къ Чичикову: — мнѣ послышалось, что и вы наблюдали что-то, такъ позвольте узнать, не съ собратомъ ли я имѣю честь познакомиться? Не вы ли трудились *(т. е. вы не трудились ли, — г. Ващенко-Захарченко не выучился и словъ располагать сообразно грамматическому смыслу)*, на поприщѣ естествоиспытанія? Вы, вѣроятно, занимались...

«— Отчасти занимался, и всѣмъ по немногу, сказалъ озадаченный Чичиковъ, но, къ сожалѣнію, не знаю новѣйшихъ открытій; а вотъ вы, только что пріѣхали изъ-за границы, вѣроятно сообщите намъ результаты вашей поѣздки.

«— Съ удовольствіемъ. Первые три года я наблюдалъ жизнь и строеніе мховъ въ понтійскихъ болотахъ. Трудъ мой былъ напечатанъ на суммы университета. Другіе три года я посвятилъ зоологіи. Сочиненіе мое «Зоотомія улитокъ» заслужило первую премію, и бросило особенный взглядъ на жизнь этихъ тварей. Теперь я тружусь надъ зоологіей щупальцевыхъ насѣкомыхъ, думая обратить все вниманіе на таракановъ, и тому подобныхъ домашнихъ насѣкомыхъ. Наука будетъ обогащена новыми по этой части открытіями. Магистръ важно понюхалъ табаку и утерся платкомъ.

«Толкуетъ онъ о мхахъ, а на кой чортъ они мнѣ? Мхи, тараканы, улитки и.... много онъ пользы принесетъ поѣздкой за границу! Билъ вѣрно баклуши! Лучше бы тамъ мнѣ этакую зоотомію пеньки представилъ, или оринтогнозію льну. Мхи, мхи! На кой чортъ они намъ, твои мхи, хоть они и понтійскіе!» — Павелъ Ивановичъ, выслушавъ рѣчи магистра, разсердился не на шутку, купилъ у хозяина гнѣдую упряжную лошадь, далъ ей имя засѣдатель, въ воспоминаніе павшаго коня, попрощался *(т. е. простился)* съ Распузинымъ, и поѣхалъ въ городъ, очень недовольный свѣтомъ и людьми.

«Гдѣ счастье обитаетъ? Гдѣ его можно найти? Вотъ, слава Богу, и деньги есть, и слава Богу, я здоровъ; но все чего-то недостаетъ, а недостаетъ счастья. Буду его искать? Только бы оно не бѣжало по свойственной ему гадкой привычкѣ. И жениться пора мнѣ не только пришла, но даже проходитъ. Испытаю, можетъ быть это и есть подлинное счастье: хорошенькая, кругленькая дѣвочка, невинная какъ ангелъ, съ приличными красотами тѣла, съ пріятными глазками и ротикомъ, манящимъ поцалуй. Приволокнуться развѣ при удобномъ случаѣ? Человѣкъ я солидный, довольно сносной наружности, все, что нужно для супружескаго спокойствія, у меня есть, отчего же не составить приличной партіи? Даю себѣ слово, при первомъ случаѣ, не откладывать, а приступить рѣшительно къ дѣлу. Миѳологія говоритъ о Гименеѣ, какъ о добромъ божествѣ, а о злыхъ богахъ супружества умалчиваетъ. Можетъ быть тогда на счетъ спокойствія семейной жиз-

ни были совсѣмъ другія правила, и эти непріятели общаго благоразумія были содержаны въ заперти, и вотъ причина тогдашняго кроткаго удовольствія, которое заключало супружество. Злые люди, въ особенности холостяки, завидуя счастію женатыхъ друзей и пріятелей, видя, какъ жены ухаживаютъ за ними, хлопочатъ, чтобы имъ былъ поданъ супъ съ пирожками, соусы, жаркія и малина со сливками, густыми какъ сметана, — позавидовали. Не питая сами надеждъ надѣть цѣпи супружества, они хлопотали у боговъ, и тѣ послушали и выпустили: моду, фасонъ, волокитство и другіе, симъ подобные бичи семейнаго благополучія.» Павелъ Ивановичъ, давно достигнувъ средствъ содержать себя и семейство прилично, ту минуту женился бы, но Неонилла Ивановна сдѣлала его поосторожнѣе и прохолодила (Неонилла Ивановна дѣвица, на которой г. Ващенко-Захарченко собирался женить Чичикова, и которая хотѣла его высѣчь передъ самымъ отправленіемъ подъ вѣнецъ. — Эта сцена очень остроумна у г. Ващенко-Захарченко). «Терпѣлъ ты, пузантикъ, думалъ Павелъ Ивановичъ, долго плылъ ты по бурному океану жизни, видна гавань, какъ бы не разбиться о подводные камни. Осторожность была матерью всѣхъ счастливо оканчивающихся предпріятій, она одна полезна во многихъ отношеніяхъ, не исключая и геморроидальнаго»

Не говоримъ о томъ, есть ли хотя искра таланта у автора, — конечно человѣкъ хотя съ малѣйшимъ признакомъ таланта не подумалъ бы о пошлой продѣлкѣ, къ которой прибѣгъ г. Ващенко-Захарченко; не говоримъ о томъ, понимаетъ ли онъ сколько нибудь мысль творенія, заглавіе котораго ставитъ на заглавномъ листѣ своей книги, или характеръ лица, приключенія коротаго хочетъ досказывать, — разумѣется, напрасно и говорить о томъ: если бы г. Ващенко-Захарченко сколько нибудь понималъ «Мертвыя Души» и Чичикова, онъ не рѣшился бы выкинуть штуку, которая въ своемъ родѣ не лучше продѣлокъ Чичикова, и отличается отъ нихъ только тѣмъ, что Чичиковъ свои продѣлки велъ какъ человѣкъ умный, а г. Ващенко-Захарченко вовсе не такъ. Нѣтъ, мы хотимъ спросить не о томъ, можетъ ли быть какое нибудь литературное достоинство въ книгѣ, состоящей изъ отрывковъ, подобныхъ приведенному нами, а только о томъ, есть ли хотя малѣйшій смыслъ въ нелѣпыхъ страницахъ, нами выписанныхъ?

Если имя «Ващенко-Захарченко» не настоящая фамилія автора подпѣлки, отъ которой мы предостерегли читателя, — если это не истинная фамилія, а псевдонимъ, мы очень рады тому: авторъ продѣлки или раскаивается уже, или скоро будетъ раскаиваться въ своей наглости, — если «Ващенко-Захарченко» псевдонимъ, авторъ, быть можетъ, успѣетъ укрыться отъ посрамленія, переселиться куда

нибудь въ такой уголокъ, гдѣ не знаютъ подлинной фамиліи, скрывшейся подъ псевдонимомъ; если же «Ващенко-Захарченко» — не псевдонимъ, а подлинное имя человѣка, сдѣлавшаго эту недостойную дерзость, мы искренно сожалѣемъ о его судьбѣ: онъ своею безразсудной наглостью навѣкъ испортилъ свою репутацію.

Очеркъ русскаго вексельнаго права, *чтенія* Д. И. Мейера *въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, изданныя по запискамъ слушателей, подъ редакціею* А. Вицына. *Казань. 1857.*

Большинству русской публики все еще слишкомъ мало извѣстно имя покойнаго Мейера, одного изъ тѣхъ героевъ гражданской жизни, всѣ силы которыхъ посвящены осуществленію идей правды и добра; тѣхъ героевъ, о которыхъ не вспоминаетъ безъ благоговѣнія ни одинъ знавшій ихъ человѣкъ, на какое бы поприще дѣятельности ни поставила ихъ судьба. Есть люди, которые способны совершать подвиги доблести только тогда, когда наградою за то служитъ слава, которыхъ энергія не выноситъ безвѣстности. Мейеръ былъ не таковъ. Казанскій Университетъ, въ которомъ находился онъ профессоромъ, не могъ обращать на себя вниманія всей Россіи; знаменитость, въ немъ пріобрѣтаемая, не простиралась далѣе тѣснаго круга воспитанниковъ его: для Мейера было все равно, и онъ работалъ съ такою же энергіею, какъ если бы занималъ каѳедру въ Сорбоннѣ или Берлинѣ; съ такою же энергіею работалъ бы онъ и тогда, если бы былъ не профессоромъ университета, а темнымъ учителемъ какого нибудь приходскаго училища. Часто мы говоримъ: исполняйте ваши обязанности, какъ бы ни былъ тѣсенъ кругъ вашего дѣйствія; но только очень немногіе изъ насъ имѣютъ силу исполнять это правило. Мейеръ былъ однимъ изъ такихъ исключеній. Но и между этими малочисленными исключеніями онъ составлялъ рѣдкое исключеніе. Обыкновенно люди, неутомимо трудящіеся на скромномъ поприщѣ, почерпаютъ свою энергію отчасти въ недостаткѣ дарованій для дѣятельности на поприщѣ болѣе широкомъ; только очень немногіе изъ нихъ съ доблестнымъ стремленіемъ соединяютъ такіе таланты, что по плечу имъ пришлось бы исполненіе только самыхъ высокихъ обязанностей. Вашингтонъ — рѣдкое явленіе не только по своей непреклонной честности и великимъ талантамъ, но и потому, что одинаково ревностно исполнялъ свою обязанность въ самыхъ неважныхъ положеніяхъ, между тѣмъ какъ собственно былъ созданъ только для верховнаго управленія дѣлами цѣлой націи. Онъ, великій полководецъ и правитель, былъ нѣкогда столь же примѣр-

нымъ офицеромъ маленькаго отряда, столь же примѣрнымъ управителемъ имѣнія. До насъ дошли съ поэтическими украшеніями характеры древнихъ героевъ — Регуловъ и Цинциннатовъ, которые пахали землю своего маленькаго участка съ такимъ же усердіемъ, какъ и трудились для спасенія отечества, — мы не вѣримъ, чтобы они въ дѣйствительности были таковы. Но среди насъ встрѣчаются подобныя натуры. Объ одномъ изъ такихъ людей, покойномъ Д. П. Журавскомъ, недавно сообщилъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній г. Самаринъ («Русская Бесѣда», 1857, № 2). Другой такой человѣкъ былъ Мейеръ. Жаль, что нація узнаётъ этихъ людей обыкновенно уже послѣ ихъ смерти.

Высокій умъ и героическое служеніе своимъ идеямъ соединялось въ Мейерѣ съ непреклонною честностью въ личныхъ дѣлахъ,— съ тою честностью, которая уже одна сама по себѣ могла бы сдѣлать человѣка достойнымъ славы. Добрыхъ людей и благородныхъ людей много на свѣтѣ, но мало такихъ, которые бы доходили до совершенства, какимъ украшается Эпаминондъ въ «разсказѣ Плутарха, — Эпаминондъ, «не шутившій никогда, потому что шутку считалъ уже нарушеніемъ правды.» Мы не вѣримъ разсказу Плутарха, но среди насъ встрѣчаются подобные люди. Отъ строгой правды ничто, никогда, ни на волосъ не могло отвратить Мейера. Не только каждый его поступокъ, каждое его слово находилось въ такомъ же строгомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что̀ внушало ему зрѣлое убѣжденіе, какъ каждое слово въ приговорѣ справедливаго судьи.

Непреклонная честность чаще всего соединяется съ нѣкоторою суровостью сердца, — но каковъ былъ въ этомъ отношеніи Мейеръ, лучше всего покажетъ одинъ случай его жизни. Переведенный въ Петербургскій Университетъ, Мейеръ вскорѣ по пріѣздѣ былъ уже при дверяхъ гроба: въ немъ развилась чахотка. Онъ не выходилъ изъ комнаты; но знакомые еще не теряли надежды. У одного изъ его друзей было важное дѣло, въ рѣшеніи котораго участвовалъ бы Мейеръ, еслибъ былъ здоровъ. Но онъ лежалъ въ изнеможеніи смертельной болѣзни. Его пріятель началъ свое дѣло — оно пошло неудачно; оскорбленный искатель хотѣлъ прекратить свой искъ и занемогъ отъ оскорбленія. Мейеръ узналъ о томъ. Искъ его друга казался ему справедливымъ; выигрышъ дѣла былъ слишкомъ важенъ для этого человѣка. Мейеръ велѣлъ одѣть себя, его вывели или вынесли и положили на сани — дѣло было зимою — его покрыли шубами, и онъ поѣхалъ, черезъ весь Петербургъ, къ своему другу, жившему на другомъ концѣ города. «Твое дѣло право; ты долженъ собрать послѣднія физическія силы и явиться къ

среду въ то засѣданіе, гдѣ рѣшается твоя участь. Я буду тамъ.» Пріятель уговаривалъ его не подвергать себя смерти новымъ путешествіемъ по зимнему воздуху и волненіемъ, которое было бы неизбѣжно для Мейера при защитѣ его. Но Мейеръ былъ непреклоненъ. «Будешь ты, или не будешь тамъ въ среду, а я буду. Не заставь же меня ждать тамъ тебя понапрасну.» Тогда пріятель, видя что отказаться нельзя, сталъ говорить, что надобно отсрочить дѣло до субботы: «Я еще очень слабъ, говорилъ онъ:—если ты не жалѣешь себя, то дай мнѣ нѣсколько оправиться отъ болѣзни.» Мейеръ не соглашался на отсрочку, пріятель съ своей стороны доказывалъ необходимость ея для себя. Долго убѣждалъ его Мейеръ, — тотъ рѣшительно не соглашался на среду и требовалъ срока до субботы. «Ты наконецъ заставляешь меня сказать то, чего я не хотѣлъ говорить: видишь ли, въ среду я навѣрное могу быть въ засѣданіи, потому что буду еще живъ. А за субботу не ручаюсь.» Въ среду Мейеръ и его другъ явились въ засѣданіе, дѣло друга было выиграно, благодаря энергіи Мейера. Въ субботу, Мейеръ уже не былъ въ живыхъ.

Да, такой человѣкъ дѣйствительно достоинъ имени человѣка.

Вы говорите о герояхъ — есть они и между нами. Да, есть у насъ люди, которыми можетъ гордиться земля наша.

Но.. . зачѣмъ они погибаютъ обыкновенно такъ рано? И по какому печальному совпаденію обстоятельствъ слишкомъ часто погибаютъ они именно въ то время, когда всего болѣе становились полезными?

Изъ темной Казани, Мейеръ переведенъ въ Петербургъ. Вотъ теперь-то на всю страну нашу расширится вліяніе его дѣятельности, теперь-то быстро прославится онъ, доселѣ почти безвѣстный... скоро, быть можетъ, призовутъ его отъ каѳедры къ участію въ государственной дѣятельности, какъ призывали его предшественника по каѳедрѣ.

Мейеръ умираетъ.

Съ нимъ ли однимъ такъ было? То же было съ Журавскимъ, то же было съ Жиряевымъ; то же было, если вѣрны слухи о высокомъ назначеніи, готовившемся Грановскому, и съ Грановскимъ И съ многими другими такъ было на нашихъ глазахъ.

Сколькихъ добрыхъ жизнь поблекла!

И скажите, что за странность, что мы не боимся хвалить по достоинству только тѣхъ добрыхъ, которыхъ уже сокрыла могила?

Отчего мы такъ мало и такъ робко говоримъ о достоинствѣ живыхъ? Отчего мы такъ медлимъ указывать другъ другу тѣхъ живыхъ, которымъ должно принадлежать высокое мѣсто между нами по ихъ дарованіямъ, соединеннымъ съ гражданскою доблестью? Усопшимъ—честь; но отъ уваженія къ живымъ, достойнымъ чести, должны мы ждать блага.

Впрочемъ, хорошо и то, что мы начали думать хотя о воздаліи чести усопшимъ. Почитатели Мейера заботятся о томъ, чтобы составлена была его біографія. Другіе почитатели его взялись за изданіе его лекцій.

Книга, напечатанная теперь подъ редакціею г. Вицына, должна быть считаема частью послѣдняго изданія.

О погашеніи государственныхъ долговъ, *сочиненіе* Александра Запасника. *Спб. 1857.*

Разсужденіе г. Запасника заключаетъ довольный подробно обзоръ выгодъ и невыгодъ, представляемыхъ различными средствами для погашенія государственныхъ долговъ. Изложеніе не отличается особенными достоинствами, но составлено вообще внимательно. Мы не знаемъ только, зачѣмъ авторъ избралъ предметомъ своего изслѣдованія предметъ, почти вовсе не имѣющій связи ни съ однимъ изъ тѣхъ живыхъ вопросовъ, которыми такъ богата политическая экономія. Не говоря уже о другихъ частяхъ политической экономіи, въ томъ одномъ отдѣлѣ этой науки, который относится къ государственнымъ финансамъ, легко было бы ему найти десятки вопросовъ гораздо болѣе привлекательныхъ своимъ живымъ интересомъ; напримѣръ, въ дѣлѣ государственныхъ доходовъ представляются вопросы о прямыхъ и косвенныхъ налогахъ, о прогрессивномъ налогѣ, о тарифѣ, о повинностяхъ, отправляемыхъ натурою и т. д. и т. д.

Слѣдуя въ своихъ сужденіяхъ мнѣніямъ, принимаемымъ учеными, которые считаются авторитетами политической экономіи, г. Запасникъ не говоритъ почти ничего рѣзкаго, такъ что почти всегда его слова могутъ быть одобрены во имя авторитетовъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ въ его книгѣ почти ничего свѣжаго, и не возбуждаетъ она никакой охоты къ порицанію или похваламъ. Одну только странность можно въ ней замѣтить, но и та, вѣроятно, объясняется отношеніями автора: довольно странно читать перечни авторитетовъ, составленные, напримѣръ, такимъ образомъ.—Сказавъ, что многіе экономы заблуждались въ сужденіяхъ своихъ о

вліяніи государственнаго долга на общественное благосостояніе, г. Запасникъ продолжаетъ: «Нѣкоторые изъ государственныхъ экономовъ, какъ: Д. Юмъ, А. Смитъ, Ж. Б. Сэ, Сисмонди, Небеніусъ, профессоръ Горловъ, А. Бутовскій и профессоръ Бунге, критически разобрали мнѣнія сихъ писателей или способствовали развитію правильнаго понятія о вліяніи государственныхъ долговъ.» Г. Бутовскій и г. Горловъ могутъ имѣть великія ученыя достоинства, но до сихъ поръ едвали кто-нибудь произносилъ ихъ имена вслѣдъ за именами Юма, Адама Смита, Сэ и Сисмонди.

Можно еще замѣтить, что г. Запасникъ, по видимому, мало обращаетъ вниманія на мнѣнія нѣкоторыхъ новыхъ писателей, во многомъ исправившихъ понятія, развитыя учеными предшествовавшихъ школъ. Чтобы обратить его вниманіе на этотъ предметъ, мы разсмотримъ мнѣніе, повторяемое имъ со словъ старой школы о выгодахъ погашенія государственныхъ долговъ продажею государственныхъ имуществъ. Эти страницы въ книгѣ г. Запасника едвали не единственныя, имѣющія живой интересъ. Вотъ что говоритъ онъ:

«Правительство извлекаетъ доходъ отъ государственныхъ доменъ или посредствомъ казеннаго и административнаго ихъ управленія, или отдавая ихъ въ арендное содержаніе. Но управляющіе, администраторы и арендаторы, не имѣя такихъ внутреннихъ побужденій, какъ частные владѣльцы имуществъ, и стѣсняемые надзоромъ и контролемъ правительства, не могутъ пользоваться въ возможной степени благопріятными обстоятельствами. Посему количество произведеній и валовой доходъ, получаемыя отъ государственныхъ доменъ, бываютъ всегда меньше, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы домены эти находились въ частномъ владѣніи. Съ другой стороны, при необходимости содержанія значительнаго числа лицъ для взаимнаго надзора, издержки управленія государственными доменами значительнѣе, чѣмъ въ частныхъ имуществахъ и съ обширностію имуществъ этихъ, возрастаютъ прогрессивно.

«И такъ относительно меньшій валовой доходъ и болѣе значительныя издержки управленія, а также злоупотребленія финансовыхъ агентовъ оказываютъ вліяніе на относительное уменьшеніе чистаго дохода. А такъ какъ доходъ, получаемый въ государствѣ отъ сельской промышленносли, зависитъ отъ количества сельскихъ произведеній, то существованіе государственныхъ доменъ причиняетъ относительныя потери всему государству. Такъ напримѣръ, если чистый доходъ, получаемый правительствомъ отъ государственныхъ доменъ, состоя изъ ⅓ количества получаемыхъ отъ нихъ произведеній, простирается до 40 мил., и если, при лучшемъ пользованіи ими, количество полу-

чаемыхъ отъ нихъ произведеній можетъ удвоиться, то, чрезъ удержаніе государственныхъ доменъ въ рукахъ правительства, народъ теряетъ чистаго дохода 40 мил., а произведеніями 120 мил.; чрезъ отчужденіе же доменъ народъ получилъ бы пропорціональную пользу.

«Кромѣ того, такъ какъ, въ настоящее время, чистый доходъ, получаемый правительствами отъ государственныхъ доменъ, относительно ниже процентовъ, платимыхъ государственнымъ заимодавцамъ, то продажа доменъ этихъ на погашеніе государственныхъ долговъ должна произвести ежегодное сбереженіе въ финансахъ. Напримѣръ, доходъ въ 30 мил. руб., получаемый отъ государственныхъ доменъ, составляетъ 3 процента представляемаго ими капитала, а проценты, платимые государственнымъ заимодавцамъ, могутъ быть пять. Въ такомъ случаѣ, если капиталъ доменъ этихъ равняется суммѣ долговаго капитала, то продажа государственныхъ доменъ на погашеніе государственныхъ долговъ доставитъ правительству ежегодно сбереженія въ 20 мил. руб.

«Слѣдовательно, продажа государственныхъ доменъ на погашеніе государственныхъ долговъ

1) Увеличивая количество сельскихъ произведеній, увеличитъ народный поземельный доходъ, народное благосостояніе и населеніе.

2) Увеличивая поземельный доходъ и населеніе, увеличитъ произведеніе поземельной подати и налоговъ съ потребленія.

3) Освобождая правительство отъ его долговъ, произведетъ въ финансахъ ежегодное сбереженіе, которое, вмѣстѣ съ излишкомъ поземельной подати и налоговъ съ потребленія, произведетъ перевѣсъ въ государственныхъ доходахъ надъ расходами; этотъ перевѣсъ возстановитъ финансовое равновѣсіе, или дастъ возможность уменьшить окладъ налоговъ.

«Не смотря на благотворное вліяніе отчужденія государственныхъ доменъ, мѣра эта имѣетъ своихъ противниковъ, въ главѣ которыхъ стоитъ извѣстный публицистъ Роттекъ. Къ защитникамъ ея принадлежатъ: А. Смитъ, Ж. Б. Сэ, Пр. Горловъ, и, съ нѣкоторыми ограниченіями, Шмальцъ, Лотцъ и Рау.

«Роттекъ, порицая отчужденіе государственныхъ доменъ, говоритъ: «Благосостояніе государства не можетъ быть измѣряемо цѣнностію имущества, въ немъ находящагося, или ежегоднаго производства, которое дѣйствительно увеличивается чрезъ переходъ государственныхъ доменъ въ частныя руки. Необходимо отличать богатство цѣлаго народа, отъ частнаго богатства гражданъ, взятыхъ въ отдѣльности. Главная цѣль — благосостояніе сихъ послѣднихъ, а благосостояніе государства есть только средство для этой цѣли. Очевидно, что гражданинъ того государства, которое не имѣетъ государственныхъ доменъ и должно дѣлать всѣ расходы на счетъ податныхъ сословій, менѣе богатъ, чѣмъ подданный другаго государства, которое изъ доходовъ

своихъ государственныхъ доменъ удовлетворяетъ значительную часть общественныхъ нуждъ. Вообще, чѣмъ выше налогъ, тѣмъ значительнѣе уменьшается имущество частныхъ лицъ, ибо оно тѣмъ болѣе обременяется долгомъ, податями.... Кромѣ того, государственныя домены въ чрезвычайныхъ случаяхъ могутъ служить залогомъ и представлять послѣднюю, весьма важную опору кредита».

Въ этихъ идеяхъ нельзя не замѣтить важныхъ заблужденій.

1) Роттекъ оставилъ безъ вниманія то назначеніе, которое должны получить суммы, вырученныя отъ продажи государственныхъ доменъ. Если суммы эти будутъ употреблены на погашеніе государственныхъ долговъ, то въ финансахъ, какъ мы замѣтили выше, произойдетъ благотворный переворотъ; если же на удовлетвореніе государственнымъ потребностямъ, то и это освободитъ подданныхъ отъ дополнительныхъ налоговъ, а правительство отъ заключенія новыхъ займовъ. Наконецъ, если эти суммы будутъ употреблены правительствомъ расточительнымъ образомъ, тогда расточительность, а не система, будетъ причиною потерь.

2) Мнѣніе Роттека, что государственныя имущества должны бытъ удержаны Правительствомъ на томъ основаніи, что они служатъ опорою кредита, не имѣетъ раціональнаго основанія. Если вырученныя отъ продажи государственныхъ доменъ суммы будутъ употреблены на погашеніе государственныхъ долговъ, то съ одной стороны, въ финансахъ образуется излишекъ государственныхъ доходовъ надъ расходами, слѣдовательно должно увеличиться довѣріе къ средствамъ правительства, съ другой же стороны уменьшится предложеніе государственныхъ облигацій, которое, при прежнемъ требованіи, произведетъ возвышеніе ихъ курса. А потому, государственный кредитъ долженъ возвыситься, не смотря на отчужденіе государственныхъ доменъ. Примѣръ Франціи и Англіи, имѣющихъ незначительныя государственныя домены, а пользующихся цвѣтущимъ кредитомъ, служитъ очевиднымъ тому доказательствомъ».

Положимъ, что Роттекъ совершенно ошибается: но онъ въ настоящее время далеко не единственный защитникъ государственныхъ имуществъ въ Германіи, Франціи и даже Англіи. У другихъ писателей, оставляемыхъ безъ вниманія г. Запасника, находятся объ этомъ предметѣ мысли болѣе широкія и, кажется намъ, болѣе основательныя.

Недвижимыя имущества въ рукахъ государства приносятъ гораздо меньшій доходъ, нежели въ рукахъ частныхъ людей, говоритъ старая школа. Но тутъ нужно принять въ соображеніе, что въ различныхъ государствахъ духъ управленія различенъ. Возьмемъ въ примѣръ двѣ сосѣдственныя державы, Англію и Францію:

Во Франціи, и при Бурбонахъ, и при Орлеанской династіи, администрація была произвольна и пристрастна; она готова была и могла дѣлать вовсе не экономическія уступки людямъ, въ которыхъ нуждалась или которыхъ боялась; она могла мучить придирками людей, къ которымъ не благоволила; во всѣхъ своихъ дѣлахъ она руководилась не столько экономическими выгодами, сколько политическими разсчетами и пристрастіями; подкупы и злоупотребленія всякаго рода были однимъ изъ средствъ къ сохраненію власти. Очень натурально, что при такомъ управленіи государственныя имущества во Франціи не приносили того дохода, какъ имущества частныхъ лицъ. Но англійское правительство въ денежныхъ дѣлахъ поступаетъ вовсе не такъ: тамъ невозможны ни подкупы, ни противузаконныя льготы, ни притѣсненія. Потому нѣтъ никакой причины, которая бы могла помѣшать въ Англіи полученію государствомъ за землю, отдаваемую въ аренду, точно такой же ренты, какъ рента, которую получилъ бы за эти земли частный собственникъ: въ самомъ дѣлѣ, если фермеръ знаетъ, что съ государствомъ не будетъ имѣть онъ никакихъ непріятностей, то нѣтъ ему причинъ предпочитать аренду частныхъ земель арендѣ государственныхъ. Стало быть, тутъ все дѣло въ томъ, чтобы администрація добросовѣстно соблюдала интересы государства и не могла дѣлать злоупотребленій. Что такая администрація возможна, доказываетъ примѣръ многихъ державъ, въ томъ числѣ Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и Пруссіи.

«Но арендаторы государственныхъ имуществъ стѣсняются контролемъ правительствъ», говорятъ экономисты старой школы. А частный собственникъ развѣ не имѣетъ контроля надъ своими арендаторами? Если администрація добросовѣстна, ея контроль гораздо болѣе благопріятенъ для арендатора, потому что при обширности своихъ средствъ, государство можетъ легче, нежели частный человѣкъ, дѣлать отсрочки, часто требуемыя взаимною выгодою. Иное дѣло, если бы экономисты старой школы вообще доказывали невыгоду всякой аренды, какъ частнаго, такъ и государственнаго имущества, если бы они говорили, что выгоднѣйшее положеніе національнаго хозяйства бываетъ тогда, когда рента не уплачивается земледѣльцемъ постороннему лицу, а остается въ его собственныхъ рукахъ. Но они говорятъ не о томъ. Они воображаютъ, что администрація никогда не можетъ быть добросовѣстна и экономна, а частный собственникъ всегда добросовѣстенъ и экономенъ. Это заблужденіе, извиняемое тотько тѣмъ, что во Франціи, откуда подымались самые сильнѣйшіе крики противъ государственныхъ имуществъ, администрація была дѣйствительно дурна.

Но если администрація дурна, если она не соблюдаетъ національныхъ выгодъ при отдачѣ государственныхъ земель въ аренду, должно ли и въ такомъ случаѣ находить выгоднымъ отчужденіе государственныхъ имуществъ? Продажа совершилась бы въ томъ же самомъ духѣ, какъ дѣлается отдача въ аренду: если сохраняя свои имущества, государство теряетъ, положимъ, половину ренты отъ злоупотребленій, то при продажѣ оно точно также потеряло бы половину капитала отъ тѣхъ же самыхъ злоупотребленій. Половину? — Нѣтъ, даже больше. Многіе, которые не хотѣли марать рукъ изъ-за мелкихъ выгодъ, представляемыхъ подкупами при арендѣ, соблазнились бы огромными суммами, представляемыми подкупомъ при продажѣ. Этотъ разсчетъ очень простъ. Читатель помнитъ процессъ Кюбьера во Франціи. Тестъ, тогдашній министръ, вѣроятно, не польстился бы 5,000 франковъ, которые предложили бы ему за временный контрактъ арендаторы государственныхъ рудниковъ; но дѣло шло объ уступкѣ рудниковъ въ вѣчное владѣніе, и Кюбьеръ предложилъ 100,000 — противъ такой суммы Тестъ не устоялъ.

Мы говоримъ вообще о продажѣ государственныхъ имуществъ; но если взять частный случай, о которомъ говоритъ г. Запасникъ, продажу ихъ для погашенія долга, то потеря государства будетъ еще значительнѣе. Для погашенія долга вдругъ должны быть назначены въ продажу огромныя массы имуществъ; отъ громадности предложенія естественно должна упасть цѣнность такихъ имуществъ.

Но оставимъ въ сторонѣ все это. Пусть имущества, неприносящія полнаго дохода отъ злоупотребленій администраціи, будутъ проданы по какому-то чуду безъ всякихъ злоупотребленій и безъ убытка цѣны отъ излишка въ предложеніи; выгодно ли было бы продать ихъ даже и въ такомъ случаѣ?— «Они приносятъ три процента; за свой долгъ государство платитъ пять процентовъ; и такъ, обративъ капиталъ, вырученный продажею имуществъ, на уплату долга, государство выигрываетъ два процента», такъ говоритъ старая школа; но она забываетъ расходы по продажѣ и расходы по выкупу долга: ужь эти одни расходы значительно уменьшаютъ предполагаемую выгоду. Впрочемъ, гораздо важнѣе другія соображенія, также забываемыя старою школою. Капиталъ отъ продажи имуществъ предполагается обратить на уплату долга; дѣйствительно ли это будетъ такъ? Причина продажи — дурное веденіе государственнаго хозяйства; при такомъ хозяйствѣ деньги никогда не употребляются на тотъ предметъ, для котораго назначаются; большая часть ихъ пойдетъ на непредвидѣнные расходы и тому подобныя вещи;

капиталъ будетъ растраченъ, а государственные долги останутся неуплаченными. Развѣ мало тому бывало примѣровъ? При введеніи реформаціи въ Германіи и Англіи были конфискованы, и потомъ отчуждены правительствами, громадныя массы имуществъ: много ли выгоды получили отъ того государства? Часть земель разошлась по рукамъ любимцевъ; деньги, вырученныя за другую часть, пошли на праздники, парады, дипломатическія интриги и войны, которыхъ, можетъ быть, и не начали бы, еслибъ не получили вдругъ денегъ, а еслибъ и начали, то прекратили бы гораздо скорѣе; на полезное употребленіе была обращена только ничтожная часть пріобрѣтенныхъ продажею суммъ.

Экономисты старой школы слишкомъ щедро раздаютъ имя утопистовъ ученымъ, съ нимц несогласнымъ; но они сами страшные утописты. Когда они говорятъ противъ порядка дѣлъ, имъ непріятнаго, они берутъ дѣйствительность со всѣми ея злоупотребленіями; а когда описываютъ выгоды дѣла ими требуемаго, вѣчно предполагаютъ, что оно будетъ исполнено идеальнымъ образомъ, безъ всякихъ упущеній и злоупотребленій.

Они, напримѣръ, воображаютъ, что если въ какомъ нибудь государствѣ подати очень высоки и часть этихъ податей идетъ на проценты государственнаго долга, то послѣ выкупа этого долга подати будутъ понижены, потому что расходы сократятся. А дѣйствительно ли сократятся расходы? почему знать, что не окажется надобность, оказавшійся излишекъ доходовъ обратить на армію, на Дворъ, на какую нибудь войну? Хозяйства бываютъ двоякаго рода. Въ однихъ государствахъ стараются брать какъ можно меньше, въ другихъ какъ можно больше; въ однихъ расходы не увеличиваются, потому что не нужно ихъ увеличивать, а въ другихъ только потому что нѣтъ физической возможности увеличить ихъ. Въ первыхъ государствахъ дѣла идутъ хорошо, и нѣтъ надобности прибѣгать къ продажѣ имущества для уплаты долговъ; во вторыхъ долги никогда не будутъ уменьшаться: выкупятся однѣ облигаціи, немедленно выпускаются другія. Мы сошлемся на Францію. При Бурбонахъ и при Орлеанской династіи правительству вѣчно хотѣлось бы имѣть въ своихъ рукахъ вдвое и втрое противъ того, что оно имѣло; еслибы какой нибудь волшебникъ каждый годъ давалъ французскому казначейству по мильярду франковъ, дефициты ни разу не уменьшались бы ни на одинъ сантимъ, и еслибы по избытку усердія министръ финансовъ погашалъ бы старые долги, напримѣръ, въ 1835 году, то въ 1836 его товарищи заставили бы его сдѣлать вдвое больше новыхъ долговъ.

Экономисты старой школы слишкомъ идиллически воображаютъ вещи для нихъ прiятныя, напримѣръ: неистощимость кредита. Они воображаютъ, что кредитъ не можетъ служить источникомъ безразсудствъ. А когда хладнокровно посмотришь на житейскiя дѣла, то видишь часто, что государство избавляется отъ великихъ бѣдствiй только безденежьемъ правительства; мы опять сошлемся на примѣръ Францiи. Еслибы французское правительство не начало чувствовать крайнiй недостатокъ въ деньгахъ, еслибы оно не знало, что предшествовавшими займами уже истощенъ его кредитъ, оно не заключило бы мира съ Россiею въ началѣ 1856 года, а готово было бы тянуть эту войну еще нѣсколько лѣтъ — война льстила его желанiю прославиться. А, между тѣмъ, для государственнаго блага Францiи ни мало не была нужна ни Крымская экспедицiя, ни осада Севастополя. И такъ предположимъ, что около 1852 года, Францiя погасила весь свой государственный долгъ, сдѣлавъ для того громадныя пожертвованiя; государственный кредитъ находился въ баснословно-цвѣтущемъ положенiи; она могла бы сдѣлать займовъ, пожалуй, хоть на десять, на пятнадцать мильярдовъ. Въ 1854 году начинается война; теперь, при цвѣтущемъ положенiи кредита, французское правительство можетъ тянуть ее на десять лѣтъ. Что же оказывается въ результатѣ? Благодаря цвѣтущему состоянiю французскаго кредита, война тянется не два года, а десять лѣтъ, она стоитъ Францiи не пять, а двадцать-пять мильярдовъ франковъ, французовъ гибнетъ въ ней не 150,000, а 750,000 человѣкъ, и т. д., и при концѣ войны кредитъ Францiи все-таки истощенъ, и долговъ надѣлано вдвое больше, нежели сколько ихъ было до выкупа передъ войною.

Это мы все говоримъ къ тому, что экономисты старой школы, совѣтуя продажу государственныхъ имуществъ, желаютъ вывести изъ финансоваго затрудненiя дурную администрацiю; а такой администрацiи не выведутъ изъ финансовыхъ затрудненiй никакiя продажи, никакое увеличенiе государственныхъ доходовъ. Сколько ни давайте ей, все-таки будетъ мало. Если же администрацiя хороша, она найдетъ средства и безъ продажи государственныхъ имуществъ уничтожить дефицитъ, и уменьшить тяжесть государственнаго долга.

Но оставимъ эти соображенiя, выходящiя за предѣлы бухгалтерства; взглянемъ на дѣло хотя исключительно съ бухгалтерской точки, на которой стоятъ экономисты старой школы. Положимъ, что дѣйствительно какое нибудь государство, уплативъ старый долгъ продажею государственныхъ имуществъ, не войдетъ въ новы

долги, положимъ, что продажа совершилась безъ всякихъ потерь на капиталѣ, положимъ въ удовольствіе старой школѣ, что уплачены долги пятипроцентные, а проданныя имущества приносили только 3%: дѣйствительно ли государство отъ того выиграло? Для ясности мы беремъ цыфры, представляемыя англійскою финансовою исторіею и ограничимъ свои разсчеты хотя пятидесятилѣтнимъ періодомъ. Положимъ, что въ 1820 году Англія имѣла на 100 мильоновъ фунтовъ государственныхъ земель, отъ которыхъ государство получало 3 мильона доходу; земли эти проданы, выкуплено 100 мильоновъ пятипроцентнаго долга — выигрышъ въ 2 мильона фунтовъ очевиденъ. Но посмотримъ, что далѣе. Въ 1822 году открывается возможность понизить проценты долга съ 5 до 4; въ 1830 году открывается возможность понизить проценты съ 4 на 3½. Между тѣмъ въ 1830 году цѣнность земли среднимъ числомъ увеличилась на 25% сравнительно съ 1820 годомъ; въ 1840 году еще на 25%, тоже въ 1850 году, и наконецъ въ 1860 цѣнность земли вдвое болѣе, нежели въ 1820 году. На этомъ мы остановимся, дальнѣйшаго увеличенія цѣнности не будемъ предполагать, а вѣдь оно будетъ. Сдѣлаемъ же теперь разсчетъ за 50 лѣтъ.

1) Сумма выплачиваемыхъ процентовъ со 100 мильоновъ долга:

За 2 года (1821—1822) по 5%	10,000,000
За 8 лѣтъ (1823—1830) по 4%	32,000,000
За 40 лѣтъ (1831—1870) по 3½% . . .	140,000,000
Итого	182,000,000

2) Сумма доходовъ (по 3%) съ земель, цѣнность которыхъ въ 1820 году равнялась 100 мильонамъ:

1820—1830; первоначальная цѣна земли; со 100 мильоновъ по 3 мильона въ годъ; всего	30,000,000
1830—1840; цѣнность земель увеличилась до 125 мильоновъ, ежегодный 3-процентный доходъ до 3,750,000; всего	37,500,000
1840—1850; цѣнность земель 150 мильоновъ, доходъ 4,500,000; всего	45,000,000
1850—1860; цѣнность 175 мильон., доходъ 5,250,000; всего	52,500,000
1860—1870; цѣнность 200; доходъ 6 мильоновъ; всего	60,000,000
Итого	225,000,000

Изъ этого баланса видимъ, что если бы въ 1820 году Англія продала на 100 мильоновъ государственныхъ земель, приносящихъ 3%, для выкупа 5%-наго долга, то черезъ эту операцію, которая на

первые годы казалась выгодною, втеченіе 50-лѣтняго періода, государство потеряло бы 43 мильона. Оно освободилось бы отъ уплаты 182 мильоновъ, но лишилось бы доходовъ на 225 мильоновъ. Это потеря за 50 лѣтъ; въ каждый слѣдующій годъ прибавлялось бы еще $2^1/_2$ мильона, если бы даже цѣнность земли перестала возвышаться послѣ 1860 года. «Но государство выиграло бы отъ увеличенія производства въ частныхъ рукахъ и соединеннаго съ нимъ увеличенія податей и пошлинъ», говорятъ экономисты старой школы. Посмотримъ, какъ великъ этотъ выигрышъ. Положимъ, что пошлины и налоги берутъ 20% дохода; эта цифра уже чрезвычайно высока. Положимъ, что по волшебному слову «частный собственникъ» доходы увеличиваются на 50%—предположеніе это дѣлается единственно въ угодность утопистамъ старой школы: на самомъ дѣлѣ, если государственная администрація хороша, то арендаторъ не можетъ заплатить частному собственнику ни одною копѣйкою больше, нежели платитъ государству: вѣдь отъ перемѣны имени не увеличится плодородіе земли и не улучшится климатъ. 50% на 225 мильоновъ составятъ $112^1/_2$ мильоновъ,—вотъ излишекъ производства образованный переходомъ земли къ частнымъ собственникамъ; 20% съ этого излишка составитъ 25 мильоновъ; за вычетомъ ихъ изъ 43 мильоновъ, полученныхъ нами выше, остается все-таки 18 мильоновъ чистаго убытка государству отъ произведенной имъ продажи. А собственно говоря, ровно никакого вычета и не должно дѣлать, потому что при хорошей администраціи государственныя земли непремѣнно должны отдаваться въ аренду по той же самой цѣнѣ, какъ и частныя земли.

Если мы къ этимъ чисто казначейскимъ разсчетамъ прибавимъ соображенія о томъ, какую выгоду для народнаго благосостоянія представляетъ то обстоятельство, что государство при хорошей администраціи управляетъ своими имуществами непремѣнно въ видахъ общественнаго благосостоянія, что́ невозможно для частнаго собственника, обязаннаго заботиться прежде всего о собственныхъ выгодахъ, которыя далеко не всегда одинаковы съ общественными; если мы сообразимъ, что государственныя земли всегда готовы бываютъ для принятія переселеній, которыхъ можетъ и не принимать на свои земли частный собственникъ; если мы сообразимъ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ государству полезно бываетъ имѣть въ своемъ непосредственномъ распоряженіи землю, то, конечно, въ насъ уничтожится всякое желаніе видѣть отчужденіе государственныхъ земель въ какой бы то ни было державѣ для уплаты долговъ.

Конечно, все это относится къ обыкновенному теченію дѣлъ. Могутъ встрѣчаться особенные случаи, когда государству дѣйствительно необходимо бываетъ продавать свои земли. Но къ этимъ случаямъ никакъ не можетъ принадлежать погашеніе прежнихъ долговъ. Быть можетъ, Англія поступила бы не безразсудно, если бы вздумала продать часть тѣхъ земель, которыя будутъ конфискованы у остъ-индскихъ мятежниковъ, чтобы вырученную сумму употребить для облегченія участи нисшихъ кастъ, воины которыхъ остаются вѣрными защитниками англійскаго правительства. Но это дѣло совершенно иного рода, нежели погашеніе долговъ, сдѣланныхъ во время войнъ съ Франціею. Противъ этихъ долговъ справедливо только одно средство: они порождены неумѣренностью; эта ошибка прежнихъ временъ должна загладиться сохраненіемъ всевозможной экономіи въ настоящее время.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРІИ АНГЛІИ

ПРИ КОРОЛЯХЪ ІАКОВѢ II И ВИЛЬГЕЛЬМѢ III И КОРОЛЕВѢ АННѢ.

ИЗЪ МАКОЛЕЯ.

Состояніе Ирландіи во время переворота. — Владычество ирландцевъ. — Опасенія англичанъ. — Кеннэръ, Эннискилленъ, Лондондерри. — Переговоры Вильгельма съ Тирконнелемъ. — Измѣна Гамильтона. — Монтджой и Райсъ отправляются въ Сенъ-Жерменъ. — Гамильтонъ идетъ съ арміею на Лондондерри. — Прибытіе Іакова въ Ирландію. — Неудовольствіе въ Англіи. — Партіи въ Дублинѣ. — Іаковъ отправляется къ арміи. — Осада Лондондерри. — Іаковъ въ Дублинѣ. — Дѣйствія Дублинскаго Парламента. — Киркъ. — Снятіе осады Лондондерри. — Битва при Ньютонъ-Бутлерѣ. — Уныніе ирландцевъ. — Характеръ переворота въ Шотландіи. — Вопросъ о соединеніи Шотландіи съ Англіею. — Пуритане. — Эдинбургскій Конвентъ. — Дольримпли. — Донди. — Торжество виговъ въ Конвентѣ. — Эдинбургская цитадель. — Письма Іакова къ Конвенту. — Бѣгство Донди. — Коронація. — Назначеніе министровъ Вильгельмомъ. — Клубъ Монтгомери. — Возстаніе въ Горной Шотландіи. — Характеръ горцевъ и ихъ якобитизмъ. — Вражда къ Кэмбелямъ. — Лохіэль. — Кеппохъ подъ Инвернессомъ. — Появленіе Донди у Кеппоха. — Союзъ въ защиту Іакова. — Эдинбургская цитадель сдается. — Смуты между Этоллями. — Битва при Килликранки. — Смерть Донди. — Распаденіе горской арміи. — Пренія въ Англійскомъ Парламентѣ. — Уничтоженіе приговора, которымъ былъ осужденъ Россель. — Уничтоженіе другихъ приговоровъ, произнесенныхъ надъ вигами. — Дѣло Девоншейра. — Дѣло Отса. — Билль о правахъ. — Билль о невинности. — Смерть Джеффрейза. — Виги недовольны Вильгельмомъ. — Гоу. — Нападенія на Кэрмэртена. — Нападенія на Галифакса. — Приготовленія къ ирландскому походу. — Шомбергъ. — Парламентская вакація. — Состояніе Ирландіи. — Совѣтъ д'Аво. — Удаленіе Мельфорта. — Шомбергъ въ Ульстерѣ. — Арміи сближаются. — Шомбергъ уклоняется отъ битвы. — Мошенничество англійскаго коммиссаріата. — Заговоръ между французами въ англійской арміи. — Заразительныя болѣзни въ станѣ Шомберга. — Различныя

мнѣнія о его походѣ. — Морскія дѣла. — Торрингтонъ. — Военныя дѣла на материкѣ Европы. — Марльборо. — Распаденіе ультра-англиканской партіи по вопросу о присягѣ. — Доказательства за присягу и противъ присяги. — Огромное большинство англиканскаго духовенства присягаетъ. — Неприсягнувшее духовенство. — Кэнъ. — Лесли. — Шерлокъ. — Гиксъ — Колліеръ. — Додуэлль. — Общій характеръ неприсягнувшихъ духовныхъ. — Планъ соглашенія исповѣданій. — Тиллотсонъ. — Назначеніе церковной коммиссіи. — Ея занятія. — Созывается конвокація Кентерберійской метрополіи. — Расположеніе умовъ въ духовенствѣ. — Духовенство недовольно королемъ. — Ожесточено противъ диссидентовъ. — Составъ конвокаціи. — Недовольство Комптона. — Открытіе засѣданій конвокаціи. — Ультра-англиканцы составляютъ большинство въ Нижней Палатѣ конвокаціи. — Раздоръ между двумя Палатами конвокаціи. — Нижняя Палата конвокаціи оказывается рѣшительно неуступчивою. — Засѣданія конвокаціи отсрочены.

Вмѣстѣ съ титуломъ короля Англійскаго, Вильгельмъ принялъ и титулъ короля Ирландскаго, потому что Ирландія считалась колоніею Англіи, вполнѣ зависѣвшею отъ метрополіи. Но переворотъ, возведшій на престолъ Англіи Вильгельма, фактически освободилъ на нѣкоторое время Ирландію отъ англійскаго владычества.

Съ самого воцаренія своего, Іаковъ задумалъ доставить въ Ирландіи господство туземному католическому населенію, искоренить или подчинить кельтскому племени протестантскихъ колонистовъ, вторгшихся въ Ирландію изъ Британіи, и сдѣлать Ирландію твердѣйшею опорою своей власти надъ Англіею. Никто изъ англичанъ не согласился бы принять на себя исполненіе такихъ плановъ, и намѣстникомъ Ирландіи былъ сдѣланъ ирландецъ Тирконнель, человѣкъ, совмѣщавшій въ себѣ низкіе пороки Сундерланда съ свирѣпостью Джеффрейза. Онъ принялся за дѣло безпощадно, и къ осени 1688 совершенно преобразовалъ положеніе вещей въ Ирландіи. Прежде, всѣ правительственныя должности были исключительно въ рукахъ англичанъ, теперь всѣ правительственныя лица были ирландцы. Прежде, для поддержанія англійскаго владычества находилась въ Ирландіи армія, состоявшая изъ протестантовъ; Тирконнель переформировалъ полки, исключилъ всѣхъ протестантовъ, замѣнивъ ихъ ирландцами, и увеличилъ составъ этой арміи, имѣвшей теперь цѣлью уничтоженіе всѣхъ слѣдовъ англійскаго владычества. Вслѣдствіе прежнихъ возмущеній, бо́льшая половина земель въ Ирландіи была конфискована у туземцевъ Тюдорами, Стюартами и Кромвелемъ, и отдана англичанамъ; Іаковъ и Тирконнель хотѣли отнять эти земли у англичанъ и раздать ихъ туземцамъ. Приготовленіемъ къ общимъ мѣрамъ служило то, что всѣ процессы между англичанами и ирландцами рѣшались въ пользу ирландцевъ. Протестанты догадывались,

что ихъ хотятъ истребить или подчинить ирландцамъ и тысячами устремились искать убѣжища въ Англіи, покидая опасную страну. Для перевозки недоставало судовъ, и многіе такъ спѣшили бѣжать, что въ бурное зимнее время пускались черезъ море въ открытыхъ лодкахъ. Таково было положеніе Ирландіи, когда Вильгельмъ высадился на берега Англіи въ Торбэ. Съ той поры, каждая почта привозила извѣстія, увеличившія взаимный страхъ между враждебными племенами. И туземцы и колонисты чувствовали, что приближается время междоусобной войны между ними. Съ которой стороны начата была она, до сихъ поръ нельзя рѣшить, потому что ирландцы и англичане взводили эту вину другъ на друга; да и нѣтъ важности въ этомъ вопросѣ: война была неизбѣжна, и каждое изъ двухъ племенъ стояло въ необходимости прибѣгнуть къ оружію.

Нѣсколько недѣль продолжались взаимныя оскорбленія, носились зловѣщіе слухи. Ужасъ овладѣвалъ протестантами. По всему острову ходила молва, что ночь на 9-е декабря назначена Тирконнелемъ для истребленія всѣхъ протестантовъ на островѣ. Они сошлись въ каждомъ городѣ, укрѣпились въ одномъ или нѣсколькихъ домахъ и приготовились къ отчаянной защитѣ. Слухъ былъ лживъ, но онъ увеличилъ взаимную вражду, если только она могла увеличиться.

До насъ дошелъ подробный разсказъ о происшествіяхъ въ одномъ англійскомъ поселеніи за это время. Онъ можетъ дать понятіе о томъ, что́ происходило во всѣхъ пунктахъ острова. На южной части западнаго берега Ирландіи, въ совершенно дикомъ тогда графствѣ Керри, существовала англійская колонія Кэнмэръ, на земляхъ англійской фамиліи Петти, при чугунномъ заводѣ, принадлежавшемъ этой фамиліи. Издѣлія пересылались моремъ въ Англію. Сухимъ путемъ до ближайшаго англійскаго поселенія было два дня пути по чрезвычайно дурнымъ и опаснымъ дорогамъ. Поселенцы, находясь почти внѣ покровительства законовъ, издавна привыкли сами думать о своей защитѣ противъ разбойниковъ и противъ ненависти туземцевъ, отъ нищеты дошедшихъ почти до образа жизни дикарей. Въ концѣ 1688 года начались постоянныя нападенія на нихъ, поджоги, отгонъ скота. Однажды, ночью были разграблены шесть домовъ. Тогда англичане собрались всѣ въ домъ управляющаго заводомъ; обширный домъ этотъ стоялъ на скалѣ, омываемой морскимъ заливомъ. Всѣхъ англичанъ было 75 взрослыхъ мужчинъ, и 100 женщинъ и дѣтей. У нихъ было 60 ружей. Они обвели свое убѣжище земляною стѣною въ 14 футовъ вышины и 12 футовъ толщины, на пространствѣ 400 квадратныхъ саженъ.

Въ это укрѣпленіе была свезена вся аммуниція и провизія колоніи; внутри стѣнъ построили шалаши для жилья. Обезопасившись такимъ образомъ, кэнмэрцы начали мстить туземцамъ, въ свою очередь грабить и жечь. Нѣсколько недѣль составляли они такимъ образомъ какъ бы независимую маленькую державу, подъ управленіемъ выборныхъ старшинъ.

Колоніи бóльшаго объема дѣлали тоже въ бóльшихъ размѣрахъ. Изъ селъ всѣ протестанты сходились въ города, населенные протестантами, и укрѣплялись. Главнѣйшихъ сборныхъ пунктовъ было два: Эннискилленъ и Лондондерри, на сѣверномъ концѣ острова, въ провинціи Ульстерѣ, гдѣ преимущественно находились протестантскія поселенія.

Эннискилленъ стоялъ на островѣ, образуемомъ протокомъ воды, соединяющимъ два озера. Городóкъ имѣлъ 80 домовъ, тѣснившихся около зáмка. Почти всѣ жители были протестанты. Въ началѣ декабря 1688 года, Тирконнель прислалъ имъ приказаніе принять гарнизонъ изъ двухъ ротъ католической пѣхоты. Они поняли, чтò это значитъ, тѣмъ болѣе, что католическіе проповѣдники въ окрестностяхъ уже возбуждали туземцевъ къ истребленію протестантовъ. Отважно рѣшились горожане, во что бы то ни стало, не впускать войска. Средствъ къ защитѣ у нихъ было мало — не набралось десяти фунтовъ пороху, не набралось двухъ десятковъ ружей. Они послали извѣстить сосѣднихъ помѣщиковъ протестантовъ, и помѣщики явились: черезъ нѣсколько часовъ, собралось 250 человѣкъ пѣшихъ и 150 конныхъ воиновъ. Солдаты Тирконнеля уже приближались, раздавая оружіе поселянамъ-ирландцамъ, и, при своей многочисленности, не ожидая сопротивленія. Протестанты бросились на нихъ — и солдаты въ испугѣ бѣжали. Ободренные побѣдою, протестанты укрѣпили городъ и начали ковать себѣ сабли и пики. Густавъ Гамильтонъ, протестантскій офицеръ, оставленный Тирконнелемъ, былъ выбранъ комендантомъ.

Лондондерри, городъ болѣе значительный, стоялъ на холмѣ, надъ рѣкою Фойлемъ, и былъ обнесенъ стѣною съ бастіонами, на которыхъ стояло нѣсколько старыхъ кулевринъ. Окружность стѣны была менѣе мили (около полуторы версты). Жители всѣ были протестанты англо-саксонской крови, но не одной націи и вѣры; между ними были англичане и шотландцы, англиканцы и пресвитеріане, — вражды между исповѣданіями тутъ не было, какъ въ Англіи, потому что издавна соединяла всѣхъ общая нелюбовь къ ирландцамъ и папству. Горожане вели прибыльный торгъ рыбою. И этотъ городъ, въ концѣ 1688 года, встревоженный слухами о папистскихъ замыслахъ, подобно Эннискиллену получилъ отъ Тирконнеля приказаніе

принять полкъ изъ 1,200 человѣкъ подъ командою паписта Макдоннелля, графа Энтрима. Жители ужаснулись. Одни хотѣли запереть ворота и защищаться, другіе покориться. Городское начальство все было составлено изъ папистовъ — ирландцевъ. Епископъ, Эзекіэль Гопкинсъ, вѣрный ученію ультра-англиканцевъ о безграничномъ повиновеніи, убѣждалъ паству повиноваться. За рѣкою показалось войско. Черезъ Фойль не было моста. Отрядъ съ нѣсколькими офицерами переправился черезъ рѣку на паромѣ, офицеры подошли къ воротамъ и потребовали квартиръ для войскъ. Въ эту минуту тринадцать молодыхъ ремесленниковъ, бо́льшею частью шотландцы, схватили оружіе, и заперли ворота. Морисонъ, горожанинъ пожилыхъ лѣтъ, закричалъ со стѣны офицерамъ, чтобъ они убирались прочь. Они совѣтовались между собою. Морисонъ крикнулъ товарищамъ: «везите сюда пушку!» — офицеры съ отрядомъ отступили и переѣхали за рѣку. Горожане всѣ вооружались, разставляли часовыхъ, разбирали патроны. Явились сосѣдніе помѣщики протестанты, приглашенные для общей защиты. Напрасно убѣждалъ епископъ покориться, — «славная проповѣдь, милордъ, славная проповѣдь, только не время намъ теперь ее слушать», закричалъ ему одинъ изъ шотландцевъ, которые, какъ пресвитеріане, не очень уважали епископовъ. Сосѣдніе протеста́нты сотнями сходились въ городъ. Энтримъ увидѣлъ, что его отрядъ уже не сладитъ съ протестантами, и ушелъ.

Тирконнель сорвалъ съ себя парикъ, отъ ярости, при этихъ извѣстіяхъ. Но одумавшись, увидѣлъ, что не время мстить протестантамъ: изъ Англіи пришли вѣсти, что Вильгельмъ съ торжествомъ подходитъ къ Лондону, что Іаковъ долженъ смириться и созываетъ Парламентъ. Тирконнель не хотѣлъ рисковать головою. Онъ послалъ въ Ульстеръ, для успокоенія англичанъ, графа Монтджоя, ревностнаго протестанта, уважаемаго въ этой странѣ. По убѣжденію Монтджоя, жители Лондондерри согласились принять небольшой гарнизонъ подъ командою Ленди, родственника Монтджоя.

Между тѣмъ, Іаковъ бѣжалъ изъ Лондона, Вильгельмъ созвалъ Конвентъ, принявъ управленіе Англіею. Онъ радъ былъ бы послать сильную армію въ Ирландію, для предотвращенія мятежа; но на англійское войско, только что еще вновь формируемое, послѣ того какъ было оно распущено Іаковомъ, и недовольное, онъ не могъ положиться, а голландскіе полки необходимо было ему оставить при себѣ, какъ единственную вѣрную опору противъ якобитовъ. Притомъ же, у него не было денегъ для снаряженія экспедиціи. Онъ рѣшился начать переговоры съ Тирконнелемъ, — очень многіе

полагали, что жадный къ деньгамъ намѣстникъ согласится уступить, чтобы мирно наслаждаться своимъ богатствомъ. Дѣйствительно, онъ выразилъ готовность покориться, если условія будутъ выгодны. Одинъ изъ Гамильтоновъ, блиставшихъ при Дворѣ Карла II, Ричардъ, вызвался привести къ удачному концу эти переговоры. Онъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ пріѣхалъ изъ Ирландіи, начальствуя отрядомъ ирландцевъ, которыхъ призывалъ Іаковъ въ Англію. Онъ былъ католикъ, родился въ Ирландіи, пользовался тамъ большимъ вліяніемъ. Въ случаѣ, если условія покорности, предлагаемыя Вильгельмомъ, не будутъ приняты, онъ обѣщался воротиться въ Лондонъ черезъ три недѣли. Его рекомендовалъ и поручился за его вѣрность Вильгельму Джонъ Темпль, сынъ знаменитаго Вильяма Темпля, теперь отдыхавшаго послѣ славныхъ услугъ оказанныхъ имъ государству, по дипломатической части, при Карлѣ II. Очень можетъ быть, что Гамильтонъ надѣялся успѣха въ своемъ порученіи. Но когда онъ прибылъ въ Дублинъ, Тирконнель уже не хотѣлъ (если когда нибудь дѣйствительно хотѣлъ) и не могъ покориться. Легко ему было возбудить ирландское населеніе противъ англичанъ, но невозможно уже было укротить его. При одномъ слухѣ о переговорахъ, ирландцы вознегодовали такъ, что грозили сжечь Тирконнеля въ его дворцѣ и отдаться Франціи. Ему необходимо было говорить теперь, что онъ началъ переговоры только для того, чтобы выиграть время. Ему необходимо было начать смертельную войну противъ англійскихъ колонистовъ, — но для этого, надобно было избавиться отъ протестанта Монтджоя, который воспротивился бы истребленію своихъ единовѣрцевъ. Тирконнель прибѣгъ къ хитрости. Сопротивленіе безполезно, говорилъ онъ Монтджою: —надобно убѣдить въ томъ Іакова; я прошу васъ ѣхать въ Сенъ-Жерменъ и объяснить это его величеству. Монтджой колебался и отвѣчалъ, что ему, какъ протестанту, Іаковъ мало повѣритъ. Тирконнель настойчиво упрашивалъ. «Если король не позволитъ намъ покориться, Ирландія погибнетъ; вы будете въ Сенъ-Жерменѣ представителемъ протестантской части населенія Ирландіи, съ вами поѣдетъ Райсъ, католикъ, уважаемый Іаковомъ; онъ будетъ представителемъ католиковъ». Монтджой уступилъ, и оба посла отправились вмѣстѣ, но съ разными инструкціями. Райсъ долженъ былъ сказать Іакову, что Монтджой въ душѣ измѣнникъ и посланъ во Францію только за тѣмъ, чтобъ отнять предводителя у ирландскихъ протестантовъ; долженъ былъ увѣрить Іакова, что его нетерпѣливо ждутъ въ Ирландіи и что если онъ явится туда съ французскимъ войскомъ, то скоро возвратитъ подъ свою власть и Англію. Была у Райса и другая инструкція, оставшаяся вѣроятно тайною даже для Іакова и

его свиты: еслибъ Іаковъ не захотѣлъ стать во главѣ кельтскаго племени, Райсъ долженъ былъ просить аудіенціи у Людовика и предложить ему сдѣлать Ирландію французскою провинціею.

По отправленіи посланниковъ, Тирконнель сталъ готовиться къ неизбѣжной войнѣ, призвалъ къ оружію ирландскую націю и она взялась за оружіе съ энтузіазмомъ. На флагѣ надъ Дублинскимъ замкомъ были вышиты слова: «Теперь или никогда. Теперь и навсегда», и слова эти повторялись по всему острову. Жизнь ирландца была такъ скудна и бѣдственна, что покинуть картофельное поле свое для лагеря было ему не пожертвованіе, а выигрышъ; война съ ненавистными англичанами была ему величайшею отрадою. При Карлѣ II, ирландская армія состояла только изъ восьми полковъ, теперь ихъ составилось сорокъ-восемь, и можно было бы составить вдвое больше, еслибъ не чрезвычайный недостатокъ въ офицерахъ. Источникомъ содержанія для этой арміи было не жалованье, слишкомъ незначительное, а добыча отъ разграбленія протестантскаго имущества, — источникъ очень богатый, потому что хотя четыре пятыхъ частей населенія острова были католики-ирландцы, четыре пятыхъ частей собственности на островѣ принадлежало англичанамъ-протестантамъ. Эта приманка была обольстительна, и въ февралѣ (1689), кромѣ 50,000 регулярнаго войска было 50,000 мародеровъ и волонтеровъ, на разбой которыхъ правительство конечно принуждено было смотрѣть сквозь пальцы. Изъ четырехъ провинцій, въ трехъ южныхъ протестанты, богатые и малочисленные, были ограблены. Главное богатство ихъ состояло въ скотѣ,—многіе англійскіе помѣщики имѣли по 20,000 овецъ — въ нѣсколько недѣль, все это было отнято у нихъ и много стадъ безъ пользы было перерѣзано вооружившимися нищими, въ припадкахъ завистливаго мщенія. Домы протестантовъ были раззоряемы, деньги ихъ отнимаемы. Трудно сдѣлать оцѣнку потерь, понесенныхъ протестантами въ трехъ провинціяхъ, — но можно составить понятіе о нихъ по потерямъ одной квакерской секты, о которыхъ осталось свѣдѣніе. Квакеры не были ни многочисленны, ни богаты; едва ли можно думать, что они составляли одну пятидесятую часть протестантовъ; имущества ихъ составляли конечно не болѣе одной пятидесятой части всего протестантскаго имущества; притомъ, по своему миролюбивому и ласковому характеру, они были болѣе щадимы, нежели другіе протестанты, и однако же ихъ потери простирались до 100,000 фунтовъ. Въ трехъ южныхъ провинціяхъ, если протестанты и пытались сопротивляться, они скоро были подавляемы. Такъ и колонисты Кэнмэра должны были сдаться на капитуляцію, когда явился подъ ихъ стѣнами отрядъ изъ 3,000 человѣкъ. По договору, они полу-

чили право свободно удалиться, и отправились, безъ кормчаго и почти безъ съѣстныхъ припасовъ, на маленькомъ суднѣ, которое послѣ двухнедѣльнаго плаванія привезло ихъ въ Бристоль. Изъ другихъ мѣстъ южныхъ провинцій, всѣ сколько нибудь отважные колонисты, видя неминуемую гибель, вооружались, забирали съ собою цѣнное имущество, сожигали сами свои поселенія и бѣжали въ Ульстерскую провинцію, подъ защиту укрѣпленій Эннискиллена и Лондондерри, гдѣ колонисты смѣло готовились къ отпору, ободряясь извѣстіями о торжествѣ Вильгельма, воцареніе котораго праздновали съ восторгомъ.

Покорить Ульстерскую провинцію было теперь главнымъ предметомъ мыслей Тирконнеля, и онъ отправилъ на сѣверъ сильное войско подъ командою Гамильтона, который, измѣнивъ своему слову, перешелъ на сторону ирландцевъ. Солдаты его и слѣдовавшіе за ними мародёры грабили на пути протестантскія поселенія, такъ что когда они вступили въ Ульстеръ, протестанты, составлявшіе тамъ большинство населенія, всѣ бѣжали далѣе на сѣверъ, оставляя страну совершенною пустынею, и чрезъ нѣсколько времени, въ Лондондерри собралось до 30,000 бѣглецовъ. Тутъ, на берегу океана, они готовились къ отчаянной защитѣ.

Между тѣмъ, Монтджой и Райсъ прибыли во Францію. Монтджой былъ немедленно посаженъ въ Бастилію. Іаковъ рѣшился исполнить совѣтъ, привезенный ему отъ Тирконнеля Райсомъ, и сталъ просить у Людовика арміи, съ которою бы ѣхать въ Ирландію. Но Людовикъ уже понялъ Іакова и видѣлъ въ немъ человѣка совершенно неспособнаго къ веденію дѣлъ. Передъ началомъ войны съ страшной коалиціею, онъ не могъ послать часть своихъ войскъ на погибель подъ безразсуднымъ предводительствомъ Іакова. Его утверждалъ въ этой благоразумной рѣшимости Лувуа, какъ по здравымъ государственнымъ основаніямъ, такъ и по соперничеству съ Лозёномъ, который теперь снова пользовался милостью Людовика и поддерживалъ просьбу Іакова. Но не желая жертвовать безъ пользы войскомъ, Людовикъ продолжалъ быть очень щедръ и деликатенъ съ Іаковомъ, и всѣмъ остальнымъ, кромѣ войска, готовъ былъ помогать ему. Онъ далъ ему 400 человѣкъ офицеровъ и артиллеристовъ для обученія ирландской арміи, далъ оружія на 10,000 человѣкъ и большой запасъ аммуниціи, далъ опытныхъ генераловъ для веденія войны, и 500,000 золотыхъ экю, или около 112,000 фунтовъ. Все нужное для личныхъ удобствъ Іакова было приготовлено въ обиліи и съ роскошью, — палатка, походныя вещи, посуда и проч. Пятнадцатаго февраля, Іаковъ пріѣхалъ проститься съ Людовикомъ въ Версаль; семьнадцатаго числа Людовикъ отдалъ

ему визитъ, и, обнимая его при прощаньи, съ любезною улыбкою сказалъ: «Мы забыли приготовить одно — кирасу для васъ. Возьмите же мою»—и кираса Людовика была принесена, напоминая придворнымъ о той сценѣ Иліады, когда Ахиллесъ отдаетъ свое вооруженіе Патроклу. Іаковъ отправился въ Брестъ съ своими вѣрными слугами, — между прочими, его сопровождали Бервикъ, Доверъ и Мельфортъ, ненавистнѣйшій англичанамъ и самый довѣренный у Іакова изъ всѣхъ его совѣтниковъ. Не ожидая пользы для Іакова отъ совѣтовъ людей, подобныхъ Мельфорту, Людовикъ назначилъ французскимъ посланникомъ при Іаковѣ одного изъ лучшихъ своихъ дипломатовъ, д'Аво, бывшаго до экспедиціи Вильгельма посломъ въ Гагѣ, предугадавшаго всѣ замыслы Вильгельма и предлагавшаго противъ нихъ Людовику мѣры, которыя несомнѣнно воспрепятствовали бы экспедиціи Вильгельма, если бы были приняты Людовикомъ. Ему теперь поручалъ Людовикъ руководить Іакова. Пятаго мая Іаковъ прибылъ въ Брестъ и черезъ два дня отплылъ, но въ этотъ короткій промежутокъ времени д'Аво успѣлъ уже убѣдиться въ его неспособности. «Съ англійскимъ королемъ трудно вести какое нибудь важное дѣло, писалъ онъ Людовику изъ Бреста: — онъ не можетъ даже хранить своихъ секретовъ: каждый матросъ слышалъ ужѣ отъ него вещи, которыя должны бы быть извѣстны только довѣреннымъ его совѣтникамъ». Двѣнадцатаго марта эскадра счастливо прибыла въ гавань Кинсэль, на южномъ берегу Ирландіи. Католики-кельты встрѣтили его съ энтузіазмомъ, даже немногіе протестанты, остававшіеся въ тѣхъ мѣстахъ, съ радостью, потому что ожидали отъ него защиты. Переѣздъ въ Дублинъ былъ очень медленъ, потому что иногда въ цѣломъ округѣ трудно было отъискать двѣ, три пары лошадей — такъ опустошена была страна мародёрами. Въ Коркѣ встрѣтилъ Іакова Тирконнель и увѣрилъ его, что дѣла идутъ хорошо: три южныя провинціи вооружены; остается покорить Ульстеръ, — это не трудно, говорилъ Тирконнель: — Эннискилленъ не можетъ сопротивляться, и Лондондерри единственное мѣсто въ цѣлой провинціи, которое требуетъ осады, да и то сдастся послѣ нѣсколькихъ дней блокады. На всемъ пути католики встрѣчали Іакова съ восторгомъ: бѣдняки кельты постилали ему свои плащи по дорогѣ, женщины подносили ему вѣнки. Пахарей мало было видно: всѣ взрослые мужчины вооружались. Двадцать-четвертаго марта Іаковъ прибылъ въ Дублинъ. По населенію, столица Ирландіи была тогда послѣ Лондона первымъ городомъ на Британскихъ островахъ, имѣя 30,000 жителей, но по богатству и красотѣ она уступала многимъ англійскимъ городамъ. Каменныхъ домовъ въ Дублинѣ было мало, да и тѣ содержа-

лись дурно, такъ что въ самомъ дворцѣ намѣстника Ирландіи протекала крыша. Въ этотъ дворецъ направился король. Все возможное было сдѣлано, чтобы придать праздничный видъ улицамъ, по которымъ онъ ѣхалъ: онѣ, обыкновенно тонувшія въ грязи, были усыпаны щебнемъ, по дорогѣ разбросаны цвѣты; изъ оконъ были вывѣшены ковры и одѣяла, какія нашлись у бѣдняковъ ирландцевъ. Сорокъ дѣвицъ, одѣтыя въ бѣлыя платья, съ букетами цвѣтовъ встрѣтили короля. Музыка играла гимнъ: The King shall enjoy the own again,—«Да пріиметъ Царь вновь державу свою». Его встрѣтили сановники королевства и столицы; для процессіи успѣли набрать двадцать каретъ. Въ капеллѣ дворца было отправлено четырьмя католическими епископами благодарственное молебствіе Богу. На слѣдующее утро Іаковъ далъ отставку Верховному судьѣ Китингу, единственному протестанту, остававшемуся въ числѣ сановниковъ, назначилъ членами своего Совѣта д'Аво и католическаго епископа Картрайта, отступника отъ Англиканской церкви, и издалъ прокламацію, сзывающую Ирландскій Парламентъ въ Дублинъ къ седьмому числу мая.

Извѣстіе о прибытіи Іакова въ Ирландію произвело въ Лондонѣ общее уныніе и ропотъ противъ Вильгельма, котораго винили въ томъ, что онъ, давъ обмануть себя Тирконнелю и Гамильтону, не принялъ съ самого начала рѣшительныхъ и быстрыхъ мѣръ для удержанія англійскаго господства на этомъ островѣ,—недовольные не хотѣли думать, что время было упущено Вильгельмомъ не потому, чтобы онъ дался въ обманъ, а потому что не имѣлъ средствъ снарядить экспедицію. Онъ, какъ всегда, оставался холоденъ и спокоенъ. Въ то время, когда всѣ осуждали Вильгельма, сѣлъ въ лодку перевозчика молодой человѣкъ и сказалъ, что хочетъ ѣхать внизъ по Темзѣ, до Гринвича. Сидя въ лодкѣ, онъ вынулъ изъ кармана пустой конвертъ, написалъ на немъ нѣсколько словъ карандашомъ и положилъ пакетъ вмѣстѣ съ деньгами для расплаты за провозъ, на скамью подлѣ себя. Когда лодка подъѣхала подъ темную арку широкаго Лондонскаго Моста, онъ бросился въ воду и исчезъ. На оставленномъ пакетѣ было написано: «Безуміе, съ которымъ я взялся за дѣло выше своихъ силъ, нанесло королю невознаградимый ничѣмъ вредъ. — Одна дорога остается мнѣ.—Да будетъ счастливъ онъ — Да будетъ благословеніе Божіе надъ нимъ.» Подписи не было, но тѣло скоро было найдено: то былъ Джонъ Темпль. Этотъ молодой человѣкъ, съ прекрасными дарованіями, богатый и знатный, сынъ знаменитаго отца, счастливый мужъ любимой женщины, могъ надѣяться всего высокаго и счастливаго въ жизни. Упреки общества не касались его, потому что никто не зналъ его

участія въ дѣлѣ Гамильтона. Король не винилъ его за эту ошибку — напротивъ, онъ хотѣлъ назначить его военнымъ министромъ и бумага о назначеніи была уже готова. Но стоическое великодушіе короля именно и сдѣлало скорбь объ ошибкѣ, невыносимою для благороднаго юноши.

Положеніе Вильгельма было затруднительно, но еще затруднительнѣе было положеніе Іакова. Не говоря уже о мелкихъ и низкихъ личныхъ ссорахъ и интригахъ, при Дублинскомъ Дворѣ свирѣпствовала между приверженцами Іакова вражда, ставившая его въ необходимость рѣшиться на выборъ, чрезвычайно тяжелый и опасный. Якобитизмъ англичанъ не имѣлъ ничего общаго съ якобитизмомъ ирландцевъ. Англійскій якобитъ былъ до страсти преданъ Стюартамъ и для нихъ жертвовалъ національнымъ интересомъ, готовъ былъ предать свою родину власти французовъ, лишь бы возвратить Іакова въ Вайтголль. Чувства ирландскаго якобита были гораздо благороднѣе. Онъ желалъ освободить свою родину отъ тяжелаго чужеземнаго ига. Пока Стюарты были англійскими королями и мучителями его родины, онъ ненавидѣлъ ихъ всѣми силами души. Теперь онъ горячо принялъ сторону Іакова только потому, что хотѣлъ воспользоваться именемъ короля для освобожденія своей родины. Непремѣннымъ стремленіемъ ирландскихъ якобитовъ было: свергнуть англійское иго, изгнать англичанъ и возвратить конфискованныя ими земли прежнимъ владѣльцамъ. Они вовсе не хотѣли возвращенія Іакова въ Вайтголль, зная, что если король Ирландіи будетъ и королемъ Англіи, то по необходимости будетъ управлять сообразно интересамъ важнѣйшаго изъ своихъ королевствъ, а не по интересамъ Ирландіи. Они хотѣли сдѣлать Ирландію государствомъ совершенно отдѣльнымъ отъ Англіи; Іаковъ былъ въ ихъ глазахъ только орудіемъ для освобожденія Ирландіи. Англичанамъ-якобитамъ, напротивъ, Ирландія была только орудіемъ для возвращенія Іакову англійскаго престола, — еслибы пришлось имъ оставаться въ Дублинѣ, они сказали бы, что ужь лучше возвратиться въ Сенъ-Жерменъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, есть удобства для жизни, которыхъ нѣтъ въ Дублинѣ. Якобитъ-англичанинъ не только не хотѣлъ помогать освобожденію ирландцевъ,—онъ презиралъ и ненавидѣлъ ихъ, какъ всѣ его соотечественники, считалъ ихъ своими наслѣдственными рабами и хотѣлъ оставить въ рабствѣ. Онъ думалъ, что такъ какъ цѣль Іакова — возвращеніе англійскаго престола, то и въ Ирландіи онъ не долженъ дѣлать ничего такого, что могли бы оскорбить англичанъ. Д'Аво смотрѣлъ на вопросъ съ иной точки зрѣнія: онъ хотѣлъ не освобожденія Ирландіи и не возвращенія Іакова въ Лондонъ, то и другое казалось ему невозмож-

нымъ; прежде всего онъ хотѣлъ занять Вильгельма междоусобною войною, чтобъ этотъ врагъ Франціи не могъ принять дѣятельнаго участія въ начинавшейся войнѣ противъ Франціи; потомъ, если возможно, онъ желалъ бы сдѣлать Ирландію французскою провинціею,—на это скорѣе могли согласиться ирландскіе, нежели англійскіе якобиты, и онъ началъ, втайнѣ отъ Іакова, переговоры съ предводителями ирландскихъ якобитовъ, смертельно враждуя противъ англійскихъ, которые, конечно, не согласились бы сдѣлаться французскими подданными. Его политика была одобряема и Людовикомъ. Конечно, не Іакову было понять эту борьбу, раздѣлявшую его совѣтниковъ, и не Іакову было найти вѣрный выходъ изъ такого запутаннаго положенія.

Прежде всего представился вопросъ: остаться ли Іакову въ Дублинѣ или ѣхать предводительствовать арміею, отправленною въ Ульстеръ? Пренія въ Совѣтѣ были жарки. Англичанинъ Мельфортъ доказывалъ необходимость ѣхать къ арміи, ирландецъ Тирконнель и д'Аво—необходимость остаться въ Дублинѣ. Причины выставлялись съ той и другой стороны ничтожныя, потому что истинныя побужденія скрывались партіями: оставаясь въ Дублинѣ, Іаковъ былъ бы въ рукахъ ирландцевъ, долженъ былъ бы утверждать всѣ законы, которые, конечно, будетъ составлять противъ англичанъ ирландскій Парламентъ; отправившись въ Ульстеръ, онъ былъ бы въ землѣ, населенной англичанами, и тотчасъ по взятіи Лондондерри могъ бы переѣхать въ Англію. Мельфорту удалось восторжествовать, и Іаковъ отправился въ Ульстеръ; д'Аво сопровождалъ его. Дорога была ужасна; вся страна кругомъ представлялась пустынею; негдѣ было переночевать, негдѣ было найти порядочной провизіи; однако же, Іаковъ не слушалъ убѣжденій д'Аво возвратиться, пока не услышалъ, что изъ Лондондерри вышелъ сильный отрядъ, — въ испугѣ, онъ воротился. Но испугъ былъ напрасенъ: Гамильтонъ оттѣснилъ назадъ англичанъ, потому что предводитель ихъ Ленди, принятый ими отъ Тирконнеля и потомъ притворившійся ревностнымъ приверженцемъ Вильгельма, былъ въ душѣ якобитъ. Услышавъ о побѣдѣ Гамильтона, Іаковъ вернулся въ Ульстеръ, къ страшной досадѣ д'Аво, который не хотѣлъ ужь слѣдовать за нимъ и пріѣхалъ назадъ въ Дублинъ.

Когда Іаковъ догналъ армію, она подходила уже къ Лондондерри. Укрѣпленія города были очень ветхи и незначительны. Осаждающіе надѣялись взять ихъ въ нѣсколько дней, тѣмъ болѣе, что комендантъ, Ленди, былъ на ихъ сторонѣ,—не столько по наклонности къ измѣнѣ, сколько по убѣжденію въ невозможности сопротивленія. Враги были уже близки, когда у гавани явились англій-

скіе корабли съ двумя полками десанта: Лонди убѣдилъ командира этого отряда, что помочь городу нельзя, что увеличивать число гарнизона, значитъ ускорять день сдачи, потому что и безъ того уже мало въ городѣ съѣстныхъ припасовъ, и что лучше всего имъ возвратиться въ Англію; корабли удалились. Горожане, узнавъ о томъ, вознегодовали. Ирландскій авангардъ былъ уже подъ стѣнами города. Лонди запрещалъ стрѣлять изъ пушекъ—но горожане уже не слушались его, стали по стѣнѣ и на предложеніе сдаться отвѣчали залпомъ. Майоръ Бэкеръ, капитанъ Моррэ управляли ихъ дѣйствіями, англиканскій пасторъ Уокеръ ободрялъ ихъ пламенными рѣчами. Средства къ защитѣ были слабы, но англійскіе колонисты въ Ирландіи издавна отличались воинственностью и гордымъ сознаніемъ своего физическаго и нравственнаго превосходства надъ туземцами. Въ стѣнахъ Лондондерри собрались отважнѣйшіе люди изъ всего Ульстера. Они рѣшились защищаться до послѣдней капли крови, избравъ комендантомъ своимъ Бэкера, а завѣдываніе внутреннимъ порядкомъ поручивъ Уокеру. Іаковъ цѣлые сутки ждалъ капитуляціи, — этихъ сутокъ было довольно горожанамъ для окончательныхъ приготовленій къ осадѣ. Они отвергли всѣ условія, предложенныя врагами. Тогда Іаковъ вдругъ снова вздумалъ покинуть армію, только что приступавшую къ осадѣ, и 20 апрѣля уѣхалъ въ Дублинъ. На слѣдующій день началась осада. Горожане защищались геройски, отбивали приступы, дѣлали удачныя вылазки — и прошло полтора мѣсяца, а городъ, противъ ожиданій Тирконнеля, Гамильтона и д'Аво, все еще держался. Гамильтонъ сдѣлалъ послѣдній, отчаянный приступъ, и когда онъ былъ отбитъ, рѣшился выжидать, пока городъ принужденъ будетъ къ сдачѣ голодомъ.

Въ Дублинѣ, вскорѣ послѣ возвращенія Іакова, собрался Парламентъ. Изъ 99 ирландскихъ свѣтскихъ лордовъ, только четырнадцать захотѣли явиться по приглашенію Іакова; изъ того числа десятеро были католики. Остальные восемьдесятъ-пять, ревностные протестанты, не хотѣли признавать власти Іакова. Онъ назначилъ семнадцать новыхъ лордовъ — всѣ они были католики; кромѣ того, въ Палатѣ Лордовъ засѣдали четыре протестантскіе епископа, — или по своему убѣжденію о безграничномъ повиновеніи, или изъ страха. Палата Общинъ состояла почти исключительно изъ ирландцевъ-католиковъ. Выборы совершались подъ вліяніемъ Тирконнеля, вездѣ рекомендовавшаго своихъ кандидатовъ. Протестанты, оставшіеся въ южныхъ провинціяхъ, не осмѣливались и подавать голосовъ на выборахъ. Изъ всѣхъ ирландскихъ Парламентовъ, бывшихъ прежде и послѣ, этотъ одинъ былъ наполненъ туземцами-ка-

толками. Изъ двухсотъ-пятидесяти членовъ Палаты Общинъ только шесть были протестанты. Туземцы, не имѣвшіе дотолѣ никакого участія въ управленіи своей землею, конечно, не имѣли привычки къ веденію правительственныхъ дѣлъ. Однакожь, нашлось нѣсколько ирландцевъ, которые за границею или въ Лондонѣ получили образованіе и имѣли практику, нужную для законодателя; они управляли совѣщаніями и дѣйствіями Парламента, которымъ не могли, однако же, придать ни обдуманности, ни спокойствія. Качествъ этихъ и невозможно было ожидать отъ племени, ожесточеннаго долгими страданіями и нетерпѣливо пользовавшагося случаемъ, чтобы излить на своихъ притѣснителей англичанъ мщеніе, котораго давно жаждалъ каждый ирландецъ. Тотчасъ же, какъ только собрался этотъ мстительный Парламентъ, онъ объявилъ Ирландію независимой отъ власти лондонскаго правительства, конфисковалъ помѣстья всѣхъ тѣхъ, которые не явились изъ Англіи на службу Іакову, передалъ въ пользу католическаго духовенства налоги, собиравшіеся въ Ирландіи для Англиканской церкви, и уничтоживъ законъ, по которому земли, конфискованныя у мятежныхъ ирландцевъ Кромвелемъ, переданы были въ собственность англійскихъ колонистовъ, возвратилъ эти земли прежнимъ туземнымъ владѣльцамъ. Иного и нельзя было ожидать отъ племени, давно пылавшаго ненавистью къ англичанамъ.

Но этой ненависти вовсе не могъ раздѣлять Іаковъ, бывшій въ душѣ англичаниномъ; у него съ ирландцами было только одно общее чувство—ненависть къ протестанству, желаніе доставить господство католической вѣрѣ. Онъ не долженъ былъ возстановлять противъ себя англичанъ, желая возвратить себѣ англійскій престолъ, а конфискація и передача ирландцамъ земель, которыя Кромвель роздалъ англичанамъ, отнимала у него всякую возможность примиренія съ Англіею. Онъ чувствовалъ это и хотѣлъ воспротивиться рѣшеніямъ ирландскаго Парламента, хотѣлъ даже распустить этотъ Парламентъ, но ирландцы говорили, что не станутъ сражаться за него, если имъ не будутъ возвращены ихъ наслѣдственныя земли. Д'Аво рѣшительно совѣтовалъ ему утвердить рѣшенія Парламента,—все, что отстраняло возможность примиренія Ирландіи съ Англіею, было выгодно для Франціи. Іаковъ покорился, и утвердилъ рѣшенія Парламента; но его попытка воспротивиться этимъ рѣшеніямъ уже отняла у него привязанность и довѣріе ирландцевъ, — они увидѣли въ немъ англичанина, враждебнаго интересамъ ихъ націи. Черезъ нѣсколько дней Іаковъ утвердилъ другой актъ, составленный ирландскимъ Парламентомъ—громадный списокъ измѣнниковъ, которые осуждались на смертную казнь, если до истеченія извѣстнаго

срока не явятся въ Дублинъ доказать свою невинность. Списокъ этотъ заключалъ до трехъ тысячъ лицъ; тутъ были всѣ уроженцы Ирландіи или владѣльцы земель въ Ирландіи, которые не явились въ Ирландію для участія въ войнѣ противъ англичанъ. Многіе изъ осужденныхъ были ревностными приверженцами Іакова. Въ концѣ іюля, король распустилъ Парламентъ, утвердивъ всѣ его акты, враждебные англичанамъ, и получивъ зато налоги для веденія войны. Но такъ какъ этихъ доходовъ было мало и казна оставалась пуста по причинѣ всеобщихъ безпорядковъ и грабежей, то онъ выпустилъ на мильонъ фунтовъ стерлинговъ монеты такой низкой пробы, что въ тысячѣ фунтахъ едва заключалось серебра на сто пятьдесятъ фунтовъ. Эта монета увеличила бѣдствія несчастной страны самымъ страшнымъ образомъ, присоединивъ ко всѣмъ другимъ причинамъ страданія еще тѣ, которыя порождаются государственнымъ банкротствомъ.

Когда въ Англіи узнали о гоненіяхъ, которымъ предаетъ Іаковъ англичанъ въ Ирландіи, всѣ партіи соединились въ общемъ гнѣвѣ и общемъ требованіи скорѣйшаго прекращенія этихъ страданій, претерпѣваемыхъ колонистами. Виги, тори, даже тѣ якобиты, въ которыхъ національное чувство не было подавлено якобитствомъ, прославляли геройство Лондондерри. Сеймуръ, предводитель тори, обѣщалъ, что хотя онъ не участвовалъ въ установленіи новаго правительства, но будетъ искренно содѣйствовать ему во всѣхъ мѣрахъ, нужныхъ для возвращенія Ирландіи. Нація нѣсколько была успокоена объявленіемъ правительства, что до окончанія осени оно будетъ въ состояніи послать въ Ирландію армію подъ предводительствомъ Шомберга, достаточно сильную для покоренія острова. На помощь Лондондерри была уже послана эскадра; она отправилась 16 мая, но надолго была задержана въ проливѣ противнымъ вѣтромъ. Между тѣмъ, въ Ирландіи, положеніе дѣлъ требовало скорой помощи. Правда, эннискилленцы, противъ которыхъ не было значительнаго войска, владычествовали въ своемъ округѣ, дѣлали смѣлые набѣги на близь-лежащія области, принявшія сторону Іакова, и разбивали отряды, посылаемые противъ нихъ; но главный оплотъ англійскихъ колонистовъ, Лондондерри, противъ котораго сосредоточены были всѣ силы Іакова, находился въ бѣдственномъ состояніи, — храбрые защитники его томились голодомъ. Въ началѣ іюня трудно было въ городѣ достать, хотя бы лошадинаго мяса. 15 іюня прибыла англійская эскадра — но Киркъ, ею командовавшій, не рѣшался высадиться на берегъ подъ непріятельскимъ огнемъ, и минутный восторгъ осажденныхъ превратился въ уныніе. Нѣсколько недѣль стоялъ Киркъ почти въ виду города, не подавая

ему помощи, — а въ Лондондерри свирѣпствовалъ голодъ и появились вслѣдствіе его заразительныя болѣзни. Киркъ умѣлъ при Іаковѣ рѣзать и грабить мирныхъ поселянъ, но не способенъ былъ къ смѣлымъ подвигамъ противъ враговъ. Такъ тянулось время до 31 іюля. Изъ Лондона, узнавъ о нерѣшительности Кирка, прислали ему приказаніе дѣйствовать во что бы то ни стало. Тогда англійскіе корабли прорвались вверхъ по рѣкѣ до города. Горожане, наканунѣ сотнями умиравшіе отъ голода, теперь имѣли въ изобиліи все. Ирландская партія принуждена была снять осаду и быстро отступала. Въ тотъ же самый день, эннискилленцы одержали при Ньютонъ-Бутлерѣ блистательную побѣду надъ сильнымъ отрядомъ ирландцевъ, осаждавшихъ одинъ изъ замковъ Ульстерской области. Это извѣстіе окончательно убило энергію въ отступавшей арміи. Бросивъ обозъ и аммуницію, ирландцы въ безпорядкѣ бѣжали къ югу. Дублинъ былъ пораженъ уныніемъ. У Іакова вырывались слова, обнаруживавшія мысль бѣжать во Францію. Въ самомъ дѣлѣ, удары судьбы сыпались на его голову отовсюду. Въ одно и тоже время съ извѣстіями о бѣгствѣ арміи изъ-подъ Лондонлерри и пораженіи при Ньютонъ-Бутлерѣ, онъ получилъ не менѣе убійственныя для него извѣстія изъ Шотландіи.

Шотландія, подобно Ирландіи, была раздираема междоусобною войною, которая и тутъ, какъ въ Ирландіи, должна была кончиться торжествомъ Вильгельма. Но результатъ войны былъ не таковъ для Шотландіи, какъ для Ирландіи: ирландцевъ она низвергла въ порабощеніе, пагубнѣйшее прежняго, между тѣмъ, какъ шотландцамъ принесла она залоги новой силы и благосостоянія.

Бѣдствія, угнетавшія Шотландію при Стюартахъ, были обременительнѣе, нежели бѣдствія Англіи; потому и переворотъ сопровождался въ Шотландіи болѣе значительными нарушеніями законности и сильнѣйшими взрывами народнаго мщенія. Англія при Іаковѣ жаловалась только на нарушеніе законовъ; въ Шотландіи самый законъ былъ притѣснителенъ. Церковное устройство по іерархіи Англиканскаго исповѣданія было ненавистно большинству населенія, державшемуся пресвитеріанскаго ученія. Парламентъ, слѣпо повиновавшійся приказаніямъ, получаемымъ изъ Вайтголля, издалъ законы чрезвычайно стѣснительные, — потому при паденіи стараго порядка вещей, было много смутъ, и многіе законы перестали соблюдаться націею прежде, нежели послѣдовало отмѣненіе ихъ законнымъ порядкомъ. Въ Конвентъ, созванный въ Эдинбургѣ Вильгельмомъ для устроенія государства, были выбраны, подъ вліяніемъ національнаго ожесточенія противъ тори, почти исключительно виги. Пока собрался Конвентъ и возстановилъ порядокъ, на-

родъ по всей Шотландіи изгонялъ англиканскихъ епископовъ и священниковъ, постановляя на ихъмѣсто пресвитеріанскихъ проповѣдниковъ.

Прежде, нежели собрался Конвентъ, былъ поднятъ многочисленною партіею коренныхъ шотландцевъ вопросъ о томъ, долженъ ли онъ оставить Шотландію по прежнему отдѣльнымъ королевствомъ, или предложить англійскому правительству принять Шотландію въ составъ англійскаго королевства, на условіяхъ, которыми сохранялись бы выгоды и честь Шотландіи. Нѣкогда, шотландцы героически защищали свою независимость отъ Англіи и никто изъ нихъ не хотѣлъ слышать о присоединеніи. Но когда при Кромвеллѣ Шотландія на нѣкоторое время была насильственно присоединена къ Англіи, шотландцы испытали, что такое положеніе выгодно. Таможни по англійской границѣ были уничтожены, шотландскіе купцы могли вести моремъ безпошлинную торговлю съ англійскими портами, корабли ихъ пользовались всѣми преимуществами англійскихъ кораблей. Чего не могли сдѣлать никакіе подкупы, никакія насилія, то сдѣлали торговые интересы: въ Шотландіи явилась партія, хотя и проклинавшая Кромвелля, но считавшая присоединеніе къ Англіи необходимостью для Шотландіи; въ самомъ дѣлѣ, при Кромвеллѣ благосостояніе жителей маленькаго и бѣднаго королевства быстро возвышалось. Съ возвращеніемъ Стюартовъ, Шотландіи была возвращена независимость—и шотландцы вдвойнѣ испытали всѣ невыгоды отчужденности отъ богатыхъ и могущественныхъ сосѣдей. При Карлѣ II, въ 1670 году, желаніе націи принудило Эдинбургскій Парламентъ начать переговоры съ Англіею о присоединеніи,—они не удались, но съ каждымъ годомъ возрастала въ Шотландіи партія, желавшая присоединенія. Она выступила съ новою силою при переворотѣ 1688 года. Присоединенія желали купцы, чтобы участвовать въ выгодахъ англійской торговли; многіе государсвенные люди, чтобы имѣть болѣе блестящее поприще дѣятельности въ Лондонскомъ Парламентѣ и болѣе доходныя мѣста въ англійской службѣ. Къ нимъ пристали нѣкоторые хитрые якобиты, съ цѣлью затянуть дѣло объ устройствѣ шотландскаго королевства: провозглашеніе Вильгельма и Маріи королемъ и королевою не требовало бы много времени, а переговоры о присоединеніи по необходимости были бы продолжительны, — во время этого междуцарствія можно было бы якобитамъ предпринять многое.

Но въ 1689 году религіозныя партіи были еще такъ ожесточены одна противъ другой, что невозможно было бы совершить присоединенія на томъ условіи, какъ въ 1707 году, — именно, чтобы Пресвитеріанская церковь была господствующею въ Шотландіи.

А безъ этого, въ Шотландіи возникало бы много смутъ и несчастій, потому что Англиканская церковь была ненавистна большинству шотландцевъ, которое ревностно держалось пресвитеріанства. Вильгельмъ зналъ это и мудро рѣшился пожертвовать вопросомъ о соединеніи королевствъ, чтобы упрочить за Шотландіею то исповѣданіе, безъ котораго она не могла быть спокойна, и чтобы скорѣе возстановить правительство въ этомъ государствѣ, для предупрежденія несчастій. Въ этомъ смыслѣ далъ онъ инструкціи уполномоченнымъ, которые должны были присутствовать вмѣсто него при совѣщаніяхъ Эдинбургскаго Конвента.

Изъ его совѣтниковъ по шотландскимъ дѣламъ, довѣреннѣйшимъ былъ сэръ Джемсъ Дольримпль Стэръ, человѣкъ замѣчательныхъ дарованій и знаменитый юристъ, родоначальникъ фамиліи славной своими талантами и трагическими катастрофами. Самъ сэръ Джемсъ уже не разъ носилъ траурь по родственникамъ, погибшимъ ужасною и загадочною смертью. Одинъ изъ его сыновей былъ отравленъ. Одна изъ его дочерей кинжаломъ заколола своего жениха въ ночь свадьбы. Одинъ изъ его внуковъ былъ въ дѣтской игрѣ убитъ другимъ. Многіе въ народѣ говорили, что эти несчастія — слѣдствіе того, что сэръ Джемсъ продалъ себя и родъ свой нечистой силѣ. Сэръ Джемсъ имѣлъ кривую шею — и народъ говорилъ, что сатана положилъ на немъ печать свою. Жену его звали Аэндорскою вѣдьмою, говорили, что она напускаетъ болѣзни на тѣхъ, кого не любитъ и, обернувшись кошкою, сидитъ подлѣ своего мужа, когда онъ публично отправляетъ государственныя дѣла. А, между тѣмъ, этотъ человѣкъ вовсе не заслуживалъ особенной ненависти: на немъ было много проступковъ, но все-таки меньше, нежели почти на каждомъ изъ тогдашнихъ шотландскихъ вельможъ, у которыхъ правила совѣсти въ государственныхъ дѣлахъ были вообще очень шатки. Онъ даже впалъ въ немилость при Іаковѣ зато, что не хотѣлъ дѣлать тѣхъ беззаконій, которыхъ отъ него требовали, и долженъ былъ удалиться въ Голландію. Онъ клялся и, быть можетъ, справедливо, что руки его чисты отъ крови пресвитеріанъ, пролитой Іаковомъ. Его помѣстья были бы конфискованы, еслибъ онъ не придумалъ уловки, которая потомъ вошла въ употребленіе между шотландскими вельможами: его старшій сынъ, Джонъ, человѣкъ также даровитый, принялъ, повидимому, сторону Іакова противъ своего отца, осуждалъ отца, заслужилъ милость Іакова и получилъ отъ него санъ лорда адвоката; зато, ему были сохранены отцовскія помѣстья. По низверженіи Іакова, сынъ сбросилъ маску и былъ назначенъ Вильгельмомъ руководить совѣщаніями Конвента въ Эдинбургѣ, между тѣмъ, какъ отецъ оста-

вался при Вильгельмѣ. Ненависть пресвитеріанъ къ Дольримплямъ заставила Вильгельма для переговоровъ съ этою партіею избрать другаго агента, Мальвилля, который былъ ревностнымъ вигомъ и пресвитеріанцемъ.

Агентами Іакова въ Шотландіи были Джонъ Грегэмъ виконтъ Донди, и Колинъ Линдсэ графъ Болькэррэсъ. Оба оба они были сильно замѣшаны въ злоупотребленіяхъ власти при Іаковѣ, и наканунѣ послѣдняго отъѣзда его изъ Лондона имѣли съ нимъ совѣщаніе, на которомъ онъ поручилъ Болькэррэсу военную, а Донди гражданскую часть въ веденіи якобитскихъ дѣлъ въ Шотландіи. На другое утро послѣ вступленія въ Лондонъ Вильгельма, оба они явились къ нему съ изъявленіями преданности. Шотландскіе виги, бывшіе въ Лондонѣ, настойчиво просили Вильгельма предать суду и заставить удалиться на континентъ этихъ людей, — Вильгельмъ зналъ основательность такой просьбы, но рѣшившись предать забвенію все прошедшее, пощадилъ ихъ. Болькэррэсъ часто являлся во дворецъ и съ видомъ прямоты говорилъ, что осуждаетъ ошибки Іакова, но не можетъ подать голосъ за его низложеніе. Передъ отъѣздомъ его въ Эдинбургскій Конвентъ, Вильгельмъ сказалъ ему: «Не выходите изъ предѣловъ закона, милордъ: иначе, съ вами будетъ поступлено по закону.» Донди, напротивъ, увѣрялъ въ безграничной преданности и выпросилъ себѣ конвой для проѣзда въ Эдинбургъ, потому что безъ конвоя онъ, жестокій гонитель пресвитеріанъ при Іаковѣ, былъ бы въ опасности среди своихъ соотечественниковъ, ненавидѣвшихъ этого «мужа кровей», какъ выражались пресвитеріане на своемъ любимомъ библейскомъ языкѣ. Донди и Болькэррэсъ прибыли въ Эдинбургъ за двѣ недѣли до начала засѣданій Конвента, всѣми силами старались оживить партію тори, и убѣдили Гордона, коменданта Эдинбургской цитадели, оставшагося вѣрнымъ Іакову, но уже думавшаго о безполезности сопротивленія, не покоряться Вильгельму. Они говорили, что большинство Конвента будетъ на ихъ сторонѣ, и если въ Эдинбургѣ, среди пресвитеріанскаго населенія, ревностно преданнаго вигамъ, тори будутъ стѣснены, то они имѣютъ отъ Іакова полномочіе перенести засѣданія Конвента въ Стирлингъ, на границѣ Верхней Шотландіи, гдѣ поддержатъ ихъ горные шотландцы, католики.

14 марта (1689) собрался Конвентъ. Выборъ президента долженъ былъ обнаружить, тори или виги имѣютъ въ немъ большинство. Кандидатомъ виговъ былъ герцогъ Гамильтонъ, кандидатомъ тори—маркизъ Этоль. Сильное большинство избрало Гамильтона и немедленно Конвентъ отправилъ депутацію въ цитадель съ требованіемъ покорности отъ Гордона. Онъ отвѣчалъ почтительно, но уклончиво.

Въ переговорахъ съ нимъ прошло два дня, народъ ожидалъ битвы съ гарнизономъ цитадели. Между тѣмъ было замѣчено, что Донди имѣетъ свиданія съ Гордономъ, и что его совѣты поддерживаютъ упорство гарнизона; а Донди, съ другой стороны, узналъ, что простолюдины пресвитеріане поклялись отмстить ему за убійства, совершенныя имъ при Іаковѣ. 15-го марта, на другой день послѣ собранія Конвента, онъ просилъ защиты у Гамильтона. Гамильтонъ обѣщался предложить это дѣло Конвенту въ слѣдующемъ засѣданіи. Передъ началомъ этого засѣданія (16-го марта) было представлено въ Конвентъ письмо отъ Іакова—Донди и Болькэррэсъ надѣялись, что оно содержитъ милостивыя увѣренія, могущія примирить съ нимъ умѣренныхъ виговъ, и уже торжествовали; виги боялись, что оно содержитъ повелѣніе Конвенту разойтись, и потому прежде нежели распечатать письмо, потребовали, чтобы члены Конвента обязались не прекращать своихъ засѣданій, каково бы ни было содержаніе письма. Донди и Болькэррэсъ подписали, вмѣстѣ съ другими, обязательство не покидать Конвента до совершеннаго устроенія государственнаго порядка. Тогда прочли письмо Іакова—оно содержало только угрозы мщенія. Надежды якобитовъ исчезли: они сами не были довольны письмомъ, тѣмъ менѣе могло примирить оно виговъ. Іаковъ, какъ всегда, оказывался злѣйшимъ своимъ врагомъ. Ужь подпись измѣнника Мельфорта, ненавистнаго всѣмъ, одна могла возбудить общее негодованіе. Члены Конвента закрыли засѣданіе въ сильномъ гнѣвѣ.

Это было въ субботу. Слѣдующее засѣданіе должно было собраться въ понедѣльникъ. Якобиты рѣшились воспользоваться этими двумя сутками, переѣхать въ Стирлингъ и тамъ провозгласить себя Конвентомъ, объявивъ прекращеніе засѣданій въ Эдинбургѣ. Все было готово къ отъѣзду въ понедѣльникъ по утру,—но Этоль, глава партіи, потребовалъ на 24 часа отсрочки—онъ колебался рисковать головою и огромными своими помѣстьями. Безъ него, другіе члены не хотѣли ѣхать, и рѣшили явиться нынѣ въ Конвентъ, отлагая бѣгство до завтра. Одинъ Донди не согласился оставаться ни минуты долѣе: его жизнь была въ опасности. «Уѣхавъ безъ насъ, вы обнаружите тайну и разстроите весь планъ», говорилъ ему Болькэррэсъ, — но Донди былъ непреклоненъ: онъ зналъ, что въ Эдинбургѣ пресвитеріане нетерпѣливо ищутъ минуты убить его.

Засѣданіе Конвента открылось рѣчью о необходимости смирить Гордона, грозящаго городу пушками цитадели. Въ это время прибѣжали часовые съ извѣстіемъ, что Донди съ пятидесятью всадниками проскакалъ по дорогѣ въ Стирлингъ, и, проѣзжая мимо цитадели, вызвалъ Гордона и что-то говорилъ ему. Виги пришли въ бѣ-

шенство. До сихъ поръ Гамильтонъ управлялъ совѣщаніями, по признанію самыхъ тори, спокойно и безпристрастно, теперь онъ заговорилъ громче и жарче всѣхъ. «Надобно намъ позаботиться о себѣ, кричалъ онъ: — враги нашихъ законовъ собираются; они имѣютъ вѣроятно сообщниковъ и въ нашемъ собраніи. Запереть двери! Положить ключи на президентскій столъ! Не выпускать изъ этой залы никого, кромѣ лордовъ и джентльменовъ, которыхъ мы назначимъ для призванія народа къ оружію!» Все это было исполнено. Якобиты остались въ залѣ какъ бы плѣнниками. Эдинбургскіе пресвитеріане вооружились. Теперь Донди былъ уже не страшенъ Конвенту, и якобиты оставили мысль объ бѣгствѣ въ Стирлингъ, какъ безполезную.

На слѣдующій день, Конвентъ призвалъ королевство къ вооруженію противъ предателей, и повелѣлъ прочитать на всѣхъ рынкахъ эдиктъ о томъ, чтобы всѣ протестанты отъ шестнадцати до шестидесяти лѣтъ были готовы стать подъ знамена по первому призыву.

Прибытіе могущественнаго тори, герцога Квинсберри, вдохнуло на нѣсколько часовъ бодрость въ якобитскую партію Конвента. Она убѣждала Гордона стрѣлять по Эдинбургу, — но онъ не смѣлъ сдѣлать этого, чтобы не подвергнуться казни, когда восторжествуютъ виги. Скоро виги получили въ свое распоряженіе армію, съ которой могли удержать въ повиновеніи всѣхъ якобитовъ Нижней Шотландіи: Вильгельмъ прислалъ имъ тѣ три шотландскіе полка, которые находились въ голландской службѣ. Чтобы не оскорбить національной гордости, изъ ихъ состава были выведены всѣ голландскіе солдаты и офицеры. Командовалъ ими шотландецъ Маккэ; Конвентъ назначилъ его начальникомъ своихъ войскъ. Прибытіе отряда Маккэ убило надежды якобитовъ. Одни изъ нихъ удалились въ свои помѣстья, другіе, хотя и остались въ Эдинбургѣ, перестали являться въ Конвентъ; третьи перешли по обычаю тогдашней Шотландіи на сторону торжествующей партіи; и когда комитетъ, назначенный для составленія предложеній объ устройствѣ королевства, приготовилъ свой докладъ, партіи якобитовъ уже почти не существовало въ Конвентѣ. Въ составленіи доклада участвовалъ главнымъ образомъ Джонъ Дольримпль; сильно поддерживалъ его ревностный пресвитеріанецъ Монтгомери, человѣкъ даровитый, но шаткихъ правилъ, жадный къ деньгамъ и злопамятный. Рѣшенія, предложенныя Эдинбургскому Конвенту, были составлены по примѣру рѣшеній Лондонскаго Конвента: Іаковъ объявлялся лишеннымъ престола, Вильгельмъ и Марія провозглашались королемъ и королевою. При подачѣ голосовъ о низложеніи,

Этолъ, Квинсберри и нѣкоторые ихъ друзья вышли изъ залы; потомъ, когда подавались голоса о провозглашеніи Вильгельма и Маріи, они опять вошли и подали голоса за предложеніе, говоря, что по совѣсти не могли низлагать Іакова, но теперь, когда это сдѣлано другими, считаютъ Вильгельма и Марію лицами, которыя должны воцариться. По образцу Лондонскаго Конвента, Эдинбургскій передавалъ новымъ государямъ власть статутомъ, исчислявшимъ основные законы и права королевства. Этотъ основной статутъ Шотландіи, называющійся «Требованіемъ права» (Claim of Right), отличался отъ англійской «Декларацій Права» только тѣмъ, что по различію исповѣданій большинства націи въ этихъ двухъ странахъ, господствующею церковью объявлялась въ немъ пресвитеріанская, а прежнее господство Англиканской объявлялось незаконнымъ и уничтожалось. Составивъ форму клятвы для Вильгельма при коронованіи на шотландскій престолъ и назначивъ депутатовъ для поднесенія Вильгельму «Требованія Права» и для присутствія при коронаціи, Конвентъ отсрочилъ свои засѣданія на нѣсколько недѣль. Церемонія коронаціи совершилась въ Лондонѣ и замѣчательна была по обстоятельству, дѣлающему много чести терпимости и твердости Вильгельма. Графъ Арджайль, депутатъ сословія перовъ Шотландіи, сынъ знаменитаго Арджайля, столь мужественно погибшаго на эшафотѣ при Вильгельмѣ, читалъ клятву, которую обязанъ былъ дать Вильгельмъ. Вильгельмъ повторялъ за нимъ слова присяги, до фразы, содержавшей обѣщаніе искоренять враговъ истинной вѣры. Тутъ Вильгельмъ остановился: извѣстно было, что многіе фанатики изъ шотландскихъ пресвитеріанъ считали врагами Божіими не только католиковъ, но также англиканцевъ, индепендентовъ, анабаптистовъ и квакеровъ, даже англійскихъ пресвитеріанцевъ, не участвовавшихъ въ клятвѣ ихъ поддерживать правила Ковенанта, составленныя шотландцами во время Долгаго Парламента. — «Я не могу, сказалъ Вильгельмъ, обязаться быть преслѣдователемъ за вѣру», — И такой обязанности не налагаютъ на ваше величество ни слова этой клятвы, ни законы Шотландіи, сказалъ одинъ изъ депутатовъ Конвента. — «Въ такомъ смыслѣ, клянусь, и прошу васъ всѣхъ, милорды и джентльмены, быть свидѣтелями, что я клянусь въ такомъ смыслѣ», сказалъ Вильгельмъ. Въ самомъ дѣлѣ, шотландскіе фанатики уже были имъ недовольны, предугадывая, что онъ не будетъ гонителемъ.

Трудно было Вильгельму распредѣлить правительственныя должности въ Шотландіи такъ, чтобы не надѣлать себѣ множества враговъ: ни одна страна Европы не имѣла столькихъ претендентовъ на высшія мѣста въ государствѣ, какъ Шотландія. Гамильтона

назначилъ онъ первымъ сановникомъ королевства, Лордомъ Верховнымъ Коммиссаромъ; Крофорда Президентомъ Парламента, для привлеченія къ себѣ пресвитеріанъ, имѣвшихъ его однимъ изъ своихъ предводителей; Джонъ Дольримпль (сынъ) былъ назначенъ Лордомъ Адвокатомъ; Монтгомери считалъ себя достойнымъ должности государственнаго секретаря, какъ даровитѣйшій политикъ, — но эта должность, самая важная по вліянію на дѣла, хотя не самая почетная, была отдана Мельвиллю, который былъ другомъ пресвитеріанъ, но не фанатикомъ; назначеніе Монтгомери, мстительнаго фанатика, повело бы за собою возстановленіе эшафотовъ,— а этого рѣшился не допускать Вильгельмъ. Монтгомери было предложено высокое мѣсто по судебному управленію,—но онъ отказался и съ гнѣвомъ возвратился въ Эдинбургъ. Никому изъ назначенныхъ теперь сановниковъ не довѣрялъ вполнѣ Вильгельмъ: неизмѣннымъ его совѣтникомъ по шотландскимъ дѣламъ былъ старинный другъ его, пресвитеріанскій пасторъ Кэрстерсъ, равнявшійся Борнету ученостью и умомъ, вѣрностью, честностью и мужествомъ, но превосходившій его обдуманностью и скромностью. Онъ повсюду сопровождалъ Вильгельма и былъ истиннымъ первымъ министромъ Шотландіи подъ скромнымъ именемъ королевскаго Капеллана, съ небольшимъ жалованьемъ, не желая ни титуловъ ни богатствъ.

Озлобленный Монтгомери, по возвращеніи въ Эдинбургъ, составилъ изъ фанатиковъ и людей, лично недовольныхъ Вильгельмомъ, оппозиціонное общество, важнѣйшими членами котораго были, кромѣ самого Монтгомери, Юмъ и Флетчеръ, бывшіе нѣкогда участниками въ экспедиціи Арджайля. Но между тѣмъ какъ въ этомъ клубѣ обсуждали мѣры для сопротивленія Вильгельму, съ цѣлью доставить торжество ультра-пресвитеріанскимъ идеямъ, и жестоко наказать всѣхъ людей, служившихъ Стюартамъ, якобиты, которыхъ Вильгельмъ охранялъ отъ мщенія Монтгомери и его партіи, уже возстали противъ Вильгельма,—людей, взявшихся за оружіе для выполненія ихъ плановъ, они нашли въ полудикихъ жителяхъ Горной Шотландіи.

Между живописныхъ скалъ и озеръ этой страны, теперь посѣщаемой сотнями тысячъ англійскихъ туристовъ, но въ тѣ времена совершенно недоступной и невѣдомой, жило племя, столь же мало извѣстное въ Англіи, какъ и страна, имъ населяемая. О готтентотахъ и лапландцахъ, англичане читали и слышали болѣе, нежели о горныхъ шотландцахъ. Изъ двадцати хорошо образованныхъ джентльменовъ, собиравшихся тогда толковать о политикѣ въ лондонскихъ кофейныхъ, едва ли одинъ зналъ, что за Клайдскимъ и Фортскимъ заливами, менѣе, нежели въ восьми

стахъ верстахъ отъ Лондона, живетъ народъ, раздѣленный на множество племенъ, изъ которыхъ у каждаго есть свой князекъ, и у каждаго князька есть войско, оруженосцы, музыканты, наслѣдственный панегиристъ, наслѣдственный придворный поэтъ, и каждый князекъ независимо ни отъ кого правитъ своимъ племенемъ, производитъ судъ и расправу, ведетъ войны, заключаетъ трактаты. Когда были въ полной силѣ старинныя гаэльскія учрежденія, никто не наблюдалъ, никто не описалъ ихъ. Но еслибъ кто изучалъ тогда характеръ горныхъ шотландцевъ, онъ нашелъ бы въ нихъ тѣсно слитыми добрыя и дурныя качества нецивилизованныхъ народовъ. У нихъ не было ни любви къ общему отечеству, ни понятія о немъ; они знали только свой кланъ и патріархальнаго главу этого клана. Ихъ нравственныя понятія были отличны отъ понятій Англіи или Шотландіи.—Вонзить сзади кинжалъ въ шею врага или подстрѣлить его изъ-за обломка скалы — вотъ въ чемъ у нихъ состояло наказаніе за обиду. Съ похвальбою разсказывали они объ ужасахъ племенной междоусобицы и убійствахъ, отъ которыхъ содрогнулись бы свирѣпые солдаты Тилли. Грабежъ считали они ремесломъ почтеннымъ. Работу презирали, заставляя за себя работать женщинъ, какъ всѣ дикари. Горный шотландецъ геркулесовскаго сложенія лѣниво нѣжился на солнцѣ или сидѣлъ съ удочкою въ рукѣ, между тѣмъ какъ его старуха—мать и беременная жена пахали и косили. И эти женщины не жаловались на него: онѣ знали, что мужчина, особенно стараго рода, носящій орлиное перо на шапкѣ, долженъ только сражаться, грабить и охотничать,—всѣ другія занятія низки для него. Религія ихъ была грубою смѣсью католицизма съ язычествомъ. Они покланялись папѣ и приносили чародѣйственныя жертвы, возліянія вина и молока языческимъ богамъ, отъ которыхъ ждали шаманскаго вдохновенія. Читать не умѣлъ почти ни одинъ даже изъ ихъ поэтовъ и генеалогистовъ, обязанныхъ наслѣдственнымъ званіемъ помнить старинные подвиги. Удобствъ жизни у нихъ не было никакихъ. Въ замкахъ нѣсколькихъ великихъ вождей, посѣщавшихъ города Южной Шотландіи, была серебряная посуда и кружева, французскія вина и тонкое полотно. Но всѣ другіе жили въ шалашахъ и избушкахъ, закопченныхъ дымомъ, и лакомствомъ ихъ былъ кусокъ запекшейся крови, выпущенной изъ живой коровы; спали они на полу, грязномъ и наполнявшемъ смрадомъ всю хижину. Но при всей грубости нравовъ, народъ этотъ не заслуживалъ презрѣнія, съ которымъ тогда смотрѣли на него. Горный шотландецъ отличался мужествомъ, готовностью жертвовать жизнью за свой кланъ; какъ бедуинъ, онъ былъ гостепріименъ и защищалъ гостя. Если онъ

грабилъ, то онъ грабилъ только у враговъ своего племени, и считалъ свою добычу столь же честной, какъ считалъ свои завоеванія Александръ Македонскій. Лѣность этихъ воителей, конечно вредная, заслуживала извиненія потому, что основана была на высокомъ самоуваженіи, — предметъ чувства былъ ложенъ, но самое чувство доблестно. Словомъ, съ недостатками, которые находятся у народовъ, живущихъ въ состояніи патріархальнаго племеннаго быта, у горныхъ шотландцевъ находились и всѣ хорошія качества, которыми отличаются бедуины, или кавказскіе горцы; и ясно было, что когда цивилизація просвѣтитъ ихъ, они будутъ достойными собратами жителей южной части острова. Но тогда англо-саксонское племя, населявшее южную Шотландію, смотрѣло на гаэловъ, уцѣлѣвшихъ въ горахъ сѣверной Шотландіи, съ ужасомъ и презрѣніемъ. Издавна оно вело съ ними ежедневную мелкую войну по всей границѣ, защищая отъ ихъ набѣговъ свои поля и стада. Производился по этой границѣ и торгъ съ ними, но на торгъ съ той и другой стороны являлись вооруженными. Южные шотландцы ненавидѣли своихъ сѣверныхъ сосѣдей какъ дикихъ грабителей; и когда англичанину изрѣдка случалось слышать о нихъ, онъ всегда слышалъ о нихъ самые черные и презрительные отзывы (*).

Изъ ложнаго понятія о томъ, что горные шотландцы до половины XVIII вѣка были похожи на южныхъ шотландцевъ и англичанъ, какъ похожи теперь, произошло и ложное понятіе о характерѣ ихъ возстаній въ защиту Стюартовъ. Отъ начала междоусобной войны при Карлѣ I, во времена Долгаго Парламента, до возстанія въ

(*) Теперь, когда горные шотландцы (гаэльскаго племени) совершенно слились съ южными шотландцами (саксонскаго племени), часто забываютъ о прежнемъ совершенномъ различіи между ними, и воображаютъ, что Дугласы и Бокклью, которые сражались съ англійскими Эдуардами за свою независимость, были именно тѣ люди, у которыхъ пѣлись пѣсни Оссіана. Вовсе нѣтъ. Различіе между этими двумя племенами стало сглаживаться только послѣ страшныхъ событій 1745 года, когда за возстаніемъ горныхъ шотландцевъ послѣдовало кровавое мщеніе со стороны южныхъ шотландцевъ и англичанъ, и была уничтожена власть патріархальныхъ вождей, управлявшихъ до того времени кланами. До той поры, горные шотландцы не имѣли ничего общаго съ южными, — первые были очень близки къ ирландцамъ, вторые къ англичанамъ и по племени (горные были кельты, южные англо-саксы) и по языку (горные говорили кельтскимъ, южные англо-саксонскимъ нарѣчіемъ) и по вѣрѣ (горные были католики, южные—кальвинисты), и по нравамъ (горные находились въ патріархальномъ, южные уже въ цивилизованномъ бытѣ); словомъ, разница между племенемъ, которому принадлежали Эдинбургъ и Гласго, и племенемъ, которое скиталось по сѣвернымъ горамъ, была немногимъ меньше, нежели между сѣверо-американцами, которымъ принадлежатъ Нью-Йоркъ и Филадельфія и краснокожими дикарями, скитающимися на западныхъ границахъ Соединенныхъ Штатовъ.

пользу Претендента въ 1745 году, впродолженіе цѣлаго вѣка, всѣ важныя военныя предпріятія въ пользу Стюартовъ на Великобританскомъ островѣ совершались единственно горными шотландцами. Англичане послѣдующаго времени, воображавшіе горныхъ шотландцевъ подобными англичанамъ и южнымъ шотландцамъ въ тѣ времена, заключали, что горные кланы стояли за Стюартовъ по побужденію, подобному чувствамъ тогдашнихъ англійскихъ якобитовъ — по преданности дому Стюартовъ и по пылкому роялизму. Это совершенное заблужденіе. Одни и тѣ же лозунги имѣли совершенно различный смыслъ въ устахъ различныхъ племенъ, населявшихъ Британскіе острова. Мы уже видѣли, что якобитизмъ ирландцевъ не имѣлъ ничего общаго съ якобитизмомъ англичанъ. Якобитизмъ горныхъ шотландцевъ былъ совершенно различенъ и отъ англійскаго и отъ ирландскаго. Они вовсе не раздѣляли мнѣній англійскаго тори о незаконности возстаній на королевскую власть, — напротивъ, вся ихъ жизнь была непрерывнымъ возстаніемъ противъ Стюартовъ: они грабили области, сражались съ войсками Карла I и Іакова I, Карла II и Іакова II, и пока Іаковъ былъ на престолѣ, не думали слушаться его. Въ то время, когда онъ царствовалъ, многіе изъ вождей, которые потомъ избрали его имя предлогомъ для войны, были приговорены имъ къ смертной казни за мятежи, и были бы казнены его правительствомъ, еслибъ только попались ему въ руки. Конечно, такіе люди перешли на его сторону вовсе не по тѣмъ побужденіямъ, по какимъ защищалъ его англійскій тори. Съ другой стороны, они не могли, подобно ирландскому якобиту, жаловаться на угнетеніе со стороны англо-саксонскихъ шотландцевъ или англичанъ. Они не были фактически подчинены власти иноплеменниковъ; напротивъ, во всѣхъ мелкихъ пограничныхъ войнахъ съ англо-саксонскими жителями Южной Шотландіи, горные шотландцы не терпѣли, а наносили обиды и раззореніе — они грабили иноплеменниковъ, которые не отваживались приходить въ ихъ почти недоступную и независимую страну.

Истинное объясненіе той готовности, съ которою значительная часть горныхъ шотландцевъ бралась за оружіе по вызову якобитовъ, находится въ междоусобной враждѣ, раздѣлявшей горные кланы. Горная Шотландія составляла систему независимыхъ владѣній, подобную, въ уменьшенномъ размѣрѣ, системѣ государствъ Западной Европы. И въ Горной Шотландіи, какъ въ Европѣ, были свои войны, союзы, договоры, споры изъ-за областей и изъ-за политическаго преобладанія. Въ различные періоды, различныя племена достигали въ Горной Шотландіи могущества, внушавшаго общую боязнь и зависть другимъ племенамъ. Нѣкогда Макдональды

обладали въ Западной части Горной Шотландіи перевѣсомъ, подобнымъ тому, какой имѣлъ Габсбургскій домъ въ Европѣ; но подобно гегемоніи габсбургцевъ, миновалась гегемонія Макдональдовъ, и Камбелли стали въ своей странѣ тѣмъ, чѣмъ Бурбоны въ Европѣ. Параллель между этими послѣдними можетъ быть проведена и далѣе сходства по могуществу. Подобно тому, какъ Бурбонамъ, и Камбеллямъ приписывалась особенная ловкость въ веденіи дѣлъ, особенная обходительность, особенное вѣроломство: «милъ и фальшивъ, какъ Камбелль»—обратилось въ поговорку. Макъ-Каллумъ-Моры (таково было родовое гаэльское названіе династіи, носившей въ южно-шотландской аристократіи титулъ графовъ Арджайлей, и княжившей надъ племенемъ Камбеллей) съ напряженнымъ и нестѣснявшимися договорами властолюбіемъ захватывали скалу за скалою и островъ за островомъ; многія племена были ими прогнаны съ наслѣдственныхъ земель, другія принуждены платить дань, третьи насильственно обращены въ членовъ племени Камбеллей. Наконецъ, число воиновъ этого клана было такъ велико, что могло одолѣть соединенныя силы всѣхъ другихъ западныхъ клановъ. Въ междоусобныя шотландско-англійскія войны временъ Карла I это могущество достигло апогея. Маркизъ Арджайль, вождь горно-шотландскаго племени, былъ съ тѣмъ вмѣстѣ главою партіи, противной Карлу I въ Эдинбургскомъ Парламентѣ. Одно изъ этихъ могуществъ поддерживалось и возвышалось другимъ. То, что онъ выводилъ на поле битвы пять тысячъ полуязыческихъ воиновъ своего клана, увеличивало его силу между суровыми пресвитеріанцами Эдинбурга. Его сила въ Эдинбургѣ увеличивала могущество его имени въ горахъ. Тогда-то роялистъ Монтрозъ воззвалъ къ оружію племена, угнетенныя Камбеллями; составился обширный союзъ клановъ, по имени въ защиту Карла I, на дѣлѣ — противъ Макъ-Каллумъ-Мора; и если бы Макъ-Каллумъ-Моръ былъ не противъ, а за Карла, то его сосѣди приняли бы сторону Долгаго Парламента. Ненависть къ Камбеллямъ продолжалась и во время воцаренія Вильгельма. Въ 1675 году составился противъ нихъ новый союзъ, но былъ побѣжденъ; когда въ 1686 г. вождь Камбеллей былъ казненъ Іаковомъ II, Макдональды и другія племена, бывшія въ угнетеніи у Камбеллей, радовались его казни и жестокому мщенію, постигшему его кланъ. Съ воцареніемъ Вильгельма, сынъ казненнаго Арджайля возвратился на родину, изъ которой былъ изгнанъ Іаковомъ. Онъ былъ сильнымъ человѣкомъ въ партіи, торжествовавшей въ Англіи и Южной Шотландіи, и при помощи этого могущества (такъ ожидали его враги въ Горной Шотландіи) возвратитъ все прежнее господство своему клану, обратитъ въ своихъ дан-

никовъ племена, покоренныя его предками и сбросившія это подданство послѣ казни его отца; онъ потребуетъ съ нихъ новой дани и уплаты дани за прежніе годы, когда они жили свергнувъ съ себя иго Камбеллей; онъ жестоко отмститъ за всѣ обиды и оскорбленія, какія терпѣлъ его кланъ въ годы послѣ казни его отца. Ужасъ и волненіе распространилось по областямъ двадцати князьковъ, бывшихъ нѣкогда данниками Арджайля, — Стьюарды Аппинскіе, Макнагтены, Маклеаны, Камероны, Макдональды, всѣ должны были трепетать; всѣ готовы были на союзъ противъ Камбеллей.

Былъ и человѣкъ, способный стать главою союза: вождь клана Камероновъ, сэръ Юанъ Камеронъ Лохіэль, имѣвшій прозвище «Черный», по личнымъ достоинствамъ стоялъ много выше всѣхъ горно-шотландскихъ князьковъ своего времени. Онъ былъ привѣтливымъ владыкою, вѣрнымъ союзникомъ, страшнымъ врагомъ. Его наружность была чрезвычайно благородна. Люди, видѣвшіе Версаль, находили между Лохіэлемъ и Людовикомъ XIV поразительное сходство,—дѣйствительно, сходство въ лицѣ было, разница состояла въ томъ, что Лохіэль, человѣкъ богатырскаго сложенія, далеко превосходилъ ростомъ Людовика, который и на своихъ огромныхъ каблучкахъ не казался высокимъ. Въ искусствѣ владѣть оружіемъ Лохіэль мало имѣлъ соперниковъ между горцами. Много разъ побѣждалъ онъ врага въ одиночномъ бою. Онъ славился, какъ охотникъ; и послѣдній изъ волковъ, остававшихся на Великобританскомъ островѣ только уже въ горахъ Шотландіи, убитъ былъ его рукою. По уму, онъ былъ замѣчателенъ не менѣе, нежели по физической величественности и силѣ, — конечно, онъ показался бы невѣждою оксфордскому педанту или лондонскому модно-образованному болтуну; но онъ былъ мудръ въ совѣтѣ, краснорѣчивъ въ преніи, изобрѣтателенъ на глубоко разсчитанные планы и опытенъ въ управленіи умами людей. Потому многіе, презиравшіе всѣхъ горскихъ князьковъ, уважали его. Даже въ голландскомъ посольствѣ въ Лондонѣ о немъ говорили, какъ о человѣкѣ рѣдкаго ума и мужества. Можно сказать, что портретъ этого замѣчательнаго князька написанъ за двѣ съ половиною тысячи лѣтъ до его рожденія,—онъ былъ Улиссъ Горной Шотландіи.

Онъ властвовалъ въ обширной области, гдѣ народъ не зналъ царя, кромѣ него. Но онъ, какъ вассалъ династіи Арджайлей, обязанъ былъ помогать имъ въ войнахъ и много задолжалъ имъ въ дани за прежніе годы. Въ дѣтствѣ, онъ воспитывался при Дворѣ Арджайлей, — но въ восьмнадцать лѣтъ убѣжалъ отъ своихъ владыкъ-враговъ и храбро сражался за Карла I и Карла II, потому англичане

думали видѣть въ немъ роялиста, и онъ былъ любезно принятъ при Дворѣ Карла II, хотя англичанинъ обидѣлся бы любезною шуткою, которою однажды встрѣтилъ его Карлъ: «Берегите ваши карманы, милорды,—вскричалъ король, при входѣ Лохіэля:—вотъ идетъ князь воровъ». Это имя шло къ нему, но называть его роялистомъ было совершенною напраслиною. Однажды король послалъ своего шерифа для производства суда въ его области. Лохіэль пришелъ съ четырьмя стами вооруженныхъ горцевъ, и между тѣмъ какъ онъ почтительно говорилъ съ шерифомъ, его горцы начали драку, въ которой убиты были два человѣка, и испуганный шерифъ былъ радъ удалиться подъ почетнымъ конвоемъ Лохіэля. Такой человѣкъ конечно расхохотался бы надъ торійскими убѣжденіями о безграничномъ повиновеніи. Но его гордость мучилась отъ вассальнаго подчиненія Арджайлю; никто не выигралъ отъ низверженія власти Камбеллей столько, сколько онъ; никто не имѣлъ столько причинъ бояться возстановленія силы Арджайлей, какъ онъ, и потому онъ былъ заклятымъ врагомъ распоряженій Шотландскаго Конвента, въ которомъ господствовала партія Арджайля.

Еще ненавистнѣе, нежели Лохіэлю съ его Камеронами, были Камбелли и Арджайль Макдональдамъ, у которыхъ нѣкогда отняли Камбелли преобладаніе между горскими племенами. Макдональды считали себя наслѣдственными владыками въ горахъ и съ озлобленіемъ гнушались Камбеллями, своими угнетателями. Но могущество Камбеллей пало, и Макдональды могли возобновить войну съ своими восточными сосѣдами Макинтошами,—война эта, по преданію, началась еще въ тѣ времена, когда датскіе пираты грабили берега Шотландіи. Покровительствомъ Макинтошей пользовался приморскій городокъ Инвернессъ, колонія южныхъ шотландцевъ, черезъ которую доставлялись къ горцамъ заграничные товары. Малъ былъ этотъ городокъ и бѣденъ, сравнительно съ южно-шотландскими и особенно англійскими; прибытіе какого нибудь брига въ его портъ было рѣдкимъ событіемъ, и ратуша помѣщалась въ грязномъ домишкѣ, а лучшіе домы теперь показались бы лачугами, и окна ихъ въ дурную погоду закрывались ставнями, за отсутствіемъ стеколъ; но въ глазахъ горцевъ этотъ городокъ былъ чѣмъ то въ родѣ Вавилона и Тира. Только тутъ въ своей странѣ могъ видѣть горецъ поселеніе изъ 400 или 500 домовъ, съ двумя церквами; только тутъ онъ могъ восхищаться великолѣпіемъ лавочекъ съ ножами и ложками, съ оловянною посудою и пестрыми лентами. Завидны казались такія богатства Макдональдамъ, и постоянно хотѣлось имъ разграбить этотъ роскошный городъ. Въ союзѣ съ Макинтошами, Инвернессъ защищался отъ своихъ враговъ, изъ которыхъ страшнѣй-

шимъ былъ Колинъ Макдональдъ Кеппохъ, прекрасный образецъ истиннаго горскаго якобита. Вся жизнь Кеппоха прошла въ борьбѣ противъ власти короля. Много разъ требовалъ король отъ него покорности, напоминая объ обязанности подданнаго, но только смѣшилъ тѣмъ Кеппоха,—доводить его до крайности правительство не рѣшалось, и онъ долго самовольничалъ безнаказанно среди скалъ Корнаррика и Гленроя. Наконецъ онъ вывелъ изъ терпѣнія эдинбургскихъ министровъ Іакова; они издали королевскую грамоту, объявлявшую его бунтовщикомъ, и послали противъ него отрядъ войска, — онъ далъ ему битву, побѣдилъ его и убилъ начальника отряда, — это было за нѣсколько мѣсяцевъ до смутъ, низвергшихъ Іакова. Смуты междуцарствія освободили Кеппоха отъ всякаго страха, и онъ подступилъ подъ Инвернессъ,—погибель грозила городу; Кеппохъ хвастливо кричалъ подъ стѣною, что разграбитъ городъ; горожане, вооруженные, стояли на стѣнѣ, ожидая приступа, какъ внезапно явился примиритель.

Бѣжавъ изъ Эдинбурга, Донди удалился въ свое помѣстье въ той долинѣ, черезъ которую Гламисъ точетъ къ древнему замку Макбета, и спокойно жилъ тамъ нѣсколько времени, честью увѣряя, что не имѣетъ никакихъ злыхъ умысловъ. Быть можетъ, онъ дѣйствительно не рѣшился бы на отчаянныя средства, еслибы случай, въ которомъ не былъ онъ виноватъ, не сдѣлалъ его враговъ непримиримыми, и не отнялъ у него надежды на спокойствіе. Былъ схваченъ эмиссаръ Іакова съ письмами изъ Ирландіи къ Донди и Болькэррэсу, написанными рукою Мельфорта, и достойными этого всѣми ненавидимаго ренегата. Онъ съ восторгомъ возвѣщалъ о близкомъ часѣ мщенія. Король, говорилъ онъ, рѣшился быть строгимъ. Опытъ убѣдилъ его, что милосердіе было бы слабостью. Помѣстья измѣнниковъ будутъ розданы вѣрнымъ, а люди, нынѣ богатые, будутъ нищими изгнанниками. Даже якобиты вознегодовали, и старались объяснить письма эти коварнымъ желаніемъ Мельфорта погубить Донди и Болькэррэса, которыхъ онъ не любилъ, — онъ, говорили они, нарочно послалъ эмиссара съ тѣмъ, чтобы эмиссаръ былъ схваченъ. Но по обнародованіи этихъ писемъ Мельфортъ остался въ прежней милости у Іакова, значитъ, онъ вѣрно передавалъ его мысли. Гамильтонъ, которому Конвентъ, расходясь, поручилъ администрацію королевства до учрежденія правительства, приказалъ арестовать Донди и Болькэррэса. Болькэррэсъ былъ въ Эдинбургѣ,—его арестовали. Но Донди успѣлъ скрыться, и по утру перваго мая, съ небольшимъ числомъ вооруженныхъ всадниковъ, прибылъ въ станъ Кеппоха при Инвернессѣ. Ему необходимо было искать себѣ спасенія; его изобрѣтательный умъ остановился на

мысли, что если онъ успѣетъ образовать большой союзъ клановъ, то, располагая 10,000 или 12,000 смѣлыхъ воиновъ, можетъ не только спастись отъ преслѣдованія, но и сдѣлаться господиномъ Южной Шотландіи.

Кеппохъ не слишкомъ уважалъ повелѣнія Іакова и тогда, когда Іаковъ былъ королемъ. Но онъ ненавидѣлъ Арджайля и Камбеллей всею ненавистью Макдональда, и съ радостью поднялъ знамя, враждебное Арджайлю. Донди взялъ на себя переговоры съ Инвернессомъ. Городъ согласился заплатить 2,000 талеровъ, — такая сумма была бы ничтожна по англійскимъ понятіямъ, но вѣроятно превышала всѣ богатства Кеппоха. Послѣ того, Донди началъ мирить Кеппоха съ Макинтошами, но Макинтоши, отдѣленные отъ Камбеллей Макдональдами, меньше ненавидѣли ихъ, нежели Кеппоха, и согласились только оставаться нейтральными. Ихъ примѣру послѣдовали всѣ кланы, отдаленные отъ Камбеллей: Макферсоны, Фразеры, Гранты, Мунро, Маккэ, Маклеоды, — они не были прежде данниками Макъ-Каллумъ-Мора, не были должны ему, и не боялись возстановленія его могущества, потому и не было имъ нужды вступать въ союзъ противъ него, а заступаться собственно за Іакова ни у кого изъ нихъ не было охоты. Но вожди клановъ, сосѣднихъ съ Камбеллями, боявшіеся и ненавидѣвшіе Макъ-Каллумъ-Мора, съ готовностью приняли вызовъ Донди, и обѣщали собраться къ нему съ своими воинами 18-го мая въ Лохаберъ, въ области Камерона Лохіэля. Донди разъѣзжалъ по горскимъ племенамъ, возбуждалъ ихъ къ возстанію, быстро разносились изъ дома въ домъ кресты съ обожженными концами, символы поголовнаго вооруженія; и когда пріѣхалъ Донди въ Лохаберъ, Лохіэль въ своемъ дворцѣ принималъ многочисленныхъ союзниковъ. На сборный пунктъ явились съ своими кланами: Макнагтенъ-Макнагтенъ, Стюардъ-Аппинъ, Макдональдъ-Кеппохъ, Макдональдъ-Кланрональдъ, Макдональдъ-Гленко, Макдональдъ-Гленгарри, славившійся привѣтливостью и привязанностью къ старинной простотѣ жизни, но теперь блиставшій въ стальной кирасѣ и шитомъ золотомъ плащѣ, съ 400 воиновъ; черезъ нѣсколько времени прибыли могущественные вожди: Макдональдъ-Слеатъ съ 700 воиновъ, Маклеанъ-Дьюартъ съ 500 воиновъ, и Маклеанъ-Лохбью; самъ Лохіэль собралъ 600 воиновъ. Всѣ они имѣли причины бояться и ненавидѣть Макъ-Каллумъ-Мора, и еслибъ истинныя побужденія ихъ союза понимались эдинбургскимъ правительствомъ, эти вожди могли бы легко быть убѣждены спокойно разъѣхаться по домамъ. Вѣрныя средства къ тому предлагалъ Мельвиллю виконтъ Тэрбетъ, изъ горскаго княжескаго рода Макензи, хорошо знавшій духъ горцевъ. «Гаэлы не имѣютъ охоты

вступаться собственно за Іакова, писалъ онъ государственному секретарю: — имъ дѣла нѣтъ до вигизма и торизма; тѣ кланы, которые не были данниками Камбеллей, не поднимутъ оружія. Если убѣдить Камероновъ, Макдональдовъ и Маклеановъ, что ихъ жизнь и владѣнія будутъ безопасны при новомъ правительствѣ, если Макъ-Каллумъ-Моръ сдѣлаетъ имъ нѣкоторыя уступки, а король возьметъ на себя уплату ихъ долговъ ему, то всѣ отстанутъ отъ Донди.» Пяти тысячъ фунтовъ будетъ довольно для успокоенія всѣхъ горскихъ князьковъ, говорилъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта сумма, ничтожная по размѣрамъ англійскихъ богатствъ, едва равнявшаяся годовому жалованью второстепеннаго англійскаго сановника, казалась безмѣрною полудикому князьку, который, хотя владычествовалъ надъ сотнями квадратныхъ миль, и выводилъ въ поле сотни воиновъ, вѣроятно никогда не имѣлъ въ своемъ сундукѣ пятидесяти гиней.

Эдинбургское правительство не пренебрегло этимъ совѣтомъ. Но выборъ агента для переговоровъ обнаружилъ его незнаніе горскихъ дѣлъ: агентомъ выбрали человѣка изъ клана Камбеллей, — это необходимо показалось оскорбленіемъ и знакомъ коварства для людей, возстававшихъ на Вильгельма только за то, что его сторону держали Камбелли. Напрасно было послѣ того Тарбету и Маккэ писать къ Лохіэлю и Гленгарри: Лохіэль не отвѣчалъ, а Гленгарри совѣтовалъ Маккэ послѣдовать примѣру Монка, возстановившаго династію Стюартовъ.

Маккэ пошелъ противъ инсургентовъ, — но напрасно измучились его солдаты, пробираясь по чрезвычайно труднымъ горнымъ дорогамъ: регулярное войско не могло ни нагнать, ни принудить къ битвѣ туземцевъ. Черезъ мѣсяцъ Маккэ убѣдился, что безполезны всѣ эти страшно-тяжелые походы, и что единственное средство смирить горцевъ — построить по ихъ горамъ цѣпь укрѣпленій съ сильными гарнизонами. Начать это дѣло онъ полагалъ построеніемъ крѣпости въ Инверлохѣ, въ глубинѣ залива, на громадной прибрежной скалѣ, гдѣ стояли развалины древняго замка, и откуда гарнизонъ въ одно время грозилъ бы Макдональдамъ, Камеронамъ и Маклеанамъ.

Между тѣмъ, Донди долженъ былъ бороться съ трудностями, не менѣе значительными. Горцы были отчаянно храбры въ битвѣ, когда въ битвѣ каждый кланъ шелъ за своимъ племеннымъ вождемъ, и безусловное повиновеніе оказывалось каждымъ воиномъ этому вождю. Но вожди клановъ не могли подчиняться другъ другу; каждый изъ нихъ привыкъ считать себя княземъ, не имѣющимъ на землѣ никого старшаго надъ собою, и при малѣйшемъ оскорбленіи, союзники готовы были рѣзаться. Скорѣе иноземца, нежели другъ

друга, могли они слушаться. Такъ они соединились нѣкогда по призыву Монтроза, такъ соединились теперь по призыву Донди,—безъ иноземца, невозможно было бы и общее веденіе войны нѣсколькими кланами. Но иноземцу также не уступали они надъ собою ни малѣйшей власти: Макдональдъ-Кеппохъ или Маклеанъ-Дьюартъ бросился бы съ мечемъ на полководца, который вздумалъ бы арестовать его, или хотя бы сдѣлать ему выговоръ, и весь его кланъ бросился бы вслѣдъ за нимъ на оскорбителя своего вождя. Донди могъ только упрашивать ихъ, покупать ихъ согласіе на свои планы лестью и подарками, и никакая человѣческая сила или ловкость не могла удержать между ними единодушія хотя на полгода. Онъ скорѣе былъ президентъ конгресса независимыхъ князей, нежели полководецъ. Ежеминутно онъ долженъ былъ мирить одного изъ нихъ съ другимъ, и каждое усиліе къ примиренію возбуждало противъ него досаду въ томъ, который считалъ себя обиженнымъ. Ежедневно онъ могъ ожидать вѣсти, что центральная колонна его арміи аттаковала колонну лѣваго или праваго крыла, обидѣвшись неуваженіемъ того вождя къ ея вождю, споромъ одного изъ тѣхъ горцевъ съ однимъ изъ своихъ горцевъ о томъ, который кланъ благороднѣе, или вспомнивъ объ обидѣ, нанесенной двѣсти лѣтъ тому назадъ. Армія Донди была нѣчто въ родѣ воинства Агамемнонова: нынѣ заперся въ своей палаткѣ разгнѣванный Ахиллесъ, грозя, что удалится съ своими воинами; на слѣдующій день бѣшено бѣгаетъ по лагерю Аяксъ, грозя послать въ Аидъ Улисса.

Потому-то, хотя шотландскіе горцы часто совершали въ XVII вѣкѣ удивительные подвиги, но эти подвиги оставались безъ всякихъ послѣдствій. Изумительныя побѣды влекли за собою слѣдствія, бывающія только послѣ пораженій — черезъ двѣ-три недѣли послѣ торжества, побѣдители бывали во власти побѣжденныхъ. Монтрозъ, быстро шедшій отъ побѣды къ побѣдѣ, внезапно остался безъ войска: Гордоны бросили его, вообразивъ, что онъ предпочитаетъ имъ Макдональдовъ; Макдональды ушли отъ него грабить Камбеллей. Армія, располагавшая судьбою королевства, исчезла послѣ славныхъ побѣдъ при Типпермуйрѣ и Кильситѣ. Еслибъ Донди прожилъ еще три-четыре мѣсяца, и съ нимъ было бы тоже. Да и съ самого начала, ему были уже невыносимы свирѣпыя привычки горцевъ. Онъ былъ страшно жестокъ, — но жестокъ только по выгодѣ и разсчету, а не безъ нужды. Ему хотѣлось склонить къ союзу племена, оставшіяся нейтральными, — ихъ нужно было щадить. Но это было нужно для выгодъ Іакова, а какое дѣло было до выгодъ Іакова дикимъ грабителямъ, спѣшившимся къ нему только для добычи и мщенія за старыя обиды? Особенно Кеппохъ, ненавидѣвшій Ма-

кинтошей больше, нежели любившій Іакова, грабилъ и жегъ все въ области ихъ. «Нѣтъ, лучше бы быть солдатомъ въ порядочномъ полку, нежели полководцемъ шайки воровъ!» говорилъ Донди при видѣ горѣвшихъ жилищъ. Но объ удержаніи Кеппоха не могло быть и рѣчи: много было ужь и того, что Кеппохъ благоволилъ объясняться съ нимъ о своихъ поступкахъ. Два небольшіе клана держали сторону Вильгельма: кланъ Маккэ, по родству съ генераломъ Вильгельма, и Гранты, по дружбѣ съ кланомъ Маккэ. Земли Грантовъ были раззоряемы Камеронами, и произошла сшибка, въ которой между Грантами убили Камерона Макдональда изъ племени Гленгарри, который, долго живши между Грантами, отсталъ отъ другихъ Гленгарри. Хотя онъ совершилъ по горскимъ понятіямъ величайшее преступленіе, измѣнивъ своему роду, но все-таки Гленгарри требовали мщенія за него Лохіэлю и всему клану Камероновъ. Донди отвѣчалъ, что убитый былъ измѣнникъ, что въ битвѣ подвергается смерти каждый врагъ, безъ разбора имени, что одна половина арміи должна перерѣзать другую, чтобы коснуться хотя пальцемъ Лохіэля — все напрасно; наконецъ, онъ говорилъ, что у Лохіэля вдвое больше воиновъ, нежели у Гленгарри, и потому Гленгарри погубитъ себя, если нападетъ на него.—«Нужды нѣтъ, кричалъ вождь Гленгарри: — одинъ Гленгарри стоитъ двухъ Камероновъ». Но Лохіэль былъ выше другихъ горцевъ, — онъ понималъ вредъ междоусобія, за свою испытанную славу мужества онъ не опасался, и извинился передъ вождемъ Гленгарри. Тѣмъ уладилось дѣло.

Видя ненадежность горцевъ, Донди просилъ Іакова прислать ему изъ Ирландіи шесть тысячъ, пять тысячъ, четыре тысячи войска,— Іаковъ обѣщалъ, но медлилъ, а между тѣмъ въ Ирландіи у него было излишнее войско, и въ Шотландіи рѣшалась его судьба. Наконецъ, черезъ два мѣсяца прислалъ три тысячи самыхъ худшихъ солдатъ, которые могли только вредить Донди, подъ командою Кэннона, человѣка совершенно неспособнаго, но долженствовавшаго занимать въ командѣ арміею первое мѣсто послѣ Донди.

А этимъ временемъ, пока ждалъ помощи Донди, надобно было бы воспользоваться. Изнуреніе солдатъ отъ ужасныхъ горныхъ походовъ заставило Маккэ отступить въ Южную Шотландію, и эдинбургское правительство было въ затрудненія, увидѣвъ, что ошиблось въ своихъ разсчетахъ. Оно надѣялось, что Камбелли выведутъ въ поле силу, равную силѣ всѣхъ возставшихъ клановъ, и что пресвитеріане съ энтузіазмомъ возьмутся за оружіе противъ якобитовъ и палача своего Донди. Но Арджайль нашелъ свой кланъ обезоруженнымъ послѣ возстанія противъ Іакова, за которое былъ казненъ его отецъ. Пуритане, правда, ненавидѣли якобитовъ и Донди: въ

каждой деревушкѣ оставилъ онъ слѣды своей свирѣпости. Они помнили хорошо, какъ его драгуны входили въ домикъ поселянина, изрыгая проклятія, — съ бѣшенствомъ на него, — шутя, другъ на друга; какъ они стаскивали съ кровати его восьмидесятилѣтнюю бабушку и грубо нѣжничали съ его дочерью; какъ они заставляли его подписать отреченіе отъ вѣры, какъ онъ, сложивъ крестомъ руки, сказалъ: «да будетъ воля твоя, Господи»; какъ полковникъ позвалъ солдатъ съ заряженными ружьями, и какъ черезъ три минуты поселянинъ плавалъ въ крови у своего порога. Мѣсто этого страдальца еще оставлялось за столомъ незанято, въ честь его, и каждый ребенокъ еще могъ указать его зеленѣющую могилу. Они называли своего мучителя «сыномъ діавола», и не въ фигуральномъ, а въ собственномъ смыслѣ, вѣря, что онъ одинъ изъ тѣхъ беззаконниковъ, которые продаютъ свою душу врагу рода человѣческаго, что Донди дѣйствительно продалъ себя сатанѣ, который охраняетъ его, чтобы исполнилась на землѣ мѣра грѣховъ его. Но, какъ ни велика была ихъ ненависть къ Донди, они сомнѣвались, не грѣшное ли дѣло сражаться за Вильгельма, покровительствующаго англиканцамъ, защищающаго папистовъ, хранящаго отъ праведнаго мщенія беззаконныхъ слугъ Іакова, и служить подъ начальствомъ Маккэ, ревность котораго къ пуританству сомнительна. Назначено было ими общее совѣщаніе о томъ въ Дугласѣ; пренія были жарки, и большинство рѣшило, что служить людямъ, защищающимъ грѣшниковъ и враговъ Божіихъ—грѣшное дѣло; но значительное меньшинство не согласилось; изъ него составился пѣхотный полкъ, и полковникомъ былъ выбранъ Клилэндъ, жаждавшій излить кровь беззаконника, губившаго праведныхъ. Полкъ этотъ имѣлъ тотъ самый духъ, который нѣкогда владычествовалъ въ арміи Кромвелля. Первымъ дѣломъ этихъ строгихъ пуританъ было просить Парламентъ, чтобъ назначены были тяжелыя наказанія за пьянство и проступки противъ нравственности. Ихъ собственное поведеніе было безупречно. Они молились и укрѣплялись духомъ. Когда перечитываешь «Поученія» ихъ проповѣдника, знаменитаго Шильдса, кажется, что фанатизмъ не можетъ достигать болѣе жаркой энергіи, нежели у него. У него, первою обязанностью правителя выходитъ—предавать смерти всѣхъ иновѣрцевъ, а первою обязанностью каждаго человѣка — предать смерти иновѣрнаго правителя. Но то пуританское большинство, которое не считало позволительнымъ служить Вильгельму, находило, что этотъ человѣкъ имѣетъ не довольно усердія къ истинѣ, обвиняли его въ отступничествѣ, и осуждали каждаго взявшагося за оружіе, какъ «мужа, вшедшаго въ совѣтъ нечестивыхъ».

Между тѣмъ, сдалась эдинбургская цитадель, державшаяся болѣе двухъ мѣсяцевъ. Ее держали въ блокадѣ, но вражды не было ни съ той, ни съ другой стороны. Гордонъ, боясь наказанія, не осмѣливался стрѣлять по городу; а эдинбургское правительство смотрѣло сквозь пальцы на слабость блокады, такъ что городскіе якобиты имѣли сношенія съ Гордономъ. Странные анекдоты разсказываются о взаимной вѣжливости осаждающихъ и осажденныхъ. Однажды Гордонъ прислалъ извѣстить городское начальство, что онъ будетъ стрѣлять изъ пушекъ къ празднованіе добрыхъ извѣстій, полученныхъ имъ изъ Ирландіи, но чтобы городъ не безпокоился, потому что выстрѣлы будутъ холостые. Въ другой разъ выставленъ былъ бѣлый флагъ въ знакъ перемирія, и Гордонъ важно объяснилъ врагу, что гарнизонъ его въ клочки доигралъ всѣ свои карты, и онъ покорнѣйше проситъ снабдить его нѣсколькими колодами. Переодѣтые агенты якобитовъ часто пробирались въ цитадель съ письмами и свѣжею провизіею, и тогда дѣлали съ одного изъ люнетовъ цитадели холостой выстрѣлъ, для извѣщенія друзей о его счастливомъ прибытіи. Но наконецъ запасы провіанта истощились, и гарнизонъ сдался на самыхъ почетныхъ условіяхъ.

Въ Парламентѣ (такъ назвался Конвентъ послѣ коронаціи Вильгельма и пріѣзда назначенныхъ имъ министровъ) правительство имѣло гораздо болѣе дѣятельныхъ враговъ, нежели въ цитадели. Во время парламентскихъ вакансій, Монтгомери умѣлъ соединить въ своемъ клубѣ всѣхъ недовольныхъ вигистскихъ членовъ и овладѣть большинствомъ. Они такъ надѣялись на свою силу, что предложили Парламенту рѣшить, чтобы государственныхъ должностей не могли занимать лица, служившія Іакову, — цѣлью этого предложенія было отнять участіе въ управленіи у Дольримплей, ненавистныхъ крайнимъ вигамъ; потомъ, чтобы на всѣ судейскія мѣста правительство назначало не иначе, какъ одного изъ двухъ или трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ Парламентомъ, — этотъ билль также былъ направленъ противъ Дольримплей, и Парламентъ также принялъ его. Потомъ Парламентъ рѣшилъ опять, по предложенію Клуба Монтгомери, что не утвердитъ государственнаго бюджета, пока эти законы не будутъ утверждены королевскою властью. Но доходы Шотландіи едва составляли одну двадцать—пятую часть доходовъ Англіи, и Вильгельмъ, не слишкомъ затрудняясь неутвержденіемъ шотландскаго бюджета Парламентомъ, не утверждалъ его законовъ, которые считалъ вредными для государства.

Въ іюнѣ, война въ Горной Шотландіи прекратилась отступленіемъ изнемогшихъ войскъ Маккэ, — въ концѣ іюля она снова вспыхнула по случаю распри, небывалой между горцами. Маркизъ

Этоль, предводитель шотландскихъ тори, былъ, подобно Гамильтону, соперникомъ котораго выставили его тори при выборѣ президента въ Конвентѣ, человѣкъ малодушнаго характера, обязанный своимъ значеніемъ только огромности своихъ владѣній. Помѣстья Гамильтона находились въ Южной Шотландіи; Этоль былъ вождемъ клана Этолей: у него было болѣе воиновъ, нежели у всѣхъ Макдональдовъ и Маклеановъ вмѣстѣ, — но этотъ обширный кланъ былъ обреченъ теперь на ничтожество ничтожностью своего вождя. Изъ робости, много разъ переходилъ онъ отъ якобитовъ къ вильгельмитамъ, отъ вильгельмитовъ къ якобитамъ, и видя наконецъ общее недовѣріе къ себѣ, онъ совершенно струсилъ и уѣхалъ въ Батъ, говоря, что ему нужно лечиться водами. Кланъ его, оставшись безъ вождя среди враждующихъ партій, раздѣлился на партіи. Большинство наклонно было стать за Іакова, потому что Этоли наносили обиды Камбеллямъ послѣ казни Арджайля и боялись его сына. Но старшій сынъ маркиза Этоля, графъ Муррэ, былъ женатъ на дочери Гамильтона, и когда уѣхалъ отецъ, сталъ призывать кланъ вооружиться за Вильгельма, сторону котораго держалъ его тесть. Напротивъ, Стюартъ Балленахъ, намѣстникъ маркиза, объявилъ себя за Іакова. Такая распря между членами одного клана было дѣломъ неслыханнымъ въ Шотландіи. Важнѣйшимъ укрѣпленіемъ въ области Этолей былъ Блэръ-Кэстль. Въ пяти миляхъ отъ этого замка, мѣстность, стѣсняясь горами, образуетъ знаменитую ложбину Килликранки, нынѣ любимую туристами и живописцами, тогда наводившую ужасъ на сосѣдній округъ Южной Шотландіи; — она была опаснѣйшимъ изъ тѣхъ путей, которыми горцы вторгались въ южныя страны для грабежа. Единственная дорожка, проложенная по ней, была узка и изрыта неровностями, — два человѣка едва могли итти по ней рядомъ; въ иныхъ мѣстахъ, она идетъ такъ близко къ краю пропасти, что легко было оступиться, отъ головокруженія. Мѣстность близь этого ущелья стала теперь театромъ войны между воинами одного и того же клана. Балленахъ занималъ Блэръ-Кэстль; Муррэ съ 1,200 воинами осадилъ замокъ. Осажденные послали за помощью въ Лохаберъ, къ Донди; Муррэ — въ Эдинбургъ. И Маккэ и Донди понимали важность дѣла: кто будетъ обладать Блэръ-Кэстлемъ, тотъ будетъ владыкою Этолей, а Этоли дадутъ 2,000 воиновъ той сторонѣ, къ которой присоединятся. Маккэ, войска котораго стояли квартирами въ большихъ разстояніяхъ, успѣлъ собрать три свои старые голландскіе полка, англійскій пѣхотный полкъ Гастингса и два полка конницы, всего до 3,000 человѣкъ, и поспѣшилъ на помощь Муррэ. — Донди также послалъ извѣстить всѣ союзные кланы, чтобы они спѣшили со-

браться, и кресты съ обожженными концами снова переносились изъ дома въ домъ. Но призывъ былъ неожиданъ, срокъ малъ, и горцы собрались менѣе, нежели въ числѣ трехъ тысячъ. На дорогѣ присоединился къ нему отрядъ, только что присланный изъ Ирландіи Іаковомъ, — числомъ болѣе 3,000 человѣкъ, но негодныхъ къ битвѣ и съ дурными офицерами. «Лучше было бы вовсе не присылать такихъ войскъ», говорилъ Донди, взглянувъ на нихъ. Пока Донди съ одной стороны, Маккэ съ другой, приближались къ Блэръ-Кэстлю, Муррэ былъ оставленъ почти всѣми своими воинами, — старая вражда къ Камбеллямъ и изъ-за нихъ къ Вильгельму заговорила въ нихъ вмѣстѣ съ отвращеніемъ сражаться противъ намѣстника своего вождя. Почти всѣ разошлись по домамъ; у Муррэ осталось всего человѣкъ триста, — услышавъ о приближеніи Донди, онъ долженъ былъ снять осаду и удалился въ ущелье Килликранки, гдѣ нашелъ 200 солдатъ, посланныхъ на помощь ему отъ Маккэ. 27 іюля Донди вступилъ въ Блэръ-Кэстль и услышалъ, что армія Маккэ уже вошла въ Килликранки. Онъ собралъ военный совѣтъ. Ирландскіе офицеры не хотѣли вступать въ битву. Горскіе вожди были противнаго мнѣнія: «Сразитесь, милордъ, сказалъ Лохіэль съ обычною своею энергіею: — сразитесь немедленно, сразитесь, хотя бы насъ былъ одинъ противъ троихъ. Наши воины въ духѣ. Они боятся только того, чтобъ непріятель не ушелъ отъ нихъ. Дайте имъ волю, и будьте увѣрены, они погибнутъ или побѣдятъ. Но если вы остановите ихъ, удержите на оборонительной ногѣ, не отвѣчаю ни за что. Если намъ не сражаться, то лучше разойтись по домамъ». Донди повелъ ихъ на битву.

Непріятель тянулся уже на хребетъ скалъ. Всходъ по узкой и обрывистой тропинкѣ былъ труденъ: никогда не проѣзжало по ней колесо, такъ она была крута. Одинъ за однимъ тянулись его солдаты. Передовые были уже на верхней плоскости скалы, задніе еще въ долинѣ у подошвы горъ. Наконецъ, всѣ вошли на хребетъ, и увидѣли себя на небольшой равнинѣ. Правое крыло ихъ прикрывалось утесомъ, лѣвое примыкало къ рѣчкѣ Гарри, текущей по ущелью. Утомленные, они легли на траву отдохнуть и поѣсть. Рано къ вечеру, услышали они, что приближаются горцы. Они выстроились; скоро вышли на равнину горцы. Лохіэль сказалъ Донди, что горцы дерутся хорошо только по своему патріархальному порядку, когда каждый кланъ стоитъ особеннымъ отрядомъ. Такъ и построилъ ихъ Донди. Каждый кланъ сталъ особенною колонною. На правомъ флангѣ, у Гарри, были Маклеаны, потомъ ирландцы, далѣе Макдональды, потомъ Лохіэль съ Камеронами.

Донди зналъ, что по понятіямъ горцевъ полководецъ долженъ идти въ битву первымъ. Лохіэль, славившійся храбростью, понималъ, что не дѣло генерала вступать въ рукопашный бой, что понятія его соплеменниковъ могутъ быть пагубны для успѣха войны. Онъ понималъ, что только Донди держитъ вмѣстѣ различные кланы, что начальникъ ирландскаго отряда, Кэннонъ, неспособенъ замѣнить его. Онъ удерживалъ Донди. «Ваше дѣло, милордъ, управлять битвою, наше дѣло сражаться», говорилъ онъ. Донди отвѣчалъ, что много правды въ этихъ словахъ — «но, прибавилъ онъ, я долженъ пріобрѣсть уваженіе вашихъ воиновъ. Они привыкли, чтобы полководецъ бросался въ огонь битвы, — такъ я и сдѣлаю нынѣ. Честью клянусь вамъ, что въ слѣдующихъ сраженіяхъ буду больше беречь свою жизнь».

Шла перестрѣлка. Солдаты Маккэ стрѣляли лучше враговъ,—многіе изъ горцевъ падали; кланы рвались въ рукопашный бой. Солнце спустилось низко, когда Донди подалъ знакъ готовиться къ атакѣ,— горцы громко вскрикнули, — непріятель, вѣроятно утомленный походомъ, отвѣчалъ слабымъ крикомъ — «люди, которые такъ кричатъ, будутъ разбиты», сказалъ Лохіэль; онъ прошелъ по всѣмъ своимъ рядамъ, сказалъ нѣсколько словъ каждому Камерону, съ каждаго взялъ слово: побѣдить или умереть. Было семь часовъ вечера. Донди далъ сигналъ къ атакѣ. Горцы сбросили свои плэды, и долго помнили въ Лохаберѣ, какъ Лохіэль снялъ башмаки (вѣроятно, единственные въ его кланѣ) и пошелъ въ атаку съ босыми ногами, впереди своего клана. Горцы двинулись впередъ, стрѣляя; имъ отвѣчали убійственнымъ огнемъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ врага, они вдругъ отбросили ружья, выхватили мечи и бросились съ страшнымъ воплемъ. Не успѣли южно-шотландцы надѣть штыки на свои ружья (тогда штыкъ снимался во время стрѣльбы), какъ Макдональды, Маклеаны и Камероны ворвались уже въ ихъ ряды. Въ двѣ минуты была рѣшена битва: ужаснымъ натискомъ въ мигъ была снята армія Маккэ, напрасны были усилія офицеровъ—братъ Маккэ былъ убитъ, племянникъ его получилъ восемь ранъ, останавливая бѣгущихъ солдатъ. Маккэ съ однимъ солдатомъ пробился сквозь всѣ ряды враговъ, на холмъ, съ котораго видно было цѣлое поле битвы — всѣ полки его бѣжали, кромѣ Гастингсова. Съ нимъ онъ отступилъ за рѣчку Барри, гдѣ успѣлъ собрать нѣсколько сотъ человѣкъ, и поспѣшно отступилъ въ Южную Шотландію, не понимая, почему его не преслѣдуютъ побѣдители. Не преслѣдовали они потому, что бросились грабить обозъ его, и некому уже было направлять ихъ: Донди, впереди своихъ рядовъ пошедшій въ атаку, былъ пораженъ пулею въ тотъ мигъ, когда полуобернувшись къ

своимъ и размахивая шляпою, кричалъ имъ: впередъ, впередъ! — Подлѣ него въ этотъ мигъ случился нѣкто Джонстонъ, одинъ изъ тѣхъ, съ которыми пришелъ онъ въ горы. Джонстонъ поддержалъ его, падающаго.—«Какъ идетъ дѣло?» спросилъ Донди.— «Побѣждаетъ король Іаковъ, но мнѣ жаль васъ, милордъ», сказалъ Джонстонъ. — «Если онъ побѣждаетъ, обо мнѣ нечего горевать,» произнесъ умирающій.

Напротивъ, Іаковъ, больше потерялъ смертью Донди, нежели выигралъ побѣдою. Маккэ не зналъ объ этой смерти, и ожидалъ страшнаго вторженія въ Южную Шотландію, вся Южная Шотландія трепетала, и поспѣшно были разосланы повсюду гонцы за войсками, — черезъ недѣлю боялись видѣть горцевъ уже въ Эдинбургѣ, — но когда вслѣдъ за вѣстью о побѣдѣ Донди разнеслась вѣсть о его смерти, весь страхъ разсѣялся: «я могу сообщить вамъ хорошее извѣстіе, сказалъ Гамильтонъ, отсрочивая Парламентъ: — Донди убитъ, слѣдовательно, въ сущности, дѣло горцевъ проиграно.»

Горцы, послѣ побѣды, воротились въ Блэръ-Кэстль. Битва была славна, и до сихъ поръ ею гордятся шотландцы, забывшіе, что при Киллparticularкранки побѣдило племя, чуждое и враждебное ихъ предкамъ, а воины Маккэ, позорно бѣжавшіе, были настоящіе соплеменники нынѣшнихъ шотландцевъ. Только горцы могли бы справедливо гордиться почти безпримѣрнымъ торжествомъ иррегулярнаго войска надъ регулярнымъ, превосходившимъ его въ числѣ. Но они, какъ всегда, не умѣли воспользоваться побѣдою, — и Донди вѣроятно не могъ бы достичь никакихъ рѣшительныхъ результатовъ, какъ не могъ достичь ихъ Монтрозъ, а теперь, съ смертью Донди, при совершенной неспособности Кэннона, его преемника, все было потеряно. Правда, число инсургентовъ удвоилось: Макферсоны, Маккуарсоны, Робертсоны, Фразеры, Этоли присоединились къ побѣдителямъ. Но каждый новый кланъ вносилъ въ армію новыя причины раздоровъ. Одинъ отрядъ ея безпечно двинулся грабить Южную Шотландію, будто воображая, что она уже покорена, — но Маккэ встрѣтилъ его на границѣ и прогналъ назадъ, — и эта небольшая схватка, бывшая черезъ четыре дня послѣ страшнаго пораженія, совершенно изгладила слѣды его, — ужасъ, наведенный на Шотландію горцами, исчезъ также внезапно, какъ и возникъ. Втеченіе трехъ дней говорили, что горцы непобѣдимы, теперь снова какъ прежде, говорили, что побѣда ихъ была дѣломъ случая, исключеніемъ, а вообще они всегда будутъ разбиты регулярными войсками.

Кэннонъ оскорбилъ горскихъ вождей, говорившихъ, что славная побѣда одержана исключительно ими, безъ участія ирландцевъ:

онъ пригласилъ ирландскихъ офицеровъ на совѣтъ о томъ, какъ надобно продолжать войну. Лохіэль, отъ имени всѣхъ горцевъ, утверждалъ, что надобно идти на Маккэ, и снова разбить его. Для горцевъ необходима смѣлость и быстрота, говорилъ онъ, иначе они соскучатся бездѣйствіемъ и разойдутся. Но ирландцы были противъ смѣлыхъ дѣйствій и съ ними согласился Кэннонъ. Надежда на успѣхъ покинула Лохіэля, гордость его была оскорблена; онъ удалился въ Лохаберъ; вслѣдъ за нимъ разбрелись и воины его клана. Потомъ удалился и сильный кланъ Макдональдовъ—Слитовъ.

Кэннонъ сдѣлалъ послѣднюю попытку возвратить энтузіазмъ горцамъ. Въ Донкельдѣ, близь области Этолей, стоялъ полкъ, составившійся изъ пуританъ. 21 августа, онъ напалъ на него съ войскомъ, гораздо болѣе многочисленнымъ, нежели какое было при Килликранки. Пуритане защищались съ дивнымъ геройствомъ, и отбили всѣ приступы къ дому, въ которомъ заперлись. Тогда горскою арміею овладѣла совершенная летаргія: всѣ вожди были недовольны Кэнпономъ, перессорились между собою и разошлись по домамъ, подписавъ обѣщаніе, что остаются вѣрными подданными короля Іакова и со временемъ снова сойдутся защищать его. Ирландцы Кэннона удалились на одинъ изъ острововъ, лежащихъ у западнаго берега Шотландіи. 24 августа, ровно черезъ четыре недѣли послѣ того, какъ наведенъ былъ ужасъ на Южную Шотландію побѣдою при Килликранки, армія, одержавшая эту побѣду, перестала существовать, и всѣ плоды побѣды достались побѣжденнымъ: Блэръ-Кэстль, предметъ Калликранкійской битвы, отворилъ ворота Маккэ и цѣпь отрядовъ протянулась до самого Инвернесса для охраненія границъ.

За сутки передъ приведеніемъ войны въ Шотландіи къ концу пораженіемъ кельтскихъ войскъ при Донкельдѣ, Лондонскій Парламентъ прекратилъ свои засѣданія. Съ января Палаты продолжали трудиться постоянно. Но результаты засѣданій не соотвѣтствовали продолжительности трудовъ. Послѣдніе три мѣсяца проведены были Парламентомъ въ преніяхъ, не оставившихъ никакого слѣда въ Собраніи Законовъ. Развитіе законовъ останавливалось иногда несогласіями между вигами и тори, иногда между Парламентами Лордовъ и Общинъ.

При переворотѣ 1688 года обнаружилось, что партія, защищавшая нѣкогда билль объ исключеніи Іакова отъ престолонаслѣдія, не забыла страданій, перенесенныхъ ею во время владычества враговъ, и рѣшилась получить вознагражденіе и въ то же время удовлетворить чувству мести. Еще до возведенія Вильгельма на престолъ, Палата Лордовъ назначила комитетъ, чтобъ изслѣдовать ис-

тину ужасныхъ исторій, ходившихъ въ народѣ относительно смерти Эссекса. Комитетъ этотъ, состоявшій изъ ревностныхъ виговъ, продолжалъ слѣдствіе до тѣхъ поръ, пока не убѣдились всѣ здравомыслящіе люди, что Эссексъ умеръ отъ своей руки, и пока его жена, братъ и преданные ему друзья не изъявили желанія прекратить дальнѣйшіе розыски. Безъ всякаго сопротивленія со стороны тори уничтожены были приговоры, по которымъ нѣкоторые другіе виги лишены жизни, сана и владѣній. Съ обращеніемъ Конвента въ Парламентъ было внесено въ Палату Лордовъ предложеніе объ уничтоженіи приговора, осудившаго лорда Росселя, немедленно принято и отправлено въ Палату Общинъ, и принято въ ней съ необычайнымъ восторгомъ. Многіе изъ членовъ этой Палаты засѣдали вмѣстѣ съ лордомъ Росселемъ. Онъ долго имѣлъ тамъ вліяніе, основою котораго служило не искусство въ веденіи преній и не краснорѣчіе, но безукоризненная честность, свѣтлый умъ, прямодушіе, чистосердечіе и доброта, которыя бываютъ такъ очаровательны въ человѣкѣ, поставленномъ по происхожденію и богатству выше своихъ собратовъ. Виги считали Росселя своимъ предводителемъ. Его политическіе враги соглашались, что Россель, когда не подчинялся вліянію сообщниковъ, менѣе достойныхъ и болѣе хитрыхъ, чѣмъ онъ, былъ самымъ честнымъ и добросердечнымъ джентльменомъ въ Англіи. Благородное мужество и христіанская кротость, съ которыми онъ встрѣтилъ свою смерть, страданія его семейства, горесть отца, лишившагося сына, судьба осиротѣвшихъ дѣтей (*), — сверхъ всего этого, сочетаніе женской нѣжности и ангельскаго терпѣнія въ той, которая для благороднаго страдальца была дороже всего въ свѣтѣ, которая, помогая ему въ защитѣ, сидѣла подлѣ него въ судѣ, которая приносила радость въ его мрачную темницу, и которая, въ послѣдній день жизни, утѣшала его,—все это смягчало сердца многихъ, не имѣвшихъ привычки сожалѣть о противникахъ. Что Россель имѣлъ множество прекрасныхъ качествъ, что намѣренія его были благородны, что съ нимъ поступили жестоко, это допускали теперь даже судьи, помогавшіе пролитію его крови, и англиканское духовенство, употреблявшее всѣ усилія, чтобъ очернить его репутацію. Когда, поэтому, актъ, уничтожающій приговоръ, надъ нимъ произнесенный, былъ положенъ на столъ въ томъ собраніи, въ которомъ, за восемь лѣтъ предъ тѣмъ, лицо Росселя и его голосъ такъ хорошо были знакомы каждому члену, — чувство сожалѣнія было безпредѣльно. Одинъ старый вигъ хотѣлъ было

(*) Черезъ приговоръ надъ лордомъ Росселемъ, лишался ли сынъ его права на титулъ графа Бедфорда? — вопросъ довольно трудный. Старый графъ собиралъ объ этомъ мнѣнія извѣстнѣйшихъ адвокатовъ того времени.

говорить, но сердце его было слишкомъ переполнено. «Безъ волненія душевнаго, я не въ силахъ произнесть имя милорда Росселя, сказалъ онъ. — Достаточно только упомянуть это имя. Я не въ силахъ сказать что нибудь болѣе.» Взоры многихъ обращены были въ ту часть Палаты, гдѣ сидѣлъ Финчъ, бывшій генералъ-прокуроромъ во время казни Росселя. Благородство, съ которымъ онъ оставилъ прибыльную должность, лишь только увидѣлъ, что не могъ удержать ее за собою безъ поддержки разрѣшительной власти, и славная роль, которую онъ игралъ, защищая дѣло семи епископовъ, заглаживали его проступки. Не смотря на то, въ этотъ день невозможно было забыть, что онъ, какъ адвокатъ короны, ревностно старался склонить присяжныхъ на приговоръ, который теперь торжественно уничтожался. Онъ всталъ и сдѣлалъ попытку защитить свое поведеніе; но ни его юридическая ловкость, ни его убѣдительное и звучное краснорѣчіе, которое въ его фамиліи было наслѣдственнымъ даромъ, и которое выпало на его долю больше, чѣмъ на долю всѣхъ другихъ членовъ его фамиліи, не помогли ему при этомъ случаѣ. Палата не имѣла расположенія слушать его, и безпрестанно прерывала его рѣчь криками: «къ порядку!» Съ нимъ обходились, говорили ему, слишкомъ милостиво. Его должно было подвергнуть обвиненію, но его щадятъ. Зачѣмъ же ему, подъ предлогомъ своего оправданія, взводить безсовѣстныя обвиненія на знаменитое имя и оправдывать судебное убійство? Объяснивъ, что хотѣлъ только оправдаться противъ обвиненія въ превышеніи власти, сопряженной съ его должностью, — что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія оскорблять память лорда Росселя, и что искренно радуется уничтоженію приговора, — Финчъ долженъ былъ замолчать. Передъ концомъ засѣданія билль прочитанъ былъ вторично, — былъ бы тутъ же прочитанъ въ третій разъ и утвержденъ, еслибъ не предложили сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія, необходимыя для полноты и точности акта. Эти измѣненія были сдѣланы съ величайшей поспѣшностью, Палата Лордовъ согласилась на нихъ, и король охотно изъявилъ свое согласіе.

За этимъ биллемъ вскорѣ послѣдовали три другіе, уничтожавшіе три несправедливыхъ и безславныхъ приговора: — приговоръ, осудившій Сиднея, приговоръ Корниша и приговоръ Алисы Лисль.

Нѣкоторые виги получили безъ всякаго затрудненія возмездіе за потери, понесенныя ими въ минувшее царствованіе.

Палата Лордовъ разсмотрѣла со всею строгостію процессъ, который въ царствованіе Іакова былъ начатъ противъ графа Девоншейра. Судьи, утвердившіе приговоръ, осуждавшій графа, были

подвергнуты точному допросу, послѣ котораго принято было рѣшеніе, говорившее, что въ дѣлѣ графа были нарушены привиллегія перовъ королевства, и что Королевскій Судъ, наложивъ пеню въ тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ за ничтожный проступокъ, поступилъ въ высшей степени несправедливо и нарушилъ Великую Хартію.

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ, всѣ партіи, повидимому, были согласны, что исправленіе прежнихъ несправедливостей необходимо. Но самыя сильныя страсти какъ виговъ, такъ и тори были вскорѣ возбуждены шумными претензіями злодѣя, всѣ страданія котораго были ничтожны въ сравненіи съ его преступленіями. Явился Отсъ, какъ призракъ, изъ мѣста своего заточенія, и посѣтилъ мѣста, оскверненныя его преступленіями. Три съ половиною года, послѣ его бичеванія, онъ провелъ въ одномъ изъ мрачныхъ подваловъ Ньюгета; его выводили оттуда только въ извѣстные дни, въ годовщину его преступленій, выводили съ тѣмъ, чтобы выставить къ позорному столбу. Многіе фанатики все еще считали его за мученика; они успѣли задобрить тюремщиковъ, такъ что, вопреки положительнымъ приказаніямъ правительства, страданія Отса были смягчаемы заботливостью его друзей. Въ то время, какъ другіе заключенные, сравнительно съ нимъ, совершенно невинные, чахли отъ скудной тюремной пищи,—столъ Отса украшался ростбифомъ, дичью, каплунами, откормленными поросятами, бутылками бордосскаго вина,—приношеніями ревностнѣйшихъ протестантовъ. Когда Іаковъ бѣжалъ изъ Вайтголля и когда Лондонъ находился въ смятеніи, въ Совѣтѣ Лордовъ, временно принявшемъ на себя управленіе дѣлами государства, предложено было освободить Отса. Предложеніе это было отвергнуто; но тюремщики, не зная кому повиноваться во время анархіи и желая угодить человѣку, который уже былъ нѣкогда, и снова могъ быть, страшенъ, предоставили Отсу полную свободу гулять по городу. Его кривыя ноги и отвратительное лицо, сдѣлавшееся еще отвратительнѣе съ обрѣзанными ушами, снова ежедневно стали показываться въ Вестминстеръ-голлѣ. Онъ обратился къ своимъ старымъ покровителямъ, и передалъ имъ исторію своихъ страданій и своихъ надеждъ. «Невозможно, говорилъ онъ:—чтобъ теперь, когда правое дѣло торжествуетъ, человѣка, открывшаго папистскій заговоръ, оставили безъ всякаго вниманія. Карлъ давалъ мнѣ девятьсотъ фунтовъ въ годъ. Вильгельмъ, вѣроятно, дастъ больше.»

Черезъ нѣсколько недѣль Отсъ представилъ въ Палату Лордовъ просьбу о томъ, что приговоръ судей по его дѣлу былъ незаконенъ. Члены Палаты не должны были разсматривать, основано или не

основано было на достаточныхъ уликахъ рѣшеніе присяжныхъ, но только то, былъ ли сообразенъ съ законами приговоръ судей, произнесенный на основаніи этого рѣшенія. Трудно было бы даже для трибунала, составленнаго изъ опытныхъ судей, а для собранія нобльменовъ, которые всѣ были людьми политическихъ партій, и между которыми, въ то время, не было ни одного опытнаго юриста,— невозможно было поступить въ этомъ случаѣ совершенно безпристрастно. Съ точки зрѣнія одной партіи, составлявшей, впрочемъ, даже между вигами меньшинство, апеллянтъ казался человѣкомъ, который принесъ неоцѣнимыя услуги дѣлу протестантской религіи, но который за эти услуги, вмѣсто вознагражденія, былъ подвергнутъ долгому заточенію, унизительному позору и пыткамъ, о которыхъ безъ ужаса нельзя и подумать. Большинство членовъ Палаты весьма справедливо считало Отса за самого злобнаго и самого безстыднаго лжеца, служившаго позоромъ всему человѣчеству. Видъ этого наглаго человѣка, звуки этого лживаго голоса наполняли большинство лордовъ негодованіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ нихъ, со стыдомъ и угрызеніемъ совѣсти, вспоминали о томъ, что нѣкогда поддались его хитрости и обману. Нельзя было ожидать, что собраніе, находившееся подъ вліяніемъ подобныхъ ощущеній, станетъ дѣйствовать въ разсмотрѣніи его дѣла съ холоднымъ безпристрастіемъ. Еще до разсмотрѣнія поданной аппеляціи, они уже вошли въ непріятныя столкновенія съ этимъ человѣкомъ. Онъ издалъ брошюру, гдѣ въ увеличенномъ видѣ описывалъ свои заслуги и свои страданія. Палата Лордовъ назвала изданіе этой брошюры нарушеніемъ закона, и отправила автора ея въ тюрьму. Отсъ просилъ объ освобожденіи, но просьба его не была уважена. Онъ называлъ себя Докторомъ Богословія, но Палата Лордовъ не хотѣла признавать за нимъ этотъ санъ. Когда его привели къ допросу, и спросили, гдѣ была дана ему степень доктора, онъ отвѣчалъ: «Въ Саламанкскомъ Университетѣ.» Это, впрочемъ, былъ не первый примѣръ его лживости и наглости. «Докторъ Саламанкскаго Университета», втеченіе многихъ лѣтъ, былъ любимою темою всѣхъ торійскихъ сатириковъ, начиная съ Драйдена; даже на материкѣ вошло въ обычай называть лжеца Саламанкскимъ Докторомъ. Члены Палаты Лордовъ, подъ вліяніемъ ненависти къ Отсу, до такой степени забывали свое достоинство, что разсуждали объ этомъ смѣшномъ дѣлѣ весьма серьёзно. Они приказали Отсу исключить изъ своей просьбы слова: «Докторъ Богословія.» Онъ отвѣчалъ, что по совѣсти не можетъ это сдѣлать, и его снова отвели въ тюрьму.

Эти предварительныя дѣйствія довольно ясно показывали участь, которая ожидала апелляцію. Адвокатъ Отса былъ выслушанъ. Ни

одинъ адвокатъ не вызвался возражать ему. Потребовали мнѣніе лордовъ-судей. Девятеро изъ нихъ находилось въ засѣданіи палаты; и между этими девятью трое были предсѣдателями трехъ главныхъ гражданскихъ судовъ. Единодушный отвѣтъ этихъ ученыхъ и справедливыхъ юристовъ состоялъ въ томъ, что Королевскій Судъ не имѣлъ права лишать духовную особу священническаго сана, или произносить приговоръ, осуждающій виновнаго на вѣчное заточеніе, и что по тому, приговоръ, осудившій Отса, не имѣлъ законнаго основанія и долженъ быть уничтоженъ. Палата Лордовъ конечно должна была бы согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Хотя лорды знали Отса, какъ человѣка презрѣннаго, но это ни мало не относилось къ дѣлу. Въ ихъ глазахъ онъ долженъ быть просто юридическимъ лицомъ, ищущимъ защиты у закона. Но негодованіе ихъ было сильно. Преніе направлено было преимущественно на обстоятельства, на которыя не нужно было дѣлать ни малѣйшаго намека. Ни одинъ лордъ не хотѣлъ признать законнымъ рѣшеніе. Много говорили о гнусномъ характерѣ лица, подавшаго апелляціонную жалобу, о нагломъ обвиненіи, приведенномъ имъ противъ Катерины Браганцкой, и о дурныхъ послѣдствіяхъ, которыя могли бы возникнуть, если бы такому человѣку позволили быть свидѣтелемъ. — «Я могу согласиться на одну только перемѣну въ приговорѣ, сказалъ лордъ-президентъ. Онъ былъ бичеванъ по всему пути отъ Ольдгэта до Тибурна: теперь его слѣдовало бы бичевать отъ Тибурна до Ольдгэта.» Дѣло наконецъ предложено было на окончательное рѣшеніе. Двадцать-три лорда подали голоса въ пользу отмѣны приговора; — тридцать-пять подтвердили его (*).

Такое рѣшеніе произвело сильный шумъ, и не безъ причины. Изъ него возникъ вопросъ, который могъ касаться каждаго человѣка въ государствѣ. Вопросъ этотъ состоялъ въ томъ, имѣетъ ли право судъ Палаты Лордовъ, отъ котораго въ послѣдней инстанціи зависятъ личные интересы каждаго англійскаго подданнаго, имѣетъ ли онъ право рѣшать судебные вопросы, основываясь не на юридическихъ соображеніяхъ, а на лич-

(*) Читателямъ извѣстно, что при судѣ присяжныхъ, рѣшеніе дѣла состоитъ изъ двухъ частей: во-первыхъ, присяжные объявляютъ, виновенъ или невиненъ подсудимый, — это называется verdict; на основаніи рѣшенія присяжныхъ, судьи постановляютъ, какому наказанію долженъ подвергнуться подсудимый, если присяжные признали его виновнымъ. Отсъ жалуется на то, что судьи въ его дѣлѣ назначили ему наказаніе, которому по закону не могъ онъ подвергнуться, еслибъ и дѣйствительно verdict присяжныхъ былъ справедливъ. И такъ, дѣло идетъ не о томъ, виновенъ или невиненъ Отсъ въ тѣхъ преступленіяхъ, за которыя судился, а о томъ, могли ли судьи по закону назначить ему за эти преступленія такое наказаніе, которому подвергли его.

ныхъ симпатіяхъ; имѣетъ ли онъ право отнимать у лица, ищущаго защиты закона, его законное право по одному только тому, что Палатѣ Лордовъ это лицо кажется непріятнымъ или нравственно дурнымъ. Что Палата Лордовъ, какъ апелляціонный судъ, не должна присвоивать произвольной власти, подъ формою отправленія правосудія, это чувствовали даровитѣйшіе члены Палаты Общинъ, и сильнѣе всѣхъ чувствовалъ Сомерсъ. Къ нему и къ тѣмъ, которые одинаково съ нимъ смотрѣли на юридическій вопросъ, присоединились многіе пылкіе фанатики, все еще считавшіе Отса общественнымъ благодѣтелемъ, и все еще воображавшіе, что разсмотрѣніе вопроса о папистскомъ заговорѣ имѣетъ тѣсную связь съ интересами протестантской религіи. На другое же утро послѣ рѣшенія, произнесеннаго Палатою Лордовъ, въ Палатѣ Общинъ было высказано множество упрековъ и порицаній противъ этого рѣшенія. Три дни спустя, формальныя пренія о дѣлѣ Отса были возбуждены сэромъ Робертомъ Говардомъ. Онъ принадлежалъ къ беркширской отрасли своей благородной фамиліи, отрасли, пользовавшейся въ тотъ вѣкъ незавиднымъ отличіемъ: она удивительно обильно производила на свѣтъ плохихъ стихотворцевъ. Поэзія беркширскихъ Говардовъ служила пищею сатирикамъ втеченіе трехъ поколѣній. Но сэръ Робертъ, не смотря на свои дурныя стихотворенія и забавное тщеславіе, послужившее къ тому, что его выставили на сценѣ подъ именемъ сэръ Позитивъ Атолль, — пользовался въ Парламентѣ вѣсомъ, какимъ только можетъ пользоваться человѣкъ, съ огромнымъ богатствомъ, съ извѣстнымъ именемъ, съ даромъ слова и твердымъ рѣшительнымъ духомъ. Когда онъ всталъ, и предложилъ обратить вниманіе членовъ Палаты Общинъ на дѣло Отса, нѣкоторые тори, одушевляемые тѣми же страстями, которыя господствовали въ Палатѣ Лордовъ, приняли его слова громкимъ шиканьемъ. Не смотря на эту оскорбительную выходку, сэръ Говардъ продолжалъ говорить, и вскорѣ оказалось, что большинство было на его сторонѣ. Нѣкоторые ораторы превозносили патріотизмъ и мужество Отса, другіе говорили о ходившей въ народѣ молвѣ, что коронные прокуроры, которые вели обвиненіе противъ него, роздали большія суммы денегъ присяжнымъ. Относительно этихъ вопросовъ, мнѣнія членовъ были различны. Но то обстоятельство, что приговоръ, произнесенный судьями Отса, былъ противенъ закону, не допускало ни малѣйшаго сомнѣнія. Знаменитѣйшіе адвокаты въ Палатѣ Общинъ объявили, что въ этомъ они вполнѣ соглашаются съ мнѣніемъ лордовъ судей. Тѣ, которые шикали при открытіи засѣданія, до такой степени были пристыжены, что не смѣли даже требовать балотировки, и,

такимъ образомъ, безъ всякой оппозиціи, принятъ былъ билль, уничтожающій приговоръ, произнесенный надъ Отсомъ.

Члены Палаты Лордовъ находились въ затруднительномъ положеніи. Отказаться отъ своего рѣшенія было имъ непріятно. Начать борьбу съ Палатой Общинъ, по дѣлу, въ которомъ Палата эта была совершенно справедлива, поддерживалась единодушнымъ мнѣніемъ знаменитѣйшихъ юристовъ и страстями народа, было опасно. По этому полезнымъ показалось принять среднюю мѣру. Палата Лордовъ рѣшила представить королю адрессъ, въ которомъ испрашивалось Отсу прощеніе. Но эта уступка только поставила дѣло въ худшее положеніе. Отсъ, какъ и всякій другой человѣкъ, имѣлъ право искать правосудія; наказаніе, къ которому приговорилъ его судъ, было незаконно,—это наказаніе слѣдовало отмѣнить; если же оно было законно, то не было ни какого основанія отмѣнять или ослаблять его. Палата Общинъ весьма справедливо осталась при своемъ прежнемъ рѣшеніи, снова приняла билль о незаконности рѣшенія по дѣлу Отса и передала его въ Палату Лордовъ. Въ этомъ биллѣ единственною частью, подлежавшею возраженіямъ, было вступленіе, въ которомъ утверждалось, что приговоръ, произнесенный судьями надъ Отсомъ, не только не имѣлъ законнаго основанія, какъ то оказывалось при одномъ взглядѣ на протоколы, но и рѣшеніе присяжныхъ, на которомъ основывался приговоръ судей, было куплено правительствомъ,—фактъ, который, не подтверждался никакими доказательствами, хотя бы и былъ справедливъ.

Палата Лордовъ находилась въ величайшемъ затрудненіи. Она знала, что была неправа. Не смотря на то, она не могла рѣшиться объявить въ своемъ законодательномъ засѣданіи, что въ своемъ судебномъ засѣданіи нарушила законъ. Она снова избрала средину. Вступленіе билля было смягчено; къ нему прибавили оговорку, что Отсъ, освобождаясь отъ уголовнаго наказанія, остается по прежнему лишенъ права быть свидѣтелемъ, какъ человѣкъ безчестный. Въ этомъ измѣненномъ видѣ билль возвращенъ былъ въ Палату Общинъ.

Палата Общинъ осталась недовольна, не приняла измѣненій и потребовала конференціи. Два знаменитые тори, Рочестеръ и Ноттингэмъ, явились на конференцію въ качествѣ депутатовъ отъ Палаты Лордовъ. Къ нимъ присоединился Борнетъ, ненависть котораго къ католикамъ могла придать вѣсъ его словамъ при этомъ случаѣ. Сомерсъ былъ ораторомъ съ другой стороны; его перу мы обязаны замѣчательно яснымъ и интереснымъ изложеніемъ преній на конференціи.

Лорды откровенно сознавались, что приговоръ Королевскаго Суда надъ Отсомъ не можетъ быть защищенъ. Лорды знали, говорили они, что приговоръ былъ не законенъ, знали это въ то время, когда утверждали его. Но они руководились другими, высшими соображеніями. Они признавали Отса виновнымъ въ безсовѣстно ложномъ обвиненіи противъ королевы Екатерины; они упомянули другіе примѣры его подлости, и потомъ спрашивали, можно ли возвратить такому человѣку право являться свидѣтелемъ. Единственное извиненіе, которое, по мнѣнію ихъ, можно бы было сдѣлать для него, заключалось въ томъ, чтобъ назвать его сумасшедшимъ; и въ самомъ дѣлѣ, невѣроятною наглостью и нелѣпостью его поведенія, въ то время, когда онъ былъ призванъ въ Палату Лордовъ, подтверждалась мысль, что онъ не въ своемъ умѣ, что нельзя потому полагаться на его слова и возвратить ему право быть свидѣтелемъ. По этому лорды не находятъ возможнымъ отмѣнить свое рѣшеніе, не могутъ они согласиться признать вердиктъ присяжныхъ подкупнымъ, основываясь на одной только молвѣ.

Отвѣтъ на это былъ рѣшительный и торжествующій. «Частный вопросъ объ Отсѣ сталъ теперь вовсе не важенъ, говорилъ Сомерсъ. Лорды утверждаютъ, что онъ ложно обвинялъ вдовствующую королеву и другихъ невинныхъ людей. Положимъ; но билль, принятый Палатою Общинъ, не дастъ ему прощенія. Мы даже желаемъ, если онъ виновенъ, чтобъ его наказали. Но относительно его и относительно всѣхъ англичанъ, мы требуемъ, чтобъ наказаніе опредѣлялось закономъ, а не произволомъ какого либо суда. Мы требуемъ, чтобы на просьбу объ уничтоженіи приговора судей, по его неправильности, вы дали рѣшеніе согласно общимъ правиламъ и узаконеніямъ государства. Мы утверждаемъ, что вы не имѣете ни какого права, въ судебныхъ приговорахъ, принимать въ соображеніе, достоинъ ли уваженія проситель по своему нравственному характеру и каково будетъ политическое вліяніе рѣшенія. Вы сами сознаетесь, что утвердили приговоръ несправедливый, утвердили потому, что имѣли дурное мнѣніе объ этомъ человѣкѣ. Противъ такого присвоенія произвольной власти Палата Общинъ протестуетъ; она надѣется, что вы исправите то, что сами теперь признаете несправедливымъ. Лорды выражаютъ предположеніе, что Отсъ сумасшедшій. Человѣка сумасшедшаго не должно вовсе наказывать; сумасшествіе принимаете вы основаніемъ для того, чтобы налагать на него наказаніе, которое было бы незаконно, даже и тогда, еслибы онъ былъ въ здравомъ разсудкѣ, — этого Палата Общинъ не понимаетъ. Лорды полагаютъ, что, если они примутъ наше рѣшеніе, называющее вердиктъ присяжныхъ

подкупнымъ, ихъ за то осудятъ потому, что не доказано судебнымъ образомъ, чтобы присяжные, обвинившіе Отса, были подкуплены. Позвольте напомнить вамъ, что на васъ возложены двѣ совершенно различныя обязанности. Вы судьи, и вы законодатели. Когда вы судите, то ваша обязанность заключается въ томъ, чтобы строго слѣдовать юридическимъ формальностямъ. Когда вы законодатели, вы имѣете право основываться на общеизвѣстности факта. Вы извращаете это правило. Вы нарушаете законную формальность тамъ, гдѣ нельзя нарушать ее, и держитесь ея тамъ, гдѣ не должно держаться ея. Какъ судьи, вы совершенно нарушаете законъ, ради мнимой пользы такого нарушенія. Какъ законодатели, вы не хотите допустить факта безъ такого юридическаго доказательства, пріобрѣсть которое законодателямъ рѣдко представляется возможность. (*)

На это разсужденіе не было и не могло быть возраженія. Палата Общинъ очевидно одержала верхъ въ спорѣ и гордилась ролью, которую Сомерсъ игралъ на конференціи. Она поручила ему наблюсти, чтобъ докладъ, составленный имъ о конференціи, былъ вѣрно внесенъ въ протоколы Общинъ. Лорды весьма благоразумно удержались отъ внесенія въ свои протоколы отчета о преніи, въ которомъ они понесли такое очевидное пораженіе. Но, сознавая въ душѣ свою ошибку и стыдясь ея, большинство ихъ не хотѣло публично объявить себя виновными въ неправосудіи. Меньшинство, соглашавшееся на то, однакоже, было многочисленно. Билль былъ отвергнутъ. Въ Палату Общинъ Лорды отправили двухъ секретарей объявить окончательное свое рѣшеніе. Палата Общинъ это объявленіе нашла несправедливымъ по его смыслу и обиднымъ по формѣ. Она рѣшилась возражать и Сомерсъ написалъ превосходную декларацію, въ которой низкое имя Отса почти не упоминалось, и въ которой Палата Общинъ весьма серьёзнымъ тономъ убѣждала Палату Лордовъ разсматривать судебные вопросы судебнымъ порядкомъ и, подъ видомъ исполненія закона, не нарушать законовъ. Отсъ, который уже вторично приводилъ въ смятеніе политическій міръ, былъ помилованъ и освобожденъ. Его друзья въ Палатѣ Общинъ составили адресъ королю, въ которомъ испрашивалась ему пенсія. Вслѣдствіе того, ему назначено было около трехъ сотъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, сумма, которую Отсъ называлъ не стоющею того, чтобъ

(*) Рѣшеніе о томъ, исполнить или отвергнуть апелляціонную просьбу Отса объ отмѣнѣ наказанія, Палата Лордовъ произнесла въ качествѣ судебной палаты. Палата Общинъ приняла билль, объявлявшій это рѣшеніе несправедливымъ, и этотъ билль разсматривался теперь Палатою Лордовъ уже какъ законодательною Палатою.

принимать ее; однакожь онъ принялъ съ злобнымъ ропотомъ неудовлетворенной алчности.

Изъ преній объ Отсѣ возникъ другой раздоръ, который могъ бы повлечь за собою весьма серьёзныя послѣдствія. Актъ, которымъ Вильгельмъ и Марія провозглашались королемъ и королевой, былъ революціоннымъ актомъ. Онъ былъ утвержденъ Конвентомъ, собраніемъ, не входившимъ въ составъ правильныхъ властей и не былъ утвержденъ королевскою властію. Парламентъ желалъ, чтобъ этотъ важный договоръ между правителями и управляемыми, этотъ законъ, по которому король владѣлъ своимъ трономъ, а народъ своими правами, былъ облеченъ въ строгую правильную форму. Декларація права обращена была въ билль о правѣ; билль этотъ очень быстро прошелъ Палату Общинъ, но въ Палатѣ Лордовъ возникли затрудненія.

Декларацiей предоставлялась корона сначала Вильгельму и Маріи вмѣстѣ, потомъ по смерти одного изъ нихъ — другому, потомъ потомкамъ Маріи, потомъ Аннѣ и ея потомкамъ и, наконецъ, потомкамъ Вильгельма отъ втораго брака, еслибъ онъ пережилъ Марію и вступилъ во второй бракъ. Но кто долженъ наслѣдовать престолъ, еслибъ Марія, Анна и Вильгельмъ умерли, не оставивъ по себѣ потомства?—это не было опредѣлено. Между тѣмъ случай, на который не сдѣлано было никакого распоряженія, былъ весьма вѣроятенъ; Вильгельмъ вовсе не имѣлъ дѣтей, Анна неоднократно была матерью, но въ живыхъ не имѣла ни одного дитяти. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, болѣзнь, война, или измѣна могла прекратить жизнь всѣхъ опредѣленныхъ декларацiей наслѣдниковъ престола. Въ какое положеніе поставлено будетъ государство! Кого тогда надобно будетъ признать государемъ? Билль между прочимъ содержалъ въ себѣ параграфъ, по которому католики исключались отъ престолонаслѣдія. Но такое отрицательное опредѣленіе не было достаточно для прямаго означенія наслѣдника. Да и къ кому можно будетъ въ случаѣ такого несчастія обратиться за разрѣшеніемъ этого недоумѣнія? Парламента тогда не будетъ; потому что власть Парламента прекратится со смертью государя, который его созвалъ. Тогда будетъ анархія,—анархія, которая можетъ кончиться разрушеніемъ монархіи или уничтоженіемъ народной свободы. По этимъ столь важнымъ причинамъ, Борнетъ, по совѣту Вильгельма, предложилъ въ Палатѣ Лордовъ, чтобы корона, если не будетъ потомства отъ Маріи, Анны и Вильгельма, была отдана несомнѣнной протестанткѣ, Софіи, герцогинѣ Брауншвейгъ-Люненбургской, внукѣ Іакова Перваго, и дочери Елисаветы, королевы Богемской.

Палата Лордовъ единодушно согласилась на это дополненіе; но Палата Общинъ единодушно отвергла его. Причины отверженія не объясняетъ удовлетворительно никто изъ современныхъ писателей. Одинъ историкъ изъ партіи виговъ приписываетъ его коварнымъ умысламъ республиканцевъ, другой коварнымъ умысламъ якобитовъ. Но достовѣрно извѣстно, что четыре пятыхъ представителей народа не были ни республиканцы, ни якобиты. Не смотря на то, въ Палатѣ Общинъ не подано было ни одного голоса въ пользу статьи, единодушно принятой Палатою Лордовъ. Самое правдоподобное объясненіе этого противорѣчія заключается, повидимому, въ томъ, что грубая несправедливость, оказанная въ дѣлѣ Отса, до такой степени раздражила Палату Общинъ, что она рада была случаю поссориться съ Палатой Лордовъ. Назначена была конференція. Ни та, ни другая сторона не уступала. Во время самыхъ жаркихъ преній, случилось событіе, которое, какъ можно было полагать, востановитъ въ дѣлахъ государства гармонію. Анна родила сына. Дитя крещено было въ Гэмптонъ-Кортѣ съ величайшей пышностью среди проявленій народной радости. Вильгельмъ былъ однимъ изъ воспріемниковъ. Другимъ былъ блестящій Дорсетъ, котораго кровля давала пріютъ принцессѣ во время ея бѣгства. Король даровалъ крестнику свое имя, и объявилъ блистательному обществу, собравшемуся вокругъ купели, что маленькій Вильгельмъ получаетъ титулъ герцога Глостерскаго. Рожденіе этого дитяти значительно уменьшило опасность, которую лорды хотѣли предотвратить своимъ дополненіемъ въ биллѣ о правахъ. Они могли теперь спокойно отказаться отъ своего рѣшенія. Но гордость ихъ была затронута строгостью, съ которой ихъ рѣшеніе по апелляціи Отса было осуждаемо Палатою Общинъ въ конференціи. Имъ прямо было сказано, что они оказались несправедливыми судьями; порицаніе это тѣмъ болѣе раздражало ихъ, что они сознавали его истину. Они не хотѣли сдѣлать ни малѣйшей уступки, и билль о правахъ былъ отвергнутъ.

Но самымъ спорнымъ вопросомъ этой продолжительной и бурной сессіи было то, какому наказанію должно подвергнуть людей, которые, втеченіе промежутка между распущеніемъ Оксфордскаго Парламента и переворотомъ, возведшимъ Вильгельма на престолъ, были совѣтниками и орудіями Карла и Іакова? Счастіемъ для Англіи было то, что въ этотъ кризисъ государь, не принадлежавшій ни къ какой изъ ея партій, не питавшій ни къ одной изъ нихъ ни любви, ни ненависти, и для совершенія великихъ замысловъ своихъ желавшій воспользоваться услугами и той и другой партіи, былъ между ними примиряющимъ руководителемъ.

Обѣ партіи находились теперь въ положеніи, имѣвшимъ весьма близкое сходство съ тѣмъ, въ которомъ находились онѣ двадцать-восемь лѣтъ тому назадъ, при возвращеніи Стюартовъ. Разница состояла только въ томъ, что партія, тогда угнетенная, теперь торжествовала; во всемъ остальномъ, оба положенія были необычайно сходны. Какъ Реставрація, такъ и переворотъ 1688 г. совершены были коалиціями. При Реставраціи, та партія, которая особенно ревностно была предана свободѣ, помогала возстановленію монархіи; при переворотѣ 1688 г., та партія, которая особенно ревностно предана была монархіи, помогала защищенію свободы. Въ первомъ случаѣ, роялисты ничего не могли бы сдѣлать безъ помощи пуританъ, нѣкогда сражавшихся за Долгій Парламентъ; — въ послѣднемъ — виги не могли бы имѣть успѣха въ своемъ сопротивленіи Іакову, еслибъ не были поддержаны людьми, которые, за нѣсколько времени передъ этимъ, сопротивленіе произвольной власти называли смертнымъ грѣхомъ. Замѣчательнѣйшими лицами между тѣми людьми, съ помощію которыхъ, въ 1660 году, королевская фамилія была возвращена, были: Голлисъ, который въ дни Карла Перваго принудилъ Президента не оставлять своего мѣста, въ то время, когда явился посланный отъ короля съ извѣстіемъ о распущеніи Парламента; Ингольдсби, который былъ однимъ изъ судей Карла I; и Приннъ, которому Лоудъ отрѣзалъ уши и который, въ замѣнъ того, болѣе всѣхъ другихъ содѣйствовалъ къ отрубленію головы Лоуда. Между семью лицами, подписавшими въ 1688 г. приглашеніе, посланное къ Вильгельму, были: Комптонъ, который долго твердилъ объ обязаности повиноваться Нерону; Дэнби, котораго обвиняли въ стремленіи учредить военный деспотизмъ; и Ломли, котораго гончія выслѣдили Монмоута въ его послѣднемъ жалкомъ убѣжищѣ, между кустами папоротника. Какъ въ 1660, такъ и въ 1688 годахъ, когда государство находилось въ опасности, враждовавшія партіи забыли о взаимныхъ обидахъ и распряхъ; и въ 1660 и въ 1688 годахъ, примиреніе, казавшееся искреннимъ въ минуту опасности, оказалось ложнымъ и непрочнымъ въ минуту торжества. Лишь только Карлъ II прибылъ въ Вайтголль, роялисты забыли услуги, еще такъ недавно оказанныя пуританами, и помнили только свои старинныя обиды. Лишь только Вильгельмъ сдѣлался королемъ, многіе изъ виговъ начали требовать мщенія за все, перенесенное ими отъ тори, въ дни Рей-Гаузскаго заговора. Въ обоихъ случаяхъ король находилъ чрезвычайно труднымъ охранить побѣжденную партію отъ злобы своихъ приверженцевъ; въ обоихъ случаяхъ тѣ, которые обманулись въ своихъ ожиданіяхъ относительно отмщенія врагамъ, роптали на правительство, кото-

рое, оказывая защиту врагамъ своимъ отъ своихъ друзей, по мнѣнію ихъ являлось слабымъ и несправедливымъ.

Двадцать-пятаго марта (1689), Вильгельмъ обратилъ вниманіе Палаты Общинъ на необходимость успокоить націю амнистіей. Онъ выразилъ надежду, что билль о всепрощеніи и забвеніи прежнихъ политическихъ проступковъ будетъ представленъ въ возможной скорости на его утвержденіе, и что въ этомъ биллѣ не будетъ сдѣлано никакихъ исключеній, кромѣ такихъ, которыя совершенно необходимы для удовлетворенія національному правосудію и для безопасности государства. Палата Общинъ единодушно рѣшила благодарить Вильгельма за этотъ примѣръ его отеческой любви; но прошло много недѣль, прежде чѣмъ она подумала о выполненіи его желанія. Когда наконецъ занялась она этимъ предметомъ, то оказалось, что большинство не имѣло искренняго желанія положить конецъ той опасности, которая тревожила всѣхъ тори, сознававшихъ, что они, въ преданности своей къ власти короны, иногда переступали границы закона. Составлены были двѣнадцать классовъ политическихъ преступниковъ, изъ нихъ нѣкоторые были столь обширны, что включали въ себѣ до десятитысячъ виновныхъ. Палата рѣшила, что въ каждой изъ этихъ категорій должны быть сдѣланы исключенія изъ амнистіи. Послѣ того приступлено было къ разсмотрѣнію вопросовъ объ отдѣльныхъ лицахъ по каждому классу. Множество преступниковъ и свидѣтелей было призываемо къ допросу. Пренія были продолжительны и горячи, и вскорѣ стало очевиднымъ, что дѣло протянется безконечно. Проходило уже лѣто; наступала осень; сессія не могла продолжаться, а изъ двѣнадцати отдѣльныхъ слѣдствій, которыя Палата Общинъ рѣшилась произвесть, только три были окончены. Необходимо было отложить билль до слѣдующаго года.

Между многими виновными, о которыхъ упоминалось во время этихъ слѣдствій, былъ одинъ, далеко превосходившій всѣхъ другихъ преступленіями и позоромъ; былъ человѣкъ, котораго какъ виги, такъ и тори, равно желали предоставить всей строгости закона. Въ тотъ ужасный день, за которымъ слѣдовала Ирландская Ночь, изступленный крикъ великаго города, у котораго отнята была жертва его мщенія, провожалъ Джеффрейза до подъемнаго моста Товера. Его заточеніе было не вполнѣ законно; но онъ принялъ съ благодарностью и благословеніями защиту, которую эти мрачныя стѣны, ознаменованныя столь многими преступленіями и страданіями, оказали ему отъ бѣшенства народа. Вскорѣ, однакожь, онъ почувствовалъ, что жизнь его находится все еще въ страшной опасности. Втеченіе нѣкотораго времени онъ обольщалъ себя на-

леждою, что будетъ освобожденъ, на основаніи грамоты Habeas Corpus, и что ему представится возможность бѣжать въ чужіе краи, и съ частью пріобрѣтеннаго злодѣйствами богатства, скрываться тамъ отъ людской ненависти; но до учрежденія правительства не было судебныхъ засѣданій и не было власти, которая исполняла бы предписанія грамоты Habeas Corpus; а лишь только правительство учредилось, сила этой грамоты была на время отмѣнена. Юридическимъ образомъ Джеффрейзъ едва ли могъ быть осужденъ какъ убійца. Но морально онъ виновенъ былъ въ такомъ множествѣ убійствъ, что конечно особенный парламентскій актъ объявилъ бы его государственнымъ преступникомъ, если бы не нашлось противъ него юридическихъ уликъ. Расположеніе торжествовать надъ павшимъ никогда не было чертою въ характерѣ англичанина; но ненависть, предметомъ которой былъ Джеффрейзъ, не имѣетъ ничего подобнаго въ англійской исторіи. Народъ, когда дѣло касалось его личности, былъ также жестокъ, какъ и онъ самъ; народъ ликовалъ при мысли о его погибели, какъ ликовалъ самъ Джеффрейзъ при погибели несчастныхъ, выслушивавшихъ отъ него смертный приговоръ, при страданіяхъ семействъ, облеченныхъ въ трауръ. Народъ собирался передъ его покинутымъ домомъ и съ громкимъ, торжествующимъ смѣхомъ, читалъ на дверяхъ объявленія о продажѣ его имущества. Самыя чувствительныя женщины, проливавшія слезы за воровъ и разбойниковъ, дышали мщеніемъ противъ него наравнѣ съ мужчинами. Пасквили на него, ходившіе по городу, отличались звѣрствомъ, рѣзкимъ даже въ тѣ дни. Висѣлица, говорили они, будетъ слишкомъ легкимъ наказаніемъ для злодѣя; могила подъ висѣлицей слишкомъ почетнымъ мѣстомъ для его праха; его надобно забичевать до смерти, подвергнуть пыткѣ, разорвать на мелкіе куски. Уличные поэты раздѣляли его по составамъ съ кровожадностью людоѣдовъ, и исчисляли, сколько фунтовъ жирнаго мяса выйдетъ изъ его упитаннаго тѣла. Ожесточеніе враговъ доходило до такой степени, что они громко провозглашали желаніе, рѣдко осквернявшее англійскій языкъ, желаніе, чтобъ злодѣй низвергнутъ былъ Богомъ въ мѣсто вѣчной муки, скрежета зубовъ, червя не умирающаго и огня неугасимаго. Они совѣтовали ему повѣситься на своихъ подвязкахъ, и перерѣзать бритвой себѣ горло; возсылали ужасныя молитвы, чтобъ ему не дано было возможности покаяться, чтобъ онъ умеръ такимъ же жестокосердымъ, нечестивымъ Джеффрейзомъ, какимъ проводилъ свою жизнь. Подъ бременемъ народной ненависти, онъ упалъ духомъ, столь же низкій, во время несчастія, какъ былъ наглъ и безчеловѣченъ во время могущества. Его здоровье, уже разстроенное пьянствомъ, со-

вершенно разрушилось печалью и опасеніемъ за свою участь. Его изнуряла жестокая внутренняя болѣзнь, которой не могли облегчить самые опытнѣйшіе врачи того времени. Единственную отраду находилъ онъ въ водкѣ. Даже въ то время, когда рѣшалъ дѣла и предсѣдательствовалъ въ судахъ, онъ рѣдко ложился спать въ трезвомъ состояніи. Теперь же, когда умъ его ни чѣмъ не былъ занятъ, кромѣ ужасныхъ воспоминаній и страшныхъ ожиданій, онъ безгранично предался своему любимому пороку. Многіе полагали, что онъ нарочно сокращалъ свою жизнь излишествомъ. Онъ думалъ, какъ говорили тогда, что лучше умереть отъ пьянства, чѣмъ отъ руки палача, или, еще того хуже, дать народу разорвать себя на части.

Однажды онъ былъ возбужденъ изъ глубокаго унынія пріятнымъ ощущеніемъ, тотчасъ же уступившимъ мѣсто убійственному разочарованію. Кто-то прислалъ въ Товеръ посылку на его имя. Оказалось, что это былъ боченокъ кольчестерскихъ устрицъ, — его любимое лакомство. Это сильно его тронуло. Для людей, незаслуживающихъ ни малѣйшаго расположенія, бываютъ минуты, въ которыя имъ пріятно подумать, что есть еще люди, къ нимъ расположенные. «Слава Богу, воскликнулъ онъ: — у меня есть ёще друзья!» Онъ откупорилъ боченокъ, — и подъ верхнимъ слоемъ раковинъ увидѣлъ толстую веревку съ петлей для шеи.

Ни одинъ изъ льстецовъ, которыхъ онъ обогатилъ грабежомъ своихъ жертвъ, не явился утѣшить его въ дни скорби. Но пришелъ къ нему посѣтитель: Джонъ Тутчинъ, котораго онъ осудилъ быть наказываемымъ плетью черезъ каждыя двѣ недѣли втеченіе семи лѣтъ, пробрался въ Товеръ, и явился предъ павшимъ притѣснителемъ. Несчастный Джеффрейзъ, уничтоженный до праха, вѣжливо встрѣтилъ гостя и приказалъ подать вина. — «Мнѣ пріятно васъ видѣть, сэръ», сказалъ онъ. — «А мнѣ еще пріятнѣе видѣть васъ, милордъ, въ этомъ мѣстѣ», отвѣчалъ злопамятный вигъ. — «Я служилъ моему владыкѣ, сказалъ Джеффрейзъ, и исполнялъ мой долгъ по совѣсти». — «Гдѣ же была ваша совѣсть, когда вы произнесли мнѣ приговоръ?» — спросилъ Тутчинъ. — «Такъ было написано въ данной мнѣ инструкціи, раболѣпно отвѣчалъ Джеффрейзъ. По этой инструкціи, я не долженъ былъ дѣлать ни малѣйшаго снисхожденія людямъ вамъ подобнымъ, людямъ даровитымъ и предпріимчивымъ. Когда я прибылъ ко Двору, я подвергся выговору за мою снисходительность.» — Даже Тутчинъ, какъ ни жолченъ былъ его характеръ, какъ ни были велики обиды, нанесенныя ему Джеффрейзомъ, повидимому, смягченъ былъ жалкимъ зрѣлищемъ, ему представленнымъ. Впослѣдствіи онъ посто-

явно опровергалъ молву, будтобы онъ послалъ въ Toверъ боченокъ кольчестерскихъ устрицъ.

Болѣе кроткій человѣкъ, Джонъ Шерпъ, добродушный норвичскій деканъ, принудилъ себя посѣтить плѣнника. Это была трудная задача; — но Джеффрейзъ обращался съ Шерпомъ, въ былыя времена, такъ снисходительно, какъ только позволяла натура Джеффрейза. Раза два, терпѣливо выждавъ, когда буря проклятій и ругательствъ утихнетъ отъ изнуренія, и выбравъ минуту хорошаго расположенія духа, Шерпъ выпрашивалъ для несчастныхъ семействъ нѣкоторое облегченіе ихъ страданіямъ. Джеффрейзъ былъ пріятно изумленъ посѣщеніемъ Шерпа. — Неужели, сказалъ онъ: —вы рѣшились не покидать меня даже и теперь? —Тщетно, однакожь, добрый священникъ старался внушить раскаяніе этой зачерствѣлой совѣсти. Джеффрейзъ, вмѣсто сознанія въ своей виновности, съ горячностію жаловался на человѣческую несправедливость. — Меня называютъ убійцей за тѣ мои дѣла, которыя въ свое время заслуживали похвалу людей, пользующихся теперь народнымъ расположеніемъ. Меня называютъ пьяницей, потому что я пью пуншъ для облегченія моихъ душевныхъ страданій. —Онъ не хотѣлъ признаться даже, что въ качествѣ президента Верховной Коммиссіи дѣлалъ что нибудь, заслуживающее порицаніе.

Несчастный быстро изнемогалъ подъ тяжестію тѣлесныхъ и душевныхъ страданій. Джонъ Скоттъ, священникъ строгихъ правилъ, авторъ «Жизни Христіанина», трактата, имѣвшаго въ свое время огромный успѣхъ, былъ приглашенъ, вѣроятно по рекомендаціи своего задушевнаго друга Шерпа, къ постели умирающаго. Тщетно говорилъ Джеффрейзу Скоттъ, какъ говорилъ уже и Шерпъ, о страшныхъ его злодѣяніяхъ во время Кроваваго Суда. Джеффрейзъ до послѣдней минуты продолжалъ повторять, что люди, считающіе его жестокимъ, не знаютъ приказаній, которыя были даны ему, что не порицанія за жестокость онъ заслуживалъ, а похвалы за снисходительность и милосердіе, которое навлекало на него крайнее неудовольствіе Іакова.

Недугъ, усиливаемый пьянствомъ и душевными страданіями, развивался быстро и дѣйствовалъ разрушительно. Желудокъ больнаго не принималъ никакой пищи. Въ нѣсколько недѣль изъ тучнаго человѣка сдѣлался скелетъ. Восьмнадцатаго апрѣля. Джеффрейзъ умеръ, на сорокъ-первомъ году отъ роду. Тридцати-пяти лѣтъ онъ сдѣлался верховнымъ судьей въ Королевскомъ уголовномъ судѣ, — на тридцать-восьмомъ году — лордомъ канцлеромъ. Въ исторіи Англіи не находится ни одного примѣра такого быстраго возвышенія и такого ужаснаго паденія. Изнуренный трупъ былъ похороненъ,

почти тайкомъ; онъ лежитъ подлѣ тѣла Монмоута въ Тоуерской часовнѣ.

Паденіе этого человѣка, нѣкогда столь сильнаго и страшнаго, отвращеніе, съ которымъ смотрѣли на него всѣ честные члены его партіи, ужасъ, съ которымъ другіе члены той партіи, менѣе заслуживающіе уваженія, отрекались отъ него во время его несчастія, и сваливали на него всю вину преступленій, которыя сами же поощряли, все это должно было бы служить урокомъ тѣмъ неумѣреннымъ вигамъ, которые требовали преслѣдованій противъ тори. Но слишкомъ многіе изъ нихъ слишкомъ мало воспользовались этимъ урокомъ. Король, при самомъ началѣ своего царствованія, раздосадовалъ ихъ назначеніемъ нѣкоторыхъ тори и людей средней партіи на высокія должности. Неудовольствіе, возбужденное этими назначеніями, было усилено попыткой Вильгельма даровать всепрощеніе. И надобно сказать, Вильгельмъ, по характеру своему, не могъ пользоваться популярностью между мстительными ревнителями какой бы то ни было партіи. Въ числѣ особенностей его характера было какое-то угрюмое и холодное милосердіе, которое рѣдко примиряло съ нимъ его враговъ, которое часто раздражало его приверженцевъ, но котораго онъ упорно держался, не обращая вниманія ни на неблагодарность тѣхъ, которыхъ онъ избавилъ отъ гибели, ни на злобу тѣхъ, которымъ онъ не далъ возможности удовлетворить чувству мщенія. Нѣкоторые виги отзывались теперь о немъ не менѣе горько, нежели о Карлѣ II и Іаковѣ II: «Онъ все таки Стюартъ, говорили они, и Стюартъ не по одному только имени. Подобно всему своему роду, онъ любитъ произвольную власть. Въ Голландіи, подъ формою республиканскаго правленія, онъ управлялъ едва ли не самовластнѣе старыхъ наслѣдственныхъ графовъ. Вслѣдствіе особеннаго стеченія обстоятельствъ, его интересы, втеченіе нѣкотораго времени, совпадали съ интересами англійской націи;—онъ сдѣлался освободителемъ по волѣ случая, но онъ деспотъ по природѣ. Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сочувствія къ справедливому негодованію виговъ. Въ виду у него такія цѣли, къ достиженію которыхъ не допустятъ виги никакого короля. Онъ знаетъ, что тори могутъ быть единственными орудіями къ исполненію его намѣреній. По этому, съ самаго восшествія своего на престолъ, онъ несправедливо благоволитъ къ нимъ. Онъ старается теперь даровать прощеніе тѣмъ самымъ преступникамъ, которыхъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, называлъ въ своей декларацiи людьми, заслуживающими примѣрнаго наказанія. Въ ноябрѣ онъ объявилъ всей Европѣ, что преступленія, въ которыхъ эти люди принимали участіе, вмѣняютъ въ обязанность подданнымъ свергнуть присягу, вопіямъ

— покинуть знамена, дѣтямъ — возстать противъ родителей. За чѣмъ же онъ съ такой настойчивостью теперь предлагаетъ, чтобъ эти преступленія были преданы всеобщему забвенію? Неужели тутъ нѣтъ слишкомъ сильной причины опасаться, что онъ, желая избавить служителей тиранства отъ участи, которую они заслуживаютъ, надѣется, что, со временемъ, они будутъ служить ему также безсовѣстно, какъ служили его отцю?

Изъ членовъ Палаты Общинъ, одушевленныхъ этими чувствами, самымъ ожесточеннымъ и отважнымъ былъ Гоу. Онъ зашелъ такъ далеко, что однажды предложилъ изслѣдовать дѣйствія Парламента, собиравшагося въ 1685 году при началѣ правленія Іакова, и объявить нарушившими долгъ гражданской чести всѣхъ тѣхъ членовъ этого Парламента, которые держали сторону Двора. Это предложеніе было оставлено безъ поддержки со стороны всѣхъ замѣчательныхъ виговъ и встрѣтило сильную оппозицію со стороны Бэрча и Мэйнарда, ревностныхъ виговъ. Гоу принужденъ былъ замолчать; но онъ былъ человѣкъ, который не удерживался ни чѣмъ въ своемъ негодованіи; къ тому же его ободряли похвалы многихъ пылкихъ членовъ его партіи, вовсе не предвидѣвшихъ, что онъ, будучи теперь самымъ злобнымъ и неукротимымъ вигомъ, сдѣлается скоро самымъ злобнымъ и неукротимымъ тори.

Этотъ даровитый, безпокойный и злопамятный человѣкъ, хотя и занималъ при Дворѣ мѣсто съ большимъ жалованьемъ, ораторствовалъ противъ системы, которой слѣдовалъ Вильгельмъ въ замѣщеніи государственныхъ должностей. Его рѣчи повторялись, хотя и менѣе рѣзкимъ тономъ, со стороны другихъ крайнихъ виговъ. Ни одинъ изъ министровъ Карла или Іакова, говорили они, не долженъ быть министромъ Вильгельма. Первое нападеніе свое они направили противъ лорда президента Кэрмэртена (Дэнби). Гоу предложилъ представить адресъ королю, съ просьбою объ удаленіи отъ государственной службы и отъ совѣщаній съ его величествомъ всѣхъ лицъ, которыя когда либо были обвиняемы Палатой Общинъ. Это относилось къ Кэрмэртену, который подвергался обвиненію во время торжества виговъ, при папистскомъ заговорѣ. Пренія объ этомъ предложеніи были нѣсколько разъ отсрочиваемы, но оно имѣло шансы быть принятымъ Палатою, и Вильгельмъ послалъ Дикведьта переговорить съ Гоу. Гоу былъ неумолимъ. Онъ былъ человѣкъ безкорыстный. — Я исполняю свою обязанность, какъ вѣрноподданный, сказалъ онъ: — я хочу спасти короля отъ ложныхъ друзей; говорить истину я ни за что не перестану, даже и тогда, еслибъ это сопряжено было съ потерею моего мѣста. — Пренія начались и предложеніе Гоу было отвергнуто. Прежніе проступки Кэрмэртена

дѣйствительно были велики; но они искупались недавними важными его заслугами. Въ то время, когда онъ вооружилъ Йоркское графство противъ католиковъ и произвольной власти, его увѣряли самые крайніе виги, что всѣ старыя ссоры будутъ забыты. Но Гоу говорилъ, что всѣ любезности, къ которымъ прибѣгаетъ человѣкъ въ минуту опасности, ничего не значатъ. «Когда змѣя обовьетъ мою руку, говорилъ онъ: — я буду обходиться съ ней ласково; но сбросивъ ее на землю, я въ тотъ же мигъ наступлю на нее и раздавлю.» — Однако же лордъ президентъ имѣлъ за себя такое сильное большинство, что послѣ преній, продолжавшихся три дни, враги его не рѣшились потребовать балотировки, и билль былъ отвергнутъ безъ раздѣленія голосовъ.

Слѣдующее нападеніе было сдѣлано на Галифакса. Онъ находился въ менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ Кэрмэртенъ, который подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья почти совсѣмъ удалился отъ дѣлъ. Галифакса вообще считали главнымъ совѣтникомъ короля; особенно обвиняли его за бѣдствія, постигшія англичанъ въ Ирландіи. Общій голосъ говорилъ, что эти гибельныя событія можно бы было отвратить своевременной заботливостью и принятіемъ энергическихъ мѣръ. Но правительство ничего не предвидѣло, очень мало дѣлало, и это немногое было сдѣлано или не во время или совершенно не такъ, какъ бы слѣдовало. Начались переговоры, тогда какъ нужно бы отправить войско, котораго небольшое количество было бы весьма достаточно, а въ то время, когда нужно бы послать сильное войско, были посланы небольшіе отряды. Вотъ естественные плоды (восклицали ревностные виги) великой ошибки, которую сдѣлалъ Вильгельмъ въ самомъ началѣ своего царствованія. Онъ ввѣрился тори и людямъ средней партіи, которые не заслуживали довѣрія. Онъ поручилъ управленіе ирландскими дѣлами предводителю средней партіи, человѣку, способности котораго не подлежатъ сомнѣнію, но который не преданъ душою новому правительству, который не можетъ быть душевно преданъ никакому правительству, который постоянно колебался между двумя партіями, и который, до минуты бѣгства Іакова, не хотѣлъ покинуть надежды, что инсургентовъ можно успокоить безъ перемѣны династіи. Гоу постоянно обвинялъ Галифакса во всѣхъ бѣдствіяхъ государства. Монмоутъ точно также говорилъ въ Палатѣ Лордовъ. Будучи первымъ лордомъ казначейства, онъ не обращалъ однако же ни малѣйшаго вниманія на финансовыя дѣла, къ которымъ былъ совершенно неспособенъ, и которыя вскорѣ ему наскучили. Всѣ его способности и вся его энергія направлены были къ тому, чтобъ преслѣдовать тори. Онъ прямо говорилъ королю, что кто не вигъ, тотъ не

долженъ оставаться въ государственной службѣ. Отвѣтъ Вильгельма былъ холоденъ и рѣшителенъ: — Я сдѣлалъ для вашихъ друзей все, чтó можно было сдѣлать, не подвергая государство опасности. Больше того я не сдѣлаю.—Этотъ упрекъ только усилилъ политическую горячность Монмоута. Онъ интриговалъ особенно противъ Галифакса съ неутомимымъ ожесточеніемъ. Другіе вигистскіе лорды казначейства, Деламеръ и Кэпель, едва ли менѣе Монмоута хотѣли низвергнуть Галифакса. Личная зависть и антипатія побуждали Кэрмартена соединиться съ своими врагами противъ своего соперника. До какой степени основательны были обвиненія, взводимыя тогда на Галифакса, нынѣ трудно рѣшить. Его враги, хотя и допрашивали безчисленное множество свидѣтелей, и даже получили вынужденное позволеніе Вильгельма пересматривать черновыя бумаги Государственнаго Совѣта, ничего не нашли такого, чтó могло бы послужить положительнымъ обвиненіемъ. Неоспоримо было только то, что Галифаксъ завѣдывалъ ирландскими дѣлами, и чтó Ирландія была почти совершенно потеряна. Неумѣстно и даже нелѣпо было бы полагать, какъ полагали многіе виги, что причиною неудачъ въ управленіи Галифакса было его нежеланіе вести дѣла съ пользою для правительства. Истина, повидимому, заключалась въ томъ, что положеніе дѣлъ было очень затруднительно и что Галифаксъ при всемъ своемъ умѣ и краснорѣчіи, не способенъ былъ бороться съ этими затрудненіями. Весь механизмъ правительства былъ разстроенъ, и Галифаксъ не имѣлъ качествъ, нужныхъ для приведенія его въ порядокъ: въ немъ не было ни неутомимой энергіи, ни непоколебимой рѣшимости. Дѣятельность его стала еще болѣе нерѣшительною вслѣдствіе глубокой горести. Менѣе, чѣмъ въ годъ, онъ потерялъ двухъ сыновей. Сохранилось письмо, въ которомъ онъ жалуется лэди Россель на пустоту въ своемъ сердцѣ и на жестокую неблагодарность виговъ. Мы имѣемъ также отвѣтъ на это письмо, въ которомъ лэди Россель кротко совѣтуетъ ему искать утѣшенія тамъ, гдѣ она сама искала его въ минуты испытаній, не менѣе тяжкихъ.

Первое нападеніе на Галифакса было сдѣлано въ Палатѣ Лордовъ. Нѣкоторые вигистскіе лорды, особенно Монмоутъ, согласились сдѣлать королю предложеніе о назначеніи новаго президента Палаты, вмѣсто Галифакса. Друзья Галифакса успѣли вовсе отстранить преніе объ этомъ. Недѣли три спустя, его преслѣдователи въ Палатѣ Общинъ предложили, не обвиняя Галифакса, посовѣтовать ему оставить службу. Преніе было жаркое. Умѣренные политики той и другой партіи не хотѣли оскорбить человѣка, отличавшагося какъ дарованіями, такъ и любезностью характера. Обвини-

тели Галифакса видѣли, что имъ нельзя достигнуть своей цѣли, и,
предложеніемъ отсрочить пренія старались уклониться отъ рѣше-
нія, которое, по всей вѣроятности, не согласовалось бы съ ихъ ви-
дами. Но ихъ тактика была разстроена благородною рѣчью лорда
Эланда, единственнаго сына маркиза. —«Мой отецъ, сказалъ этотъ
молодой нобльменъ, не заслужилъ того, чтобъ съ нимъ шутили та-
кимъ образомъ. Если вы считаете его виновнымъ, то скажите это
прямо. Онъ немедленно покорится вашему приговору. Устраненіе
отъ власти не страшитъ его. Благодаря Бога, онъ стоитъ выше необ-
ходимости гнаться за должностью для того только, чтобъ имѣть сред-
ства къ поддержанію своего званія». Голоса были поданы и Гали-
факсъ былъ оправданъ большинствомъ, впрочемъ незначительнымъ.

Еслибъ подачею голосовъ промедлили еще на нѣсколько часовъ,
большинство весьма вѣроятно было бы гораздо больше. Палата Об-
щинъ подавала голоса подъ тѣмъ убѣжденіемъ, что Лондондерри
палъ, и что вся Ирландія потеряна для Англіи. Но лишь только Па-
лата кончила засѣданіе, какъ прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ,
что Киркъ вступилъ въ Лондондерри. За этимъ курьеромъ прибылъ
второй, съ извѣстіемъ о снятіи осады, и наконецъ третій курьеръ
привезъ донесеніе, что эннискилленцы одержали побѣду при Нью-
тонъ-Бутлерѣ. Неудовольствіе и уныніе уступили мѣсто надеждѣ и
восторгу. Ульстеръ находился внѣ опасности. Съ полною увѣренно-
стію ожидали, что Шомбергъ поспѣшно овладѣетъ Лейнстеромъ,
Коннотомъ и Мюнстеромъ. Онъ уже готовъ былъ къ выступленію.
Портъ Честеръ былъ мѣстомъ, откуда онъ долженъ былъ отпра-
виться. Тамъ должна была собраться армія, ввѣренная его командо-
ванію; гавань Ди была наполнена линейными кораблями и транс-
портами. Къ несчастію, почти всѣ англійскіе солдаты, бывавшіе въ
военныхъ дѣйствіяхъ, находились во Фландріи. Большая часть во-
енныхъ силъ, назначенныхъ въ Ирландію, состояла изъ людей,
только что взятыхъ отъ плуга. Въ числѣ ихъ была впрочемъ пре-
восходная бригада голландскихъ войскъ, подъ командою опытнаго
генерала, графа Сольмса. Четыре полка, одинъ кавалерійскій и три
пѣшихъ, были сформированы изъ французскихъ выходцевъ, боль-
шая часть которыхъ носила оружіе съ честью. Никто такъ не со-
собствовалъ сформированію этихъ полковъ, какъ маркизъ Рювиньи.
Втеченіе многихъ лѣтъ онъ былъ вѣрнымъ и полезнымъ слу[жителемъ]
французскаго правительства. Его заслуги высоко цѣнились при
версальскомъ Дворѣ, ему предлагали льготы, которыхъ при всѣхъ
домогательствѣ не могъ бы получить никакой другой протестант.
Еслибъ онъ захотѣлъ остаться въ своемъ отечествѣ, то ему и его
семейству дозволено бы было отправлять богослуженіе по обря[ду]

его вѣры. Но Рювиньи отвергъ всѣ предложенія, предпочелъ соединить свою судьбу съ судьбою своихъ собратовъ, и, имѣя восемьдесятъ лѣтъ отъ роду, промѣнялъ Версаль на скромное жилище въ Гринвичѣ. Это жилище, втеченіе послѣднихъ мѣсяцевъ его жизни, служило убѣжищемъ для всего, что только было замѣчательнаго между его товарищами выходцами. Его дарованія, его опытность, его щедрость, давали ему неоспоримое право быть ихъ главою. Онъ на половину былъ англичаниномъ, потому что сестра его была графиней Соутгэмптонской, и онъ самъ былъ дядей лэди Россель. Онъ давно уже оставилъ военное поприще. Но его два сына, люди блестящей храбрости, посвятили себя службѣ Вильгельма.

Генералъ, которому ввѣрена была экспедиція противъ Ирландіи, успѣлъ пріобрѣсть расположеніе и уваженіе англійской націи. Онъ сдѣланъ былъ герцогомъ, кавалеромъ ордена Подвязки и начальникомъ всей артиллеріи. Въ настоящее время, онъ поставленъ былъ въ главѣ арміи; а между тѣмъ, его возвышеніе ни въ комъ не возбуждало той зависти, которая проявлялась каждый разъ, когда король отличалъ своею милостію Бентинка, Зулестейна и Оверкерка. Геніальность Шомберга въ военномъ дѣлѣ была признана всѣми. Всѣ протестанты считали его страдальцемъ за вѣру. Для своей религіи онъ отказался отъ весьма значительныхъ доходовъ, отказался отъ маршальскаго жезла, и на восьмидесятомъ году рѣшился вновь начать карьеру, какъ воинъ—скиталецъ. Такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ связей въ Голландіи и никогда не принадлежалъ къ маленькому Двору въ Гагѣ, то преимущество, которое отдавали ему передъ англійскими генералами, весьма справедливо приписывали не національному или личному пристрастію, но его добродѣтелямъ и дарованіямъ. Его манеры рѣзко отличались отъ привычекъ другихъ иностранцевъ, только что возведенныхъ въ достоинство перовъ, которые не могли принаровиться къ тону англійскаго общества. Шомбергъ былъ гражданиномъ свѣта, объѣхалъ всю Европу, командовалъ арміями на Мозелѣ, на берегахъ Эбро и Таго, жилъ въ великолѣпномъ Версалѣ и пользовался милостію при берлинскомъ Дворѣ. Онъ провелъ нѣсколько времени въ Англіи, говорилъ отлично хорошо по англійски, усвоилъ англійскія привычки, и его часто видѣли въ паркѣ гуляющимъ въ обществѣ англичанъ.

Въ молодости онъ былъ очень воздерженъ; зато его воздержаніе вознаграждено было замѣчательно свѣжей и бодрой старостью. На восьмидесятомъ году онъ могъ еще, вступая въ разговоръ, говорить съ одушевленіемъ; кавалерійскіе корнеты завидовали граціи и достоинству, съ которыми ветеранъ являлся въ Гэйдъ—

Паркѣ на своемъ скакунѣ, въ главѣ своего полка. Палата Общинъ единодушно вознаградила заслуги его подаркомъ въ сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Передъ отъѣздомъ въ Ирландію, онъ испросилъ позволеніе выразить благодарность свою за такой щедрый подарокъ. Для него поставили кресло подлѣ президента и направо стоялъ герольдмейстеръ съ булавою. Шомбергъ, въ нѣсколькихъ словахъ, выразилъ свою признательность. Ораторъ отвѣчалъ, что Палата Общинъ не можетъ забыть услугъ, оказанныхъ его сіятельствомъ, что ей пріятно видѣть его въ главѣ англійской арміи, что она вполнѣ увѣрена въ его усердіи и дарованіяхъ и что, въ какомъ бы отдаленномъ мѣстѣ онъ ни находился, Палата вмѣняетъ себѣ въ обязанность заботиться о его спокойствіи. Примѣръ этотъ повторился со всею подробностію спустя сто-двадцать-пять лѣтъ. На томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ въ іюлѣ 1689 года, Шомбергъ изъявлялъ свою признательность къ щедрости націи, въ іюлѣ 1814 г. поставлено было кресло для еще болѣе знаменитаго полководца, который выразилъ свою благодарность за еще болѣе щедрое изъявленіе народной признательности. Есть случаи, разительно поясняющіе особенный характеръ англійскаго правительства и народа. Палата Общинъ, это народное собраніе, даже въ минуту радостнаго энтузіазма, придерживалась старинныхъ формъ съ геральдическою акуратностью, въ девятнадцатомъ столѣтіи соблюдая тѣ условія этикета, которыя существовали и въ семьнадцатомъ; ту же самую булаву, которую держалъ герольдмейстеръ подлѣ Шомберга, держалъ такой же герольдмейстеръ и подлѣ Веллингтона.

12 августа Парламентъ, послѣ постоянныхъ засѣданій втеченіе семи мѣсяцовъ, былъ распущенъ по повелѣнію короля, для непродолжительнаго отдыха. Та же газета, которая объявила, что Парламентъ прекратилъ свои засѣданія, объявила также, что Шомбергъ вступилъ на ирландскій берегъ.

Втеченіе трехъ недѣль, предшествовавшихъ его высадкѣ на этотъ берегъ, Дублинскій Замокъ находился въ крайнемъ уныніи и недоумѣніи. Одно бѣдствіе слѣдовало за другимъ такъ быстро, что Іаковъ совершенно упалъ духомъ. Онъ узналъ сначала, что осада Лондондерри снята; потомъ, что одна изъ его армій разбита эннискилленцами, что другая армія отступаетъ, или, вѣрнѣе, бѣжитъ изъ Ульстера, что Слиго, ключь Коннота, взятъ англичанами. Онъ видѣлъ невозможность покорить колонистовъ, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ они остались безъ всякой помощи. Тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ сомнѣваться въ успѣхѣ борьбы съ ними, если ихъ будутъ поддерживать англійская армія, подъ командою

знаменитѣйшаго генерала. Несчастный король, втеченіе нѣсколькихъ дней, находился въ глубокомъ уныніи. На Аво опасность производила совсѣмъ другое дѣйствіе. Теперь, онъ думалъ, наступило время обратить войну между англичанами и ирландцами въ войну истребленія и сдѣлать невозможнымъ соединеніе двухъ націй подъ одно правительство. Съ этою цѣлію, онъ хладнокровно сдѣлалъ Іакову предложеніе ужасной, невѣроятной жестокости. Онъ хотѣлъ возобновить Варѳоломеевскую ночь. Найти поводъ къ тому было не трудно. Безъ всякаго сомнѣнія, когда сдѣлается извѣстнымъ, что Шомбергъ въ Ирландіи, то въ южныхъ городахъ, гдѣ населеніе состояло преимущественно изъ англичанъ, непремѣнно произойдетъ волненіе. А всякое волненіе, гдѣ бы оно ни случилось, подавало поводъ къ всеобщему избіенію протестантовъ Лейнстера, Мюнстера и Коннота. Такъ какъ король не выразилъ ужаса при этомъ предложеніи, то Аво, спустя нѣсколько дней, возобновилъ его, и настойчиво просилъ Іакова отдать необходимыя приказанія. Іаковъ, съ горячностію, которая дѣлала ему честь, объявилъ, что его ничто не принудитъ сдѣлать такое преступленіе. «Эти люди, говорилъ онъ: — мои подданные; я не могу быть до такой степени жестокимъ, чтобъ отдать приказаніе перерѣзать ихъ, тогда какъ они мирно живутъ подъ моимъ правительствомъ.» — «Въ моемъ предложеніи ничего нѣтъ жестокаго, отвѣчалъ кровожадный дипломатъ. Ваше величество должны принять въ соображеніе, что, оказывая милость протестантамъ, вы оказываете жестокость католикамъ.» Этотъ отвѣтъ не имѣлъ на Іакова ни малѣйшаго дѣйствія, и Аво удалился въ весьма дурномъ расположеніи духа. Онъ полагалъ, что чувство человѣколюбія въ Іаковѣ было притворно, и что, если не дано было приказанія на такое кровопролитіе, то потому только, что Іаковъ былъ увѣренъ, что католики всей Ирландіи нападутъ на протестантовъ, не ожидая приказаній. Но въ этомъ предположеніи Аво сильно ошибался. Что онъ считалъ Іакова такимъ же безнравственнымъ человѣкомъ, какимъ былъ самъ, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Странно одно только, какъ онъ не замѣтилъ, что Іаковъ и онъ имѣютъ въ виду совершенно различныя цѣли. Цѣль политики Аво заключалась въ томъ, чтобъ сдѣлать разъединеніе между Англіей и Ирландіей вѣчнымъ. Цѣль политики Іакова въ томъ, чтобъ соединить Англію и Ирландію подъ свой скипетръ; Іаковъ не могъ не знать, что еслибъ произошло всеобщее избіеніе ирландскихъ протестантовъ, и еслибъ стали подозрѣвать, что это сдѣлано съ его согласія, или, что онъ не хотѣлъ предотвратить рѣзни, то черезъ двѣ недѣли у него не останется ни одного приверженца даже въ Оксфордѣ.

Скоро, однако же, перспектива Іакова, казавшаяся безнадежно мрачною, начала проясняться. Опасность, приводившая его въ уныніе, возбуждала ирландцевъ. За шесть мѣсяцовъ передъ тѣмъ, они единодушно возстали противъ англичанъ. Армія, сформированная Тирконнелемъ, была огромна сравнительно съ числомъ народонаселенія, изъ котораго была набрана. Но эта армія понесла длинный рядъ неудачъ и пораженій, не искупленныхъ ни однимъ замѣчательно блестящимъ подвигомъ. Какъ въ Англіи, такъ и на материкѣ весьма охотно приписывали эти пораженія малодушію и робости ирландцевъ. Это ошибочное мнѣніе въ достаточной степени опровергнуто исторіей всѣхъ войнъ, веденныхъ во всѣхъ частяхъ христіанскаго міра втеченіе пяти послѣднихъ поколѣній. Аво также извѣщалъ свое правительство, что ирландцы одарены личной храбростью, искренно преданы дѣлу, по поводу котораго взялись за оружіе, и сильно ожесточены противъ колонистовъ. Описавъ ихъ мужество и одушевленіе, онъ приступалъ къ объясненію, почему они постоянно были поражаемы. «Мужество и патріотическій энтузіазмъ, говорилъ онъ: — не замѣняютъ въ войскѣ дисциплины. Пѣхота ирландцевъ дурно вооружена и дурно обучена. Они имѣютъ привычку грабить, гдѣ бы ни явились. Они усвоили всѣ привычки бандитовъ. Между ними едва ли найдется хотя одинъ офицеръ, который бы умѣлъ научить ихъ исполненію своей обязанности. Ихъ начальники большею частію люди хорошихъ фамилій, но никогда не видавшіе службы. Ни одинъ изъ нихъ не заботится объ удобствѣ, продовольствіи или обученіи своихъ солдатъ. Но конница ирландская гораздо лучше пѣхоты.» Почти всѣ ирландскіе джентльмены, которые имѣли понятіе о военной службѣ, были офицерами въ кавалеріи. Благодаря усиліямъ этихъ офицеровъ, нѣкоторые полки были доведены до такой степени совершенства и дисциплины, что, по словамъ Аво, могли равняться съ какими угодно полками на континентѣ. Изъ этого видно, что безсиліе пѣхоты должно приписать слабости не ирландскаго характера, но ирландской администраціи.

Событія, случившіяся осенью 1689 года, достаточно доказали, что злосчастная нація, на которую враги и союзники смотрѣли съ несправедливымъ презрѣніемъ, при всѣхъ недостаткахъ, нераздѣльныхъ съ нищетою и невѣжествомъ, имѣла и прекрасныя качества, которыя не всегда встрѣчаются въ болѣе благоденствующихъ и просвѣщенныхъ обществахъ. Несчастныя извѣстія, приводившія Іакова въ смущеніе и ужасъ, пробудили патріотизмъ во всемъ народонаселеніи южныхъ провинцій. Со всѣхъ алтарей двадцати-трехъ округовъ провозглашалось, что Ульстеръ потерянъ; что англичане

идутъ въ южную Ирландію, что смерть уже размахнула крыльями своими между двумя враждебными націями, что остается одинъ путь къ спасенію и если этотъ шансъ будетъ потерянъ, то ирландцевъ ожидаетъ деспотическое, безпощадное господствованіе англійской колоніи и Протестантской церкви. Католическій священникъ, только что занявшій слѣпленную изъ глины часовню, католическій помѣщикъ, только что принесенный на плечахъ восхищенными поселянами въ домъ своихъ предковъ, снова будутъ изгнаны, поселяне снова угнетены и несчастны. Новыя конфискаціи довершатъ дѣло прежнихъ конфискацій, и приверженцы Вильгельма овладѣютъ тѣмъ, что̀ пощадили приверженцы Кромвелля. Эти опасенія произвели такой взрывъ патріотическаго и религіознаго энтузіазма, что замедлили на нѣкоторое время неизбѣжный день покоренія. Аво былъ въ восторгѣ отъ энергіи, которую оказывали ирландцы въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ. Это была дикая и необузданная энергія полуварварскаго народа; она была скоротечна, часто имѣла дурное направленіе, но при всемъ томъ, дѣлала чудеса. Французскій посланникъ принужденъ былъ сознаться, что офицеры, на неспособность и бездѣйствіе которыхъ онъ такъ часто жаловался, вдругъ сбросили съ себя свою летаргію. Рекруты являлись тысячами. Ряды войскъ, значительно уменьшенные подъ стѣнами Лондондерри, весьма скоро пополнились даже до избытка. Большаго стоило труда вооружить и одѣть войска;—но втеченіе какихъ нибудь двухъ недѣль все приняло новый, лучшій видъ.

Въ замѣнъ ревностнаго усердія и участія къ дѣлу Іакова, ирландцы просили у него одной только уступки, въ высшей степени для него непріятной. Народная ненависть къ Мельфорту дошла до того, что его жизнь находилась въ опасности. У него не было ни одного друга, который бы замолвилъ хоть слово въ его пользу. Французы ненавидѣли его. Въ каждомъ письмѣ, присылаемомъ въ Дублинъ изъ Англіи или Шотландіи, его называли злымъ геніемъ дома Стюартовъ. Для самого Іакова необходимо было уволить его. Къ этому нашелся предлогъ. Мельфорту приказано было отправиться въ Версаль, чтобы объяснить положеніе дѣлъ въ Ирландіи, и просить французское правительство о немедленной присылкѣ въ Ирландію шести или семи тысячъ отборнаго войска. Мельфортъ оставилъ свою должность, исправленіе которой, къ величайшему восторгу ирландцевъ, передано было ирландцу сэру Ричарду Нэглю, который пріобрѣлъ общее уваженіе, будучи генералъ-адвокатомъ и президентомъ Палаты Общинъ. Мельфортъ отправился подъ прикрытіемъ ночи: ожесточеніе народа противъ него было таково, что онъ не могъ показаться на ули-

цѣ днемъ, не подвергая жизнь свою опасности. На другое утро Іаковъ выѣхалъ изъ столицы въ противоположную сторону, чтобъ идти на встрѣчу Шомбергу.

Шомбергъ высадилъ войско свое въ Антримѣ. Войско это не превышало десяти тысячъ человѣкъ; но онъ ожидалъ, что къ нему присоединятся вооруженные колонисты и полки, находившіеся подъ командой Кирка. Политики лондонскихъ кофеенъ надѣялись, что такой полководецъ, съ такимъ войскомъ очень быстро завоюетъ островъ. Къ несчастію, скоро оказалось, что средства, которыми онъ располагалъ, были вовсе несоразмѣрны съ предпріятіемъ, которое онъ долженъ былъ выполнить. Большой части этихъ средствъ онъ лишился почти при самомъ началѣ экспедиціи отъ непредвидѣнныхъ бѣдствій; и вся кампанія была только продолжительною борьбою съ неудачами.

Въ то время, когда Шомбергъ проходилъ по странѣ, представлявшей собою совершенную пустыню, ирландскія войска быстро собирались со всѣхъ сторонъ. Десятаго сентября королевское знамя Іакова развернулось надъ башней Дрогеды, и подъ нимъ собралось двадцать тысячъ пѣхоты, довольно неисправной, и конницы, отличной; но какъ пѣхота, такъ и конница сгорали нетерпѣніемъ сразиться за отечество и за религію. Войско это провожала огромнѣйшая толпа охотниковъ, вооруженныхъ косами, полукопьями и длинными ножами. Шомбергъ приблизился къ Дондальку. Разстояніе между обѣими арміями было не болѣе, какъ на суточный маршъ. По этому всѣ ожидали, что судьба острова скоро будетъ рѣшена генеральнымъ сраженіемъ.

Въ обоихъ лагерахъ, тѣ, которые не имѣли понятія о войнѣ, нетерпѣливо желали сразиться; въ обоихъ лагерахъ тѣ, которые знали военное дѣло, были противъ сраженія. Ни Розенъ, ни Шомбергъ не хотѣли предоставить судьбу войны случаю. Каждый изъ нихъ зналъ очень хорошо недостатки своей арміи; ни тотъ, ни другой не зналъ о недостаткахъ враждебной арміи. Розенъ видѣлъ, что ирландская пѣхота плохо вооружена, командуема плохими офицерами и плохо дисциплинирована; онъ полагалъ, что англійскія войска превосходно обучены и хорошо снабжены всѣмъ необходимымъ для успѣшныхъ дѣйствій. Численность,—онъ разсуждалъ справедливо,—ничего не значитъ передъ превосходствомъ оружія и дисциплины. По этому онъ совѣтовалъ Іакову отступить и даже оставить Дублинъ непріятелю; но отнюдь не вступать въ сраженіе, потеря котораго могла бы быть потерею всего. По его мнѣнію, Атлонъ представлялъ лучшую позицію во всемъ королевствѣ. Переходъ черезъ рѣку Шеннонъ можно было бы защищать, пока не подоспѣ-

ютъ вспомогательныя войска, которыя Мельфорту поручено было просить у Франціи; а эти вспомогательныя войска измѣнили бы весь характеръ войны. Но ирландцы, съ Тирконнелемъ въ главѣ ихъ, не хотѣли и слышать объ отступленіи. Вся нація была взволнована. Іаковъ восхищался энтузіазмомъ своихъ подданныхъ и рѣшительно объявилъ, что не намѣренъ опозорить себя сдачею столицы непріятелю безъ выстрѣла.

Черезъ нѣсколько дней оказалось, что Шомбергъ не рѣшается вступить въ бой. Причины этому были весьма основательны. У него было немного хорошихъ голландскихъ и французскихъ войскъ. Эннискилленцы, которые къ нему присоединились, еще только начинали учиться военному дѣлу. Но главныя силы его состояли изъ англійскихъ поселянъ, только что взятыхъ отъ плуга. Его мушкатеры не умѣли зарядить ружья; его драгуны не умѣли управиться съ лошадью; эти неопытные воины были командуемы большею частію такими же неопытными офицерами. Его войска не превосходили ирландцевъ дисциплиною, и далеко уступали имъ въ численности. Мало того, Шомбергъ видѣлъ, что они были также плохо вооружены, также плохо снабжены лагерными принадлежностями, также плохо одѣты, какъ и ирландцы, съ которыми предстояло имъ сражаться. Богатство англійской націи и щедрость англійскаго Парламента давали ему право надѣяться на обильное снабженіе всѣми предметами, необходимыми для дальняго похода. Но онъ жестоко обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Администрація, со смерти Кромвелля, становилась болѣе и болѣе безсильною, болѣе и болѣе безчестною. Правительство Вильгельма пожинало теперь то, что посѣяно было Реставраціей. Толпа небрежныхъ и корыстолюбивыхъ чиновниковъ, воспитанная царствованіями Карла и Іакова, грабила, морила голодомъ и отравляла ядомъ арміи и флотъ Вильгельма. Изъ числа этихъ людей первымъ былъ Генри Шэльсъ, который въ царствованіе Іакова былъ генералъ-коммиссаромъ въ лагерѣ при Гонсло. Трудно винить новое правительство, что оно продолжало держать подобнаго человѣка: познанію своего дѣла, по своей опытности, онъ былъ незамѣнимъ. Къ несчастію, въ той же самой школѣ, въ которой Шэльсъ пріобрѣлъ опытность, онъ изучилъ и науку расхищенія государственной казны. Мясо и водка, которыя онъ отпускалъ, были такъ гадки, что солдаты смотрѣли на нихъ съ отвращеніемъ; палатки были гнилыя; въ самой необходимой одеждѣ былъ недостатокъ; ружейныя ложи ломались отъ самаго легкаго удара. Громадное число башмаковъ было поставлено на счетъ правительства; но, спустя два мѣсяца послѣ того какъ государственное казначейство выплатило этотъ счетъ, башмаковъ въ Ирландію не при-

сылали. Способы для перевозки багажа и артиллерія были крайне недостаточны. Въ Англіи, на общественныя деньги, купили множество лошадей и отправили ихъ на берега рѣки Ди. Но Шэльсъ на время жатвы отдалъ ихъ въ наемъ Честерскимъ фермерамъ, положилъ деньги въ свой карманъ, а между тѣмъ войска въ Ульстерѣ терпѣли нужду. Шомбергъ думалъ, что еслибъ онъ, съ своей плохо обученной и плохо вооруженной арміей, рискнулъ на битву противъ превосходной силы, то весьма вѣроятно потерпѣлъ бы пораженіе; онъ зналъ, что за пораженіемъ послѣдовала бы потеря ирландскаго королевства, а, можетъ быть, и Шотландіи и Англіи. Потому онъ рѣшился держаться въ оборонительномъ положеніи, пока войско его не пріучится къ дисциплинѣ, и пока не прибудутъ изъ Англіи подкрѣпленіе и аммуниція.

Онъ сталъ укрѣпленнымъ лагеремъ близъ Дондалька, такъ что никто не могъ принудить его вступить въ бой противъ желанія. Іаковъ, ободряемый осторожностью своего противника, и не слушаясь совѣтовъ Розена, подошелъ, съ ирландской арміею, къ передовымъ англійскимъ укрѣпленіямъ, выстроилъ конницу, пѣхоту и артиллерію въ боевой порядокъ, и распустилъ свое знамя. Англичане пламенно желали сразиться. Шомбергъ не допускалъ до этого: онъ не колебался ни хвастовствомъ ирландцевъ, ни ропотомъ своего войска. Втеченіе нѣсколькихъ недѣль онъ спокойно стоялъ за своими укрѣпленіями, отъ которыхъ ирландцы стояли въ нѣсколькихъ миляхъ. Это время онъ употребилъ на обученіе своего войска строевой службѣ. Онъ приказалъ мушкетерамъ постоянно заниматься стрѣльбой, и, судя по ихъ неопытности въ этомъ, оказывалось, что онъ поступалъ благоразумно, не выводя ихъ на сраженіе. Изъ четырехъ англійскихъ солдатъ только одинъ умѣлъ обращаться съ ружьемъ, и тотъ, кому удавалось выстрѣлить, хотя бы на воздухъ, полагалъ, что совершилъ великій подвигъ.

Между тѣмъ какъ герцогъ упражнялъ свои войска, ирландцы смотрѣли на его лагерь, не осмѣливаясь сдѣлать на него нападеніе. Но внутри укрѣпленнаго лагеря вскорѣ появились два бѣдствія, ужаснѣйшія, нежели врагъ: измѣна и повальныя болѣзни. Въ числѣ лучшихъ войскъ подъ командою Шомберга были французскіе эмигранты. На гугенотовъ можно было положиться вполнѣ. Ненависть самыхъ ревностныхъ англійскихъ протестантовъ къ бурбонамъ и католичеству была еще слабымъ чувствомъ сравнительно съ тѣмъ неукротимымъ ожесточеніемъ, которое пылало въ груди преслѣдуемаго, изгнаннаго изъ отечества лангедокскаго кальвиниста. Ирландцы уже замѣтили, что французскіе протестанты не просили и не давали пощады. Но къ тѣмъ эмигрантамъ, которые жертвовали

всѣмъ для реформатской религіи, примѣшивались эмигранты совсѣмъ иного рода, — французскіе дезертиры, прикрывавшіе свое преступленіе ложнымъ увѣреніемъ, что они протестанты, и что совѣсть ихъ не позволила имъ сражаться за притѣснителя ихъ церкви. Нѣкоторые изъ этихъ людей, полагая, что вторичной измѣной они пріобрѣтутъ прощеніе и награду, завели переписку съ Аво. Письма были перехвачены, и открылся опасный заговоръ. Оказалось, что еслибъ Шомбергъ поддался настойчивости тѣхъ, которые хотѣли сраженія, то нѣкоторые французскіе отряды, въ жару сраженія, сдѣлавъ выстрѣлы по англичанамъ, передались бы непріятелю. Такая измѣна могла бы произвесть паническій страхъ даже въ лучшей арміи, чѣмъ та, которая стояла лагеремъ подъ Дондалькомъ. Съ измѣнниками необходимо было поступить строго. Шесть заговорщиковъ были повѣшены. Двѣсти ихъ сообщниковъ были посланы въ оковахъ въ Англію. Послѣ этого происшествія уже на всѣхъ вообще французовъ, даже на гугенотовъ, стали смотрѣть съ несправедливымъ и неосновательнымъ подозрѣніемъ, и втеченіе нѣсколькихъ дней должно было опасаться, что непріятель будетъ порадованъ кровопролитной схваткою между англійскими солдатами и ихъ французскими союзниками.

За нѣсколько часовъ до казни главныхъ заговорщиковъ, былъ сдѣланъ общій смотръ всей арміи, и ряды англійскихъ батальоновъ явились очень неполными. Съ самого начала компаніи новобранцы страдали повальными болѣзнями, но только съ наступленіемъ осенняго равноденствія смертность достигла страшной силы. Осенніе дожди въ Ирландіи всегда бываютъ сильны; но въ тотъ годъ, они были сильнѣе обыкновеннаго. Вся страна была наводнена, и лагерь Шомберга обратился въ болото. Энискилленцы привыкли къ такой погодѣ. Голландцы жили въ странѣ, пропитанной водою. Они умѣли поддерживать въ своихъ мазанкахъ сухой воздухъ и опрятность; къ тому же у нихъ были опытные и заботливые офицеры, не позволявшіе имъ пренебрегать никакими предосторожностями, нужными для здоровья. Но поселяне Йоркшира и Дербишира не имѣли ни привычки къ сырой атмосферѣ, ни умѣнья защититься отъ ея вреднаго вліянія. Дурная провизія, доставляемая коммиссаріатомъ, увеличивала бѣдствія, производимыя климатомъ. Медицинскихъ средствъ почти совершенно не было. Докторовъ было мало. Походная аптека содержала въ себѣ только корпію, да пластыри для ранъ, и то въ скудномъ количествѣ. Англичане заболѣвали и умирали сотнями. Даже тѣ, которые не были поражены заразой, падали духомъ и унывали. Тщетно Шомбергъ старался научить ихъ улучшенію своихъ жилищъ, покрывая сырую землю толстыми матрацами изъ

папоротника. Трудъ казался имъ ужаснѣе самой смерти. Нельзя было ожидать, чтобъ люди, которые не хотѣли помогать самимъ себѣ, помогали другъ другу. Никто не ожидалъ и никто не оказывалъ сострадания. Привычка къ страшнымъ зрѣлищамъ произвела зачерствѣлость въ сердцахъ и какое-то отчаянное нечестіе, примѣры котораго трудно отъискать даже въ исторіи чумы. Стоны больныхъ заглушались богохульствомъ и сквернословіемъ ихъ товарищей. Часто несчастный, которому суждено было умереть до наступленія ночи, сидѣлъ на трупѣ другаго несчастнаго, умершаго поутру, ругался, пѣлъ соблазнительныя пѣсни, и пилъ тосты за здоровье сатаны. Когда мертвыя тѣла уносили для погребенія, оставшіеся въ живыхъ роптали. Трупы, говорили они, служатъ хорошей настилкою на сырой землѣ и хорошимъ стуломъ. Зачѣмъ людей, подвергающихся вліянію холоднаго воздуха, и принужденныхъ спать на мокрой землѣ, лишать такой удобной мебели?

Многихъ больныхъ отправили на англійскихъ судахъ въ Бельфастъ, гдѣ устроенъ былъ огромный госпиталь. Но едва ли половина изъ нихъ дожила до прибытія въ гавань. Нѣсколько кораблей долго стояли въ бухтѣ Каррикфергусъ, заваленные трупами, испускавшими зловоніе смерти, не имѣя въ своихъ палубахъ ни одного живаго существа.

Ирландская армія страдала гораздо менѣе. Поселянинъ Мюнстера или Коннота терпѣлъ въ лагерѣ не больше, нежели привыкъ терпѣть въ своей грязной лачугѣ, зараженной болотными испареніями. Ирландцы радовались бѣдствію англичанъ, и утѣшали себя надеждою, что враги ихъ погибнутъ безъ сраженія. Они съ восторгомъ слушали пушечные выстрѣлы, раздававшіеся при похоронахъ англійскихъ офицеровъ, пока наконецъ похороны сдѣлались такъ многочисленны, что перестали совершать ихъ съ воинскими почестями, и печальные звуки уступили мѣсто безмолвію, еще болѣе печальному.

Превосходство силъ было теперь столь очевидно на сторонѣ Іакова, что онъ могъ безопасно отдѣлить пять полковъ отъ своей арміи и послать ихъ въ Коннотъ. Сэрсфильду было поручено командованіе отрядомъ. Этотъ храбрый и даровитый генералъ не пользовался у Іакова тѣмъ расположеніемъ, которое вполнѣ заслуживалъ. Іаковъ, съ важностью умственнаго превосходства, при которой Аво и Розенъ вѣроятно кусали себѣ губы, удерживаясь отъ смѣха, говорилъ, что у этого храбреца мало мозга въ головѣ. Большаго труда стоило французскому посланнику убѣдить Іакова произвесть лучшаго офицера ирландской арміи въ чинъ бригадира. Сэрсфильдъ теперь вполнѣ оправдалъ благопріятное мнѣніе своихъ

французскихъ покровителей. Онъ вытѣснилъ англичанъ изъ Слиго, и защитилъ Гальве отъ нападенія, грозившаго этому городу.

На англійскій укрѣпленный лагерь передъ Дондалькомъ Іаковъ не дѣлалъ, однакожь, никакихъ нападеній. Среди затрудненій и бѣдствій, ежечасно умножавшихся, Шомбергъ съ каждымъ днемъ выказывалъ замѣчательнѣйшій геній и энергію. На поляхъ Монтесъ-Карлоса, подъ стѣнами Местрихта, увѣнчанный побѣдою, онъ не столько заслуживалъ удивленія, какъ въ болотахъ Дондалька. Его благоразуміе и рѣшительность постоянно бодрствовали. Его обращеніе, наперекоръ сильнымъ огорченіямъ и досадѣ, постоянно отличалось спокойствіемъ и веселостью. Число людей, способныхъ нести строевую службу, если только считать способными всѣхъ, которые не лежали на землѣ въ изнурительной лихорадкѣ, не превышало пяти тысячъ. Ихъ было едва достаточно для обыкновенныхъ карауловъ; а необходимость заставляла содержать двойные караулы. Старикъ бодро и мастерски держался съ этимъ небольшимъ отрядомъ противъ двадцатитысячнаго корпуса, сопровождаемаго безчисленной шайкой вооруженныхъ бандитовъ. Наконецъ, въ ноябрѣ, ирландцы отправились на зимнія квартиры; тогда и Шомбергъ удалился въ Ульстеръ. Въ то самое время, когда остатки его войска собирались выступить въ походъ, разнеслась молва, что приближается непріятель въ огромныхъ силахъ. Еслибъ молва эта была справедлива, то опасность была бы чрезвычайно велика. Но хотя англійскіе полки были доведены до третьей части настоящаго комплекта, и хотя здоровье людей находилось въ такомъ состояніи, что солдаты едва могли нести на плечахъ ружья, они показали, однакожь, странную радость и веселость, ожидая сраженія, и клялись, что ирландцы дорого поплатятся за всѣ бѣдствія прошедшаго мѣсяца.

Тревога оказалась ложною. Войско Шомберга выступило въ походъ, не обезпокоиваемое непріятелемъ; но большая дорога, по которой оно слѣдовало, представляла жалкій видъ. За войскомъ тащился длинный рядъ фургоновъ, наполненныхъ больными. Тѣла умирающихъ оставляли подлѣ дороги не погребенными, на жертву лисицамъ и воронамъ. Все число умершихъ въ Дондалькскомъ лагерѣ, въ госпиталѣ въ Бельфастѣ и на морѣ, простиралось до шести тысячъ. Уцѣлѣвшая часть войска размѣщена была на зиму по квартирамъ въ городахъ и селеніяхъ Ульстера.

О походѣ Шомберга судили различно. Знающіе и безпристрастные люди говорили, что онъ превзошелъ самого себя, и что въ Европѣ нѣтъ другаго полководца, который съ войскомъ изъ рекрутъ, съ неопытными офицерами, при недостаткѣ аммуниціи, при

обстоятельствахъ, принуждавшихъ его бороться въ одно и тоже время съ враждебной арміей, далеко превосходной по числу, съ воровствомъ коммиссаріата и съ убійственною эпидеміей, окончилъ бы кампанію, не потерявъ ни одного знамени, ни одного орудія. Съ другой стороны, молодые офицеры, неопытность которыхъ увеличивала затрудненія Шомберга, и которые не имѣли ни какихъ качествъ, нужныхъ офицеру, кромѣ личной храбрости, — роптали на искусство и терпѣніе, спасавшее ихъ отъ вѣрной гибели.—Ихъ жалобы находили отголосокъ въ Англіи. Нѣкоторые изъ роптавшихъ могли роптать. Родителей, которые посылали храбрыхъ сыновей своихъ пробивать дорогу къ славѣ, можно простить, если горесть ихъ была безпредѣльна и соединялась съ ропотомъ, когда они узнавали, что эти сыновья, ихъ единственная отрада и опора въ старости, умирали на соломѣ, безъ медицинскаго пособія, и были погребаемы въ болотѣ безъ всякихъ христіанскихъ обрядовъ и воинскихъ почестей. Но къ воплю родителей, лишившихся дѣтей, присоединяли свой ропотъ другіе люди, не имѣвшіе права жаловаться. Слушатели и разсказчики новостей порицали полководца, не доставлявшаго пищи ихъ любопытству. Политики кофейныхъ, не имѣвшіе ровно никакого понятія о войнѣ вообще и объ ирландской войнѣ въ особенности, удивлялись, почему Шомбергъ не далъ сраженія. — Нельзя сказать, говорили они, что этотъ генералъ не понимаетъ своего дѣла. Мы признаемъ, что нѣкогда онъ былъ отличнымъ полководцемъ; но онъ уже слишкомъ старъ; энергія умственныхъ его способностей уже ослабѣла; память измѣнила ему, въ полдень онъ забываетъ, о чемъ говорилъ поутру.—Но что лѣта не имѣли ни малѣйшаго вліянія на Шомберга, это доказывается его депешами, которыя могутъ служить образцомъ оффиціальнаго языка, сжатаго, яснаго и дѣльнаго. Въ нихъ онъ иногда намекаетъ безъ гнѣва, съ спокойнымъ пренебреженіемъ, на упреки, дѣлаемые ему пустыми болтунами, которые, никогда не видѣвъ военныхъ операцій, кромѣ развѣ смѣны караула въ Вайтголлѣ, воображаютъ, что нѣтъ ничего легче въ мірѣ какъ одерживать блестящія побѣды, въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ.

Какъ ни мало удовлетворительны были результаты ирландской кампаніи, но результаты морскихъ операцій въ томъ году были еще менѣе удовлетворительны. Всѣ съ полною увѣренностію ожидали, что на морѣ Англія, въ союзѣ съ Голландіей, легко побѣдитъ флоты Людовика; но все шло дурно. Гербертъ, послѣ незначительной стычки при бухтѣ Бэнтри, воротился съ своей эскадрой въ Портсмутъ. Тамъ онъ узналъ, что онъ еще не потерялъ хорошаго о себѣ мнѣнія ни со стороны народа, ни со стороны прави-

тельства. Палата Общинъ благодарила его за услуги; отъ короны онъ получилъ весьма лестныя изъявленія милости. Онъ не былъ при коронаціи, и потому не вошелъ въ число лицъ, награжденныхъ при этомъ торжествѣ. Въ замѣнъ того, теперь, Гербертъ получилъ титулъ графа Торрингтона. Вильгельмъ отправился въ Портсмутъ, обѣдалъ на адмиральскомъ кораблѣ, выразилъ полную увѣренность въ храбрости и вѣрности моряковъ, далъ награды нѣкоторымъ офицерамъ, и приказалъ раздать матросамъ подарки.

Нельзя осуждать Вильгельма за его высокое мнѣніе о Торрингтонѣ. Торрингтона вообще считали самымъ храбрымъ и искуснымъ изъ англійскихъ моряковъ. Онъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы Іаковомъ, который, если понималъ что нибудь, такъ понималъ именно морское дѣло. Это мѣсто и другія прибыльныя мѣста Торрингтонъ оставилъ, лишь только увидѣлъ, что можетъ удержать ихъ за собою не иначе, какъ сдѣлавшись орудіемъ іезуитскихъ интригъ. Никто не принималъ болѣе дѣятельнаго, болѣе смѣлаго и болѣе полезнаго участія въ переворотѣ 1688 года, потому всѣ соглашались, что никто не имѣлъ болѣе уважительныхъ правъ стоять въ главѣ морской администраціи. А между тѣмъ, никто не былъ менѣе способенъ занимать такой постъ. Правила Торрингтона никогда не отличались чистотою и строгостью, такъ что всѣхъ удивила твердость, съ которою онъ при Іаковѣ защищалъ протестантство. Немилость, какой онъ подвергся, произвела спасительную перемѣну въ его характерѣ. Въ нищетѣ и изгнаніи онъ изъ сластолюбца сдѣлался героемъ, но, какъ только счастіе снова улыбнулось ему, герой снова обратился въ сластолюбца. Энергія его души до такой степени была теперь ослаблена развратомъ, что Торрингтонъ сдѣлался совершенно неспособенъ къ отправленію должности, требующей дѣятельныхъ усилій. Онъ сохранилъ храбрость матроса, но потерялъ рѣшительность, нужную адмиралу, и энергію, нужную первому лорду адмиралтейства. Мѣсяцъ за мѣсяцемъ, флотъ, который бывалъ ужасомъ морей, стоялъ въ гавани, между тѣмъ какъ Гербертъ предавался въ Лондонѣ удовольствіямъ. Онъ воротился на корабль, сопровождаемый роемъ своихъ любовницъ. День и ночь онъ находился подъ вліяніемъ портвейна. Жажда удовольствій сдѣлала его алчнымъ до богатства. Не меньше наслажденій и денегъ онъ любилъ лесть. Давно уже привыкъ онъ требовать отъ своихъ подчиненныхъ низкаго прислужничества. Его флагманскій корабль представлялъ собою Версаль въ миньятюрѣ. Онъ требовалъ, чтобъ капитаны провожали его до каюты, когда онъ отправлялся спать, и собирались каждое утро къ туалету; онъ даже заставлялъ ихъ одѣвать себя. Одинъ изъ нихъ расчесывалъ пышный парикъ;

другой надѣвалъ на него шитый кафтанъ. Подъ такимъ начальствомъ не могло быть дисциплины. Его матросы проводили время въ дракахъ съ портсмутскою чернью. Тѣ офицеры, которые пріобрѣли его расположеніе прислужливостью и лестью, легко получали отпускъ, и проводили въ Лондонѣ цѣлыя недѣли, пируя въ тавернахъ, гуляя по улицамъ, любезничая съ масками въ театрахъ. Поставщики вскорѣ поняли, съ какимъ человѣкомъ имѣютъ дѣло, и отправляли на флотъ бочки мяса, котораго не тронули бы даже собаки, и анкерки пива, которое имѣло запахъ хуже тухлой воды. Между тѣмъ Британскій каналъ оставленъ былъ во власть французскимъ пиратамъ. Англійскія купеческія суда были захватываемы французами въ виду плимутскихъ укрѣпленій. Флотилія, на которой везли изъ Вестъ-Индіи сахаръ, лишилась семи кораблей. Цѣнность призовъ, взятыхъ непріятельскими крейсерами вблизи англійскихъ береговъ, пока Торрингтонъ проводилъ время за бутылкою въ своемъ гаремѣ, простиралась до шести сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Безъ огромной взятки, такъ было трудно получить конвой военнаго корабля, что англійскіе купцы принуждены были покупать защиту голландскихъ крейсеровъ и находили иностранныхъ моряковъ болѣе полезными и менѣе жадными, чѣмъ офицеровъ англійскаго королевскаго флота.

Единственная отрасль, управленіе которою заслуживало не порицанія, а похвалы, было управленіе иностранными дѣлами. Здѣсь Вильгельмъ былъ самъ министромъ; а тамъ, гдѣ онъ былъ министромъ, медленность, ошибки, нерадѣніе и измѣна не были возможны. Затрудненія, съ которыми ему предстояло бороться, были очень велики. Даже въ Гагѣ онъ встрѣчалъ оппозицію, которую при всемъ своемъ умѣ и твердости и при сильной поддержкѣ Гейнзіуса едва могъ одолѣвать. Англичане не знали, что въ то время, когда они роптали на пристрастіе Вильгельма къ Голландіи, въ Голландіи сильная партія роптала на его пристрастіе къ Англіи. Голландскіе посланники въ Вестминстерѣ жаловались, что условія союза, который предложилъ Вильгельмъ Голландіи, были унизительны для достоинства и невыгодны для интересовъ республики: что тамъ, гдѣ дѣло касалось чести англійскаго флага, Вильгельмъ былъ слишкомъ точенъ и настойчивъ; что онъ рѣшительно настоялъ на статьѣ, по которой воспрещалась всякая торговля съ Франціей, и которая не могла не произвесть непріятнаго впечатлѣнія на амстердамскую биржу; — что когда они выразили надежду на уничтоженіе Навигаціоннаго Акта, чрезвычайно стѣснявшаго голландское мореплаваніе, Вильгельмъ засмѣялся и сказалъ, что объ этомъ не слѣдуетъ и думать. Вильгельмъ

вынудилъ у Голландіи всѣ уступки, которыхъ требовалъ. Между Англіей и Батавскимъ союзомъ заключенъ былъ торжественный договоръ, по которому та и другая сторона обязывались твердо стоять противъ Франціи, и безъ взаимнаго согласія не заключать съ ней мира. Одинъ изъ уполномоченныхъ Голландіи сказалъ, что его будутъ называть измѣнникомъ за такія уступки; почеркъ подписи другаго на договорѣ доказываетъ, что рука его дрожала отъ волненія.

Между тѣмъ, подъ искуснымъ руководствомъ Вильгельма, заключенъ былъ союзъ между Голландіею и Австріей. Къ этому союзу присоединились Испанія и Англія; и такимъ образомъ четыре сильныя державы, давно соединенныя между собою дружественными отношеніями, связаны были теперь формальнымъ договоромъ противъ Франціи.

Но еще прежде, чѣмъ этотъ договоръ былъ подписанъ, всѣ договаривающіяся государства уже взялись за оружіе. Въ началѣ 1689 года война гремѣла по всему материку Европы, отъ Балканскихъ до Пиренейскихъ горъ. Франція, окруженная врагами со всѣхъ сторонъ, мужественно оборонялась; ея турецкій союзникъ отвлекалъ сильную германскую армію въ Сербію и Болгарію, но вообще результаты военныхъ операцій втеченіе лѣта (1689) были довольно благопріятны для союзниковъ. За Дунаемъ, христіане, подъ начальствомъ принца Людовика Баденскаго, одержали рядъ побѣдъ надъ мусульманами. Въ Руссильонскихъ дефилеяхъ французскія войска боролись безъ всякой существенной пользы съ воинственными поселянами Каталоніи. Одна германская армія, подъ командою Курфирста Баварскаго, заняла архіепископство кельнское. Другою командовалъ Карлъ, герцогъ Лотарингскій, который, будучи изгнанъ изъ своихъ владѣній оружіемъ Франціи, сталъ искать счастія въ военной службѣ, увѣнчалъ себя славой и удовлетворилъ чувству мести. Онъ выступилъ противъ опустошителей Палатината, принудилъ ихъ отступить за Рейнъ, и, послѣ продолжительной осады, взялъ важную и сильную крѣпость Мецъ.

Между Самброй и Маасомъ, французы, подъ командою маршала Юмьера, стояли противъ голландцевъ, предводимыхъ княземъ Вальдекскимъ. Подъ начальствомъ Вальдека находился Марльборо, которому Вильгельмъ поручилъ англійскую бригаду, состоявшую изъ лучшихъ полковъ старой арміи Іакова. Между арміями Юмьера и Вальдека не было ни одного генеральнаго сраженія; но въ нѣсколькихъ незначительныхъ битвахъ преимущество оставалось на сторонѣ союзниковъ, и Марльборо пріобрѣлъ въ этихъ дѣлахъ славу очень даровитаго генерала.

Приверженцы Іакова находили, однако же, въ событіяхъ кампаніи обильную пищу для своихъ памфлетовъ. Марльборо былъ главнымъ предметомъ ихъ язвительной ненависти. Въ его распоряженіяхъ на полѣ битвы даже злоба ничего не могла осудить; но были другія стороны его поведенія, представлявшія порицанію вѣрную цѣль. Жадность къ деньгамъ рѣдко бываетъ порокомъ молодаго человѣка; она рѣдко бываетъ порокомъ великаго человѣка; но Марльборо былъ однимъ изъ немногихъ, которые въ цвѣтѣ молодости любятъ деньги болѣе, чѣмъ вино или женщинъ, которые на высотѣ своего величія любятъ деньги болѣе, чѣмъ могущество или славу. Всѣ блестящіе дары, которыми природа надѣлила его, онъ цѣнилъ по мѣрѣ прибыли, которую они приносили ему. Двадцати лѣтъ онъ торговалъ своей красотой и крѣпостью физическихъ силъ. Шестидесяти лѣтъ онъ торговалъ своимъ геніемъ и своими способностями. Похвалы, которыхъ онъ вполнѣ заслуживалъ за свои военныя способности, не могли заглушить голоса тѣхъ, которые говорили, что этотъ герой истинный Гарпагонъ; что онъ, хотя и получалъ большія суммы, увѣряя, что долженъ держать открытый столъ для своихъ офицеровъ, ни разу не приглашалъ къ своему столу ни одного офицера; что списки его команды были составлены съ безсовѣстною лживостью; что онъ бралъ жалованье на такихъ солдатъ, которые давно уже не существовали, на солдатъ, которые были убиты передъ его глазами при Седжмурѣ; что такихъ солдатъ насчитывалось до двадцати въ одной ротѣ, и до тридцати шести въ другой. Только соединеніе неустрашимой храбрости и необыкновенной даровитости съ любезнымъ характеромъ и привлекательными манерами, могло сохранить, на перекоръ порокамъ, столь отвратительнымъ для солдата, доброе расположеніе къ нему его подчиненныхъ.

Около того времени, когда враждебныя арміи во всѣхъ частяхъ Европы отправлялись на зимнія квартиры, на тронъ Св. Петра вошелъ новый папа, подъ именемъ Александра VIII. Людовикъ надѣялся пріобрѣсть въ немъ союзника; но Александръ VIII рѣшился слѣдовать на дѣлѣ политикѣ своего предмѣстника, хотя на словахъ и выражалъ желаніе примириться съ Франціею. Главная причина раздора между папою и Людовикомъ не была устранена. Людовикъ продолжалъ самовластно назначать французскихъ епископовъ, а папа продолжалъ отказывать имъ въ іерархическомъ утвержденіи.

Англиканская церковь была въ это время раздираема такими же раздорами, какъ и Галликанская. Первое августа назначено было по парламентскому акту срокомъ, до истеченія котораго всѣ духовныя лица англиканскаго исповѣданія и всѣ члены

университетовъ, должны были дать присягу въ вѣрности Вильгельму и Маріи, или быть лишенными своихъ должностей и бенефицій, съ ними соединенныхъ. Втеченіе первой половины лѣта, приверженцы Іакова надѣялись, что число духовныхъ, которые не согласятся дать эту присягу, будетъ такъ значительно, что правительство станетъ въ затруднительное положеніе. Но они обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Правда, число виговъ между англиканскими членами духовенства было очень не велико, — всѣ остальные были тори, и только не многіе принадлежали къ тѣмъ умѣреннымъ тори, которые признавали, хотя съ неудовольствіемъ, что въ крайнихъ случаяхъ нація имѣетъ право прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ для огражденія законовъ. Большинство англиканскаго духовенства продолжало держаться системы безграничнаго повиновенія, которая логически вела къ отверженію правъ Вильгельма на королевскую власть; но это большинство раздѣлялось теперь на двѣ партіи. Система безграничнаго повиновенія до переворота 1688 года была только отвлеченнымъ вопросомъ и потому многіе разрѣшали его поверхностно, — этотъ вопросъ получилъ теперь чрезвычайную практическую важность, и потому стали разсуждать о немъ точнѣе. Если нужно оказывать безусловное повиновеніе, то кому же слѣдовало оказывать его? Когда наслѣдственное право и фактическая власть соединялись въ одномъ лицѣ, сомнѣнію не было мѣста; но наслѣдственное право и дѣйствительная власть были теперь разъединены. Одинъ король, возведенный на престолъ переворотомъ, владычествовалъ въ Вестминстерѣ, издавалъ законы, назначалъ сановниковъ и прелатовъ, посылалъ на войну арміи и флоты. Его судьи рѣшали тяжебныя дѣла; его шерифы арестовали должниковъ и наказывали преступниковъ. Правосудіе, порядокъ, собственность перестали бы существовать, и общество впало бы въ хаосъ, если бы не признавались грамоты, даваемыя его именемъ. Другой король, низведенный тѣмъ же переворотомъ, жилъ за границей. Онъ не имѣлъ никакой власти въ государственномъ правленіи; онъ могъ быть возведенъ на престолъ только средствами, столь же противозаконными, какъ и тѣ, помощію которыхъ онъ былъ низвергнутъ. Которому изъ этихъ двухъ королей слѣдовало повиноваться? Этотъ вопросъ очень затруднялъ партію тори, особенно англиканскихъ духовныхъ сановниковъ, поставленныхъ въ необходимость или присягнуть Вильгельму, или лишиться своихъ должностей.

Большинство англиканскаго духовенства рѣшило, что прямой смыслъ текста, говорящаго о повиновеніи властямъ предержащимъ, повелѣваетъ повиноваться тому государю, въ рукахъ котораго находится фактическая власть, каково бы ни было происхожденіе этой

власти. По словамъ Апостола, на которыя обыкновенно ссылалось англиканское духовенство въ своемъ ученіи о безграничности повиновенія, Богомъ утверждаются не только такіе властители, которые происходятъ отъ династій, прежде царствовавшихъ, но вообще властители, каково бы ни было начало ихъ власти. Когда Іисусъ Христосъ былъ вопрошенъ, долженъ ли избранный народъ давать дань Кесарю, Онъ отвѣчалъ фарисеямъ, предложивъ вопросъ не о томъ, можетъ ли Кесарь доказать свое происхожденіе отъ старинчаго царственнаго дома Іуды, но просто о томъ, дѣйствительно ли монета, которую они не рѣшались платить въ казну Кесаря, выпущена изъ монетнаго двора Кесаря? Другими словами, Онъ спросилъ ихъ, имѣетъ ли Кесарь фактическую власть и дѣйствительно ли онъ занимаетъ престолъ.

Вообще думаютъ, и конечно думаютъ справедливо, что самого вѣрнаго толкованія на тексты Евангелія и Посланій должно искать въ ученіи и жизни Христіанской церкви первыхъ вѣковъ. Времена, втеченіе которыхъ церковь, какъ признано всѣми, сохраняла высочайшую стоту, были временами частыхъ и бурныхъ переворотовъ въ Римской имперіи. Изъ мучениковъ третьяго столѣтія многіе были свидѣтелями десяти или двѣнадцати политическихъ переворотовъ. Эти мученики имѣли случай часто размышлять о своихъ обязанностяхъ къ государю, только что возведенному на престолъ тѣмъ или другимъ переворотомъ. Но достовѣрно извѣстно, что древніе христіане никогда не отказывались отъ повиновенія ни одному изъ римскихъ императоровъ, каково бы ни было происхожденіе его власти. Однажды случилось, что въ одно и тоже время явилось двадцать или тридцать императоровъ. Каждая провинція отъ Британіи до Египта имѣла своего императора. Эти претенденты не были императорами по праву престолонаслѣдія. Не смотря на то, не было ни одной провинціи, въ которой христіане не признавали бы надъ собою власти того лица, которое имѣло фактическую власть въ этой области. Между тѣмъ, какъ христіане города Рима повиновались Аврелію, христіане Ліона повиновались Тетрику, а христіане Пальмиры — Зиновіи. «Денно и нощно, — таковы слова великаго Кипріана, епископа карѳагенскаго, представителю императоровъ Валеріана и Галліена: — денно и нощно мы, христіане, молимся единому истинному Богу о благоденствіи нашихъ государей», — а эти государи, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, свергли съ престола Эмиліана, который низвелъ своего предшественника Галла, овладѣвшаго верховной властью, низвергнувъ своего предшественника Децiя, который убилъ своего предшественника Филиппа, который также убилъ своего предшественника Горліана. Возможно ли полагать, чтобъ великій святитель

святой Кипріанъ, который, въ короткій періодъ тринадцати или четырнадцати лѣтъ, былъ поочередно вѣрнымъ подданнымъ всѣхъ этихъ властителей, вошедшихъ на престолъ вовсе не по порядку престолонаслѣдія, — возможно ли было полагать, что этотъ святитель, если бы жилъ во времена Вильгельма и Іакова, почелъ бы нужнымъ повергать Англію въ волненіе, скорѣе, чѣмъ признать Вильгельма и Марію королемъ и королевою? Сто разъ англиканскіе духовные сановники, принимавшіе присягу на вѣрность Вильгельму, вызывали своихъ собратовъ, не принимавшихъ присяги, представить хоть одинъ примѣръ того, что первобытная церковь отказывалась въ повиновеніи узурпатору, — и каждый разъ ихъ противники не могли ничего сказать на этотъ вопросъ.

Даже въ позднѣйшей исторіи, духовные сановники, желавшіе присягнуть на вѣрность Вильгельму, съ трудомъ находили примѣръ, который бы соотвѣтствовалъ ихъ ученію. Въ Англіи многіе короли занимали престолъ, не имѣя на то наслѣдственнаго права, и однако же никогда въ такихъ случаяхъ не считалось несовмѣстнымъ съ обязанностію христіанина быть вѣрнымъ подданнымъ такихъ королей. Узурпація Генриха Четвертаго, и еще гораздо ненавистнѣйшая узурпація Ричарда Третьяго, не произвела ни малѣйшаго раздора въ англійской церкви. Лишь только узурпаторъ прочно утверждалъ свою власть, епископы покорялись его власти и принимали отъ него утвержденіе во владѣніи своими бенефиціями; конвокаціи англійскаго духовенства подносили ему адресы и опредѣляли платить налоги въ его казну съ духовныхъ имуществъ; ни одинъ духовный писатель не называлъ такую покорность прегрѣшеніемъ.

Ученіе Англиканской церкви, относительно повиновенія властямъ, повидимому вполнѣ согласовалось съ тою системою, которой держалась въ практикѣ первобытная и Англиканская церковь. «Бесѣда о своевольномъ мятежѣ», — эта бесѣда, признаваемая вѣрнѣйшимъ изложеніемъ ученія Англиканской церкви, и внушающая въ сильныхъ выраженіяхъ безусловную обязанность повиноваться властителямъ, говоритъ о властителяхъ, имѣющихъ фактическую власть. Въ ней прямо говорится, что люди должны повиноваться не только государямъ, получившимъ престолъ по наслѣдству, но и узурпаторамъ, которыхъ Богъ возвелъ на престолъ.

На этихъ основаніяхъ большинство англиканскаго духовенства, по прежнему утверждая, что сопротивляться власти государя — есть дѣло грѣховное, полагало, однако же, что не Іаковъ, а Вильгельмъ теперь былъ тотъ государь, не повиноваться которому было бы грѣшно.

На эти доводы тѣ духовные сановники, которые не рѣшались присягнуть, отвѣчали, что Апостолъ Павелъ подъ словомъ «власть» подразумѣвалъ законную власть; и что перетолковывать его слова въ иномъ смыслѣ, значило бы противорѣчить здравому смыслу, подавать невѣрующимъ поводъ къ злословію, а насмѣшникамъ случай къ поруганію надъ истиной. Во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, продолжали не присягавшіе, преданность правому дѣлу считалась добродѣтелью. Во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, тотъ человѣкъ, который считалъ справедливою стороною сильнѣйшую сторону, считался недостойнымъ уваженія. Въ Св. Писаніи, говорили они, находится разсказъ о Царѣ Израильскомъ, котораго жестокосердый сынъ изгналъ изъ дворца, и принудилъ бѣжать за Іорданъ. Давидъ, подобно Іакову, имѣлъ наслѣдственное право; Авессаломъ, подобно Вильгельму, имѣлъ фактическую власть. Кто рѣшится утверждать, что поведеніе Семея, измѣнившаго Давиду, надобно принять за образецъ, достойный подражанія? Тѣмъ, которые рѣшились повиноваться парламентскому акту, слѣдовало бы признаться откровенно въ томъ, что извѣстно каждому, — именно въ томъ, что они просто хотятъ удержать за собой свои бенефиціи, — причина, безъ всякаго сомнѣнія, весьма сильная. Весьма натурально, что англиканскій священникъ или епископъ, мужъ и отецъ семейства, долженъ съ ужасомъ ожидать перваго августа и перваго февраля. Но онъ долженъ помнить, что какъ ни ужасенъ день временнаго устраненія и потомъ день совершеннаго удаленія отъ должности, но есть впереди два дня еще болѣе ужасные: день смерти и день страшнаго суда.

Эти и тому подобныя возраженія сильно затрудняли сановниковъ англиканскаго духовенства, давшихъ присягу. Въ особенности смущало ихъ сравненіе, безпрестанно выставляемое на видъ тѣми, которые не хотѣли принять присягу, сравненіе между узурпаціей Кромвелля и узурпаціей Вильгельма. Въ то время не было ни одного ультра-англиканца, который не призналъ бы себя проигравшимъ дѣло, если бы доведенъ былъ противниками до необходимости сказать, что Англиканская церковь должна была повиноваться Кромвеллю. А между тѣмъ невозможно было не видѣть, что Вильгельмъ владѣлъ верховною властію на основаніи того же способа, какъ и Кромвелль. Вслѣдствіе этого, давшіе присягу избѣгали споровъ по этому предмету съ недавшими присяги точно также боязливо, какъ не давшіе присягу избѣгали споровъ съ давшими ее относительно ученія и примѣра первобытной христіанской церкви.

Дѣло въ томъ, что система, издавна проповѣдуемая ультра-англиканцами, была до такой степени нелѣпа, что вводила своего послѣдователя въ противорѣчія съ самимъ собою, на что бы онъ ни

рѣшился. Священникъ англиканскаго духовенства, державшійся этой теоріи, не въ состояніи былъ объяснить раціонально свое поведеніе, все равно, давалъ ли онъ присягу на вѣрность Вильгельму или нѣтъ. Давъ присягу, онъ оправдывалъ свой поступокъ изложеніемъ такихъ доводовъ, противъ которыхъ инстинктивно возмущается сердце чистаго человѣка; онъ доказывалъ, что надобно отступать отъ праваго дѣла, коль скоро торжествуетъ неправда, что надобно соединяться съ сильнымъ преступникомъ противъ угнетенной правды. Но какъ ни сильны были упреки, которымъ подвергался ультра-англиканецъ, давшій присягу, обличенія, которымъ подвергался ультра-англиканецъ, не давшій присяги, были, если это возможно, еще сильнѣе. Онъ держался такой теоріи, вслѣдствіе которой нація должна была бы безвыходно находиться то въ состояніи рабства, то въ состояніи анархіи. Можетъ имѣть нѣкоторое извиненіе человѣкъ, который жертвуетъ свободой, чтобъ сохранить порядокъ. Можетъ имѣть нѣкоторое извиненіе и тотъ человѣкъ, который жертвуетъ порядкомъ, чтобъ сохранить свободу. Но ультра-англиканецъ, не давшій присяги, жертвовалъ свободой не ради порядка, и порядкомъ не ради свободы; свободу и порядокъ онъ приносилъ въ жертву нелѣпому и унизительному предразсудку.

Виги могли справедливо наслаждаться мыслію, что полемика, возникшая между ихъ противниками, доказывала справедливость вигистской системы. Тори, долго обвинявшіе виговъ въ нечестивомъ заблужденіи, теперь оправдывали ихъ, опровергая другъ друга. Виги торжествовали надъ смущеннымъ и раздѣлившимся англиканскимъ духовенствомъ. На недавшаго присягу они смотрѣли съ презрительнымъ состраданіемъ, какъ на тупоумнаго, но искренняго изувѣра, котораго поступки согласовались съ его теоріей; который, ради своего нелѣпаго убѣжденія, готовъ былъ бы погубить все государство, но готовъ погубить и самого себя. Такой человѣкъ, говорили виги, глупъ, но искреневъ; за то самыхъ колкихъ насмѣшекъ достойны тѣ ультра-англиканцы, которые во дни торжества своей партіи столь ревностно защищали неприкосновенность правъ наслѣдственнаго государя, а теперь готовы дать присягу въ вѣрности узурпатору. Ужели таковъ дѣйствительный смыслъ всѣхъ тѣхъ пышныхъ фразъ, которыя втеченіе двадцати девяти лѣтъ раздавались съ неисчислимаго множества каѳедръ? Ужели тысячи ультра-англиканцевъ, такъ громко хвалившіеся неизмѣнною своею вѣрностью законной власти, хотѣли сказать этою похвальбою, что ихъ вѣрность будетъ оставаться неизмѣнною до перемѣны счастія? Напрасно и безсовѣстно съ ихъ стороны усиліе доказать, что въ настоящемъ случаѣ поступаютъ они согласно съ образомъ ихъ

прежнихъ мыслей. Если они убѣдились наконецъ, что заблуждались въ своемъ ученіи о безграничномъ повиновеніи, они должны загладить прежнее свое заблужденіе прямодушнымъ сознаніемъ въ немъ. Если они все еще убѣждены въ основательности своихъ мнѣній, имъ слѣдовало бы мужественно соединить свою участь съ участью англиканскихъ духовныхъ, не давшихъ присяги. Заслуживаетъ уваженія тотъ, кто чистосердечно сознается въ своемъ заблужденіи; заслуживаетъ уваженія и тотъ, кто непреклонно готовъ страдать ради своего убѣжденія, хотя бы ошибочнаго; но трудно уважать того, кто, утверждая, что все еще держится торійскихъ принциповъ, сохраняетъ свои бенефиціи принятіемъ присяги, которую можетъ по совѣсти дать только человѣкъ, принимающій вигистскіе принципы.

Эти упреки, хотя и справедливые, были не своевременны. Благоразумные и умѣренные виги, сознавая, что трону Вильгельма для прочности необходимо основаніе болѣе широкое, нежели сочувствіе однихъ виговъ, удерживались отъ насмѣшекъ и порицаній надъ ультра-англиканцами, давшими присягу, старались успокоивать ихъ смущенную совѣсть: могущество англиканскаго духовенства было огромно, и потому для правительства, поддерживаемаго вигами, было выгодно, что большинство духовенства давало присягу, хотя по жалкимъ соображеніямъ, придуманнымъ софистами.

Вскорѣ оказалось, что доказательства въ пользу присяги, усиливаемыя очень убѣдительною причиною — желаніемъ сохранить свой доходъ, восторжествовали. Изъ тридцати человѣкъ англиканскихъ духовныхъ, двадцать-девять покорились требованію Парламента. Большая часть англиканскаго духовенства въ столицѣ, отличавшагося отъ провинціальнаго духовенства краснорѣчіемъ и ученостью, не колеблясь и поспѣшно дали присягу въ вѣрности; въ провинціяхъ эта уступка совершалась медленно и неохотно. Многіе рѣшительно пожертвовали своими убѣжденіями интересамъ. Совѣсть говорила имъ, что они дѣлаютъ несправедливо, измѣняя Іакову. Но у нихъ не было на столько твердости духа, чтобъ оставить должность, домъ, садъ, землю, и итти, не зная куда, отыскивать хлѣба и пріютъ для себя и для своихъ семействъ. Нѣкоторые объявили во время присяги, что они не даютъ обѣщанія не покоряться Іакову, если онъ съ перемѣною счастія, потребуетъ отъ нихъ покорности. Нѣсколько священниковъ въ сѣверныхъ провинціяхъ, вмѣстѣ отправлявшихся перваго августа дать присягу, узнали на дорогѣ о битвѣ, происходившей за четыре дня въ дефилеяхъ Килликранки. Они немедленно воротились назадъ и медлили присягою до тѣхъ поръ, пока не узнали, что побѣда Донди не произвела никакой пе-

ремѣны въ положеніи государства. Даже изъ тѣхъ, которые вполнѣ были убѣждены въ законности повиновенія правительству, имѣющему фактическую власть, весьма немногіе присягали Вильгельму съ тою радостью и преданностью, съ какою нѣкогда давали присягу Карлу и Іакову. Но такъ или иначе, охотно или неохотно, дѣло было сдѣлано. Десять тысячъ священниковъ торжественно призвали Бога свидѣтелемъ ихъ обѣщанія быть вѣрными подданными Вильгельма. Хотя и теперь Вильгельмъ не могъ расчитывать на ревностную поддержку съ ихъ стороны, но, покрайней мѣрѣ, оно отнимало у нихъ почти всякую возможность вредить ему. Не рискуя лишиться того общественнаго уваженія, отъ котораго зависѣло ихъ вліяніе, они не могли открыто и прямо нападать на государя, которому они, передъ лицомъ Бога, клялись повиноваться, какъ законному своему королю. Нѣкоторые изъ нихъ, правда, придумали читать молитвы за Вильгельма и Марію ироническимъ тономъ. Другіе доходили до неприличія еще болѣе грубаго. Такъ одинъ изъ нихъ послѣ торжественной молитвы за Вильгельма и Марію, пилъ тостъ, призывая на нихъ проклятіе. Другой, послѣ отправленія литургіи, разрѣзая за обѣдомъ паштетъ съ голубями, произносилъ желаніе, чтобъ на мѣстѣ этого паштета было сердце узурпатора. Но такое пошлое кощунство разумѣется было рѣдко, и вредило скорѣе людямъ, на него рѣшавшимся, нежели правительству.

Число англиканскихъ священниковъ, которые, не давъ присягу, отстранены были отъ своихъ должностей, простиралось до четырехъ сотъ. Въ этомъ числѣ находился примасъ, и шесть епископовъ его метрополіи: Торнеръ элійскій, Ллойдъ норвичскій, Фрамтонъ глостерскій, Лэкъ чичестерскій, Вайтъ петербороскій и Кэнъ батскій. Томасъ ворстерскій умеръ за три недѣли до срока присяги. На смертномъ одрѣ онъ уговаривалъ своихъ священниковъ остаться вѣрными Іакову.

Кэнъ, занимавшій какъ по уму, такъ и нравственнымъ качествамъ, первое мѣсто между неприсягнувшими прелатами, долго колебался. Весьма немногіе изъ его собратовъ могли покориться новому правительству съ бо̀льшею благовидностію. Въ то время, когда безусловное повиновеніе было любимою темою духовенства, онъ съ своей каѳедры никогда и ничего не говорилъ о политикѣ. Теперь онъ сознавался, что доводы въ пользу присяги Вильгельму и Маріи были весьма сильны. Онъ даже говорилъ, что его сомнѣнія были бы совершенно разсѣяны, еслибъ онъ убѣдился, что Іаковъ дѣйствительно хотѣлъ отдать Ирландію французскому королю. Мало того, добрый епископъ началъ приготовлять увѣщаніе, въ которомъ хотѣлъ изложить предъ своею паствою причины, скло-

нившія его къ принятію присяги. Но онъ убѣдился, что Ирландія не была уступаема Іаковомъ Франціи: сомнѣнія снова овладѣли имъ, онъ бросилъ въ огонь начатое увѣщаніе, и умолялъ своихъ присягнувшихъ друзей не убѣждать его болѣе. «Я увѣренъ, говорилъ онъ, что вы поступили по совѣсти; я радуюсь, что вы могли сдѣлать съ чистой совѣстью то, чего я не могу сдѣлать; я чувствую всю силу вашихъ убѣжденій; я почти совершенно склоняюсь на вашу сторону, и боюсь слушать васъ долѣе, чтобъ совершенно не перейти къ вамъ; — потому что если я сдѣлаю это, и если впослѣдствіи ко мнѣ возвратятся мои прежнія сомнѣнія, то я буду несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Ни за золото, ни за дворецъ, ни за титулъ пера, я не хочу подвергаться риску испытывать постоянное угрызеніе совѣсти.»

Между неприсягнувшими священниками были люди извѣстные въ ученомъ мірѣ:—филологи, историки, изслѣдователи каноническаго права, антикваріи; но весьма немногіе изъ нихъ отличались умомъ и краснорѣчіемъ; и едва ли можно назвать хоть одного, который бы былъ способенъ здраво рѣшить какой нибудь важный государственный или моральный вопросъ; — едва ли можно назвать хоть одного, сочиненія котораго не обнаруживали бы или крайняго легкомыслія или крайней раздражительности. Тѣ, которые не довѣряютъ сужденію вига объ этомъ предметѣ, вѣроятно уважатъ мнѣніе, выраженное писателемъ, которымъ торя справедливо гордятся. Джонсонъ, разбирая сочиненія знаменитыхъ англійскихъ духовныхъ, считавшихъ грѣховнымъ дѣломъ присягнуть Вильгельму III и Георгу I, сказалъ, что изъ всѣхъ неприсягнувшихъ былъ одинъ, и только одинъ, который могъ назваться человѣкомъ разсудительнымъ.

Человѣкъ, въ пользу котораго Джонсонъ сдѣлалъ это исключеніе, былъ Чарльзъ Лесли. Лесли, до переворота 1688 г., былъ канцлеромъ Коннорскаго округа, въ Ирландіи. Онъ дѣятельно противился Тирконнелю; когда былъ мирнымъ судьей въ Монаганѣ, отказался признать католика шерифомъ того округа, — и имѣлъ столько неустрашимости, что посадилъ нѣкоторыхъ ирландскихъ офицеровъ въ тюрьму за мародерство. Но ученіе о повиновеніи было неподвижно вкоренено въ его душѣ. Когда Ульстеръ дошелъ до такого положенія, что остававшіеся тамъ протестанты должны были ожидать себѣ смерти, Лесли бѣжалъ въ Лондонъ. При своихъ дарованіяхъ и связяхъ, онъ легко могъ получить высокую должность въ Англиканской церкви. Но онъ былъ жаркимъ приверженцемъ Іакова, и оставался якобитомъ, не взирая на всѣ опасности и бѣдствія, какимъ подвергался въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ. Хотя онъ велъ

безпрерывную полемику съ деистами, евреями, соцшіанами, диссидентами, католиками и квакерами, онъ находилъ время быть однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ политическихъ писателей своего вѣка.

Въ 1689 г. Лесли былъ, однакожь, почти неизвѣстнымъ человѣкомъ въ Англіи. Между духовными, которые перваго августа того года подвергнуты были временному отстраненію отъ должностей, самымъ высокимъ уваженіемъ въ народѣ пользовался докторъ Вильямъ Шерлокъ. Быть можетъ ни одинъ священникъ Англиканской церкви не имѣлъ такого вліянія на своихъ собратовъ, какое принадлежало Шерлоку во время переворота, возведшаго Вильгельма на престолъ. Между современными ему учеными и проповѣдниками, писателями духовныхъ и политическихъ сочиненій, онъ не занималъ перваго мѣста; но на всѣхъ этихъ поприщахъ онъ пріобрѣлъ славу. Ясность и живость его слога хвалили Прайоръ и Аддисонъ. Легкость и прилежаніе, съ которыми онъ писалъ, доказывается многотомнымъ собраніемъ его сочиненій. Были между англиканскими духовными люди болѣе блестящихъ дарованій; но втеченіе долгаго періода не было ни одного, который бы могъ назваться вѣрнѣйшимъ представителемъ своего сословія, который бы точнѣе излагалъ ученіе англиканскаго духовенства безъ малѣйшаго оттѣнка латитударіанства, пуританства и папизма. Противъ присяги Вильгельму и Маріи онъ далъ свое мнѣніе ясно и горячо. Приверженцы Іакова ни на одно имя, въ 1689 году, не указывали съ такою гордостію и любовію, какъ на имя Шерлока, не предчувствуя, что черезъ годъ имя это будетъ производить въ нихъ совершенно другое ощущеніе.

Нѣкоторые другіе неприсягнувшіе также заслуживаютъ особеннаго упоминовенія. Высоко между ними по сану стоялъ Джорджъ Гиксъ, деканъ Ворстерскій. Онъ былъ младшій братъ несчастнаго Джона Гикса, который былъ найденъ спрятаннымъ въ домѣ Алисы Лисль. Іаковъ, не смотря на всѣ просьбы, осудилъ на смерть и Джона Гикса и Алису Лисль. Люди, незнавшіе всей силы убѣжденій декана, полагали, что онъ будетъ ожесточенъ такимъ приговоромъ, потому что онъ не отличался мягкостью характера и много лѣтъ горько мстилъ за ничтожныя обиды. Но онъ былъ твердъ въ своихъ религіозныхъ и политическихъ убѣжденіяхъ: онъ разсуждалъ, что и братъ его и Алиса Лисль были диссиденты, и потому съ терпѣніемъ и даже радостью покорялся волѣ Провидѣнія. Онъ сдѣлался еще болѣе жаркимъ якобитомъ съ тѣхъ поръ, какъ братъ его былъ повѣшенъ, а благодѣтельница его брата была обезглавлена. Въ то время, когда почти всѣ англиканскіе духовные, устранен-

ные декларацiей Iакова объ исповѣданiяхъ и дѣйствiями Верховной Коммиссiи, начинали думать, что они распространили ученiе о повиновенiи слишкомъ далеко, Гикеъ своими сочиненiями старался убѣдить войска въ лагерѣ Гунсло, что, если Iакову угодно будетъ перерѣзать ихъ всѣхъ, какъ Максимiанъ перерѣзалъ Ѳивскiй легiонъ, за отказъ покланяться идоламъ, —то имъ, по долгу своему, слѣдуетъ сложить оружiе, и съ кротостiю принять мученическiй вѣнецъ. Отдавая Гиксу полную справедливость, надобно сказать, что все его поведенiе послѣ переворота 1688 г. доказывало, что онъ раболѣпствовалъ не по боязни или корыстолюбiю, но единственно по изувѣрству.

Джереми Кольеръ былъ человѣкъ въ высшей степени замѣчательный. Безъ особеннаго уваженiя и признательности нельзя говорить объ этомъ человѣкѣ. Его краснорѣчiю и непоколебимости должно приписать очищенiе англiйской поэзiи отъ безнравственнаго легкомыслiя, усвоеннаго втеченiе антипуританской реакцiи. Онъ былъ добрый человѣкъ, въ строгомъ значенiи этихъ словъ. Кромѣ того, онъ былъ человѣкъ съ обширными дарованiями, превосходный сатирикъ и писатель очень краснорѣчивый. Начитанность его была громадна, хотя и довольно безпорядочна. Но взглядъ его былъ узокъ; даже и тогда, когда ему случалось защищать справедливую мысль, онъ часто защищалъ ее доказательствами пустыми и приходилъ къ нелѣпымъ выводамъ. Кромѣ того, весь онъ былъ пропитанъ гордостью не личной, а сословной. Ему казалось, что священникъ послѣ епископа есть высочайшее существо въ мiрѣ, и священнику долженъ безусловно покоряться самый мудрый и могущественный мiрянинъ. До такой степени былъ онъ проникнутъ этою мыслью, что считалъ за нечестiе выставлять въ невыгодномъ свѣтѣ даже языческихъ жрецовъ. Онъ постановилъ за правило, чтобъ о муфтiяхъ и авгурахъ всегда отзывались съ уваженiемъ. Онъ осуждалъ Драйдена за его насмѣшки надъ iерофантами Аписа; восхвалялъ Расина за то, что этотъ писатель придалъ достоинство характеру жреца Ваалова; хвалилъ Корнеля за то, что онъ въ трагедiи «Эдипъ» не вывелъ на сцену прорицателя Тирезiя; правда, это повредило сценическому достоинству пьесы, но Тирезiй по своему званiю заслуживаетъ такого уваженiя, что его дѣйствительно не слѣдовало выводить на театральную сцену. Якобитизмъ Кольера былъ только проявленiемъ его ревности къ поддержанiю достоинства своего сословiя. Онъ порицалъ переворотъ 1688 года не какъ возстанiе подданныхъ противъ короля, но какъ возстанiе мiрянъ противъ ученiя, проповѣданнаго англиканскимъ духовенствомъ. Новое правительство было учреждено въ противность мнѣ-

нію епископовъ и англиканскаго духовенства. Парламентъ, состоящій изъ міранъ, требовалъ, чтобъ архіепископы, епископы и священники оставили, подъ страхомъ отрѣшенія отъ должности, ученіе, которое проповѣдывали втеченіе всей своей жизни. Съ этимъ могли примириться другіе, но Кольеръ рѣшился, до послѣдней минуты, бороться противъ такого нечестія.

По дарованіямъ, Кольеръ былъ первымъ между неприсягнувшими. По учености первенство между ними должно быть отдано Генри Додуэллю, который, за то, что, имѣя небольшое помѣстье въ Ирландіи, не явился въ Дублинъ по вызову Іакова, осужденъ былъ католическимъ Парламентомъ въ Дублинѣ заочно на смерть. Онъ былъ профессоромъ Древней Исторіи въ Оксфордскомъ университетѣ, и уже пріобрѣлъ громкую извѣстность хронологическими и географическими изслѣдованіями; но, хотя его не могли убѣдить принять на себя священническій санъ, богословіе было его любимымъ занятіемъ. Онъ былъ набожный и добрый человѣкъ, прочиталъ безчисленное множество книгъ на различныхъ языкахъ, и пріобрѣлъ свѣдѣній гораздо болѣе, чѣмъ могъ переварить его ограниченный разсудокъ. Нѣкоторыя изъ его сочиненій кажутся написанными въ домѣ съумасшедшихъ. Онъ издалъ трактатъ, въ которомъ доказывалъ, что бракъ между членомъ Англиканской церкви и Диссидентской законопреступенъ, и что такая чета, предъ лицомъ Неба, виновна въ прелюбодѣяніи. Онъ защищалъ употребленіе въ англиканскихъ храмахъ инструментальной музыки на томъ основаніи, что звуки органа имѣютъ силу противодѣйствовать вліянію дьявола на спинной мозгъ человѣка. Въ трактатѣ своемъ объ этомъ предметѣ онъ замѣчалъ, что, по мнѣнію ученыхъ, заслуживающихъ великаго уваженія, спинной мозгъ, по смерти человѣка, обращается въ змѣю. Справедливо ли это мнѣніе или нѣтъ, онъ не могъ рѣшить, но находилъ его правдоподобнымъ. А быть можетъ, говорилъ онъ, знаменитые ученые, въ сочиненіяхъ которыхъ найдено мною это предположеніе, хотѣли только выразить, въ переносномъ смыслѣ, великую истину, что змѣй—діаволъ дѣйствуетъ на насъ преимущественно чрезъ спинной мозгъ. Никто не смотрѣлъ съ такимъ отвращеніемъ на успѣхи религіозной терпимости, какъ Додуэлль. А между тѣмъ, никто болѣе его не имѣлъ причины радоваться этимъ успѣхамъ, потому что въ началѣ семнадцатаго столѣтія, человѣкъ, рѣшавшійся утверждать, что душа человѣка смертна и умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, былъ бы сожженъ на кострѣ, — а Додуэлль, смертельно ненавидѣвшій еретиковъ, отрицалъ, однако же, безсмертіе души. Это можетъ служить мѣрою того, какъ разсудителенъ былъ многоученый археологъ.

Въ числѣ менѣе замѣчательныхъ духовныхъ лицъ, не давшихъ присяги Вильгельму, было, безъ сомнѣнія, много честныхъ людей; но извѣстно за достовѣрное, что вообще характеръ неприсягнувшихъ не пріобрѣлъ хорошей репутаціи. Опытъ доказываетъ, что часто люди, способные пожертвовать жизнью или имуществомъ, когда ихъ кровь разгорячена борьбою, и когда на нихъ устремлены взоры всей націи, бываютъ неспособны устоять противъ ежедневныхъ соблазновъ, и противостоять житейскимъ искушеніямъ. Неприсягнувшее духовенство находилось въ весьма затруднительномъ положеніи. Расколъ 1689 г. касался одного только духовенства. Законъ требовалъ, чтобъ священникъ далъ присягу или лишился бенефицій; отъ прихожанъ же не требовалось ни присяги, ни формальнаго признанія законности правъ новаго короля; потому никто изъ мірянъ, неодобрявшихъ переворотъ 1688 г., не видѣлъ надобности покидать свое мѣсто въ церкви и слѣдовать за устраненнымъ отъ служенія священникомъ въ схизматическую конгрегацію. Такимъ образомъ, новая секта была сектою проповѣдниковъ безъ слушателей; а такіе проповѣдники, конечно, не могли найти средствъ для жизни въ проповѣдничествѣ. Правда, въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ якобиты были довольно многочисленны и составили небольшія конгрегаціи, но такихъ конгрегацій было немного. Немногіе изъ неприсягнувшихъ священниковъ содержались отъ нихъ. Нѣкоторые изъ неприсягнувшихъ имѣли независимое состояніе; другіе занимались литературой; одинъ или два медициной. Но все это было исключеніемъ. Большая часть священниковъ, отказавшихся дать присягу, остались безъ куска хлѣба и безъ всякихъ занятій. Весьма естественно, они сдѣлались праздношатающимися нищими. Считая себя мучениками, пострадавшими за благо общее, они не стыдились выпрашивать деньги у якобитовъ. Многіе проводили время въ томъ только, что переходили изъ одной торійской кофейни въ другую, бранили голландцевъ, слушали и распространяли новости о томъ, что черезъ мѣсяцъ Іаковъ вступитъ на англійскій берегъ, и при этомъ соображали, кто будетъ салисберійскимъ епископомъ, когда Борнета повѣсятъ. Многіе поступали въ дома богатыхъ приверженцевъ Іакова въ качествѣ домашнихъ священниковъ и духовниковъ. Для человѣка, котораго добродѣтель не особенно тверда, эта жизнь была тогда опасна. Онъ дѣлался раболѣпнымъ, сластолюбивымъ, лѣнивымъ паразитомъ, или начиналъ хитрить и интриговать для увеличенія своего вліянія въ домѣ, его принявшемъ. Узнать слабую сторону каждаго въ семьѣ, льстить страстямъ и предубѣжденію, посѣвать раздоръ и ревность тамъ, гдѣ должны существовать любовь и довѣріе, ловить минуту неосторож-

ной откровенности, чтобъ узнать тайны, важныя для счастія и чести семействъ, вотъ средства, съ помощію которыхъ люди съ безпокойнымъ характеромъ очень часто вознаграждали себя за зависимость и неизбѣжное при этомъ униженіе. Общій голосъ громко обвинялъ многихъ неприсягнувшихъ священниковъ въ черной неблагодарности за гостепріимство своихъ благотворителей; они платили за гостепріимство, какъ платилъ ханжа, изображенный въ мастерскомъ произведеніи Мольера. Когда Сибберъ задумалъ передѣлать эту прекрасную комедію для англійской сцены, онъ Тартюфа замѣнилъ неприсягнувшимъ англиканскимъ священникомъ, и Джонсонъ, который не былъ предубѣжденъ противъ неприсягнувшихъ, признавался, что Сибберъ былъ правъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что расколъ, произведенный присягою, былъ бы несравненно обширнѣе, если бы въ этотъ кризисъ была сдѣлана значительная перемѣна въ іерархіи или обрядахъ Англиканской церкви. Назидателенъ фактъ, что тѣ просвѣщенные духовные, которые пламенно желали такой перемѣны, впослѣдствіи радовались, что ихъ любимый проэктъ не состоялся.

Виги и тори во время послѣдней сессіи согласились отдѣлаться отъ Ноттингэмова билля о соглашеніи исповѣданій представленіемъ адреса, въ которомъ просили короля передать этотъ предметъ на разсмотрѣніе конвокаціи. Борнетъ предвидѣлъ слѣдствія того. Все дѣло, говорилъ онъ, совершенно погибло. Многіе его друзья думаютъ, однако же, иначе; въ числѣ ихъ былъ и Тиллотсонъ. Изъ всѣхъ членовъ партіи терпимости, Тиллотсонъ пользовался самымъ высокимъ уваженіемъ. Какъ проповѣдникъ, онъ, по мнѣнію своихъ современниковъ, превзошелъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Особенная прелесть его сочиненій заключалась въ кротости и чистосердечіи, которыми дышала каждая строка, и которыми вся его жизнь отличалась не менѣе, нежели его сочиненія. Какъ богословъ, Тиллотсонъ былъ такой же латитударіанецъ, какъ и Борнетъ. Между тѣмъ, многіе духовные, для которыхъ Борнетъ былъ предметомъ непримиримаго отвращенія, говорили о Тиллотсонѣ съ любовію и уваженіемъ. Нѣтъ ничего страннаго поэтому, что эти два друга имѣли совершенно различныя понятія объ англиканскомъ духовенствѣ, и ожидали различныхъ результатовъ отъ конвокаціи. Тиллотсонъ былъ доволенъ рѣшеніемъ Палаты Общинъ. Онъ воображалъ, что перемѣны, сдѣланныя въ религіозныхъ учрежденіяхъ обществомъ міранъ, не понравились бы многимъ приверженцамъ Англиканской церкви, которые въ церковномъ соборѣ согласятся на перемѣны даже болѣе обширныя. Король очень уважалъ мнѣніе Тиллотсона. Потому было рѣшено собрать конвокацію въ началѣ будущей сессіи Парла-

мента, а между тѣмъ назначить коммиссію изъ нѣсколькихъ замѣчательнѣйшихъ духовныхъ лицъ для пересмотра богослужебныхъ книгъ, церковныхъ и судебныхъ правилъ Англиканской церкви, и представить конвокаціи докладъ объ измѣненіяхъ, которыя покажутся нужными этой коммиссіи.

Въ коммиссіи находилась большая часть присягнувшихъ епископовъ и двадцать священниковъ, пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ. Въ числѣ этихъ двадцати Тиллотсонъ былъ самымъ важнымъ, потому что считался представителемъ желаній короля и королевы. Въ числѣ членовъ коммиссіи, смотрѣвшихъ на Тиллотсона, какъ на своего предводителя, были Стиллингфлитъ, деканъ церкви Св. Павла; Шерлъ, деканъ норвичскій; Патрикъ, деканъ петерборокій; Тенисонъ, священникъ церкви Св. Мартина, и Фоулеръ, благоразумной твердости котораго преимущественно должно приписать рѣшимость лондонскаго духовенства отвергнуть декларацію Іакова объ исповѣданіяхъ.

Къ этимъ лицамъ присоединены были нѣкоторые священники ультра-англиканской партіи. Замѣчательнѣйшіе между ними были сановники Оксфордскаго Университета—Альдричъ и Дженъ. Дженъ, профессоръ богословія, принималъ самое дѣятельное участіе въ составленіи декрета, которымъ университетъ присудилъ публично сжечь сочиненія Мильтона и Буханана. Нѣсколько лѣтъ спустя, раздраженный и встревоженный преслѣдованіемъ епископовъ и конфискаціей доходовъ коллегіума Магдалины, Дженъ отправился въ главную квартиру принца Оранскаго, и увѣрилъ его, что Оксфордъ охотно отдастъ все свое серебро на чеканку монеты для поддержанія войны противъ Іакова, и нѣкоторое время Джена всѣ считали за вига, такъ что нѣкоторые изъ его старинныхъ друзей писали на него ядовитые пасквили. Къ несчастію онъ носилъ имя, которое служило превосходною цѣлію для ученыхъ каламбуристовъ его университета. Много эпиграмъ было написано на двуличнаго Януса, (*) который, улыбаясь однимъ лицомъ, получилъ духовный санъ, — а улыбаясь другимъ, надѣялся получить епископство. — Чтò онъ надѣялся получить отъ Вильгельма епископство, это правда. Онъ просилъ Экзетерской каѳедры въ награду за свои заслуги. Ему отказали. Отказъ убѣдилъ его, что Англиканская церковь должна страшиться латитударіанства не менѣе, нежели папизма; и онъ снова сдѣлался тори.

Въ началѣ октября, члены церковной коммиссіи собрались въ такъ называемой Іерусалимской Залѣ Вестминстера. Въ первомъ

(*) Jane Janus.

засѣданіи они рѣшились предложить, что въ церковной службѣ, чтенія, заимствованныя изъ апокрифическихъ книгъ Св. Писанія, должны быть замѣнены чтеніями изъ книгъ каноническихъ. Во второмъ засѣданіи возбужденъ былъ странный вопросъ человѣкомъ, который менѣе всѣхъ другихъ имѣлъ право дѣлать такіе вопросы. Спратъ, епископъ рочестерскій, не стыдясь, засѣдалъ втеченіе двухъ лѣтъ въ незаконномъ трибуналѣ, притѣснявшемъ, въ царствованіе Іакова, Англиканскую церковь, которой онъ былъ сановникомъ. Теперь въ немъ пробудилась совѣстливость и онъ выразилъ сомнѣніе относительно законности коммиссіи, учрежденной Вильгельмомъ. Эти сомнѣнія были очевидно неумѣстны. Коммиссія не получила отъ короля власти ни издавать законы, ни управлять дѣлами: ей только поручено было заняться ученымъ совѣщаніемъ, и о результатахъ его донести собору англиканскаго духовенства. Такіе богословы, какъ Тиллотсонъ, Патрикъ и Стиллингфлитъ, даже безъ королевскаго порученія, могли собираться для разсужденія о церковныхъ дѣлахъ и о томъ, полезно ли или нѣтъ сдѣлать нѣкоторыя уступки диссидентамъ. Возможно ли было отрицать законность такихъ совѣщаній по порученію короля, когда подобное дѣло и безъ согласія правительства было бы совершенно законно? Но Спрата поддерживалъ Дженъ. Началось горячее преніе: Ллойдъ, епископъ сентъ-асафскій, сказалъ нѣсколько словъ о шпіонахъ, бывшихъ слугами Іакова. Спратъ удалился и больше не являлся въ засѣданія. Его примѣру послѣдовали Дженъ, Альдричъ и Мью, епископъ винчестерскій. Прочіе члены продолжали дѣятельно заниматься своими изслѣдованіями; ссоръ болѣе не происходило, хотя часто возникали горячія пренія. Наиболѣе фанатическіе люди между ультра-англиканцами были: докторъ Вильямъ Бевериджъ, архидіаконъ кольчестерскій, и докторъ Джонъ Скоттъ, тотъ самый, который молился при смертномъ одрѣ Джеффрейза. Самыми дѣятельными изъ латитударіанцевъ были Борнетъ, Фоулеръ и Тенисонъ. Коммиссія приготовила для будущей конвокаціи докладъ, въ которомъ предлагала различныя измѣненія въ богослужебныхъ книгахъ и въ церемоніалѣ Англиканской церкви, для примиренія съ нею диссидентовъ. Большая часть этихъ измѣненій были очень благоразумны.

Были разосланы королевскія грамоты, которыми созывалась конвокація кентерберійской митрополіи, и англиканское духовенство взволновалось. Ультра-англиканцы только что приняли присягу въ вѣрности; они терпѣли жестокіе упреки со стороны неприсягнувшихъ, оскорбительныя насмѣшки отъ виговъ, и, безъ сомнѣнія, страдали угрызеніями собственной совѣсти. Объявленіе, что кон-

вокація собирается съ цѣлію разсмотрѣть планъ соглашенія исповѣданій, пробудило самыя сильныя страсти въ душѣ тѣхъ священниковъ, которые, покорившись требованію Парламента, были недовольны сами собою за такую покорность. Имъ представлялся теперь случай разрушить любимый планъ того правительства, которое вынудило у нихъ покорность, противорѣчившую ихъ совѣсти и оскорбительную для ихъ тщеславія. Имъ представлялся случай высказать свою преданность той церкви, любимому ученію которой они измѣнили ради житейскихъ выгодъ, какъ утверждало общее мнѣніе. Церкви этой, по мнѣнію ихъ, угрожала теперь такая же великая опасность, какъ и въ минувшемъ году. Латитударіанцы 1689 года точно также хотѣли погубить ее, какъ и іезуиты 1688 года. Актъ терпимости уже сдѣлалъ для диссидентовъ болѣе, чѣмъ совмѣстно было съ достоинствомъ и безопасностію Англиканской церкви, говорили они; болѣе этого не слѣдовало дѣлать никакихъ уступокъ.

Король тоже не былъ оставленъ въ покоѣ. Правда, онъ сообразовался съ обрядами англиканскаго богослуженія; но присутствовалъ при немъ только изрѣдка, въ торжественныхъ случаяхъ. Къ нѣкоторымъ церемоніямъ, къ которымъ ультра-англиканцы были привязаны, онъ имѣлъ отвращеніе, скрывать котораго и не старался. Однимъ изъ его первыхъ дѣлъ было приказаніе, чтобъ въ его домашней церкви литургія служилась по кальвинистскому обряду. Хотя это и было сдѣлано сообразно праву, полученному Вильгельмомъ отъ англичанъ, но возбудило сильный ропотъ. Извѣстно было, что онъ смѣялся надъ обычаемъ, освященнымъ Англиканскою церковью, —обычаемъ исцѣленія золотухи прикосновеніемъ руки короля. Этотъ обычай, существовавшій отъ временъ незапамятныхъ, сохранялся до временъ Ньютона и Локка. Стюарты часто совершали церемонію врачеванія. Дни, въ которые должно было совершиться исцѣленію, назначались въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, и въ эти дни во всѣхъ церквахъ государства совершалось торжественное молебствіе. Въ назначенный день, священнослужители въ полномъ облаченіи становились вокругъ королевскаго балдахина. Придворный врачъ подводилъ больныхъ. Читалась шестнадцатая глава евангелія отъ Марка. Послѣ словъ: «на недужныя руки возложатъ, и здрави будутъ», —чтецъ пріостанавливался, и къ королю подводили больнаго. Король, прикоснувшись язвъ и опухолей, надѣвалъ на шею больнаго бѣлую ленту, къ которой прикрѣплена была золотая монета. Другіе страдальцы подводились другъ за другомъ; при каждомъ прикосновеніи, священникъ повторялъ слова: «на недужные руки возложатъ, и здрави будутъ». Послѣ этого читалась глава изъ апостольскихъ посланій, пѣлись молитвы

антифоны и произносился отпускъ. Обряды этой службы и теперь еще можно найти въ молитвенникахъ, изданыхъ въ царствованіе Анны. Не ранѣе какъ при Георгѣ I, Оксфордскій университетъ перестаілъ печатать обрядъ исцѣленія вмѣстѣ съ литургіей. Этотъ обрядъ одобряли богословы, извѣстные своею ученостію и дарованіями; что всего страннѣе; многіе знаменитые медики вѣрили, или покрайней мѣрѣ притворялись вѣрившими въ цѣлительную силу королевскаго прикосновенія. Одинъ изъ медиковъ Карла II не посовѣстился написать, что исцѣленія были столь многочисленны и иногда столь быстры, что ихъ нельзя приписать какой нибудь естественной силѣ, что неудачи должно приписывать недостатку вѣрованія со стороны паціентовъ; что Карлъ, прикоснувшись однажды къ золотушному квакеру, сдѣлалъ его и здравымъ и вѣрующимъ въ Англиканскую церковь;—что если кто изъ получившихъ исцѣленіе терялъ или продавалъ золотую монету, навѣшиваемую ему на шею, раны снова открывались и для исцѣленія ихъ требовалось вторичное прикосновеніе и вторичный даръ талисмана. Не должно удивляться, если простой народъ вѣрилъ этому вздору, когда люди просвѣщенные соглашались съ предразсудкомъ. Тѣмъ менѣе должно удивляться, что несчастные, изнуряемые недугомъ, противъ котораго обыкновенныя медицинскія средства были безсильны, искали исцѣленія въ сверхъестественной помощи отъ королевской руки. Толпы, стекавшіяся передъ дворцомъ въ день исцѣленія, были безчислены. — Карлъ II, втеченіе своего царствованія, прикоснулся почти къ ста тысячамъ больныхъ. Число исцѣляемыхъ увеличивалось или уменьшалось вмѣстѣ съ возвышеніемъ или паденіемъ популярности короля. Во время торійской реакціи, послѣдовавшей за распущеніемъ Оксфордскаго Парламента, стеченіе народа было ужасно. Въ 1682 г., Карлъ исполнилъ обрядъ исцѣленія надъ восьмью съ половиною тысячами больныхъ. Въ 1684 г., толпа была такъ многочисленна, что шесть или семь человѣкъ были задавлены до смерти. — Во время одного изъ своихъ путешествій, Іаковъ, въ честерскомъ соборѣ, прикоснулся рукой къ восьмистамъ больныхъ. Издержки на эту церемонію простирались ежегодно до десяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и были бы гораздо значительнѣе, еслибъ не бдительность придворныхъ врачей, на обязанности которыхъ лежало осматривать больныхъ и отличать ищущихъ исцѣленія отъ ищущихъ золота.

Вильгельмъ имѣлъ слишкомъ много ума, чтобъ поддаваться обману, и слишкомъ много честности, чтобъ разыгрывать первую роль въ церемоніи, основаніемъ которой былъ чистѣйшій обманъ. — «Это нелѣпый предразсудокъ, воскликнулъ онъ, услы-

шавъ, что въ концѣ великаго поста, его дворецъ осажденъ былъ толпою больныхъ. Дайте этимъ бѣднякамъ нѣсколько денегъ, и пусть они разойдутся. Однажды его принуждали возложить руку на больнаго. — «Дай Богъ тебѣ и больше здоровья, и больше ума», сказалъ онъ.

Родители золотушныхъ дѣтей вопіяли противъ такого жестокосердія со стороны Вильгельма; ханжи въ ужасѣ отъ его безбожія воздѣвали къ небу руки и взоры. Якобиты саркастически хвалили его за то, что онъ не рѣшался присвоивать себѣ цѣлебной силы, которая принадлежитъ только законнымъ государямъ; даже нѣкоторые виги говорили, что онъ поступаетъ неблагоразумно, показывая такое пренебреженіе къ суевѣрію, имѣвшему сильное вліяніе на умы простаго народа; но ничто не дѣйствовало на Вильгельма, и, вслѣдствіе этого, онъ въ понятіяхъ многихъ ультра-англиканцевъ считался или невѣрующимъ, или пуританиномъ.

Но главную причину, по которой въ это время даже самый умѣренный планъ соглашенія исповѣданій сдѣлался ненавистнымъ англиканскому духовенству, остается еще упомянуть. То, что предвидѣлъ и предсказывалъ Борнетъ, исполнялось. Все англиканское духовенство хотѣло мстить англійскимъ пресвитеріанамъ за бѣдствія, нанесенныя шотландскими пресвитеріанами приверженцамъ Англиканской церкви въ Шотландіи. Самые ревностные англиканцы, лѣтомъ 1868 года, охотно рѣшались сдѣлать диссидентамъ многія уступки ради соглашенія исповѣданій. Но теперь они говорили, что происшествія въ Шотландіи дѣлали примиреніе невозможнымъ. Такимъ образомъ, по многимъ причинамъ, приходское духовенство Англиканской церкви сильно возставало противъ плана соглашенія исповѣданій. Вражда была такъ велика, что если бы планъ, составленный въ Іерусалимскомъ Залѣ, былъ прямо предложенъ на утвержденіе приходскихъ священниковъ, то онъ былъ бы отвергнутъ большинствомъ двадцати противъ одного. Но въ конвокаціи вліяніе приходскаго духовенства не было соразмѣрно его многочисленности. Конвокація, къ счастію для Англіи, втеченіе столь долгаго времени остается совершенно незначительною, что до послѣдняго времени никто, кромѣ записныхъ ученыхъ, не любопытствовалъ узнать, каковъ составъ этого собранія. Даже и теперь многіе образованные англичане считаютъ ее соборомъ всей Англиканской церкви. На самомъ же дѣлѣ, конвокація, такъ часто упоминаемая въ англійской церковной исторіи, не болѣе какъ синодъ кентерберійской митрополіи, который не имѣлъ права говорить отъ имени всего англійскаго духовенства. Митрополія йоркская тоже имѣла свою конвокацію; но до второй половины восемнадцатаго

столѣтія йоркская митрополія была такъ бѣдна и мало населена, что въ политическомъ значеніи едва ли составляла болѣе одной десятой части королевства. Потому мнѣніе духовенства южной митрополіи принималось за мнѣніе всего духовенства. Мнѣніе сѣвернаго духовенства, когда оно требовалось, всегда было одинаково съ мнѣніемъ южнаго. На йоркскую конвокацію въ то время такъ мало обращали вниманія, что обѣ Палаты Парламента, въ адресѣ своемъ къ Вильгельму, говорили только объ одной конвокаціи, которую они называли конвокаціей всего духовенства въ королевствѣ.

Это собраніе раздѣлялось на двѣ Палаты. Верхняя Палата состояла изъ епископовъ кентерберійской митрополіи. Нижняя Палата состояла въ 1689 г. изъ ста-сорока-четырехъ членовъ. Двадцать-два декана и пятьдесятъ четыре архидіакона засѣдали тамъ по привилегіи своего сана. Двадцать-четыре священника засѣдали въ качествѣ депутатовъ отъ двадцати-четырехъ капитуловъ. Только сорокъ четыре депутата были избираемы восмью тысячами приходскихъ священниковъ изъ двадцати двухъ эпархій. За то эти сорокъ четыре депутата были совершенно единодушны. Выборы въ прежнія времена совершались самымъ спокойнымъ образомъ. Но при настоящемъ случаѣ пренія на выборахъ были жарки. Рочестеръ, глава партіи, которая въ Палатѣ Лордовъ сопротивлялась биллю о согласіи исповѣданій, и его братъ Кларендонъ, который не присягнулъ Вильгельму, отправились въ Оксфордъ, бывшій центромъ ультраангликанской партіи, съ цѣлію одушевить и организовать оппозицію. Представителями приходскаго духовенства были выбраны люди, главное достоинство которыхъ состояло въ фанатизмѣ.

Втеченіе лѣта 1689 г., нѣкоторыя епископскія каѳедры сдѣлались вакантными, и были отданы значительнѣйшимъ членамъ коммиссіи, засѣдавшей въ Іерусалимскомъ Залѣ. Епархію чичестерскую занялъ Патрикъ; епархію ворстерскую Стиллингфлитъ; а деканство церкви Св. Павла, оставленное Стиллингфлитомъ, было отдано Тиллотсону. То, что Тиллотсонъ не былъ возведенъ въ епископскій санъ, возбудило нѣкоторое удивленіе. Но онъ былъ теперь обойденъ именно потому, что правительство, высоко цѣня его таланты, находило нужнымъ, чтобъ онъ оставался еще на нѣсколько времени простымъ пресвитеромъ. Самымъ важнымъ лицомъ въ конвокаціи былъ пролокуторъ (президентъ) Нижней Палаты. Онъ избирался самою Палатою изъ ея членовъ. Единственный человѣкъ изъ партіи умѣренныхъ, который имѣлъ шансы быть выбраннымъ на эту должность, былъ Тиллотсонъ. Потому Вильгельмъ оставилъ его пока простымъ священникомъ, а между тѣмъ уже рѣшилъ сдѣлать его послѣ Санкрофта архіепископомъ кентерберійскимъ. Когда Тиллотсонъ пришелъ благо-

дарить короля за назначеніе его деканомъ, и сказалъ: — «Ваше Величество успокоили меня на всю мою жизнь», король отвѣчалъ:— «Нѣтъ, докторъ, этимъ дѣло не кончено, увѣряю васъ», и потом прямо объявилъ ему, что какъ скоро Санкрофтъ перестанетъ занимать санъ примаса, въ санъ этотъ будетъ возведенъ Тиллотсонъ. Тиллотсонъ изумился. Отъ природы кроткій и не честолюбивый онъ начиналъ уже чувствовать недуги старости; богатства не искал онъ, и изъ всѣхъ земныхъ благъ, выше всего цѣнилъ добрую славу и общее доброе расположеніе къ нему. Этими благами онъ уже обладалъ. Онъ предвидѣлъ, что, сдѣлавшись примасомъ, навлечетъ на себя ненависть могущественной партіи, станетъ предметомъ порицанія, котораго, при своей доброй и чувствительной душѣ, онъ боялся болѣе всякой пытки. Но Вильгельмъ сказалъ рѣшительно: — «мнѣ необходимы ваши услуги: если вы откажете мнѣ въ вашей помощи, грѣхъ будетъ на вашей совѣсти». Разговоръ этимъ кончился. Да и не было еще нужды рѣшить этотъ вопросъ немедленно, потому что еще нѣсколько мѣсяцовъ оставалось до того срока, когда примасъ, не давшій присягу, долженъ былъ окончательно лишиться своей должности; вмѣстѣ съ другими неприсягнувшими.

Тиллотсонъ, съ непритворнымъ безпокойствомъ и печалью, жаловался на свою судьбу лэди Россель, которую чрезвычайно уважалъ. Онъ говорилъ, что если его принудятъ принять такой важный и завидный постъ, то скоро падетъ онъ подъ бременемъ обязанностей и непріятностей, для него слишкомъ тяжелыхъ. Онъ дружески жаловался на Борнета, который любилъ его и восхищался имъ съ истинно благородной искренностью, и который старался убѣдить короля и королеву, что только одинъ въ Англіи человѣкъ способенъ занять высокую должность примаса, — Тиллотсонъ.

Что не было тайной для Борнета, не было уже тайной и ни для кого. Скоро начали ходить слухи о намѣреніи короля отдать Тиллотсону мѣсто Санкрофта. Этимъ былъ очень огорченъ Комптонъ, очень естественно предполагавшій, что никто не имѣетъ на это мѣсто болѣе права, нежели онъ. Онъ былъ воспитателемъ королевы и ее сестры; его урокамъ надобно было приписать ту твердость, съ которой онѣ держались протестантской вѣры, отвергнутой ихъ отцом. Кромѣ того, Комптонъ былъ единственнымъ епископомъ, возставшимъ при Іаковѣ противъ разрѣшительной власти; онъ одинъ изъ епископовъ подвергался преслѣдованію Верховной Коммиссіи; он один подписалъ приглашеніе, посланное принцу Оранскому; он одинъ изъ епископовъ взялся за оружіе противъ папизма и произвольной власти; онъ былъ однимъ изъ двухъ епископовъ, подавшихъ голосъ противъ регентства. Между присягнувшимъ духо

ствомъ кентерберійской митрополіи, онъ занималъ высшее мѣсто и потому уже нѣсколько мѣсяцовъ исправлялъ должность примаса, отстраненнаго отъ исполненія архіепископскихъ обязанностей: онъ короновалъ Вильгельма и Марію, онъ посвящалъ новыхъ епископовъ, онъ долженъ былъ председательствовать въ конвокаціи. Притомъ же онъ былъ сынъ графа и ни въ то время, ни вообще съ самыхъ временъ реформаціи не было между англійскими епископами ни одного равнаго ему по знатности рода. Теперь правительство хотѣло сдѣлать начальникомъ надъ нимъ человѣка, бывшаго его подчиненнымъ, человѣка, отецъ котораго былъ простымъ суконщикомъ въ Йоркѣ—это было слишкомъ обидно, и Комптонъ, хотя вовсе не злой человѣкъ, былъ очень обиженъ. И вотъ передъ самымъ тѣмъ временемъ, когда должна была собраться конвокація, епископъ, которому приходилось председательствовать въ Верхней ея Палатѣ, сдѣлался личнымъ врагомъ священника, котораго правительство хотѣло видѣть президентомъ Нижней Палаты. Этою ссорою увеличивались затрудненія, и безъ того уже слишкомъ многочисленныя.

Двадцатаго ноября собралась конвокація въ Вестминстерѣ. Комптонъ занялъ мѣсто президента. Бевериджъ произнесъ латинскую проповѣдь, въ которой горячо хвалилъ существующую систему англиканскихъ обрядовъ; но однако же выражалъ сочувствіе къ умѣренной реформѣ. Послѣ этой проповѣди, Нижняя Палата приступила къ выбору Пролокутора. Шерпъ предложилъ Тиллотсона. Дженъ, отказавшійся участвовать въ трудахъ Королевской Коммиссіи, былъ предложенъ ультра-англиканскою партіею. Послѣ жаркаго пренія, Дженъ былъ выбранъ 55 голосами противъ 28. По древнему обычаю, пролокуторъ, представленный председательствующему епископу, произнесъ латинскую рѣчь. Въ ней Англиканская церковь была превозносима, какъ идеалъ совершенства; очевидный смыслъ похвалъ состоялъ въ томъ, что не нужны никакія перемѣны ни въ ея символѣ, ни въ ея обрядахъ, и рѣчь кончалась фразою, заключавшею чрезвычайно выразительный намекъ. Комптонъ, въ то время, когда предводительствовалъ кавалерійскимъ полкомъ противъ Іакова, велѣлъ на знаменахъ вышить знаменитыя слова: «Nolimus leges Angliae mutari». (Не хотимъ перемѣнъ въ законахъ Англіи). Этими словами заключилъ Дженъ свою рѣчь.

Люди, желавшіе примиренія исповѣданій, еще не лишались надежды. Они очень благоразумно рѣшили прежде всего предложить, чтобы церковныя чтенія, заимствованныя изъ апокрифическихъ книгъ, были замѣнены чтеніями изъ каноническихъ книгъ. Повидимому самые закоснѣлые фанатики должны были бы найти такое

измѣненія прекраснымъ. Но ультра-англиканское большинство не захотѣло согласиться даже и на это. Возражать противъ предложенія было невозможно; потому предводители большинства рѣшили затягивать дѣло посторонними преніями.

По закону, конвокація начинала свои совѣщанія только по порученію короля. Нотингэмъ явился въ конвокацію съ королевскою грамотою, убѣждавшею собраніе спокойно и безпристрастно разсмотрѣть предложенія, дѣлаемыя коммиссіею. Грамота заключалась увѣреніемъ, что единственное желаніе короля — честь и благо Протестантской церкви вообще и Англиканской церкви въ особенности.

Епископы немедленно рѣшили благодарить за то короля и просили Нижнюю Палату присоединиться къ ихъ благодарственному адресу. Дженъ и его партія находили противъ этого множество возраженій. Для соглашенія въ адресѣ начались конференціи между Палатами. Послѣ долгихъ усилій удалось наконецъ составить общій адресъ отъ обѣихъ Палатъ; но адресъ этотъ былъ холоденъ и мрачень. Вильгельмъ скрылъ свое неудовольствіе, и въ милостивомъ отвѣтѣ выразилъ надежду, что наконецъ собраніе, вѣроятно, займется теперь великимъ вопросомъ о соглашеніи исповѣданій.

Вовсе не того желали ультра-англиканцы Нижней Палаты. Возвратившись отъ короля въ залъ своихъ засѣданій, они начали пренія о томъ, справедливо ли устранены отъ участія въ конвокаціи неприсягнувшіе епископы. Несмотря на свое несчастное сомнѣніе въ законности присяги Вильгельму, эти епископы люди ученые и благочестивые. Ихъ совѣтъ можетъ быть чрезвычайно полезным для Англиканской церкви. Верхнюю Палату едва ли можно и считать Верхнею Палатою, когда изъ ея засѣданій исключены примасъ и многіе наиболѣе уважаемые епископы. Такъ говорилъ одинъ членъ. Другой членъ сталъ жаловаться на памфлеты, говорившіе неуважительно о конвокаціи. Начались пренія о томъ, какъ предупредить появленіе столь соблазнительныхъ книгъ. Въ такихъ совѣщаніяхъ проходила недѣля за недѣлею. Ни объ одномъ предложеніи, касавшемся соглашенія вѣроисповѣданій, даже и не начиналось преній. Приближалось Рождество. На время праздниковъ засѣданія должны были прекратиться. Епископы желали назначить Комитетъ, который бы приготовилъ доклады ко времени возобновленія засѣданій. Нижняя Палата не согласилась на то. Очевидно было, что она не хочетъ даже и начинать совѣщаній ни объ одномъ изъ тѣхъ измѣненій, которыя были предлагаемы Королевскою Коммиссіею. Провинціальные священники казались теперь еще менѣе расположенными къ реформамъ, нежели при началѣ конвокаціи

До сихъ поръ многіе изъ нихъ почти не знали Лондона; теперь они увидѣли, что духовенство столицы живетъ въ большемъ довольствѣ и пользуется большимъ уваженіемъ, нежели провинціальное. Въ нихъ пробудилась зависть и вражда. Лондонское духовенство вообще желало примиренія съ диссидентами, и это одно уже возбуждало въ провинціальномъ духовенствѣ рѣшительное отвращеніе отъ всякихъ уступокъ диссидентамъ. Очевидно было, что ультра-англиканская партія непреклонна. Король отсрочилъ засѣданія конвокаціи на шесть недѣль. Когда прошли эти шесть недѣль, засѣданія были вновь отсрочены и конвокація уже не собралась болѣе.

Такъ кончилась, и навѣки, надежда, что Англиканская церковь можетъ быть склонена сдѣлать нѣкоторые уступки диссидентамъ. Просвѣщенное и почтенное меньшинство англиканскаго духовенства съ глубокой скорбію отказалось отъ этой надежды. Но вскорѣ даже Борнетъ и Тиллотсонъ убѣдились, что разрушеніе ихъ надежды было спасительно, а побѣда ихъ была бы гибельна для дѣла, ими защищаемаго. Реформа, которая во время Елисаветы соединила бы всѣхъ англійскихъ протестантовъ, послужила бы при Вильгельмѣ только источникомъ новыхъ раздоровъ между ними. Теперь неприсягнувшее духовенство почти не имѣло паствы между мірянами, а еслибы нововведенія, предложенныя Королевскою Коммиссіею, были приняты конвокаціею, то множество мірянъ перешло бы на сторону неприсягнувшаго духовенства. Теперь мірянинъ, хотя и неодобрявшій дѣйствій Конвента, хотя и удивлявшійся геройству неприсягнувшихъ духовныхъ, все-таки продолжалъ ходить въ ту самую церковь, которую посѣщалъ прежде. А еслибы при отдѣленіи отъ этой церкви многихъ уважаемыхъ пастырей были произведены перемѣны въ обрядахъ этой церкви, то совершенно разорвались бы узы, соединявшія съ нею многихъ мірянъ. Многіе стали бы посѣщать богослуженіе, совершаемое по старому обряду неприсягнувшими священниками. Новая секта, теперь состоявшая почти исключительно изъ однихъ только пастырей безъ паствы, пріобрѣла бы многочисленную паству. Въ этой сектѣ больше, нежели въ какой либо другой, было бы людей знатныхъ и богатыхъ. Она сдѣлалась бы страшна для правительства Поучителенъ тотъ фактъ, что только фанатизмъ ультра-англиканской партіи помѣшалъ ослабленію того правительства, которому эта партія была враждебна.

БЕРАНЖЕ.

4 (16) іюля текущаго года, послѣ долгой и тяжкой болѣзни, умеръ Беранже.

Мы не прибавили къ этому имени ни одного изъ тѣхъ общеупотребительныхъ прилагательныхъ, въ родѣ *извѣстный*, *знаменитый*, *великій*, въ которыхъ такъ нуждаются подозрительныя и двусмысленныя знаменитости, выдаваемыя иногда за знаменитости настоящія. Есть имена, которыя говорятъ за себя сами, имена до того всѣмъ извѣстныя, что прибавлять къ нимъ эпитетъ *извѣстныхъ* или *знаменитыхъ* столь же излишне, какъ и доказывать, что люди, носившіе эти имена, дѣйствительно знамениты, дѣйствительно извѣстны, и дѣйствительно стоили этой извѣстности.

Нѣтъ надобности говорить, что имя Беранже принадлежитъ къ числу этихъ именъ.

Мы не имѣемъ намѣренія ни писать біографіи Беранже, ни разбирать подробно его поэтическую дѣятельность, — это дѣло труда несравненно обширнѣйшаго, — мы хотимъ сказать только нѣсколько о словъ немъ, какъ о поэтѣ и человѣкѣ, подкрѣпляя слова наши немногими, имѣющимися у насъ подъ руками, біографическими данными. Прибавимъ, что лучшій матеріалъ для исторіи Беранже — его собственныя произведенія. «Мои пѣсни—это я», говорилъ онъ, а вся жизнь поэта доказала, что мы имѣемъ полное право вѣрить его словамъ.

Пьеръ-Жанъ де-Беранже родился 17-го августа 1780 года, въ Парижѣ, въ улицѣ Монторгёйль, въ домѣ своего дѣда — ремесломъ портнаго. Онъ самъ упоминаетъ объ этомъ въ извѣстной пѣснѣ своей: «Портной и Фея», въ слѣдующей строфѣ:

> Dans ce Paris, plein d'or et de misère,
> En l'an du Christ mil sept cent quatre vingt,
> Chez un tailleur, mon pauvre vieux grand père,
> Moi, nouveau né, sachez ce qu'il m'advint. (*)

Страннымъ какъ-то кажется встрѣтить въ имени нашего поэта высокородную частицу *де*. Тѣмъ не менѣе, онъ употреблялъ ее во

(*) Узнайте, что случилось со мной въ день моего рожденія, въ 1780 году по Р. Х., въ этомъ Парижѣ, полномъ золота и нищеты.

праву. Внукъ портнаго происходилъ отъ довольно старинной провансальской фамиліи, члены которой подписывались не иначе, какъ Berenger de Provence. Разницу въ правописаніи поэтъ объяснялъ тѣмъ, что такъ какъ старинные дворяне, въ числѣ прочихъ доблестей, отличались безграмотностью, то не мудрено, что одинъ изъ предковъ его могъ, нисколько не стѣсняясь грамматикою, замѣнить букву *a* буквою *e*. Какъ много значенія придавалъ Беранже своему дворянству и знаменательной частицѣ *de* — можно судить изъ слѣдующаго восьмистишія, повторяемаго наизусть во всѣхъ закоулкахъ Европы:

> Eh quoi! j'apprends que l'on critique
> Le *de* qui précède mon nom.
> Êtes vous de noblesse antique?
> Moi, noble? Oh! vraiment, messieurs, non!
> Non, d'aucune chevalerie
> Je n'ai le brevet sur vélin;
> Je ne sais qu'aimer ma patrie,
> Je suis vilain et très vilain! (*)

Отецъ поэта былъ на этотъ счетъ совершенно иныхъ убѣжденій. Генеалогическому древу своему придавалъ онъ большое значеніе и занимался имъ несравненно болѣе, чѣмъ сыномъ. Примѣръ нерѣдкій.

Переданный этимъ нѣжнымъ и заботливымъ родителемъ съ рукъ на руки дѣду, Беранже прожилъ въ домѣ портнаго до девятилѣтняго возраста. Добрый старикъ крѣпко баловалъ внучка и предоставлялъ ему полную свободу, ни въ чемъ его не стѣсняя. Пользуясь этимъ, Беранже ничему почти не учился, и въ 9 лѣтъ едва умѣлъ читать. Единственною школою его въ то время была улица, единственнымъ воспитателемъ — народъ. Цѣлый день проводилъ онъ съ своими однолѣтками, принадлежавшими, по всѣмъ вѣроятностямъ, къ типическому сословію *gamins de Paris*, съ утра до поздней ночи таскаясь съ ними по всѣмъ концамъ Парижа, ко всему приглядываясь, ко всему прислушиваясь. Въ одну изъ подобныхъ прогулокъ, въ знаменитый день 14 іюля 1789 года, Беранже былъ свидѣтелемъ паденія Бастиліи. Онъ никогда не могъ позабыть этого достопамятнаго дня....

Впечатлѣнія дѣтства неизгладимыми чертами врѣзались въ сердце поэта. Въ нихъ первый зародышъ его вдохновенныхъ пѣсенъ.

(*) Какъ! я слышу, что критикуютъ *de*, предшествующее моей фамиліи. Вы, стало быть, старинный дворянинъ? Я — дворянинъ? О, нѣтъ, господа, право же нѣтъ! У меня не имѣется никакого патента на пергаментѣ; я умѣю только любить мою родину. Я — плебей, истый плебей!

Онъ рано узналъ и полюбилъ народъ, на служеніе которому употребилъ весь свой геній.

«Народъ — моя муза», сказалъ Беранже въ одномъ изъ предисловій къ своимъ сочиненіямъ. Эти три слова лучше всякихъ эстетическихъ разсужденій объясняютъ его историко-литературное значеніе.

Богъ вѣсть, что сталось бы съ Беранже, если бы онъ остался въ Парижѣ во время полнаго разгара кровавой драмы 90-хъ годовъ, — но судьба, или та благодѣтельная фея, которая склонялась надъ младенческой колыбелью поэта, избавила его отъ преждевременной опасности. Напуганный оборотомъ, который начало принимать революціонное движеніе, старый портной отправилъ внука къ родной его теткѣ, содержавшей гостинницу въ Перониѣ.

Образъ жизни мальчика круто измѣнился.

Тетка его была женщина добрая, но строгая и набожная, свято державшаяся всѣхъ старинныхъ преданій и понятій, на перекоръ духу времени и большинству тогдашняго общества. Она немедленно засадила племянника за Катихизисъ и Священную Исторію, строго-на-строго запретивъ ему бить баклуши и отлучаться безъ спросу изъ дому. Волею-неволею, надо было повиноваться.

Но вмѣсто того, чтобы углубиться въ ученіе вѣры, будущій поэтъ принялся рыться отъ скуки въ немногосложной теткиной библіотекѣ. Результатомъ этихъ изслѣдованій было открытіе «Телемака», сочиненій Расина и нѣсколькихъ разрозненныхъ томовъ Вольтера. Все это поглощено было съ жадностью и, разумѣется, украдкой отъ тетки, которая, вѣроятно, и не подозрѣвала о существованіи такого яда въ нѣдрахъ своего благочестиваго дома.

Къ этому времени относится слѣдующій случай:

Какъ-то разъ, страшная гроза разразилась надъ Перонной. Удары грома потрясали дома, ослѣпительная молнія повергала все живущее въ страхъ и трепетъ. Набожная тетка Беранже въ неописанномъ ужасѣ шептала молитвы и кропила стѣны своей гостинницы святой водою. Беранже съ улыбкою смотрѣлъ на все, дѣлая въ полголоса кое-какія замѣчанія.... Вдругъ страшная молнія освѣтила комнату, и оглушительный ударъ грома, въ дребезги раздробившій окно, повергъ мальчика на полъ....

Цѣлый часъ лежалъ онъ окоченѣлый, не показывая ни малѣйшаго признака жизни; но едва только пришелъ въ чувство, какъ громко и весело захохоталъ, къ неописанному удивленію почти что обезумѣвшей тетки, а потомъ со слезами бросился ей на шею....

Мы нарочно привели этотъ фактъ, въ которомъ, по нашему мнѣнію, выражается весь Беранже, съ своимъ истинно-французс-

скимъ характеромъ, — насмѣшливый и впечатлительный, живой и чувствительный, добрый и смѣлый....

Всѣ эти свойства сохранилъ онъ до конца жизни.

Когда будущему поэту минуло четырнадцать лѣтъ, тетка отдала его въ ученье къ нѣкоему *Лене*, содержащему въ Перонѣ типографію.

Лене былъ человѣкъ очень не глупый и довольно образованный. Онъ тотчасъ же замѣтилъ въ своемъ воспитанникѣ способности, далеко не дюжинныя, и, искренно полюбивши его, рѣшился заняться его воспитаніемъ. Между другими предметами, онъ училъ мальчика и версификаціи, убѣдившись въ его особенной склонности къ *наукѣ стихотворства*. Первый опытъ свой въ этой наукѣ Беранже произвелъ, набирая стихотворенія Андрея Шенье.

По совѣту же *Лене*, Беранже помѣщенъ былъ въ Перонскій патріотическій институтъ, основанный по системѣ Ж. Ж. Руссо эксдепутатомъ Законодательнаго Собранія Баллю де Беллангливомъ, республиканцемъ *до конца ногтей*. Здѣсь, къ величайшему утѣшенію своего наставника, Беранже скоро сдѣлался однимъ изъ первыхъ учениковъ. Никто не превосходилъ его въ ораторскомъ краснорѣчіи, никто не могъ состязаться съ нимъ на шумныхъ институтскихъ диспутахъ, никто не умѣлъ лучше и краснорѣчивѣе его сочинить какую нибудь патріотическую эпистолу къ Робеспьеру и другимъ. Баллю де Беллангливъ гордился своимъ воспитанникомъ. Почтенная тетка поэта смотрѣла на эти вещи другими глазами, и одинъ только страхъ быть *взятою на подозрѣніе* препятствовалъ ей извлечь племянника изъ бездны погибели.

За исключеніемъ *патріотическаго* воспитанія, Беранже врядъ ли что вынесъ изъ Перонскаго института. Онъ вообще учился лѣниво и зналъ не много. Впослѣдствіи онъ не разъ и горько жаловался на недостатокъ своего научнаго образованія.

За то поэтъ, поэтъ жизни и родины, проглядывалъ въ немъ съ каждымъ днемъ больше и больше. Онъ уже чувствовалъ порой и бурные порывы вдохновенія, и тѣ неясныя, невыразимыя томленія и стремленія *къ чему-то*, которыя знаменуютъ человѣка съ наклонностями, далеко не будничными. Онъ уже и мечталъ, и тосковалъ, и задумывался..... Когда же, наконецъ, онъ вернулся въ Парижъ, и отецъ спросилъ сына, какое занятіе намѣренъ онъ избрать себѣ, семнадцати-лѣтній юноша отвѣчалъ коротко и ясно: «я хочу быть поэтомъ.»

Къ этому періоду жизни Беранже, относится и первая любовь его, любовь его къ той *Лизеттѣ*, которую онъ обезсмертилъ въ своихъ пѣсняхъ. Кто не знаетъ *Лизетты*, этого милѣйшаго олице-

творенія парижской гризетки? Кто не любилъ этого милаго бѣсенка, непостояннаго и нѣжнаго, кокетливаго и добраго, а сверхъ всего такого хорошенькаго, такого обольстительнаго? Беранже любилъ Лизетту со всѣмъ жаромъ первой любви, любилъ ее со всѣми ея недостатками, постоянно прощая вѣтреной гризеткѣ всѣ ея многочисленныя измѣны и невѣрности....

Lisette, ma Lisette,
Tu m'as trompé toujours;
Mais vive la grisette!
Je veux, Lisette,
Boire à nos amours. (*)

Вотъ что говоритъ онъ про Лизетту въ письмѣ къ одной свѣтской дамѣ, нравственное чувство которой оскорблялось извѣстнымъ стихомъ въ извѣстной пѣснѣ: *Чердакъ:*

«J'ai su depuis qui payait sa toilette....» (**)

«Какъ мы разно понимаемъ любовь, и какое дурное понятіе составили вы о бѣдной Лизеттѣ! А она была такая добрая дѣвушка! Такая веселая, такая хорошенькая, такая нѣжная! Какъ! Потому только, что у Лизетты было *нѣчто въ родѣ мужа*, заботившагося о ея туалетѣ, вы негодуете на нее? У васъ, я въ этомъ увѣренъ, не достало бы на это духа, еслибы вы ее видѣли. Она одѣвалась съ такимъ вкусомъ! Все такъ удивительно шло къ ней! Наконецъ, развѣ и сама она не хотѣла быть всѣмъ обязанною одному только мнѣ? Но чтожь было дѣлать! Я былъ такъ бѣденъ, что за каждую малѣйшую прихоть долженъ былъ платить всевозможными лишеніями. Были дни, когда я питался одной похлебкой, которую приготовлялъ себѣ самъ, мысленно нанизывая въ то же самое время риему на риему, и мечтая о моей будущей славѣ.... Да, я былъ бѣденъ, но, между тѣмъ, и теперь даже, при одномъ воспоминаніи объ этой милой порѣ, когда, безъ поддержки, безъ образованія, почти что безъ куска хлѣба, я весь жилъ въ будущемъ, умѣя, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользоваться и настоящимъ, — при одномъ воспоминаніи объ этой порѣ, невольныя слезы набѣгаютъ мнѣ на глаза... О, какъ прекрасна молодость! Она чаруетъ даже бѣдную, угрюмую старость. Умѣйте пользоваться вашею молодостью, добрый другъ мой. Любите и старайтесь быть любимой. Я зналъ это счастіе, — оно величайшее въ жизни.»

(*) Лизетта, Лизетта! Ты меня постоянно обманывала.... Но да здравствуетъ гризетка! Я пью за нашу любовь.

(**) Я узналъ впослѣдствіи, кто покупалъ ей платья.

Лизетта осталась въ Перонне. Беранже прибылъ въ Парижъ, преследуемый ея милымъ образомъ и утешаясь надеждою на скорое свиданіе.

Объявивши отцу о решительномъ намереніи своемъ сделаться поэтомъ, Беранже принялся за работу.

Подобно многимъ писателямъ, онъ не вдругъ напалъ на свое настоящее призваніе. Прежде, чемъ остановиться на песне, онъ перепробовалъ почти все роды поэзіи. (*)

Театръ, который въ это время Беранже посещалъ довольно часто, внушилъ ему, прежде всего, желаніе заняться драматической поэзіей. Плодомъ этого желанія была комедія *Гермафродиты*, въ которой осмеивались жалкіе, изнеженные фаты и безстыдныя интриганки, расположенныя распущенностью нравовъ Директоріи. Комедія эта, почти вследъ за ея окончаніемъ, была брошена въ огонь. По мненію Сент-Бёва, причиною тому былъ Мольеръ, сочиненія котораго въ это самое время попались подъ руку Беранже. Познакомившась съ *Тартюфомъ* и *Гарпагономъ*, поэтъ нашъ понялъ, что̀ такое истинная комедія, и, не думая долго, произнесъ самъ безпристрастный судъ надъ своими *Гермафродитами*.

По словамъ другихъ критиковъ и біографовъ Беранже, уничтоженіе *Гермафродитовъ* последовало по другой причине. Беранже не удалось поставить своей комедіи тогда, когда ему этого хотелось, а онъ очень хорошо понималъ, что пьеса его, принадлежавшая, по всемъ вероятностямъ, къ числу такъ называемыхъ *pièces de circonstance*, могла иметь только временный успехъ. Подъ вліяніемъ подобной же досады, много летъ спустя, Беранже уничтожилъ целый томъ своихъ песенъ, въ которомъ цензура не пропустила посвященія.

За комедіей последовали сатиры (**), за сатирами диеирамбы и оды, за диеирамбами и одами баллады и идилліи. Вследъ за темъ, поэтъ остановился на намереніи создать эпическую поэму подъ названіемъ *Кловисъ*. Все это, одно за другимъ, начиналось, и, одно за другимъ, бросалось, жглось и рвалось безпощадно. Беранже былъ решительно недоволенъ всеми своими попытками, и, смутно сознавая, что не въ эпопеяхъ и одахъ заключается его истинное при-

---

(*) Первыя песни написаны Беранже еще въ бытность его въ Перонне. Оне изданы были въ 1797 г. отдельной книжкой, носившей названіе: «La guirlande des roses.» Тогда поэтъ нашъ считалъ еще песенный родъ недостойнымъ истиннаго поэта.

(**) Въ 1816 г. Беранже сделалъ еще одну и последнюю попытку въ драматическомъ искусстве. Онъ написалъ два водевиля: *Аттила* и *Хамелеоны*; второй въ сотрудничестве съ Маріо и Вафларомъ, — оба поставлены были на сцену, но безъ имени автора.

званіе, все еще не могъ опредѣлить его себѣ сознательно и ясно. Эти неудачи и томленія, эта постоянная борьба, эти жгучія желанія безъ удовлетворенія составляли сущее несчастіе поэта. Къ этому присоединилось еще одно, болѣе прозаическое, но врядъ ли менѣе непріятное обстоятельство.

Временное благосостояніе, въ которомъ Беранже, по прибытіи въ Парижъ, засталъ свое семейство, благосостояніе, которымъ отецъ поэта обязанъ былъ придворнымъ интригамъ, такъ же быстро рушилось, какъ и явилось. Довольство и даже роскошь смѣнилась вдругъ почти совершенною нищетою.

На первыхъ порахъ, поэтъ нашъ нисколько не тяготился своимъ жалкимъ положеніемъ. Умѣренный во всѣхъ своихъ требованіяхъ, молодой и здоровый, безпечный и веселый, онъ бодро, съ пѣснями и смѣхомъ, переносилъ бѣдность со всѣми ея неблаговидными спутниками, со всѣми ея крупными и мелкими невзгодами, не рѣдко, какъ червь, подтачивающими самые сильные характеры. Къ тому же, въ это самое время, какъ бы въ вознагражденіе за кислыя гримасы фортуны, явилась въ Парижъ Лизетта, — Лизетта все также обольстительно прекрасная, все также веселая, любящая, нѣжная и къ довершенію всего, — *почти что* свободная.... Какое же горе могло устоять противъ такой радости?

Сколько свѣтлыхъ, чудно-поэтическихъ дней, вечеровъ и ночей проведено было въ это время въ одной изъ бѣднѣйшихъ мансардъ многолюднаго и богатаго города Парижа; какъ проводились эти дни, вечера и ночи — объ этомъ знаетъ вся читающая Европа: полстолѣтія уже распѣвается, болѣе или менѣе фальшиво:

Dans un grenier qu'on est bien à vingt ans! (*)

И что это, въ самомъ дѣлѣ, были за свѣтлые дни! что это были за чудныя ночи! Сколько слышалось, въ продолженіе ихъ, веселыхъ пѣсенъ, задушевнаго смѣха, уморительнѣйшихъ остротъ! Сколько обмѣнено было жаркихъ и страстныхъ поцалуевъ! Сколько выпито было дешеваго, но за то *забиравшагося въ долгъ* вина!...

Не даромъ, даже при самомъ концѣ своей жизни, Беранже не могъ безъ невольныхъ слезъ вспомнить это золотое время. Не даромъ, въ одной изъ лучшихъ пѣсенъ своихъ, описывая чердакъ, на которомъ провелъ онъ это время, поэтъ говоритъ:

J'échangerais ce qu'il me reste à vivre
Contre un des mois qu'ici Dieu m'a comptés.
Pour rêver gloire, amour, plaisir, folie,
Pour dépenser sa vie en peu d'instants,

(*) Какъ хорошо живется на чердакѣ въ двадцать лѣтъ!

D'un long espoir pour la voir embellie,
Dans un grenier qu'on est bien à vingt ans (*)!

Скоро, впрочемъ, миновалось это свѣтлое счастье! Декораціи внезапно перемѣнились, — вѣроятно на основаніи азбучной, но весьма вѣрной истины, что «Sub luna omnia fragilia sunt». Въ одно прекрасное утро, пѣсни разомъ стихли; во всѣхъ соединенныхъ кошелькахъ веселой компаніи не оказалось ни сантима; вина больше въ долгъ не отпускали, и бѣдность, настоящая, страшная бѣдность, съ голодной смертью или грязной Сеной въ перспективѣ, постучалась въ дверь и безъ того ужь слишкомъ долго издѣвавшейся надъ ней мансарды.... Безпечнѣйшій и веселѣйшій изъ поэтовъ невольно пріуныль....

Подъ вліяніемъ одной изъ подобныхъ минутъ, Беранже задумалъ отправиться въ Египетъ, куда въ то время, вслѣдъ за побѣдоносными орлами генерала Бонапарте, стремилось много парижской молодежи. Онъ, впрочемъ, не имѣлъ намѣренія поступить въ военную службу, къ которой нечувствовалъ никогда особенной склонности, а хотѣлъ поискать въ Египтѣ какой нибудь гражданской должности. Отъ этого намѣренія отклонилъ его Парсеваль-Гранмэзонъ, бывшій членомъ Каирскаго института. Онъ безпощадно разочаровалъ Беранже во всѣхъ его надеждахъ и мечтаніяхъ.

Тогда-то, тѣснимый со всѣхъ сторонъ бѣдностью, поэтъ нашъ рѣшился на слѣдующую выходку. Услыша, что Люціанъ Бонапарте покровительствуетъ литераторамъ и литературѣ, онъ собралъ всѣ свои оды, диѳирамбы и отрывки, и отправилъ ихъ при письмѣ къ брату перваго консула. Въ письмѣ этомъ невольно выражалось, чего стоила подобная выходка *первому* ученику *патріота* Баллю де-Беллангліза. Только одна крайняя необходимость могла подвигнуть его на такое дѣло. Мысль, впрочемъ, была честная.

Вотъ, какъ самъ Беранже говоритъ объ этомъ, въ посвященіи Люціану Бонапарту третьяго собранія своихъ пѣсенъ:

«Въ 1803 году, лишенный всякихъ средствъ къ существованію, утомленный несбывшимися надеждами, стихоплетничая безъ цѣли и толку, безъ образованія и полезныхъ совѣтовъ, я возъимѣлъ мысль (сколько подобныхъ мыслей осталось безъ всякихъ послѣдствій!) завернуть въ одинъ конвертъ всѣ мои незрѣлыя произведенія и переслать ихъ по почтѣ къ брату перваго консула, Люціану

(*) Я бы отдалъ весь остатокъ моей жизни за одинъ изъ мѣсяцовъ, проведенныхъ здѣсь. Какъ хорошо живется на чердакѣ въ двадцать лѣтъ, когда мечтаешь о славѣ, любви, удовольствіяхъ, шалостяхъ, когда растрачиваешь жизнь въ нѣсколько минутъ и видишь ее украшенною безконечными надеждами....

Бонапарте, уже извѣстному тогда своимъ ораторскимъ талантомъ и любовью къ искусствамъ. Мое посланіе, я помню его, — вполнѣ достойное молодой республиканской головы, ясно носило на себѣ слѣды гордости, оскорбленной горькой необходимостью прибѣгнуть къ покровителю. Неизвѣстный бѣднякъ, столько разъ уже обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, я рѣшительно не разсчитывалъ на успѣхъ этой, ни кѣмъ не поддерживаемой выходки. Но на третій день—о, восторгъ! — Люціанъ призываетъ меня къ себѣ, освѣдомляется о моемъ положеніи, говоритъ со мной, какъ съ поэтомъ, подкрѣпляетъ меня ободреніями и совѣтами. Къ несчастію, ему надо было выѣхать изъ Франціи. Я уже снова почиталъ себя забытымъ, когда вдругъ получилъ изъ Рима довѣренность на полученіе жалованья изъ института, въ которомъ Люціанъ былъ членомъ, съ письмомъ ко мнѣ слѣдующаго содержанія: «Прошу васъ принять это жалованье, и нисколько не сомнѣваюсь, что если вы будете развивать трудомъ талантъ вашъ, то сдѣлаетесь однимъ изъ украшеній нашего Парнаса. Заботьтесь въ особенности объ обработкѣ стиха; не переставайте быть смѣлымъ, но будьте изящнѣе».

«Никогда помощь не была оказана болѣе деликатно и благородно. Никто, вырывая изъ нищеты молодаго поэта, не поднималъ его такъ въ его собственныхъ глазахъ! Умный совѣтъ, сопровождавшій благодѣяніе, доказывалъ ясно, что не холодная рука равнодушнаго человѣка протягивается на помощь. Чье сердце не было бы тронуто? Я хотѣлъ публично выразить мою благодарность, — цензура этого не дозволила. Покровитель мой былъ изгнанникъ; онъ изгнанникъ еще и теперь (*)».

«Во время Ста Дней, Люціанъ Бонапартъ писалъ ко мнѣ, что вдаваясь въ пѣсенный родъ, талантъ мой измѣняетъ тому, болѣе возвышенному, направленію, которое имѣлъ въ началѣ. Я это чувствовалъ; *но я всегда былъ такого мнѣнія, что въ извѣстныя эпохи, литература и искусство не должны быть простыми предметами роскоши, и уже начиналъ сознавать въ то время всю ту пользу, которую можно извлечь, для общаго дѣла, изъ чисто-національнаго рода поэзіи.* Незнаю, что думаетъ Люціанъ о моихъ пѣсняхъ теперь; не знаю даже, извѣстны ли онѣ ему. Я нѣсколько разъ писалъ къ нему во время Реставраціи, но не получалъ отвѣта. Какъ ни утѣшалъ я себя тѣмъ, что онъ вѣроятно боится компрометировать меня своими письмами, — молчаніе его меня огорчало. Со времени Іюльской революціи, я счелъ нужнымъ подождать выхода въ свѣтъ послѣдняго собранія моихъ пѣсенъ, чтобы напомнить моему покровителю все, чѣмъ я ему обязанъ.

(*) Это было написано въ 1833 году.

«Теперь, обращая взоръ къ минувшему, мнѣ отрадно остановить его на знаменитомъ человѣкѣ, который нѣкогда подалъ мнѣ руку помощи, который далъ мнѣ вѣру въ мое дарованіе, который оживилъ силы души моей, готовыя уже пасть передъ несчастіемъ. Можетъ быть, покровительство его, направленное на другаго, подарило бы Франціи великаго поэта, но оно никогда не встрѣтило бы сердца болѣе признательнаго.

«Воспоминаніе о моемъ благодѣтелѣ послѣдуетъ за мной въ могилу. Въ этомъ свидѣтельствуютъ тѣ слезы, которыя проливаю я теперь, черезъ тридцать лѣтъ послѣ того дня, когда помощь благороднаго человѣка показалась мнѣ помощью самого Провидѣнія, обѣтомъ счастія и славы.

«Пусть голосъ нелицемѣрныхъ чувствъ моихъ дойдетъ до Люціана Бонапарте и хоть сколько нибудь усладитъ для него изгнаніе, куда постоянно стремятся къ нему всѣ мои мольбы и обѣты! Пусть Франція услышитъ мой голосъ и поспѣшитъ открыть объятія дѣтямъ своимъ, носящимъ то великое имя, которое будетъ ея вѣчною гордостью».

Вслѣдъ за неожиданною помощью Люціана, доходы Беранже получили еще небольшое приращеніе. Онъ сдѣлался сотрудникомъ журнала «Annales du Musée» и занимался въ немъ два года (1805 и 1806). Въ 1809 году, по ходатайству члена института и писателя Арно, поэтъ нашъ получилъ мѣсто при университетскомъ секретаріатѣ, съ жалованьемъ въ 1200 франковъ.

Теперь онъ былъ обезпеченъ. Теперь, не терзаемый больше нуждою, не вынуждаемый заботиться о пошлыхъ, будничныхъ дрязгахъ, онъ могъ весь отдаться своему призванію, могъ послѣдовать свободно влеченію своего генія, немолчно призывавшаго его въ чудную область поэзіи.... Онъ все мечталъ о драмѣ и эпической поэмѣ, но уже пѣсня зарождалась въ его вдохновенной душѣ....

Одна изъ первыхъ пѣсенъ Беранже, знаменитый *Roi d'Yvetot*, вышла почти прямо изъ Тюльерійскаго дворца.

Фонтань, ректоръ университета, услышавъ однажды какъ въ канцеляріи кто-то напѣвалъ *Roi d'Yvetot*, потребовалъ себѣ экземпляръ этой пѣсни, и въ тотъ же день показалъ его Наполеону. Наполеонъ прочелъ пѣсню и захохоталъ.

— Знаете ли вы голосъ? спросилъ онъ Фонтаня.

Фонтань пропѣлъ.

Изумленные придворные во весь тотъ вечеръ слышали императора безпрестанно повторявшимъ извѣстный припѣвъ:

Oh! oh! oh! oh! ah! ah! ah! ah!
Quel bon petit roi c'était là!
La! la!

Беранже, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же написалъ *Сенатора*, понравившагося во дворцѣ не менѣе *Короля д'Ивето.* Обѣ эти пѣсни пріобрѣли популярность гораздо прежде появленія ихъ въ печати.

Слава Беранже росла быстро. Въ 1813 году, онъ былъ приглашенъ въ знаменитое общество *погребка*, которое приняло его своимъ членомъ. Дезожье далъ ему мѣсто по правую сторону возлѣ себя.

Съ этого времени пѣсни Беранже принимаютъ почти исключительно-политическій характеръ. Затрогивая животрепещущіе современные вопросы, съ безпощадно-меткой ироніей, осмѣивая современные пороки и недостатки, каждая изъ этихъ пѣсенъ пріобрѣтала мгновенную популярность.

Но, по мѣрѣ возрастанія этой популярности, правительство стало не совсѣмъ дружелюбно посматривать на пѣвца. Потомъ и ударъ готовъ былъ уже разразиться надъ его головой, какъ вдругъ подоспѣли Сто Дней....

Въ это время, Беранже предложили весьма выгодное мѣсто цензора. Онъ отказался и остался въ прежнемъ званіи. Доходы и выгоды никогда не притягивали къ себѣ поэта. Онъ желалъ только одного необходимаго и, имѣя это необходимое, почиталъ себя совершенно счастливымъ.

Въ концѣ 1815 года, уже при Бурбонахъ, вышло въ свѣтъ первое собраніе пѣсенъ Беранже, подъ названіемъ: *Chansons morales et autres.* Оно встрѣчено было съ единодушнымъ восторгомъ. Въ этихъ пѣсняхъ, въ числѣ которыхъ находились *Le roi d'Yvetot*, *Le bon français*, *La requête des chiens de qualité*, и др., Беранже, осмѣивая кое-какія нелѣпости и предразсудки прежняго времени, не становился еще въ ряды оппозиціи. Тѣмъ не менѣе, университетское начальство замѣтило поэту, что если онъ дорожитъ мѣстомъ, то долженъ строже смотрѣть за своей насмѣшливой музой, неотличающейся надлежащимъ чинопочитаніемъ и скромностью.

Беранже принялъ это *къ свѣдѣнію*, и когда въ 1821 году появилось второе собраніе его пѣсенъ, онъ, въ самый день выхода книги, подалъ въ отставку.

Второе собраніе встрѣчено было еще съ большимъ энтузіазмомъ, нежели первое. *Les adieux à la gloire*, *Mon âme*, *Le vieux drapeau* и др. произвели рѣшительный фуроръ.

Но несмотря на этотъ восторгъ, несмотря на славу, окружавшую поэта, второе собраніе пѣсенъ обошлось ему дорого. Мартенвиль, редакторъ журнала «Drapeau blanc», былъ человѣкъ бездарный и бездушный, безсовѣстный и завистливый, полнѣйшее олицетвореніе всѣхъ дурныхъ сторонъ журналиста, которому слава Беранже не

давала ему покоя, только и думалъ о томъ, какъ бы уничтожить знаменитаго пѣвца.

Жалкій писака успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Онъ громогласно прокричалъ въ своемъ журналѣ, что Беранже — человѣкъ самый опасный, что пѣсни его волнуютъ народъ, и пр. и пр. *Бѣдое знамя* не въ первый разъ уже поднималось съ подобными воззваніями.

Правительство немедленно вступилось въ дѣло, и четыре тысячи экземпляровъ втораго собранія были тотчасъ же забраны у издателя Беранже. Но кромѣ этихъ четырехъ тысячъ, шесть тысячъ были уже проданы, и вся Франція, отъ края до края, громогласно распѣвала пѣсни своего національнаго поэта. Этому не могли помѣшать никакіе Мартенвили на свѣтѣ.

Беранже былъ призванъ въ Ассизный Судъ, обвиненъ въ оскорбленіи вѣры, правительства и общественной нравственности, и несмотря на энергическую защиту адвоката своего Дюпена-старшаго, приговоренъ былъ къ пяти-стамъ франкамъ пени и трехъмѣсячному тюремному заключенію.

Плодами этого заключенія были: *Adieux à la campagne*, *La chasse*, *L'agent provocateur* и *Mon carnaval*.

Беранже получилъ свободу въ то самое время, когда во Францію пришло извѣстіе о смерти Наполеона.

Онъ почтилъ память великаго человѣка великолѣпной пѣснью подъ названіемъ: *5-е мая*.

Третье собраніе пѣсенъ Беранже появилось въ 1825 году. Изданіе это не имѣло никакихъ дурныхъ послѣдствій, потому что издатель благоразумно исключилъ изъ него всѣ *нецензурныя* пьесы, которыя напечатаны были секретно отдѣльною книжкою. Зато, четвертое собраніе, вышедшее въ 1829 году, подверглось участи втораго. Обвиненный вторично, Беранже на этотъ разъ приговоренъ былъ къ 9-ти-мѣсячному тюремному заключенію и 10,000 франкамъ пени. Пеня эта уплачена была многочисленными поклонниками поэта, по подпискѣ, въ которой приняла участіе вся Франція.

Всеобщая любовь къ Беранже выразилась, сверхъ того, въ безчисленныхъ посѣщеніяхъ, которыми онъ былъ буквально осаждаемъ во время своего заключенія. Въ числѣ этихъ посѣтителей были лучшіе люди того времени, всѣ почти писатели, ученые, артисты.

Эта завидная любовь, это трогательное уваженіе къ знаменитому пѣвцу основывались не на одной только его славѣ: его любили всѣ и какъ человѣка, *человѣческія* достоинства котораго были нисколько не ниже поэтическаго его дарованія.

Рѣдко, въ самомъ дѣлѣ, можно встрѣтить личность столь симпатическую, какова была личность Беранже. Онъ былъ добръ, кротокъ, великодушенъ, простосердеченъ, честенъ и правъ.... Короче: каковъ былъ онъ въ пѣсняхъ, таковъ и въ жизни. Да и не могло быть иначе? Пѣсни его не *сочинялись*, не вымучивались съ мучительнымъ трудомъ, при помощи эрудиціи и искусственнаго вдохновенія — пѣсни его выливались прямо изъ души воспріимчивой и пылкой, слагались сами собою подъ вліяніемъ живыхъ впечатлѣній. Повторяемъ еще разъ: онъ вправѣ былъ сказать: «пѣсни мои — это я».

Въ самыя блестящія минуты своей жизни, на той высотѣ славы, на которой закружилась бы каждая голова, Беранже всегда отличался рѣдкою скромностью, составляющею характеристическую черту всѣхъ истинно великихъ людей. Любовь къ эффекту, это почти врожденное французамъ чувство, была совершенно чужда нашему поэту. Равно чуждо было ему и чувство зависти, помрачившее, къ несчастію, такъ много литературныхъ и нелитературныхъ свѣтилъ. Беранже всегда радъ былъ признать каждое истинное дарованіе. Онъ первый привѣтствовалъ Ламартина и Виктора Гюго. Онъ — несмотря на все несходство въ воззрѣніяхъ — съ искреннимъ восторгомъ встрѣтилъ *Génie du Christianisme* Шатобріана... Словомъ, онъ съ справедливой гордостью могъ сказать:

D'un trait méchant se montra-t-il capable?
Avec orgueil vous répondrez: *jamais* (*)

Мы не могли удержаться отъ невольной улыбки, перечитавши написанное нами. Мы вспомнили, что нѣтъ ни одной біографіи, въ которой бы не говорилось того же самого и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ. Какъ скоро кто нибудь взятъ предметомъ статьи — онъ уже тотчасъ и добръ, и благороденъ, и скроменъ; личность его — личность самая симпатическая; *бѣднякъ ни разу не отходилъ отъ его двери безъ помощи и утѣшенія*, и проч. и проч. и проч.

Не смотря на это, мы никакъ не можемъ отказаться отъ нашихъ словъ: мы ихъ не *сочинили* во уваженіе къ общепринятому, освященному временемъ и обычаями, правилу. Сужденія наши основываемъ мы на фактахъ; передъ нами лежитъ книга, признанная всѣми искреннѣйшею изъ книгъ: всѣ факты, и каждая строчка въ этой книгѣ, все торжественно подтверждаетъ наши слова.

По выходѣ своемъ изъ тюрьмы, Беранже снова очутился въ нуждѣ и снова, съ прежнимъ жаромъ, принялся за работу, съ преж-

(*) Обнаружилъ ли онъ когда нибудь наклонность ко злу? Вы гордо скажете: *никогда*.

нимъ, истинно философскимъ равнодушіемъ перенося невзгоды, и посмѣиваясь надъ ними. Какъ нѣкогда, при началѣ его жизни, такъ и теперь, судьба послала ему въ утѣшеніе любящую женщину, ту самую женщину, къ которой относится граціозное стихотвореніе, начинающееся словами:

Vous vieillirez, o ma belle maitresse!.. (*)

Имя ея — Юдиѳь Алляръ. Не столь вѣтренная, какъ Лизетта, она не покинула поэта до конца его жизни.

Мирные труды Беранже были внезапно прерваны іюльскими днями....

Поэтъ нашъ не принималъ никакого участія въ народномъ возстаніи; онъ даже старался, на сколько могъ, успокоить взволнованные умы, — но было уже поздно.

Въ то время, когда онъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за развитіемъ революціоннаго движенія, народъ вдругъ вспомнилъ своего пѣвца. Бюсты Беранже, увѣнчанные лаврами, выставлены были во всѣхъ театрахъ Парижа; толпа привѣтствовала ихъ восторженными рукоплесканіями....

Поэтъ достигъ апогеи своей славы!

Въ эту лучезарную минуту, Беранже предстояло торжественно доказать, что убѣжденія его не были, подобно убѣжденіямъ весьма многихъ людей, одними, болѣе или менѣе пріятными для слуха, фразами. Почти всѣ друзья поэта — и стоики, и эпикурейцы, и *безкорыстнѣйшіе* патріоты — быстро шагнули по пути почестей и отличій, занявши самыя видныя мѣста. Беранже стоило только *пожелать*, чтобы не отстать отъ нихъ. Его даже приглашали, просили.... Онъ отвѣчалъ на это пѣснею съ извѣстнымъ припѣвомъ:

En me créant, Dieu m'a dit: ne sois rien. (**).

И онъ былъ правъ! Онъ былъ не *ничто*: Онъ былъ поэтъ, поэтъ по преимуществу, и роль политическаго дѣятеля была бы не по немъ. Не многіе въ состояніи такъ благородно и честно отказаться отъ почестей и вліянія, потому только, что нечувствуютъ себя призванными для нихъ. Не многіе съумѣютъ остаться тѣмъ, чѣмъ создала ихъ природа и, невыходя изъ скромной сферы, предназначенной имъ, завѣщать имя свое на гордость и славу потомству.

Вотъ какъ самъ Беранже говоритъ объ этомъ, *оправдываясь* въ томъ, что никогда не переставалъ быть скромнымъ человѣкомъ и истиннымъ философомъ:

(*) Вы состаритесь, моя прекрасная подруга!...

(**) Создавши меня, Богъ сказалъ мнѣ: не будь ни чѣмъ.

«Іюльская революція хотѣла устроить и мою карьеру. Почти всѣ друзья мои заняли важныя должности. Нѣкоторые и теперь еще держатся на вершинѣ мачты. Мнѣ бы хотѣлось думать, что они зацѣпились тамъ полами и не могутъ сойти внизъ, не смотря на все свое желаніе.

«Такимъ образомъ и я могъ получить какое нибудь мѣсто. Къ несчастію, я не питаю страсти къ должностнымъ отличіямъ, и всякій обязательный трудъ сдѣлался для меня невыносимымъ. Злые языки утверждали, что я корчу изъ себя добродѣтельнаго мужа. Полноте! это просто — лѣнь. Недостатокъ этотъ замѣнялъ во мнѣ много хорошихъ качествъ, а потому я и рекомендую его всѣмъ честнымъ людямъ. Онъ, впрочемъ, подвергаетъ и страннымъ упрекамъ. Лѣни моей, напримѣръ, нѣкоторые суровые цензоры нравовъ приписывали то отдаленіе, въ которомъ держался я отъ тѣхъ изъ достопочтенныхъ друзей моихъ, которые имѣли несчастіе достигнуть власти и вліянія. Придавая черезъ чуръ много значенія моему, такъ называемому ими, здравому смыслу и забывая, что отъ здраваго смысла до науки правленія еще очень неблизко, суровые цензоры эти утверждали, что мои совѣты могли бы быть полезными не одному министру. Если вѣрить имъ, то, скрываясь за бархатными креслами нашихъ государственныхъ людей, я бы заговаривалъ вѣтры, разгонялъ тучи, ввелъ Францію въ океанъ благополучія.... О, друзья мои, принимающіе пѣсенника за чародѣя! развѣ вы не знаете, что власть — это колоколъ, препятствующій тѣмъ, которые его раскачиваютъ, слышать всякій другой звукъ? Безъ сомнѣнія, министры совѣтуются иногда съ тѣми, которые у нихъ подъ рукою: совѣтоваться есть способъ говорить о себѣ, а этимъ рѣдко кто пренебрегаетъ. Но давать совѣты людямъ, отвѣчающимъ вамъ тѣмъ же, — этого еще мало! Надо умѣть выполнять; — а это дѣло характера, который не всегда даютъ и самыя чистыя намѣренія, самый просвѣщенный патріотизмъ...»

Чтобы отдѣлаться разомъ отъ всѣхъ докучныхъ просьбъ и манифестацій, Беранже покинулъ Парижъ и поселился въ Пасси. Изъ Пасси, въ непродолжительномъ времени, переѣхалъ онъ въ Фонтенебло, а оттуда въ Туръ.

Это время можно считать концомъ его поэтической дѣятельности. Призваніе пѣвца совершилось. Политическая пѣсня сдѣлала все, что только могла сдѣлать; а для воспѣванія любви и нѣги, для прославленія милыхъ *Лизеттъ* и *Розеттъ* поэтъ уже не чувствовалъ въ себѣ прежняго юношескаго жара. Онъ не хотѣлъ пережить своей славы.

— Вы знаете, сказалъ онъ друзьямъ своимъ: — что у меня нѣтъ ничего, кромѣ славы. Ее надо беречь. Поэтъ умеръ; человѣку пора на отдыхъ.... Прощайте!

Но, покинувши лиру, онъ не совсѣмъ оставилъ литературныя занятія. Въ уединеніи своемъ, въ Пасси, Беранже трудился надъ обширнымъ сочиненіемъ, подъ названіемъ: «Біографіи современниковъ», которое должно было появиться въ свѣтъ только послѣ смерти автора.

«Я хочу, говорилъ онъ: — составить нѣчто въ родѣ историческаго словаря, въ которомъ будутъ заключаться мои многочисленныя воспоминанія и сужденія, собственныя, или заимствованныя отъ авторитетовъ, обо всѣхъ нашихъ знаменитостяхъ, политическихъ и литературныхъ, молодыхъ и старыхъ. Этотъ трудъ, не требующій ни глубокихъ познаній, ни особеннаго таланта, наполнитъ остатокъ моей жизни. Мнѣ удастся, можетъ быть, поправить не одну ошибку, уничтожить не одну клевету.... Франція скажетъ мнѣ за это спасибо. И какъ знать, — не этому ли труду моему будетъ обязано безсмертіемъ мое имя? А забавно было бы слышать, какъ станутъ говорить потомки: «серьёзный, разсудительный Беранже!» Почему же и нѣтъ?»

Трудъ этотъ, къ сожалѣнію, не былъ оконченъ. Беранже сжегъ его въ Фонтенебло, отзываясь тѣмъ, что онъ не хочетъ говорить дурно о своихъ друзьяхъ, чего, при безпристрастной оцѣнкѣ ихъ дѣйствій, избѣжать было бы невозможно.

Въ 1833 году вышло пятое и послѣднее собраніе пѣсень Беранже. Вскорѣ послѣ того, поэтъ снова вернулся въ Парижъ и поселился въ скромномъ домикѣ, въ улицѣ д'Анферъ, неподалеку отъ Люксанбурга.

Слава не переставала окружать его своимъ, нерѣдко безпокойнымъ сіяніемъ. Она не измѣнила ему до послѣдней минуты его жизни.

Мы бы очень не скоро кончили, если бы вздумали пересказывать всѣ анекдоты, героемъ которыхъ былъ Беранже. Анекдоты эти лучше всего доказываютъ громадную популярность знаменитаго пѣвца и искреннюю любовь къ нему французовъ всѣхъ возрастовъ, классовъ и состояній. Ограничимся однимъ, который кажется граціознымъ эпизодомъ какого-то романа.

Извѣстная актриса Дежазè (*) проѣзжала разъ мимо домика, въ которомъ жилъ Беранже.

(*) Дежазé славилась неподражаемымъ умѣньемъ пѣть беранжеровскія пѣсни, и въ особенности, *Фретильйону*, производившую всегда фуроръ въ Палерояльскомъ театрѣ.

Кто-то изъ бывшихъ съ нею знакомыхъ, показалъ ей на жилище поэта.

— Какъ! здѣсь живетъ Беранже! воскликнула актриса:—Беранже!

— Да. Вы должны его знать.

— Я видѣла его только разъ, тому назадъ очень давно, отвѣчала Дежазé: — не странно ли это? Я — *Фретильйона*, я не знаю Беранже!

— Хотите, я васъ познакомлю съ нимъ, сказалъ знакомый актрисы.

— Сейчасъ же! Сію минуту!... Какое счастье! какое счастье! повторила она съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

Беранже никогда не слышалъ актрисы, приводившей каждый вечеръ въ восторгъ Парижскую публику его пѣснями. Онъ ни разу не былъ въ Палеройяльскомъ театрѣ. Радость его была не меньше радости Дежазé, когда ему доложили объ ея посѣщеніи.

Они обнялись, какъ старые друзья.

— Вотъ уже лѣтъ семь или восемь, какъ я только и вижу васъ на портретахъ, сказалъ Беранже, пожимая актрисѣ руки.

— А я вижу васъ всегда въ моемъ сердцѣ, отвѣчала она.

Они долго и пристально смотрѣли другъ на друга.

— Хотите, я вамъ спою какую нибудь вашу пѣсню? спросила Дежазé, улыбаясь.

— Слушаю, слушаю! отвѣчалъ онъ.

Актриса стала передъ поэтомъ на колѣни, взяла его руку въ свои маленькія руки и, съ любовью смотря ему въ глаза, запѣла первый куплетъ *Фретильйоны*. Но вдругъ голосъ ея дрогнулъ, порвался.... она зарыдала. Беранже тоже.

Нѣсколько разъ начинала Дежазé куплетъ, и ни разу не могла его окончить.... Она и плакала и смѣялась.... Прощаясь съ Беранже, она взяла съ него слово посмотрѣть ее на сценѣ.

— Завтра же, отвѣчалъ онъ, и, дѣйствительно, на другой день, въ первый разъ услышалъ несравненную артистку, игравшую и пѣвшую въ этотъ вечеръ съ особеннымъ чувствомъ.

Много ходитъ по Парижу подобныхъ разсказовъ.

Въ 1848 году, вопреки желанію поэта, отказавшагося разъ навсегда отъ всѣхъ политическихъ ролей, онъ былъ единодушно избранъ въ число представителей города Парижа въ *Національное Собраніе*. Беранже только разъ былъ въ Собраніи, да и то потому, чтобы не показаться неблагодарнымъ, но вслѣдъ за тѣмъ, немедленно подалъ въ отставку, которую, однако же, получилъ не тот-

часть, а только по вторичному прошенію, приложенному при слѣдующемъ письмѣ къ президенту Собранія:

«Если бы я могъ позабыть мою старость, дряхлость и неспособность къ службѣ, то этимъ единственно былъ бы обязанъ вашему письму, извѣщающему меня объ отказѣ, которымъ почтило Національное Собраніе мое прошеніе объ отставкѣ. Эта, слишкомъ уже высокая, награда за ничтожныя услуги, оказанная мною дѣлу общему, будетъ предметомъ вѣчной моей признательности. Она доказала, какъ можетъ быть завидна участь людей, которые принесутъ дѣйствительную пользу Франціи. Вполнѣ счастливый тѣмъ, что мнѣ выпало на долю послужить поощрительнымъ примѣромъ для потомковъ, я снова прошу Національное Собраніе не извлекать меня изъ неизвѣстности частной жизни. Это не желаніе философа, не желаніе ученаго, — это желаніе риомача (rimeur), который бы подумалъ, что пережилъ себя, если бы среди общественныхъ дѣлъ утратилъ душевную независимость — предметъ стремленій всей его жизни. Я въ первый разъ обращаюсь съ просьбой къ моему отечеству. Надѣюсь, что народные представители не отвергнутъ этой просьбы и простятъ старика, который самъ очень хорошо понимаетъ, какой чести онъ лишается.»

Точно также поэтъ нашъ отказывался и отъ всѣхъ другихъ почестей, отъ всѣхъ блестящихъ погремушекъ, за которыми съ такою жадностью гоняются люди, — даже и очень хорошіе люди. Сколько разъ предлагали ему мѣсто въ академіи, въ числѣ *сорока безсмертныхъ*, — и онъ всякій разъ отказывался. Скромный пѣвецъ невольно сознавалъ, можетъ быть, что, и безъ академическаго кресла, безсмертіе его вѣрнѣй и надежнѣй безсмертія многихъ, и очень многихъ, изъ *безсмертныхъ* ...

Мирно и тихо протекли послѣдніе годы Беранже. Занятый иными вопросами, увлеченный новыми свѣтилами, шумный и вѣтреный Парижъ какъ бы забылъ на время своего знаменитаго пѣвца. Болѣзнь, а вслѣдъ за нею, — смерть поэта снова воротили къ нему всеобщее вниманіе.

По словамъ газетъ, роковое извѣстіе о неизлечимой болѣзни Беранже отвлекло парижанъ отъ всѣхъ другихъ занятій, отъ всѣхъ, самыхъ животрепещущихъ, *questions du jour*. Даже о повышеніи и пониженіи фондовъ на биржѣ заботились не столько, сколько о томъ, какъ провелъ Беранже ночь, что говорятъ медики, и пр. Особенную заботливость выказали при этомъ люди рабочихъ классовъ. Чтобы имѣть ежеминутныя свѣдѣнія о положеніи больнаго, они учредили даже цѣлую обсерваціонную линію отъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстія до Вандомской улицы, гдѣ жилъ въ послѣднее время Беранже.

Была этому и другая причина. Носились слухи, что правительство, опасаясь какой нибудь враждебной манифестаціи, хочетъ, чтобъ похороны Беранже были самыя скромныя.

4 іюля все разрѣшилось. Беранже умеръ въ пять часовъ вечера, на 79-мъ году своей жизни.

Въ тотъ же день, весь Парижъ узналъ о понесенной имъ потерѣ изъ слѣдующей прокламаціи префекта полиціи:

«Франція утратила своего національнаго поэта!

«Императорское правительство желаетъ воздать публичныя почести праху Беранже. Это священный долгъ поэту, пѣсни котораго такъ способствовали къ укорененію въ сердцахъ народа воспоминаній о славныхъ временахъ Имперіи.

«Я слышалъ, что люди разныхъ партій видятъ въ печальномъ торжествѣ одинъ только случай къ возобновленію безпорядковъ, не разъ бывавшихъ при подобныхъ церемоніяхъ.

«Правительство не потерпитъ, чтобы какія либо шумныя манифестаціи замѣнили почтительную печаль, долженствующую знаменовать похороны Беранже.

«Сверхъ того, воля самого покойнаго выразилась въ слѣдующихъ трогательныхъ словахъ:

«Что касается до моего погребенія, то, если вы можете устроить его, мой милый Перротенъ (*), безъ всякаго шума и публичности, вы исполните тѣмъ одно изъ пламеннѣйшихъ моихъ желаній. При похоронахъ друзей, мнѣ всегда были противны шумъ и надгробныя рѣчи.»

«Вслѣдствіе чего, согласно съ волею исполнителей завѣщанія, рѣшено, что при погребеніи имѣютъ присутствовать только оффиціальныя депутаціи и лица, имѣющія билеты.

«Приглашаю народъ согласоваться съ этимъ предписаніемъ. Всѣ мѣры приняты къ тому, чтобы воля покойнаго была строго и свято исполнена.

Парижъ, 16 іюля 1857 года.»

Похороны Беранже происходили 17 іюля. Всѣ издержки по нимъ покрыты были изъ императорской кассы.

Съ девяти часовъ утра, всѣ улицы и бульвары, ведущіе отъ Вандомской улицы къ кладбищу Отца Лашеза, покрыты были войсками, не допускавшими къ процессіи народъ, густо толпившійся со всѣхъ сторонъ.

Ровно въ полдень началось шествіе.

Оно открыто было отрядомъ парижской конной гвардіи, а замыкалось эскадрономъ гусаръ.

(*) Двоюродный братъ поэта.

За гробомъ шли родственники поэта, Перротенъ и Бенжаменъ Антье, музыкантъ 1-го артиллерійскаго полка.

Въ длинной толпѣ, сопровождавшей ихъ, видѣлось много извѣстныхъ лицъ, много знаменитостей всякаго рода. Представителемъ императора былъ адъютантъ его, генералъ де Коттъ.

Гробъ везенъ былъ подъ богатымъ балдахиномъ, украшеннымъ широкими пальмовыми листьями и вѣнками изъ иммортелей.

Отпѣваніе происходило въ церкви Св. Елизаветы, откуда процессія, въ прежнемъ порядкѣ, направилась къ кладбищу Отца-Лашеза.

Болѣе пятисотъ тысячъ человѣкъ тѣснилось въ улицахъ, прилегающихъ къ тѣмъ, по которымъ проходило печальное шествіе. Всѣ крыши сосѣднихъ домовъ покрыты были многочисленными зрителями. Крики *Vive Béranger! Honneur à Béranger!* потрясали воздухъ.

Прахъ Беранже положенъ, на время, рядомъ съ прахомъ Манюэля, лучшаго друга и товарища молодости знаменитаго поэта.

Такъ кончилась эта жизнь, небогатая внѣшними событіями, но богатая славой, добромъ, любовью, богатая всѣми чистыми и высокими привязанностями, богатая всѣмъ, чего можно и должно пожелать каждому человѣку.

Мы сказали уже въ началѣ статьи нашей, что Беранже принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, о которыхъ не бываетъ двухъ разнорѣчащихъ мнѣній. Не всѣ, конечно, могутъ раздѣлять его убѣжденія, но никто не скажетъ, и не можетъ сказать, чтобы убѣжденія эти не были искренни и благородны, чтобы образъ выраженія ихъ не былъ истинно-поэтическимъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, не случалось встрѣчать отзывовъ, неблагопріятныхъ нашему поэту. Самые суровые моралисты, самые жаркіе поклонники «старины и дѣлины», самые ярые поборники устарѣлыхъ литературныхъ преданій, — и тѣ не смѣютъ отказать Беранже въ титулѣ художника-поэта. Они прибавляютъ лишь иногда, для очищенія совѣсти, что хотя, конечно, онъ поэтъ, но жаль и прискорбно одно, что пѣвецъ *Лизетты* былъ — пѣвецъ *Лизетты*, а не «Аякса Теламонида», и что онъ избралъ себѣ такой *низменный* родъ поэзіи, какова пѣсня, тогда какъ въ піитикахъ существуютъ и героическая поэма, и высокоторжественная ода, и другіе *высокіе* роды... «Впрочемъ, прибавляютъ они снисходительно-покровительственнымъ тономъ: — пѣсни Беранже.... все-таки очень хорошія пѣсни.»

Да, добрые люди, благонравные поклонникиреторикъ и піитикъ, пѣсни Беранже — очень хорошія пѣсни! Есть между ними даже и такія, что за десять или за двадцать строчекъ въ нихъ

можно, не задумываясь, отдать цѣлые томы высоко-торжественнѣйшихъ одъ, цѣлыя эпопеи въ пятьнадцать тысячъ гекзаметровъ! Пѣсни Беранже не принадлежатъ къ *высокому* роду поэзіи, но въ нихъ, въ тоже время, — и эпопея, и ода, и комедія, и драма, и элегія, и идиллія.... Пѣсни Беранже — это жизнь со всѣми ея темными и свѣтлыми сторонами, со всѣми ея слезами и смѣхомъ, со всѣми ея трагедіями и фарсами. Красоты ихъ не требуютъ комментарій и поясненій, лексиконовъ, диспутовъ и эрудиціи, — красоты ихъ, какъ красоты самой жизни и природы, понятны и видны каждому глазу привлекаютъ къ себѣ сами собой, всею неотразимою прелестью блещущей въ нихъ истинной поэзіи!

Пѣвецъ *Лизетты* не былъ пѣвцомъ «Аякса Теламонида», но онъ былъ за то пѣвцомъ своей родины, пѣвцомъ ея славы и величія, ея бѣдъ и радостей. Веселый пѣсенникъ не взывалъ къ богамъ Олимпа, къ сребролукому Фебу и Піеридамъ; въ его пѣсняхъ не трепетали земля и небо, волны морскія и звѣзды небесныя; не сходились въ дружной пляскѣ Олимпъ, Геликонъ и Парнасъ, — это прискорбно, — но онъ взывалъ къ своимъ согражданамъ и собратіямъ, но онъ училъ ихъ добру, любви къ родинѣ, разумному пониманію жизни, — и сограждане отзывались ему единодушнымъ кликомъ, повторяя за нимъ его вдохновенные напѣвы....

Нѣмцы, англичане, русскіе — могутъ восхищаться пѣснями Беранже, но оцѣнить эти пѣсни вполнѣ, понять все значеніе «самаго французскаго изъ французскихъ поэтовъ» могутъ одни только французы.

И они поняли значеніе поэта! Они оцѣнили его пѣсни! Болѣе полвѣка уже, не одинъ какой нибудь классъ просвѣщенныхъ диллетантовъ, а весь народъ поетъ эти пѣсни, возбуждаетъ ими свои лучшія чувства, утѣшается ими въ грустныя минуты.... И онъ будетъ пѣть ихъ долго, долго, благодаря человѣка, подарившаго цѣлой странѣ такой неизсякаемый источникъ благороднѣйшаго наслажденія.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Открытіе Петергофской желѣзной дороги. — Петергофскіе дворцы и парки. — Слухи о празднествахъ. — Петербургское лѣто. — Русская деревня. — Участіе въ судьбѣ русскаго мужика. — Мой почетный знакомый. — Его домашній бытъ. — Какія бываютъ на свѣтѣ маменьки. — Обѣдъ въ Петергофѣ и новые взгляды старыхъ людей. — Моя неудачная выходка. — Неудобныя правила, внушенныя мнѣ съ дѣтства, и мѣшающія мнѣ жить. — Нѣсколько словъ о гостинницахъ для пріѣзжающихъ и въ особенности о Гатчинской гостинницѣ. — Фейерверкъ въ Кадетскомъ лагерѣ. — Встрѣчи и разговоры на пароходѣ. — Господинъ съ карьерой и барыня съ дочкой, безъ карьеры. — Непростительная спекуляція на память Гоголя, заключающая въ себѣ поддѣлку подъ «Мертвыя Души». — Слухъ о продолженіи «Горе отъ ума». — День 23 іюля въ Петергофѣ: пріѣздъ въ Петергофъ Вдовствующей Государыни Императрицы и Августѣйшей невѣсты Великаго Князя Михаила Николаевича и торжественный пріемъ ихъ въ Петергофѣ.

Петергофская желѣзная дорога открыта для публики 21 іюля, на другой день послѣ пріѣзда Государя Императора изъ-за границы. Его Величество изволилъ прибыть на пароходѣ 20 іюля въ Петергофъ. Дебаркадеръ вновь открытой дороги въ Петергофѣ въ двухъ верстахъ отъ самого центра и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ одного изъ парковъ (около Петергофа со всѣхъ сторонъ парки) устроенъ не только съ удобствомъ, но и съ роскошью. Онъ представляетъ большое каменное зданіе въ готическомъ стилѣ съ башнями и башенками и съ узорчатыми украшеніями изъ тесаннаго камня. Передъ главнымъ фасадомъ широкая площадь, отъ которой идутъ шоссейныя дороги въ разныя стороны.... За площадью противъ воксала вновь выстроено нѣсколько большихъ и красивыхъ дачъ и кругомъ ихъ уже разведены полисадники и садики. Любимое лѣтнее мѣстопребываніе покойнаго Императора, Петергофъ, въ послѣдніе годы его царствованія широко раскинулся съ своими великолѣпными дворцами, дачами, садами и парками, и въ настоящую минуту ни одно изъ загородныхъ царскихъ мѣстопребываній не можетъ сравниться съ нимъ по обширности и роскоши. Надобно было употребить большія суммы, чтобы осушить болота, превратить ихъ въ луга и поля, вырыть озера и пруды, очистить лѣса и устроить парки съ превосходными шос-

сейными дорогами, насадить деревья, соорудить мосты и зданія съ гранитами, мраморами и бронзой, съ статуями, съ башнями, съ галлереями, увитыми плющомъ и повиликой и окружить все это каскадами, партерами цвѣтовъ, которые издали представляютъ прихотливые узоры турецкой шали. Когда эти новые парки разростутся и покроютъ своею тѣнью мраморы и бронзы, Петергофъ по своей обширности и великолѣпію превзойдетъ всѣ европейскіе загородные дворцы и замки.... Тотъ, кто не бывалъ нѣсколько лѣтъ въ Петергофѣ, не узнаетъ его. Втеченіе этихъ лѣтъ возобновлены и вызолочены уступы у Большаго Дворца, по которымъ льется вода, бассейны обложены гранитомъ и мраморомъ, статуи вызолочены, желоба высѣчены изъ бѣлаго мрамора, на площади за дворцовою церковію воздвигнуто новое зданіе — цѣлый дворецъ въ стилѣ стараго дворца; по дорогѣ къ Александріи отъ Большаго Дворца сооружены императорскія конюшни — колоссальныя зданія въ готическомъ стилѣ, въ городѣ и окрестностяхъ выстроено нѣсколько церквей, вездѣ появились парки и дачи. Между дачами, недавно выстроенными за Англійскимъ паркомъ и дачами у дебаркадера желѣзной дороги — пространство около шести верстъ. Отъ старинной каменной ограды, окружающей Большой дворецъ, до высоты, на которой расположена деревня Бабигоны, раскидывается паркъ между озерками и каналами. Влѣво острова Ольгинъ и Царицынъ съ каменными павильонами, или вѣрнѣе небольшими дворцами, отдѣланными съ изумительною роскошью. Одинъ изъ такихъ роскошныхъ павильоновъ съ башней на озерѣ поставленъ по дорогѣ къ Бабигонамъ... Видъ съ этой башни на Петергофъ удивительный, но ничто не можетъ сравниться съ видомъ, который представляется изъ дворца, недавно только оконченнаго на Бабигонахъ. Дворецъ этотъ воздвигнутъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, верхній этажъ его окруженъ со всѣхъ сторонъ галлереей, поддерживаемой колоннами изъ сѣраго мрамора; со стороны главнаго фасада, выходящаго къ Петергофу, надъ ступенями портика, навѣсъ изъ сѣраго же мрамора, поддерживаемый мраморными каріатидами; по обѣимъ сторонамъ дворца, на насыпяхъ, гранитные пьедесталы, на которыхъ поставлены бронзовыя монументальныя лошади барона Клодта, такіе же какъ на Аничкиномъ мосту. Портикъ украшенъ мраморными статуями и бронзовой группой, подаренной покойному Государю Императору королемъ Прусскимъ. Нижній этажъ дворца состоитъ изъ трехъ небольшихъ комнатъ и четвертой большой залы съ мраморными колоннами и съ великолѣпнымъ мозаичнымъ поломъ изъ разноцвѣтнаго мрамора. Передъ дворцомъ со стороны деревни площадь, съ другихъ сторонъ—садъ. Съ верхней галлереи этого двор-

ца представляется грандіозная картина: — на первомъ планѣ Петергофъ съ своими садами, парками, павильонами, дачами, церквами, башнями, золочеными куполами, озерами и островами съ искусственными развалинами и прочее, далѣе море, въ лѣво Кронштадтъ съ лѣсомъ мачтъ, въ право Петербургъ съ блестящимъ куполомъ Исакіевскаго Собора и на ближайшемъ планѣ золотыя главы Сергіевскаго монастыря. По дорогѣ къ Бабигонамъ, вправо подъ деревнею, расположенъ Саперный лагерь. При въѣздѣ въ лагерь, на большомъ камнѣ, въ который вдѣлана блестящая бронзовая доска, съ надписью: «Подвигамъ Лейбъ-Гвардіи Саперного баталъона», большой двуглавый орелъ съ Императорскою короною изъ чугуна. Я уже сказалъ, что Петергофъ весь въ паркахъ и со всѣхъ сторонъ окруженъ парками. Съ одной стороны парки Знаменскаго — загороднаго дворца Великаго Князя Николая Николаевича и Александріи, съ другой парки такъ называемый Собственной дачи и паркъ Сергіевскаго—дачи Великой Княгини Маріи Николаевны.... Въ Петергофѣ приготовляются большія празднества по случаю пріѣзда Августѣйшей невѣсты Великаго Князя Михаила Николаевича. Бракосочетаніе будетъ, говорятъ, совершено въ августѣ мѣсяцѣ, въ церкви Петергофскаго дворца... Зала большаго Петергофскаго театра вновь отдѣлана для предстоящихъ празднествъ.

Жить въ Петергофѣ прекрасно. Удобства сообщенія съ Петербургомъ удивительныя—и пароходы и желѣзная дорога.... Для гулянья и катанья большой просторъ, много природныхъ и искусственныхъ живописныхъ мѣстъ.... по всему мѣшаетъ нестерпимое петербургское лѣто. До 22 іюля было только три теплыхъ, настоящихъ лѣтнихъ дня.... Постоянный холодъ и вѣтеръ преслѣдуютъ безпощадно любителей природы и дачной жизни.... Безъ осенняго пальто нельзя выйти на воздухъ даже въ полдень, гулять пріятно только на солнцѣ.... Великолѣпныя деревья въ паркѣ безполезно раскидываютъ свои тѣни, о купаньи и думать не хочется, даже въ Петергофѣ, несмотря на море съ отличными купальнями.

Петергофскій старый садъ особенно привлекателенъ въ жаркіе лѣтніе дни съ своими столѣтними деревьями, съ безчисленными каскадами и фонтанами, съ своимъ Монплезиромъ, съ прудомъ Марли. Но несмотря на всю эту роскошь, на весь этотъ блескъ, такъ и тянетъ куда нибудь подальше, въ неразчищенный лѣсъ, гдѣ деревья развиваются и раскидываются по волѣ, не боясь ножницъ садовника, гдѣ вмѣсто узенькихъ цвѣтныхъ партеровъ колосится и наливается рожь,—на широкомъ степномъ пространствѣ, гдѣ вмѣсто вытянутыхъ въ струнку на болотѣ деревень, свободно на косого-

рѣ у пруда или у рѣчки раскинулась русская деревня, сѣренькая, печальная, съ закопченной соломой вмѣсто тесовыхъ крышъ....

Что кажется привлекательнаго въ этой грязной и дымной русской деревнѣ, — а между тѣмъ она мила и близка русскому сердцу, и нельзя безъ внутренняго волненія смотрѣть на эти пашни, поля, луга и косогоры, воздѣланные русскимъ мужикомъ....

Еще живо въ памяти моей, когда слово мужикъ произносилось у насъ нѣкоторыми господами съ презрѣніемъ.... «Онъ грубъ, какъ мужикъ, онъ грязенъ, какъ мужикъ» — и это бывало очень спокойно выслушивалось другими господами. Въ то время показалось бы безуміемъ, если бы кто нибудь вздумалъ сдѣлать простаго русскаго мужика, таковъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности, героемъ повѣсти или романа. Неужели мужикъ въ сермягѣ и въ дегтю можетъ занять вниманіе? Да и выводить его въ такомъ видѣ передъ порядочными людьми, это верхъ неприличія; для этого необходимо было напялить на него театральный костюмъ: синій армякъ, красную шелковую рубаху, козловые сапоги съ красной сафьянной оторочкой, а на голову, обстриженную въ кружокъ и примазанную, надѣть пуховую шляпу, да еще не просто, а на бекрень.... Въ такомъ нарядѣ еще пожалуй можно было принять въ немъ участіе.... Давно ли было все это? Странное дѣло, — мы не замѣчали этого бѣднаго русскаго мужика до тѣхъ поръ, покуда литература не вздумала обратить на него вниманія и не рѣшилась, откинувъ въ сторону всякое такъ называемое приличіе, безцеремонно ввести его къ намъ на паркетъ въ смазныхъ сапогахъ, подбитыхъ гвоздями, или просто въ лаптяхъ и онучахъ — и познакомить насъ съ его бытомъ. Тогда всѣ мы заговорили вдругъ о Хорѣ и Калинычѣ, объ Антонѣ Горемыкѣ и о другихъ... Мы даже прослезились, выслушавъ ихъ разсказы.... Пусть критика твердитъ теперь, съ точки зрѣнія художественности, что и эти мужики идеализированы, что и они не настоящіе мужики и тому подобное, — дѣло не въ томъ, все-таки честь и слава литературѣ, которая первая познакомила насъ съ мужикомъ и заставила насъ, если еще не полюбить его, то принять участіе въ его судьбѣ. Въ настоящую минуту русскій мужикъ сдѣлался самою современною темою для разговора... по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ участь мужика занимаетъ помѣщиковъ и не помѣщиковъ....

Вообще въ послѣдніе годы мнѣнія какъ-то измѣнились.

Кстати объ измѣненіи мнѣній....

Я имѣю честь быть знакомымъ съ однимъ очень почтеннымъ господиномъ, отличающимся высокою благонамѣренностію, усердіемъ, преданностію и другими гражданскими добродѣтелями, за ка-

которыя онъ получилъ достойную мзду, ибо имѣетъ уже весьма почетное званіе. Грудь и шея его, начиная отъ самого подбородка до подложечки, украшены различными блестящими украшеніями, а голова, голая, какъ у Барклая-де-Толли, прелестнѣйшими мягкими и густыми каштановыми волосами, отъ извѣстнаго петербургскаго артиста-парикмахера — Гильона. Мой почетный знакомый имѣетъ сердце замѣчательной мягкости и нѣжности, такъ что при малѣйшемъ чувствительномъ разсказѣ, у него мгновенно выступаютъ слезы, въ дамскомъ обществѣ онъ такъ и таетъ, дамы его времени говорятъ съ восторгомъ, что онъ былъ *удивительно хорошъ*,—чему я охотно вѣрю. «До сихъ поръ какіе у него глаза», прибавляютъ онѣ, «и какое выраженіе!» Въ самомъ дѣлѣ «удивительные глаза!» и онъ мастерски дѣйствуетъ ими. При появленіи лица низшаго, или подчиненнаго ему, они вдругъ теряютъ всю свою кротость и масляностость, и начинаютъ сверкать, голубиный взглядъ его превращается быстро въ орлиный, а густыя брови, потерявшія юношескую шелковистость и начинающія торчать, какъ иглы, быстро надвигаются на глаза. Въ такія минуты онъ становится даже страшенъ!...

Не всякій человѣкъ умѣетъ поддержать свое достоинство и званіе, —но этою высокою способностію мой почетный знакомый владѣетъ въ совершенствѣ. Всякій, взглянувъ на него, скажетъ: «У! какой господинъ!» тогда какъ мнѣ случалось встрѣчать въ жизни (правда очень рѣдко) такихъ людей, которые, забывая свой чинъ и званіе, обращались со всѣми одинаково вѣжливо и даже, какъ простые люди, всѣмъ протягивали руки. Одинъ изъ такихъ былъ посланъ на слѣдствіе въ какую-то губернію и велъ себя до того несообразно съ своимъ званіемъ, до того просто, что губернія даже и вѣрить не хотѣла, чтобы онъ былъ генералъ, и смотрѣла на него чуть не съ пренебреженіемъ.... Умѣнье себя вести — великое дѣло.... Съ каждымъ чиномъ и званіемъ должна быть соединена особенная осанка, особый взглядъ.... особая манера говорить, ходить и прочее.

Но дѣло собственно не въ томъ. Я замѣтилъ, какъ вообще измѣнились съ нѣкотораго времени понятія, взгляды, воззрѣнія и образъ мыслей у петербургскихъ обитателей.... и не только у людей обыкновенныхъ, малозначущихъ, но даже и у такихъ значительныхъ особъ, каковъ мой почетный знакомый. Надо замѣтить, что я получилъ прекрасное и нравственное воспитаніе и потому никогда и ни въ чемъ не только не противорѣчу старшимъ себя, напротивъ, чтобы имъ понравиться, завожу съ ними разговоръ совершенно подделываясь подъ ихъ образъ мыслей, діаметрально противоположный моему... Я чувствую, что это не хорошо; я знаю, что правда — выше всѣхъ чиновъ и званій, но мнѣ внушено съ дѣтства такое ува-

женіе къ чинамъ и званіямъ, что при одной мысли: «а что если эта правда не понравится?...» правда замираетъ на моемъ языкѣ и я начинаю невольно лгать и противорѣчить всѣмъ моимъ понятіямъ и убѣжденіямъ.

Бывало, когда мой почетный знакомый удостоивалъ обращаться ко мнѣ и говорилъ:

— Люди, батюшка, вездѣ люди, — злоупотребленія вы найдете повсюду, и во Франціи, и въ Англіи, и во всемъ свѣтѣ, въ семьѣ не безъ урода. Это дѣло извѣстное. И только люди безпокойные, опасные, злонамѣренные, враги отечества могутъ кричать, что будто у насъ только подкупы, взятки, обманы, или что нибудь въ родѣ этого.... Есть ли и дѣйствительно это было, такъ истинный сынъ отечества долженъ это скрывать и тайно скорбѣть объ этомъ, а не кричать во всеуслышаніе; но этого нѣтъ, я могу сказать положительно.

Я всегда отвѣчалъ на такія рѣчи:

— Это совершенно справедливо, ваше превосходительство, я вполнѣ раздѣляю вашъ образъ мыслей....

И при этомъ еще останавливалъ вкрадчивый и благонамѣренный взглядъ на его превосходительствѣ.

Я совершенно соглашался съ нимъ во всемъ—въ томъ, что мы умнѣе, сильнѣе, счастливѣе и добродѣтельнѣе всѣхъ народовъ — французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, шведовъ, и другихъ, что они существуютъ на земномъ шарѣ только по нашей милости, что славны бубны только за горами, а что въ сущности за границей все дурно, что тамъ даже булокъ печь не умѣютъ и вина нельзя достать порядочнаго, потому что все лучшее вино отсылаютъ къ намъ въ Россію....

Втеченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ я хотя и имѣлъ честь нерѣдко встрѣчаться съ его превосходительствомъ, но мнѣ не удавалось вступать съ нимъ въ разговоръ объ этихъ возвышенныхъ предметахъ.

15 прошедшаго іюля я отправился къ нему на дачу въ Петергофъ. Генералъ принялъ меня очень благосклонно и оставилъ меня обѣдать. Генеральша съ свойственною ей любезностью упрекнула меня на французскомъ языкѣ за то, что я долго не былъ у нихъ.... Меня всегда приводилъ въ восхищеніе семейный бытъ генерала. Глядя на него, на его супругу и на ихъ дочерей (сыновей у него нѣтъ, а дочери всѣ пристроены за людей чиновныхъ и благонамѣренныхъ), я всегда думалъ: «Вотъ гдѣ истинное семейное счастіе!» Генералъ смотрѣлъ на генеральшу съ такою нѣжно-

стію, какъ будто вчера только соединился съ ней узами брака, даже увивался около нее, называлъ ее уменьшительными именами, неимѣющими опредѣленнаго смысла, но тѣмъ болѣе нѣжно звучащими. Генеральша иногда трепала его по щекѣ и называла выразительно mon vieux (она моложе его двумя или тремя годами), при чемъ генералъ всегда улыбался, какъ будто принимая это названіе за шутку, дочери безпрестанно цаловали ручки у папеньки и у маменьки.... Въ будуарѣ генеральши висѣлъ портретъ генерала, рисованный масляными красками, въ полномъ мундирѣ, со всѣми украшеніями; въ кабинетѣ генерала висѣлъ портретъ генеральши — декольте, и также масляными красками, и акварельные портреты дочерей.... У меня всегда выступали слезы на глазахъ при этой семейной картинѣ, и я продолжалъ думать, глядя на генерала: «Не всякому въ жизни дается такое счастіе! Чего не достаетъ ему?... Чины, званіе, ордена, почетъ, состояніе, увеличивающееся съ каждымъ годомъ, любовь жены, любовь дѣтей.... зятья почтительные и съ карьерой. Богъ всѣмъ благословилъ его! Пусть люди, невѣрующіе въ семейное счастіе, взглянутъ на него!» И я до сихъ поръ продолжаю думать такъ, не смотря на то, что проживающая у нихъ въ домѣ моя старая знакомая, Анна Григорьевна, еще носившая меня на рукахъ въ дѣтствѣ, вдова чиновника, имѣющая 5.000 р. сер. капиталу, который она отдаетъ въ проценты, увѣряетъ, что генералъ ни сколько не любитъ генеральши, а только боится ее, что у него есть какая-то *Аглаида* Ивановна, къ которой онъ ѣздитъ всякій Божій день, что ей неоднократно подтверждалъ генеральскій кучеръ Игнатій, которому генералъ сверхъ жалованья даетъ по 15 р. въ мѣсяцъ, и котораго генеральша ненавидитъ; что ужь нечего таить, и за генеральшей-то грѣшки водятся, но такъ какъ она облагодѣтельствована ими и живетъ у нихъ въ домѣ, то ужь объ этомъ она говорить не хочетъ; что генеральша вытолкнула дочерей изъ дому при первой возможности за какихъ-то полуотжившихъ господъ съ деньгами, для того, чтобы быть свободнѣе въ домѣ, и надула зятей, отдавъ за дочерьми по нѣскольку сотъ душъ, которыя она заложила передъ самой свадьбой, и что въ генеральскомъ домѣ иногда такія сцены происходятъ, что хоть изъ дому бѣжать.... и прочее, и прочее.

Вѣрить сплетнямъ и клеветамъ какой нибудь проживалки было бы совершенно непростительно съ моей стороны, тѣмъ болѣе, что когда генералъ говоритъ о святости семейныхъ узъ и о блаженствѣ семейной жизни, пересыпая эти рѣчи нравственными сентенціями, а это одна изъ любимыхъ темъ его разговора, — я бываю всякій разъ тронутъ до глубины души. Онъ говоритъ съ такимъ убѣжденіемъ и такъ горячо, что подозрѣвать существованіе *Аглаиды* Ива-

Была этому и другая причина. Носились слухи, что правительство, опасаясь какой нибудь враждебной манифестаціи, хочетъ, чтобъ похороны Беранже были самыя скромныя.

4 іюля все разрѣшилось. Беранже умеръ въ пять часовъ вечера, на 79-мъ году своей жизни.

Въ тотъ же день, весь Парижъ узналъ о понесенной имъ потерѣ изъ слѣдующей прокламаціи префекта полиціи:

«Франція утратила своего національнаго поэта!

«Императорское правительство желаетъ воздать публичныя почести праху Беранже. Это священный долгъ поэту, пѣсни котораго такъ способствовали къ укорененію въ сердцахъ народа воспоминаній о славныхъ временахъ Имперіи.

«Я слышалъ, что люди разныхъ партій видятъ въ печальномъ торжествѣ одинъ только случай къ возобновленію безпорядковъ, не разъ бывавшихъ при подобныхъ церемоніяхъ.

«Правительство не потерпитъ, чтобы какія либо шумныя манифестаціи замѣнили почтительную печаль, долженствующую знаменовать похороны Беранже.

«Сверхъ того, воля самого покойнаго выразилась въ слѣдующихъ трогательныхъ словахъ:

«Что касается до моего погребенія, то, если вы можете устроить его, мой милый Перротенъ (*), безъ всякаго шума и публичности, вы исполните тѣмъ одно изъ пламеннѣйшихъ моихъ желаній. При похоронахъ друзей, мнѣ всегда были противны шумъ и надгробныя рѣчи.»

«Вслѣдствіе чего, согласно съ волею исполнителей завѣщанія, рѣшено, что при погребеніи имѣютъ присутствовать только оффиціальныя депутаціи и лица, имѣющія билеты.

«Приглашаю народъ согласоваться съ этимъ предписаніемъ. Всѣ мѣры приняты къ тому, чтобы воля покойнаго была строго и свято исполнена.

Парижъ, 16 іюля 1857 года.»

Похороны Беранже происходили 17 іюля. Всѣ издержки по нимъ покрыты были изъ императорской кассы.

Съ девяти часовъ утра, всѣ улицы и бульвары, ведущіе отъ Вандомской улицы къ кладбищу Отца Лашеза, покрыты были войсками, не допускавшими къ процессіи народъ, густо толпившійся со всѣхъ сторонъ.

Ровно въ полдень началось шествіе.

Оно открыто было отрядомъ парижской конной гвардіи, а замыкалось эскадрономъ гусаръ.

(*) Двоюродный братъ поэта.

За гробомъ шли родственники поэта, Перротенъ и Бенжаменъ Антье, музыкантъ 1-го артиллерійскаго полка.

Въ длинной толпѣ, сопровождавшей ихъ, видѣлось много извѣстныхъ лицъ, много знаменитостей всякаго рода. Представителемъ императора былъ адъютантъ его, генералъ де Коттъ.

Гробъ везенъ былъ подъ богатымъ балдахиномъ, украшеннымъ широкими пальмовыми листьями и вѣнками изъ иммортелей.

Отпѣваніе происходило въ церкви Св. Елизаветы, откуда процесія, въ прежнемъ порядкѣ, направилась къ кладбищу Отца-Лашеза.

Болѣе пятисотъ тысячъ человѣкъ тѣснилось въ улицахъ, прилегающихъ къ тѣмъ, по которымъ проходило печальное шествіе. Всѣ крыши сосѣднихъ домовъ покрыты были многочисленными зрителями. Крики *Vive Béranger! Honneur à Béranger!* потрясали воздухъ.

Прахъ Беранже положенъ, на время, рядомъ съ прахомъ Манюэля, лучшаго друга и товарища молодости знаменитаго поэта.

Такъ кончилась эта жизнь, небогатая внѣшними событіями, но богатая славой, добромъ, любовью, богатая всѣми чистыми и высокими привязанностями, богатая всѣмъ, чего можно и должно пожелать каждому человѣку.

Мы сказали уже въ началѣ статьи нашей, что Беранже принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, о которыхъ не бываетъ двухъ разнорѣчащихъ мнѣній. Не всѣ, конечно, могутъ раздѣлять его убѣжденія, но никто не скажетъ, и не можетъ сказать, чтобы убѣжденія эти не были искренни и благородны, чтобы образъ выраженія ихъ не былъ истинно-поэтическимъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, не случалось встрѣчать отзывовъ, неблагопріятныхъ нашему поэту. Самые суровые моралисты, самые жаркіе поклонники «старины и дѣдины», самые ярые поборники устарѣлыхъ литературныхъ преданій, — и тѣ не смѣютъ отказать Беранже въ титулѣ художника-поэта. Они прибавляютъ лишь иногда, для очищенія совѣсти, что хотя, конечно, онъ поэтъ, но жаль и прискорбно одно, что пѣвецъ *Лизетты* былъ — пѣвецъ *Лизетты*, а не «Аякса Теламонида», и что онъ избралъ себѣ такой *низменный* родъ поэзіи, какова пѣсня, тогда какъ въ піитикахъ существуютъ и героическая поэма, и высокоторжественная ода, и другіе *высокіе* роды... «Впрочемъ, прибавляютъ они снисходительно-покровительственнымъ тономъ: — пѣсни Беранже.... все-таки очень хорошія пѣсни.»

Да, добрые люди, благоправные поклонники реторикъ и піитикъ, пѣсни Беранже — очень хорошія пѣсни! Есть между ними даже и такія, что за десять или за двадцать строчекъ въ нихъ

— Помилуйте, что такое это вы говорите, перебилъ меня хозяинъ дома, нахмуривъ брови: — я не защитникъ лорда Пальмерстона; какъ русскій, я его не люблю, но не могу не отдать ему справедливости въ томъ, что онъ дѣйствуетъ какъ истинный сынъ отечества и не упускаетъ ни малѣйшей пользы и выгоды Англіи. Вся наша бѣда въ томъ, что мы слишкомъ заносимся и воображаемъ о себѣ Богъ знаетъ что.... Нѣтъ, намъ надо еще поучиться во многомъ у иностранцевъ; отбросивъ всякую спѣсь, намъ надо стараться открывать наши заблужденія и недостатки, съ искреннимъ желаніемъ искоренить ихъ. Пустое самохвальство и безумная самоувѣренность до добра не доводятъ. Патріотизмъ заключается не въ томъ, чтобы находить себя лучше и совершеннѣе всѣхъ, а чтобы постоянно стремиться съ усовершенствованіямъ и къ улучшенію самихъ себя....

Слова эти, противорѣчившія совершенно тому, что его превосходительство говорилъ четыре года назадъ тому, поразили меня сильно. Я при всемъ уваженіи къ моему почетному знакомому, никакъ не могъ ожидать въ немъ такого быстраго прогресса, и въ такое короткое время, и покраснѣлъ до ушей. Мнѣ былъ несказанно пріятенъ такой переворотъ въ немъ, и мнѣ стало стыдно за самого себя. Въ эту минуту я убѣдился, что правила, внушенныя мнѣ съ дѣтства, фальшивы и безнравственны, и что говорить противъ себя въ угожденіе другимъ, хотя бы и почетнымъ лицамъ,—не хорошо; что лицемѣріе, какъ бы ни было оно искусно скрыто, рано или поздно непремѣнно откроется.... Признаться въ томъ, что я лгалъ и лицемѣрилъ, у меня также не доставало духу, однако, я возразилъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Я вовсе не хотѣлъ сказать, ваше превосходительство, чтобы въ Англіи не было достойныхъ государственныхъ людей.... Сохрани меня Боже отъ этой мысли! Вотъ, напримѣръ, сэръ Робертъ-Пиль—онъ даже можетъ служить образцомъ для государственныхъ людей всѣхъ странъ. Въ немъ чувство гражданственности, государственной доблести и просвѣщеннаго патріотизма проявилось въ высшей степени. Онъ служилъ отечеству, а не личнымъ выгодамъ, не для того, чтобы добиться до почестей ради удовлетворенія собственнаго тщеславія, ради того только, чтобы стать выше другихъ и бросать съ высоты презрительные взгляды на остальное человѣчество.... Онъ отказался отъ графства, отъ ордена подвязки, онъ запретилъ дѣтямъ своимъ въ завѣщаніи своемъ принимать какіе нибудь титла за его собственные заслуги....

— Но, позвольте, перебилъ меня мой почетный знакомый: — это ужь опять крайность. Почему же не принять награду, если чув-

ствуешь себя достойнымъ ее, если убѣжденъ, что принесъ дѣйствительную выгоду и пользу своему отечеству, и если ее находятъ всѣ? Такая излишняя гордость неумѣстна, это тоже своего рода тщеславіе, и притомъ совершенно противное христіанскому духу...

— Конечно, это такъ, замѣтилъ одинъ изъ почетныхъ гостей; — да и опять, какъ же я осмѣлюсь отказаться отъ награды, которой меня удостоиваютъ? Къ тому же люди, вездѣ люди, и для нихъ прежде всего необходимо поощреніе: безъ поощренія нельзя. И какъ же отличить наконецъ человѣка заслуженнаго, почетнаго отъ простаго, обыкновеннаго человѣка: вѣдь на лбу ни у кого не написана заслуга.

— Да объ этомъ и говорить нечего, повторило нѣсколько голосовъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, произнесъ хозяинъ дома съ нѣкоторою торжественностью: — человѣка умнаго, сметливаго, трудолюбиваго, съ образованіемъ, съ благонамѣреннымъ образомъ мыслей нельзя не подвигать впередъ, не поощрять, не награждать, ничѣмъ не отличать его отъ другихъ: это противъ логики, противу здраваго смысла. Такого человѣка слѣдуетъ возвышать, точно также, какъ неспособнаго, неблагонадежнаго какого нибудь воришку, взяточника, неимѣющаго нравственныхъ правилъ преслѣдовать безпощадно, всякими путями; даже пусть и пасквили печатаютъ противъ такого рода людей, какъ это дѣлаютъ нынче — я не противъ того. Зло и безнравственность надо преслѣдовать всѣми средствами и не скрывать, а обнаруживать его. Въ этомъ случаѣ, гласности бояться нечего.

— Да теперь славно отдѣлываютъ въ журналахъ всѣхъ этихъ исправниковъ, засѣдателей, становыхъ, замѣтилъ самый молодой изъ гостей, господинъ, про котораго всѣ говорятъ: «Уу! да онъ далеко пойдетъ!» и съ которымъ поэтому всѣ даже почетныя лица обращаются съ уваженіемъ: — всѣмъ этимъ мелкимъ уѣзднымъ и губернскимъ приказнымъ достается порядочно, всѣ ихъ штуки выводятся на чистую воду....

— И прекрасно.... и по дѣломъ! возразилъ смѣясь одинъ изъ гостей, занимающій довольно видное мѣсто, пріобрѣтшій, говорятъ, втеченіи десяти лѣтъ, до тысячи душъ крестьянъ, домъ въ Петербургѣ и выстроившій великолѣпную дачу, близъ Лѣснаго Института, — удивительный хозяинъ и превосходный семьянинъ: — да только бѣда, что они канальи, я думаю, ничего не читаютъ.... Плутовать-то умѣютъ, а грамоту-то знаютъ плохо, а вотъ имъ поставлять бы въ обязанность читать такого рода вещи....

Я переходилъ отъ изумленія къ изумленію, слушая все это, и едва вѣрилъ ушамъ своимъ. Давно ли всѣ эти господа вопили не только противъ гласности, даже противъ просвѣщенія, называли всѣхъ писателей людьми опасными, врагами общественнаго порядка и считали чуть не уголовнымъ преступленіемъ всякое скромное замѣчаніе о какомъ нибудь общественномъ предразсудкѣ, злоупотребленіи, или о чемъ нибудь подобномъ? Не всѣ ли они съ негодованіемъ возставали противъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ?» и прочее и прочее.... Любопытно было бы, однако, узнать, до какой степени они считаютъ полезною гласность? Что еслибы вдругъ вмѣсто плутней и мелкихъ взятокъ какихъ нибудь исправниковъ, становыхъ и приказныхъ, обнаружить крупную плутню и взятку, равняющуюся четырехъ-этажному каменному дому, или деревнѣ душъ въ тысячу? Что тогда заговорятъ эти господа и будутъ ли они продолжать защищать гласность?

Я чуть было не предложилъ имъ этотъ вопросъ, разумѣется, подъ самой деликатной формой, но правила, внушенныя мнѣ съ дѣтства, остановили меня, и слова замерли на языкѣ....

Эти правила рѣшительно никуда не годятся, потому что они мѣшаютъ мнѣ жить, лишаютъ меня свободы, дѣлаютъ меня фальшивымъ и лживымъ, трусливымъ и лицемѣрнымъ. Моя совѣсть беспрестанно протестуетъ противъ этихъ правилъ и шепчетъ мнѣ съ горькимъ упрекомъ, что я унижаю человѣческое достоинство; отъ этого я нахожусь постоянно въ разладѣ съ самимъ собою и чувствую какое-то внутреннее безпокойство и неловкость.

Послѣдній пароходъ отходитъ изъ Петергофа въ девять часовъ вечера. Я долженъ былъ непремѣнно отправиться на этомъ пароходѣ, я даже далъ слово прямо съ парохода пріѣхать къ одному моему пріятелю; но обѣдъ кончился въ семь часовъ, послѣ обѣда нельзя было уйти тотчасъ, къ тому же хозяинъ предложилъ мнѣ сыграть три робера въ ералашъ съ его супругой, которая величайшая охотница до картъ—и отказаться было невозможно.... то-есть, собственно онъ мнѣ и не предлагалъ, а просто подвелъ къ своей супругѣ и сказалъ: «Вотъ тебѣ и четвертый, душенька.... Онъ страстный охотникъ играть въ карты и мастеръ.» А я играю очень плохо и терпѣть не могу играть, потому что всегда проигрываю....

Мы сѣли за столъ.

— По чемъ же, ваше превосходительство? спросилъ одинъ господинъ, берясь за колоду....

—Я думаю по обыкновенной, отвѣчала ея превосходительство.— Я всегда играю по пяти копѣекъ, а вы какъ? (Она обратилась ко мнѣ).

Я отъ роду не игралъ болѣе трехъ, однако, изъ угожденія и вѣжливости, отвѣчалъ:

— Какъ вамъ угодно и по скольку угодно.

Въ три робера я проигралъ пятнадцать рублей, и хотя мнѣ было это очень непріятно, но я съ пріятною улыбкою подалъ деньги ея превосходительству, потому что выиграла она....

Затѣмъ я взялся за шляпу. Было уже пора отправляться на пароходъ, но въ эту минуту подошелъ ко мнѣ его превосходительство, заговорилъ со мною о своихъ оранжереяхъ и повелъ меня показывать ихъ.

Я было хотѣлъ сказать, что мнѣ время отправляться на пароходъ, но по правиламъ, внушеннымъ мнѣ съ дѣтства, это было невѣжливо, и я молча послѣдовалъ за его превосходительствомъ. Надежда какъ нибудь урваться и поспѣть на пароходъ не оставляла меня нѣсколько минутъ; еще выходя изъ оранжерей, можно было бы поспѣть, но его превосходительству вздумалось показать мнѣ еще насыпь, то-есть, искусственную горку, которую онъ дѣлалъ въ саду.... и эта безобразная груда земли была причиною того, что я долженъ былъ провести ночь въ Петергофскомъ воксалѣ.

Печально повѣсивъ голову, шелъ я съ дачи его превосходительства, проклиная свой слабый характеръ и правила, внушенныя мнѣ съ дѣтства и размышляя, гдѣ бы переночевать? Гостинницъ для пріѣзжающихъ въ Петергофѣ много, но при видѣ этихъ гостинницъ съ густо-разросшимися еранями на подоконникахъ, съ пестрыми ситцевыми занавѣсками, обшитыми красной шерстяной бахрамой на окнахъ, у меня всегда морозъ подираетъ по кожѣ, потому что я никогда не забуду мучительную ночь, которую я провелъ однажды въ лучшей Гатчинской гостинницѣ для пріѣзжающихъ, на Большой улицѣ, не смыкая глазъ, сидя на постелѣ и съ ужасомъ озираясь кругомъ себя на простыню и на стѣну... Неизгладимо врѣзались въ моей памяти двѣ картины, висѣвшія на этой ужасной стѣнѣ, изображавшія какую-то криворотою барыню, приставлявшую піявку къ груди, и какого-то косаго генерала съ булавой, который какъ-то злобно улыбался, смотря на мои терзанія.... Измученный и истерзанный, я выбѣжалъ на разсвѣтѣ изъ этой ненавистной комнаты и отправился въ паркъ любоваться восходомъ солнца, но восходъ солнца не произвелъ на меня ни малѣйшаго поэтическаго впечатлѣнія, хотя утро было прекрасное и солнце восходило очень парадно и величаво... Глаза мои смыкались и я крѣпко заснулъ на садовой скамейкѣ, прикрывшись моимъ пледомъ... Не смѣйтесь надъ пледами, мой почтенный читатель, пледъ — вещь спасительная и полезная при нашемъ

сѣверномъ лѣтѣ... Вотъ отчего пледы въ большомъ употребленіи въ Петербургѣ... Въ этотъ разъ пледъ замѣнилъ мнѣ одѣяло, а безъ одѣяла я продрогъ бы до костей... Петербургскій глазъ уже привыкъ къ пледамъ и теперь никто не подсмѣивается надъ ними... Я проспалъ часовъ около двухъ, потомъ прошелся по парку между озеръ и почувствовалъ аппетитъ. Мнѣ пришла блестящая мысль заказать знаменитыя гатчинскія форели, которыя красуются на картахъ у Дюссо и Донона и порція которыхъ стоитъ чуть ли не больше рубля серебромъ. Гатчинскія форели въ самой Гатчинѣ.... это превосходно! Я скорымъ шагомъ воротился въ трактиръ, но уже не входилъ въ ненавистную комнату.... На вопросъ мой «есть ли форели?» — половой отвѣчалъ мнѣ, что «достать можно-съ». — Я велѣлъ сварить мнѣ форель просто безъ всякихъ приправъ и ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ, которое впрочемъ было удовлетворено не прежде часа... Черезъ часъ форель явилась передо мною, но въ какомъ видѣ, о ужасъ!.. Она была залита густымъ бланжевымъ соусомъ изъ взболтанной муки и горькаго масла съ заплесневѣлыми каперсами и оливками и пересыпана петрушкой.

— Варваръ ты этакой! вскричалъ я, обратившись къ половому съ выраженіемъ горькаго упрека, который однако все таки былъ не такъ горекъ, какъ масло въ форельномъ соусѣ. — Варваръ! развѣ не говорилъ я тебѣ, чтобы мнѣ сварили форель безъ всякихъ приправъ?—«Безъ этого нельзя-съ, какъ-же-съ, помилуйте, всѣ хорошіе господа такъ кушаютъ. Это голландскій соусъ», отвѣчалъ половой, тупо смотря на меня.—Да кто тебя просилъ о твоемъ голландскомъ соусѣ? Я тебѣ говорилъ ясно по-русски, чтобъ мнѣ форель сварили просто... Но половой только и твердилъ одно:—«Какъ же можно-съ.... Безъ соуса нельзя-съ...» По мнѣнію половаго, форель безъ соуса кушать не принято, и имѣю ли я право сердиться на него за это? развѣ мы съ нашими знаменитыми *не принято* не такъ же смѣшны, какъ этотъ половой? Я, только печально кивая головой, обратился къ половому и сказалъ: — Безжалостные вы люди съ вашимъ хозяиномъ! — по вашей милости я всю ночь глазъ не смыкалъ и еще теперь долженъ остаться голоднымъ!...

Къ счастію, въ Петергофѣ есть три заведенія, называющіяся отелями: Hôtel Samson, Hôtel de Berlin, и Hôtel de Belle-Vue.... Я рѣшился переночевать въ послѣднемъ, потому что этотъ отель самый ближайшій къ пароходу. Когда я окончательно покорился моей участи и нѣсколько приподнялъ голову,— я увидѣлъ толпы пѣшеходовъ и нѣсколько экипажей, направлявшіеся къ кадетскому лагерю, и узналъ, что въ этомъ лагерѣ, по случаю тезоименитства Великаго Князя Владиміра Александровича, фейерверкъ и отправился

вслѣдъ за толпою. Фейерверкъ былъ небольшой, но расположенный со вкусомъ и удавшійся какъ нельзя болѣе. Послѣ фейерверка я отправился въ Belle-Vue. На томъ мѣстѣ, гдѣ выстроено зданіе воксала, въ которомъ помѣщается этотъ отель, окруженный теперь довольно густымъ паркомъ, еще шесть лѣтъ назадъ тому не было ни кусточка.... Мнѣ отвели довольно чистую комнату, не представлявшую, впрочемъ, большихъ удобствъ; утромъ я напился кофею, долженъ былъ заплатить за это три цѣлковыхъ и отправился на пароходъ, размышляя: отъчего у насъ до сихъ поръ нѣтъ порядочныхъ отелей не только загородомъ, но и въ самой столицѣ, и отчего, несмотря на отсутствіе всякихъ удобствъ, такая нестерпимая дороговизна во всемъ?...

Двадцать лѣтъ назадъ при большомъ семействѣ съ 15,000 рублей ассигнаціями можно было жить въ Петербургѣ очень не дурно, даже не отказывая себѣ въ удовольствіяхъ, а въ настоящую минуту съ 4,300 руб. сер., при большомъ семействѣ, едва можно существовать. Объ удовольствіяхъ и думать нечего... Вы любите музыку, — вы хотите какъ нѣжный родитель доставить удовольствіе дочерямъ вашимъ, которыя имѣютъ нѣкоторое музыкальное развитіе?... Они еще не слыхали Бозіо, о которой имъ твердятъ всѣ съ утра до вечера и имъ стыдно признаться, что онѣ ея не слыхали.... Но ложа во второмъ ярусѣ стоитъ двѣнадцать рублей серебромъ, надо нанять карету, карета стоитъ покрайней мѣрѣ два рубля — и вотъ за три часа артистическаго наслажденія платится четырнадцать рублей серебромъ!... И всѣ удовольствія въ такихъ размѣрахъ.... Что стоитъ, напримѣръ, подняться со всѣмъ семействомъ, чтобы погулять въ Павловскѣ и послушать оркестръ Штрауса? Если семейство состоитъ изъ пяти человѣкъ, эта поѣздка обойдется по крайней мѣрѣ.... восемь рублей серебромъ съ извозчиками и съ вагонами втораго разряда.... замѣтьте еще, что въ Павловскій воксалъ входятъ безплатно, о чаѣ ужь и думать нечего. Съ нѣкоторыми удобствами и прихотями такая поѣздка будетъ стоить не менѣе десяти рублей. Семейному человѣку необходимо имѣть въ Петербургѣ по крайней мѣрѣ семь тысячъ рублей серебромъ въ годъ, чтобы не дрожать надъ каждой копѣйкой и не бояться за завтрашній день, потому что предметы первой необходимости: съѣстные припасы, отопленіе (дрова доходятъ до пяти рублей серебромъ сажень), освѣщеніе, возрастаютъ съ каждымъ годомъ. Ничего не можетъ быть плачевнѣе жизни въ Петербургѣ семейнаго человѣка съ маленькими средствами и съ соблазнами на каждомъ шагу.

На пароходѣ я встрѣтилъ одного моего знакомаго, съ которымъ я нѣкогда былъ на *ты* и котораго я не видалъ по крайней мѣрѣ года

четыре. Въ эти четыре года онъ поднялся очень значительно и потому я поклонился ему съ большею осторожностію, зная по опыту, какъ измѣняются у насъ внезапно возвышающіеся люди. Мои опасенія были не напрасны. Мой знакомый отвѣчалъ мнѣ на мой поклонъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, онъ счелъ нужнымъ для поддержанія собственнаго достоинства, въ которомъ впрочемъ никто не сомнѣвается, не узнать меня съ перваго раза и поспѣшилъ обращаясь ко мнѣ произнести выразительно *вы*, желая показать, какое неизмѣримое разстояніе раздѣлило насъ въ эти четыре года. Странно. Чего же боится этотъ господинъ? Я не изъявлялъ неумѣстной радости при его встрѣчѣ, не обнаруживалъ ни малѣйшей фамильярности и желанія продолжать съ нимъ знакомство. Я очень хорошо зналъ, что между мной и имъ нѣтъ ничего общаго, что мы сошлись случайно и разстались также, что наши пути совершенно различны, что наши интересы совершенно противоположны... Неужели у него нѣтъ столько ума, чтобы замѣтить это по моему обращенію съ нимъ, тѣмъ болѣе что въ своемъ блестящемъ кружкѣ онъ слыветъ умнымъ человѣкомъ?.. Я ни мало не сомнѣваюсь въ его умѣ, и въ его способностяхъ; я убѣжденъ, что онъ въ четыре года сталъ на такую блистательную карьеру не потому только, что его рожденіе способствовало къ этому, а потому, что онъ дѣйствительно обратилъ на себя особенное вниманіе своимъ умомъ и способностями. Онъ — человѣкъ, принадлежащій къ такъ называемому высшему обществу, получившій утонченное свѣтское образованіе, съ дѣтства привыкшій ко всему блестящему, его ни какія карьеры, ни какіе высшіе скачки удивлять и озадачивать не могутъ. Отъ чего же онъ, поднявшись нѣсколькими ступенями выше, начинаетъ смотрѣть съ такою неловкою, недоступною и смѣшною гордостію на людей, отставшихъ отъ него, какая простительна только приказному, попавшему случайно въ генералы, который изъ боязни уронить свое генеральское достоинство при малѣйшемъ приближеніи къ нему человѣка низшаго чиномъ, надувается и пыхтитъ, какъ индѣйскій пѣтухъ?... Отчего вотъ эта пожилая дама, противъ меня, очень недурная собой и такъ прекрасно одѣтая, съ кружевами, блондами и кринолинами, возлѣ которой сидитъ бойкая дѣвушка лѣтъ 18, также очень недурная и похожая на нее,—вѣроятно ея дочь... отчего эта дама всякій разъ, обращаясь къ своему знакомому адъютанту, сидящему возлѣ меня, дѣлаетъ такія странныя гримасы, щуритъ глаза, сжимаетъ губы, приводитъ въ движеніе плечи, вертитъ лорнетомъ, какъ-то искусственно картавитъ, и прочее? Неужели это кокетство? И развѣ женщинѣ — матери семейства прилично кокетничать и еще въ присутствіи своей дочери? Неужели это *принято?* Судя по ея туалету и по туалету ея дочки,

дама эта должна быть очень *богата* и вѣроятно принадлежитъ къ хорошему обществу... но неужели кокетство хорошаго тона заключается въ такихъ странныхъ ужимкахъ и въ такихъ невѣроятныхъ кривляньяхъ? И отчего такого рода условныя ужимки и кривлянья признаются многими за *хорошія манеры*?

Я предложилъ эти вопросы одному моему пріятелю, котораго я, къ удовольствію моему, нашелъ на пароходѣ. Онъ живетъ въ Ораніенбаумѣ и ѣздитъ раза три въ недѣлю въ Петербургъ по дѣламъ службы.

— Что касается до этой дамы, отвѣчалъ онъ мнѣ: — то она принадлежитъ къ такъ называемому среднему петербургскому обществу.... Она носила и по рожденью и теперь носитъ по мужѣ довольно извѣстную дворянскую фамилію.... Дѣдъ ея мужа имѣлъ нѣсколько тысячъ жалованныхъ душъ, изъ которыхъ у внука осталось до трехъ сотъ заложенныхъ, а барской спѣси и претензій и у мужа, и у жены тысячъ на пять душъ. И онъ и она хвастаютъ своими знатными родственниками, которые хотя не признаютъ ихъ, но оказываютъ имъ нѣкоторое покровительство. Мужу этой барыни они выхлопотали какое-то довольно порядочное мѣсто, такъ что онъ со своими тремя стами душами получаетъ тысячъ до четырехъ съ половиною въ годъ....

— Но можно ли, возразилъ я: имѣя такія претензіи жить съ четырьмя тысячами въ Петербургѣ?... У этой барыни лакеи съ штиблетами и басонами, на ней и на дочери валансьенскія кружева и кринолины, у нихъ экипажъ, хоть запряженный тощими лошадьми, но все-таки экипажъ.

— Разумѣется нельзя, возразилъ мой пріятель: — но они каждый годъ занимаютъ шесть и такимъ образомъ проживаютъ десять..... и находятся такіе люди, которые даютъ имъ, хотя они никогда не платятъ. Мужъ этой барыни по мелочамъ задолжалъ тысячъ до десяти. Онъ беретъ отъ пяти до пяти тысячъ рублей.... У него мѣдный лобъ. Онъ говоритъ съ вами о чемъ нибудь.... и вдругъ, какъ будто вспомнитъ что-то и вскрикнетъ: «Ахъ, нѣтъ ли съ вами двадцати пяти рублей?»...а вы сконфузитесь и вынимаете деньги. Онъ вамъ ихъ разумѣется никогда не отдастъ — и такимъ образомъ онъ перехваталъ пропасть. Жена безпрестанно повторяетъ: нашъ cousin князь Александръ Иванычъ, а дочка: mon oncle le prince Alexandre S*... котораго она и въ глаза не видала. Отличное воспитаніе получила, нечего сказать, лжетъ ужъ теперь хуже матери. Бѣдная!... жаль ее однако, вѣдь хорошенькая, а кто ее возьметъ безъ денегъ и такую изломанную?... А вѣдь она считается хорошо воспитанной барышней, матери ставятъ ее въ примѣръ сво-

имъ дочерямъ, потому что она какъ-то особенно умѣетъ завлечь глазками.... посмотри, посмотри какъ она смотритъ?

Но въ эту минуту меня отвлекъ слѣдующій разговоръ между двумя господами, сидѣвшими сзади меня.

— Скажите пожалуйста, сказалъ одинъ изъ нихъ: — вы читали въ «Сѣверной Пчелѣ» какой-то отрывокъ изъ новаго сочиненія: «Мертвыя Души?» что это такое?

— Это спекуляція на память Гоголя, и на популярность его «Мертвыхъ душъ», остроумное намѣреніе поддѣлаться подъ Гоголя, отвѣчалъ другой.... Говорятъ, кто-то тоже сочинилъ новую комедію продолженіе «Горе отъ ума».... Но если эти продолженія и окончанія произведеній великихъ писателей дѣлаются простодушно, безъ намѣренія спекулировать, то эти поддѣлки доказываютъ только слабоуміе ихъ авторовъ....

Я внутренно согласился съ этою мыслью. Точно, спекуляція г. Ващенко-Захарченко изъ Кіева ужь слишкомъ груба и потому удасться никакъ не можетъ.... Объ ней много говорить не стоитъ, тѣмъ болѣе, что я и безъ того заговорился, а иногородный читатель ждетъ отъ меня петербургскихъ новостей за іюль мѣсяцъ....

Въ Петербургѣ собственно нѣтъ ничего новаго. Онъ пустъ и скученъ, какъ это обыкновенно бываетъ лѣтомъ. Въ настоящую минуту на первомъ планѣ — Петергофъ, на который обращены любопытные взгляды всего петербургскаго народонаселенія.

Черезъ два дня послѣ пріѣзда Государя Императора — 23 числа прибыли въ Петергофъ вдовствующая Государыня Императрица съ высокопареченною невѣстою Великаго Князя Михаила Николаевича Принцессою Баденскою Сесиліею.... Въ день ихъ въѣзда погода была теплая и ясная, настоящая лѣтняя погода, въ которой Петербургъ было совсѣмъ отчаялся, потому что передъ этимъ стояли холода, и потомъ лили проливные дожди втеченіи трехъ сутокъ. Я былъ свидѣтелемъ этого въѣзда, и потому передамъ его съ нѣкоторыми подробностями. Съ утра раздались пушечные выстрѣлы изъ Кронштадта, возвѣщавшіе о прибытіи въ Кронштадтъ Государыни и Принцессы. Около часа по полудни кадетскіе корпуса и войска начали собираться въ саду. Они разставлены были отъ самой царской пристани по всему пути черезъ нижній садъ къ Большому Дворцу. Къ двумъ часамъ садъ наполнился любопытными жителями Петергофа и пріѣзжими изъ Петербурга; особенное стеченіе публики было на верху у главнаго подъѣзда дворца противъ Самсона. Въ началѣ третьяго часа сквозь ряды конныхъ и пѣшихъ войскъ я пробрался къ самой пристани. На небольшой площадкѣ передъ пристанью стояли уже экипажи въ ожиданіи Августѣйшихъ

путешественникъ, множество камеръ-лакеевъ въ парадной ливреѣ, блестящей золотыми галунами, аксельбантами и гербами, въ шолковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ блестящими пряжками и дворцовые гренадеры въ своихъ высокихъ шапкахъ. Тутъ же находилось нѣсколько генералъ-адъютантовъ, флигель-адъютантовъ и адъютантовъ Великихъ Князей. Вскорѣ прибылъ Его Высочество Герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій, а вслѣдъ за нимъ Его Высочество Герцогъ Петръ Ольденбургскій, только что въ это утро прибывшій изъ-за границы на штетинскомъ пароходѣ, и дѣти Его Высочества — старшій въ офицерскомъ конно-піонерномъ мундирѣ, а второй въ преображенскомъ. Здѣсь между прочимъ я встрѣтилъ г. Тимма, издателя «Художественнаго Листка,» который предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ на площадку сада, гдѣ находятся римскіе фонтаны, чтобы оттуда лучше видѣть торжественный поѣздъ и я рѣшился воспользоваться его любезнымъ предложеніемъ. Мѣсто выбранное нами было въ самомъ дѣлѣ необыкновенно удачно. Кругомъ этой площадки разставлены были эскадроны конногвардейскаго и Кирасирскаго Его Величества полковъ въ новой формѣ, въ рейтузахъ съ жолтыми лампасами и съ жолтыми чепраками на вороныхъ лошадяхъ, что чрезвычайно красиво.... Войско, сіяющее золотомъ, бѣлые кафтаны, мѣдныя каски съ орлами, разноцвѣтные флюгера среди густой зелени столѣтнихъ деревьевъ, плескъ и шумъ высоко-бьющихъ римскихъ фонтановъ, разсыпающихся блестѣвшими искрами на солнцѣ;—въ воздухѣ тишина удивительная, такъ что ни одинъ листокъ не шевелился, за бѣлой балюстрадой горы, ведущей на верхъ ко дворцу, пестрыя толпы любопытныхъ зрителей, — все это вмѣстѣ представляло зрѣлище необыкновенное и великолѣпное.... Три четверти четвертаго раздались пушечные выстрѣлы съ петергофской пристани и вскорѣ поѣздъ двинулся при громѣ пушекъ, военной музыки и криковъ: ура! которые становились все слышнѣе и слышнѣе, приближаясь къ намъ.... Наконецъ поѣздъ показался. Отрядъ изъ конвоя Его Величества и впереди его начальникъ конвоя флигель-адъютантъ князь Багратіонъ; за конвоемъ Его Величества отрядъ Кавалергардовъ, а вслѣдъ за тѣмъ открытый шарабанъ, въ которомъ сидѣли Ея Величество вдовствующая Императрица, съ Ихъ Высочествами Великою Княжною Александрою Петровною супругою Великаго Князя Николая Николаевича, и Принцессою Сесиліею высоконарѣченною невѣстою Великаго Князя Михаила Николаевича. Около шарабана верхами Государь Императоръ, Наслѣдникъ Престола, Великіе Князья, Герцоги и свита, — сзади еще нѣсколько экипажей съ придворными дамами и фрейлинами, и за тѣмъ эскадронъ Лейбъ-Гвардіи Конно-Драгун-

скаго полка, замыкавшій шествіе... Поѣздъ остановился у главнаго подъѣзда Большаго Дворца. По выслушаніи въ дворцовой церкви молебствія, Государыня Императрица вмѣстѣ съ Принцесcой, Государь Императоръ и всѣ Августѣйшіе особы отправились въ Александрію, около пяти часовъ....

Но прекрасная картина этого въѣзда будетъ вѣроятно скоро изображена талантливымъ карандашомъ, г. Тима въ его «Художественномъ Листкѣ». Сравнительно съ его тонкимъ, живымъ, мѣткимъ и искуснымъ карандашемъ всѣ наши описанія будутъ блѣдны и слабы — и потому я умолкаю, прибавивъ, что день 23 іюля кончился въ Петергофѣ фейерверкомъ въ кадетскомъ лагерѣ.

P. S. Петербургское лѣто исправляется. Съ 23 числа начались ясные, теплые и даже жаркіе дни, которые продолжаются до сей минуты. 27 іюля въ Петергофскомъ нижнемъ и верхнемъ садахъ было большое стеченіе публики и играло нѣсколько оркестровъ военной музыки. При Дворѣ былъ спектакль. Вечеръ былъ упоительный — и надобно было наслаждаться этимъ вечеромъ въ Монплезирѣ. Съ одной стороны догарающая зоря жаркаго лѣтняго дня, съ другой — луна въ полномъ блескѣ, отражавшаяся въ море длиннымъ серебранымъ столбомъ... Картина великолѣпная!... 28 числа было гулянье въ паркѣ Александріи.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Несправедливыя жалобы на отсутствіе въ современной жизни драматическаго и романическаго элементовъ. — Драма, трагедія и романъ. — Капитанъ и матросъ *или* сильный и слабый. — Художественныя выставки въ Манчестерѣ и Парижѣ. — Печальныя размышленія, порождаемыя Парижской выставкой. — Промышленная выставка въ Бернѣ. — Конференціи о воспитаніи въ Лондонѣ. — Общенародный статистическій конгресъ. — Взглядъ современнаго француза на Альфреда-де-Мюссе. — Дугласъ Джерольдъ и Черни. — Еще о кометѣ и о затмѣніяхъ. — Новое изданіе сочиненій Кеплера. — Новыя книги. — Новый поэтъ. — Рѣчь Гиперида. — Парижскіе театры. — Концерты — *монстры* въ честь Генделя. — Контрактъ съ Верди.

Наше время привыкли называть холоднымъ, положительнымъ, меркантильнымъ, индустріальнымъ, прозаическимъ *по преимуществу*. Кто выдумалъ эти названія — совершенно неизвѣстно, но они принялись до того, что ихъ употребляютъ даже пятнадцатилѣтніе мальчишки, тщетно стараясь удержать въ памяти десять различій неправильныхъ россійскихъ глаголовъ.

Люди сангвиническаго темперамента, юноши съ пылкимъ воображеніемъ слезно жалуются на эти скучныя свойства XIX столѣтія, вздыхая по тѣмъ блаженнымъ временамъ, когда всѣ вопросы жизни рѣшались свинцомъ и сталью, силою мускуловъ и личною храбростью; когда на каждомъ перекресткѣ могла разыграться кровавая драма, въ каждомъ замкѣ на большой дорогѣ могъ завязаться граціозный романъ; когда мужчины были такъ смѣлы и благородны, женщины такъ нѣжны и безкорыстны, костюмы такъ изящны и живописны.... «Помилуйте! говорятъ они съ горестью и сожалѣніемъ: — что за время теперь? Что за жизнь? Теперь и любить не умѣютъ, и ненавидѣть не въ силахъ! Теперь кровь пускаютъ въ однѣхъ цирюльняхъ, а дуэли не встрѣчаются и въ романахъ! Куда дѣлись высокія чувства, колоссальныя страсти, вопіющія преступленія, романическія похожденія? Что замѣнило ихъ? Мелкія чувствованьица, мелкія страстишки, мелкія мошенничества, преферансъ съ табелькой, танцы подъ фортепьяно, биржевыя спекуляціи.... О, какъ правъ былъ поэтъ, сказавши:

> И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
> Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
> И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
> Когда огонь кипитъ въ крови....

— Да и въ крови не кипитъ огня! съ желчью прибавляютъ пламенные юноши: — кровь въ насъ начинаетъ портиться еще съ десятилѣтняго возраста, по случаю наслѣдственныхъ гемороевъ....

Люди благоразумно положительные смотрятъ на этотъ вопросъ съ другой точки зрѣнія. Они чрезвычайно довольны прозаизмомъ нашего времени; они радуются — не нарадуются на него; они такъ къ нему привыкли, что не могутъ даже и вообразить себѣ, какъ это прежде могли то и дѣло подвергать жизнь свою опасности, могли проливать кровь человѣческую, могли влюбляться и любить до того, что убивалъ человѣкъ и себя, и предметъ своей любви.... Люди благоразумно-положительные начинаютъ уже просто не вѣрить даже и въ минувшее, не похожее на настоящее, и когда, порою, встрѣчаются, на сценѣ или на страницахъ многотомнаго романа, съ какимъ нибудь кровавымъ, трагическимъ событіемъ, то недовѣрчиво покачиваютъ головами и произносятъ рѣшительнымъ тономъ, что это невозможно....

Подобныя нападки на наше время и подобный взглядъ на него кажутся намъ не совсѣмъ справедливыми. *Point d'honneur* нашъ, правда, сталъ далеко не такъ щекотливъ, какъ, напримѣръ, во времена «Трехъ мушкетеровъ»; граціозные романы на большихъ дорогахъ случаются тоже не часто; но кровавыя драмы разъигрываются очень не рѣдко — и разъигрываются не всегда ради злата.

Чтобы убѣдиться въ истинѣ словъ нашихъ, стоитъ только заглянуть въ обширные листы «Débats» или другой какой нибудь иностранной газеты. Нѣтъ нумера, нѣтъ столбца, въ которомъ бы по нѣскольку разъ не встрѣтились фразы: «un crime atroce vient d'éclater, un événement déplorable vient d'arriver», и т. п. Разскажемъ нѣсколько такихъ случаевъ, во утѣшеніе людямъ, жалующимся на недостатокъ драматизма въ наше прозаическое время.

Вотъ, напримѣръ, драма, героиня которой молодая 22-хъ-лѣтняя дѣвушка, съ кроткимъ взглядомъ, съ ласковою улыбкою, съ поэтическимъ именемъ Мадлены Смиттъ.

Это прелестное созданіе обвинено въ умышленномъ отравленіи своего любовника, молодаго француза Эмиля д'Анжелье, котораго она угостила чашкою шеколада, съ примѣсью 88-ми грановъ мышьяку.... «Il y avait de quoi tuer un boeuf!» восклицаетъ «Journal des Débats».

Все въ этой невымышленной драмѣ, разъигранной въ Гласгоу, дышитъ прелестью художественнаго вымысла.

Въ день совершенія преступленія, Мадлена пишетъ къ любовнику письмо, вырванное, кажется, изъ какого нибудь пламеннаго романа Дюма — сына или маркиза де Фудраса.

«Отчего ты не былъ у меня вчера, милый другъ мой? говоритъ любящая дѣвушка: — не боленъ ли ты? Приходи сегодня, мой ненаглядный! Жду — не дождусь тебя!... О, приходи, приходи скорѣй, *mon doux amour*, *mon doux petit coeur bien aimé!* Приходи! Я прижму тебя къ своему сердцу, мы будемъ счастливы.... Цалую тебя, *doux chéri!*

Навѣки твоя
Мадлена.»

Doux chéri, разумѣется, немедленно явился на этотъ страстный призывъ... Въ ту же ночь онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ, и медики нашли у него въ желудкѣ 88 грановъ мышьяку!...

Неправда ли, это первое дѣйствіе такъ и просится на сцену Сен-Мартенскаго театра?

Дѣйствіе второе происходитъ въ Эдинбургскомъ Уголовномъ Судѣ.

На сценѣ судьи въ большихъ парикахъ, съ угрюмыми лицами, серьёзные присяжные, разнохарактерная, волнующаяся толпа, не спускающая глазъ съ интересной подсудимой....

Отравленіе д'Анжелье несомнѣнно. Но какая тому причина? По мнѣнію однихъ — ревность; по мнѣнію другихъ — причина болѣе прозаическая. У молодого человѣка хранилось много писемъ Мадлены, въ родѣ приведеннаго нами сейчасъ. Письма эти могли, разумѣется, сильно компрометировать *невинную* дѣвушку — въ случаѣ, напримѣръ, выгодной партіи, а она, не смотря на свою жгучую страсть къ *doux petit coeur bien aimé*, давно уже имѣла виды на нѣкоего г. Минока....

Былъ ли у подсудимой мышьякъ? Былъ. Она въ этомъ не запирается (слѣдствіе показало, что Мадлена Смиттъ покупала мышьякъ три раза въ продолженіе одного мѣсяца), но онъ былъ у нея для самыхъ невинныхъ цѣлей: для истребленія мышей и поддержанія красоты кожи. Она даже можетъ указать, кто рекомендовалъ ей мышьякъ, какъ косметическое средство: это одна милая пансіонская подруга.... Милая пансіонская подруга, призванная къ допросу, рѣшительно опровергаетъ показаніе подсудимой. Дѣло запутывается.

Судьи приступаютъ къ главному пункту. Гдѣ былъ французъ Эмиль д'Анжелье въ ночь съ 22 на 23 марта, и былъ ли онъ въ эту ночь у Мадлены Смиттъ? Здѣсь показанія противорѣчатъ одно другому, мѣшаются и путаются....

Обвиняемая утверждаетъ, что не только не видѣла д'Анжелье въ день его смерти, но не видала его уже передъ этимъ болѣе трехъ недѣль. Она прибавляетъ, что свиданія ихъ и прежде не происходили никогда у нея на квартирѣ, а если д'Анжелье встрѣчали возлѣ ея дома, то это происходило оттого, что она иногда переговаривалась съ своимъ возлюбленнымъ въ окошко. Письмо же она написала за тѣмъ только, чтобы получить отъ вѣтреннаго француза свои письма, которыми онъ не рѣдко угрожалъ ей.

Горничная подсудимой показываетъ совершенно другое.

Горничная говоритъ, что она нерѣдко впускала д'Анжелье, черезъ заднюю дверь, въ комнату барышни, въ то самое время, когда родителей ея не бывало дома; что французъ и барышня по долгу оставались на единѣ, — но что съ 22 на 23 марта она «покойнаго» не видала.

Призываются другіе свидѣтели.

Двое изъ нихъ показываютъ, что именно 22 марта видѣли они д'Анжелье идущимъ по направленію къ тому мѣсту, гдѣ жила подсудимая; третій прибавляетъ, что «имѣлъ честь встрѣтить джентльмена

у самой двери миссъ Смиттъ.» Еще двое приводятъ прямо собственныя слова покойнаго, который говорилъ имъ: «Я сейчасъ пилъ кофе и какао у Смиттъ и чувствую себя очень не хорошо. Мнѣ кажется, я отравленъ» Тоже самое сообщаетъ нѣкая миссъ Перри, находившаяся въ дружескихъ отношеніяхъ съ д'Анжелье, но миссъ Перри прибавляетъ, что д'Анжелье говорилъ ей это еще 9 марта. Кухарка покойнаго дополняетъ всѣ эти показанія замѣчаніемъ, что господинъ ея, въ послѣднее время, чувствовалъ себя вообще не хорошо, часто жалуясь на боли въ желудкѣ и головокруженія.

Изо всего этого выводится заключеніе, что Мадлена Смиттъ — не одинъ только разъ, но цѣлыхъ три — покушалась на отравленіе Эмиля д'Анжелье.

Дебаты разгораются. Судьи и присяжные хмурятъ брови. Адвокаты обѣихъ сторонъ разсыпаютъ цвѣты краснорѣчія. Подсудимая слушаетъ съ достойнымъ и спокойнымъ видомъ, невольно привлекая имъ всеобщее участіе...

Успокойтесь, чувствительныя читательницы! Президентъ объявляетъ рѣшеніе суда присяжныхъ, по которому всѣ три покушенія англичанки Смиттъ на отравленіе француза д'Анжелье *почитаются ни чѣмъ недоказанными*...

Прелестная подсудимая оправдана и можетъ выдти замужъ за г. Минока, если только желудокъ его, подобно желудку древняго Понтійскаго царя, имѣетъ завидную способность переваривать всевозможные яды!

Рѣшеніе суда присяжныхъ встрѣчено оглушительными рукоплесканіями...

Процессъ этотъ надѣлалъ много шуму въ цѣлой Европѣ. Неправда ли, что и во времена *трехъ мушкетеровъ* подобныя вещи происходили не каждый день?

А вотъ еще трагедія, въ которой дѣйствующими лицами являются два профессора, въ которой ядъ замѣняетъ пуля, а эпилогъ разыгрывается въ Верхне-Гаронискомъ Ассизномъ Судѣ.

Въ Тулузской нормальной школѣ былъ профессоръ по имени Суффарѐсъ. Профессоръ былъ человѣкъ крайне-желчный, угрюмый и мрачный — и не смотря на то, женился на очень молодой и веселой дѣвушкѣ, которую еще съ медоваго мѣсяца сталъ мучить отелловскою ревностью. Бѣдная женщина переносила все съ изумительнымъ терпѣніемъ.

Въ той же Тулузѣ, въ школѣ художествъ, былъ другой профессоръ по фамиліи Брустѐ. Имѣя разъ какую-то надобность до Суффареса, Брусте является въ жилище новаго Отелло. Отелло не было дома, и гостя принимаетъ Дездемона. Коснувшись какъ-то во время разговора своихъ семейныхъ отношеній, молодая женщина неосторожно высказала посѣтителю нѣсколько жалобъ на горькую свою участь... А можетъ быть, въ Брусте увидѣла она ту родную, *созвучную* своей душѣ душу, которая, по увѣренію поэтовъ, должна найтись для каждаго

человѣка... Какъ бы то ни было, но профессоръ школы художествъ обнаружилъ къ несчастной жертвѣ самое искреннее участіе; и черезъ нѣсколько дней явился снова, узнавши предварительно, что мрачнаго мужа нѣтъ дома. Во время этого визита случилось обстоятельство, совершенно подтверждающее наше предположеніе. M-me Суффарѐсъ нашла въ m-r Брустѐ душу родную и *созвучную*... Это обстоятельство повторилось нѣсколько разъ.

Подобныя обстоятельства случаются, конечно, не рѣдко, безъ всякихъ коллизій и трагическихъ развязокъ, но m-me Суффарѐсъ принадлежала къ числу довольно странныхъ женщинъ. Она вдругъ стала мучиться угрызеніями совѣсти, а сверхъ того вообразила себѣ почему-то, что Брустѐ *все это* дѣлаетъ для того только, чтобы осмѣять ее и покрыть несмываемымъ безчестіемъ... Кончилось тѣмъ, что она не выдержала своей пытки и во всемъ призналась мужу. Мужъ поклялся отмстить.

Онъ взялъ пистолетъ и отправился къ Брустѐ. Брустѐ въ это время занимался невинною лѣпкою какого то бюста, и стоялъ спиною къ двери. Услышавъ о приходѣ Суффарѐса, онъ оборачивается — падаетъ пораженный въ шею пулею... Суффарѐсъ преспокойно уходитъ, мрачно и торжественно произнесши: «я отмщенъ!» Но слыша за собой крики: «à l'assassin! à l'assassin!» онъ поспѣшно скрывается.

M-me Суффарѐсъ, черезъ два дня послѣ этого, совершенно неизвѣстно по какой причинѣ, выбросилась изъ окошка и разбилась въ дребезги.

Убійца, чрезъ нѣсколько дней, самъ отдался въ руки правосудія.

Мы разсказали читателямъ драму и трагедію, — теперь сообщимъ романъ, — романъ, въ которомъ нѣтъ крови, но есть другой элементъ, на отсутствіе коего тоже жалуются пламенные юноши, поклонники временъ минувшихъ.

Романъ этотъ завязался и развязался въ Парижѣ, въ пору недавняго процвѣтанія тамъ магнитизма и *страшныхъ* успѣховъ чародѣя Юма, или Гома, или Хома, участь котораго намъ совершенно неизвѣстна.

Одинъ молодой человѣкъ влюбился въ одну молодую актрису *Comédie—Française*, влюбился такъ, что, глядя на него, самый холодный скептикъ увѣровалъ бы въ существованіе любви.

Онъ написалъ къ своему *предмету* безумно страстное посланіе, оставшееся безъ отвѣта. Онъ написалъ, въ непродолжительномъ времени, еще двадцать такихъ же посланій, — и всѣ они испытали участь перваго. Въ двадцать-первомъ онъ говорилъ, между прочимъ слѣдующее:

«Можетъ быть ко мнѣ *лично* вы будете не столь нечувствительныя, какъ къ моему эпистолярному искусству. Сегодня вы играете въ «Свадьбѣ Фигарѳ». Взгляните во второй рядъ, на право... *Гвоздика въ петлицѣ* — это я.»

Увы! жестокая актриса не взглянула ни разу на гвоздику въ петлицѣ.

Всѣ эти неудачи, какъ водится, только сильнѣй раздували пламя страсти. Любовь молодаго человѣка достигала тѣхъ предѣловъ, за которыми уже не властны всѣ силы рассудка. Въ былое время, несчастный влюбленный обратился бы, вѣроятно, къ какому нибудь магу или алхимику за приворожнымъ зельемъ, — въ 1857 году онъ обратился къ магнетизёру.

— Заключается ли въ любви магнетизмъ? спросилъ онъ.

— Больше чѣмъ гдѣ нибудь, сёрьезно отвѣчалъ магнетизёръ: — сама любовь ни что иное, какъ магнетизмъ и притяженіе.

— Стало быть, та, которую я люблю, меня магнетизируетъ, а сама не любитъ меня потому только, что я не магнетизирую ее?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Есть ли во мнѣ магнетическая сила?

— Должна быть; но токъ, притягивающій васъ, сильнѣе вашего. Прежде чѣмъ испытать свою силу на женщинѣ, вы должны увеличить ее постояннымъ упражненіемъ...

— Какимъ же упражненіемъ?

— Начинайте магнетизировать слабѣйшія твари, напримѣръ — мухъ. Когда вы подчините ихъ совершенно вашей волѣ, — перейдите къ животнымъ высшаго разряда... Ну, хоть къ мышамъ. Отъ мышей одинъ только шагъ до собакъ, отъ собакъ недалеко до лошади. Когда же и лошадь склонитъ передъ вами свою горделивую голову и признаетъ васъ своимъ властелиномъ, — вамъ остается восторжествовать надъ однимъ слономъ и гиппопотамомъ. Послѣ нихъ только вы можете перейти къ женщинѣ, потому что въ женщинѣ сопротивленіе магнетическому току гораздо упорнѣе, чѣмъ въ слонѣ и гиппопотамѣ.

— *Она* будетъ любить меня! въ восторгѣ думалъ влюбленный юноша, выходя отъ магнетизёра. — Я усыплю слова въ *Jardin des plantes*; я усыплю цѣлый свѣтъ!... Я чувствую въ себѣ страшную силу!... *Она* меня полюбитъ!...

И онъ уже испытывалъ силу своего тока надъ мухами, преспокойно летавшими по сторонамъ ..

Цѣлый мѣсяцъ упражнялся онъ надъ мухами. Мухи прилетали, улетали, кусались — и только. Ни малѣйшій успѣхъ не дозволялъ магнетизёру перейти къ мышамъ. А ему такъ хотѣлось добраться поскорѣе до слона и гиппопотама! Любовь его усиливалась съ каждымъ днемъ. Онъ видимо худѣлъ и чахнулъ...

Знакомые молодаго человѣка, замѣтивъ его мономанію, уговорили его поѣхать въ деревню, къ дядѣ. «Пожалуй, отвѣчалъ онъ: — въ провинціи еще больше мухъ, чѣмъ въ Парижѣ, и тамошнія мухи должны быть слабѣе здѣшнихъ.»

Дядя всячески старался разсѣять племянника. Однажды онъ повезъ его на балъ къ префекту своего департамента. Молодой человѣкъ не сопротивлялся, разсчитывая, что на балѣ должно быть очень много мухъ...

Въ самомъ разгарѣ танцевъ, онъ вдругъ къ величайшему удивленію всего общества, влѣзъ на столъ, уставленный цвѣтами и фруктами, и произнесъ слѣдующій спичъ:

— Милостивые государи и, въ особенности, милостивыя государыни! Прошу васъ быть внимательными! Вы узрите сейчасъ удивительное зрѣлище! Вы узрите Аполлона и Адониса въ одномъ и томъ же видѣ... Афродита на насъ не нарадуется!...

Онъ уже сталъ снимать съ себя фракъ, съ цѣлью показаться обществу въ настоящемъ костюмѣ Адониса, но его стащили со стола и вывели вонъ...

Теперь молодой человѣкъ въ больницѣ умалишенныхъ. Онъ тамъ, съ утра до вечера, укачиваетъ толстое полѣно, и говоритъ, показывая на него, всѣмъ и каждому:

— Это слонъ. Онъ спитъ, и *она* меня любитъ....

Ограничимся этими тремя разсказами. Мы бы не кончили никогда, еслибы вздумали передать читателямъ содержаніе всѣхъ драмъ, трагедій, трагикомедій и романовъ, которыми испещрены иностранныя газеты.

Неужели жь и послѣ приведенныхъ нами фактовъ, кто нибудь назоветъ наше время холоднымъ, положительнымъ, прозаическимъ *по преимуществу?* Нѣтъ! это было бы совершенно несправедливо! И во второй половинѣ XIX столѣтія случаются происшествія, отъ которыхъ не отказалось бы и XVII! И въ наше время рѣжутъ не изъ-за однѣхъ денегъ! И въ наше время — не только любятъ, но даже сходятъ съума отъ любви! Все это, вѣроятно, продолжится до тѣхъ самыхъ поръ, пока въ жилахъ будетъ кровь, а въ черепѣ — мозгъ....

Въ «pendant» къ разсказаннымъ нами событіямъ, мы не можемъ не прибавить еще одного, трагическій элементъ котораго наводитъ на иныя размышленія.

Вотъ что случилось недавно на англійскомъ военномъ кораблѣ «Марта и Джонъ»:

Въ числѣ матросовъ, составлявшихъ экипажъ этого корабля, находился матросъ по имени Андрей Розъ. Его за что-то, въ особенности, не любилъ капитанъ «Марты». Не было дня, чтобы бѣдный Розъ не терпѣлъ жесточайшихъ побоевъ—нерѣдко изъ собственныхъ рукъ капитана. Выдавались и такіе деньки, что онъ бывалъ наказываемъ по шести разъ втеченіе двѣнадцати часовъ.

Достойному капитану всего этого было мало: онъ нерѣдко придумывалъ для Роза особенныя, небывалыя наказанія. Однажды, за какое-то пустѣйшее отступленіе отъ корабельныхъ порядковъ, онъ велѣлъ высѣчь матроса плетью, а потомъ повѣсить его на мачтѣ и держать—не до тѣхъ поръ, «пока смерть ему приключится», а только до той минуты, когда у повѣшеннаго высунется языкъ и выкатятся глаза: человѣколюбивому капитану жаль было доконать свою жертву разомъ; онъ хотѣлъ продлить свое удовольствіе....

Этого, къ сожалѣнію, не случилось: Андрей Ровъ не вынесъ *примѣрнаго повышенія*, и черезъ часъ умеръ....

Лорды Адмиралтейства, вѣроятно, не вполнѣ раздѣляя воззрѣнія и вкусы капитана «Марты и Джона», потребовали его къ допросу. Онъ теперь судится.

Подобные факты, къ несчастію, очень нерѣдки въ лѣтописяхъ британскаго флота и британской арміи. Мы недавно еще читали въ англійскихъ газетахъ, какъ въ какомъ-то англійскомъ пѣхотномъ полку одного солдата наказали пятидесятью ударами плети и сорокадневнымъ арестомъ зато только, что онъ—испортилъ свой мундиръ!...

Но довольно крови и слезъ, драмъ и трагедій. Обратимся къ явленіямъ болѣе утѣшительнымъ; взглянемъ на Манчестерскую и Парижскую выставки, о которыхъ такъ много толкуютъ иностранные журналы.

Манчестерская выставка устроена съ цѣлью собрать разомъ, въ одномъ мѣстѣ, всѣ сокровища искусствъ, которыми такъ богато Соединенное королевство. Проэктъ ея составленъ еще въ апрѣлѣ 1856 года. На построеніе зданія выставки и на всѣ другіе расходы собрано было, по общественной подпискѣ, въ нѣсколько дней, болѣе 60,000 фунтовъ стерлинговъ.

Зданіе выставки находится въ трехъ миляхъ отъ Манчестера, близь Ботаническаго сада, въ центрѣ соединенія нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ. Оно все построено изъ стекла и желѣза и расположено чрезвычайно удобно. Длина его — 700 англійскихъ футовъ, ширина—200.

Нелегко, казалось бы, наполнить это огромное пространство, однако же, оно наполнилось быстро и прекрасно. Все, что только есть замѣчательнаго по части искусствъ въ общественныхъ и частныхъ галлереяхъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, все соединено въ Манчестерѣ.

Въ обширныхъ залахъ стекляннаго зданія собрано болѣе тысячи картинъ старинныхъ мастеровъ и до семисотъ произведеній новѣйшихъ. Сверхъ того, въ особенной галлереѣ помѣщается около четырехъ сотъ портретовъ; акварелей, гравюръ, литографій, фотографій безчисленное множество. Статуй и бюстовъ насчитываютъ до ста-шестидесяти.

Первое мѣсто (по расположенію) занимаютъ портреты англійскихъ королей, государственныхъ людей, полководцевъ, писателей, ученыхъ и артистовъ. Коллекція эта столько же замѣчательна по выполненію, сколько и по сюжетамъ. Слѣдующія три огромныя залы наполнены произведеніями старинныхъ мастеровъ, расположенными въ хронологическомъ порядкѣ. Здѣсь — и довольно въ большомъ количествѣ — встрѣчаются имена Рафаэля, Тиціана, Леонарда-да-Винчи, Веронеза, Тинторета, Рубенса, Вандика, Гольбейна и др. Рафаэля — двадцать-двѣ картины. Изъ нихъ, впрочемъ, многія очень сомнительной подлинности.

Далѣе идутъ произведенія новѣйшія, большею частью англійскія. Къ новѣйшимъ произведеніямъ отнесены и картины Гогарта, которыхъ выставлено очень много.

Въ отдѣльныхъ боковыхъ галлереяхъ расположены статуи, бюсты, медали, архитектурныя модели, древнее вооруженіе, древняя утварь, мозаики и пр. На хорахъ главной, центральной залы, помѣщается оркестръ. Тутъ же стоитъ огромный органъ, занимающій всю заднюю стѣну. Посѣтители, любуясь произведеніями живописи и ваянія, въ то же самое время слышатъ звуки Гайдна, Моцарта и Бетговена.

Въ высшей степени замѣчательна Манчестерская коллекція гравюръ. По собраннымъ здѣсь 1459 экземплярамъ гравировальнаго искусства всѣхъ родовъ и всѣхъ эпохъ можно прослѣдить всю его исторію.

Между произведеніями Византійской школы скромно пріютилось нѣсколько картинъ современныхъ русскихъ художниковъ. Вотъ что̀ говоритъ о нашихъ соотечественникахъ авторъ описанія Манчестерской выставки, помѣщеннаго въ «Journal des Débats»:

«Между образцами Византійской школы находится нѣсколько картинъ современныхъ русскихъ художниковъ, манера которыхъ вытекаетъ прямо изъ манеры византійцевъ. Произведенія эти отличаются неизмѣннымъ золотымъ фономъ, отсутствіемъ глубины, рельефности перспективы и какою-то особенною жесткостью формъ, не исключающею, впрочемъ, истины въ выраженіи....»

Стеченіе народа въ Манчестерѣ огромное. Королева Викторія и принцъ Альбертъ удостоили выставку своимъ посѣщеніемъ.

Парижская выставка (во дворцѣ Елисейскихъ полей) заключаетъ въ себѣ одни произведенія современныхъ французскихъ художниковъ. Картинъ и статуй очень много; много между ними и хорошихъ, но замѣчательныхъ, стоющихъ отдѣльнаго и подробнаго описанія, по увѣренію знатоковъ, нѣтъ ни одной. Въ живописи преобладаетъ *genre*, въ скульптурѣ, такъ называемый, *граціозный* родъ. Много есть также картинъ, изображающихъ различные эпизоды минувшей войны — съ французской точки зрѣнія.

Лучшими произведеніями на выставкѣ почитаются слѣдующія:

«Эпизодъ изъ Альминской битвы» — О. Вернѐ. «Карлъ V въ монастырѣ Св. Юста»—Робера Флёри.

«Пусоенъ на берегу Тибра»—Бенувилля. «Марія Антуанета въ Консьержери»—Шарля Мюллера.

Изъ статуй замѣчательнѣе другихъ: «Аріадна»—Эме Милье, «Элоиза и Абеляръ» — Шатрусса, «Трагедія и комедія»—Дюре и «Лезбія»—Соважо̀.

Между бюстами, общее вниманіе привлекаютъ къ себѣ бюсты современныхъ знаменитостей: Сентъ-Арно, Пелиссье, Канробера и Боске.

Знатоковъ и истинныхъ любителей искусства Парижская выставка наводитъ на грустныя размышленія. Они говорятъ, что *genre* и *граціозный* родъ, господствующіе въ современной живописи и скульптурѣ, показываютъ безсиліе мысли и отсутствіе истинныхъ талантовъ; что

искусство мельчаетъ; что молодые художники заботятся объ однихъ эффектахъ и эфемерныхъ успѣхахъ; что произведенія ихъ годятся лишь для украшенія будуаровъ и модныхъ гостиныхъ.... «Взгляните, говорятъ знатоки и любители: — взгляните на всѣхъ этихъ *Лезбій съ голубками*, на всѣхъ этихъ *дѣвушекъ, дающихъ кормъ жеребяткамъ, смотрящихся въ зеркальца;* обойдите всѣ эти картины, изображающія пѣтушьи бои, пляски поселянъ, внутренности трактировъ и хижинъ,— что вынесете вы изъ этого обзора? Почувствуете ли вы, хоть на мгновеніе, что мысль ваша мужаетъ и просвѣтляется, что душа ваша, отрѣшаясь отъ будничныхъ помысловъ и желаній, уносится сама собою въ безбрежную даль и высь, утопаетъ въ невыразимомъ экстазѣ?... Нѣтъ! Вы ничего не вынесете, ничего не почувствуете. Вы только подумаете, можетъ быть, что вотъ недурно было бы обдѣлать эту картинку въ хорошую рамку и повѣсить ее надъ кроватью, или, что вотъ пріятно было бы пріобрѣсть такую статуэтку и помѣстить ее на письменномъ столѣ, между чернильницей и шандаломъ.... и ничего больше!... Гдѣжь тутъ искусство? Гдѣ его сила? Гдѣ его значеніе?»

Мы не знаемъ—согласны ли будутъ наши читатели съ этимъ мнѣніемъ парижскихъ знатоковъ и любителей, а намъ онѣ кажутся весьма нелишенными истины.

Между тѣмъ, какъ Англія и Франція выставляютъ на показъ свѣту прекрасныя произведенія изящныхъ искусствъ, Швейцарія приглашаетъ знатоковъ полюбоваться продуктами ея мануфактурной и промышленной дѣятельности, заслуживающими, дѣйствительно, полнаго вниманія.

Выставка происходитъ въ Бернѣ, въ большомъ каменномъ зданіи съ деревянною пристройкою. Въ первыхъ залахъ нижняго этажа (rez-de-chaussée) помѣщаются разныя желѣзныя издѣлія, химическіе продукты, кожи т. п. За ними слѣдуютъ цѣлыя пирамиды бутылокъ съ винами и ликёрами. Замѣчательнѣе всего въ этомъ отдѣленіи великолѣпные экипажи изъ Цюриха и разнообразнѣйшая упряжь.

Въ первомъ этажѣ, въ большой залѣ съ двумя фонтанами, устроенъ особенный стеклянный павильонъ, весь наполненный часами; возлѣ него, на столикахъ, расположены разныя драгоцѣнныя вещи. Тутъ же помѣщаются богатое собраніе математическихъ и физическихъ инструментовъ и чрезвычайно разнообразная коллекція всевозможныхъ образчиковъ книгопечатанія.

Всеобщее вниманіе посѣтителей, а въ особенности посѣтительницъ, привлекаютъ къ себѣ шелковыя ткани изъ Цюриха, соломенныя вещи изъ Ааргау и великолѣпнѣйшія шитыя работы изъ Сенъ-Галлена и Аппенцеля. Не передъ одною картиною Рафаэля не застаивается столько времени записной поклонникъ искусствъ, сколько выстаиваютъ здѣсь дамы въ восторженномъ созерцаніи одного роскошнѣйшаго муслиноваго платья, присланнаго изъ Сенъ-Галлена, платья легкаго и прозрачнаго, какъ воздухъ, — платья, оцѣненнаго въ 2,500 франковъ!

Во второмъ этажѣ помѣщаются издѣлія фарфоровыя, фаянсовыя и :текляннмыя, ковры, табакъ, сигары и большое количество разныхъ іашинъ, особенно же пожарныхъ трубъ. Замѣчательна здѣсь, между ірочимъ, коллекція искусственныхъ ногъ. Ею можно, съ излишкомъ, ıродовольствовать всѣхъ безногихъ въ Европѣ. Всѣхъ предметовъ на Зернской выставкѣ болѣе двадцати тысячъ. Число выставившихъ свои ıроизведенія простирается до 2,050 человѣкъ.

Мануфактурная и промышленная дѣятельность Швейцаріи является ıа этой выставкѣ во всемъ своемъ блескѣ. Принимая во вниманіе всѣ :ѣ неблагопріятныя обстоятельства, въ зависимости отъ которыхъ находятся торговля и промышленость этой страны, нельзя не удивлять:я ея чрезвычайно-быстрымъ успѣхамъ. Еще въ 1835 году, Джонъ Боурингъ (тотъ самый, который теперь назначенъ губернаторомъ въ Кантонъ), изучая торговлю и промышленость Швейцаріи, высказалъ о нихъ слѣдующее, признанное всѣми безпристрастнымъ, и дѣльнымъ, инѣніе:

«Каждый мыслящій человѣкъ, говоритъ онъ, не можетъ оставить без внимавія то обстоятельство, что швейцарскіе фабриканты, ни:ѣмъ не замѣченные, никѣмъ не поддержанные, проложили себѣ дорогу ко всѣмъ рынкамъ міра, — даже и къ такимъ рынкамъ, которые кажутся неприступными. Географическія особенности Швейцаріи всего менъше могли способствовать этому. Приписывать это благодѣтельному вліянію законодательства тоже нельзя: въ Швейцаріи не существуетъ даже покровительственной таможенной системы, направленной противъ чужеземной конкурренціи.... А между тѣмъ, въ ходѣ промышленности этой страны видѣнъ прогрессъ, который можно назвать почти безпримѣрнымъ!»

Прибавимъ къ этому, что швейцарское правительство и досełѣ воздерживается отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла фабрикантовъ и промышленниковъ. Оно даже не поощряетъ ихъ никакими вспомогательствами, держась того воззрѣнія, что предпріятіе, которое не можетъ или не умѣетъ устоять само собою, не имѣетъ, свѣдовательно, въ себѣ зачатковъ жизни и силъ, необходимыхъ для успѣха. Такимъ образомъ, развитіемъ своей мануфактурной и промышленной дѣятельности Швейцарія обязана единственно предпріимчивости своихъ производителей, ихъ стойкому упорству въ преслѣдованіи предположенныхъ цѣлей и той любви и привязанности къ родинѣ, при которой только и можетъ быть плодотворна какая бы то ни была народная дѣятельность. Какъ бы долго ни маялся швейцарецъ по бѣлу свѣту — едва улыбнулась ему фортуна, онъ тотчасъ же возвращается на родину и вкладываетъ въ отечественную сокровищницу пріобрѣтенныя имъ средства и опытность. При такихъ свойствахъ народа, Швейцарія не можетъ застояться на одномъ мѣстѣ, утѣшаясь тѣмъ, что «золотые вѣка впереди....»

Добро и зло перемѣшаны на землѣ самымъ страннымъ образомъ. Это истина, не подлежащая никакому сомнѣнію, и доказательства ея встрѣчаются на каждомъ шагу.

Въ той же самой, напримѣръ, Англіи, въ которой капитаны забавляются *примѣрными повѣшеніями* матросовъ, а солдаты, портящіе мундиры, подвергаются пятидесяти ударамъ плети и сорока-дневному аресту, въ той же самой Англіи (и еще больше, чѣмъ гдѣ нибудь), попадаются иногда явленія чрезвычайно отрадныя. Къ числу такихъ отрадныхъ явленій должно отнести *конференціи о народномъ воспитаніи*, открывшіяся въ Лондонѣ 22 іюня текущаго года.

Конференціи, составленныя подъ предсѣдательствомъ принца Альберта изъ членовъ Парламента, особъ высшаго духовенства и многихъ другихъ вліятельныхъ лицъ, открыты были рѣчью президента, которая всѣмъ очень понравилась. Разсмотрѣвши въ ней всю важность вопроса, предлежащаго обсужденію конференцій, принцъ коснулся тѣхъ взглядовъ и теорій, которыхъ придерживаются люди разныхъ партій, присовокупивши, что его личное положеніе не дозволяетъ ему много распространяться объ этомъ предметѣ. Изъ его рѣчи, равно какъ и изъ свѣдѣній, собранныхъ для конференцій, видно, что, не смотря на всѣ успѣхи, сдѣланные въ послѣднее время, не смотря на всѣ совокупныя дѣйствія правительства, общинъ и частныхъ лицъ, Англіи еще многаго остается желать въ дѣлѣ народнаго воспитанія вообще, и устройства элементарныхъ школъ въ особенности. (*) Изъ 4,908,696 дѣтей, отъ трехъ до пятнадцати лѣтъ, въ Англіи и Валлиссѣ, только 2,046,848 посѣщаютъ школы, между тѣмъ, какъ почти три мильона остаются безъ всякаго образованія. Неудивительна послѣ того постоянно возрастающая въ этой странѣ цифра преступленій; (**) понятны явленія такихъ существъ, какъ Диккенсовъ *Джо*, понимающій только, что «метла есть метла». Но *Джо* еще человѣкъ развитый — въ сравненіи съ другими: *Джо*, кромѣ понятій о метлѣ, имѣетъ понятіе о томъ, что «лгать грѣшно», хотя и не знаетъ — почему грѣшно, а другіе не подозрѣваютъ даже и существованія лжи!

Разсматривая причины этихъ печальныхъ явленій, члены конференціи обратили особенное вниманіе на то обстоятельство, что дѣти рабочихъ классовъ остаются въ школахъ слишкомъ короткое время. Изъ двухъ мильоновъ дѣтей, только шестьсотъ тысячъ продолжали посѣщеніе школъ, достигнувъ девятилѣтняго возраста. Образованіе едва начинало оказывать на нихъ свое благотворное вліяніе, какъ уже ихъ снова отрывали отъ книгъ и бросали въ такую среду, которая развиваетъ совершенно иныя понятія. Причина такого ранняго удаленія дѣтей изъ школъ заключается, по мнѣнію конференціи, въ трехъ слѣдующихъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, въ бѣдности и недостаточности образованія родителей, которые видятъ въ дѣтяхъ однѣ только лишнія руки для работы, а нравственному воспитанію не придаютъ

(*) Въ 1851 году всѣхъ такихъ школъ считалось 46,042. Изъ нихъ публичныхъ — 15,518, и частныхъ — 30,524

(**) Изъ свѣдѣній, собранныхъ конференціями, оказывается, что большая часть преступниковъ лишена всякаго образованія, находится въ состояніи совершенной дикости.

машнаго значенія; во-вторыхъ, въ устройствѣ самыхъ школъ, главный недостатокъ которыхъ состоитъ въ *непрактичности* преподаванія, и въ третьихъ, въ положеніи промышленныхъ рынковъ, придающихъ особенную цѣнность дѣтской работѣ. Конференція полагаетъ, что хотя для удаленія дѣтей отъ ранней работы необходимо будетъ вмѣшательство правительства, но что лучшею и надежнѣйшею мѣрою для устраненія этого зла должно быть улучшеніе самого воспитанія и преобразованіе школъ. При этомъ разсматривались нѣкоторыя понудительныя мѣры, употребляемыя въ Германіи и Швейцаріи для увеличенія числа учащихся изъ рабочихъ классовъ. Лучшею мѣрою признано: лишеніе права на *вспоможеніе отъ прихода* тѣхъ родителей, которые не будутъ заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей. Конференція, вообще, изъявила намѣреніе заняться подробнѣйшимъ разсмотрѣніемъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ другими государствами къ улучшенію народнаго воспитанія, и сообразить, которыя изъ нихъ могутъ быть приспособлены къ потребностямъ и нуждамъ англійскаго общества.

Особенное вниманіе членовъ конференціи обратило на себя воспитаніе женщинъ, играющихъ столь важную роль въ семействѣ. Женскія школы найдены въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи, а число преступленій, совершаемыхъ женщинами, увеличивающимся съ каждымъ годомъ. По этому предмету происходили самыя жаркія разсужденія.

Много, вообще, говорено было рѣчей, читано писемъ и проэктовъ. Много выказано благородныхъ и полезныхъ намѣреній.

Окончательные результаты конференцій еще неизвѣстны, но отъ благаго предпріятія ждутъ не мало добра.

Англійскія газеты, разсуждая объ этомъ предметѣ, требуютъ совершеннаго преобразованія школъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и измѣненія взгляда на систему народнаго воспитанія.

«Воспитаніе, говорятъ они, дается у насъ, какъ милость богатаго бѣдному, какъ знакъ какой-то великодушной снисходительности. А между тѣмъ одна изъ характеристическихъ чертъ англійскаго рабочаго класса состоитъ въ томъ, что онъ не любитъ милостей со стороны высшихъ и если ужь не совершенно подавленъ нуждой, то смотритъ очень подозрительно на всякое шумное и тщеславное покровительство. Признай законодательство полученіе воспитанія священнымъ, неотъемлемымъ правомъ каждаго британскаго ребенка, — девять десятыхъ затрудненій въ настоящемъ вопросѣ устранились бы сами собою. Содержаніе больныхъ, престарѣлыхъ, увѣчныхъ узаконено не какъ милость, а какъ право; — почему же и воспитаніе дѣтей не можетъ быть разсматриваемо на такомъ же основаніи? Утвердите этотъ благородный принципъ и вы увидите, что родители первые, какъ естественные, непосредственные хранители правъ дѣтей своихъ, воспользуются выгодами ихъ положенія. Но потомъ, повторяемъ, что англійскій народъ любитъ только *право*, а не милость....»

Въ Вѣнѣ, въ сентябрѣ нынѣшняго года, откроется третій общенародный статистическій конгресъ. На этомъ конгресѣ будутъ представители всѣхъ европейскихъ державъ. Приготовленіями къ нему дѣятельно занимается особая коммиссія, состоящая, подъ предсѣдательствомъ австрійскаго министра торговли, изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, ученыхъ, мануфактуристовъ и др. Составлена уже и программа дѣйствій конгреса. Она заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

1) Разсмотрѣніе свѣдѣній, сообщенныхъ представителями разныхъ державъ о занятіяхъ и состояніи статистическихъ комитетовъ. 2) Статистика смертности, съ поименованіемъ болѣзней, бывшихъ причиною смерти. 3) Исчисленіе преступленій, признаваемыхъ законами разныхъ странъ, и устройство уголовныхъ судовъ. 4) Планъ статистики всѣхъ предметовъ, относящихся къ области гражданскаго судопроизводства, и 5) планъ подробной финансовой статистики.

Конгресъ, сверхъ того, займется обсужденіемъ тѣхъ вопросовъ, которые уже были отчасти разсмотрѣны на прежнихъ конгресахъ, какъ-то: о статистикѣ промышленности и образованія, о значеніи картографіи для статистики и т. д.

Читатели наши, вѣроятно, уже знаютъ, что Франція, въ этомъ году, лишилась своего извѣстнаго поэта Альфреда де-Мюссе, остроумными *пословицами* котораго восхищалась и русская публика на сценѣ Михайловскаго театра. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Revue de Paris» помѣщена небольшая статья Лорана Пиша, въ которой выражается взглядъ современнаго француза на поэтическую дѣятельность Мюссе. Приводимъ изъ этой статьи нѣсколько отрывковъ:

«Альфредъ де-Мюссе могъ быть однимъ изъ величайшихъ поэтовъ нашего времени. Онъ умеръ молодъ, хотя многіе и говорятъ, что онъ пережилъ свою славу. По нашему мнѣнію, такое сужденіе ошибочно: въ жизни поэта нѣтъ ни часа безполезнаго. Это мы пережили нашу молодость....

«Обернуться назадъ, прослѣдить съ полнымъ вниманіемъ быструю карьеру А. де-Мюссе—это, для большей части изъ насъ, тоже самое, что допросить свою совѣсть. Намъ не разъ придется отвращать наши взоры, какъ человѣку, который хочетъ освободиться отъ тяжелаго воспоминанія. Но, вступая сами въ серьёзную пору жизни, мы почли бы печальнымъ предзнаменованіемъ для себя, если бы вздумали обходиться слишкомъ жестоко съ покинувшимъ насъ товарищемъ. Виноватъ ли онъ, что насъ уже болѣе не тѣшитъ его равнодушно-милая улыбка? Когда внезапная тревога отрываетъ насъ отъ мирной стоянки для продолженія труднаго пути, почитавшагося нами уже оконченнымъ, мы были бы неправы, еслибъ, удрученные усталостью, вздумали проклинать временный отдыхъ, который принимали за вѣчное спокойствіе.

«Съ Альфредомъ де-Мюссе прощались три поколѣнія. Съ нимъ прощались его сверстники, помнившіе его молодымъ, добрымъ, съ

блескомъ начинавшимъ свое поприще.... Провожая поэта въ могилу, они не всѣ могли не плакать. Съ нимъ прощалась 20 лѣтняя молодежь, окружившая почтеніемъ его память, но не останавливающаяся на ней, потому что взоры и вѣрованія этой молодежи направлены въ другую сторону. Съ нимъ прощались, наконецъ, люди нашихъ лѣтъ, только еще начинавшіе думать въ ту пору, когда Альфредъ де-Мюссе былъ въ апогеѣ своей славы. Намъ выпала самая трудная задача. Наше время не допускаетъ снисхожденія. Мы требуемъ отъ поэта извѣстнаго направленія, хотимъ, чтобы онъ *стоялъ за что-нибудь*. Индифферентизмъ губителенъ, и мы всегда предпочтемъ противника скептику....

«Альфреда де-Мюссе сравнивали съ Байрономъ. Есть у нихъ стороны дѣйствительно сходныя, но поэтъ нашъ былъ прежде всего *поэтъ французскій*. Онъ былъ сначала послѣдователемъ романтизма. Между первыми его произведеніями, есть нѣкоторыя, созданныя подъ вліяніемъ Шекспира; стихотворенія этого періода отличаются особенной отдѣлкой. Но чѣмъ дальше подвигался онъ впередъ, тѣмъ больше и рѣзче возставалъ противу всѣхъ литературныхъ ученій — а наконецъ пошелъ одинъ, подчиняясь только собственному вдохновенію, свободный, независимый, неуловимый для критики.... Два тома стихотвореній Альфреда де-Мюссе изображаютъ всю его жизнь и оправдываютъ его извѣстность. Онъ то смѣется и шутитъ, то плачетъ, какъ ребенокъ. Онъ мучится и томится въ долгія, безсонныя ночи, проклиная и обожая.... Эти звуки его проникли во всѣ сердца. Они истинны и прекрасны; они будутъ жить—пока будутъ жить люди, пока мужчина будетъ любить женщину.

«Поэты, передающіе публикѣ свои личныя впечатлѣнія и чувства, бываютъ двухъ родовъ. Одни показываются такими, какими имъ хотѣлось бы быть, становятся на ходули, принимаютъ эффектныя позы, поражаютъ простосердечнаго читателя до того, что онъ, наконецъ, начинаетъ видѣть въ нихъ существа необыкновенныя и вѣритъ въ это до тѣхъ поръ, пока неотразимая дѣйствительность не разочаруетъ его самымъ печальнымъ образомъ. Другіе являются передъ толпой въ настоящемъ своемъ видѣ, безъ масокъ и украшеній. Ихъ видишь со всѣхъ сторонъ; ихъ можно жалѣть, но ими никогда не бываешь обманутъ. Альфредъ де-Мюссе былъ изъ числа послѣднихъ. Подобно короткому знакомому, посѣщающему васъ когда ему вздумается, поэтъ являлся къ читателю безъ доклада, не ломаясь, не маскируясь, не драпируясь чужимъ плащомъ. Онъ свободно говорилъ съ нимъ, мѣняя тонъ, становясь то насмѣшливымъ, то задумчивымъ, то веселымъ, то печальнымъ. Онъ не стыдился и безсилія, овладѣвавшаго имъ порою; онъ даже падалъ въ глазахъ читателя—и падалъ безъ желчи, безъ озлобленія. Печаль, томленія поэта были не безъ причины. Онъ сознавалъ вполнѣ ту отвѣтственность, которая лежала на немъ, какъ на *человѣкѣ*; онъ предчувствовалъ строгій судъ; онъ глядѣлъ въ будущее. Тревожимый своей славой, ослѣпленный сіяніемъ своего вѣнца, онъ умеръ,

окруженный плачущими друзьями и поклонниками, которые заботились о немъ гораздо болѣе, нежели самъ онъ.

«Подобно Гейне, Альфредъ де-Мюссе отличался насмѣшливымъ наленіемъ. Онъ воспѣлъ любовь въ прекрасныхъ и искреннихъ стихахъ: онъ затронулъ новую струну — и молодое воображеніе вздрогнуло.... Но показалъ ли онъ намъ идеальную сторону этого высокаго чувства? Оставили ли въ насъ его звуки что нибудь, кромѣ нервическихъ ощущеній?....

«Альфредъ де Мюссе, говорятъ нѣкоторые, былъ избалованный ребенокъ, — его можно простить. Мы слишкомъ цѣнимъ нашего поэта, чтобы отзываться о немъ съ такою легкостью. Этому *равнодушному* воображенію нужна была среда спокойная, жизнь безъ волненій и потрясеній; — тогда онъ былъ бы другой, потому что сердце у него было доброе и нѣжное, благородство чувствъ не подлежало никакому сомнѣнію. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ стихотвореній:

«La politique, hélas! voilà notre misère.
Mes meilleurs ennemis me conseillent d'en faire.
Etre rouge ce soir, blanc demain, ma foi, non!» (*)

«Мы не спрашиваемъ отъ поэта того, чего онъ не хотѣлъ сдѣлать. Мы не потревожимъ его памяти несправедливыми требованіями, — но мы не можемъ не сожалѣть о его скептицизмѣ, не можемъ раздѣлять его насмѣшекъ надъ людьми, добивавшимися убѣжденій. Мы помнимъ то грустное впечатлѣніе, которое произвело на насъ чтеніе его *Дюпона и Дюрана*, для того, чтобы изгладить это впечатлѣніе, должны мы были перечитывать *Роллу*, *Стансы къ Малибранъ*, *Воспоминаніе* и другія прелестныя пьесы. Альфредъ де-Мюссе, какъ другъ, огорчилъ насъ жестокостью. Мы всегда глубоко уважали тѣхъ, которые страдали за идею, умирали съ голоду за мечту. Намъ тяжело писать эти строки, но мы должны написать ихъ, потому что онѣ справедливы.

«Альфредъ де-Мюссе слишкомъ извѣстенъ для того, чтобы нужно было пересчитывать здѣсь его произведенія и указывать на лучшія изъ нихъ. Напомнимъ только читателямъ, для контраста съ *Дюпономъ и Дюраномъ*, одну пьесу подъ названіемъ «*La loi de la Presse*», которой не находится въ полномъ собраніи сочиненій поэта. Въ этой пьесѣ есть великолѣпнѣйшее мѣсто, гдѣ Аристофанъ обращается къ французскому народу въ стихахъ, вполнѣ достойныхъ великаго комика. Этотъ отрывокъ, возвышенный, энергическій, мужественный, искупаетъ упрекъ, сейчасъ только сдѣланный нами поэту. Онъ и отвѣтъ Беккеру (le Rhin allemand) ясно доказываютъ, что равнодушный насмѣшникъ могъ, при случаѣ, возвыситься до истиннаго паѳоса.»

(*) Политика — увы! — вотъ наше несчастіе. Мои лучшіе друзья совѣтуютъ мнѣ заняться ею. Быть краснымъ сегодня, бѣлымъ завтра — нѣтъ, ни за что!

«Альфредъ де-Мюссе замѣчателенъ преимущественно какъ поэтъ; — изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы и прозаическія произведенія его не заслуживали вниманія. Въ числѣ повѣстей А. де-Мюссе есть вещь образцовая. Это — Frédéric et Bernerette. Вымыселъ этотъ заключается слезою, столь же чистою, какъ тѣ слезы, которыя исторгаетъ дѣйствительность (*).

«Кромѣ повѣстей и стихотвореній, А. де Мюссе издалъ два тома подъ названіемъ: «Comédies et Proverbes». Прелестныя пьески эти были замѣчены только тогда, когда даровитая актриса Алланъ привезла съ собой изъ Россіи «*Капризъ*», маленькую сцену, разыгранную въ ноябрѣ 1847 года на французскомъ театрѣ. Публика замѣтила сценическія дарованія Мюссе, и въ вѣнкѣ поэта прибавился новый листокъ. Не смотря на это, лучшія комедіи его не были поняты....

«А. де Мюссе, заключаетъ Лоранъ Пиша: — былъ сынъ своего вѣка. Онъ принималъ участіе во всѣхъ его борьбахъ и имѣлъ свою долю въ трофеяхъ. Его смерть вызоветъ безпристрастную оцѣнку его произведеній, судъ надъ которыми произнесется новымъ поколѣніемъ. Мы высказали наше мнѣніе о скептицизмѣ и индифферентизмѣ, проглядывающихъ въ этихъ произведеніяхъ, точно также, какъ въ прекрасномъ саду указали бы на ядовитые цвѣты и деревья. Это мнѣніе кажется намъ справедливымъ. Для чего дѣлать уступки тамъ, гдѣ похвала и безъ того перевѣшиваетъ порицаніе? Неужели жь для того только, чтобы угодить нѣкоторымъ друзьямъ и обманывать ихъ? Можетъ быть скажутъ, что наше сужденіе узко, что мы взвѣшиваемъ на однихъ вѣскахъ того, кто думаетъ, и того, кто дѣйствуетъ, капризъ и волю, поэта и политическаго дѣятеля. Мы предвидѣли это возраженіе и не боимся его. Въ снисхожденіи нуждаются дарованія молодыя и начинающія, — славѣ, признанной и упроченной, оно можетъ показаться оскорбленіемъ. Относительное правосудіе должно быть прилагаемо только къ слабымъ, а талантъ А. де Мюссе можетъ выдержать самую строгую и взыскательную критику.»

Англія, въ нынѣшнемъ году, тоже утратила одного изъ своихъ писателей. 8 іюня умеръ Дугласъ Джерольдъ, съ талантомъ котораго уже нѣсколько знакомы читатели нашего журнала (**).

Дугласъ Джерольдъ родился 3-го января 1803 года, въ Ширнесѣ. Онъ былъ сынъ директора Ширнесскаго театра. Съ раннихъ лѣтъ почувствовавши особенную склонность къ морской службѣ, онъ опредѣлился во флотъ и провелъ нѣсколько лѣтъ на кораблѣ, въ качествѣ гардемарина, послѣ чего поступилъ наборщикомъ въ одну изъ лондонскихъ типографій. Здѣсь онъ подружился съ однимъ изъ своихъ товарищей, по имени Бланшаромъ, который познакомилъ его съ сокровищами англійской литературы, начавши съ Шекспира. Дугласъ давно уже скучалъ своими механическими занятіями и въ свободное

(*) Повѣсть эта была переведена въ «Современникѣ», 1847 г., томъ III.

(**) Въ декабрьской книжкѣ «Современника» за 1854 годъ, переведены были два очерка Джерольда, подъ названіемъ: «Характеры».

время кое-что пописывалъ. Однажды, вмѣстѣ съ Бланшаромъ, отправился онъ въ театръ слушать Веберова «Фрейшюца». Музыка этой оперы произвела на Джерольда такое впечатлѣніе, что, возвратившись домой, онъ тотчасъ же сѣлъ писать статью объ оперѣ — и прописалъ всю ночь. Рано утромъ отнесъ онъ свою статью въ редакцію одного изъ лондонскихъ журналовъ. Каковъ же былъ восторгъ молодаго человѣка, когда, на другой день, факторъ принесъ ему для набора его же собственное произведеніе! Статья была замѣчена, и ободренный Джерольдъ рѣшился продолжать свои литературныя занятія. Вскорѣ послѣ того, онъ оставилъ типографію и написалъ драму подъ названіемъ «Черноглазая Сусанна». Ему былъ тогда 21 годъ. «Черноглазая Сусанна» имѣла успѣхъ необыкновенный. Она обошла всю Англію и даже спасла отъ банкротства многихъ театральныхъ директоровъ. Пріобрѣтши славу, Джерольдъ захотѣлъ денегъ. Онъ взялъ на откупъ Стрендтскій театръ и въ непродолжительномъ времени разжился довольно порядочно; но когда вслѣдъ за тѣмъ, къ нему перешло еще управленіе Дрюриленскаго театра, то все также скоро было и прожито. Тогда Джерольдъ бросилъ аферы и весь отдался литературѣ. Сначала былъ онъ редакторомъ первой иллюстрированной англійской газеты «Heads of people», потомъ перешелъ въ «Punch», гдѣ напечаталъ много прекрасныхъ статей всякаго рода. Онъ участвовалъ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; сверхъ того, писалъ романы и комедіи, изъ которыхъ многіе занимаютъ почетное мѣсто въ англійской литературѣ. Лучшимъ изъ его романовъ почитается: «Сенъ-Джилльсъ и Сенъ-Джемсъ».

Джерольдъ отличался замѣчательнымъ остроуміемъ и чисто британскимъ юморомъ. Память у него была необыкновенная. Онъ зналъ, напримѣръ, наизусть всего Шекспира. Съ иностранными литературами знакомъ онъ былъ также очень хорошо.

Всѣ знавшіе Джерольда уважали и любили его не только какъ писателя, но и какъ человѣка въ высшей степени добраго и благороднаго, безпощадно преслѣдовавшаго и каравшаго одно зло и неправду. Онъ умеръ, окруженный родными и друзьями, сохранивъ до послѣдней минуты своей жизни полное самосознаніе. По увѣренію «Атенея», Джерольдъ оставилъ послѣ себя въ рукописи пяти актную комедію подъ названіемъ «Расточитель».

Заговоривши о смерти, можно кончить очень не скоро. Что ни день, то новая утрата! Что ни день, то кого нибудь не досчитаешься въ рядахъ близкихъ и знакомыхъ! Что ни день.... впрочемъ, эти размышленія столь же стары, какъ сама смерть....

Сейчасъ только говорили мы о двухъ писателяхъ, вычеркнутыхъ изъ списка живыхъ, — а вотъ еще знакомое имя, ставшее «звукомъ пустымъ».

15 іюля, въ Вѣнѣ, умеръ на 67 году отъ рожденія, извѣстный композиторъ Черни.

Кто изъ играющихъ на фортепьяно не знаетъ этого имени? Кому не напомнитъ оно годы дѣтства, разстроенные клавикорды, серьёзнаго учителя или бѣдную учительницу музыки, бемоли, діэзы и большую, казавшуюся тогда столь ненавистною, книгу съ четкою надписью на переплетѣ: *École pour le piano, par Tchérny?* Кто иногда не проклиналъ этого почтеннаго имени, въ сотый разъ повторяя одну и ту же гамму, подъ немолчный аккомпаньементъ наставника: «un, deux, trois! un, deux, trois!»...

И вотъ его уже нѣтъ. Онъ не напишетъ болѣе ни одной экзерциціи, не издастъ никакой новой *École pour le piano.*

Черни былъ замѣчателенъ своею необыкновенною плодовитостью. Почитаемый за одного изъ плодовитѣйшихъ композиторовъ, Гуммель написалъ около 112 пьесъ; Черни—около 1,000. Легкость и скорость, съ которыми онъ писалъ,—изумительны. Въ этихъ свойствахъ съ нимъ только и могутъ соперничать двое: Коцебу—въ словесности, и Джіордано — въ живописи.

Экзерциціи Черни, по мнѣнію критиковъ, имѣютъ несомнѣнныя достоинства. Вообще, онъ очень много способствовалъ развитію музыкальной техники. Какъ оригинальный композиторъ, какъ творецъ, Черни стоитъ гораздо ниже. Во всѣхъ большихъ пьесахъ своихъ онъ является эклектикомъ.

Черни былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми музыкальными знаменитостями своего времени: Бетховеномъ, Шубертомъ, Гуммелемъ, Тальбергомъ. Листъ, Долеръ и многія другія звѣзды второй величины были даже его учениками. До самого конца своей жизни, онъ сохранилъ самую страстную любовь къ искусству: его можно было видѣть на всѣхъ, сколько нибудь замѣчательныхъ, концертахъ въ Вѣнѣ. Къ чести Черни, должно сказать, что онъ никогда не слѣдовалъ голосу зависти или недоброжелательства, и всегда старался находить хорошія стороны въ игрѣ и композиціи своихъ собратій по искусству. Начинающимъ онъ оказывалъ истинно отеческое покровительство.

Европа все еще ждетъ кометы, долженствующей уничтожить бѣдную землю со всѣми ея бѣдными обитателями. Недавно даже пронесся слухъ, что страшная гостья уже показалась гдѣ-то за Беринговымъ проливомъ и вотъ—вотъ она явится къ намъ.... Статистическія таблицы преступленій, говорятъ, сдѣлались повсемѣстно гораздо короче.... А между тѣмъ, кометы все еще нѣтъ!

Вотъ что пишетъ объ этомъ парижскій астрономъ Бабинѐ, самъ, между прочимъ, и надѣлавшій всю эту тревогу:

«Послѣ смѣшныхъ страховъ, овладѣвшихъ столь многими въ последнее время, какъ-то даже не имѣешь духу произнести серьёзно слова: комета. Я говорилъ уже, что въ прошломъ, 1856 году, не было видно ни одной кометы. Тѣмъ не менѣе, ожиданіе кометы Карла V, долженствующей появиться между 1856 и 1860 годами, заставило наблюдателей быть на сторожѣ. Въ настоящемъ году замѣчено

уже три кометы. Одна изъ нихъ видима въ телескопъ сегодня (*), и будетъ видима еще двѣ недѣли, при отсутствіи луны. Эта телескопическая комета, неизвѣстно почему, обратила на себя вниманіе парижской публики. Она не имѣетъ ничего общаго съ большою кометою, ожидаемою между 1856 и 1860 годами, которую видно будетъ простыми глазами. Вычисленія Вильярсо опредѣляли уже путь этого незначительнаго свѣтила, которое, черезъ нѣсколько дней, исчезнетъ, въ созвѣздіи Льва. Опредѣлить — почему эта жалкая комета обратила на себя вниманія больше, чѣмъ двѣ ей предшествовавшія — кажется мнѣ рѣшительно невозможнымъ.

«Я получилъ очень много писемъ съ благодареніями за объясненія, которыми я старался разсѣять нелѣпые страхи, возбужденные ожиданіемъ воображаемой кометы 13 минувшаго іюня. Тоже самое, и, можетъ быть, еще лучше, сдѣлалъ бы каждый изъ моихъ товарищей по Академіи Наукъ. Я удивляюсь только тому, что я долженъ былъ напоминать публикѣ эти азбучныя истины. Это невольно приводитъ меня къ тому печальному заключенію, что здравымъ смысломъ мы похвалиться не можемъ. Онъ до сихъ поръ еще встрѣчаетъ у насъ страшное соперничество со стороны невѣжества, воображенія и той потребности тревожныхъ ощущеній, которая составляетъ мученіе и счастье человѣческой души».

Въ вознагражденіе за комету, которую ждутъ и не дождутся, Бабинè обѣщаетъ въ будущемъ мартѣ мѣсяцѣ кольцеобразное солнечное затмѣніе — «Une très belle éclipse», какъ онъ выражается. Точно такія же затмѣнія будутъ въ іюлѣ 1860 года и въ декабрѣ 1861. Послѣднее будетъ видимо почти во всей Европѣ. Въ ноябрѣ того же года планета Меркурій пройдетъ передъ солнцемъ. Подобное явленіе уже было замѣчено въ 1848 году.

Кстати объ астрономахъ и астрономіи.

Въ Штуттгартѣ, профессоръ Фришъ предпринялъ изданіе полнаго собранія твореній Кеплера. Отдѣльныя сочиненія знаменитаго ученаго находятся въ разныхъ старыхъ изданіяхъ, но многое, оставшееся послѣ него въ рукописи, еще досе лѣ не появлялось въ свѣтъ. Сочиненія Кеплера, въ послѣднее время, сдѣлались почти библіографическою рѣдкостью.

Къ настоящему изданію, долженствующему состоять изъ восьми томовъ, присоединены будутъ біографія Кеплера и его письма. Все изданіе обогатится многочисленными примѣчаніями и поясненіями. Много матеріаловъ сообщено Фришу нашею Академіею Наукъ и директоромъ Пулковской обсерваторіи, въ которой хранится нѣсколько замѣчательныхъ рукописей Кеплера.

Издатель надѣется окончить предпріятіе свое тогда лишь, когда всѣ издержки изданія покроются, по крайней мѣрѣ, подпискою. Цѣна предполагается самая умѣренная—три серебряныхъ гроша съ листа.

(*) 17 іюля.

Имена подписчиковъ приложатся къ первому тому. Сочиненія Кеплера, обнимающія столько разнообразныхъ предметовъ изъ областей почти всѣхъ наукъ, могутъ быть интересны не для однихъ математиковъ.

Наше время не совсѣмъ дружелюбно смотритъ на стихотворенія; «языкъ боговъ», какъ выражались въ старину, утратилъ для него всякое значеніе. Наше время, по увѣренію нѣкоторыхъ *серьёзныхъ* юношей, — время по преимуществу *серьёзное*: оно занимается одними *серьёзными* вопросами, читаетъ однѣ *серьёзныя* книги, любитъ однихъ *серьёзныхъ* людей. Нужно имѣть много смѣлости, чтобы въ это *серьёзное* время появиться съ книжкой какихъ нибудь «весеннихъ воспоминаній» или «веселыхъ пѣсень», появиться тогда, когда по сторонамъ всѣ толкуютъ о желѣзныхъ дорогахъ и тарифахъ, о кредитныхъ установленіяхъ и свободѣ торговли. Авторъ рискуетъ многимъ: во 1-хъ, онъ рискуетъ быть просто незамѣченнымъ; во 2-хъ, онъ рискуетъ быть жестоко разруганнымъ, разруганнымъ не потому, чтобы «весеннія воспоминанія» его были плохи, а потому только, что они—*весеннія;* въ 3-хъ, наконецъ, онъ рискуетъ быть обличеннымъ въ *постыднѣйшемъ индифферентизмѣ, въ отвратительнѣйшемъ себялюбіи* и т. д. Заниматься «весенними воспоминаніями», разсказывать о *субъективныхъ* впечатлѣніяхъ въ то время, когда *возбуждено* столько *серьёзныхъ* вопросовъ— невозмутительно ли это, въ самомъ дѣлѣ?

А между тѣмъ, не переводятся такіе смѣльчаки. Вотъ еще нѣкто Луи Ратисбоннъ является передъ парижской публикой съ томикомъ стихотвореній подъ названіемъ «Весною жизни»—«Au printemps de la vie.»

Луи Ратисбоннъ, кажется, самъ сознаетъ всю безразсудную смѣлость своего поступка. Вотъ что говоритъ онъ въ предисловіи къ своимъ стихотвореніямъ :

«Когда я сообщилъ моему издателю, какое названіе хочу я дать своей книгѣ, издатель мой, человѣкъ очень простодушный и знающій вкусъ публики, отвѣчалъ мнѣ: «Дурное названіе! Публика *догадается*, что это стихи.» Изъ этого можно заключить, что автору всячески слѣдуетъ стараться увѣрять благосклоннаго покупателя въ томъ, что онъ, покупатель, пріобрѣтаетъ не стихи, а прозу, предоставляя ему насладиться пріятнымъ сюрпризомъ тогда только, когда книга уже куплена. Можетъ быть, для успѣха моего произведенія, мнѣ бы слѣдовало дать ему названіе: «Биржевый спекуляторъ или практическое руководство для акціонеровъ»? Но уже поздно! «Alea jacta est!» Книга моя называется: «Весною жизни.»

«Весною жизни! Въ ту пору, когда цвѣтутъ сирени и незабудки; въ пору свѣтлыхъ надеждъ, грёзъ и мечтаній; въ пору возвышенныхъ вѣрованій и безконечныхъ стремленій; въ ту пору, когда и природа кажется плѣнительнѣе, и люди лучше, когда вѣришь и въ любовь и во все прекрасное, — въ ту пору, покоряясь истинному чувству, писалъ я эти стихи, которые теперь какой-то злой духъ заставляетъ меня сдѣлать извѣстными.

«Увы! весна моя прошла! Я приближаюсь къ осени! Я поддаюсь коварному внушенію и отдаю на судъ публики тетрадь моихъ юношескихъ опытовъ, выкинувши изъ нея предварительно самое слабое или самое задушевное. Найдутъ ли въ этой тетради хоть что нибудь юношески-прекрасное? Желаю этого, хотя и не надѣюсь. Но если критика возвратитъ мнѣ мою книгу провозгласивши, что въ ней нѣтъ ничего? Но если мой издатель объявитъ мнѣ, что, читая мои стихотворенія, публика не *догадалась*, что это поэзія?... Вотъ чему я подвергаюсь!...»

Г. Луи Ратисбоннъ былъ пріятно обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ: публика *догадалась*, что въ его книгѣ есть поэзія, и приняла ее очень хорошо.

Приводимъ кстати одно изъ послѣднихъ произведеній г. Ратисбонна. Это переводъ одного англійскаго стихотворенія, посвященнаго памяти Дугласа Джерольда, о которомъ мы сейчасъ только говорили нашимъ читателямъ:

La mort a donc couché cette téte hardie!
Cet oeil large et brillant s'est éteint au tombeau!
Cette âme où chaque éclair faisait un incendie,
Cet ésprit tout de flamme a soufflé son flambeau!
Sa plume d'encre amère a pu sembler trempée;
Nous qui l'avons connu pouvions apprecier
L'homme, et nous savions que sa tranchante épée,
Elle était à la fois épée et bouclier!
Cette épée, au milieu de la grande bataille,
Contre l'humble jamais il ne s'en est armé:
Elle frappait le fort et d'estoc et de taille,
Mais elle protégeait le faible et l'opprimé!
Pour tous, quand il pouvait, il avait un service,
Pour les plus malheureux il gardait l'amitié.
Ces yeux bleus qu'allumait si vite l'injustice,
Aussi vite ils étaient mouillis par la pitié!
Ce n'est pas seulement, quoiqu'il fut plein de charmes,
Pour cet ésprit si fin, de tant de grâce orné,
Que nous pleurons sa perte avec de tendres larmes,
Et que nous nous penchons sur ce front meissoné—
Pour y placer au moins la palme qu'il réclame.
C'est un vaillant soldat qui nous a dit adieu. (*).

(*) Смерть уложила эту смѣлую голову! Этотъ блестящій взоръ погасъ въ могилѣ! Эта душа, въ которой каждая искра производила пожаръ, этотъ огненный духъ задулъ свой свѣточъ! Перо его казалось пропитаннымъ горечью; мы, знавшіе его, мы можемъ оцѣнить въ немъ человѣка, и мы знаемъ, что его острый мечъ былъ и мечъ и щитъ. Мечъ этотъ, въ минуту великой битвы, не поднимался никогда на беззащитнаго: онъ рубилъ съ плеча сильнаго и защищалъ слабаго и угнетеннаго. Онъ радъ былъ служить всѣмъ, когда могъ; онъ былъ другомъ несчастныхъ. Его голубые глаза, въ которыхъ неправда зажигала такъ быстро негодованіе, быстро увлажались слезою сострадавія. Не за одинъ только его умъ, исполненный грацін и очарованія, оплакиваемъ мы его такими горькими слезами и возлагаемъ на его чело пальмовую вѣтвь, — мы прощаемся въ немъ съ мужественнымъ бойцемъ....

Интереснѣйшую новость парижскихъ театровъ составляетъ возвращеніе въ Парижъ Мадлены Броганъ, которою всю прошлую зиму восхищалась наша петербургская публика. Мадлена Броганъ дебютировала уже въ «Мизантропѣ» Мольера и «Венцеславѣ» Ротрў — съ прежнимъ, блестящимъ, успѣхомъ. Парижане находятъ только, что Россія нѣсколько во зло употребила свое славянское гостепріимство: прелестная артистка, говорятъ они, проведя зиму въ Петербургѣ, стала... далеко не столь эфирна, какъ была прежде.

Мы было хотѣли пересказать нашимъ читателямъ содержаніе новой драмы Деннерй: *Les chevaliers du brouillard*, — но это совершенно не возможно. Въ «Рыцаряхъ Тумана» все, въ самомъ дѣлѣ, до такой степени туманно, что не только для созданія, но даже просто для пониманія подобнаго произведенія необходимо быть одарену колоссальными способностями самого г. Деннерй. Герой драмы — извѣстный англійскій бандитъ Джакъ Шеппардъ. На сценѣ — таверны, тюрьмы, мрачныя улицы, мать, отъискивающая сына, баронетъ, преслѣдующій своего племянника, падшія женщины, добродѣтельные разбойники, выстрѣлы, кровь, слёзы, проклятія — и надъ всѣмъ этимъ — туманъ, туманъ и туманъ....

Туманъ, говорятъ, дѣлаетъ величайшую честь машинисту и декоратору.

Тѣже элементы, за исключеніемъ тумана и съ прибавленіемъ привидѣній, господствуютъ въ другой драмѣ, именующейся: «Les compagnons de Jéhi». Сюжетъ этой драмы заимствованъ изъ романа Дюма — отца.

Обѣ пьесы, впрочемъ, имѣютъ успѣхъ, благодаря возбуждаемымъ ими нервическимъ потрясеніямъ, до которыхъ такая охотница парижская публика.

Но если настоящее парижскихъ театровъ очень не богато замѣчательными новостями, то въ будущемъ имъ готовится много наслажденій: знаменитый авторъ «Полу-свѣта» и «Денежнаго вопроса», Дюма 2 или Дюма — сынъ, готовитъ къ осени новую пьесу, которую уже теперь, еще до окончанія ея, оспариваютъ другъ у друга гг. Божоръ и Монтиньи, директоры театровъ Vaudeville и Gymnase. Пьеса эта носитъ названіе: «Enfant naturel», но не смотря на такое названіе, говорятъ, въ высшей степени нравственна.

Въ Лондонѣ, въ іюлѣ нынѣшняго года, былъ рядъ концертовъ — *монстровъ,* данныхъ въ память Генделя. Концерты эти происходили въ залѣ кристальнаго дворца, великолѣпно по этому случаю убранной. На нихъ участвовало болѣе 2,500 пѣвцовъ и музыкантовъ. Портретъ Генделя, работы Деннера, повѣшенъ былъ на огромномъ органѣ, стоявшемъ на самомъ видномъ мѣстѣ. Число посѣтителей простиралось въ первые дни до 17,000. Огромная зала, наполненная этою пестрою толпою, по словамъ очевидцевъ, представляла чрезвычайно — эффектное зрѣлище.

Торжество открылось выполненіемъ «Мессіи». Величественное «аллилуйя» произвело на зрителей впечатлѣніе чрезвычайное. Всѣ взоры невольно обратились къ портрету Генделя. Вслѣдъ за «Мессіей», въ теченіе первой недѣли, исполнены были «Іуда Маккавей» и лучшее произведеніе Генделя: «Израиль въ Египтѣ.» Знаменитое соло: «Коня и всадника вверже въ море» превосходно пропѣто было пѣвицею Кларой Новелло, которую англійскія газеты упрекаютъ только за то, что она дозволила себѣ одну смѣлую фіоритуру, нѣсколько повредившую геніальной простотѣ музыки Генделя. Всѣ прочія ораторіи выполняемы были весьма удовлетворительно, принимая во вниманіе всю трудность управленія гигантскимъ хоромъ, состоявшимъ, какъ мы уже сказали, изъ 2,500 пѣвцовъ и музыкантовъ. Знатоки жалуются только на то, что резонансъ залы кристальнаго дворца далеко неудовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ акустики.

Кончимъ наши замѣтки извѣстіемъ, что съ Верди заключенъ контрактъ, по которому знаменитый композиторъ обязался, къ 1859 году, написать для нашего театра, оперу — за 80,000 франковъ.

Сообразно Высокому желанію Его Великогерцогскаго Высочества Принца Георгія Мекленбургскаго, мы помѣщаемъ здѣсь сообщенную намъ отъ имени Его Высочества, программу конкурса на составленіе плана для домовъ, которые Общество, образовавшееся подъ покровительствомъ Его Высочества, предполагаетъ построить съ цѣлію доставленія дешевыхъ и удобныхъ помѣщеній людямъ недостаточнаго состоянія въ С.-Петербургѣ.

«Въ журналѣ «Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» іюня текущаго года, № 6 и нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ изданіяхъ напечатана статья о Высочайше одобренномъ предположеніи учредить въ С.-Петербургѣ Общество на акціяхъ для улучшенія помѣщеній рабочаго сословія и вообще людей недостаточнаго состоянія, — предпріятіи, которое принялъ подъ свое высокое покровительство Его Великогерцогское Высочество Герцогъ Георгій Мекленбургскій, супругъ Государыни Великой Княгини Екатерины Михаиловны, и учредителями котораго: вдова полковника А. К. Карамзина, гофмейстеръ сенаторъ Хрущовъ, С.-Петербургскій предводитель дворянства графъ Шуваловъ, членъ Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ Абаза, флигель-адъютантъ графъ Бобринскій, придворный банкиръ баронъ Штиглицъ и инженеръ-полковникъ Палибинъ.

«Въ этой статьѣ подробно объяснены побудительныя причины и цѣль сего предпріятія, какимъ образомъ правительственныя изслѣдованія обнаружили недостаточность числа и крайне худое состояніе помѣщеній, существующихъ въ С.-Петербургѣ для рабочаго сословія, и какъ необходимо помочь этому недостатку посредствомъ частной, разумной предпріимчивости, основанной на соединенныхъ началахъ благотворительности и коммерческаго разсчета.

«Въ заключеніе статьи сказано, что учредители Общества намѣрены прежде всего объявить конкурсъ на составленіе такого плана

предполагаемыхъ помѣщеній, который соединялъ бы въ себѣ всѣ удобства будущихъ жильцовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выгоды акціонеровъ, возможную дешевизну постройки со всѣми условіями помѣщенія теплаго, чистаго, свѣтлаго, снабженнаго всѣмъ, что для человѣка трудоваго составляетъ не роскошь, но справедливую потребность.

«Нынѣ предположенный конкурсъ симъ объявляется.

«Учредители обращаются ко всѣмъ опытнымъ нашимъ архитекторамъ съ полною увѣренностію, что они не откажутъ имъ въ своемъ просвѣщенномъ содѣйствіи къ составленію техническаго предположенія, которое должно служить кореннымъ основаніемъ, главною исходною точкою для всѣхъ дальнѣйшихъ соображеній и разсчетовъ къ осуществленію благодѣтельной цѣли, вполнѣ достигнутой уже въ другихъ столицахъ и составляющей у насъ одну изъ существеннѣйшихъ, современныхъ потребностей.

«Условія конкурса слѣдующія:

1) Плановъ должно быть составлено два, какъ будетъ объяснено ниже, и къ каждому изъ нихъ приложены, кромѣ обыкновенныхъ объясненій мысли и системы сочинителя, подробныя исчисленія или смѣты съ ясными и положительными выводами, что постройка возможна съ осуществленіемъ тѣхъ непремѣнныхъ условій, безъ которыхъ Общество не можетъ состояться и о которыхъ будетъ сказано ниже.

Примѣчаніе. Впрочемъ, по желанію составителя, можетъ быть представленъ къ конкурсу и одинъ планъ на одинъ изъ предполагаемыхъ домовъ съ надлежащими къ оному объяснительными приложеніями.

2) Какъ мѣста для устройства домовъ еще не избраны, то при составленіи плановъ надлежитъ руководствоваться общими соображеніями, имѣя въ виду размѣры обывательскихъ мѣстъ, наиболѣе встрѣчающихся въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ предназначаются постройки. (*) Для опредѣлительности задачи полагается, что мѣста будутъ сквозныя, на двѣ улицы, длиною 20 сажень по каждой улицѣ, и глубиною 30 сажень.

3) Особенной отдѣлки въ планахъ не требуется. Достаточно, если они будутъ ясно выражать мысль сочинителя въ планѣ и разрѣзахъ и содержать необходимыя для уясненія разсчетовъ техническія подробности.

4) Срокъ представленія плановъ назначается 1 декабря сего 1837 года.

(*) Выгоднѣйшими для постройки домовъ признаются между прочимъ слѣдующія мѣстности: для дома А. Васильевскій Островъ. Коломна около Тюрьмы; для дома Б. окрестности Сѣнной площади, Толкучаго рынка, Чернышева моста и проч.

5) Планы должны быть присылаемы въ Штабъ Его Великогерцогскаго Высочества, инспектора Стрѣлковыхъ баталіоновъ, въ Большой Милліонной, въ домѣ Маврина, въ запечатанныхъ конвертахъ съ надписью: «планъ дома для помѣщенія людей недостаточнаго состоянія.» При каждомъ планѣ долженъ находиться подробный адресъ сочинителя, а на самомъ планѣ и на всѣхъ къ оному приложеніяхъ собственноручная его подпись.

6) Доставленные такимъ образомъ планы, будутъ оставаться нераспечатанными до 15 того же декабря, а по истеченіи сего срока, будетъ приступлено Учредителями къ разсмотрѣнію и обсужденію оныхъ.

7) Сочинителю проэкта, который будетъ признанъ вполнѣ удовлетворяющимъ условіямъ программы, будетъ сообщено о томъ особою повѣсткою съ приглашеніемъ воспользоваться предлагаемою Учредителями преміею за каждый одобренный проэктъ по 500 рублей серебромъ. Сверхъ того, Учредители предоставляютъ себѣ по усмотрѣнію войти съ сочинителемъ одобреннаго ими плана въ соглашеніе о принятіи имъ на себя самаго устройства помѣщеній. Объ избранномъ планѣ будетъ объявлено учредителями въ публичныхъ вѣдомостяхъ.

«Программа для сочиненія плановъ.

Учредители, по ближайшемъ и тщательномъ соображеніи, на первый разъ остановились на двухъ главныхъ разрядахъ лицъ, нуждающихся у насъ въ удобныхъ и дешевыхъ помѣщеніяхъ.

Къ первому разряду принадлежатъ чиновники, получающіе жалованье не свыше 200 или 300 руб. сер. въ годъ и другіе разнаго званія недостаточные люди, подходящіе подъ этотъ разрядъ по своему образу жизни, привычкамъ, потребностямъ и денежнымъ средствамъ и которые не въ состояніи платить за квартиру съ дровами болѣе, какъ отъ 30 до 45 руб. и не свыше 60 руб. сер. въ годъ.

Ко второму разряду относятся рабочіе и промышленники всякаго рода, производящіе промыслы свои внѣ своихъ квартиръ или если и занятые на квартирахъ, но по одиначкѣ и при томъ такими работами, которыя не требуютъ заведенія, разумѣя подъ этимъ словомъ мастерскую, со всѣми необходимыми принадлежностями, большею частію довольно многосложными, и извѣстнымъ числомъ постоянныхъ при оной работниковъ. Къ этому разряду будутъ относиться напримѣръ разнаго рода разнощики, маляры, кровельщики, обойщики, одинокіе поштучные портные, и всякіе т. п. мелкіе промышленники и рабочіе, большею частію холостые, а иногда и семейные, платящіе нынѣ за помѣщеніе съ дровами отъ 10 и не свыше 30 руб. сер. въ годъ.

Примѣчаніе. Значительный разрядъ рабочихъ временно, на лѣто, для разныхъ работъ, какъ-то: каменной, плотничной, печной и т. п., приходящихъ и большею частію живущихъ артелями при самыхъ воз-

водимыхъ ими постройкахъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ на первый разъ оставленъ внѣ круга настоящихъ предположеній.

Посему и проэкты, требуемые конкурсомъ, должны относиться къ означеннымъ *двумъ разрядамъ*, разумѣя для каждаго изъ нихъ отдѣльный проэктъ.

Ближайшія требованія программы суть: 1) общія для обоихъ плановъ, и 2) особенныя для каждаго изъ нихъ отдѣльно.

I. Условія общія для обоихъ проэктовъ.

1) Главная задача предпріятія, а слѣдовательно и составленія плана заключается въ томъ, чтобы съ одной стороны предполагаемые жильцы могли имѣть помѣщеніе *не дороже*, а если можно и даже *нѣсколько дешевле* тѣхъ, которыя они теперь нанимаютъ, но съ несравненно бо́льшими удобствами, а съ другой, чтобы общая наемная плата съ дома составляла не менѣе восьми процентовъ съ употребленнаго на постройку капитала, дабы можно было привлечь необходимое число акціонеровъ вѣрнымъ и достаточнымъ дивидентомъ, и, сверхъ того, покрыть всѣ необходимые по содержанію и ремонту дома расходы.

2) На семъ основаніи первымъ достоинствомъ постройки должна быть величайшая простота и дешевизна, границами коей должны быть необходимыя требованія прочности. Наружный видъ, фасадъ, не должны быть лишены вкуса, но безъ всякой роскоши, безъ всякихъ ненужныхъ, излишнихъ украшеній. При внутреннемъ расположеніи должна быть соблюдена величайшая экономія мѣста. Лѣстницы, корридоры, сообщенія должны быть удобны, но расположены съ величайшею разсчетливостью, чтобъ не терялось мѣсто, которое могло бы приносить доходъ.

Внутренняя отдѣлка должна соотвѣтствовать справедливымъ потребностямъ жильцовъ, преимущественно ихъ здоровью, но также безъ всякаго излишества.

3) Дома должны имѣть не болѣе пяти этажей, не считая подвальнаго, въ которомъ жилья не предполагается.

4) Всѣ квартиры должны быть снабжены вполнѣ достаточнымъ свѣтомъ; корридоры, проходы и отхожія мѣста должны быть освѣщены надлежащимъ образомъ.

5) Во всѣхъ помѣщеніяхъ, а также корридорахъ, проходахъ и прочихъ сообщеніяхъ долженъ сохраняться постоянно одинаковый, чистый воздухъ, посредствомъ простой, дешевой, удобно-дѣйствующей вентиляціи.

6) Во всѣ помѣщенія должны быть проведены вода и гасъ, въ достаточномъ количествѣ По крайней мѣрѣ вода должна находиться въ близкомъ разстояніи отъ нѣсколькихъ группъ помѣщеній.

7) Отопленіе должно быть и общее всего дома, и отдѣльное для каждой квартиры. Общее отопленіе должно быть устроено для корридоровъ, внутреннихъ сообщеній и самыхъ квартиръ, за исключеніемъ кухонь, которыя должны отапливаться отдѣльно. То и другое отопле-

ніе должно быть основано на самыхъ дешевыхъ, простыхъ, усовершенствованныхъ способахъ. Всякій отдѣльный этажъ долженъ быть снабженъ удобнымъ способомъ подъема и храненія, достаточнаго по числу въономъ квартиръ, количества топлива примѣрно на одну недѣлю или, по крайней мѣрѣ, на три дня.

8) Печи, плиты и топки вообще должны занимать какъ можно менѣе мѣста, а особенно не занимать и не портить мѣстъ, преимущественно удобныхъ для постановки кроватей и другихъ необходимыхъ жизненныхъ принадлежностей. Тоже слѣдуетъ соблюсти въ отношеніи дверей и оконъ. Печи должны быть, сверхъ того, устроены такъ, чтобы тепло расходилось сколь можно ровно и сохранялось сколь можно долѣе.

9) Каждое отдѣльное помѣщеніе должно имѣть удобный и простой способъ очищенія отъ сора и нечистоты, и притомъ такъ, чтобы нечистоты отъ каждой квартиры стекали удобно и безъ застоя въ одинъ или два общихъ пріемника. (*)

10) Каждое отдѣльное помѣщеніе, или, по крайней мѣрѣ, каждая группа помѣщеній, должны имѣть особое теплое отхожее мѣсто, съ устраненіемъ всякаго зловонія, и съ системою очищенія, согласованною съ способомъ очищенія отъ прочихъ нечистотъ.

11) Въ корридорахъ должны быть, въ надлежащихъ мѣстахъ, помѣщены стеклянныя дверныя перегородки для устраненія сквознаго вѣтра. Въ наружныхъ дверяхъ, сверхъ того, должны быть тамбуры. Всѣ двери внутреннихъ помѣщеній будутъ гладкія, одностворныя съ простыми, но прочными приборами; оконныя же перекладины подъемныя, по образцу голландскихъ и англійскихъ, съ соблюденіемъ экономіи въ размѣрахъ стеколъ.

12) Полы, какъ въ помѣщеніяхъ, такъ и въ корридорахъ, должны быть цементные или изъ терра-котта.

13) При каждомъ домѣ должны быть помѣщенія: а) для семейнаго смотрителя съ необходимыми хозяйственными принадлежностями; б) для конторы; в) для нижнихъ служителей, дворниковъ и т. п. и при оныхъ кухня, небольшая кладовая, погребъ и проч.; г) для небольшой больницы собственно для поданія немедленной помощи въ особенныхъ, исключительныхъ случаяхъ, для родовъ и т. п.; д) для выставки мертвыхъ тѣлъ въ ожиданіи распоряженія о похоронахъ; е) наконецъ общія прачешныя. Для сихъ послѣднихъ надлежитъ лишь указать въ проэктѣ удобное мѣсто, считая примѣрно одну двадцать-четвертую часть прачешныхъ отдѣленій или стоекъ противъ числа квартиръ. Подробности устройства подобныхъ прачешныхъ слишкомъ извѣстны изъ заграничныхъ плановъ, вполнѣ и у насъ примѣнимыхъ.

Примѣчаніе Всѣ упоминаемыя въ этомъ пунктѣ помѣщенія должны находиться по возможности въ одномъ мѣстѣ, т. е. въ одной связи, и

(*) Въ крайности спускъ для нечистотъ можетъ быть общій для нѣкоторой группы отдѣльныхъ помѣщеній. Это должно относиться болѣе къ квартирамъ одинокимъ.

при томъ вблизи главнаго входа въ домъ. Вообще входовъ должно быть не много для удобства наблюденія.

14) Руководствомъ для составленія плановъ могутъ служить планы подобныхъ учрежденій въ Лондонѣ, Парижѣ, Мюльгаузѣ, Берлинѣ и другихъ значительныхъ городахъ Европы, но съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыхъ требуютъ нашъ климатъ, наши нравы и обычаи.

15) При домахъ должны быть достаточные склады для топлива. Склады сіи могутъ быть устроены въ подвальныхъ этажахъ.

II. Условія особенныя для каждаго изъ домовъ.

А. *Для помѣщенія чиновниковъ, получающихъ не болѣе 300 руб. сер. жалованья въ годъ и другихъ недостаточныхъ людей разнаго званія, подходящихъ подъ этотъ разрядъ по своему образу жизни и денежнымъ средствамъ.*

1) Квартиры должны быть семейныя и холостыя.

2) Въ каждомъ этажѣ должны быть и тѣ и другія, по усмотрѣнію сочинителя плана (*).

Но при этомъ слѣдуетъ наблюсти, чтобы въ нижнихъ этажахъ было болѣе семейныхъ квартиръ, нежели холостыхъ, и чтобы большія семейныя квартиры находились также предпочтительно въ нижнемъ же этажѣ.

3) Сверхъ того, надлежитъ имѣть нѣсколько комнатъ для общаго найма отъ шести до восьми человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы, буде таковыя помѣщенія не понадобятся, то можно бы раздѣлить оныя на отдѣльныя холостыя квартиры въ одну и двѣ комнаты (какъ будетъ сказано ниже) посредствомъ деревянныхъ перегородокъ.

4) Семейныя квартиры должны заключать въ себѣ не менѣе трехъ и не болѣе пяти комнатъ. Въ числѣ трехъ комнатъ должны заключаться непремѣнно: одна общая или пріемная, одна спальня и кухня съ достаточнымъ помѣщеніемъ для домашней посуды, стола для приготовленія кушанья, большаго ушата для помоевъ, одного или двухъ табуретовъ и ватерклозета, если признано возможнымъ тутъ его устроить, за тѣмъ еще складомъ для топлива на два дня и спускомъ для сора и нечистотъ, если спуски будутъ избраны въ каждомъ отдѣльномъ помѣщеніи, что было бы весьма желательно для семейныхъ квартиръ. Прочія двѣ комнаты, въ большихъ квартирахъ, предполагаются для дѣтскихъ спаленъ (**).

5) Квартиры холостыя должны состоять изъ одной и не болѣе двухъ комнатъ. Въ послѣднемъ случаѣ одна изъ комнатъ предназначается для спальной, другая для кабинета или пріемной.

(*) Изъ числа семейныхъ квартиръ желательно, чтобы было болѣе о четырехъ и пяти комнатахъ, нежели о трехъ, считая въ этомъ послѣднемъ числѣ и кухню.

(**) Входы въ эти спальни желательно расположить такъ, чтобы дѣти проходили непремѣнно чрезъ комнату родителей. Это полезно для удобнѣйшаго за дѣтьми наблюденія.

6) Величина каждой комнаты, (*) какъ въ семейной такъ и въ холостой квартирахъ, должна быть не менѣе двадцати квадратныхъ аршинъ и не болѣе тридцати квадратныхъ аршинъ, а вышина не менѣе трехъ съ половиною аршинъ. Вообще все помѣщеніе для одной семьи должно быть не менѣе шестидесяти квадратныхъ аршинъ въ совокупности. Величина оконъ должна быть въ соразмѣрности.

7) Для удобства преимущественно дѣтей, желательно устроить наружныя широкія галлереи, съ высокими безопасными перилами, такъ чтобы въ жаркое время взрослые дѣти могли пользоваться свѣжимъ воздухомъ безъ всякой для себя опасности.

8) Надъ верхнимъ этажемъ снаружи или иномъ удобномъ и для всѣхъ этажей доступномъ мѣстѣ, полезно бы устроить открытую площадку, на которую жильцы могли бы выносить разную домашнюю рухлядь, для вывѣтриванія и выколачиванія.

9) Въ домѣ желательно имѣть: а) библіотеку и вмѣстѣ залу для чтенія; б) комнату для дѣтской школы; в) общую столовую для холостыхъ и въ связи съ оной: г) общую кухню съ одною или нѣсколькими плитами и котломъ или котлами, въ которыхъ, въ извѣстные часы, постоянно содержалась бы горячая вода.

10) Наконецъ при домѣ желательно имѣть небольшой садъ, простаго устройства, съ удобнымъ для всѣхъ жильцовъ доступомъ и который въ лѣтнее время доставлялъ бы имъ пріятную и благотворную прохладу, а дѣтямъ полезное движеніе.

Б. *Для помѣщенія рабочихъ и промышленниковъ всякаго рода, производящихъ свои промыслы внѣ своихъ квартиръ, или если и занятыхъ на квартирахъ, но по одиначкѣ и при томъ такими работами, которыя не требуютъ особаго заведенія, т. е. мастерской съ извѣстнымъ числомъ постоянныхъ при оной рабочихъ.*

1) Квартиры должны быть преимущественно общія или артельныя, за тѣмъ одинокія или холостыя, а также въ небольшомъ числѣ семейныя.

2) Общія или артельныя квартиры должны состоять изъ одной большой комнаты для помѣщенія отъ десяти до пятнадцати человѣкъ, считая на каждаго человѣка пространства не менѣе десяти квадратныхъ аршинъ, или сколько нужно для постановки кровати или нары, небольшаго комода для вещей или столика и табурета. При этомъ вышина комнаты должна быть не менѣе трехъ съ половиною аршинъ.

3) При каждой таковой общей комнатѣ должна быть небольшая кухня и жилая комната или одинокая квартира для кухарки.

4) Артельныя комнаты, особливо меньшаго размѣра, должны быть расположены такъ, чтобъ въ случаѣ надобности, двѣ или три изъ нихъ могли легко соединяться въ одну для помѣщенія бо́льшей артели.

(*) Кромѣ кухни, размѣръ которой должно сообразить съ тѣмъ, что̀ сказано объ ней выше въ пунктѣ 4.

5) Комнаты одинокія или для холостыхъ желательно расположить по обѣимъ сторонамъ общаго широкаго, свѣтлаго корридора, въ который должны выходить всѣ двери. Онѣ могутъ быть разгорожены деревянными достаточно высокими перегородками.

6) Каждая комната или перегородка должна имѣть особое окно и заключать въ себѣ пространство не менѣе 20 квадратныхъ аршинъ, такъ чтобы можно было въ оной помѣстить кровать, комодъ, небольшой столъ, скамью или два табурета, и за тѣмъ оставалось бы довольно свободнаго мѣста для движенія и рукодѣлья человѣка.

Примѣчаніе: Отхожія мѣста и спускъ для сора и нечистотъ могутъ быть устроены по удобству общія, на нѣкоторое число одинокихъ комнатъ.

7) Необходимыми принадлежностями къ одинокимъ квартирамъ должны быть: а) Общая комната, въ которой жильцы могли бы сходиться и видѣться по окончаніи рабочаго времени; б) помѣщеніе для содержателя разныхъ съѣстныхъ припасовъ и другихъ потребностей съ необходимыми принадлежностями, какъ-то соразмѣрною кухнею и т. п.

8) Семейныя квартиры могутъ быть устроены по тому же образцу какъ на планѣ А, но съ бо̀льшею еще простотою. Число ихъ должно быть весьма небольшое, такъ какъ здѣсь жильцы большею частію будутъ холостые.

ОБЩЕЕ ПРИМѢЧАНІЕ.

Настоящая программа указываетъ на главнѣйшія, признанныя необходимыми условія предполагаемыхъ помѣщеній. Само собою разумѣется, что отъ усмотрѣнія сочинителя зависитъ еще болѣе усовершенствовать постройки разными подробностями, которыя могли бы быть здѣсь упущены изъ виду, и на которыя укажетъ техническая опытность и ближайшее знаніе обычаевъ и потребностей рабочаго у насъ сословія и вообще недостаточныхъ людей въ С. Петербургѣ. Отступленія отъ програмы, которыя будутъ оправдываться таковыми соображеніями, не только не будутъ поставлены въ вину, но напротивъ примутся учредителями съ благодарностію.

Учредители.

Вдова полковника, *А. К. Карамзина.*
Гофмейстеръ, сенаторъ *Хрущовъ.*
С. Петербургскій предводитель дворянства *Графъ Шуваловъ.*
Членъ Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ *Абаза.*
Флигель-адъютантъ *Графъ Бобринскій.*
Придворный банкиръ *Баронъ Штиглицъ.*
Инженеръ-полковникъ *Палибинъ.*

МОДЫ.

Въ нынѣшній разъ будемъ говорить подробно о парижскихъ модахъ и начнемъ съ матерій для платьевъ. Вотъ новѣйшіе рисунки шелковыхъ матерій: на голубомъ и розовомъ фонѣ широкія бѣлыя полосы, на которыхъ затканы гирлянды цвѣтовъ очень крупныхъ, или широкія полосы изъ бѣлаго и лиловаго цвѣтовъ. Платья шелковыя съ воланами дѣлаютъ изъ гладкаго пу-де-суа, о двухъ большихъ воланахъ, безъ всякой уборки, или съ воланами, затканными полосами, зубцами и цвѣтами; также очень много платьевъ съ воланами, на которыхъ бѣлый рисунокъ, уподобляющійся кружеву, какъ будто воланы на платьѣ покрыты кружевами. Еще шелковыя платья дѣлаютъ съ разноцвѣтными полосами и узорами на боковыхъ полотнищахъ, такъ что уборки не нужно: на сѣромъ цвѣтѣ полосы бѣлыя съ чернымъ, на свѣтломъ бѣлыя, или гирлянды цвѣтовъ. Гренадиновыя платья великолѣпны; къ нимъ необходимою принадлежностью считаются воланы, затканные разнообразными рисунками; цвѣты обыкновенно такъ хороши и нѣжны, что невольно дивиться искусству, такъ ловко подражающему природѣ. Лиловыхъ платьевъ — гренадинъ тѣней до десяти, точно также и другихъ цвѣтовъ; бѣлыя гренадиновыя платья съ воланами, на которыхъ затканы васильки, макъ, розы. Легкость и нарядность гренадиновыхъ платьевъ даетъ имъ первенство въ дамскомъ лѣтнемъ туалетѣ. Болѣе простенькія платья изъ шерстянаго барежа-шине или гладкаго; воланы необходимы на такихъ платьяхъ, но безъ всякой уборки. Самое модное изъ простыхъ платьевъ — пике, съ сѣрыми рисунками, букетами или гирляндами; фонъ этихъ платьевъ бѣлый, свѣтло-лиловый, палевый, розовый и голубой, есть также гладкія платья пике, вышитыя гладью бумагой съ боковъ, а спереди рядъ бѣлыхъ пуговицъ дѣлаютъ видъ капота. Бѣлыя простыя платья изъ

полубатиста обшиваютъ черными бархатнымъ руло; дѣлаютъ двѣ юбки съ большой неотрѣзной баскъ и съ бретелями, и все это обшито бархатнымъ руло, какъ внизу у обѣихъ юбокъ, такъ и лифъ, бретели и рукава. Къ гладкимъ платьямъ шерстянаго барежа, или гренадина, надѣваютъ кушаки изъ самыхъ широкихъ пестрыхъ лентъ, такъ что они имѣютъ видъ шарфовъ.

Теперь перейдемъ къ фасонамъ платьевъ. Въ прошломъ нумерѣ мы сказали уже, что шнипы вышли изъ моды и ихъ опять замѣнили кушаки, очень узенькіе, съ пряжкой; для бальныхъ платьевъ пряжка брильянтовая. Роскошь теперь дошла до страшныхъ предѣловъ и уже болѣе ничего не остается, какъ зашивать все платье драгоцѣнными каменьями. На бальныхъ башмакахъ, между кружевъ и лентъ, должна быть брильянтовая пряжка или звѣздочка; многія даже вышиваютъ золотомъ или серебромъ свои башмаки, а каблучекъ à la Louis XV дѣлаютъ изъ парчи. Вообще обувь въ Парижѣ теперь необычайно роскошна; для улицы башмаки дѣлаютъ изъ шелковой матеріи съ глянцовыми носками и высокимъ шелковымъ каблучкомъ, расшитымъ шелкомъ, бантиками, бусами и аграмантомъ. Все это придаетъ обуви страшныя цѣны. Новѣйшій фасонъ ботинокъ для простаго лѣтняго туалета à la Ristori: ботинка, открытая спереди, вся обшита или рюшью изъ ленточекъ, или аграмантомъ; съ одной стороны рядъ пуговицъ шелковыхъ, а съ другой эластичныя петли, которыми и застегиваютъ башмаки. Этотъ фасонъ очень удобенъ для лѣта, но надо имѣть очень тонкую ногу, чтобъ было красиво. Башмаки съ каблуками à la Louis XV лѣтомъ замѣняютъ ботинки. На бѣлыхъ бальныхъ башмакахъ дѣлаютъ каблуки розовые атласные или голубые, смотря по желанію.

Однако мы уклонились отъ фасоновъ платьевъ. Ширина юбокъ баснословная, менѣе восьми аршинъ нельзя ихъ дѣлать; длина тоже очень неудобная, на четверть аршина платье должно лежать на землѣ. Рукава у нарядныхъ платьевъ очень пышные; если это легкая матерія, то нѣсколько пуфъ, которыя оканчиваются воланомъ; рукава у шелковыхъ платьевъ широкіе, открытые почти до плеча, такъ что тюлевый рукавъ весь видѣнъ, и потому тюлевые рукава не только убираются кружевами и лентами внизу, но и во всю длину. Открытые рукава у шелковыхъ платьевъ обшиваютъ аграмантомъ или бахрамой; они должны быть на шелковой бѣлой подкладкѣ, и узенькая шелковая рюшь окаймляетъ весь рукавъ, такъ что теперь рукава у дамскихъ платьевъ и снаружи, и внутри не дѣлаются безъ уборки. Для платьевъ, очень простенькихъ, рукава о широкихъ двухъ воланахъ, или на обшивкѣ, но рукавъ долженъ быть очень широкій и начинаться съ плеча сборками.

Баски на платьяхъ дѣлаютъ неотрѣзныя и очень длинныя, но только если платье простенькое. Бертъ въ послѣднее время не такъ много, потому что тюлевыя изъ кружевъ берты, съ длинными концами, которые завязываются назади и лежать на юбкѣ, вошли въ моду; ихъ дѣлаютъ закрытыя и открытыя, черныя кружевныя и бѣлыя, изъ

блондъ или просто бѣлыя кисейныя, съ вышитыми воланами: узенькій черный бархатъ иногда употребляется между рядами кружевъ.

Уборки для лифовъ и рукавовъ безконечны: бахромы со стеклярусомъ, со сталью, кружева, ленты, аграманты, пуговки, шелковые желуди по узенькой лентѣ,—чего только не придумано! а все еще модистки жалуются, что очень бѣденъ выборъ для уборки платьевъ. Жалобы понятныя, потому что эти уборки доставляютъ имъ огромный доходъ, такъ что иногда вдвое и втрое стоитъ отдѣлка, чѣмъ платье очень значительной цѣны.

Теперь нельзя разсчитывать на одну работу и цѣнность матеріи, не надо забывать, что уборка къ платью также дорога, какъ самое платье....

Мантильи носятъ почти изъ однихъ кружевъ, шелковый станъ ихъ едва прикрываетъ плечи, но за то юбка вся покрыта кружевомъ. Платки крепъ-шине болѣе не носятъ съ бахромой, ее обрѣзываютъ и обшиваютъ черными кружевами, и въ нѣсколько рядовъ узенькимъ бархатомъ, а также много дѣлаютъ изъ терно, голубаго, чернаго, съ гипюръ кружевами и чернымъ бархатцемъ. Казакъ длинный изъ чернаго пу-де-суа, обшитый широкой двойной рюшью изъ такой же матеріи, есть самый модный казакъ; рукава у такого казака должны быть длинны, почти равняться до низу полы, а эти полы долько на двѣ четверти выше платья. Коротенькихъ казакъ болѣе не носятъ. Также дѣлаютъ длинные косые бурнусы, очень широкіе, съ капишономъ; они обшиваются широкой рюшью изъ той же матеріи, т. е. пу-де-суа.

Полосатые платки и шали алжирскія въ такомъ употребленіи для экипажей., какъ у насъ пледъ или бурнусъ. Эти платки очень удобно чистятся и красивы; они бываютъ только двухъ цвѣтовъ, узенькая полоса слилась съ голубымъ, или съ лиловымъ, или розовымъ цвѣтомъ. Вообще мантилій изъ гроденапля въ Парижѣ мало видно; ихъ замѣнили или кружева, или платокъ крепъ-шине, или разные легкіе роскошные газовые, затканные цвѣтами платки всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, и очень много есть черныхъ, затканныхъ золотомъ.

Шляпки принимаютъ форму болѣе естественную, т. е. поля ихъ увеличиваются. Мы затрудняемся перечислить всѣ способы парижскихъ модистокъ разнообразить уборку на шляпкахъ. Самая модная уборка—вѣнки изъ цвѣтовъ, которые кладутся посрединѣ полей, и, обхватывая тулью, соединяются на кофточкѣ, которая не должна быть ни очень широка, ни очень длинна. Цвѣты, называемые у насъ Иванъ-да-Марья, въ огромномъ размѣрѣ, очень употребительны для такой уборки, но есть всякіе: незабудки, вишни, васильки, ромашка и маргаритки. Соломенныя шляпки дѣлаютъ очень легкія, изъ паль-де-ри, или изъ ажуръ соломенныхъ лентъ. Креповыя шляпки лѣтомъ въ большомъ употребленіи; ихъ покрываютъ тюлемъ съ бѣлыми мушками или съ черными. Поля окоймляютъ рюшью изъ лиловыхъ и бѣлыхъ віолетокъ и съ каждаго боку еще по букету такихъ цвѣтовъ, надъ шляпой тоже

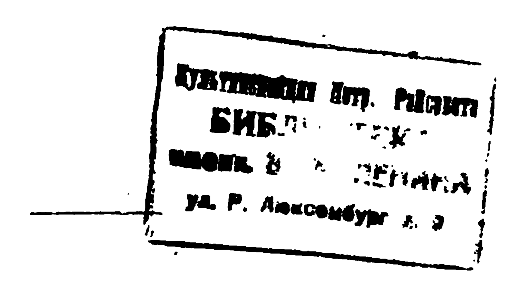
букетикъ віолетокъ, такъ что шляпа вся почти изъ цвѣтовъ. На со
ломенныхъ шляпахъ поля и кофту обшиваютъ аграмантомъ изъ соло
ки, на которой висятъ маленькіе соломенные желуди, такъ что при
малѣйшемъ движеніи они трепещутъ и напоминаютъ нашу оси
Простенькія шляпки убираютъ шотландскими лентами, дѣлаютъ из
нихъ косынку на тулью, обшиваютъ черными кружевами; также дѣла
ютъ соломенныя шляпки съ шелковыми тульями изъ лентъ двухъ цвѣ
товъ. Есть еще особенность у нынѣшнихъ шляпокъ: поля у нихъ обши
рюшемъ или бархатнымъ, или шелковымъ, и только на итальянских
соломенныхъ шляпкахъ ничѣмъ ихъ не обшиваютъ, но надъ поля
за то кладутъ біе изъ цвѣтной ленты. Вообще соломенныя шляпк
надъ полями почти всегда скрыты біе того бархата, какимъ она от
дѣлана. Бѣлая шляпка паль-де-ри очень красива съ пунцовымъ барх
томъ, вѣнокъ изъ ягодъ рябины, а также изъ гроздовъ зеленаго вин
града съ каждаго боку, и отдѣланная зеленымъ свѣтлымъ бархатом
Для дачи и деревни шляпокъ также множество: изъ соломы флорен
тинской, т. е. съ широкими полями и съ маленькой низенькой тульею
шляпы мускетеръ съ большими полями и съ перомъ или съ бархатн
лентой. Кисейныя шляпки съ длинной кофтой, съ полями безъ тул
на кулисахъ, и обшитыя рюшью съ высѣчкой изъ кисеи же; цвѣтны
батистовыя шляпки, съ большими полями, наклоненными спереди и
сзади, тулья маленькая, опрокинутая назадъ; онѣ на кулисахъ и так-
же обшиты рюшью изъ той же матеріи, изъ какой дѣлаютъ самы
шляпки. Для деревни можно имѣть капотъ, съ казакъ изъ голубой,
положимъ, кисеи, или полубатиста; при этомъ шляпка и зонтикъ одно-
го цвѣта и изъ одной матеріи.

Но довольно, всего не перескажешь за одинъ разъ, въ будущемъ
нумерѣ мы поговоримъ: о манишкахъ, рукавахъ, о бѣльѣ, и о дѣт-
скихъ туалетахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

Стр.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. Іюля 31 дня 1857 года.

Ценсоръ *П. Новосильскій.*

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петро-Павловской церкви (входъ между церковью и Большой Конюшенной) въ С.-Петербургѣ,

продаются:

RIETZ, J. Op. 30. Concert für die Violine mit Begleitung des Orchesters, (8 r.) mit Pianoforte, (5 r. 15 c.).

RODE, P. Concertos pour le violon avec accompagnement de piano: № 1, (2 r. 30 c.). — № 2. (2 r. 60 c.). — № 3, (2 r. 85 c.).— № 4, 5. 6, (à 2 r.). — № 7, op. 9, (1 r. 75 c.).— № 8, op. 13, (1 r. 75 c.).—№ 9, op. 17, (2 r.).—№ 10, op. 19, (2 r.).

SAINTON, P. Op. 10. Thême italien varié pour violon avec accompagnement d'orchestre (3 r. 45 c.), avec piano (1 r. 45 c.). — Op. 11. Die Fahnenwacht. Mélodie de Lindpaintner. Fantaisie pour le violon avec accompagnement de piano, (1 r. 75 c.). — Op. 14. Air montagnard. Fantaisie pour le violon avec accompagnement de piano, (1 r. 75 c.). — Op. 16. Solo de concert pour le violon avec accompagnement de piano, (1 r. 75 c.). — Op. 17. Rondo-Mazurka, pour violon avec accompagnement de piano, (2 r.).— Souvenir de la Fille du régiment. Fantaisie pour le violon avec accompagnement de piano, (1 r. 75 c.). — Lucrezia Borgia. Fantaisie pour le violon avec accompagnement de piano, (2 r. 30 c.).

SCHUMANN. R. Op. 131. Phantasie für Violine mit Begleitung des Pianoforte, (2 r. 30 c.).

SINGELEE, J. B. Op. 27. Souvenir de Donizetti. Fantaisie pour le violon avec accomp. de piano, sur des motifs de l'opéra la Favorite, (2 r.).—Op. 28. Fantaisie brillante pour le violon avec acc. de piano sur des motifs de l'opéra I. Lombardi de Verdi. (2 r.).— Op. 30. La fille du régiment. Fantaisie pour le violon avec acc. de piano, (2 r.).—Op. 39. La Sonnambula, opéra de Bellini. Fantaisie pour le violon avec acc. de piano. (1 r. 45 c.) — Op. 40. Les puritains, opéra de Bellini. Fantaisie pour le violon avec acc. de piano, (1 r. 45 c.).

SINGER, E. Op. 6. Tarantella pour le violon avec acc. de piano, (1 r. 75 c.).—Op. 7. Fantaisie hongroise sur des motifs de l'opéra: A. Kunok de Császár, pour le violon avec acc. de piano, (1 r. 45 c.).— Op. 9. Trois caprices pour le violon avec acc. de piano, (1 r. 45 c.).—Op. 10. Romance, Csárdás, Air Valaque. Trois pièces de salon pour violon avec acc. de piano: № 1, 3, (à 75 c.), № 2, (1 r. 15 c.).—Op. 13. La sentimentale. Fantaisie de salon pour le violon avec acc. de piano, (1 r. 15 c.). — Op. 14. La sérénade. Caprice-étude pour le violon avec acc. de piano, (1 r. 15 c.).— Op. 15. Le carnaval hongrois. Variations burlesques pour le violon avec acc. de piano, (1 r. 45 c.). — Op. 16 Air varié pour violon avec acc. de piano, (1 r. 45.).—Op. 21. Notturno pour violon avec acc. de piano, (1 r.). — La capricciosa. Valse-caprice d'aprés Fr. Liszt pour violon avec piano, (1 r. 45 c.).

SPOHR, L. Op. 145. Sechs Salonstücke für Violine und Pianoforte. № 1 à 6, (à 1 r. 15 c).

VIEUXTEMPS. H. Op. 31. Quatrième grand concerto (Ré mineur) pour le violon avec acc. de piano, (5 r. 75 c.).—Op. 32. № 1. Souvenir de Beauchamps. Morceau de salon pour violon avec piano. (1 r. 15 c.).—Op. 32 № 2. Rondino. Morceau de salon pour violon avec piano, (1 r. 15 c.).—Op. 32 № 3. La chasse. Morceau de salon pour violon avec piano, (1 r. 15 c.).—Op. 33. Lucia di Lammermoor, Souvenir de Donizetti. Fantaisie pour violon et piano, (1 r. 75 c.). — Le trille du diable. Sonate pour le violon, composée en 1730 par Tartini, arrangée pour être exécutée dans les concerts avec acc. de piano ou d'un second violon, alto et violoncelle, (à 1 r. 75 c.)

VIOTTI, J. B. Concertos pour le violon avec acc. de piano par F. Hermann: № 20, 21, 22, 23, (à 2 r. 30 c.).—№ 24, (2 r.).—№ 25, (2 r. 30 c.). — № 26, (2 r.). — № 27, (2 r. 85 c.). — № 28, 29, (à 2 r. 30 c.).

WALLACE, W. V. Op. 74. Last rose of Summer. Fantaisie-variations de bravoure pour violon avec piano, (2 r. 30 c.).

WIENIAWSKY, H. Op. 5, Adagio élégique pour le violon avec acc. de piano, (1 r.) —Op. 6. Souvenir de Moscou. Deux romances russes de Warlamoff, transcrites et variées pour le violon avec acc. de piano, (1 r.).—Op. 7. Capriccio-valse. Morceau de salon pour le violon avec acc. de piano, (1 r.). — Op 9. Romance sans paroles et rondo élégant pour violon avec acc. de piano, (1 r. 45 c.).— Op. 11. Le carnaval russe. Improvisations et variations humoristiques sur l'air national russe populaire. «По улицѣ мостовой» pour le violon avec acc. de piano, (1 r. 45 c.).—Op. 12. Deux masourkas de salon. № 1, Sielanka la champêtre. № 2, Chanson polonaise, pour violon avec acc. de piano, (1 r. 15 c.).—Op. 14. Premier grand concerto pour le violon avec acc. de piano, (3 r. 15 c.).

Печатать позволяется. Августа 2-го дня 1857 года.

Цензоръ *П. Новосильскій.*

Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА и Ко,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова дворца, въ домѣ Завѣтнова,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ВНОВЬ ВЫШЕДШІЯ КНИГИ:

Цѣны означены на серебро.

ЛЕССИНГЪ, его время, его жизнь и дѣятельность. *Н. Чернышевскаго.* Спб. 1857 г. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

МЕРТВЫЯ ДУШИ, окончаніе поэмы Н. В. Гоголя. «Похожденія Чичикова». *Ващенко Захарченки.* Кіевъ, 1857 г. Ц. 4 руб., съ перес. 4 руб. 50 коп

СОЧИНЕНІЯ и ПИСЬМА Н. В. ГОГОЛЯ, съ портретомъ Гоголя, изданіе *П. А. Кулиша* въ шести томахъ. Спб. 1857 г. Ц. 12 руб., съ перес. 15 руб.

РАЗМЫШЛЕНІЕ о божественной литургіи Н. В. Гоголя, изданіе *П. А. Кулиша.* Спб. 1857 г Ц. 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 руб. 50 коп.

ЧОРНА РАДА, хроніка 1663 року, написавъ *П. Кулішъ.* Спб. 1857 г. Ц. 3 руб., съ перес. 4 руб.

ИСТОРІЯ РУССКАГО ЛѢСНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА *Н. Шелгунова*, одобренная спеціальнымъ по лѣсной части Комитетомъ, учрежденнымъ при Лѣсномъ департаментѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Спб. 1857 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

ДНЕВНИКЪ каммеръ-юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго съ 1721—1725 годъ, перевелъ съ нѣмецкаго *Н. Аммонъ.* Часть первая 1821 годъ. Москва 1857 г. Ц. 1 руб. 75 коп., съ перес. 2 руб. 25 коп.

О РАСПРОСТРАНЕНІИ ЗНАНІЙ въ Россіи *В. Ламанскаго.* Спб. 1857 г. Ц. 50 коп., съ перес. 80 коп.

О ПОГАШЕНІИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДОЛГОВЪ. Сочиненіе *А. Запасника.* Спб. 1857 г. Ц. 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ВОЗМУЩЕНІЯ СТЕНЬКИ РАЗИНА (изданіе «Русской Бесѣды»). М. 1857 г. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 50 коп.

ПАМЯТНАЯ КНИГА полицейскихъ законовъ для земской полиціи, помѣщиковъ и вообще сельскихъ обывателей, составилъ *В. Лукинъ.* Издана на основаніи Свода Законовъ, всѣхъ его продолженій, Сенатскихъ Вѣдомостей и циркулярныхъ предписаній, извлеченныхъ изъ журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Спб. 1857 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 коп.

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ изъ записокъ отставнаго надворнаго совѣтника Щедрина. Собралъ и издалъ *М. Е. Салтыковъ*, въ двухъ томахъ. Москва, 1857 г. Ц. 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб.

ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ. Повѣсти, разсказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскихъ писателей. Пять томовъ. Спб. 1857 г. Ц. 5 руб., съ перес. 7 руб.

ДОКТОРА ЕБЕРМЕЙЕРА, домашняя и дорожная аптека, пересмотрѣнная и исправленная докторомъ и профессоромъ *Каппе* Москва, 1857 г. Ц. 75 коп съ перес. 1 руб.

РУКОВОДСТВО къ образованію управленія въ вотчинныхъ населеніяхъ. Сочиненіе крестьянина *Гавріила Ермакова*, представленное Господину Министру Государственныхъ Имуществъ и удостоенное лестной благодарности. Книга для гг. помѣщиковъ и управляющихъ населенными имѣніями. Спб. 1857 г. Ц. 30 коп., съ перес. 50 коп.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО къ построенію и улучшенію разныхъ мѣльницъ. Соч. *И. Шишкинъ*. Москва, 1857 г. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

О ПРИЧИНАХЪ четырехъ повально-губительныхъ болѣзняхъ рогатаго скота: чумы, змѣинаго пострѣла, воспаленія легкихъ и ящеро-копытной; о мѣрахъ къ предотвращенію ихъ, и о способахъ леченія Спб. 1857 г. Ц. 30 коп., съ перес. 50 коп.

ТАИНСТВЕННЫЙ МОНАХЪ или нѣкоторыя черты изъ жизни Петра I. Историческій романъ *Р. Зотова*, въ трехъ частяхъ, третье изданіе. Москва, 1857 г. Ц. 3 руб., съ перес. 3 руб 50 коп

ПАПСТВО и священная римская имперія въ XIV и XV столѣтіи (до Базельскаго собора) Соч. *Генриха Вызинскаго*. Москва 1857 г. Ц. 2 руб, съ перес. 2 руб. 50 коп.

МАРИНА МНИШЕХЪ, княжна Сендомирская, жена Дмитрія Самозванца. Историческій романъ, съ портретомъ Марины Мнишехъ. *Ив. Грбвъ*. Въ четырехъ частяхъ. Москва 1857 г. Ц. 2 руб., съ перес 2 руб. 50 коп.

МАРѲА ВАСИЛЬЕВНА, третья супруга Іоанна Грознаго. Историческій романъ XVI вѣка, въ двухъ частяхъ. Соч *В. Ѳ. Потапова*. Москва 1857 г. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ИСТОРІЯ Сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ Кириллицею, въ связи съ исторіею народа. Соч. *А. Майкова* Москва 1857 г. Ц. 3 руб., съ перес. 4 руб. 50 коп.

ТРИ КОРОЛЕВЫ. Іоанна де-Валуа, Анна бретанская и Марія англійская, въ трехъ частяхъ, переводъ съ франц. Москва 1856 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 руб. 25 коп.

КЛИНИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ, съ прибавленіемъ рецептуры и фармакологіи, доктора *Франка*. Москва 1857 г. Ц. 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб.

КАРТОЧНЫЙ ФОКУСНИКЪ, колдунъ и обманщикъ. Москва 1857 г. Ц. 75 коп., съ перес. 1 руб.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, августа 3 дня 1857 года.
Ценсоръ *П. Новосильскій.*

Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-учебнымъ Заведеніямъ.

Romans nouveaux.

ANNE (Theodore). La folle de Savenay. Bruxelles 1856. 3 vols. in-18 1 r. 80 c.
BELGIOJOSO. Emina. Leipzig 1856. 2 vols in-18. 80 c.
BOUCHERON. Un ut de poitrine. Leipzig 1857. 2 vol. in-18. 80 c.
CARREY. L'amazone. Leipzig 1857. 6 vols. in-18 2 r. 40 c.
CHAINE (la) de marguerites; traduit de l'anglais par M-lle de Constant. Paris 1857. 2 vols. in-12. 1 r. 50 c.
DUMAS Le meneur des loups. Leipzig 1857. 3 vol in-18. 1 r. 20 c.
GAUTIER. Paul d'Aspremont. Leipzig 1857. 1 vol. in-18 40 c.
GONDRECOURT. La vieille fille. Leipzig 1857. 3 vol. in-18. 1 r. 20 c.
JOLY. La ferme des pommiers. Bruxelles 1857. 1 vol in-18. 60 c.
LACROIX. Histoire des mystificateurs et des mystifiés. Bruxelles 1856. tome 1 in-18. 60 c.
PONTMARTIN. Les deux etoqtrates. Leipzig 1857. 4 v. in-18. 1 r. 60 c.
SAINT-FELIX. Les Charmilles du Trianon. Bruxelles 1856. 2 vols. in-18. 1 r. 20 c.

Nouveaux romans anglais.

COLLINS (Wilkie). After dark. Leipzig 1856. 1 vol. in-18. 60 c
— Hide and seek. Leipzig 1856. 2 vols. in-18. 1 r. 20 c.
EVELYN-MARSTON, by the author of «Emilia Wyndham». Leipzig 1856. 2 vols. in-18. 1 r. 20 c.
IRVING (Washington). Life of George Washington. Leipzig 1856—57. vols. 1—3. in-18. 1 r. 80 c.
KINGSLEY. Two years ago. Leipzig 1857. 2 vols. in-18. 1 r 20 c.
NOVELS and tales reprinted from «Household words» conducted by Dickens. Leipzig 1856—57. vols. 1—3 in-18. 1 r. 80 c.
READE. It is never too late to mend. A matter of fact romance. Leipzig 1856. 2 vols. in 18. 1 r. 20 c.
PAUL FERROLL; a tale by the author of «IX poems by V». Leipzig 1856. 1 vol. in-18. 60 c.
WETHERELL. The hills of the Shatemuc. Leipzig 1856. 2 vols. in-18. 1 r. 20 c.

—

GLEANINGS among the corn fields; selection af poetry and prose. London 1856. 1 vol. in-12. 3 r.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 23 іюля 1857 года.
Старшій Цензоръ *Рочфортъ*.

Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

3 2044 010 473 866